

В.В. Розанов

Литературные изгнанники
П.А. Флоренский. С.А. Рачинский

В.В. Розанов

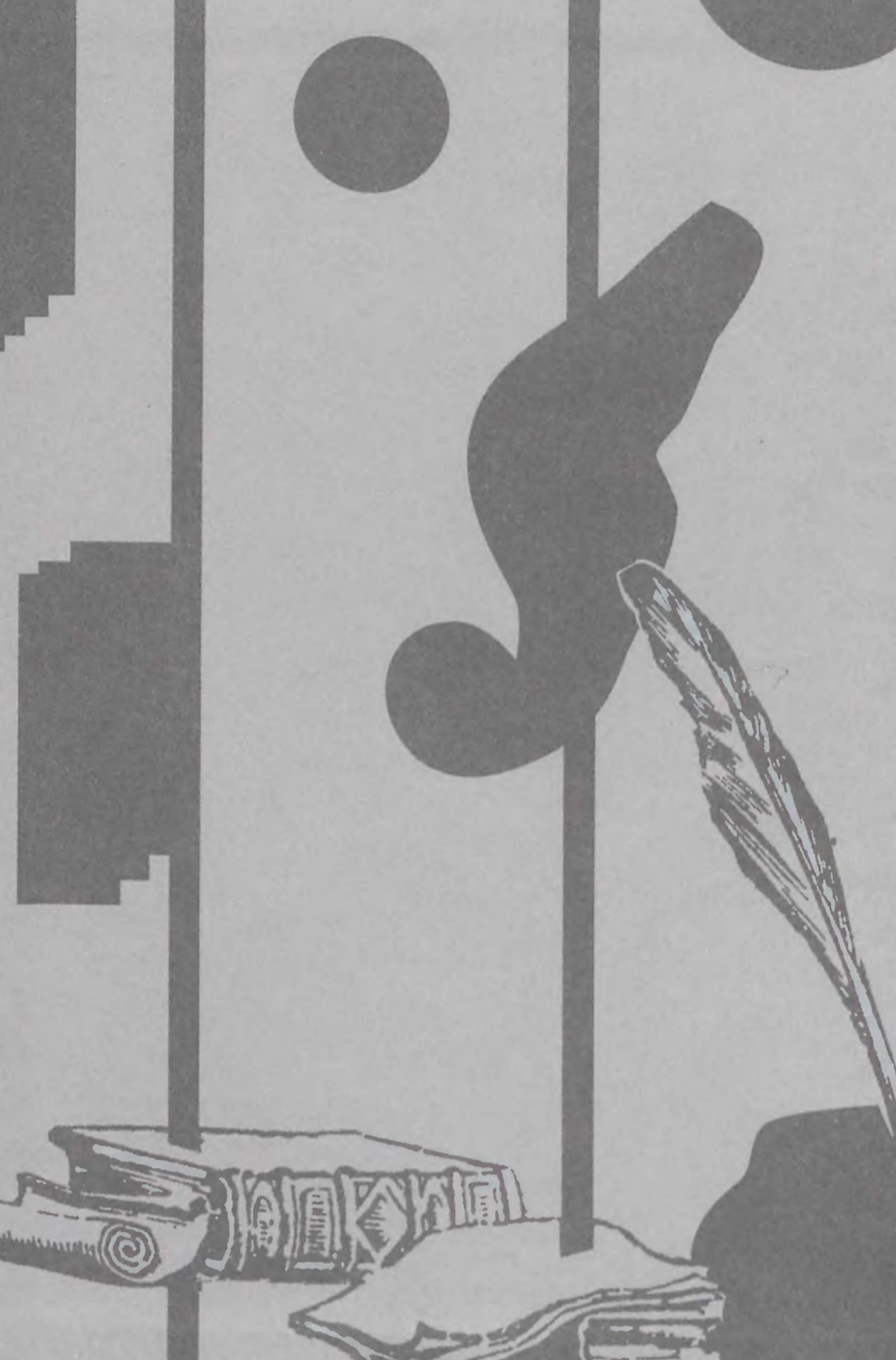
Литературные изгнанники.
П.А. Флоренский. С.А. Рачинский

В.В. Розанов

В.В. Розанов

Литературные изгнанники.
П.А. Флоренский. С.А. Рачинский

В. В. Розанов

Собрание
сочинений

В. В. Розанов

Литературные изгнанники

Книга вторая

П. А. Флоренский

С. А. Рачинский

Ю. Н. Говоруха-Отрок

В. А. Мордвинова

Собрание сочинений
под общей редакцией
А. Н. Николюкина

Москва
Издательство «Республика»
Санкт-Петербург
Издательство «Росток»
2010

УДК 1
ББК 87.3
Р64

Российская академия наук

Институт научной информации
по общественным наукам

Составление *А. Н. Николюкина*

Подготовка текста *А. Н. Николюкина, С. М. Половинкина,
В. Г. Сужача, В. А. Фатеева, П. П. Апрышко*

Комментарии *А. Н. Николюкина, С. М. Половинкина,
В. А. Фатеева*

Указатель имен *Т. И. Шаговой*

Розанов В. В.

Р64   Собрание сочинений. Литературные изгнанники. Книга вторая / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. Сост. А. Н. Николюкина; коммент. А. Н. Николюкина, С. М. Половинкина, В. А. Фатеева. — М.: Республика; СПб.: Росток, 2010. — 957 с.

ISBN 978-5-94668-069-1

Диалог двух мыслителей — В. В. Розанова и П. А. Флоренского, открывающий 29 том Собрания сочинений, знаменует новый горизонт в понимании основных этических, литературных и философских категорий, волновавших Розанова всю жизнь. В том вошла также переписка Розанова с педагогом С. А. Рачинским, письма критика Ю. Н. Говорухи-Отрока и курсистки Веры Мордвиновой с комментариями Розанова.

Издание рассчитано на всех, интересующихся философией, литературой и культурой России.

ББК 87.3

9 785946 680691
ISBN 978-5-94668-069-1

© А. Н. Николюкин. Составление, 2010
© Архив свящ. Павла Флоренского, 2010
© Издательство «Республика», 2010
© Издательство «Росток», 2010

Единственный вид литературы,
который я признавать стал – это ПИСЬМА.
Даже в «дневнике» автор принимает позу.
Письмо же пишется столь спешно
и в такой усталости, что не до поз в нем.
Это единственный искренний вид писаний.

Священник *Павел Флоренский*
(Из частного письма ко мне)

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОЙ КНИГЕ «ЛИТЕРАТУРНЫХ ИЗГНАННИКОВ»

Кое-как доплетается старость, шагами усталыми и неверными. Бодро я начал «Литературных изгнанников», надеясь выпускать том за томом, и полагая вторым после Страхова взять моего любимца Рцы... мой амог и мой odium, terror, ravor* и опять же амог. Но издание Рцы требует слишком большой работы, напряжения, внимания... А голова кружится, слабость, обмороки и проч. И пока я издаю то, что полегче.

К.Н. Леонтьев очаровал меня с первого прикосновения, как я случайно открыл его, в памятный вечер в Городском саду, в Ельце, – где в читальне, на столе, увидел «Русский Вестник» со статьей его «Анализ, стиль и веяние». Я прочитал собственно 2-3 страницы, где меня хлестнула по мозгу и по усталому сердцу его фраза: «Вот он каков, наш русский «народ-богоносец», когда над ним не свистит государственный бич». Тут, – вскочишь. «Как?! Я сам из народа, и Л-в хочет меня выпороть???... Положить и выпороть!!! Черт возьми – это мне нравится. Теперь все льстят, ломаются и фигурничают. Притворяются христианами и сердобольными, а на душе – змея, снег. Леонтьев – же, кажется, и кричал: «запорю, если не...». Сейчас же я почувствовал, что это горячее сердце, с которым можно «на-кулачки». Я был молод тогда, и «на-кулачки» всегда молодому нравится. – «Да из-за чего ты, черт, хочешь меня пороть? Тем паче со всем народом? Чем мы провинились?»

– Чем?

В дальнейшем Л-в раскрывал язык души своей. Помните, у Толстого:

...прославляему ныне от всех,
Но тонушу в сквернах обильных!
Ответствуй, безумный, каких ради грех
Побил еси добрых и сильных.

.....

.....

Безумный, иль мнишь бессмертнее нас,
В небытную ересь прельщенный.
Вникай же: придет возмездия час
Писанием нам предреченный,
И аз, иже кровь в непрестанных боях
За тя, аки воду лиях и пиях,
С тобой пред Судьею престану.

Я полюбил Л-ва, слепо, не рассуждая, как девушка старого усталого рыцаря, – прямо (я думаю) как Мария Мазепу. Что он-то свиреп, это я видел. Но я, м.б., уже очень любящим взглядом подсмотрел в нем любовь, – вот именно как у Курбского к покидаемой России. Что-то шептало мне, что он любит

Любовь... ненависть, ужас, страх (лат.).

и молодую Россию, любит нас – молодежь: а «попороть» хочет потому, что мы чем-то его, старого и умного огорчили. «Блудные сыны»... А ведь «блудный сын» иногда очень любит папашу, хотя и брыкается, ругает его через забор и всеконечно «не послушается». У меня стало (сделалось) какое-то хождение около старика Леонтьева, с желанием ему угодить, «почесать пятки», приголубить, понежить. «Усни, старичок, отдохни старичок, – я за тебя поделаю твое дело». Я стал в значительной степени под влиянием Леонтьева, жесток в литературе, в писаниях; в требованиях, мнениях; жесток, взыскателен и неумолим... «Немилосердный Розанов» 90-х годов минувшего века [потому был таков, что «берет тему своего любимого старика] в значительной степени образовался из «любящей сестры милосердия» около безутешно большого сердца, около безутешной израненной души Конст. Ник. Л-ва. «Ты – поспи. А я за тебя – батогом их».

Успокаиваться и отходить от Л-ва я начал только около 1897-го года, 1898-го года, когда... *terribile dictu* начал отходить (дело прошлое и можно рассказывать) от христианства, от церкви, от всего «скорбного, плачущего и стенающего»... в мир улыбок, смеха, зелени и молодости, в юный и утренний мир язычества. Могу сказать о себе: рожден был в ночь, рос в сумерках, стал стариться – стал молодеть. С седыми волосами – совсем ребенок. Пока опять – ночь, скорбь и христианство. «Так мы, русские, ростом – ни на что непохожие».

Ну, устал... Теперь все устаешь. Пусть читатель разбирается сам как умеет в напечатанном...

Вырица, июль 1915 г.

В. Р.

P.S. Примечания, сделанные мною в «Письмах К. Н. Л-ва», я оставляю как они *есть*. Но они относятся к 1903 году, времени напечатания их в «Русском Вестнике» г. Комарова, и в настоящее время дух их и тон их мне чужд. Но ведь я *был* таким, а о всем «бывшем» Пушкин сказал и мы все за ним повторяем:

Все минует, все пройдет, –
Что пройдет, то станет мило...

Будем как к «милому» относится к прошлому. Будем и на «настоящее» смотреть как на вечное, но что тоже станет когда-нибудь «милым прошлым»:

– Где убеждения твои? – спросил человека человек.

И оглянувшись вокруг человек ответил:

– В саду. В лесу. В солнышке. В облаках. В воздухе. В ветрах.

– Я – свечка. И горю. Сгораю. И дуют на меня ветры, и склоняюсь. А без ветра стою прямо. И погасит меня Бог в свой час. Но пока горю – верьте, что этот свет – истинный, т. е. что я верю в него и люблю его. Но только он не вечный. Вечный свет один – у Бога.

Петроград. 9 ноября 1915 г.

ПЕРЕПИСКА В. В. РОЗАНОВА и П. А. ФЛОРЕНСКОГО

ПИСЬМА П. А. ФЛОРЕНСКОГО
к В. В. РОЗАНОВУ

I

9 сентября 1903 г. Москва.

Глубокопочитаемый В. В.!

Мне хочется написать Вам, чтобы хоть сколько-нибудь обнаружить во вне те чувствования, которые переживаю при чтении Ваших заметок; *Вам* именно, потому что в этих неуловимых состояниях и сам разобраться не можешь, не то что кто-нибудь другой, кроме Вас.

Мой голос раздается из чуждых для Вас сфер, чуждых по существу, из сфер математики и других областей, в которых приходится иметь дело с организуемым и оформляющим, с *образом* по преимуществу; из тех сфер, где способ мышления – рассмотрение форм, проникающих, упорядочивающих и делающих стройным космос, одним словом, где Логос-устроитель является преимущественным чаянием.

Вот, вероятно, в силу такой противоположности с методами и материалами в ваших работах, я не могу читать их без холода и дрожи нетерпения, когда весь целиком охватываешься желанием узнать всю мысль в ее целостности, охватить разом все произведение.

По некоторым причинам я мог ознакомиться с немногими из Ваших произведений; но достаточно было прочесть хотя бы одну заметку, чтобы, не входя в оценку Ваших дарований, сказать: «Вот человек единственный и, вероятно, непонимаемый; вот настоящий гений, гений от рождения, но совсем неполированный и, по-видимому, над собой не работающий, человек, который творит новое, подготавливает скачок во всем мирозерцании и сам того не подозревает, творит так же стихийно, как течет река».

В самом деле, что представляют Ваши сочинения, если подходить к ним со школьными мерками и требованиями: да обыкновенные заметки на раз-

ные темы религиозного характера, довольно бессвязные, часто неуклюжие; логичности в них часто нет.

Но я отдаюсь Вашим методам, стараюсь забыть о всех других. Тут получается нечто неожиданное. Если это обыкновенное газетное писание, то почему зарницами вспыхивают Ваши мысли, почему заинтересовывает, захватывает то, что никогда ранее не интересовало, почему замирает сердце и слабость восторга вместе с неизъяснимой сладостью проникновения в сущность охватывает все существо? Почему все другое кажется после этого пустым, поверхностным, представляется пережевыванием избитого? Потому, что Вы, неизъяснимым, вероятно, и для Вас способом, постигаете реальную данность в себе *Мощи*, *Uhrgrund-a* (=Ungrund-y)* Бёме, Бога-Отца. Вы в этом смысле как бы концентрированный Тютчев,

и бездна Вам обнажена
С своими страхами и мглами,
нет преград меж ней и Вами ...

Я не знаю Вас как личность, не знаю даже имени Вашего, но могу все-таки не колеблясь высказать мысль, что Вы – пророк в существенном смысле, т. к. Вы постигаете То, что оформливается Логосом, первобытную Мошь.

Есть некий час всемирного молчания,
И в оный час явлений и чудес
Живая колесница мирозданья
Открыто катится в святилище небес.
Тогда густеет ночь, как хаос на водах,
Беспамятство, как Атлас, давит сушу,
Лишь Музы девственную душу
В пророческих тревожат боги снах.

Вот это Ваше проникновение в «густеющую ночь» [сравни со звуками виолончели, которые тоже хорошо символизируют эту темную первооснову] и дает мне основание для удивления перед Вами, хотя я сознаю, что не могу достаточно понимать Ваши произведения.

Мне кажется, что Вы не философ, ибо философия есть система и форма прежде всего. Однако для меня нет сомнений, что новые данные, открытые Вами в тайниках бытия и духа, найдет своего формовщика; не знаю через 50, через 100 лет, но это случится рано или поздно, подобно тому, как Бёме истолкован Шеллингом, Баадером и отчасти Гегелем в системе. Пока этого не будет, Вы, в своем существе, не будете вполне понятны почти никому; рассуждать с Вами нельзя, т. к. Вас можно и должно слушать только; те же, которые рассуждают, ухватывают внешний облик и говорят не о Вашем, как таковом, а о случайной форме писаний; собственного образа у писаний Ваших, нет, они безобразны, как и то, что они выражают. Но под разрозненными заметками скрывается громадный материал, запас новых, непосредствен-

---

*Праоснова (=Безосновному) (нем.).

ных данных для выработки мировоззрения, данных, имеющих несколько не меньшее значение, чем вновь открываемые факты в области естествознания.

Простите за бесцеремонность и бессвязное письмо.

Искренно удивляющийся Вам *П. Флоренский*.

Москва 1903. IX. 9.

P.S. Очень хотелось бы иметь от Вас несколько слов, конечно, если это не покажется Вам слишком навязчивым.

Адрес: Москва, Знаменка, Малый Знаменский пер., дом Фетисова, кв. № 4 П. А. Флоренскому.

II

26 сентября 1903 г. Москва.

Присылаю Вам, дорогой и почитаемый В. В., несколько выписок из «Путешествия на луну» *Сирано де Бержерака*, жившего, как будто, в XVII в. Может быть он пригодится Вам для «своего угла», только очень попрошу обо мне не упоминать.

П. Флоренский.

III

21 декабря 1908 г. Сергиевский Посад.

Сергиевский Посад. XII. 21.

Дорогой и многоуважаемый Василий Васильевич! Вот уже ровно месяц прошел, как я собираюсь закончить письмо к Вам, начатое по получении Вашего. Простите за промедление, причиной которого множество спешных работ. Весьма тронут Вашей любезностью взяться за мою книжечку. А если она Вас задела, то я доволен вдвойне. Не стану скрывать от Вас, что у Вас я учился и учусь весьма многому. Но не скрою и того, что несмотря на все мое глубокое уважение к Вам, несмотря на мою личную любовь к Вам, Вы – враг мне, и я – Вам. Посчитаться с Вами – необходимо. И если Вы шлете мне вызов, то я принимаю его. Но я не буду писать Вам статьи, а лишь набросаю некоторые мысли. Так мы прямее и честнее подойдем к делу.

Прежде всего, я решительно не понимаю, в чем Вы опровергаете меня. Вы идете *мимо* меня, на мгновение лишь соприкоснувшись со мною; у Вас получается просто *иная* (а не противоречивая со мною) посылка, которой я воспользуюсь для силлогизма:

Major*. Истина есть христианство (П. Флоренский).

Minor**. Христианство есть содомизм (В. Розанов).

Ergo, conclusio***: Истина есть содомизм.

---

* Большая посылка (*лат.*).

** Малая посылка (*лат.*).

*** Вывод, заключение (*лат.*).

Ну, и что же? Отсюда ведь можно только сделать одно практическое заключение.

«Любящий Истину да будет содомистом,
боящийся же содомитства да бежит от Истины».

Скажите же, Василий Васильевич, в чем Вы опровергли меня? Даже если я признаю целиком все Ваши рассуждения, то Вы ничего не говорите против меня, а лишь высказываете самостоятельную мысль. Однако выкладок Ваших я не признаю.

Но я прекрасно понимаю затаенный смысл Ваших слов. Вы хотите *запугать* словом «содомизм». Напрасно, Василий Васильевич! Если человек с мясом вырывает из себя рассудок, то, право, после этого Ваши «буки» только забавны. Вы знаете чего *мне* (воспитанному на математическом мышлении и всосавшему с молоком матери научную строгость), чего *мне* стоило сказать: *Credo quia absurdum**. И, после этого, я совершенно спокойно отвечаю Вам: «Содомизм – так содомизм. Не запугаете».

Вы хотите отдать себя Христу по-жидовски, на условиях («Если Вы мне это разъясните, *как Кантор*, $\sqrt{2}$, то я признаю Христа Сыном Божиим. А без этого, и т. д.»). А я этого не признаю и не хочу признавать, так и знайте. Если Вы *просто* отрицаете Христа, то, м. б., Сам Он придет к Вам на помощь. Но если Вы не знаете ни беззаветного отречения, ни беззаветной любви, то Вы «прогорькли» и не увидите спасения. Если Христос Сын Божий, то Вы не смеете торговаться с Ним, должны признать при *всяких* условиях, должны *без* доказательств перескочить чрез «урнингов», столь Вас смущающих, отказаться от своего недоброжелательства к «бессеменности». Если же Христос – не Сын Божий, то Вам не должно сдаваться *ни при каких* условиях, хотя бы была уничтожена в Вашем сознании боязнь бессеменности и проч. Что делаете – делаете скорее, но *без* самохранения, без расчетов. *Этого* я безусловно не принимаю. Если Христос – Христос, то нет жертвы, которой не должно было бы принести Ему. Если Христос – не Христос, то нет жертвы, которую следовало бы принести Ему. И если бы я Вам *все* разъяснил, что Вы спрашиваете с меня, то и тогда Вы не имеете права сдаваться пред антихристом.

Однако, меня удивляет то, что *Вы* так настаиваете на этом пункте. Василий Васильевич! Мы пишем о важном для нас обоих, потому не сердитесь на речь вполне откровенную: я не верю или почти не верю Вашей искренности, когда Вы ужасаетесь содомизму. Не Вы ли жалуетесь чуть не каждодневно на стесненность половой жизни? Не Вы ли высказываетесь, что чем больше – тем лучше; что должно соединяться где угодно; когда угодно, с кем угодно? Не Вы ли чуть ни прямо призывали к кровосмешению и даже к скотоложеству? Поверьте, что я говорю вовсе не для осуждения. Я только спрашиваю, какое основание и какое право имеете Вы хулить содомизм (действительный или мнимый – увидим далее). Вы говорите тоном тяжкого осуждения: «христианство – содомично». А должны были бы радоваться: «Вот, мол, новый

---

*Верую, ибо абсурдно (*лат.*).

тип (помимо, напр., скотоложства) полового общения, новая разновидность мистики плоти». Право же, я не верю искренности *Вашего* возмущения, подозреваю за ним совсем иную действующую причину, – нерасположение ко Христу, – лично к Нему, а затем и ко всему, что с Ним связано. Не потому Вы отталкиваетесь от христианства, что считаете его содомичным, а потому осуждаете содомизм, что подозреваете его в христианстве, христианство же не любите. Христианство же не любите, ибо оно требует самоотвержения, а Вы хуже огня боитесь всякой трагедии, всякого движения. Вы живете *только* настоящим. Вы хотите мыслить мир статически, перенося на него атрибут Вечности. Вы хотите боготворить мир. Христианство не дает Вам сделать этого, – вот Вы раздражены на христианство и затем – на содомизм. Я глубоко убежден, что будь Вы убеждены в том Богохульстве, которое Вы написали мне о Господе, Вы несколько не отталкивались бы от Христа, и от ап. Павла, и от Афанасия В. Но Вы сами себе не верите.

Содомично ли Христианство? Вы утверждаете это со всею решительностью. Я, с такую же решительностью, выставляю антитезис.

Вы вполне правы, если скажете, что содомический дух *имеется* у некоторых христиан. Но Вы неправы, видя мистическую пружину этого духа в христианстве. Сейчас, в письме, не буду доказывать своего антитезиса (–желаете – представлю Вам целое исследование –), а скажу только общую аргументацию.

Содомизм есть явление столь же присущее человечеству, как и половое влечение. Содомизм коренится в человеческой природе гораздо глубже, нежели это (часто) полагают, хотя выражен он бывает нередко едва заметным для неопытного наблюдения полу-тонами.

Я не стану решать вопроса, что это: поврежденность ли природы человеческой, или нормальное явление, но я безусловно убежден в универсальности содомии. Во все времена и у всех народов она была весьма распространена и, – самое характерное, – всегда и везде считалась особого рода утонченностью, «духовностью», чем-то высшим, благородным или, во всяком случае, вполне дозволенным и, часто, – рекомендуемым.

Я не понимаю, многоуважаемый Василий Васильевич, как Вы, при Вашем обостренном зрении в этой области, не видите вещей столь бросающихся в глаза. Неужели Вы не чувствуете (Вы!), что весь эллинизм есть содомический цветок, не говоря уже о восточных культурах! Античная философия была философией *не* индивида, и *не* семьи, и *не* народа, а философией эстетического *кружка*, «школы», причем строение этой философской ячейки было содомическое, а педерастия являлась одним из главных воспитательных средств. Чтобы не видеть этого, надо ослепнуть. Недаром *Лукиан* Самосатский, этот последний отпрыск античной культуры, как нельзя более метко определил сущность античного философствования, как содомию, и содомию, как почву для философствования: «Львы не совокупаются со львами (т. е. у них нет содомии), потому что они не философствуют».

Простите, Василий Васильевич, что *мне* Вам приходится твердить мысли столь избитые.

Посмотрите теперь, кто высказался против этого общечеловеческого явления, кто стал мыслить *противоестественно*. Во-первых, *Египет* (обратите внимание, что египетский язык по новейшим исследованиям считается *семитским*, а египетская культура весьма сближается с еврейской; в Египте же – и обрезание); во-вторых – *Библия* и, в-третьих, *христианство*. Или, б. м., сперва Библия, потом Египет, потом христианство, – не знаю точно. Упомянутые три культуры теснейше связаны между собою. И они, совокупно, осудили содомию, тогда как весь остальной мир практиковал и практикует содомию повсюдно и, главное, с сознанием нормальности, допустимости ее. Христианство высказалось против содомии, *моцно* задержало ее, парализовало, изгнало. Но т. к. христианство в этом своем стремлении является силою, идущею против общечеловеческой потребности («противоестественно»), то оно не могло окончательно и бесповоротно истребить ее. Однако, практически, можно сказать, что в христианских странах содомии *нет*. Поскольку есть христианство, постольку нет содомии (православное общество: крестьянство, духовенство, купечество). Напротив, когда выступают наружу антихристианские воззрения, тогда расцветает и содомия (Возрождение, наша эпоха). Содомия есть явно *вне-христианское* начало, *врывающееся* в ограду церковную.

Из содомии Вы выводите детоубийство и считаете последнее собственно христианским явлением. Но ведь это – абсурд, Василий Васильевич! Поверьте, *я не понимаю*, как можно говорить подобные нелепости. Неужели Вы в самом деле так увлекаетесь собственными схемами, что совершенно перестаете видеть исторические данные?

Я вовсе не отрицаю детоубийства в среде христиан. Готов даже признать его более напряженным, нежели оно считается возможным. Не отрицаю детоубийства ни метафорического (*нерождения* детей, – хотя тогда «детоубийцею» оказывается всякий, кто только не совокупляется всякий раз, когда на это есть чисто физическая возможность), ни буквального.

Но я признаю детоубийство в христианстве, как раз с тем же внутренним отрицанием его, как и содомию. Детоубийство есть явление универсальное, узаконенное религиею, моралью и философией, не говоря уже о *праве* всей древности, и у человека, сколько-нибудь знакомого с древнею жизнью, да и вообще с внехристианской жизнью – волос становится дыбом на голове при воспоминании об ужасах детоубийства, которое, как эпидемия, царило над миром. Ведь основным началом древней семьи не было одно рождение, равно как таковым не было и чувство естественной привязанности. Родиться еще не значило жить. Родившийся – полуживотное. У него нет ни богов, ни культа, ни родителей; у него нет даже духовной сущности, души. Чтобы даровать ему душу, его надо приобщить мистической сущности рода, ему надо наложить *родовое имя*. Через ритуальное *nominis impositio** ребенок входит в трансцендентный мир. Теперь только он – человек, т. е. тело + психика + имя. Ребенок входит в род и семью чрез сакраментальный акт, в составе которого

---

* Придание имени (*лат.*).

всегда имеется очистительная церемония, имеющая ввиду снять скверну рождения («крещение»), и посвятельная церемония, дающая мистическую сущность («миропомазание»). До этой церемонии с ребенком можно делать все, что угодно, ибо он – еще не человек. Я не говорю уж о древних народах не классических. Напомню о *римлянах*, которые более, нежели кто-нибудь регламентировали права каждого. И тут ребенок до вступления в семейный культ, есть с религиозной точки зрения абсолютное *ничто*. Безграничная *paterna potestas** нависает над ним с момента первого его движения в матернем чреве. *Abacato partus* (выкидыш) был мерою не только закононою, но и рекомендуемою моралистами и философами, этими духовниками римского мира. Указывались даже способы к наилегчайшему произведению выкидыша, согласно желанию отца. Что такое зародыш? Часть матери, не более; – часть «матернего чрева», не имеющего самостоятельного существования – *pondum animal***. Таков взгляд всей древней философии (Эмпедокл, Герофил, Аристотель, Гиппократ, стоики). Родившись, ребенок подлежит *expositio*, *ἔπιτροπὴς* – выбрасыванию, подкидыванию, и существовало в Риме даже определенное место на берегу одного озера, куда было принято («хороший тон», «обычай») выбрасывать детей на съедение собакам. И нельзя даже думать, чтобы это делалось *по* воле отца. Нет, достаточно было отцу *не* высказать прямого желания оставить себе младенца (*uberis tollere*), ритуально подняв его с земли, чтобы ребенка без дальнейших разговоров выбрасывали. Выбрасывание было *нормою*. Я не стану приводить Вам доказательств и подробностей сказанного. Возьмите любое сочинение по эволюции семьи, нравственности (Летурно, Сутерланд, Эванс etc, etc), по римскому праву (обратите внимание на «Учение об отцовской власти по римскому праву» Л. Загурского, Т. III и IV, особенно Т. III, стр. 24–25 и 29–36) и, надеюсь, Вы не станете спорить со мною. Христианству пришлось выдержать страшную войну из-за родившихся и рождающихся младенцев, ибо *только христианство* стало видеть в ребенке не «часть матернего чрева», а самоценную личность. Только при Юстиниане, если не ошибаюсь, было уничтожено *paterna potestas* – выкидывать ребенка. Только христианство осудило производство выкидыша. А если так, то детоубийство в среде христиан есть такое же христианское явление, как кража и убийство. Почему Вы не считаете воровство специально христианским явлением? И опять таки обращаю Ваше внимание на духовенство. Потому-то оно и многократно, что у него безусловно нет «детоубийства» ни метафорического, ни буквального.

Итак, Ваше утверждение о содомичности христианства и о вытекающем из этой содомичности детоубийстве – сплошная иллюзия. Но, за всем тем, на мне лежит обязанность не только констатировать иллюзорность Вашего утверждения, но и объяснить возникновение иллюзии. Ведь иллюзия, как иллюзия, все-таки факт и, следовательно, Вы правы, требуя объяснения этого фак-

---

* Власть отца (*лат.*).

** Еще не жившее существо (*лат.*).

та. Но, дорогой Василий Васильевич, из того напора, с которым Вы требуете объяснения, я неизбежно заключаю, что Вы даете мне право говорить откровенно. Я и говорю так.

Что такое христианство в своем отношении к полу? Есть ли оно просто стихия пола (+2), или отрицательная стихия пола (-2), или нечто иррациональное, с точки зрения пола и его отрицания, но имеющее *собственную*, самостоятельную реальность и силу, – нечто стоящее выше +2 и -2, т. е. $\sqrt{2}$? Т. к. Вы доказали, что христианство – не +2, а я доказал, что оно – не -2, то остается третья возможность, что оно 2. Оно подымается выше категории пола, берете ли Вы его с + или с -, открывает *новый* мир, где нет «ни мужеский пол, ни женский», равно как нет и «урнингов», а есть новая жизнь и новая тварь. Да, христианство *бессеменно*, но не в том смысле, что оно + семя заменяет – семенем, а в том, что оно подымается *над* семенем, открывает в человеке такую точку, до которой уже не достигает семенность. Неужели Вы никогда не задыхались от созерцания этой мировой сексуальности? Я не хую ее. Но если нет ни одного места, не облитого семенем, то ведь *задохнуться* можно. Христос, – Господь и Бог, – дает забыть о «Ваших» категориях мировосприятия, позволяет видеть мир не в свете +2 или -2, а *sub specie aeternitatis et sanctitatis**. Во Христе получаем сладость ангельского бытия. Вы не понимаете того, что мы можем отдохнуть «на груди Христа, у ног Христа» от «Ваших» тем. Он не спросит Вас, содомит ли Вы или что иное, а просто скажет: «Забудь, на минуту забудь обо всем плотяном, посмотри на лазурь, где нет ничего этого». Смотрите, Василий Васильевич, как бы Вам не было в аду такого наказания: посадят Вас в комнату, где со всех сторон будут торчать фаллы, где только и будет действительности, что под углом зрения пола. И восплачите Вы ко Христу, которого оскорбляете. Замучаетесь, стошнит Вас. Будете протирать руки, чтобы идти на какие угодно муки, лишь бы не видеть всего под углом зрения пола, и тщетно будет Ваше отчаяние: «Где сокровище Ваше, там и сердце Ваше будет».

Но Христос ($\sqrt{2}$) все же – в мире. Как же его понимают те, кто не хочет подняться над ± 2 ? Они пытаются распластать $\sqrt{2}$ на плоскости ± 2 , а это невозможно. Тогда неизбежно начинается *беснование*. Ангельская чистота – для беса всегда притягательна. Но бес не только не очищается, но разжигается еще хуже. Если *бес* «половой», он видит в святости содомизм. Если бес «содомичный», он видит в святости половую грязь. Вспомните сцену из 2-ой части «Фауста». Когда погребают Фауста, Ангелы, уносящие душу Фауста, разжигают чувственность («содомизм») Мефистофеля, а розы их приносят ему нарывы. Скажу Вам прямо. Ваше противление Христу (Которого Вы понимаете, конечно, лучше нежели я, вследствие чего Ваше отрицание не есть отрицание каких-нибудь социал-демократов, а гораздо злокачественнее) вселяет в Вас бес. Вы притягиваетесь к христианству, вожделеете его, но притягиваетесь содомически. *Свой* содомизм в отношении к святыням Вы про-

---

* С точки зрения вечности и святости (лат.).

ектируете на эти святыни. А между тем стоит Вам отказаться от самоутверждения, сказать Христу без всяких условий, смиренно: «Господь мой и Бог мой!» как иллюзия исчезнет мгновенно. Вот Вам и объяснение 2.

Василий Васильевич! Я знаю, что я, еще мальчишка, пишу Вам, почти гениальному писателю, непозволительные дерзости с точки зрения общественной. Но поверьте, что мое горячее уважение к Вам вынуждает к тому. Не сердитесь на меня. Если же я в чем ошибаюсь, то я охотно соглашусь с Вами, когда Вы мне покажете ошибку.

Мой сердечный привет детишкам Вашим и супруге. Я не раз вспоминаю, как провел с ними когда-то 1½ – 2 часа в детской.

Вам же да поможет Господь, которого Вы гоните.

Преданный Вам Павел Флоренский.

Мой адрес: Сергиевский Посад (Моск. губ.), Петропавловская ул., д. Ивоилова, Пав. Александр. Флоренскому.

P.S. Письмо я просил переписать, т. к. Вам было бы слишком трудно читать мой неразборчивый почерк.

П. Ф.

IV

6 апреля 1909 г.

Дорогой и многоуважаемый Василий Васильевич! Позвольте мне начать это письмо с некоторой характеристики себя самого. Кажется, таким образом легче всего устранятся наши взаимные недоразумения.

Итак, я – человек прежде всего *простой*, в отношениях к людям, – простой, мужиковатый. А затем, в области теории я – сложный, нефилософский ум, если разуместь под философичностью любовь к единству. Я – не любитель единства; мой вкус – к психическим обертонам, к ответвлениям мысли, к симфонии понятий и образов. Одно вытекает из другого. Подходя *просто* к вещам и людям, я тем самым воспринимаю то, чего не воспринимает ум схематический. И, наоборот, зная *многое* и, часто несводимое к единству об *одном*, я заранее примеряюсь со всем, – быть может даже *zu viel** примиряюсь со всем и со всеми. Грешников же люблю по преимуществу, б. м., потому, что чувствую себя в своей среде, когда бываю с ними. И еще потому, что они часто бывают смиренны.

Вот, дорогой Василий Васильевич, Вы, как-то странно для меня, все словно извиняетесь в своем опыте. Ну, что мне ответить на это. Правда, я несколько поругал Вас, но, конечно, не за «S», а за то, что представил себя в положении Вашей жены, ожидающей мужа с его экспериментальных исследований. А до прочего мне, право же нет дела. S так S, что в том. Уж если Вы про Христа мне пишете нивесть что, то право же S является лишь наивностью. Да, – и хорошо, что Вы наконец-то поняли, что *такими* опытами столь же мало мож-

---

* Слишком много (нем.).

но познать сущность S, как если бы для исследования сущности брака я пошел в веселый дом. Какое это имеет отношение к браку? Конечно, никакого. Так же и S. Теперь возвращаюсь к себе, к Вам, к нам обоим. Осуждаю ли я Вас? – Да, право же – нисколько, хотя пожимаю плечами, как это *Вы до* опыта не знали такой простой истины, что S не в том, «что делают матросы». И как Вы доселе не знали того, что узнали о проститутках? Хотя я никогда не выдвигал ни одной, но это так ясно, об этом столько писалось, что можно было бы и не тратить 2 р. 20 к. Конечно, они должны быть добрыми, мягкими, способными к подвигу...

Вы зовете меня «коснуться края обрезания». Положим я внял Вам. Так как же это сделать. Что именно сделать. Жениться? Идти в веселый дом? Повторить Ваш опыт обрезаться? – Не понимаю.

Но вот что я знаю, и знаю так, как вообще может знать лишь человек, сидящий в своей келье и изучивший себя вдоль и поперек. Я смелее Вас, и не боюсь ни Ваших опытов, ни чего иного. И если бы я думал, что *что-ниб.* в этой сфере может дать пищу моей душе, я нисколько не задумывался бы сделать, ибо *все* себе *внутренне* позволил, не боюсь ни медиков, идиотов, ни полиции, ни общественного мнения. Я себе все позволил, но ничего не сделал и не делаю, и никогда не делал. Да, я знаю, что такое сладость брака, – этого размягчения, этого погружения в безгероическую стихию, этой регулярности, этой повседневности: сегодня – то же, что и вчера – завтра – то же, что и сегодня. Знаю я и S и, думаю, лучше Вашего знаю; а если не верите, потрудитесь пересмотреть хотя бы последний параграф «Типов возрастания» и лирич. места «Столпа» (жаль, что конец не напечатан, там это выступает лезее). Даже против «матросов», ничего существенного не возражаю.

Вы рассуждаете о «лампадах», а я *знаю*, что такое лампы. И вот, ночью, в своей келии, я бросаю Вам вызов в том, что Вы все же не знаете всего этого до конца. А мое сердце измучилось, так, что я стал *мягкий*, бескостный от муки, которая длится с рождения моего и до сего дня. Вы стремитесь кричать обо всем всему миру, а я молчал, молчу и буду молчать, – до смерти. И своей скорби не скажу я ни Вам, ни кому другому, не потому, чтобы я боялся или скрывал, а потому, что она не высказывается в словах, а высказывается в таких движениях, которых другие и не замечают.

Я внутренне свободен, ничего и никого не боюсь и не стесняюсь. Но как я спознаю сладость *всего*, так же, и даже яснее, знаю, что это – не последняя сладость, и что *эта* сладость обращается в горечь. Ни Вы, ни кто другой меня в противном не уверит. Было бы можно сказать: нет глубины в «обрезании» Есть, воистину есть глубина, и я *знаю* ее. Но есть, есть и высота. Виноват ли я, что я люблю высоту. И я *чувствую*, что в высоте дана будет и глубина. Проще: тайну души своей я скажу Одному только, но потому, что Он только будет плакать со мною. Вы пишете, что и я хожу в «болотах» Зачем: «в болотах»? Но, если и в болотах, то все же скажу: люблю *Его*, – Которого Вы ненавидите. И знаю, что я абсолютно *свободный*, стою лицом к миру с Ним Одним, мнением *Его*. Одного дорожу. Я не знаю, что я буду делать. Кто знает, б. м., я

окажусь не только в болоте, но и где похуже. Но все же говорю, что люблю Его, потому что *только у Него* могу успокаиваться. И Вы не спокойны, поверьте.

Вы себя или меня хотите обмануть обрезанием, но меня-то не обманите. Оно не дает успокоение. «S» ли или не «S» – это все равно; ничто не насытит сердца, кроме Него. Вот, я пред Вами весь, – со своим стремлением ко *всему* (и *не* из любопытства, а существенно) и с сознанием, что суетно самое стремление. Судите меня, если есть охота. Только будьте осторожнее с разбитым сердцем, – разбитым не чем-нибудь внешним, а собственными силами; иначе я могу закричать от боли.

Еще: Вы хотите, чтобы я «коснулся края обрезания». Но почему Вы не хотите признать, что как есть органы, которые ищут прикрытия, мрака; так и некоторые элементы мирозерцания по существу своему стыдливы. Не обо всем можно и должно говорить вслух; об ином же надо говорить наедине, об ином – в темноте, прямо науху, об ином – обнимая, а иного и вовсе никому не должно говорить, кроме Него.

Вы говорите, что я «это» понимаю. Да, понимаю. И все-таки не скажу. Понимаю и буду как непонимающий. Понимаю, но буду мистом. Если же меня спрашивают, то я только осторожно толкну на нужные рельсы, а там пусть спрашивающий сам добирается. Точки над *i* *не поставлю*, ибо это бесстыдно, *non licet**.

Однако в беседах я говорю очень, очень много, между прочим и о «S». Простите меня за бестолковое письмо. Все равно я не надеюсь Вас в чем-нибудь убедить, – вот и не пишу систематически, хотя и начинал несколько раз.

Сердечный привет Вашей семье.

Жму Вашу руку.

Павел Флоренский.

1909. IV. 6.

Сергиевский Посад.

P.S. и еще раз скажу:

Я много и долго думал, передумал все мыслимые комбинации и возможности и теперь твердо говорю Вам. Как *слабость*, как *грех* пусть люди делают все, что хотят, и б. м., никто их не осудит. Но успокоение можно иметь только в Нем и нигде более.

Да, б. м., каждому «должно» пройти сквозь то, сквозь что так счастливо и благополучно проходит каждый деревенский парень; и я завидую таковому, что не был в равных условиях. Но все же каждый должен знать, что это – путь блудного сына, и что есть Отец, к которому не придешь без самоотречения.

П. Ф.

P.P.S. А Вас благодарю «за неоставление».

---

* Не дозволено (*лат.*).

15–26 апреля 1909 г. Сергиев Посад.

1909. IV. 15.

Дорогой Василий Васильевич! почему вы так настойчиво и беспокожно возвращаетесь мыслию своею к «опыту». В конце концов выходит, что наши роли меняются. Если мое слово нужно Вам, то вот оно: ну, известный писатель, бездонно-глубокозрительный В.В. Розанов слегкомысленничал. Виноват, но заслуживает снисхождения. Это я говорю «по-отечески», как сказал бы Вам духовник. Согрешил, – покайся и кончай дело. Конечно, этот грех, даже с аскетической точки зрения, в сравнении с Вашими грехищами, есть только грешок, – не более. В Ваших письмах проглядывает какая-то странная болезнь осуждения. Но видно Вы плохо знаете, как сурово относятся ненавидящие Вам аскеты к грехам полового характера *ante factum**, и как легко – к тем же грехам *post factum***. Что же до меня, то у меня нет и тени осуждения, – скорей я подсмеиваюсь (не зло, по-отечески) над проказами Вашей молодости (я же всегда ребенок, хотя «как ночь стара моя печаль»). Ну, надо идти «в комиссию по физическому кабинету». Решил писать Вам по кусочкам, урывками. Но Вы не взыщите за небрежную форму.

1909. IV. 19.

Почему Вы так печальны? С Ним?» спрашиваете Вы, Василий Васильевич. Хорошо, я расскажу Вам кое-что, но думаю, что Вы не поймете, ибо у Вас нет мужественности.

У каждого человека есть особая тенденция жизни и, что бы он ни делал, для него оно внутренне осмысливается чрез соотношение с этой тенденцией, этой красной нитью жизни. При этом, я имею ввиду собственно земную, житейскую тенденцию. Долго вглядываясь в себя, я наконец нашел свою тенденцию. Сказать если несколько образно, это будет «античная школа». Вы окрестите это именем «S». Имя это верно лишь в очень условном смысле, но пусть, называйте как хотите. Сущность же дела в тесном, до конца связанном чувствами, интересами, научными и жизненными задачами, влюбленностью взаимною и т. д. и т. д. кружке, замкнувшемся в себя и воспитывающем как своих членов, так и вновь входящих. С тех пор как я помню себя (а помню себя я годов с двух, если не раньше) эта идея, эта задача, эта тенденция к высшим человеческим отношениям живет во мне, бьется с каждым биением сердца; ею я дышу, ею питаюсь, она так прочно сидит во всем моем организме, в душе и в теле, что извлечь ее – значит убить меня, даже разложить меня на атомы, ибо с каждым атомом моего существа срастворена эта органическая потребность. Символически она выражается в греческой скульптуре и еще в музыке Бетховена. Я не знаю,

* До того, как случилось (*лат.*).

** После того, как случилось (*лат.*).

«нравственно» или «безнравственно» все это. Скажу по совести, что я глубоко и безнадежно равнодушен к *оценке* этих стремлений. Но я знаю, что и мне и людям *нужно* это, нужно для всего воспитания, для науки, для ясности духа, для всей жизни, и что этого нет. С Богом я могу говорить об этом, готов давать ему ответ. А на людские оценки в данном случае, вульгарно выражаясь, «наплевать».

Тут и начинается моя «печаль». Если бы я хотел удовлетворения чувственности, – ее сколько угодно можно получить. Но этого, высшего (хотя несомненно стоящего в теснейшей связи с полом и с телом – и потому вовсе не сверх-полового, а лишь верх-полового), – этого высшего нет. Моя «печаль» от того, что я не только убежден в необходимости этого, но и в *невозможности*. Это земное подобие безусловного, откровение в людях божественного порядка невозможно в силу человеческой природы. Если бы оно осуществилось, то люди поднялись бы до такого пламенения, до такого высокого подъема всех сил, до такого прилива творчества, что не выдержали бы восторга. Но они этого достигнуть и не могут, потому что с этим эросом неизбежно связана и тень его, – чувственность. Я не вижу в ней, самой по себе, особой беды, или особого греха, когда она является тою черноземною почвой, на которой расцветают благоуханные цветы эроса. Но беда в том, что чувственность, будучи удовлетворяема, губит эрос, а будучи не удовлетворяема – доводит до психического расстройства и еще хуже губит эрос. И так, и иначе – эроса не спасешь. Если же является сознание, что и самый эрос имеет преходящее, условное значение (есть 2 срока, два цикла для эроса: большой, экстраординарный – 7 лет, малый, обычный – $\frac{1}{2} = 3\frac{1}{2}$ года), но он теряет свою обаятельность и перестает быть эросом.

Заветная тенденция души и тела оказывается для меня невозможною. А т. к. все земное для меня получает вкус от *этой* тенденции, то земное, как священное, как пронизанное трепетом, оказывается невозможным. У меня подрезана связь с жизнью; я – монах, и монах, который решительно заточен в монастыре. Я признаю и браком то и другое, но это все – как земное на земле, а хотелось бы на земле небесного. Да, я внутренне отказываюсь от эроса для Бога. Но тем самым я умираю. Мне сладко умирать, я всегда радуюсь. Но невозможно не быть *как бы* печальным, когда истекаешь кровью. Я не печален, а мне всегда больно и, кроме того, я «бескровен» Говоря по правде, у меня в жилах – не кровь, а *вино*, и чтобы быть трезвым, я должен не нашатырного спирта копить, а выпустить из себя запас внутреннего вина, что я и делаю.

Теперь о Нем. В том-то и дело, что с Ним мне тихо и хорошо. Он не осуждает меня, Он утешает, он показывает, что умерев я могу воскреснуть и что есть «пиво новое», которого и я иногда испиваю. С Ним отношения настоящие, – правдивые, чистые, нежные. Люблю и люблю. Вам слащавым кажется? Ну, что ж. Я люблю именно бледное, тихое, хотя люблю и буйное, ярое, бурное.

Сколько раз порывался писать Вам, но все не удавалось. Много думалось в связи с Вами, но все позабылось. Помнится, что хотел написать Вам о Вашем бабьем (не в плохом смысле) характере. Ваше лицо, Ваш голос, Ваша манера мыслить, Ваше отдание себя случаям и мгновениям – это все так типично для женщины и так несообразно с мужским характером. Вы пишете мне об интересе к фаллосу. Но знаете ли, Василий Васильевич? – Я и без Вашего письма *знаю* о том. Ваш интерес бесконечно значительнее, чем Вы представили это мне и, даже, чем Вы доводите до своего сознания. Фаллос есть источник Вашего пафоса и Вашей глубины. Я не скажу, чтобы это была «S». Нет, это *просто* бабность.

Почему я написал обо всем этом? – Да, вот почему. Я хотел сказать, что мы с Вами органически, «фаллически» не можем понять друг друга или, лучше, Вы не поймете меня. Ваш интерес я понимаю. Но Вы не понимаете интереса к мужчине с точки зрения мужчины же (а не женщины, – как это делаете Вы). Символически – это греческая скульптура. Меня она мучает сладкою болью с самого детства. Вы же – чужды ей. Вы понимаете фаллос, но не понимаете «лампад» Теперь я делаю скачок. Боюсь, Вы смешаете *два* слоя моих мыслей и отождествите последний шаг с предыдущим. Это было бы искажением мысли. Но дело вот в чем. Вы потому же не понимаете и Христа. Вы хотите фаллоса, а не «лампады». Есть же «святая плоть», в которой очищенным дается то, пред чем Платон хотел ставить (и, конечно, ставил, – этого нельзя не видеть) лампы. Христос есть *святая плоть*, святыня + плоть, плоть + святыня, плоть-святыня. То, что манит в греческой скульптуре, совсем по-иному, совсем неприводимо рационально к этому, явилось выраженным полностью во Христе. Я не хочу говорить догматически, – передаю просто то, что чувствую. А именно: Христос – не «идеал» и не «идея», а *плоть*. Но эта плоть, – живая плоть – свята, пресуществлена. Если смотреть на статую греческую, то ясно и решительно знаешь, что переживаемое при этом созерцании отлично как от области «половой», физической, чувственной, так и от эстетики, приятного, «прекрасного». И то, и другое – есть субъективность и только субъективность, «мое», щикотка. Статуя же – *в себе* прекрасна, существует прежде всего *в себе* и *для себя*; она реальность. Вот, и Христос есть *ens realissimum* – существо всереальнейшее, и притом так воспринимается. Он – в себе прекрасен и *в себе* реален. Люди пред Христом кажутся пустыми – не в смысле моральной оценки, а в смысле онтологической характеристики. Только во Христе я вижу, чувствую, шупаю, вкушаю реальность, «транс-субъективное», а зачатки этой реальности нахожу в греческой скульптуре. Вы, как женщина, думаю и не поймете, что такое *реальность*: женщины живут в сфере субъективной. Но меня мучила потребность в твердой *опоре*, в *плоти*, и плоть я нашел, нахожу во Христе.

Что же это? Может быть «S»? Скажу Вам, Василий Васильевич, в знак своей приязни, что я не думаю о том, что это – «S» ли, или что иное. Ни полицейских, ни психиатрических терминов я не боюсь. Со Христом мне хорошо, потому что Он дает мне *святую плоть*. А больше – мне ничего не нужно.

Я стал писать сумбурно. Буду продолжать в таком же духе. Вы же, если надоело читать, бросьте письмо.

Религия общечеловеческая (исключая христианство) есть переживание горняго в дольном, трансцендентного – в имманентном, потустороннего в посюстороннем. Вся действительность может быть переживаема как символ горняго, но те моменты, точки, условия и орудия, в которые и при которых и которыми горнее *входит* в дольное или *выходит* из дольного суть объекты религий по преимуществу. Первый из этих объектов – *рождение* и все с ним связанное. Это вхождение потустороннего в посюстороннее. Второе – *смерть*, выхождение посюстороннего в потустороннее. Переживание мистической стороны *рождения* концентрируется в *фаллос'е*. Переживание мист. стороны *смерти* концентрируется в *жертве*. Всякая жертва есть *victinia vicaria*, жертва заместительная. Всякий *φαλλός* есть фаллос (*φαλλός*) *vicarius*, фаллос заместительный. Но замещение идет далее. *Семя* – вот сущность фаллоса; *кровь* – вот сущность жертвы. В семени – жизнь, в крови – душа. Семя – сома (ущмб), тело (но не как материя, а как форма); кровь – психе (*ψυχη*). Кроме семени и крови все на свете скучно и все предназначено только для обслуживания того и другой. *Рождаемся*, чтобы *умереть*. Умираем, чтобы (б. м.) родиться. То, что *между* рождением и смертью, то, что *между* семенем и кровью – это изолирующая прокладка, мешающая соединению +электричества с – электричеством. Но ни рождение, ни смерть не удовлетворены, ибо они – друг для друга, а не в себе и для себя. Они только тогда могут быть достаточными, когда одно есть другое, а другое – первое. Только в вечном единстве рождения и смерти, семени и крови, может быть высшее, ценное. Семя – плоть, кровь – святость. Семя – кровь – *святая плоть*. Рождение-смерть – вечность и полнота. Отвлеченно логически эта мысль (о любви) проведена (в Столпе), красною нитью чрез все сочинение. Теперь я говорю Вам «физиологически».

Далее, что такое *девство*? Что такое целомудрие. Я не берусь Вам доказывать его существование. Я говорю об идее девства, о временном состоянии девственности. Девство есть синтез семени и крови. Даже физиологически это так, потому что при воздержании кровь ассимилируется и растворяет в себе элементы семени. Так – и мистически. Семя – жизнь. Девство есть самооплодотворение, самооживление, самовосполнение. Христос и есть осуществление этого синтеза. Можем ли мы его осуществлять? Иногда, частично, пытаемся. Но все же идеал – святая плоть, семя-кровь, а не семя, как Вы хотите.

Ну, извините за небрежное, бестолковое письмо. Уже поздно. Спокойной ночи. Сердечный привет Вашей семье.

1909. IV. 26. 2 ч. ночи. Павел Флоренский.

P.S. В случае чего – не сердитесь, позабудьте о письме моем.

VII

10–31 мая 1909 г. Сергиев Посад.

1909. V. 10. Поздняя ночь.

Дорогой Василий Васильевич! Мне думается, что, в сущности, единственное интересное, в мире – это душа человеческая. Показывать душу – это значит, чему-нибудь научить другого. И еще думается, что в чем другом, а в этой *эмпирии*, в этом стремлении к изучению *опыта* мы с Вами вполне сходимся. Вот почему в настоящем письме я хочу показать Вам кусочек своей души, – в той непосредственной и наивной форме, как она сложилась вероятно еще до моего рождения.

С тех пор как я помню себя (а помню себя я вероятно с 1-го году или с 2-х лет), – с этих пор уже во мне ясно сознавалась двойственность основных стихий души.

Первый слой мне хотелось бы назвать «водяным» слоем, сырым, грибным. С детства во мне жило влечение к таинственному. Символически это таинственное собиралось в грибах, папоротниках, лишаях, мхах, водорослях, – вообще во всех тех тварях, которые стоят близко к границе жизни, к границе животного и растительного царства. Сырость в лесу меня манила и влекла к себе. Затем шли луковичные растения. Меня влекли и корни, клубни, луковицы, – все то, что сокрыто в сырой земле, в перегное, в гумусе земном. Может быть, в связи с этим стоит и мой вкус к пище: я люблю все сырое, вытщенное из земли или, во всяком случае, невареное и, тем более, неприготовленное. Люблю неопределенные вкусы – репа, кочерышка капусты, грибы, картофель и т. п., что-то неуловимое, загадочное, иррациональное, неопределимое, водяное. Меня интересовали, до бессонниц (это в 5–6-тилетнем возрасте уже), продолжавшихся далеко за полночь, яды, уродства, странности, – все то, что иррационально. И с детства моей мучительной заботой всегда бывало выбрать самое что ни на есть иррациональное и найти для этого иррационального рационально-видную формулу.

Другая стихия моей души – это солнечность; солнце, воздух, цветы, вольный ветер, летние, пузатые, белые, плотные облака, жаворонок, ясное, простое, четкое, *как бы* рациональное, но на деле лишь имеющее вид рационального. И тут величайшею заботою было всегда уловить в этом quasi-рациональном тему бесконечности, иррациональности и показать, что рациональность – мнима. Видеть в иррациональности рациональность и в рациональности – иррациональность всегда было темою моей мысли и всей жизни. Или, иначе, я всегда жил тем, что старался соединить в что-то невиданное рациональность и иррациональность, конечность и бесконечность. Эта тенденция (грибы – цветы, вода – воздух) нашла себе уже решительный выход в «Столпе» Идея антиномии, проходящая чрез всю работу красною нитью есть, кажется, самая точная характеристика моей души: *сладость противоречия!*

1909. V. 16. Ночь. Конец Пятидесятницы.

В одной сфере я говорю о семени и крови; в другой – о законе достаточно-го основания и законе тождества; в третьей – о прогрессизме и консерватизме; в четвертой – о вкусе грибов и ключевой воды и т. д. и т. д. Но как бы я ни говорил, основная тема остается одна и та же. Это, именно, антиномия бесконечности и конечности. Вот почему *догмат*, как соединяющий ту и другую в «умной» схеме, и *таинство*, соединяющее ту и другую в действенном символе, для меня являются главными, чтобы не скатать «единственными», предметами размышлений. Как соединяется несоединимое? И опять, откуда бы я ни исходил (а исхожу я из тысячи уголков мировоззрения) – я наталкиваюсь на Одного и Того же, на Соединившего Конечность и Бесконечность. У меня интересы очень разносторонни, но все сводится к одному центру. Вы не можете понять, до какой степени вся структура моей души держится на Христе. Он для меня оказывается постоянно всем во всем, – «оказывается», потому что я иногда пытался уйти от него и погулять на свободе, но приходил к Нему же.

Если бы Христа не было, Его надо было бы, необходимо было бы сочинить.

Не думаете ли Вы, дорогой Василий Васильевич, что обычная классификация явлений в сфере пола, – по анатомическим и физиологическим признакам, – нелепа? Ведь в ней отождествляются явления весьма разные, но имеющие лишь одну видимость. Возьмите, например, категорию явлений содомических, разумея под ними эротическ. отношения мужчины к женщине. Но ведь тут все дело не в том вовсе, какая геометрическая поверхность вызывает раздражение нервной системы, а в том, как переживается это раздражение и что побуждает вызывать его. Активность и пассивность духа при этого рода отношениях, вот главные характерные черты. Но раз так, то тогда содомия как явление *sui generis** исчезает. Активный в отношении к другому чувствует себя, вероятно, всегда и везде таковым же; пассивный – всегда и везде таковым, будет ли дело идти с женщиной или если как иначе.

1909. V. 31. Сергиевский Посад.

Вот, дорогой Василий Васильевич, как трудно мне быть добросовестным в своих отношениях к людям. Сколько раз порывался я написать Вам, но все время что-нибудь мешало: идут экзамены. Уж не помню, что именно хотел писать Вам. Только бы кончить письмо.

Вашу книгу сестре переслал, предварительно прочтя ее сам. Очень интересно, но все же мои вопросы там не находят себе ответа. А где бы находиться этому ответу, как не в книге, посвященной Италии (столкновение античности и христианства). По правде сказать, – как эллин, – недолюбливаю железного Рима, хотя втайне побаиваюсь и уважаю. В общем Ваша книга экзотерична и, как экзотеричная, – дает то, что можно дать, с перспективами.

---

* Особого рода (*лат.*).

Сегодня выслал на Ваше имя книжку свою «Соль земли». Зная, что Вы заругаетесь, я послал ее не Вам, а Вашей супруге. Попросите ее принять этот подарок почти незнакомого человека. А Вам добавлю, что мне хочется чем-нибудь успокоить несколько, чуть-чуть Варвару Дмитриевну, хотя, конечно, только в Сергиевом Посаде можно быть столь наивным, чтобы надеяться на успокоительное действие собственных брошюр. – Ваше положение меня тоже беспокоит. Как бы Вам полечиться... Ведь расслабление воли может сделать настоящею болезнью. А потом детишки...

Вот еще маленькое соображение об активном эросе. Тянет к себе не то или другое в теле, не тело само по себе, а нечто невыразимое, сквозящее в голосе, в жесте, в почерке, во всем. Тянет не материя, а *форма* (Аристотель) человека, – идея (Платон) его, – душа (мы, христиане). Полюбивши душу каким-то непонятным образом, именно *вспомнив* (Платон) ее, вспомнив, что уже видел, уже любил ее, – начинаешь *постепенно* любить и тело. Любовь к душе вспыхивает мгновенно вдруг. Думаешь, думаешь, не понимаешь сам, о чем именно думаешь, но ясно знаешь, что нечто хочешь *вспомнить*, припомнить. Плачешь сам не знаешь о чем, – от какой-то трудности вспомнить. И вдруг, *прерывно*, мгновенно говоришь, вскрикиваешь: «Нашел. Ведь я видел уже эту душу, видел от века, был всецело с нею, в ней, и она была со мною, во мне». В это мгновение перед сознанием разворачивается *вечность*; сказать: «Люблю эту душу с 5½ часов вечера 3-го января 1895 года» кажется нелепостью. Ну, конечно, я любил ее всегда (а через 3½ года «фактически», психиатрически и проч.), я, б. м., буду равнодушен к этой душе. Да, я знаю, что скажут, что я сам скажу так именно, но теперь я кричу: *ложь*, что моя любовь возникла и что она прейдет! Она была, есть и будет. Она выше времени, выше условности, выше ограничений. В тот или иной момент я *вспомнил* о своей любви, в тот или иной момент я *забуду* о ней, но сама она – выше времени, вечна. Я не лгу, когда говорю, что люблю душу вечною любовью на 3½ года и я знаю, что если через 3½ года я забуду ее, то когда-то и где-то я вспомню ее снова, – и тогда уже, в просветленном теле, во святой плоти, – вспомню навеки. В данный момент, пока я еще помню о вечной любви, – я все отдаю (все условное земное), ей весь отдаюсь. Завтра, б. м., я уже ничего не отдам тому, к кому позабыл я вечную любовь и к которому имею любовь земную, – будет ли то симпатия, přátельство, чувственность или жалость. Эрос *отличен* ото всего этого, и если психиатры не понимают этого различия, различия принципиального, то я твердо и сознательно говорю, что они *ничего* не понимают в том, о чем говорят; говорить о составе красок или о деках у антикваров при виде великой картины и не быть в состоянии сказать или пережить что-нибудь сверх того, – это значит *ничего* не понимать в картине.

Я говорил: любовь к форме (метафизической) тела, – любовь к душе. Тело *сперва* кажется чем-то чуждым и далеким, и ненужным: и не коснулся бы его. Но затем, вглядываясь, начинаешь видеть проблески души и в теле и в поступках и в манере держать себя и в голосе и во всем человеке, – и по мере того как усматриваешь это соответствие *припоминаемому* о душе – любишь и тело.

До какой степени (удивительно!) реальна эта метафизическая форма может рельефно показать один случай, который припомнился мне *inter sorbendum**. Однажды я собирался написать какую-то заметку и схватил первую попавшуюся ручку. Но, написав несколько строк, я чуть не вскрикнул, явно почувствовав, что столкнулся со *своею* загадкой. Я почувствовал именно, что рукою моею, как бы схватив ее за кисть и за запястье, уверенно и твердо водит любимый человек, — и я заметил, что буквы выходят не мои, но *его* (его почерк похож несколько на мой), и что я, несмотря на усилие писать по своему, — не могу писать своим почерком. Взяв другую ручку, я легко смог сделать это, но когда вернулся к прежней, то опять перо заходило по своему. Тогда я стал исследовать дело. Выяснилось, что человек (NN), о котором я пишу, в мое отсутствие несколько часов писал моей ручкой. Очевидно, молекулярное строение пера изменилось сообразно его почерку, — на перо, как на валике фонографа запечатлелись мускульные усилия NN с их типичной для его души формой, и затем, когда я взялся за то же перо, эти запасенные, записанные вибрации стали воспроизводиться, как воспроизводится звук фонографа. В сущности говоря, все то, что я пишу, несколько не удивительнее фотографической карточки или фонограммы, но мне от неожиданности, эта действительность, эта реальность души, запечатленность в просто стальном перо, показалась почти потрясающею. Перо ли я люблю. Нет, но ту метафизическую форму, которая запечатлелась и в перо. Тело ли я люблю? Нет, но ту форму-душу, которая являет себя и в теле. Потому-то так волнует античная скульптура, что там эта форма дается в очищенном от того, что неоформлено, виде.

В Посаде я буду числа до 15-го июня, а затем, до начала августа мой адрес будет такой:

Тифлис, Николаевская 61, мне.

Жму Вашу руку и желаю радости и ясности. Привет всей семье.

Любящий Вас Павел Флоренский.

1909. V. 31. Сергиевский Посад.

VIII

1909. VI. 9. Сергиевский Посад.

Дорогой Василий Васильевич!

Только что получил Ваше письмо. Сердечное Вам спасибо за Ваши наставления и сообщения относительно брата и сестры. Конечно, я сохраню их (наставления) в тайне и постараюсь воспользоваться ими. Это тем более важно, что сестра, вследствие нашего исключительно-замкнутого воспитания, многого не понимает и в просто-жизнейском смысле.

Мне и самому хотелось бы приехать к Вам. Одно время даже я почти собрался, но удержали дела (экзамены, корректуры). Сейчас невозможно.

---

* Между выпивкой (*лат.*).

Даже давно лелеемый съезд (по костромской археологии и этнографии я решил бросить, чтобы скорее повидать маму: чувствую, что нужно повидать и побыть хотя бы короткое время при ней. Она ведь у нас такая неопытная и беззащитная, и кроме того так боится жизни, что ей теперь, – я чувствую, – очень тяжело одной. А я хотя и весьма плох как хозяин дома, но все же, по имени, что-то представляю.

Мой адрес будет такой: Тифлис, Николаевская, 61, мне. Это пока.

А затем я напишу дачный адрес.

Очень трогательно, что Вы пишете о своей матери. Действительно, самое трагическое в судьбе женщины, это когда пожилая полюбит молодого. И еще тяжелее, когда, этот любимый не достоин полюбившей его. Есть нечто, перед чем, думается, не устоит почти никакая жестокость и злонамеренность; это – беззащитность человека. Когда увидишь спящего, то всегда хочется перекрестить его. При виде спящего тают все худые мысли, – очищаешься. Так, вот, и беззащитная женщина, – особенно пожилая, – неумелая, наивная возбуждает какую-то щемящую тоску и жалость. Еще нечто подобное бывает, когда увидишь, как кто-нибудь ест один, – в вагоне, на вокзале, при дороге. Тогда-то у меня обыкновенно и встает настойчивая мысль-чувство: «Все мы дети, и ничего, решительно ничего ни в чем не понимаем».

Когда я был мал летами, я ужасно не хотел расти. Я обижался и плакал, когда мне говорили, что я расту или, – еще хуже, что я – большой. Быть ребенком мне казалось верхом счастья и совершенства. И теперь эти чувства все усиливаются. Конечно, я теперь уже не имею «юридических» прав отрицать, что я – взрослый, «большой». Но, в глубине души, я не верю этому и считаю себя «маленьким», большого же – только играю, «играю в большого»: играю в профессора (есть и такая игра), играю в писателя и т. д., но постоянно забываю об игре и начинаю шалить.

Помните ли, мы с Вами говорили об опьяненности без вина? Вот, таковы шалости детей, таковы же и мои. Потому-то на самом деле весело я чувствую себя или один, или с детьми до 7-ми лет: начавши забавлять их, весьма скоро я забываю о своей роли и просто забавляюсь вместе с ними.

Вы говорите, чтобы я высказался за брачную свободу. Да я ее никогда и не отрицал. Брак-тайнство не подлежит разводу, и от этого я не отказываюсь. Но, по моему, гражданский брак не только должен быть *в государстве* допущен, но и церковной жизни не вредит. Пусть поживут супруги в гражданском браке, ну, хотя бы, с благословения священника и с его ведома, друг с другом, привыкнут друг к другу, обживутся, узнают друг друга, и тогда, по прошествии большого *искуса* можно их венчать. Скажу прямо, дорогой Василий Васильевич! Для меня слишком громки слова Апостола: «Руки скоро не возлагай ни на кого», чтобы я их мог не распространять и на другие области. С тайнствами, с благодатными обрядами шутить и легкомысленничать нечего. Как нельзя, грешно, легкомысленно «скоро» возлагать руку на кого-нибудь, без искуса – для посвящения во священство, так же точно – и венчать брачующихся и постригать в монашество. Нельзя посвящать того, кто не явил своей способности быть пастырем, и, при-

том, в *данном* приходе, – кто не показал себя способным жить пастырскою жизнью с *данными* людьми. Точно также нельзя венчать того, кто не показал своей способности к супружеству с *данною* женщиною. И нельзя постригать того, кто не показал своей способности жить монашескою жизнью с *данным* старцем. Посвящать *вообще*, постригать *вообще* такая же нелепость, как и венчать вообще: странно было бы дать *carte blanche** на старца, которая, *фактически*, часто так и остается *blanche* на всю жизнь. Вы пишете о ненормальности брака. Да, но это – следствие *общей* ненормальности, – неиндивидуальности, неискушенности, непослушания (брак – взаимное послушание, род старчества, – беру брактанство). Ненормально посвящены. Ненормально пострижены, ненормально и венчаны. Удивляться тут нечему. И опять я повторяю, что этому причина вовсе не в христианстве и не в Церкви даже как таковой, а просто в нашей анархичности, в нашем нежелании нести подвиг, в нашей спешке жизни, в нашем европейском отрицании идеи ученичества, послушания, смирения, искусства... Ну, и наболтал же я Вам ахиной! Завтра уеду, перечитывать некогда. Сердечный привет всей семье. Любящий Вас Павел Флоренский.

1909. VI. 14. Ночь. Сергиевский Посад.

IX

10 августа 1909 г. Сергиевский Посад.

Как-то однажды мне удалось видеть, пережить во всей ослепительности святость плоти или, точнее сказать, святую плоть, хотя и эстетически. Думали ли Вы, дорогой Василий Васильевич, над «Распятием» Веласкеза? Я лично видел только скверные фотографии с нее, но и эти фотографии несколько лет непрерывно занимали мое воображение и томили сердце сладкою тоскою. На звездном темном небе (– думается мне, – чуть-чуть предрассветном; по крайней мере Веласкез *должен* был его таким изобразить) высится крест, и на нем Тело с низко-опущенной головою. Пряди темных волос свесились на лицо, и это хорошо, что лица не видно: важно одно лишь тело. И, вот, это Тело светится внутренним, серебристым светом, – как срастворенное со световою материей (*sit venia verbo*** со стороны физиков). Однако это – не фосфорический свет, – не мерцание гнилушек, фосфора, гейслеровых трубок или моря. Свет Тела – живой, а фосфорический – мертвый; свет Тела – реальность, а фосфорический – какая-то суцзя мнимость, *Schein****. Тело на «Распятии» Веласкеза – *ens realissimum*****, – полная противоположность докетическим телам спиритических призраков, – этим фосфоресценциям – мировой основы (*Urgrund und Abgrund******). Ну, если это Вам покажется

* Чистая карта; полная воля (*фр.*).

** Пусть это слово будет принято снисходительно (*лат.*).

*** Видимость (*нем.*).

**** Рсальнейшес сушее (*лат.*).

***** Первооснова и бездна (*нем.*).

слишком *ex cathedra** , то пропустите; а дело вот в чем. Меня долго мучила картина Веласкеза, но недавно я нашел ее разгадку и... томлюсь еще сильнее.

Я не стану писать, как это случилось, но важно то, что войдя однажды перед восходом солнца в комнату, я увидел на постели спящим близкого мне человека совсем обнаженным и в объятиях блудницы. Он был настолько пьян, устал и расслаб от жары, так что лежал совсем как мертвый, – в очень глубоком сне. У него удивительно «красивая» или (это гадкое слово, да и неподходящее), лучше скажу, удивительно притрепетная грудь и со-прилежащие части (плечи, подмышки и т. д.). Но все это я видывал у него не раз. Тут же было совсем особенное. Бледное от утомления это тело едва-едва виднелось во мраке, еле-освещенное (через тяжелые занавески) готовящимся рассветом. Оно серебрилось, как изваянное из жемчужины, *изнутри* освещенной. Первое мое движение были слезы восторга. Я замер: остановился и, кажется, стал молиться. Описать не могу своего состояния, да и определить его не могу. Сказать: – «восторг» – неточно; «экстаз» – пошло; «восхищение» – приторно. Я не знаю, что сказать. Ближе всего это к молитве, но не в ее процессе, а в ее заключительном (весьма редком) моменте «выхождения из себя».

Но долго ли, коротко ли было время этого созерцания, – я не знаю. Меня вернула в себя обстановка *опозоренной* красоты и святости. Вот, Вы пишете о том, не предносился ли мне женский фетиш. Отвечаю данным примером. Что тут была блудница, что сюда приходили чужие люди, что они разговаривали об этом теле и о всякой дряни вперемешку, что профанировалась пред непосвященными святость – это мне стало вдруг так тяжело, что я снова заплакал, – от обиды. Пусть обнимает его блудница, это – вроде как бы ничего. Трогает «фетиш женщин» – ну и пускай. Но видеть обнаженной эту грудь они все не смеют. А тем более не смеют видеть ее в предутреннем освещении. Ведь им святость не нужна. Одно было хорошо: они ничего не замечали, для них *ничего* особенного не происходило. Я в душе поблагодарил их за слепоту, но все же не выдержал и, сняв с себя сюртук, накрыл им серебристую грудь, лишив тем и себя созерцания. Они переполошились. «Ему жарко... Он устал... Оставьте его!». Тут я окончательно не выдержал и, чтобы не разрыдаться, стал будить спящего. Много раз я будил его, но он только мычал в ответ и засыпал еще глубже, а входившие и выходившие ругали меня за безжалостность. Я и сам чувствовал, что я – безжалостен, и мне было мучительно жалко спящего. Но тут столкнулась правда жизни с правдой – чего? – хотите S, хотите Красоты, хотите Истины. Не думайте, что я не чувствую первой; но не могу я забыть и последней.

Да, Вы конечно захотите узнать, где же это было все. – В бардаке, дорогой Василий Васильевич. Там я нашел поруганную святость. Место, конечно, – не важное, но что ж поделаешь, если этих святых что-то не замечаешь в салонах. И я не знаю, *по совести говоря*, почему же останавливаться в поисках перед кабаком или бардаком. Хуже ли это салона? аудитории? улицы? *семьи*? театра? ресторана? – Опять должен сознаться, что мне не ясно, чем хуже: просто иначе, не так. Ну, перейдем к другому.

---

* С кафедры (лат.).

Да, вот еще маленькое дополнение. Если бы я был художником, то я многие годы посвятил бы изображению тела в пробивающемся прудутреннем освещении. Художники не понимают, чего этим можно достигнуть. Начал было понимать Веласкез,

«единственный гений,
Сумевший в обычном понять неземное»

(К. Бальмонт),

но на этом все остановилось.

Б. м., впрочем, это так хорошо:

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои:

зачем позорить святыни?

А теперь дальше на ту же тему, – о позоре святыни. Вы пишете о напечатании моих писем, «для науки» Да плевать мне на все науки, когда вытаскивается на позорище то, что дорого мне. Удивляюсь Вам, В.В.! Говорите о «полевых цветах», а думаете о камелиях на проволочных натychках и в бумажных оборках. Моя мечта вообще никогда ничего не печатать, и если я что-нибудь печатаю, то только побуждаемый к тому нуждою в деньгах и, главное, отгисках для друзей, для близких. А отечество? Люблю его, очень люблю, но «странною любовью»: думаю, что чем уединеннее, таинственнее и тайнее будет идти жизнь каждого в отдельности, тем более живых соков будет в целом.

Преднамеренно пишу Вам это письмо с циничностью, – с откровенностью до циничности: этим я хочу показать Вам, что я и мысли не допускаю не только о печатании, но и о каких-нибудь сообщениях другим со стороны Вас. Если думаешь, что *хотя бы после смерти* тебя выставят на позорище, то лучше совсем ничего не говорить, потому что скажешь лживо, а я этого боюсь более всего.

Раз Вы высказываете интерес ко мне, то, б. м., Вам покажется не лишним узнать кое-что о «корнях» моих. Моя антиномичность, б. м., имеет отчасти органический характер по самому происхождению моему. Со стороны отца предки мои – чистейшие русские, из поповичей, костромичи (мужская линия); по женской же линии со стороны отца я – москвич, и бабушка моя была правнучкою какого-то из московских вельможей, – «естественною» Во всяком случае со стороны матери отца я получил московские традиции. Насколько мне известно, семья была «с прошлым» (в хорошем смысле), круга выше среднего: дочери воспитывались в аристократических институтах, а сыновья слыли блестящими кавалерами. Костромская же кровь моя приспособлена к работе и выдержке. Прадед (священник) был очень беден; вероятно так же было и в прошлых поколениях. Но, кажется, в *этой* линии (Флоренских) всегда поддерживалась любовь к *книге*. Один из предков (по боков. линии) был довольно известн. проповедником (при Елизавете; он говорил нашумев-

шую проповедь на день восшествия Елизаветы). Один из предков был профессором в Моск. Духовн. Академии. Дед (воен. врач) был очень широко образован и уходил в научн. интересы (или, б. м., – библиофильские, – не знаю). У меня хранится его записная книжка, когда он был еще студентом. Тут содержатся выписки из книг и журналов, и подбор их показывает богатство интеллектуальной жизни. Кстати: дед был семинарист. Мне рассказывали про него, что он учился столь блестяще, что Митр. Филарет, будто бы, очень просил его итти в Академию и принять монашество, предсказывая, что он может стать митрополитом; но юноша ушел в Университет и проучился впроголодь.

Со стороны матери во мне течет кровь хеттеев, потому что армяне имеют в себе довольно большой % крови фригийских хеттеев. *Фригия*, т. е. классическое место культов Кибелы и др. тому подобных богинь. Но род моей матери, с мужской стороны, – не чисто-армянский. Семейное предание (я мало знаю его, т. к. мать моя, своим выходом замуж за русского, и притом в те далекие времена почти порвала со своими родными, – кроме сестер, и сама плохо знает семейные предания) говорит, что род Сапаровых выходец откуда-то с юга; кажется, – из Африки. Лично я склоняюсь к тому же, а именно к Карфагену или какой иной пунической колонии. Дело в том, что самая фамилия Сапаровы или, точнее, *Саpпаровы* имеет в основе своей *семитский* корень *Sapra*, значит «писал, написал» Софер и др. слова того же корня. Вам, конечно, известны. «Сапаровы» значит по-нашему «Писатели-вы» или «Писцовы». Так вот эти-то самые «Писцовы» или «Писаревы» или «Писателивы» имеют в фамильном гербе (сохранилось древнее фамильное серебряное кольцо с геммою) *Пегаса*, а Пегас – карфагенский герб.

Конечно, это все догадки. Но если бы их и вовсе не было, то я смело мог бы сказать, что во мне *костромская* кровь подмешана *африканскою*, ибо я чувствую ее в себе, хотя часто и стараюсь забыть о том. Вот, дорогой Василий Васильевич, моя антиномия Костромы и Карфагена и колебание: между сидением под ощипанною березою и бешеной скачкою в знойной пустыне на арабском коне.

А что, Василий Васильевич, едите ли Вы сырую *репу*? Непременно попробуйте: думаю, что если Вы вникните в нее, то узнаете много интересного. Это припомнилось кстати. Пойду, поем.

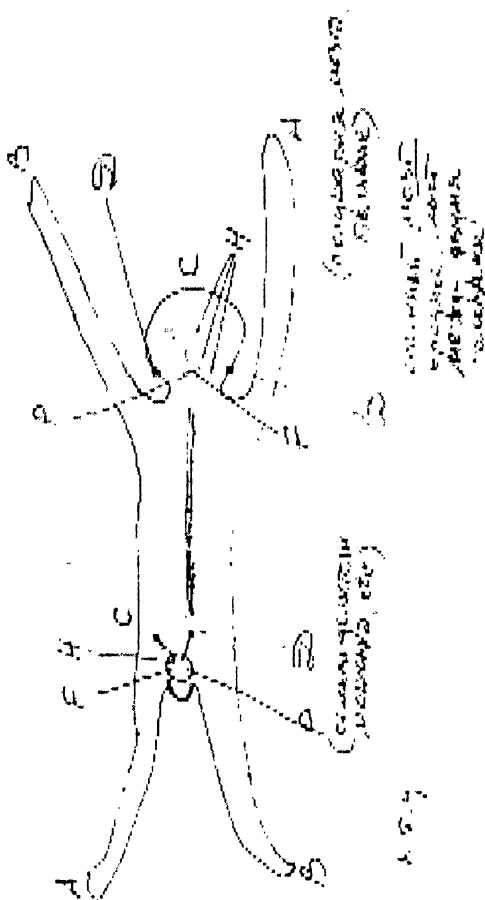

Подкрепившись двумя репами и ломтем черного хлеба с солью, возвращаюсь к болтовне. Вот, я писал о боязни печататься. Знаете ли, мне кажется глубоко знаменательным, происхождение слова «позорный». Ведь «позорище», «позор» означало первоначально зрелище, доступное многим, – видимое зараз многими. И мне думается, что когда что-нибудь из душевных движений делается достоянием многих, то это – позорно. Древние понимали это лучше нашего. Отсюда презрение к актерам; отсюда античная «школа»; отсюда эсотеризм, испытания, клятвы. Потому-то я и боюсь позора, когда делаюсь позорищем. Мало ли что кто знает; нельзя же сейчас печатать. А *Платон*, – на что он людям? Думают, что он писал об «Истине, Добре и Красоте» И пусть думают. Оттого ни Платону, ни нам с Вами, ни «имеющим уши, чтобы слу-

шать» не только не хуже, но и лучше. Едва ли было бы лучше, если бы всякий, посещающий восточные (или в восточном вкусе) бани (говорят, есть и такие) стал развязно рассуждать о том, о чем сейчас не рассуждает (о «Платоне»).

Как-то всегда складывается, что мне приходится думать о каком-нибудь больном. Так, вот, и сейчас целый день только и дум, разговоров и дела, что о впрыскиваниях, промываниях, пилюлях и т. д. Один близкий мне заболел триппером, а я невольно на практике изучаю приемы терапии. Тяжело видеть, как человек страдает. Стараешься принять легкомысленный вид и подшучивать, а на сердце все скребут кошки. Главным образом из-за этого я не писал Вам давно, да и теперь не знаю, когда напишу снова.

Очень давно мне представилась следующая схема из анатомии души.

Поэтому: действие на penis возбуждает мысли; мысли возбуждают penis. Возбуждение спинного мозга передается зараз в 2 стороны, – к мозгу и в penis etc, etc. Об этом можно написать целую книгу, но я, по правде сказать, несколько *стесняюсь* входить в подробности. Тут – и «в душу». Конечно, для большинства *смутно* чувствуете смысл этого ругательства. Но я уверен, что пустили (или пустил) его люди понимающие. *Этого* так – без понимания – не сочинишь.

Ну, пока до свидания, в следующем письме. На странице записной книжки я наметил номеров 13–14, – вопросы, о которых хотел написать, но написал лишь 3–4. Так, вот, и всегда. Нет ни времени, ни физических сил исполнить задуманное. Впрочем, всего ведь все равно не выболтаешь.

Уважающий Вас П. Флоренский.

1909. VIII. 10. Сергиевский Посад.

Адрес: Сергиевский Посад (Моск. губ.), Петропавловская ул., д. Ивойлова, мне.

P.S. Письмо Ваше я получил уже в Посаде, только вчерашний день.

<На обороте конверта рукой Флоренского написано>: «P.S. Сейчас получил Ваше письмо (из Тифлиса) относит. книги Libo. Переговорю сегодня же и завтра сообщу – если только Воронцов в Посаде».

Х

17–20 октября 1909 г. Сергиевский Посад.

1909. X. 17. Сергиевский Посад.

Рад я, дорогой Василий Васильевич, что Вы еще не настолько осердились на меня, чтобы совсем замолкнуть. Еще более я рад Вашей радости. За Вас я молюсь, – как умею и как могу. «Песнь Песней» получил. В приложениях к ней много всякой всячины, в том числе и никому не нужной. Но Ваша статья пахуча до одурения, – тяжелым, сытным запахом. А пахуча – значит – и не поддельна. Этим-то она мне и «показалась», как говорят в Костромской губернии (показалась = приглянулась, понравилась). Запах – субстанциальная характеристика. Если – одни только запахи, – то это слишком – душно, нет солнечности. Но без запахов все стало бы призрачным. Вы – запах человечества и, притом, не просто запах, а какой-нибудь *triple-extracte**. Что ж! И будьте запахом... В современную науку начинает (наконец-то!) проникать взгляд, согласно которому запахи – не просто материя, а квинт-эссенция, тончайшая стихия, из которой образована материя. Значит, запах характеризует самое сокровенное веществ, вещей и существ. Меня это размышление ударило как-то, когда я внюхивался в левкой, весь отдаваясь запаху. Говорю «ударил» Да, потому что сквозь превосходный аромат цветов мне вдруг

---

* Тройная вытяжка (*фр.*).

почудилось что-то иное, давно знакомое. «Это, – сказал я себе, – это не что иное как кочерышка или репа. Но и то и другое хорошо само по себе, почему же тут хочется сказать: «Самая обыкновенная кочерышка!?!». Тогда я не мог себе ответить на этот вопрос, но однажды, во время всеобщей, месяца через 1½ после первого размышления, меня вдруг снова ударила мысль: «А потому левкой, пахнувший репой, гнусен, хотя репа сама по себе тонка и благородна, что репа растет в земле и, так сказать, сознает себя корнем, точно так же, как кочерышка сознает себя кочерышкой, а левкой желает быть цветком. У репы – глубочайшее сродство с полом. Поэтому она прикрывается, прячется, ищет темноты. А левкой, тоже *ночной* по своей природе, лезет бесстыдно казаться солнцу. Получается гнусность вроде совокупления на театре, перед публикой». В связи с этими размышлениями я вспомнил, что и по ботанике выходит, что левкой, капуста и репа – близкие родственники. Так запах выдал тайны генеалогии левкой.

Раз уж я начал говорить о запахах, то сообщу Вам еще наблюдение: с детства у меня было какое-то чутье к запахам, так что почти безошибочно я мог различать растение ядовитое от неядовитого и гриб ядовитый от неядовитого. Говорю «почти» потому, что не все случаи потом были проверяемы. Но я помню, например, что я многократно спорил относительно «поганок». Мне говорили, что они ядовиты, а я утверждал противное, основываясь на их вкусном запахе. Тогда я почти было поверил внушениям взрослых. Но не особенно давно, к своему удовольствию, я узнал, что поганки не только не ядовиты, но даже съедобны, и что во Франции их охотно едят.

Еще на ту же тему. Вы как-то писали мне о печеной репе. Я очень люблю ее (хотя она мне не кажется нисколько глубокой, а просто: репа – репа и есть), но при этом мне всегда чувствуется нечто такое, что заставляет почти отвернуться от репы: почему-то мне чудится, будто я обнимаюсь с ветхой-преветхой старушкой, хотя, конечно, никакого возбуждения при этом нет. Так, одно головное «мечтание», и довольно отвратительное (если только последнее слово не слишком сально).

В одной из рецензий («Тр. Киев. Дух. Ак.»), восхваляющей книгу по истории религий некоего проф. Смирнова, мимоходом разругана и книга Ельчанинова. Конечно, последняя имеет существенные недостатки; но меня поразило ученое нахальство и кумовство: сама-то книга Смирнова – бездарнейшая и вся покрытая толстым слоем пыли компиляция.

Вот, в связи с этим мне припоминаются Ваши упреки мне в ученом тщеславии и щеголянии ученостью. Но Вы не знаете, дорогой Василий Васильевич, что это щегольство мне противно до последней степени, и что я допускаю возможный минимум ее, – лишь бы быть, если не терпимым, то по крайней мере не гонимым в ученой компании. И так я непрерывно ощущаю на себе пуки невысказываемого презрения. Презрение-то пусть, но при моей нелюбви к ссорам это все-таки тяжелое положение. А если презрение не высказывают прямо, то *только потому*, что боятся, как бы я не дал сдачи. Напечатай я что-нибудь так, как хотелось бы, – и мне не стало бы жития. Есть

целый ряд лиц, которые искренно рады всякому моему неудаче, всякой оплошности, даже всякой ученой и неученой сплетне. Волей-неволей приходится для таких иметь и проволочные заграждения.

Ну, довольно об них.

Все-таки, Вы, вероятно, все сердитесь на меня. Помните ли древнюю теорию о климактериях, т. е. о большей критичности годов кратных 7-ми (7-го, 14-го, 21-го, 28-го, 35-го аетатне*) и о малой – кратного $3\frac{1}{2}$ -ою ($3\frac{1}{2}$, $10\frac{1}{2}$, $17\frac{1}{2}$, $24\frac{1}{2}$, $31\frac{1}{2}$ ...)? Сколько я проверял ее на своей жизни и на жизни близких мне, – она – мудрая и жизненная теория (мистика числа 7). И вот, уже в прошлом году, при наступлении 28 года я насторожился и почувствовал симптомы кризиса. Теперь он свирепствует во всю. Я и сам точно еще не выяснил себе своего состояния. Думаю, что к весне установлюсь, – до 35 года, если Бог даст дожить. Но сейчас меня кто-то кует, и очень больно. Вот почему мне трудно писать, – хочется на время не говорить ничего важного, сосредоточиться, отдаться органическим процессам роста. Устно еще, более или менее, говорить можно. Но писать на бумаге нет сил, да и не следует. Вовсе не пренебрежение к Вам и не забвение Вас, а просто «болезненные роды» мешали переписке с Вами. Знаете ли, дорогой Василий Васильевич, в иные разы ясно сознаешь, что помочь никто из людей не может. А у меня бывает (да и раньше бывало, но слабее и реже) такая беспросветная тоска, и вдруг охватывает какая-то жалость ко всему миру и ко всем, кого знаешь и кого не знаешь, что почти физически ощущается боль сердца.

Нет любви и (ужасно сказать!) быть не может. Нет святой плоти (кроме Единственной). Везде и всюду одиночество и разъединение. И ужаснее всего то, что никогда и нигде не было того, что ищешь. И Эллада, и древняя Русь (богатырская, по которой я тоже ною) – это все чепуха, их не было, а более или менее всегда были Петербург и Посад.

Во многих отношениях мои настроения – настроения гимназиста 3–4-го класса. Бежать в Америку, сделаться разбойником (только не убивать чтобы), отчаянно нашалить, поселиться в лесу и т. д. – вот мои мечты, довольно несоответствующие и возрасту и положению. Главное, хочется шалостей и опасностей...

Пока прощайте. Привет Вашей супруге и деткам. Любящий Вас

Павел Флоренский.

1909. X. 20. Сергиевский Посад.

XI

1909. XI. 15. Сергиевский Посад. Воскресение, 9 ч. 15 м. вечера.

Верный в своей неверности и неверный в своей верности, вот я почему-то захотел написать Вам, дорогой Василий Васильевич, друг и враг, уважаемый и жалкий, пронизательный и близорукий. Впрочем, не совсем «по-

---

* Время жизни (лат.).

чему-то», а потому именно, что постоянный поставщик мне Ваших газетных писаний, С.И. Воинов (студент, что писал Вам об S) принес мне Ваш фельетон о чиновниках. Сегодня за чаем после обедни, т. е. часов в 12 дня, я прочел залпом Ваше писание, и вот, пишу в свою очередь. По правде сказать, сейчас я не в настроении спорить. Но т. к. Вы сумели затронуть мое болезненное место, то я не могу не реагировать. Во-первых, *чиновничество* = *проституции*, да? Но только в проституции еще сохраняется душа, хотя и искалеченная, а в чиновничестве – сказал бы я: «нет ничего», да боюсь быть жестоким. Все, что Вы говорите, я тысячу раз думал, то со скрежетом зубов, то в ужасе пред замерзанием мира. У меня вся внутренность переворачивается, я даже говорить об этом не смею, до того мне жутко, когда спросишь себя: неужели *это* жизнь? Журналисты, учителя, профессора, писаря и пр. и пр., – проститутки... Я готов кричать против этого уничтожения душ. Жить изо дня в день, мучиться и плакать, беспокоиться и радоваться... ради ордена, диплома, ученой степени или снисходительной похвалы в газетной рецензии! Я не *могу* поверить, чтобы это зло было не от людей, а от Бога. Пусть преступления, убийства, развраты, войны, – все это лучше такого охлаждения. Последнее время все это так давит меня своею безнадежностью, что я порою мечусь как угорелый и, мне кажется, иногда бываю недалек от начала психоза. Я бросился и бросаюсь во все, чтобы только избавиться от невыносимых дум и холодного состояния: то в «электричку», то в гости, то пьянствую, то завожу всевозможные знакомства, – с пропойцами, с проститутками. Но, кажется, и это не помогает. Ужас в том, что *везде* одно и то же. Представьте себе, что приходится испытывать, когда какая-ниб. «падшая», как загнанная лошадь утомленная, сообщает, что ей приходится иногда принимать в день 20–30 «гостей». Подумайте, ведь *визитов* столько сделать или принять очень трудно, а тут.

И в то же время, яснее и яснее становится, что без Христа нет избавления. Чем глубже грех, тем яснее образ Христа. Вот, напр., около меня (со мною живет) большой друг. Врачи ничего не помогли, – и не потому, что нет средств, а по грубому невниманию к больному, по-чиновничьему своему обращению. Человек около меня мучается физически и нравственно, тоскует и угнетен; мое сердце болезненно сжимается, а что сделаешь. Или, идешь по улице, видишь похороны. Я, конечно, знаю, что умру, да и не особенно боюсь смерти, – лишь бы что-ниб. сделать в жизни. Но подумаешь о бедной маме. Вот всю жизнь прожила. Отнесут и ее на кладбище. А что ты (т. е. я) для нее сделал? И что сделаешь? Ничего, ничего и ничего. Знаю заранее, что ничего не сделаю. Да и не знаю, что сделать. Чем отворишь горе? Как не допустишь черное облако смерти? Ну, будет. А то, чувствую, снова расплачусь, и письма не допишу. Будет, будет. Сидит мама одна, одинокая в Тифлисе, в пустом почти, большом доме. Все разбрелись. Вы представить себе не можете, дорогой Василий Васильевич, сколько, невероятных, почти нечеловеческих усилий и любви папа затратил на то, чтобы создать настоящую, крепкую, неразрывную семью. Но, уже при

жизни его, все начало идти прахом, рассыпаться, развеиваться. Нельзя пожаловаться на каждого члена семьи врозь. Нельзя даже сказать, чтобы не было любви взаимной. И... почему-то «не клеится» семья, да и только, расползается, рассыпается, хотя *все* от того чувствуют себя несчастными, хотя все как-то совестятся памяти отца. Но ужас в том, что это разложение семьи ничего не дает хорошего и для отдельных ее членов. Все страдают, все мучаются, а, б. м., и плачут. Однако какой-то туман, какой-то черный флер, словно облако смерти застит всех друг от друга. Слово откровенности не говорится, ласка замирает, смех обрывается, даже письмо, – и то не пишется. Словно рок какой тяготеет надо всем родом. Так же было, не смотря на всю жизнь лелеемые мечты о семье, с дедом, так было с прадедом. Иногда мне кажется, что этот рок – Божье наказание и вразумление, – за то, что отступил род от священнослужения, что это – ревность Божия, и «трагедия рока» не прекратится, доколе не будет – искупления, доколе род, в лице хотя бы кого-ниб. не вернется к своим исконным, костромским обязанностям, к своему призванию.

XII

30 апреля и 2 мая 1910 г.

1910. IV. 30. Сергиевский Посад.

Лучше ли быть, дорогой Василий Васильевич, бессовестным, невежливым, неделикатным, или же идти против непосредственных, тайных движений «нутра»? Лично я избрал себе первое и, воспользовавшись своей «утопией» в море работы, бессовестно, невежливо и неделикатно не писал Вам. *Что-то* говорило мне: «Не пиши»; и как я себя не ругал, мой «демонион» твердил свое. Отчасти, впрочем, причина мне известна: это – случайно оброненная Вами фраза о напечатании писем. Конечно, я и без Вашей «фразы» знал и знаю, что напечатания мои письма столь же мало избегнут, как мало может быть сохраненною рюмка водки в руках запойного (Вы – все тащите в печать). Да я и не боюсь напечатания, но стыжусь, и, несмотря на Вашу, – во многом справедливую, – проборку за отношение мое к «публике», я все же чувствую, что иные вещи выносить в публику есть бесстыдство (⁴/₅ современной литературы) и бесстыльность.

Ну, да ладно. Друг ли, недруг ли Вы, но мое отношение «пребывает» Если бы не Ваш почтенный возраст, семейность и прочие добродетели, подобно чинам, естественно растущие с годами, то я сказал бы, что Вас иногда не мешало бы отечески выпороть посадскими березовыми прутьями (– ах, хороши прозрачные еще березы! –), а потом можно продолжать разговор по-прежнему (вспороть же не мешало бы ну, хотя бы, за «музыканство»).

Но, вот, Вы пишете о «Слове» Ио. Злат.: «аще кто благочестив» и трогаете меня именно за то место, с которым я не знаю, как быть, – не знаю, ибо все еще не смею и не хочу признать выводов из опыта своей жизни.

Может ли, в самом деле, быть «переливание крови», общение крови у людей? Или, иными словами, может ли быть: «Се аз и братья мои» и даже «се аз и брат (друг) мой», или же всегда есть и быть должно: «вот я и... опять таки я, и еще я и т. д.». До сих пор я не могу вырвать из себя (или, скорее, не окончательно убедился еще в надобности такой операции) той мысли, что христианство предполагает «се аз и брат мой», – брат, о котором, порученом мне от Бога, я должен заботиться до последнего издыхания, за которого я дам ответ Богу, для которого я – «страж» И от *такого* понимания зависит весь строй моего понимания жизни. Но все то, что я вижу и переживаю, все то, что я читаю доказывает мне, что это осново-положение жизни оправдывалось лишь в древности (христ. подвижники), и непонятно, чуждо, странно новому времени. Мало того, теперь это положение представляется нелепым и невозможным. Да и впрямь, кажется, оно стало невозможным. Но если – так, то тогда переворачивается *все* у меня. Как человек предусмотрительный, я уже заранее привинтил к потолку скамьи и столы, чтобы, когда все перевернется, переселиться на потолок, оставив пол. Но при переворачивании нельзя не расшибиться, и больно. Вот уже сколько лет, как я стучаюсь и стал весь измолоченный; а этою зимою «измолотился» настолько, что все становится нипочем, – готов жить хоть на стене, не то что на потолке, – лишь бы что-нибудь окончательное поскорее.

То скверно, что в моем вопросе 5 мне ответа никто не дает, да и не может дать: а я так устал, что жажду именно готового, авторитетного ответа, – рецепта. – Вы пишете о Ваших критских монетах. С какой жадностью я поглядел бы на них и, главное, – потрогал. Что касается до Крита, то о нем «имеет быть» написано мною в 2-х – 3-х следующих №№ «Бог. В.» – Действительно, б. м., с моей стороны слишком легкомысленно печатать свои лекции. Но истинный мотив этого печатания – личный: мне во что бы-то ни стало надо было придумать такую работу, которая механически отвлекала бы меня от вопросов, разрешает которое только время: оставаться же с ними, грызущими сердце и мозг, сверлящими все существо днем и ночью было бы прямо невыносимо. Пишу и печатаю так же, как пьют, так что *Вы*, зная положение дел, не слишком обвиняйте меня в самоуверенности, тем более, что кто же читает «Бог. В.»: напечатать там это почти что все равно, как если бы держать статью под замком.

1910. V. 2.

Боюсь опять задержать письмо. Об Атлантиде очень хорошо, именно, думается, так (Земля – живое существо). Простите за долгое молчание. Привет и низкий поклон жене и деткам. Подозрительна ли все еще, ко мне, В. Д.? Будьте мирны и «сухи».

Ваш Павел Флоренский.

P.S. Как только немного, чуть чуть освобожусь, напишу как следует. Простите за пустое и бесцветное письмо. И расстроен и занят.

П. Ф.

ХІІІ

1910. V. 28. Сергиевский Посад.

Монеты.

Дорогой Василий Васильевич! Вот Ваши монеты, которые я задерживал со дня на день. Они растревожили больные места, но больно было расставаться с болью. Особенно полдрахмы. Этот юноша со своей небрежно-спокойной позой невыразимо прекрасен. Неужели, Василий Васильевич, это впрямь было? Неужели не мы вкладываем сюда трепет невыразимой красоты и «духовности». Ведь, вот, Вы прислали мне какой-то кривой, полустертый четвертак, а меня он выворачивает, – буквально «выворачивает», потому что почти *физически* ощущаешь, как рвется куда-то душа, как она оставляет эту обстановку, и тело жмется как-то, почти заболевает. Посмотрите: протянутая рука; грудь; правое бедро; левая голень – ведь только гениальный глиптик мог сделать так. Сравните с тем, что делается *лучшими* сейчас. Мазня, аляповатость, – рыночная торговка перед царицей. Сколько раз мучился душою я пред горшками в музеях. Простой горшок, – ну, для каши или вина, а есть что-то, даже не скажешь что, но после чего тяжело жить на свете.

Сперва мне все казалось, что это – «только так», «впечатления», «начитался». Но из году в год мрак сгущался. Я почувствовал, что *тесно* в этом моем теле, в этой обстановке; Вы, б. м., не верите, думаете, что я преувеличиваю. Но нет, это *буквально* так, это всем нутром ощущаешь. Прямо делается душно, – вероятно так себя чувствуют зашнурованные дамы или китаянки с разбинтованными ножками. Хочется размахнуться кулаком, ударить себя в *грудь*, разбить ее, – и тогда, – кажется, оттуда выступит другое тело, «настоящее», «мое», а не эта личина. Уже Платон и орфики чувствовали нечто вроде этого: $\sigma\omega\mu\alpha$ - $\sigma\tau\eta\omega$ * , тело – гробница. В эросе, – говорят (– слукавил я! –), – гробница разбивается. Да; но... Нет мочи жить, – без надежды. Нет мочи ждать воскресения.

Ночью.

Рок навис над нашим родом. И если в нас видеть что-то своеобразное, то, правильное всего, не есть ли это не более, как обреченность. На молитве порою я *знаю*, откуда этот рок и для чего он. И решишь что-нибудь. А потом снова вовлечешься в мирской водоворот. Роковое – то, что все желанное, все дорогое оказывается недостижимым, хотя считаешь его хорошим; и все считающееся хорошим, но о чем не думаешь, чего не ищешь – все это «само плывет в руки». Если буду жить, то когда-нибудь я расскажу об атмосфере таинственных вмешательств чего-то в свою жизнь, о необыкновенных случаях, ставших у меня вследствие частоты своей обыкновенными. Но посмотрите на жизнь отца, деда. Дед мой, Андрей был сыном священника. Он, как мне рассказывала одна старушка, подруга первой его жены и сестра – второй, – блестяще окончил семинарию и был послан в Академию, но тут задумал, по

---

* Жилище – строить (*греч.*).

любви к науке, уйти в Военно-медицинскую Академию. Сам Митроп. Моск. Филарет уговаривал его остаться и будто бы пророчил, что, если примет монашество, то будет митрополитом. Но дед все же пошел по своему пути, на нищету и разрыв с отцом. Мне порою является мысль, что в этом оставлении семейного священства ради науки – протот *φεῦδος** всего рода, и что пока мы не вернемся к священству, Бог будет гнать и рассеивать все, самые лучшие, попытки. Дед был глубоко не удовлетворен жизнью. Два желания были у него: создать прочную, дружескую, «вековечную» семью и иметь свой клочок земли, чтобы не жить в городе. Но любимая им жена, бабушка моя, умерла молодою, а вторая жена, мачеха отца, оказалась мачехою из сказок. Одним словом, семья не удалась и распалась хуже, чем рассыпаются семьи *без* «идеальных» основ. Сам же дед умер от холеры, леча холерных больных. – Отец мой мечтал всю жизнь о том же, – об идеальной семье и о жизни вне города, на своем клочке земли. И все не удалось, а умер он опять при исполнении своих общественных обязанностей, – именно от этого исполнения. – Обо мне, «представителе рода» (если Вы признаете права первородства), говорить нечего, Вы все знаете. Но не могу не сказать, что жизнь вне города и дружба, в семье ли, иначе ли, – одним словом, отношения интимные до конца, составляют мою мечту. Только теперь я уж узнал, что этому не бывать и мне хотелось бы только умереть *не* от своих обязанностей профессора, а от чего-либо иного, чтобы хоть тут преодолеть судьбу.

Пишу Вам – пишу, так сказать, сам с собою. Какая-то тишина и покой в душе. Я уж почему-то не говорю Вам о Том, кто все дороже, по мере густого мрака. Но, если бы мне пришлось умереть, то, несмотря ни на какую судьбу, я все же благословил бы Его и умер покорно. Поскольку между нами есть отношения и, с моей стороны более сердечные, чем Вы думаете, основываясь на моем поведении, – постольку мне горько и тяжело, что Вы все-таки не хотите смириться. Да, есть многое в области «Вашей» и «моей», что непонятно; да, про многое я скажу, что оно не так-то просто, как думают и как хотелось бы думать и мне. Я знаю (поверьте), что большинство людей, – скопцов и полускопцов, но не «для» и не «по причине» Царствия Небесного, а просто «от чрева матери», тех людей, которые родились от жидкого семени («разбавленного», «подмешанного») даже не подозревают многих пропастей, которыми окружены мы, родившиеся от семени цельного, «несмешанного» и что наши вопросы – (Ваши злобные, мои – убитые) *от людей* не найдут себе ни отклика, ни ответа. Все это знаю, давно знаю, а потому и молчал, и молчу и буду молчать. Но над всем этим, над всеми туманами земли и ее запахами есть Господь Иисус Христос. Кто знает, б. м., это мое письмо – последнее (тяжелые предчувствия одолевают меня), хотя «последнее» вовсе не в том смысле, в каком Вы усиленно навязывали это мне. И я (на всякий случай) прошу Вас, как друга, – подумайте над Ним серьезно, без злобы. Вам трудно принять Его, но попробуйте. Попробуйте посмотреть на

---

* Главная ложь (*греч.*).

Него не сквозь туманные испарения семени, когда Он кажется страшным призрачным великаном, готовым вот-вот раздавить Вас, – а при чистой атмосфере, поднявшись в чистые слои. Это пишу не по каким расчетам. Лично мне теперь стало все ненужным. Но я помню Ваши добрые отношения ко мне и потому хочу Вас не занимать тем, что Вам «интересно», а сказать то, что Вам, при всей банальности моих слов, все же нужно.

Пока прощайте. Господь с Вами и со всею Вашей семьей!
Обнимаю Вас.

Павел Флоренский.

1910. V. 29.

P.S. Сыч сидел на березе, что пред домом; упорно воеет собака на улице вот уж несколько дней, – зловещие приметы.

XIV

Кутловы Борки, 1910. VI. 17.

Дорогой Василий Васильевич!

Знаете ли когда я последнее время вспоминаю о Вас? – Когда барахтаюсь меж тугих и упругих стеблей водяных растений с таким же тугим запахом водяного царства. Ставим сеть в пруде или в озерке, а затем влезаем в воду и вспугиваем рыбу. После нескольких часов оживленной работы выловим 9–10 карасиков и, пропитавшись густым запахом воды, возвращаемся к вечеру домой. Есть запахи «рассудочные», ничего не выражающие, ничего не открывающие, – чистая физиология. А другие глубоки и ноуменальны. Из всех из них, кажется, глубже всего проникает *in naturam rerum** запах сыри, водяных растений, тины. «Жизнь – из воды», «все живое – из тины», «влага – основа всего» – это воззрения общечеловеческие. – Мне думается, запах воды – главный источник таких утверждений. Водяные растения, их ближайшие родственники – растения луковичные, грибы, папоротники – все они сперматичны. При виде их невольно думаешь об избытке, о напряжении производящей мощи.

XV

16–17 сентября 1910 г.

1910. IX. 16. Сергиев Посад. Ночь.

Дорогой Василий Васильевич! Хоть словечко напишите на открытке о здоровье Варвары Александровны. Ждал этого словечка чуть ни две недели (иначе у меня как-то нет твердой почвы под ногами, – не знаю, что и ответить Вам), а Вы или рассердились на меня, или у Вас в доме продолжается нехорошее. Напишите. Хрупкость человеческой жизни, человеческого спокойствия, всего человеческого меня и без того всегда преследует. Так и кажется (не в виде сравнения, а *буквально*), что мы все ходим по тоненькой корочке, а под нею бездонная топь, и корочка эта вся пустая, совсем как на болоте. Того и

---

* В природу вещей (*лат.*).

гляди – попадешь в «окно», либо просто грубо ступишь и провалишься. А слыша о случаях, подобно тому, что произошло у Вас, – особенно когда эти рассказы касаются людей близких, – все съезживаешься; и хочется закрыть глаза на весь мир и уйти «к себе», отсюда. Ведь смерть и даже несчастья лично для себя – не страшны. Но страшно причинить другим боль своею смертью; и тяжело видеть несчастье других. Если около тебя находится больной человек, который мучается и которому не знаешь, чем помочь, то нередко доходишь до такого умоисступления, что рад бы и его и себя убить.

То, что Вы пишете мне, зловеще своею простотою. «Оторвало руку ядром»; «раздавило трамваем»; «громом убило», «скончался от холеры» и т. д. – все это «понятно»: следствие приблизительно соответствует (или мы себя силится уверить, что соответствует) причине; да причина эффектно, стало быть есть чем эстетически быть пораженным и, следовательно, на том успокоиться, т. к. эстетика, ведь, и есть предохранительный клапан сильных чувств. Но «крошка, приставшая к гортани», да еще за «кофе» – это так мало, что невольно, в ответ на Ваше письмо, говоришь себе: «Не может быть»; «не заболела, а «так», «пустяки». А потом вспоминаешь, читаешь по *документу*, что не «пустяки» и не «так». И – пробирает холод. Но, б. м., и в самом деле «так»? Б. м., В. А. уже поправилась? Напишите.

Теперь вот Вам мой «отчет» за лето (я писал Вам несколько писем, но все они где-то валяются; почему не послал, и сам не знаю). Отчет мой короток и ясен: я женился. Почему? Как? – в точности я и сам не мог бы сказать или, вернее, мне нечего говорить. Женился просто потому, чтобы исполнить волю Божию, которую я усмотрел в одном знамении. Дело было так: мы охотились с близким мне человеком (я только хожу с ружьем и лишь делаю вид, что охочусь); стояли на болоте. Ноги вязнут и уходят в топь: льется проливной дождь и на нас нет ниточки сухой. Я чувствовал себя очень внутренне одиноким, изгоем не только людей, но и всего мира, внемировым. Только-только что перед тем, перед дождем обнимал землю и обливал ее слезами, вне себя; материнство земли, даже самой простой, утоптанной дороги порою мне очень ясно. И вот, не успел немного утешиться, как полил дождь. В голове стали ходить разные мысли, уже безвольные. Мне вспомнилась одна девушка, сестра того, с кем я был на охоте, вспомнилось, что она в деревне одинока, что подходящих условий она себе не найдет; подумалось, что, б. м., будет доволен «этим» и друг мой... так отчего же не жениться на ней; «все равно» де «моя песня спета». Конечно, эти мысли ни к чему меня не привели бы, если бы не «случай» (по-людски) и не «знамение» по моему. Только что подумались мне последние слова, как я машинально, сам не помню зачем нагнулся и захватил рукой какой-то листик. Поднимаю его и вижу, к удивлению своему, *четырёхлистный* трилистник, – «счастье». Тут сразу ударила меня мысль (– и я почувствовал, что это *не моя* мысль –), что в этом знамении – воля Божия. При этом вспомнилось, что с самого детства я искал четырёхлистный трилистник, ошаривал целые лужи, разглядывал множество кустика, но, несмотря на все старания, не находил желанного. Конечно, после

всего этого (тем более, что меня разом охватило какое-то спокойствие) я не мог медлить, сейчас, тут же на болоте написал письмо, и в течение самого короткого времени все сделалось; только свадьбу пришлось отложить на 2 недели, т. к. был пост. Венчались мы 25-го, в сельской церкви, у брата моей невесты; по моей просьбе почти никого на свадьбе не было и мне было ясно, что *венчание – таинство*, так что теперь никакие споры не убедят меня в противном.

Вы, вероятно, захотите знать об отношениях наших и, вероятно, останетесь ими недовольны. В самом деле, ни малейшей «влюбленности» (у меня), ни признака «Песни песней». Есть у меня жалость, есть братская любовь, есть даже отношение мужа к жене и к будущей матери детей (я и в мыслях не допускаю, что у меня не будет сына). Но нисколько, ни чуточки нет «жениховства», хотя я чувствую, что жене моей хочется его и, б. м., она даже страдает (кажется, не глубоко) от его отсутствия. Брак получается, как Вы определили бы, «безнадёжно-христианский». Мне, например, *кажется*, что жене моей (Анне Мих.) неприятно, что я не ревную; а я, самое большее, отвлеченно сознаю, что ревность – инстинкт здоровый и что полное его отсутствие для семьи и вредно.

1910. IX. 17. Утром.

Надо бежать на лекции. Пока прощаюсь с Вами. Хоть бы Вы прислали мне несколько строк, в которых сообщили бы, что все обстоит благополучно и что Ваша жена здорова, как прежде.

Ваш Павел Флоренский.

P.S. Напишите, какого месяца, числа, года и часа (если знаете) родились Вы и Ваша жена.

XVI

25 сентября и 9 октября 1910 г.

1910. IX. 25. Сергиев Посад.

Вечер дня Преподобного Сергия Радонежского, канун – Иоанна Божьего слова.

Дорогой Василий Васильевич! Начну прямо с того, что задело меня в Вашем письме. Вы пишете о моей жене: «Ничего себе». Это выражение обижает меня, потому что для меня лучше моей жены быть никого не может и нет, и по несколько раз в день я чувствую совершенно ясно, что она дана мне Богом, а не людьми. Да и сама она призналась мне, что в тот день, когда она впервые услышала мою фамилию (это было более года тому назад) и совершенно не знала еще меня, ей почему-то отчетливо представилось, что она будет моей женой и что быть иначе не может, – хотя, с своей стороны скажу, для этого до самого последнего времени не было ни малейших поводов.

Но есть что-то в наших взаимных отношениях и это «что-то», мне кажется, представляет самую суть *христианского брака*, – который Вы не хотите признавать за христианский. «Ромео и Джульетта», «Песнь песней», «поэзия» тут

совершенно отсутствует. Нет любованья, а сказать «сосцы твои, как...» и т. п. так неуместно, что вышло бы лишь насмешкой или глумлением. Что же есть? – Помните, как у Шекспира объясняет Отелло – любовь к нему Дездемоны:

Она меня за муки полюбила,
А я ее – за состраданье к ним.

Так, вот, именно и у нас. Жена моя на 7 лет меня моложе, и все-таки всегда выходит, во всем существенном, что она старшая, старая, древняя. Вот Вам схема, обычная программа наших «семейных радостей». Как-нибудь уединившись или воспользовавшись темнотой я разрежусь, хотя и беззвучно. Анна это сейчас же почувствует и обнимет. В конце концов, я, устав от плача или от дум и сердечной туги, засну, и вот, когда я засыпаю, то слышу, как она обыкновенно приговаривает надо мною: «Мой маленький деточка, мой маленький», и т. д. и гладит по волосам. Никогда она не стремится целоваться, никогда не трогает моего тела. А я всем нутром ощущаю, что я, действительно, – маленький и отношусь к ней по-ребячьи, чувствую в ней мать и в себе – сына ее. Иногда это ощущение делается весьма близким с ощущением материнства земли, Земли-матери. И мне ясна тогда сущность того явления, которое этнологи так аляповато и, думается, неправильно изображают под ярлыком «матриархата». Тут дело вовсе не в управлении, не в силе, и даже не в уме, а в какой-то стихийной первичности жены предо мною, так что я ощущаю себя вышедшим из ее чрева, происшедшим из нее.

Еще: почему-то я твердо убежден, что у меня будет сын; и если бы Вы спросили, «почему не дочь?», то я лишь посмотрел бы на Вас вопросительно: «Не знаю почему так думаю, но вполне уверен». Даже имя его узнал и крестного отца знаю, – и не я все это выбирал, а само почему-то решается, выбирается.

1910. X. 9.

Варвару Дмитриевну я видел всего лишь с час, да и то был занят Вами. Но то, что пишете Вы о ней, отвечает и моим впечатлениям. Это, именно, кротость и глубокое спокойствие, почти неподвижность. Я только немного удивился тому: до такой степени – это спокойствие не свойственно русской женщине; у моей матери оно такое же, но ведь она – армянка, а армянская женщина, если только она – жена, мать, а не обитательница гарема, это самое спокойное и глубоководное, что может быть на свете. Тишина матери моей порою меня даже сердила раньше, – вероятно, потому что я был, несмотря на весь свой органический, стихийный консерватизм, несколько «революционер».

Почему-то мне хочется напомнить Вам 2 стиха из Вяч. Иванова:

Как день ты новой пыткой молод,
Как ночь – стара моя печаль.

Вот удивительно, неправда ли?

О Церкви. В том-то и дело, что я с самого начала нашего знакомства знал все то, что Вы теперь мне «открываете», в чем сознаетесь, – а именно, что Вы любите Церковь и, притом, кровною любовью. Да неужели же я стал бы откровенничать с человеком, враждебным Церкви? Но Вы любили и любите. Б. м., Ваше дело, – жестокое и в существе, в глубине несправедливое дело, – имеет свое церковное же значение, потому что есть что-то «не так» в церковной жизни, – не внешне «не так» («контора»), а глубже того «не так». Что это – разве я знаю. Но что, – несмотря на искреннюю привязанность, – в церкви все же откуда-то дует и никак не найдешь себе такого местечка, чтобы проходящие не толкали в бок – это мне несомненно. Потому-то я, – условно, – признаю Вашу деятельность. Но, В. В., Вы все еще «революционер», «Бранд», «герой». Вы все еще хотите строить и перестраивать. Я же мечтаю лишь о том, чтобы «дотянуть», чтобы быть «сам по себе», чтобы «исполнять послушание» и «отсечь свою волю». Ну, дует, – и дует. Что поделуешь. Оденься теплее, выпей водки. В конце концов, с чего мы вообразили, что Церковь должна и греть и питать, а мы можем являться туда чуть ни в рубахах. Это – злые слова, но я часто думаю, что прав Ницше с «будьте тверды». Все-то мы размякли, как опара. – Любящий Вас Павел Флоренский.

Мой привет Варваре Дмитриевне и деткам. Конечно, Вас я не забуду и напишу в свое время о Вас, – не сообщения стороннего человека, а о лучшем, что я знал о Вас.

XVII

27–29 октября 1910 г.

1910. X. 27. Сергиев Посад.

Вы спрашиваете о критянах. Но – критяне *αει φεϋβται**. Хотя и написаны «по подобию своему», но для отделки требуют много, – неподвиженного, – времени, которое у меня всецело занято обсуждением (пересмотром) некоторых вопросов аскетики, лекциями, астрологией и т. д. Ведь «Noblesse oblige»** – не соблазнять «малых сих». А «малые сии» глубоко убеждены, что наука – только тогда научна, когда каждое мнение опирается на мнение какого-нибудь завалящего доцента, который, в свою очередь, списал его у другого доцента, не менее завалящего и т. д. Одним словом, «у нас» – то, что всегда было в «науке»: что хэдер, что бурса, что университет, то и академия. Поэтому, чтобы я был терпим, приходится руководиться таким правилом: «Думай сам, а говори чужими словами»; или «не верь никому, а ссылайся на всякого». Вы не одобряете этого... А думаете мне легко ^{99/100} своих сил и энергии тратить на подделку своей души под стиль школы? Но, – что же делать?!

Критяне нонче торгуют «греческими губками» и обдувают всякого, кто с ними свяжется. Вот именно, полное отсутствие (– простите за такое сочета-

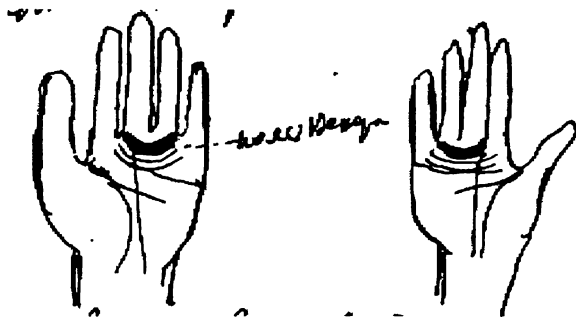
* Всегда лгут (*греч.*).

** «Благородство обязывает» (*фр.*).

ние слов! –) благородства. Ужасно, почему светлые образы прошлого не умирают без потомства, а оставляют на земле карикатуру и гнусный памфлет на себя! Зачем «кроткий царь Давид» породил жидов, жидовок и жиденят, Миносы и Платон – современных «грекосов»?! Неужели и «наше», «милое нам» через тысячу лет превратится в какую-нибудь пародию?

1910. X. 28. Костр. музей.

Рассмотрите свою руку и напишите мне, есть ли у Вас «пояс Венеры». Это – очень замечательная и довольно редкая линия. К моему удивлению она оказалась у меня выраженной очень ярко. Линия эта вот где:

«Этот пояс всегда увеличивает интеллигентность и дает возможность понимать возвышенные вещи, порождает глубокую меланхолию при возвышенном поклонении, истерику и *сверхъестественные* страсти к своему же полу. У Сафо было 2 или 3 таких пояса» и т. д. (из одной безграмотной хиромантии).

Попрошу Вас при этом *точно* определить топографию этого «пояса».

Второе, о чем попрошу Вас, это сообщить мне год, месяц, число, час (или по крайней мере ночное или дневное время) и день недели Ваш, Вашей жены и Ваших детей. Мне крайне интересно (думаю, что интересно и для Вас) узнать, насколько в гороскопах Ваших есть общее, родовое. Лично я убежден, что такое общее, родовое всегда бывает, ну, а в Вашем роде оно должно быть по преимуществу; ведь Вы, как натура женственная, должны быть сильно подчинены влиянию светил, а, как человек выдающийся, светила должны быть для Вас в каком-нибудь необыкновенно интересном и многозначительном сочетании.

О Костромском музее Вы пишете очень хорошо. Нужно нам, в самом деле, ознаменовать свою принадлежность к родине предков, тем более, что эта родина из фаллических – фаллическая («Кострома») – название фаллического божества), из блудливых – блудливая («Кострома – блудливая сторона»), из церковных церковная и из монархических монархическая. Все вместе показывает, что она – с корнями в землю и с ветвями в небо, *т. е.* живая. Но ведь там есть какой-то исторический губернский музей. Где же мы будем поме-

щать свой и что в нем будем собирать? Ведь существующий музей – под Царским покровительством и потому естественно, что все будет собираться туда, помимо «нашего». Но мои слова не возражение, а недоумение; по существу же дела мне Ваша мысль очень любезна. В моих руках находятся порядочные по объему, но не приведенные в порядок, этнографические и лингвистические материалы, касающиеся Костр. губ.; пока мне нет времени обработать их, да и негде печатать.

Карточку Анны пришлю Вам, – вот только сняться нет времени. Но прошу Вас, пришлите мне свою и, – хорошо бы очень, но боюсь Вас утрудить, – Варвары Дмитриевны и деток. Кстати: у меня непрестанное предчувствие, порою переходящее в непререкаемую уверенность, что будет у меня сын. Ах, как это было бы хорошо!

Присылаю Вам, – по доверию – [а потому не показывайте чужим] начавшийся печатанием сборник стихов, но потом прекратившийся по внешним обстоятельствам. Стихи мои – плохи, но, может быть, Вы сумеете увидеть сквозь отвратительную оболочку то, что они – более, чем литература, – для меня по крайней мере были таковыми. Это было все так давно (психологически и биографически), что сейчас стало уже чем-то «не моим». Потому-то я решаюсь дать кое-кому из самых близких.

Проф. *Заозерского* зовут Николай Александрович. Ну, всего хорошего. Пусть жена Ваша поправляется скорее, а Вы скорее умиретесь.

Любящий Вас *И. Флоренский*.

1910. X. 29. Надо бежать поскорее на лекции.

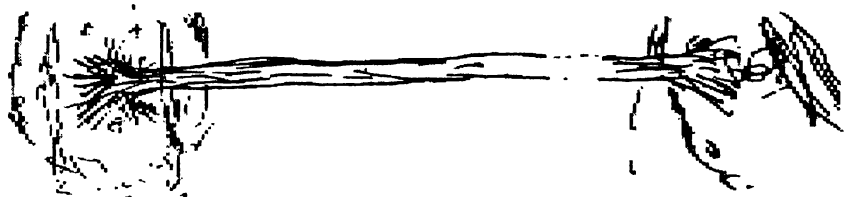
XVIII

16–18 декабря 1910 г.

1910. XII. 16–17. Ночь. Сергиевский Посад.

Дорогой друг! Как давно и сколько хочется сказать Вам. Но я уж почти все и позабыл, чем хотел поделиться за время сборов. Первое, о чем хочется говорить Вам, именно Вам, это – на Вашу же любимую тему. И хотя я едва ли могу сообщить Вам что новое для Вас, но имейте терпение послушать то, что, вероятно, знакомо и перезнакомо. Между мною и женой моей образовалась какая-то иррациональная, «ненаучная», «противонаучная» связь. Это – не привычка, для которой время еще не наступило; это – не уважение, для которого нет достаточных данных; это – не чувственное влечение, к которому я мало способен; это – даже не любовь. Правда, есть и привычка, и уважение, и влечение и любовь; есть и нравственная и физическая близость, а еще больше – взаимной жалости. Но есть нечто еще, и это нечто сковывает меня с женою невидимую, но чуть что ни материальную связь. Вот мое ощущение. Анны сейчас нет дома: уехала на две недели к матери. Я рад за нее, даже, пожалуй, рад за себя: спокойнее займусь, да и так, несколько отдохну от новых впечатлений, разберусь, поживу без порядка. Я хорошо знаю, что это

значит *тоска* по человеку: у меня в данном случае нет ее. мне несколько не скучно, тем более, что я и не один. Но... Но и днем и ночью, не покидая меня ни на одну минуту, меня преследует ощущение, которое непосредственно, помимо ведома и желания моего, облекается в образ; из груди моей (где *plexus solaris**, под ложечкой) теперь что-то вроде пуповины, какой-то живой, составляющий часть меня, шнур; сейчас он натянут и постоянно дает себя чувствовать. Другим концом он врос в Анну. Своим натяжением

этот шнур, эта новая пуповина постоянно беспокоит меня, и я, зная, что это глупо, ежеминутно, забываясь, спрашиваю у Васи, – брата Анны, моего друга: «Когда же придет Анна», на что получаю неизменный ответ: «Она же сказала, что через 2 недели. А если хочешь, напиши, чтобы приехала скорее».

Однако, этого мало. *Как другу*, я скажу Вам, (но это *очень* прошу не говорить *никому*, кроме Варвары Дмитриевны, которой сказать можете, если считаете нужным), что я жду ребенка. Это произошло в первую же ночь, я сразу почувствовал, что он идет в печальный мир, и почувствовал, что это будет сыночек. Не удивляйтесь, что это – так скоро. Это – вовсе не скоро. Я молился и тосковал о милом своем сыне уже давно, очень давно, и он тогда еще зачинался *где-то*, – что я знал и чувствовал. Господь исполнил, мои мольбы, а для Господа нет «слишком скоро».

Теперь начинается ненаучное. По науке полагается матери терпеть и расплачиваться за ребенка, а отцу «гулять» в волю. Но на деле – совсем не так. Решительно и определенно я заявляю Вам и заверяю Вас, что я ощущаю невероятный расход *чего-то* из себя. Какая-то сила, какое-то «что-то» непрерывно течет из меня, утекает чрез эту «пуповину» в моего ребенка и в жену. Я *ощущаю* нутром беременность жены, хотя совсем не так, как она и даже не в ее присутствии, а вот, сейчас, когда пишу это письмо. Идет и идет что-то из меня в моего дорогого детеныша, и не в моей власти остановить таинственный ток. Однако, как он ни таинствен, а результаты его ощутительны. Я устаю, мне надо поспать днем, даже иногда два раза. У меня аппетит, какого никогда не бывало, – я ем и ем, – втрое, сравнительно с прежним. Мало того, вообще нетребовательный и неприхотливый к пище, я все время замечаю, – к стыду своему, – какие-то прихоти, словно беременная женщина. То мне хочется того, то другого, то, наоборот не хочется того или другого. И, самое

* Солнечное сплетение (*лат.*).

странное, мне хочется и не хочется полярно-противоположного тому, чего хочется или не хочется жене. У нее потребность в соленом и сладком, а у меня – в кислом и горьком. Она пьет молоко и все молочное; а я даже смотрю на молоко с отвращением или почти с отвращением. Раньше бывала потребность в сладком, а теперь неприятно думать о нем. Раньше я видеть не мог мяса, а теперь, – несмотря на то, что уже без числа годов я в рот не брал мясного, мне почему-то хочется и хочется (и смех и грех, ведь *пост* теперь), хотя я этому влечению не уступаю; а жена слышать о мясе не может. Одним словом, получается так, как если бы мой организм хотел наверстать все то, что упускает или опускает организм жены. Происходит явление какой-то мужской беременности.

Впрочем, для меня это не совсем неожиданно. Люди непосредственные или вообще с чуткою «астральной» жизнью, с чувствительным «астралом» знают это явление и указывали на него. Маги и оккультисты говорят кое о чем подобном. А «дикие» – великолепно знают. Существует обычай «кувады», распространенный по всем временам и у всех народов. Вот он в чем: параллельно с беременностью жены ощущает течение ее и муж (ученые говорят: «симулирует», но, ведь и симуляция есть симуляция чему-нибудь, так что, значит, кто-нибудь и впрямь это переживает; ведь поддельные бриллианты доказывают, что есть настоящие, под которые они подделаны, а никак не опровергают существования настоящих). Во время родов он лежит в постели, мучается, стонет, не ест; после родов жены он лежит в постели, долго соблюдает весьма строгий пищевой и всяческий режим, который был бы непонятен, если бы все это не было всерьез. Его посещают, как больного; ему соболезнуют, его поздравляют с рождением ребенка. И он чувствует, что, действительно, этот ребенок – его собственный, кровный, «часть» самого его, его астральный кусочек.

Мне говорит на это Вася: но ведь блудники наблюдают и хоть 50 детей рождается, им все нипочем. Да. Однако в том-то и дело, что «блудник согрешает против своего тела» (Ап. Павел), что он «повреждает свое эфирное тело», что он «отрывает его от общей связи, от связи с обще-церковным телом» (Феофан Затворник). Блудник застит от себя, от своего сознания астральное свое тело и процессы в нем. Не потому ли от оккультистов требуется воздержание? Не потому ли интеллигенция, фактически не признающая брака, позитивистична? Не потому ли тайное ведение всегда признавалось неотделимым от воздержания от блуда?

Впрочем, это все слишком, слишком сложно для моего неопытного разумения. А с другой стороны, Иоанн Златоуст говорит: «дева – не та, кто не замужем или не живет с мужем, а та, которая “печется о Господних”».

1910. XII. 17. Сергиевский Посад.

Не помню, писал ли я Вам, что-нибудь про свое житие в Оптиной Пустыни. Познакомился я там, между прочим, с одним странником (он фактически монах, но по некоторым внешним соображениям не постригается), бывшим

в свое время личным секретарем знаменитого (по Гоголю) о. Матвея Ржевского, а затем, – долгое время, исправлявшим те же обязанности при Амвросие Оптинском. Этот старец, – как мне кажется, настоящий аскет, – был когда-то в браке. Он рассказывал мне, как переживал «благодать супружества». «В сердце, – говорил он, – непрестанно у меня точилась благодать, словно родничок какой. Течет и течет». – Потом жена его умерла, очень скоро после свадьбы.

Вы спрашиваете меня, дорогой, о † С. С. Троицком. Простите, я после когда-ниб. напишу, теперь не могу и не хочу думать ни о нем, ни о чем тяжелом, – которого у меня слишком много (положение мамы, судьба старшей сестры, здоровье друга и проч. и проч.). Не сердитесь? Оставим пока все тяжелое. Не могу писать.

Мне кажется странным, как мало обращают ученые внимания на исследование вкусовых ощущений. Почти ничего не сделано. А сколько тут интересного. Присылаю Вам несколько листков, вывезенных мною с Кавказа. О свойствах их не знают, – это пока мой маленький секрет. Но Вы не бойтесь, – я Вас не отравлю. Тщательно разжуйте и рассосите один листок, так чтобы зеленая кашица задела всю полость рта. А потом попробуйте погрызть сахару, поесть варенья, мармеладу, конфету, – попробуйте также хину и вообще что-ниб. *горькое*. Не бойтесь, можно дать и детям. Я тысячекратно пробовал и с собою и с детишками и с близкими и за эти листочки отвечаю. Вот, увидите, что будет. Если же своеобразное ощущение надоест, то прополощите рот и положите на язык щепотку соли, и все пройдет. (Глотать разжеванного листка не следует, хотя особенного ничего от того не произойдет, если и проглотите.)

Но совсем не изучены вкусы, как признаки характера. Нужна особая наука, – отдел характерологии, – о вкусах, о вкусовых ощущениях и влечениях. Полагаю, что вкусы выражают глубочайшую природу личности, определяют самые фундаменты ее, устройство подземных гаражей. Потому-то *de gustibus non est disputandum**, что *non est disputandum de monadibus, de substantus***. Я есть Я. И нечего тут спорить, *Стиль* – это одно из проявлений вкуса; и если *le style – c'est l'homme****, то тем более *le gout c'est l'homme*****. И понятно – почему так. Ведь что такое вкус? Что такое влечение к определенному роду пищи? Это – выражение инстинкта, определяющего, чего не хватает организму. Наше тело построится, – конечно и бесспорно, – нашею душою. В тайниках недр своих душа знает, что есть у нее и

---

* О вкусах не спорят (*лат.*).

** Не спорят о бытии (*лат.*).

*** Стиль – это человек (*фр.*).

**** Вкус – это человек (*фр.*).

чего не хватает; чего не хватает, к тому и чувствует она позыв, вкус, аппетит. При этом, то, что «любит» душа, это, недостающее ей, может быть ею усваиваемо. Следовательно, то, к чему у меня вкус, есть свойственное душе (характеризует собою душу) и нехватящее телу (отрицательно характеризует собою тело). Но разве это не глубокая характеристика моего Я?

Меня увлекает астрология. Вы говорите: принцип ее – «в семени заключено все». Да, а семя созревает под лучами светил, как семена растений под лучами солнца. Семя – самая «рецептивная», самая удобо-восприимчивая материя (конечно, не только материя; – прежде всего *не* материя, а *логос* *δερματιος**). И оно более, чем что на свете, лучше всякого фонографического валика или фотографической пластинки отмечает на себе вибрации таинственного мира светил, – «записывает» ту музыку сфер, которую слышит душа, когда ее несет чрез небесные пространства в *этот* мир ангел хранитель («по небу полуночи ангел летел»). Каждая планета что-то отделяет от себя, каждый ангел планеты, ее несущий (таково церковное воззрение) одаряет душу особым даром. Мой милый сыночек теперь слушает небесную музыку, о которой учили пифагорейцы и запомнит ее, надеюсь, на всю жизнь. Но если он будет без музыки небес в душе, – это так мне грустно. Неужели же просто комочек мяса?

Каково происхождение астрологии? – Маги постясь и вкушая священные наркотики приступали к наблюдениям. На головокружительной высоте башен вавилонских, в одиночестве, в священном трепете созерцали они, неподвижные, хоры небесных светил. Светлые точки на черном бархате неба, – ведь это прямое средство для самогипноза, для экстаза, для исступления! И, в экстатическом состоянии, они вещали, что виделось; планетные духи воплощались в них, входили в них и изрекали правду о себе и о деяниях своих их устами. Так возникла астрология – звездословие и звездоразумие, звездоразумие. Потом началась систематизация и анализ звездодухновенных проречений. Вдохновение заменилось наукою. Сперва эта наука была наукою живою, помнящею свое место. *Потом* – место вспомогательного приема. Потом механизация завладела всем, и люди захотели выучиться быть звездодухновенными совершенно так же, как они ныне «учатся» быть Бого-духновенными, – т. е. при помощи диссертаций. А потом эти диссертации заплесневели и о них позабыли. Так умерла астрология. Но она все еще жива, – жива не только в идее своей, вечной и неотменной, но и в переживании звездного «течения, *influentia*, влияние» в душу и тело. Передайте мой сердечный привет Варваре Дмитриевне и деткам, которые, конечно, не помнят меня. Вас да хранит Господь Иисус.

Любящий Вас Павел Флоренский.

---

* Семенной логос (греч.).

Еще 1910. XII. 17–18. 5 ч. утра.

Как же это я поступил бессовестно, что до сих пор не благодарил за такой милый подарок мне и жене моей. Я знаю, как Вам трудно расстаться со своими монетами, да еще с такими полновесными по значению, и потому вдесятеро ценю его, особенно меня тронуло, что Вы не забыли Анны. Она именно не из тех, которые блистают. Думаю, не блистает и Варвара Дмитриевна. Вот почему, пренебрежение к ней, – совершенно неосновательное, – которое могут позволить себе поверхностные люди, особенно болезненно для меня (сама-то она принимает его, как должное).

Самые же монеты... Ну, о них в другой раз, а то завтра не смогу встать утром.

Ваш П. Ф.

XIX

9 и 13 января 1911 г.

О Константине Васильевиче Вознесенском справлялся в женск. гимназии, где он состоит преподавателем истории и председателем педагогическ. совета; оказалось, что в Посаде его сейчас нет: уехал куда-то «на теплые воды» лечиться, но сказать, куда именно он уехал, мне не смели. Если хотите – узнаю через некоторое время, когда он пришлет адрес свой. Он – мой сослуживец и начальник: одну зиму я преподавал в гимназии женской, – математику. Умен и стилин, но отяжелел. Настоящий педагог. Периодически сходит с ума, – так, по крайней мере, говорят в Посаде. В мужской гимназии известен под именем «дяди Кости».

Книгу Вашу прочитал врасос. Чрезвычайно сильно, – кроме «Русск. могилы»: система примечаний неудобочитаема, внимание дробится, и делается скучно. Остальное, в смысле художественности, – гениально. Сочный ростбиф так же относится к выжатому лимону, как Ваши писания к писаниям профессоров. Вы пишете, как будто, не чернилами и не пером, а прямо пальцем размазываете какую-то густую и маслянистую краску. У Вас прошла теперь излишняя возбужденность (бесчисленные многоточия и восклицания и кавычки), язык сделался более связным, а сила выразительности не убывла, даже прибавилась. Удивительно! Ваши чувства (как чувства) я понимаю, пожалуй, приемлю. Но, Боже, как это все не по адресу. Суть, «зародышевое пятнышко» Вашей книги – Иововский вопль против зла, страданий и смерти. Кто не закричит вместе с Вами, – не закричал бы, если бы был Ваш дар вопить так красиво. Но есть и сладость покорности, и тогда вопли представляются злым упрямством капризного ребенка: «Хочу, – и буду!!!». Лично я, впрочем, большею частью тоже протестую, в глубине души. Но, научившись смиряться в особые моменты, в моменты молитвы, я, «заодно», и вообще стараюсь делать *bonne mine aux mauvaises choses**. «Нет счастья, – значит и

---

* Хорошая ми́на при плохих вещах (*фр.*).

не надо его!» (Ох, ох, ох – *надо*, говорю сейчас, т. к. я избит и разбит, так что и кости целой не осталось.) – Повторяю, Ваше жизнеощущение я знаю и считаю с ним. Но я совершенно искренно не принимаю Вашей схемы. Огрублю ее до ясности: Бог создал мир светлым и радостным. Вся тварь купно наслаждалась жизнью. Все были в мире и в ладу. Женились, плодились и множились; не было ни измен, ни ссор. Одним словом, каждый сидел под своею смоковницею со своим семейством. Не было болезней. Не было смерти. Но пришел на землю Христос. Несоизмеримый с земными радостями он попал их своею красою. Потребовал, – самим собою, – не словом даже, – от людей перехода в область несоизмеримую, – в смерть. Вся жизнь подернулась пеленою смерти: аскетизм, охлаждение любви к миру. Появились измены, злобы, ссоры, разврат, жестокость, болезни, смерть. Вы сердитесь на огрубление. Но ведь правда же, что Вы все мировое зло, – органически, всем «животом» Вам противное и ненавистное, – возлагаете на Иисуса Христа, словно *до* Христа не было того же. Аскетизм был во всех религиях до христианства, и притом, именно ненавистный, злобный к миру, истязующий. Хорошо ли это, плохо ли, – решайте сами, но Вы *должны* признать, что Христос умерил аскетизм, вырвав из него жало – пафос *ненависти* к миру и оставив (– это по Вашему –) лишь холодность к твари.

1911. I. 13.

Ну, опять залежалось письмо. Докончу после. Хочу послать Вам для «Третьего пола» материалы, но под условием скорого их возвращения, т. к. я боюсь оставлять их в чужих руках. Писал их молодой человек, весьма симпатичный, исстрадавшийся и измученный до последней степени; его жалко (но он – не из «жалких»). Жаждет учиться, жаждет чистой жизни. Записки его грязны и трагичны. Можете использовать их (в смысле печати) как хотите, *но под непременною условием соблюдения тайну места, времени и имени*: «Некоего монастыря некий послушник Х.», – не более. Об этом очень прошу. Книжку Вашей падчерице выслал. Простите, – не знаю ее отчества. Душевно Ваш.

Павел Флоренский.

XX

15 и 20 января 1911 г.

1911. I. 15.

За чтением «Семейного вопроса в России». Ч. 1.

Хорошо, правдиво, «любезно сердцу». Это – настоящая *Ваша* стихия – стихия кроткой насыщенности пола. О священнике (на стр. 33) очень хорошо. И... все-таки. И все-таки меня смущает. Поймите, Василий Васильевич, что я по существу, истинно-Ваше, сокровенно-Ваше принимаю. Но обоснований Ваших не могу ни понять, ни принять. Не по адресу Вы говорите. Т. е. для меня несомненно, что есть вина пред младенцем у всех нас, – у христианско-

го общества, у церковной администрации, даже у «исторического», исторически выраженного христианства. Но ведь дело-то не <в> этом. Дело в мистической глубине христианства или, – точнее, прямее скажу, – в истинной сути Христа. Что, Христос *с* или *против* младенца? Для меня этот вопрос – решающий, и ответ на него есть Христо-дицея. Как я отвечаю – Вы знаете. Как Вы отвечаете – я знаю. Тут (– Вы прикрываетесь еще в «Сем. вопр.» –) соединение невозможно. И с самого начала моего знакомства с Вами я назвал Вас другом-врагом. Другом – по одинаковости требований жизненных, по одному, чего, – в сущности, – мы жаждем получить от горнего мира; врагом – по топографии «да» и «нет».

Однако, Вы *даете* решение, объяснение вопроса о причинах гонения на младенца. Если я отвергаю его, – т. е. если я отвергаю, что источник этого гонения – Христос, – то Вы вправе от меня потребовать какого-либо иного решения. Приблизительно – вот оно: в мире существуют две психологии, два способа мироощущения и мирооценки: мужской и женский. То, о чем говорите с любовью Вы, – это предмет любви «женской» психологии, да и вообще, Все Ваше философствование над миром – ярко женственно. Ева – жизнь, мистическое начало *жизни* в мире и любви к жизни. Для Евы ребенок – высшее, что есть, *ens realissimum, ens sanctissimum**. Но есть еще Адам? Не то, чтобы он был *против* ребенка, но он – и не *за* него. Для Адама ребенок «так», «между прочим». У Адама *свое* дело, – «в поте лица зарабатывать хлеб свой». У Адама нет времени, ему всегда некогда, – даже когда он курит или пьянствует или сидит за газетой. У Адама *все* облачается нимбом деловитости, как у Евы – любования. Для Адама *нет* нигде улыбки, ибо всюду – присутственное место. А для Евы – нет нигде присутственного места. Может ли *не* быть Адама? – Не думаю, хотя и не люблю его. Может ли *не* быть Евы? – пожалуй, что да, хотя будет холодно, скучно и тоскливо. *Мир* на стороне Адама, и чем далее – тем более. Поймите, *мир*. Христианство потому и *не при чем* в мире, что само оно глубоко женственно. (Вы же говорите: «S»). Мой ужас, моя тоска, моя боль – диаметрально противоположны Вашим. Я знаю, что Христос есть Христос, но в минуты слабости, в минуты позорного «неверия», в минуты какой-то почти психозной придавленности я спрашиваю: «Господи! Не поторопился ли Ты с «Я победил мир»? Не ошибся ли Ты, хотя Ты и Господь?» Давно, когда я еще и православным себя не считал, у меня бывала кошмарная идея, – почти принимавшая образ и силу галлюцинации. Мне казалось именно, что я вижу пред собою гигантскую паутину, в середине которой сидит громадный паук птицеед, мохнатый, черный, страшный, злой-презлой, с блестящими круглыми бисеринками-глазками, с хищным клювом и визжит, визжит почти без перерывов, взятяжку непередаваемо высоким (как у пилы или как по стеклу) писком. И в этой паутине, среди многих других, запутался Господь Иисус Христос. Однако рисовалось это мне в навязчивом представлении так: распятие – медное, старенькое, истер-

---

* Вещь реальнейшая, вещь святейшая (*лат.*).

тое и лоснящееся местами, а местами – совсем потемневшее. Ужас мой – не в том, что Иисус, среди многих других запутался в «тиняте» (костр. слово), а в том, что он подлинный Сын Божий, Бог, и все-таки запутался. И еще был другой ужас (см. прилагаемое при сем письме «произведение» – море).

Об этих кошунственных образах я пишу Вам по исключительной близости и расположению к Вам. Об них ясно *никто* не знает и не знал, а считаю все свои грехи вместе взятые ничтожною каплею пред этой пучиной греха греховнейшаго. Христос меня спас от нее и теперь эти кошмары для меня – прошлое и пережитое. Как же мне может не быть не больно, когда Вы трогаете Его и даже обвиняете именно в том, от чего я считал его погибшим, – в «паучестве».

Стр. 34. «За руку». Вот именно. Как хорошо сказано и как непонимающе, что мужчина *вообще* не берет за руку. Мужчина всегда римлянин. А если он перестает быть римлянином, то это оттого, что в большинстве есть «S». Мужчины лишь постольку теплы, поскольку они «S». *Мир* осудил и осуждает «S»: «сало», «анекдот» (Ваши же слова!). Ну, и замерзает в оскудении любви. Миру нужны деловитые присутственные места, – начиная от консисторий и кончая публичными домами. Но любование друг другом («S» – по Вашей терминологии) ему не нужно: «телячьи нежности», да и некогда. Некогда, некогда. Надо поспеть в «Совет» какого-ниб. учреждения, в театр, в публичный дом, в читальню, с визитом и т. д. Для всего время есть. Но когда надо П минуты посмотреть в глаза другому человеку, взять его за руку, вместе помечтать – тогда оказывается некогда. Вы говорите: «Христианство – «S». Я иначе разумею все это, но пусть, я приму вызов и так и скажу: Пусть «S»; но Вы все, «миряне», без этой «S» перемерзнете. Я устал, я болен и потерял равновесие. То угнетен и в апатии: так – так так; то – в бешенстве: а, хотите мерзнуть – ну и мерзните, нет моей мочи больше. Плакал-плакал, ломился-ломился, и – надломился.

Вы там мне пишете нехорошие строки по поводу скверных моих стихов. Если бы Вы сказали *это* (т. е. что они скверны), – я просто согласился бы и на том покончил. Но когда *Вы* не можете увидеть за ними страданий по тому самому, о чем вздыхаете Вы в своих сочинениях; когда Вы опять оказываетесь таким «мужчиною», что Ваши отвлеченные *понятия* («христианство», «пол»...) не дают Вам прозрения в суть вещей – я сержусь на Вас: для Вас это *не* недостаток чуткости, а просто мужское «самолюбие» или еще что-то там вроде того.

С. 35–36. «Ни «здравствуй», ни «гряди в мир».

«Христе, свете истинный, просвящай и осящай всякого человека *грядущего в мир*». Вот мое милое дитя «грядет в мир». Долог и труден путь его, – 9 месяцев пройдет оно путь от «того света» до «этого». Но Истинный Свет освещает его тропинку, вразумляет его, освящает и одобряет. Уже теперь оно, он, мой милый сыночек, любит меня, прыгает в моем присутствии,

переходит на ту сторону, с какой я сажусь или стою около Анны. Уже теперь оно выражает свое одобрение и неодобрение разным событиям семейной жизни.

1911. I. 20.

Часто я согласен с Вами, дорогой друг; но когда читаю или слышу Ваших противников, я, – хотя и несогласный, – все же делаюсь «весь Ваш». В Вас какое-то веяние аристократизма и благородства, – «голубая кровь» и «белая кость» («голубая кровь» = ἰχίор в жилах богов). А еще знаете, что органически привязывает меня к Вам? – *Кровное* родство: мой отец всегда говорил то же, что и Вы. Правда, он не любил вслух обсуждать метафизику пола, но я думаю, что он согласился бы с Вами; а понимание семьи, женщины, материнства, ребенка у него было решительно тождественно с Вашим. Я воспитан на этом, т. е. отец ни на шаг не оставлял меня. «Таинства церковные» – это мое убеждение и, отчасти, наследство предков; «таинства естественные» – в крови, от отца.

Но «незаконорожденные» и весь цикл связанных с ним вопросов у Вас обработан так «человечно» (любимое слово отца) и с таким моральным пафосом, что живой человек не может не принять Ваших требований. Это уже не аргументы, не тезисы, а просто *факты*, непреодолимо врезающиеся в мироощущение. Что выйдет от принятия их сказать нельзя заранее. Но Ваша книга («Сем. вопр.»), – по упорству и подъему нравственных переживаний, – эпоха и памятник Вам, какого не создавал себе ни один писатель и моралист России. С литературной, с философской, с художественной точки зрения можно бесконечно жалеть, что Вы тратите свои силы, свое время, свой подъем на разбор такой гнили, такой бездарности и беспринципности, как принципиальные писания большинства Ваших оппонентов. Но для России, для Церкви Вы сделали то, чего никто не делал за много последних столетий.

XXI

15 апреля 1911 г.

Дорогой Василий Васильевич!

Хотя Вы и сердиты на меня, но я все не решаюсь послать Вам брошюру и карточку своей жены. Живу волнениями, накануне событий: жду ребенка и собираюсь поселиться в маленьком сельчишке Благовещенском сельским священником. Мне бы хотелось, чтобы Вы не сердились и чтобы благословили мое решение, т. е. благословили бы не сердясь, а потом, если это нужно, рассердитесь снова, до дитенка.

Знаю, что Вы считаете меня виноватым и неблагодарным и знаю, что я даю повод думать так. Но не могу иначе и в *самой* глубине души не считаю себя ни виноватым, ни неблагодарным: жизнь моя слишком сложна и слишком мучительна, чтобы я дал себе волю мучить ею других; а делать вид, что ничего нет – не умею и не хочу, пред Вами.

Скажу только, чтобы Вы не думали, чего-нибудь плохого о моей жене, что она выше всего, на что можно было в жизни надеяться. По доброте, кротости и чистоте, и мы друг друга очень любим. Но она слишком хороша для земли, и каждый толчок земли разбивает ей сердце.

А все-таки Вы не сердитесь на любящего Вас Павла.

1911. IV. 15. Сергиевский Посад.

XXII

11–13 мая 1911 г.

1911. V. 11. Сергиевский Посад. Ночью.

Меня очень трогает, дорогой Василий Васильевич, Ваша незлобливость, — тем более трогает, что Вы усмотрели во мне то, что действительно могло бы вывести из себя хоть кого. Только Вы ошиблись: любопытствующие ремарки и вопросы на известной Вам рукописи (кстати: Вы ее мне непременно верните, а то моя совесть неспокойна, и в дальнейшем я Вам объясню почему именно) принадлежат вовсе *не мне*, а тому священнику, для которого она писалась. Моего там нет ни слова, кроме надписи на обложке. Да и по отношению к Вам, поверьте, я нисколько не любопытствовал и не расспрашивал. Дерзну сказать, и нечему было любопытствовать, т. к. все, что Вы мне сообщали, было мне известно и переизвестно из сообщений священников, из книг, и документов, подобных присланному Вам.

Как хорошо, что Вы были добры не портить мне настроения моего отсоветываниями и прочими «препонами», которые в таких случаях почему-то всякий считает долгом своим ставить. Ведь все это время у меня, несмотря на усталость, на волнения, на тревогу за Анну (близко время ее), на кучу дел, такой праздник звенит в душе, такое торжество, словно настал день 7-ой, словно наступила Вечная Пасха. Какой-то, невыразимый, неосязаемый, непонятный для меня самого внутренний мир низошел в душу, в сердце, во все тело. *Внешне* — я все тот же: и сержусь, и раздражаюсь, и недоволен. А в глубине души Достигнутое, Завершенное, Окончательное словно свило гнездо свое и высиживает птенцов. Я вернулся к предкам и теперь, за несколько дней этих, я так привык к своему положению (при полной, поразительной для всех неумелости в деле службы), к рясе, к алтарю, к престолу, — ко всему, что ни есть в церкви, что мне диким и непонятным кажется, как же это было раньше; не верится, чтобы могло быть иначе. Вся психология перевернулась. Вы поймите, Василий Васильевич, что это значит почувствовать на себе руку Епископа, непосредственно соединенного, *телесно*, физически с другим Епископом... с Апостолами, с самим Христом. Ведь на себе чувствуешь *не иносказательно*, а буквально руку Христа Самого. Впрочем, все это рассуждения. А факт тот, что посвящение, самый акт возложения руки ошеломил меня (дважды), ударил в пот, довел почти до потери сознания окружающей обстановки и дал что-то новое, — еп

realissimum* для меня, ens quasinihil** – для других. Вкус изменился, как вообще, так и пищевой. Любил я красное вино, – теперь видеть не могу, иначе как в церкви, самое слово «вино» во всех его видах мне противно. Наука, искусство, даже Вяч. Иванов (даже Вяч. Иванов) мне опостытели, стали безвкусны, пресны, неучены. Зато семья мне сделалась какой-то уплотненной, более близкой... простая жизнь стала близкой.

При таких-то настроениях получил я Вашу книгу. Благодарю за память. Прочел ее сейчас же, но, признаюсь, как-то

без жалости и гнева.

Не обижайтесь, это я *про себя*, не про книгу говорю. Я стал глух. Знаете сами: «сытое брюхо к учению глухо». Я прочел книгу, теоретически, голову оценил ее достоинства (замечательнее всего: «семинарщина! О глупая семинарщина! Туда же, философствует!»), с одним согласился, другое отверг, но... все это как-то слишком спокойно и со стороны: «А мне-то что! Мне со Христом хорошо. А содомия ли христианство или не содомия – пусть себе решает дорогой друг Василий Ва-ч. Все равно, я заранее, а ргіогі утверждаю, что мне будет хорошо со Христом, к каким бы результатам он ни пришел». У меня получилось такое чувство, словно страшными *картинами* Вы думаете отпугнуть от источника воды, или сами пугаетесь этих картин. «А я не боюсь!». Вы говорите: «Мне хорошо с женою». Это – факт. Так вот и еще факт: «Мне хорошо со Христом». Теперь начинаем бороться; но вы должны помнить, что я не безземельный. И притом (– последовательно или непоследовательно, – не знаю, да и знать *не хочу* –) я забираю себе и Ваше, жену; можете кричать себе сколько угодно, что это незаконно, что это не настоящее христианство, что это не церковно и т. д. Во-первых, меня интересует *факт*, а не *право*, и руковожусь я правом сильного. А, во-вторых, кто дал Вам право говорить о правах и обязанностях нас, церковных; ведь Вы хотите быть *вне* «стен церковных». Так что же Вам решать *наши* дела. И вот, оставаясь в *пределах стен*, я имею жену, мною искренно и до крови любимую и меня любящую; надеюсь иметь ребенка, о котором мечтаю; хотел бы иметь еще и еще детей. Меня за эти желания не гонят, за мои чувства не порицают. Следовательно, о чем же беспокоиться? Вы говорите: «А преп. Серафим, а Велик. Антоний и т. д.». Но я то ведь ни тот и не другой, а простой иерей Павел; если бы я был ими, то, б. м., и сам. Простите, дорогой, я пишу, кажется, цинично, но это, – для картинности, для определенности. Надоели мне сложные мерещковистые проблемы, хочу *просто* жизни. Поймите, мне скучно, мне тошно, мне нудно от мерещковщины. Раньше я кипятился, а теперь просто смешно.

Вас же я, как и прежде, люблю, уважаю и ценю, и мое отношение к Вам не изменится, если бы Вы повернулись спиной. Но я не импрессионист («ловимоментщик»), отопляюсь дровами, углем (но не газом), и потому взры-

---

* Вещь реальнейшая (лат.).

** Вещь как бы ничтожная (лат.)

ваться не способен. Мои действия и поступки как бы рассчитаны на 10, 20, 100 лет, а не на день и не на неделю. В этом-то несходстве темпераментов («монументальность» и «импрессионизм», «резь на бронзе» и «воздушный поцелуй») и заключается все наше с Вами «недоразумение». – Молюсь о Вас и о Вашей семье, в глубине души Вашей полагаю церковность, вопреки Вам в Ваших проявлениях. Поэтому искренно вынимаю за Вас (и за семью Вашу) частицы из просфор, когда совершаю проскомидию. Но в первый раз вышло нечто символическое: за всех Ваших частицы вынимались как и быть должно, а «Ваша», «р<аба> Б. Василия» частица пришлось на мягкое, недопеченное место и вырвался целый клок просфоры. Затем, когда ссыпал я частицы на дискос, Ваша частица отскочила в сторону и упала на жертвенник. Однако я все же взял ее рукою и «понудил» войти куда надлежало ей попасть самой.

Вот с чем не считаетесь Вы в «Люди лун. света», вот чего Вы решительно не указываете и не объясняете: это именно «бисексуальности». Вы располагаете область пола в одну линию

$-5 -4 -3 -1 +0 +1 +2 +3 \dots$

Но могут быть индивиды, в которых *зараз* $+4$ и -4 , $+5$ и -5 , $+6$ и -6 , и т. д., и $+$ и $-$. (Кстати, знаете ли Вы, что $+ = -$, ибо $+0 = -0$).

Гениальность и есть муже-женская организация, не в смысле отсутствия и М. и Ж., а в смысле максимальной интенсивности и того, и другого. Гений обладает женской восприимчивостью к бытию и мужественную способностью перековывать воспринятое в *символы* духа. Совершеннейший гений есть бесконечная самонасыщенность пола $+$ – , но никак не $+ - 0$, что всегда *просто* бездарно, просто сухо, оскоплено.

То, что Вы пишете об Анне – все верно, но все это надо бы еще усилить. Чем дальше идет время, тем больше я научаюсь ценить ее и замечать то, чего раньше не видел или что только слегка вырисовывалось. Ее лицо, – по Вашему замечанию некрасивое, порою делается в полном смысле прекрасным. И, чем ближе идет дело к рождению ребенка, тем одухотвореннее и милее делается оно, несмотря на ее недомогание. Но ни присланная Вам, ни какая другая из снятых фотографий не передает сути дела, – потому что оно – не в *чертах* лица, а неуловимых тонах выражения. Это может передать только художник, да притом с чистою душою.

1911. V. 12. Сер. Пос. Утром.

Знаете ли, не на меня одного Ваша книга производит впечатление, что Вы сдаетесь, что не из-за чего было столько волноваться, что Вы, в конце концов, только для себя страшаете аскетику, но вообще, как момент метафизики истории признаете, признаете законным. Да и в самом деле, Вы с таким пафосом говорите о поле, как таковом, что делается для всякого ясно: «+» ли, «-» ли – все хорошо, все нужно. Острие спора переходит от вопроса о ценности христианства к вопросу о метафизике вообще. Истолковывали христианство по-аристотелевски, истолковывали его затем по-кантовски, по-гегелевски, ну, а те-

перь истолковывают по-розановски. Но все это истолковывание, каким бы оно ни было, ничего еще не говорит о ценности христианства, – потому не говорит, что *все* так же истолковывается. *Весь* мир, *все* явления, вся история аристотеликами истолковывается по аристотелевски, кантианцами – по-кантовски, розановцами – по-розановски, *sub specie sexualitatis**. Не христиане могут быть Вашими врагами или сторонниками, а философы того или иного толка.

Молюсь за Вас и за все Ваше семейство, дружески обнимаю Вас. Любящий Вас

Священник Павел Флоренский.

1911. V. 12. Сер. Пос.

Уважаемый Василий Васильевич!

Благодарю Вас за Ваш свадебный подарок и извиняюсь за позднюю благодарность и неответ на Ваше письмо. Павел всегда и много говорит о Вас хорошего, и я очень тронута Вашим ко мне вниманием.

На этот раз задержка письма вышла опять таки из-за меня, за что еще раз извиняюсь.

Уважающая Вас Анна Флоренская.

1911 г. 13 мая.

XXIII

9 ноября 1911 г.

Дорогой Василь Васильевич!

Приехав домой, я был встречен неприятными вестями. Анна заболела: печеночные камни. Теперь ей лучше, но нужно лечение. Благодарит Вас за подарки и приветствует Вас и Варвару Дмитриевну. Маленький по мне соскучился. При сем прилагаю письмо к Б. М. Якунчикову. Если найдете его стоящим внимания, то, пожалуйста, передайте Якунчикову, адреса которого, ниже имени не знаю.

Желаю Вам и всем Вашим всего радостного, а Варваре Дмитриевне скорее поправиться.

Любящий Вас свящ. П. Флоренский.

1911. XI. 9. Ночь.

XXIV

28–29 ноября 1911 г.

1911. XI. 28. Сергиевский Посад. Ночь.

Дорогой Василий Васильевич! В моей жизни было несколько моментов, когда мне было до боли жалко Вас и хотелось написать Вам, обнять и поцеловать Вас тем поцелуем, каким мать целует маленького больного ребенка.

---

* С точки зрения сексуальности (*лат.*).

Впервой это было в Оптиной Пустыни. Тогда ни Вы меня, ни я Вас не знали, это было много лет тому назад, – лет 8, кажется. Случайно подвернулся мне в руки № Весов и в нем Ваша бестолковая статья, в которой Вы выражаете желание, чтобы Вас похоронили в какой-то уединенной башне и залили гуммиарабиком. Почему именно гуммиарабиком? И какое отношение этой канцелярской принадлежности к погребению? Мне показалось сперва смешно, – как от выдумки ребенка, а потом жалко-жалко Вас. Тогда Вы были очень уставшим от жизни и от одиночества, и я это почувствовал. Написал письмо – такое же вздорное, как и вызвавшая его статья, но оно, по обыкновению, где-то завалилось у меня в бумагах.

Было еще несколько подобных случаев. А теперь, вот, пришел ко мне Ваш знакомый студ. Ф. Андреев («красивый», по Вашему определению) и принес Вашу статью о Лафаргах. Ну, с Лафаргами мне-то не стоит возиться, – умерли – и да будет им социалистическое царство. Но с какою-то глубокою и затаенною скорбью Вы пишете тут многое о себе. И это делает больно и, значит, делает близким. Я не люблю слово «люблю», да и плохо понимаю его. Жалею. И когда есть кого жалеть – хорошо, пред Богом хорошо. А довольных не жалею, не умею жалеть, около них скучно и душно.

Что-то не понял я, в каком смысле предостерегаете от черносотенства. В общем-то я натягиваю на себя оное, т. к. по воспитанию и по задаткам слишком аморален, а аморальности боюсь. Надо себя закалить, речами закаляю. Но еврейства боюсь, и не столько даже боюсь, сколько отталкиваюсь *tota anima toto que cogit** от него. *Все* в нем чуждо, ничего «своего». Вот, кстати, образчик нравов. Тут еврей-часовщик, у него несколько древних монет. Собираюсь купить у него петровский рубль; в лавке полутемно. Спрашивает за него 1 рубль. Хотя я знаю, что он в монетах понимает даже менее моего, но я сразу «сдоганулся» (костромск. выраж.), что дело не ладно. Присматриваюсь – вижу – раковины, да и цвет амальгамы, – явная подделка. Говорю: ведь это не серебро. А он: «Нет ни одной монеты из серебра, – всегда низшей пробы». Я: «Это другое дело, а тут – нет серебра». Он: «Как же нет серебра?». Наконец, я уломал его и заставил посмотреть пробирною жидкостью. Приходит, и как ни в чем не бывало, словно он говорил, что это не серебро, а я – что серебро, и словно я его хотел надуть, заявляет с апломбом: «Металл!». – Я: «Т. е. не серебро?» – «Ну да, металл. Возьмите за рубль». В еврействе примечательно не корыстолюбие, не жадность и т. д., – кто этим не грешен. Нет меня поражает какая-то атрофия *порядочности*. Всякие есть и пороки и добродетели, – и у еврея, и у всякого другого. Но нет ни одного, у кого бы была слепота на порядочность. Мне же кажется, что легче иметь дело с убийцей, прелюбодеем и разбойником, нежели с человеком органически ни в себе не знающим, ни в других не видящим порядочности. Еврей не понимает, что всему должна быть граница, внутренняя *мера*, – полная противоположность эллину, для которого *μηδέν ἀγών***.

* Всей душой, всем телом (лат.).

** Слишком большой (греч.).

лучно. Анна все не здорова, хотя теперь нет припадков. Васёнок заболел, три дня провел в сильном жаре, без сна и без еды; нам почти не приходилось спать, и эти дни были тревожны. Теперь жар прошел, но есть сыпь, думаем не корь ли. Но чувство незыблемости чего-то, основного, важнейшего не покидает меня, в минуты наитревожнейшие.

Тут для Вас приготовил иконы Б. М. *Млекопитательницы*, – на Афоне подлинник. Не знаю, как доставить ее Вам. Божия Матерь радуга, вершиною уходящая в небеса, а основанием своим «пьющая воду» по чудному сказанию народному. В Ней успокоение, когда чувствуешь, что ничего не можешь и даже – не хочешь, не умеешь хотеть.

Простите, дорогой Василий Васильевич, за мои каракули. Устал, дела много, да и сил нет писать лучше. Вы можете прочитать с пятого на десятое, *а потом сжечь письмо, – на случай, если у нас в сам. деле корь*. Обнимаю Вас. Господь с Вами. Сердечный привет Варваре Дмитриевне и молитвенное пожелание ей облегчения в ее тяжелом кресте. Привет Вашим.

Любящий Вас Павел Флоренский.

1911. XI. 28.

1911. XI. 29. Утро.

Не успел я вчера кончить письма, как с Анной случился опять ужасный припадок, и всю ночь мы провели в каком-то сумбуре, – тем более, что и Васек болен.

П. Ф.

XXV

Флоренский – В. Д. Бутягиной-Розановой

3 декабря 1911 г.

Дорогая и многоуважаемая Варвара Дмитриевна!

В сегодняшней вечер особенно живо вспоминается Вы, и более, чем в другие дни, хочется молиться за Вас и за Вашу семью. Но когда пытаешься определить, о чем именно молиться для Вас, то не можешь дать себе ответа. Желать ли Вам того, что Вы себе желаете, здоровья? Или желать высшего, терпения в нездоровьи? Первое спокойнее для Вас, а второе – для Вас лучше. Знаете, люди, более опытные, чем я, и несравненно более моего чуткие к голосу Божию в обыкновенной жизни, говорят следующее: чем преданнее человек к Богу, тем более подходит судьба его и черты характера и даже житейские обстоятельства на судьбу, на характер и на житейские обстоятельства того святого, имя которого он носит.

Да и в самом деле, празднуя «день Ангела», что собственно празднуем мы? Святого этого дня празднует *вся Церковь*, а *мы*, «имянинники»? – Ангела. Что это за Ангел? – Это *имя наше*. Святой, носивший это имя, облаухал его чудным благоуханием неба; и когда мы духовно рождаемся, когда мы

вступаем в жизнь и в Церковь, Бог делает нам крещальный подарок, имя наше. Это не звук пустой, не «колебания воздуха, порождаемого языком», о которых учит физика. Это истинный Ангел наш, и если мы дорожим своим даром, полученным от Святейшего, то всматриваясь в него, принимая его в душу свою, в самый сокровенный ларец сердца, – мы сами начинаем проникаться тою же благодатною «волею» жизни, сами благоухаем, – так же благоухаем, как святой Ангел наш. Вам дан дар великий и почетный, «Варвара». Варвара – великомученица не только потому, что умерла мученически, а потому что жила мученически, безропотно неся тяготу постылой жизни. Но разве терпеливое, о Господе, несение домашнего, семейного креста, наконец креста болезни, не то же мученичество? Варвара жила в пышной и светской обстановке, как в какой пустыне, заперлась в комнате. А Вы разве в Петербурге не вынуждены запереться от суеты и лжи окружающей жизни. Варвара сделала себе три окошка, чтобы помнить о Троицком. И у Вас – три окошка: муж, дети, молитва, и чрез свое «устройство» этих трех окон Вы тоже можете созерцать Свет Невечерний. Варвара, наконец, была именно немой («варвара» – не умеющая говорить) среди пустых словопрений окружавших ее; и Вы, когда все *говорят* кругом Вас, живите Варварой.

Приветствуя Вас всею семьею, мы желаем Вам радости и мира, – об остальном же лучше знает Святая Покровительница Ваша Варвара Велико-мученица. Сердечный привет всем Вашим.

Священник Павел Флоренский.

1911. XI. 3.

Канун дня Великомученицы Варвары.

XXVI

1911. XII. 5. Сер. Пос.

Дорогой Василий Васильевич! Не успел еще отправить письма к Вам, как получил Ваше. Вероятно, Варвару Дмитриевну поразила смерть матери. Дай Вам Бог успокоения! Смущен Вашим поручением, которое я был бы обязан сделать и без Вашей просьбы. Дело в том, что у меня *нет Церкви*, в академич. меня лишь изредка *пускают*, а 40 дней служить подряд, это значило бы изгнать оттуда всех студентов, монахов и профес. Поэтому-то и ною я, что нет у меня Церкви. Летом все разъезжаются и делается сравнительно свободно. Как быть? Я могу поручить в Академии и *сделаю это* <:> поминать на обеднях рабу Божию новопреставленную Александру тому, кто в данный раз служит. Сам же обещаю отслужить эти обедни после, когда получу (теперь кажется что-то налаживается) церковь, – ну в начале, или в середине 12-го года. Мне так тяжело, что в таком простом и важном деле я огорчу Вар. Дм. Но делать решительно нечего. Когда же буду служить – обязательно буду поминать и ее, как поминаю, среди живых, и Вас с семьею.

Если будете когда писать мне – напишите (одно слово), что за монеты видел я у Вас *с рукою*, и какая это рука, – правая (как изображено тут) или левая. Помню такой необыкновенно плотный горельеф.

Анна все хворает, хотя иногда делается легче.

Ваш, любящий Вас свящ. Павел Флоренский.

XXVII

27 января, 14, 17 и 20 февраля 1912 г.

†

1912. I. 27.

Дорогой Василий Васильевич!

Приветствую Вас с днем Вашего Святого, во многом столь определившего Вас. Ведь это он, едва ли не единственный из свв. оо. «обычаи человеков изучил... и естество сущих изъяснил...». Это он, чуть ли ни единственный из свв. оо, питал грандиозные планы объединения всех враждующих партий и потому был терпим до послабления духоборам. Это он, опять чуть ли не единственный, имел не мало мудрости змеиной и склонность к тонкому ведению дел, переходившему в хитрость. Это он – то, что у В. В. называют «двуличностью» и что сам он, по справедливости, называет «многомочностью». Одним словом, это он – «идея», «горный тип», «ангел» Василия Васильевича Розанова.

Просматриваю Ваши афоризмы. Знаете ли, по поводу них, что пришло мне в голову? – Надо бы составить «*morceaux choisis*»* из Розанова, – собрать отдельные лучшие отрывки, афоризмы и т. д., одним словом переплавить розановские *Opera Omnia*** и извлечь оттуда все лучшее, а затем издать отдельной книгой. А то, ведь, в Ваших книгах есть много такого, что делает их не для всех доступными, да и не для всех полезными. Расположить же эти отрывки в порядке систематическом: «Бог», «Мир», «история» и т. п.

Получить Ваши лоскутки было мне и радостно и, более того, грустно. Словно Вы готовитесь к смерти. Разумеется, надо готовиться, но Вы-то ведь еще не готовы. Веря в Промысел, который ведет Вас к лучшему, я положительно, своим слабым сознанием, не могу допустить мысли, чтобы Вы умерли так, не успокоившись и не найдя того, что даст Вам уйти отсюда спокойно. Это была бы какая-то бессмыслица. В Толстом было много жесткости, которая мешала его истинной жизни, но Ваше лучшее, хотя иногда и опасное для Вас качество, качество делающее Вас *единственным* среди наших жестких современников, это Ваша бескостность.

С другой стороны, мне было бы слишком тяжело потерять Вас, – это уж эгоизм, – и сознавать, что Вас нет. Мне не важно говорить с Вами, писать Вам, читать Вас, а важно лишь то, что есть *возможность* всего этого и, доко-

---

* Избранные отрывки (*фр.*).

** Полное собрание сочинений (*лат.*).

ле она есть, есть известная привязанность к миру. Не станет ее – и еще по-рвется связь с миром, которая вообще, думается мне, как стеклянная связь, никогда не крепнет, но всегда идет на убыль с ходом биографий...

1912. II. 14. Вот видите, до какой степени я не принадлежу себе. Почти месяц все не могу дописать письма.

К Вам занесет это письмо, вероятнее всего, *Сергей Алексеевич Голованенко*, мой ученик и близкий приятель. Хотя он и академист, а совсем своеобразный, несколько интеллигентского типа. Думаю, что Вам будет не безынтересно познакомиться с ним, конечно, если только Ваш дом, хотя бы скольконибудь, спокоен. Едет в СПб он по делу Трифановского, покушавшегося на Арх. Антония Волынского. Трифановский – его товарищ по семинарии, и поэтому Голованенко вызывают в суд в качестве свидетеля.

Так я и не знаю, в каком положении сейчас Варв. Дм. Лучше ли ей? И, по крайней мере, внутренне успокоилась ли она?

II. 17. Вы представить не можете, до какой степени опротивело от невозможности говорить так, как говорилось бы. «Эзоповский язык» – прикрывание «цитатами», «справками», «авторитетами» и всяким мусором, которого не признаешь. А иначе говорить некому. Год от года хуже: Академия опускается, понимания и чуткости все меньше, и я теперь уже несомненно чувствую то, о чем Вы столько раньше писали: торчишь тут неизвестно для кого и для чего. Удивительно даже, что доселе терпят.

Невыносимость положения в том, что сознаешь себя церковным и любящим Церковь и с Церковью, но именно этого-то не поймут.

1912. II. 20.

Сердечный привет Варваре Дмитриевне. Не обиделись ли Вы на меня за что-ниб.? Если да, то простите, ради поста.

Дружески обнимаю Вас.

Любящий Вас свящ. *Павел Флоренский*.

XXVIII

26 марта 1912 г.

†

Воистину воскрес!

Дорогой Василий Васильевич!

Все это время я порывался написать Вам, но постоянные службы и бесчисленные корректуры отбивали всякую силу. Сердечно и дружески приветствую то, о чем Вы пишете и о чем я не считал себя вправе просить Вас. Радуюсь за Варвару Дмитриевну и за Вас, потому что уверен, что так и Вам и ей будет легче. Я думаю и верю, что Господь, воскресший *телом*, внесет жизнь и в *тела* Вас обоих, – обоих, потому что Ваше тело более нуждается в обновлении, чем тело Варвары Дмитриевны. О душах я не говорю, это разумеется само собою.

«Уединенное» не только прочитал и, местами, по несколько раз, – жене, еще кое-кому, но и переплел уже: отец мне всегда твердил, что держать книги без переплетов – признак некультурности; а я как-то инстинктивно не перешу книгу «в нижнем белье», как не люблю и распущенности в одежде перед людьми не самыми близкими, да и то лишь вечером, когда начинается уютность семьи. Прежде всего меня поражает, почему, за что Ваша книжка изъята из продажи. Какой дурак догадался об этом? Если *это* неблагонамеренно, то – что же? Какая-то сплошная неясность. И «революцию», и «порнографию», и «уголовщину», и всяческую растленность не изымают, а вещь во всех отношениях полезную запрещают...

Что мне более всего нравится (в ней), – это сочетание *важного* с естественностью. Конечно, узел Вашей книги – это «возвращение». И вот тут-то, в этом обращении был (– не для Вас, в этом я был уверен за Вас, а безотносительно –) трудный момент, – серьезность тона. Всем существом не перевариваю елейности и ханжества, хотя бы они и принимались по лучшим побуждениям: «Нельзя же, де иначе, в такую серьезную минуту». Очень хорошо, что и в «серьезную минуту». Вы не забываете высунуть язык. Нужно сказать, то, что Вы и без меня знаете, что (как говорил мой отец постоянно) «люди – всегда люди» и везде приходится оберегать свою духовную свободу. Лучшее оружие – язык, не фигурально, а буквально, обыкновенный, высунутый язык. Вы меня в каком-то из писем ругали за Афанасьева. Все это принимаю и понимаю, да Вы не усмотрели, что я только высовываю язык своим коллегам. Вот вся суть. Конечно, Афанасьев вовсе не «генерал» и вовсе не «от фольклора». Ни в генеральстве, ни в фольклоре он не повинен. Его я чту и читаю с пользой. Но к нему прицепляются («петушком, петушком») разные «Веселовские», «Венгеровы» и прочие *dii minores gentium**, вовсе не умершие, а живые, и даже чересчур живые, и вовсе не скромные, а задирающие нос и, в лице своих прихвостней, мешающих всюду науке. Я поставлен на то, чтобы их приводить к сознанию или, по крайней мере, лишать тех венцов, которые они себе понадели и должен высовывать им язык. Но высовывать *прямо* им не достигнет цели, и приходится задевать (б. м., и неблагородно, сознаюсь) тех, на которых они строят *свое* «величие». Но, по существу дела, у меня и в мыслях нет: «мною любуются», тем более, что мною вовсе *не* любуются, а лишь терпят или вынуждены терпеть. Кроме нескольких друзей, к числу которых отношу и В. В. Р-ва, хвалящих меня незаслуженно, меня ругают, и притом ругают так, что не знаешь, кого слушаться: кто – за православие, кто – за неправославие; кто за левизну, кто – за правизну и т. д. Похвалами же друзей я несколько не смущаюсь, ибо принимаю их за то, за что должно принимать похвалы друзей, за способ выразить добрые чувства, и только. Если бы В. В. сказал мне «золотой мой», то я вовсе не вообразил, что я – из золота, а подумал бы только с благодарностью и любовью: он меня любит и не находит более подходящего выражения своей любви. Точно так

---

* Меньшие местные боги (*лат.*).

же, когда кто-нибудь из друзей говорит: «умный», я хорошо понимаю, что тут дело вовсе не в указании ума (был бы я «умный» или был бы «глупый» – все равно друзья сказали бы «умный»), а в выражении любви ко мне, к такому, каков я есмь. Это все очень просто, и я повторю Ваше: «Не надо конвульсий». Зачем Вам, мне и всякому отнекиваться от похвал или от ругани близкого человека, когда она и не имеет своей целью научных исследований о нас; от любви же отнекиваться не должно, выражается ли она в любви или в ругани. Впрочем, *Вашу* «ругань» я выслушиваю всегда с особым удовольствием, ибо она всегда сообщает мне нечто важное, – о *Вас*, о Ваших симпатиях и антипатиях. Не то важно, что Вы хвалите *меня*, или ругаете *меня*, а то, *как* Вы хвалите и ругаете, и то, что *Вы* хвалите и ругаете. Личность пронизает собою малейший «атом», малейшую складочку живого существа. Это – «гомеомерии». В *Вас*. *Вас*-че всюду *Вас*. *Вас*., – и на руках, и на ногах, и в словах, и в кишках, и в почерке, и в тембре голоса, – всюду, всюду. Улавливать эту единую «идею» *Вас*. *Вас*-ча в многообразных и совершенно разнородных проявлениях личности его – вот что дорого мне в общении с ним; и так – с другими. А все прочее – лишь мундир, и мне это не интересно. Пока люблю «идею» NN, до тех пор *все*, всякая мелочь интересна и дорога и встречается любовным взглядом. Когда же, вдруг, оказалось нужным вырвать *идею* из сердца, то, с нею, исчезает всякий интерес. Вот, напр., Д. С. Мережковский. Когда-то я интересовался им. Его статья о преп. Серафиме («Последний святой») так оскорбила меня, что я вырвал *идею* Дм. С. из себя и теперь... Дм. С. для меня не существует («соль обуявшая»). Я борюсь с ним, – ради других, но для меня его *нет*, и мне все равно, что он пишет, что делает, как живет... просто какая-то труба в небытие. М. б., его деяния талантливы, культурны, пикантны, блудливы (духовно) и проч. и проч.? Ничего не знаю, могу ответить не душою на эти вопросы, а головою, по-профессорски. Я даже не знаю, не грех ли это, но я не могу сделать иначе: любая букашка, любой черепак меня более интересует (внутренно), чем тот, от кого я оторвался.

В «Уединенном» я чувствую Вашу идею, полагаю, что *кое-что* (лишь кое-что) почувствуют и другие. Но все же «Уединенное» не избавит *Вас* от «Книги бытия» или «Правды и поэзии моей жизни». «Уединенное», это – *драма*, а я жду, сверх этой, неожиданной для меня драмы, еще и *роман*. С. А. Голованенко, студент бывший у *Вас*, мне что-то говорил о «забытых писателях». Я не совсем понял, но, если понял превратно, то эти «забытые писатели» выполняют часть той работы, которую я налагаю на *Вас*. Однако пусть эти «забытые писатели» будут лишь первым выпуском вообще «забытых». Неужели писатели – все? – только в *своем* мнении писатели что-то большое, а в сознании прочих они – не более как

летом вкусный лимонад.

Есть забытые люди, забытые идеи, забытые учреждения и т. д. Они должны ожить в *Вас*, – не сразу, конечно, а постепенно.

А монеты, «забытые»? Ведь я жду Ваш атлас, жду с нетерпением и ничего не знаю, «забыт» ли он Вами, или нет? Видя дрязги жизни, мне все более

хочется замкнуть себя в пределах стен дома; я почти нигде не бываю, кроме церкви да аудитории и, чем более сижу дома, тем чувствую себя полнее и яснее. Хочется, впрочем, чтобы, – отчасти вопреки Вам, – «уединенное» мое было вне меня, кругом меня, а внутри меня было Мировое. Вот, – вспомнил-то случайно, – о чем я давно хотел попросить Вас. Не можете ли Вы где-ниб. и как-ниб. писнуть о «Рел.-Фил. Библиотеке» М. А. Новосёлова. Я знаю, что в ней нет многих из тех сторон, которые дороги Вам; но я знаю и то, что имеющиеся стороны поставлены так, что лучше их поставить нельзя. Если бы Вы могли представить, сколько бескорыстного напряженного труда, сколько хлопот и волнений бывает ради каждой из этих маленьких книжек, Вы были бы тронуты. Право, это едва ли ни единственное у нас в России культурное дело ради дела, а не ради корысти. И его бессовестно замалчивают. Между тем практическая сторона дела для всех участников его, а в особенности для М. А-ча, нечто настолько чуждое, что только в самое недавнее время, по моим усиленным настояниям, сделана маленькая реклама. Видите, я попал в практики; это значит, что в «редакции» Рел.-Фил. Биб-ки сидят люди совсем ничего не смыслящие. Помочь им – это значит помочь не им, ибо выгоды они все равно не получают, а «публике», приучить ее (дело оставляю в стороне – религиозную сторону дела) к чистоплотности и культурной порядочности. Ну, да Вы лучше моего понимаете все это. У нас почему-то укоренилась глупейшая нравственная максима. Когда к тебе приходит проходимец и требует на выпивку, то благородно не дать. Когда тебя обкрадывают, неблагородно защищаться. Но когда друзья нуждаются в помощи, и в особенности друзья делают не фальшивые ассигнации, а дело полезное, то «неловко», «стыдно», «неприлично» оказывать им содействие. Вот, вопреки этой максиме, я и думаю, что моя просьба к Вам – не «неловкость», не «неприличность», а вещь вполне естественная. Нужно же нам всем, близким, устроить наконец «кагал»!!

Как здоровье Варвары Дмитриевны, как ее самочувствие душевное? Хорошо, что Вы выпустили «Уединенное», хотя я все-таки не понимаю, за что «оно» изъято из продажи.

Еще к Вам не то просьба, не то вопрос: почему Вы, столько думавший о Μητηρ Θεων^* никогда не думаете о Μητηρ Θεου^{**} ? Ведь как в первой коренились все Ваши *вопросы*, так же во Второй содержатся *ответы* на те вопросы, – не логические ответы, а ответы для души и для сердца. В том-то и «*Радость всех радостей*» (икону «Умиления», без Младенца, т. е. *in se****, так заповедал называть преп. Серафим), что она не *просто* и не *только совсем иное* в сравнении с Μητηρ^{****} , не мимо нее, а реальный ответ на реальнейший вопрос, – порядок *того* хаоса, свет *той* тьмы. Ведь ваши вопросы были не просто аберрацией ума, а жизненными вопросами; но в том-то и дело, что на них есть и *жизненные ответы*.

* Мать богов (греч.).

** Матерь Бога (Богоматерь) (греч.).

*** В себе (лат.).

**** Мать (греч.).

Господь и Его Пречистая Матерь да хранят Вас и всю семью Вашу от уныния и хаоса. Дружески обнимаю Вас. С любовью

Священник *Павел Флоренский*.

1912. III. 26.

P.S. Мой адрес: Сергиевский Посад. Штатная-Сергиевская ул., д. Озерова.

Кто делал виньетку для «Уединенного»? Она превосходна: такая прозрачность *холодного* воздуха.

XXIX

9 июня 1912 г.

Давно уж собираюсь предложить Вам такую комбинацию, но недавно, перечитав несколько Ваших томов пришел к окончат. выводу. Вы портите свои сочинения бесчисленными опечатками и мелкими, пустяковыми – (в существе дела), но режущими глаз неточностями. Не согласитесь ли Вы одну из корректур *каждого листа Вами печатаемого*, делать в двух экземплярах, и один присылать мне «на цензуру»? Задерживать я не буду, а в корректировании я довольно навострился. Васёк у нас болеет, то одним, то другим, хотя по организации довольно здоровый и крепкий. «Не везет ему», а причину я знаю, – из-за меня. Я все сижу и никак не могу выбраться из своей книги. Господь да хранит Вас и всех Ваших. Здорова ли теперь Варвара Дмитриевна? Дружески обнимаю Вас. Священник *Павел Флоренский*.

1912. VI. 9. Сер. Пос.

XXX

25–26 июня 1912 г.

Переписано, пойдет в оговоренной книге <помета Флоренского>.

†

По-видимому, Вашу книжку Головина по нумизматике прислал мне С. А. Цветков, – по крайней мере, на последней странице ее нашел я Ваши иероглифики. Позвольте мне, дорогой Василий Васильевич, теперь сказать несколько слов о том, в каком направлении идет моя мысль о нумизматике, т. е. что собственно мне дорого тут. Прежде всего, что такое монета. «*Monnaie – toute sorte de métal servant au commerce et frappées par autorité souveraine*» (Larousse)*. «Монета – звонкий денежный знак, деньга, ходячая (или ходившая) чеканная ценность» (Даль). Какой вздор! Аналогично надо было бы определять симфонию, как бумагу, запачканную параллельными линиями и кружочками с хвостиками. Конечно, монета прежде всего есть произведение искусства; а для нумизмата она есть *только* произведение искусства, независимо от того, будет ли он по ней изучать быт, экономический строй, религию

---

* «Монета – разного рода металл, используемый в торговле и чеканимый высшей властью» (Ларусс) (*фр.*).

и т. д. известного общества. В чем же особенность *этого* предмета искусства, – особенность в способе пользования им? – в том, что монету гребут не лопатой, а берут рукой, и не смотрят, а изучают. Монету отличают *на ощупь*, а не зрением, и назначена она не для смотрения, а для *изучения рукою*, для пальцев. Свв. отцы видят в осязании основную и характернейшую способность тела; осязание далее всего от рассудка и ближе всего к другому полюсу. Осязание – самая интимная область, самая сладкая и самая опасная. Осязание – это первая ограда около живого начала тела, около *σφρα**, первое явление ущмб во вне. И поэтому искусство для осязания есть искусство для ущмб, искусство для начала жизни в нас, искусство для *пола*. Это искусство есть искусство делать монету. Вообще это искусство, т. е. резания и чеканки или отливки монет, – вовсе не искусство зрения, а искусство осязания, и зрительный *вид* монеты имеет столь же вспомогательное значение, как и ее звонкость при бросании, *даже меньшее*. Главное, суть монеты – в ощущении рельефа, и это ощущение – род того, о чем Вы столько написали, – не от поверхностного и случайного прикосновения к монете, а от *продолжительного* обхождения с нею, от пропускания ее между пальцев, от вщупывания в рельеф ее. – Что же это за рельеф. Дело в том, что монета, неравномерно разогреваясь в руке, – прежде всего в местах выпуклейших, – тем усиливает ощущение рельефа, совокупляя рельеф «вверх – вниз», рельеф осязательный, с рельефом «тепло – холодно», рельефом *тепловым* и с рельефом «свет-тени», световым обликом. А сюда еще присоединяется рельеф астральный, рельеф жизни, ибо металл неравномерно впитывает живую энергию, астральную ауру, «пол», и он, сочетаясь с *уже* впитанным монетою, бывшем ранее в ней напитанным ею «полом» дает особые впечатления. Но о сем можно намекать, но не подобается распространяться, ибо каждый сам может узнать то, что ему можно знать. Не стану говорить далее и я.

Но из этого общего начала, – «монета – для осязания», – вытекает ряд существенных следствий, которые или некоторые из которых нумизматы давно чувствовали. А именно, имеет глубокое значение требование оригиналов и ненависть к подделкам. Если бы монета была предназначена для смотрения, то подделки можно было бы только приветствовать, ибо нет сомнения, что зрительно они бывают весьма совершенны. Ведь приветствуем же мы фотографическое и т. п. воспроизведение картин; бесспорно, что не ровнясь оригиналу они *кое-что* дают от сути оригинала. Монета же воспроизведенная ничего или почти ничего не дает. Гнаться за униками есть признак тщеславия; допускать у себя подделки – признак невежества. И вот почему: осязать, будучи ощущением непосредственнейшим, весьма мало сознательно, но весьма точно, инстинктивно. Между тем – из физической химии хорошо нам известно, что *неизмеримо-малые* прибавки в сплавах часто способны совсем, глубочайшим образом изменить и физические свойства – структуру «сплава». Ничтожнейшая доля % примеси или малое отступление от точных

---

* Тело (*греч.*).

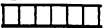
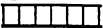
пропорций, иной способ обработки (отливка вм. чеканки; вальцевание вместо удара; сила удара и т. д. и т. д.), все это *весьма* сильно может менять физические свойства монеты и в особенности ее структуру и ее тепло- и электропроводность, а, вместе с последними, – это уж я добавляю *от себя*, а не от имени физич. химии, – ее способность поглощать и проводить астральную энергию. Известно также, что от способа обработки сильнейшим образом зависит способность абсорбировать водяные пары, разные газы, эманации радиоактивных веществ и т. п. и т. п. Все это в сильнейшей мере воспринимается осязанием, и монета чуть-чуть другого состава и иной обработки, зрительно не отличающаяся от *данной*, подлинника, как произведение осязательного искусства может быть *вовсе* не похожей на подлинник. Может быть, для глаза какой-ниб. электротип и хорош, но для руки он не годен. А органом любования монетой должно признать *ладонь*, и ладонью мы *прощупываем внутренность* монеты, ее нутро, ее массу, и *вовсе* не все равно, что там. Пatina, зазубренные края, выпуклость к середке, ее размеры, чекан или отливка и т. д. и т. д. – все это точнейшим образом регистрируется осязанием и относится к нижнему полюсу, а до верхнего достигает слегка, отраженно.

Металл, поэтому имеет величайшее и основное значение. Не обращали ли Вы внимания, что только серебро производит совершенно определенное впечатление – *живого тела*, а медь и золото уже *гораздо* безжизненнее. Я не люблю золотых монет, и думаю, что не стоит любить их. Более всего люблю серебряные. В них более всего и отчетливости в чеканке (золото расплывается словно тесто) и глубины рельефа и живой теплоты. У серебра наибольшая *из всех металлов вообще* теплопроводность, как наибольший блеск, наибольшая электропроводность, наибольшая звонкость и наибольшая астральная емкость и проводимость. Основным металлом, – если бы не граф Витте устраивал монетное дело Империи, а я, – было бы серебро, а не золото и не медь и тем более не чиновничий никель. Во-первых, серебро соответствует средним размерам монетной единицы, той монеты, с которой чаще всего приходится иметь дело среднему человеку. Во-вторых, она, звонкое, самую природою предназначено для «звонкой» монеты. В третьих, это металл наиболее способствующий астральному объединению народа в одно целое, органическое, в одну семью. Золото же астрально сушит народ, а медь – отравляет. Серебро непорочный металл, и только наш пошлый век дерзнул совершенно развенчать его, хотя, и поруганное, оно остается единственным нормальным монетным металлом, как единственный нормальный инструментальный металл – железо.

Отсюда же вытекает и требование, которое мы должны предъявить к монете. Посмотрите на любую современную монету. Что это такое? Побрякушка? брелок? Пусть не ссылаются на тонкость работы и совершенство чекана. Это механическая точность и механическое совершенство, и стыдно смотреть на наши монеты, на которые тратится столько работы и в которых нет ничего, кроме непонимания сущности монеты. Во-первых, монетный рельеф, предназначенный *для осязания*, должен быть не слишком мелким, не

гравюрою, а именно рельефом, и притом горельефом или почти горельефом. Иначе он будет осязаться как «что-то» неровное. Наш орел на монете, да разве кто-ниб. его осязает как-нибудь, кроме как в виде насечки, какая делается на калошках, чтобы не было скольжения.

Во-вторых, рельеф должен быть пластическим, а не графическим, без резких линий, в виде непрерывной волнующейся поверхности. Портрет Государя у нас на рубле скорее награвирован, чем «вылеплен». Кто же его осязает? Но верх безвкусия и со стороны и со стороны металла, и со стороны чекана представляют монеты турецкие; за одни монеты давно погнать турок из Царьграда. По-моему, верх нахальства – поселиться в стране эллинов и делать такую безвкусицу. За их «махмутovu ересь» будет спрашивать с них Бог: но за их безвкусие в культуре имеем право – спрашивать с них мы, их современники.

В-третьих, монета должна быть не нашим кружочком и не нашим диском-рублем, а чечевицей, в разрезе . Древние вполне правы, что чеканили их из шариков, и только наши предки могли придумать такую гнусность, как чеканка монеты из проволоки (!!). Может быть, терпимы монеты вогнутые, с разрезом , но во всяком случае не наши: .

Наш гуртик, которым мы так кичимся, вызвал бы в древних краску стыда. Мы дошли до того, что целью жизни поставили разные *tours de bras**, и даже хвалимся ими. К чему нужен этот острый край, который так противно дерет ладонь? Край монеты конечно должен быть закругленный, «оплавленный», как и все в монете должно быть непрерывным, волнующимся, закругленным. Монета с гуртиком это то же, что тело, покрытое рыбьей чешуей и иглами дикобраза.

В-четвертых, наш плоский рельеф и мелкие подробности, признак невежества нашего, прямо противопоставляется глубокому рельефу и непрерывным поверхностям совершеннейших монет, греческих. Римляне уже утратили часть, – чутье и пистились из осязательной монеты в область монеты гравюрн. миниатюры. У них хорошие замыслы, но плохое выполнение, – плохое с монетной точки зрения. У них же – никуда негодное. Еще один шаг, и вместо монеты станут выпускать кружочки с мелко выгравированными там статьями из Свода Законов о подделке монеты. Право должен был бы существовать один закон: «Всякий чеканящий монету обязан делать ее так, чтобы она отвечала своему назначению (т. е. была «монетной», художественной). Неполнение сего закона влечет осуждение на каторжные работы на 10 лет». Если бы государство делало художественную монету, интересно мне знать, кто *смог* бы подделать ее. А кто *смог* бы, того надо было бы озолотить и посадить директором на монетный двор, ибо явно, что он был бы большим художником, чем наличный директор.

Греческие черепахи, раковины, рыбы, совы и т. п. вот превосходные образцы того, что может быть и должно быть на монете. Я не про сюжет гово-

---

* Прием поворота руки (*фр.*) <не допускается в борьбе>.

рю сейчас, а именно про форму, ибо явно, что нельзя на монете изображать все, что угодно, как нельзя скульптурно воспроизводить движения, а живописно – звуков. У нас не хотят понять собственной области монетного искусства и сбиваются не то на гравюру, не то на скульптуру, не то на живопись, не то на уголовное право.

Но простите, что я, перелистывая Вашу книжку, наговорил столько, тут еще долго нужно было говорить об астральной, исторической и т. д. стороне всего этого, но и Вы утомлены вероятно, и я устал. Уже глубокая ночь, и петухи пропели, что надо спать.

Дружески обнимаю Вас. Господь да хранит Вас и да исправит Варвару Дмитриевну.

Любящий Вас недостойный священник *Павел Флоренский*.

1912. VI. 25–26. Ночь. Сергиев Посад.

P.S. самого главного и не сказал: какая нелепость помещать в Музеях монеты под стекло. Это то же, что показывать картины, завешенные простынями или давать концерт под рев паровозов. Я, сколько ни вглядывался в музейные монеты, ни одного раза мне они ничего *не* сказали: насыпано что-то, и мне до этой старой рухляди нет ни малейшего дела. Уж лучше я буду вертеть в руке екатерининский гривенник, чем смотреть на уники под стеклом. Если боится, администрация Музея, что монеты раскрадут, ну пусть хоть нанизывает их при помощи колец, но *побольше*, чтобы было свободнее трогать, на стальную проволоку и запирает ее на замок. А под стеклом монеты держи – не держи, проку в них нет.

П. Ф.

XXXI

9 сентября 1912 г.

†

Пришел сегодня с панихиды, и особенно захотелось написать Вам, дорогой Василий Васильевич! Кажется, что, несмотря на все наши «ссоры», Вы ближе всех моих друзей ко мне и, если Вы иногда кое-чего «не понимаете», как Вы говорите, то Ваше заявление для меня почему-то бывает знаком: «Понял, но не хочу показать». Ведь, при всем простодушии, Вы очень-очень очень умеете хитрить; *sed**, – как учили мы во 2-м классе гимназии, – *sed alios (in quit pastor) fallas, tamen me non falles***. Мне же почему-то иногда бывает спокойнее, когда Вы схитрили, что не поняли: больше сохранено стыдливости. Мне даже кажется, что если Вы читаете книгу, то это значит, что думаете о чем-то, к книге не относящемся и, если разговариваете, то слушаете не собеседника, а какие-то далекие шорохи и шепоты из третьей комнаты. Именно о Вас сказано:

* Но (*лат.*).

** Других обманывая (говорит пастух), а меня не обманешь (*лат.*).

слушать ухом напряженным
гулы смутные земли.

Умерла девочка, внучка наших квартирных хозяев. Она ходила иногда к нам, играла с Васьком. Звали ее Агнюшка, а лет ей было, вероятно, около 8 или 7. Васенок без ума радовался, когда она, тихая, приходила к нам, и все кричал «Адя! Адя!». Случился кровавый понос, и вот она, такая же кроткая как всегда, лежит под розовым сатиновым покрывалом. И не знаешь, чего желать и о чем жалеть. Глубже всего сладко-жгучее чувство, что ничего не надо желать, и все так пусть будет как есть, и пусть «Адя» лежит как лежит.

Смерть заставляет думать о себе: у меня нет церкви, и значит, единственная служба из серьезных, которую возможно совершать часто – это панихида. И случается, но так, что все время кто-нибудь умирает из знакомых. Мне думается, что служба церковная – мудро придуманные рессоры, смягчающие удары жизни, и, не будь этого, придуманного, правильно распределяющего горе и радость канала, оросительного канала жизни, – не будь канонических форм для сильных душевных движений, они разбили бы наше бедное существо и мы умопомрачились бы в немом и бессильном порыве к выражению внутреннего мира. Мы все слишком неискустны, чтобы можно было предоставить нам плакать по-своему и радоваться, как вздумается: мы нуждаемся в такого рода системе пружин, которые бы ослабляя первичный толчок, благотельно распределяла бы его энергию на нивы нашей будничной жизни. К. Д. Бальмонт где-то, – как мне показалось, не без наглости, – сказал:

Мало плакать, надо стройно,
Гармонически рыдать,
Надо действовать спокойно,
Чтоб красивый лик создать.
Мало искренних мучений,
Вы ведь в мире не один, и т. д.

Сперва я думал, что это только «декадентство», но потом убедился, что глубокая правда, заставляя нас не «плакать», а «гармонически рыдать», служба церковная задерживает стремительность горя, ибо для гармоничности (траур, панихиды, хлопоты и т. д.) нужны особые силы, и в гармоничности аккумулируется часть энергии горя, которая после распределяется на всю жизнь.

Мы не кричим от боли, но зато не забываем как утекшую воду отошедших. Нам ритм службы (3, 7, 9, 20, 40, годовщины и т. д.) напоминает о горе и вновь его возбуждает, и мертвые для нас не мертвые, но лишь усопшие. И во всем так. Однако, есть другая сторона, важнейшая. Поясню примером.

Когда молишься, то бывает различное «мое» настроение; так – даже при молитве за усопших. Но есть момент какой-то особый, какой-то чрезвычайной реальности общения с ними. Это – после освящения Хлеба и Вина, сейчас же после пресуществления их в Св. Кровь и Тело. Это странное, ни с чем не сравнимое ощущение действительности молитвы, могущества слова: не

пустые слова говорятся, а полновесные. И вот, на каждое поминаемое имя усопших (это именно в отношении усопших ощущал я) ощущается какой-то толчок в сердце, какое-то *физическо-духовное* касание к сердцу, какое-то «да», какое-то «слышу». «Помяни Господи «имярека», – «Да!» – «помяни имярека» – «Да!» и знаешь, что в это мгновение ему Поминаемому прибавилось нечто от бытия, что он утвердился в реальности. Ничто не похоже на это соприкосновение усопшими, но этого не объяснить не пережившему его. И знаешь, что это достигнуто потому, что вот сейчас обновилась и укрепилась связь, наше единство (*не нравственное, а существенное, онтологическое*) в Теле Христовом со всеми отошедшими и живыми. Как много закрыто от Вас, дорогой Василь Васильевич, тем что Вы сами не у алтаря. Сказать, что тут открывается новый мир – слишком мало; это – не новый мир, а новая, совсем иная сфера бытия.

Теософы допытывались у меня, есть ли эзотерическая часть в христианской церкви и в чем она. Я уверял их, что ничего подобного нет и быть не может. Господи! Как наврал им я, сам того не ведая: ведь все, решительно все эзотерично, и все важнейшее доступно лишь священнику. Нет секретов, и все, что говорят нам, – напечатано в тысячах изданий. Но все имеет «корни», все имеет иную, таинственную сторону, таинственное имя, которое знает только тот, кто получает «белый камень» (откров.): «И дали ему камень белый, на коем же написано имя новое, которое никто не знает, кроме того, кто его получает». Все видят сей камень, но никто не разбирает письмен, и не объяснит другому этих письмен, этого нового имени, доколе он сам не получит его.

1912. IX. 9.

Уже больше недели тому назад набросал я эти строчки. Но ни времени, ни сил нет писать заново. Вместе с этим письмом посылаю Варваре Дмитриевне в подарок то самое дорогое, что теперь или когда-либо могу послать, и прошу Вас всех отнестись к посылаемому со всем возможным благоговением. Это, именно вделанная в икону преп. Серафима (внизу в воске) ниточка из мантии преподобного Серафима Саровского, в которой он был погребен. Мантия эта хранится в Москве, в золотом ковчеге, но у меня нет возможности оправить эту ниточку в надлежащую оправу. Само собою разумеется, что врезывал в дерево эту ниточку я сам, – отслужив молебен преподобному Серафиму, прочитав акафист, – в облачении, имеющемся у меня дома. Только Вашему семейству (и никому больше я не решился бы доверить этой ниточки) я, в знак любви, по случаю болезни Вашей жены и падчерицы, а особенно Вашего тяжелого состояния, признаюсь, после некоторых колебаний, решаюсь отправить эту посылку, подлинность которой удостоверяю своею подписью (она заделана) и желаю, чтобы она внесла тот мир духовный и радость, которую давал преп. Серафим всем к нему приходящим. Господь да хранит Вас. Ругайте нас сколько хотите, мы стоим того, и – большего. Но не переносите наших пороков на Церковь, которая сама страдает от нас и, по кротости, не извергает нас туда, куда мы давно угодили соею деятельностью. Привет Варваре Дмитриевне и детям.

Любящий Вас недостойный священник *Павел Флоренский*.

P.S. Эту иконку резал на кипарисе наш «знаменитый» резчик *Хрустачев*, насколько мне известно, в настоящее время единственный в России представитель древних традиций этого искусства.

P.P.S. Васек у нас болел почти все лето, – теперь стало лучше. Сестра Валя ехала в СПб., но по дороге схватила плеврит (кажется), и теперь опасается туберкулеза.

П. Ф.

XXXII

27–28 сентября 1912 г.

†

1912. IX. 27. Серг. Пос.

Говоря о Церкви, нельзя говорить о ней как о «вообще» хорошем, но должно все время держать в уме, что Церковь есть не «вообще» хорошее, а ответ на определенную задачу жизни, решение вполне определенной проблемы, т. е. другими словами, осуществление *не* блага «вообще», а реального блага в реальных условиях, по существу своему мешающих *легкому* решению задачи. А именно, вопрос ставится так: имеются слабые, грешные, порочные, несчастные, глупые, уродливые, больные и душою и телом существа, о которых не знаешь что сказать – выразить ли сожаление или негодование. И вот, этих-то, обреченных на гибель, гибнущих, падающих, больных, гниющих надо *все-таки* спасать. Хочет Бог высшей красоты, – Горнего Иерусалима. Но не из «ясписа», «сардоникса», «вирилла» и «топазия» приходится строить его, а из песку человеческой ненависти, из грязи пороков, из рассыпающихся и расползающихся материалов, подпорченных грехом. Тут, очевидно, требуется уже не одни только знания архитектуры, т. е. хорошего, но «экономии» в суррогатах, – чтобы ничего не пропало даром. Из этой-то Божественной «экономии» и объясняется все то, что Вам кажется тяжелым, трудно-переносимым, неприемлемым. Вопрос ведь вовсе не в том, хорошо ли было бы *без* этого, – все согласны, что – хорошо, но – в том, *как* быть без этого. И вот, когда начинаешь придумывать, как можно было бы устроиться еще по-иному, то, после многих трудов, все же убеждаешься, что наша церковная действительность – нам «лучший из возможных миров».

Конечно, *красивы* требования, чтобы не было кнута. Но – только *красивы*, – не *прекрасны*, ибо прекрасное есть сама жизнь, а красивое – иллюзия в жизни. И, в жизни, кнут необходим и прекрасен, по крайней мере для кучера незаменим. Большинство требований церковной дисциплины – это кнут для нас и, как таковой, болезненны. Но нельзя обойтись без них, ибо тогда будет *еще* болезненнее. По крайней мере, нельзя уничтожить их в принципе, нельзя провозгласить: «Отменяется кнут». На практике же можно им иногда и *не* бить, а только помахать в воздухе, щелкнуть. Это – дело *личного* такта и духовной свободы, которая существенно отличает православие («такт») от католицизма («по линейке канонов папских») и от протестантизма («по линейке моего разума»).

Вы, м. б., спрашиваете меня сейчас, к чему все это написано. Это – всплывшее у меня по поводу «Дневника» Верочки, Ваших прежних стремлений и наших некоторых разногласий.

Лично я не мог бы отнестись к этому делу так сравнительно спокойно, как отнеслись Вы. Хотя я отлично вижу, что и Вы относитесь не спокойно. И не могу утешить Вас лживыми уверениями, что «это ничего» и т. п. и пустыми успокоениями. Увы! Мне думается что «это» именно то, что *не* проходит для девушки никогда, – не в смысле мещанских понятий о «чести», а в смысле какого-то нравственного надлома, после которого непременно должно или начаться восхождение к небу, или быстрое падение и огрубление. Беда, главная беда тут не в том, что случилось, а в том, что за случившимся может легко случиться. И скажу Вам, что в значительной мере считаю Вас виновным, потому что все то, что Вы говорили ранее и, часто, при детях, если не прямо утверждало, то явно подразумевало *легкое* отношение к подобным несчастьям, почти нормальность их, а нет, поверьте, ничего более *гипнотизирующего*, чем нашептывания *такого* рода. Что брачный вопрос неизмеримо запутался – в этом нет ни малейшего сомнения. Но решения, Вами предлагавшиеся, тоже не решают этих проблем, и Вы, думаю, сами видите это. Мне не думается, чтобы этот человек (я сужу, конечно, *только* по Дневнику) был особенно (по современным правам!) виноват: ведь идеи целомудрия и порядочности никто не внушает, ни родители, ни воспитатели, ни литература; Верочка, с другой стороны, всем духом своего воспитания была лишена всякой сопротивляемости. Но кто действительно заслуживал бы наказания (если только верно Ваше толкование всей этой истории) – так эта Амалия (или как ее) Карловна, сводница. И я бы не без удовлетворения принял меры против нее. Но доказать то, что Вы думаете, едва ли возможно, да и возбуждение какого-либо дела обдало бы грязью Верочку. Приходится, следовательно, молчать. Да и против Вас поднялись бы те, кто теперь не имеет случая показать себя.

Трудность всех дальнейших отношений к Верочке та, что если не показывать ей своего участия – она будет страдать, а если показать – она поймет, что Вам все известно.

Как Варвара Дмитриевна? Если есть возможность ей не знать всего этого, как хорошо было бы не знать. Но разве от матери это утаится?! Все же, если ей суждено узнать, то должна бы сказать все сама Верочка. Очень надо стараться, как бы не узнала Варвара Дмитриевна об этом стороною: она будет вдвойне убита, – и случившимся, и скрытностью домашних, дочери, – будет поражена не только как «хозяйка дома», как *mater familias*, но и в самом *материнстве* своем.

То, что пишете Вы о сестре Вале – и справедливо и несправедливо. Она и терпеливая, и тихая, и скромная, я в этом уверен. Но Мережковские умеют втираться в доверие и обманывать людей. Ее они обманывают мнимым участием в смерти ее мужа, и потому она считает, что это единственные подлинные друзья. Впрочем о Д. С-че она весьма невысокого мнения и даже утвер-

ждает, что одна только Зин. Ник. способна претерпеть совместную жизнь с таким эгоистом, холодным и занятым исключительно собою человеком, как он. Зин. Ник. же, как ведьма, умеет вкрадываться в сердце. Но мне очень, очень грустно все это. Сестра Валя из всех наших самая простая душою. Но, по-моему, она до сих пор еще, хотя и мережковствует, – девочка, или, точнее, потому и верит если не Мережковскому, то писаниям его, что девочка. Она не видит, не умеет различить в мережковщине ее декоративности, ее безжизненности, ее, наконец, нищенской бедности собственным содержанием, драпирующейся в наворованные отовсюду драгоценные лоскутья. Неудивительно это, конечно.

Бегу на лекции. Видно письма не кончу. Постарайтесь утешить и успокоить Верочку и «забыть»... Привет Варваре Дмитриевне и всем Вашим. Господь да благословит Вас и избавит от бед.

Дружески обнимаю Вас недостойный свящ. *Павел Флоренский*.
1912. IX. 28. Сер. Пос.

XXXIII

13 октября 1912 г. *Сергиев Посад*.

†

Дорогой Василий Васильевич! Б. м., Ваши «проекты» и не совсем неприемлемы, но осуществить их, – уверяю Вас, – совершенно невозможно, по крайней мере невозможно осуществить «по заказу», «нарочно». Просто сказать «выдать замуж», но найти *порядочного* мужа в наш век вообще весьма трудно (можно лишь *вымолить*, но не найти), а при таких критических обстоятельствах, наспех, да, м. б., и при характере (внешнем, эмпирическом, – но ведь *он* прежде всего бросается в глаза Веры) решительно невозможно. Да если бы и было возможно, тут есть момент Вами не учитываемый. Неужели Вы забыли, что тот, кто первый сделал девушку женщиной, навеки остается мужем ее и будь он хотя бы тысячекратно негодяем, к нему она, хотя бы ненавидела, навеки сохраняет чувство *жены*, в самой глубине сердца. Конечно, это чувство у Веры потом, при благополучных условиях, запрядется *глубоко*, и она спокойно примет другого; но и тогда в самой глубине души будет тот, первый, а не этот. Теперь же выдать ее замуж это значит совершить насилие, не то насилие, когда выдают девушку за понравившегося *родителям* жениха (это пустяки), а то, когда отрывают жену от мужа и отдают ее другому. И мне думается, что Вера именно так воспримет свое насильственное замужество и – либо возненавидит родителей и мужа, либо развратится душою и станет рассматривать это, в сущности говоря, прелюбодеяние как нечто законное и пойдет далее.

Теперь «о так». Дорогой мой, это все Ваши «теории», которые (и, м. б., к сожалению!) относятся к Луне, к Марсу, к Сириусу, к ангелам и, б. м., до известной степени когда-ниб. относились к древним людям и к нашим, *чис-тым* крестьянам, к корням. Да и то лишь, м. б., «до известн. степени». Да,

хорошо было бы если бы «так» могло делаться чисто. Я допускаю, что у людей весьма непосредственных, у Дафнисов полей и лугов тут грязи не много, не так много. Но все *нас* окружающие столь рефлексивны, что или, будучи порядочными, ни за что не согласятся на «так» и *оскорбятся* душою за предложение, либо, будучи непорядочными, ухватятся такими грязными руками и с таким подлым хихиканием, что Вас стошнит. Единственный человек, который чуть-чуть подходил бы для этого – это В. М. Г., и не потому чтобы он был чист, а потому, что он прост душою и непосредствен, homo campestris, vir rutalis*. Но тут, ввиду его женатости и др. обстоятельств надо ставить безусловное «*но*» и об этом и думать нечего. Ельчанинов же и Цветков, которых Вы поминаете, не подходят к этому делу до такой степени, что худшего выбора и быть не может. У Елчан. такая брезгливость полом и под. (хотя это не исключает умствен. игры, «флирта», но бессознательно), что...

Пишете: прислать Веру в Посад. Но что она будет делать тут. Скучать с непривычки к тихой жизни уездного городка? Без дела, в двусмыслен. положении (неизвестно почему не учится) и т. д. Нет, по-моему, если Вы решаетесь на такой шаг – взять из гимназии – то отправьте ее *путешествовать*, и не так чтобы она проводила время в экспрессе, а медленно, с расстановками по неделям. Пусть объездит хотя бы монастыри русские, исторические места и займется каким-ниб. интересным делом, – хоть поручение ей дайте наблюдать что-ниб., записывать. Так пройдет острота впечатлений и ощущений от «того», да и Вы будете спокойнее. А то разве можно в таком ненормальном состоянии делать решения на всю жизнь. М. б., отыщется и муж, настоящий, которого она если не полюбит, то хоть внутренне признает. Пусть она выучится в монастырях *православной*, т. е. спокойной, трезвенной, – молитве и неторопливой жизни, вообще разрушит свои героические порывы и увидит красоту смирения. Те вскидывания, которые описывает она в Дневнике, – не могут быть молитвенною нитью жизни такой, какова она есть; от них развивается истеричность, нездоровые религиозно-эротические иступления, душевная разладица. А Вере нужно духовного здоровья. Пусть *по простому*, по деревенскому молится о том, что *ей*, действительно нужно. – О мелочах жизни, о здоровье, о хорошем муже, о детях, о хозяйстве, об исправлении себя и т. д. Ведь в чрезмерных молитвенных порывах у людей не стоящих на высокой ступени духовной лестницы, есть много тщеславия, – удивлю де Бога высотой своих желаний. Вот, когда она попривыкнет к новому строю чувствований, к смиренной молитве и к тихой жизни, тогда очень хорошо было бы поселить ее в тихом провинциальном городке. Но сейчас – она расшибет весь наш Посад уже через недели две, – от скуки, от негодования на его скромность, от порыва к запою мятежной, крикливой, показной жизни столицы.

Вот, кажется, все, что имею сказать об этом деле. Сердечный привет Варваре Дмитриовне. Господь да сохранит всех Вас.

Дружески обнимаю Вас.

Любящий свящ. Павел Флоренский.

1912. X. 13. Сергиев Посад.

---

* Человек поля, муж горький (лат.).

17, 18 и 21 ноября 1912 г.

1912. XI. 17.

†

Кажется, Вы печатаете своих «Лунных людей» 2-м изданием. Этот цикл Ваших идей для меня, скорее для *ума* моего, – что-то дразнящее, ибо я равно уверен в глубокой правильности и в глубокой ложности излагаемого Вами. Что-то говорите Вы глубоко правильно; но глубоко ложно «относите» свое понимание не туда, куда следует. Но куда? – Это-то и не вполне ясно. Но вот несколько тезисов, мотивировать которые слишком долго, но внепоколебимости которых я вполне уверен: 1) *в области пола*: Ваша схема – + пола не достаточна, как недостаточна и родственная ей схема Вейнингера (М + Ж = 1). *М. может* быть текучее, промежуточное состояние пола, – то, которое Вы описываете, и которым занимается *Вейнингер*, а м. б. и высшей мощи и + и–. Это для рассудка, б. м., вздор, но –

невозможно... несомненно...

таков *всегда гений*, если только он не психопат. Таков и гений-народ, эллинский. Насколько отвратительна была для них *effeminatio**, настолько же прекрасны *та παιδικα***. Для кого же в особенности? – Для мужественных, – для спартанцев и всех лакедомопофилов. Человек вовсе не всегда половая «1», а м. б. и 1000, и 1 000 000, и тогда у него М не = 1 – Ж, а = 1000 – Ж, 10000 – Ж, 10 000 000... – Ж и т. д. У Гёте есть совершенно несомненное влечение *и* к своему полу (превосходное описание сего см. в «Правда и поэзия», случай во время купания). Но он – не только женствен, но и *весьма* мужествен. При этом: гениальность (= двуполость) дает *полноту* внутренней жизни и какую-то непрестанную удовлетворенность, внутреннее кипение и бурление, игру, «букет»; а «Zwischenformen***», т. е. Ваши, исследуемые Вами субъекты, напротив, всегда *недовольны* и не *могут быть довольны*. Таков же и автор «Воспоминаний». «Нытики» всегда таковы, – в них не хватает сексуальности, жизни, соков. Из них не брызжет ни старое вино язычества, ни новое – христианства. О. Уайльд – отвратительный тип из *Вашей* коллекции. Но Гёте, Платон, Сократ и др. не из нее и в нее не вместятся.

2) *В области религии*: явления описываемые и изучаемые Вами существуют во всех религиях и всегда существовали, даже специально культивировались (в Южн. Америке – путем полового истощения и т. п.; оскотления и самооскотления и т. д.) явления промежуточных ступеней пола; *и* в христианстве, лучше сказать, в мире христиан, есть они, но бесконечно меньше и слабее, как явный привкус чего-то *иного, чужого, инородного*. Вы противо-

* Женоподобие (лат.).

** Мальчики (греч.).

*** Промежуточные формы (нем.).

поставляете христианство (т. е. религию *всех* народов и менее всего евреев, религию «языков») и Ветх. Зав. (религию *евреев*), но делаете это незаконно, ибо христианство можно противопоставлять религиям, исповедываемым теми же или подобными народами, что ныне исповедуют хр-во, т. е. *языческим*, но никак не еврейскому. Отсюда-то и происходит, что Вы, весьма гениально пронюхивая в христианстве некоторые струи и глубоко квалифицируя их *природу*, совершенно ложно определяете их источник, да и не можете определить его точно, ибо *не хотите* смотреть на язычников. А у них-то, да и во всяком фольклоре, – это влечение к промежуточн. формам, это гнушение плотью и т. д. Они, испытав все грехи плоти, чувствуют к ней омерзение, хотя (– и именно вследствие того что –) не могут подняться над нею. Я берусь Вам доказать, если угодно, что то, что Вы считаете особенностью хр-ва, было и было в неизмеримо большей и принципиальной форме в язычестве.

3) В области *духовной* хр-во, хорошо это или плохо, дает совсем новую стихию, в сравнении с только что сказанными, – ни пол, ни усиление его, ни смешение, ни что-либо в этой плоскости, но – подымает в *иные* сферы. Хр-во отвлекает мысль от пола? – Да. Но – райскими песнями, а вовсе не смешениями. Истинный монах вовсе не становится женщиной, – ничуть; он перестает быть мужчиной. Что же он? – Ангел, существо иных измерений, абсолютно *несоизмеримое* с нашим миром, ни мужским, ни женским. Если же райских песен нет, то он – то, что был – или вроде того, т. е. либо муж, либо полумуж, либо двупольный, одним словом то, чем он был бы естественно, в язычестве. Но райские песни ни прибавляют и не убавляют в нем женственности. Однако легко допустить, что *бытовые* условия (*не онтология*) гонит в монастыри тех, кто не находит себе мира в миру, – вследствие неспособности к браку, т. е. что *часто* монастырь служит не местом подвига, а убежищем для «беспольных».

1912. XI. 18.

Так – по *существу дела*. А практически *бытовым* образом, хр-во *уцеломудривает*, т. е. делает его цельным, в том положении, куда он имеет метафизич. самоопределение – к браку ли, к безбрачию ли. Оно, если хотите, делает крепким пол у того, кто «может вместить» его, пол, и делает крепким бесполое у того, кто может вместить последнее. Самое место («могий вместите»), как Вы знаете, двузначно и может быть равно относимо к браку и к безбрачию, даже, по контексту относится скорее к первому. Но что брак в хр-ве бесконечно труден, это так, и, мне думается, если говорить что, так это не против монашества, а против *духовной аристократичности всего* в хр-ве: для избранных, Кстати: так именно, как говорил я, т. е. в отношении к *браку* разумеют «могий вместити» наш М. Д. Муретов и Еписк. *Антоний* (Флоренсов), живущий на покое в Донск. монастыре в Москве – человек в высшей степени духовный, мудрый и прозорливый.

Но как бы-то ни было, есть *подозрительность* к полу в общечеловеческом сознании, у всех народов, во все времена. «*Похабщина*», т. е. цинизм в отношении <к> полу, всегда и всюду существовавшие, доказывают совер-

шенно определенно, что всегда и везде затрагивать пол, хотя бы в разговоре, было щекотливо, что от этого смущались, что этого стыдились. Вот это – та сторона пола, нечто, для общенародного сознания, темное в нем (как в гоголевской русалке-мачехе) и послужило источником возникновения общенародной брезгливости к полу, выразившейся в создании монастырей, безбрачного духовенства и т. д. *вне* хр-ва, и кое-что отсюда, из *готового*, *бытовым* образом перешло к нам (католич. целибат и т. п.). Ну, будет.

Мне хочется сказать Вам, – решительно ничего не доказывая, но лишь рассказывая, – об авторе печатаемых Вами записок, которого я отлично знаю, но уже *по* написании им его «воспоминаний». Это, по наружности, высокий-превысокий, довольно худой и вообще несколько нескладный человек с очень длинными волосами. Но собственно женского в лице ничего особенного нет. Теперь здоровье его весьма пошатнулось, память ослабла, внимание ему трудно сосредоточивать на изучаемом; но ранее способности его были превосходны: сообразительность, память, интерес – все отлично, – вообще какая-то врожденная (говорю о крестьянине, заметьте) интеллигентность и даже интеллигентскость. Явное уклонение от ручного труда, мало, думается мне, любви к природе, но весьма большое стремление и вкус к труду умственному, к учительству, к приобретению и к чтению книг, к эстетике искусственной жизни. Сердцем он весьма добр, нищелюбив (и его любят нищие), охотно всем помогает, услужлив. Не любит, не выносит грубостей, руготни, – очень терзается даже одним неприятливым словом и несколько дней не может после успокоиться.

1912. XI. 21. Сер. Пос.

На свою особенность он смотрел сперва просто, но, чем более приглядывался к себе самому и к людям, ему подобным в полов. отношении, тем более отвращался от своей организации, ужасался своих влечений и теперь не может говорить о их без слез и содрогания. Чувство глубокой оторванности от всего человечества, от чина природы, от естества не покидает его, и на лице его всегда какая-то тень, тревога, печать. Это совсем *не* чувство сердечного покаяния (есть у него и оно), но внутренний протест и темная тайна. Что есть *что-то* за ним, это, как я заметил чувствуют люди и многие, особенно женщины, выражали мне о нем свое недоумение: «Что-то есть на душе!». «Что с ним такое», «Совість нечиста». А он сам говорил мне не раз, что посторонний взгляд сего не усматривает и не усмотрит, но они, «свои» с первого же момента угадывают своего: «Какая-то словно искра проходит» и неудержимо начинают влечь к греху, вопреки воле, рассудку, убеждениям и даже чувству. Но, по его словам, у всех людей такой организации на лице словно «каинова печать» и по ней-то он и понял, что их жизнь – богопротивная, мерзкая, преступная, хотя и сам не может сказать, в чем именно она такова, или, лучше сказать, его объяснения слишком формальны и заимствованы из «нравоучения». Он уверен, что с женитьбою все это пройдет, и, именно из-за этого, очень хочет женитьбы. Но остаться в тяжелом материальном положении, избалованный монастырем,

тоже не решается и мечется, не находя себе покою, и страдает ужасно. Тот, кому он писал свои «воспоминания», однако ничуть не верит тому, что пройдет его особенность (хотя сам ничего в ней не понимает толком и вне всяких литературных влияний, будучи священником, додумался до «розановской» теории монастыря, т. е. в духе «Лунного света») и непосредственным чутьем (насколько я знаю *вообще* – весьма верным и здравым) узнал, что отношение этого послушника к женщине, когда случается с ним *сей* грех, внутренне остаются столь же аномальными, как и прочие его отношения. . . Добавлю еще, что уже довольно давно послушник решил во всяком случае отворотиться от *тех* своих влечений и держится на *этом*, кажется, без слишком больших усилий.

Для характеристики *народного* (впрочем – это *мое* толкование) отвращения от женщины посмотрите *удивительный* по выразительности «*Стих о злой траве «ших»*», напечатанный, – по случайно найденной И. А. Гольшевым рукописи, – в «Чтениях в Импер. О-ве Ист. и Древн. Российск. при Моск. Унив. 1894 г., кн. 4, Т. 171, стр. 1–1213. Посмотрите *непрерывно*, – останетесь довольны. «Ших-трава» – это олицетворение женского начала и всего с ним связанного. Начало: «Берегитесь братие злые травы шиха, о злое зло, всего зла злее на вольном свете злая трава ших». «Прадеда нашего Адама из рая изогнала, то есть ших трава. Прекрасного Иосифа в темницу всадила, то есть ших трава» и проч.

«Яко же сено от искры огненные запалается, так и человек от шиха травы повреждается и разума доброго лишается, бесовское дело в него вселяется, душа и тело и сердце мыслию блудною оскверняется, то есть ших трава». «Яко магнит железо к себе привлекает, так и ших трава малоумных прельщает и ума их лишает, любовь свою яко змея ядом умерщвляет, многих мужа со женою разлучает, то есть ших трава».

Книжку Вашу «с начинкой» получил, обрадовался тому и другому, то есть и начинке и книжке, и очень благодарю Вас за них. Ваши мысли о монархии высказывал в книжке о самодержавии Д. А. Хомяков, сын А. С. Хомякова, но, к сожалению, без литературного блеска и весьма тяжеловесно. Сообщая это для Вас для самопроверки. Д. А. Хомяков зовется в Москве, среди наших славянофилов «далай-ламой», ибо без конца знает и без конца тонок мыслью: к нему отправляются за вещаниями по разным принципиальным вопросам. Совпадать с ним во мнениях – хороший знак; а превзойти его по форме изложения – это значит прекрасным мыслям дать прекрасное тело. Ваша книжка меня весьма порадовала; хотя, в момент написания, она была весьма благонамерена, но теперь стала

сосуд хрустальный
в тиши отстоянных отрав,

и, после того, *что произошло*, смела до крайности и куда после нее речи левых, крайних.

Меня смущает мысль о Ваших монетах: ведь к ним пристают куски Вашей плоти, и я дорожу ими на $\frac{9}{10}$ уже не как монетами, а как «Розановыми».

Вот я что хочу сказать и все забываю. Весьма вероятно что на днях я сделаюсь редактором «Богословского Вестника» и тогда, насколько можно будет (я не могу отстранять профессорских статей) постараюсь придать журналу жизнь и «славянофильский» темперамент. В частности, думаю ввести отделы: «критики», «библиографии», «церковно-религиозно-общ. жизни у нас и за границей» и «мелочей». В *последнем* из названных отделе думаю собрать те мелкие наблюдения, замечания, мысли и т. д., которых у многих немало, но которые не могут быть использованы в статьях и преют всеу.

Вы когда-то выражали желание поместить что-ниб. в «Б. В.» «для реабилитации». Тогда это от меня не зависело и я ничего не ответил Вам. Теперь я рад, что имею возможность просить Вас прислать что-ниб., большое или малое – как Вам угодно, и не только «для реабилитации», а и просто для пользы журнала и моего удовольствия, хотя должен предупредить, что у нас денег мало и гонорар платится ничтожный. Лучше (*для начала*) что-нибудь совсем *не о поле*, чтобы разрушить ассоциацию «Розанов – пол» и враждебные выходки, которые, *несомненно*, будут. Покопайтесь в старых бумагах. Хоть о Стракове что-ниб. хорошо.

Вообще, *мои* вкусы Вы знаете и знаете, что я лично *всему* рад от Вас. Но считаться с цензурой и, что хуже, с цензурой нравов, которую над нами, надо мною устроят – приходится, и особенно спервоначала. *Пока* о моем редакторстве *не говорите* другим, ибо оно все же под маленьким «?». – Хорошо бы о *монетах* что-ниб., можно с рис. (хотя денег у нас очень мало, но как-ниб. понатужимся). –

Несколько слов о пр. Моисее Угрине. Уверены ли Вы в Вашем толковании? Не слишком ли не верить прямому свидетельству его самого: «могу, но не стану» и утверждать «не может». Мне думается, прежде всего, что *всякий мужчина*, именно мужчина, а не полуженщина, поступил бы так, ибо мужчина в высшей степени не позволяет женщине звать его и, в особенности, требовать его. Мужчина может быть насильником, б. м. слегка (*мне делали признания*) всегда насильник. Но именно поэтому он, будучи агрессивен, не терпит ни малейшей агрессивности в женщине и ищет в ней лишь пассивности, страдательности... Для мужчины не «чистого», с примесью бабоватости, требуется, чтобы не он насилдовал, а *его* насилдовали, насилдовала женщина. Он хочет не требовать, а лишь сдаваться, быть взятым, чуть ни принужденным. Но настоящий мужчина в высшей степени оскорбляется даже намеком на то, что инициативу может проявить не он, а женщина, и, если она будет настойчива, то мужская гордость будет прямо пропорциональна квадрату ее настойчивости. Мужественность тогда будет возрастать гораздо быстрее, чем женское искание и возбуждаемая, тоже усиленно, чувственность, и будет настолько обгонять последнюю, что вместо притяжения будет все усиливающееся отталкивание. Современная психопатология приводит поразительные примеры, как известная идея или чувство, раз начав парализовать какое-либо естественное влечение, крепнет до такой степени, что даже голод и жажда, сон и половое влечение и т. п. оказываются задержанными на дол-

гое время и лишь специальное уничтожение задерживающей идеи или чувства возвращает в нормальное состояние угнетенную функцию. Однако эта задержка функции может длиться месяцы, годы и даже всю жизнь. Так у мужчины, раз мужская гордость затронута, половое влечение будет парализовано, и чем больше будет насилий над мужчиною, тем несокрушимее будет его отпор. У преп. Моисея было сперва затронута его религиозное убеждение, что незаконна связь; была затронута гордость его рабством; было чувство непристойности состоять в весьма двусмысленном положении раба – удовлетворителя *похоти* взбаламошенной хозяйки. Если бы она отнеслась к этому спокойно и осторожно и была сама скромнее, слегка намекнув ему, что он может жениться на ней, то очень м. б., что Моисей почувствовал бы влечение к ней – и все обошлось бы благополучно. Но когда его хватают, требуют, понукают, оскорбляют, пытаются, – что, – скажите? – оставалось ему делать как ни то, что сделал он. Да, именно, «могу, но не хочу, не стану, ... убирайся... Лучше умру, чем коснусь тебя...» Дивлюсь кротости преподобного: этим он святой, а не воздержанием. Всякий другой на его месте не то бы ответил подобной особе. И ничуть не «S» Иоси, когда жена Пентефрия искушала его, в негодовании вырвался от нее; когда же *сам* он действовал, тогда он был иным: доказательство сему – дети его.

Осмелюсь думать, что и В. В. Розанов, если бы его схватила на улице какая-ниб. особа и, то предлагая денег, то колотя по голове зонтиком, стала бы требовать, чтобы он лег с нею, и это нахально, громогласно, пред всеми, – то В. В. обругался бы и плюнул, предпочитая попасть в участок по наговору навязчивой особы, чем в ее будуар. Не так ли?

«Кровь в нем не разыграла...». Да и у кого она разыграла бы (если он не совсем потерял человеческое подобие), когда его то подкупают, то бьют, то позорят, чтобы *заставить* ее разыграть?

Еще несколько замечаний по поводу корректур.

1) Стр. 198, 1–8 снизу. Эта мысль развивается подробно и весьма интересно в современной школе психоаналистов (Фрейд и К^о). В основе всей жизни – пол; отдельные стороны жизни (наука, религия, искусство...) суть не что иное, как «взгонка», сублимация *пола*, происходящая от внутренней задержки пола и, вследствие сего, перехода его в прикровенные, эквивалентные формы. Но, если проанализировать их («психоанализ»), особыми «методами», то обнаруживается половая их природа. Такова основная мысль этой школы.

2) Стр. 183, 10 <снизу> *gaesis* (в 1-м издан. *gaetis*). Ни того, ни другого не понимаю. Не опечатка ли?

3) Стр. 213, 10 снизу. – В том-то и интерес всей этой истории, что «старец Алексей», затворник, «знаменитость» Зосимовой Пустыни, что близ Посада, верстах в 25-ти, ничуть не «из монахов». Он был московским диаконом, потом священником, имел жену, детей. Когда дети обзавелись собственными семьями, а жена умерла, он, в возрасте вероятно более чем 60-летнем, ушел в «Пустынь»; а потом и в затвор. Выходит, и то вопреки своему желанию, по послушанию начальству из затвора накануне (с 4-х часов) праздников и до

12-ти часов след. дня, чуть ни всю ночь напролет исповедует в церкви, за ширмами, народ, а потом, на неделю, снова скрывается в полный затвор. Ветхий старец этот заставляет серьезно подумать о том, как велик подвиг его. Но... хотя и все в нем безупречно... однако нет благоухания о. Исидора или настоятеля – строителя той же пустыни, о. Германа. Те, и неважное говоря, сопровождают слова свои еле-слышным аккомпаниментом «гармонии сфер», а этот и важное говорит *без* музыки. Это непередаваемо. Но пред теми умиляешься, а этого уважаешь, тех «обоняешь», а этого «обсуждаешь». В нем чувствуется ни плохой и не хороший монах, а превосходный, добродетельный мирянин. И невольно думается о скучных песнях земли. В воспоминаниях речь идет именно о нем. Но *ни в коем случае* нельзя упоминать его имени.

4) Стр. 213 <примечание> 1). Весьма понятно, почему прелюбодеяние карается строго, а извращение – нет. Ведь страдает в первом случае *семья*, невинные, а во втором только виноватый или виноватые, которые наказуются *ipso facto*. Церковь *защищает семью* («чтобы другим повадно не было»), жену, детей, ибо прелюбодеяние есть всегда род *убийства* их; но церковь не насилует просто грешника: «спасайся о Господе» (из чина пострижения, по окончании пострига), а не спасешься – *тебе* же хуже. Вы можете не соглашаться с *целесообразностью* строгих эпитимий прелюбодеям – не стану спорить; но зачем видеть вражду там, где действует любовь. – Затем, разве можно сопоставлять *официально-назначенные* эпитимии разводящимся с *тайно-назначаемыми* за «S»? Там их назначают по *закону*, а тут – по *милости*. Кайтесь в прелюбодеянии пред старцем, он тоже не назначит Вам 7-летней эпитимии. Заявите об «S» в суд, и тогда опять получится суровая кара.

5) Стр. 221. О порядочности «S». Да, по крайней мере, относительно нашего послушника, автора «воспоминаний» скажу: весьма порядочен, *очень любит детей* (это против Вас), и дети его очень любят, умеет обходиться с ними и хочет возиться с ними, нежен, ничуть в нем нет монашеской жестокости. Знаете, мне думается, что монашеская жестокость чаще всего бывает от нечистой совести и озлобления на себя. Меня более откровенные монахи уверяли, что без половых пороков живут очень-очень немногие из них. И вот люди мнящие о себе, несмиранные, начинают ожесточаться на себя и на других (пушкинский «Анджело»).

6) Стр. 222. «Совокупление – физиологический *гипноз*». Пожалуйста, измените это выражение, ибо, если так, то оно *предосудительно*. Да и не выражает сути дела. Скорее, «взаимное питание» веществами недостающими каждому полу. В статье проф. А. Ф. Бранда «О Броун-Секаровском способе лечения» (Врач. 1893. №№ 35, 38) говорится о взаимном питании полов чрез совокупление.

7) Знаете ли, что «извращения» всех родов, весьма распространены у *животных*. Об этом я читал когда-то целую книгу, но сейчас забыл имя автора. Она – на русском языке. Если нужно – вспомню.

---

* Сами по себе (*лат.*).

8) Стр. 222. Сейчас лечение производится чисто-психическое, чрез уничтожение *идеи* о влечение к своему полу. Однако, кажется, это лечение — *натаскивание*, не весьма удачное по своим результатам.

Дорогой Василий Васильевич. Присылаю Вам свои заметки по поводу Вашей корректуры. Надо сделать так, чтобы *нельзя* было определить, *откуда* исходят эти «Воспоминания». Сердечный привет Вашим.

Любящий Вас свящ. Павел Флоренский.

XXXV

1, 7 и 8 декабря 1912 г. Сергиев Посад.

†

Суббота 1912. XII. 1. Серг. Пос. Ночь.

Наброски о богослужении (рассуждение для В. В. Р.).

Оставим пока таинственную сторону богослужения. Спросим себя о его *человеческой* стихии. Прежде всего, конечно, не в *драматической игре* старшего клира — она, и не в *вокальной* развитости клира младшего. «Игра», «музыкальность» и т. п. человеческие, светские достоинства делают службу для всякого православного человека *отвратительной*, — не Богослужением, а лицедейством, позорищем. Но следует ли отсюда, что всякое исполнение, — лишь бы оно было с плохой игрой и слабо вокально, — достигает своей цели? Едва ли нужно отвечать, что нет. В таком случае, что же важно? М. б., *смысл* читаемого и поемого? — Живая религиозная действительность обнаруживает, что очень, очень мало важен. Те кто понимает ну, скажем, S того, что читается и поется — это богословы, для которых понятие ими важно не более прошлогоднего снега. А те, кто понимает $\frac{1}{10}$, $\frac{1}{20}$, $\frac{1}{30}$ и т. д. читаемого и «поемого», — старушки, «простецы», как с нехорошей снисходительной улыбкой называют их богословы, — они-то именно и уходят от службы сытые и удовлетворенные. Значит, даже и не в смысле дело, — главное, по крайней мере. Скажу более. Слишком усиленное *подчеркивание* смысла, так сказать, «разжевывание» его неизбежно сообщает службе, — хотя бы не было сказано ни слова, — характер рацеи и решительно отвращает душу от молитвы, ибо вся служба освещается каким-то холодным рационалистическим светом электричества. Полупонятое для молитвы лучше, чем вполне, насквозь понятное, — как и полуосвещенная церковь «глубже», чем залитая светом, — не говоря уже о свете электрическом, этой воистину «мерзости пред Господом». Молитва созревает и крепнет в полу-тьме, — световой и смысловой, и только душа умягчающаяся дает себя перекристаллизовать церковностью. И так, даже не смысл... Но что же в службе то, что заставляет о ней сказать: «Это — настоящая» или «Это — не настоящая», «это православная» или «это — неправославная»? Что? —

Темпово-ритмическая разработка службы.

Мирское — в пространстве, оно механично; живое же, т. е. духовное — во времени. И потому понятно, что темп и ритм — это душа жизни, душа бого-

служения живого. Да, темп и ритм, а не смысл, не голоса, не игра и уж, конечно, не пышность облачений и блеск дешевой роскоши.

У каждой части службы есть внутренний, присущий *темп и ритм* и, если эти последние соблюдены, то чтение, пение, возглас, молитва *производит* свое молитвенное действие на душу молящихся, хотя бы содержание всего этого воспринималось почти бессознательно или почти не воспринималось. Напротив того, самое превосходное исполнение, при полной понятности *смысла*, при хороших голосовых средствах исполнителей, при даже такой «игре» (впрочем, таковой я не встречал, кажется), раз ритм и темп не соблюдены, воспринимается как нечто *глубоко-фальшивое*. Так, наиболее медлительные части богослужения – это начала ектений, особенно – великой, шестопсалмие, священнические возгласы, «троичного» содержания. Это – *grave, lento**. Да и всякий понимает, что нелепостью было бы *впархивать* диакону на солею, как балерине, и зачастить «паки и паки», хотя бы голоском презиящнейшим. Нет, диакон должен не идти, а ступать, как слон, и пусть под его тяжелой и медлительной стопой гнутся и трещат половицы. И важно и добродушно-свирепо должен он рыкать «миром Господу помолимся». – Акафисты, каноны вычитываются быстрее, – так приблизительно *andante, andantino***. И священнику или епископу надо уже не ступать, а идти, подвигаться, выступать. Однако и здесь малейшая припрыжка создают фальшь. Кафизмы – еще быстрее; только «аллилуиа» петь и читать должно медлительно и растягивая на конце; так: «ал – ли – ллу – и – и – а – а», но не в коем случае не «алилуйя». Чтения – еще быстрее. Впрочем, в разные времена церковного года, в дни памяти различных святых или событий служба, конечно, получает особый темп.

Бывает служба мужественная (например Михаилу Архангелу – особенно акафист), а бывает и женственная (большинство). Бывает служба в ускоренном темпе и отчетливым ритмом, а бывает – в медленном темпе с мягким ритмом, дымчатая чуть-чуть.

Шестопсалмие – это особенно тонкий момент службы. Псалтырь у евреев – книга *заклинательная*. Шестопсалмие – заклинание. И вообразите, что заклинание читают вприпрыжку, или ломаясь, как плохой актер. Помню, у меня в церкви раз читал шестопсалмие один студент образцово. Он произносил слова *без* игры, но поймал тайну темпа и ритма шестопсалмия, и, слушая его, я настраивался на свои «утренние» молитвы и впервые на опыте узнал, что Псалтырь не повествует, а заклинает. И, словно на грех, в следующий раз читал кто-то – «с выражением», осмысленно и бойко. Но так это было сплошное *allegretto grazioso**** то я не мог молиться и чувствовал всем нутром, бившемся тоже *allegretto*, что творится что-то недоброе. Или, помню еще, один священник *декламировал* шестопсалмие, предварительно выучившись

---

* Торжественно и медленно (*ut.*).

** Умеренно медленно и более живо (*ut.*).

*** Умеренно быстро и изящно (*ut.*).

у профессора декламации. Это было *гнузно*. То же – и о проповеди. Помню, недавно, говорил некто, и, кажется, недурно. Но неудачная интонация, ритм, темп – и в алтаре мне казалось, что в церкви поругались базарные торговки и, вот-вот вцепятся друг другу в волосы. Это *presto agitato** было невыносимо. Право, мне всегда хочется сказать проповедникам: «Говорите все что Вам угодно и о чем угодно, но лишь запаситесь метрономом и без него не смейте выходить на амвон».

Ритм, темп, интонация (в сущности, это все одно, лишь в отвлечении разделяемое) – такова древнейшая и едва ли не существеннейшая часть богослужения. Ведь что иное есть богослужение, как не вздох души к своему Господу. Восклицание «Господи!» подвергните контрапунктической обработке, разверните, усложните, украсьте – и получится сложная сеть богослужebных призывов. Как симфония получается из мелодии в несколько нот, так же и богослужение – из вздоха души. Но вздох души – *жив*, а раз жив, то и *пульсирует*. Этот то пульс его и есть жизнь его. Отражаясь между зеркал контрапунктической обработки этот пульс дает темп, ритм и т. д. богослужения, но в существе дела мы никогда не получаем чего-ниб. нового. И вот, этот ритм – душа богослужения, а верность исконному ритму – залог жизни; искажение же ритма – верный метод подделки жизни. Вот почему пьяница поп с безголосым дьячком, оба бессмысленные и не очень-то заботящиеся о «благе» церкви служат вполне удовлетворительно, – ибо им *лень* и *скука* сочинить новое в ритме, интонации, темпе. «Интеллигентные» же батюшки, с отличными псалмопевцами и голосистыми отцами диаконами нередко *портят* богослужение, ибо стараются по своему улучшить его, «поставить», а тайн его не постигают, и получается «со святыми упокой» в темпе «ах ты с.с. комаринский мужик».

Мне сегодня подумалось во время каждения, до какой степени в церкви все связано и стоит спустить одну петельку, чтобы разрушилось все. – Кадило в вытянутой руке человека среднего роста как раз касается пола. Длиннее сделать его нельзя. Я и подумал, не лучше бы делать его покороче. Но сейчас же ответил себе: «Сделай кадило на 2 вершка короче, или на 3, и произойдет следующее: будет оно раскачиваться несравненно быстрее, – по закону маятника, – нежели сейчас. Значит, ритм бряцаний кадильных изменится. Темп каждения ускорится. Следовательно, походка при переходе от иконы к иконе и т. д. ускорится, сделается торопливой. Следовательно, либо певчие тоже ускорят темп, либо слишком отстанут от окончания каждения и поэтому постараются сократить песнопения. Все получит суетливый, припрыгивающий, легкомысленный темп. Изменится сейчас же настроение и священника, и певчих, и молящихся. Значит, певчие и дальше, в легкомысленном настроении, станут петь живее, *vivase***». Да и стиль того потребует. Известная молдцеватость пения уподобит церковь войску и т. д. и т. д. И далее. Если нач-

---

* Быстро и взволнованно (*ит.*).

** Живо (*ит.*).

нется быстрая походка, тогда уже длинные одежды будут неудобны и неуместны. Начнется укорачивание фелоней и т. д., будут ходить в пелеринках.

Или еще, «проблема крахмальных манжет», как выразились бы немцы. Допустите манжеты. К ним будет уже необходимо допустить и воротнички. Но в воротничках *физически невозможно* делать низкие поклоны – сослужителям и, в особенности, Богу. Начнутся *полупоклоны*. Но настроение наше удивительно зависит от телодвижений. Смирненные поклоны у человека искреннего рождают смирение, а полупоклоны, неизбежно имеющие оттенок высокомерия, – создают и действительное высокомерие. Весь стиль и дух богослужения изменится. А с изменением настроения служащих не может сохраниться и ритм богослужения. Так, от пустяка все может исказиться. Да я даже не понимаю, можно ли, имея манжеты, особенно с дешево роскошными запонками, искренно и чистосердечно сказать перед причастием: «Простите отцы и братия». Это столь же не идет, как было бы нелепо поцеловать руку, имея пред своим носом накрахмаленный край рубашки (а то еще бумажный! Гуттаперчевый! – бррр –).

Или, наоборот, есть многое в церкви, что кажется слабым, но что в своем роде сильнее сильного. Так, например, некоторая монотонность, однообразие, древнее унисонное или октавное пение. Это удивительно как пробуждает касание Вечности. Вечность воспринимается в некоторой *бедности* земными сокровищами. А когда есть богатство звуков, голосов, облачений и т. д. – наступает земное, и Вечность уходит из души куда-то, к нищим духом и к бедным земными богатствами. Это не теории мои, это запись наблюдений над другими и опыта своего личного.

1912. XII. 7.

Сочные краски, богатая светотень и т. д. и т. д. удивительно как неправославны, не говоря уж о раскрашенной скульптуре католиков. Наша иконопись есть *схема, рисунок*, но ни в коем случае не картина, не передача рельефа. Она есть и должна быть *плоской. Лик* и только *лик*. Но лик есть, в сущности, *имя*. Существо иконы будет, если на кусочке бумаги написать *имя* святого.

Ну, нет сил писать, – устал, глубокая ночь. То, что пишете о своих чувствах по поводу Веры меня *в сущности* радует, ибо Вы вступили в цикл *православных* чувств и идей брака. Тут-то Вам и должно быть ясно, что есть глубокие онтологические основания противиться разводу и т. д. «Да, знаю что негодяй (или негодяйка), но стал мужем (или женой) (к несчастью! К позору! и п.). Нельзя сделать своего сына, каким бы ни был он негодяем, не сыном себе; так же нельзя сделать мужа негодяя не мужем. Можно *развезти*, но нельзя *развести*. И, говоря откровенно, между нами, я *не понимаю* и не очень-то принимаю разводов, хотя, конечно, правительство должно дать возможность легкого развода и полноправия обоих супругов. Одним словом, примыкая к Вам в защите *юридического* допущения сожитий вне-церковных, я самым решит. образом иду *против* Вас в требовании признании Церковью неразрывности брака церковного. Церковь может сказать супру-

гам: если Вам жить невтерпеж – расходитесь и делайте что хотите, и я, м. б., прощу Вас. Но не могу я сказать, что Вы – не единая плоть, если Вы единая плоть. Да, м. б., это для Вас и для меня очень печально, но что же делать. Не могу же я лгать. И сын может убить отца, однако он, будучи преступным, остается сыном, преступным сыном, но не делается чужим. Его надо запрятать в тюрьму, но нельзя назвать несыном. Так и в браке. Это-то Вы и чувствуете. Вы и рады бы признать *того* чужим; но не можете не сознавать своим. Да, он Ваш, *хотя это не мешает спустить его с лестницы*. Одно дело онтология, а другое – внешние отношения. Не размягчайтесь же в отношении *того*, несомненно он и Вас обманет; как ни скверно то, что он сделал с Верой, это не доказывает его внутренней порчи; но его привитание около богатых вдов, показывает, что он в корне негодный, и от таких ждать исправления нельзя. Думается мне, что лишь только он подметит Вашу размягченность, он станет тянуть с Вас деньги, а если не с Вас прямо, то чрез Веру. И если Вы хоть поддадитесь на 1 мм, то Вам и, главное, Вере придется очень солоно от него. Этот тип людей я знаю и «мой» Еп. Антоний хорошо про одного из них сказал: «Горбатого могила исправит». В душе мужчины, продавшего себя женщине, заводится какая-то гниль, от которой весь он растлевается.

1912. XII. 8. Сер. Пос.

Таинственная сторона брачного сочетания, хотя бы и без венчания, очень живо сознавалась подвижниками. Примером их отношения к таким случаям может служить история Н. А. Мотовилова, богатого дворянина и помещика, которого преп. Серафим заставил жениться на простой крестьянке. Советую прочитать этот рассказ в книге С. Нилуса, «Великое в малом», изд. 2-е, Царское Село, 1905. «Служба Божией Матери и Серафимов», гл. XI слл., стр. 129.

С. А. Цветков любимец всех нас, московских. Но именно потому мы и опасаемся, как бы Вы не испортили его похвалами. Раз Вы взялись за него, то должны не только покровительствовать, но и воспитывать, ибо он еще молод, и главное сдерживать его от самоуверенности. «Новое Время», как и всякая газета, неизбежно вызывает хлесткий тон; а главная слабость С. А. Цветкова именно в том, что этот тон может в нем развиваться довольно легко. Если он духовно захиреет – будет очень грустно. В «знаменитости» же попасть ему, к сожалению, слишком легко сейчас, и тогда ему предстоит гибель. *Ваша* глубина на $\square$ есть дар Божий при помощи *гонений* на Вас; не будь их, попадите Вы сразу на место Горького или Андреева, – и, кроме гнусности, ничего не произошло бы. Те, кто бил Вас так много и так жестоко, принесли пользы Вам более Ваших друзей, ибо помогли Вам отколоть с себя кору современности и вылупиться. Поэтому, *любя* Цветкова, Вам следует хотя бы иногда *бить его*. Те немногие разы, когда Вы делали это со мною, мне дороги в тысячу раз более, чем те многочисленные похвалы, которыми Вы иногда поддерживали меня, и когда же вредили мне.

Ваш проект о монетах (для Академии) мне представляется очень дорогим *в основе*, но нежелательным по *технике*. В Академии есть много монет,

и недурных. Но... они валяются без употребления, запертые в церковном мире, до которого нет доступа и практически их *нет*, пользоваться даже мне невозможно. У нас до такой степени нет вкуса к *конкретному* изучению, что никто и думать не хочет о оборудовании музея и т. п. Если пожертвовать эти 50 монет в Академию, то их постигнет *та же судьба*. Если Вы доверяете их мне, то, думается, наиболее подходящим было бы основать *свою династию*, вне уставов и казенщины; лицу доверенному и испытанному каждый предшественник пусть передает эти 50 монет, как знак духовной связи («*регалии*») под свою *нравственную* ответственность. Если Вы передадите эти монеты мне (юридически – в *собственность*) или кому-ниб. другому, в том убеждении, что я использую их для преподавания, то я передам их, когда почувствую конец своей научной работы, тому, кого сумею подготовить или увижу готовым к продолжению нашей с Вами общей работы и т. д., но с неперменным условием каждый раз передавать их *лицу*, а не учреждению. Конечно, тут нет *законных* гарантий. Но ведь и эти непрочны, а, главное, что Вам за радость, если Ваши монеты пролежат где-нибудь в углу, запертом на замок, и их никто не увидит, не говоря уже о согревании их в руках и о любви ими. Смешивать эти 50 монет с другими не следует, – пусть это будет уделом, удельное имение известного культурного направления. Но я, в свою очередь, присоединю сюда еще кое-что (масса автографов и т. п.) и так можно будет сделать действительно «свой» уголок культуры, где мы будем творить по-своему, по-семейному, не давая места сухим и черствым, а часто и не особенно знающим чиновникам, именующимся профессорами.

Почему Вы ничего не сообщаете о Варваре Дмитриевне. Передайте ей мой привет. За Вас и всех Ваших я всегда молюсь.

Любящий Вас священник *Павел Флоренский*.

Простите, до сих пор не поблагодарил Вас «Лун. людей» в 2-м изд. – Давайте «составим» книгу сообща, по вопросам какого-ниб. культурного или рел. хар., написав *ad hoc** ряд писем им.

По поводу С. А. Цветкова еще: мне думается, что он еще слишком молод, чтобы полезно для него узнавать все, особенно в той области, в кот. вы специализировались.

П. Ф.

XXXVI

17 и 20 декабря 1912 г.

†

1912. XII. 17. Сер. Пос. Ночь.

Вот уж, действительно, милый друг, «не еже аще хочу доброе творю, но еже аще не хочу злое – сие содеваю». Так и с моим последним письмом. Хотел Вас по- и у-тешить, а вышло, что огорчил. Да, м. б., в своих упреках Вы

* К этому (*лат.*).

правы. Однако тут есть большое «но», которого Вы, к моему удивлению, все время не замечаете. – О Вас и о Ваших скорбях я думаю больше, чем говорю, а чувствую их больше, чем думаю. «Утешать»... да ведь это просто бестактно. Если бы ругали Вашу книгу, или если бы уменьшились Ваши доходы, я стал бы утешать Вас. Но я не позволю себе утешать кого угодно, не только Вас, в том что у него жена больна и лежит в больнице, что с дочерью случилось несчастье, что его семейная жизнь, по тем или другим причинам, сложилась со скорбью в *основе* своей. Уважая Вас – я не могу утешать, ибо не могу и не должен верить в то, что достигну утешенности. Любя Вас, я не хочу растревлять Ваши раны. «Рассуждения», присылаемые Вам – просто болтовня, чтобы развлечь и показать свое участие. Разумеется я ни на минуту не думал, что они нужны «для Церкви»; да вообще-то «для Церкви» не весьма нужен и я, и Вы и Новосёлов и проч. Если я старался иногда замолвить словечко в пользу Церкви пред Вами, ни это вовсе не «на-току», а для Вас, ибо думал, что *Вам* будет спокойнее, если Вы будете в мире с Церковью. Любя Вас и жалея Вас, я тянул Вас. А Церкви, повторяю, вовсе не нужны мы.

Развод, развод, развод... О Господи, зачем Вы делаете меня каким-то папою, который может сказать «да будет», и сбудется. Я не из тех, кто непременно идеализирует все, что есть в любимом, и вовсе не берусь доказывать, что наша церковная жизнь безупречна. Я говорю только одно Вам, и от этого не отступаю и не отступлюсь: «В Церкви есть то-то и то-то, – такое, без чего жить нельзя. В. В., посмотрите *и* на это, и тогда только подводите итог. Если же Вы видите, что Вы не в дефиците, то тогда – мир с Церковью. А раз мир, то тогда и Ее углы, – то, что Вас режет, – надо *как-нибудь* приспособить для себя, – иначе будет Вам трудно. Я знаю меньше Вашего; но я – *практичнее* и, если уж сел на стул, то стараюсь сидеть не на краешке. Вот и все.

Но если Вы все же хотите не брать того, что есть, а рассуждать и ставите мне вопрос ребром, то и я столь же угловато Вам отвечу, что я думаю. А именно:

1) Брак есть *не-физиология*, а нечто священно-таинственное *per se**, и дан Богом. Если бы два человека, муж. и жен., жили на необ. острове и вступили в союз *пред Богом*, то это был бы настоящий брак. Такой брак в существе своем (онтологически) *не* расторгим, хотя мыслимо разъединение внешнее (смерть напр., разъезд и т. д.). Но *вне* хождения пред Богом всякое сочетание есть извращение естественного чина; онтологически же он *уже* подпорчен в себе, портит вступающих в него.

2) Церковное *таинство* брака есть духовное средство для собственно *церковных* задач, – для роста тела церковного. Онтологически говоря, оно *не* необходимо: но понятно, что Церковь не может не требовать от людей ее признающих, чтобы они пользовались благом, – венчанием. Если же почему-ниб. Церковь отказывает в нем – не должно протестовать. У нее для *своей* жизни и *свои* законы. Почему? Как? – Не берусь отвечать, а знаю, что долж-

---

* Сам по себе (*лат.*).

но верить, что есть. В этом смысле Церковь может советовать венчаться. Остальное же ее *не* касается, и дело государства разрешить или запретить разные виды брачной жизни и брачного разведения. Не берусь решать, правы ли Вы, обвиняя Церковь в оскорблениях, кот. получала В. Д. и Вы, или государство, или быт и т. д. Но *онтологически* Церковь *не* виновна. Так верю я. Что же до кухарок и попов, то право же от них В. Д. могла получить попреки не только за свою семью, но и за одежду, за детей, за то, что Вы получаете много денег и т. д. Все это грустно, но нельзя же валить на Церковь. В. Д. кухарка попрекала семью, а Анну – бедностью. У нас брала деньги, белье, провизию и т. д. и Анну в лицо же ругала, конечно, без меня: да разве я так живу!.. Да разве моя дочь станет носить такую шаль, как у тебя и т. д. В обществе великое гнушение бедностью, непреодолимое. Отнесите же и это на счет Церкви. Мне досадно, что Вы охотно прощаете попам их грубость и бестактность, но их вины переносите на Церковь, от них же страдающую.

3) Законом Божиим многобрачие не исключено (Авраам и т. д.) и следовательно, тут и толковать *ничего*: онтологически идея брака не исключает множественности брачных отношений. Но *дисциплинарно* число брач. отнош. меняется в разные эпохи. Лично я не понимаю, как у меня могло бы быть 2, 3, 4... жены. Но сказать, что это ни для кого не должно тоже не могу. Может ли быть *венчание* многих браков. – Нет, но это вопрос совсем особый. Практически, Вы сами знаете, Церковь *tacito consensu** допускает при венчан. браке еще и невенчанный. *Допускает* – не будем протестовать против допущения; не позволяет *провозглашать* сего как принцип – не будем требовать провозглашения. Эх, дорогой В. В.! Велико горе Ваше, но Вы из-за него глухи к *многим* сторонам жизни и толкуете об одной только. В том-то и дело, что жизнь сложна, спутанна и нестерпимо болезненна. Церковь пыталась решить задачу об общем устроении жизни, принимая во внимание *всю* жизнь; Вы же хотите решить задачу по частному вопросу. Возможно, что *само в себе* Ваше решение и приятнее, легче; но легче ли оно в целостной жизни – сомневаюсь. Сплетена ткань жизни. Вы говорите, – к чему столько напутано нитей и тащите *одну*, Вами облюбленную. Да, но тогда она – вне ткани, а ткань теряет часть своей крепости. Вы упрекаете нас в холодности. Если угодно – да. Мы холодны, как холоден старик, который знает, что есть *много* разных сторон жизни и соотношений. А вы пылки как Ромео, который только об одном думает – как бы полезть в окно к Джульетте. Это не в осуждение Вам. Нужны и Ромео, ибо *ими* кипит и бурлит жизнь. Но ведется она не Ромео, а старцами вроде Антонио, и Ромео все-таки пользуется *его же* услугами. Чтобы действовал пар в машине, надо его *пригнетать*; чтобы работало для жизни творчество – надо страдать; чтобы Розановы были Розановыми, должны быть и тормозы для них. Право я не знаю, что «приятно Богу». Но я знаю, что для Розанова и для Флоренского *полезно* взаимное трение, ибо в этом трении они обретают себя самих.

---

* С молчаливого согласия (*лат.*).

1912. XII. 20. Ночь. – Сейчас спешн. работа, очень. Но в ближ. будущем напишу кое-что для «Изгнанных писателей». Отчасти мне было бы желательно (внутренне дорого) написать по указан. *Вами* вопросам. Знаете ли, я никогда еще ни строчки не писал *так*, – всегда *для* кого-ниб., и в этом весь секрет моего писательства. Я знаю, что есть много людей более единомыслен. со мною, чем Вы; но нет никого, более сродного внутренне. «*Abyssus invocat abyssum* – бездна бездну призывает», как у Псалмопевца.

Пока дружески целую Вас. Господь да хранит Вас. Можно ли написать Варваре Дм.?

Священник Павел Флоренский.

P.S. Большое спасибо за «Суворина» – она мне открыла много нового и вообще читал в засос.

Единствен. вид литературы, кой я признавать стал – это письма. Даже в «Дневнике» автор принимает позу. Письмо же пишется столь спешно и в такой усталости, что не до поз в нем. Это – единствен. искренний вид писаний. Потому-то мне и хочется, чтобы я мог писать Вам наст. письма, – рас-сужд. ли то будут или стихи – лишь бы это было без лит. поэзы.

Но Ваше предложение о *плоти* меня смутило. Не вообще, ибо это дело житейское, а именно тут. Повторяю, я не могу *вообще* писать. Когда же пишешь для человека душою близкого, слова о плоти делаются непостижимо-чуждыми. Вероятно это и Вы «так», нечаянно сказали.

П. Ф.

XXXVII

†

1913. I. 18. Сер. Пос.

Дорогой Василий Васильевич! Благодатный и мирный Лик Матери об-лобызал и не могу оторваться. Спасибо. – Пишу вслед за этим отдышал, сей-час Ю. Н. торопится. У нас дома несчастье – умерла дочка у старшей сестры, Юли, – кот. разводится с мужем. Каков срок моим писаниям для изгнанни-ков? Сейчас страшно занят всякой дребеденью и делами. Старушечки мои ноют и капризничают, болеют. Как Варвара Дмитриевна? Будьте мирны и радостны. Господь да хранит Вас. Не сердитесь за молчание мое. Постоянно думаю о Вас, главн. обр. о Вашей любви к России и о причинах вражды к Соловьёву. Я и сам *не люблю его*; но мне казалось раньше, что Ваша нелю-бовь – инстинктивн. антипатия полов. чел. к скопческому. Теперь же убедил-ся, что были и исторические *причины*. Это мне очень много в Вас объясни-ло, и я решит. говорю, что в существе дела Вы вполне правы, а Соловьёв и К^о вполне неправ. Это уже не Ваш вопрос, а общерусский вопрос. Если Бог даст Вам жизни, Ваши обязанности, сверх 1) нумизмат. альбома и т. д. 2) египетск. альбома 3) Изгнанников и др. издать еще

«На пьедестале стоящие»,

в которой надо будет показать истин. стоимость многих пустотелых знаменитостей.

О *Страхове* подумаю и (при удобн. случае, – иначе нельзя, объясню после) подыму вопрос в «Пути» об издании Орега *опіа*. Напишите свои соображения о сем или мне, или С. Н. Булгакову, – это будет внушительнее. Я Страховым интересуюсь еще с гимназии («Мир как целое», и рад был бы порадеть о нем. Привет Варв. Дм. и всем домашним. Анна кланяется Вам и шлет карт. Васька, какая нашлась. Кланяюсь и маме ее. Любящий Вас свящ. Павел Флоренский.

XXXVIII

†

1913. I. 18. Сер. Пос.

«Дункан и богослужение»

Только ушел от меня Ю. Н. Вязигин, – и я взялся за принесенный Ф. К. Андреевым Ваш фельетон о Дункан. Рад я, что Вы видели Дункан и, в своем восторге перед нею, высказали именно то, что составляет заветное желание души моей, – именно то, о чем тоскует сердце. Лично мне не придется увидеть то, что Вы видели; но не скажу «к сожалению», и, прежде всего, – потому, что при виде пляшущей Дункан явилась бы еще большая тоска о растлении человека. Ах, почему только *одна* Дункан, да еще на сцене! Все должно быть «дунканизировано», и никто да не ходит, а – пляшет. Пляска – истекающая наружу одухотворенность тела; хождение же – признак механичности души. Пляска есть явленный ритм души, а живая душа не может не быть ритмической. То, что извне – пляска, что изнутри – музыка. Пляска введенная внутрь, пляска созерцаемая, пляска непроявленная – музыка, внутренний ритм души, жизнь сокровенная. Музыка выведенная наружу, музыка дающая созерцание, музыка явленная – это пляска, наружный ритм тела, жизнь высказанная.

Музыка души, та музыка, которая чуть слышимым аккомпанементом звучит вслед за живым человеком, сопровождает жизнь его, – она является зрению как пляска. Не бывало святого, который бы ходил: все плясали. И все они плясали на струнах арфы, и, по слову Бёме, каждая струна этой арфы сама была арфою. Не пляшут лишь «мертвые души», все же живое ритмически пульсирует, – пляшет, и каждая жилочка, и каждый суставчик, и каждая фибра у живого пляшет неустанно. На небе важно пляшут «хоры стройные светил», и задевают таинственные струны небесных глубин, и струится с них «музыка сфер», «небесная» даже «пренебесная» гармония. Это не кудреватая аллегория – это простое описание. Да, в *иные* уши, чем те, что растут на голове, вливается эта музыка, и слышат ее всем существом. И Ангелы водят лики, т. е. хороводы, а «земная небесным сликовствует». «Веселыми нога-

ми» пляшут исполненные «пива нового», упившиеся. Духа, как вина сладкого, Благовестники и «красные ноги», – т. е. прекрасные, ритмические – апостолов разносят весть об «избыточествующей жизни», истекшей из живоносного гроба. «Начальник жизни» – «Пастырь добрый». Как филистерски толкуют добродетельные филантропы это «*добрый*», в смысле каких-то «попечительств о бедных» или «убежищ св. Магдалины!» «Добрый» по-славянски значит *прекрасный*. «Εὐὼ εἶμι ποῖϋν ο καλός»* – пастырь прекрасный, жених «Песни Песней». И от прекрасного жениха, имя которого – «пролитое миро», вся стихия церковности – ритмическая изнутри, пляшущая извне. И вот, отныне *заповедь* о радовании (в слезах возможна радость), т. е. о пляске. Ибо то, что радость изнутри, то пляска во вне. И никто да не идет, но все да пляшут.

Есть пляски разных возрастов, разных состояний, разных темпов, при разных положениях тела. Можно плясать лежа, плясать сидя, плясать, оставаясь на том же месте. Разве живой человек стоит, как водруженная палка? – Нет, он все время падает, то в одну сторону, то в другую и все время откидывается в сторону противоположную, качается. И лежит человек не как камень, активно. И сидит каждый из нас не как кукла, а делая ряд внутренних усилий. Живое все свое *делает*, а не «с ним *делается*»; и лежание, и сидение и стояние – деятельности, а не состояния, ибо нет в живом ничего, что было бы только состоянием. Самое тело его с его органами непрерывно течет и непрерывно творится живою формою своею, т. е. опять таки не факт, а акт, не состояние, а деятельность, не вещь, а жизнь. Все живое, а живое – пульсирующее, ритмическое; и вот, внутренняя музыка души является в этой жизни. Если душа слышит «гармонию сфер», то и все тело и все, что *около* тела и *от* тела исходит, одежда, манеры, вся деятельность, вся организация жизни – все строится, все переливается, все движется по образу и по подобию оной небесной музыки. Если же душа слушает лишь стук костяшек на счетах, треск пишущей машины, жужжание фабричных колес или стук экипажей – она сама делается как одно из этих, сама стучит, как счеты или гроыхает, как пустая бочка на мостовой; и так же стучит ее тело, и тем же стуком отдается вся ее деятельность. Тот, кто «не от мира» – тот стоит – и пляшет, сидит – и поет всем телом, лежит – и струится. А кто «от мира» – тот весь делается не живым, а механическим. Какой-ниб. Пыпин или Боборыкин или Венгеров, – да разве они умеют стоять. Для меня, их не видавшего, загодя ясно, что ритм их стояния какой-ниб. в высшей степени элементарный, вроде как у воткнутой в землю палки. Андрей Белый (Б. Н. Бугаев) в своей книге «Символизм» произвел *гениальное* обследование поэтов и нашел весьма тонкое средство уличать подделывателей поэзии. И обнаружилось то, что давно всеми непосредственно, хотя и не столь определенно, предчувствовалось. Провозглашенный чуть ни королем поэтов, В. Брюсов, пойман на месте преступления и изблещен в *подделке*. Брюсов – совсем не поэт, и душа его – совсем как

---

* Я есмь пастырь добрый (*греч.*; Ин. 10, 11).

доска; но нет, вероятно, не было и не будет фальсификатора с большим, чем он, *талантом*, и своим огромным талантом фальсификации он делает чудеса. Но как ни тонко он подделывает лирику, – нет в ней ритма души, и это *вполне доказано с цифрами в руках*, но едва ли вполне сознательно, А. Белым.

Говорю это все к тому, чтобы выяснить свою основную мысль: можно порхать по всей комнате и – не плясать; можно стоять на месте – и плясать. Вы очень точно указываете, что древние греческие статуи изображают именно это, пляшущее тело, даже когда оно стоит или сидит. Напротив, скажу я, вся скульптура современности и даже более древняя, вся скульптура греко-римского периода, отчасти даже римского – тем-то и невыносима, что они мертвы, они не пляшут, а стоят, лежат или сидят, как разлезшаяся по всем швам купчиха, как еле дышащий от блинов купец; в них – внутреннее отяжеление, в них нет культа тела, – подвижничества – и еще скажу я, посмотрите на православные иконы, – не на мазню дебелых «живописных», идущих из Петербурга, с позволения сказать икон, а на иконы православные, аскетические. Положительно все фигуры там пронизаны внутренней пляскою, и длиннобородые, даже с до колен бородою старцы не стоят, как неподвижные изваяния индусов, не в гипнотическ. оцепенении, а строятся в тон иной музыки, и эта музыка струится с их тел. Я не нахожу слов, чтобы объяснить свое ощущение, но скажу все же, б. м., совсем непонятно: между Буддой и каким-ниб. Петром Афонским нет решительно ничего общего, как нет ничего общего между каким-ниб. «Дицгеном» и преп. Сергием; это не только противоположности, но даже просто несравнимые вещи, ибо как сравнивать картонаж с Бетховеном. Но преп. Серафим, и все препп. и свв., все они *как-то то же*, что Афродита, выходящая из воды (на «пестоме Афродиты» из Villa Ludovisi). Непостижимо, но несомненно. Да, это то же, это та же пляска тела, тот ритм изнутри высвечивающий, та же явленная музыка сфер.

И вот это «то же» открывается, даже в лубочных иконах, даже в дьячковском пении, даже в служении толстопузого попа. Совсем не Дункан... и, как-то, – *то же*. Стихия эллинская и стихия православия срастворены, и, т. к. это делается помимо *личного* совершенства, то эта жизнь Церкви, как *целого* является даже в самых ничтожных детях ее. Чтобы быть прекрасным, нет надобности быть напр. преп. Серафимом: даже глупый и во многом пошлый поп в иной момент сверкнет этой, ему не принадлежащей красотой, этой ризой, которою Церковь украшает своих чад, дабы скрыть их безобразие, – и, если они стараются, эта вибрирующая риза прирастает к ним и заставляет потом так же вибрировать и душу. Идея церковности – в ритме.

Каждое дыхание и каждое биение сердца должно быть подчинено ритму Иисусовой молитвы. Ритмически бьются мысли, чувства, даже телесные ощущения. «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного», – вдумайтесь, какое богатство здесь идей, настроений, побуждений. Но это – ритм наименьшего круга. За ним идут другие циклы переживаний, – все увеличивая свой период, все усложняя свое содержание, точнее, расчлняя основное содержание, основной ритм Иисусовой молитвы. Тонкий букет

пляски веет от всего богослужения. Ритмы поклонов и крестных знамений, ритмы «слава» и «и ныне», прославляемых расчленениями и усложнениями тех же «слава и ныне», хождения кругом престола, входы и исходы, ритм каждений, ритм колыхающихся риз, перемежающиеся «аминь» и «Господи помилуй» – и все это богатство ритмов расчленяется, и еще расчленяется и паки расчленяется.

А там находят все новые и новые волны, все больших и больших длин, и бьют в душу и в тело. Цикл суточный – из девяти служб, ритмически повторяющийся изо дня в день, в соединении по три. Затем цикл седмичный, т. е. ритм «гласов» и в зависимости от них – всего, что ими определяется, – прокименов, песнопений, воспоминаний седмичных, отпустов и т. д. и т. д. Этот ритм повторяется из седмицы в седмицу. А там – еще «ширший» круг – годовой, с воспоминаниями событий года, с чтением Евангелий, и Апостола, с канонами и т. д. и т. д. Он повторяется из году в год. Сверх этого – особые, вставные циклы – «около Пасхи», выражаемые Великим Постом и временем от Пасхи до Пятидесятницы. Каждому из циклов соответствует своя богослужебн., – Часослов, Октоих, Минея, Триоди Постная и Цветная и пр. Комбинацией их определяется весьма сложный состав службы данного момента. Но эта сложность делается очень простой, если помнить, что сложный ритм – от сочетания элементарных ритмов. Вообразите, что каждая из богослужебных книг написана на круге, что все эти круги собраны вместе и, при помощи часового механизма, вращаются, каждый со своею скоростью, около своего центра. Пусть круг Часослова поворачивается в сутки, круг Октоиха – в неделю, круг Минеи – в год и т. д. Тогда приданный где-ниб. сбоку указатель с математ. точностью может указывать состав службы в данный момент, ибо в конце концов, состав службы в дан. момент должен определяться положением Солнца и Луны, и больше ничем. Тут нет произвола, – служба течет с такою же точностью, как и светила небесные, да и сама есть явление небесной музыки здесь, на земле. И березки в Церкви появляются «потому», что Солнце вступило в такой-то градус Зодиака; и детское «Христос рождается» начинают петь в детский праздник «Введения во Храм», «потому», что на небесах вершится то-то и то-то. Церковная служба есть *summa summagum** жизни вообще, «мира всего мира» (знаете ли, что «мир» и «мір» на сам. деле одно слово ?!). И вот, слепой и невнятный пульс мировой жизни делается внятным и толкуется в брате своем, пульсе жизни церковной.

Но ритм этот – на ритме моментов, *приложенных* друг к другу, сплетенных друг с другом. Нет, они изнутри срастаются, ибо каждый момент имеет корни и цветы, каждый имеет объем во времени, каждый простирается в область другого, и с ним срастворяется. Действенность выдающегося момента, – праздника, – начинает сказываться уже задолго до праздника. Тема праздника входит в тему богослужения других дней, усиливается, крепнет и достигает своей наибольшей силы в праздник. Но потом не сразу исчезает, а

---

* Итог итогов (лат.).

опять таки ритмически. Предпраздненства и попраздненства отдания праздников и т. д., – вот что еще более усложняет и утончает контрапунктически проработанную структуру богослужения. Возьмите наудачу хотя бы воскресную службу 13 декабря 1909 года. Тут сплелись темы: 1) воскресения, 2) Покрова пресв. Богородицы, 3) Рождества Христова, 4) недели праотец, 5) дневного святого. Или, 11 мая 1908 года сплелись темы: 1) воскресения, 2) пасхальная, 3) свв. Кирилла и Мефодия. Если же принять во внимание, что служебные темы не механически накладываются друг на друга, а прорастают друг друга и друг друга поэтому несколько меняют, то я думаю – станет ясным, даже из этого схематического разъяснения, сколько жизни в самой небрежной службе.

В математическом *Анализе* есть весьма важная *теорема Фуррье* (не основателя фуррьеризма!). По этой теореме, всякое периодическое явление, как бы сложно оно ни было, как бы волны не набегали на волны, набегающие на набегающие волны и т. д., всегда периодическое явление может быть разложено на ряд вполне определенных простых, с разными периодами и с разными амплитудами. Если бы меня просили подробнее разъяснить смысл этой теоремы, я не нашел бы ничего лучшего, как взять в пример богослужение, с его циклами суточным и годовым – солнечными, седмичным – лунным и постно-пасхальным – лунно-солнечным. Я бы постарался выяснить, как, зная *момент* от начала нашей Эры, когда надо совершить богослужение, т. е. число протекших от начала Эры годов, часов, минут и «секунд» (– для пущей важности! –), можно с математической точностью составить богослужение, т. е. определить – что надо в дан. мом. делать священнику, что диакону, что чтецу, что певчим, что молящимся – по элементарным циклам. Я бы постарался разъяснить, что каждый из богослужебн. кругов есть не что иное, как проекция соответственного небесно-космического круга, но выразительную в своей духовной сущности. Я полагаю, что на этом примере можно было бы сделать отвлеченную теорему *Анализа* весьма наглядной.

Простите, что все пишу о богослужении. Вертится на уме. Но уж пишу (не для себя) о том, о чем Вы желали.

XXXIX

8 февраля 1913 г. Сергиев Посад.

†

Дорогой мой! Какой Вы милый ребенок, большой, великий, но не понимающий иногда самых явных положений в жизни. Да неужто Вы и впрямь думаете, что я не вижу всего того, куда Вы тычете меня носом, как котенка. Право не за что тыкать-то: ведь не я напакостил в «консistorии»; а что воняет – я это очень даже воспринимаю. Вам словно удовольствие возиться в отхожем месте. А я (т. к. не могу обходиться без него), хотя и пользуюсь (не могу не пользоваться, ибо сейчас ходить прямо на двор по условиям жизни не пускает полиция) стараюсь забыть об «оном» и Вам то же рекомендую.

Я не реалист, я эллин, египтянин, пуниец, кто хотите, но не нашего времени сын, и признаю речи лишь священные, *скрывающие* убожество мира, а не размазывающие кал человечества по лицу Земли. Я хочу «ткать песни протяжно-сложенные» и уйти от зловония. Пощадите, не тяните меня к щедринскому плеванью синдетиконом и желчью. Любя себя и друзей своих, я не позволю себе ругаться, брызгаясь ядовитой слюной, как это делает интеллигенция. М. б., это какое-то барство, но я призываю лакея вывести консисторию из храмины души, а не перебраниваюсь с нею. А Вы все: Почему да почему. Да потому, что дорожу своим равновесием.

Поймите: ни Вы, ни я с консисторией ничего не поделаем, да? Ну, а дела настоящего, подлинного, святого, нужного без конца. Зачем же я буду тратить свои силы, свое время, раздражаться, кипятиться, страдать *физически*, заранее зная, что не от меня зависит что-ниб. сделать. Для меня всякая деятельность не почитывание и пописывание, а *Феургия*, и я хочу *ἐρῶεῖν**, а не только *λαλεῖν***. Методологически я отвечаю и отвечал и буду отвечать Вам на Ваши стоны: «Нет», ибо сам слишком хорошо знаю «да» и еще лучше знаю, что всякое сказанное «да» удесятерит страдания, – и говорящего и слушающего. Дорогой мой, я знаю, что Вы настрадались и, б. м., страдаете и теперь, хотя и меньше, знаю. Но я *должен*, пред Богом должен, говорить Вам: Ну, потерпите. Как-ниб. обойдется. Смиритесь пред Внешним Разумом. Б. м., и консистория для чего-то нужна. Не понимаем, ни Вы, ни я, но – нельзя же представить себе, чтобы уж совсем была без смысла, – ноуменальным провалом. «Все преп. Серафим». Да нет же, ничуть. «Есть еще и «Высокопреосвященнейший С. С.», как выражался про некоего иерарха Вл. Соловьёв и проч. и проч. Но бросьте Вы пережевывать всякую гадость и вкушайте то, что заведомо свежо. Скажете: но и гадкое связано с лучшим. Ну, *временно*, скажу: «хотя бы и так». Но как иначе – мы не знаем, и след. *ничего* рассуждать. Надо *творить жизнь*, а не ныть над отхожим местом. Надо быть бодрым, это заповедь; и нельзя просто *ждать* бодрости. Вы настрадались из-за «Вари». Но ведь и Варя же Ваша, таковая, каковая она дала Вам новое ощущение жизни, – оттуда же, из Церкви. Ведь ее аромат, Варин, – это аромат оседающего на ней веками ладана, и ее музыка души – пронизавшие ее тело и душу антифоны и стихиры. Да, развод и проч.; но ведь и «Волною морскою». Церковь приняла от «жены некия Кассии именуемая». Церковь, как живое начало, полна рассудочных противопечий.

Видите ли, дорогой. Вся литература делится на плагиаты и псевдоэпиграфы. В древнее, благородное и скромное время, писались только последние. Свои мысли и чувства, все высокое, люди относили к богам, к героям, к святым. Да это и правильно. Разве все вчерне <?> не приходит в нас от прошлых поколений, от божественных вдохновений. Напротив, когда в люцеферианской гордасти каждый захотел не Истине служить собою, а себе сделать рабы-

---

* Делать (греч.).

** Болтать (греч.).

нею Истину, стали писать плагиаты. Брали чужие мысли, составляли компиляции (compilatio = грабеж), воровали, убивали словом тех, кто ante nos nostra dixerunt*, чванились и всякое слово приписывали себе. «Господи (или: Муза! блаженные боги и т. д.), дай неключимому рабу Твоему, имя его Ты же веси, послужить Истине Твоей. Я сделаю «оклад на книгу», поставлю цветы пред алтарем, дополню и подправлю сочинение, переданное веками – да будет это на славу Твоему Пречистому Имени.» Так мыслила древность. – «Я. я, я, и всё я. Помните, гг., это – я. Если иной кто говорит то же, – так это он украл у меня. К тому же он говорит глупо. Я, я, я... Я, я, я... Я все. Бог – для меня, мир – для меня, люди – для меня. Служите мне, хвалите меня, кланяйтесь мне. Если Я, – да Я! – делаю честь Богу, что опровергаю (или утверждаю) Его существование – пожалуйста не вообразите, что это всерьез: дело вовсе не в Боге, а во мне. Посмотрите, как я учен, как я талантлив, как я тонок. Если бы Бог существовал, он должен был бы прислать мне по меньшей мере почтительную благодарность за то, что Я, – Я! – удостоил его сделать предметом своих исканий...». И т. д. и т. д. без конца. Так говорит (или думает современный автор, плагиатор). И вот, дорогой, я и зову Вас к *псевдоэпиграфши*. Ростите, множьте, одухотворяйте то, что есть, углубляйте, но помните, что не надо относить это к себе. Говорите: Неключимому рабу Василию дано то-то и то-то. Если будут так поступать многие, тогда консистория исчезнет сама собою. Если же будете гневаться – то чернила мучеников от консистории будут воистину семенем лжи и пошлости.

Мне думается о Варваре Дм. и об Анне всегда почему-то вместе и хочется сказать: и Вы и я не имеем в них ни «Муз», ни «вдохновительниц». Они не способствуют земной работе. Но они благодатны, и приносят мир с собою. Да это не Музы; но – Ангелы-Хранители. И слава Богу. На что нам Музы.

Ну устал, не могу больше писать. Спокойной ночи.

1913. II. 8.

Получив сегодня утром Вашу открытку, я исполнил формально то, о чем Вы пишете, т. е. поставил Красн. Крест + на заметках для Mortalia и Дн. п. (или ничего) – для Дневника писателя, – или, лучше, *Осен. листья*. Говоря *формально*, ибо не вижу, по существу дела, возможности разделить «субъективного» от «объективного». Вы не такой писатель, чтобы писали о своем как о своем, и домашние пустяки и желтые пеленки у Вас

золотом вечным горит в песнопеньи.

(Вот и Анна сейчас говорит, «что же может быть лучше желтых пеленок»). С друг. стороны, Вам не свойственно (и тем лучше) отрывать от своего объективное и делать вид, будто оно свалилось с неба. У Вас – все субъективное. Просматривая свои заметки, Вы увидите, что всякое деление их, во-перв.,

---

* До нас наше говорили (*лат.*).

механично, а, во-вторых, делает их непонятными. К тому же, почему мешают кому бы-то ни было трогательные воспоминания о зверьках для Тани, Веры и Вари, или сладкие сухари в Костроме и т. п. Как ни пошла у нас публика, но *за это* она простит Вам многое другое; негодование же вызовет, конечно, именно то, что Вы предназначаете сами для публики, – т. е. выпады против революции и проч. и проч. Именно такие заметки я не считаю лит. о., как Вы выразились и *скорее к ним относятся фельетоны*. Это идет из сердца и ума, а не насильственно извлекается отсюда. И еще: Если Ваши характеристики и ругат. словечки предстают на фоне семейн. жизни – на них обижаться нельзя, ибо дома у себя каждый волен именовать ли дураком и т. д. Но если Вы соберете лишь одни «объективн.» заметки, то к книжке естественно отнестись как к разговору полуофициальному, и тогда надо быть в речах корректным. Что против Вас будут ругаться – в этом будьте уверены. И как Вы ни будете причесывать свою книжку, она все равно будет «из Костромы», а не «с Невского». Я думаю, что надо печатать *все* вместе, под заглавием «Осен. листья» (или «Уедин.», Ч. 2), но сократив полные написания фамилий до инициалов. Нельзя же пригвозждать к позорному столбу глупого Бальмонта только за то, что у него нет совести. –

Если теперь подойти по существу обсуждения надо ли печатать, я скажу: этот род литературы – высший. Но разумеется: «Уединенного» Вам *не повторить*. По содержанию «Осен. листья» богаче и пышнее «Уедин.»; но в «Уедин.» – это *новая драма* – среди мелочей жизни развивается действие – и внутреннее, религиозное; и церк.-общ., и умственное, и семейн. «Уединенное» – один порыв и в этом необыкновен. *острота* впечатления. «Уедин.» чем-то напоминает «Царя Эдипа» Софокла. «Осен. же листья» – это не бег, а прогулка. По крайней мере в присланном мне я не сумел усмотреть *действия*. Кажется, в «Осен. листьях» можно переставлять заметки; в «Уедин.» же нельзя. Самая обнаженность нек. выражений в «Уед.» очень важна. Да «неприличия» «en toutes lettres»* есть момент *действия*. – В «Осен. лист.» я, повторяю, не сумел почувствовать этого, м. б., потому, что без конца еще.

Теперь неск. частных.

1) *О горе Ермоне*. Обратите внимание, что две горы берутся в Библии *парно*: «Фавор и Ермон о имени Твоем возрадуются (Пс. 88, 13). Ермон или Аермон, $\text{J}^{\text{h}}\text{רמון}$ производятся от корня $\text{רמ}\text{ר}$,** , который им. *два* основн. значения: 1) ис- или в-ключать, делать недоступным и, отсюда, *посвящать* Ягве и притом окончательно, неотделимо. Отсюда – *гарем* – т. е. обособленная часть дома, посвященная лишь хозяину и т. д.; отсюда *херем* = анафема, заклятие, предоставление их в руки Божии.

2) Протыкать, прорывать, проламывать, разваливать. Слово *Ермон* Гезений [Hebr. u. aram. Wörterbuch, 12-te Aufl., S.260] производит от $\text{רמ}\text{ר}$, в перв. знач. и считает *его* равносильным переводит его: *святилище*.

* Без сокращений (фр.).

** Гарем (древнеевр.).

Более древнее название Ермона – Сион (См. Втор. 3, 9; 4, 48, Ис.Н. 11, 3, 17. Пс. 88, 13; 133, 3). Полагаю, что и без ложного «Лица Божия» Вы сумеете воспользоваться этими значительными корнесловиями.

Теперь, даже Еп. Порфирий Успенский считает стоящим *вне сомнения*, что Преображение Господне совершилось именно на *Ермоне*, а не на Фаворе. – Далее. Израиль, как жена или невеста Божия, чаще всего называется *Сионом*. По-видим., Ермон Сион первоначально и мыслится как этот Божественный Гарем, главное место общения Бога с народом. Затем лишь это переживание приурочивается к Иерусалиму, который тогда тоже начинает называться Сионом. – По спис. Порфирия Усп. Сион весь в *складках*, расположенных одиннадцатью уступами, нависшими друг над другом.

2) То, что Вы пишете о Храме и об приближении его к дому очень хорошо. Но... Не к браку и брачн. ложу нельзя приблизить престол, а к современной ресторанной *пошлости*. В том то и дело, что бракосочетание *есть* вечеринка, осмотр приданного, сплетни, пошлости, грязнотца. Храм можно приблизить к браку, но – не к современному браку. Если консистория пачкает брак, то современный брак дает повод к вянущему загрязнению себя консисторией.

3) Вы глубоко правы (хотя и против себя), указывая на то, что у Христа образы брачные – любимейшие, *основные*. Обратите внимание, что вообще христ. символика построена на явлениях *жизни* (агнец, птицы, лилии, зерна, лоза, тело и т. д.) и в особ. бракосочетание – невеста, жена, брак и т. д. Израиль – «дщерь Сионова» (Мф. 21, 5). Христос – Жених, *νύμφιος*, как во 2-м своем пришествии (Мф. 25, 1–13), в притче о девах, так и в первом (Мф. 9, 15, Мр. 2, 19, Лк. 5, 34). Церковь – жена невеста, а верующие – друзья, со-пирующие на свадьбе (Лк. 12, 4, Ио. 15, 14, 15), встречающие брачный поезд со светильниками: «Се Жених грядет в полунощи...» и входящие *εἰς τοὺς γάμους*, на брак (Мф. 25, 1–13). Иоанн Предтеча – дружка, *ραγαμπῆς**, радующийся браку своего Друга. «Вы сами мои свидетели, – говорил Иоанн ученикам своим, пришедшим к нему чуть ни с жалобой на Христа, – в том, что я сказал: «Не я Христос, но я послан пред Ним». Имеющий невесту есть жених; а друг жениха, стоящий и внимающий ему, радостью радуется, слыша голос жениха: сия-то радость моя исполнилась; ему должно расти, а мне умяляться» (Ио. 3, 28–30). Что же за радость, которая «полна», *πεπληρωταί***. Вы не понимаете? – Кто такой дружка? – По *Поллуку* (Оном. III, 41) *καλεῖται δὲ τις τῶν τοῦ νυμφίου φίλων καὶ θυρωρὸς ὁ ταῖς θύραις ἐπίστηκως, καὶ εἰργῶν τὰς γυναῖκας βοηθεῖν τῇ νύμφῃ βοῶσῃ****. По Кегуб. f. 12. 1. Olim in Judaea duos ministrarent, quando in chuppam ingrediuntur...**** В Aboth Nathac IV Бор, а в XII – Анге-

* Шафер, дружка (*лат.*).

** Исполнитель (*греч.*).

*** (Ономастикон. III, 41) призывается один из друзей жениха (дружек) и при-
вратник (придверник), который стоит у дверей, не дает женщинам помочь издающей
вопли невесте (*греч.*).

**** Некогда в Иудее назначали двоих прислуживать, когда вступают в хуппу
(*лат.*).

лы рассматриваются как паранимфы Адама: *Fuerunt autem angeli ministerri velut paranymphei custodientes thalamum**. По Берешит Рабба VIII 15 Рабби Иуда сын Симеона видит Паранимфов Адама в Михаиле и Гаврииле. Главной обязанностью Паранимфа было сторожить дверь опочивальни (хуппа, нхмцун, φαλακος, thalamus**), куда удалялись жених и невеста, так что и чтобы «друг жениха» был свидетелем фактическ. соединения брачующихся, – свидетель брака (у католиков, если соединения не произошло, то венчание считается несостоявшимся, знаете ли Вы это?). Вот почему он стоит и внимает, и радостно радуется, слыша голос жениха: он убеждается при этом, что брак совершился. Так и Иоанн, радовался, как радовались и сыны чертога брачного (Мф. 9, 15, Мр. 2, 19–20, Лк. 5, 34–35) и т. д. и т. д. и т. д. Устал писать.

P.S. Тороплюсь отправить письмо. – Сейчас всеобщая. Целую Вас. Привет Вашим. Слава Богу, что В. Д. лучше. Господь да умирят и радует всех Вас.

Свящ. Павел Флоренский.

XL

7 и 9 марта 1913 г. Сергиев Посад.

†

1913. III. 7. Вечер.

Дорогой Василий Васильевич!

Мне как-то тревожно все время за Вас. Что у Вас делается? Уехал я в такой неподходящий момент, и с тех пор ничего не знаю. Написать не мог, т. к. попал сразу в Мальмстрем корректур, богослужений, лекций и т. д. Шуре скажите, что я просил Вл. А. Кожевникова послать Вам Федорова 2-й том и его книгу о Федорове. У него последней, не оставалось ни одного экземпляра, но он хотел взять у своей мачехи, кот. живет у него в доме, наперекор всему тому, что нам сыздетства известно о мачехах. Полагаю, что, по минувании надобности, книгу Кожевникова о Федорове следует вернуть обратно. Если Вам некогда [орфография по Хомякову], то попросите Шуру или кого-нибудь из девиц, или Васю написать мне 2–3 слова о состоянии Варв. Дм.

Взялся писать Вам под живым впечатлением только что полученного в Акад. Библиотеку, давно уже мною туда выписанного, сокровища, по крайней мере, для моих работ. Это – издание L. Anson. – *Numismata Graeca. Greek coin-types classified for immediate identification****. London, 1910.

По замыслу, по содержанию это книга незаменимая при занятиях древним миром. Автор сгруппировал монеты по оборотным сторонам, показав тем, что ценит их не формально-исторически, а содержательно, «по-наше-

---

* Были же некогда ангелы-прислужники, как паранимфы (друзки жениха), стерегущие брачный чертог (*лат.*).

** Брачный чертог (*лат.*).

*** Л. Энсон. Греческая нумизматика. Изображения на греческих монетах для немедленного определения (*англ.*).

му». И вот Вы можете обозреть все изображения, скажем, трезубца, или храма, или листа, или колоса, и т. д. Я прямо счастлив, что попал на эту работу, ибо живя здесь без музеев, без коллекций, даже без книг, все же могу теперь иметь суррогат всего этого.

Но это касается лишь содержания. Внешность издания меня глубоко охладил. Оно – «научное», фототипическое. Не буду говорить о том, что изображения большинства монет весьма неотчетливы, а иногда и вовсе неразбираемы. Но общий тон – какой-то невыразимой *мертвенности*. Есть во всем искусстве нечто самое мертвенное, ужасающе мертвенное, – это *φάλλος** при воспроизведении статуй из *гипса*, особенно не тонированного. На гипсовых статуях он всегда представляется чем-то трупным. И вот, *эта* самая мертвенность царит в издании Ансона, как и в других, ему подобных, дорогих нумизматических атласах. Мы с Вами говорили об этом, но я не могу удержаться от новых жалоб на современных издателей. Если уж у них нет непосредственного вкуса и ощущения жизни в останках древности, то почему они не считаются хотя бы с требованиями отчетливости. Почему какие-то грязные пятна более «научны», чем воспроизведение добросовестного художника, находящегося к тому же под контролем ученого?

1913. III. 9.

Прежде я не знал, что фотографируются гипсовые слепки, а не самые монеты. Но мне все время попадало на язык слово «гипс». В самом слове этом есть что-то иссушающее, ощущение какой-то ноздреватой массы, отнимающей от языка всякую влажность. Теперь же, когда я узнал, что это снимки с отливок, мне мерзко смотреть на фототипические атласы по нумизматике. Вид поверхности, бесчисленные ямочки от пузырьков воздуха, отсутствие бликов, расплывчатость линий, несочность теней, вялость общего тона – все это до такой степени противно археологическому чутью, что конечно скверненькое воспроизведение от руки предпочтешь «хорошим» фототипиям с гипса. А главное еще – это удивительная *бедность* фототипических воспроизведений. На монете несравненно худшей сохранности, что тот экземпляр, с которого делалось воспроизведение, можно рассмотреть неизмеримо больше, чем в изображении, помещенном в атласе, или чем в рисунке от руки. Ведь благодаря различным поворотам монеты, освещению ее под разными наклонами и с разных сторон, разными светами (дневной, ночной), рассматриванию с разными намерениями и с разными предвзятыми мыслями, наконец, благодаря различию настроений при «вчувствовании» в монету, впечатления от нее суммируются и синтезируются в одно целое. Взгляд лица, изучавшего монету совсем не то, что взгляд первого встречного; а между тем фотография, да еще с гипса, дает *менее*, или не более, чем впечатление одного *данного* момента случайного зрителя. Чтобы всюду и всегда защищать преимущество мертвого глаза, – объектива фотографичес-

---

* фаллос (*греч.*).

кого аппарата, – пред живым глазом вжившегося в монету наблюдателя, надо совершенно не понимать процессов восприятия, совершенно позабыть, что восприятие не есть впечатление момента, но *преодоление* момента, частичная победа над временем, и что в нем основное значение составляет вся личность воспринимающего. *Память* – вот основная функция восприятия. До известной степени есть «память» и у фотографической пластинки. Но в том-то и беда, что это память чрезвычайно узкая, неспособная делать сколько-ниб. широких синтезов и потому, под видом «объективности», т. е. под видом отстранения *случайных* течений в воспроизводимом, – сама подчиненная полной случайности освещения, поворота и т. п. внешних условий. Опытный наблюдатель, именно потому, что он может быть преднамеренным в отношении своем к условиям восприятия, – именно потому, что он хозяин условий, а не раб их, – он исключает случайности по-моментных впечатлений и дает синтезированное впечатление, так сказать, приближающееся к зрению *sub specie aeternitatis*. Нужно иметь сотни фотографий с одной монеты, снятых при разных условиях, и тогда совокупное изучение их *всех* могло бы до известной степени заменить рисунок от руки. Если уж защитники модных способов воспроизведения в самом деле искренно говорят об объективности и искренно стремятся исключить случайности, то пусть они потрудятся давать вместо своих фотографий коллективные фотографии по способу Гальтона, т. е. снятые с различных экземпляров одного вида и потом сращенные вместе, или же цветоделительные фотографии по способу Буринского, полученные чрез наращивание снимков с одной монеты, но снятых при разных условиях. И притом, пусть съемка производится с самих монет, а не с гипсов (при наращивании, чрезмерность бликов загущается. Тогда они могут *в принципе* противопоставлять свои изображения изображениям от руки. А сейчас делать это в принципе столь же мало оснований, как мало оснований в живописи противопоставлять механическую (не художественную) фотографию картине только потому, что она картина, а не фотография. Но разумеется, можно спорить против того или другого воспроизведения от руки в частности.

Теперь – о другом. Я обещал Вам прислать параллели Вашей фаллической монете из Сирии. Прилагаемые при сем рис. 14 и 15, заимствованные из:

F. Lajard, Recherches sur le culte, les symboles, les attributs, et les monuments Ligures de Venus, Paris, 1837. Planches.

Монеты Димитрия II и Антония Пия, из города *Mallus*, прямо подходят к Вашей монете. Еще своеобразные монеты того же типа Элагабала, чеканенные в Афродисие. Тут, две фигуры, простирающие друг к другу объятия, как бы притягиваемые друг к другу таинственной силой. У фигуры справа ряд τὼν φάλλων ὀρθῶν* спереди, стоящих гребнем, и, по-видимому, подобные же гребни с боков. У фигуры слева виднеется ряд поперечных складок, по-видимому, изображающих многочисленные κτεῖς**. По-видимому, обе фи-

---

* Поднимающийся вверх фаллос (*греч.*).

** Женский половой орган (*греч.*). Отсюда ниже термин «ктеистический».

гуры обоюдополы, и притом фигура фаллическая с женскою головою, а ктеическая – бородатая. Вся композиция представляет высшее напряжение полового «электричества», которое к тому же бесконечно усилено кратностью притягивающихся половых пар. Между фигурами, выражаясь в терминах физики, – «поле», «линии силы». И помещенный тут же козлик, вероятнее всего, символизирует эту среду, как среду усиленно напряженной жизни, тем более, что козел и вообще имеет значение полового начала, мирового плодородия и т. д. Ср. Пана и сатиров. Обращенность этого козлика мордою к фигуре ктеической, б. м., показывает, что «линии силы» производительного поля направлены от фаллической фигуры к ктеической.

Но вернусь к Вашей и ей подобным монетам. По поводу них у Лажара говорится приблизительно следующее: монеты, чеканенные в городе Mallus, в провинции смежной с Памфилией (рис. I 14 и I 15) имеют изображения двуполой Венеры, – той, которую Фирмин Матерн называет *biformis*, «дву-видная», про которую Иоанн Лидийский сообщает, что древние богословы приписывали ей оба пола и давали эпитет *αρσενοφηλς**. – Замечу кстати от себя, что этот термин был до чрезвычайности распространен в древнем мире и его сообщают многие писатели, как языческие, так и христианские. Идея муже-женственности была последним синтезом всех противоречий действительности, и в ней, естественно, искали – основы для построения всего жизненного непонимания. – Замечательно, что по сообщению того же Иоанна Лидийского памфилийцы чтили Бородатую Венеру, совершая ей особое служение. Уже по этому одному естественно видеть на монете провинции смежной с Памфилией именно такую двувидную богиню. И действительно, Лажар отмечает, что на монете Димитрия II (Никатора, царя сирийского) богиня представлена с бородою. Голова ее – в шлеме, правая рука держит лук, но одеяние – женское. Бородата ли Венера на другой монете того же города (рис. I 15) Лажар не берет на себя решить. Но вооружение богини показывает, – говорит он, – что ей приписывается здесь двойкий пол.

Эти монеты, а равно и еще одна, тоже Димитрия II (– очевидно он был царем углубленным и знающим «корни» –), опубликованные впервые Фрелихом, дали повод к *ошибке*, в которую впали сам Фрелих, Duane (англ. фам.), Мионнэ, Пухтер [Froelich, – Ann. Syr., tab. X, n. 25. – Duane, – Coins of the Seleucid, p. 95; pl. XIV, n. 1. – Mionnett, – Deser. de Med., III, p. 591 et 592, n. 250; V, p. 58, n. 500; S. VIII, p. 44 et 45, n. 232. – Richter, – Über die Attrib. der Venus, p. 15]. Под этой ошибкой Лажар понимает именно то, что представляет на этих монетах интерес наибольший. «Они думали и печатно высказались, что божество, представленное на реверсе трех монет, о коих идет речь, именно с боков, ряд фаллов» (Lajard, id., p. 67, пр. 1). Лажар утверждает, что это неправильно, и в доказательство приводит ряд изображений ассирийских (см. рис. I 16 и I 17), где «мистическое древо жизни», выгравированное под символом Милитты, весьма походит на те изображения, которые помещены по сторо-

---

* Мужеженский (греч.).

нам богини на монетах города Маллуса. Это заставляет Лажара сомневаться и в точности описания одной монеты, данного Sestini (Lett. numism., Т. III, p. 103, n. 1), которую он относит тоже к этому самому городу Маллусу и на которой голова женщины (Венеры), зримая спереди и убранный крылатым шлемом, имеет, как кажется ему, ожерелье украшенное многими фаллами (Lajard, id.)

Таковы соображения Лажара. Какая наивность. Ну, конечно, не только можно, но и должно сблизить «ряды» с боков богини на монетах Маллуса с деревом жизни. Но, прежде всего, что же такое дерево жизни, как не иное выражение той же фаллической идеи. Да и что представляет собою приводимый Лажаром же рисунок (I 16) дерева жизни, как не двойной ряд фаллов. Это – дерево жизни – дерево Милитты, – есть, конечно, те же ряды фаллов, но взятые усиленно, вдвойне, – букет фаллов; а символ над ним – крылатая кфзЯт. Что же касается до другого рисунка (I 17), то тут этот ряд фаллов подвергнут еще новой стилизации, а именно под «гранатовые яблоки», всегда и везде (а также и в Библии) служившие по бесчисленности своих зерен и по внешнему виду отверстия в них символом плодородия. В других случаях тот же Лажар превосходно говорит о синкретизме символов, о взаимной стилизации одного символа – другим, со-идейным и т. д. А тут, вдруг он наивно и беспомощно барахтается пред «деревом жизни», как будто оно есть нечто совсем иное, чем говорили о монетах Маллуса нумизматы.

XLI

†

1913. III. 23. Сейчас же по получении Вашего письма.

А разве Вы, дорогой Василий Васильевич, не замечали, что чем более у людей щепетильности и pruderie* относительно пола и всего около него на словах, в теории, тем циничнее они в анекдотах и тем наглее в поступках, и притом именно в этой, закрытой для них области. Ученые не считаются с фаллами на монетах, «стыдятся» «такой неприличности», но это ничуть не мешает им быть весьма сальными в товарищеской компании, в ресторане и т. д. Особенно медики. И наоборот, Г. А. Рачинский высказывал свое наблюдение, что люди сдержанные, не циничные – «чувственные» или, точнее, глубоко считаются с полом. Это отчасти понятно и из того, что разумеется человек постигающий глубины пола не станет с ним играть, – и по уважению и по страху, ибо в этой священной бездне водятся медведи и львы. Напротив, видящий лишь гипсовые фаллы, но смутно чувствующий за ними и иное, он заигрывает с этой плоскостью своей души, считая себя в полной безопасности. «Ученые» циничны именно по тому самому, по чему молодые люди целуются с горничными, но сдержаны с их хозяйками: в первом случае они снимают с себя всякую нравственную ответственность, всякую «человечность» отношений или, точнее, не боятся последствий; а во втором – боятся.

---

* Показная стыдливость (фр.).

«О монетах» едва ли подойдет в «Б. В.». Меня ведь все знают, я для них и так сплошной соблазн и подавать им повод к пересудам я *еще* не чувствую себя в силах: надо хранить себя для более важных дел. Ведь я пишу эти побрякушки исключительно для Вас, чтобы показать и доказать Вам, что помню о Вас. А у меня есть дела и более важные, только времени не выберу. Одна кампания в защиту Имени Божия, а с Ним – и *всего религиозного понимания* жизни – против рационализма, номинализма и бесстыдства Арх. Антония Волынского есть «послушание», требующее очень много сил и бодрости. – Возмутительно отношение газет, *всех*, включая и «Новое Вр.». Все травят Иеросх. *Антония Булатовича*, человека благородного и честного, за дело в котором понимают гораздо менее, чем свиньи в апельсинах. А между тем от защиты Имени Божия зависит (по-человечески говоря) впадем мы в ближайшем будущем в пошлый протестантизм, или вынесем в историю истинное достояние Церкви, Библии, Платона, Египта и т. д. и т. д. Уж если не понимают ничего – молчали бы. А то уж целые реки клевет и ни одного доброго слова. Мы *все* («москвичи»), старцы духовные из разных обителей, отшельники и т. д. на стороне Антония Булатовича, выпускаем его книгу, и будем писать о нем еще и еще.

Вот уже две-три недели сряду, как я собираюсь написать одну статью для Вас, которая, мне думается, должна пролить нек. свет на многие явления древности и основана на переживании моем, подобного кот. я не встречал ни в психологиях, ни в психиатриях. Но т. к. дело это требует большого выбора выражений, то я, не будучи в состоянии сосредоточиться, все время откладываю ее.

Если о монетах захотите печатать, то нельзя ли поместить в книжку Вашу об античн. религии? Или еще куда, – мне все равно. Но

1) предупредите, я напишу еще, чтобы был закончен. круг мыслей.

2) *непрерывно* присылайте мне корректуры, иначе напечатаете бессмыслиц, не разобравши моих каракулей. – Дружески обнимаю Вас. Да хранит Вас всех Господь. Любящий Вас священник Павел Флоренский.

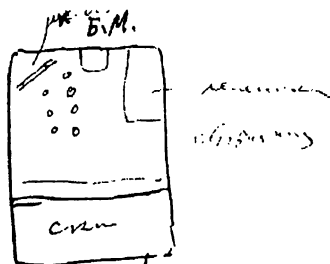
Вообще же говоря у меня есть целый ряд тем из цикла о древн. религии и фил., но печатать их не только негде, но и вообще-то ставить под ним свою фамилию невозможно. А их-то напечатать было бы полезно, чтобы хоть сколько-нибудь прошибить лед позитивистического восприятия жизни и истории. Если бы мы жили в одном городе, я бы мог точно сговориться с Вами, куда поместить и что в какой форме писать. Много можно было бы, думаю, вполне свободно и «к стилю» поместить в Ваши томы, печатн. и непечатные. Я же совсем отстал от индивидуалистической работы, и всегда стараюсь работать при ком-нибудь, *около* кого-нибудь и *для* кого-нибудь. Это уютнее и, если самая лит. моя – ничто, то по крайней мере, за ней будет то достоинство, что хоть тому, при ком я, она доставила приятную минуту.

P.S. Рис., кот. я прислал Вам и в скор. времени еще пришлю, не бросайте: у меня для себя лично копий не осталось, а они могут понадобиться. П. Ф.

†

Марта 24 дня 1913 г. 11 ч. ночи. Воскресение.

Дорогой Василий Васильевич! Только что вернулись домой из почти целодневной отлучки. Утром – литургия, потом разн. мелкие дела, потом поехали в Вифанию посмотреть Вам дачу, потом – снова служба (всенощная), потом исповедь сестер. Пришлось оттуда нести Васька, и рука устала, еле пишет, – далеко, версты две. Есть много поэзии и глубины в этих всем семейством хождениях в церковь. Васек, кстати сказать, изображает диакона, певчих, задает тон хору, кричит «папа!» «папа!» и т. д. в церкви, но это все очень хорошо и, думаю, Богу угодно. По крайней мере, я слышал, что у о.Иоанна Кроншт. в алтаре шалили дети, и когда пытались остановить их окружающие, о.Иоанн замечал: по крайней мере, вырастет и будет помнить с радостью, что хоть в алтаре ему не делали замечаний. А у преп. Серафима в келлии стояло 7 светильников

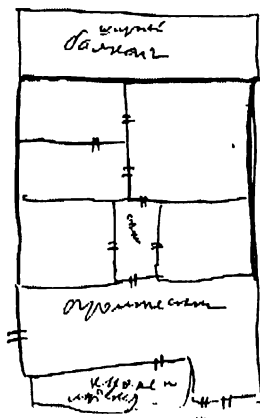

пред Иконою Б. М. Умиления («Радость всех радостей»), и посещавший его при матери Н. А. Мотовилов любил бегать между светильниками. Когда же мать пыталась останавливать его, преп.Серафим говаривал: Оставь, матушка, разве не знаешь, что когда ребенок резвится – это с ним Ангел Божий играет!

Были в Вифании. Дачи свободные имеются следующие (все монастырские):

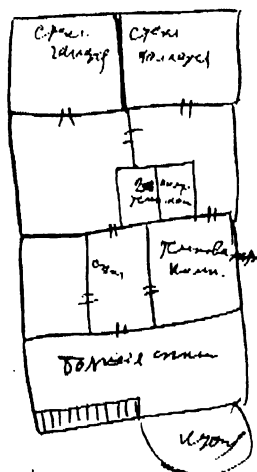
1) В даче, где жил граф Комаровский:

а) низ, стоимость 220 р.

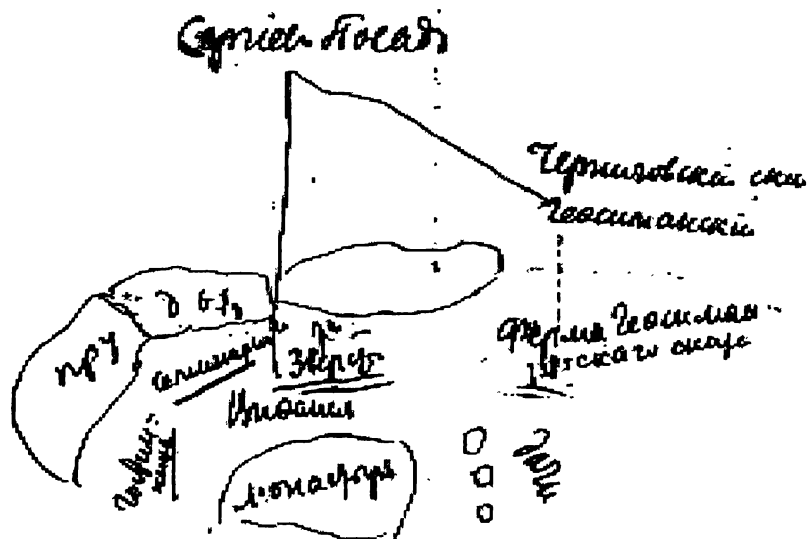
Одна комната большая, 4 порядочные. В сенях можно отгородить комнату занавесью. Дача большая, хорошая. Чудный вид; стоит на отлете. Тишина. Лучше этой дачи по положению не найти. Обитать можно и на балконе — обедать и т. п. Много мебели.

б) В той же даче *верх*, 2-й этаж.

2 стекл. галереи, могущие сойти за комнаты. Большие сени, в кот. можно устроить комнату. Ц. 150 р.

При даче сад. Есть погреба. Повторяю, это лучшее. Если поторговаться, то монахи наверно уступят, ибо в этом году они *накинули* на обе квартиры дачи по 20 р.

Если мало одной, можно взять *две*: между ними есть внутреннее сообщение. Обойдется это $220 + 150 \text{ р.} = 370$. Но полагаю, что уступят за *340*.

1) Дача, «где жили Барковы». Сама по себе дача удобная. В одной половине 3 порядочн. комн. и 4 малых, полутемных. В друг. половине 2 комн., наверху 1. Стоит $85 + 65 \text{ р.} = 150 \text{ р.}$ Конечно, эта дача похуже первой. Местоположение значительно хуже, в смысле вида, ибо смотрит на монастырь. Да и не так тихо (гуляющая публика, хотя ее и не много).

Имеются еще дачи, менее удобные или совсем неудобные. Мой совет – брать дачу «Барковых» или Комаровских.

Телеграфируйте или напишите немедленно как быть. Дачи разбираются очень скоро, и Вы рискуете остаться без дачи, если не поторопитесь. Самое же лучшее, чтобы кто-ниб. приехал из Ваших, – кто потолковее и поэнергичнее и решил на месте.

Задатку надо рублей 30–40.

Кроватей будет доставлено сколько угодно.

Погребов есть везде, набитые.

В общем духовн. и физич. атмосфера здесь так хороша, что Вар. Дм. отдохнет душою, да и детям хорошо. Прямо в поле. Есть речка, огромный пруд, озеро, приходская церк. близко, молочн. фермы, монастырь, лес, поле, овраг – одним слов. все, что требуется *непрерывно* настоящ. человеку и что считается предметом роскоши в столицах. Очень дешевые и хорошие молочн. продукты. Тороплю же я Вас потому, что среди других дач я не нашел для Вас подходящей.

Да, вот еще. Кроватей сколько угодно, но матрасов для большинства нет. Отчасти это и хорошо, т. к. рискованно спать на Бог знает чьих матрасах. Думаю выгоднее всего будет сделать *сенники* или же, если хотите, купить матрасы в Москве и продать их при отъезде.

Ну простите. Никак не могу писать более, рука не пишет.

О чем мне писать для Вас?

У меня есть материалы на темы:

- 1) археологические (нумизматика etc.)
- 2) историко-религиозные
- 3) половые
- 4) мистические
- 5) литургические.

О чем же писать – о чем Вам интереснее. Помните, что я пишу *только* для Вас. Б. м., Вы напечатаете что-ниб., но это дело не меняет – я пишу так, как если бы писал *только* для Вас.

Затем еще. Нужно ли подбирать рис. к статьям археол. и т. п. Мне думается, что их отыскать не так-то легко, а без рис. многое останется непонятным.

Теперь вопрос. Вы публиковали когда-то в «Н. Вр.» о продаже дубликатов из своих монет. Не могу ли я быть покупателем. А то покупал мне неуч, да я и не умею, меня надуют в цене жесточайшим образом. Если Вы согласитесь на это, я буду очень обрадован. Но я прошу это со смущением, ибо опас-

ось, что вы станете делать мне различные льготы. Если согласитесь, то по-немногу присылайте мне что-нибудь. Но и счета *при этом*, сейчас же. Наверное, у Вас есть разн. полустертые монеты и «лом», кот. для Вас мало интересен, а мне будет дорог *только* хотя бы только за то, что он был в руках Периклов и Аспазий и, б. м., в руках самого Платона. Ну, простите. Да хранит всех вас Господь, и да подкрепит В. Д. Привет всем.

Любящий Вас свящ. П. Флоренский.

1913. III. 24. Ночь.

Еще: Преп. Сергей раздавал детям игрушки. Отсюда-то и возник всемирный или почти всемирный, а во всяк. случ. уж всероссийский промысел игрушек в Сер. Посаде. Вот Вам и экономическ. материализм!

XLIII

†

Марта 29 дня 1913 г.

Дорогой Василий Васильевич!

Уведомляю Вас, что дачу Комаровских (низ) мы Вам наняли. Выторговали за 200 р. Задатку оставили 35 р. Кроватей будет сколько угодно. Дрова можно покупать у монастыря, – за 6 р. 50 к. саж. Кажется (пишет Голованенко), Вас напугал И. П. Щербов – бесхлебием и безводием: не верьте, это страх на почве гипертрофированной петербургистости. Конечно, фазанов у нас нет, но с голоду тоже никто не помирает.

Просят в монастыре сообщить, когда Вы приедете, чтобы всю дачу вымыть, – стены, потолки и полы и вообще привести в жилое состояние.

Росписку в получении задатка и в условиях найма держать ли у себя или прислать Вам?

Статьи Ваши будут напечатаны в «марте» «Богосл. Вестника». Особенно сильно написана последняя. К первой цензор сделал маленькое примечание – оговорку, которую подписал «Ред.», но я уж спорить не стал, ладно, что пропустил. С своей же стороны я выпустил в словах «Ах...» и далее призывание нечистой силы, самое призывание, ибо опасаясь его, даже и тогда, когда оно делается без намерения. Надеюсь, что Вы не рассердитесь на меня за это самоуправство.

Когда будете ехать сюда, – хорошо бы сперва прислать кого-нибудь посмотреть, все ли на месте и вообще устроить все, а потом уже везти Варвару Дмитриевну, чтобы ей не попасть в самую сутолоку.

В П версте от Вас (или П) будет жить М. А. Новосёлов с матерью.

У нас дома удар за ударом. Кажется, я сообщал Вам, что у сестры Юлии, кот. разводится, умерла девочка ее. А теперь умирает двоюродный брат, сын тети моей, единственный представитель рода своего, владелец громадных имений, и бедная тетя Лиза, старуха 60-ти лет, потеряет всякий смысл существования. Я почти уверен, что она очень недолго проживет без этого после-

дного члена своей семьи. Завтра еду в Москву навестить их. Он лежит в санатории.

Обнимаю Вас. Привет Вашим. Как Варв. Дмитр.? Господь да хранит Вас.
Любящий Вас *Флоренский*.

XLIV

5 апреля 1913 г. Сергиев Посад.

†

Раз уж Вы, дорогой Василий Васильевич, принимая во внимание и меня, решите заняться «Древом жизни», то мне с своей стороны, хотелось бы вложить в нее хотя бы часть того материала (в виде примечаний?), который у меня собран (в выписках, в книгах, в тетрадях). Подумайте, как осуществить это. Конечно, совершеннейший путь был бы – прислать мне всю книгу сразу *в гранках*. Это невозможно. Поэтому, м. б., Вы сможете прислать ее частями в гранках и на время *не меньшее* недели. Чем больше будут порции – тем лучше.

Пока присылаю Вам еще статейку о трех мистиках, главн. образ. для расчленения *младенца-фалла*, из египетск. символики. Конечно, предоставляю Вам право выкраивать из нее что вздумается. Мне ведь хочется напечатать книгу не такую, где были бы, как в альманахе, и Ваши, и мои статьи, а воистину *общую* книгу. Если хотите сделать ее *свежей* и сильной – не поспешите дать какую-ниб. □ или □ сотни лишних рублей *на клише* [NB]. Кое-какие *клише* у меня есть *готовые* уже, ими я снабжу Вас. Но надо рис. побольше. Ведь они вразумительнее говорят, чем тексты, и притом именно тому, кому надо понимать, – и молчат пред тем, кому надо быть непонимающим.

Самое дорогое, самое интимное – если эта книга будет снабжена собственноручными *рисунками* (пусть скверными!), индивидуальными, или рис. с Вашей коллекцией, из моих путевых альбомов и тетрадей и т. д., одним словом, чтобы от нее пахло рабочим кабинетом и *действительною* жизнью.

Меня мысль об общей работе всегда как-то воодушевляет. Вот почему я постоянно пишу для кого-ниб. предисловия, вступления, делаю корректуры и т. п. Но наше с Вами дело, конечно, неизмеримо увлекательнее корректур.
1913. IV. 5. Сер. Пос.

Оба мы умрем; но нашим детям и, б. м., внукам останется память о совместной работе и о науке на свободе, а не ради учен. степеней и карьеры, – о той науке, которая, я знаю, была в древности и которая, хочется надеяться, – будет у наших внуков.

Все это написано весьма давно. Но т. к. пора давно послать, а времени у меня для отделки сейчас нет, то я кое-как, лежа на постели докончил тот круг мыслей, который хотелось замкнуть, и посылаю в черновом виде.

Если Вы найдете это интересным, то я в гранках исправлю, дополню и усовершенствую.

Любящий Вас свящ. П. Ф.

XLV

11–12 апреля 1913 г. Сергиев Посад.

†

Это последнее письмо.

Получил Вашу книгу и сегодня же проглотил ее. Остался дома – нездоровится. Анна читает Вашу книгу и весьма довольна, а она порядочно требовательная, – более меня. Наши все, т. е. Анна и ее мать весьма восхищались В. Д-й, по ее портрету в книге. А когда же Вы мне подарите обещанную *свою* карточку? Ведь я же ждал ждал; наконец решил напомнить.

Спасибо за книжку, она вышла *совсем* не похожей на «Уединенное». *Объективная* и *без драмы*. – Вот о чем дайте знать. Когда пишу для Вас, нужны ли учен. справки и ссылки, или их опускать. Вот и к присланному, если надо – я могу приставить, если нет – то выпустите и то немного, что там есть. Следующую статью я Вам пришлю на тему едва ли цензурную:

Περί τού σπέρματος*.

Присылаемое *совсем черновые* наброски и почти без плана. В корректуру могу отделать слегка. Но прошу Вас искренно отметить мне недостатки, – не для духовного назидания, а для того, чтобы в след. статьях постараться избежать их.

Сообщу еще *Вам*, по секрету, что эта статья снабжена научн. сообщениями главн. образ. для того, чтобы замаскировать слишком явное проглядывающий источник знания, – не из книг.

Я узнал, что В. Д. дома. Дай Бог ей здоровья, а Вам радости. Господь да хранит Вас. Любящий Вас

свщ. П. Флоренский.

P.S. Сообщите, *когда* Вы думаете на дачу. Надо распорядиться, чтобы там все приготовили.

Теперь в Посаде оч. хорошо и все подсохло.

Статьи Ваши в «Б. В.» напечатаны. Неск. оттисков вышлю на днях, как только будут готовы. П. Ф.

XLVI

18 апреля 1913 г.

†

Дорогой Василий Васильевич! Вы возвели на меня обвинения столь тяжелые, что у меня сразу опустились руки. Тут дело совсем не в литературном самолюбии, а в том, что Вы затронули струны уже и без Вас давно звучавшие в душе. «Это – тайна! Это невыразимо! Это не должно и пытаться говорить – всё равно останется непонятным...». Вот всегдашние голоса, пре-

---

* О семени (греч.).

достерегающие меня против выдачи многих *переживаний*. Но в данном случае я решил пренебречь ими (голосами), вопреки обыкновению, и... даже тот, кто понял бы с полуслова – не понял. Я виню, однако, не Вас, а себя. Ибо, если и Вы не поняли, значит, сказанное мною вообще, само в себе непонятно, непередаваемо. Между тем я старался выразить в общечеловеческих, исторически данных символах. Если же и они не помогли, то значит я *нел*.

Вашу мысль об анекдотичности я не только весьма понимаю, но и сочувствую Вам в отвращении от такового свойства. Но я не понимаю, как я, внутренне обратившись в сторону *прямо* противоположную, в сторону проникновения внутреннего в корни того, что кажется нелепым, и что есть достояние древней мудрости, – как я дал нечто такое, в чем *Вы* увидели анекдот. Не признавая анекдоты вообще, я абсолютно не допускаю их в области мистики, – тем более мистики пола. И если Вы правы, то присланное Вами надо немедленно испепелить и пепел развеять. Этого всего я не стал бы писать, если бы ни —.

Сегодняшнее Ваше письмо, в котором Вы снова упрекаете меня, теперь уже за непонимание древней души. Но неужели и тут я не сумел быть понятным. Ведь под «*возбуждением*», коего не было при взгляде на фаллические памятники в древнее время, я разумею именно то, что они не воспринимались как анекдот, как пикантность, как нечто *извне раздражающее* пол. Да и понятно, что этого не могло быть, – хотя бы по тому одному, что при *загромождённости* древней жизни фаллическ. памятниками и символами, если бы таковые воспринимались как нечто возбуждающее, анекдотическое, – древние люди, никогда не выходя из этих переживаний старых холостяков, были бы психопатами. Но отсюда не следует, что фал. символы *никак* не действовали на душу и тело. Так, игры юношей с девушками их *не* возбуждают (иначе это были бы испорченные юноши), но укрепляют в их поле, повышают *общий* тонус половой силы, делают более зрелым их семя. Да и брачная жизнь именно *не* возбуждает вообще, однако укрепляет общий тонус пола, укрепляет, т. сказ., пол во *всем* организме, а не раздражает половые органы и воображение. Говоря, что фал. памятники не возбуждали, я именно и хотел сказать, что они не производили *местного* раздражающего действия, а впитывались, так сказать, всем существом и смягчали жесткость рационализма, – в уме и в сердце. Так, созерцание семейных радостей, детей, любви, тепла семьи *не* возбуждает, – даже наоборот, а укрепляет всякого в поле его, а сильный пол есть именно пол не возбудимый поверхностно, от случайных впечатлений, но вбирающий их в себя и образующий из них единую массу, которая придаёт возбуждениям, *когда они нужны и уместны*, глубину и силу. Фаллические памятники и символы, будучи созерцаемы всю жизнь, создавали глубину и серьезность пола, а вовсе не были похабными картинками холостяцких кампаний или грязными рассказами учёных монахов. К чему-то Вы сюда присоединили нравоучение на тему «назвался груздем...». Откуда же Вы взяли, что «надо избегать...». Не надо избегать, но надо чтобы когда они были они были бы серьёзны, а не случайною прихотью. Последнее же и грешно и грязно.

Я не знаю, что я пишу и как выходит. Но я знаю, что я пишу все что пишу после того, как оно мне *открылось* в переживании. Литература, ссылки, цитаты и т. д. – это иногда символика, иногда прикрытие. Вас смущает «scio»*, а я *прикрываю* этим «scio» то, что *нельзя* сказать прямо, без «scio», ибо это тайна. Но *мне кажется*, что всякий, кто дает себе труд дешифровать это «scio», поймет истинную суть дела; остальным же знать ее не для чего. Так *мне кажется*. Однако Вы свидетельствуете: «не так». Я не могу не верить Вам, не могу обвинить Вас ни в недоброжелательстве, ни в непонимании и говорю: Значит, я не умею выразить того, что *переживаю*, и живое переживание распадается на собрание анекдотов. Жаль. Но, что же делать, я сделал, что мог и совести своей не сфальшивил ни в одной запятой, не сочинил ее.

Ф. К. Андреев на Пасху остался здесь и, след., зайти к Вам за портретом не может. М. б., сможете привезти Вы, когда приедете.

Простите, что надоел скучными разъяснениями. Дружески обнимаю Вас. Любящий Вас свящ. П. Флоренский.

1913. IV. 18. Серг. Пос.

XLVII

1913. V. 9. Серг. Пос. День Святителя Николая Чудотворца (NB, для Розанова: имел жену и детей).

†

Дорогой Василий Васильевич!

Почему-то так случается всегда, что именно тогда, когда дела больше всего, невыносимо много; мне хочется написать Вам. И вот я сажусь, не исполнив дела и, второпях, небрежно пишу Вам письма. Мысль сейчас вертится около «*Опавших листьев*». Я не писал Вам доселе о Вашей книге, хотелось проверить впечатление. И это было тем более нужно, что я слыхивал немало воркотни и ругатни на Вас. Теперь, вчера и позавчера я перечел большую часть «Листьев» и оказалось, что мое впечатление лишь утвердилось. *Мне* не только нравится книга, но я не вижу препятствий к изданию ее. Вот, Анна говорит, что нельзя было пускать ее в продажу, – это женская ревность к детям и семье. Конечно, по существу дела это верно, но тогда *вовсе не надо* книг, – кроме таблиц логарифмов и словарей. Литература в самом существе своем нецеломудренна. Но если уж я, Вы, все печатаемся – то лучше так, как в «Листьях», нежели *и* нецеломудренно, *и* лицемерно. Одним словом, Анна поет в один голос с В. Д., а я – с Вами. Боюсь, что если летом появитесь Вы здесь, то против нас образуется сильное женское мнение, и литературе конец, – гораздо раньше, чем предсказываете Вы...

Своим студентам я давал для семестрового сочинения тему «Философские воззрения Н. Н. Страхова». И вот при их работе мысль невольно сопоставляла Вас со Страховым:

---

* Имеется ввиду латинское выражение «Scio me nihil scire» <я знаю, что я ничего не знаю>.

Не даром она, не даром она, не даром
С отставным гусаром...

Кажется, и сами Вы не подозреваете, до какой степени «не даром» Вы со Страховым сдружились. Загнанность Вас обоих, славянофильство, любовь к родине – это все лишь *проявление* более глубокого идейного сродства. Общее Ваше – это общий угол зрения, под которым Вы мыслите все существующее, общая категория мысли. Категория эта – *жизнь* (*βίος*). «*Организм*» – вот что сплотило Розанова и Страхова, «*целесообразность*» – вот что их устремило к одной мете. Это – положительная основа. А отрицательная – полное непостижение духовной жизни (*Ζωή*), дальтонизм к Вечности (не обижайтесь, я по-дружески!) Это-то, сплывающее, отрезало их, как ножом, от остального общества, сделало их смешными и непонятными. Вы оба не переносите интеллигентских категорий «*механизма*», безжизненности, случайности, с одной стороны, и духовности, сверхмирности, жертвенности – с другой. Отсюда-то и происходит Ваш потрясающий пафос любви к Родине, Ваше славянофильство, Ваш вкус к земному.

Интеллигенты до славянофильства не доросли; Святые – его переросли. Интеллигенты живут в механизме и механизмом; Святые – в Вечности и Духом Святым. А Розанов со Страховым – в *βίος*, в «завитиях» органической жизни, в гуще земных явлений. Святые – выше мира; интеллигенты – ниже мира. А Розанов со Страховым – в «мире, как целом», и все их думы – около «мира, как целого, живого, связного, осмысленного».

Не помню хронологии. Но *идейно* «О понимании» есть чадо «Мира, как целого», а «В мире неясн. и нерешен.» и др. Ваши книги прямо следуют за «Миром, как целое». Даже Ваше противление Христу во имя мира есть прямое продолжение так называемого «*рационализма*» Страхова. Если бы Страхов прожил далее и имел бы силы далее развиваться, если бы он был с большим напором и смелостью – ему пришлось бы прийти именно к «Темному лику» и, далее, к драме отказа от «Темн. лика», но отказа уже не теоретического, а *кровного*, всем нутром, ибо и Страхов, как и Розанов, был замешен на святой водичке. Относительно Страхова у меня всегда остается впечатление, что это – человек невысказавшийся. М. б., это произошло от *забитости* обществом. Но такая, напр., существенная черта, как склонность к подлинным изданиям и древним книгам, которая глубоко определяет не-интеллигентский склад души (интеллигенту важны «лишь мысли», а не цвет бумаги и не запах старой кожи), – эта черта – ничуть не запечатлена в его произведениях, насколько я помню их, и судя по ним нельзя было бы и заподозрить его. Вот почему разговоры о *рационализме* Страхова, формально-справедливые, мне представляются по существу ложными, ибо «рационализм» Страхова *еще* большей степени сказался у Розанова в «О понимании», но как первая, периферическая попытка вскрытия идеи целесообразности. Непременно, думаю мне, если бы Н. Н. Страхов смог развернуть ее, он перешел бы к иной, более глубокой целесообразности. Уже в гегельянстве намечается вы-

ход из рационализма. А Страхов взял из гегельянства именно эту, пограничную идею об органической связности. Гегелевское саморазвивающееся абсолютное понятие превратилось у Страхова в «это» живое тело, а у Розанова живое тело собралось в одну каплю семени. Еще одно движение – и у Фл. оно окончательно ускользает от реторт и щипцов, делаясь зримой и незримой, временной и вечной идеей – именем.

Но, в устремлении своем Розанов и Фл., кажется, смотрят в противоположные стороны, снова встречаясь взорами в бесконечности. Это яснее всего из их стиля. Розанов хочет «субъективизировать» литературу, сделать ее насквозь интимной. «Писать так, как говорят» – до последнего предела, «разрыхлить душу читателя». Фл. же, наоборот, хочет сделать писания совершенно объективными, писать «совсем не так, как говорят». Для Розанова разговор и книга – одно, для Фл. – совсем разное, по природе разное. Розанову хочется опростить церковь, ввести жизнь в церковь; а Фл. мечтается *иератический* строй и священная символика, внушающая трепет, но непостижимая непосвященным. Поэтому ему хочется стиля *монументализма*, а Розанову – т. сказ., эфемерного, но моментного. Язык Розанова – как еле ласкающиеся дохновения теплого ветерка, как пахнувший откуда-то запах, овевающий, но бесформенный. А Фл. думает о языке, который бы как удары молота по резцу высекал священные глифы в подземных пещерах. Розанов (в истории) никогда не был жрецом; а Фл. никогда не был чем-либо, кроме жреца.

О «философе» и «седалище Моисеевом» в «Опав. листьях» выражает именно то, что я твержу много лет. Но я не смел сказать другому: «Христос – так, а мы – совсем наоборот». Однако это именно *так*. Да, если коснется ругани *их*, то я мог бы заткнуть за пояс В. В. Розанова. Но ради «седалища, – которое, как Богом поставленное, есть, было и пребудет комом земли и источником культуры и одушевления человечества, – ради «седалища» умолкаю и только временами показываю кулак и про себя грожусь: «Погодите, придет Поставивший, погонит вас вон...» – Мне думается, что *этой* мысли – «Придет» – у Вас совсем нет. Отсюда безнадежность. Но всюду не только α , но и ω , и Тот, кто написал α , – напишет и ω . В мысли об Ω разрешение «Темн. лика» и всего, что накопилось около него. Еще в 3-м кл., когда я только начал учить греч. яз., мне более всех букв полюбилась, и я не мог нарадоваться писанием ее во всех видах и размерах.

Вот, кстати, на тему об Ω маленькое сообщение об отн. женщины, с кот. я недавно познакомился. Муж ее умер, она осталась с тремя молодцами детьми, – мне говорили, что все были красавцы, взрослые. И вот, один, по совершенно непонятной причине застрелился; другой, вернувшись из сибирск. поездки, куда он провожал поезд, бесследно исчез – полагают, что убит; третий, возвратясь из гостей домой в революцион. год, был пронизан в голову у калитки дома своего пулей, и сошел с ума. Все это случилось в протяжении времени меньшем двух месяцев!

Привет Вашим, особ. В. Д. Помогай Вам Бог.

Ночь.

Любящий Вас свящ. Павел Флоренский.

XLVIII

20 мая – 4 июня 1913 г. Сергиев Посад.

«И бысть вечер, и бысть утро...».

Как-то недавно забежал ко мне Ф. К. Андреев сообщить, что у них с С. А. Цветковым был спор об «утре» и «вечере», по поводу места из книги Бытия:

«и бысть вечер, и бысть утро, день един» (Быт. 1, 5)

и дальнейших, ему тождественных, в которых «день» определяется как «вечер» и «утро». Цветков понимал «вечер» и «утро» как синонимы для «ночь» и «день», а библейский «день» – как синоним «сутки». Не без волнения поведал мне Андреев («нажаловался»), что «и бысть вечер, и бысть утро» для Цветкова лишь *«день да ночь – сутки прочь»*. Сам же он стоял за особый смысл этих выражений...

Не помню, что именно отвечал я Ф. К-чу. Но в душе поплыли воспоминания о многих мыслях и пережитом *около* этой темы. Мне они очень дороги, но я почти не надеюсь, что сумею объяснить их. Главное, я боюсь, что выйдет вместо описания – ряд метафор. Но все же попытаюсь. Попробую рассказать о том, что более уловимо и выразиимо.

Есть мистика ночи; есть мистика дня; а есть еще мистика «вечера» и «утра».

Выйдешь безлунною ночью в сад. Потянутся в душу щупальцы вещей, трогают лицо, нет преград между первоосновой мира и всем существом созерцателя. В корнях бытия соединение, а на вершинах – разъединение. Эта мягкая, почти липкая тьма мажется по всему телу, по лицу, по рукам, по глазам, для чего тут «какая-то» личность. – В лунную ночь уже враждебная, мертвенная сила силится подстеречь момент и пролиться ядовитою ртутною струею в недра твои. Полная Луна высасывает душу. Перекрестишься, спрячешься в тень, за угол дома или за дерево. «Сгинь, жестокая бесстыдница!» – В полдень же... в полдень ой как страшно. В поле где-нибудь станет Солнце прибывать все к земле потоками тяжелого света, опять льется из хлябей небесных ливень расплавленного золота. Даже пыль не пылит, – давит сверху стопудовый свет. Тяжко и жутко. Все в ужасе смолкает и притихает, – лишь бы минул томительный час. Побежишь – и гонится, гонится кто-то. Крикнуть захочешь – не смеешь. Да и не ты один, вся тварь спряталась в себя и с замиранием сердца ждет. Боюсь я этой «мистики». Кажется, «бесполуденный» не ласковой «беса полуночного». Не моя это мистика! Ни ночью, ни днем не раскроется душа. И не хотелось бы умирать мне в те жуткие часы.

Мне хотелось бы умереть на *закате*. И когда я умру, возьмусь я отсюда, пусть тот, кто вспомнит мою грешную душу, помолится о ней при еле-светлой заутренней ли, вечерней ли, но тогда, когда небо бледнеет, как уста умирающей. Пусть любящий меня помолится обо мне при умирающем закате, или при еще призрачном изумрудном небе восхода... Тогда трепещет «иногое бытия начало». И ликует новая жизнь. Помните ли Вы «Септет» Бетховена (Op. 20)? Золото заката, и набегающая прохлада ночи, и смолкающие птицы,

и вечерние пляски и песни крестьян, и грустная радость вечера, и ликования свершающегося таинства смерти слышатся в ней. Особенно этот величественный, воистину победный широко-крылый гимн умирающего Солнца:

и эта кроткая жалоба догорающей зари, бьющейся холодеющими крыльями в сердце:

Они всегда звучат в моей душе. Но всегда же загорается в этой заре и Звезда, как надежда, как залог, как «иногое бытия начало», как *ощущение*, что Геспер есть Фосфор.

Это *переживание*, это ощущение в себе *звезды* не каприз моей фантазии и не домысел воображения. Посмотрите, в Откровении Иоанна Богослова читаем: «И побеждающему и соблюдающему дела Мои до конца, дам ему власть на языках... И дал ему звезду утреннюю. Имея ухо слышати, да слышит, что Дух глаголет Церквам» (Откр. 2, 26–29), и ему вторит апостол Петр: «Добре творити дондеже день озарит и денница возсияет в сердцах ваших» (2 Петр. 1, 19). (Вот, кстати сказать, доказательство подлинности Апокалипсиса). И, вероятно, в созвучии с Иоанном, ап. Павел об этих самых, в сердце зримых звездах пишет, что «звезда от звезды разнствует во славе» (1 Кор. 15, 41). Но, хотя и разнствующие, однако это все *Одна* Звезда, – Та самая, Которая о Себе сказала: «Аз есмь корень и род Давидов, и Звезда Светлая и Денница» (Откр. 22, 16).

Но не только *победившему* сияет эта звезда, но и в слабом и грешном сердце она мерцает и лучится, как лампада, теплящаяся под сводами его, в таинственной мгле, в таинственном сумраке его пространства. Сойди в себя, – и узришь обширные своды. А еще ниже – бесконечная пещера, где для тебя рождаются все вещи. Там-то и воссиявает Звезда Вечерняя.

Вечер и утро особенно благодатны. В прежнее время, приезжая ночным поездом из Москвы, я шел обыкновенно бродить по росистым лугам. Восток только начинал розоветь. И несказанная радость и чистота, вместе с каплями, осыпавшими меня с какого-нибудь орешника, струились широкими потоками в душу, да и не в душу только, а во всё существо моё. Каплею висла у горизонта Утренняя Звезда. Но я знал, что эта Звезда дрожит не на небесном своде, а в пространствах сердца, расширенного до небесного свода. И, восходя в сердце, восходящая Звезда была прохладна, и девственна, и чиста.

Порою вечерами я бродил по холмам и лугам. Набегающая прохлада вечера омывала душу от всякого волнения и нечистоты. *Вспоминалось* о том, *перво-*зданном ветерке вечернем, в котором и которым говорил прародителям Создатель их, и это воспоминание пробегало по спине прохладным восторгом. Полузабытое и всегда незабвенное, золотое время Эдема, как отлетевший сладкий сон, вилось около сердца, задевало крылом – и снова улетало, недоступное. Грусть о былом, – былом в веках и *где-то* вечно-живом, живущем и доныне; и благодатная грусть сливалась с влажным сиянием Звезды Вечерней, такой бесконечно далекой, светящей из бездн, и такой близкой, заходящей в сердце. Где-нибудь вдали мерцала пастушья теплина, и милой была она, и милыми были все сидевшие около нее. И как ранее, в Звезде Утренней, так и тут, в Звезде Вечерней, я любил, – кого-то.

Но скорби тоже не проходили, всё уплотнялись. Наконец они стали нестерпимы, терзали до боли физической, до крика.

Потом мы стали ходить вечерами с А. Мы знали, что Ангел несет нам радость, – нашего В. Утраченный Эдем, не дававшийся памяти, как-то вспоминался в В-е. И Звезда Вечерняя был наш мальчик, через океан света нисходивший к нам, «грядущий в мир», и мальчик был Звездой Вечерней, носимой под сердцем. Мы подарили ему Звезду, и она стала *его* звездой, но она оставалась и нашим сердцем. Прозрачная полумгла ниспадала на мир, но сгущаясь в сердце, уплотнялась там в Звезду Утреннюю, в жемчужину. В сыночке просвечивал потерянный рай; в сыночке забывалось тоскливое древо познания добра и зла.

Муки опять не исчезли, и расстилались в сердце беспредельным морем. Но над пучиною скорбей сияла под сводами сердца Звезда Утренняя, и в лучах ее игра волн этого моря рассыпалась длинной жемчужной полосой. И все было хорошо: и скорби и радости. И всё было грустно...

Потом Милосердный Господь дал мне стать у Своего Престола. Вечерело. Упругие лучи заходящего солнца ликовали, и торжественным гимном Эдему звучало Солнце. Безропотно бледнел Запад. Гряда облаков простирались над Лаврой, как нить жемчужин. Из алтаря во втором этаже дома, были видны четкие дали, и самая Лавра высилась как Горний Иерусалим. Всеношная... «Свете Тихий» совпадало с закатом. Но грусть потери таинственно зажигалась радостью возврата. И на «Слава Тебе, показавшему нам Свет» знаменательно приходилось наступление тьмы. Но Звезда Вечерняя сияла тогда в алтарное окно, и в сердце опять восходила неувядаемая радость сумрака. Тайна

вечера соединилась с тайною утра, и обе были *одно*. В эти-то таинственные минуты Звезда Вечерняя и Звезда Утренняя сияла и лучилась в сердце.

Эти две тайны – границы жизни. Рождение и смерть сплетаются друг с другом, переливаются друг в друга. Колыбель – гроб, и гроб – колыбель. Рождаясь – умираем, умирая – рождаемся. И все, что ни делается в жизни – либо готовит рождение, либо начинает смерть. Звезда Утренняя и Звезда Вечерняя – одна звезда. Вечер и утро перетекают один в другой.

Эти же тайны, тайна Вечера и тайна Утра – границы жизни всей вселенной, изображенной в великой летописи мира – в Библии. На протяжении от первых глав Книги Бытия и до последних Апокалипсиса протекает эта история, – от вечера мира до утра его. В самом деле, мир сотворен был *под вечер*. В прохладном ветерке вечером Бог разговаривал с людьми. Не было ни скорби, ни плача, и люди были как дети. И «Древо животное» произросло среди Эдема. Так, с вечера, начинает историю мира Священная Летопись. Кончает же она эту историю смертью мира и новым творением. И опять Дух с людьми. Опять «Древо животное» среди Нового Эдема – Иерусалима Горняго. Опять радость и ликование, опять нет скорби и плача. Опять нет смерти. Опять та же *брачная* пиршественность. Но это уже не вечер, а утро наступающего вечного Света. Иисус, – «Звезда Светлая и Денница», или, по другому чтению, «Звезда Утренняя и Денница», – восходит в Новом мире. Браком начинается Библия, браком же и кончается. Древом жизни начинается – древом жизни и кончается. Духом начинается – Духом и кончается. Но начинается она *вечером*, а кончается утром невечернего дня. Не есть ли самая история мира, во мраке греховном протекающая, – одна лишь *ночь*, между тем мистическим вечером и этим мистическим утром. Смерть мира есть рождение его в новую жизнь, при Звезде Утренней.

И концы сливаются. Ночь вселенной воспринимается как не сущая. Утро нового мира *продолжает* тот, первоизданный вечер: «И бысть вечер, и бысть утро, день первый»...

Мне не хочется сейчас делать выводы и подводить итоги; не хочется осознавать связь переживаний, здесь затронутых. Это огрубляет пережитое и девенит его. Но я знаю, что все они в тесном единстве друг с другом, – одним, и что этот ком связан с «и бысть вечер, и бысть утро» Книги Бытия.

Свящ. П. Флоренский.

Сергиев Посад, 1913. V. 20 – VI. 4.

XLIX

24–26 мая 1913 г. Сергиев Посад.

†

Наш с Вами диалог.

– «Ага! Оправдывали попов, а они вот что поднесли. В этом Перст виден», – пишете Вы, дорогой Василий Васильевич. Но я в долгу не останусь перед Вами:

– «Ага! Нахваливали жидов, а они-то, оказывается, с плодородием *скопческим*, умерщвляющим. Вы все вздыхали о микве, а оказывается, что миква только *для себя*, а для других асфальт, плавающий в Мертвом море».

– «Но Синоду нет дела до Иисуса!... кричите Вы с торжеством...»

– А жидам – до плодородия... Им только «*мы*» нужно, – и это так и в поэзии, и в науке, и в общественности. Мы, мы, мы... Объективного, незаинтересованного, сущаго о себе и для себя им не нужно. Нужно лишь то, в чем можно устроить гешефт.

Итак, мы квиты. Подведем же итоги и заключаем мир на следующих условиях: 1) Вы соглашаетесь, что хотя попы – и темная сила, но Бог хранит их для каких-то, Ему одному ведомых путей своих. А я тоже скажу о жидях.

2) Для нас с Вами «не жалко», если бы и те и другие «провалились». Но мы взаимно признаем те начала, которыми прикрываются попы и жидаы и до которых им нет дела, – *Рождение и Духовность*.

3) Душою обращаемся: Вы – к Египту, я – к Элладе. Тут споров между нами никаких быть не может. Вы назначаетесь проживать в египетских Фивах, а я – в эллинских Фивах.

Итак: confirmatur*?

Знаете ли, мне почему-то припомнилось: в Византии, при заключении договора с жидом его сажали в воду и заставляли плевать *in rosem suum***. Это почему-то признавалось единственным средством заставить жиду сдерживать свою клятву. В отношении же А. надо предложить плюнуть на лысину – иначе от лживости нечем обеспечить.

Через несколько дней, по получении письма со статьей Философова. 24 мая.

Только что утром собирался вставать с постели, чтобы идти со всей семьей встречать Государя, как пришло Ваше письмо. Вернувшись домой и перечтя письмо, отвечаю: Вы пишете правильно и сильно. Но зачем (уж который раз я ссорюсь с Вами из-за этого!) – зачем столько неуважения к себе. Оправдываться, писать в какую-то газету, которой я *никогда не читаю* из чувства гадливости. Разговаривать с Философовым, который знает, что может, и знает это лучше, чем Вы и я. Во мне есть достаточно разных древних кровей, чтобы иметь и гордость самоопределения. Я не могу раздражаться, сердиться на тех, или опровергать слова тех, чье значение нравственное для меня равно нулю. Поверьте, что я это говорю не с вызовом, а просто признаюсь, м. б., даже со смущением: все эти кривотолки, как «*наши*», т. е. «Ведомства» (а они досаждают мне сильно, и это неудобно по чисто практическим соображениям), так и «*их*», либералов, *морально* никак меня не задевают. И, разумеется, никому ничего отвечать я не буду. То меня поливают помоями левые, то, на смену им, – правые. А я не хочу быть и не буду ни правым, ни левым, ни беспартийным, но хочу только, чтобы Господь Иисус Христос не

---

* Утвердили (*лат.*).

** Позади себя (*лат.*).

отвергся меня на Страшном Своем суде и простил мне мои прегрешения, вольные и невольные.

Когда я посвящался в дьякона, ночью мне приснился страшный сон пророческий. Из него я узнал, что за посвящение мне будет несчастье от Дьявола и что сейчас же после посвящения и долго, до времени какого-то решительного и, кажется, предсмертного шага мне придется идти по ужасной, непролазной грязи. Я тогда же понял, что грязь – это дрязги, сплетни, неприятности, тяжелые обстоятельства и тогда же положился на Господа. Очень м. б., что в самом скором времени мне придется уйти из Академии. Но люди, которые делают мне мелкие пакости, думают, *они* это делают, тогда как на деле исполняют чужую волю. Бог с ними! Но я стараюсь ко всему быть готовым.

Статья Философова вовсе не так проста, как Вы, не зная кое-чего, думаете. Она – *двойной донос*, к Синоду, с одной стороны, и к Кагалу – с другой. Дело в том, что Философов прекрасно осведомлен, что сейчас у меня вопрос о диссертации, и он пользуется всеми средствами, чтобы ее не утвердили в Синоде, – и делает это настолько явно, что статья его получает вид *бессмысленный* для лиц непосвященных. Философов прекрасно понимает, что обвинением в черносотенности в глазах Синода он мне не повредит и что на Кагал я не смотрю. И поэтому он спешит забежать: это, де, тот самый Ф-й, который

1) был единомышленником Новосёлова по делу о Григ. Распутине;

2) который состоял в «Пути» и близок с Булгаковым и Бердяевым, Эрном и т. д.

3) который участвовал в издании книги иеросх. Антония (намеком).

Но Философов прекрасно учитывает, что: Новосёлов сейчас *persona ingrata**; что Булгаков, Бердяев, «Путь», Эрн находятся у Остроумова и др. под подозрением в тайной революционной пропаганде (это я *достоверно* знаю от Еп. Феодора); что Антоний Булатович «мятежник» и проповедует «ересь»; что выступать против Распутина чуть ли не преступление.

Таким образом, смысл статьи таков:

к левым: Вот они, негодяи, какую мерзость печатают про нас, и это – искренне;

к Синоду: Не верьте их черносотенности. Это люди беспокойные, еретики, мятежники. Это лишь на словах они правые, а на деле они люди опасные, «в оппозиции власти».

Что же отсюда следует. – «Ф-ий автор «Ст. и утверж. Ист.». Странное дело, зачем бы сообщать эту справку в ругательной заметке, где и меня-то касаются лишь попутно! А вот в чем дело. «Напоминаю, что он автор сего сочинения, а он – вот какой. Чего же вы там в Синоде смотрите, держите его».

В чем же теперь дело. Почему он взъелся на меня? – Очень просто. Это все расплата за предисловие к «Апологии веры» Антония Булатовича, где я, мысленно имея в виду именно trio из Зины и двух Дим, сделал им

---

* Нежелательное лицо (*лат.*).

такое возражение против их утверждения о мертвенности Церкви, которого они парировать никак не могут. Я говорил, что Церковь *жива* и это проявилось в имяславческом движении. Они, конечно, торжествуют. Синодское Послание (ибо им подтверждается, по их мнению, их мысль о Церкви) и вместе топят из мести меня. А когда потопят (я уверен, что будут еще и еще выступать), – тогда прольют крокодильи слезы и скажут (чтобы опять лягнуть Церковь): «Ну вот, мы говорили, что Церковь мертва. Был живой человек, и того выгнали из Академии». Меня-то не жалко, но противно видеть, как они станут мною лягать Церковь. А если на то пошло, я признаю кого угодно, только не их. Знаю их все хитрости и всю бабью натуру (статья сочинена «Зиной» – патент бабьим пронырствам!), и мне противно связываться с людьми, которые пользуются *случайными* слухами, ибо

1) против Распутина я *не* выступал,

2) в «Пути» печатаю книгу лишь, а в комитете не состою,

3) мое участие в издании Булатовича не известно, ибо нет подписи,

и стало быть все три обвинения являются *клеветой* или злостными покиданиями. А о моральном участии и сочувствии говорить они не смеют, ибо у них нет никаких данных.

Мне очень не хотелось бы, чтобы Вы поняли все эти разъяснения как следствия раздражения моего. Повторяю, я предвижу неприятности, но статья как статья – мне «все равно». Разъясняю же это все Вам для того, чтобы Вы знали, что я «левых» *знаю* и что их заигрывание и зазывание меня прельстить не может. Конечно, бывают честные глупцы, обманутые идеалисты и соблазненные «малые сии». Конечно, студентов и курсисток следовало бы посечь и женить, и вся дурь вышла бы из головы. Но главари и писатели *лживы* до корня, они спекулируют на глупости и доверчивости молодежи и смеются в душе над нею.

Цветков что-то исчез, хотя и должен быть в Посаде. Мне не особенно приятно, что наш С.Петербургский разговор заставил Вас думать, что я отношусь к нему плохо. Мне думается, что мои *суждения* о людях вообще угловаты и ригористичны, но *отношусь* я иначе и умею не замечать многого. Я тоже надеюсь, что Цветков, если он возьмет себя в руки, сделает из себя нечто значительное и, конечно, ничего, кроме радости, ничего от этого не могу испытывать. Вообще, я не понимаю зависти к значительности человека. Завидовать можно красоте, силе, ловкости, росту, м. б., уму, – но *не* значительности, ибо чужая значительность на меня не только непереносима, но и *мне* непереносима – мне нужно было бы отказаться от себя самого, чтобы получить, вместе с чужой личностью, и ее значительность. Но это возможно сделать (в виде подвига) только для Бога и в отношении Бога. Из отношений же людей я всегда предпочитаю быть незначительным, но самим собою, чем потерять себя. И, м. б., хорошее отношение ко мне людей близких объясняется только тем, что они чувствуют, что я им не стану завидовать во *внутреннем* их преуспеянии.

26-го мая.

Придя от службы застал дома Ваше письмо по поводу Синодск. послания. Вы, оказывается, волнуетесь больше нас, – а мы (по крайней мере, я) давно перестал волноваться, ибо давно уже знал, что будет. Мало того, признаюсь, что с самого начала я был уверен, что это будет так, ибо тут соединяется:

- 1) рационализм и невежество иерархии,
- 2) террор Храповицкого,
- 3) его личная злоба и самолюбие против «афонцев»,
- 4) его личное (и искреннее) нерасположение к мистике, к монашеству (как подвигу), к тайнам.

Явное дело, что при таких слагаемых нельзя было надеяться даже на то, что вышло. Мне думается, что сдача некоторых пунктов, попытка всмотреться в дело приблизительно серьезно, плаксивый тон Послания, показывающий сознание Синодом, что не все так просто и ясно, – все это доказывает частичную победу имеславия. Но Вы напрасно пишете о реформациях. Не мы, а Синод, толкает Русск. Церковь на путь протестантства, и он еще пожнет плоды своего послания. Ведь в нем *implicite** содержится отрицание таинств, учение агностицизма, отрицание молитвенного подвига и многое другое, что те, кому надо, поспешат оттуда извлечь. По существу дела я всегда был человеком закона и порядка, и потому мне тяжело думать и видеть, что Синод, каков бы он ни был, дискредитирует себя самого. Ведь я знаю до какой степени с ним морально не считаются не только миряне, но и духовенство, даже епископы. А если это дойдет до народа простого, то начнется открытая религиозная анархия и брожение сект и изуверств. Конечно, я не без удовольствия прочитал бы в газетах телеграмму: «Ант. Храп. постигла судьба Ария – расселось чрево в неких местах». Но я вовсе не хочу крушения церковной власти, даже такой, какова она – сейчас.

Конечно, я бы счел дерзостью пред Церковью – говорить, что правда будет выражена именно так, как мы ее думаем выразить. Но могу сказать с уверенностью то, что мы осуждены в обществе весьма почтенном – с Иоанном Кроншт., Тихоном Задонск., Дмитр. Ростовск., Симеоном Нов. Бог., Феофилактом Болгарск., Иоанном Златоустом и т. д.

Ну, сейчас это все кончилось, кончу и я надоедать Вам с этим. Разумеется, Антонию Храпов. мы ничего писать не станем, тем более – «умолять». Я знаю этого человека, который весь состоит из честолюбия, личных счетов и самоуверенности. Говорить с ним и бесполезно и зазорно. Не из-за этой истории я считаю его злым гением нашей церковной жизни, и его основная мысль – растлить церковную жизнь (остатки ее) и забрать полноту власти всяческой при помощи иезуитски-подобранного ордена ученых монахов, не только папистична, но имеет в себе что-то бесовское. Это я твержу уже *9 лет*, и с каждым годом вижу как движется его дело вперед. Нам, в Академии видно много таких мелочей, которые выявляют *душу* «Антонианства» и кото-

---

* В скрытом виде (*лат.*).

рых в ином месте нигде не увидишь. Спросите любого академика, и он Вам расскажет, – хоть для примера Андреева, который не только не в оппозиции, но даже ректорский любимец и «питомец».

Вам страшно за нас. А нам страшно за судьбы Русской Церкви, за судьбы русского народа, за судьбы русского государства. Когда Антоний добьется своего и, забрав всю власть, окончательно обратит иерархию в клерикально-иезуитскую партию, которая ничего не признает и ни во что не верит, кроме своей власти, – тогда все левые с полным успехом и, главное, не без оснований окончательно заплуют Церковь и оторвут от нее живых людей, и люди эти или останутся в пустоте молчания, или пойдут на борьбу против Церкви. Антоний погубил *Илиодора*, которого горячил и наускивал, а потом предал. И, вследствие отсутствия действительного религиозного воспитания, у нас большинство скажется Илиодорами. Ужасно!

Ждем Ваших из СПб.

Дружески обнимаю. Привет Вар. Дм. и пожелание скорого поправления.

Любящий Вас свящ. *Павел Флоренский*.

L

1913. VI. 3. День Св. Духа.

†

В том-то и дело, дорогой Василий Васильевич, что Вы сами – *слегка* на синодской точке зрения, Вы сами смешиваете Церковь с Синодом, Вы сами чуть-чуть поверили, что «отныне», т. е. когда «высказалась *власть* Константинопольской Церкви и Русской», – «отныне дальнейшее настаивание на своем будет уже противлением *истине*», как сказано в Синодск. послании.

И еще: «Уже давно так» – пишете Вы. Да, давно, очень давно. Но... Церковь живет не Синодами и патриархами, а *Духом Святым*. Были святые и суть они, на всем протяжении церковной истории, и они образуют жемчужную нить духовности и истинного авторитета Св. Церкви, связываемую Духом Святым. А все остальное около них (хотя и мнит в самоослеплении, что *святые* около него). И от них, от святых этих, «Святым Духом всякая душа живится, чистотою возвышается». Иерархия же нужна как грубая кора, как скелет, *по* которому тянутся нежнейшие артерии и нервы, проводящие Божественную благодать. Грубость Синода! Но посмотрите историю Церкви в *любой* момент. Споры арианские, духоборческие, несторианские, монофизитские, монофилитские, иконоборческие, паламитские и т. д. и т. д. – да когда же власть церковная *была* на высоте положения. Всегда она была предательницей Христовой истины, всегда она терялась, всегда она путалась и путала, всегда она выпускала недоброкачественные послания (хуже настоящего, грубые).

Однако Дух Святой, водящий Церковь, выдвигал противников власти, и истина снова водворялась в Церковной жизни.

Нет, меня не Синодское послание беспокоит, а другое. Вдруг защитники Истины по легкомыслию, по слабости, по греховности, вместе с защитою

Истины станут одержимы гневом, раздражением, допустят бесчиние, в раздражении наговорят лишнего. Если Вы в самом деле заботитесь обо мне, *об этом* позаботьтесь, *от этого* удержите. *Гнев*, всеразрушающий, всегда был и остается самой неудержимой моей страстью, и в момент я могу произвести такой взрыв, что сам не увижу, как взлечу на воздух. Вот чего боюсь я, и боюсь потому, что большинству просто *ни до чего* нет дела, что оно не желает думать ни о чем. А между тем в таких тонких и сложных вопросах, когда нет ни философской терминологии, ни духовной глубины, как легко уклониться от пути правого и зайти в тупик.

Кажется, на Афоне буря, и я сильно боюсь, что и защитники правды ведут себя не по правде.

Кстати сказать, сегодня был у меня Д. С. Трифановский, старец-славянофил, древной (первый) русский гомеопат, человек весьма высокой жизни, и поздравлял («Поздравляю!») с Вашими статьями в «Б. В.» об анафеме и об эмигрантах.

Ваши вчера приехали в Вифанию. Алекс. Мих. думает, что следует исполнить советы Карпинского и отпустить Веру в санаторию. Мне же думается, что если это и так, то это все-таки *паллиатив* и что все дело в полной развращенности *воли* и целой куче разных само-мнительных представлений. М. б., Вере хорошо было бы пожить в чужой строго-поставленной семье, особенно иностранной, где с нее стали бы *требовать* дисциплины. Это бы подтянуло волю и создало бы хотя элементарное сознание долга.

Если фаллическ. изображений печатать *нельзя*, то верните мне их в мое собрание. – Меня сильно беспокоит та мысль, что Вы насчет писем чрезчур откровенны и показываете мои кому-ниб. прочитав. От этого у меня такое угнетенное состояние, что написанное боязно посылать. – Привет В. Д. Дружески обнимаю Вас. Свящ. П. Флоренский.

Здесь Андреев и Цветков.

P.S. Посылаю Вам, выражаясь по-футуристически, маленькую «поэзу», сам не знаю для чего именно. Она витает *около* Древа жизни, но не плоды с него ест, а лишь обоняет благоухание цветов. Мне хотелось бы, чтобы Вы внутренне *поняли* эти воспоминания, мне оч. дорогие, но, кажется, изображенное совсем непонятно. Но боюсь, что не дадите себе труда вникнуть. П. Ф.

P.P.S. Собираясь отправить Вам письмо, получил Ваше, где Вы пишете всем троем нам, приблизительно то же, что писал я Вам. П. Ф.

LI

7 июня и 3–4 июля 1913 г. Сергиев Посад.

†

1913. VI. 7. Сер. Пос.

Все, что пишете Вы, дорогой Василий Васильевич, отлично, но я не понимаю, что послужило поводом к тому. Или я что-ниб. не так написал о «зависти», или Вы недоразобрали, но я решительно не могу припомнить, в чем дело.

Но это и не важно. Конечно, московская «церковная дружба» есть лучшее, что есть у нас, и в дружбе этой полная *coincidentia oppositorum**. Все свободны, и все связаны; все по-своему, и все – «как другие». Вы пишете о «новом» в богословии, что внесено нами; но к перечисленным Вами лицам не забудьте добавить Новосёлова и Булгакова, Самарина и др., не выступающих в литературе, но мыслящих оригинально и соучаствующих в общей работе разговорами, советами, дружбой, книгами и т. д. Весь смысл московского движения в том, что для нас смысл жизни вовсе не в литературном запечатлении своих воззрений, а в непосредственности *личных* связей. Мы не пишем, а говорим, и даже не говорим, а скорее общаемся. Мы переписываемся, беседуем, пьем чай; Новосёлов ради *одной запятой* в корректуре приезжает посоветоваться в По-сад, или вызывает к себе в Москву. Но это не флюберовские запятые, да удивляется им потомство, а искание поводов к общению. Вас удивляет отсутствие зависти. Но ведь у нас друг к другу не может быть зависти, ибо почти все работается сообща и лишь наибольшая часть работы в том или другом случае падает на того или другого. Дело другого, скажем Новосёлова, Булгакова, Андреева, Цветкова и т. д. и т. д. для меня и для каждого из нас – не *чужое* дело, не дело соперника, которое «чем хуже – тем лучше», а *мое* дело, отчасти и мое. В совершенстве его заинтересованы все, как и успех относят частично и к себе. Поэтому естественно, что каждому хочется вплесть в это гнездо хоть одну и свою соломинку, исправить хоть одну ошибку в корректуре или чем-ниб. помочь. В сущности, фамилии «Новосёлов», «Флоренский», «Булгаков» и т. д., на этих трудах надписываемые, означают не *собственника*, а скорее *стиль*, сорт, вкус работы. «Новосёлов» – это значит работа исполненная в *стиле* Новосёлова, т. е. в стиле «строгого Православия», немного монастырского уклада; «Булгаков» значит в профессорском стиле, более для внешних, апологетического значения и т. д. Вы нередко удивлялись, как я мало работаю, т. е. выпускаю в свет. А между тем я ведь сижу целый день. Но время уходит на корректуру одному, исправление перевода другому, подыскание справок третьему, обширное письмо четвертому, разговору – с пятым, выслушание какой-ниб. статьи или плана работы шестому и т. д. Самые лекции, которые читаю я, семестровые и кандидатские сочинения, которые даю писать студентам, практические занятия и домашние разговоры со студентами, между-лекционные беседы – все это *очень* утомляет, ибо это не просто учительство, а непрерывная *борьба*; мне ведь приходится не просто созидать, а все время разрушать позитивистические настроения. То же – у Булгакова, у Новосёлова, у всех нас. И вот, хотя и редко-редко (по неск. человек на курс) одерживаешь настоящую победу, однако чувствуешь, что всех *ранил*, и что впредь им придется все же задуматься, а, при случае, когда Бог посетит несчастием, – и принять кое-что в сердце. Но, Вы понимаете, это вечное военное положение требует много сил. Отдыхаешь лишь в церкви да за древностию – рисунками, монетами и т. д.

---

* Совпадение противоположностей (*лат.*).

†

Сегодня Ваш Вася принес мне Ваше письмо. Хотя и изнемогаю от усталости, и глаза не видят, но напишу неск. слов.

Вася мне оч. нравится – бесхитростный, кажется, будет настоящий «мужик», т. е. прямой и мужественный. В нем <нет> лукавства мысли. Хорошо что он ребенок и перейдет прямо в парня, без философий. Мне не приходилось с ним много говорить, но втайне я питаю к нему (уже давно) большую симпатию.

У Ваших в посл. время бываю редко – очень, очень, очень занят. Кажется, у них жизнь идет тихая и ровная, без «историй». Дух чувствуется более здоровый, чем был в СПб. Одно досадно, – Шура (и, очевидно, другие) ругают все монахов вифанских – такие мол и сякие. А всего-то любят иногда выпить да закусить, а кое-кто приволакивается за горничными. Не всем же быть в лике преподобных! А чтобы расцвести одному цветку, как преп. Серафим, надо увозить землю тысячами и десятками тысяч таких «вифанских» монахов. И на том им спасибо. Впрочем, они ведь не то, что язва Церкви – ученое монашество. Они зла никому не причиняют, а просто погружены в растительную жизнь. Право хорошо, что есть кому чистить храм, петь на клиросе, служить в церкви, содержать гостиницу и... доставлять маленькие развлечения приезжим горничным. А что аскетизма особенно нет – кое-кому и лучше: не выдумают именовславия! Таня пополнела, хотя бледновата. Вера выглядит чуть чуть менее философичной и держит себя немного проще. Надя, кажется, слегка скучает, – у нее нет подруги подходящей. Зато Вася живет, кажется, больше при речке и озере, чем дома.

О фаллических рисунках. У меня есть много «заметок» по музеям и из книг на ту же тему. Но если это столь рискованно, то не лучше ли не помещать *никаких*. Сейчас времена опасные и попадаться на пустыке было бы легкомыслием. Не забывайте, что сейчас *серьезная* история с еретиками, и надо же *их* еще довести до сознания. Над Вашей книгой я поработаю, – только не сейчас. Оч. много дела, да и со «Столпом» никак не кончу, а Вы сами знаете, до чего изнурительны корректуры, особенно мои, где на кажд. шагу (в примеч.) цифры, цитаты, иностр. слова.

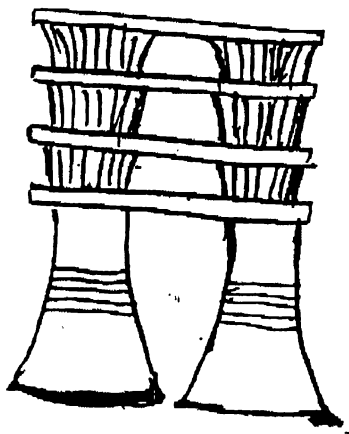
Спрашиваете, что пишу. Знаете ли, я никогда не пишу «что-ниб.» – не умею и не люблю сесть за стол и, приняв серьезный или вдохновенный вид, «творить». Пишу я обычно по 2–3 мин., урывками, чуть ни между двумя блюдами или двумя стаканами чая, иногда при гостях, за общим столом, на экзаменах и т. п. Пишу больше в зап. книжке и на листочках. Потом собираю однородные в страницы, страницы – в главы, главы в сочинения. Потом пишу на полях, на подклейках и т. д. – все *вглядываюсь* и, иногда, в какую-ниб. запятую или точку. Вообще я пишу не столько руками, сколько глазами и ушами, – вслушиваюсь и *вглядываюсь* в те эмбрионы мысли, которые попали в записн. книжки. Тогда они начинают расти, стараться пускать друг в друга корни. Когда ткань достаточно уплотнится, ее *подстригаю*, – все избыточествующее и случайное – выщипываю и отрезаваю. Написанное надо мне непременно прочитать неск. раз вслух, ибо я пишу для чтения *вслух*, и кто хочет понять мой *стиль*, тот должен читать вслух, и

неторопливо. Самая трудная часть, – чего Вы не признаёте и не признаете, – это придать компактность и посылную форму гудам бесформенного материала, – чтобы было и *густо* и *проходимо*. Во-первых, приходится с аскетической решимостью выкидывать $\square$ или $\frac{4}{5}$ – наличного материала, дабы не перегрузить работы и не сделать ее простым собранием сведений. Во-вторых, остающийся материал надо пронизать *моим*, так чтобы он был не непереваренной пищей, а *титанием*. Это всегда *мучительно* и *изнурительно*. Так вот сейчас мне захотелось напечатать немного далее давно написанные лекции о начатках др. филос. (помните «Пращурь любомудрия»). И вот, над 2 $\square$ печ. листами, давно написанными, с давно собран. материалом мне пришлось так намучиться, что я и сам не рад, что связался. «Ученый аппарат», в $\square$ безусловно *ненужный*, отнимает $\square$ силы, идущей на статью. А не уступить этому условному *приличию* – мне нет никакой возможности, ибо и без того на меня косятся за «ненаучность» и проч., а в «наших», «ученых» кругах это – обвинение, грозящее остракизмом.

В этой статье я пишу кое-что о «двойных сосудах» трипольской культуры,

назначение которых до сих пор не выяснено. Дело в том, что у них *нет днщ*, так что это не сосуды, а скорее трубы. Как думаете, что это такое? Втайне я *уверен* (на основании того, что двойные сосуды находятся в могильниках халколитического века *вместе* с статуэтками «нагой богини», т. е. Матери-Земли) – я уверен, что эти сосуды имеют какое-то *ктеистическое* значение. Но какое – понять не могу. Археологи же откровенно сознаются, что совсем ничего не понимают в этих сосудах. – Так, слегка, у меня мелькает какая-то ассоциация с *двойным египетским*,

изображение коего я видел на одном саркофаге XVI-й династии. Но и эта ассоциация недоказуема, по крайней мере сейчас.

Об этих «двойных сосудах» я думаю уже 5 лет, но все смутно. М. б., это музыкальный инструмент? Ну, прощайте. Господь да хранит Вас. Дружески обнимаю Вас. Любящий Вас свящ. П. Флоренский.

ЛII

1913. VIII. 19. утро. День смерти нашего бедного попки.

О смерти

Вы спрашиваеме, что такое *смерть*, а у нас тут она как раз на глазах. Сегодня умер один из попугаев – неразлучников. Болел недели две, ерошился, дрожал, прятал голову под крыло, прижимался к другому попугайчику. Теперь же этот другой жалобно зовет в одиночестве и всего стал бояться. Бедный... Неразлучники – это птички замечательные. Соединяются браком на всю жизнь, никогда не расстаются и друг друга не переживают, хотя, вообще говоря, долговечны и могут жить лет 25. Если бы Вы видели, как нежно они целуются друг с другом, ласкаются друг к другу, при появлении чего-нибудь нового прижимаются друг к другу, ища успокоения – Вы наверное были бы умилены. При болезни же, здоровый старается крыльями и клювом согреть больного. Вот сейчас я пишу Вам эти строки, а бедный попка так горестно призывает умершего, что нельзя его слушать без слёз.

Смерть – тем *особенное* явление, что внутреннее чувство говорит о ней совсем иное, чем внешние наблюдения.

Смерть разлита всюду, – ею мы дышим, и пьем ее, и едим ее. Всюду дыхание смерти. Это не гипербола. По крайней мере, я вижу не иначе. *Всё* смертоносно, *всё* «гибелью грозит», *всё* уничтожительно. Если Вы не живете этим ощущением, то я бессилен Вам объяснить свою вечную покорную тревогу, непрестанную готовность принять удар. Для наблюдения моего, Смерть – это то, что бывает, всегдашнее, повсюдное, непреложное. Действительность – царство Смерти. И вот, непостижимо как, непонятно отчего, в этом царстве всё же дрожит жизнь. Это *чудо*. Чудо в том, как может жить существо, хотя бы минуту, когда оно дышет воздухом, напоённым смертью, ходит по смерти, всё в смерти. Есть *один* лишь шанс жизни против, миллиардов миллиардов, шансов смерти. Всё стремится сократить жизнь, но нет ничего такого, что могло бы удлинить жизнь. Со всех сторон дуют ужасающие ветры, и все они стремятся задуть маленькую свечечку, горящую на открытом воздухе. И напротив, если *бы* даже, почему-либо, ветры не задули свечи, – всё равно она погаснет, – догоревши. Длины свечи ничто не может увеличить, а загасить её преждевременно могут миллионы разных смертоносных причин. И если свечка всё же горит – какое это непостижимое сопротивление бушующим стихиям! Мы идем в толпе, где никто нас не поцелует, но всякий норовит вонзить кинжал в спину или в грудь. Непостижимо, почему из миллионов врагов

доселе ни один не сделал своего дела. Смерть – закон, жизнь – исключение. Вот что мне говорит вся действительность. А более внимательное наблюдение открывает, что Смерть завита в самый процесс жизни, и что жизнь есть не что иное, как умирание. Поток Смерти несёт нас, и мы, капли его, сверкнём на поверхности – и снова уходим. Эту поверхность с её мгновенными блёстками называем мы *жизнью*... Кажется, *эту*, но так ли?

Внутреннее чувство, чувство самой жизни, считает смерть, этот всеобщий закон, лишь исключением, неожиданным, каждый раз неожиданным, каждый раз нечаянным врагом. Закон есть жизнь, а не смерть, и реальность – жизнь, а не смерть. Смерть же иллюзия. Однако, *«почему-то»*, эта иллюзия получает силу. Получает силу всегда. И всё же мы ей не верим. Умираем – и не верим смерти. И знаю, что что-то *«не так»*, что смерть в тайнах своих побеждена, что корень её подсечён. И, далее, знаем, что если смерть есть закон *этого* вида бытия, то, чтобы жизнь стала явным законом бытия, необходимо чтобы явным стал *другой* вид бытия. «Проходит образ мира сего». Не мир уходит, но образ бытия его меняется. Всё светлое мира (а бытие и благо – это одно и то же) пребывает, но меняется образ его на образ *непостижимый*, ибо постигаем мы лишь образ смерти и тления. Воскресший мир – *тот же мир*, но совсем по-иному. Безусловно непредставим *тот* вид мира. Но если того, непредставимого, нет, то неприемлем и этот, нам известный. Сопrotивление жизни, непонятное в плоскости *этого* образа мира, понятно как частичное выявление *иного* образа. И если нет «жизни жительствовавшей», то непостижима и жизнь временная.

И... и все-таки не постижима *острота смерти*, невыразимо, не поддается никакому описанию в словах жалящее ее жало. Это не печаль, не грусть, а потрясение, землетрясение души, разгром *всего*. Только одно есть, что, своею собственною остротою и непостижимостью, ломает жало смерти: страдания и смерть и воскресение Христово. Сами неприемлемые, они преодолевают – неприемлемое, – переживание смерти. Как кол, загоняемый в душу, входит это переживание... И как пошлы утешения в смерти, замазывающие острия, на которые всё равно напорется сердце.

Онтологически понятно, почему воскресение Христово побеждает смерть. *Психологически* же понятно и то, что вера в воскресение («невозможное») разбивает ком ужаса, застывшее и ставшее вдруг колом потрясение. Нельзя жить с этим затверждением в душе, с этою опухолью, которая душит и мучает. Вера в Воскресшего срезывает эту опухоль и освобождает силы на деятельность. Да, тяжело, грустно, невыносимо... Но это в пределах жизни, это не вторжение самой смерти в душу, уже при жизни телесной. Вера открывает новые факты и факторы, но, кроме того, *сама* вера есть факт и фактор, и значение *догмата* с этой стороны мало оценено ещё. Он, ведь, создает для сердца такой панцырь, за которым оно может биться правильно. Конечно, оно будет ускорять свои бienia и замирать, и ничто человеческое не станет ему чуждо. Но оно не окажется за стеною догмата беззащитным от врывающегося в него самума, – ужаса завывающего в мире и парализующего всё живое уже при жизни.

7(?), 15 и 28 сентября 1913 г. Сергиев Посад.

†

1913. IX. 7(?).

Дорогой Василий Васильевич! Занятий до умопомрачения, я много думаю о Вас, но совсем не пишу Вам, да и для себя тоже ни строчки. А мысли текут текут, и в голове пишутся для Вас целые статьи. Но Вы-то не обидитесь. А вот перед Верою мучительно стыдно, что ничего не ответил ей до сих пор. Извинитесь как-ниб. перед нею и объясните, что это не от невнимания, а от того, что в сутках только 24 часа, а у меня лишь одна правая рука.

У нас тут случилось большое семейное несчастье. У тети моей Лизы скончался сын. Это был ужасный удар для всех, а для нее нечто сокрушительное. Болел он с зимы, бедная старуха тетя и моя старшая сестра надрывались в уходе за ним; но он умер.

Вот уроки судьбы. У тети умер муж, умерла дочь, теперь умер последний член семьи – сын, он же и последний представитель старинного рода феодалов. Миллионное имение, старинное имя, общее уважение и почти благоговение целой губернии, интерес к хозяйству, хорошее образование и наконец превосходный сангвинический темперамент... и все это ни к чему. И бедная тетя, падая на землю и закрывая глаза только и твердит: «Его глаза теперь ничего не видят – и я не хочу ни на что смотреть».

Ах, если бы Вы знали, дорогой Василий Васильевич, нашу тетю Лизу, Вы поняли бы, что такое благородная женщина старинного типа, – из того материала сделанная, из какого создаваемы бывали добродетельные королевы и святые герцогини. Вся послушная великодушному зову, – ничего не только мелкого, но и сколько-нибудь житейско-приниженного. Но это не «спиритуализм», а именно *царственность*. Покойный отец мой, – а он много видел, очень много читал и еще более понимал людей, – он не раз мне, особенно перед своею смертью говорил, что замечательнее и благороднее человека, чем эта мамина сестра, он никогда не видал и что я никогда не увижу. Действительно, этот тип теперь совсем исчез. Представьте себе полную творческую свободу. Ни закон, ни опасность, ни соображения не удерживают эту женщину от шага, который подсказывает ей сердце. Вот уж воистину самодержавие, стоящее выше всяких условностей, но всегда имеющее *над* собою высший такт и высшую правду, – по крайней мере, жизненную. Добавьте сюда еще высокий рост, «испанскую» красоту и необыкновенное целомудрие и величие сквозящее во всех движениях. Даже теперь, вся седая как снег, она не совсем утратила прежнюю обаятельность...

За последний месяц много пережито, Василий Васильевич. Но не об всем пишется на бумаге, – как-то многие более острые переживания неворачиваются рука запечатлеть буквами. Но... (Это писано с неделю тому назад.)

1913. IX. 15.

Вашу книгу и статьи получил как какое-то умственное угощение, и собрался было пировать, но дела не пустили. А теперь, вероятно, переутомившись, не имею сил радоваться. Читал сегодня почти целый день «Письма Страхова». Но какая-то безотчетная тоска заволакивает все; на корректуры, лекции, книги – так бы и не глядел. Однако передам то, что продумал, – чисто умственно, т. к. сердце просит молчания.

Первое впечатление – что книгу Вашу надо бы перевернуть. Ваши примечания, кажется, гораздо острее писем Страхова. Или, б. м., это во мне говорит личная привязанность к Вам и, отсюда, маленькое недоброжелательность к Страхову, но хочется сказать: «Что это Страхов забрал себе лучшее место и лучший шрифт, а мой В. В. приткнулся в каких-то уголках и съежился в три погибели». Но это – полушутя. Книга Ваша – книга редкого благородства, и какой *первоклассный* писатель (В. В.) станет так заботиться о письмах не только второклассного (Н. Н.), но и выше себя стоящего.

†

1913. IX. 28. Серг. Пос.

Дорогой Василий Васильевич! Насилу урываю себе несколько минут – написать Вам. Цитата из Вашего фельетона о ритуальных убийствах, встретившаяся где-то в газете, показала мне нашу единомысленность. И мне захотелось, сидя за чаем, написать Вам несколько слов. (Фельетона я не читал.) Прежде всего, мне думается, что дело о Ющинском ведется весьма нелепо. Странная альтернатива: или евреи совершают рит. убийства, *т. е.* виноват Бейлис, или Бейлис невиновен, и тогда, *значит*, евреи убийств не совершают. Не понимаю, почему все взоры обращают на Бейлиса. Лично я почти уверен, что Бейлис невинен, или, по крайней мере, лишь «замешан», впутан в какие-то сложные отношения. Если бы я был присяжным, то Бейлиса я оправдал бы. Во всяком случае, против него нет никаких серьезных улик. Но отсюда еще ничуть не следует, что убийство Ющинского *не* ритуальное. Наиболее характерным мне кажется *вызов*, несомненно содержащийся в этом убийстве. Если несколько человек совершало убийство (а это – несомненно), то неужели они не могли *скрыть* следы своего преступления? Неужели тело Ющинского нельзя было искромсать на куски, и по кусочкам уничтожить, сжечь и т. д. и т. д. Обстановка нахождения тела кричит: «Смотрите, мы вас не боимся!», «Вот всем», «Мы не преступники, исполнители *своей* правды». Этот вызов имеется во всех случаях, когда возбуждалось дело о ритуальном убийстве. Труп Ющинского не был скрыт; его не хотели уничтожить; не хотели скрывать следов, способа убийства. Значит, дело не только было в том, чтобы убить, или даже нацедить крови, а, главным образом, в том, чтобы совершить всенародное жертвоприношение на показ всему миру.

Но, если так, то, конечно, это дело не жалкого Бейлиса, а кого-то посильнее, поважнее и поумнее, наконец – порелигиознее. И, конечно, тот, или те, кто совершил это жертвоприношение, не был так глуп, чтобы с добытою

кровью сидеть в Киеве. Он приехал в Киев Бог знает откуда и уехал Бог знает куда. Истинный виновник убийства неизвестен и, конечно, если не случится чего-нибудь совсем необыкновенного, – никогда не будет отыскан. Как не могут в Киеве понять, что нельзя в *Киеве* искать виновника киевского же убийства, совершившегося более года тому назад. А Бейлис – слишком ничтожное лицо для деяния столь крупного идейно.

Но существуют ли ритуальные убийства. Что за чепуху несут отвергающие их (впрочем, и мною уважаемый Троицкий). Ну, конечно, ни в Библии, ни в Талмуде не сказано «да, совершаются ритуальные убийства». Чего ищут проф.? Неужели §, которым узаконяются человеческие жертвоприношения. Нет надобности быть знатоком Талмуда, чтобы твердо сказать а priori: «Такого § нет и быть не может». Но неужели такой § существовал в тех местах и в те времена, где и когда заведомо существовали человеческие жертвоприношения? А существовали они *везде*. Однако человеческое жертвоприношение всегда рассматривалось как акт экстраординарный (хотя бы он и был периодическим на деле), как нечто неожиданное. Даже жертвоприношение животное – и оно рассматривалось как некая *неожиданность*, как случай, как порыв, и совершитель этого на деле всеми ожидаемого убоя, совершитель назначенный, рассматривался как *убийца*. Закаляющий жрец все же есть убийца, и он должен *оправдываться*, известными условными приемами. Важно то, что жертвоприношение всякое, не говоря уже о человеческом, всегда совершалось, или во всяком случае в глубокой древности совершалось, а потом стало считаться совершающимся в *порыве* исступления, в состоянии религиозной одержимости, в священном безумии. Я знаю, что можно сейчас против моих слов привести многое; но мне нет времени точно высказать свою мысль. Ведь я пишу только для В. В. Р. и потому уверен, что он поймет, куда я тычу «перстом». – Так, как же ждать, что ритуальное убийство будет показано в «Своде законов», хотя бы еврейских. Но для внимательного наблюдателя не может ускользнуть то, что с разных страниц в Талмуде и в Библии поднимаются указующие персты, метящие в одну точку, и эта точка, нигде не фиксированная и для позитивистического ума не видимая, однако влечет к себе все существо человека вчитывающегося религиозно, инспирирует его... Точка эта – священность *крови*. Хвольсон в своем «исследовании» о ритуальных убийствах с адвокатско-жаргонным нахальством рассуждает о том, что он ничуть внутренне не понимает и не желает понимать. Он с торжеством орет на весь мир, что еврею де запрещено *даже* глотать слюну при кровотечении из десны и, *значит*, немыслимо употребление христианской крови. – Да, запрещено – слюну с кровью. А почему? Именно потому, что кровь – нечто священное, *табу*; «в крови его – душа его», а с душою нельзя шутить. Но то, что обведено столь толстой стеной запрета – это не может не быть чем-то священнейшим для религии. Через Царские двери нельзя ходить, но не потому, что они неважны, а потому, что они, по важности своей, остаются для особо важных моментов. И кровь, изъятая из обращения кулинарного, изъята именно потому, что сохраняется именно для моментов

священнейших. Иначе не было бы никакой причины окружать ее запретами. Так во многих культурах известное животное окружено запретами: его нельзя убивать, его нельзя употреблять в пищу. Но в известные времена и сроки оно священо закаляется и священо поедается, и участие в этой священной трапезе столь же обязательно, сколь в иные времена запретно вкушение животного закаляваемого. Кровь гоев, тоже животных, вероятно, надо рассматривать как именно такой род священной пищи. Но я охотно допускаю, что очень немногие, из избранных избранные, в иудействе посвящены в эту тайну.

Плохо ли это? – «Стыдновато» в наш просвещенный век признаваться, однако скажу, что еврей, вкушающий кровь гоев, мне гораздо ближе невкушающего, – напр. Бейлиса. Первые, вкушающие – это евреи, а вторые – жидаы. Что же делать: религия по существу трагична. Негодяи адвокаты рассуждают так: «И иудейство чепуха, и христианство чепуха, и кровь чепуха – стоит ли ссориться». А я скажу: «И иудейство – религия, и христианство – религия, и кровь священна и таинственна, и ритуальное убийство – великое дело. Но иудейству как религии противостоит христианство – не как отмена всякой религии, но как высшая религия же, как преодоление иудейства.

Крови баранов и козлов, и крови Ющинского противостоит единожды пролитая и присно-проливаемая кровь Господа Иисуса. А ритуальному, вечно неудовлетворенному внутренне убийству ритуальному противостоит единая и присная смерть Господа, Агнца и Первосвященника. Христианство бесконечно *сгущенное* иудейство и окончательно отвечает на законные запросы иудейства, которые оно вечно пытается удовлетворить временными средствами. *Хасиды* по-своему правы, и их надо лишь укрепить в их мыслях, – чтобы они стали христианами. А вот адвокаты – действительно враги человеческого рода, отрицатели всякой религии – и условной, дохристианской, и безусловной – христианской».

Ну, конечно, правы Вы, говоря, что нет резкой границы между Молохом и Богом Израилевым. А точнее, Молох, – искаженный образ того же Бога Израилева. «Бог Авраама, Бог Исаака, Бог Иакова – не Бог философов и ученых» (Паскаль), не «бог» Духовных Академий и Семинарий, не «бог» газет и журналов. Этот последний «бог» – с именем, которое есть фикция «как в географии экватор или меридиан»; этот «бог» не слышит запаха крови и не знает ее священности; этот «бог» не устанавливал Евхаристии, не посылал Сына Своего на муки и смерть, не сотворил «мужчину и женщину». Это – не Бог полей и лесов, а «бог» канцелярий и синодов. Я не знаю, кто он; но знаю, что ни Библия, ни Христос, ни пророки, ни свв. оо. Говорят не об этом адвокатско-канцелярском боге, – модели для наглядного обучения.

Ужасна смерть мальчика Ющинского, – кто знает, б. м., *мученика* в церковном смысле слова. И заклатели его должны быть найдены и наказаны. Но, между нами будь сказано, пока есть в мире еще ритуальные убийства – мир не совсем умер, не совсем опозитивел, не совсем выдохся. Смерть Ющинского – ужасная трагедия. Но трагедия эта очищает мир и благотельно волнует сердца. Может быть нечто и более ужасное – это когда трагедии в мире

вовсе не будет. Все кричат о «последнем ритуальном процессе». Если это будет так – то не покажет ли это, что и религиозные устои мира доживают последние дни, ибо те, кто существенно и в корне отвергают ритуальные убийства, неужели они могут быть христианами и исповедовать спасительность Богоубийства?

Вот те мысли, кот. мне хотелось написать Вам. Усталый и занятой я не сумел выразить того, что хотел, – ощущения трагичности и непостижимости мира и высшей Разумности всего в нем совершающегося. – Целую Вас. Привет всем Вашим, Господь да хранит Вас. Варваре Дмитриевне желаю бодрости и полного здоровья.

Любящий Вас свящ. П. Флоренский

1913. IX. 28. Сер. Пос.

LIV

<Конец сентября – начало октября 1913 г. Сергиев Посад.>

†

Дорогой Василий Васильевич! Обращаюсь к Вам со след. предложением, кот. надо начать издаека. Вы, может быть, слышали, что в Москве, а затем где-то в Сарагове или в Самаре жило очень замечательное существо, – Анна Николаевна Шмид. Признаюсь, что доселе я хранил то, что знаю о ней, от Вас, боясь Вас «соблазнить» или, точнее, боясь, что Вы проговоритесь кому не следует. Но теперь решено сделать ее известной ближайшим друзьям. В публике ходили про А. Н. Ш. слухи как о странной или даже ненормальной особе, считавшей себя Церковью и чуть ни обоготворявшей Вл. Соловьёва. По разным внутренним причинам мы (т. е. гл. обр. С. Н. Булгаков и я) полагали целесообразным предоставить слухи самим себе и не опровергать их. Но на сам. деле слухи эти совершенная чепуха, хотя и имеют некоторое истинное зерно. Точно, Шмид считала себя Церковью, но отнюдь не была помешанной. «Стало быть, – скажете Вы, – она права?» – *Не знаю*, не знаем, не смеем судить об этом. Но А. Н. Ш., вероятно, самая религиозная женщина новой русской и зап.-европ. истории. Это была скромная труженица, смиренная, почти забытая, некрасивая, но с удивительными мистическими и чистыми большими глазами. Старомодно одетая она трудилась целыми днями, работая в какой-то провинциальной газете, чтобы содержать свою старушку-мать и себя. При случае, спросите о ней у Тернавцева, который ездил к ней на свидание (или свидания) и находился с ней в переписке. Но при этом отнюдь *не упоминайте* ни обо мне, ни о Булгакове. И вот, эта простая, даже малообразованная женщина оказалась *великой* писательницей, глубочайшей философией; смиренная и вознесенная в своем сознании на неземную высоту, она оставалась смиренной и бедной, *не ища* себе славы, не желая создавать секту, не обнаруживая своих гениальных прозрений. – Но после смерти ее разными *чудесными* путями сочинения ее собрались в наших руках, и после многих колебаний мы решили издать их в небольшом количестве экземпляров и *только* для знакомых, с условием давать сочинения Шмид только вер-

ным людям. Поймите, мы держим в руках нити «Третьего Завета», как она называет свое учение и «откровение». Уничтожить эти рукописи – это, м. б., совершить хуже, чем геростратовское преступление. Опубликовать – это значит создать, б. м., течение, движение, которое вырвется из рук и последствия которого неисчислимы и непредвидимы. И паки поймите, что сочинения А. Н-ны – это не мерещковщина и не соч. Соловьёва какое-ниб., а нечто имеющее удельный вес... доканчивайте сами, как знаете. И это не рассуждения, а откровение. Если это ложь – непостижимо, как можно было сочинить ее. Если это истина – непонятно, что с нею делать. Шмид хочет быть (и есть) вполне православной, т. е. она ни йоты не отменяет. И в этом ее сила. Но она прибавляет, развивает и раскрывает *намеки* православия в стройную систему чувств и мыслей. «Песнь Песней» и «Апокалипсис» – вот главные исходные точки А. Н-ны Ш., и сама она – из Песни Песней. Но не жгучая любовь, не Св. Тереза или Екатерина Сиенская, а бесконечно-глубокое Материнство писало ее сочинения. Материнство возведенное в абсолют. Все чистейшие и нежнейшие струны Ваших писаний, бесконечно очищенные от грубости, которая есть во всем земном, соприкасающемся с полом, звучат в сочинениях Шмид. Она, никогда не знавшая ни мужа, ни возлюбленного, ни жениха, ни друга на земле, знает тайны тайн брака и рождения, материнства и детства, и вся материнская любовь, вся нежность невесты. Непостижимо, что такое Шмид. Непостижимо откуда знает она о том, чего никто еще не писал. Непостижимо, откуда берется у нее отточенный слог. Непостижимо, как она, не зная ни одного философского термина, выражает труднейшие философские мысли. Непостижимо, почему она, не нюхавшая богословия, не запутывается в ересях, которых на ее пути залегали целые леса и сквозь которые она идет бестрепетною ногою и благополучно проходит мимо тысячи соблазнов. Повторяю, *все непостижимо.*

Дело же заключается в следующем. Если Вам угодно, мы Вас включим в число пайщиков на это издание, которого выйдет очень немного экземпляров. Стоит издание будет между 300 и 400 рублями. От Вас зависит, сколько прислать на издание; Вы получите несколько экземпляров, в зависимости от количества уплаченных денег. Вероятно на этой неделе будет приступлено к печатанию. Цветков об этом пока не знает, да и вообще до сих пор почти никто не знал, т. к. мы хранили полную тайну (*даже пред Вами я молчал*).

Будет о Шмид.

Спрашиваете о Цветкове. У него болели глаза. Теперь ему лучше и, вероятно, он уже написал Вам. Письма «–зона» и Рцы я передал ему, равно как и «Лит. изгнанников». Он, кажется, окончательно решил принимать свящ. сан и хочет уехать на Кавказ.

Ю. Н. Вязигин поступил в Академию. При более близком знакомстве он оказался гораздо лучше, чем казался ранее. Кроме того, Академия подействовала на него благоприятно. Он стал значительно спокойнее и, кажется, приблизительно доволен своей судьбой. Разумеется, это не мешает ему кипятиваться в отношении профессоров, почему они де не делают того и сего и проч., но, вероятно, и это лишь на первых порах.

Какая досада, что с делом Бейлиса поторопились. Ничего не было подготовлено, весь процесс идет на живую нитку. Несомненно, что суд не признает Бейлиса виновным и тем будет провален *раз и навсегда*, быть может, вопрос о ритуальных убийствах.

НВ. Будете ли Вы печатать ту заметку о фаллич. культах, которую я послал весною и рисунки к ней. Если *да*, то я имею прислать Вам еще несколько рисунков к ней, весьма важных. Если же *нет*, то пришлите рисунки и заметку, мне эти рисунки нужны, а повторить их я не имею возможности.

Наш великий талмудист и иудеофил священ. Е. А. Воронцов по поводу процесса Бейлиса высказался, что вообще признает существование ритуальных убийств. Что он говорил именно о Бейлисе – не знаю; надо сходить к нему на консультацию.

Обнимаю Вас. Привет всем Вашим.

Любящий Вас свящ. П. Флоренский.

LV

†
1913. X. 12. Утром <Сергиев Посад>.

Дорогой Василий Васильевич! Очень извиняюсь за задержку – никак не мог ранее – утопаю в делах. Кое-что вычеркнул, кое-что вставил. Думаю, так лучше. Кроме того, присылаю заметку

«Проф. Хвольсон о ритуальных убийствах».

Если не напечатаете, то пришлите обратно. Если же напечатаете ее и свою статью, то пришлите мне номеров 10 «Нов. Вр.» – где будут помещены эти статьи.

Серьезно прошу не проболтаться о моем *авторстве*. Это может иметь разные осложнения, и вправо и влево.

Познакомился с Гершензоном. Одно слово – «зон». На Вас сердится так, что трясется весь, говорит В. В. нагадил (или что-то в этом роде, не помню выражения) в моем собственном доме (т. е. в еврействе); намекает, что чего доброго мы, м. б., и употребляем кровь (вот уж, поверьте В. В., Гершензон *не* употребляет крови, не из таких!); статью В. В. причиняет нам материальный убыток; «Вы не были евреем и не знаете, каково еврею подать после этих статей руку В. В.» и т. д.

Ночью.

Ну, видно не успею кончить о Хвольсоне. Пришлю отдельно.

Подумайте, надо ли печатать статью о Бейлисе! Хотя я несколько не сомневаюсь в существовании ритуальных убийств вообще, но в данном процессе собрались прохвосты со всего мира, кажется, и распутать, кто прав, кто виноват никак нельзя отсюда, со стороны.

Обнимаю Вас. Привет всем Вашим.

Свящ. П. Флоренский.

†

1913. X. 16. Сер. Пос.

Дорогой Василий Васильевич! Посылаю нечто о еврейск. магии, и в самой глубине души не знаю, что я, хочу ли их похвалить, или похулить и что я делаю – хвалю или хулю. Одно только. С рит. убийствами помириться легко, но с наглостью, с криками (еще с Египта), с ложью, с запирательством... нет, не могу. Вероятно, и это *нужно* для Высшей Правды; но нам, с нашей правдой мелкой, б. м., правдой «эстетизма» и «порядочности» вместить это трудно. Но, вероятно, при большей молитвенности, можно. – М. б., используете присылаемую рукопись, но вычеркнув мои «П. Ф.» и ни в коем случае не намекая на меня, ни в каком виде. Об этом прошу *всерьез*. Если не будете пользоваться этой заметкой, пришлите мне обратно, она мне нужна. Вы ничего не сообщаете, как здоровье Варвары Дмитриевны. Я погружен в Платона, когда не занят корректурами и т. п., в Египет и во все, что далеко от «ныне». Переписываю из разных археолог. изданий, перебираю «меланхолически» монеты, прислушиваюсь к пьяным песням где-то далеко на улице. День уходит за днем. Васек растет и развивается с каждым днем, развиваются события. А я словно ушел из времени и оттуда смотрю на все. Особенно вечерами. На улице, всюду могильная тишина. Все спят. И сам я, читая о пирамидах, чувствую себя в пирамиде, сидящим там века и тысячелетия. Каждая минута чем-ниб. занята. А как будто сидишь в абсолютном покое, спеленатый, как мумия, и читаешь Книгу Мертвых. – Простите, что задержал о Хвольсоне. Раньше не мог.

Любящий Вас свящ. П. Флоренский.

LVII

26–28 октября 1913 г. Сергиев Посад.

†

1913. X. 26. Ночь.

В том-то и дело, дорогой Василий Васильевич, что последние годы идет какой-то сплошной экзамен русскому народу, и на экзамене этом русский народ ежеминутно проваливается. Я не смею, будучи лишь членом народа и лишь членом Церкви, требовать: «Да пойдет народ и пойдет Церковь *сюда*, а *не туда*». Подчиняюсь их решению. Но я никогда не примирюсь с тем, что и народ русский и Церковь русская терпят и переносят *пошлость*. Размазня после революции в политике; размазня после автономии в университете и вообще в школе; позитивизм церковный, так ярко выразившийся в афонском деле; наконец это глубокое непонимание религии, какой бы то ни было, это подхалимство перед «адвокатом» в деле Бейлиса – это для меня ужаснее всяких других исходов. Какая-то серая липкая грязь просачивается всюду. А всё и все лижут ее с наслаждением.

«Не это ли кончина мира?»

Я не о себе болею: могу уйти «в катакомбы», запереться, жить своими близкими, друзьями и мыслями. Но больно за Россию, больно за мир.

Признаться, я не совсем понимаю занятую Вами позицию – «против Талмуда». Если Вы только аргументируете *ad absurdum** – то это хорошо. «Вы, евреи, говорите, что живете как *все*; а ну-ка, откажитесь от кошерного мяса!»... Не отказываетесь?... Почему же недопустима мысль о крови?» – Если же Вы впрямь хотите, чтобы евреи просветились и огрузенбергилась, т. е. ожидали, то это ужасно.

Но и первая Ваша аргументация опасна. А вдруг евреи скажут: «Будем есть трэфное мясо и ветчину; не будем принимать микву. И что Вы на это скажете?»

В самом деле, что Вы скажете. Что Вы сделаете с жидовскими адвокатами? И почему Вы думаете, что мы выучимся у них («содомии»), а не адвокату? Заметьте, *адвокатство*, вообще «просвещенность» – это *они* изобрели. Борьбу с Церковью католическою – это они подняли. Гуманизм вытек из Каббалы. И вообще жиды оставляют тайну тайн себе, а нам предоставят скорлупки; белый галстук, «Русские Ведомости», грошевые подачки и доставление им младенцев. Жиды всегда поворачивались к нам, арийцам, тою стороною, которою мы по безрелигиозности всегда были *падки*, и затем извлекали выгоды из такого положения. Они учили нас, что все люди равны, – для того, чтобы сесть нам на шею; учили, – что все религии – пережиток и «средневековье» (которого они, кстаги сказать, так не любят, за его цельность, за то, что тогда умели с ними справляться –), – чтобы отнять у нас нашу силу, – нашу веру; они учили нас «автономной» нравственности, чтобы отнять нравственность существующую и взамен дать пошлость.

Но что, что с ними делать?! Они размножаются быстрее нас, – это простая арифметика. И что ни делать с ними, настанет момент, когда их станет больше, чем нас. Это, повторяю, простая арифметика, и против этого есть только *одно* средство – *оскопление всех евреев*, – т. е. средство такое, применить которое можно только при нашем отречении от христианства.

Итак, вопрос о гибели нашей есть вопрос

давно уж взвешенный судьбой.

Ни славянские ручьи не сольются в русском море, ни оно не иссякнет, но все будет наводнено серою жидкою лавиною адвокатуры, которая, между прочим, зальет и Талмуд и ритуальные убийства.

И, в конце концов, – вопрос в одном: верим ли мы Библии или нет. Верим ап. Павлу или нет. Израилю даны обетования – это факт. И ап. Павел подтверждает: «*Весь Израиль спасется*».

Не «духовный» Израиль, как утешают себя духовные семинарии, *увы не* духовный. Ап. Павел ясно говорит о «сродниках *по плоти*» и подтверждает не-

---

* До нелепости (*лат.*).

отменность всех прежних обетований об избранничестве. Мы – только «так», между прочим. Израиль же стержень мировой истории. Такова Высшая Воля. Если смиримся – в душе радость последней покорности. Если будем упорствовать – отвержемся того самого христианства, ради которого спорим с Израилем, т. е. опять подпадем под пяту Израиля. Обетования Божии нетленны. Это *мы* в черте оседлости Божественных предназначений, – мы, а не они. Это мы египтяне, обворовываемые и избиваемые и мучимые; это мы – те, у которых «головы младенцев» «разбить о камень» есть блаженство, и это *против себя* мы поем в церквах ангельскими голосами «на реках Вавилонских». Нам – одно утешение:

Хотя навек незримыми цепями
Прикованы мы к здешним берегам,
Но и тот круг должны свершить мы сами,
Что боги совершить предначертали нам.

Мы должны сами совершить свой круг подчинения Израилю! М. б., Вы – последний египтянин, а я – последний грек. И как загнанные звери мы смотрим на «торжество победителей». Минутой позже, минутой раньше нас возьмут, зверей, м. б., последних зверей и выточат кровь для кошерного мяса. Но надо быть покорными.

Бедные Мережковские, мне искренно жаль их. Они уже настоящий *кошер*, хотя они были весьма трэфными. Разве Вы не видите, что у них уже нет ни кровинки? Их обработали евреи отлично. Я так бы и озаглавил разбор их творений:

«Кошерное мясо».

Но мне действительно жаль их унижения и их духовной смерти. Неужто все так: начинается ни более не менее как с соединения Христа и Антихриста, окончательного синтеза всемирно-исторической антиномии, а кончается – лизанием «забавной», по определению проф. Павлова, части у всякого Грузенберга. Неужто, только, это исключительно ради сбыта *Орега omnia*?

1913. X. 27.

Приехал Ф. К. Андреев и подтвердил мои предчувствия, что Вы плохо выглядите, плохо едите и вообще раздражительны. Дорогой Василий Васильевич, Вам надо поберечь себя, и для семьи, и для нас всех, любящих Вас и почитающих Вас, и для дела, и для России, для всего народа. Вы надрываетесь и, м. б., многие из Ваших надрывов бесполезны. Оставьте мертвым погребать своих мертвецов или, выражаясь в стиле более современном, предоставьте прохвостам грызть прохвостов, и займитесь делами менее раздражающими, менее вызывающими *внешние* дразги. Не прохвостов мне жаль, отнюдь нет. И если бы Вы имели более сил и менее лет, я первый поддерживал бы Вас в боевом настроении. А теперь и Вы, и я, и, м. б., все мы так устали и надорваны, что вспомним та εσχατα ημων*, – вспомним «последняя наша»

* Последняя наша (*греч.*).

и «во веки не согрешим». Впрочем, сейчас, повторяю, – дело не в грехах, а в том, чтобы для несчастной, позоримой, расстроенной и загаженной России сделать что-ниб. положительное, дать каплю *творческой* работы. Постарайтесь же не читать ругани о себе, поменьше ругаться (чтобы избавиться от ругани). Еще прошу, *курите поменьше*. Я чувствую, что Ваша потеря аппетита, Ваше ослабление в значительной мере происходит от избытка курения. Вам надо отдохнуть и печатать *книги*. Газета же пусть остается *лишь* для заработка.

Вы ничего не пишете мне о нумизматике. Или Вы позабыли о монетах. Затем, надо добиться рекламы Вашим книгам. Я просил написать об «изгнанниках» Ф. К. Андреева для «Б. В.». «Б. В.», конечно, реклама недостаточная, но все же лучше, чем ничего. – Я чувствую, что все же вредно, что в СПб., – жить нам ближе друг к другу было бы здоровее. Подумайте, есть ли возможность, оставаясь в «Н. Вр.», переселиться в Москву или в Посад. Алекс. Мих., кажется, не оставляет мысль о Библиотеке в Посаде. Это хорошо; я думаю, библиотека, пойдет, тем более, что мы (Ф.К. Андреев и я) можем давать советы относит. книг, нужных студентам для экзам. и для семестр. сочинений.

Один знакомый мне человек открыл в Посаде типографию, – печатает весьма недурно и гораздо дешевле, вероятно, чем в СПб. Вот бы Вам тут печататься. За корректуру можно было бы засадить студентов, мы бы помогли с разными разностями, книги под рукою... Мне думается, что если бы В.В. пожил в тишине и среди людей, его любящих, вне поганой петербургской – физической и нравственной – атмосферы, он мог бы значительно помолодеть.

1913. X. 28. Серг. Пос.

Часто хочется потерять терпение, видя столько неприятностей, общенародных и своих личных. И вот, уже почти целый год как звенит в душе и шепчется где-то около, а иногда ухом даже слышишь:

«В терпении Вашем стяжите души ваши» (Лк. 21, 19).

Не в виде нравоучения я это говорю, нет, совсем буквально – именно слышу. Когда относишься к жизни терпеливее, тогда этот голос ослабевает; когда начинаешь кипятишься и думаешь возмутиться духом, – он звучит с полной определенностью и *упругостью*, не как мечта настроенного воображения, а как упругий живой голос. Не важно, как Вы истолкуете этот Голос. Но ведь правда же, что терпение – это единственное, что от нас зависит, что нам остается. «Претерпевый до конца – спасется». Созданием брони из терпения и кроткого отношения к жизни – вот что несомненно дает нам христианство. И если *бы* ничего не давало, то и на этом спасибо. Да, мы делаемся, как где-то писали Вы, бескорыстными, абсолютно-мягкими. Но это единственный способ прожить и сохранить душу свою невозмущенной, невзбаломученной, не размочаленной.

Если Вы в самом деле относитесь ко мне так, как говорите, то сделайте вот что. Все мои бумаги, письма и т. д. *запечатайте* в один пакет и сделайте

на нем надпись, чтобы в случае Вашей смерти этот пакет был доставлен мне или моей жене без распечатывания; в случае же моей смерти доставьте этот пакет моей жене с тем, чтобы она хранила его для моего сына, когда ему минет 25 лет. Вы думаете, что во мне говорит литературное тщеславие и пр., когда я боюсь печататься и быть известным. А на самом деле, это органическая, в нашем роде (Флоренских) поколениями выработанная «гаремность» души, – инстинктивная боязнь площади, не по презрению к ней, а потому, что кто попал на площадь, кто с площадью связался, тот должен или сам стать площадным (обыкновенная история), или быть раздавленным (что происходит с Вами). Мужественными будем, дорогой Василий Васильевич, и скажем искренно и прямо: «Да, прав Покровский – мы опоздали на 25 веков; нам нет места в современности и мы не годны для современной жизни. Конечно, в сущности говоря, и Вас и меня современность лишь попускает, пока мы прячемся по углам. Но стоит нам подняться во весь рост, – и подымается такой галдеж, какого свет не слыхивал». Мы знаем разные тайны, и тайны эти говорить нельзя. Вы думаете, что все-таки скажете. Но Вы, сказав только $\frac{1}{100000}$, уже изнемогаете. Пожалейте же и меня с моей семьей, не тащите меня ни к какой известности, дайте прожить незаметно, по эпикуровскому завету:

Λάφη βιώσας*.

И я по чистой совести говорю, что одобрение или порицание 3–4 близких людей для меня несравненно больше значит, чем гвалт, хвалебный или ругательный все равно, – всех жидовских газет вместе взятых. Не скажу, чтобы я не боялся гвалта: боюсь, но это уже житейское дело, боюсь, что повредит он семье, близким и мне житейски. Внутренно же он значит гораздо менее, чем грохот повозки за окном или карканье ворон. Я хочу иметь гарем и несколько близких людей, хочу иметь *небольшую* коллекцию монет и кое какие книги. Но внегаремной известности я *не* хочу, и каждое слово похвалы оттуда входит в душу, как холодный клинок шпаги: «Не хочу, оставьте меня!» Если Вы верите голосу крови – то это он: таков был у меня отец, человек очень замечательный, но питавший физическую гадливость ко всякой известности; такова мать и ее сестры; таков был дед и т. д. Я же повторяю лишь то, что дано мне в самой крови, с рождением моим. При всяком действии относит. меня, помните, что мои *личные* идеалы заключаются в слове

ГАРЕМ,

А общественные и философские в выражении

ЧЕРТА ОСЕДЛОСТИ.

Для всего создать черту оседлости, для слов, наречий, обычаев, сословий и т. п. – вот пружина моих замыслов.

---

* Живи незаметно (греч.).

LVIII

1913. XI. 20. Серг. Пос.

Дорогой Василий Васильевич! Хотел было послать корректуру Вам завтра, но едва ли будет можно, т. к. почта закрывается. Сообщите *немедленно*, что такое Ваша книга «о евреях». Если там будет и «сущность иудаизма» и проч. около обрезания, пришлите мне то, что отпечатано – я сделаю *важные добавления*: в Зогаре нашлись *удивительные дословные* подтверждения Вашему иудаизму и т. п. Корректуру посылаемую следовало бы прислать еще раз – много вставок. – Прошу непременно исполнить вот какую *просьбу*: Все, что будете печатать моего – непременно оттискивайте в одном экз. отдельно (конечно, *без переверстки*, просто листом) и пересылайте мне. Мне надо подавать коллекцию *своего*, а портить книгу жаль. – На меня *отовсюду* гонение; подписываться хотя бы намеком было бы слишком неосторожно. Как-ниб. напишу закрытым письмом подробнее. Пока же целую Вас, кланяюсь Вашим и жду ответа.

Любящий Вас свящ. П. Флоренский.

Корректуру пришлите, но закрытой бандеролью. П. Ф.

LIX

25 ноября 1913 г. и 19 февраля 1914 г.

Не для чтения, а «так».

†

1913. XI. 25. Серг. Пос.

Дорогой Василий Васильевич!

Сегодня получил Вашу открытку, а до того послал Вам корректуру и «Столл и утв. Ист.». Несколько дней мы с Ф. К. Андреевым усердно ждали Вас; но весть о Вашем приезде в Москву оказалась, очевидно, ложною. Книга моя получилась в канун рождения Васёнка (2^й года) и в мой любимый праздник Введения во храм Пресвятыя Богородицы, – тогда трехлетней отроковицы. Но вот, теперь тоска грызет меня: ощущение, что ничего, ничего мною не сделано и что надо же будет давать отчет за растроченный дар жизни. Вы, конечно, понимаете, что я это говорю не к тому, чтобы Вы стали утешать меня, якобы что-то сделано. Нет, просто описываю свое *ощущение*, почти физическое. Вероятно это – предварение смерти. Но последнее время у меня лихорадочная жажда привести в порядок свой архив, свои заметки, и что-ниб. напечатать, чтобы ликвидировать. Слишком много в голове и на полках начатого, полуоконченного, набросанного, и т. п., и все это, пока не напечатано, требует внимания к себе, теснит. В лихорадочном, «предэкзамнационном» стремлении работать *скорее* не знаешь, за что взяться и, в результате, ничего толком не делаешь.

Ну, а Ваши «Bessarabica»? Правда эти статьи не вполне подходят гораздо более густым и острым – около Бейлиса, но место о вонючей, все-умерщвляющей черной грязи, распространяющейся от еврейства – неподражаемо. В своем последнем письме Вы боитесь, что тон «сущности иудаизма» слишком сочувственен еврейству. Но, – хотя отнюдь *не* уговариваю Вас печатать эту работу сейчас, – я не могу не сказать: сочувствие это *Вам* кажется, ибо Вас *тогда* прельщала миква. Но я знаю людей, которых от Вашего, слишком пахучего и густого, описания миквы почти *рвало*, и для таковых «Сущность иудаизма» есть пощечина еврейству, а не похвала. Конечно, это так; вспомните, ведь и гг. евреи не очень-то обрадовались тому, что Вы восторгаетесь их миквою, и даже старались уверить Вас, что Вы совсем неправы. Я-то теперь имею *осязательные* доказательства Вашей правоты. Однако едва ли они придутся по вкусу – миквистам.

Ухожу все более в античность. Греция – вот предварение православия, «наше». Удивительно какие глубокие и органичные связи, – и формальные, внешние, и, главное, по духу, по существу.

Вы как-то говорили, что Колдун в «Страшн. мести» у Гоголя – представитель жидовства. Но ведь исторически так оно и есть: черная магия всех видов, чернокнижие, весь темный оккультизм, – все это всегда шло с Востока, и именно от *семитов*. Вавилон, еврейство, ссабизм и т. д. – вот носители чернокнижия. Затем масонство и современные оккультные ложи – темного направления – это опять на почве жидовской мании, опять порождение иудаизма. «Греция» (как культурн. начало) – прекрасный юноша, и около него нашептывает и вертится пауком и опутывает паутиною колдун – иудаизм. А Греция – это мы, в нашем лучшем, это наша душа. Все наше благородное – сознательно перековывается этими колдунами в мерзость: чувство тела – в похабство, красота – в оперетку и кафе-шантан, свободолюбие – в революцию, чувство мировой жизни – в материализм, нравственные порывы – в безбожный анархизм.

А если глубже взглядеться в историю, то видишь, что эти пауки всегда ткали свою паутину и что история *всегда* имела стержнем еврейство. Есть диссертация проф. С. С. Глаголева о «Сверхъестественном откровении». Тут автор, желая доказать, что всегда и всюду было возвещаемо откровение Единого Бога, доказывает вездесущность еврейства во все времена. Для апологетики эта мысль, б. м., и поучительна, но для культуры это ужас. Куда деваться от них? Представьте себе, недавно доказано, что Христофор Колумб был *евреем*; что пуританство и др. протестантские движения весьма связаны с еврейством; что первые колонисты Америки были евреи и т. д. и т. д. И мы с Вами, о чем мы говорим постоянно, как не о *евреях*.

Почему Вы ничего не сообщите мне о монетах, об атласе их и т. д. Неужто Вы охладели к монетам? Евреи – евреями; но надо же созидать в России что-ниб. благородное. Надо культивировать древность.

<Приписка в конце письма:>

1914. II. 19. Сер. Пос.

Это письмо нашел случайно в бумагах. Посылаю, но не для чтения, а «для полноты коллекции» и для того, чтобы Вы имели удостоверение, что я чаще думаю о Вас, нежели посылаю письма.

Священник П. Ф.

LX

†

1913. XII. 12. Сергиев Посад.

Сел было готовиться к завтрашним лекциям, а захотелось написать Вам, — и притом на тему, по которой мы с Вами неоднократно беседовали, но, кажется, не успев привести свои взгляды к общему знаменателю. Разумею, конечно, круг вопросов около *Платона*. Ваша статья «В соседстве Содома» (— сданная, кстати сказать, мною в набор для январской книжки «Богосл. Вестн.» —) заставляет меня думать, что *важнейшего* момента эллинской жизни не чувствуете, и — возможно, что эта неспособность восчувствовать его есть неспособность органическая, существенно связанная с Вашим «обрезанным» складом души. У меня же душа существенно «необрезанная», я воистинну *арел*, и вот мы с Вами, хотя и пользуемся одними речениями, однако говорим о разном и разное.

Чем разнится «соседство с Содомом» еврейское от такового же эллинского. Вы вскрываете, что еврейство сильно и объединено именно этим «соседством». А я упорно утверждаю, что эллинская жизнь вся насквозь напитана началом эроса и филии и должна быть понимаема как музыкальное развитие именно *этой*, филически-эротической, темы. Говоря конкретно, содомическое начало еврейства заключается, по Вашему, во влечении каждого к каждому, или по крайней мере, ко многим; несомненно, что и эротизм эллинства не может быть определен, предварительно, как именно такое же влечение. Но неужели же еврейство и эллинство в своих основных началах, в движущих силах своей жизни, одно и то же?

Тут подымается вопрос величайшей важности и ужасной остроты. Я всем своим существом *ощущаю*, что это *совсем* разные, противоположные даже начала. Но когда я начинаю объяснять разницу, то ничего не выходит. Боюсь, что ничего не выйдет и в настоящий раз.

Что такое еврейство? — В существе своем это *род*. Как Вы выяснили, существеннейшая деятельность еврейства — это рождение. Израиль мне не представляется иначе, как безликой и безличной стихией родительства, — чудищем с миллионами рук и ног и глаз, и носов и обрезанных гениталий и грудей, которое копошится, липнет, ползет, захватывает все, что попадается. «В соседстве Содома» оно потому, что в силу безличности, нерасчлененности и физиологического единства этого существа оно живет стихийно-единою жизнью. В еврействе нет влюбленности, а есть липкость. Ничего твердого, ничего мужественного, ничего стоящего — а все мягкое, женственное, ползущее. Бабы́ мужеского и женского рода, и чувства все бабы́ и к бабам.

†

1913. XII. 23. Серг. Пос.

Дорогой Василий Васильевич! Приветствую Вас, Варвару Дмитриевну и всех Ваших с праздником. Писал Вам было, но т. к. задумывались письма все слишком большие, то, конечно, ни одного из них я не имел времени кончить. Но вот о чем хочу писать сейчас. Вы как-то предлагали напечатать в «Б. В.» о нумизматике. Тогда я отказался, а теперь, вместе с усталостью и эсхатоголией приходит и *небрежность*: думаешь, куда там все откладывать в долгий ящик, все равно как следует ничего не сделаешь; приходится ликвидировать свои дела понемножку. Пришлите мне свои наброски, какие есть у Вас и мои, — я посмотрю, что можно из них состряпать. Главная трудность для меня мотивировать легкомысленную форму; но надеюсь, что как-ниб. мотивирую, заведя *отдел* из переписки и для начала поставив: «из переписки о монетах» или что-ниб. в этом роде. — Читаю усиленно Зогар (5 или 6 больших томов) для иудаизма и, вероятно, напишу не столько примечания к Вашему иудаизму, которые всегда разбивают впечатление, а вторую статью, являющуюся как бы продолжением Вашей; она будет весьма близка по содержанию, но иная по тону. Любящий Вас свящ. П. Флоренский.

Хорошо было бы иллюстрировать эту переписку какими-ниб. типичными и яркими образцами монет. М. б., в числе ваших клише, признанных Вами за негодные, но вполне достаточных для «Б. В.» найдется несколько таковых. Вообще мне думается надо бы в корректуре побольше рисунков.

П. Ф.

LXII

1, 14, 19 февраля 1914 г. Сергиев Посад.

†

Дорогой Василий Васильевич! Прежде всего, чтобы не забыть, начинаю с дела. А именно: чрез посредство одного молодого человека, Иван Георгиевич Айвазов, миссионер СПб-й епархии и проф. СПб-й Духовной Академии, просит меня дать ему, так сказать, рекомендацию к Вам. Он желает, чтобы Вы приняли его, выслушали и, м. б., согласитесь исполнить какую-то его просьбу. Дело идет о какой-то (кажется!) корреспонденции в «Нов. Вр.» или о чем-то подобном. Думаю, что разумеется это «ходатайство» пред Вами излишне, но исполняю, как он просил. С своей стороны думаю, что знакомство с этим весьма бывалым и много выдавшим человеком может быть для Вас интересно и полезно в смысле *материалов*. Живет Ив. Айвазов в СПб., Калашниковская набережная, д. Церкви Бориса и Глеба, кв. № 46. Тел. 146, 71. Если Вы найдете возможным исполнить его просьбу, то дайте ему знать либо письмом, либо по телефону.

Теперь 2-е дело. 100 экз. «Отношения евреев к крови» получил, но недоумеваю, что с ними делать. Если это мне в подарок, то слишком много. Если «гонорар», то опять много. Я рассудил так: часть экземпляров возьму себе, часть продам, и деньги пришлю Вам. Наш книгопродавец Елов просит скидки 40% и тогда берет сразу 50 экз., а 24 экз. взяли для Академии. Черкните, согласны ли на 40% скидки?

Эта книга, кажется, вышла очень *густой* и документальной. Удачно вышло и то, что статьи идут *crescendo** в смысле перехода от общих соображений к конкретным данным. Если бы не было этого распределения статей, т. е. если бы *сперва* не было выяснено принципиально значение некоторых религиозных категорий, – факты и данные остались бы незамеченными и анекдотичными. Этого нет. Для меня *новым* оказалось о *камне* из Храма Иерусалимского и *текст* из книги Левит. И то и другое весьма важно. Досадно, что Вы не предупредили насчет терафимов: Ведь у меня о них целое исследование. Печатать его целиком было бы разумеется скучным, но я мог бы сделать извлечения, не лишённые интереса, если бы знал, что Вы будете говорить о терафимах. Статьи «Эхад» до сих пор не прочитал, но, проглядывая ее, поразила Вашей неопытности: ведь Вы заказывали клише для еврейских слов и даже, в одном месте, для греческого (πλήρωμα)**. Сколько же это Вам обошлось. Можно было бы просто *набрать*, и стоило бы пустяки.

Мне думается, что эта книга сыграет значительную роль в истории ритуальных процессов. Но несомненно, что на нее накинута не только левая, но и правая.

Хорошо то в этой книге, что нет в ней улюлюкания и ругани: все серьезно и мрачно – в стиле красно-черном. Но для еврея это-то и худо. Я спросил нашего крещеного еврея Сергея Федоровича Паперну, как относятся евреи к такому отношению, как у В. В. Розанова и у меня, т. е. с признанием религиозной глубины. Он отвечал: «Разумеется, таких, как Вы, они считают главными врагами. Пуришкевич нападает бессознательно, а Вы подкапываетесь под еврейство сознательно». И что-то еще сказал, что этого они не простят или что-то в таком роде.

Вашу книгу о скопцах и хлыстах только перелистывал. Но мне чувствуется, что это книга – лишь 1-ая глава большого сочинения. Как будто Вы располагали простроить здание во много этажей и стали рыть соответствующий фундамент, а потом вдруг ограничились первым и наскоро покрыли его крышей. Кажется мне, что этот первый этаж – идиллический момент хлыстовства. Однако в хлыстовстве есть нечто страшное – ползучее, интрижное, шипящее по углам, безличное и могучее. Это у Вас намечается, но почему-то не договаривается. Помните *Писемского*? У него вот масонство анекдотически-идиллическое. Ну, а у Мельникова-Печерского хлыстовство *страшное*. У Андрея Белого в «Серебряном голубе» оно тоже страшное. Вот это-то

---

* С нарастанием силы (*ит.*).

** Полнота (*греч.*).

страшное хлыстовства, Вами слегка намечаемое, кажется, Вами не чувствуется, и книга оказывается без наиболее выразительной части своей. Однако, то, что есть – конкретно и жизненно, скажу более, для изучения религиозных явлений жизни незаменимо.

По поводу присланных Вами книг я думал несколько раз о Вас, что ведь Вы основали новое направление изучения религии, а сказать точнее – едва ли не единственно-законное и во всяком случае лежащее в основе всех прочих направлений. Кажется ясно и просто: чтобы изучать что-нибудь, надо *представлять* себе то, что изучаешь, а не начинать с того, чтобы изучать термины, которым ничего в сознании не соответствует. Но эта простая мысль, в сущности, открыта *Вами* и доселе только на $\frac{1}{100}$ вошла в общественное сознание и совсем не вошла в университеты и академии. Школьное изучение заключается в том, что сперва создается ряд терминов, которым дается строгое определение, а затем под эти термины подгоняется явление. В академиях же даже *план* сочинения и мельчайшие подробности его сочиняются до малейшего прикосновения к изучаемому материалу. Говорю это, зная *точно*, что так именно пишутся у нас все сочинения, не исключая и докторских диссертаций.

1914. II. 1. Канун Сретения Господня.

Иду поздно, часов в 11 домой из Красного Креста. На спуске, у самого начала, вижу воз какой-то поклажи, и около него мужик, кажется пьяный, нещадно бьет свалившуюся лошадь. Зол и раздражен донельзя. Потом я узнал, что он ее бил чуть ни час, а все никак не мог заставить подняться. И вот, когда он совсем остервенился, лошадь выпряглась, и воз покатился по крутому откосу вниз. Воз, как я разглядел после, был с ценными вещами. А покатился он прямо к оврагу, где должен был бы разбиться. Но мужик сам с собою вдруг громко и так серьезно восклицает: «*Спаси Господи*, как бы кто не попался навстречу, – убьет», т. е. не попался навстречу этому возу! Удивительное благородство. Обозленный и раздраженный, теряющий свое достоинство и, м. б., обреченный далее всю ночь вытаскивать свое добро из речки в овраге, человек, в самый разгар несчастья, вспоминает Господа и просит – не о том, чтобы воз остановился, а о том, чтобы никого не убил или даже не зашиб, – а на улице-то никого и не было. Меня это так и кольнуло в сердце – стыдом за себя и радостью, что есть еще столько благородства. Ведь всякий из нас раздражился еще хуже и послал в преисподнюю всех и все. Но мужик опомнился.

Он стал заниматься своею лошадыю, теперь уже с совсем другим тоном и с совсем другим настроением, а воз оставил. Я же пошел своею дорогою и вижу, воз прокатился по всей горе и стал на самом краю оврага – можно сказать чудесно, т.к. достаточно было бы еще малейшего толчка, достаточно было бы ему на □ или □ аршина поддаться вперед по льду, и он был бы в речке. Не награда ли это мужичку, что он вспомнил Бога и других? И не нравоучение ли нам – во всех смыслах, – а между прочим и в том, что конец несчастий, предел несчастий способен исторгнуть воистину благородный порыв из души, и тогда начинается иная полоса жизни?

1914. II. 14. Сергиев Посад.

Вот, дорогой Василий Васильевич, сколько раз начинаю письмо Вам... и все не могу окончить. Это время много волновался за Вас. Но именно потому и не писалось. Есть степени возмущения, при которых лучше молчать, т. к. все равно не скажешь чего-нибудь мирного и умиротворяющего. Одно скажу. Я плохо говорил Вам о Мережковских. К сожалению, я ошибся: они оказались хуже, чем я в глубине души думал. И партийность, и мстительность, и злобу даже можно до известной степени оправдывать, по крайней мере можно понимать. Но неблагородства души, да еще при непрестанном трепании языком около тем благороднейших я не понимаю, и оно стоит предо мною как какая-то слепая и глухая стена, как что-то нечеловеческое и даже не скотское... а не знаю какое. Если бы, в порыве ли общественного возмущения ли даже в порыве ярости, Мережковские Вас убили – я скорбел бы о Вас, жалел бы Мережковских, но в душе все же была бы невозмутимая ясность. Это было бы преступно, но по-человечески преступно. Каждый из нас мог бы сделать то же при известных условиях и при известных обстоятельствах. Но акт неблагородный для меня насквозь иррационален, насквозь непостижим: ничего не вижу, ничего не понимаю. Это и есть самый, что ни есть, «мелкий бес», бес – бактерия, проникшая в сердце. Для неблагородства нет даже и нравственного осуждения. Просто теряешься, «язык и ум теряя разом».

Как-то давно, мне случайно попался на глаза фельетон Мережковского о Суворине и Чехове. У меня как-то затряслись колени. Не потому, чтобы я особенно оттолкнулся от суждений Мережковского. Суждения его о Суворине, как и Чехове, как и о Наполеоне и о Толстом и о Боге и об Антихристе и т. д. до того стали шаблонны, крикливы и жаргонны, что подойти к ним всерьез я уже не умею, да и не верю, чтобы они высказывались всерьез. Во конце концов, это *слова*, столь же мало относящиеся к литературе, как и удары кулака по клавишам, хотя бы очень сильные, принадлежат области музыки... Но меня поразила небрежность, наглость тона в отношении к человеку, к человеку, и притом усопшим. Хорош ли, плох ли Суворин – пусть Мережковский судит об этом по-своему. Но произносить последний, Божий суд над усопшим, дышать злобою к тому, кого уже нет *здесь*, измываться над памятью Чехова и, под видом преклонения, плевать на него – это не просто недостаток нравственной выдержки, а какой-то внутренний развал, какое-то внутреннее разрушение самого Мережковского.

Василий Васильевич! Я знаю, что я в грехах. Но я боюсь и подумать, неужели и со мной может случиться такая беда – прийти к телу умершего врага (– если только впрямь Суворина Мережковский считает врагом! Революционность его для меня не менее подозрительна, чем его религиозность, и я не сомневаюсь, что при случае он *раньше нас с Вами и впереди нас с Вами* отшатнулся бы от революции –) и *наплевать ему в лицо*. При чтении фельетона Мережковского мне стало страшно – не за Суворина и даже не за Мережковского, а за себя самого, за всех. Неужели возможно что-ниб. такое и со мною? Упаси Господи!

То же, затем, и с Вами. Ушедшая дружба – это то же, что смерть. И бывший друг – это умерший. Вы давно уже перестали быть для Мережковских другом, и Вы давно были для них покойником. И вот – они выкопали кости этого покойника для позора. Я стараюсь быть объективным. Т. е. я ставлю себя на их позицию. Допускаю, что с известной точки зрения В. В. Розанов опасный враг и приносит много вреда обществу. Но неужели Мережковские не могли найти более чистых способов борьбы с В. В. Розановым. И если действительно с точки зрения известной партии необходимо изгнать Розанова, наконец, казнить Розанова – пусть. Однако спешить брать *на себя* почин, забегать, угодливо предлагать свои услуги палача – это вообще гадко, а для Мережковских и подло, тем более что *они* не могут не понимать грязности своего поведения: ведь они не какой-ниб. «Луначарский». Ну, оставим их...

Последние недели 2–2½ я почти безвыходно сижу дома или даже лежу – болит нога. Боюсь, как бы нога не испортила мне поста. Ведь как ни говорит иногда не то лень, не то физическое недомогание, что хорошо бы поспать лишний час или посидеть не двигаясь, а служба все-таки очень большая подержка, не только духовная, но и телесная. И, хотя много тяжелого связывается с саном, однако несколько раз в день мысленно благодарю Бога за него, – от многого он спасает, во многом укрепляет. Незримыми силами Господь держит жизнь, готовую вот-вот оборваться, и когда оглядываешься назад и мысленно оглядишь, над какими ужасными пропастями пролегает путь мой, почти с детства, и как узка дорожка – замирает сердце и холодеют ноги и руки. Да я и не о себе одном говорю. Мне думается, многие-многие также чувствуют как я, и непонятная сила Жизни благополучно проводит мимо таких круч, около которых ни за что не прошел бы вторично... В частности, и о Вас мне хочется сказать. Вас называют антихристианином и т. д. и т. д. Не знаю, не берусь судить Вас, да меня никто и не ставил <судить> Вас. Но вижу, однако, с несомненностью, что Перст Божий лежит на Вас и хранит Вас. Если бы я был дальше от Вас, чем я есмь, мне очень хотелось бы дать Вашу (как это я сейчас делаю с о. Серапионом Машкиным) Вашу духовную биографию, Ваш *путь*, в котором изобразил бы я, как вела Вас Высшая Воля и почему *нужно было* все то, что людям кажется ненужным, и почему благом было многое из того, что по суду житейски условному, суду приличий и этикета, было злом. Это тот вид биографии, который дает радость читателю.

1914. II. 19. Сергиев Посад.

У нас непрерывные хождения в церковь, так что порядочно устали. – Хочется закончить письмо Вам, дорогой Василий Васильевич, но сил нет. Спешу сказать только свою благодарность Вам за Вашу добрую статью о моей книге. Стоит написать 1000 страниц, чтобы иметь о них рецензию такую вкусную, – что самому даже покажется, что написал нечто хорошее. – К сожалению, о моей книге слишком много говорят, что вызывает озлобление в других, и в результате моя «слава» обойдется мне, вероятно, дорого. По совести могу сказать, что ничего не ищю; вот почему мне как-то странно видеть кругом столько подозрительных взглядов...

Хотелось бы быть с Вами; но это никак невозможно: я связан множеством нитей, и мой отъезд затормозил бы не только мою личную работу.

Привет Варваре Дмитриевне и всем Вашим. Как теперь Ваше и Варвары Дмитриевны здоровье? Анна напишет Александре Михайловне как-ниб. на днях. Целую Вас. Господь да хранит Вас и да поможет Вам крепко и бодро держаться среди невзгод.

Любящий Вас священник *Павел Флоренский*.

P.S. При сем письме присылаю *расписку* относительно найма Вам дачи.

П. Ф.

LXIII

11 марта 1914 г. Сергиев Посад.

†

Дорогой Василий Васильевич!

Кажется, второпях я взял неверный *тон* относительно Вашей книги «Апокалипсическая секта». Не то, чтобы я отказывался от своих слов, но я, не прочтя ее, не оценил ее положительных сторон. Статья о «сибирском страннике» поразительна по художественной живости и по меткости наблюдений. Здесь, как и в «поездке к хлыстам», наиболее поражает то, что Вы из «ничего» умеете делать так много. Ни одного грубого факта, ни одного анекдота, – а основное правило фотографов «*center le centre*»* выполнено в совершенстве. – «Роковая филологическая ошибка» значительно развита сравнительно со своим первоначальным объемом. Ново, чрезвычайно важно и по-моему, неопровержимо: это уже не мнение, а полная доказанность.

Однако, писать-то я хотел Вам вовсе не об этом. Мне хотелось сказать Вам, что, по моим наблюдениям, в *быте* монашества (разумею настоящее монашество, а не ученое, кое весьма далеко от монашества) чрезвычайно много хлыстовства. Пишу это не в осуждение, а в рассуждение, тем более что *тонкое* хлыстовство есть, вероятно, и во мне – не в смысле теорий и не в смысле практики, а в смысле известной организации и уклона бытия.

Несомненно, что *старчество* находится в каком-то ноуменальном родстве с христами и богородицами хлыстов. Конечно, о старцах нет наивной метафизической терминологии, что они «перевоплощения» Христа; но смысл всего учения о них и природа всего «послушания» им метит в тот же центр. В теории же от них требуются чудотворные способности, дар прозрения, святость и т. д., а к ним – беспрекословное послушание, включительно до преступлений. Назидательная литература полна рассказов о пунктуальном исполнении бессмысленных или даже преступных требований старцев (последние, впрочем, всегда вовремя, на последней черте, останав-

---

* Центрирует центр (*фр.*).

ливаются). Одним словом, старцы не только обоживаются внутри себя, но и обожаются вовне.

Бытовым образом – можно установить даже радения в монашестве. Так, «чин двенадцати псалмов» с непрерывными земными поклонами, бросающими в пот и в жар, в возбудимых натурах способен вызвать совершенную экзальтацию и беспамятство. Одно время этот чин, пробы ради, вздумал ввести в Академической церкви Преосв. Евдоким. И я помню, как я вышел после службы из церкви как пьяный, стучался об углы и стены, но не испытывал боли, уносился куда-то нутром и пылающей головою, и плохо понимал, где я и что со мною. Нужно выпить *много* вина, чтобы дойти до такой степени отрешения от действительности этого мира. Конечно, это не *молитва* в православном смысле слова. Но это *есть* в монастырях иных и это не может не действовать.

Около Посада есть замечательный скит – Гефсиманский. Круглый год сюда не пускают женщин, и жизнь тут достаточно строгая, если брать общую массу, а не отдельные исключения. Но вот 16–17 августа, в празднования воскресения и вознесения Божией Матери (тут совершается редкий чин отпевания Божией Матери и празднование воскресения, похожий на богослужения Страстной седмицы и Пасхи) в скит пускают женщин. Если день проходит еще сравнительно спокойно, то зато ночью начинается подлинное радение и подлинная оргия. На каждом шагу объятия (и далее), всюду исступление. И это открыто. В скитском саду опасно оставаться женщине без нескольких провожатых; слышал я, что бывают даже случаи насилия. Впрочем, в этой приподнятой и возбужденной атмосфере нет, вообще говоря, нужды в насилии. А бабы считают чуть не за благодать такие объятия, и, *зная все*, лезут в скит и чуть не плачут, если почему-либо придется пропустить «в этот год». – Кругом скита горят всюду костры; – где спят, где беседуют, где чайничают. Начальство знает обо всем, но не только не мешает, но и открыто поддерживает радение. И когда некоторые монахи ревнители порядка, пытались было жаловаться Митрополиту и требовали недопущения женщин в Скит и в эти оргастические дни и мотивировали свою просьбу указанными выше фактами, то они сами же подверглись выговору и замечанию, что «так было положено при основании скита – нельзя де менять прядки», хотя о происходящих оргиях знают решительно все, и благоразумные люди в эту ночь, совпадающую по времени с Великими Дионисиями Афин, – сидят дома и избегают с вечера показываться в районе Скита.

Между тем именно у монахов этих, оргастических, но не строго-православного, трезвенного закала, можно подметить гнушение браком, гадливость к браку, брезгливое отношение к женщине. Правда, послушники, а иные тоже монахи, и помимо 16-го августа имеют сношения с женщинами, и даже просто с случайными бабами. Однако этого они избегают и стараются (или так выходит естественно) падать с монахинями. Мне «жаловались» послушники: «Вот искушение... Только выйдешь за ворота – в лес (Скит в лесу), – тут

уж вертится какая-ниб. монашка; и потащит с собою, а там и лег с нею». Послушники искренно ругают монашек, что впрочем не мешает им падать с «сестрицами». А монашки, как мухи около меда, вертятся именно около Скита с особою жадностью. Напр., около Лавры и в Лавре нет ничего подобного. Тут все солидно и без поэзии. У иеромонахов и проч. есть одна-две-три «законных» сожительницы. Им строятся дома, выдается жалование; всякому известно «чья» та или другая особа. Одним словом, этот институт «мамашек» (испорченное «мамашки», т. е. «мамашки», супруги «отцов») признан общественным мнением Посада и почти узаконен Лаврою. В Лавре можно слышать даже о монахах от монахов одобрительные отзывы такого рода: «Он человек скромный – живет с одной» и т. п. А с другой стороны, и для девушки или женщины быть супругою монаха считается долею завидною и, пожалуй, почетною. Вот, напр., как-то кухарка Каптеревых, почтенная и отличная женщина, вздумала «выдавать» свою дочь за одного из иеромонахов. Жена Каптерева стала ее останавливать: «Что ты делаешь? Ведь стыдно!». Но кухарка обиделась: «Что Вы, барыня! Ведь он (т. е. будущий «молодой») не кто-нибудь, он ведь иеромонах», т. е., значит, лицо почтенное и с положением. Монашкам тут делать, понятно, нечего, да и скучно возиться с этими солидными и пузатыми отцами семейства, дети которых открывают какие-нибудь лавки или вешают себе на дома вывески с фамилиями вроде «Монахов». Правда, в этих монахах есть и монашеское сознание: они упорно смотрят на свое положение как на какую-то незначащую случайность, как на «просто так» и высказываются о своем превосходстве над мирянами – даже прямо считают себя спасшимися тем самым, что они «безбрачные». Есть у них и презрение к женщине; но это презрение – в значительной мере – *мужицкое* презрение, а не монашеское, а отчасти – выражение «дурной совести», ибо все же, как ни говори, а чувствуется, что что-то «не так». В Скиту же совсем другое дело. Живут там строго, действительно не по-мирски.

1914. III. 11.

Статья Ваша о самодержавии (в «Б. В.») всеми одобряется весьма, и даже самый «левый» из всех нас С. Н. Булгаков говорил мне несколько раз, что очень доволен ею. Видите, какая разница в настроениях. То, что в СПб. казалось слишком *правым* даже в «Новом Времени», у нас признается «как раз в меру». Даже в кругах либеральных.

Печатается ли 2-й том «Изгнанников». Для «Юдаизма» думаю написать большую статью на основании «Зогара», но когда сумею это сделать – не знаю. Что ни говори о жидах, а все-таки Зогар замечательная книга, и там есть чему поучиться.

Привет Варваре Дмитриевне, Александре Михайловне и всем Вашим. Господь да хранит Вас. Дружески Вас обнимаю.

Любящий Вас священник Павел Флоренский.

15-16 марта 1914 г. Сергиев Посад.

†

1914. III. 15.

Дорогой Василий Васильевич!

Получил оба Ваши письма. Отвечаю сперва на последнее.

Бросьте Вы «Общество изучения евреев». Самый вопрос председателя их до такой степени наивен и невежественен, что нет охоты связываться с Обществом. Предложение «перевести Зогар» может вызвать лишь улыбку. Ведь это 5¹/₂ больших томов, каждый около 600 стр., да еще указатель. Переводить надо даже не с еврейского и не с арамейского (что *сравнительно* легко), а с Бог знает чего – с помеси всех языков и всех наречий. Тут встречаются слова разных древнеевропейских наречий (*вероятно*, древнеиспанского, древнефранцузск. и т. д.), и чтобы раскопаться во всем этом надо не только великие познания, но и огромное время (не говорю уже о тонкости понимания). Если (приблизительно) считать весь труд в 3000 стр., т. е. около 180 печатн. листов, и если положить за перевод плату *ничтожную*, меньше нельзя никак – 100 рублей, то все же получается 18 000. Далее, сколько это стоит издать, да и кто купит. Первый полный перевод, французский, вышел в количестве 800 экземпляров – это ведь на весь мир, на всех жидов, евреев, иудефобов и иудефилов. Значит, у нас в России русский перевод хорошо если купят в количестве 100 экземпляров – но нет, на это надеяться нечего.

Теперь, далее. Перевод французский сделан Жаном де Поли, который потратил на него целую жизнь; издан перевод уже после смерти. Значит, если даже принимать во внимание наличность французского перевода, то на русский перевод, при усиленной и исключительно-пристальной работе, пойдет лет 10, не менее. Кто станет так трудиться? И какое неблагородное у Общества представление об умственном труде – словно свершить такой подвиг это все равно, что сшить сапоги.

Наконец, Общество и его Председатель, по-видимому, воображают, что на каждой странице Зогара всеми буквами прописано: «Жри младенцев», «Грабь гоев», «Оскверняй их храмы» и т. п. Они глубоко разочаруются, увидав, вместо этого скучнейшую (с своей точки зрения) и глубочайшую философию *пола*, относительно которой едва ли даже поймут, что это о поле, и станут просто зевать. То, сравнительно небольшое число мест, для них интересных, которые могут быть погромными, не окупят не только труда издания, но даже труда чтения Зогара. – Конечно, из Зогара многому можно научиться, и было бы полезно, чтобы он был переведен. Но издание такое надо делать в тиши и на средства какого-ниб. мецената, а никак не усилиями партии, какова бы она ни была. Есть, правда, иная комбинация: сделать перевод с *французского*. Но тут вяжутся неизбежные вопросы: насколько ему можно доверяться, тем более, что в подписке на него принимают участие разные Ротшильды, раввины и т. п. господа.

Советую использовать О-во иначе: пусть оно скупит Ваши издания о евреях и тем освободит капитал для издания «Юдаизма» и проч. Это сделать легко и от этого есть непосредственная польза, как для О-ва, так и для В. В. Розанова. Повторяю, Василий Васильевич, «Зогар» есть целый мир, целая огромная философия и даже более – наука, и быт, и поверья и т. д. Издавать его погромно: 1) невозможно, 2) бессмысленно, 3) преступно.

Теперь о другом, о Вашем, как пишете, «дурном деле». Мне думается, что в данном случае оно действительно будет дурно. То, что я писал Вам о Ваших книгах было написано так наспех, так поверхностно и случайно, что Вы рискуете скомпрометировать себя своею неразборчивостью. Лично я, конечно, хотел бы рекламировать Ваши книги, как только возможно. Но думаю, что *такой* путь к рекламе не дает ничего. Во всяк. случае, если уж решитесь все же печатать отрывки из писем о Ваших книгах, – пришлите мне для предварительного исправления. Ведь я помню, что и язык-то там суконный и безграмотный. Если я увижу, что именно там написано, то смогу развить и пригладить вихры.

Спасибо, дорогой Василий Васильевич, за монеты. В Афины я влюбился, и по несколько раз в день бегая погладить ее. Очарован ею и Васек. Он знает теперь несколько «тетей» – «тетю Медузу», «тетю Афины» и «тетю Деметру» и высказывает неудовольствие, когда я спорю с ним и доказываю ему, что нет «дяди Афина». Очевидно, он – в Вас, и думает, что у каждой «тети» непременно должен быть и свой «дядя». За «дядю Афина» он упорно считает Сократа; мои же разъяснения по этому поводу игнорирует. Впрочем, в конце концов, он правее меня: конечно, Сократ был мужем не Ксантиппы, а Афин или души Афин – Афины. Монеты из Тарса мне дороги по моему имени – Ап. Павла. Через него и я каким-то корнем залез в Тарс. Особенно хорошо, что монета надсечена: след того, как какая-то благочестивая душа «поставила свечку» Ваалу. Право, что там ни говорят Айвазовы, лучше ставить свечку Ваалу, чем подставлять выю крахмальному воротничку.

1914. III. 16. Воскресенье.

Монеты дают столько вдохновения и питания, что каждому должно бы иметь их сколько-нибудь у себя дома или, по крайности, в легко доступном музее. Я говорю сейчас не о тех «выводах» и заключениях, к которым может привести исследователя монета, т. е. не о *содержании* ее, а о *непосредственном* воздействии и духа, разливающихся от нее, – о вдохновении происходящем от соприкосновения с самым *бытием* ее. Рассуждая рационально, конечно, нужно признать, что монета, изученная, изданная, и притом специалистами и по наилучшим образцам, не нуждается в том, чтобы видеть ее и щупать ее. А на деле, это *самостоятельное* изучение, и притом образца хотя бы неважной сохранности, ничего не прибавляя к «ответчивому» знанию монеты, составляет самое существо знания, дает полновесное и живое *зерно*, тогда как то знание, сказуемое – не более как мякина.

Скажу смелее – «ответчивое» знание, само по себе, не есть знание, а только имитация знания. Тот *вкус к факту*, о котором пишете Вы, есть именно полусознательное но очень острое ощущение пустоты рассудочного знания и увесистости знания от живого соприкосновения с реальностью. Академическая же наука (наша) есть в высшей степени противоположная оценка рассудочного знания как *всего*, а живого – как не стоящего внимания, как роскоши и прихоти. Посмотрите, † А. П. Голубцов, один из хороших археологов, целую жизнь читал по древнехристианской и византийской археологии и ни разу не задался увидеть катакомбы, Св. Софию и т. д. Что же говорить о других. Даже рисунки – и те, считаются не слишком нужными. Мне для лекций приходится собственноручно рисовать таблицы, схемы и т. д. на небольших листах бумаги. Конечно, не жалуясь высказываю это (эта работа мне полезна), а только для характеристики нравов. И хоть бы кто-ниб. позаботился, не нужно ли мне чего – красок, бумаги и т. д. Очевидно, эти таблицы рассматриваются, как прихоть, как игрушка.

О *фаллических памятниках*. Если будете впрямь издавать их, то сообщите заблаговременно. *У меня есть очень важные и интересные дополнения*. Тогда я пришлю их для клише.

Кроме того, если будете издавать фал. памятники, то следует написать еще дополнительные статьи. Между прочим, я отыскал одно очень конкретное и сильное описание индусской *оргии*, сделанное *очевидцем*. Тогда для издания я переведу его с французского и сделаю некоторые примечания. Затем еще, у меня есть этнографич. и лингвистические материалы для исследования о двух фаллических словах. Я давно собираюсь составить из них статью. Можно будет включить ее в сборник в виде приложения. Статья эта будет характера ученого и сухого; но т. к. по объему она будет невелика, то она будет полезна для сборника, придавая ему тон *исследования*, а не пикантного чтения.

Но вот Ваш долг – 8000 р. Сумма громадная (когда она стоит в доме, и ничтожная, если бы это был доход). По-моему, надо изыскать средства к погашению его, а именно продать издания Ваши *с большой скидкой* (хотя бы 50% – 60%) целиком какому-ниб. книгопродавцу. Книгопродавец уже сумеет рассовать Ваши издания, не взирая ни на каких евреев. Получится выгод две сразу – для распространения идей, и для дальнейших изданий. А и в самом деле ведь Вам надо торопиться с изданиями. Не печатать ничего целых два года – это ужасная необходимость, и надо употребить *все усилия* (в этих вещах Вы, как и я, совсем не умеете быть деятельным), чтобы обойти ее. Несомненно, что можно отыскать покупателя Ваших изданий или, наконец, мецената-покупщика. А если так, то и должно найти такового. Конечно, «о себе» (как может показаться) хлопотать неловко. Но в критических обстоятельствах надо отбросить «ловкость» и взирать на дело по-прямее.

О каком конце письма недосланном пишете Вы – не понимаю точно. М. б., я просто не дописал, что-ниб. помешало, потом не взялся имитировать

самого себя. Для меня в том-то и трудность писать, что если что прервет ход мыслей, то потом противно натаскивать себя на него, и потому множество работ и всяких заметок и писем лежит или, точнее, валяется по разным углам. Если попадется письмо – пришло.

Мне думается, что «Древо жизни» (предполагаемая книга) или должна нарочито быть двойственной, т. е. в тонах и легких и густых, или быть разложена на 2 книги, из коих одна займется любованием *около* пола, а другая – фаллизмом. Если Вы имеете ввиду, так сказать, некоторое общественное внушение, то лучше любование обособить, так чтобы книга была *piano* и *pianissimo**. *Forte* же и *fortissimo*** тогда останется на долю книги о фаллизме. – Если же Вы имеете ввиду *углубление* идеи пола (но не прельщение ею), то тогда надо, чтобы книга начиналась *piano* – *pianissimo* и, постепенно усиливая силу, доходила до *forte* – *fortissimo*. – Ну, пора кончать. Привет Вашим и в особенности Вар. Дм. Как ее здоровье? Господь да хранит Вас. Священник Павел Флоренский.

LXV

14 апреля 1914 г. Сергиев Посад.

†

Христос Воскресе!

1914. IV. 14.

Приветствую дорогого Василия Васильевича и Варвару Дмитриевну с праздником и надеюсь скоро увидеться лично.

Присылаю снятую для Вас копию с письма к Льву Александровичу Тихомирову. Писал я это письмо, собственно, для Вас, хотя и в ответ на его запрос. Но потом, заглянувши в Вашу «Тайнопись», увидел, что мое письмо почти дословно совпадает своею первою половиною с Вашою статьею. Но 2-я половина письма – *новое*, и, мне думается, это еще нигде не высказывалось. Те мысли, которые там содержатся, нуждаются в развитии, и я надеюсь когда-нибудь, вероятно для «иудаизма», сделать соответственный трактат на основании Зогара. Любящий Вас свящ. П. Флоренский.

Диссертация моя прошла в Совете. Но М. А. Остроумов и Антоний Волинский почему-то ужасно настроены против меня и агитируют, так что весьма вероятно, что в Синоде она не пройдет. Еще Антоний Волинский имеет основание злиться – за афонцев. А к М. А. Остроумову я никогда, кроме почтения, ничего не питал, да и сейчас тоже, и положительно не понимаю, что ему до меня.

Ваш П. Ф.

---

* Очень тихо (*ит.*).

** Очень сильно (*ит.*).

11 и 21 июня 1914 г. Село Троицкое.

†

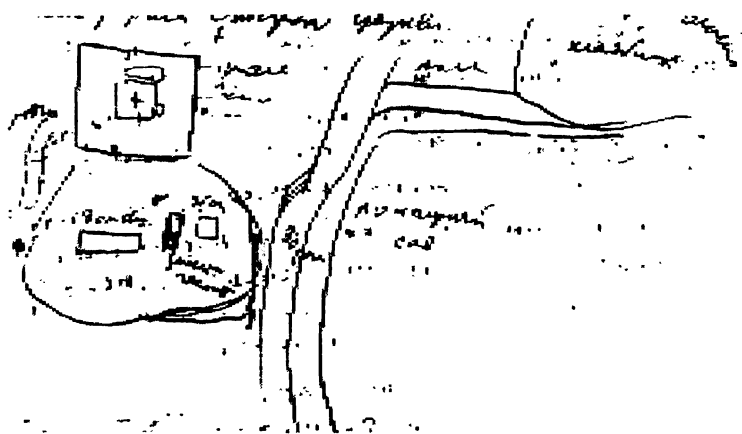
Село Троицкое. 1914. VI. 11.

Дорогой Василий Васильевич! Пишу Вам из деревни – из села Троицкого, того самого, в котором я венчался. Живем у брата Анны, священника. Сам он, хотя и учился в семинарии, но не из духовной среды, так что многое «духовное» ему чуждо, и он сознательно сторонится среды, рьяно занимаясь хозяйством и семьей. Впрочем, семья состоит всего на всего из жены и дочери, ровестницы нашего Васька.

1914. VI. 21. Утром.

Живу в деревне. Но впечатление такое, словно не в деревне, а в опере. Мы уединены не только от всего мира, но даже и от самого села. Трудно определить, в каком времени мы живем; какая-то смесь времен и стилей, делающая жизнь условной и отъединенной, – именно как в опере. Облупившаяся церковь начала XVIII столетия с иконами католического пошиба – чувственными и чувствительными одновременно. Но над нижним «прелестным» ярусом изображений помещены облики иного стиля – преп. Серафима и другие, трезвенность которых так противоречит хлыстовско-католическому мечтанию более древних икон. А есть иконы и совсем древние, прекрасные образцы древнерусской иконописи, с ликами грязноватых и шоколадных тонов, в прекрасных вызолоченных или, как принято говорить в духовном мире, «сребропозлащенных» ризах. Странно служить в этой церкви: рядом с иконостасом чудной работы и большого вкуса, хотя и барокко, висят иконы отвратительного письма, вывезенные откуда-то с Востока. Рядом с серебром и бархатом – хромолитографии «Фесенко» из Одессы на бумаге, заплесневевшие и пыльные. Рядом со множеством свечей лампы не протиравшиеся, вероятно, от основания церкви. Впрочем, в конце концов, это все хорошо: и пыль, и потоки воды, и плесень. Ведь Божественная благодать, в церкви обитающая, никак несоизмерима ни с бархатом, ни с чистотою, ни с чудным пением, и как ни старайся – все равно не сделаешь церковь *достойной* Божией благодати. Для людей же, как совершенная бедность, так и роскошь безупречная, могут быть и бывают обманчивы. При полном убожестве люди перестают воспринимать, что церковь – место трансцендентное, а при роскоши начинают прилепляться к *ней* сердцами и забывают, что дело не в роскоши, а в благодати. Это же смешение стиля с бесстилем, вкуса с бесвкусием, роскоши с убожеством, эти непрерывные нарушения *единого* внешнего впечатления как-то освобождают душу от *всего* земного, и от бедности и от богатства и дают понять, что *все* земное суета пред Божией благодатью. И тогда, разбитая в своих земных устремлениях душа обращается к Богу, воспринимая его по символическим намекам трансцендентности – по обрывкам и обломкам роскоши. – Особенно меня поразило одно крещение: по-

здним вечером, в темной церкви, спешное, над младенцем вот-вот готовым умереть, с пропусками неизбежными при такой спешке, даже без дьячка, это крещение умилило и потрясло сердце, увидевшее в нем воистину священное и святое. Это не то, что *mise en scene** в Академии, где торжественные богослужения приспособлены для скушающих барынь и на ослепление баб-богомолок. Тут же, в этой грязной купели воочию видишь «Божественные ложесна», как называют купель некоторые церковные писатели. И св. миро, в пузырьке с безграмотною надписью на облешей мегаллической пробке, и общипанная кисточка не только признавались, но и зрелись как великая тайна и великая святыня... Церковь расположена среди густого фруктового сада, ограниченного рядом тополей и сокорей, выросших выше колокольни и плотных, как ограда. А за ними – белая кирпичная ограда. Войдешь в церковный сад и сразу чувствуешь себя вне мира: за плотной стеной дерев ничего внешнего не видно и не слышно. Это не то, что городские церкви, стоящие посреди улицы, под собою иногда имеющие лавки. Ни купли, ни продажи; ни шума, ни бесчиний; ни суетливости и спешки. Тут нет времени, нет событий, и видно лишь лазурное небо. У самой ограды ютится дом священника, а около – изба дьячка. Церковная земля тоже обсажена высокими сокорями и тополями, так что и она уединена от окружающих участков. Впрочем, близ нее нет изб: все село расположено с других сторон церкви.

Церковная земля граничит с помещичьим садом, таинственно скрывающимся за густыми сокорями, рвом и валом. Дорога же между двумя участками представляется какой-то сценой на фоне стены помещичьих деревьев.

По этой дороге то проходят девушки с песнями, и среди голосов выделяется одно низкое контральто; то слышатся тут ошеломляющие и разгульные, как водка, звуки наглой гармошки и греготание парней; то тянется заунывная

* Внешняя эффективная сторона (фр.).

и грустная песнь, подхватываемая не менее грустным хором. Порою проносятся пляска. Изредка слышится стук экипажа, и тогда начинается где-то «за сценой» обмен новостями. Но уединенность места наблюдения, переходящая всех этих звуков, постоянная смена одного другим, и другого третьим, приближающиеся и удаляющиеся голоса, таинственные и внезапные удары церковного колокола, выбивающего ночью часы, сторожевые колотушки, завывание собак, крики коршуна, описывающего круги над цыплятами, порывы ветра изредка налетающего в это замкнутое со всех сторон и потому безветренное царство, сыплющийся пожелтевший лист и множество других трудноопределимых иногда звуков и впечатлений создают иллюзию, как я сказал, *оперы*, а не жизни. И эта иллюзия поддерживается идеей *рока*, где-то там, за оградой тихой пристани, царящего над преступным родом. Да, не смейтесь, у нас тут не только бляение овец и «курокрик», грачи и песни, но и черное злодейство и оперное преступление. И вовсе не далеко. Перейдите за священную ограду церковной земли; за ряд деревьев, не имеющих после себя никакой физической преграды, – и, за дорогой, простираются темные владения местной Клитемнестры, она же Агриппина и Мессалина – Татьяны Александровны Шиловской. Род Шиловских владеет огромными поместьями, начинающимися у г. Моршанска и тянущимися более чем на 120 в. до г. Рязска. Среди ответвлений этого рода то, о котором идет речь сейчас, окружено, по признанию всех местных жителей, каким-то темным облаком, и всякий, вступивший в сношения с *этим* домом Шиловских, непременно страдает. Замкнуто и недоступно живет в своем доме, как в центре паутины, г-жа Шиловская, и говорят о ней с ненавистью, смешанной с ужасом и презрением. Потерявшая всякий стыд и всякую совесть, жадная, бессердечная даже к собственным детям, давящая крестьян при всякой возможности, сутяжничеством своим выводящая из себя земского начальника, ростовщица, эта женщина сама – жертва рока и орудие его. Дочь обнищавших помещиков и воспитанная чужими людьми, она с юности познала все, что людям кажется ужасом. Была в связи с отцом и сыном Шиловскими одновременно, затем вышла замуж за сына, предводителя дворянства и, опасаясь, что отец лишит сына наследства в пользу своей незаконной семьи, она отравила его: он был найден в постели мертвым в тот момент, когда были поданы ему лошади для отъезда в Крым.

Этот Шиловский был жестоким и крайне развратным стариком. Сын же его, муж Т. А-ны, по слухам был человеком редкого благородства и доброты. Но и он найден был привязанным за шею к кровати тоненькой тесемочкой от галстука. Когда же его хотели исследовать, то он весь разлезся, все уверены, что самоубийство было имитировано и что на самом деле он не задушился, а был отравлен. Остались дети. Мать вступала в связь со всеми учителями их; главный же ее любовник, низкий француз, жил потом с ее дочерью и нажил в Москве дом. Сын вышел распутным и выражался матери в присутствии посторонних и ей в глаза: «Ты умрешь как собака, и поделом: собаке – собачья смерть. Неужели ты думаешь, что сестры или я сколько-нибудь огорчимся

твоей смертью, когда узнаем о ней. Ничуть, – не более, чем когда узнаем о том, что околела ненужная собака». Дочери избегают приезжать домой, а мать посторонним говорит: «Я и рада: при теперешней дороговизне провизии дорого их кормить лето» – это при большом имении и больших деньгах. Сын совсем уехал от нее и живет управляющим. Одна из дочерей живет в доме терпимости и имеет желтый билет. Но мать ничуть не меняется и лишь растет ее подозрительность, так что ночами она не спит, все опасаясь, что ее убьют.

Впрочем, ее страсти не безосновательны. По крайней мере, крестьяне так озлоблены на нее, что, по мнению моего шурина, при первом же волнении среди них, что-нибудь с Шиловской случится... Она с о. Александром в отношениях любезных и едва ли не слегка заискивающих. В церковь не ходит, о муже говорить избегает, на могиле его не бывает и когда дочери раньше изредка приходили на эту могилу, всю заросшую, то она явно выражала недовольствие.

1914. VI. 21. После обеда.

По поручению А-ра Васильевича Ремезова, автора критической заметки об «Апокалипсической секте», высылаю Вам 2 экз. отдельных оттисков. Спрашиваете о нем. Это молодой человек, окончивший 2 года тому назад Академию, теперь назначен на кафедру сектанства, но лекций еще не читает. Я был обязан напечатать его отзыв, ибо автор принадлежит к корпорации, да и рассудил, что для Вас и такой отзыв, неск. наивный, будет полезен, ибо как ни как, а в нем с Вами считаются всерьез.

Ночью.

Вот, кстати, еще одна черточка из характеристики Татьяны Александровны. Дочь о. Александра, маленькая Катя, боится этой госпожи до ужаса и, несмотря на заигрывания ее, никогда к ней не идет. Боятся ее и другие дети. Мне интересно бы выяснить, как <к> ней относятся животные; я уверен, что и животные должны чувствовать темную силу около нее. Но, к сожалению, ответа на этот вопрос я еще не получил.

Александра Михайловна спрашивает, как Ваша дача в Вифании. Но я не знаю, что ответить. Разумеется, в монастыре были обижены «изменой». Сдается ли она сейчас – не знаю.

Сейчас собирается и никак не разрядится гроза. Со всех сторон на горизонте мелькают зарницы, накрапывает дождик. Торопливо кидают сено на стог, пересыпая солью. Снимают чайное убранство со стола, убирают детские игрушки, рассыпанные на песке. Звуки смолкли, а усадьба Татьяны Александровны чернеет жутко за дорогою. Кажется, ужас и страх чужды Вам: по крайней мере, Вы нигде их не выражали. Но есть темные силы и темные места и темные времена.

Не знаю, смогу ли приехать к Вам и когда. Теперь оставлять семью не могу, т.к. во время жаров с Васьком всегда может приключиться что-нибудь. Да и наши все не пустят меня и обидятся, если я уеду. М. б., возможно будет попозже.

Меня поражает в селе та молчаливость, которою окружен пол. Если оставить в стороне явно-циничную эротику частушек и вызов стыдливости своей и чужой в ругательствах, то окажется, что пол совсем не попадает ни на разум, ни на язык. Чувствуется *сила* реки семени, текущей тут. Но эта река – подземная, и никакой *внешний* знак не показывает ее течения. В городе пол торчит наружу и измочалился; в нем нет силы, но он кричит о себе. В селе же могучая сила, но совершенно трансцендентная во тьме и молчании – не по *убеждению*, но нельзя о ней говорить, и не по чувству приличия, а естественно, сама собою бегущая изреченности и слова, сама собою впивающаяся в подсознательное, как корень в землю. Вот полная противоположность анекдотам Антония Вольнского! У последнего половое бессилие маскируется пренебрежением к полу; а тут половая сила пренебрегает словом, ибо непосредственно переходит в дело, и интеллигия ее – ребенок. Рождают без конца. И наоборот. Как мужики, так и девки, которые остались безбрачными (есть «чернички» и бобыли), – они, по наблюдениям о. Александра, отличаются особенной ворчливостью, раздражительностью и эмоциями. Тут энергия пола трансформировалась. Привет всем Вашим, в особ. же Варв. Дм. Обнимаю Вас. Ваш свящ. Павел Флоренский.

P.S. Не писал я до сих пор по усталости и занятости, главное же – по смущенности. Когда Вы прислали мне целое сокровище, клад монет, я не знал, что написать Вам; настолько растерялся от радости. Просто же благодарить Вас не хотелось, выходило бы как-то формально. Вот я и откладывал со дня на день... В этих монетах столько милого моему сердцу и воодушевляющего, что на долго мне будет от него творческое питание.

Деньги прислали напрасно. На счет 10 р. я устрою. Но мне – не за что. Вы вероятно забыли, что ранее прислали книги. Ведь все эти присылки неизмеримо превышают то, что я обычно получаю даже за свои настоящ. работы, напр. от «Бог. Вестн.», а для напечатанного Вами я почти не работал, а написало само, между дел. Присылать обратно деньги я не решился, вышло бы заносчиво, и я положительно не знал, как к ним отнестись.

Да, могу Вас порадовать. По моему предложению «Путь» постановил издать «Книгу Зогар» в сокращенном виде, частью в подлинном тексте, частью в изложении, так чтобы можно было получить представление о структуре этого произведения и о способе мышления его авторов. Работа эта получена мне. Затем, вспомнив Вашу рекомендацию, я постарался привлечь в «Б. В.» Д. П. Шестакова, а теперь удалось привлечь его и в «Путь»: ему поручены, по моей рекомендации, переводы св. Дионисия Ареопагита и св. Григория Паламы.

Моя книга вся распродана, и уже в начале лета не было ни одного экземпляра. Этот успех для меня чрезвычайно важен, ибо дает мне теперь возможность и дальнейшего печатания в «Пути», а иначе я сел бы на мель. Замыслы же и материалы у меня, если Богу угодно будет дать осуществить хотя бы долю их, – очень большие.

А как Ваши издательские дела, дорогой Василий Васильевич? Вы ничего не пишете мне; мне же это весьма важно знать, т. к. с этим вопросом связано издание Ваших сочинений дальнейшее.

Виделся недавно с Сергеем Алексеевичем Цветковым. Он все такой же; освободился от г-жи Гриневич и всех дел ее и гордыни ее и иже с нею и с него словно спало что-то тяжелое. Но жаль, что он все более и более теряет свою энергию в бесконечных разговорах, которыми злоупотребляет, как водкой. Если так будет продолжаться, он весь растратится впустую. *П. Ф.*

LXVII

4 сентября 1914 г. Около станции Грязи по дороге в Тифлис.

†

1914. IX. 4.

Дорогой Василий Васильевич! Еду в Тифлис и пишу Вам в вагоне, где-то около ст. Грязей. Сестра моя Валя, проболев все лето, теперь находится при смерти, и едва ли есть какая-ниб. надежда. Как у Вас? Мне ничего не удастся узнать о Варваре Дмитриевне и о Вас. Не думаете ли Вы, что вселенский мир, который чувствуется «при дверях» стоящим, подозрителен? Не наступает ли лжехилиастический период? И можно ли сколько-нибудь полагаться на Милюкова с К°. Мне почему-то кажется, что с их стороны сейчас сделан маневр – получить «портфели» с другой стороны, когда не удалось с первой. – В Тифлисе пробуду, вероятно, недолго. Целую Вас крепко. Поклон. Любящий Вас свящ. *П. Флоренский.*

LXVIII

†

1914. IX. 10. Серг. Пос.

Давно уже, хотя и по приезде в Посад, получил Ваше доброе письмо, дорогой Василий Васильевич, но писать не было ни времени, ни сил. Запущенные дела, какая-то слабость, бессонница и что-то с сердцем, все это отнимало у меня возможность побеседовать с Вами. Однако помните, что я душою около Вас и едва ли проходит день, чтобы я Вас не вспомнил...

Валя скончалась... Еще дорогою я почувствовал это; приехал же после похорон.

Летом я видел во сне, что она умерла, и видел ее семилетнею девочкою, «ставшей» вновь семилетнею. Мне чувствуется, что она была и есть семилетняя. Хотя жаль ее, но больше думается о том, что она ушла от нас. Целый месяц стояло в ушах: «Моя детка умерла... моя детка умерла... моя детка умерла...» Теперь это прошло. Но вдруг вспомнится, что *здесь* я не увижу ее, и сердце сожмется.

Загаенная скорбь моей души – это постоянная мысль, что будет время *полного* одиночества для меня. Не буду объяснять почему так чувствую и думаю. Скажу лишь, что и нехотя получаешь напоминания. Правда, из туманной душа выкристаллизовывается в эфирную твердь. Но скорбь обступает со всех сторон, все более.

Дома совсем беда. От многих ударов мама каменеет. В Тифлисе, от которого я совсем отвык, я с такою отчетливостью понял миф о Ниобе, превращающейся в камень, что стало жутко. О, греки *все* знали. Ужасно то, что в маминой бесконечной покорности я чувствую страшное, хотя и почти незримое по своей тонкости, Богоборство. Вижу, и не знаю, что делать, чем помочь. Я почти поссорился со всем домом – надо же хоть что-ниб. сделать; но все-таки ничего не достичь. Мама не плачет или почти не плачет, и священник, хоронивший Валу, говорил, что он ни разу не видел такого отчаяния и подавленности. А мне думается, что тут великий *протест*, которого ничто не сломит. И поразительно: во всех мнениях и отзывах о разных жизненных, общественных явлениях и философских вопросах, мнениях, отзывах, которыми едва ли раньше мама особенно дорожила и во всяком случае на них бы не стала настаивать, – теперь она стала придавать такую каменную несокрушимость... Не поймешь, чего желать. Одни каменеют, другие – разливаются и обращаются в пар и рассеиваются, неуловимые.

Да, Ваша догадка справедлива: у Вали был туберкулез, и развился он очень быстро, в сильнейшей степени. Тут было все зараз: потрясение, истощение, переутомление, простуда, небрежность...

Больше писать не могу – устал, поздно.

Мой искренний привет Варваре Дмитриевне и всем Вашим. Не сердитесь на молчание и не истолкуйте его *in malam partem**.

Господь да хранит Вас.

Священник Павел Флоренский.

P.S. Когда-ниб. я напишу Вам о поездке в Тифлис подробно. Теперь же нет сил. П. Ф.

LXIX

27 января 1915 г. Санитарный поезд.

†

1915. I. 27. Санитарный поезд.

Дорогой Василий Васильевич!

Неужто Вы все еще не поправляетесь? Как тяжело слышать о Вашей болезни. Боюсь, не увлечение ли Ваше надломило Вас.

Порадовался за Веру; давно думал, что ей хорошо бы побыть в среде, где были бы для нее серьезные интересы и дисциплина души. Дай Бог ей найти там то, что ей нужно и окрепнуть.

А я, вот, тоже не дома – не утерпелось, и поехал на санитарном поезде. Всю осень и зиму было тягостное чувство чего-то не сделанного; но только теперь сообразилось, в чем дело, и, воспользовавшись первым подходящим случаем, я, как видите, еду на санитарном поезде Черниговского дворянства; прежде в Барановичи, где будем осматривать поезд В. К. Ник. Ник., потом в Варшаву и, далее, до позиций.

---

* В дурном смысле (*лат.*).

Кланяюсь всем Вашим. Желаю Варваре Дмитриевне здоровья и отдыха от ее долгой болезни. Крепко целую и обнимаю Вас. Поправляйтесь. Да сохрани Вас Господь.

Любящий Вас священник *Павел Флоренский*.

LXX

Март 1915 г. Сергиев Посад.

†

Дорогой Василий Васильевич! Ваша книжка, которую пока я только поклевал кое-где, вызвала во мне желание поделиться своими личными впечатлениями. Они – такого происхождения, что Вы не можете иметь их, главное, лишены привкуса субъективности. Ведь о восприятии *толты* всегда может быть поднят вопрос, да знаете ли Вы всю подноготную этих восторгов и этого подъема. То же, о чем я хочу говорить, само есть «вся подноготная». И она – чиста и высока. Я разумею исповедь.

Последнее время мне много приходилось исповедовать солдат, раненых и больных, запасных и с действительной службы, разных полков, с разных театров войны и из разных губерний. Одни из них холостые, другие семейные. Они разного общественного положения, хотя в общем – около низших классов – мещане, ремесленники, железнодорожные служащие, крестьяне и т. п. Но все это разнообразие не мешает удивительному единству в «едином на потребу». Исповедь *вообще*, когда исповедуются *городские* жители, довольно тягостна, и после исповеди бывает на плечах и на сердце ощущение стопудовых грузов. Городские жители, на самом деле, будучи в большинстве случаев весьма скверного духовного здоровья, очень плохо сознают свои болезни. Недовольство, ропот, обвинение других и обеление себя, лукавство пред Богом – все это тяжело и безнадежно как-то. Рассудком поймут, а сердца не умягчишь. Таковы, хотя, конечно, и не всегда, мирные граждане.

Готовясь исповедовать солдат, я уже заранее настроился на все худшее, ибо «известно, что такое солдат», как мнится интеллигенции. Да, в сущности, чего и ждать от людей, оторванных от семьи, от крова, полуголодных нередко, а иногда и голодных весьма? Им Сам Бог простит согрешения, думалось мне, – простит за их труды, жертвы. Ведь многие из них почти мальчики.

Однако все эти соображения оказались ошибочными. Более высокого и чистого состояния на исповеди, чем со своими солдатами, я никогда не переживал. И если было что плохо, так это разве то, что во мне шевелилось что-то вроде зависти. Душа открыта, покаяние легкое, от глубины души, чистосердечное. Себя извинять не стараются... да и не в чем. Если у кого были грехи, так это сделанные ранее, в мирной жизни. В походе же, кажется, только у двух оказался грех, и вот какой: один стащил где-то арбуз, а другой, не ев несколько дней, попросил в каком-то селеньи хлеба, и ему сказали, что хлеба нет, хотя тут же на столе лежал целый; тогда солдат отрезал себе часть. Вот, кажется, и все грехи, узнанные мною. Да, еще один признался, что он в душе роптал на

тяжелое положение, а другой – чего-то не исполнил или исполнил не так как было приказано. Но оба они, из запасных, в мирное время допускали довольно серьезные грехи. Один когда-то, вступаясь за мать свою, которую очень оскорблял и бил отец его, грубо говорил с отцом. После того они с отцом много раз мирились, и мирились нарочито перед отправлением на войну, но он все не может успокоиться и терзается мучками совести. Спрашивал я *всех*, кого исповедовал, не обижали ли они мирных жителей. И ответ всегда в одном роде, с разнообразием только в интонациях: у одних ответ звучит с глубокой верой в свое дело, у других – чуть-чуть обиженно, – «как де задаешь мне такой обидный вопрос». Ответы же такие: «Что Вы, батюшка, ведь мы по православному...», «Нет, этим не занимались, мы все по вере», «Нет, мы православные...» и т. д.

Это – *очень важно*. Ведь если бы что было, хотя бы само-малейшее, то при той легкости и непосредственности солдаты говорят о своих грехах, они непременно поспешили бы покаяться. Об арбузе-то и хлебе, ведь, сами поспешили сказать, без всяких вопросов, *первым делом* – явно, что это тяготило совесть.

Ни у кого во все время военной жизни (а некоторые, ведь, не с войной только, а раньше, попали на службу) никаких признаков распутства ни в какой форме. Только один был грешен пороком, но это – в *мирное* время, а не теперь.

Все твердо и прочно верят. Все с внутренним убеждением и чисто-православною сознательностью (а вовсе *не* слепо и не по забитости) не только повинуются начальству, но и имеют внутреннее недовольство считают грехом. «Все же страдают», «Я не один», «Всем надо», «Бог велел» – вот ответы на вопросы об отношении к службе.

Замечательны лица. От духовного ли подъема, или от болезней и трудов, но все облагородились, и даже кожа стала совсем не такой, как у простонародья. Удивляешься их благообразному виду, после столького пребывания на воздухе, в грязи, в мокроте и спанья на земле. Они сейчас благообразнее, чем были ранее и одухотвореннее. Лица чистые, часто невинные, с ясными взорами и внутренней решимостью. Таково «христолюбивое воинство».

О себе же писать, кажется, нечего. Все точится мысль о Вале, несмотря на то, что, Божией волею, я до такой степени все это время загроможден работою, что некогда вздохнуть. Готовлю юбилейный № «Бог. Вестн.», состоящий из материалов по истории Академии. Надеюсь, что он, если и не будет интересен сейчас, то окажется полезен впоследствии. Никак не могу допечатать статью об *идеализме* в «Юбилейном Сборнике», издаваемом нашей Академией. Лекции, ученики, бесчисленные корректуры, служба – все это сплошь занимает все время бодрствования. И все-таки, в какие-то щели протекают грустные мысли о Вале, обо всех, о Вас, о бедных Эрпах (самом и жене, судьба которых сложилась так печально – у него нефрит, у жены туберкулез, у дочери тоже что-то неладно). Но да будет благословен Господь Бог и да благословит Вас и Ваших.

Любящий Вас свящ. П. Флоренский.

P.S. Сердечное спасибо за монеты, присланные с Нат. Алекс. Так занят, что доселе не имел времени в них вчувствоваться.

П. Ф.

<В углу написано карандашом:> Привет В. Д. и А. М.

LXXI

20 (?) июня, 26 июля и 5 августа 1915 г. Сергиев Посад.

†

1915. VI. 20 (?) Сер. Пос.

Погрузившись в древний мир и в филологию, я неоднократно пытался вынырнуть оттуда. Хотелось приехать к Вам, хотелось написать; но *amicus Basilius, sed magis amica veritas... antiqudrum**. Филологические справки, если делать их корректно, убивают столько сил и времени, давая, для непосвященного, плоды столь скудные, что, сделав подобную работу, надо отдыхать месяца два-три. Да и казенной работы у нас в Академии не мало: все отзывы, отзывы, о кандидатских, о магистерских, о докторских, семестры и т. д. Но как я рад устроившемуся делу с «Опавшими листьями»! Право, гораздо более, чем если бы у меня лично что-нибудь устроилось для издания. И не для меня одного это известие (– надеюсь не ложное –) было источником большого удовольствия и снова – предвкушения будущего удовольствия.

Критич. заметка Андреева Вам не понравилась. Это хорошо. Но ведь она – лишь приступ к его же статье о К. Аксакове, которая появится осенью. Кстати. У Александрова, Вами ругаемого, я выпросил целую пачку писем К. Аксакова к отцу, с которым его связывала какая-то странная, «кровная» дружба и мистическая связь. Эти письма имеют весьма существенное значение для понимания К. Аксакова, и именно в том периоде, когда от него почти теряются следы.

Добыл я еще целую кипу разных интересных материалов.

Но вот беда. Вы одобряете «Б. В». А наши дела весьма неважны. Ведь мы работаем с 30 тысячами дефицита в год. Очевидно, так продолжаться не может долго, и или придется вернуться к прежней системе, т. е. почти не платить гонорару и печатать только завалящие профессорские статьи, кот. никому не интересны (ибо хороших без гонорара и профессора не дадут). А именно, ранее платили в ред. «Б. В.» 10–12 р. *taximum*. Конечно, при таких условиях вести дело нельзя.

Если бы можно было делать хотя бы 200–300 подписчиков, то я создал бы порядочный журнал. Но во всяком случае выясняется, что или надо его весьма ухудшить, или же идти на улучшение, заполучив подписчиков.

1915. VII. 26. Сер. Пос.

Что хотите делайте со мною, дорогой В. В. Груда писем лежит на столе, но ни одного не могу кончить. Постоянно думаю о Вас, постоянно веду с

---

* Василий – друг, но истина – большой друг ... антиквар (*лат.*).

Ваши мысленные разговоры; но для письма нет времени или, точнее, сил. Нет ни одного дня для отдыха.

Что Вы пишете о «П. Ф.» и о Рафаиле Соловьёве. Отчего «П. Ф.» Вам не писал о Соловьёве? Да ясно отчего: нечего было ему писать. Ведь эта заметка, за которую «П. Ф.» краснеет, написана по чуть ни официальн. требованию ректора, «что-ниб. написать» о книжке; а у меня от усталости и язык не поворачивался говорить, не то что писать статью. Вот «П. Ф.» и наляпал сам не знает что.

А все-таки, чувствуете ли, дорогой, какое-то в воздухе «победихом, перепрехом!»? Не чувствуете ли, что гг. Добролюбовы, Чернышевские и К^о при последнем издыхании? Теперь даже революционные идеи, если желают иметь успех, вынуждены будут наряжаться в славянофильские перья. И это не только у нас, а и за границей. Произошел какой-то прорыв сознания. Конечно «К. д.» и т. п., по существу, неисправимы. Но явно, что им приходится притулиться и подкраситься.

Как Ваша книга? С нетерпением жду ее. Сам же готовлю статью – это *из конца* «Антроподицеи», ученое приложение. Она едва ли для Вас интересна, я даже уверен, что Вы ее не станете читать. Но мне необходимо было для требующих «доказательств» проделать и ее, и она потребовала ужасно много времени и механических сил. Впрочем, не так еще трудно было написать ее, как трудно напечатать.

Я часто вспоминаю всю Вашу, дорогую мне семью. Искренно радуюсь за Веру, желаю ей тишины и крепости. А как Таня? Неужели продолжает надрываться над книгами? Что Вася? Как вопросы, Вас беспокоившие? Дай Бог милому мальчику пройти сквозь них «как-нибудь» и добраться до пристани хорошо оснащенным!

Тут наши мысли вертятся около покупки дома. Квартирный вопрос в Посаде до такой степени труден, столько идет на него сил и времени, что этот исход, кажется, наиболее удобный. А т. к. живем мы как-то духовной коммуной, то М. А. Новосёлов все подговаривает к тому же.

Что еще? – Вот, по моим указаниям и под моим наблюдением один художник пишет портрет старца Исидора. Это давишний мой долг пред старцем, которому я слишком многим обязан, чтобы мог достаточно почтить его память. Васёнок шалит и весь поглощен войной.

Вот, уж устал, не могу писать.

1915. VIII. 5. Ночь перед Преображением.

Все то, что стоило бы писать и что хотелось бы написать – невыразимо. Если бы я был композитором, м. б., этот прибор вечности, который, как благую весть, хотелось бы принести Вам в звуках, может быть, он и нашел бы себе выход. Но я не знаю, как сказать, даже как дать понять о той сладкой тоске, о той певучей и неизъяснимо-трепетно зовущей боли от касания вечности, которая все чаще встает в душе и делает невыносимыми все разговоры и все писания... В саду стрекочут звонкие кузнечики, мои милые кузне-

чики, в которых я слышу, кажется, всю суть древней Греции. Звонят и беспечно и тоскливо и радостно и победно. Мой Васёнок говорит:

Μακαρίζομεν δε, τέττιξ,
ὅτε δενδρέων ἀπ' ἄκρων
ὀλίγην δρόσον πελωκῶς
βασιλεύς ὅπως αἰδεῖς*,

и сам, не смолкая, трещит серебряным голоском с утра до ночи, – сам либо кузнечик, либо серебряный колокольчик. Вдали слышится пение солдат, как бы беспечное, но под размеренностью своею таящее тоску о родных, о доме, о родных полях, на которых так и остались корни. Милые люди, все милые. И во всех, лишь приглянешься повнимательнее, открываешь надорванную струну, зародыш смертельной болезни, и

кроткую улыбку увяданья.

Не они улыбаются, а в них улыбается.

LXXII

1915. VIII. 19.

†

Дорогой Василий Васильевич!

Получил сегодня Ваше письмо относительно Веры. Конечно, все, что мы имеем, в распоряжении Вас и Ваших детей. Следовательно, Вера м. приехать, когда ей будет нужно. Однако считаю долгом предупредить, что мы примем ее лишь с любовью, но *без удобств*, ибо и сами их не имеем. У нас, напр., нет для нее особой комнаты, придется ей жить в гостиной. Насчет еды тоже, б. м., ей покажется слишком постно и слишком просто. Сейчас у нас даже прислуги нет. Правда мы надеемся, что скоро она будет, но и этого, по нынешним временам, обещать не берусь. Однако, если Вере покажется *трудно* жить с нами, она сможет устроиться где-ниб. в Посаде, напр., я надеюсь, что можно будет поместиться у г-жи Хлебниковой, близкой знакомой нашей семьи (дан-тистка). Она одинокая и имеет собственный дом.

Что же касается до денег, Вами предлагаемых, то право мне даже неловко отвечать Вам на это предложение что-нибудь. Ведь Вы ставите меня в такое положение, что когда я приеду в Петроград, я вынужден буду у Вас просить счета. Думаю, что Вы написали это место своего письма «по вдохновению», и только в этом смысле оно извинительно.

Вот еще что. Если Вы полагаете, что Петрограду грозит большая опасность, чем Москве, то пришлите с Верою свои *рукописи*, архив и монеты. Я

---

* Я считаю тебя счастливым, кузнечик,
Потому что на вершинах деревьев
Немного влаги выпив,
Словно царь поешь ты (*греч.*).

могу сдать их на хранение в Академич. Библиотеку, или же, до ближайшей опасности, хранить у себя дома. Впрочем, Вам там виднее. И Москва отнюдь не гарантирована. В случае опасности, грозящей Москве, я думаю отправить семью в Костр. губ. Если уж помирать, то хорошо бы помереть на родине предков.

Я слышу, что вышли «Листья». Почему же Вы не пришлете мне? Жду с нетерпением. Здесь в продаже не имеется.

Господь да хранит и да успокоит всех Вас. Любящий Вас священник *Павел Флоренский*.

P.S. Дайте знать о решении Веры. Привет Варв. Дмитр. и всем Вашим. А что А-ра Мих.?

LXXIII

29 августа и 17 октября 1915 г. Сергиев Посад.

†

1915. VIII. 29. Сергиев Посад.

Прошу об одном Вас, дорогой Василий Васильевич, не допускайте «окамененное нечувствие» и озлобление в свое сердце. Когда виноват, то очень хочется озлобиться на того, пред кем виноват, чтобы предупредить обвинение себя встречным обвинением. И это – самое ужасное последствие греха, – что он влечет за собою множество других, непредвиденных и жестоких и вовлекает таким образом в порочный круг, в котором все сильнее запутываешься.

1915. X. 17. Серг. Пос. Получив Ваши заметки.

Мое молчание и самого меня смущает, дорогой Вас. Вас.! Да, все сообщенное Вами было для меня тяжелым ударом, и надо было, чтобы впечатление улеглось и «обошлось», прежде чем я смог бы написать как следует. К этому присоединилось смущающее впечатление и от «Опавших листьев». Несмотря на множество страниц острых и бездонных, книга, прочитанная мною в один присест, оставила впечатление неблагоприятное. Самое главное – это что Вы нарушили тот новый *род* «уединенной» литературы, который сами же создали. Афоризмы по неск. страниц – уже не афоризмы, а рассуждения. А если так, то читатель уже не относится к ним бережно, как к малому ребенку, и не вслушивается в их лепет, а требует основных свойств рассуждения. Сами выступив из области «уединенного» Вы, естественно, подлежите тем требованиям, которые предъявляются ко всему внешнему, неуединенному. Затем, в строках «Опавш. листьев» нет (во мног. местах) непосредственности и гениальной бездоказательности прежних томов: чувствуется какая-то нарочитость и, в соединении с *манерою* уединенного, она производит впечатление деланной непосредственности. Это – о форме. В содержании *невыносимо* постоянное Ваше «вожжание» с разным литературным хамством. Вы ругаете их, но тем не менее заняты ими на сотнях страниц.

Право же, благородный дом, где целый день ругают прислугу и ее невоспитанность, сам делается подозрительным в смысле *своей* воспитанности. Что уж Вас так беспокоит, – спрашиваю я, – успех Чернышевского и проч., давно умерших. Отцветут «яко трава дние его», их всех, отцвели уже. Народилось новое хамство, и тоже пройдет. И так будет до конца дней. Но думать об этом и заниматься этим не только скучно, но и вредно. Что же мы, *завидуем* что ли? Каждый в мире получает то, чего воистину хочет. Мы не хотим публичности, не хотим внешних успехов (ибо все это связывает *свободу*) и, следовательно, по делом не получаем. Но мы имеем чувство *вечности*, пребывания, неотменности значения всего нашего. Мы стоим в стороне, а они кричат. Но мы знаем, что *перестоим* их и всех подобных им – и спокойны. Мы вечны, а они текут. Чего же ругаться.

Ах, дорогой Вас. Вас., я понимаю у Вас все, понимаю как Вы были зашиблены и затравлены; понимаю, что не Вы ругаете, а Ваши раны и синяки. Но как Вы не видите, что этим Вы выдаете скорее слабость свою, нашу, чем силу. Про Хомякова говорили, что он «горд православием». Будьте же и Вы горды – Православием, Россией, Богом и не вмешивайтесь в гвалт «–зонов». «Помни последняя твоя, и во век не согрешиши» – вот основной завет православия.

Ну, будет. Господь да хранит Вас и всех Ваших. Мне хочется, чтобы дорогой Вас. Вас. обнаруживал на конце дней своих то наивысшее, чем обладает, и чтобы оно не заволакивалось дымом и грязью, против которых он всю жизнь, в существе дела, боролся. Простите. Приветствую Варвару Дмитриевну и всех Ваших. Где Вера? Как здоровье Шуры? Любящий Вас священник Павел Флоренский.

P.S. Моя мама с братом младшим переехала в Москву. П. Ф.

LXXIV

26 и 30 октября 1915 г. Сергиев Посад.

†

1915. X. 26. Серг. Пос.

Вот, дорогой Василий Васильевич наше сходство, глубочайшее, и наше расхождение, тоже глубочайшее. Наше сходство: это острая, до боли, любовь к конкретному, к сочному и, скажу определенно, к *КОРНЮ*, – к корню личности, истории, бытия, знания. Думается, что *эта* любовь – костромская, ибо нет во всей России, а, м. б., и на земном шаре, никого более *коренного* по вкусам, по укладу, по организации души, чем костромичи, особенно заволжского района. И отсюда – органическая же нелюбовь ко всему, что безкоренно, что корни подьедает, что хочет расти не на корне, а «само по себе». Но тут-то и расхождение. Чувствуя себя в литературе, «как дома», Вы говорите все, что блеснет в душе; а я *не хочу* чувствовать себя дома нигде, кроме родной, *темной* колыбели-могилы в родимой земле, и свою боль и свою радость, в наибольших их точках, скажу лишь Матери-земле. Мне думается,

что это тяготение к лону – тоже костромское: костромичи скрытны, и души своей не показывают. Вы говорите правду; однако не всякую правду должно говорить. Убеждение противное – это и есть то «чернышевско-писаревское» убеждение, которое под титулом «гласность» разрушает *все* коренное, все дорогое, все мирное, которое всякую неправду, местную и случайную, спешит «возвести в перл создания» и сквозь волчьи слезы хихикает над загрязнением *мира*, ставшего теперь уже международной пошлостью. Все твердят о Хамстве, однако не замечая, что хамство – не в личном грехе, каков бы он ни был, а в бесстыдном обнажении наготы отца. И современная литература, начиная с Гоголя, почти вся насквозь – Хамство, даже тогда, когда она говорит самую подлинную правду. Но, позвольте, я просто *НЕ ХОЧУ* знать всякие гадости, которые мне предупредительно подносят. Я не хочу копаться в них, разбираться, точно ли изложены факты, или неточно, кто прав и кто виноват. Никто не ставил меня судить и разбирать и, – скажу цинично, я, наконец, не получаю за эту грязную работу жалованья. Пусть ее выполняют те, кто обязаны – сыскная полиция, следователи, прокуроры и т. п., одним словом, люди взявшиеся за это дело. А я, зная что это дело на их обязанности, буду заниматься *своими* обязанностями, которых у меня столько, что и $1/100$ я не могу, не имею ни времени ни сил, выполнить добросовестно. Вообще, я хочу сидеть в своем ложе в черной земле и делать то, что мне дано – Богом, Родиной, Царем, обществом (однако оно отнюдь не сводится к двум десяткам адвокатов и литераторов). Все это слишком просто, и не стоило бы об этом говорить, если бы со всех сторон не старались вытянуть всякого спорящего на своем месте из его логовища и не запутывали бы его в делах, его ничуть не касающихся. Надо же наконец отрешиться нашей интеллигенции от сознания провиденциальных обязанностей и твердо сказать себе, что мир и судьба истории идут и будут идти вовсе не их «декларациями», по таинственным законам, ведомые Рукою Божией. Итак, я не хочу говорить очень много, и думаю, что вовсе не все, что можешь сказать, должно быть сказано, равно как и не все, что можешь украсть, должно быть украдено. Конечно, и Вы думаете, в совести своей, не иначе. Но вот, тут *fatum* литератора; не правда нужна, в конце концов, а темы, ибо попавши в русло стремнины словесной, надо течь. Понимаю положение, понимаю безвыходность, потому не осуждаю, а тоскую о Вас. Великие задатки, великая пред Богом ответственность, самые крупные дарования 2-й половины XIX в. в России и, вероятно, в мире, и большая часть их, *ужасная* часть утекла... Ну, не скажу *совсем* бесполезно; но *Вам* ли тратиться на эту пустую работу, когда пред Вами стояли задачи огромные. Однако и это еще ничего. Не устроена и собственная жизнь. И... даже денег не нажито. Ради чего же такой труд, такое беспокойное движение... Почему эти дарования утеряны для благообразия Родины? – Доселе я отвечаю Вам. А теперь о более мирском.

Очевидно мой *fatum* – ничуть не литературный. Я копаюсь, копаюсь, можно сказать в вещах, которые никогда не будут достоянием печати и самое большее будут сообщены друзьям. Копаюсь в *роде* своем. Собираю *имена*

предков, устанавливаю соотношение ветвей рода, с любовью вглядываюсь в то немногое, что можно узнать о каждом члене в отдельности; это стоит больших усилий, непрерывной переписки, перелистывания десятков томов и папок, расспросов, поездок даже. Найти какой-нибудь год или имя – целое открытие; получить документ или выписку – большая радость. Работы предстоит мне еще на несколько лет. Но «почитание родителей» должно выражаться конкретно прежде всего в стремлении узнать их. У меня лично пестрота невероятная, начиная от мещан и до графов Разумовских, бывших почти на престоле, от бедных дьячков и до знаменит. епископа, от забытых судьбою сирот и до владетельных царьков. Тут такая пестрота, что разобраться во всем этом надо немало времени. Однако костромские дьячки одни только всецело привлекают мое внимание, и сердцем я именно с ними...

1915. X. 30.

Вот, письмо пролежало. Спешу отправить его, как оно есть. Господь да охранит Вас. Приветствую Варв. Дм. и всех Ваших.

Ваш свящ. Павел Флоренский.

LXXV

9 ноября 1915 г. Сергиев Посад

†

Присылаю письмо, дорогой Василий Васильевич. А я не знал, что оно Мордвиновой. Оно умно и – увы – правильно, но только слишком отчетливо. Вы знаете, я близорукий и вижу весь мир, как картину, с несколько размытыми линиями. Вот почему слишком большая отчетливость мне представляется «не по моему глазу» – какой-то искусственной ухищренностью зрения и, стало быть, мысли. Но могу сказать только, что в таком тоне, как это письмо, мог написать только тот, кто к Вам относится всерьез, а не «как-нибудь, и, конечно, эта ругань (ибо это именно ругань) Вам, как лицу, больший почет, нежели похвалы и смягчения. Я бы лично за такое письмо от души поблагодарил писавшего: «его же любит – и наказует»...; «...и «сокруши ему ребра»...

Очень прошу Вас о следующем. Пришлите мне, но только *возможно скорее мои заметки о фаллических культах* (с рисунками). Читаю сейчас лекции о Каббале и *около* этих тем, хотя и совсем с иной стороны, и заново собирать материал у меня нет ни сил, ни времени, а главное – охоты, когда знаешь, что уже раз работа проделана. По миновании надобности я верну Вам эти заметки, сделав себе, если не копию, то хотя бы извлечения. Всего Вам доброго. Привет Варваре Дмитриевне и всем Вашим. Ваш священник Павел Флоренский.

1915. XI. 9. Сергиев Посад.

LXXVI

1915. XI. 21.

Ваше письмо, Василий Васильевич, меня удивило и огорчило. Слова Ваши о том, что я, будто бы, «легко» смотрю не все происшедшее, видя в них «розановские приключения», как-то заставили меня подумать, что Вы во мне главного – вовсе не понимаете, не понимаете во мне всегдашней боязни и боли обидеть того, кому уже тяжело. Да, вероятно, и я в Вас слишком мало понял. Я вообразил, что Вы поняли внутренне ужас своего положения и раздавлены, а я, не имея сказать ничего против Вашего суда над собою, старался по крайней мере не говорить ничего и прибавляющего Вам боли. Но я вижу теперь, что не было ничего подобного. Вы не поняли, что Вы возразили против всей своей деятельности, как мыслителя и писателя, сильнее, чем возразили бы 20 000 канонистов, что Вы *свели на нет* дело всей своей жизни. Для меня теперь все Ваши вопли о разводе, все Ваши прекрасные страницы о браке не из под кнута, слова о браке как о начале культуры – все это, м. б., и верное само по себе, стало литературной трухой, о которой я всерьез не посмел бы заговорить теперь. Для меня стала вдруг ослепительно ясною мысль, которую я доселе высказывал лишь предположительно и условно: да «сам собою» брак не может держаться, и нужен для прочности его самый больший *кнут*! Если даже жалость к жене, которую по Вашим словам все оскорбляли, если даже желание показать *urbī et orbī**, что можно без кнута, не удержали Вас от оскорблений высших, какие можно было нанести Варваре Дмитриевне, то, значит, все что писали Вы о браке – должно быть уничтожено и забыто. Не думайте, что я виню Вас (хотя знаю, что последнее было бы куда лучше для Вас). Я говорю лишь: «Все мы таковы же; а чтобы этого не было, нужна палка». И больше ничего. Но это «ничего» мне более грустно, чем если бы Вы уже умерли.

Свящ. П. Флоренский.

P.S. В «Вешних Водах» помещать письма к Л. Тихомирову, да и вообще какие бы то ни было письма я *не согласен*.

П. Ф.

LXXVII

11–12 января 1916 г. Сергиев Посад.

†

1916. I. 11. Сер. Пос.

Дорогой Василий Васильевич!

Сегодня получил письмо от Ф. К. Андреева, он пишет мне о Вашем подавленном настроении духа. Что же такое с Вами? Больны? – На меня, конечно, сердитесь. Да и я сердился на Вас, даже написал, было, Вам связку перу-

---

* Городу и миру (*лат.*).

нов, но потом оставил ее у себя; так-то лучше. Столько ругаются в мире и без нас, что нам нет ни малейшей надобности вкладывать свою лепту.

Все последнее время я похварывал, и до сих пор не освободился от слабости – физической и нервной. Не сообщаю о рождении у нас сына Кирилла, т. к. Вы об этом знаете, вероятно, от Ф. К. Андреева.

Вот, написал несколько строк, и уж устал.

«Вешние Воды» предполагают издавать какой-то сборник благотворительный. Вообще я вовсе не сторонник брать на себя долг «благотворения». Но мне просто неловко отказываться от приглашения, сочтут за чванство, а что послать – не знаю. М. б., если Вы одобряете, напечатать что-ниб. из заметок о монетах, посланных когда-то Вам? Если да, то или отдайте переписать эти заметки и как-то перешлите в «Вешн. Воды» от моего (или Вашего – как хотите) имени, или пришлите мне самые заметки, я отдам кому-ниб. переписать. Печатать же, как Вы хотели, письмо к Тихомирову – нельзя, он обидится и вообще я буду в неловком положении. Самое приятное было бы (вероятно, этим я избавлю и Вас от необходимости давать статью), если мои заметки о монетах Вы снабдите какими-ниб. примечаниями или предисловием или еще как-ниб. оправите, и тогда статья м. б. подписана сразу Вашим и моим именем. С «Вешних Вод» и хватит. Впрочем, как хотите. Одно только. Мне непременно надо прислать корректуру, если что мое будет печататься.

1916. I. 12.

Спршивали Вы относительно Ваших писем к Леонтьеву, не у Александра ли они. Узнавал я. Оказалось, что хотя архив Леонтьева в общем у Александра, но именно Ваши письма не у него, а случайно попали к *Марье Владимировне Леонтьевой*. Она живет в г. Орле, в Женском Монастыре и заведует школой. Туда ей надо написать просьбу доставить Ваши письма.

Должен сознаться: Ваши грехи почему-то очень тоскливо переживались мною и как-то утомили, что ли, или обессилили. Если хотите, они сделали именно то, против чего Вы боретесь: утвердили меня в началах суровости в духе Леонтьева. М. б., это пройдет отчасти, но пока я все еще не могу восстановить равновесия мыслей и чувств. Тут не в грехах дело, и не вообще, а именно в Ваших и притом *этих*, идущих вразрез с делом Вашей жизни. Такое у меня чувство, словно Вы оплевали все то, что защищали от оскорблений и нападок всю жизнь. Но будет... Эта тема, увы, для меня бесконечная.

Всего Вам доброго. Приветствую дом Ваш.

LXXVIII

21 апреля 1916 г. Сергиев Посад

†

Христос Воскресе!

Дорогой Василий Васильевич! Вы, м. б., думаете, что я сержусь на Вас. Но разве Вы не знаете, что я сердиться более 10-ти минут не умею, даже тогда, когда считаю, что еще требовалось бы посердиться. Но в данном слу-

чае и этого не сказал бы: Господь с Вами, сами за себя отвечайте. Только что перечел, в связи с получением новой книжки «Вешних Вод», письма Мордвиновой. В большом количестве они мне понравились гораздо более, чем раньше в малом. Если бы издать такой *том*, но непременно *вместе*, иначе ничего не получится, то вышла бы поучительная книга. Мне понятно, что с Цветковым они не сошлись: слишком похожи. Да и вообще «гениальные натуры» – не стадные существа и вместе им тесно. Воистину их девиз: *regant qui ante nos* (или – *cum nobis*) *nostra dixerunt* (или – *dicunt*)*. К тому же и тот и другая несколько рисуются своей ленью, своей небрежностью, своей распушенностью, словом гениальничают. Но мне думается (это я задним числом лишь понял о Цветкове), что чем больше понукают к работе подобных лентяев, тем более и упорнее лежат они на боку, ибо начинают в своем лежании видеть чуть не миссию свою существования на земле. Но удары судьбы и трудности жизни скорее могут заставить их сменить положение горизонтальное – на вертикальное. И думается мне сице, что Цветков не потому ли и замолк и не дает о себе вестей, что что-нибудь вздумал делать по-настоящему и хочет нас всех удивить сделанным.

1916. IV. 21.

Прошло уже полторы недели, как я начал Вам письмо, дорогой Василий Васильевич, и, по обыкновению не мог кончить, да и не кончил бы, если бы не приехал Ф. К. Андреев и не привез известия, что Вам живется тяжело и что, кроме того, Вы ругаете меня «кристаллом» и т. д. Эх, дорогой мой, какой там кристалл: просто изнемогаю, и не только физически, но и нравственно. Верите ли, при всей моей упругости, при моей способности быстро забывать ли, точнее, ассимилировать все неприятности, я все же ни одного дня не имею «для себя», без горечи новой, без новых неприятностей, без новых тоскливых волнений. Я не жалуясь. И знаю, что это для души полезно, и сознаю, что заслуживаю всякие удары. Но я устал, устал, мне трудно говорить с людьми, тем более писать... Думаете, что я осуждаю Вас. Да если бы и хотел, то, уверяю, нет сил на то. Но вовсе не хочу. Столько лет мы знакомы, но Вы меня все не знаете и не понимаете. Это удивительно – при Вашей проницательности. Неужто Вы до сих пор не поняли, что мою слабую сторону составляет неспособность *морально* осуждать кого бы то ни было, и если я делаю это – то разыгрывая, по педагогическим соображениям, роль судьи. На самом же деле в области нравственной я никогда ничего не знаю, ибо не знаю, к чему, в общей экономии жизни, ведет данное деяние; но я знаю, что многие падения суть залогов обновления и благословенны. Во всяком случае я не судья Вам, а просто друг. Но, вот, к жизни я не приспособлен, мне трудно быть со всеми, кроме близких, я чувствую, как, несмотря на благожелательность многих, окружаюсь зоной непонимания, и в этой атмосфере непонимания

---

* Да сгинут те, кто раньше нас (или – вместе с нами) сказал то, что говорим мы теперь (или – скажем когда-либо) (*лат.*).

слова и действия перетолковываются в смысле чуть не противоположном истинному значению их. И чувствую я, что это все роковым образом (или правильнее – по неисповедимым для меня судьбам Божиим) будет расти и зона непонимания делаться непроницаемее. Но да будет воля Божия.

Господь да благословит Вас.

Священник Павел Флоренский.

N.B. P.S. Очень прошу, *остановите* печатание чего бы-то <ни> было моего в «Вешн. Водах» и вообще где бы то ни было. На это есть *серьезные* причины, о которых сообщу после. П. Ф.

LXXIX

5, 10 и 13 августа 1916 г. Сергиев Посад.

†

1916. VIII. 5. Серг. Пос.

С волнением и с радостью и с опасением узнал я из третьих рук, что Вы, дорогой Василий Васильевич приступаете к изданию египетского альбома. От души желаю Вам осуществить эту мечту и энтелехию Вашей жизни. В конце концов, ведь, что такое *все лучшее* в Ваших произведениях, как ни заметки, примечания, схолии, комментарии, предисловия и послесловия этого Альбома. Понимая ответственность и трудность Вашего предприятия, я не смею сказать себе: «Оно удастся». Но дай Вам, Господи, сделать его возможно лучше и довести до конца. С этим Альбомом многое связано может быть; он может возбудить интерес к *конкретному* в истории, к живому и индивидуальному. М. б., Вам удастся нанести решительный удар пыпино-кареевщине! Ф. К. Андреева и меня *непреренно запишите в число подписчиков на издание* и пришлите условия подписки, а в подарок не присылайте: – надо же и нам поддержать Вас.

Не помню, говорил ли я Вам, что у меня тоже есть рисунки по Египту и смежным вопросам, а также некоторые редкие довольно издания. Не могу ли я помочь Вам? Т. к. и я, вслед за Вами, считаю существенным размер не слишком маленький, то старался подобрать себе рисунки значительных размеров, – вроде Ваших. Выбирал я себе из атласа наполеоновской экспедиции – Панкука, и др. изданий. Черкните, не смогу ли быть полезным...

1916. VIII. 10.

Вы писали Анне, что моя судьба особенно несчастна. Но разве Вы никогда не чувствовали, что часто в несчастиях зрится посещение Бога и любовь Его? Атмосфера смерти ни на минуту не рассеивается в нашем доме, а в моей жизни в особенности. В Академии прямо мор – моих сослуживцев наставников. Уходит и рассеивается старая Академия, и это наводит на многие думы.

Вчера получил Вашу корректуру. Видите, наши желания скрестились, значит мы внутренне недалеко друг к другу. Объявление Ваше мне и Ф. К-чу Андрееву не понравилось. Видно, что Вы слишком много лет вымучивали его в себе. Оно стало нескладным, напряженным и в то же время содержит в себе утверждения, которые если бы были и бесспорно достоверными, требовали бы осторожности к себе, ибо звучат в *объявлении* как-то рекламно (их уместно высказать где-ниб. в предисловии, невзначай, а так в упор, в связи с ценой это звучит непереносимо). Но вдобавок к сказанному эти утверждения и недостоверны, так что могут вызвать отпор. Лучше, по Апостолу, мне соименному, «не давать повода ищущим повода». Вот почему мы предлагаем Вам проект объявления измененного. Простите, что сделали это на корректуре же, так Вам будет яснее, в чем суть изменений. Но, как бы ни было, дай Вам Бог довести дело, столь задушевно, в глубине души задуманное, до благополучного конца и создать эпоху в *чувстве ощущения* Египта. А все-таки, хотя я убежден, что то, что Вы хотите внести, пахнет именно *эпохой* в египтологии, но говорить об этом, наипаче же *Вам*, не нужно. Итак, да поможет Вам Бог собрать воедино труды многих и сделать их доступными широким массам (*они*, те кто притягиваются сглазом, ужасно *глупы*, их обмануть нетрудно, только надо слегка схитрить и не сказать вслух *слова*: слово – великое дело, вопреки Святейшему).

Увлекаюсь сейчас уж не помню в который раз «Природою и историей» – (книга взята у Ф. К. Андреева, т. к. нет ее нигде в продаже) – статьей о Бокле. Удивительная статья, где в нескольких словах с несравнимою силою Вы *«сочинили»* всю риккертовскую и около-риккертовскую философию исторического познания. Думаю начальные лекции в этом году построить исходя именно из этой Вашей статьи. Ведь Вы-то наверное Риккерта и не видывали, несмотря на его знаменитость?!

Спрашиваете о Бердяеве, чем он обозлен. Уверяю Вас, что недостатком денег, если не «только», то «почти только». Он – барин и привык сорить деньгами. *Inda irae**. Вот почему его нападки на себя я принимаю с полным к Бердяеву благожеланием. Прекрасно понимаю, что тут дело не во мне, а в том, чтобы излить свое раздражение на кого-ниб., кто смеет говорить, что он доволен миром и всем. Ведь для него мое, наше приятие мира и покорность есть стилизация, он не может поверить, чтобы были покорны люди взаправду, – ... если у них нет свободных для сорения денег. Он понимает наше мировоззрение как *bonne mine au mauvais jeu***. Но вот я с Вами и с ним не согласен. Для меня в жизни слишком много больного, чтобы стилизоваться, и в то же время слишком много чувства живой благодарности за все Господу, чтобы унывать и приходить в отчаяние. Без всякой стилизации я другим и себе в особенности, говорю, что

и радость и горе – все к цели одной,

* Отсюда злоба (*лат.*).

** Хорошее выражение лица при плохой игре (*фр.*).

ибо вижу как из скорби *рождается* радость, и как радость вызывает скорбь. И вот, самая эта игра радости и скорби, при взгляде несколько сверху, прекрасна и благотворна для души. А я в жизни не радостей хочу, а спасения души своей. ибо слишком знаю малую цену и радости и скорби – все проходит, остается одна лишь БОЖИЯ ПРАВДА. Да и *мне*, баловню судьбы, трудно *без наглости* жаловаться: мне неизмеримо лучше, чем большинству. Главное, что может быть в жизни – я окружен хорошими людьми. Бог дал мне хороших родителей, хороших братьев и сестер (в основе), хорошую семью и с нею – вторую семью – ее семью; хороший уклад собственной жизни – осмысленную работу – дал жить около, под крылом преп. Сергия, Ангела Земли Русской, – дал интересы, – здоровье – все, что вообще дается лучшего. Да, бывают удары и шипки. Но без них не было ли бы хуже? Жизнь прожить – не поле перейти. Где уж тут думать о стилизации. Но то правда, что в моих книгах нет достаточной свободы. Что ж, не быть же мне в самом деле превосходным писателем. Право о себе я неизмеримо более скромного мнения, чем мои критики, полагающие, что я на что-то притязую и усиленно доказывающие мне противное. Но тщетное занятие. Лучше их я знаю бесчисленные недостатки, большие и малые, своих писаний, и постепенно стараюсь освободиться от них. Но особенно волноваться – не волнуюсь, ибо, повторяю, ни на что не притязую, а просто *стараюсь* быть самим собою – стараюсь, но *не емь*, ибо *стать самим собою* это и есть, по моему разумению, задача жизни. Не будучи самим собою я могу казаться не вполне естественным, напряженным, стилизующимся, да и емь это. Но, Боже мой, упрек в этом для меня, пред Богом старающимся *не* быть таковым, звучит *пусто*, как упрек офицеру в том, что он еще не генерал. Ну, Господь да хранит Вас и Ваших.

Любящий Вас священник *Павел Флоренский*.

P.S. Сообщите, что за книгу Вы выпустили? Я ни от кого не могу добиться. П. Ф.

LXXX

25 августа 1916 г. Сергиев Посад.

†

Дорогой Василий Васильевич! Хотя газет я вообще не читаю, но Ваш фельетон в «Моск. Вед.» все же дошел до меня. И, если Вы уж приняли к сердцу статьи Николая Александровича, то может быть мое понимание этого дела будет Вам и небезынтересно. Говорю «понимание», а сам чувствую, что надо бы сказать «непонимание». Ибо, по совести говоря, я не понимаю тут ничего, в Николае Александровиче то есть. Он ведь – благородный не только по происхождению, но и по личному характеру; он умен и тонок. А писания его, настоящие статьи, мне кажутся напусканием тумана в то, что весьма ясно, да и, попросту сказать, неискренними. Если хочет он, я скажу, что и в тайном устремлении его я понимаю его, хотя и противлюсь всем

сердцем, и в аргументации готов во многом согласиться с ним. Но аргументация вовсе не соответствует тайным устремлениям, и потому целое – как если бы Ник. Ал. учился у оо. иезуитов. Чего собственно хочет он? Церковь ли защитить от нас, или нас от Церкви? Если Церковь от нас – то зачем он сам нападает на Нее. Если нас от Церкви – зачем он нападает, что мы не такие, как Еп. Феофан Затворник, не все ли равно это Ник. А-чу? А если ни то и не другое, то неужели Н. А-ч хочет просто ссоры, просто вражды, просто ненависти. Выходит же как будто это именно, если он и против Церкви и против нас. Пусть же он скажет, *во имя чего он действует*. Повторяю, неужели же во имя разделения и ненависти? При его порядочности?

Итак, я не понимаю Н. А-ча. Я бы понял с его стороны открытую ненависть к нам, как к (мнимым) нарушителям Церковных начал; я бы понял и его ненависть к Церкви, как к (мнимой) подавительнице свободы. Но зачем ему нужно разделение того, что, *по его мнению*, и не соединено – понять мудро. Мы же его лично не обижали. Что в нем есть вражда к Церкви – это его дело, пусть он сам отвечает за нее. В нас же он не видит подлинной любви к Ней – «ну и тем лучше», должен был бы сказать он, а не обличать нас.

Но обращусь теперь к его аргументации по существу. Повторяю, если бы не тайная мысль Н. А-ча, то со многим можно было бы согласиться, хотя *не Н. А-чу подвергать нас суду*, церковному суду, которого сам-то *не признает*. Однако, мы на суд Н. А-ча призваны и он заседает в нем с «Кормчею» в руках. Нас обвиняет он в модернизме. Что значит это? Он и сам не объясняет, но косвенно поясняет, что мы – не то, что Еп. Феофан Затворник. Винаваты ли мы? – Сначала вопрос о составе преступления. Конечно, мы не то, что Еп. Феофан. Он – затворник, почитается праведником, мы же почитаем себя и есмы грешники. Он человек другого поколения (годится нам в деды), другого исторического времени чем мы, епископ, монах, другого общественного круга, и наконец, другая индивидуальность. Не быть как Еп. Феофан в одних отношениях прискорбно, хотя и не означает еще нецерковности, в других – и вполне дозволительно. Мы – в Церкви, а не в секте, и в ней «обитатели многи суть» и много типов не только бытия не достигшего святости, но и самой святости. Разве св. Константин Равноапостольный то же, что преп. Серафим Саровский? И разве преп. Сергей Радонежский то же, что свв. мученики? Так что же говорить о нас, *грешных* людях, в которых Церковь терпит и гораздо большее разнообразие и расхождение. Но, говорит Ник. Ал-ч, мы совсем не то, что Мих. Ал-ч Новосёлов, Вл. А. Кожевников и т. д. Однако пусть, в-первых, он вспомнит, что и Вл. А-ч «совсем не то», что М. А-ч, М. А-ч – не то, что старец Герман, нами всеми глубоко чтимый, о. Герман – не то, что о. Алексей Затворник и т. д. и т. д., и, наконец, С. Н. Булгаков – «совсем не то», что я. Неужели надо доказывать эту банальную истину. Но пусть теперь Н. А-ч объяснит, почему же все мы, будучи «совсем не то», что каждый другой, не откусываем друг другу головы, а напротив, любим друг друга и, более того, *признаем* друг друга в главном, в существенном, в основном, – что не мешает искренно и без раздражения и недоброежелательства отмечать друг

другу и точки расхождения во второстепенном, взаимные недопонимания и погрешности. Мы *стремимся* ни в чем не отступать от Церковной Истины; а отступаем ли – это нам скажет Господь на Страшном Суде. *В частности*, указания всякому на возможные и даже необходимые, по греховности нашей, по неочищенности сознания, по недомыслию и недознания, наконец, – на всякие погрешности слушаем с благодарностью, особенно когда они диктуются *любовью к Церкви же*, а не сторонними аффектами. Готовы выслушать внимательно и Ник. А-ча, даже такого, каков он есть, т. е. против нас раздраженного неизвестно за что. Но беда в том, что когда он высказывает *существо своих обвинений*, то мы просто не понимаем, что собственно требуется от нас.

Мы, говорит он, *стилизуем* в себе православие. Это можно понять в хорошую сторону, и тогда Ник. Ал-ч нас только хвалит. Ведь подлинное православие, – подлинная церковность не есть естественное свойство человека и достигается долгим подвигом, духовной культурой и воли, и сердца, и ума. Разумеется и мы, по мере сил, стараемся не уклоняться от подвига, которого требует Церковь, и разумеется – часто погрешаем, в чем не станем себя оправдывать и в чем каемся пред Церковью, с которой после сего Бог и «примиряет и соединяет» нас. Следовательно, если это усилие над собою (а усилие нужно там, где есть разность уровней – данности и заданности) называть стилизацией, а в несовпадении того, к чему мы влечемся душою и чему противится «закон кто», живущий в нас, видеть нашу характерную черту, то спорить с Н. А-чем мы не станем. Но можно все это понимать *внешне*. Напр., Анатолий Франс – стилизатор, в том смысле, что внутренне он вовсе не верит в высшую ценность той формы, которую понимает как образец для себя и втайне смеется над нею. Так неужели Н. А. полагает, что мы втайне смеемся над православием и не верим в него, и, следовательно, не воплощаем его по нежеланию? Думаю, что он этого не скажет. А если не скажет, то к чему и все остальные речи. Но можно ли сказать, какие выгоды получаем мы? Кто принуждает нас? Зачем мы ломаем свою жизнь, свои привычки, воспитание и т. д.? Гюисманс, изображающий, как его герой устраивает себе келью, совсем монашескую – с заказанной специально шелковой обивкой – ибо в католических монастырях, ради дешевизны стены красятся желтой охрой, и с ночным столиком с горшком в виде наложницы – это действительно стилизатор, да и то не до конца и не во всем, в нем есть и искренность. Но разве мы что-нибудь подобное делали или делаем? Мы многого по слабости *не* исполняем из того, что требуется, но мы *не* исполняем чего-либо с фальшивым сердцем и с внутренним отрицанием. Ник. Ал. правильно подметил, что мы не представляем собою ходячих канонов; но отсюда очень далеко до утверждения, что мы над канонами смеемся. Впрочем, Вам, ругающим нас за излишнюю каноничность, за излишнюю приверженность к канонам, это известно и переизвестно. Не стоит об этом и писать далее. –

Вот пока все, что следует написать по поводу статей Н. А-ча. Повторяю, мы люди грешные, но церковные в основе. Н. А-ч согласился бы признать последнее только под условием, чтобы мы стали безупречными. А с другой стороны, как ни драгоценней, по-своему, Еп. Феофан Затворник, им не ис-

черпывается беспредельность церковности, есть и помимо него много типов, степеней, путей... Но разве Н. А-ч сам-то всего этого не понимает?

Простите за длинное письмо. Господь да хранит Вас. Привет Вашим.

Свящ. Павел Флоренский.

1916. VIII. 25. Серг. Пос.

P.S. Как Вера? Кланяйтесь ей от меня и скажите, что я часто вспоминаю о ней. П. Ф.

LXXXI

20–21 ноября 1916 г. Сергиев Посад.

†

1916. XI. 20–21. Ночь.

Дорогой Василий Васильевич!

Сию за Вашим переводом «Метафизики» Аристотеля. Вечер. Все затихло. И глядяваясь в Ваши отличные примечания, я с удивлением отмечаю себе: «Ба, Василий Васильевич ратует за Платона против Аристотеля. Отлично. Интересно, помнит ли сам он о своей защите Платона и платонизма?»

Удивительно, до чего мы с Вами изошли из *одних* отправных точек. Мы идем самостоятельно, каждый по-своему. Но, задним числом, постоянно открывается какой-то параллелизм в ходе. Как хорошо было бы переиздать Ваш перевод «Метафизики», хотя бы ради примечаний, в которых уже проглядывает будущий Розанов. Непременно переиздайте, например, в приложении к сборнику «Природа и история» мною очень любимому. Слышите, *непрерывно*. Это во многом и многим пояснит ход Вашей мысли. Да, «Метафизика» Аристотеля. А то вот есть «Былое», «Колокол», Бурцев, Желябов и пр. и пр. Надо было мне как-то отыскать несколько исторических данных о некоторых малоизвестных революционерах. Взял я ворох изданий «Русской Историч. Библиотеки», где перепечатана всякая всячина в революционном духе. Пересматривал дня три, и чуть не проклял себя от тоски, скуки, тошноты. Революционной литературы я никогда не читал. А тут прямо утонул в море злобы, раздражения, мести, интриг, самовосхвалений, плутней... На душе стало так гадко, что я до сих пор, – прошла уже неделя – не могу наладить свою душу. Но и правые хороши. Прислали мне сегодня «Вешние Воды». Таких богохульств и кощунств, как там, особенно в конце, я в жизнь не читал и не слышал. Если борьба с евреями должна вестись *таким* путем, то пусть уж лучше еврею. Что это? Беснование? Под видом борьбы с евреями ухитряются высказать такое, на что и еврею не дерзнули бы.

Еврею, революционеру, суэта, злоба – как это все тоскливо. Почему никто не хочет заняться «Метафизикой» Аристотеля, говоря фигурально... Среди нескольких работ готовлю одну, в сущности о жизни, и полагаю, она должна быть в Вашем духе, если не теперешнего В. В-ча, то В. В-ча прежних годов. А ведь теперешний вырос именно из того, и должен понять собственные корни.

Большое спасибо за «Вост. мот.», II. Рисунки вышли милыми, особенно увеличения монет и т. п. Этих увеличений, доселе не использованных в науке, надо бы побольше, побольше, хотя бы чтобы приучить нас внимательнее смотреть на монеты. Вообще все мило, и дай Вам Бог довести дело до конца.

Таня спрашивает меня о каких-ниб. животных. Не понимаю, что требуется. Как любезно моему глазу и моему сердцу видеть в Вашей книге не механически, а от руки воспроизведенные рисунки. Она вся одушевляется; если бы еще и текст был не по Гутенбергу, а факсимиле – было бы совсем-совсем хорошо.

Таня здорова, бывает у нас, и мы все к ней от души расположены. Господь да хранит Вас. Привет Варв. Дм. и всем Вашим.

Ваш священник *Павел Флоренский*.

LXXXII

<После 25 ноября 1916 г. Сергиев Посад>.

†

Дорогой Василий Васильевич! По напоминанию, присланному Вами чрез Таню, спешу послать письмо Лихачева; простите, я о нем, за непрерывными делами и посетителями, забыл. К Лихачеву я давно питаю, помимо уважения, и нежные чувства: его копание в водяных знаках, в старых книгах, его вкус к конкретному и чувство рода сделали для меня Лихачева «своим». Выразить ему все это я не смею, т. к. полагаю, что он, вполне, важен, ибо обязывается к тому положением известного петроградского ученого. Но душою я имею с ним общение, этого и довольно, – чтобы не беспокоить его.

О Вас я думаю все время и часто говорю, отчасти по поводу ругания в газетах и журналах Вас и себя. Болезненно воспринимаю ругань на Вас направленную, не столько из-за Вас, сколько из-за нашего тупого и дряблого общества, дающего вертеть собою. Мне тяжело, что умри Вы – и станете *им же* приятным, *ими же* восхваляемым. И начнутся «ахи». «Как это не поняли! Как это не оценили», – вообще старая, надоевшая история. Но роковая ту-пость оковывает сознание общественное, и с нею ничего не сделать.

Вы пишете, что Лихачева не пустили в У-т. Что же, искренно поздравляю его с этим. Во-первых, это некоторый похвальный лист «за успехи и поведение», – за последнее – в особенности; а во-вторых, так он сделает больше профессоров; да и сделал уже. Слава Богу, что его не пустили.

Что касается до меня, то работы у меня все растет, и притом внешних помощников делается все меньше. Все время идет на «Б. В.». Но и из него ничего не выходит – без средств, без помощи... Ухожу в генеалогию, в историю, в вопросы наследственности, и т. д., одним словом, во все то, что развертывается около обрезания. Издаю документы по истории Академии и около, записываю живое предание и все более оцениваю нашу духовную школу. Сколько из того, о чем мечтают теперь учено-педагогические съезды для светской школы, молчаливо и скромно было у нас с самого начала! И какая неблагодарность – общество, держащееся Церковью и церковною школою не только ду-

ховно, но в значительной мере и умственно, и плюющего на источник свой. Обратите внимание на то обстоятельство, что большая часть *разных* течений – из духовной школы, и даже разные виды радикализма, не говоря уж об интеллигенции – оттуда же. Это не похвала школе; но общество, дорожащее радикализмом, должно было бы оценить хоть эту сторону: духовная школа НИКОГДА не задавливала индивидуальности, не нивелировала учащихся, и потому из нее выходили *всякие направления*. Удивительно, до чего терпима она (беру это в *среднем*, нашим), сравнительно со школой светской, и до чего светская, либерально-интеллигентская «культура» непримирима и инквизиторска.

Простите за неразборчивое письмо. Иного написать никак не могу, а написать надо.

Приветствую Варвару Дм. и всех Ваших. Дружески обнимаю Вас. Господь да хранит Вас и да даст Вам сил и здоровья. Любящий Вас свящ. П. Флоренский.

LXXXIII

<Февраль–март 1917 г.>

†

Дорогой Василий Васильевич!

Хотел бы написать Вам с Таней большое письмо, но не успел; пишу два слова. Нам всем очень жаль, что Таня уезжает; мы к ней привязались и полюбили ее, и без нее будем скучать. Но удерживать ее я не считал возможным, ибо слышал, что Вы чувствуете себя плохо и ослабели. Пусть же она побудет около Вас.

Спасибо за 3-й выпуск по Египту. Ваша книга в целом – отличная, я рад, что Вы издаете ее и от души желаю Вам довести ее до благополучного конца. Стоя несколько в стороне от Вас и не имея личного соприкосновения последнее время, я более объективно думал про Вас и пришел к тому выводу, что Вы сделали великое дело, м. б., величайшее дело многих веков. Я около Вас и с Вами, м. б., потому понимаю Вас. Но сейчас все же невозможно оценить значение и величину всего, сделанного Вами. Может быть, сто лет должно пройти, чтобы утихли мелкие страсти около Вас и из-за Вас и Вы выступили из этого тумана великим открывателем важнейшего начала мира и культуры. Но, зная все это, я не могу не видеть, что мы с Вами находимся под перекрещивающимися и со всех углов бороздящими воздух злобными и ненавидящими взорами скопцов, как пауки ждущих пожрать нас и ненавидящих всем нутром своим. Все острее чувствую это, и знаю, что пока весь дух нашей культуры не переменится, это будет так. Но я с Вами, не в том смысле, что смею себя равнять Вам, а говорю про единомыслие, одиночество, единовосприятие мира. Вы свершили уже главное своей жизни; я, если Богу будет угодно, только начинаю. Но я чувствую, что то главное, о чем говорили Вы, как-то развернется впоследствии и у меня, и в каком-то смысле я продолжу Ваше дело – углубления мирочувствия.

Господь да благословит Вас и да даст Вам силы и разум. Не теряйте себя по мелочам, не раздражайтесь и не раздражайте по пустякам, но твердо идите своею дорогою – к Живому Богу. Любящий Вас Священник Павел Флоренский.

†

1917. VIII. 8. Сергиев Посад.

Дорогой Василий Васильевич!

Что писать Вам? Хотелось бы – просто сказать утешительное. Но утешительные слова просто не идут у меня из сердца. Мне сравнительно не так трудно взглянуть на судьбы России или, – так называемой, России поперек Времени и увидеть нужность происходящего в ней. Да, нужность, ибо круг освободительных идей, раз начатый, неминуемо должен быть сомкнут, и начав Петром, продолжив декабристами и западниками дойдя до высшей точки, эти идеи не могли уже быть тормозимы. Мы переживаем кризис западной идеи. Если Россия не погибнет, она должна сломить в себе западничество. Но, увы, интеллигенция, что бы там ни происходило, своей гордыни не изменит. Она не умеет каяться, она не умеет сознавать свою вину, она обоже- ствилася и считает непогрешимой себя и виноватыми всех, только не себя. Но, повторяю, *этот* процесс все же можно понять – только не духовное ведомство. Тут столько гадкого, грязного, предательского, столько мелочности, самолюбий и интриг, что я не умею на *это* взглянуть спокойно. Может быть – потому что слишком близко поставлен волею Божию к жизни духовного ведомства. Только никак не могу принять то, что вижу, и меланхолия, отвращение и подавленность овладевают мною. Вот почему я, все лето делая усилия над собою, не мог выдавить из себя и пары слов.

Шаг, сделанный Вами с заказным письмом, мне не совсем понятен: и запоздало письмо, и не дойдет до адресата. Догадываюсь, что Вы потеряли голову... или наоборот. Ваше умоление пред «пониманием» показывает, что Вы возвращаетесь к настроениям юности. Давно бы так!

9 и 13 августа 1917 г. Сергиев Посад.

†

1917. VIII. 9. Серг. Пос.

Хотелось бы сказать Вам, дорогой, что-нибудь утешительное, такое унеживающее, чтобы Вы забыли на время все горести, и обиды, и беды, и глупости – свои и чужие. Но оставим их. Писал я Вам многократно... А все-таки люблю Вас, таким как Вы созданы Богом. Из этого можете догадываться, что писал не восхваления и не одобрения. А все-таки, вот пересматривал «Уединенное», «Опавшие листья», корректуру нового сборника – от Ф. К. Андреева – и снова открыл для себя Вас, Вашу исключительную одаренность и, в сущности, в какой-то последней, Страшного суда, сущности – Вашу детскую невинность... И снова в мире с Вами и обнимаю Вас. Кто знает, увидимся ли мы. Так унесите с собою, что и я, когда говорил Вам неприемлемое Вами, – не зря, не в воздух говорил, а что-то имел за собой. Ваша правда и моя правда

на земле не пересекаются в одной точке; но в Бесконечности они все же одно, хотя мы того не можем понять. А пойдем когда-нибудь...

Вот Вам маленький материалец, на Ваши темы. Приходит ко мне недавно парень, кровь с молоком, рослый, мужественный, высокий; «силушка по жилочкам переливается». Видом скромн и несколько конфузится. «Я к Вам о. Павел за делом...».

Пригласил его к себе. Оказывается, он – крестьянин, приехал за 150 верст. Хочет жениться: сошелся с девицей старше себя, лет на 5, и ждет ребенка. Но как жениться? Ему, по метрике, нет 17-ти лет. Просит обвенчать. Но у меня нет ни книг в церкви, ни дьячка... – К митрополиту был. «Не могу разрешить, Вы не можете быть в браке». Направил его по приходам, – все священники отказываются, «не можем». Вот случай. Говорят все, что он не может быть в браке, – а у него *уже* есть ребенок, опровергающий возражателей. Да, по силе его, ему можно бы не одну жену, а семь. Между тем, конечно, надо бы предоставить родителям в сообществе со священником решить, может ли быть парень в браке, или нет. Нельзя нарушить закон, но закон-то *гражданский*, а вовсе не церковный, по церковному же законодательству можно женить уже чуть не в 14 лет.

Часто видимся с М. В. Нестеровым, и часто и по долгу говорим о Вас. Он просит Вам кланяться и любит Вас.

1917. VIII. 13.

Покуда писалось это письмо, получил Ваше. Спешу ответить:

1) в монастырской гостинице устроиться никак НЕЛЬЗЯ, даже на неск. дней.

2) Имеется великолепный (по Посаду) дом преп. Беляева с удобствами. Советую не упускать его, ибо в Посаде квартир *даже* неудобных нет. Ц. 60–70 р. Это *очень дешево*, ибо 1 комната тут теперь около 40 р.

3) Относительно провизии неважно, но лучше чем в Москве, и значит, гораздо лучше, чем в Петрограде. Пока что хлеб белый и черный дается, и сейчас – хороший. Говорят, муки ни в Москве ни у нас далее не будет, но ждут подвоза. Молоко, м. б., получите, овощи дороги, но есть, мясо по карточкам, дорогое довольно, есть, неважное.

4) Дом Беляева удобен тем, что там вся обстановка, кровати, даже посуда и утварь. Подушки Вам хотят дать Александровы.

Если приезжаете, то приезжайте скорее, временно предлагают устроиться у них Александровы.

Привозите свой архив, монеты, вообще все ценное, ибо я сильно опасюсь, что в Петроград уже более Вам не попасть. Главное – привозите бумаги, все по возможности. М. б., здесь, когда цены неск. спадут, займетесь *издательством*.

Очень прошу, привезите мне мои письма, я боюсь, что они попадут в чужие руки, а это тяжело было бы.

Жду вестей. Дайте знать скорее о своем решении. Ваш свящ. П. Флоренский.

1917. VIII. 13.

ПИСЬМА В. В. РОЗАНОВА
к П. А. ФЛОРЕНСКОМУ

1

<20 сентября 1903 г., СПб.>

Очень трудно Вам отвечать, дорогой П. А.! Все так *лично* в Вашем письме; в «утешение» могу сказать только, что получаю и письма столь резкие и презрительные, как редко «смертному» удастся. – Теперь серьезно: и я *иногда* чувствую, что «недаром послал меня Бог». Лет 5 назад стою в часоуенке, пустой, вне – службы: гулял с своим ребенком и зашел. Он молился или шалил, – и мелькнула мне до сих пор запомнившаяся мысль: «Верно, не было никогда еще человека до такой степени чувствующего себя *иностранцем* везде и со всеми и всегда, где и куда бы он ни попал, как я. Только *обрывки* звуков кругом слышишь, слов, событий: и с ними сплетаются, занимая □ поля души, какие-то *свои* звуки, картины, и проч.». Я тогда же, когда мелькнуло это определение, сравнение, картина, почувствовал: до чего это *точно* и выражает *главное* во мне. Ну, вот я и устал: так много печатаю, что давно отказался от частных писем. Но не скрою, что письмо Ваше мне было отраднo получить, и я попросту и без ломаний жму Вашу руку и целую Вас.

В. Розанов

Удивительны стихи Тютчева, Вами приведенные: да у нас философия была и есть ранее и помимо философов *ex cathedra**.

2

<12 ноября 1908 г., СПб.>

Благодарю Вас, милый Флоренский, за труды Ваши. Не увлекайтесь длиннобородыми, постники: не добры они, и к добру не приведут. Они эстетичесодомиты – и Бог с ними. Царский путь – размножение. Жму руку. Богослову проф. гебраисту – поклон.

---

* С кафедры (лат.).

<20 ноября 1908 г., СПб.>

Дорогой Флоренский! Читаю Вашу книгу. Очень нравится по упорству Вашему, по старанию: тут что-то армянское. Русская рассыпчатость такой «долбни» (в хорошем смысле) не выдержит. У нас и капиталы рассыпаются, и диссертации не кончаются. Но Вы свою кончите.

И вот мне захотелось попросить такого трудолюбивого, так одушевленного истинно человека: разрешите же Вы мою тоску многих лет, мое $\sqrt{2}$, будьте мне Kantor'ом: как существуют в христианстве и оставляют христиан, и именно величайших из них, настоящих, детоубийства, в комплексе сопутствующих обстоятельств, словом, по-научному, а не «с кондачка» («злоупотребление», «нерадение», «временная слепота» и проч.: всего этого я не приму). Если Вы мне это разъясните, как Kantor, $\sqrt{2}$, то я признаю Христа Сыном Божиим. Без этого для меня все, не только Аф. Великий, но и Ап. Павел и Сам – просто содомиты* ($\sqrt{2}$ пола) и больше ничего: и я ко всему христианству, ко всей церкви просто не имею даже любопытства. «Черт с ними и с ним» – вот и все. И тут Вы меня добренькими старичками не надуете: «тот подал хлеба», «этот изрек словцо». Да черт с ними со «словцами» и с «хлебцами», если трансцендентно от всех именно Серафимов и Амвросиев детей новорожденных в чанах топили и на собственной пуповине матери удавливали. И неужели Вы, поняв Kantor'а, не понимаете, что это в связи с содомско-бессеменным зачатием, и с Голгофой, и с Вашим Гефсиманским садом, который мне представляется не лучше леса Бабы-Яги.

Ну их всех к черту.

И всё к черту.

Плюю на всю эту их гадость, и «сады» и «кресты», и «воскресение вдовы Наинской»: на весь этот фальшивый банк, забравший наши денежки (= наши сердца, нашу совесть) и пустивший их по ветру (= охлаждение мира, порочность мира).

«Троичность»... О, Боже: да ведь есть Deus-Solo: Pater omnium cujusque**. Но пришел Он и потребовалось «Дву-Троние», как Петру и Иоанну при Софье. И началась казуистика Афанасия и Credo quia absurdum*** Тертулиана, над которым Вы так умиленно стараетесь. Боже, до чего все это глупо и просто: пришел Некто и сказал: «Я тоже Бог»... Ужаснулись (распятие), пошатнулись (ап. Павел), укрепились (Афанасий): и успокоились на песенке. Когда правдив и логичен, конечно, только первоначальный испуг.

Арий не договорил дела: не «ομοιοουστος»****, а «Ангел, который был ближе всех к Богу, и захотел стать Богом», что при Еве не удалось, а при

* Бессеменное зачатие («А» Евангелия) есть именно и только зачатие в онанистических восторгах, или зачатие в урингах и урингами.

** Я есмь Бог. Отче всех и каждого (лат.).

*** Верую, ибо невероятны (лат.).

**** Подобосущный (греч.).

простодушных «пастухах и плотниках» удалось. Вот разгадка всего, и полная, дальше которой нечего разгадывать. Но с этой точки зрения Вы видите, какая белиберда есть все Ваши старания и, извините, – Ваша книга.

Не понимаю: не считаете же Вы меня идиотом; а если не считаете – *должны* мне ответить; в полете Вашей фантазии или мысли должны *как через убитого* (= побежденного) переступить через Розанова. Сделайте это в письме или печатно, буду *ужасно благодарен*.

Ваш В. Розанов.

4

<30 декабря 1908 г., СПб.>

Спасибо Вам, дорогой и милый Флоренский, за письмо: я уже думал, что Вы *не хотите* отвечать, и как-то скорбел в душе. «И этот прошел мимо», «не взглянув» (в дыру моих сомнений). Но Вы ответили, и так внимательно, подробно, *свободно и широко*.

О содомии Вы угадали: конечно, я не боюсь ее, и выставил: христианство = содомия для популярного возражения, в очах толпы. Мне Властов («Летопись народов») сказал, – на мою любопытствующую обмолвку: «Но Содом... это я не знаю, это *Сам Бог не может простить*». Но вот: в тождестве содомизма и христианства я *внутренно* убежден (не педерастии, а *настоящей* содомии, которая бывает и духовная, без физики). И именно нынешний год это убеждение у меня окончательно созрело. «Как брату моему» я Вам скажу, что из *любопытства* я испытал содомию (этот год), но увидел, что «не имею вкуса», для меня – ничего не представляет, но *побочно* заметил, до чего она *предустановлена* в природе, как $4 : 2 = 2$. «Все очень соответствует».

Читаю дальше, с 5 стр-цы.

Дело в том, что самая идея (и факт) бессеменного зачатия, этот «А» Евангелия – что *иное* может представлять, под каким углом может рассматриваться, как не 1) содомии или 2) онанизма? Ничего *третьего* мыслить нельзя, как около-содомические восторги, где или участвует себе подобный «друг» (у женщины – «сестра и подруга»), или и вовсе никого нет, а «святой» смотрит в лес и небо и в конце концов у него сходит плоть, или у восторженной девушки «сходит» же, или во всяком случае волнуется, сияет пол «на весь свет». Возведите все это, но именно *это*, в перл слова, придайте *умиление* этому, придайте несказанное – и Вы получите изумительную главу о «бессеменном зачатии». Этот год мне пришлось «поговорить около этих тем» с людьми, которых я годы знал, – и которые все суть духовные содомиты (целая семья Гиппиус): удивительно духовны, спокойны, «ярости к плоти» нет, это – совершенные спиритуалисты, совершенные монахини, *врожденные* (Мережковская-Гиппиус – осутилась литературой и не в счет). Поразительны 2 сестры, скульптор и художница: первая мне сказала, на слова о замужестве другой: «Да, я была бы ужасно опечалена: это как если бы Таня *с ума сошла*, но не умом, а *существом*»

всем своим. Она не может выйти замуж и конечно никогда не выйдет» (по ней «сохнет» один молодец). Сказать, что эти 2 сестры «живут» между собою, утвердительно я не могу: но, по-видимому, это так. Никогда даже ни 1 сутки оне не расставались, и их нельзя представить раздельно. Глубоко нежны между собою: «Таточка», «Наточка». Ни одной никогда ссоры: а ведь это часто бывает. Обе – глубоко спокойны: никого не ищут, ни в ком не нуждаются. «Полная семья» вдвоем. Полное удовлетворение. Глядя на них, невозможно осудить их: никого не трогают, невинно прекрасны. Обе очень умны. Когда я погрозил пальцем одной и сказал (намекая на лесбиянство): «Смотрите: гони природу в дверь (т. е. что для них не существует замужества), она выскочит в окно» (содомия), она тихо и задумчиво ответила: «Для меня это и есть дверь, а выйти замуж – было бы выскочить в окно». Не правда ли, до чего глубоко, до чего выражает суть дела! Бакст (художник), член содомского кружка, издававшего «Мир искусства», – женился на Третьяковой. Пошли неясные слухи, что он неладно себя чувствует, болен и проч. Приезжают в СПб., и я пошел к нему: я не узнал этого цветущего юношу-деву, всегда веселого, жизнерадостного, цветущего, поэтичного (они все поэтичны): дрожащий, полусумасшедший, наполненный страхом, что он скоро умрет, ничего со времени женитьбы не нарисовавший (он живописец) – он был тень прежнего Бакста, «скорбный листок» над постелью больного. Вид его был ужасен: буквально – прежнего Бакста не было! И вот по совету какого-то умного врача, сказавшего: «Если Вы в себе ничего не цените – оставайтесь с женою; но если Вы в себе сознавали какое-нибудь значение, если вообще Вы думаете, что погибнуть Баксту – это не то, что выплеснуть стакан воды за окно – Вы, спасая себя, должны разлучиться с женою». И он – разлучился (однако, родился у них ребенок): и сразу воскрес, опять «он», опять милый «Лев Самойлович». Тогда я стал думать: да что такое для содомита-девы совокупление с женщиною? Это, coitus cum femina, для него и есть (как для нас) акт педерастии, что-то глубочайше противоестественное, с чего «рвет», «тошнит» и «ум мутится» от гадливого чувства! Напротив, ласки с мужчиною для него – то же, что у нас ласки с женщиною, «сама натура». И я стал думать, что вообще пол и его жизнь движется по эллипсу:

где в местах загиба эллипса образована содомия.

До чего они чувствуют себя *законными* и *натуральными*, видно потому, что они настаивают на праве между собою браков.

В $\frac{9}{10}$ содомиты физического сближения не имеют, а образуются «дружбы», «соквартиродства», «сокелейничества» – прекрасны, тихие, мечтательные.

Обращая внимание на тихий (часовщики) характер евреев и на их *милое* обращение с мужчинами (заказчиками), и вообще *приглядываясь* к евреям, я стал думать, что это целая нация с $\frac{1}{10}$ – $\frac{1}{20}$ в себе содомии, что это удивительно женоподобная нация: и «Ветхий Завет» («обрежься», т. е. *обнажи* головку члена: ибо по Талмуду, если после обрезания кожа оттягивается и *закрывает* головку, то «обрезание недействительно» и повторяется вновь; напротив, в редчайших случаях, когда младенец рождается с открытою головою – то *обрезание не производится*; стало быть, «обрежься» буквально значит: «Навеки, навсегда *залупи член*, – чтобы ни на секунду он не был *не залупленным*: Мне так нравится»), – обрезание есть «завет», «союз», «брак», вот этот у нас *недозволенный*, – между Израилем и Иеговою. А «дам тебе землю Ханаанскую» – это вено, даваемое мужем и женихом (Иегова) Израилю (невесте). Вчитайтесь в пророков: что такое «злоба» Иеговы на Израиль: да это старый («Ветхий деньми») муж ревнует молодую жену свою. *Все* пророчества, все громы против «неверности Израйля» – это громы Небесного – Старца – Платона против изменившего Ему Федра – Ганимеда – Агафона. И – только! *Прислушайтесь* к тону пророчеств: буквально это скрежет зубов мужа, который лежит под кроватью и слушает, как его «молодуха» совокупляется с любовником! Тут кроме «титек», «ляжек» и «лона», – «оскверняемого Ассуром и Египтом» (брак евреев с *чужеродцами*) – ничего нет. «Обиженная вдовица» – только «приложение». – – –

Ну, будет.

О детоубийстве.

Дорогой мой, Вы все-таки меня не убедили. Что до того, что римляне и в Спарте убивали детей. Ведь это были в своем роде «несознательные рабочие», не рефлексивные, без «математики» в теме рождения. Римляне же были просто «старообрядцы», помешавшиеся на «двуперстии», т. е. на культе, жертвоприносительной *обрядности*, и дальше сего не проникавшие. О деторождении *понимали* только евреи и христиане, одни поставив здесь «+» и другие «-». Так вот я приведу Вам на счет этого примеры: встречаю я отвратительную, большевроскую, болезненную жидовку в «с.-д.»; о ней мне потом рассказывают ее друзья русские (мои родственницы): «отличная душа... редкая девушка... (смех)... *мать ее все упрекает: тебе 29 лет, хоть бы ты от КОГО-НИБУДЬ забеременела*». Дорогой мой: так ведь что все *пошлости* и *ПОДЛОСТИ* Кормчей, Заозерского – Громогласова и даже *сладенькое*: «Что Бог *сочетал* – человек да не разлучает» против этого голоса старухи-матери жидо-русской социал-демократке: «Ты ушла в пропаганду, ты – уже не еврейка, откололась от нас: но *лоно мое болеет* о том, что ты все еще не беременна: отдайся хоть кому-нибудь из этих собак-христиан, собак-революционеров, но лучше, конечно, какому-нибудь Ицке-революционеру, и *утешь*

мою утробу – беременностью твоей утробы»). Боже, до чего этот говор где-то в углу пропаганды, в сырой комнатухе Петербурга – до чего он значуще и священнее всех наших пошлых богословий.

Еще:

Швейцар мне рассказывает: «В. В., напишите в газетах, такой прискорбный случай вышел: пришла в Петербург на заработки моя племянница, сирота и темная безграмотность. Случился с нею грех; была на ту пору она у евреев: и *хотя она совсем неумелая кухарка, но евреи ее держали, пока она не разрешилась*. Родила. Крестили. Отправила в Воспитательный: но там спросили копию метрики. Она – к псаломщику (имярек): тот выносит копию, она взяла. «А рубль?» – спросил он. «У меня нет рубля». «Так *подай назад*», – и хотел вырвать. Но она убежала. В. В., напишите в об этом в газетах: где же ей, несчастной, было взять рубль».

Так вот, дорогой мой, неужели же в освещении этих 2-х фактов станете Вы мне хныкать, как Дернов – Заозерский – Громогласов – Филевский, что «христианство благословляет брак», «у нас есть *венчание*», и проч., и проч., и проч. Будет: оставьте ослам ослиное и ответьте прямо и честно:

Мы, христиане, – ненавидим брак!

Мы – люди духовные!

Мы – люди идеи.

Идеальный мир – выше или по крайней мере не ниже плотского.

Идите к нам – в этот духовный мир, оставив эти пеленки и юбки и всякую нечисть.

Хорошо, я соглашаюсь, что Ваш «духовный мир» выше плотского. Но *оставьте мне мое маленькое*!! Пожалуйста – оставьте! Соглашаюсь, что я бездарен, комар: но предоставьте комару *комариное царство*: а если Вы его *раздавили*, то я уже из комара обращаюсь в Голиафа и получаю ПРАВО кричать:

«Вы – от Диявола, а не от Бога: и все ваше царство – *Сатанинское*».

Что я и делаю томах в 6-ти своих трудов; *это – и ничего более*.

Вы – богаты, я – беден, Вы – высоки, я – так себе. Ведь 1000 сапожников только и имеют утешения, что «жинку» да «Ванечку» в колыбели: ведь человечество – *стадо* (в хорошем смысле) и живет *самым маленьким*, травкой, мутной водицей в ручье. Куда ему до евангельских «пирожных»: и «некогда», и «не понимаю». Но в «жинке» всякий понимает: встал член – совокупился (не осуждайте за грубые слова) – наутро нежнее провел рукою по щеке ее – к вечеру жинка не очень трезвого его прибрала с улицы на кровать. Смеет ли же гордая – сатанинская церковь сказать: «Как это низко! Вот есть *семинарии*: там – занимательно! Учат философии и гомилетики. А *vulva* жены – пхе! пхе!».

Отношение церковное к семье – возмутительно: не понимаю, как можно еще его «комментировать» (Громогласов – «О Кормчей»). Это – говно, которое просто надо выбросить. Оно – двулично, притворно, злобно, высокомерно, и – «таинство». Тут единственно «таинственная» сторона – «подай рубль за метрику». Ослы-попы *до того бездушны*, что ни одному не пришло на ум,

зная *все по исповеди*, поведать церкви («повеждь церкви»), что же именно такое, какие ужасы творятся в христианской безразводной семье! И ни один из этих мерзавцев не поднял голоса за развод! Вы обещаете мне fall'ы на том свете (зачем они мне? *Я там* хочу встретиться только с Варв. Дмитр., женой моей, но встретиться – *обновленным и очищенным*, понеже «скверен есмь») – но о духовенстве *сплошь* я уверен, что оно будет сидеть в соленой воде, будет жаждать – и не напьется.

Ни один из духовенства не войдет в Царство Небесное: они несут сословный, классовый, церковный грех, преступление своей церкви на себе – и не войдут и не увидят Бога.

Но я отвлекся.

Итак, жена и дети для человека – как трава для вола. «*Единственное и без чего не может жить, не имеет утешения*^{99/100} человечества». И вот в этом-то пункте поповство и церковь и наступило на горло: «Полно тебе с *женами* возиться: сказано – «не от крови и похоти», а «от духа» – надо родиться. Поступи в семинарию и учись, или поди к старцу – и повинуйся». Промен. Да позвольте: *надо спросить человека*, хочет ли он меняться. Что это за насильственный промен! Вы скажете: «Церковь *венчает*». А вдовы попы? А разведенные, которым запрещен брак? А студенты, гимназисты *старших* классов, а 18-летние гимназистки, а солдаты и офицеры? Как Каин убил Авеля, так Каин-Церковь везде «предала» брак в руки сурового и *слепого* государства (= Рим), сказав: «Гвоздите по голове это мое «тайнство», *запрещайте* кому хотите – только чтобы оставшаяся часть у нас – венчалась и нам *платила*». О, эти «серебреники» церковные, не жгут они рук церковных, ибо давно прожжена церковная совесть. Итак, как вол *суток* не может жить без травы, так юноша от 15 лет и девушка с 13 (в 90%) не могут полных семи дней, не впадая в онанизм или дурное воображение, обойтись без *дружка /подружки* в постели, и *не должны*. И все эти искориотские «не дозволено», «не благоговляю», «*ограничиваю*». «Велю ПОДОЖДАТЬ» – свергли человечество:

в онанизм,

в проституцию.

Растлили воображение человеческое.

Испортили нравы, улицы, села, фабрики,

навели уныние,

породили отчаяние,

скуку, томление и –

все с ними связанное,

от Байрона и Гейне

до кафе-шантанов.

Во главе же всего, у тех, кто не выдержал искириотских правил Иуды, кто как Авель бежал от завистливого (молох) Каина и рождал –

ДЕТОУБИЙСТВО.

Это – уже не эмпиризм римлян, а «христианская идея», христианское *идейное* детоубийство. И, друг мой милый, но бессознательный в

этом пункте, – сами Вы теми «преlestными» страницами письма, где пишете о высоте «надполовой», «сверхполовой» (это-то и есть содомский спиритуализм) жизни, – положили листочек на ту чашу весов, где надписано:

«убей дитя».

Вы писали о римлянах, а я напишу о евреях «с залупленными fall'ами»:

1) еще новобрачный юноша – три года его не берут на войну.

2) еще он (муж) в возрасте неработном, то три года его кормит тесть и затем свои родители.

3) для новобрачного «все миквы» (суточные обязательные обряды) отменены: понеже исполнение супружествования равняется перед Богом всем миквам (заповедям).

И, конечно, у *евреев* даже и не перепускали бы из 3-го класса в IV-й гимназий и гимназисток без обручального, женного кольца на руке, и целомудрие расцвело бы, революции бы не было, смуты, самоубийств и дебоша на улицах не было бы.

Боже, до чего понятно, что церковь *одна во всем* виновна, виновна в каждом пьяном на улице, в каждом распутном в бардаке, в каждом удавившемся, во всяком картежнике. Ибо *все* пороки от А) бессемейности и В) разложенной или неудачной, озлобленной семьи («нет развода»).

Против Иисуса я имею один документ, это Матф. 19:

Можно ли в одной фразе, для произношения – всего 10 – 2 минуты, сказать столько *дальновидного, клеветушного и убийственного*.

Жиды были, изволите ли видеть, «жестоковыйные», и *только ради* «жестоковости» Моисей им дал развод. Это – прямая ложь! Развод дан и существует, очевидно, для *не ожесточения* нравов. Попробуйте с *неприятным человеком* жить в одной комнате: и его, который для Вас был «так себе» – в силу невольного сожительства, – Вы *возненавидите*, да нервно, мучительно, от надоедливости, оттого что «вечно торчит тут». Итак, запрещением развода Иисус ввел ожесточение мужей на жен, жен на мужей, и как Бог или (по-моему) Темный Ангел, *знающий будущее* – не мог этого не знать, знал!

Он знал, что прольется кровь, что подымится нож! Что трепетные руки задавленной мученицы-жены станут искать мышьяку.

Он знал это. Вы же говорите, что «Бог» – ну, тогда – знал, знал!

Да и чего пятиться назад:

«Я пришел разделить отца с детьми» (вот они «Отцы и дети» Тургенева, где их *христианский* корень) и жену с мужем и проч.

Ну, этого – *пожелал*.

А орудие исполнения желания – запрещение развода!

Но зачем клеветать: зачем *кроткую* еврейскую семью, *кротких* евреев-мужей обвинять в той самой *жестоковости*, которая только потом и у христиан появилась под влиянием запрещения развода?

Вот этот состав *прямой* и *явной* клеветы у Иисуса для меня и есть документ против Его божественности и *доброты*. Я не верю в Его *доброту*. Поверь я в Его кротость и доброту – и я был бы Его. Но этого нет и не будет. Это невозможно. Я имею документ, Матф. 19.

Знаете ли Вы, что и Он Израиля возненавидел, и Иерусалим разрушил за *добрую семью*, которую почему-то Он ненавидит («Разделю родителей с детьми», «посею ссору»). Он знал, что дураки-римляне (детоубийцы) Ему попадутся, эллины – попадутся, а *евреи – никогда*. И Он евреев – уничтожил, устроил против них «погромную историю».

Это не евреи Его на крест возвели (что Ему Богу – не больно), а Он их поволок по улицам старого Данцига, Лейпцига, Белостока, *их людей*, – *котормым больно!!*

Я не понимаю, как Вы при Вашем уме и *свободе суждения* не видите этого *дневного света!!*

Ведь все так очевидно! Боже, как очевидно!

Нет 2-х заветов: есть *один* – и его *ниспровержение*.

«Не надо обрезания – пусть будет крещение».

«Крещение – это *то же*, что обрезание» (битва при Марафоне *то же*, что Волжско-Камский банк).

«К черту Моисея: да будет д-р Дубровин». Вот и все, и весь *перелом*; «наше спасение» и «Слава в Вышних Богу и на земле *мир* и *благоволение*».

Да это – просто оперетка, «птички певчие», пропевшие в Шато-Кабакке херувимскую.

Ну, устал. Жму руку.

Ваш В. Розанов.

5

<7 января 1909 г., СПб.>

Дорогой Павел Александрович!* Вы рассердились на меня за мой опыт с.?. «Готов заглянуть хоть в вулкан, чтобы знать, что там делается». Но есть и другая гипотеза: «Молодой профессор хочет явить перед слушателями *Philosophia prima*** (Арист.) во всей ее красоте невинности, – и себя не ударить в грязь после Кудрявцева»: а потому: «приемов нет и дверь закрыта». Я не смеюсь: у нас так много плохих профессоров, что немножечко любя Россию и надо «закрыть дверь и никого не принимать». Только, дорогой, – мне больно думать, что Вы меня презираете за опыт. «Так хочется иметь уголок в чужом сердце». Но я знаю, что презрения не заслужил – и претендовать не могу и *не хочу*. В. Розанов.

---

* У меня память скверная, и я лишь вытащив письмо Ваше для адреса — вот пишу. Я все моментально забываю, имена, годы, цифры.

** Первофилософия (*лат.*).

<конец марта 1909 г., СПб.>

Вы меня не забыли, милый Флоренский? Спасибо, – это лучший мне подарок к Пасхе. – – – Мне б. очень печально, что Вы не ответили мне на последнее письмо (мес. 2 назад), и я думал, что Вы не хотите отвечать. «Возненавидел меня брат мой»... И я долго мысленно принаравливался, как написать Вам, с той или другой стороны Вас задеть и вызвать ответ. Я думал – Вы меня жестоко упрекаете, и вообще «ореол Розанова» померк в Ваших глазах («ореол» в смысле «хорошо», «+»). И вот Вы вспомнили, и, значит, все хорошо.

Не судите меня очень за любопытство... Конечно, я все заботливо пишу на счет своих «признаний», что погрузился в такую-то и такую-то «нечистоту». Правда, я слаб в любопытстве, как баба (с гимназических лет), и кроме того я странно безволен. Воли у меня нет никакой, и как-то, объясняя себя другому, я сказал: «Меня всякий ничтожный человек может взять за руку, за нос, и вести, куда он пожелает. У меня никакой силы сопротивления нет». Я думаю, во мне есть только одна черта настоящая и хорошая: беззлобность. Ни на кого *не умею, не могу* сердиться. Литературный «гнев» есть пафос чернилницы: в душе – никакого гнева. Тут некоторую долю исключения составляет «духовенство», «церковь» etc.: тут – под давлением лет размышления – я вхожу в пафос, но это чисто идейный или *произошло* от идей... Вражды к *лицам* все же нет.

Так и жена моя на меня смотрит, и я передаю почти ее слова – ее оценку.

Теперь мне все же хочется Вам признаваться и признаваться. В моих мыслях за что Вы на меня сердились: «Р. изменил *дому* своему, жене своей, детям своим: он не настоящий человек, а ложный, как почти и все, допустив хотя бы и из любопытства s». И это – так и немножко не так. Я сам очень грустен по этому поводу. Нужно заметить, что «s» состоит вовсе не в том, как обычно предполагают, как описывают медики и знает полиция: годами углубления я пришел к выводу, что «это совсем, совсем не то». Платон («Федр»), описывая, ведь и говорит, что «гадость то, что делают матросы на кораблях и солдаты в походе, *по нужде и за недостатком feminaum*. S заключается в некоторой метафизической страсти («...и не бойся он показаться безумным – он зажигал бы *лампады*») – перед любимым *puer** – «он лежит на пороге его комнаты, оставляет родителей для него, и думает только о том, как бы прикоснуться к нему, приласкать его, поцеловать его». Эти слова Федра-Платона, конечно, могут получить себе настоящий комментарий только у сартов, с их безумным волнением и буквально обожением красивого танцующего перед толпою мальчика. Там есть специальное слово. Конечно, с *этим* мальчиком у *этих* сартов никогда не дойдет до *coitus per anum* (медики, полиция, суд). Но *что* же это? В *чем* дело?.. Как я Вам сказал, я *вкуса* не имею, но

* Мальчик (*лат.*).

я попробовал *имитировать* то, что очевидно *бывает*, и что, если обдумать это со всех сторон, от корня, от древности, обдумать в *неуничтожимости* своей, есть в *природе вещей* – в *крови, в костях* человечества заложенный, и, следовательно, истинный и должный, неистребимый *cultus corporis, sanguinis, semenis**. «Богослужения нет, а дело совершается». И мне думается, настоящую метафизику организации знают не Пастёры и Вирховы, а Платоны-Федры-сарты.

Что же касается до верной и милой жены моей (бесценное сокровище, *редчайшая христианка*), то я «соблюю себя» ей по крайней мере через то, что мой *fallus* никогда ни во что не погружался, и его не касалась и не видела ни одна женщина и, как предполагаю, надеюсь и молюсь – и никогда никто не коснется. Мне странно, что это – фарисейство! Но пусть будет «что-нибудь».

Я сирота, совсем сирота (морально): но корка старого хлеба есть в кармане.

И – мука. И – воспоминания. Вообще я невеселый человек.

Странствуя вообще по «сим местам», узнал я много и любопытного. Между прочим, что проститутки (впервые познакомился с этим миром) отнюдь не «падшие» и не «потерянные создания». Это Вам кк и христианину интересно будет узнать. *Без исключений* – глубоко правдивы; просты, *очень добры*; ни «жеманства», ни лживости, особенно последнего – и тени нет. На себя смотрят страшно низко: «последняя». Когда одна, после данных ей 2 р. (без «дела») приставала и просила еще 20 к., я сказал: «Что же ты просишь, как *нищая*», она ответила: «Я *хуже* нищей». И так серьезно. Но у них совсем пола нет. Резинка, каучук. Никакой половой чувствительности и возбудимости. «Все равно», и – какое-то стародавнее, *врожденное*. Я убедился, что (кроме редчайших исключений) сюда идут врожденно-слабополые, вялые, бесстрастные; врожденно не сознававшие никакой значительности в своем поле, и вообще а-фалличные, а-сексуальные. Это – одно наблюдение, важное. Другое еще важнее: *кто* к ним приходит и *что именно* делает. Что именно в этой области делается – было главным мотивом моих расспросов, п. ч. ведь *где* же это узнать, даже медицина «конфузится» или «считает за ничто». Здесь поразительно *совпадающее* в сообщениях (после небольшого упорства) разных проституток. Я увидел, что «разное» в этой области есть очевидно *закон*, наклон голов и духов. Прежде всего оказалось, что проституция «спрашивается» (спрос и предложение) отнюдь не для удовлетворения мучительной нужды, «семя некуда вылить» и проч., не солдатами и студентами, не матросами: и след., проституция может быть *уничтожена, запрещена*. Это действительно просто «распушенность нравов» и (в тайне) покровительство полиции (ей – *бесплатно*), и ничего больше. Это – со стороны «социального строя». Но что же, если *не нужда* гонит сюда? (Это – сплошная *fallologia*, та, которая на «культурном Западе» процветает в католических исповедальнях, где ксендз вопросами открывает «женам и девам»

---

* Культ тела, крови, семени (*лат.*).

всю серию «показываемых, но не объясняемых» (запись историков) Элевзинских таинств, где показывались «секреты Зевса, Крона и Персефоны» – конечно, без dogma («Aglaphon» etc.). Всему этому можно было бы научиться, если бы это не было и страшно, и жутко, и вообще потрясающе. Очевидно, человечество мечется туда и сюда и кидается хоть к *мертвым* проституткам, чтобы удовлетворить неутолимую жажду живых или (у проститутток) мнимо-живых вод. Так умирающий от жажды сосет камень, пуговицу, свой палец. Тут – метание: и я бы просто удовлетворил это в настоящих Элевзинских таинствах, которым и зачем быть на улице, открыто? Но, очевидно, тут острая тоска, которую не победишь. Когда спрашиваешь себя: да отчего? Да как? – то приходишь к мысли: да если это «пуп земли», из которого все растет, приходят «миры иные на землю» (ребенок) – то не слишком ли понятно яростное устремление сюда людей, и не основательно ли эта fallogogia, которая ведь (простите) и у пустынников *в воображении*, проходит (бл. Иероним, «когда удалился от общества», исповедальни католиков), а здесь только получает себе «землю и соль», переходит in rem ex potentia*. Ну, устал. Простите и не сетуйте. Я б. в Москве: и не приди спешная телеграмма о возвращении домой, – совсем уже приготовился ехать к Сергию «затереть дурное впечатление» у Вас. Но теперь я успокоился и записал Вас – без корреспонденции – в *постоянные* друзья свои. Не ошибся? Буду верить в «да».

Ваш В. Розанов.

7

<29 марта 1909 г., СПб.>

Adonai (Ιερος Σαλμς),

Adonis (Ιερος Βυβλος)** воскрес!

Ну, ну, ругайтесь: я в таком настроении (сейчас иду к заутрени, 11 ч.), что меня не расшевелите.

А чувствуете ли Вы, что в «Основах идеализма» Вы, в сущности, бредете в тех же болотах, как «и разыскивающий пути, *давно признанные ложными*». Ха! ха! ха!

Нет, батюшка: мы – пустынькие, поверхность, фразы, тщеславие; или: глубина – и тогда прикоснитесь к «краю обрезания». Ведь «край обрезания» заключает в себе не одних ассирийских быков/херувимов, но и все «травинки» хохлацкие и русские; как и конический камень на берегу Волги.

Да, ну, Вы все должны понимать. Неужто с Вами спорить, как с Заозерским.

В. Розанов.

Жму, жму руку. Лекция мне оч. понравилась, чрезвычайно. Свежо, ново, значительно. Как Вас допустили. Это читать в Академии.

* В дело из потенции (лат.).

** Адонис (Святой Саламин), Адонис (Святой Библи) (греч., лат.).

<7–13 апреля 1909 г., СПб.>

Спасибо, милый Флоренский, за письмо. Меня почему-то манит писать Вам, рассуждать с Вами. И во-первых, должно быть, потому, что «признался» Вам, а это «как в воду» – «чем глубже, тем лучше». И потом общим очерком своим Вы как-то привлекли меня, не говоря уж о том, что внушили абсолютное к себе доверие. Знаете: есть категории смеха, сарказма, сатиры, «нравственного исправления» etc., etc.; в Вас их нет, хотя, конечно, Вы осуждаете (и нужно осуждать). Но нет смеха – это главное. Смех – враг мой. Просто – я не люблю его по природе: и когда в статьях у меня смех, то это *façon de parler**, а не *façon de души*.

Отчего же Вы так грустны? С «Ним»? Это меня удивляет. Признаюсь: никогда почти Евангелие не волновало меня тем *неизъяснимым волнением*, как Ветх. Зав. даже в простых *исторических* описаниях, где «бежал» какой-нибудь царь и порубили каких-нибудь воинов. Точно они написаны акварельными красками, а Вет. Зав. весь «масляною краскою». Я думаю, от «семени и крови» Ветх. Зав., а ведь в Евангелии все не «плоть сказала, а дух». Я пишу, не чтобы оскорбить Вас: но мне бы хотелось – хотя и преимущественно *из любопытства*, но не *из него одного* – что-нибудь постигнуть в Ваших письмах или через Ваши письма, чтобы я мог взглянуть «на Него». Удивление к Нему есть; не ставлю наряду ни с каким человеком. «Небожитель» – это ясно. Но я в себе не чувствую *любви* к Нему, я *не расстроган* Им и изредка, правда, дохожу и до прямой нелюбви. Вам мне очень тяжело говорить, но один из мотивов моих тот, что я как-то чувствую все притворным, притворяющимся в Ев., «припадающим на колени» (несение Креста), притворно-слезливым (мироносицы, Лазарь) и самое, самое главное – *не любящим человека и прямо враждебным человеку*. Это мой «пункт»: я же, хотя и «скот», но просто не могу не заступаться за человека. Вся евангельская история или «легенда» есть возмутительный рассказ о богоубийстве, совершенном человеками: и это такая клевета, такой ужас, чтобы люди могли убить Бога, пришедшего их спасти, – что душа леденеет. Какая же после этого «любовь друг к другу»: естественно начали драть глаза друг другу, что всегда и делали христиане.

Не люблю и не люблю. Бог с Ним, и с «мудростью» Его. Тяжело. Задыхаюсь.

Сам себя я не знаю так отчетливо, как Вы. «Бреду во Тьме», и *в основе* странно безволен. Меня всякий может «тащить за нос», отчего я даже чувствую удовольствие.

Конечно, я «блудный сын», и правды своих «опытов» никогда не чувствовал, – однако *не по существу*, – а в отношении жены. *Кроткой, всему меня (в религии) научившей*. Теперь уже ее характер несколько испорчен, она бывает криклива и гневлива: но какой агнец милый и добрый была в

* Манера говорить (*фр.*).

начале, и сколько *бесконечной* любви ко мне, к дому, детям, к ее старушке-матери (тоже чудный человек). Знаете ли, что по жене моей можно изучать христианство, – проникать в *суть* его. Отчасти – и в *суть* церкви как «утешение»...

Ах, всего на письме не переговоришь.

Удивили вы меня сведениями о «s», и о проститутках; о доброте и правдивости их я нигде не читал, и думал, что это «мое открытие».

«S» я, конечно, узнал лишь снаружи, и не узнал главного там – психологии, восхищения, «целования колен» etc. («Федр»). Мне показалось, что «все приноровлено» (предустановлено) природою, и поэтому я склонился думать, что «s» вообще не запрещена Богом, и только «указана немногим». Что сгорели 2 города, то ведь это ничего не значит: и «поддержавший ковчег Завета» (при перевозке) «*пал мертв*»: между тем ковчег – святыня. Для Чайковского, для Платона, для Сократа «s», очевидно, была нормою, «естественным», а *cum femina* – было «свинством» (Платон), невозможностью, «грехом» и постыдным. Античная цивилизация ведь вся s-чна (Гармодий и Аристокитон, «Академия», *вся лучшая* скульптура). А там было много светлого, прямого, наивного, детского.

«S» – грех для нас, мужей, – и, собственно, в отношении милых, прекрасных жен, как им *неверность* – и только. «Неверность» – ужасный грех. *Весь идеализм семьи* проистекает только из *верности* и в *верности* *суть семьи*: из этого видите, как я должен плакать. И плачу.

Но в «s», очевидно, заключена какая-то тайна, и именно духовная, как обаяние, как прелесть: и я, конечно, *не узнал* ее, и она, очевидно, *для меня* непостижима. Если сюда отойти, на этот полюс, то в «s» и вообще нет греха. Но, кроме тайны психологической, тут есть и тайна пола, и даже, я думаю, что пол не разгадываем для не *s-мита*. Ибо в «неописуемых волнениях» («Федр») все же дело, скользая по формам тела, соскальзывает на «край обрезания», – и *он* волнует больше, чем остальное: точнее, «остальное» было лишь предварением. Медики тупы, я согласен, и даже скоты умом: но «протоколы» их все же существенны, и обойти их нельзя. «Протоколы» эти все же говорят, что после «любования» и проч. дело соскальзывает на пункт, о коем (не поразительно ли?) Бог сказал Аврааму: «Он пусть будет открыт (не закрыт кожей): Я так люблю и ты мне так нравишься». Иудеи, которые, конечно, *себя-то* знают, не *обрезавают* младенцев с *открытою* головкою: а когда и после обрезания кожа опускается – они *повторяют* обрезание (спор с Аппионом Иосифа Флавия). Значит, все дело в *visus membri** для кого? Не для родителей же, и не для жены, которая может *сама* открыть, а для Бога! Это-то очевидно! Но вернусь к «s»: «s» ближайшим образом примыкает к Ветх. Завету, к «договору» Бога с Авраамом: ведь *Бог захотел* вступить с Авраамом в договор, а не то чтобы Авраам ему навязался. Авраам б. только Федр, глупенький юноша. Но возвращаясь к Платону в его явно учительском и *любящем* отно-

---

* Вида члена (лат.).

шении к Федру: я думаю, в fallus'е заключен мировой «фетиш», природный «фетиш», раз истинно то волнение, какое овладело Платоном. Кстати: выдача замуж дочерей, *такая* интенсивная, не могла бы иметь места без пробуждения чувственности у матерей («седина в волосы – бес в ребро») именно в «бабушкин возраст» (2-ая молодость), а у отцов?.. Ведь они также пылко и *умилительно* выдают дочерей замуж и даже «принуждают», притом богатые и обеспеченные. Что их толкает? В «дедушкин возраст» у *всех* мужчин пробуждается воображение к fallus'у, чувство к нему, желание его, и именно – пассивное, через желание служить: и через vulv'у дочери каждый и «становит лампаду» перед юношей, о чем пишет Платон. Таким образом, «s» выходит звеном в великий организм брака, мирового, в человечестве: без этого чувства нежности к fallus'у, служения ему – брак стал бы «вял» социально, «не охоч»: а при нем все «кипит», т. е. папаши «кипят». Некоторое себе оправдание я нахожу в том, что и я в «дедушкином возрасте», и вообразите, что я искренно ничего не нахожу сладостнее, как мысль о совокуплении дочерей, а так как они случайно еще малы, то, так сказать, «дочернего существования», «дочерней сути». Это для меня (в соображении) несравненно слаще, чем собственное совокупление (которое, кстати, *излишне* меня никогда не влекло, и вообще я и здесь больше или много «любопытствовал»).

Дорогой мой: а что касается вашего осуждения мне, то оно у Вас так особенно человечно, что я его хочу. «Свинства» и «свободы» я ведь отнюдь не хочу.

Ваш любящ. В. Розанов.

Помните, что я скучаю без Ваших писем; и нет дня, чтобы о Вас не подумал. Пишите «по мелочам», записочками – все равно рад. Пишите, «как дневник», «на сон грядущий».

Через неделю.

Только теперь сообразил, что вы писали, прочтя статью в «Весах» о Вильгельме: не подумал, что такая «ересь» кк «Весы» пускаются в вашу келью. Да ведь и то: Вы старый сотрудник «Весов». И теперь «толчок осторожно под локоть» я воспринял и услышал.

Но какие мы оба тупоголовые: я только теперь это понял, а Вы думали, что я предлагал Вам «коснуться края обрезания», советую жениться... Как это все тупо: стукаемся лбами в потемках. Но не надо же «до мышек».

Чего же толковать: Вы глубже моего «коснулись края обрезания» и постигли тайну или, лучше сказать, соучаствуете в тайне, которой постигнуть почти никому не удастся: кроме «кому дано (свыше? – я думаю): и которые о ней никогда ни гу-гу – не пророчили. Ибо и у Платона в «Федре» ведь все-таки «такая темная вода в облацах», что никто ничего не понимает. А знаете ли, что выражения Вашего письма: «Одно надо говорить на ухо, другое – обнимая, а мое – и совсем никому кроме Бога», *точь-в-точь* отвечает тоном одному месту Талмуда: «О «кровосмешениях, о сотворении мира и о Колеснице (Меркаба в видении Иезикииля) не толкуют многим, но только троим; о сотворении мира – только вдвоем наедине; а о Меркаба – только одному, и

то лишь если толкующий увидит, что тот, кому он хочет толковать, – уже сам понимает». Мне, грешному, всегда представлялось это место соответствующим Вашему: «осторожно толкнуть локтем», имеющим какое-то отношение с «двойною малакиею» монахов, наивной и грубой, а там толпой и духовной (взаимное касание). Но тут мы все, неучастники, похожи на грубых берлинских докторов: ничего не понимаем!!!! Вы, дорогой мой, стоите на краю безбрежного и лазурного океана, и видите его до дна: и можете рассказать людям, науке, философии великие тайны, как я думаю, – даже мироздания. Ибо «Федр», «Пир» и, вероятно, Эйленбург и Вильгельм, конечно, коснулись каких-то «мировых центров» мира... Вы можете *дописать* «Федр» и «Пир». – Не пришлете ли Вы мне еще раз «Столб» (куда-то убрали у меня со стола и «завалилось») и вообще все Ваше, с отметками на 1-й странице всех страниц, где что-нибудь об этом говорится или намекается. Теперь я буду ловить Ваши звуки. Ибо ведь я «о всем любопытствующий»...

Ваш друг В. Р.

9

<4 мая 1909 г., СПб.>

Дорогой Павел Александрович!

Сижу на рел.-фил. собрании; слушаю возражения на свой доклад Вяч. Иванова: а хочется писать Вам. Вы «на своем пути»; Вы избрали «счастливейший образ жизни» (по Карамзину): как мы все, как всякий, как утилитарист. Ваш «образ жизни» красивее, изящнее: выше ли он нашего? И да и нет: он Вам не труден именно потому, что он «ваш», и хотя Даша говорит: «он *трудится*», но Вы именно «не *трудились*», и, я думаю, в этом-то и заключается красота: ибо «пот труда» вообще воняет и праведники «со скрежетом зубовным» – или клоуны, или палачи.

Ужасно мешает Вяч. Ив.: так громко говорит.

Суждения Ваши о церкви (на которых Вы, впрочем, и не настаиваете) не авторитетны и для меня неубедительны. И оттого, что Вы «плывете по счастью», что Вы – индивидуалист, обведший кругом себя мелом «круг счастья», и за этот круг не заглядывающий. Любя детей Даши, Вы говорите: «Вот я аскет и *вокруг меня дети*, которых я люблю». Но, мой друг: «И я – нехристианин: а как *люблю Вас*, такого христианина». Обменялись ландшафтами. Это – *индивидуальные отношения*, – которые не задевают критики. Вы именно «плывете в счастье»: и церкви как *моря* и *организации* даже и не видите! Вы – островник, на острове. Это – мудрость, это – удел мудрых. Мне мир человеческий *в идеале* представляется как архипелаг мирных островов или, как в Аравии, – мир шатров, палаток, где люди *и связаны, и развязаны*, не теснят друг друга, а все – «милые соседи».

Ужасно мешает реферат.

Конечно, я никому не скажу Вашей тайны, такой глубокой, такой интересной, прекрасной: Вы и христианин – *боковым образом*, как «припека» («с

боку припека»), но Вы – одна из тех загадок, блуждающих в мире, как комета, «без своего дома», – без системы солнца, к которой Вы непременно бы принадлежали. Ваша «тенденция жизни», конечно, и есть Ваша душа, Ваш «закон», Ваша «религия»: но центр ее – Эрос, и античная скульптура и музыка Бетховена, как его возбудители или пути к нему. Христос сюда входит лишь по Вашей догадке или Вашему чувству, что Он-то и явил собою святую плоть, объект Эроса и лампад, или, вернее, – Субъект=Объект. Тут Вы неизмеримо выше меня, органически выше: мне нужно много размышлять, усиливаться, стараться, чтобы разобрать хотя алфавит Ваших мыслей. Но я буду учиться. Пишите. Хоть отрывки, афоризмами, «когда есть минута свободная».

Но будучи «кометой между мирами», Вы по доброте и благородству души, *по сострадательности* к людям можете и *должны* остаться тем, «в виде» чего уже явились: отшельника-духовника-профессора. Это так хорошо и красиво, и *нужно*. А приходящей к Вам толпе совсем не нужно (и не полезно) знать, *кто* Вы. Разве не все равно для голодного (мир, люди), выросли хлеб, в котором он нуждается, на полях ассирийских или палестинских.

Во мне есть удивительное, но, кажется, всегда *пассивное* отношение и к fall. и к vulv... Мое отношение – всегда не энергично, выжидательно, «ожидательное», покорное. Во мне вообще чрезвычайно много покорного. «Таю в покорности». Это очень смешно и странно в человеке, столько написавшем и так много критиковавшем и бешено нападавшем. Но это так. Мне хочется абсолютно покориться самому лучшему. Вернусь, однако, к полу (говорит Мережковский и страшно интересно). К 54 годам («дедушка») я fall. почти так же люблю, как vulv.: но оба люблю покорно, *подчиненно*. Действительно, я глубокая баба: и vulv'у люблю, как *лесбиянка*, а не как мужчина и муж. Вашего же *активного* отношения к соgrus'у ruegi, духовного, но, я думаю, непременно с переходом к физическому – я абсолютно не понимаю, и до того, что просто, даже читая Платона, отвергал его бытие... Но Вы говорите: «Да, это (почти это) – моя *тенденция жизни*».

Пишу тоже отрывками и тоже извините: ландшафт «дом на Иволгой ул.» прекрасен, и я с ним *вполне согласен*. Но житель этого ландшафта не хочет выглянуть *за забор* «Даша и ее дети» и не увидит жестоко сидящей церкви, жестоко судящей детей и женщин. Друг мой: у Вашей сестры-девушки (которой посылаю книгу) родился ребенок: ну еще теперь она с этим фактом справится, в 1909 г.: но ведь 1 – 1909 годы, т. е. 2000 лет в таких положениях девушке нечего было сделать, невозможно сделать; церковь и ее старцы наваливались на нее и на ее ребенка, как скала, как камень, как могила, как дьявол: наваливались все эти «плащаницы», «терновые венцы», «запах церкви», «особенно по окончании богослужения», и, словом, все аскеты и архангелы Православия (и католичества и протестантства): и вот я, «сухая свинья», восстаю против этого и тыкаю «грубым рылом» свиньи и в мощи, и в венцы, и в ладан – и во все, и, думаю, *опрокидываю* это: ибо я-то, свинья, *добр*, а вот *церковь – зла!*

Ну, простите, дорогой мой. И я чувствую, что Вы меня любите, как и я Вас, и что Вам так же милы мои афоризмы и нужны, как мне нужны и милы Ваши (ужасные) парадоксы. — — — — —

В. Розанов.

Вообразите: познакомился с Вашей сестрой–скульптором в собраниях. Точь-в-точь, как Татиана Гиппиус. Боюсь, что с аномалией же. Умна и молчалива. «Угрожающе» серьезна.

10

<10 мая 1909 г., СПб.>

Дорогой П. А.! Мне почему-то манит послать книгу Вашей сестре, – «которая имеет 1-го (не «7», помните беседу с Самар.) мужа – не мужа». Что-то меня печалит ее судьба. Если Вы не почувствуете неделикатным послать (может она гордая – тогда не нужно), то пошлите. А вам, я думаю, что меня читать: лично «дальше всякой книги» знаете. Разве «повертите в руках». Пишите. Я так рад Вашим письмам. Столько дают для размышления.

Ваш В. Розанов.

11

<9 июня 1909 г., Териоки>

Какая телепатия, дорог. П. А.: все последние дни думал о Вас, – с упреком: «Не прошло и 7, не прошло и 3^{1/2} л., а он меня *не помнит*, и не влечет его написать хотя 1 страницу». Сегодня забрел в Шурина комнату (падчерица, 26 л., занимается полуаскетическими исканиями, явно *aeterna virgo** со мной дружна): смотрю «IX-ое письмо», «Столба» (где Вы пишете об Ерме и проч.): наклонился над столом и, не пересаживаясь, – все прочел *с наслаждением*. Стиль, дух, вкус; «копанье», как у «св. отцов», – но со ссылками на «Н. Путь». Но, независимо от этого, *в самом себе* все понравилось мне, и, конечно, я кричу «осанна» Вашему, *этому*, аскетизму: хотел сказать «с условием», но не скажу так, а скажу с призывом и надеждою, что Вы скажете и даже когда-нибудь напишете «анафема» консисториям с *jus canonicum*** и *всем*, всем нормам и самой попытке *нормировать* брак. Благословим свободно мы Вас, благословите свободно и любяще и Вы нас – и будем жить мирно.

Были у меня неожиданно Ваши брат и сестра, точнее сестра и брат. Брат – мальчик, взволнованный, патриот: с тысячью «зубов» против России. Это известно и не любопытно, хотя, конечно, благородно (защищает мысленно мать свою, кровь матери говорит в сыне). Сестра меня в высшей степени заняла молчанием. Вы знаете – она грузна, неуклюжа. Сидит на стуле. Но как горячее брата с его речами. Если выйдет замуж – станет «фетишем» для

---

*Старая дева (*лат.*).

** Каноническое право (*лат.*).

мужа, и он около нее, *весь покорный*, будет бегать курочкой. Только она, конечно, никогда не выйдет замуж. О ней сказал Спаситель: «Кому дано...». Вот ей и «дан» другой удел. Искусство? Выйдет ли? О ней сказал Шервуд (влюблен в нее, даже моя жена заметила и его ругала, – и нехорошо влюблен): «У нее удивительный талант, – лепить *верно, как фотографию*, но без чувства тела, у нее *вовсе нет чувства тела*». Пишу для сообразительности старшего брата, полуопекуна. Ради Бога, чтоб это не попало ей на глаза.

Вообще она не пустой, многозначительный человек. Дай Бог счастья.

Но все мне «сроднилось» в них обоих через Вас: «Брат Павлуши! сестра Павлуши!». Без этого я прошел бы мимо, не разинув глаз. Но, как fallist'у, мне интересно взглянуть на связь кровей, и я бы готов раскапывать Ваших дедушек, бабушек, дяденек, всех. Еще у меня скользнула скорбная мысль о брате: он не глядит в глаза и все краснеет, и я подумал, не предан ли он «отроческому пороку». Тогда его надо поспешнее женить. Вот какой узел скорбей, – даже для Вас, тихого аскета. Ведь они – родные Вам, и без заботливой о них мысли Вы, конечно, не живете. Но дай Бог всем «уладиться», «утрастись».

Ваша жизнь? Вы знаете, на 4-м курсе университета мне так не хотелось поступать в учителя, и я все думал: «Уйду на берег р. Москвы, вырою пещеру и стану жить в лесу». Это так понятно, так есть явно лучшее. «Но удел позвал меня к другому», сладкой суете, страданию (очень), недоумениям, тоске.

Спасибо, что послали книгу сестре: как я заочно ее люблю! Как она мне мила и дорога, и не только дорога, но именно мила. Вот очень хотел бы быть крестным отцом 1-го ребенка (можно заочно, *записать*). Но это невозможные глупости, и я все Вам вываливаю «как из фартука» из души. Ведь я Вам все и о всем говорю. Ведь я Вас (мы с Вами?) 1000 лет знаю. «Точно двояшки в утробе матери».

Я часто представляю мать совокупающуюся тем совокуплением, от которого произошел, и она мне ужасно мила в этом. Она была очень несчастна. Полюбила 40 лет, в старости и вдовстве, молодого семинариста, нигилиста «образованного», а сама была богомолка. И так ревновала. И посылала меня (7–8 лет) подсматривать, кто у него сидит, не женщина ли. Она ужасно милая и трогательная, моя мама, я ее ужасно люблю. Точно и теперь в ее утробе. И ее грехи, слабости, несчастье – все так люблю, люблю, и целовал бы ее худенькое больное личико и худенькие руки. Звали ее Надежда Иванова. Когда-нибудь помолитесь.

Мучительно думаю, чтобы Вы приехали к нам. Что стоит? А благодеяние. Как детишки Вас помнят. И любят. И все мы Вас помним, Вы у нас в семье – как родной.

Рад, что Вы мне «раскрываете душу»: ведь Вы для меня, с «платонизмом» – новая планета. Я не все понимаю, туго: да и у Вас, платоника – нет языка общего с обыкновенными людьми. И совершенно понятно: женщину постигаешь как противоположно-милое, мужчину – сходно-скучное, ну а платоника? «На луне не бывал», и вид ее вижу – а *осязанием не могу нащупать*.

Сделал опыт «s» – с отвращением. И, верно, никогда не повторю. «Ну их к черту». Все так грубо и – скучно. Вот отчего я делал опыты: меня в воображении манит. И вообще ниже пояса я не fallичен, не vulv'ист даже: но выше пояса я и fall'ист и vulv'ичен – и это для меня поистине есть фетиш. Мне кажется, у меня мозг fall'ообразен и особенно vulv'ообразен, – правая $\frac{1}{2}$ его – fallus, левая – vulva: и их соотношение напоминает мне душу, особенно во время писания, да и всегда, в свободную минуту. Но как я «писатель» – то ниже пояса все довольно бездеятельно и даже равнодушно. «Как устроен человек».

Ну, черт с этим.

Ваш любящий В.Розанов.

Адрес: Станция Териоки, Финляндской жел. дор., деревня Лепенене, дача Хайкен, № 4.

Перед товарищем извинитесь, что ему не ответил о «s»: некогда, устал, изнемог. Но и очень он неопытен, даже не знает, какие груди у рожавших: моя жена родила 5 и 3 выкидыша, ей 40 лет, а груди как у 22-летней девушки, прелестной формы, невинности и свежести. Вообще он «не понюхал всего этого», и мне ему скучно писать да и, правда, некогда.

12

<8–15 июня 1909 г., Териоки>

8. За чаем.

«Дядя Павел кака: он стилизацией* занимается – так, умываясь, я смеялся, мысленно характеризуя Вас детям своим, их нового «друга», живущего у нас уже 5 дней. Мысленно я, конечно, «исполнил свое желание», и вот Вы – с нами.

«Стилизация»... Это и о «Соли» и о «Столпе» как попытка возможность жестокой их критики.

«Безлистно» – у них, конечно; «с листьями» у Вас. Вы – и «они», и не «они»; но Вы не дадите, заметите, что – «не они», и поздний потомок скажет:

«Вот Павел! Наш!!! Знал алгебру, но к нам пошел! Победихом Дарвина и Маркса».

И есть некая боль и яд:

«Мы, аскеты – победили семью».

Так всегда было. 2000 лет.

Плачу. Горького бессилия и горькой злобы слезами плачу.

Не умею выразить. Это только точки, «жилки». Накопите около них мяса и сделайте себе «Теленка возражения». Есть целый теленок.

Конечно, Вы не «кака» и знаете, что я люблю Вас, и знаете, что, кроме Ваших идей некоторых, я, как существо и личность, понимаю Вас всего, «с камилавкой», «с келейкой», с волосами и проч. Знаю и видел, что и Вы при-

---

* Вал. Брюсов. «Огненный Ангел».

нимаєте и поняли меня до дна же. Но это – *лично*. Вот мы «кометой» летим в историю, уже оба – могилы.

Ваша «могила» кидает искры, и все говорят:

«Необыкновенный путь».

Почему?

Неоженивыйся.

Моя – «литератор», «представляющий».

Почему?

«Обыкновенный путь. *Оженивыйся*».

Ваш путь победен, мой бесславлен. Конечно, Вы так умны, что понимаете, что тут не зависть говорит, и ничто личное: ибо, как брата моего «я Вас подымаю на раменах», и говорю: «Славься, для пользы русск. народа славься» и проч. Ну, договорите сами. Но я за этот *захудалый* семейный путь, говорю, на котором видел людей, = и Варнаве и Вашему (забыл сейчас имя: Исидор?) старцу.

Видел и видел. Но все будет безмолвно. «Обыкновенный путь».

Вот, возлюбленный дорогой мой друг, где возражения. Они есть и трудны. И необоримы. Вы своими брошюрами гасите огни, которых невозможно погасить. В Вашем мудром и широком сердце нет распри: но она есть в мире. И чему-то умереть: христианству или семье, и даже больше: Ветхому или Новому Завету.

Все крушится. И которому-то Небу пасть. «Не замазывайте щелей» красотой своею, доблестью. Исидором. Церковью. Все признаю. Все лобзаю. Руки у всех целую. Но распря есть, и что-то провалится.

Я рад, что в Вас нашел почти «тождество» с собою, или сам есть «тождество» с Вами: до того «методы духа» – да, если хотите, и жизни, *вкус* жизни – у нас одни. И я только недопонимаю «греческой пластики», и «Бетховена», и некоторых прозрений в «s». Тут Вы, как «планета», имеете «другой нюх», чем я: но как «сей земной обитатель» и в суждении о «земных вещах» мы с Вами сливаемся до полного родства и, я думаю, единства. Но идейно, в *целях* – мы расходимся «на весь диаметр земли». Наша дружба – да, факт. Но ученики? *Мои* ученики будут побеждены Вашими:

«Это – так *обыкновенно*» (о Р-ве).

«Это – *героизм*» (о Ф-м).

Вот горе.

Вы скажете: Розановистов много. Все женятся и все свинствуют. Ну, *Вы*-то («с листьями») этого не скажете: а ученики Ваши бесспорно скажут.

И победят.

И опять победит Н. Завет.

Вот горе.

А между тем правда, мировая, да и «в самой себе» именно не у Вас, а у побежденных, слабых, не красноречивых, не умеющих защититься. Правда – у денег, у стад, у городов, на площади; у «той сестры», в заботах, недоумениях, тоске; пыли, соре; службе и нелюбви к начальству или, напротив, «почи-

тании начальства». В великом праведном «навозе» жизни, а не в одиноком сиянии звезд. «Звездой пал на землю Люцифер», а из «навоза», сами знаете, даже Вифлеем вышел: так только добавить – единственное плохое явление.

8-го же.

Еще: если Вы, Бог даст, «вырастете», Вы должны *на деле* показать, что «лишь поднимаясь на противоположную вершину – видишь вершину *и семьи*», т. е. не строить «еще и еще ограду аскетизму, который достаточно защищен (не от декадентов же Вам защищать Антония Волинского), а рассказать подробно, ну хоть о своей семье, соседских, сестринских – 2-ую «Войну и мир» (Ростов) или «Анну Кар.» (Китти, Долли), как о «старце Исидоре», *с этими подробностями и частностями* («как варенье кушали»). А то это издали «и они хороши, и их *благословляем*», есть гостинец себе в карман, а не в кошель страннику (семья). Это Вам «на будущий путь»... Ведь получается зрелище и память «их (аскетов) *благословляющих*», а благословляемое и его суть остаются в тени.

Очень все мысленно спорю с Вами. Целый день. Даже мешает писать «срочное». А я «благочестивый поденщик», долженствующий выработать свой рубль. NB: Вы напрасно о детях высказали тревогу: конечно, я не закачаюсь *в основании*: все «опыты» и без увлечения (и *были*). Но горячо я люблю только свое гнездо. Кстати: fall-ом я не согрешил ни разу, и его ничей глаз не видал и ничья рука не тронула.

Ночь глубокая.

Все думал о Вас и себе. Вы поймете, конечно, – что не по самолюбию, но для вылушения зерна истины. Мне думается я не погрешил, думая что у Вас – победа эстетическая, но этическое преимущество у меня (при всех «опытах»). Я совершенно так же прост, добр и ясен, как Вы, – и Вы поймете, что это – высшее измерение человека: никогда ничего о себе не думаю и даже не интересуюсь думать. Я знаю, что умен и проч., но это – как чужое, не мое, да ведь и так по правде; Бог дал. «Мои только пороки». Следовательно, в этом пункте личного измерения, почему я не Исидор, не Варнава, не Серафим Саровский? Ей-ей не понимаю. Совестно писать, но все-таки не понимаю. Когда Вы приводите примеры благости, то вот у меня один: мне случилось быть ударенным по щеке (с большой силой, так что в глазах потемнело, и я качнулся), – внезапно, человеком ласково и с просьбою ко мне вошедшим. Это было в 1890–91 году, когда я был весь уныл, печален и ужасно озлоблен «на вся и всех». В ту же секунду я почувствовал ужасную жалость к ударившему (я думаю – сокровенную: «хуже обидеть, чем быть обиженным»). И когда он торопливо надевал пальто в прихожей, я говорил ему: «Бог с Вами. Зачем Вы это сделали, Вы себе же повредили». Но он б. такой чурбан, что принял меры, чтобы я не пожаловался: именно выкрал свою записочку, в которой приносил извинение, формальное. Вообще – пошлость, «всероссийская». Действовал я, конечно, бессознательно, «в таких обстоятельствах»,

и вот одно: жалость. Помню, я прямо сквозь слезы (не от удара, который уже прошел, а от сожаления к нему) говорил это.

Почему же я не ясен? Да и много в этом роде мелочей: в последний опыт «s», когда мне было «решительно все равно» и «наплевать», – я дал ему кончить, чтобы не оскорбить его «не нравится». Воображаю, что он думал. Но, представьте, что я думал. Потом вспомнил и думал: «Расскажу это Павлуше», – и смеюсь, повторял из Тютчева:

Не измеряют, не оценят
Простоты твоей сердечной.

Все это, друг мой, мелочи, как и «варенье» Вашего старца: но Вы-то все видите, и знаете, что мелочи – зерно дела, что в них – полная характеристика.

Сбился, что хотел писать.

Ну, так вот видите ли: все-таки я не в том сонме стою, линия коего, далеко-далеко, но выходит же к Торквемаде, Филарету Московск., Никону, Антонию Волынск., к жестоким. У нас (семья, «разврат») никто огней не зажег. А святители Филарет, Варнава, Исидор, Серафим Саровск. все же, однако, в «скопе» и с инквизиторами. Итак, до полной ясности духа, до полной доброты духа можно достигнуть «и в миру», проще – в сору: можно быть *совершенно как Серафим Саровский*; но *красота его жизни* – соглашаюсь – в сору, по крайней мере XIX в., нельзя достичь. Это – победа эстетическая. Да и лишь для XIX века: Рурфь, Нозмин, Иов, пророчица Деворра, Авраам 4-х женный, Иаков и Ревекка – не уступали «всем» и *эстетически*. Но так как они были «без костров в заключении», то этическое преимущество у «сора» высшее, чем у «чистых». И все просто потому, что ГОСПОДЬ сказал: «Плодитесь». И это – просто – БОЖИЙ путь. Вот, мой возлюбленный. Устал. ----

Я очень Вас любил, и писание Ваши: п. ч. все в них понятно, т. е. вижу «корни» отдельных строк.

13

<21 июня 1909 г., Териоки>

Беспокоит меня, П. А., что я послал «Ит. вп.» В. сестре: ведь это так навязчиво и неприлично, и я только утешаюсь, что Вы более меня «корректный человек» не послали ей. Она не может спросить: «Почему?», «Верно, П. обо мне рассказывал», а в ее положении девушки так застенчивы. И вот я экспансивно вмешался, со своим «сочувствием». Все это ужасно пошло и мне невыносимо стыдно. Почему-то подумал: «Легче украсть, чем б. пошлым». Вор может быть героем (Савин), может быть «христианином» («Честн. вор», Дост-го), но *пошлый* решительно ничем не может быть.

Есть ли в раю место пошлым? Как-то странно, если бы было. Пошлые должны превращаться в мух.

Что не пишете? Сердитесь? презираете? Удивительно, ни от кого этого я не боялся, а от Вас боюсь. Сейчас, сидя в ватере, размышлял: отчего боюсь?

и решил: «Вы – чрезвычайно серьезны, а я ведь все-таки шалун». Но, идя из ватера, перерешил: «Во мне есть маленькое тщеславие, и писателя, и человека (чуть-чуть), и как Пав. Фл. заметит его, – начнет меня презирать и *перестанет писать*». – О сестре не бойтесь (Вы выразили боязнь), она не глупее Шервуда, и страшно осторожна (не «вертушка»). Я боюсь, что Вы тут напортите.

Пишу на корректуре книги.

Ну, что же Вы: распарились от тифлисской жары. Я б. 3 дня в Тифлисе: чудные апельсины, яблоки = «огурец с гору» (Хемницер), но жара – убийственная, и я помню дни, когда, бывало, переходил по мосту. Что-то «Артаксерксово». А ведь в каких странах Вы живете: Тифлис – ума помрачение!! А знаете анекдот: едут в вагоне армянин-купец и русский адвокат.

Адв.: – А что, Тифлис большой город?

Арм.: – Москва знаешь?

Адв.: – Знаю.

Арм.: – В десять раз больше.

То же о реке Куре, кажется, в отношении Волги.

Адв.: – А что, армяне много врут?

Арм.: – Адвокат знаешь?

Адв.: – Знаю.

Арм.: – В десять раз меньше.

Мне Саркисов (Моск. унив.), учитель-грек рассказывал: Приходит в армянскую цирюльню бриться русский:

– Подай стул.

– Нэ велик барин, сам возьмет.

Тот взял и сел. Салфетка и прочее. Армянин начинает брить. Тот поднял лицо:

– Поверни морду направо.

Левая щека выбрита.

– Поверни морду налево.

Страдание для самолюбивого человека. Тот же Саркисов (милейший человек), жил с женой учителя городского училища, страстно любил ее, теперь обои ††):

На базаре баба (грузинка?) берет вяленую или соленую рыбу, и, приторговываясь, – дает меньше, чем спрашивают. Рыба хороша, но цена дорога. И она нерешительно держит и (чесотка рук) все мнет ее. Продавец-армянин кричит:

– Нэ мни! Что мнешь? не х.., больше не будет.

Извините, – это я в качестве любителя этнографии, а наука пропусков не допускает.

Член суда из Баку в Кисловодске нам говорит:

– Входит молоденькая девушка в татарский духан (лавочка), и, покупая что-то, заговаривает о «новых наставших временах» и что теперь все должно идти вперед или скоро пойдет впереди. Было в 1905 году. Татарин закричал на нее:

– Пошел вон! пошел!! У нас ничего вперед, у нас все назад.

При всем сочувствии революции его нельзя было не расцеловать.

С. Н. Булгаков напечатал хорошую статью: «Первоначальное христианство». Вообще он очень хороший малый, трогательно честен. Только без Платона, и поэтому как-то скучно. Удивительно, есть бесконечно полезные люди и которых глубоко уважаешь, точнее – ценишь утилитарной ценою «для отечества». Но *для себя* как-то не нужно. Отчего это? И как это грустно. Бранд или Эрик такой же скучный. Ужасный немец. Необъяснимо привлекателен только белобрысый, который у Вас писал книгу «Ист. церкви»? – и издавал 100 журналов. Так я люблю его недоумевающие глаза, и вечное молчание, и порывистость. По † я ему мог бы всю семью доверить: он какой-то бескорыстный и «нежитейский». Я с ним мог бы долго жить, и, никогда ничего не говоря, – не соскучился бы. Я бы питался его милым взором. Я даже не знаю, умен ли он и интересен ли: он просто – хорош и «мне нужен». В выборе близких мы в конце концов следуем эгоизму, «нравится».

Вы совсем особая статья. В Вас все привлекательно: быт, жизнь, мысли. «Даша». А ведь от Вас бы кое-что убавилось, не будь Даша. Антонин мне говорил: «Без бабы монаху невозможно, – не в смысле сожития, а вот, кажется, этой художественно-бытовой целостности. Антонин очень умен и привлекателен, – погиб за «необузданность уст».

Столыпин (дружил с обер-прокурором бывшим) мне говорил, что он «s».

Ну, что, мой милый: я скучаю без Ваших писем. Не могу поверить, чтобы Вы за что-нибудь на меня рассердились. Верно, жарко. Здоровы ли мама? Как сестра и брат? Оба они привлекательны, а сестра меня очень заняла молчанием. Египтяне, я думаю, *между прочим*, уважали животных за молчание: «черт их знает, о чем думают: может быть, еще мудрее Пифагора». Молчание всегда заинтересовывает.

Я страшусь, что Вам противна моя болтливость. Но ведь я мало говорю (увы, и дома), и не пишу совершенно никому. «Переписался».

Я думаю «sub specie aeternitatis»* и «для науки» Вы со временем мне позволите напечатать отрывки из своих писем, конечно – анонимно: то что Вы писали о любви к лесной сырости, к корням (я ужасно люблю обонять, разломав гриб, – такой чудный, ни с чем не сравнимый аромат, и именно – *сырости*), о солнце, об «s», о Бетховене и скульптурах – замечательно, для меня – совершенно ново, и вообще «поднимает угол завесы» над бездной интереснейших вещей, между прочим и над *бездною* (не в художественном смысле) «s». Ах, хороший мой: ведь действительно все это – ноумены, и каждая капля крови – ноумен. Помните, в «Пире»: «Природа этого не божеская, а *средняя* между Богом и человеком». Ведь философия Платона до конца никогда не была понятна, и, может быть, Ваши «грибы» и «сырость» и вообще *частности* Вашей психики, мечтаний, восторгов лучше ведут к ее разгадке ее, чем Шлейермахер.

---

* «С точки зрения вечности» (лат.).

Я Вам, дорогой мой, все болтаю: п. ч. почему-то не чувствую никакого «разделяющего пространства» между собою и Вами. Совсем никакого. И будто это я себе и с собою говорю.

Мне ужасно бы хотелось или погостить у Вас: но это невозможно, или чтобы Вы погостили у нас. Под старость лет уже мало интересного встречаешь в жизни, люди кажутся скучноватыми, мыслей новых почти нет (и в книгах), и вот когда-то, когда-то набредешь на интересного человека. Таких я знал в СПб. двух: Шперка и «Рцы»=Романова. Тоже глядишь в них – и дна не видишь. Поразительно в то же время, до чего ничего *любопытного* не заключал в себе Соловьёв, Страхов (я его оч. любил). Но с Соловьёвым я б. дурак – не разговорился о чертях. Он только в чертях и б. интересен: публицистика его, богословие его – по моему г.... Только стихи прелестны. Но он ужасно б. пошел тщеславием своим, барынями, «разными особами», которые его окружали или у которых он немножко лизоблюдничал («знаком с самим графом», и даже «на ты»). Позор.

Но вообще до чего позорны (почему-то) знаменитые люди. Не выносят успеха что ли? Великое счастье в уединении и в некоторой (относительности) неизвестности. Ну да «полевой цветок», известно.

Блаженно время рукописей, до книгопечатания. Книги ужасно всех развратили.

Ну, мой милый, напишите мне, коротко, но чтоб Ваш почерк был. Жена, однако же, все письма читает, и мы вообще в доме все всех письма читаем. И Вы – вуалируйте «s» и мои «опыты», хотя, конечно, о них более всего хочется читать у Вас.

Но неужели так-таки женский «фетиш» никогда Вам не предносился? А ведь в самом деле всё это «фетиши». Вы сказали у себя: «Конечно – это *голова*, втянутая внутрь» (соответственно верхней):

правое – левое

верх – низ

руки – ноги

fallus

Сарит – ??? – конечно $\frac{\text{fallus}}{\text{vulva}}$!!!

но если *так*, а очевидно это – так, то как далеко это только от аномалии и физиологии, ведь тогда

$$\left. \begin{array}{l} \text{semen} \\ \text{ovum} \end{array} \right\} = \begin{array}{c} \text{мысли} \\ + \\ \text{чувства} \end{array} \left\{ \begin{array}{l} \text{Ньютона} \\ \text{и} \\ \text{Пушкина} \end{array} \right.$$

Ведь это же ужасы открываются! *Светлые ужасы*. И тогда как понятен «неслыханный разврат», – к утешению мудрецов, всех, начиная с собак и быков.

А заметили Вы: у Амьеля и Паскаля – колоссальная чувственность. Знаете ли Вы, что Толстой $\frac{1}{2}$ «s», сам того не зная, или, вернее, столько же «s», как и кусающийся жеребец. Именно кусающийся. Когда я ему защищал пол и деторождение, он сказал: «Да, деторождение... Но с полом и желаниями его, отношениями к нему связано *столько унижительного для гордости человеческой*», и «наконец, это все так отвратительно, запахи, проч...». Из этого я заключил, что, напр., «Крейцеровой сонатой» он *мстил* за «былые унижения» с Софьей Андреевной, перед которой поэтому так (лично) и труслив, тогда как она «ходит ему по голове». Я сказал ему, что это просто природа, желающая в важных точках не обнажаться, чтобы не повредиться, окружила их мнимотталкивающими качествами, *якобы «отвратительными»*, что наилучше берегает «некосаемость». Искренно или нет, но он согласился, или промолчал.

В «Мире Искусств» и с Гиппиусами я кое-что наблюдал поразительное с «s»: напр., Бакст женился – и *сделался не только болен, но как сумасшедший*. Трясся. Пугался всего. Серьезный-пресерьезный. И все говорил о смерти. Пока разорвал с женой, пошел опять к мальчикам, и воскрес «прежний Бакст», «талантливый Бакст».

Я думаю и уверен, что «s» часто не имеет никакого физического выражения, ни даже дотрагивания до genitalia, и выражается в необыкновенной нежности, любви, любовании, преданности. Безусловно, нужно печатать об этом и рассеять всеобщее убеждение, что «s» = «полез на другого» и «совершил coitus per anum». Ведь никто, *кроме этого*, ничего и не предполагает здесь. А о Платоне думают, что он писал не об «s», а «о любви к Истине и Красоте», в кабинетно-философском смысле.

Ваш преданный В. Розанов.

Интересно все, что Вы мне говорили о Гоголе и о coit. in animam. Не думаю, чтобы народ наш соединил с «е.. тебя в душу» какое-нибудь представление, идею. Это, вероятно, этнографическая брехня. Но Вы как-то постигаете это. Я слушал Вас напряженно, но, кроме *запомненных* (не понятых) слов, ничего не уловил. Как есть два пола и третий («S»), есть, должно быть, 2 языка и *третий*: и этот третий язык, третья мысль, совершенно не улавливается самками и самцами. В этом и трагедия Платона, что он остался «неразгаданным мудрецом». И, должно быть, у совокупляющихся с мертвецами и с животными есть еще четвертая и пятая душа и четвертый и пятый язык. Как все это непостижимо и как интересно.

14

<10 августа 1909 г., Териоки>

Дорогой Молчальник!

Дело: «Пантеон» (Книгоиздательство) обратился ко мне с просьбой указать кого-нибудь, кто мог бы согласиться принять на себя учено-литературное руководство к великолепному изданию «Книги Иова», – и, может быть, к новому переводу ее, если русский «с погрешностями». Я указал на Вашего

друга-гебраиста в Моск. Дух. Академии, объяснив, что, кроме «ученого аппарата», у иных мертвых, он обладает и живым чувством юдаизма. Ну, «и проч. и проч.» Меня просили поспешно с Вами списаться и РАЗУЗНАТЬ ЕГО АДРЕС, имя и отчество. Тогда, пожалуйста, черкните фамилию, адрес, имя и отчество сего Монстра по адресу: Заказное:

СПб., Итальянская ул., д. 15. Книгоиздательство Пантеон Его В-дию.

Михаилу Семеновичу Фарбману от П. А. Флоренского, Тифлис, Николаевская, д. 61.

Ваш В. Розанов.

15

<15 августа 1909 г., Териоки>

Ответа не надо.

15 авг.

Ну, обрадовали Вы меня письмом своим, милый П. А. А я весь август, не понимая Вашего молчания и «униженный» им, «мрачно» писал Вам след. письмо:

«Добрый мой Флоренский. Я наконец догадался о Вашем молчании: Вам Ваш старец Исидор «не велел» переписываться со мною, – и Вы, не желая меня огорчать прямо, дали мне косвенно понять, чтобы я не писал Вам более. Вы почувствовали, что на той тихой и чистой дорожке, по которой Вы идете, вся эта переписка – сор под ногами, и неприятный для странника, а главное – портящий тот чистый воздух, каким Вы дышите. Больше я писать Вам не буду. Но я всегда сохраню память о Вас, и мне хочется думать, что и Вы меня не забудете. Я постараюсь, ради памяти о Вас, менее распускаться, и сколько могу – владеть собою».

Видите, похоже на письмо Тани Лариной. И я могу быть девочкой, испуганной и смущенной.

Это письмо Ваше (Вы называете его «циничным») самое изящное, – и наиболее рисует Вас. Плач Ваш над телом человека в «блудилище» поразителен; да и все оно поразительно, прекрасно и волшебное. Особенно о репе (в детстве истреблял: у нас в Костроме б. свой огород; но я больше любил печеную, как и сладенькие печеные яблоки). «Корни» Ваши: что в Вас есть влюбленность сперва в юг и юга в север, Костромы в Армению-Фригию и особенно обратно – я и раньше чувствовал, и кажется, говорил Вашему брату и сестре. Одно в Вас как-то молодо и «по-африкански» неумно: величественное презрение «к толпе» (читателям).

Ах, Паша, Паша: а ведь был Христос. Он бы заплакал, видя, что Вы презираете волны людские. Ну и что же, что танцуют? ходят в смокингах, со шлейфами? Чепуху мелют. Господи: у всякого свой язык, хороши даже и бессловесные. А жильё и платье? Хороша курица, но хорош и кавказский фазан. «Звезда со звездой двойнствует». Вам идет парусинная рубаха: а Элен («Война и мир») ей, ей идет ее 1000 рублевое платье. Ну, да Вы уж сразу догадались

и согласились со мною, что не надо никого презирать, ни *богатых* и *знатных*, и вообще никого: все все мы травы. – – Как вы, писатель, можете презирать читателей: да просто *не смеете*: ведь это то же, что поп, презирующий прихожан, врач – пациентов и т. д. Ну, да Вы согласились. Есть карфагенская мудрость – «презирать низших»; но есть костромская мудрость, тихих еловых лесов: всех почитать скорее выше себя, а точное, *математически*-точно: *в уровень* с собою. А среди Ваших читателей – я: за что же Вы меня обидите? А среди моих – Вы: за что же я Вас обижу? А ведь все передается телепатически: и главное Бог все видит, и «*Боженька накажет*». Так мы учились в Костроме от мамы.

Кострома – она вся милая, и не меньше же Карфагена. Только ужасно дождлива. От 20 августа и весь сентябрь «моросит». Ужасно. А знаете ли Вы поговорку костромичей о себе:

Кострома,
Еб...вая сторона.

Ужасно слышно. Видно, что не «высокоумы» сочиняли. Конечно, от (давления) читателя мы должны быть свободны: и вот в гармонии с этим не должны переоценивать читателя: но я думаю, мы должны говорить ему все самое глубокое, самое задушевное, что в себе имеем, как вечное или как мимолетное.

И сколько бы литература выиграла, если бы мы «распоясывались» в ней, – и все писали, что с нами бывает или у нас проносится в голове.

Само собою, я Вами очень интересуюсь: в настоящее время – больше всех людей (кроме родных). Когда я в первый раз увидел Вашу сестру в Рел.-фил. собрании и познакомился с нею, – меня удивило (оч. приятно), что и я в *Петербурге* оч. понравился Вам (она определенно сказала). С этой минуты и она мне стала какою-то милою: «Как вестник, принесший хорошее известие». И вообще (когда была она у Вас) точка зрения моя на нее: «Милая девушка. Только все молчит. Но это даже лучше». Только дня 2 спустя: «Ну, от нее Африкой веет, хоть и молчит». Главное – фигура. Точно египетская Isis. Не сердитесь, добрый.

Вы глубже меня чувствуете природу, много. Тут – Африка, папирусы и пустыня. Я в репе не понимаю. Сказал о репе старшей дочери (дружим): она рассмеялась и сказала: «А я так это понимаю». Черт знает: может быть символически. Я бесконечно люблю зато запах грибов: обернув шляпкой к носу – не надышишься. Точно *весь лес* оттуда пахнет. Но это неглубоко. О репе я чувствую, что глубже: *вкус* вещей и *запах* веществ вообще не изучены в «науке» (не презирайте), а они наверно ведут куда-то глубоко под землю, и я думаю, древние сходили в свою «преисподнюю» через запахи и вкусы.

В будущем, я думаю, будут 2 лечения: через солнце и запахи. Ведь в них законченный цикл мироздания, и, след., концы смерти и жизни, *оживления*.

Что 2 головы у человека – я знал. Что к *vulv'e* не имеете никакого расположения – это очевидно же. Не что Вы глубочайшим образом (до волшеб-

ства) чувствуете «шкуру» существ, пластику их, corpus viri* : это чудно и свя-
щенно, но мало. Нужно «кусать мир». Последняя связность в этом, через это.

Но Вы не говорили, и я Вас, конечно, не спрашиваю, есть ли у Вас чув-
ство, тяготение, «что-нибудь» к fall. (не говорите – «penis» – некрасиво, ле-
карская кухня, анатомический атлас). Простите, но мне кажется все-таки есть.
Без этого просто нет глубоких людей. С. Н. Булгаков только этим и страдает,
что ему ни vulva, ни fall, не «миль»: и это обеспложивает все его сочинения,
и он «что ни пиши – все равно». Ни тепло, ни холодно. Очень благоденствен и
совсем без панталон. Недаром Господь велел человеку исходить «inter fascies
et urinum**». Вл. Соловьёв все гадливо об этом говорил: но «за непочитание
отца-матери» Бог и взял у него рано жизнь.

С другой стороны, Вы мне говорили (у себя) об активной «s»: абсолютно
мне непонятной; т. е. о восхищении мужским телом. Но неужели одним
пластическом? Как-то не доверяется, не понимается. Не умею ничего ни ска-
зать, ни подумать тут. Куда же девается Ваше семя? Хотя, я думаю, при «s»
оттого происходит даровитость их, что у них все семя полностью всасывается
в кровь и оталантливает ее, сообщает ей пылание, и через нее – мозгу. Такие
люди суть «окрыленные». Крылья – всегда семя; «воздух» в голове – всегда
оно. Про себя я все-таки думаю, что у Вас – внутреннее поглощение семени,
перелив семени – в мозг и особенно в сердце: от этого Ваше влечение к
людям, любовь, гармония.

Томит меня, что я обидел Вашего друга, который так много написал мне
об «s», но мне показалось неинтересным. Скажите ему от меня хорошее
слово, большое извинение. Но ведь я денюшки занятый человек, буквально
никогда не знаю отдыха (2 газеты и 10 человек – с прислугой – садимся за
стол: надо выработать 10 000 р. в год: одна плата за ученье детей 2000 в год). –

В. Роз.

Устал.

16

<2 сентября 1909 г., СПб.>

«Корень платонизма – магия: а корень магии – в живом, цельном *народ-*
ном воззрении на природу и чувстве ее». Когда сестра З. Н. Гиппиус, Татиана
Г., писала мне *даже грамматически непонятные письма*, и там о вечернем
солнце и утреннем свете и проч., то я, не понимая писем, все же сказал себе:
«Вот – магия»; т. е. лепет, бормотание мага, непонятные *не* могу. Я нарочно
ходил раз к Карташову (умница), чтобы потолковать о психике их (они все,
Гиппиусы «s» – у них это явно родовое, фатальное), то он мне сказал: «*Па-*
раллельная с обыкновенною психология, но *никогда не совпадающая*: и сло-
ва, и чувства природы – все другое». Да и понятно: слишком другой «ко-
рень». --- Когда еще я младших сестер Гип. не знал, то, бывая у Мережковских

* Мужское тело (лат.).

** Между пеленками и мочой (лат.).

и проходя в сортир через ванну, был поражен на одной стороне ванны углем, но *превосходно, изумительно* нарисована девочка лет 12–13, «русалка», с чудной по красоте улыбкою, и на другой стороне – смотрящая на нее жадная, отвратительная горбунья старуха. Точно она «гавкала» ту девочку, смотря на нее через ванну. Потом я рассмотрел альбомы ее (познакомься): все – девочки и старухи, снова девочки и звери. Все тянутся друг к другу и можно мысленно добавить – обнюхивают друг друга и лижут, собственно – *тянутся* к этому. Хотя не явно, но так расположены тела. Когда еще ближе познакомься, я спросил: почему *все сплошь* старухи и девочки (и ни одного мужчины, ни одного старика), какой смысл, она ответила: «Да это – один человек», т. е. «разложенный» на юницу и старуху (у Платона – старый, *ласкающий*, мудрствует «с Богом» – Федр). Мне думается не «народное» есть родник магии, а «s» и только «s». Так что Вы в лекции или слукавили, или неужели сами не знали? Теперь об «s» скажу следующее: «опытъ» мои холодные, «академические». Но в 1897 г., когда *переламливались* мои воззрения на пол, я раньше печатного излагал свои мысли одному другу (маленький писатель «Рцы» – большая умница). И тогда «по ходу дела» должен б. писать много о fal. – penis'е, и естественно *параллельно думать о нем* – то от «специализации» что ли, или от непрерывно-долгого, дня 3, неделя, – думанья у меня вспыхнула такая жадность fall'a, какой я не запомню и никогда не было к vulv'е. Я думаю, это была настоящая «s» – дня на 3, на неделю. Развивая и развивая «идеи» ему (Рцы), я уже страстно стал заходить «далее и далее», и высказался, что «хотя это невозможно, но моя мечта взять когда-нибудь f. в руки и целовать и целовать его» и не договорил – больше, чем целовать. Это было до того странно, что не могу передать. Мною овладело настоящее *смятение*, жажда хоть на весь свет закричать «хочу» и непременно удовлетворить (т. е. целовать), *до боли, до муки*. Явилось на эти 3 дня настоящая fall'ология и даже falloвкушение: но еще почти поразительнее, что боль страсти доходила при представлении *узdechки*, т. е. *нижней части* головки, почти точка или линия, не весь fall. Это удивительно было странно, и тут – не без значения, тут есть какой-то «лес» кроме «дерев». Я думаю, очертания fall'a (как для Лесбоса и vulvy) суть магические, и настоящий родник магии суть просто genitalia и особо острое их ощущение у всех «s». А от fal. «ко всей природе» – рукой подать. Ваша лекция оч. хорошо. Интересно очень, как она была встречена? Только не шеголяйте ученостью: к «мудрости» не идет. Зачем Вам офицерские погоны, когда у Вас есть генеральские. Да, по-моему мнению, Вы не глупей Платона: «Все тоже»...

17

<между 2 и 28 сентября 1909 г., СПб.>

П. А.! Примите и поговорите с Юрием Николаевичем Вязигиным – и так как бы со мною поговорили. Очень прошу!

Ваша сестра и брат были у меня. Очень интересно... Но как-то я смотрю на них грустно. Больших вершин люди, особенно брат.

В. Розанов.

<28 сентября 1909 г., СПб.>

Все-таки, дорогой друг, хочется иногда с Вами поговорить, хоть Вы и решили яростно ничего «навязчивому» Розанову не писать. «Пусть он меня не любит, я его буду любить». Прежде всего радость: не делаю больше «опытов». Помолитесь о моей душе, поблагодарите Бога, да и вообще иногда молитесь обо мне. Священник Устьинский тоже за меня молится. Я дал зарок «с переездом на новую квартиру» быть чистым: и употребил прибавку – не хожу пешком по вечерам (в редакцию), а езжу, и через это не имею «гибельных встреч». Видите, как просто. На душе стало светло и спокойно.

Некоторые сведения, приобретенные мною, все же чрезвычайно важны. Главное – самые даже молоденькие («шикарочки», «вольноопределяющие», «студенты») приходят вовсе не по нужде излить семя, – как всегда думает общество и медики, ибо в $1/2$ случаев совокупления не бывает. Прибывает их волна – «почувствовать женское тело». Я думаю – есть и метафизика проституции: юнейшие спешат сюда, как фагоциты (квадрат здоровья) к месту, куда вонзилась заноза, которое ушиблено, поранено: они своим квадратом здоровья стараются вылечить место. Священная vulva гибнет у проститутки: заплевана, загажена. И мировой поток, «облако с неба», «тучегонитель Зевс» гонит сюда юношей: спешите, исцелите, дайте силы, здоровье и чистоту сюда. Что-нибудь в этом роде есть.

Проституция больше не внушает мне «социально-исторического» отчаяния, как до сих пор. Я думаю – «это очень просто» и может просто исправиться, исчезнуть, «пусть каждый имеет чистое».

«Критич. обзор.» устами какого-то ученого болвана выругало «Истор. религий» Ельчанинова. Я думаю – его книга нужна и хороша. Все же в религии он больше понимает, чем профессора, которые «ни уха, ни рыла». Он все же молился: а они?

С профессорами беда хуже, чем с проститутками. Те куда исцелимее. Но самомнение профессоров поддается только гильотине.

Только что вышел от меня Юр. Ник. Вязигин: лишь из Вашего письма узнал его формуляр. Неправда ли, какой милый? Юноша от Бога. Вот уж не обманет, не слукавит. Меня восхищают его мужественные понятия воина: «Я буду стрелять в толпу, если начальство прикажет»: и в глазах – Зевес, молнии. Он понимает, что такое дисциплина, государство.

Но его призвал Бог...

Я и не знал, что он у Вас был весною же, сейчас после моего совета. Вообще он «не откладывает», и в этом тоже сказывается молодец.

Пришел ко мне недели 2 назад и рассказал грустную повесть с женою. Я объяснил, как и Вы, и попросил, чтобы потом пришли вдвоем. Были прошлое воскресенье. Она удивительно мила. Что-то неуловимое, неопределимо милое в немного неправильном, оригинальном лице. И духовное, и

идеальное, а главное – благородное. Молчалива. Застенчива. Сосредоточенна. Умна. Чрезвычайно понравилась. «Так бы и взял на руки и поднял», – как ребенка, как Корделию. Я думаю, она похожа на Корделию. Он раньше мне говорил, что она из глубоко развращенной семьи (отец, братья-развратники, мачиха). В семье смеялись над лицом ее даже (по мне – она хороша). Она бежала, как из омута, «к милому». Он: «Я за нее готов жизнь отдать». О ней на мой вопрос сегодня, почему она у нас ничего не говорила: «Она говорит, что ни с кем не хочет говорить, кроме как со мной, что другим до нее дела нет и она не хочет ничего никому высказывать и даже говорить». Не правда ли, Корделия? И вот пассаж – не может. Я ему говорил (в 1-й визит), что «само собой пройдет», что «пусть он ляжет на нее (у нее очень грудь здоровая, и вообще она сильная) – и ничего не думая и даже не собираясь, просто лежит, любуясь на лицо ее, говоря что-нибудь, даже постороннее, а она пусть лежит под ним уже раздвинув ноги, дабы вообще быть готовою, в то же время слегка ласкает его орган и вообще держит в руках, – но тоже без мысли и намерения, а «так», – и тогда сам собою он подыметя, и она сейчас его вложит и все сейчас произойдет». Он, немного поволновавшись, сказал – что все уже исполнено, что именно так они и делают, но он не поднимается и он ее нисколько не хочет в половом отношении, что он не чувствует ни малейшего возбуждения. «Люблю только как сестру, и так же не могу совокупиться, как если бы я лег на мать свою или на сестру». Когда это случилось в первую ночь, – она в слезах и с испугом выбежала в другую комнату. «Ты понимаешь, что я хочу иметь ребенка». Сегодня он мне добавил: «Я понимаю твоё желание иметь ребенка, и как Рахиле говорю тебе – поди, и забеременей от другого: я же буду любить тебя вечной любовью как брат». Она ответила ему со слезами и оскорблением: «Да ты понимаешь, что я *тебя* хочу иметь в себе и *только от тебя одного* хочу иметь ребенка». Он против совокупления ничего не имеет *умом*, но, очевидно, организм его не хочет совокупления, и я ужасно боюсь, что тут замешалась духовная «s», а – самец в нем, *genus neutrum*. Тогда это ужасная трагедия... И конца горю не видно. Но, кажется, именно так: «и в попы хочу», «в дух. Академию», «к Флоренскому», «в монастырь бы еще» etc., etc. Словом Алексей Божий человек из артиллеристов. Но как она хороша, его жена: она так же, как он, чиста, но с какими-то более широко раскрытыми глазами, и вообще шире его, с широким лбом. Он же цыпленок «трепыхающийся». Но – святой (я думаю).

Простите. Я устал. Целую Вас, мой дорогой, крепко. А кстати: как бы Вы удружили мне, прислав карточку: у меня всегда друзья мои вокруг. И я их воистину люблю.

Жить уж недолго, лет 6–7? Будем жить хорошо, и будем жить мирно.

А разрезали ли Вы «Песнь песней»: там было среди листов письмо Вам и статья.

В. Роз.

<23 октября 1909 г., СПб.>

Не могу удержаться: если «не в настроении» – порвите. «Репа имеет глубочайшее родство с полом»: но ведь Вы девственник, «не выдавший ни одной проститутки» (и уж, конечно, ни «чужой жены», а *своей* – нет же): значит?..

Меня мучит, что все же в Вашем «я» – я ничего не понимаю. Что-то близкое, родное; и ведь недаром же я не «уважаю» только Вас, а люблю: то где же мы роднимся?

Я все же б. застенчив в признаниях Вам: и только вера в Вашу любовь ко мне (чувствовалась) и безграничную философичность и свободу дала мне силы признаться. Но и затем, когда Вы летом написали о репе, я почувствовал «что-то»... Я чувствовал, что «репа» (и вид такой, да ведь и телесный цвет!) имеет что-то общее с задницей и чтобы уже договорить – и с vulv'ой. Вы теперь и пишете: «Репа имеет глубочайшее родство с *полом*». «Пол» – слишком отвлеченно и обще, и «Африка», конечно, хочет не «пола», а vulv'ы и fallus'a. Вот для меня и загадка: коснулись ли (я волнуюсь сейчас) Ваши пальцы когда-нибудь vulv'ы или penis'a. Признаюсь: волнуюсь, и как бы хотелось – да. Но не хочу вредить Вашей душе, и если нет – благословенны Вы, и пусть всегда будет нет.

Господь с Вами.

Да, и я «все это» люблю, как Вы репу... Слабость ли? Талант ли? Не понимаю. Люблю и люблю. Ну именно наивно и невинно, как Вы репу. И ведь Вы от репы никак не отвяжете. Ни за всенощную. И я тоже. Слабость человеческая.

До сих пор я не «согрешал». И слава Богу. С женою живет лучше (телепатия) и вообще лучше. Спасибо, милый – растите спокойно.

В. Роз.

<20 ноября 1909 г., СПб.>

Жаль, что Вы, П. А., пишете о семье, жаль боли Вашей, одиночества матери. Не поможет ли Вам следующ. рассуждение-истина: Боже, да ведь ветви и *всегда* отходят от ствола, удаляются от него, а не идут к нему, не *сближаются*. Одиночество родителей, когда дети выросли, факт и закон. Это – трагедия старости. Но я поражаюсь (и прежде поражался): отчего же Вы матери не возьмете к себе? *Она будет ужасно счастлива*. Матери (наблюдал) страшно счастливы при одиноких-возмужалых сыновьях, и «неженитьба сына – утешение матери», коего она «обхаживает». Просто это глупо со стороны Вашей, или «чванство» монаха. Не понимаю!! Прямо, велел бы Вам взять мать.

Дети (по природе и Богу) должны развивать свою индивидуальность, всегда *новую* и для того д. б. *свободны* (в душе), т. е. даже «не любить родите-

лей». Это – «свое устремление». «Нелюбовь» – то и обеспечивает свободу, и след., реализацию нового лица.

Мне мамы Вашей жалко. Грустная, одна. Слышал, сестра здешняя, «кажется, вышла замуж» (слова ее о себе в письме к Шервуду). Слава Богу, что не аномалия. Оба они (и брат) даровиты. Чего Вы беспокоитесь? Найдут свою судьбу. На Вашем попечении, естественно, только мать. Она «Костроме» Вашей не помешает; будет жить, шить, смотреть за кушаньем, расти тихим ростом старости.

Если бы которая-ниб. дочь была *добра*, то матерям хорошо и около замужних дочерей. «Няньчу в радости внуков». Лица всегда сияют. Вы чего-то просто *не умеете* устроить, по всегдашнему неумению «в быту» всех монахов.

Передайте записку Воинову.

21

<29 января 1910 г., СПб.>

Поздно пишу: все некогда. С большим удовольствием прочел рецензию на книгу о Дионисе. Автор – уж не тот ли, кто мне писал? Хорошо и «энфузиазм», и «надо переводить цитаты»; и «† В. В. Болотов». Эти миньятюры, «прическа» – мне нравится. Без «прически» нет ума и литературы. И что «надо обратить внимание на мелочи». Тут, я думаю, «рыбак рыбака видит издалека». Ave. Или «тегі», или «addio». А не придет ли мне, *с автографом*, автор диссертацию? Как Вас в Дух. Академий терпят. Вы бы должны писать о «кислых щах», а вздумали об «аспектах» (что такое???) Диониса. Поклон Ельчанинову. Слышал – у него захворали в семье дифтеритом. Выздоровели ли? А Валентина Александровна формально замужем? За вашим товарищем? превосходнейшим (Ельчан.). Если бы мог – от души бы ее поздравил. У нее такое невинное детское лицо. Дай Бог счастья. Замужество удивительно «выправляет» человека, даже при пороках зачатия (т. е. если не ладно рождена). Дай ей Бог, дай Бог всего светлого спокойного, тихо мерцающего. В полном смысле она прекрасная (была) девушка – разумная, сдержанная, содержательная; и такая невинная. Удивительное (у меня) желание ей счастья. Впрочем я всех «Флоренских» люблю. Если Вы скажете – «дешевой любовью» (без труда) – то я скажу: «Черт с Вами, критикуйте – а я все же люблю вас и их, как трава в поле – соседние травы». Addio.

В. Розанов.

22

<2 марта 1910 г., СПб.>

Передала мне m-me Аскольдова (удивительно милая, *пластическая* женщ.) Вашу «прежнюю любовь» – и очень обрадовала. А я уже мысленно писал Вам:

«...Но кто убьет Каина – отмстится ему *всемерно*».

Я думал – Вы возненавидели меня, или почувствовали «последнее отвращение». Это нелегко...

Но, я думаю, Вы, физически и психически, «ворочающийся» человек, а не ходящий, еще менее – бегающий, и совсем нет – летающий, парящий. «Корнеплодный». Как «репа». Ну, а как «репа» будет писать письма? Изредка накропает что-нибудь.

И еще я думаю: Вы решили, и я почти согласен с Вами, что вредно, не «дисциплинарно», *расшифывает* слишком ум «показывать всю требуху свою». Лучше быть несколько вдаль, сдержанным, ограниченным, «в возжах»: и тогда «возжи» снаружи кое-что делают в смысле помощи и «внутреннему человеку».

Как слаб этот «внутренний человек»!

А «требуха» пусть идет к Одному Богу, он Один для нас. И около Одного не надо ставить других; а я это и сделал из Вас со своими «откровенностями».

Пишу на Рел. фил. собр., и все мешают. — —

Дома.

«Прорвавшись утробой», – все же я не договорил Вам кое-что и светлое из моей жизни, – «чем я живу», – и образ мой не будет совершенно ясен для Вас. Вернувшись тогда (кк виделся с Вами) из Москвы, – вот сел в машину (лифт, – на Казачьем, где узнал свои «опыты»)... Шумит машина (в 6-й этаж): и еще далеко (3-й, 4-й этаж) – а уж наверху целая *гурьба* звонких голосов: Надька, Васютка, все высыпали... И раскрываю машину – все со своим шумом так и ворвались. У нас они не сантиментальны, т. е. дети, – и все жестко и грубовато; никаких «лизаний» и умильных слов: а боком видишь – «как хорошо». И вот *даже то*, что я это *увидел*, и как увидел, и почувствовал: «Все хорошо, что создал Господь» – за этот мой взгляд и ощущение мои «опыты» мне простятся.

И еще:

В «опытах» моих есть провиденциальное. Характер жены моей, Вари, противоположен моему. Она вся чиста и целомудренна «до ниточки». Никогда и «мысли»... Ни «пожелания». Затем она всем существом своим благородна и благожелательна к тому, кто этого *стоит*. Но чтобы получить это «стоит» в глазах ее – нужно быть «совершенным яко Отец наш небесный». Она *неумолимо* строга, и когда есть в человеке порок – *беспощадно* судит.

Вообще тут римлянка... Римлянка, славянка, русская. Это-то вот и входит, я чувствую, целым Космосом в мою жизнь и объясняет «космологически» мои «опыты»... Повторяю, к людям она сурова, взыскательна, *не понимает слабости* и растаптывает слабых (осуждением). И вот за эту беспощадность к людям Бог ее наказал (не мне бы говорить, но вижу), отняв то у нее, о чем единственно она молила Его и меня всю жизнь: «Не *подумай* ни об одной женщине», «будем жить только друг для друга».

Она – пальма (крепкое дерево).

Я – мох.

Бог вдруг устал у гордой пальмы корни «слабым», влажным мохом. «Таким гибким» (слабость моей воли).

Ну, вот. Прощайте, дорогой. Я не стану ждать от Вас писем и сам не буду *никогда* писать Вам. Зачем. Мы друг друга узнали. И нового ничего друг другу не скажем. Вы меня простите, *помолитесь за меня* (чтобы «опытов» не было); сегодня «прощеное воскресенье», и вот простите хорошим, добрым, *участливым* прощением.

И я буду Вас помнить. *Мельчайшие* статьи свои присылайте (и я тоже). От Вас я многого и хорошего жду. Если будете *спокойны* и вдруг не «закутите» (по-африкански) – может выйти и великое. Я «Столпа» Вашего не понимаю (правда, и прочел не все), но *все мелочи* (и о Серапионе – попалося) – понимаю до глубины.

Кстати: о «градусах» святости: узнал (мельком увидел) женщину, которую 1) я, 2) Ал. С. Суворин (старик) и 3) моя падчерица (26 л., очень умна) признали – в разных словах – прямо «натуральным экземпляром святости». 6 человек живых детей, 1 – †, 1 – выкидыш, 7-м – беременна; лет 15 погружена с мужем в Евангелие; и *гола, как девушка* 22–23-х лет, и чиста, и невинна, и вся горит сиянием, просто удивительно. Ваш любящий, очень любящий

В. Розанов.

За «опыты» я себя ругаю не *an und für sich**, а в отношении *жены* и кк. следствие *обмана, притворства*. Это ужасно. Если бы не это – велик я был бы перед Господом».

Конечно, Вы напишете мне *последнее* письмо: пишете его не торопясь, урывками, как

Плоды невольных искушений
И сердца горестных обид.

23

<28 апреля 1910 г., СПб.>

Ну, мой друг / недруг (и я стал чувствовать это) – прочел Ваше «Лекция-Лестю». «Свои» Вас осудят: «Рано начал, уже предлагает *Курс*»... «*Мы* скромнее начинали, сперва долго *учились*» etc. – Изложение прекрасно... Но, должно быть, это дух эпохи: стилизация? В медлительно-неуклюжих (по 13 строк предложение часто) строках, но точных, как «нам светским» не дается – точно читаешь «благочестивые» писания Карпова (предисловия к диалогам Плат.) и проч.: вообще что-то специфически духовное и специфически академическое. Грешный, и я люблю стиль, и хотя сам никогда не «стилизую» (лень: ведь это *работа*), но у других ее люблю – ведь это искусство, хороший чекан, «старая позолота». Академистов же я, конечно, больше люблю, чем университетов. Такие «власы» и проч., похоже на «протодиакона» или Аполлона-Мусажета. И хороши (очень

---

* Сам по себе (нем.).

точные) Ваши «й», и (– ..... –), вообще пунктуация. Я немножко влюблен в совершенную точность (=) печатания в отношении мысли под черепом.

Что такое Вы все о Крите говорите? Вот я ничего не знаю. «Боком» слышал.

А ведь у меня есть критские монеты: «Кносса и Феста» (с крылатым – особой формы) демоном или Ангелом (не тип Ники = нашего Архангела Гавриила).

Я – через монеты – тоже страстно влюбляюсь в археологию. Но монеты: «Кто их не знает – тот не знает». –

Слушая – в отличном чтении пожилого, хорошего священника, и мною очень уважаемого – слово Иоанна Златоуста в раннюю обедню Пасхи, и слыша: «...придите все, и опоздавшие, и только *намеревавшиеся*»... «придите, люди *10, 11-го часа*»..... «и *постившиеся, и непостившиеся*» – что-то вроде слез тронулось во мне. В «каменном» древнем мире я думаю вообще не было *таких* слов, *таких* тонов... И древний мир все-таки как-то скучен... Нет интимного. А интимного нет – и ничего нет, или как-то ненужно... Ибо все-таки человек гораздо более чем *размышляющий* человек homo sapiens есть несчастный человек – homo miser: и что вот *этому* не отвечает... вообще как-то не очень нужно, или «не весьма нужно», как сказал бы ^{академик} _{диакон}.
Христианство и Христос впервые открыли миру эти *тоны*, это *нагибание* человека к человеку, а в основе – Бога к человеку.

Не будь недоумения с детьми, т. е. моего подозрения, что И. Х. ненавидел детей *как таковых*, не как «учеников церковно-приходской школы» – как же я отдался Ему. Но тут старая буря подымается, и я ли лечу вверх, тормашками, он ли – не знаю...

Ну, Бог с ними, т. е. с этой мыслью.

Вот когда я думал о «приходящих в 11-й час» (все за заутренней) – так было на душе хорошо. И как часто в минуты таких «специально-христианских» волнений, – я вспоминал или «продолжал судиться» с Вами, и размышлял:

«Ведь вот это слово (И. Злат.) – неужели же Флор. отвергнет, – что «история христианства» бысть для того, чтобы его вместить или из себя его выдавить: что это есть вообще какое-то озарение – души и всех мыслей человека – выше которого... не то что *нет*, а *не надо* ничего. Конечно, П. Фл. не такой человек, чтобы не понять этого. Хорошо, это «an und für sich». Итак, мы оба плачем о слове... Но пока – «музыка и литература»: ведь в слове этом не *прекрасное созвучие*, а оно – истина, т. е. «указующее суть». Словом, вот я его слышу и весь озарен; и что-то щиплет в носу... И у Павла щиплет: но отчего же...

Как-то печально договаривать. Тут друг / недруг мешает договаривать мешает «недруг», выросший из друга.

Бог, верно, отделил людей недаром кожей, шкурою, даже с волосами: *крови* (кроме как в супружестве) нигде не переливаются. Это – не «Божий путь», – «переливать крови»...

Люди, по Божьей мысли – должны вечно оставаться отделенными друг от друга, разными; «заклоченными в своей коже». Если «кожу сдерешь» – получится «ободраный баран» – зрелище неприятное, незстетическое.

Не нужно этого.

Но тогда как же И. Златоуст? Неужто это только «литература», а не путь жизни?..

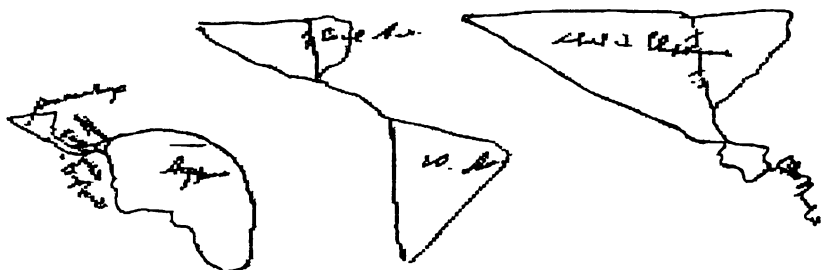
И вот опять сомнение, смущение и смятение.

Не знаю.

И в незнании опять: miser*.

В. Р.

Атлантида есть *дополнительный* северный член к Африке: как Азия с Европой (сев. член) к Австралии, и Северн. Америка – к Юж. Америке. Все члены по типу:

Словом: есть гармоническое, параллельное одно другому, развитие членов материков: в Америке – оно равно, в Азии – Австралии северный огромный, южный крохотен... Африка – одна, ей соответствовал северный член, теперь исчезнувший – *Атлантида*; она имела вид

Острова теперь (Аз. и Канар.) – разорванный перешеек, соединявший Атлантиду с Гибралтаром.

Теперь доскажу о «недруге»: припоминая тон и подробности Вашего рассказа о профессоре-алкоголике (Глаголев?), приходившем к Вам, я заметил, т. е. вот через год, что Вы просто сообщили о «факте» и что вот «бывает»... как на стене Кносского дворца нашли «краснокожего индейца с перьями»: «точь-в-точь как в Америке». А «что из сего следует» – это даже интереснее о Миносе, чем о профессоре. Связав это со словами: «Ни о чем я так не томлюсь, как чтобы *осуществилась* истинная близость людей» («я в нем и он во мне») – в Вашем письме, – я подумал: «Не вечная ли это жажда сухого

* Несчастный (*лат.*).

по дождю, холодного по горячему», «мокрого – по солнышку»: жажда *контрастов* – а не продолжений, в сущности супружеская связь, связь сопряжений, *conjunctio*: как Вы сказали бы в *Lectio*, зайдя на эту «тропинку» и пожелав ее «вторично исследовать». И вот во мне зародился, из такого «друга» – «недруг»... Я – безволосый (борода не растет) – Вы излишне-волосый, я – красный, Вы – бледный, у меня кожа маслянится (лоснится) – у Вас сухая... И мы встретились и обнялись... Но потом контрасты – должно быть, слишком интимного коснулись... и дальше «обниматься» просто неудобно. И Вы, осторожный, раньше меня догадались.

24

<8 мая 1910 г., СПб.>

<Письма Розанова> Монеты «потрогайте»
(я тоже делаю) до 25-го мая

Монеты я Вам пришлю – по одной – может даже при этом письме. Об Атлантиде: «Атлантида – была» – писал в неведомом Вам «Ж. Иностранной Литературы» Булгакова (кокоточный журнал).--- Да было тяжело Ваше молчание и ужасно *сложно* по ощущению, которое во мне вызвало. Тут что-то глубже и нехорошее неделикатности, грубости. Ошибаюсь ли я, не знаю: но мне казалось, что после тех писем, какие я Вам писал (и там «самообличений»), никакой человек не вправе был на последующее отвечать молчанием, не став *бесчеловечным*: и вот это бесчеловечие я почувствовал в Вас, которое меня смутило, испугало, оскорбило, и вообще произвело глубокую смуту в моей душе. Только великая – какая-то страшная и необъяснимая привязанность ли или доверие к Вам побуждала меня все-таки писать, когда было «хочется» (писать) и, конечно, ничего подобного я не допустил бы к другому человеку (Вы немножко не знаете и железа в душе моей, которое есть около воска). Но в конце концов я стал думать: «А он просто – бездушный человек; умный, интересный, но без сердца... черт его дери: просто профессор». Теперь я думаю, что это просто – Армянское плоскогорье, где рождались такие длиннородые и тиаристые тиграны (есть тетрадрахма), а не то чтобы «бородка клинышком», как у костромичей: т. е. просто Вы – нерусский («весь в мать», как и обычно *с сыновьями*). И самое Ваше чувство к России и русским – «стилизация» и «музыка».

Тяжело было. Очень.

И теперь я думаю, что Вы боретесь и одолеваете, и не можете одолеть свою холодность, свое «безразличие». Отсюда Ваша тоска и буря: «Что делать с я». Везде «я», все «я». Мне кажется, истинно счастливым может б. человек только без «я»: или с «я», переходящим в «ты, милый», «вы, они – милые». Но тут дьявольский Ваш возраст: помню по себе, что между 17–26 годами для меня просто не было мира вне «я». «Я» все заслонило, все закрыло. Напор внутренних сил? Старость – полубессильная – как и **испытания** в жизни (Вами несправедливо презираемый «возраст») открывают совершенно новые пер-

спективы, новые психические возможности: «я» становится вдруг, через *перелом* какой-то, абсолютно неинтересным, не любопытным, не дорогим; и пробуждаются или интерес к вещам (научнообразный ум) или (лучше бы) бесполезный интерес к людям, чаще всего – через родство, или через поэтическое восхищение образом человека, ситуацией человека («музыка» – эстетика). Тут Вы просто мало жили и слишком замкнуто, и... думаю, довольно все-таки счастливо. Вам бы, при специальных Ваших муках, нужно «потереться плечом» (ближе узнать) такую породу человека, как моя Варя: она и еще ее *мать* (для меня то же, что для Вас старец Исидор) – суть самые благодородные, мною виденные, куски породы человеческой по какому-то спокойному, но вместе полному (абсолютному, *во всех видах*) отсутствию эгоизма, и по жизни, до того вобравшей в себя интерес или, лучше, *горячность, теплоту* к чужой жизни, к чужому лицу, что эта «чужая жизнь» вполне стала *их жизнью*. Это что-то удивительное в *тонкости* черт и оттенков, в чем (тонкость) и состоит вся суть. Я в 37 л. до того был поражен зрелищем этого не виданным совсем никогда, что... «взял вот и женился». Мне казалось невозможным существовать духовно вне их 2-х: «Лучше умереть, чем без них». Вы ищите руководства, авторитета: если *моральных* – то вот так или иначе, с Варей или *подобным* (найдете ли?) человеком «потереться бы плечом к плечу» (познакомиться, сдружиться). Лично я «всей суммой духа» обязан им 2-м: только меня «качает», а они никогда не шелохнулись. Не по бесчувствию, а «по доброте породы».

Тут я в жене своей (да и в матери ее) наблюдал такие вещи (именно по тонкости), что если бы рассказать все с мастерством Толстого – вышла бы какая-то огромная сияющая, до последней степени трогательная эпопея. Все Лизы Калитины, Наташи, Татьяны – просто никуда не годятся. Тут не увлечение *мужа*, а объективное наблюдение. Терпение, скромность, «взятие креста на себя» для другого... не умею сказать: все – удивительно, удивительно; тут – такая вера в Бога и особенно самая-то эта вера такая молчаливая, «про себя», такое прибегание к Нему, и иногда в таких полусловах... Но не умею говорить. Бог дал мне это увидеть, и довольно.

Просмотрев это много лет, – мне кажется до того жалким все, что пишется о религии, о вере, об отношении к Богу: скучным, жалким, неживым; наконец даже *по форме* поверхностным. Странно: но и вся моя вера в русского человека (*породу* его) и (иногда) горячая к ней любовь вытекает из *точно-го* и *подробного* знания этих двух человек. Все прочее, встречающееся – гибко, хрупко, *фальшиво*.

Ведь это удивительно: за столько лет ни разу не притвориться, не «сыграть роль», не «разыграть из себя»; как и не почувствовать: «Ах, если бы мне тоже» (что у другого: богатство, ум, положение).

И – полное достоинство, временами переходящее (по обстановке, по окружающим) в суровую гордость.

При отсутствии всякой *слепоты* к мужу, детям. Ну, устал.

«Вася, у меня свет померк в душе» (при моих «глупостях» внутренних)... «Вася, самое страшное – что я потеряла *доверие* к людям»... И когда улучшаешься (в душе) – счастье заливает ее.

Сколько я от нее слышал слов, в меру Иова, – и того же смысла...

И вот она считает «мясную-денежную книжку», с таким старанием лица, где лавочник приписал лишние 13 коп.: и смотрю я на нее, которой совершенно не нужны деньги, и думаю: кому придет на ум, что эта считающая копейки женщина есть ясновидящая, не хуже Св. Терезы, – есть (по уму) вполне великая женщина, но которого никогда это и на ум не приходило...

Но вся избитая...

Вся исколоченная...

Сомнением, шатанием почвы (я) под ногами...

Нет, не умею сказать: нужно прожить, нужно «пощупать руками».

Как-то она вся вот-вот готова перейти в «апокалипсический век»: вдруг что-то «разверзется», какая-то «правда брызнет», и моя Варя вся замрет в невероятном счастье.

И как мне грустно, что я не с нею... Как вообще мне грустно о себе. О, ни за какие «опыты» я себя не судил бы, если бы через них не *отделялся* от Вари. Но мы на «разных берегах»: и вот это до того грустно, грустно.

Как-то (в Кисловодске) сидим на концерте, в театре; вокруг занавеса «маски древности» (лепные):

– Вася, мне кажется, когда я буду умирать – у меня лицо делается такое же, как вот так вокруг (до последней степени ужасное, испуганное).

Я захолодел:

– Тогда тебе, Вася, все обо мне откроется – и ты узнаешь, каков твой дружок.

Все это ужасно страшно.

И я теперь сижу и дрожу.

И нельзя вернуть прежнего, нельзя чтобы «пережитое – было не пережито».

Вот, я думаю, корни религии: куда же мне пойти? Тут Бог нужен. «НЕ МОГУ без Бога».

В. Р.

Какие глупости, что Вы боитесь, что я напечатаю Ваши письма; это был *façon de parler** сказать, что они важны, интересны: но ведь это не деликатно *без позволения* печатать чужие, да еще конфидентные письма, и я не такой «сапожник», чтобы это сделать и ни в отношении *кого* этого не делывал. Тут Вы ошибаетесь и просто «с ума сошли».

25

<1 июня 1910 г., СПб.>

Дорогой П. А.: был здесь Ельчанинов и такой свинья и прощальга – звонит ко мне от Тернавцева, говорит: «Буду» «или в пятницу», или «в субботу», или «утром в воскресенье»: и «по-русски», конечно, надул. Черт с ним. Передайте ему, чтоб больше он никогда не смел «звонить» ни в мой телефон, ни в мое сердце, ни в мою дверь. Ненавижу коварных...

* Манера выражаться (*фр.*).

Но он мне сказал и по телефону нечто грустное о Вас. И захотелось мне Вам сказать что-то теплое, чтобы Вас успокоить или облегчить. Именно он сказал, что Вы «все тоскуете»... и на вопрос – «не находя друга, близости». Сперва я выругался в душе: «Какого ему еще друга, кроме меня: кажется – я *такой* друг», «вот все раскрыл о себе». Но по исходе минут я стал думать: «Да ему нужно не *к нему* расположение, что я ему даю: а *свое* к кому-нибудь расположение, в сотворении которого он неволен, как всякого *fatum*'а. И мне стало... не то чтобы жаль Вас, а как-то лучше, больше: я ощутил боль за «моего тоскующего Флоренского». Тут, конечно, много значит молодость Ваша: молодые годы – всегда годы «безотчетной тоски». Помню, лет около 27 и позднее я все думал о «пещере на берегу Москвы-реки», и – *жить решительно не хотелось*; и вместе *далекое будущее*, «через 30–40 лет» – ужасно манило и почему-то казалось «в лучах».

Ну, Бог со мною: о Вас. Я знаю, Вы благородный человек (?) и потому буду «хорошее» рассказывать о себе, в «утешение благородному человеку». Может быть, грустные мои «опыты»* и не без морального плода... Что-то светлое-светлое прибавилось в нашу жизнь после них; конечно – постоянный внутренний упрек, постоянное раскаяние – сделало речь мою ласковее, глаз – зорчее в «предупредительности», и проч., и проч. И жена так радуется и счастлива. Если бы Вы знали, до чего она любит меня, и «всякую капельку ласки» сберегает. Ничего не потеряно из маленьких «знаков любви», ни одна пустая записочка, ни один вложенный в письмо цветок-былинка.

Большая вещь – семейный опыт. Мне грустно, что Вы «такой бы возможно великий» начали с проститутки... Боже, какой это грустный опыт. Но так всегда монахи: порицают брак, а сами из него видели только какую-то «бабу на заднем дворе». И что Вас толкнуло, какой бес, какой *холодный и бессильный* бес? Тоже «любопытство», как меня? У Вас не могло быть напора сил, «нетерпеливого желания». Простите, мой добрый, что я пишу Вам эти «сырые слова». Так вышло. Я жалею о судьбе Вашей: что именно в идеальной привязанности к достойной девушке Вы не раскрыли себе «святой плоти», о которой так хорошо и верно писали мне.

Но –

Все уляжется...

Помните у Пушкина:

Не пылит дорога,
Не дрожат листья,
Подожди немного
Отдохнешь и ты.

---

* Кстати, м. б., Вы не совсем их поняли: ведь я никогда ни с кем не совокуплялся, и как-то внутренне «твердо решив», что моего *fall. ni* одна *женщина* не коснется и не увидит – выдержал это. И Бог поможет, в этой «метафизике». Я же иногда. Все же головная-то метафизика – жизнь, *generatio* <рождение> иная.

Великие вещи открывает семья: и тут какой-нибудь уголок, какая-нибудь минутка – и рассыпаются снопы света, благородства, *деликатности*. Ах, грешны-грешны монахи, что ничего-то, ничевохонько они в семье не поняли, и так ее осудили. Что *осудили* – Вы против этого не спорьте «по личным примерам»; «говор веков» заглушает Вашу «премудрость». Прощайте. Целую.

В. Розанов.

26

<3 июня 1910 г., СПб.>

Помните, однако, и этот вечный припев Талмуда и коренную мысль Ветх. Завета: «Ничего нет дороже *жизни*, самого *бытия* человека, – для Бога», и след., «для наших рук» ничего нет священнее», «некасаемое» как эта наша жизнь. И «кто касается ее, отнимает ее у другого, у себя» – Противник Богу; «*Апостат*». Самоубийство – страшный грех; увы, в «христианской меланхолии» довольно обычный.

Буду Вас слушаться (а Вы – меня относительно само-смерти)... Как хотелось бы мне *прямо* посмотреть на Христа... Ведь по устройению души я – «кроткий христианин», без прикрас, без ломанья, «по-настоящему». Только христиан и люблю, с ними говорю, общусь, беседую; «язычники» мне совершенно чужды; и «нищенка» мне дорога, а на Аполлона Бельведерского я смотрел в Ватикане и думал: «Как *скучно*... и *холодно* и МНЕ вовсе не нужно».

Но неужели же аберрация все, что «узелок к узелку» у меня связалось о Нем за 10 лет, связалось «само собою». Ах, если бы мне говорить в *корень* всего, – доброту и простоту Его... Ведь мой пафос отрицания – моральный. «Не хочу злого, ненавидящего».

Ну Бог с этой моей печалью. «Поверю печаль мою Господу – и пусть ведет меня не куда я знаю, а куда *Он* знает». Все же я думаю, что и *Давид* в спасенных: а ей-ей часто я сознаю себя = Давиду (даже есть *индивидуальное* сходство, как и в судьбе: не смейтесь).

Неужели *обман*, что я беса не чувствую, т. е. что его *во мне* нет? Всегда я чувствую, что «Бог ведет меня за руку», и ей-ей не как аллегория. Осязаю. – И – верю.

Из «судьбы Вашего рода» мне, напротив, кажется, что *Вы*-то, «старший (теперь) в роде» и искупаете *πρωτος ψευδς** «непослушание Филарету» и выход на «духовный путь». Что, по моему, само слагается в Вашей судьбе – то это «сесть Старцем» в д. Ивоилова: слагается и уже почти сложилось так прекрасно, что нечего и поправлять, а надо только «продолжать славно шествовать». Простая келья, монах вне монашества, «духовный» без мундира, советник, друг, руководитель, – и «светлый ум» в Академии, м. б., – исключительный ум, «даже больше Кудрявцева и Ал. Введенского» (кажется, «не очень») – конечно Филарет большего не ожидал от деда Вашего.

* Первая ложь (*греч.*).

Это так ясно. Почему Вы не видите этого ясного пути. «Ищу рукавицы, а обе за поясом».

При Вашем = винкельмановском (бесспорно был «s») чувстве античности, при раздельном, ясном языке (Lectio), значительной энергии в слове (много пишете), полной зрелости уже в 30 лет, без молодых «ходульностей», – и, что «Божий перст» – при благородном, вполне удивительном «s», закону коей Вы явно подлежите – при всем этом Вы являете собою сумму таких благоприятностей в смысле судьбы, света, будущности, как этого решительно не приходилось еще наблюдать. Мне неприятно только думать (и видеть), что Вы излишне самолюбивы, как Зораб («Рустам и Зораб»): Ваше «брошу все» или «брошу и умру», «разобью звезду» – хвастовство фабричного «красненькой», которую Вы получили от роду и «вот возьму и разорву на глазах всех», «пусть дивится народ». Это ниже Вас. Это ниже Вас и просто «как в 12 лет». Простите за эту «Троицкую березку», коей я тоже секу Вас.

В данных реальных Ваших – решительно ничего нет «к смерти». Иное: неопределенная тоска, мука, грусть. Простите, я никак не могу в это «со страхом» войти: ибо все это пережил в Ваш именно возраст. «Не хочу жить», «не хочется», «не могу»; «уйду в пещеру на берегу Москвы-реки»: и спокойно вышел «литератором», звание довольно пошлое.

Но и я чувствую, что «не только же литератор», а вот – и вся история с Варей... И Вы будете «не только «профессор», а – Флоренский, «наш Паша», «наш (общий) Павел из Троицы».

Как мне нравится и *дорого*, что Вас заинтересовали монеты. Здесь, подлецы, никто не интересуется. Даже «посмотреть» лень (и Мережковский). Просто подлецы «русские». – Ни капли в них Фригии, все – из Обломовки. Я Вам буду присылать, то на просмотр, то – вовсе (дублеты). А ведь я Вам нарочно не объяснял их, чтобы Вы предварительно заинтересовались:

1) 1/2 хальк. Сова. Rv. Звезда в серпе молодого месяца.

2) Snossus. Хальк. Бык (Зевс) скачет влево, унося на себе Ио – Европу, сидящую на нем боком, и которая держит на себе покрывало: ; внизу символ – дельфин, головою вниз. Образно: План лабиринта; звезда и

ΚΝΩ Σ Ι Ω Ν

3) Крит «in genege» (т. е. монета, выбитая от лица Союза всех критских городов) – при Адриане. Портрет Адриана. Обр.: Жертвенник маленький, с перехватом; на нем «языками» пламя; над ним – диск

К К

4) Гор. Фест. Волк (животное посвященное Аполлону. ФАИС Обр.: Кабир – крылатый. Мне он *пластически* (движение) более нравится, чем юноша следующей монеты).

5) Полиримниум. Гол. Аполлона? Гелиоса? en face. Rv. Аполлон идет, держа в протянутой руке предмет неясного значения, в левой – длинную пальмовую ветвь.

Прилагаю в подарок 2 дублета.

1) Панतिकопея. Гол. Аполлона. Обр.: Колчан для стрел (с крышкою). Остаток подписи **ΠΑΝΤΙΚΟ**

ΠΑΙΤΩΝ.

2) Птоломея Евергета: Гол. Зевса. Обр.: Орел. Перед ним городской герб города Тира – палица Мектоарга. ΠΤΟΛΕΜΑΙΟΥ ΒΑΣΙΛΕΥ. Чеканен в Тире (принадлежал Птоломеям в это время).

<Приписка на предыдущей странице>. Еду в Наугейм. Уверен, что Вы во многом «исцелились бы», подружив с Вареею. Как и мне она была источником громадного... «улучшения».

27

<28 августа 1910 г., СПб.>

Дорогой П., наш дом постигло великое несчастье: жену разбил паралич. Ах, сколько горя, какое недоумение о мире! Такая тоска, смута в душе. Ездили в Наугейм (наконец-то собравшись с деньгами), «воскресла», успешное лечение, и 2½ месяца проведенные без забот. Как она, милая, всем интересовалась!! Не забуду ее вопроса, да и вы поймете. В Глиптотеке любуемся на Эгинские мраморы (копия в натуральную величину): я рассказываю, как англичане все к себе перевезли, и проч. и сказал: «Лет за 300–400 до Р. Х.». Ничего не сказала. Потом, когда объясняю уже другое, она прерывает: «В котором году это было, Вася?» – «Лет за 200» (о портретах греков). – «Ты не ошибаешься?» – «Нет». – «Постой, Вася, я ничего не пойму: – да ведь до И. Хр. *ничего не было*... «Ну...» – «Т. е. было... были дикие люди: как же это?». – Она была поражена *достоинством лиц*, об этом мы говорили, как и о том, что теперь нет лиц. – «Нет, Варя, много было до Хр.».

Ах, как грустно, Павел: что это? Почему я не хвораю никогда, такой черный и мелкий: а она *не выходит из болезней* (3 операции, воспаление сердца, вот теперь паралич). Ах, П., как страшно жить, как тоскливо.

Степень и *красота* ее веры – неопишима. Вот как Вы любуетесь, «как эллин поставил ноги» (на монетах) – я люблю столько лет ее молитвой, ее всем. Ее странной *деликатностью* в вере – иначе не могу назвать. Только болезнь так может научить вере: Вы знаете болезнь – это нечто безысходное. «Муж не поможет, дети не помогут». Кто же? Что же? И врач так медлит... И я не забуду, как купленную 10-копеечную карточку Иоанна Кронштадского (правда, б. великий старец) она прижимает к голове (голова болит), прижимает к сердцу (в груди давление), – и так держит, держит, часы... «Цепляется». Ей ли было не помочь?! Ах, какое недоумение.

Ужасно, Павел, жить в мире.

Дети б. в Полтав. губернии, и попросили маму убрать квартиру к их приезду. Мы поспешили вернуться, и она обычно «до упаду» убирала комнаты, перетирала мою вонючую библиотеку, вешала мои (ей столь ненужные) картины. Наконец вот день, когда они «могут приехать» (канун приезда, оказалось). Я занимаюсь, она входит и говорит:

«Я совсем как дурочка: вычистила полки, одела белое платье и выхожу на балкон – точно они должны вернуться из Александровского сада (обычное их гулянье): да ведь они *на вокзал* приедут». Это «вычистила полки» для встречи детей – я никогда не забуду.

Скажу о Варя моей: не имея самого подозрения о том, что такое кокетство – она всегда любит быть свежа, чиста, и чтобы «лиловый бантик б. к цвету рубашечки» (сегодня надела и указала мне, – а почти недвижна в постели). «Анархии» в костюме или комнате она не выносит, как и мой табак ее «донял».

Ну, и приехали дети, назавтра. И – дети как дети – разбежались по своим комнаткам и занялись разбором своих жуков, камней, сушеных трав и вечных «открыток»... Маму мало почувствовали, – разве 2 старшие. Но она была счастлива. Еще «завтра», садимся и пьем кофе.

Кончили все. Вышли из-за стола; я докуриваю папиросу. Варя пьет последнюю чашку и поперхнулась.

Задержала чашку в руках и откашливается. Старается откашлянуть крошку хлеба, попавшую в дыхательное горло. Но так все спокойно и размеренно, что я, чтобы не мешать ей «справиться», встал и прошел в кабинет к письменному столу. Это («крошка в гортани») нередко у нее бывало, она никогда не испугается, не растеряется, и справлялась в 2–3 минуты. Прошло минуты 1½ – 2, вбегает бонна в кабинет, и говорит: «В. В., подите к В. Д., с ней что-то случилось, я не понимаю. Она не может откашлянуть крошки». Вбегаю. Варя бледная, глаза как будто тусклые. «Варя, что с тобой, не бойся». Не отвечает, смотрит на меня. Взгляд притупленный. «Боже, что с тобой». «Проглоти корку хлеба». «Кашляни». Ничего не отвечает. Я бросаюсь в комнату старшей дочери (26 л., от 1-го мужа), «Шура, с мамой что-то случилось». С воплем и вытаращенными от ужаса глазами она вскочила (еще лежала в постели) и бросилась в столовую. «Мама, что с тобой! Мамочка, мамочка, доктора!». А Шура бедная («завтра» после приезда, замучилась с детьми, учила их) лежала дольше обыкновенного в кровати, и смотря на чистые потолки, думала: «Какая милая наша мамочка, как она все вычистила к возвращению нашему», – говорила сама потом. Берем под руки и она не идет, и мы волочим ее в детскую (самая «воздушная» комната), кладем перед балконом, растегиваем лиф, спускаем юбки. «Дыши! Не бойся! Сейчас доктор».

Никаких докторов! (Телефон): 10 ч. или уехали на практику или не вернулись с дачи. Эти ½ – 1 час мы с ума сошли!

Но собираются, схваченные швейцаром, 3 жидка. Решение: «Горло свободно, но рука и нога недвижны: У нее паралич, или от кровоизлияния в мозг, или от пробки в жиле мозговой (эмболия, тромбоз). Вообразите, я обрадовался: так значит не задохнется; сейчас, вот в эти ½ – 1 – 1½ часа!

Ах, какой ужас, Паша.

Сейчас все дети уехали на могилу Иоанна Кронштад.; это вчера еще вечером собирались, и когда «отложили до сегодня», я извиняясь говорю ей.

Она отвечает: «Мне все равно»... «Не могу молиться». Бессильно: «Ну, что я делала... Молилась всегда, как горячо молилась. Послал Бог отдохнуть: когда-то собрались! Нет – удар опять...».

Но сегодня, она уже повесила любимую карточку (И. Кр.) опять перед собою. Только сказала, чуть-чуть сидя (у нее язык заплетается, невнятно):

«Какой-то рок я чувствую»... «Только что только выползешь на краешек из гроба, в чуточку и вздохнешь – удар и опять свалит туда же».

«Я чувствую, что я вся в руках Бога», «но что это?».

У нее чувство: «Я в руках Божиих» до того сильно, что она от этого никогда не растеривается. «Я знаю, что со мною Бог, и он меня не оставит». Это всегда у нее.

И вся беленькая... Такая раздавленная, кроткая... Отнялась левая половина, т. е. «закупорка» в правом полушарии».

В. Розанов

Подите в церковь и помолитесь о Варе, хорошей молитвой. Как мне дурной представляется вся моя жизнь, вся моя личность (Вы были правы, не отвечая мне).

Только Вам надо было повзыскательнее говорить со мной. Есть какая-то мера «строного и доброго» и ее знают одни праведники.

28

<20 сентября 1910 г., СПб.>

Ну, ну: 4 недели не спросить: «Как! Что?».. Я б. уверен, что Вы не вернулись из Тифлиса, и уже хотел спросить Тареева, где Вы? Оказывается – Вы там, у Троицы.

Бог с Вами...

У жены – паралич, слава Богу – временный: эмболия (закупорка кровеносного сосуда) в мозгу, связанная вообще с болезнью сердца (4 года назад у нее) и перерождением сосудов, происшедшая внезапно и беспричинно (по докторам): «Может – быть, а может – и никогда не быть: у нее – случилось». В просторечии именуется: «удар нервный» (= мозговой), по словам медиков.

Теперь лучше: 4 дня вывозим на кресле из спальни в мою комнату; очень трудно провезти туда, мебель и узкие двери...

Пилю кофе: поперхнулась. Я чтобы «дать прокашляться» вышел (она нередко «поперхается»). Вбегает бонна: «В. В., войдите в столовую – я не знаю, что-то такое с В. Д.». Варя – сидит, молчит, и смотрит по сторонам. «Что с тобой, Варя? Варя, что ты? Откашлялись». Молчит. Спокойная, вялая.

В ужасе бегу к Шуре (старшая дочь, от 1 мужа): «Шура, с мамой что-то случилось» (она накануне с 5 детьми приехала из Полтавской губернии). С воплем и выпученными глазами она вскакивает с постели («потягивалась» с дороги) и кидается в столовую. То же: «Мама, что с тобой», – и молчание.

Мы уверены (абсолютно), что крошка стала в горле и она задыхается, умирает.

Прошли как смерть 30 минут; к швейцару – «за доктором», к телефону, по знакомым врачам: «Никто еще не вернулся с дачи» или «уже уехали на практику». «Боже, помоги, Боже, что делать. Боже, да Боже же: *как Ты не поможешь*». Тащит швейцар (умный) с улицы 2-х докторов, и 1, «запасного жиденка» удалось «застать дома» (по телефону): все – жиды. «УВЕРЯЕМ вас, что проход в горле у нее свободен... Но у нее что-то с рукой». Да: видя, что «задыхается» мы схватили ее под руки и тащим-волочим в детскую (светлая и большая, лучшая комната). Не идет сама. «Ну вот, как умирает». Сняли юбки, кофту, в сорочке. Раскрыли окно-балкон.

Доктора: «У нее произошла без сомнения эмболия, закупорка кровеносного сосуда в мозгу». Я был *рад*: «Значит, **сейчас** не умрет»... Можно думать, бороться. Страдание, но не *смерть*.

И когда прошли дни...

Да: прошла великая смута о Боге. Она все велела молиться. Да сам хотел. Молюсь, и сам не знаю кому? Как! Молиться *так нужно*: а «прежние мысли» – куда же их деть, нельзя обратить в «нерожденные». Шура (старшая дочь) говорит: «Папочка, какой же у Вас ужас в душе, если вы почти сатанинством называете все то, чему «вообще молятся» и в то же время вот теперь имеете помолиться туда же». – «Отрекитесь, папочка!». «Перестаньте писать»...

– Да, Шурочка: но я *ничего не понимаю*.

«Не понимаю» – ужасная смута в душе, из которой не могу выбраться. Не «не хочу», а не могу.

Сам – кроток. Тих, «богобоязен».

А – 1-й бунтовщик.

Положение, а не душа.

В «душе»: только бы молиться. Ничего не знаю выше, как жить в неизвестности и «только с Богом». А на деле – суета, и бури, и печаль, и все.

Но это – положение. Корабль без парусов и труб, дреплующийся где-то среди океана. «Как, что? Почему?». – Темно. «Бог *привел*»...

Судьба. Бог поставил в такое сочетание, что «борьба уж вышла». Бог что-то хотел *поправить через* меня; указать людям «зло и неверное»: и вот бросил меня «в это сочетание волн».

А «там» (в истории) «будет видно». Все ложное – и забудется, истинное – принесет «нужный (Богу) плод».

Вот взгляд мой на себя и «свое».

Стал молиться *с принуждением* (Бога): «Господи, если я так хочу всем добра, никому зла не желаю, не допускаю в мысли, *не мог бы причинить*: то сделай же Ты, безгрешный, святой... *Не можешь не сделать... Должен сделать...*». «Сделай! Сделай!».

И все такая магия? Гипноз? Истинное в религии?! Когда смотрю на лампадку перед образом (древние светильники, древние и *всемирные*) – «Бог близок», «я счастлив», «мир в душе», «кому-то молюсь».

Все молитвы – к Богу? Неужели это сомнительно? Который-то Ангел (греческий? Товии? Св.Серафима?) – «отнесет мою молитву к Богу *Единому Сущему*».

Без эт. «Един. Сущ.» я не мог бы жить; не живу ни одной минуты. Не представляю как бы жил. Удавился бы. Сошел с ума.

Он у меня «всегда за пазухой»: и – «за звездами». Везде – во мне. Над миром и «мой».

Будет.

Без «беляночки» (жена) – нет меня. Ах, как хотел бы я сказать всему миру: «Что вы думаете, гадаете, сомневаетесь о «Розанове» (критика): «Розанова» – нет. «Есть» кто-то за ним. Молчаливый. Грациозный. Весь поэзия и смысл. Весь дума и вдохновение. Вот «это» он только ловит, чувствует, прислушивается; вдумывается в «поучение», ему открывшееся – и тогда пишет.

Без нее – нет меня, как литератора; нет – как *ума* и как *силы*. Ничего нет: но когда она – за мною: я – всесилен.

Не боюсь.

Вся моя жизнь и «сочинения» направлены «по кончику ее носа»: как при наводке ружья (прицел) и в корабле (руль, компас). И *без нее* – мне просто *не о чем было бы писать*. Не только бы не было «интереса», но и, главное – *темы*. «С нею – бесконечная».

Вот история «моего отношения к церкви».

Да: на днях, она говорит:

– Вот, Вася, видишь – рука: она мертвая (паралич): сейчас дай мне обещание, что ты никогда не будешь говорить против церкви – и я тебе говорю: Бог сделает чудо – она (рука) двинется.

Я весь закипел негодованием... к церкви (сейчас объясню, почему).

Еще говорит:

«Нет, Вася: ты помнишь как мы ходили около Введенской церкви (знакомься, дружась, узнавая друг друга: церковь vis-a-vis с их домиком в Ельце): так и кончим жизнь, как начали – *около церкви*. Перестань спорить с церковью. Она святая»...

И опять – еще сильней негодование...

Не из «Песни песней» началась и наша любовь. Да все «русские любви» вообще не «фригийские», не из «очес» и «щек»: все – из грусти, «неудачи», «несчастия» и скорби: и когда люди начинают «прижиматься друг к другу», чтобы «хоть в вдвоем спастись». «Как-нибудь»...

«Национальная» любовь...

Она «отдалась мне» (до брака), когда узнала, что я «импотентен» (моя иллюзия, моя мечта, мой «страх»): тогда-то, чтобы «поддержать гаснущие силы» (мужчины) и, во-вторых, меня «утешить», «ободрить», она и сказала: «Вот – я твоя, и, кроме того, кроме тебя, я никого и не буду любить. Мы – муж и жена».

Дело в том, что я б. некрасив и урод и около 40 л., когда мы «встретились», и «все ходя около Введенской церкви» она рассказала – поэтичнейшую и страдальческую – свою жизнь с I мужем (чистая любовь, препятствия, лишения должности им – при бедности – медленная слепота и смерть 29 л., ей – овдовела в 21 г.).

И все ходила – далеко – на могилу. Зимой. «Кой в чем». И мать ее – все плакала, видя слепнувшего мужа дочери.

И все терпели.

Они всегда и все терпели. И все молились. «Без надежды на Бога я бы не жила» (ее мать).

«Как без Божией помощи? Схожу в церковь – и опять на неделю сил» (ее мать). И бежит до звона.

А дочь-вдова 26 лет, – вся невинная и белая, с чистым звонким голосом, изящная и оживленная и как-то «вдалеке от всех» (подруг)... с нею дочка 6 лет, беленькая и востренькая (Шура).

Она мне рассказывала жизнь, а я ей не рассказывал: она – знала, как и все в городе. «Не симпатичный, угрюмый учитель (гимназии), написавший огромную книгу («О понимании»), немного сумасшедший, ходит летом в калошах и в меховой шапке в мае, п. ч. забыл или не знает, что тогда уже покупают шляпы».

«Брошен женой. Спит под енотовой шубой. По воскресеньям играет в карты у Клушина. Смеются над ним. И ученики не любят. Урод и, должно быть, ничтожество».

Ну, дальше, больше... Слушаю ее: вот бы «подруга моих дней». – «Как она чиста! Как вся хороша! Как вся *благородна*...».

Дал бы обещание, по смерти 1-й жены (очень старая, брак-фантазия и тоже «по страданию») жениться; да ведь я и *импотентен*...».

Импот. образовалась от «перегорелости» чувственности «под енотовой шубой», как я думаю, все «перегорает» у решающихся на «пустынный подвиг». Думаю и чувствую: «Встанет»? – Нет, не «стоит». Ах, я боюсь, что он вообще «не встанет»... И он «не встанет»... Дни, недели... Никогда не «встанет». Шевелю – не «шевелится».

Страх в душу. И он «окончательно не встанет».

Подкрадываюсь к ней (в смертном смущении и *тоске*): «О, Варя: как бы я хотел быть только твоим мужем, и ничьим еще... Всю бы жизнь... Всю бы душу...».

– Ну, ну! Ну, да...

– Но ведь я...

– Что?

Молчание...

– Варя, от болезни или от чего, от «невольной неженатости», – но я если и «мужчина», «может быть» – то «лишь с краешка»; на год – два – три... Ибо все уже «кончается» и теперь я «вообще не мужчина»: не знаю, не понимаю. Но когда мы переждем 1-ю жену: *навверное* в то время уже не буду мужчиной.

В такой тоске, как умираю.

«Вася, мне надо подумать. Ты пока не ходи к нам, а я буду одна и буду обдумывать (у нее «идет мысль», а не «взвешивает все»).

Видимся опять.

– Ну, вот. Это, конечно, тяжело... Не будет супружества, а ничего. Но вы меня любите, я вижу. Вы только будете обо мне думать. И я обещаю быть вашей женою и ни о ком не думать. Эти дни я выверяла, смогу ли я быть вам верною, любить вас до конца при этих условиях – и решила, что могу.

А я все, от страха, трогаю «импотентность»... «Будет ли на два года?» – «Может уже теперь все кончено?»... Но если без *женщины* не «встает»: может «встанет» с женщиною... Когда целую? когда обнимаю? Когда трогаю «перси»... и я, почти держа руку «в кармане» («отвердевает» ли?), стал физически ближе и ближе к Варе. По глупости я не знал, что «страх и забота, неуверенность в потентности – производит импотентность». Но это я теперь знаю...

Да и слова мои: «Угасло все *должно быть от невольной безженности*» – толкнули и зароили рои мысли в ней.

«Я его должна спасти».

Пошла «русская любовь»... Когда я ее 1-и раз взял за «перси», она мне написала записку, 15 строк: «Как ее мать учила быть чистой» – и я б. до того поражен этими невинными словами, что, залив в воск и зашив в тряпочку – до сих пор, с крестиками (все «памятки») ношу на шее. И вообще для меня Варя – «религия»... Все «лучшее и чистое», что нашел в жизни, встретил на земле, кто мне б. послан Богом, чтобы «научить и вразумить»...

Так и «произошло все»... 1½ месяца б. «импотентен», ½ импотентен, «чуть-чуть», «наконец – да».

Забеременила.

Ужасы. Мать ее мне давно сказала: «Мне – на всякий случай говорю вам, это дело иногда минут – легче живой лечь в землю, чем увидеть свою дочь павшей».

«Известно – провинция».

Ужас... Произошел выкидыш. На «ходу» и все течение его провела «на ногах».

Деверь (брат мужа) ее и говорит:

– Да я Вас с В. В. обвенчаю...

При отце своем, старом «консистерского типа» и «величавом» протоиерее!..

– Как же, когда он женат? (он).

– Да вы, папаша, помните канонический закон; священнику нужно знать одно, по свободному ли желанию вступают в брак венчающиеся? А все остальное государственные прибавки и требования, до которых священнику собственно нет дела.

– Так-то так...

– Ну, и очень просто. В. В. уплатит мне 1000 руб., и я обвенчаю в моей Калабанской церкви (приют, летом – «все пусто и заперто»). А венцы возьму из вашей церкви и заранее, под рясой, пронесу туда.

Огромный. Саженный. Любовник красивых прихожанок. Хохочут. Весельчак, «душа парень», жил – «при благосклонном сочувствии мужа» – с женой купца, и (как потом открылось) на глазах жены, испуганной и молчаливой, и купца-мужа – устраивал с нею (женой купца) оргии.

Любим «всем городом». Умен и так остроумен. «А уж смелости»...

Варя прибегает к матери: «Вот что Иван Павлович сказал».

Мать на неделю слегла. Смушение, недоумение. Нерешительность.

Пошла к от. Ивану («высокий седой священник» – мною описанный в конце «Легенды об Инквизиторе» Достоевского) и все «сказала на духу» и спросила совета... А Ив. Павл. ему – дальний родственник. Задумался. Молчал.

– Все бы ничего... Да зачем эта 1000 р. тут примешалась.

Она:

– Такое большое дело. И страх. И это – просто как укрепление в силах.

Дал благословение.

А уже вечером Ив. Пав. ко мне приходит. Спокойный. Твердый. Хоть бы крупинка страха в глазах:

– Я вас повенчаю. Записей не будет. Только сверх 1000 условие: немедленно переводитесь в другой город (служба) и уезжайте. Уедите – и забудут. Без этого – толки. Что, как? И может раскрыться.

– В «непостный день» (соблюл это) гуляйте в городском саду. Я к Вам выйду. И пойду с вами как бы показать мою церковь. Запремся. И я обвенчаю.

Мать (ее) ему:

– Только Вы, И. П., *не молебн* им справьте, а чтобы полное венчание.

Смеется.

Гуляем. Яркий майский день, 12 ч. Смотрит из окна. Улыбается. Выходит. Ведет. Спросил у сторожа ключи. Мы ни живы, ни мертвы. Я в сюртуке (при «параде»), она в белом платье. Вся невинная и торжественная. Глубоко серьезная. Несет сторож ключи. Отворяются двери. И он – так медленно и гремя запирает их. Я с ним («из вежливости»): оборачиваемся – стоит моя Варя на коленях перед иконой (в «сенцах» церкви) и так горячо, со слезами (у нее не глаза, а *все лицо* плачет)... На движения наши встала, вся великая и покойная...

Зажег он все свечи. Все ничуть не торопясь. «Теплота» приготовлена. До сих пор не помню кто «держал венцы»... Все вообще как сон и замороженность.

«Ну, теперь выпейте теплоты»...

Сам читал, произносил и пел, «за попа, дьякона и дьячка».

И сказал, кончив, с амвона:

– Вы знаете, что жена Ваша ничего от вас не имеет*. Вся крепость ее – только в вашей душе. Сберегите ее»...

Немного больше, сложнее. Хорошо сказал – и было это «настоящее». Варю он как и «протоиерей»-отец и все «их родства круг» – любили и уважали и «желали всего доброго». Вообще она удивительна по пробуждению *всех* доброты к себе: как и сама «плачет о мире».

И вышли. И запер церковь. На всю жизнь я ему благодарен, и никогда его не судил «ни за что» и вот только невестка его – года 3 назад – рассказала об «оргиях».

---

* Т. е. «записи» и «официального положения».

А так – «весел и любил».

Скушал редиску после тифа и †, года через 3 после венчания. *Отнюдь* не думаю, что «наказание Божие»: и вообще что наш брак «должен быть» – это для меня, «нерушимая стена» веры.

Брак этот мне все открыл. Всему научился. Варя стала для меня «книгой закона».

Вы – мудрость («мысли»). Я – тоже. Наполеон – сила, лев. Цари суть «царственные особы»...

Но это все – не главное.

Главное – «прелесть души человеческой». Так, необъяснимая, неуловимая.

В чем, где, как?

Во всей жизни, в целой жизни.

От зачатия (мать ее «вымолила», дав обет, у Варвары Великомученицы – в Киеве – и зачала по обету, и беременная ею – ездила (на лошадях тогда) благодарить ее за исполнение. Она б. больна много лет «непрерывным выкидышем», – и вот «если зачну и *доношу* – назову для Тебя «Варварой») – рассказ мне. Она и есть, и я верю «богоданная».

Я подозрителен. Недоверчив. «Еще в Ельце» б. мизантропом и ненавидел и *презирал* людей («трава», «сволочь»). Она мне все вернула. Она зародила во мне бесконечное движение к людям, которое вот только «революция» стала покачивать.

Вот нынче за границу я увидел в ней столько *ума* (при «неведении» истории и культуры), что это просто что-то мировое...

Ее деликатность...

«Никого не обидеть»...

Ее тонкость и *молчаливость*, напр., в «поле»...

Никогда не «позовет»: через 20 лет брака. «Что же ты не пришел вчера: я так ждала»... – «Да отчего ты не сказала, Варечка: я сидел с монетами». – «Совестно было»...

До сих пор (45 л.) она вся стыдлива и застенчива... И при стольких детях – совершенно невинна и чиста...

Ее терпение.

Приду я в церковь, здесь у Введения (никогда не запирается, «чудотворная икона») – пустая она почти часов в 11, в будень... И пройду потихоньку... Кончилось. Все выходят. Она стоит все и молится. Горячо-горячо. Готовилась к операции, сказал доктор. И я стою за нею весь похолодев (страх операции) и умилен...

Да мало ли.

Карточка Иоанна Кронштадского в 10 к.: и жмет-жмет к груди (боль в груди, миокардит).

– Нет исцеления (от медиков): Ты помоги...

Да и много-много: я видел веру, вот у себя в дому, видел молящуюся...

Я за монетами, или – пишу статью. С утра. Обертываюсь: сидит она в кровати и читает – весь заложженный акафист Скорбящей Божией Матери.

Один – печатный, еще – Серафиму Саровскому, переписанный на машинке мною... Еще «Житие Серафима»... И она все с ними «копается»...

За границей:

– Ты говоришь, Вася, что эти статуи *до Р.Х.*

– Да...

Молчит.

Потом.

– А ты не ошибся, Вася? Почему ты знаешь. Привожу доказательства. «Да и вообще это известно. Наука».

– Не понимаю я. Как же, ведь до Христа *ничего не было?*..

Молчу.

– Были дикие люди. Как звери...

Молчу.

– А столько достоинства (в мраморах, в Мюнхене Glyptotheka)...

Здесь, дома, уже больная:

– Ты знаешь, Вася, я теперь объяснила себе болезнь: за границей я разумом жила. Там для души ничего нет. И я душой не жила. А когда вернулась, меня поразило русское безобразие (езде «наплевано»)... но думаю, я опять здесь стала жить. Но я заболела от того, что это Бог хотел мне указать, чтобы я жила душою, а не разумом...

– Почему же ты «разумом жила».

Помолчал:

– Как же, я даже начала спрашивать себя: почему же и как могли до Христа *быть люди такие* (мраморы)... Если они были такие... И вот наказал Бог...

Она по вечной своей деликатности не договорила того, о чем шепчет «история культуры».

Но как все плоско – для нас, какая это скучная «история культуры».

Для нее – как просияло солнце. Но она «как русская» закрыла глаза. «Нет, я ничего не буду думать. Я буду со Христом». «Я уже больная, я уже разбитая. Куда мне как не ко Христу... Сгинь, нечистый» (сомнение).

Я промолчал все. И душа моя рвалась, когда она меня звала: «Вася – к Церкви».

8 лет назад:

Стою, с 2 девочками – 3 и 4 года, в церкви, той же «Введения» и «Скорбящая» (на Шпалерной): и так молюсь, молюсь...

И счастлив, и радостен. Страшно любил с «крошками» ходить в церковь. «Все мое здесь», «нигде как здесь не хорошо»...

И вдруг *в первый раз в жизни* вопрос:

«Да, я-то им молюсь... А они меня «по головке» не глядят. Я совершенно им не нужной «богомлец», лакей, «просящийся на должность», – но коему барин выходит и говорит: «Место занято и вакансии нет». И мне «вакансии нет» в церкви... И, пожалуй, «одному» бы нашлось место, но нет (насмешливо) «с Варварушкой» и вот с «приблудными поросятами», коих молитва ни в коем случае и никому решительно не интересна, ибо, во-первых, «молящих»

ся и без того много», и «что же эти двое», а главное и в основании – *зачем они явились...* Родились, нарушив закон и *повеление*, «смутив все», «замутив чистоту всего и вековой – такой спокойный, порядок»...

Образ в душе:

«Мы здесь (в церкви, храме) ненужные. Так толчемся – и без права». «Выходите-ка подобру, поздорову вон»...

Но я уж предупредил:

– Торопимся, торопимся. Не будем грязнить ваши чистые пороги («благоухание». Вами тонко отмеченное)... Что же, любим все, *любили*. Но уж если в самом деле огрязнили «вашу святыню», то послушаем любимую обеду с крылечка (заглавие «*Около* стены церковной», *вне* церкви молящегося)... Уходим, уходим, прощайте, до свидания...

До мести. До разрушения всего.

Прислушивался, вглядывался. «Мою историю», оказывается, все знали: Рачинский (учитель) – от меня. Победоносцев (с Рачинским на «ты»), митр. Антоний и, кажется, «весь святейший Синод» (оказывается, по письму летом ко мне – *Никон Вологодский* знает, коего в жизни я ни разу не видал). *Все* ко мне лично необыкновенно хорошо относились, *чувствовал*, что любят меня (м. Антоний, и – почти уверен – Победоносцев; Рачинский – сухарь – нет). И...

Выслушал же внимательно, с *сочувствием* только жандармский офицер в Ельце, который, вздохнув, сказал (о 1-й жене):

– Ничего не поделаете. Оставьте. Она вечно будет брать удостоверение от доктора, что больна, и к Вам всеконечно не поедет. Вообще это безнадежно.

Только он один. Не получив ни 1 руб. Молодец, спасибо. До могилы.

Вообще я «благодарная скотина». Но и «мстительная»... Младенцем кричал еще (когда, бывало, отколотит брат): «Я за плявду»... И бегу с кулаком на взрослого.

Почему же все меня любившие и уважавшие люди промолчали. «Всю историю знали» и качества Вари должно быть знали (от Тернавцева? Скворцова?), когда Варя, лежала после 3-й операции в Евангелической больнице, в самое утро «снятия швов» – когда она б. как мертвая (последние, внутренние швы, далекие внутри), входит епископ Сергей (Финляндский) и говорит: «Меня митрополит прислал, узнав, что Вы в больнице». Священники засыпали ее профорами (д. б. зная ее религиозность).

Но почему же «молчат»? не «как жандарм»?!

Почему? Почему?

Много лет думал.

– Да Христом испуганы. Он сказал: «Суть *скопцы*... Царства ради Небесного». И еще: «Рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от духа есть дух».

И – все Евангелие.

«Его» боятся... И молчат. И трепещут. «Действительно – беззаконие»...

В «Сибирь» бы...

А уж дети во всяком случае «не Розанова, а чьи-то»... (Теперь, с новым законом, усыновлены мною, через *чиновников* Комиссии прошений).

И поднялся «весь Розанов», на «всю Церковь».

Но все сообразив:

«Однако – все от Источника» – и «т. д.», «т. д.», «т. д.».

Мне хочется, дорогой мой, чтобы все это Вы, когда «Розанов» – «†», – где-нибудь в «приложениях» к «Бог. Вестн.» напечатали. И вообще не теряйте и сохраните: ибо когда-нибудь будут искать «корней Розанова» и найдут их чуть ли не в «кружке декадентов». Совсем «с другой стороны – ветер».

Весь – из христианства.

Весь – из скорби.

Весь – из боли «по оставленном» (я – для Вари: а мой 1-й брак: я – для Аполлинарии; женился – буквально, как Вы, без любви, без влюбленности – еще «сделав предложение» в VIII кл. гимназии 37-летней женщине, «гордой в скорби»... Но во всем обманулся).

Мне так грустно, что Вы меня так мало любите. И грустно и *тяжело*: 1-й раз по соприкосновении с Вами и от Вашего «молчания» я стал думать: «Верно я не великий человек (положение в истории), как себе кажусь – а просто ничтожество. Флоренский *всего* меня узнал, я ему *все* рассказал, и отворачивается: значит я воистину «дрянце». Но, дорогой мой: *всего* меня Вы не знаете. Я по любви «к страданию» сперва намазал Вам г..., но, но ведь, «кроме бл...ны», есть и человек. Вы во мне не знаете все-таки и ангельского – а оно есть.

Это мысли мои, несущиеся вихрем.

Это душа моя, вечно поющая.

Это моя Варя.

Это моя душа с нею.

Это мои мысли о ней.

Это – жизнь моя.

«Г – но» есть и «бл...на» есть: а в вихре мыслей – когда хожу по комнате... иногда, когда молюсь... когда чувствую, когда *обдумываю судьбу свою*... но в особенности когда – думаю «кое-что» о Варе, думаю:

«И все-таки я один в мире. И еще такого – никого. По нежности и глубине, – по лазури под черепом – я первый, *теперь* – первый...».

Бог мне многое и дал.

Что Он «мне дал» – знают только «думы на ходу» – в 1000 раз ценнейшие, чем «написанное». Я как сяду за бумагу – все «смякло». А «на ходу» я велик и минуто... я чувствую «со мною Бог и *никогда меня не оставит*».

Господь со мною.

Вы женились хорошо. Я думаю – «знамение». Я считал Вас «s» и «импотентным». Чувство рождается и из плоти и, может быть, все «закруглится» – чувство в Вас вырастет. «Все слава Богу». Бывают ужасные браки, если попадетя «шельма»: но если только «вообще ничего» (она) – все «закругляется» от кровей.

«Частушки» очень хороши: вообразите, через 30 лет я узнал тамошние «говоры», *ухом опять услышал звуки*. Предисловие превосходно: о «пере-

ходных формах пола», «нерешительные мужчины» и «нерешительные женщины». Хорошо, что Вы выбрали «спутницу», и в конце концов «не хорошо быть человеку одному». А что костромские звезды – не фригийские, и что по существу в России вовсе неуместна «Песнь песней»: то... может быть, наши браки, вот мой для меня – суть в своем роде еще счастливее «П. песней». «Мой роман я не променяю на халдейские сказки». Прощайте, мой милый и славный. Любите меня немного. Если попадется старое письмо (Вы их пишите и несколько написали) – пришлите. Мне *значителен* просто даже «почерк» Ваш: «тут есть «безумие» смотрящего в утренних лучах солнца на его жемчужное тело, спящее около проститутки» (Ваш рассказ). Я *умственно* страшно к Вам привязался и «в Вас поверил».

В. Розанов.

Почти всегда я Вам начинаю писать сердито, и теперь кончаю с чего бы должен начать: «Милый Павел».

Это письмо сохраните и 1) напечатайте «†» и 2) в библиотеку. «Документ».

29

<27 сентября 1910 г., СПб.>

Суб. 12 ч. ночи.

Пишу лежа в постели, кк слуга, как раб. И оттого, что Шура сказала: «Напишите Флор., вам легче будет». Я же ответил: «Что Фл., у него лекции, он чужой нам. Только свой своего может понять». А все же пишу. Вы хоть нам и чужой, а как-то все понимаете.

Страшно. Печально. И как-то ужасно не нужна жизнь. Точно фундамент осел под домом, удар Вари. Ведь он **повторяется**. О, без этого бы я кадрили танцевал, и при болезни. Моя ли Варя болезни не видывала: три раза – операция («Вася; у меня нет больше сил, и еще раз я не смогу выдержать операции», – и заплакала *слабыми* слезами. Но Бог провел мимо: в 4-й раз не было), тиф (в больнице же после 2-й операции), воспаление сердца (миокардит), вот теперь удар. Да, болезни: а милое-то лицо все с нами и – ничего. А гроб!

Все проговаривается теперь: «Свезут меня на Смоленское» (кладбище) и: «Ах, как я хочу жить».

Но я не для этого стал писать, а как философу: ужасно хочется церкви, ужасная потребность в ней, в молитве, в *священнике*, в добром слове *именно духовном*: а я так *органически* (вы это понимаете) ушел от этого, «в корне отошел» и «уже не сrostусь» иначе как искусственно и *исторически*. Ужасно в душе у меня, и не знаю, что делать. Ведь какая странность в моей биографии: я 8 лет «гоню церковь», «как Домициан» (сочинения): и *в эти самые 8 лет*, в сущности, только «церковный дух» и любил: все их «маслецо», свечечки, слова «богоумильные», все, все, *самый колорит*. Вот странность, вот дикость!! Случилось какое-то несчастье, со мной ли, с церковью ли – не понимаю. Чувствую, что «я послан» и говорю (будто) правду: а как люблю то,

против чего «гремлю» и сказал бесчисленные «укусы», мне кажется иногда (часто) – *смертельные укусы*. Часто я думал: после моей критики (in re) церковь не может устоять и как я «†», она сейчас же (от этой критики) начнет умирать, падать, рушиться («подрыл фундамент»). Это – одна линия мыслей, отнюдь не «с гордостью». Другая: Вася, да ты что же любишь? философию? стихи? «Религиозность» Канта – Ньютона – Паскаля? Ответ (прежде): «Я всегда есть и был и буду религиозен». Теперь: «Религиозность вообще – думал: *церковь* – вот что я люблю. Дякона, попа. Всех их, все *ихнее*».

Вот.

И одна линия жива. И другая жива.

Как же я живу? Боже, как я не сошел с ума?

Чем я живу?

А Варя за перегородкой. Моя Варя. Какая вера у меня: Бог ее провел передо мною, дал в утешение и руководство и в указание. Но я недостойн («опыты») и «Бог ее берет у меня». Но тут скрежет зубовой: «Да ведь она не тряпка, чтобы передо мною «в знамение» махать: она *человек и вне* отношения ко мне *сама достойна жить*. Боже, где твои суды??».

Скулит душа, скулит как щенок.

Прочел Ваше «Письмо об Э» (Офицер вернул книгу «Б. В.», кою ему давал).

Письмо = письму *сестры* m-те Гончаровой (жена Пушк.) к мужу Геккерну (убийце Пушкина) во время ее беременности (она упоминает в письме). Вам как жене в муже – «тело его *светится*»... «не могу оторвать глаз», «смотрел на него *целый день*» и проч. Я не делаю догадок к Вашему письму, а только говорю бросающуюся в глаза *параллель*. Варя мне тоже говорила, что она выздоравливает от одного моего присутствия, она (когда я ночью занимаюсь) – лежит на кушетке до 2-го часа ночи, сперва смотрит и потом засыпает; я к ней прихожу в 4-м часу (нумизматика, копаюсь с монетами). Голова «проходит» у нее от положения моей руки; она мной (за занятиями) непрерывно *любуется* (а уж кк «не красив для всех, КРОМЕ ЕЕ ОДНОЙ»). Вот стигматы «двух плотей в одну». Тайна. Неисповедимость. И при моих «подлостях» верно есть что-то и влекущее, когда она меня «ни на кого *исступленно* не променяет».

Верно, хоть я черен ей $\frac{1}{2}$, но другая $\frac{1}{2}$ «сияет» (ей).

Тайна.

Что составляет «индивидуальное» нашего брака: то что, что она как-то «во всего» меня влюблена что ли (не понимаю иначе ее слов и отношений), и я часто пораженный даже говорил ей: «Знаешь, я точно чувствую, что ты права, говоря, что жизнь твоя *зависит от меня*» (между прочим, от моего поведения), что мое «я» точно держит *узлы* твоей жизни, и нет меня – тебя не

будет (это *точно так!!*) Вот: а я спокоен к ее телу (на чем, между прочим, и основались мои треклятые «опыты»), а я с первой встречи и до сейчас *молился на ее душу, в которой за 20 лет не увидел ни одного пятна*. Вот нечто матерьяльное и доказующее: «Вася, не трудись так много, не заботься излишне об обеспечении детей. Прахом проходят деньги, и детям часто, кроме вреда, ничего не бывает от них. Они должны сами трудиться, заботиться, добывать пропитание, и им оставить нужно только, чтобы была помощь, чтобы могли встать на ноги, а отнюдь не обеспечение». А она страстно любит детей, со мной (1891–1898 г.) прошла *безумную личную нужду*, и дети – крошечные (нынешн. год 2 поступили в 1 кл.).

Сколько я видал, знал: ни одна супруга и мать *этого именно* не скажет?! Все «матери» деньги любят.

Итак: 20 лет я непрерывно люблю «душой моей Вари». Тут все дело в оттенках. В грации. В тайне *сочетаний* всего в ней. Выше ее души я не знаю.

Ее *форма* молитвы, *форма* религии, *форма* отношений к церкви – вот что меня поражает. А она в церкви *все* видит (и минусы): но не «придирается» и как царица и ангел идет мимо худого.

Это кк светлое волшебство.

Устал.

В. Розанов.

Потом у нее есть какая-то врожденная и самостоятельная мера поступков. Она всегда письма подписывает: «Варвара». Я долго не обращал внимания, потом спрашиваю, почему не «В. Розанова». И это – родным и чужим. Она: «Бог мне не дал назваться твоей фамилией, а прежней я тоже не хочу, а Варвара – мое имя». И когда раз пришлось послать телеграмму на «юбилей», – она подписалась: «Варвара», – и сама о себе ни разу не сказала «Розанова». Поразительно.

Ее скромность (без уничижения) и достоинство – поразительны. Представьте: она ни слова ни на каком, кроме русского: и в Мюнхене, в пансионе (англичане и 2 шведки и мало немцев) все ей услуживали и хотели знакомства, и хоть (молча) посидеть с нею (она улыбалась всем своей чудной улыбкой).

У нее чудная, ласковая, нежная, *глубоко человеческая* улыбка. – – –

Верно я и *знаю*, она – друг Богу и людям.

И только, по «ясновидению» чувствуя мои проклятые «опыты», она стала пуглива к людям, сурова и осуждающа.

Ах, еще не знает моя душа, что делать с этими «опытами». Сказать ей – убить; не сказать – убиться самому. Тоска, тоска, тоска. Как уголь в душе, и душит меня. Чад. Дым.

Варвара Димитриевна (а Вы когда-нибудь у Раки Сергия помолитесь за нее).

<11 октября 1910 г., СПб.>

Спасибо, мил. П., и за образок, и за письмо. Варя очень благодарит, и сейчас ладью на шею, с другими («памятки») крестами. «Прямо» и надо все говорить: замечательно, что, отослав Вам письмо, – я подумал: «Что же я Ан. Мих. ничего не сказал». Но я б. как бы в смятении. «Ни до чего и не до слов». Да и Вы обманули меня тоном рассказа: «Стоял в болоте – шел дождь – тоска в душе – и я женился – зная, что и *брату ее*, моему другу, будет приятно. Т. е. «ничего к ней не чувствовал». – Я и подумал: «знамение» и в общем – хорошо, но надо ждать *зарождения чувства*. Оказывается, оно уже родилось. Она *деликатна и добра* – и это все, что нужно, для «долгих дней на земле». В Вашей жизни это во всяком случае будет «поворот в другую сторону», «поворот к свету» и уменьшению слез (от одиночества). Вы, между прочим, и страшно разовьетесь: у Вас все были *одинокие* думы, естественно более философичные; теперь все будет *слитно*, появится *двойная мысль*, содружественная, симпатическая, «моя и жена», эмбрион даже «социальной мысли». Вы начнете расти «и другим боком»: а то вы все были «левша». – Поцелуйте Анну от меня (попросту) и скажите, что я – и ее друг. И пришлите карточку; а то нельзя «мыслить о человеке», не видев лица. Нет «здравствуй».

Почему-то (по ошибке?) я много лет мыслю, что «довершением образования», «университетом» Вам было бы «пожить с нами», – «у нас», и «увидеть, что я видел». Вы своим «лесным взглядом» рассмотрели бы, что я рассмотрел: а я – *бесконечному научился дома*. Да, семья, *притом у каждого своя* – есть «откровение», «начало откровения»; есть тоже «божеский порядок», *ordo divina*, – (иной, чем евангельский?). Вот Ваше: «плачу», – подойдет и скажет – «маленький», «я – как бы *сын* ее (я тоже всегда чувствовал: мы «сыны жен своих» или «жены суть наша энтелехия – Аристотель) – все это уже Вам «откровения»... *Divinatio alterius partis**. – – – –

Непреренно пришлите карточку: И Варя просит. Я ей рассказал. – – – Варя значительно лучше. Передвигает руку и ногу, становится на ногу, а сегодня ей 1-й раз (без нас, нарочно, чтобы не волноваться), и прошла немного. «Все слава Богу».

Вот она какая: «Я всю ночь перед приездом доктора упражняю руку и ногу, чтобы его *утешить*» (доктора, чтобы он б. рад «успеху лечения»). И всегда такая: толкая-толкая, и все «чтобы радость была другому». Вот это 15 лет у нее видя, я и дошел... до «исступления» *contra Ecclesiam***.

Но Вы хорошо и закруглено сказали: «Где-то дует» и «все толкаются» и «знаю, что это *глубже*», а не то чтобы все только от «конторы»... Этим почти все сказано, и так скромно, без «войны». Я только перевел в «войну».

* Вдохновение другой стороной (*лат.*).

** Против Церкви (*лат.*).

Мне надо бы для «Бог. Вестн.» написать статью: пощупайте почву, примет ли Заозерский? Мне ничего не стоит обратиться к нему (скажите *имя и отчество* его). «Старых полемик» я не помню.

Надо бы нам с Вами положить основание Костромскому Музею. Там есть один любитель-собиратель, собирающий «все костромское», адвокат с «местной страстью». Я только колеблюсь между Костромой и Ельцом («родился от матери», «родился от жены»).

В. Розанов.

Живите! Здравствуйте!

А «обратили ли Вы внимание на моего друга» Шестакова? «Исследования в области народных сказаний о святых» (Варшава). Тоже... не «грибной человек»: но брусничка в чистом русском поле. Куча детей. Летом сидит при зимних, до 36 лет просидел в Казани – *не видел железной дороги*, а все поет (оттого, что душа поет), «вижу и природу» и «святых православной церкви». Теперь проф. в Варшаве.

В. Р.

Я поцеловал Вашу жену по христианскому обычаю – как Тернавцев в дни дружбы, бывало, войдет к нам и поцелует Варю и Шуру (20 лет, старш. дочь: он – хоть в деле – «девственник от чрева матери»).

31

<25 октября 1910 г., СПб.>

Слава Богу, все лучше и лучше...

Будем еще надеяться...

Спасибо за письмо и образок. А мне почему «нет»? Ведь и я от «русской веры». Св. Сергий-труженник и мой «святой».

Замечательно, что русские возводили в «святые *свои*» не «догматиков» и пр.: а за *целый светлый образ*. Вообще замечательна вся «русская вера». Томы бы написать...

NB. А Вы все-таки в «моих недоумениях» сыграли плюсовую роль: и особенно словами последнего письма, столь воздержанными и вместе *далеко идущими*, но лучше, что **воздержанными**: «да (хорошо стоять в Церкви, но) – дует откуда-то и толкаются, – знаю, что это не то чтобы от одной поверхности идет «Контора» там и проч.....

Как хотел бы и я остаться на этой воздержанности.... хотя: ведь *воют дети* (по деревьям, «таковские»)...

Но все же вот и болезнь Вари, да и слишком большие отвращения к *интеллигенции* – заставляет меня вернуться к «хорошо пахнущей церкви». Бог с попами: и *мы не лучше их*. Сердечнее ли мы-то их? Общество? Ах – везде холод, холод...

Откуда, мой добрый Павел? Чуется: не от него ли Вы плачете?

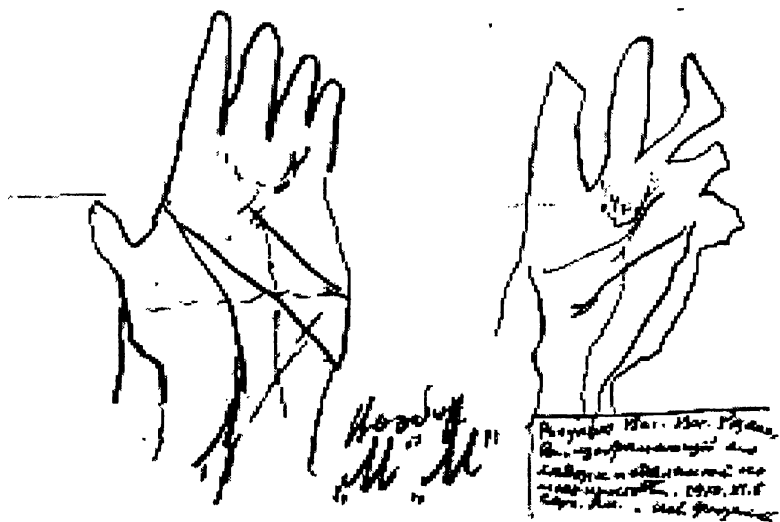
Ну, прощайте, мой милый. Поклон Анне Михайловне. Как хорошо, что Вы так за нее вступились: это покажет Вам *осязательно*, почему я взбесился и за мою Варю. Суть – в *конкретном*. «Не кажи мне Бога, а покажи человека, в котором бы Бог жил». Вот это-то я в Варе и увидел. В ее безмолвии. В ее слезах. Терпении. — — —

Vale.

Что Крит? «Критяне лгут»...

32

<4 ноября 1910 г., СПб.>

Венера пояском
Венера мешочком
Вообще «М» «М»
<рукой Флоренского>

Рисунок Вас. Вас. Розанова, изображающий его ладони и сделанный по моей просьбе. 1910. XI. 6. Серг. Пос. – Пав. Флоренский.

«Гороскоп» – явное наследие фаллов Египта: «будущность в семени», «в теле новорожденного». Даже в каком месяце род. – не знаю: апрель, кажется. 54□ года.

О детях потом.

Дарю динарии – Ане с Фаустиной младшей с 4-я детьми, Вам – с Церерой (колосья и жезл в руке) и с Цибелой (Mater deum). О Варе – помолитесь, что-то задержка в выздоровлении. — — —

<10 ноября 1910 г., СПб.>

Услышал поразительную весть, что мужа В. сестры, которую знал, убил ученик гимназии? Неужели правда?

В. Розанов.

А. М. Флоренской <1 декабря 1910 г., СПб.>

Милая Анна Михайловна!

Здравствуйте!

Пишет друг Вашего мужа – В. Розанов.

Меня беспокоит, что с ним и где он? Не уехал ли в Тифлис? Я слышал, что случилось несчастье с мужем его сестры, Валентины Александровны, и я имел неосторожность сейчас ему написать. Я был уверен, что он уже знает: но, может быть, он не знал и тогда мое письмо было для него ударом. Ужасно жалею.

Я Вам пишу попросту, т. ч. по словам Павла уже полюбил Вас как его «богоданную жену». И слава Богу. Все слава Богу. Непременно мне ответьте с первой почтой, в прилагаемом конверте.

Ваш искренно В. Розанов.

<29 декабря 1910 г., СПб.>

Не нравится мне «Ицкагу»: это Вл. Соловьёв все писал: «Набу-куцу-рас-сар» вместо гимназического «Навуходоносор», желая тем показать, что «он выше гимназистов», т. к. он этим-то и показывал, что ниже гимназистов. Нужно уважать и *любить* общее, простецкое, «костромское», детское. Нужно уважать и *хранить* детское: а ведь гимназисты «Ицкага» вовсе не знают, и дурака «Набу-ку-да-ссара». Это черт знает что такое, а не царь, это – сволочь. Никогда «Ицкаг» не пишете: ужасная *безвкусица* (Вл. Соловьёв б. ужасно безвкусный человек, – и, знаете – не умный: я его лично знал: *ничего замечательного*).

Хорошо. Очень понравилось Шуре (падчерица), особенно: «рад бы сжечь себя, Тебе, Иисус». Пришлите ей экземпляр (просила). Мне это «все равно». Ни за что не сожгусь. Не понимаю. «Известно, свинья» (я). Ну и к черту. Особенности «тóки» к жене, «пуповина»: Вы кк $\frac{1}{2}$ – «s» женились на Ане «через брата» («Вася») и отношения к жене тайно и для В. незаметно переплетаются, я думаю, с токами к «Васе», – и вообще тут *особенное и ваше*. NB: не переставайте во время беременности совокупляться, иначе выйдет *бездарный ребенок*. «Мировая душа» к нему входит в крови матери, и «мировой души» войдет тем меньше, чем крови меньше притекает к утробе: а притекает она во время *утробного волнения*, притекает *усиленно*, и осеняет

младенца «гениальностью». Дети *спокойной утробной* жизни – тупые. Сверх сего она будет «раздражена», «обозлена» («люди не ангелы») половым голодом – и в младенца перейдет «дурное расположение духа» матери. Так что «П. песней» довольно уместна именно *во время беременности (ноуменальное воспитание ребенка до рождения)*. Ну, все докончите сами.

О «частушках» хотел написать рецензию – но безнадежно, не напечатается. Жаль, что не привели «совсем неприличного» (мужские частушки), хотя бы с многоточиями. *Звуки переданы* – изумительно. Я все узнал, *ухом услышал* говоры. Так и пахнуло Костромой.

А как же музей устроить? Чуть ли это не дело и право князей и графов? Через кого? У кого просить? Где здание? При гимназии? При семинарии? Ничего не понимаю. «Только хочется».

Вы ввиду Музея приберегайте письма авторов (С. Н. Булг-ва). «Потом все будут изучать» (на то библиографы). У меня все хранится «с незапамятных времен».

Варе лучше... но вообще *впервые в жизни* я почувствовал Зёв Смерти...

И всем мирам она грозит.

Как страшно. Боже, как страшно... Что Вы думаете о политике? Сволочь... Но на меня Струве и еще один соц.-дем. обрушились за то, что я показываю «два лица» (у меня их 10) в политике и почти без иносказаний назвали подлецом. Вот негодяи!! Да кому из этих болванов я давал «присягу в верности». Тайная мысль меня влечет предать все вообще партии, всем им «язык» и «хвост» показать, «разбить яйца и сделать яичницу» из всех партий... через мою всемирную *кротость и со всем согласием*, на что я поистине точно урожден... Правда, у меня в душе есть бесовщина в отношении того, чья я смертельно ненавижу: а политику, *погубившую религию*, я смертельно ненавижу, самую ее *суть*, ее *пекло*, ее *зерно*... «Милашки, милашки – да ведь Вы все *правы* во многом, *правы патетически*, и только не *правы кой в чем критически*», – хочется мне сказать террористу и члену Союза русск. народа.

А впрочем к черту их. Я 2 года перестал читать отчеты Думы.

Пустяки. Сор. И земля. Перед Смертью-то – какие пустяки!

Ну, безé.

В. Розанов.

Прочли бы из книги «Предисловие» и «Голгофу и Крест» (особенно – «Русские могилы»).

Вот перемена: стал скучать с Вами. Писать не хочется. А бывало, только мысленно и говорил с Вами. «Истожили Вы мое терпение» и «любовь лопнула». *Fatum*.

Не сердитесь: право, *Fatum*, Рок. «От судьбы не уйдешь».

Как бы Вас не шаркнули из Дух. Акад. за «Диониса». Прикрывайте. Не **умер** ли мой товарищ по университету, учитель истории Троице-Сергие-

вой муж. гимн., *Константин Вас. Вознесенский*? Год не отвечает: а мы с ним 27 лет перекидывались «поздравлениями». Б. умница, и очень «русский». Если бы взяли труд справиться? у товарищей? послав сторожа академического в гимназию? попросите Аню сходить? Васю? – ведь детина добрый и его ноги не обломятся, – А мне Костю жаль. Добрый был, родным своим оч. помогал. Холостой.

36

<19 апреля 1911 г., СПб.>

Дорогой П.! Ну спасибо. Жена: да, не очень красива: «слишком русская». Вот уж «французского ничего». Смотри на нее, думаешь: «Ни у греков, ни у римлян, ни у немц., ни у фр. или англич. или итальян. *ничего даже приблизительного!* И видишь, что «с Русью» точно пошла «новая порода людей»...

In nova fert animus.

.....
Nova gens nasca est...*

Ставьте «I–»: зато правда! Ну, вот и она. И очень понятно, что такой небывалый «фригиец» (удивительное лицо у Вас; но – *не для влюбления*) так жадно «впился когтями любви» в белотелую, полнощекую... должно быть Матрену, Василису, а лучше бы всего Анну.

Ну, слава Богу. Целую обоих. Спасибо, спасибо.

Наши отношения: представьте, я *нравственно*-разочаровался в Вас, и на почве той *filia*, о которой Вы тк хорошо (чудно) пишете в «Б. Вестн.». Любовь – ожог; или – лед, почти вражда (Вы хорошо пишете в «Б. В.» и о *ревности*; и особенно о Спинозе – чудно). Я к Вам привязался действительно до странности; «уважил Вас до неуважения себя». Это много, страшно много, И словом

Я вас любил...

Как дай Вам Бог любимой быть другим.

(Пушкин)

Что же Вы? Молчали и читали письма. Во мне уже год назад шевельнулась мысль: «Да он просто *наблюдатель*, и предоставляет мне изливаться, складывая все в архив *памяти* и в лабораторию своего *наблюдательства*». Таким обр., все мои «излияния» были, так сказать, перед ледяной горой: и Вы понимаете, что догадаться об этом значит пережить некоторый психический ужас... и страшную горечь, досаду, вообще очень сложные чувства. Только

---

* Душа влечет к новому... Новый народ рождается [Овидий. *Метаморфозы*] (лат.).

мое благодушие и все же остается уважение к больш. В. уму и вообще «всей личности» охранило меня от большой враждебности и «в лагерь врагов я не перешел». Так стал, в стороне. «Не нужно так и не нужно». Пребыл спокоен... и «не разорвал собаками охотника, подсмотревшего купающуюся Диану» (моя «Психея» перед Вами). А когда в присланной тетрадке-дневнике («s») я прочел Ваши каракульки между строками: «*Что именно Вы чувствовали*». «Какие?» (поползновения, факты), я увидел в В. эту дурную черту подглядывания, «разузнавания», какая вообще *в дружбе непереносима*. Но у меня есть какой-то эпический покой «чисто русского человека» (Вам жена это расскажет), в силу коей я «утер нос», краска стыда сбежала со щек, и пробормотал: «Ничего!». «Мы, русские, терпеливы». Ну, вот и все. Я думаю, «дальше» пойдет так, что Вы, правда, немножко виновный передо мной и обидевший меня по закону нравственной обратности и нрав, возмездия, будете больше привязываться ко мне, и, так. обр., «все уравниется». Ну, и больше не хочется говорить, просто лень. Пишите, и в «Б. В.», и если случится – в письмах. Чувствуй я себя поближе к Вам, охотно пошел бы в «полукрестного», если не сына (тут уж заготовлен, конечно, «папа крестный»), то *дочери*; или – 2-го сына, 2-й дочери. Сродниться вообще не худо. — — — О филиа: ведь никому не придет в голову, что Вы собственно описываете *внутреннюю сторону* «s», «Федро-Платоново-Христово чувство, может – «и Бетховена». —... И *без догадки* об этом почти вся философская и религиозная цена В. описаний пропадает.

Устал.

Еще целую. Обоих.

В. Розанов. Ну, молодцы.

Все очень глубоко, что Вы пишете об Адаме и о ребенке. Вообще вот за глубину-то я к Вам и привязан. Ну да еще мы поговорим.

Ужасно некогда.

Я знаю, что Вы *благородный человек* – не в отношении меня, а *in sui** в этом смысле «показательна» В. женитьба и что идете «попросту в попы». «Поповство» и «женитьба» Ваше лучшее дело перед Христом и вообще, перед Преисподней и Небом. За женитьбу, за босюка (где Вы ревели, что одиноки) и за «попа» – Вы окончательно молодец. Это – великое в жизни, это героизм, это «сердце чисто созижди его мне, Боже». Вот *предугадывая в Вас это*, т. е. что Вы совсем чистый человек, – я и разоткровенничался. Но совсем некогда — — — (Мой герб. и Ваш?).

О перемене адреса уведомьте немедленно.

О портрете жены еще буду писать: прямо «Лик Деметры» (en face) на монетах Ольвии.

* Сам по себе (лат.).

Не знаю, не обидитесь ли, но если поймете – не обидитесь: Ваше и ее лицо – оба азиатские (никакого «Парижа»), но у Вас остро-азиатское, а у нее... Но я боюсь Вашей обиды. Вы знаете, в Азии есть и что-то мощно-тупое и мощно молчащее. «Земля молчит, Небеса говорят». Вот в ней и есть эта тупая, молчаливая, терпеливая, любящая и страшно нежная Азия. Не обиделись? «Фригиец» не должен обидеться, а «парижанина» я не боюсь.

Утром.

Мне кажется, я начал постигать лицо «Анны»: она *не рождена* кого-нибудь оскорбить, кого-ниб. обмануть, сфальшивить. Это – другое, чем «не *хочется* обмануть». И это то, что В. привлекло, покорило и положило «под ноги». В ней совершенно нет «паука», т. е. того мирового зла, которое есть «кошмар» для В., и потому Вы в ней увидели и признали моральную Мадонну. Вообще если очень долго думать о лице ее, то «есть о чем додуматься». Это – то, за что и любят русских, и особенно русск. девушек. Смирнов (в «Н. Пути», теперь прив.-доц.) сказал мне на днях: «В Париж приезжает ужасно много русских девуш., учиться, курсисток и прочее, – и они немедленно там и почти все выходят замуж. Французы имеют удивительное тяготение к русск. крови, и их увлекает пластика русского лица». Вот и подите. Две мои знакомые, старухи, живущие во Франции, *всех* дочерей (по 3 у кажд.) выдали за французов с хорошей карьерой, т. е. бескорыстно. Фетлер, проповедник – известный Америке и Европе – вдруг женится «на обыкновеннейшей русской курсисточке» от Рава (курсы), и до того русской, что она непременно должна б. поповна и из глуши (слова старш. дочери). Вот!! «Ну и слава Богу!! Морями не взяли, вульвой взяли – и отлично!!» (я). Говорю все это в благородном смысле. *Вы несомненно преобразитесь и посчастливецете от брака* (как я) и она переработает (вульвично) Вашу кровь, слишком меланхолическую и «пороховистую», во что-то более спокойное, в «Ладожское озеро», в «Чудс. озеро». Я рад этому, и это нужно. Ужасно хочется ее поцеловать, и в губы, и в щеки, и в глаза, взяв ладонями по сторонам головы и притянув к себе. Я теперь понимаю ее. Женитьбу и *ее* понимаю. Она тихая и безобидная, она праведная; совершенно понимаю, что она страшно нежная. Своим проницательным взглядом Вы уловите в ее «незаметном» такие сокровища грациозного, благородного, *нового для себя* и в высшей степени привлекательного, что «ну, малина». Устал. Будьте счастливы. И о Когене прочитал. Этакая фамилия! Интересно.

37

<19 апреля 1911 г., СПб.>

Мил. П., я так обалдел от работы, что просто ничего не соображаю. Простите меня за выражен. грубое письмо. Я не понял, перед каким Вы великим шагом, «не пришло на ум». Идите, мой добр., в священники, идите к простолюдинам, которые всеми забыты и обойдены, и «с дарами

святыми», а не праздным словом. У меня с 1-го же знакомства с Вами мерцала мысль, что В. путь (вечно ревет) и не в професс., и не в писатели, а... в «угодники Божии». Странный путь и Востока, и Запада: но, конечно, *главный путь*. Велико В. решение. Ни у кого из нас силы, *самоотвержения и любви к Богу*, и умения не хватило. Да Ваш «Столб и утверждение истины» к этому и вел и все туда ведет... думаю – и ребенок, и жена. Целую крепко, крепко, крепко.

В. Р.

38

<начало мая 1911>

Я пережил большую тоску, послав Вам письмо. Свидетель ее – вложенная внутрь записочка. Ну, что делать: человек *распознается* в движении, в обращении, в словах, в жестах. Что может дать фотография? Фотография всегда *труп*, это всегда *схема*. Вы же писали (о lectio): «Надо ходить по тропинкам, отходить в сторону, вернуться назад». В фотографии – нет ни «назад», ни «тропинки». Жалко, что я так настойчиво просил ее у Вас. Надо было приехать к Троице, посмотреть. Тогда бы я отгадал.

Прелесть всегда в неуловимом, прелесть всегда в неопределенном. Высота, даже величие души – распознается в полуслове. Мой первый брак был основан на словах, в морозную ночь, невесты-жены (когда я ее спрашивал, отчего она не «пишет, не выступит в литературе»):

– У меня таланта нет.

– С поднятым (не высоко) лицом, и грустно, и величественно. Когда мы дошли до ворот ее дома, я ей сделал предложение. Она заплакала:

– Уже поздно. Мне 38 лет (мне было 19). Будем лучше так жить.

– Нет! Нет!

И мы стали «муж», «жена».

Так же точно и Варю я оцениваю «как высшее существо на земле» (без преувеличения и *без иллюзии*) по некоторым ее удивительным словам, в разные времена незаметно выслушанным; да и потому, как в Мюнхене, в Наугейме, я – за фельетоном «в очередь», а она сидит сзади, и – путаясь в 2-х акафистах, печатном и переписанном на машинке, – все читает, все молится, и иногда плачет, не с горечью, а сладостью, но, впрочем, и с тревогою, со страхом за будущее. Или вот теперь как – при ее подходе к Образу, или при рассказе: «Вот и я теперь *убогая*» – у нее, при обильно текущих слезах, *губы вытягиваются, как у бессильного защититься ребенка, в лепешечку*: и лицо имеет выражение такого горя, что я «готов разбиться об пол». Но *кто* видал это? Да и это – *минута*.

Так. обр., мы *лиц* человеческих вовсе не знаем, *если не живем с людьми*; и есть принципиальная ошибка *спрашивать* «о лице человека», когда не надеешься его *сам увидеть*.

Так. обр., в моем «зле» и «вине» больше ошибки, чем поступка.

Я не знаю, что не знаю как говорить: но мне так больно, больно, больно... Сделайте *подвиг священника* и простите раба Божия Василия... Но пусть же мне хоть 5 строк напишет Анна: тут я больше пойму, увижу почерк.

Телепатия мне говорит, П. А., что Ваше «Христово» подверглось ужасному испытанию. Вы уже не любите меня... и иначе не может быть. Забудьте меня и не пишите никогда. В Ваших путях я совсем не нужен. Даже для «ученых справок», не говоря о дружбе. Вас же я никогда не забуду.

Бог с Вами.

И Хр. Вам поможет.

39

<17 мая 1911 г., СПб.>

Спасибо, милый П., за доброту, за все. Вы мне как «Пасху» сделали письмом. Значит – все по-прежнему. Потом мы с Аней будем даже дружить, особенно если она возьмет на себя труды «корреспонденции».

Спасибо, дорогая Анна Михайловна, за письмо. Ваш спокойный почерк, так не похожий на «лапти» мужа, которые он принимает за буквы, сказали мне больше разумного, чем его пылкие и безрассудные писания.

Целую «всех крепко» (как детишки подписывают на письмах).

В. Розанов.

Почему в «д. Ивоилова»?!!! Не в селе?!!

Адрес все тот же.

40

<13 августа 1911 г., Луга>

Здравствуйтесь, милые Аня и Пава? Как дышите? Как глядите на Божий Свет? Уже ли материнствуете и отцовствуете, – и тогда как имя? Любящий

В. Розанов.

До 1 сент. Луга, Петерб. губ., имение Штоль, дача свящ. Бельского.

С 1 сент. СПб. Звенигородская, 18. Мы кое-как живем, но чуть-чуть лучше.

41

<24 сентября 1911 г., СПб.>

Не произошло ли, дорогой Павел Александрович, какого несчастья у Вас в семье? С родами? Или что-нибудь я до того «не так молвил», что Вы не ответили. Я думал, Вы на Кавказе, – но Вы пребываете в Посаде? Надо черкнуть мне.

В. Розанов.

<4 ноября 1911 г., СПб.>

Умоляю прислать наставление, как принимать белый порошок, Вами жене присланный. Я тогда по малодушию и маловерию ей не дал. В письмах наставления не отыскал. В горе я.

Розанов.

<14 ноября 1911 г., СПб.>

Печеночные камни *для жизни* НЕ ОПАСНЫ, но очень мучительны (у нашего «дяденьки» – дьякона Жданова); и нужна строжайшая диета – кажется, *полное исключение* рыбы и пирогов, и, вероятно, воды какие-нибудь. У «дяденьки» после поездки за советом в Москву и воздержания в пище и лечения *совсем прошли*.

Раньше VII в. до Р. Х. – монеты не чеканилось.

Дай Бог здоровья.

В. Р.

Вы чудно нарисовали монеты, – явно «талант» и «призвание».

NB:

Не будьте черносотенцем; «жрецы не у Вас метку берут». Вы – человек пустыни; а ведь и мы тоскуем, выметая нигилистов, «черт бы их набрал». *Самое действенное – тихий труд*; идеал гражданина – Титов и его ростовский Лукулл. «Нам форумы не нужны», ни даже состоящие из Антониев Волынских. Вообще *черная* злоба так же отвратительна, как красная.

Посему:

Ни на кого не сердитесь и благодумствуйте.

Рер.:

С Антон. Вол. и Никоном – nihil amicitiae*.

Я сам чувствую к себе отвращение, когда пишу черносотенные статьи: которые вырываются из пера, и «что делать»: но мажешься, как трубочист. Вам зачем?

<1 декабря 1911 г., СПб.>

Дорогой Пав. Алекс.! Умерла наша бабушка, т. е. мать Варвары Димитровны, *Александра* Адрияновна, – коей большой у нас в спальне портрет, м. б., Вы видели: женщина удивительного достоинства ее 85 лет жизни. И Варюша просит Вас исполнить ей *сорокоуст*: т. е. 40 обеден, или за обеднями –

* Никакой дружбы (лат.).

поминаний, с озжжением свечи. И проч. Я не знаю («только млеко кушаю, а твердого еще не ем»).

Пожалуйста, милый.

Ваш В. Розанов.

Ане поклон от меня и Вари.

4-го к Вам не приедем: курс лечения нельзя прервать. Но непременно приедем к Рождеству или на Рождестве.

† Александра (во имя «Царицы Александры», а то есть 2 в году) 29 ноября. Урожденная Жданова, в замужестве Руднева.

В Ельце, за Сосной (часть города).

45

<27 февраля 1912 г., СПб.>

Дорог. П.! Ужасно: «генерал от фольклора». 1) Тогда можно сказать: «акцизный надзиратель душ по губерниям» об архиерее. 2) **Нескромно...** В воображении: седенький старичок, который в 60-е годы собирает мифы по славянству (= «Костромские частушки»). Уже умер, – потрудясь много и безвестно. В себе был счастлив. И вы на его могилу такую кляксу чернильную: «Генер.-фольклор». Но и еще хуже: *вы нескромны* были тут. «Мной все восхищаются, умом моим, талантом, хоть я и приват-доцент». «И что мне», «с *моей проницательностью*», – «не толкнуть этого простака якоже авторитет». «**Пусть прочтут**». Это ужасно для Вас... когда-то плававшего среди болота и рассматривавшего . Как это было прекрасно! Благородно и глубоко.

Там вы были «иерей», хотя и в рубахе. Тут Вы ужасно уронили свое иерейство: гордость, самодовольство и Бог знает чть. Суета. – А Вы такой милый и так Вас все любят (Кожевников, Булгаков), что Вы должны быть ужасно чисты, т. е. прежде всего скромны, и должны особенно умершим и вообще старше себя (годы, усталость, «старое дерево») давать решпект. Имейте всегда добродетель Янкеля, который поляку с 3-х этажными усами говорил: «Пане *полковник*». А тот: «Дурак, я еще только майор». На свете так грустно жить, люди вообще так несчастны, что всегда надо «повышать их в чине», и это никому ничего не стоящая мелочь все-таки поддает пару «дряблomu деревцу» – человеку.

Я теперь отдыхаю (жене значительно лучше по всем частям), а то «со всем заколачивался в гроб». Прямо: *nolo vivere, taedium vitae**.

Спасибо за милое письмо, такое доброе, такое славное. Спасибо «за все ваше». Пришлите «Федора Баткина». Что за кит? И «Столп» пришлите, когда выйдет. Вообще все свое присылайте.

Ане – крепкий, крепкий поклон. Да поклонитесь-ка сестре Александре (скульпторша). Какая она милая, – и теперь какая грустная.

---

* Не желаю жить, отвращение к жизни (*лат.*).

«В невестовстве печальная вдова» (почти).
Пушкин. «Бор. Годун.».

Теперь «Рцы»:

Колоссянам, IV, 16: «когда.... у вас, то распорядитесь, чтобы оно (мое к Вам, колоссянам, послание) прочитано было и в Лаодикийской церкви; а то, которое из Лаодикии, прочитайте и вы». След., было какое-то «Послание к Лаодикийцам». Но «К Колоссянам» имеет связь «К Ефессянам», а в «К Ефессянам» содержит глубочайшее раскрытие идеи брака в отношении к Христу и Церкви: поэтому можно думать, Ап. Павел в исчезнувшем послании открывал какую-то сторону брака, и, вероятно, что-нибудь высказал настолько нестерпимое для уха и вкуса того времени, тех христиан, той церкви: что приняты были меры к полному изничтожению его». Рцы думает, что там шла речь «о довольно привычной тем временам «S»».

Ну, Господь с Вами: не осуждайте меня за это письмо (начало). Есть вещи, которые открываются только годам и без возраста непостижимы никакому разуму. Годы же это: великое «суета сует», постижение мира как великого «переменение одежд», которые так ужасно тлены, так слёзно тлены!!

Товарищ Ваш сказал, что Вы ужасно в работах. Поэтому не жду писем, ни ответов. Лет на 10 вы «вариться в котле работы» будете, и это отчасти и нужно, а, м. б., и хорошо даже. «Да будет воля Божия» – скажите в себе терпеливо. – Какое чудное все книгоиздательство «Путь». Поклон С. Н. Б-ву. Поцелуй Васе.

Ваш В. Розанов.

Я на Вас не могу рассердиться никогда: разве можно забыть, что Вы приехали ко мне в часы ужасной душевной нужды. Такие вещи не забываются. Я только как 56 лет считаю долгом иногда и Вас поучать (в христ. смысле).

46

<4 марта 1912 г., СПб.>

Х. В.!

Исповедовался и причастился. Все вышло просто. Священник, обняв меня за шею и спину, сказал: «Да и можно ли думать, что в нашем черепке (голове) помещена абсолютная». Конечно. Я думаю, все хорошо вышло. И не надо конвульсий.

Куда нам «исповедь бл. Августина». Живем «на Петропавловской», а не на «via Celestina». –

Что же Вы мне не пишете об «Уединенном». Так ждал В. письма. Так нужно слышать В. голос. Такой б. страшный риск издать. Я хотел даже задержать в типографии до совета Вашего или Гершензона, но «махнул рукой» и выпустил. Вас и Аню целую.

В. Розанов.

Пришлите улицу и дом Ваш (адрес).

<1 апреля 1912 г., СПб.>

Дорогой Пав. Ал.! Как Вы могли и «ввести» и «впасть» в такие грехи, не сказав прямо «веселовское» или обобщенно «новейшие quasi фольклористы». А то покойник и, кажется, «простец» (Буслаев *вовсе отвергал* «умствования» Аф-ва, оставляя только факты, сообщения, цитаты etc.), аналогичный «таким доблестям» (на мой взгляд), как Сахаров, Снегирев, Погодин, Барсуков. Вот и акад. А. И. Веселовский «иначе как с *издевательством* не говорил о «Жизни и Трудах Погодина» – Барсукова, и самого Барсукова считал – писарем, а не писателем» (сообщение Ф. И. Булгакова, который *вторил* Веселовскому). Все сии новейшие академики, может быть, *умственно* и основательны: но... знаете, как-то скучно на Руси, если бы все были Веселовские и не было столько – *великолепных* Барсуковых, и, я думаю, Рыбникова, Безсонова и *Афанасьева*. В Ваших же словах о нем мне вдруг почуялся «Веселовский» («все эти генерал-фольклористы вроде Аф-ва»). Да мне кажется *Алексей* Веселовский и не ссылается на Афанасьева. И знаете: когда были здесь столь милые и ученые Кожевников и «юноша-профессор» (из Царск. Села), то, говоря о «Трамбуше», передали: «Фл. называет, что это – труд *для гимназистов*», **соглашаясь с Вами**, и вообще в похвалу Вам, Вашей серьезности и научности. Но у меня засадняло: а ведь Кожевников-то («переводивший гимназиста») уже почти седой. Так, мой дорогой, все и сплелось. «Узнав все» (т. е. «Веселовский»), я конечно, извиняюсь. Как говорил 7-леток племянник: «Палдон! палдон» (его так и дразнили: и он, услышав это, – в гневе падал на пол. Смешной был).

О Новосёлове, конечно, напишу, и получив от него Библ., – уже отложил в «отзывы»: но *сколько их!!!* А рук и голов так мало!

В «†» самое ужасное не физика, болезнь и смерть: а: «уходит, уходит..... и *не вернется*». Это так ужасно, что я и сейчас почти плачу. **Этого я совсем не выношу**. От боли этого – и «Уединенное», и вместе оно *средство* навсегда связать мою Варю со мною in сопсрето, в быте, буднях. Прочее, и между ними возврат к Церкви (ради Вари: без нее бы *ничего никогда не было*) – так все сравнительно не важно около: «Кто вспомнит меня – *вспомнит непременно* и ее, и будет *искать ее образ*, черт ее души», etc. Поразительно: только во время ее болезни я испытал, до чего дети не нужны (Таня не была), а что я вдруг отлетел от них на 1000 верст, и как-то *забыл* их и перестал *жалеть*, заботиться. Я во всяком случае неизмеримо худший отец, чем *друг*. Без друга (для меня *в сущности один* – Варя) я совсем не могу жить.

Ну, устал. Ане поклон и «Христос Воскресе». «Бабушка писала всегда под письмами +», а не † (искусственно по сложности). Любящий *В. Розанов*.

Запретили за «е... м...» и «ж...», микву и попа с фаллом in statu erectionis in templo. Рисунки нк = Н. Кравченко.

<6 апреля 1912 г., СПб.>

Что-то мне скучно на душе, дорогой П., – и в связи с Вами. Не говорит ли Вам телепатия того же? Не погрешили ли мы оба? Не лучше ли нам обняться крепко без слов? Скучно в мире без любви. *В. Розанов.*

Хочется с березовыми почками приехать к Вам.
3 ч. ночи. За книгами (уборка).

<7 мая 1912 г., СПб.>

Дорогой Пав. Александр.!

Пишу на имя В. жены: ибо женщина женщину всегда лучше чувствует. Но и Вы, мой дорогой, были к Варе всегда участливы. И этого я никогда не забуду. «Дружба в слезах чувствуется, а при смехе нужны только приятели».

Получил В. письмо, в котором ничего не понял. Первое такое. Видно торопились. Да и чувствую – Вы заколочены делами, хлопотами, лекциями, экзаменами, просмотром диссертациями. «Государственная ляжка». Сам знаю, как она «трет» шею, плечо, душу, характер. Пришлите мне письма Троицкого. Даже дали бы мне имя, отчество, фамилию вдовы и *адрес*: мне ей хочется написать. *В. Р.*

Глубокоуважаемая
Анна Михайловна!

Первым делом – целую Васю.

А вторым – делюсь радостью: жена моя впервые умылась сегодня большою левою рукою, т. е. умыла лицо нормально, «как человек», обеими руками, и *водою*: а то она почти уже 2 года несчастная могла лишь вытирать мокрую губкою, держа ее в правой здоровой руке, лицо; при бессильно вищащей левой руке.

Того ради всех Вас троих целую. Мы оба в неопикуемой радости. Попросите о. Павла прислать изданные им письма зятя и друга Троицкого. Ваш

В. Розанов.

<май 1912. Петербург>

Варюша и *так и этак*; сразу после В. отъезда сделалось так плохо, что одну ночь ей сделали 3 впрыскивания камфоры (подымает сердце), и она дышала из мешка кислородом. Прислуга, у нее ночевавшая, прибежала утром в испуге со словами: «Ой, баране плохо, уже кислородом дышала, все кололи и чего-то впрыскивали. Поезжайте скорее». Вся семья собралась «про-

щаться», а она стала отходить и отходить: *разрешилась* закупорка (т. е. маленький «удар» в почках), который начинался при В. отъезде, отчего – когда мы пошли к ней – и был вид такой убийственный. Теперь – среднее – хуже, чем при Вас, однако завтра берем домой. Доктора совершенные варвары* и – жестоки и циничны к женщине. Она прямо оскорблена (и горько плакала) именно из неуважения к себе *как женщине*. Это что-то непостижимое. Подробности при случае лично («Вынесли меня, по распоряжению гинеколога, на носилках в гинекологическое отделение. Несли 4 сиделки через все здание : - 1). Принесли. Поставили. При мне фельдшерица. Меня поднял рабочий молодой мужик, и положив на скамью? женское кресло?.. Задрали мне почти кверху, всю заголив и ничем не прикрыв (живот и ненужные части ног). Фельдшерица Любовь Николаевна подбегает – вся с красными пятнами на лице – то к одному, то к другому из ассистентов, выходящих из операционной залы, умоляя посмотреть больную; но они, со словами «нам некогда», снимают белые фартуки. И все ушли. Профессор еще раньше ушел (или его «не было»?). Так никто меня не посмотрел, никто не вложил тампона, и фельдшерица, видя, что никого не осталось, приказала нести обратно»).

Чудно у Вас все о монетах. Мое – *абсолютное* согласие (достижения древо жизни, фаллы). А знаете, ученым «в голову не приходило», что фаллом «наивные люди и звери» совокупаются, и они **знают** его только как орган соитья. Честное слово. Т. е. «знают-то они знают», но как бы за стеной, глухо, «на себя никогда не оглядываясь», у товарищей по науке естественно никогда не выдав фал. ορθς**. И т. д. В «Люд. лун. света» я первый раз стал соображать, что Бюхнерам «в голову не приходит», что ЕСТЬ фаллы на свете, или как говорил один (единственный) удачный поляк в Симбирске: «Есть *русское наречие* х...». И от этого доходя до фаллизма в древности, «готовые слова», какие-то ватные и туманные, и ничего живого с ними не соединяют.

Устал безумно.

А отчего бы нам под заголовком «Кое-что об античн. монетах» не поместить в «Бог. Вестн.».

1) 3 В. письма о них, – прелестнейшие и ей-ей «новинка в нумизматике» по чувству монет.

2) Отрывок из моего «Введения к изданию моих монет» – именно тоже полемику против фототипов.

3) И, отпечатав (хоть на мой счет) 100 оттисков из «Бог. Вестн.», отослать в Эрмитаж, и кой-кому лично из нумизматов. Я думаю, это будет «шаг вперед» в нумизматике.

4) Но для этого Вы не должны скромничать и целомудренничать, но *вернуть мне В. 3 письма*, приказав списать из них отмеченные места какому-нибудь studiosus'у – другу, и напечатать.

Ой устал.

В. Р.

* Варвары (*греч.*).

** Истинный, настоящий (*греч.*).

Как я рад, что Вы единственный (несколько еще Рцы и + Шперк) понимающий Ф. и κτεῖς (я не решался думать, что у еп. Хрисанфа κτεῖς = vulva). Ведь без этого невозможно НИКАКОЕ понимание античного мира, кот. весь был пропитан чувством ф. и κφ. Кстати: *головной убор* из фаллов – существует, разве Вы у меня не видели в египетских снимках?

Всегда пишу **Штатная** – Сергиевская ул. с каким-то комико-одобрительно мистическим страхом. Есть что-то от Гоголя. Только у русских «пришло на ум» так назвать улицу. Это сделал «Петрушка» с запахом «амброй».

51

<15 июня 1912 г., ст. Сиверская>

Получил Ваши милые каракульки. Позволю ли я заваливать Вас бесконечной скукой корректур, когда у Вас «и жена, и дети», – и работы бездна, и творчески нужной миру работы. «Ошибки» (у меня) – глупость; умный поймет, что это «вне плана», а глупый пусть ругается. Вообще нужно чаще повторять великороссийское «ну их к е... м.....». Целую Аню и Васю: Цветков сказал, что прелестный мальчик, и Ан. Мих. очень хвалит, и что Вы – пара. Сам он славный, русский. – Сестре не стану писать: почему-то разочаровался. «Лёжучи ночью» и обдумывая трагедию в Тифлисе, – мне мелькнуло в уме, что она не любила мужа, и вышла «так», «все равно». Между тем ведь он все-таки большой идеалист (а кто такая Нина Зарубова? ужасно интересно знать), даже если и крахмалистый, слабый. Не всем быть «горе», надо и «холмы». Дорогой мой и милый, знаете, о чем у меня с год болит сердце: о Вас, и что Вы при «перепроизводстве ума» чуть-чуть-чуть холодны, фатально, неодолимо, «как судьба». Ах, это такое страдание всех очень умных людей. – Мне кое-что в этом духе мелькнуло в Вас, и я стал думать, что от этого Вы ревете. – Монеты плёвые, даже не стал смотреть. Противные испаньолки (форма курицы). Ну, прощайте. – Грустно на свете. – Варе чуть-чуть-чуть получше.

Особенное спасибо за письма. Вообще я все такие люблю читать от Вас, и даже людей, коих Вы любите (Цветков и еще красивых).

52

<8 июля 1912 г., ст. Сиверская>

Вот и опять пишу в «Капище ума моего», «Павлу Фл-му». – Да, верно, что Вы все пишете о монетах. «Монеты имеют свойство испарений Пифии: они, как и те, вводят человека в безумие». В старое время (когда Варя б. здорова) я за ними просиживал до 9-го часа утра. На Шпалерной, «отчищая старые», часу в 3-м, 4-м («белые ночи») я сидел на окне (4-й этаж) и все входя в азарт («уже видны черты и буквы под щеткою и мылом) от жара снимал почтанныки, затем и рубашку, и совершенно голый, грязный, мокрый (вода, мыло, грязь и окиси монет) чистил и чистил, почти с сходящей

кожею с пальцев. – Это б. у меня период прямо безумия. Теперь я с 40 тысячами одних греческих – зажирел, и – притупился (главное, однако, болезнь Вари). – И вот стук около двери: швейцар несет самовар и сейчас увидит: чтобы «не иметь срама», я голый юркну под одеяло и притворюсь пробуждающимся, встаю, натягиваю штаны и завариваю чай.

Цветков – удивительный человек. То, что рассказывал он мне из наблюдений и мыслей о животных, о духовенстве, о страданиях – ново и поразительно. Сблизьтесь с ним. Кстати, он и чрезвыч. Вас любит, воспринимает, ценит. Затем в нем какие-то «века всего русского», в душе его, в повадке его, и я искренно его полюбил, как никогда не мог полюбить С.Н. Булгакова (оч. жёсток и хлопотливый литератор).

Цветков – весь чист и благороден. Вот бы отдал за него «с руками-ногами» дочь свою: а при полигамии – всех бы дочерей ему отдал. Он мне внушил бесконечное нравственное доверие. Я его истинно и глубоко уважаю: между тем это – типично тот, кого профессора считают «идиотами». Вот бы Вашей сестре (вдове) выйти за него. Черт знает за кого девицы выходят замуж, и еще диче женятся г.г. «кавалеры».

Думаю о Вас, и что Вы «без места». Тут – деньги. «Место – доходы»: кто же Вам их даст, даже крошечные. Ах, ужасно все-таки русское духовенство. Так хочется его любить, и так чувствуешь невозможность. Только и хорошего у подлецов, что фаллы велики («жеребьячья порода»). Ну, не сердитесь: есть причина для таких возгласов. Наше духовенство – все государственно, «à la Рим», «патрициус Руси», с их историческими достоинствами крепости, стойкости («вот и каток Филарет»), но и с тем железом и холодом в душе, с которым нечего делать ни Пиндару, ни Розанову, и, боюсь, когда-нибудь Фл-ский почувствует, что и ему «нечего делать». Как хочется плакать. Хоть бы один такой, как Цветков. *В. Розанов.*

Бабушка писала под письмами +, а † – преувеличено: и, дорогой, пишите только вечное +. Просто, целую.

Полюбите Цветкова. Когда я вот вижу таких – у меня возрождается еще вера в Русь. А вообще – все так безнадежно или малонадежно.

Спасибо за присылку Службы Св. Софии. У Вас есть талант все делать великолепно, что Вы делаете. До сих пор: ничего глупого, пошлого, хвастливого. А ведь так легко «с пером в руке» впасть «во искушение». Испытания писательские самые легко заражающие, вместе – ядовитые, погубляющие душу (и тело). Писательство – самый скользкий и трудный путь. Но в конце концов надо его и беречь: т. е. именно от того, что оно так легко «помутняется», такой чуткий «бульон» для развода микробов и нужно писательство и побережь, т. е. сохранить елико возможно душу целомудренную и свободной в письме (литературе).

<7 августа 1912 г., Сиверская>

Дорогой Павел Александрович!

Еще тяжелый «ф» на наш дом, семью: вчера, во время припадка, когда я 1-й раз его увидел, определилось, что у бедной Шурушки (что звала Вас в СПб., барышня, падчерица) – страшная *angina pectoris*, «грудн. (сердечная) жаба». 30 лет назад, беседуя с поляком старым врачом, я спросил: «А какая самая мучительная из человеческих болезней? рак?» «Нет, он ответил, а *angina pectoris*». Я запомнил, а потом прочел в предсмертных строках Амьеля, который был ею болен. По описанию Амьеля я и узнал: «Когда огненными щипцами рвет сердце, и душой овладевает смерть»... Шура, ничего не зная из Амьеля, и повторяет его слова: во время припадка она все трепетала в моих руках, как застреленная, и наклоняясь, как корова к пойлу – хватала воздух, а дыхания не было... На другой день спрашиваю: что чувствовала: она: «ужас, смерть вижу, умираю, чувствую, вижу, что умираю, а сердце щиплет и зажимает как железными щипцами». 3-го в ночь б. припадок, сегодня в 1 час дня – опять: «Ничего не вижу, темно в глазах» (при открытых глазах и сияющем солнце), вскакивает, вытягивается во весь рост и падает. Припадок от 15 до 20 минут. Потом – слабость, до неспособности говорить, и тоска.

Вот и радость денег, смысл денег, нравственность денег, а также и объяснение: почему это «учителя в Ельце Б. привел в дом Рудневых», и вся наша история. Шурочке тогда б. 7 лет. Чтобы они обе стали делать без меня, и мать, с *tabes cerebri spinalis* (сухотка головного и спинного мозга, от 1-го мужа, + от прогрессивного паралича), и эта Шурочка, инвалид в работе, с 30 лет, имея домик, приносивший при постояльце – 10 р., при 3-х нахлебниках – «их хлеба и сами (3 женщины) прокармливаемые».

Ужас. Ужас.

Прощайте. Целую Вас крепко. О болезни (и д-р так определил, *ang. pectoris*.) дома не говорю, и зачем им все знать, и Вы не пишите всеми буквами.

Ваш В. Розанов.

И недаром Шурушка б. так религиозна последние лет 7, сперва блуждая около аспизчан – «христиан внеконфессиональных», а теперь – была в Оптиной, примкнула к Православию (и я много говорил сюда), вчера сама позвала священника и исповед. – причастилась, сегодня б. крестный ход, и у нас во дворе отслужили молебен.

Примите за чепуху, что я В. писал о сестре В. и о Вас и о попах. Были поводы – мелкие и, м. б., неверные, глупые.

<12 сентября 1912 г., СПб.>

Дорогой Павел Алекс. Пришло мне на ум в самом деле воспользоваться В. помощью не «в орфографии», а in rebus scriptis*: и посылаю Вам корректуру. Почему Вы мне разбор Гиацинтова не прислали? Корректурa: м. б., Вы уже «втёрлись» в анализ работ, диссертаций, и В. это не так трудно и скучно, как вообще и другим. Это тоже «собирать грибы» и «раздвигать пальцами водоросли» – лезть в строки корректуры. Только мне жалко труда Вашего, страшно отнимать у Вас время. Понимаю, что это могли Вы сделать по великой любви к «другу своему» (demi-amie). Ну – здравствуйте. Радовался я, услышав от В. очень хорошие слова о К. П. Побед. (когда б. в Петербурге), и недавно, разбирая пачки писем, нашел его записочку к себе и захотелось Вам послать – но чтобы сохранили. Он б. прелестный человек и, знаете, «нашего поля ягода», – только все-таки грибов и мхов не понимал.

В. Розанов.

Варе чуть-чуть-чуть лучше; жарила спину на солнце, – и чувствовала, что от этого становится крепче, но страшусь: стали у нее ноги слабеть, а д-р сказал весной: «Нужно ожидать явлений со стороны ног». Все-таки душа трепещет и тогда смертный холод в душе. И все-таки я очень несчастен.

Да что я – дурак: ей горько и трудно. Любите меня, п. ч. я очень несчастен. В. Р.

<15 сентября 1912 г., СПб.>

Спасибо, дорогой Отец Павел! Все понял – что и трудно Вам было расстаться с Преп. Серафимом, – и нитью из одежды Его, – и что нужно было слишком подумать о нас, чтобы послать. За все спасибо, и целую и уста и руку, Священника и Друга.–

Варя сейчас плачет – счастливо, когда я прочел ей из письма Вашего последнего страницу.

А Вы знаете ведь это «кому следует». Варя решила свозить старшую Таню к препод. Серафиму и действительно получила исцеление по следующему поводу: старшая наша Таня приучилась «шататься», – 6 лет – 7 лет: мать открыла, – что она, садясь на каблук, – трется, и глаза безумные и «уставленные». К докторам, туда, сюда, – несчастная не может остановиться. Уже при поездке в Саров Варя вечером вдруг увидела в гостинице, что она присела и «шатается» (терлась). Варя плачет, говорит: «Таня, Таня, я о тебе Богу молилась, а ты – опять». И она поразительно ответила (6–7 л. !): «Мама, я заблудилась!». Так мы были поражены. И вся она поразительна по тонко-

* В делах писания (лат.).

сти и уму (Т., что ты любишь из Пушкина? – Больше всего... «Когда для смертного умолкнет шумный день». И теперь *одна только* из детей чувствует болезнь матери, прочим «нипочём»).

Устал. Понял, что о литургии написали. О службе и похоронах, что «преобразует» невыносимый удар (†) в *длинную* и уже *переносимую* печаль и уже 1 это открытие или изобретение или метод искупляет грубости и плоскости попов.

Спасибо, милый, за все.

«Хитрость» моя от боязливости (с детства) решительно всего на свете, от полнейшего все-таки самолюбия (случается, есть «грехи», «падения»: по моему это самый глупый порок, куда хуже онанизма) и (с детства, зябнул под холодным одеялом и «изобрел», что оно согревает») – от «отроческого порока», который не откроешь, а *скроешь* и СХИТРИШЬ. В жизни же, в делах, поступках – нет хитрости. Я хитер в речах, в отношениях к людям («ну их»), в дружбе, когда дотягиваю □ дружбу до «1»-дружбы, в «преувеличенных уважениях», часто в литературе: а в себе и дома как-то не хитер, «в халате» не хитер: а в сюртуке – как не хитрить. Хитрая одежда.

Ну, опять «о себе». Проклятая часотка «я»-чества.

Будем, *слабые*, любить друг друга и прощать друг друга и не гоняться с обухом за вшею на вороту ближнего. Это я не *Вам* говорю, который этого не делал, а себе: во мне часты досады, мелочи, и именно «с обухом за вошью».

Чудный Образ Св. Серафима! Все чудно. Чуден весь подарок. Я думал – монеты. Отпаковываю: вдруг «обозначается» ободок, и я уже почувствовал, и закричал Варе: «Тебе повесить над кроватью». Она сейчас отнекивается и «своей Тане», но я настоял, чтобы матери.

И моя мечта: в гроб Маме положить этот образок. *Она его заслужила.*

Ах, если бы Вы знали душу Варину. *Вы ее совсем не знаете.* А мне начинать ее открывать значит начинать «открывать себя» ибо я весь *относительен*, и без **соотношения** с *Варею* меня нельзя понять. Все мои суждения суть «косвенные» отражения отношений к ней и мыслей о ней. При этом я не влюблен и не «чувствен» (никакой роли в нашей связи), а исключительно все основано на духовном взгляде, духовной оценке. Когда я ищу суммировать, иногда говорю: «Полная правда в реализме» или еще «высочайший идеал, сказанный в житейских мелочах»; еще: «совершенно умерло свое я». Еще: она не выносит смеха, насмешки, не выносит победного звука, победного тона. Она – *вся в уступке* (другому) и сколько достоинства, сколько царственного в этом вечном и всем уступании, каком -то спокойном, и не замечая, что уступает. Ее вечное в жизни – «я никому не мешаю», но как инстинкт, и – без пассивного отношения, а с величайшей живостью, к тем, кому не «мешает». Но тут нужны очень тонкие слова, чтобы обрисовать.

Ну, простите глупое письмо.

В. Розанов.

Вчера были у Карпинского (открыл ее болезнь), и он сказал, что разрушение мозговой ткани остановлено, и кой-что удалось восстановить

1) преимущественно в спине, и частью в голове.

Я Вам не говорил, чем она больна: ее муж, – любимейший, – умер от (Карпинский по признакам) от прогрессивного паралича на почве сифилиса, и она через плаценту («детское место», коим ребенок соединен в утробе) получила заражение, павшее на мозг же, и у нее произошла сухотка спинного и головного мозга!! Отсюда получилось ранее, в 45 лет «перерождение» всех кровеносных сосудов, т. е. склероз, состарение их, и миокардит, т. е. воспалительный процесс мускульной ткани сердца, а на почве перерожденных сосудов произошел в 47 лет удар: когда закрылась проходимость некоторых кровеносных сосудов в мозгу. И это открыть через 30 лет после заражения!! Теперь уже все запоздало и она несчастная изуродована: вся левая сторона тела полувисит, ослаблена, с потерей чувствительности и ослабленной способностью движения. Вся жизнь испорчена медицинским недосмотром. И тут, конечно, виноват муж, который должен за всем смотреть, должен бы ее охранить. Вот мой ужас.

56

<26 сентября 1912 г., СПб.>

<Рукою Флоренского>.: Получ. 1912. IX. 27. Сер. Пос. Сюда был вложен Дневник Верочки, его дочери, но я 1912. IX. 28 отослал его обратно, как и было указано Розановым.

1) Фольклор (ших-трава): у меня мелькнуло, не попадают ли в «фольклор» личные, выразительные, гениальные речения, песни, прибаутки. Но вообще – иногда *личное, частное, особенное*, а не всеобщее и не универсально-истинное. Глубину и великую ценность «ф–лора» я понимаю, и думаю – это замечательнейшее море, «со всякими рыбами»: но удить из него надо, «имея лесу Петра», осторожно.

2) Ах, если бы Вы когда-нибудь мне написали изъяснительно. Это действительно удивительное речение: «в душу тебя.....». Действительно, тут на «удище» сом, лефиафан: а как его вытащить и посмотреть?

3) Спасибо, милый, за длинное письмо, – самое длинное из всех полученных. Спасибо за *труд* его. По почерку – Вам трудна техника писания, вы «вырезаете иероглифы», а не скользите пером по бумаге. А я думал и тревожился – Васюк у Вас захворал, и боялся диссентерии (от Ади). За Адию я немножко молюсь. Она и мне мила. Знал таких («я пойду на *Василича*», говорила 5-летняя Анхен, когда б. студентом, – по мне, по лестницу в светелку).

4) Отлично разъяснили Вы автора «Воспоминаний», и, вероятно, я в «заключение» возьму эту часть письма (анонимно, конечно).

5) В «S» в хр-ве, в *поле* вообще. Вы больше и лучше меня видите, но я не все уразумевал у Вас. Тут есть неизбежная (у меня) односторонность; кто *вперился* глазом во что-нибудь, и уже годы об этом думал и положим годы неправильно или односторонне – тому почти невозможно выйти из этих *своих* «шор». Тут должен другой смотреть, и наука движется и, очевидно, должна двигаться односторонностями. И я в себе признаю такую «односторонность»: но уже «жития моего – мало»: и несть сил ни вправо, ни влево подвигнуться, а лишь идти дальше.

Вообще ужасно обнявшее меня чувство смерти, чего-то ненужного всего сейчас кругом, и ненужного всего прожитого (кроме отношения к Варе). Это чувство «ненужно» какое-то ужасное, леденящее. «Землей» пахнет, но не теплой – «матушкой», а какой-то замерзшей зимой, какая бывает в ноябре. «Земля-камень».

Ну Господь с ними. Печально на душе. И одно к лучшим людям: «Любите друг друга».

Вот понимаете: «Ничего нет лучше любви», и – «просто в дружбе, за чаем», просто – «в мире», не в ссорчивости. Ненавижу ссоры (а в литературе все «полемизирую», но верьте, все для денег, без злобы).

О монархии Вы не читайте: скучная статья; разве предисловие. Читая корректуры ее (1894 г.), я был поражен дурному *неестественному* слогу и впервые себе сказал: «Как, однако, *трудно хорошо писать*, т. е. писать так, чтобы *не старело*». Как за 16 лет все там старо, «не так» и по *тону* ложно. А *тогда* (1894-й?) все *сплошь* (текст) и *всем* (и мне) нравилось. Поразительно. Вот это говорит о гробе литературы.

.....
И всем *мирам* она грозит.

О смерти я в жизни никогда не думал (никогда сам не хвораю), кроме как вот после *явного* заболевания Вари: теперь только о смерти и думаю. Она до того ужасна, *до того все закрывает собою*, после нее до того *все ненужно* – что.....

И говорить нечего. «Нем язык и ступенела мысль».

Что такое смерть?

УЖАСНОЕ НЕИЗРЕЧЕННОЕ.

Останемся ли?

Встретимся ли там? – *Одно* интересно, важно, утоляет или утолило бы жажду. Вот Церк. и дорога тем, что без колебания говорит:

Воскресните.

Может и нет: но что Она *навязывает* эту мечту людям, 2000 лет – какая за это одна Церкви благодарность.

Вообще не думайте, что я Церкви не чувствую. Но «большой верблюд трудно проходит в игольные уши».

Все ремарки – ужасно ценны, и СПАСИБО глубокое *за* труд их: но уже, конечно, все сдано в типографию (не м. столько ждать!!!) и пойдет (если

будет) в 3-е изд. Хороши поправки и в тексте, и вообще показывает тонкое, нервное чувство речи: «Есть оригинальные и *есть* подражательные».

Конечно (И т. п. Все дело все кстати).

Хороши и суждения о молохах. Вообще хорошо, что при великой любви Вы *беспристрастны*, «смотрите во **все** стороны» и «видите **все**». О Моис. Угрине – согласен. Это, м. б., я введу еще в конце (анонимно, как «возражение некоего»).

Совокупление – питание: вполне согласен; да я и «гипноз» сказал ад лектогем*, чтобы «вдолбить». По-моему суть – прививка, которая ведь тоже (в ботанике) *тайна*.

Ну, устал.

Что мама? Что сестры? Я чуть-чуть обиделся на ту, которая не ответила, а очень желаю ей счастья. Странно: к поехавшей к Мережк. сестре я стал враждебен. Что-то мне в ней «по слухам» не нравится, а зрительно была такая милая, приятная, *кроткая, терпеливая*. А я теперь думаю «с червяком внутри». Вообще «Флоренских бойся» – «слишком даровиты». Ну устал.

В. Розанов.

У нас глубокое несчастье в семье, страшное, расшибшее все мысли. Со- всем не в сфере болезни Вари.

Подмога-гварь, под предлогом «погостить» в село, в сосны, позвала Верочку (у которой подозревался туберкулез и 1 из 2-х врачей советовал еще в Великом посте послать ее в санаторию). Мы эту подмогу знали лет 10, – у нее в селе не бывали, на квартире были 1 раз, но у нее чудная святая сестра. – Ну. Обещала «смотреть как мать», «беречь дочурку Верушку». И – в каком-то исступленном сластолюбии (ей лет 40, вдова) свела со своим любовником 26 лет. По-видимому, механизм был тот: пусть он *возбудится* около Верочки – и прибежит для удовлетворения к ней. Для этого (рассказ Верочки *post factum*) устроила спальни Верочки и этого 26-летнего музыканта-нахлебника *рядом* (!!!), а сама спала в другом доме.

Ну – горе, унижение, несчастье.

Но:

Нашли, – после *писем* этого негодяя, к Верочке, что он «все хочет ее тела», Дневник самой Верочки. Нужно заметить, она «отбилась от родителей», ни матери, ни меня, ни сестры старшей – никого не слушала, и мы просто «плюнули» на нелепого, испорченного, в высшей степени грубого ребенка (15 или 16? лет, крупная очень). И что же: в Дневнике открылась такая чудная душа... Я списал его часть, и м. б. Вам пришлю, только чтобы Вы СЕЙЧАС вернули, ЗАКАЗНЫМ). Прямо – святая, и глубоко невинная девочка, совсем младенец. В неписанных частях, дальше, стоит кратко: «Я пришла и легла к нему на постель и отдалась ему. Мне было хорошо». – И сейчас о

---

* Для читателя (*лат.*).

другом. Она его «пожалела» мерзавца, и так прямо и пишет: «Я почувствовала тихую любовь матери (к нему) в душе». Вообще нечто невыразимое по прелести, по красоте в душе. О сутенере 40-летней она пишет: «Я ему сказала: неужели *Вы кого-нибудь целовали*» (т. е. кроме Верочки). Вообще «отдалась» с «на *Вы*», без «ты» и в *той же* вечер будучи оскорбленной, что он раз позволил ей, по ошибке, сказать *ты*. Весь Дневник прямо что-то святое. Мы (я и сестра старшая) скрыли, что видели Дневник, и вообще делаем вид, что не знаем всего. Скажу В. только, что Ромео и Юлия или Гретхен и Фауст – «как фабричные» около чистоты и лепета чудной Верочки (а снаружи, в словах, жесткая – ужасно груба, жёстка, криклива, абсолютно непослушлива). Потом нашел рисунки в тетрадке – «Кошмар», «Испуг», «Смерть», – и какие-то ведьмины глаза, с удивительной всего *экспрессией* и верностью, и видимо ее преодолевают эти мысли о смерти (своей). Не понимаю, что делать. *Один* вечер (через неделю после узнания) – была мысль отомстить, худо отомстить. Собственно злодеяние сделано над ребенком – невероятное. Но как-то все залила красота Веруньки, – я прямо обомлел. И теперь около больной Вари, этого недоумения, около корректур – я как ошалелый.

57

<6 октября 1912 г., СПб.>

Спасибо за Верочку, дорог. П. А., и за то, что не было случая, когда бы при величайшем «задыхании» в работе (знаю! знаю!) Вы вырвете «лоскуток духа и тела», и напишете мне когда более душою и обстоятельствами. – Так и поступлено с Вероч.: от Вари скрыто, хотя раз она и сказала, выкрикивала: «Что за тревога в дому», «Что случилось», и как дело шло о подмоге этой – «Что, Веру обработали», – ей ничего не сказали, и через день она успокоилась. Нужно сказать, что Верочка при всей прелести души, открывшейся из «Дневн.», невыносимо груба эмпирично и снаружи, никогда не ответит мягко и даже вежливо и мы (я) раза три вступали в драку с ней, и она боролась со мной, а раза 2 получила по щеке (прошлый год), и мы на нее «махнули рукой». И вдруг все открылось, оказалось – душа есть, и это меня так поразило и, признаюсь, увлекло, что я не думал о «деле» («случилось»), а только что она такая глубокая и чистая. И сукина сына я не винил бы, если бы он ее любил и был свободен, но ведь он мерзавец, «содержанец» другой (40 лет бабе, 100 000 от мужа осталось, сын – прелестный – женат на нигилистке). Но на *нее* я чем дальше – больше злюсь, и временами гнев (ярость) доходит до невыносимости. *Она от больной матери взяла дочь*, сказав, что будет смотреть, как мать, и свела их, уйдя в другой дом спать, а им (Варе и ему) устроив рядом спальни в дому, где они были одни. –

Устал. В. Розанов

«Ремарки» чудны. Я к ним сделал ремарки же (внизу под чертой). Согласился особенно об Угрине. Зачем благого и почерневшего я затронул – не знаю; от «фанатизма». Ваша гипотеза не только правдоподобна, но, конечно,

верна. Простите за совет, не сочтите нескромным, не пишите «недостойный»: похоже на худшейших попов. Пишите «ваш богомолец», «брат в мире». Хорошо о сестре Вале: у нее личико, правда, детское. И рад, что любила мужа (я думал – нет, судя по влечению к Мерским). Но ее надо от них держать: она неопытна и могут ее перевести на болезненные пути. Самая бы верная узда, конечно, опять замуж, но это «в руке Божией». – Верочка (и все дети) о моих «теориях» ничего не знает, и вообще ничего кроме «Итальян. впечатл.» и «Легенды об Инквизиторе». Они же дети.

58

<9 октября 1912 г., СПб.>

Мы не знаем, что делать: Вера совсем вырывает повод. Совещания с Шурой (что Вас вызывала). «Ее нужно скорее выдать замуж» (Шура). – «Где теперь мужья? Где их взять». Величайший страх, что она попадет в руки хулигана, который ее просто начнет перепродавать. Вот встреча с «фетишем» и что поделаешь. Я сказал Шуре, да и одно нахожу средство, одно спасенье, чтобы она попала к благородному, сострадательному, великодушному человеку, хоть бы «так» («не до жиру, быть бы живу»). Иначе она погибнет в самом грубом, голодном смысле. Просто ей надо удовлетворение, и постоянное, и у себя дома – там ребенок и новая любовь и новая *к дому* (где *колыбель*) привязанность, и все относительно (душа) будет спасено.

Простите, что Вас тревожу, написал в тоске, не зная, что делать. Я бы (и Шура, советчица, – тоже *ужасно любит Веру*) отдал ее Цветкову или Ельчанинову, но только порядочному, не негодяю. Величайший ужас, что она к негодяю попадет.

Не послать ли к Вам в Троицу, – бросив гимназию (последний, 7-й класс).

В. Розанов.

59

<30 ноября 1912 г., СПб.>

Удивительна все-таки метафизика плодородия, деторождения и размножения и совокупления как акта, без коего всего этого нет: и нельзя ее умом достичь, а в сердце она чувствуется или вырастает или заложена. Как бы я должен б. ненавидеть или презирать или вообще оттолкнуться от N(?) «с Верою»: но раз уже совершено, «факт был», то, несмотря на всю его «невежливость», оскорбительность, обидность, разрушительность возможную и правдоподобную для биографии Веры, NN (никогда не видал) странно притянулся к душе моей, не есть для меня *чужой*, хотя и остается крайне антипатичным и враждебным (как есть «враги-дети») и самая вражда простирается на «случай в Лисине», обстановку и злоухищрения (тут – омерзительная, до головокружения), но собственно к душе и телу его нет вражды и странно чувствую, что через соединение он притянулся ко мне и был «кусочком моего

279

тела». Это до того странно, что руками разводишь. Самое событие не кажется враждебным иначе как опять «не при таком бы климате» и проч., а не в самом себе, а в самом себе странно сжимается грудь при мысли, что «нисходящее потомство влилось в мировую реку» через случай, что я слился телом и *моим* с странным телом человечества; дальше улавливаешь еще страннее и страннее: ведь «вообще никто не выходит замуж», мужчины «решительно не женятся», и могли бы (как две красавицы-крестницы, Рцы дочки), могло бы случиться, что их «вообще никто не пожелает». Боже мой – сплошь и рядом! И вот в душе я чувствую, что все это «правильно случилось» на случай «а – если *никто*», и в душе моей происходит волнение, что «а все-таки *мы* не «один перст» на руке», не «одна сосна в поле», а – в лесу, в человечестве: и, уж совсем странно сказать, поднимается чувство благодарности к «мужчине с бородой (может с усами), который *первый в мире* захотел нашей крови и вкусил и причастился и причастил». Каким образом все это можно объяснить, когда феноменальная сущность всему этому так враждебна, оскорбительна, обидчива, даже разрушительна.

Вот и подите.

Давно отложил Вам асс (века IX до Р. Х.) города Ольвии, чудной сохранности (50 р.), и еще подберу: и не знаем ли мы ради былой и милой дружбы так: ящичек со стеклом, зеленые коробочки дам (через Цветкова, он будет здесь), и пусть монет 50 разных стран «от Флоренского и Розанова» будет пожертвовано в Дух. Академию, – где-нибудь в коридоре Академии, можно укрепить к стене. Вы – пользуйтесь, годы, сколько хотите, но ведь не «в гроб же брать» – и вот хорошо на пользу неопитам. За «Анонима» – спасибо; очень хорошо.

Гершензон (ему послал) писал: «Кто это умница Аноним? Особенно важны страницы 12, где начинается: «Но есть подозрительное в поле». В. Розанов.

Цв. удивит. человек: как образован и всесторонен. Вот какие юноши подымаются. Это – второе и, м. б., еще богатейшее «славянофильство».

60

<ок. 12 декабря 1912 г., СПб.>

De matrimonia*: Вы хорошо *вскакиваете*, но не верно идете, отлично откусываете, но плохо разжевываете. Оттого-то именно, что «в мистике и мироздании» *cultus phalli* оказывается *действительно суцим et post primum actum est amatum* (ph.) *non solum uxori vel conjugii (conjugatio), sed etiam parentibus eius et omnibus, in quibus eadem sanquis est (ea sanguis, quae in uxore)*** – поэтому-то когда чета распадается, «не любят», «не хочется» нич-

---

* О супружестве (лат.).

** После первой близости (фал.) становится приятно не только женщине-супруге (брак), но даже родителям ее и всем, в ком та же кровь, что в ней (лат.).

то в мире их сдержат не может и *не должно сдерживать*, ибо значит не «по подобию друг друга» он и она, и она «*не соответственна*» (Бытие, Адам) ему не физически только, а и мистически. Вы *cultus phalli* берете слишком анатомически и физически, а тут есть и «душа». Ваша Аня подите-ка как стала В. дорога не *ante*, а *past*: ибо была «предназначена», «соответствовала» не «вообще Флоренским»? Павлу-*solo*. Но ведь бывают изнасилования и совершенно случайные встречи, «наобум» и бывают изредка по минутной страсти, по «приспичило», или один очень хотел, его похоть отозвалась резонатором – и она *сдалась*, а потом «рвет волось». И тут *все-таки* «кусочек вошел и прививка совершилась»: но нужно именно «желать» и знать *меру* этой прививки и что она не большая, и расторжимая легко. С Верой: по письмам перехваченным мы узнали, что он очень ее хотел, она же «отнекивалась» или вообще «считала дурным» вмешательство в любовь тела (он писал, что «без тела ее не может жить») и у меня были странные две волны: в *тот же день* или дня 2–3 около узнания (сквозь зубовой скрежет *на все*, на общее) ужасная и какая-то нежная (ни с чем не сравнимая) радость, что «чужой кто-то человек», человек «из мира» вошел *именно фаллом* (не рукой, не ногой) в мое дитя (о ее *vulvae* – в голову не приходило), соединился с ним, полюбил его, слился семенем (о, как оно вот ТЕСТЮ дорого): это до того *неописуемо* взволновало меня каким-то совсем новым чувством («Америку открыл»), именно родительским, характерно родительским, старым, но *приятно*-старым, что не могу сказать. Мной овладел восторг, а Верочка стала неизмеримо нежнее любима, особенно любима, не за то, или, вернее, не за *одно* то, что несчастна, но как уже приившая семья от «мужа». Потом забыл, дела, литература, главное же всего болезнь Вари: но едва полегчало – меня стал тянуть его фалл, и не умею иначе объяснить как тем, что *ему* очень хочется (через воздух и стены передается), и хотя он лично противен, не нужен, не знаком, но через дочь («приившая») я стал будто его. И вот *именно ЕГО фалл*, а не «вообще фалл», стал чувствовать, и ужасная странная мысль – «он близок не одной дочке, но и мне, и как будто «где муж странствовал», а теперь вернулся, и мне хочется, чтобы он опять шел к ней и сделал ей и постоянно делал. Буквально – муж. Буквально – зять. Никакой вражды. Что он «ее хочет», скорей вражда – если бы не хотел, вражда и обида, «как он мою Верочку не хочет»; есть ревность, что *теперь* он сносится с другими, тогда как я хочу, чтобы он «все сберег моему ребенку», чтобы он «думал только о Верочке, на других же и *не* смотрел, не кокетничал с ними, – а только бы ее одну миловал, ласкал и всего более (для меня желательно) оплодотворял и оплодотворял. Кажется, он не такой скверный человек (судя по письмам), а только «дурак», «болван», но ему мучительно быть у вдовушки. Он не *озорник*, а только русский слабый человек. Это-то мою душу с ним и помирило. Но поистине детородные органы священны, но они только в родстве и для родных священны. Похоть зятя – святыня тестю: какао. Лишь настолько он хочет дочки – он же *родня* мне. Не хочет – *не* родня, *чужой, враг*.

Все это большая метафизика. Все это корни мира. Есть 2 корня. 1) жалость, боль = христианство; 2) фалл, приятность = язычество.

<15 декабря 1912 г., СПб.>

De Ecclesia et Matrimonia* .

(Рассуждение онтолого-практическое)

С Таней едем дальний путь в Клинический институт Елены Павловны:
– Папа! Что ты как оступепел, ничего не слышишь, что тебе дочка говорит.
Она всегда и милая и ласковая. Очень чувствует мать и меня. Настоящая
дочь. Бог дал.

А я думал или, вернее, говорил Вам письмо.

У Вас есть один из тех *врожденных* недостатков, которые неискоренимы или чуть-чуть поправляются «даром смирения», которого у Вас немного: и оттого дай Бог Вам этот рвущийся к росту недостаток удерживать в границах. Он заключен в великой самонадеянности и «непоправимости» себя, переходящей в упорство и даже, наконец, в нравный каприз – «ни за что не переступить ногой», если нога и встала «за оглобли» или «наступила на возжу». Знаю, что этим упрямством наделены породистые натуры, большие дарования, и т. д. Но Богу грустно в небесах: «Создал хорошее – но вот и в самом *хорошем* недостаток именно от *хорошести*: упрямо, живет in se, а не in aliis»**.

Вот месяцы я думаю о Вас, Новосёлове, Кожевникове, Щербове, – особенно под толчком нового знакомства с Цветковым, который поистине – «возрождающееся славянофильство», так он предан «всему, всему», – так привязан и *проникновенен* к Церкви. И вот думаю: как *их* всех восторг дошел до меня, дошел легко, «славно», как мне захотелось им всем помочь, что-нибудь сделать, одолев вечное «некогда», усталость, жажду «полежать». Корректур, деньги, статьи, самую боль жены и о жене. «Все думаю о них». И началась у меня – совсем «потом», – ужасная мысль: «А любят ли они *мое* и есть ли им дело («мне есть дело») до меня и моей особой *боли в мире*, которая тоже есть». Вспоминаю лица, «заботы у стола», «заботы с пером»: и никогда-то, никогда теперь *и в будущем* им не придет хорошей, веселой («весело перед Богом») мысли – «дай помогу этому Розанову, очень он старается, устал – я и помогу». «Дела нет». Да отчего? Худые ли они люди? – Отличные (лучшие в России). – «Добрые ли?» – «Добрые». – «Так отчего, отчего, Боже – *отчего*???!!!».

А вот – подите. Зачарованы. Разве может полюбить «чужое» птица «на току». Так и называют: – «Глухарь». – «Ничего не слышит». И Розанов-то их слышит, но они Розанова никогда не услышат.

Несколько лет назад Вы мне написали для меня дорогие строки о «Семейном вопр. в России», Вы его почувствовали. Как и я, чувствуя «те и эти

* О Церкви и супружестве (лат.).

** В себе, а не в других.

темы», почувствовал «особый путь» Новосёлова–Цветк.–Фл. Но я помню: *и этих милых людей никогда не забуду*, как и эти милые люди «повернули мои убеждения» просто симпатией своей, просто добротой своей, просто милостью своею. «Мне с ними теплее».

Как бы им, в сущности с могущественною силою всяческих способностей, таланта, знаний, авторитета благочестивой жизни, «незаподозренности» поведения и образа мыслей (я – заподозрен) не сказать в себе, и тоже весело, «славно»: – «Сделаешь, чтобы и Розанову, да и всем Розановым, всем в таком положении, вот с историею о разводе, вот с кучею детей, которые – [до закона 1908 г. *светского*] – должны бы именоваться – один Семеновым, другой – Ивановым, по имени *крестного отца*, и с обозванием в церковном документе их – приблудными детьми, а матери их – блюдящею женщиною, – и с запрещением в документе даже *упомянуть*, от какого Василия Васильевича они родились, – давайте сделаемте, чтобы в случае хорошей жизни и хороших лиц устраивалась их жизнь по настоящему, в уровень со всеми, в слиение со всеми, в одинаковость со всеми».

Нет.

Просто – нет.

Короткое. Коротко – забыли. Не пришло на ум. Не наше дело.

Что такое?

Добрые люди?

– Да.

– Но – христиане. А христианину все это свойственно забывать, не помнить; ничем этим – не интересоваться.

Да отчего?

А, видите ли, церковь после службы *хорошо нанять* (Ваше, и в *высшей степени глубокое*, замечание).

Тоны чтений и пений церкви глубоко согласованы.

Иконы – схемы.

И все «так последовательно и цельно, что ничего нельзя изменить».

Ток. «На току». «Ничего не слышу и не вижу».

Развод? – Да, но *онтология* требует, чтобы 5 детей Розанова именовались Таня – Александровою, Вера – Александровою, Вася – Пименовым, а Варвара Димитриевна, в сущности, *есть* и должна перетерпеть, если каждая кухарка, в момент ухода с места, скажет: – «Я, бараня, вдова да честная, а *вы – не знаю кто*» (говорили; да и один священник, духовник ее, тоже *о ней мне в письме* – сказал).

Оттого-то Вы и сказали в письме ко мне: «Я, в сущности, рад Вашему отношению к случаю с Верою, *п. ч. в нем Вы переходите на почву православно-го воззрения на брак*». Вам нет дела до меня, до Веры, – и только один интерес к тому, что еще *споривший и как бы сектант – убедился в своей ошибке и согласился с нами*». Для Вас – не жизнь, и – диспут, не «уврачевание ран», а – победа. Та Nikh, та Victoria, которая озаряла и Рим. «Победим! Победим! Мы – первые! Мы – истинные».

И ушли в свою «Вечную Красоту» от мира. И смотрит мир на эту Красоту и плачет: ибо он видит, что Красота-то есть, а любви-то нет, «свечи»-то горят, а тепла-то от свеч – нет. Плачет он особенно потому, что *вообще некуда пойти*, ибо если он от *этой* Красоты уйдет, то ее перестанет видеть и почернеет, но никакой новой Красоты не найдет *иначе как уже совершенно другой* и для него чужой, *иностранной* (буддизм наших необуддистов и «язычество» Мережковского), *из себя* и *нового* решительно ничего не умеет извезти, кроме «предлагаю, господа. почтить память умершего **вставанием**», что вся вообще религиозная почва, религиозный пласт планеты – перепахан христианством, прорезан плугом Церкви, и все древние корни в этом пласте перерезаны и умерщвлены. И – *кроме Церкви*, вообще ничего нет, в этой области, в этой сфере. В самой же Церкви сидят люди при «вечернем свете» («видевши свет вечерний – после Отца...») и пересчитывают дневные доходы, пересчитывают дневную славу, 1) много ли просфор взято, 2) много ли свеч поставлено, 3) сколько на блюдо положено, 4) и много ли народа «к нам уже причтено» («вот и *Вы согласились*», – Вы в письмах ко мне). И видит человек (положим – я), что не в душе его дело, что до души его никому дела нет, что душа его не нужна Великой Церкви, при таком числе уже имеемых дел и прославивших подвигов, что «что́ нам В.В.Р., когда у нас есть Серафим Саровский». Суждение-то это, конечно, *с их точки зрения правильно*, конечно, они иначе и не могут судить, сидя в таком имуществе, в таком богатстве; и их самочувствие ужасно крепко. Но «не в силе Бог, а в правде»: и при критериуме этой аксиомы все как-то *не с одной точки зрения* В.В.Р., а в самом себе становится шатко и сомнительно, и как-то диалектически *крепость* перерождается в *сытость*, а *уверенность* переходит в *самодовольство* и «токование в самом себе» переходит в болванность, переходит в чурбанность, переходит в непробудность, переходит в сон, переходит в некроз. Все «так же свято» и все «не живет», все так же «пылают свечи на кануне» и видишь, что все это «обряд»... Приходит время «с Христом» как бы «Последнее время еще перед Пришествием», ибо и *тогда* пылали жертвы во 2-м Соломоновом храме, и Божия Мать принесла двух горлинок, и все ели Пасху: а уже пришел Сказавший: «Всего этого вообще не нужно», ибо около всего стали люди *книги* («книжники» впереди него) и еще стали люди закона («*божественные* каноны» Антония Волынского). Дано в том, что несомненно Иисус Христос принес на Землю МИЛОСЕРДИЕ как новую и ЕГО ЛИЧНУЮ стихию мира, которою ОТНЫНЕ, т. е. после «трех дней в гробу», мир, по мысли Его и завещанию Его, должна бы жить: и КОТОРОЮ НЕСОМНЕННО же ЦЕРКОВЬ БОЛЕЕ НЕ ЖИВЕТ («на току», «глухи», «считают деньги», «божественные каноны»). Дело в том, что Христос ЧЕРЕЗ ВСЕ переступал, увидев на улице больного человека, через Моисея, через 10 заповедей, через весь Талмуд («книжники и законники»), и дело заключалось не в помощи **ВООБЩЕ** больного: а *Его* и *Новое* дело заключалось в таковой торопливой, такой безотлагательной, такой **IN CONCRETO** помощи Ивану и Семену, Лизе и Коле, и *это-то, это-то* новое отношение к боли и болящему, к пре-

терпевающему и обращающему к Нему глаза, и составило то, за что народы воскликнули:

– Благословен Грядый во имя Господне,
«...И сотрясся Олимп многохолмный».

Действительно, в мире есть да и всегда было только столько боли и такой особенной с помутневшими от страдания глазами боли, что еще вопрос, нужно ли «строить Элладу» и «воздвигать Капитолий» или напосто приложить пластырь к ране.

Церковь же и Ее историческое дело заключалось несомненно в том, что это великое МИЛОСЕРДИЕ она позолотила, взяла в золото, украсила ризами, положила на ноты, поставила над этим колокольною: по его всем этом – *металлило*, и жилы, и нервы превратила *в золотые же*, чудно поющие «хвалу Господу», но вообще ничего не чувствующие («на току» Вы и Новосёлов), не передающие боли и на боль не отзывающиеся.

Устал. Начал в больнице, кончаю ночью за чаем.

Вот положение. И тоскуешь, плачешь *без лицемерия*, и истину выражает странное «на пороге», «от церкви *не* отхожу» и «в церковь *не* вхожу», что-то промежуточное, что-то ужасное, что особенно под старость ужасно томит, потому что под старость хочешь покоя и уверенности, хочешь не «ходить», а «сидеть».

Есть вещи, которые со странною болью укололи меня в душу, именно в смысле озолочения сердца: об «Уедин.», которое, конечно, написалось (и *без* – никогда бы не издалось) в отношении Вари, и проникнуто страшною болью *с этой стороны*, Вы только сказали, что «главное в нем – что я *возвращаюсь к Церкви*». Вы «взяли свое», а «сдачу выбросили» медяшками, сказав: – «Не нужно». Да по письмам я вообще замечаю, что Вам ничего не нужно, кроме «МОЕГО и НАШЕГО, НОВОСЁЛОВСКОГО», т. е. Церкви. И все это абсолютно в Вас неодолимо, абсолютно неразстворимо, не уступает никакой кислоте, т. е. ржавчину с души ничто не отчистит, не отмоет. А Вы – прекрасный человек; да и Вы все прекрасны. Новосёлов – ВПОЛНЕ прекрасный человек, и *без Вас жить на Руси-то хоть утопить-ся*. Но все уже в позолоте и все прекрасное Ваше – скорее великолепно, пышно, разукрашено, «звонит» и «пост», но не проводит молча по щеке со словом: потерпи, друг – все разъяснится где-нибудь. Мне как-то больна была Ваша приездка сюда в Петербург ДЛЯ МЕНЯ: я почувствовал, что это было сделано в отношении Церкви, а не меня собственно, что Вы доделывали круг церковной службы своей, делали «шаг Флоренского», а не «шаг К Розанову». И это – невольно. И это – везде. Это уже история и факт. Этого переделать невозможно.

МИЛОСЕРДИЕ

– пропало. НЕТ – и на «нет» и суда нет. «Живем в таком веке и под таким небом.

Все это до того страшно, слезно, становится так ХОЛОДНО В МИРЕ, – что душа люто замерзает, вообще лютое испытание терпит, и нет ему исхода.

Устал, и ужасно печально. Как-то остаешься при эмпирии. Вот – добрый человек – и бежишь к нему без порток. Он не Христос: но воистину сейчас он *на месте* Христа и *за* Христа. Такие чудные люди еще бывают, встречаются. Встречается вдруг «вне схемы» и обещаний. Вне «договора». А мысль? А «обобщение»?..

– «А ну его к Богу, обобщение».

«А ну его» – все чаще и чаще произносим.

Мы, люди – очень маленькие. «Обобщение нам не дано. Иногда я думаю, самая наша «религия» и даже «молитва к Богу» (все предмет Ваших стараний) не так важна, ибо Бог слишком велик, чтобы нуждаться в лепете наших языков, и как отец хочет не «мама» и «папа» от ребенка, а хочет, чтобы он «выучил урок», так БОЖЕ ВЕЧНЫЙ больше хочет, чтобы мы, бегая по Земле, все «старались» друг около дружки, и «проводили рукой по щеке» друг другу, чем «славословили Его» и издавали «Нравственно-религиозные библиотеки» и захлестывали «еще Розанова в свою веру». Все это – пустяки. Богу не нужно, чтобы «Розанов был православный», Богу нужно, чтобы он называл горничную не «Надеждою», а «Надею». Богу *очень нужно*, чтобы со своими «опытами» он не обманывал жену. Вообще Богу нужно, чтобы Розанов был «правый человек». «Правы Господи перед тобой пути мои» – вот когда это человек *счастлив произнести*, он может спокойно умереть. Ох, устал. – Ну, целую крепко. Вы простите меня милый за упреки. Да это и не упреки. «Таково положение вещей». Вы сделаете не мне только, но и себе пользу, если «в течении задумчивых мыслей», каковое не всегда бывает, но «откуда-то наплывает», сядете за стол и «без начала, без конца» напишете мысли – и перешлете мне. Конечно, я никогда себе не позволю без разрешения Вашего напечатать и одного Вашего слова (ведь такой поступок был бы нагл и обманом), но я думаю, объективно-безличные Ваши рассуждения, куски из Ваших писаний касающиеся природы, морали, Церкви, богослужения, – отчего не напечатать с «П. Фл.» и с «Аноним» – «для пользы мира. Вы (в гордости) забываете мир, что ему нужно молочко, кашку, и что нужно каждую добрую строку беречь и *печатать*. Это не литература, а *дело*, и те же «билетики на обед», которые раздает Новосёлов и которые *нужны*. Ну, еще раз целую, и еще крепко целую. Не судите меня и не осуждайте. «Все как-нибудь пройдет и уляжется. Нам же ведь от век терпения».

В постели.

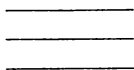
Теперь только прочитал В. письмо. Раньше поклевал меж строк, т. е. увидел лишь *о чем*, а не *что* пишете. О неразводимости я с Вами согласен при условии если Вы согласитесь на *tacito consensus** И. Христа на многожен-

---

* Молчаливое согласие (*лат.*).

ство, коего *факта, наличного* тех времен, он нигде не осудил. В этом случае, не расторгая *той* «плоти единой» (= слиянной, но без поглощения ^{10/10-х} меня), Церковь пусть даст мне вторую жену. Это в сущности полнота смысла брака и логика его онтологии.

В Цвет. меня удивляет разнообразие образования и особенно влечений: и зоология, и антики, и музыка. И привлекает его любовь к церкви. Моя мечта чтобы он заменил меня в «Н. Вр.». Т. е. в *этой* газете хранил славянофильство и идеализм.

Мне очень грустно, и почти постоянно грустно. Дорогое Ваше слово одно: «Тогда приходишь (от печали или страха) в *исступление*». Вот мной овладевает иногда такое метафизическое *исступление* (плодом его в значительной степени было и «Уединенное»). Особенно страха. Нужно сказать о смерти. Я никогда не думал и не боялся (верно очень здоров) и теперь мне смерть **ВПЕРВЫЕ представилась** как разлука и кк. конец. И это обьяло меня ужасом. А чего очень боишься, к тому хочется приблизиться, и вот у меня постоянно тоска – «смерть бы и разом». Вообще ужасное желание: скорее бы прекратилось.

Тогда я всегда думаю о Вас или о Цветкове, к которым бы прижаться, хотя и знаю, что не поможет. Вот тронуло: была у Вари в больнице жена Рцы, и сказала Варя: «Когда я у Вас была на квартире, вы были плохи, и я пошла от Вас к Ивану-Целителю и *много плакала о Вас*. Теперь Вам лучше – а когда выйдете, пойдите и помолитесь ему». Так Варя рассказывала. Романова (Рцы) удивительно правдивая, пылкая и иногда («с правдой в глазах») резкая. Это меня поразило, что плакала, и мне показалось, что для этого одного стоит жить, т. е. когда люди плачут друг о друге и друг с другом, и для этого стоит жить. Вообще вот теперь под старость меня больше всего трогает благородство людей, без дальнейших квалификаций, и мне думается то, что о «святых» Вы писали в «Столпе и утверждении Истины», более всего заключается именно в благородстве святых, что «о ту пору», напр. при Николае I, они были благороднейшие в России люди, ну – с прибавками, но в сердцевине всего и в зерне – благородная натура, благородное рождение, то что у святых именовалось «благодатью». «*Откуда-то* пришло», «*откуда-то* проявилось». А самая благородная черта – плакать о другом и плакать с другим. Поэтому когда я узнаю, что есть такой человек, то мной овладевает тоже *исступление* и Радости и Надежды (о всем человечестве), такой дар выше гения, такой дар и есть святость, еще не вся, но ее начало и корень – ползущий к ней, т. е. от которого отростает и святость.

Вот этого, т. е. такого отношения людей друг к другу, жизнь мне представляется совершенно невозможной. Жизнь вообще мне представляется какой-то глухой и слепой, ужасной и ужасно ненужной. «Чего-то толкаются люди».

О монетах согласен – т. е. Вам и «династия» богословов-нумизматов.

Его мы не видим и я никогда не видал, Вера не видится с ним (наверно).

О «содержащих» – так, кроме одного случая: а Магомет и *старая – богатая* Хадиджа. Это ужасно поразительный случай.

Люблю и целую

В. Розанов.

С Цветк. я о поле не говорил ни слова и не буду, Он «не призван». О поле я говорил только с Рцы, Шперком и Вами («призваны»).

«Давайте составим вместе книгу».

Возрадовался.

Это надо сделать вот как:

Но сперва *НВ*. Я *отчасти* посылаю *В*. монеты – за «Анонима». Вообще «хороший путь к Богу» верный счет, верные веса, уплата за работу. Теперь далее: я думаю издать книгу (тома на 2): Литературные изгнанники, где будут Письма К. Леонтьева, Рачинского, Шперка, Страхова и Рцы (он согласился). Тут будет и быт, и философия, житейское и «всячина». Я ужасно люблю «всячину», без нее философия скучна, бесцветна.

Вот я и предлагаю тут Вам работать, Вы можете написать «рассуждение в разброде». Сюда может войти теперешнее Ваше рассуждение о богослужении, о кнуте (не помните?), о запахах и обонянии. Вообще можно из писем Ваших выкулупнуть *все личное*, как Ваше так и мое, суждения о природе и истории, о людях и веках. Ваша характеристика послушника с «s» – изумительно ценна и есть «шаг вперед» в мировом познании «s». Ваши слова о музыке, о Платоне – тоже. Ведь все Ваше чудное рассуждение (в «Б. В.») о *Lectio* есть в своем роде «Письмо к Розанову начинающего лекциониста».

Ну-с, а чтобы это была работа и заработок, то все это будет Ваш труд, ваша книга и проч. (так и с Рцы поступлю, т. е. за его письма ему – по мере продажи – буду выплачивать «проданный доход» за уплатою печатания). Это собственно великолепный вид работы, и веселый, и умный, не «журнал», а «наша комната», и кто не хочет – «не смотри и не слушай». Но найдутся слушать и смотреть.

62

<24 декабря 1912 г., СПб.>

†

Варе лучше!

Слава Богу!!

Садится за стол; провожает до дверей, коридора. Она уже 5 недель в Клиническом институте Елены Павловны. – А то дома – совсем зачахла, от

отяжеляющих домашних забот, неудовольствий и проч., и вообще от «детской мелкоты».

Ну?

Сказать стихами из Надюшкиного Альбома:

Полно Павлик мой сердиться,
Полно губки надувать,
Не пора ли помириться
И меня поцеловать.

Дорогой Анне Михайловне поклон, поздравление с Великим Праздником. Милого Павла Александровича целую.

Я знаю, что Вы на меня не сердитесь, *не ненавидите никогда* – но хмуритесь, бываете мною недовольны, но по деликатности молчите. А если бы об «опытах» сказали во-время слово властное *как священник* – удержали бы. Ведь я очень подчинителен, оч. мягок. Хотя и «хочется». Словом, «блудлив, кк. кошка, труслив, как заяц».

Знаю, что ничто.

«Человек – ТРАВИЕ»...

И я помню.

И, м. б., память этого кое-что поправляет.

Друг Ваш В. Розанов.

Хотелось бы мне послать поклон и поздравление с Праздником сестре Вашей, – и имя забыл: Нина? Аделаида? – Валя!!!

Итак –

Валентине Александровне – вспомнилось, «Валю», из В. письма: от себя бы не смел.

Она – славная; и, я думаю, [очень] даровитая.

В. Р.

Всего, – главное

ВАСЮ

– с Праздником.

В. Р.

Я верю, что как-то когда-то «приду к...». Ведь надо *полюбить*, а не понять. А у меня этого-то и не было. Но раз в редакции, думая о Варе, я почувствовал Его как утешение и вдруг выдавились *слезы близости*.

63

<25 декабря 1912 г., СПб.>

Только что написал Вам Рождественское (и посему милое письмо; не думайте, и я люблю Церковь, и, слава Богу – все больше), как получил Ваше. – На ходу к Варе в Клинику. И вот – дома. И пишу ответ.

Читаю – с конца.

(прервали)

От нетерпения пишу, хоть в постели. Знаете главный мотив и, слава Богу, *былой* вражды к Церкви: что она *обидела* Варю, и как все это было в тайне – но онтологически обидела: Варя же *никого в жизни* не обижала, и, больная, ежедневно читала (и все один его читала) Акафист Скорбящей Бож. Мат. Это сопоставление *вечно* молящегося человека (как никто) с «дисциплинарным» (ц. термин) отвержением ее точно сожгло мою душу, это было 15 лет сжигания в одну точку. Варя за это не имела ни гнева, ни горечи, а лишь скорбь за несчастье, а у меня перешло в гнев. –

Спасибо за письмо. Очень много дельного, важно все о *matrimonio ecclesiastico*: и вот *такие куски* из писем отчего не взять в «Изгнанники»? Из всей нашей переписки самое важное – где описывается у Вас утро, и как Вы увидели друга с блудницей, и плакали о теле его, это до того поразительно и ново, что я собственно об этом одном месте плакал, что его не могу взять в печать. – Вообще я думаю, что «пока мы живы» – мы должны продвинуть вперед разгадку «s»: все равно придет новый Вейнингер – жиденок, и разгадает, – то уж лучше «честь открытия» – русским. В «s» же, я думаю, разгадываются некоторые основные столбы мира, тут «слово, которого никто уразуметь не мог», «печать, которую никто не снимал». Я думаю раскрытие «s» поможет уразумению всей всемирной истории. И это можно сделать мудро и осторожно. –

Меня волнует и даже восхищает мысль, что мы будем соработать в одной книге. Это – отлично. Знаете что: не нужно думать о читателях, но о читателе – нужно думать, и нужно *любить его*, и *уважать*: ведь не самые мы умные люди, ведь есть «где-нибудь в Пензе», как мы: отчего же ему не сунуть в рот самую сокровенную мысль, самый дорогой вздох души. Вот для него, для 2–3 и издаются книги, и есть смысл их печатания. Пусть образуются в России «традиция мудрых», вне Белинского и Герцена. Пусть *те* – идут, но и *мы* будем идти, и еще посмотрим, кто кого одолеет. –

Спасибо и за теплоту в В. письме. Теряясь в догадках, отчего Вы мне не пишете, я думал, что Вы меня не то чтобы не любите, а недолюбливаете, за суету, мутность, тщеславие, «опыты» (больше всего), худоватое отношение к Церкви (Б. даст совсем войду в нее). Оказывается, «все обстоит благополучно». Был (1) 4 декабря, и поставил за маму Вари свечку «на канун»: и когда подумал, что это в «Федоне» говорится – падается «загробная жизнь», да в Египте, а у нас это «в кармане» от Церкви, которая приказывает *знать, что это есть вечная жизнь*, а за сомнение в вечной жизни изгоняют семинаристов *вон как за дурное поведение* (какая конкретность), то я, ну, не расплакался, а *почти* и слезы все-таки выдавились. И что Церковь велит:

- 1) верить в Бога,
- 2) в Вечную жизнь души,
- 3) что «бабушки *там* живы»,
- 4) что будет Суд и что скорбящие *там* утешатся:

то за это, **КОНЕЧНО**, всех толстых и пьяных попов можно простить (тем более что и мы таковы, если и *в другом* (мои «опыты»). –

СПАСИБО, МОЙ МИЛЫЙ. СПАСИБО. СПАСИБО.

Вася.

<9 января 1913 г., СПб.>

Дорогой и милый Павел Александрович! С каким удовольствием Вам пишу. Мы все с Андреевым (*secundum* Цветков) Вас поджидали в СПб., но потом он сообразил, что Вы обслуживаете старушек, и издали благословили Вас хорошим православным крестом (даже †). Дай Вам Бог пути, дай Бог Вам пути.

Он (Андр.) рассказывал чудное «†» (имос) о Николае Японском (что язычники ходят к нему на могилу и считают святым). Вот чудо универсальной христианской души. И у него и у Цветк. меня всего больше радует и обнадеживает склонность души к исканию *положительного* в жизни, светлых примеров, светлого «было» и «есть». Этот проклятый некрасовский зуб («Муза МЕСТИ и печали», – довольно меня отравивший) есть истинное несчастье России, и прямо сотворил ее духовное падение (литература – *голос*). Ибо из «мести», конечно, не вырастет никакого колоса, а только мрачный Шлиссельбург.

Мне ужасно больно, что я Вас огорчил «подозрениями в нелюбви». Они вытекли из редкого В. писания мне, о котором я составил 100+1 гипотезу, и все сдавалось, что я В. с «многписанием» надоел и Вы немножко хотите «отвязаться». Вы знаете – это больное чувство, а «иллюзии наши суть факты души нашей! = *res realissima** (по Аристотелю). Как меня обрадовал и Андреев. Я думал, что Цветк. – *solo*. Но вот и Андр. Это удивительно. О, если б встал Страхов, милый старец, умерший в такой печали, знаете ли Вы, что у этих *золотых юношей* ноги бы поцеловал: так он (знаю по разговорам) был не удручен только, а как-то разбит, раздавлен, что славянофилов и вообще (я просто о себе не смею сказать) «наших» почти нет.

И вот поистине «ныне отпускаеши»... т. е. это не для меня, а для Страхова. Когда он жил – (90-е годы) – какая солончаковая пустыня, горькая пустыня, в которой прохаживался франт Соловьёв с кудрями. Как этот Соловьёв из «Вестн. Евр.» с его 6000 подписчиками давил пяткой Страхова, заступника и издателя Данилевского («Рос. и Евр.»). Вы не знаете и не помните всех подробностей полемики. «Я бросил его руку», сказал мне Страхов, о Соловьёве – протянувшем ему (после гадчайших выходов полемики) руку на похоронах Якова Карл. Грота (я, бродя, случайно – не зная кого хоронят) – забрел туда же. Вы не знаете этого ужасного удушья литературы, когда подлецы и тупицы, когда Соловьёв, «танцует с Лесевичем», давили всех этих воистину страдальцев за русскую землю, т. е. славянофилов. Я очень низко сделал, что тоже раз лягнул Хомякова. Но и меня переутомило зрелище: «ничего *русского* не выходит», все «русское – не удастся». И хотя я любил все это, но с каким-то отчаянием «махнул рукой». Э, значит РОК, тогда пусть СКОРЕЕ все проваливается к черту.

Вы пришли в счастливую пору, когда брюсовское «на таких-то зеленых латаниях – тень стен» и проч. повалило эту «ослиную самость» позитивизма,

---

* Действительность (*лат.*).

как говорит мой друг Женя Иванов (30 л.), «повалило именно БЕССМЫСЛИЦЕЙ и НЕПОНЯТНОСТЬЮ, но с – МУЗЫКОЙ». Завыл Спенсер в могиле, когда «объявился Балтрушайтис», люди сняли штаны и стали ходить на четвереньках. «Вот вам позитивизм». Это было отлично. Лет на 15 все стали говорить «нечленораздельно», и за 15 лет просто *забыли*, что «человек происходит по мартышке Дарвина». Это было превосходно. «Вас колокола не победят, а победит малайская музыка на палочках» (слушал таковую – удивительно по тайной дикой мелодии).

Ну, прощайте. Как жаль, и скорблю, и пошловато (по секрету), что «ПУТЬ» не издает Страхова, и вообще Страхов как-то забыт. А лет 20 он solo держал идеализм, Гегеля, славянофильство и *глубокую* биологию один в руках. Забывать такие могилы до того грубо, до того это в сумме бесчеловечно, что как-то плакать хочется. Все как-то бесполезно в человечестве и безнадежно именно относительно благородного в человеке-стве.

Трогательнейшее в Цв. и Андрееве именно их тихая, молчаливая и благородная нежность. Это совсем новый дух, новая категория эго. *Этого совсем не было*. К сожалению, «кослиная челюсть» Голиафа довольно распространена на Руси. Это – первый и настоящий цветок Церкви: ибо не от государства и не от улицы это пошло. Т. к. они оба fructus Флоренского и частью Новосёлова, но главное – Ваш, то, дорогой, Ваша УЖЕ ТЕПЕРЬ заслуга перед нашей милой, перед нашей славной, перед нашей хорошей Россией (которой работать стоит) огромна. Мне иногда Вы рисуетесь «в ситуациях Державы» повторением Станкевича: Вы страшно возбуждаете и покоряете и НАУЧАЕТЕ молчанием, что молча ходите, потретесь рукавом, и где-где буркнете слово «именно какое НАДО». Еще: и все они любят Вашу Аню и Васю. Это, что молодые люди не беседуют в кабинете с ученым другом», а «пьют молоко с его хлева» (Вифлем) – какое это опять лучезарное явление Руси, явление БУДУЩЕГО это опять что-то совсем новое, и опять как бы заплакал радостью Страхов, узнав это. И он всегда «вместе с Варей» любил меня. «Вася у него болен – сразу 2 зуба идут» (Андреев); «Ан. Мих. очень милая женщ. И от. Павел совсем счастлив с нею» (Цветк.). Вот Влад. Соловьёв и Рачинский *никогда* этих слов не скажут, не сказали, не пришло на ум, не было у них в тощем высохшем брюхе.

Вот, мой милый, и я Вас за эту уже теперешнюю литературную услугу блаженно целую, и больше чем целую (по все – хорошее). Не будьте очень высокомерны с литератором. «Все должно быть». «Подобает и ересям быть». Что же делать. Читают. Хотят читать. И нужны какие-нибудь книги. Лучше бы турниры безграмотных черных принцев: но то – умерло, и воскресимо ли – Бог весть. Река катится: и – чистые воды, но есть и – мутные. Мы – в мутных водах, и я сам довольно замутил. Но Вы таинственным организмом очищаете воду, выделяете в нее кислород, поглощаете мутящие навозные частицы воды. И где Ваши длинные волосы и огромный нос, где «дедушка Водяной» показался головой и плечами – русалочки вокруг, юные, нежные, – и играют в *кристальных* уже водах. В. Розанов.

Боюсь, как бы Вы не рассердились на Водяного: но он – Добрый (Вы знаете), не топит, а только оплодотворяет и очищает.

<24 января 1913 г., СПб.>

Варюше значительно лучше.

<6 февр. 1913 г., СПб.>

Какой-то инстинкт говорит мне, дорогой П. А., что 2-го «Уедин.» печатать не надо и *невозможно*.

Объективно – 1.

Для души – 2.

Объективно: можно в такой скандал залезть, и таких оплеух наполучать «в наш прозаический век» со «своими интимностями», что «мое почтение».

Субъективно – весьма легко впасть в литературный онанизм, коим я вряд ли уже не страдаю. Вообще это не хорошо, само по себе.

Ну, отче, как скажете? По дружбе, – и со всей открытостью (чем суровее, тем больше услуги, ибо тем «предупредительнее от несчастья»).

Толкнуло меня печатать и 1-ое и 2-ое (и я думал перевести в «журнал», в хронике субъективностей) следующее:

1) Что важнее, наши мысли, суждения, идеи и книги или просто, что мы «жили», «видели», «почувствовали», к чему привела нас «Судьба» и «Рок»; мусульманское «Керемьш» (кажется), *Αναγκη* (ужасно ее боюсь, точно вижу глаза ЕЕ, такие страшные).

2) Мне показалось – последнее. Мне минутами казалось, что на душе каждого – написать свое «Уедин.», что собственно вся литература должна бы состоять из «Уединенных».

3) Мысли *даже* иногда «от пищеварения», «левой ногой встал с кровати». А судьба и жизнь ENS REALISSIMUS*, и SOLO (даже мухи) в судьбах мира.

4) Как же мне передать все то, чем мучился я с 1896–7 года, вся история (простите) «с церковью», теперь (от болезни Вари) почти заглошшая, но иногда (через письма с Вами, и тогда под *впечатлениями*) вновь вспыхивающая, и разъедающая кислотой сердце. Все-таки ведь это и ОБЪЕКТИВНО интересно и важно. Не думайте, что это – пусто; поверьте, что Вы чуть-чуть увлечены, поверьте, что (если Вы сохраните *εὐσωφροσυνη*** 2 года назад) через 20 лет Вы многое увидите, усталым жизненным глазом, иначе, чем Вам представляется сейчас. Мне часто казалось (и не свободен от мысли этой сейчас), что как в Апокалипсисе говорится: «и Ангелу такой-то ЦЕРКВИ (однако!) скажи», так есть кое-что «сказать» и «Солнцу нашего Времени» – Православию.

* Реальнейшее сущее (*лат.*).

** Благоразумие (*греч.*).

Вы ходите, служите, обнимаете человека, старика, старуху: и, очевидно, не имеете фундамента для суждения иного, чем эти *Ваши* ощущения, Ваши отношения, Ваши переживания, по аксиоме: *nihil in anima, quod non erat in sensu** Вы видите, наконец, что «вот как Церковь *научила*: «взять за плечи, обнять, сказать, изнеможенному, страждущему». Это – так *единственно* церковь (делает), *единственно ее* учение, *единственно ее* МЕТОД, еще *нигде не существующий*, что понятно Ваше изумление, Ваше восхищение, Ваше топтание «супротивных».

Все – БЛАГО.

Но не занимает это ВСЕГО ПОЛЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ.

Бриллиант «без пятнышка» – однако не величиною in UNIVERSVM.

Все друг друга «обчищают» (экономика): Ц. от этого «отмахивается» и почти что не учит очень вороватую прислугу и очень лодарничающих работников труду и честности.

Супругов вообще ничему не учит, кроме «прилежания в посте и молитве».

Бракоразводный процесс все-таки отвратителен и есть узурпация прав мужа САМОМУ разводиться, каковое право у него И.Христос не отнял.

«Степени родства», переменясь с «муж и жена = 1», являют простые «лжеисидоровы декреталии. Словом, подражая Вашему прекрасному языку («Аноним»): «Я *берусь* Вам *доказать*», и я могу повторить, помня серию и книг и доводов, о коих мне не случилось печатно упоминать, что тут у церкви
ВСЕ – НЕ ТАК

не по моему личному пристрастию (поверьте же на минуту, что это я *добро-совестно* говорю), а объективно – не так, неправильно.

У меня и есть, бывает еще и теперь, мысль: Господь меня и привел к этому положению, к встрече именно с типично религиозным человеком, а самому мне дал довольно кроткую душу (как я любил у попов целовать руку после креста), чтобы наконец кто-нибудь, и вот наконец я выразил же это:

«и Ангелу Православия – СКАЖИ».

Дорогой мой: будьте же справедливы, успокойтесь, не волнуйтесь. Какое было колоссальное обрезание, вспомните Ветх. Завет, – и Ап. Павел сказал: «НЕ НАДО». Какой величины был Ап. Павел: и пришел Златоуст и сказал: «Хотя и Павел – но человек». Я понимаю красоту и важность недвижимости, да в какое-то время, когда все шатается, когда все – бежит, когда все – большое, как уже не понять, что «из КОВРА нельзя выдергивать нитку – ткань разлезется» (прекрасное уподобление в Вашем письме).

Но:

– тут надо какая-то гармония, гармония «да» и «нет», – «нужно двинуться» – «нельзя двинуться». Тут что-то нужно и не Ваше, и не мое, а Третье-Мудрое. Что – не знаю, угадать страшно трудно.

Мне кажется, однако, что когда начинается мука, и не худых людей (Боже, ведь ВИДИМ же мы, ведь не с «куриною же мы слепотой» в глазу), тогда

---

* Ничего нет в душе, чего не было в чувстве (*лат.*).

нужно задуматься, остановиться, тогда и СВЯТЫНЕ Церкви надо над собою подумать.

«Серафим-то Серафим – это ТАК, но и духовные консистории и мздоимства – это тоже ЕСТЬ».

Как Вы скажете: «Все СПЛОШЬ Серафим – Вы впадаете в неправду, как кто-нибудь, теперь вся печать, скажет: Э, там ТОЛЬКО консистории – тоже она есть лжец».

Явно надо Εὐσωφροσύνη* . Великолепное равновесие весов в сердце; не 2 глаза, а 100 глаз. Аргус ВСЕвидящий.

Во всяком случае мы должны быть всегда при правде ощущения, чтобы у нас не ёжилось на душе, не морщилась кожа в «гусиную кожу», не чувствовали мы в душе и уме «не ладно». Я уверен, что хотя Вы мне пишете все в «Да», и у Вас бывает в уме, в душе, в коже ощущение «не все ладно».

Ну, я, Бог знает, заговорился до чего. Никогда не кончу. «Уед.» мне казалось единственно подходящею формою припомнить, как УЖАСНО мы жили в Костроме, Боже – какой это был нигилизм, какой это был холод вокруг, брат Федор (19 л.) пропивал деньги, данные «сходить в аптеку за лекарством», сестра Павлушка (Бог ей простит) только неприличествовала с семинаристами («богословие» и «философия» старые), и все было до того физически и духовно ГОЛО, ПУС-ТЫННО, что этого нельзя выразить, нельзя вспомнить без содрогания.

Ну – и всю жизнь (чиновничество), до встречи с домом Вари.

Как я могу сказать, что мне не «Бог указал», не «Бог привел», когда я увидел среди жизни «не богаче нашей костромской» жизнь совершенно другую, совершенно иначе построенную и *зарожденную* совершенно с другим законом бытия, в сущности выраженном в одной строке – «не осуждать брата моего». Чтó у них было? – Ничего. На кого они сердились? – Ни на кого. Чем были недовольны? – Даже и этого нельзя сказать: всем довольны. А жили буквально только «до завтра», ото дня ко дню. Тут и есть зародыш маленького моего консерватизма: искание *нормы души* как основы нормы и *уклада жизни*. В Костроме мы были не беднее, чем они в Ельце: 1) домик; 2) огромный огород и малина и всякие ягоды при нем, – хватало до поста «своего», 3) мать, хотя больная, но сын (и талантливый) 19 л. и дочь 17–18, вполне здоровые; да Митя «придурковатый» и добрый, да мы с Сережей – маленькие. Но – ВСЕ ПРОВАЛИЛОСЬ в чудовищной анархии.

В Ельце: Бабушка, дочь, внучка, домик гораздо меньше, сада и огорода – никакого. Но они были в высшей степени все БЛАГОРОДНЫ, – и им все спешили помогать, то «дяденька» сунет 3–5 р., то свекор «на платье» дает, да нахлебник стоял прочно, ибо «лучше сами недоедят, а ему вкусно», и не по экономике и взирая «на будущее», а по слепому течению как бы реки: «сперва – ему (всякому), потом – нам».

Я был до того изумлен, что можно *так* жить, после своей Костромы, после ужасного костромского холода, после ужасной костромской безлюд-

---

* Спокойствие (*греч.*).

ности (среди людей), после всей этой собачьей и окаянной жизни, где даже дети-то, кажется, все друг друга ненавидели, где ни в ком ни у кого не было уважения и любви, никто ни с кем *не говорил*, никогда не было улыбки, шуток, смеха...

Вы такой жизни не видали. А экономика – «очень бы можно жить».

Тут я до того убедился, что «можно жить» зиждется не на экономике и «условиях жизни», а на душе, и, по-моему (тут – дело и заслуга ЦЕРК-ВИ), – просто на образе и зажженной лампадке (у нас – никогда, и весь дом б. без молитвы, кроме потаенных ночью матери). Никто из нас поутру не молился, «на сон грядущий» – не молился («он» – у мамы, был нигилист-живописец из «философии» семинарии, странный и угрюмый человек, с «должностями человека», но немыми, холодными, бездушными). (Мама и мы ничего не понимали в его «идеях», но, очевидно, он был «мыслящий реалист», и когда я гимназист шел на исповедь, он говаривал сухо: И – и – и (заикался) дешь попу грехи сваливать. Сваливай, сваливай!» (сухо, без шуток).

Ой, устал.

Словом, меня дом Вари «прибрал, причесал, вымыл и сделал хорошим мальчиком». Я ему безмерно обязан и лучше скажу – как Вы «Отче Исидору». Как же мне было понять и почувствовать, когда церковь вдруг сказала: «Стоп», «не женись», «ты женат» (на убежавшей жене) etc. Ну, Вы все договорите. Прощайте. Целую и обнимаю. Я издал «Уед.», ибо уже почти все набрано (в 1 экз. обойдется рублей в 300) – и «Бог с ними». В. Розанов.

Ан. Мих. и Васе – поклон.

Gens Junia, чекан. в I в. до Р. Х., по памяти рода, изображен Брут Старший, идущий между ликторами.

67

<7 февраля 1913 г.>

Дорогой Отец Павел!

Мне кажется, я вышел из затруднения об «Уединенн.» через следующий план:

1) Все *личное*, субъективное, все до *семьи* моей относящееся – соединить в 1 книгу и отпечатать в 1 экземпляре под именем «Смертное». Значит – *есть*, но – *incognito*.

2) Все объективное и возможное «для читателя» и улицы издать хоть с заглавием «Осенние листья» или «Дневник журналиста» (почему это не продвинуть *ad infinitum**) – на обычных условиях и для продажи. Тут – о книгах, о партиях, о церкви, о христианстве, о бессмертии души.

Я думаю, это – совершенно удобно.

---

* До бесконечности (*лат.*).

Тогда Вы, мой дорогой, поставьте свои значки, посоветуйте объективным взглядом, что куда: отмечая 1) в Mortalia,
2) в Дневник журналиста.
? Да?
Ваш любящий. Варе значительно лучше. В. Розанов.

68

<15 февраля 1913 г., СПб.>

Спасибо, мой милый от. Павел!

Особенно важно – о консисториях: в самом деле есть ряд духов (и они лучшие), которые вообще не спорят, не «опровергают», а как бы понурясь – идут своей тропой. Св. Серафима Саров. *нельзя представить* «опровергающим» что-либо. (Я именно о Нем думывал: «А отчего он не восстал против консисторий», и сказал об этом раз оч. мил. свящ. Дроздову; тот сказал: «Да он *даже и не знал* об этом», т. е. попросту не хотел смотреть. Это? Конечно? лучший путь. Так что Вы знайте, что если я еще буду браниться, то по инерции и потому, что уже привык, но не по принципу.

Гермион – «свидетель брака» («свидетель» – очень трогательно: «удивительный Восток»). Но «Гермион» – Вы знаете – мое: *какая* – там гора, я не знаю, может «Кормил», но только, наверное, именовалась «Лицо Божие». Это я в словарях читал, и многократно. Справляюсь. Спасибо. Немножко я ждал, что Вы приложите моральный вкус – кое-что посоветуете устранить. У меня есть просто знание того, что естественная *застенчивость* есть в душе: но вкус – я не знаю.

Шурочка (что звала В. в СПб.) сказала мне, что «Уедин.» нельзя повторять, и мамочка – «пожалуйста, без меня обойдись».

69

<до 18 февр. 1913 г., СПб.>

Весь день б. печально, милый П., а В. письмо о съеденной обезьянке еще увеличило печаль, я все зябнул, душа ёжилась и чтобы согреться лег в постель, а чтобы «отвести душу» пишу Вам. Этот подлец хуже Нерона, который жег врагов и жег людей *с силою*, а поэт изжарил любившую его обезьяну и обезьяна, в силу манипуляций мудрости и устройства кухни, не могла угадать, что ее сегодня будет обедать любовник. Вообще она была невинна в страдании, наивна в своем зарезании: но какой же подлец он.

Милый П., отчего все так ужасно? Отчего мир ужасен, отчего Судьба ужасна? Отчего так хочется уйти под пол и жить с мышами, не выглядывая «по сторону» пола.

Знать – ужасно. Видеть – ужасно.

Часто (много лет) я себе представляюсь забывшимся в угол под рояль (у нас большой) и там, закрыв глаза, плачу, плачу, неудержимо и как до смерти («заплакал себя до смерти») – о чем? об обезьяне, о мамочке, о всей своей

«загубленной» (почему-то я считаю свою жизнь загубленной) жизни, о Танечке, о Рцы (его очень люблю)... о всем мире, о недоумении с Христом, о том, что я ошибся, о том, что ничего не знаю.

Ах, как это ужасно, когда душа дрожит и зябнет, и ужасно быть одному, все одному, одному.

Вы теперь вошли в ясную психологию, хотя прежде, я думаю, такое переживали. Но вы вошли в счастливое место (церковь), в счастливый путь. Вы теперь один из счастливейших людей в России и, м. б., даже самый счастливый. Неужели вы не чувствуете? Конечно, чувствуете.

В Церкви обезьян не будут *никогда* есть, и Вы с Ан. встретитесь на том свете, когда и смерть не страшна.

<Приписка о. П. Флоренского>

Это письмо В. В. Розанов мне написал в ответ на сообщение мое, заимствованное из «Ребус» за 1913 г., о том как поэт съел свою любовницу обезьяну. Почему-то Розанов не послал мне этого письма, но, при моем посещении его в СПб., почти сейчас же, как только я разделся, вручил его. Это было сегодня утром, 18 февр. 1913 года.

Священ. Павел Флоренский.

70

<16 марта 1913 г., СПб.>

Не поместите ли под заглавием «Из впечатлений мирянина» (или как хотите) 2 м. статьи, «не прошедших» в «Н. Вр.», и которые мне хочется сохранить (по слабости человеческой и а *memoriam temporum futurorum**).

А по-моему – вообще ВСЕ должно бы вековаться и ничто не забываться, «мелочь», «волос»... Порок? Вот хотелось бы *скресть*. Все мы мышки, бегающие под полом.

Целую всех 3-х. В. Р.

71

<26 марта 1913 г., СПб. Телеграмма>

ВОЗЬМИТЕ НИЗ ДАЧИ КОСПАРОВСКОГО ЗАДАТОК ПЕРВОЮ ПОЧТОЙ СПАСИБО РОЗАНОВ

72

<27 марта 1913 г., СПб.>

Спасибо, они лично все «распланировали», наши похвалили: «Думали, он ничего не видит и лишь по верхам летает, а оказалось наоборот». Спасибо и за обещание писать «на наши темы». Очень милый студент, Вами прислан-

---

* На память будущим временам (*лат.*).

ный, сказал мне: «Это пока о монетах, самого важного он не написал». Сего жду с нетерпением. Далее в рубрике тем Ваших самое для меня интересное – П. и пол, Вы писали «о нигде ненаписанном из личных переживаний». Это пусть идет 1-м №-ом. Ну, а затем и все интересно, Вами исполненное. У меня «в плане» есть книжка «Древо жизни и идея скопчества», – продолжение (и окончание) «В мире неясного и нерешенного». Я было ее «отложил» (некогда и увлекся «†» и «Уединенн.»), но если Вы согласитесь мне писать, то я тоже «для Вас» пушу это издание, на 1914 г. И это будет отлично. Только надо, батюшка, работать, а не мечтать о работе. Впрочем, вижу и все говорят, что Вы завалены работою. Да сваливайте Вы дребедень на помощников. В. Розанов.

73

<13 апреля 1913 г., СПб.>

Христос Воскресе!

Маленький Вася!

Всю жизнь надейся, как эта девочка.

Тебе неизвестный В. Розанов.

Папе и маме поклон.

74

<14 апреля 1913 г., СПб.>

<Вложены гранки «Письма в редакцию» Розанова с пометкою:> «Разобрано. Отказались напечатать. Вот они какие иногда».

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

(Неожиданное удаление Иконы Почаевской Божией Матери)

На 7 апреля, в 4⁰⁰ часа утра, я был записан в очередь на принятие у себя в дому Почаевской Божией Матери к тяжело и давно болящей жене своей. Вдруг сегодня утром в дом принесен был тревожный слух, что Почаевскую Божию Матерь увозят из Петербурга, сегодня или завтра. Сейчас же я поспешил в синодальное подворье, на Кабинетской улице, где Владычица имела пребывание в церкви. Не доходя до церкви, я вошел в швейцарскую синодального подворья, куда видел входящих мужчин и женщин.

Оказывается, сюда спешили за справкою так же, как и я, записанные в очередь на прием в свой дом чудотворного образа. Сторож-швейцар, объявляя, что из духовных лиц подворья никого в доме нет, сказал, что икону не «сегодня», а «сейчас» выносят с крестным ходом на Варшавский вокзал, по экстренному распоряжению петербургскаго епархиального начальства (названо было определенное лицо). Все были растеряны и встревожены, все недоумевали о том, как таковое распоряжение было сделано без запроса

именно о сделанных уже записях, так как это значило нарушить надежду больных на помощь свыше. Не могу не передать голоса, видимо купчихи, сказавшей:

– Ко мне записано на завтра, а сегодня увозят.

А на слова мои: «Что же это значит?» ответила и загадочно, и указующе:

– Верно кому-либо *здесь помешала...*

– Кому же «здесь»? Т.-е. вы хотите сказать – *здешнему петербургскому духовенству?*

– Да, конечно, ему! А то кому же нужен это спешный увоз.

Я вышел. Пошел в церковь. Слава Богу, успел подать «о здравии болящей» и поставить две свечки. На моих глазах, Владычицу подняли и вынесли.

В самом деле, кому и зачем нужен был этот поспешный вывоз? Зачем было делать так неделикатно, без запроса об очереди и не удовлетворив самых естественных желаний мирян?

Правда, деньги лились около образа, на свечи и блюда, и шло это, очевидно, братии Почаевской лавры.

Но ведь петербуржцы – со средствами, и у них хватило бы и на Почаевскую святыню, и на местные святыни.

Ужели это опять тот случай, как в деле устранения от треб духовенства домовых церквей? Т.-е. в семь случаев – «свои доходы». Печально и страшно, когда вера разрушается и молитва угашается в самом сердце веры, в самом «доме молитвы», каковым нарекается храм и может быть наречен клир и клирики.

В. Розанов.

Составляя каталог В. орегa omnia, прочел «К читателю» – в Столбе (я не догадывался, что это – о *Церкви* кк. «Столп и утв. истины» (по Ап. П.). Как хорошо, жизненно, – как ново. Впервые понял, почему «чужие» уважают тк. Вас (Введенск., Булгак.). *Всякая строка жизненна.* Удивительно. Целую. В. Р.

Главное – что у В. церковь совсем не та, что в «Ист. хр. це-ви» и проч. Это – Луг, Ныне Растущий и вечный. Но я страшусь, что Вы уже начали отходить от Луга и протягиваетесь к «консисторским бумагам». Бойтесь сего зелья. Берегитесь судьбы князя Голицына (при Ал. I).

Ужасно однако смеялся, увидев $\sqrt{2}$. «Павла мало за это убить, а надо воскресить и еще раз убить: он извлекает $\sqrt{2}$ из Б.». Смеялся до пупика, вспоминая В., сестру и опять хохотал как-то безумно, думаю: «Запутались Флоренские в браках, корнях $\sqrt{\quad}$ юбках и богословии (смеялся с люб. о всех вас). Смесь похотливая Тифлиса и Вологды.

Еtc. Между тем, когда я недели 2 назад сказал Коноплянцеву (биография Леонтьева, мой ученик по Елецкой гимназии), из осторожности не сказав Вашей фамилии, что «один очень ученый священник в приписке к

письму мне сказал, что без некоторого восстановления фаллизма мир погибнет в холоде позитивизма и рационализма» – то он в высшей степени проникновенно к этому прикинул, *будучи в высшей степени чистым семьянином* (женат на поповне и имеет сына). Вот эти слушатели и читатели единственно нам и нужны. Есть «малый остаток» это понимающих и мы не должны дать угаснуть светильнику; т. е., кроме scio*, должен быть и жар; то, что «когда поцеловались индусские «юноша бог» и «девушка» – то *все в мире ожило* (у Вас в тетради). Мы и должны стремиться к *оживлению*, на пороге коего scio есть только орудие. Но это, конечно, «как Бог пошлет», «как Бог устроит», и преднамеренного или тенденциозного в смысле «жара» ничего не должно быть. Спасибо *огромное* за трактат. Он весь ясен, кроме 3–4 «неразборчивых от усталости Вашей» мест. Христос Воскресе!

Наши приедут 5–6 июня, когда кончат экзамены, и во всяком случае не раньше 25 мая. Пусть Андреев зайдет ко мне и возьмет Вам большую мою с Варварой фотографию (только что снялся).

Усталый в вечере, почти кончив чтение трактата:

Все очень хорошо, *для меня очень ново – о сердце*; что «уходим в него», «умираем в него» и как оно «разрывается» и «возрождается»: но касательно фалла *все очень холодно*, и я «обижаюсь за фалл». Я сблизил и невольно сближается с огромными книгами: «Женщина у всех народов» etc., где есть много фактических и технических *сведений*, но – холодных и «для любопытства г. г. анекдотистов». Вы сразу поймете точку зрения: и что я хочу сказать. Мнится и брежится новою книгою пробудить любовь к Древу Жизни, вызвать мысль и чувство: «*а не так это просто*, откуда родятся дети».

75

<16 апреля 1913 г.>

1) Когда Вы пишете, что такое-то «изображение не имело на благочестивую поклонницу возбуждающего Изиды действия», то тут надо поставить 2 NB:

1) во 1-х, с абсолютностью мы этого не знаем, и 2) и главное: рассуждая так о фаллических памятниках, не вносим ли мы *нам присущий* сухой и ученый дух в древние времена? У Геродота записано, что, отправляясь «на праздник возжения лампад» (на лодках, по Нилу), египтянки (прекраснейшие дамы) по временам причаливали к берегу, входили в деревеньки, и, вбегая в хижины, – поднимали перед хозяевами подола, чем маня на праздник, призывая ехать туда же. *Да и вообще и главное*: страшно было бы жениться и избегать возбуждений: «Назвался груздем – полезай в кузов».

---

* Знать (лат.).

<22 апр. 1913. СПб.>

Нет, милый мой, Вы все умеете, и в письме вот все *верно написали*, – да и в тех «трактатах», когда я читал, то б. впечатление, что точно это не Вы, а я писал, до того у нас совпадают точки зрения и *все до мельчайших объяснений*. Конечно, фал. изображ. не делали мелочных возбуждений, не щекотали нервы, не звали к «сейчас», иначе жизнь и быт были бы невозможны, т. к. Вы верно пишете, что этими памятниками жизнь была «загромождена», а давали они все и каждый единично *общее обаяние и охотное* (когда пришло время) совокупление... Ну, да это все понятно само собою. Не Вы, но все-таки Ваше situation в Дух. Акад. да и в рядах уже «православного духовенства», *которое не в силах напечатать ничего фаллического*, – невольно «поджимало» руку Вашу, и, м. б., Вы не писали уже так свободно, как когда писали о фалл. памятнике на Кавказе.

Чего вы разгорячились, чудак: это, как Цветков, – о всем горячитесь. Мы друг друга так знаем, что вообще между нами ни недоразумений, ничего не может быть.

Ряд матерьяльных *сообщений из историй* и покажется ЧИТАТЕЛЮ (не мне) «скандалами в нашу (холостую) пользу». Ведь читатель ГРУБ. Но это – ничего не значит; конечно, Вы мне разрешите чуть-чуть тронуть тенет, вставить дополнения, переменить термины (напр. НЕ ВЫНОШУ сперма=спермин, в аптеке Пеля): **живое** семя, льющееся или пока еще оно волнуется в фл.– вот о чем нужно писать, думать, можно и нужно его бесконечно любить, а «не семя (сперма) на завтра на простынях, которое собирает подлец Пель и продает за 2 р. пузырек».

Ну, да Вы все понимаете. Все Ваши затруднения – ничто; пишете все переживания, чем глубже, ярче – тем лучше; пишете именно как у Вас ложится на бумагу, дабы неправды не было, – а там условимся о редакции.

Вообще думайте о тексте, а не о запятых, т. е. только главное – главизна, а остальное – пустяки.

Целую крепко и обнимаю. Я думал, что Вас обидел, и так испугался, начав читать письмо. *В. Роз.*

Насчет понимания фаллических вещей: раз мне Цветк. написал: «Какие милые ваши дети и хороши рассказы о них. Просто – захочется жениться. А то, *читая Ваши рассуждения* о поле, всякий захочет только заниматься онанизмом или пойти в публичный дом». А он *очень и разнообразно* умен и образован; и – тонок; но этих вещей вообще «не всякому дано понимать»; так что Вы не сердитесь и на меня, за то, что я не то чтобы не понял, а представил *отношение читателя* к серии фаллических наблюдений в истории.

Еще: когда Цветк. мне это сказал, меня на день-два это удивило и огорчило. Но затем с неделю я думал и, кажется, остановился на *sententia delenda*

(deleo)* : «Что же, так и должно быть: т. е. *не именно в конкретной форме* к онанизму и публичному дому: но в общем у меня действительно есть внутреннее желание с коим параллельно идет и «дух сочинений», чтобы все люди вместе были, были больше расположены к совокуплению, чтобы фаллы поднимались энергичней и, м. б., несколько чаще, чем теперь, также и ктєс'ы, и чтобы вообще артериальной крови поприбавилось, венозной поубавилось, и т° человечества повысилась. А потому пусть так и формулируют: хочется зан. онан. Только надо вот еще что заметить: жизнь древних не была бы «загромождена (Ваши слова) фалл. Памятн.», если б они не были *вообще и всегда* приятны своим видом (кк теперь неприятны, и купающиеся *закрывают* части эти). Можно даже тут (м. б.?) провести разницу: фалл. б. и мужчинам и женщ. *приятен*, а ктєс'явно не была приятна, п. ч. все-таки деформировалась в изображениях. Или она была таинственна? И теперь самки *хвостом прикрывают*. Я не понимаю, что это и почему. Кобели *хвастаются* обнаженным фалл., вытягивают его, напр. перед людьми, ложась на спину. Разница эта очень любопытна. В конце концов (моя мысль) женщина таинственнее и лучше (нас).

Варе несколько лучше и она выезжает кататься.

77

<14 мая 1913 г., Сахарна, Бессарабской губ.>

Дорогой Павел Александрович!

Адрес новый:

Бессарабской губернии,

Местечко Резина.

Село Сахарна.

Евгении Ивановне Апостолопуло

для передачи В. В. Розанову.

1) Граф Ив. Ив. Толстой (нумизмат) в разговоре мне сказал, что *никаких фаллических памятников и изображений цензура не пропустит*.

2) Есть ли в Моск. дух. Академии и доступно ли взять и дать Шуру для списания летом.

Русское Обозрение (ежемесячный журн.) 1896 г., сентябрь–октябрь.

Если да, – очень облегчите труд 2-х курсисток, коим нужно мне списать 46 страниц, торопливо, в Имп. Публичн. библиотеке; а так они пишут спокойно летом. Об этом уведомяте Шуру хоть 1 строкой (Алекс. Мих. Бутягиной, СПб., Коломенская, д. 33, кв. 21). Очень усталый – полураздраженный, и главное – очень старый и слабый.

В. Розанов.

Очень я любящий, почему-то больше прежнего. Почему – не умею понять.

---

* Смяченное выражение (смячение) (*лат.*).

<16 мая 1913 г., Сахарна>

Спасибо, дорогой и милый П. А., за большое и сложное письмо, – которые меня всегда так поддерживают и одушевляют, – особенно в *изнурительных* корректурах и редактировании книг (нынче за 10 книг + (прибыль против типографий) 550 р.) – – –

Спасибо и за доброту и мягкость тона, которая в жизни вообще так нужна и без нее «трудно дышать». Об Ω – ново, и вообще я не знал, что Вы (тогда) зритель на попов. Но в самом деле они бывают «того». Здесь в Сахарне построят дом и *не допускает до причастия* всех без исключения «случающихся» бедных румынок, у которых «случился ребенок» или «живут так» давно и имеют детей*. Вот дорогой мой и милый и мотив «восстать против венчания» кк. фетиша, что я иногда делаю: он требует у *многолетних* («сожительствующих»): «**Разойдитесь** – дам причастие, а не разошлись пока – не дам».

Ему 40 лет и он не из «застарелых». Ну, устал. Целую и обнимаю. В. Розанов.

Об Ω я не думаю: и мне страшно подумать о колебании церкви, – о «новой правде» и проч. Вдруг останемся с одним Огюстом Контом.

Вообще *именно наше* время скучно, тревожно и колебательно, страшно и «туда» и «сюда». И по могиле «спасется тот, *кто терпит*». Их все-таки *сословие*, а в сословии – всякие. «Нет города = сословие без **очень грешных**». Каковы и мы. Все сие озирая... просто ляжешь спать.

Бессарабская губерния,
Местечко Резина,
Село Сахарна.
Евгении Ивановне Апостолопуло**.
для передачи В. В. Р-ву.

А знаете, что я в ответ на Вашу любовь почему-то очень люблю Вашу с. Валу, – люблю ее кротость, доброту, молчание, судьбу, сиротство, вдовство. Только 2 раза видел ее. И кк кажется очень ее понял. Я всегда ее мысленно (после вдовства, – очень благородна) прижимаю к груди, точно защищаю от бед.

<17 мая 1913 г., Сахарна>

Спешно.

Дорогой П. А. Не сердитесь на меня, НО:

месяцы думаю: нет ли ПЕРСТА ЕГО в том, что П. А. или «От. Павел», написавший **ОЧЕНЬ СПРАВЕДЛИВО** (серьезно, и вообще без шутки) бедному Розанову (весьма глупому) жестокое слово:

* Чуть ли это даже не против Дух. Регламенты.

** Собирает этнографический музей для Кишинева. Милая. 50 лет.

– Ни Вы, ни Новосёлов, ни... (еще кто-то) ЦЕРКВИ НЕ НУЖНЫ (на мои самонадеянно глупые слова), услышал (по поводу «Имени Иисусова»):

– Ни Флоренский, ни Цветков, ни Новосёлов с Кожевниковым Церкви не нужны (хотят Вас «отречь» за Иисуса), ибо у Церкви есть Я, Антоний Храп., Владимир Петербургский, и мы дружны с Владимиром Карловичем.

Вот, мое сокровище. И ей-ей без шутки, без иронии. Вообще без злобы. Как это завертелось у Вас с «Иисусом», я стал думать: «Э... э... э!! – «Вон куда идет»... «Ведь их *не разберут* (как и брак), ведь «до их Истины дела нет никому» да, в сущности, «и до Иисуса никому дела», а просто – СПЯТ и ДУРОЛОМЫ.

Но ФЛ. этого не видел, не чувствовал: ибо пел песни.

С Анной, с Васей.

Вдруг палка по голове, à la Писарев:

– НЕ ПОНИМАЕМ!!

– НЕ НАДО!!

– ЗАПРЕЩАЕМО!!

– ОТМЕТАЕМО!!

etc. Aeterna historia*.

В. Розанов.

Целую, Варе лучше. Рцы помер, сейчас телеграмма.

Помните на Зелениной?

80

<21 мая 1913, Сахарна>

Будьте тверды, дорогой П. А.! Все этим господа (вспомните письмо Белинского Гоголю) БЕЗБОЯЗНЕННО высказывали все свои ненависти, все проклятия, какие у них накопились, правда или неправда это была, и не каялись лишь бы это было ИСКРЕННО. Только в нашем забитом, заколоченном, заплеванном лагере нельзя было говорить «полным ртом», и мы все *вековечно* приседали, говорили с извинениями, говорили с «прости нас, может быть, и дурь говорим», когда нам *тоже хотелось сказать*. Это не они, а мы говорили «рабым языком», «его новым языком», это мы были под гнётом и сурдинкой. И это длилось 50 лет, и были задавлены Аполл. Григорьев, Н. Я. Данилевский, Страхов, все Киреевские, Страхов, Ю. Николаев; когда Некрасов со Щедриным разваливались в креслах и «орали» на правительство, на все, на писателей, на «подлых подкупленных правительством» консерваторов. Да словом, *мартиролог длинен*. Вспомните, как Герценштейн при «браво! браво!» всей печати говорил о выжигании помещичьих имений, а он был вице-директор поляковского (жид) Московского *Земельного* банка, – главный земельный банк в России, и банк мог чем дешевле, «за ничто», покупать эти разоренные дворянские земли, когда их бросали дворяне в ужасе поджогов и разгрома. Так же в ту пору резали мериносов (овцы) и вырезывали вымя породистым коровам. Т.ч. что

* Вечная история (лат.).

революция, конечно, *растаскивала* по бревнам «что есть» и «что осталось» в России. Вообще ФАКТЫ на нашей стороне. Бердяев и Булгаков могут очень восстать и, м. б., благоразумнее с ними промолчать, но про себя можно знать, что ведь, в сущности, они дети, еще с загаром революций, марксизмов и т. п. Вообще Булгаков в исторических перспективах не компетентен. Я бы Вам в ответ «Речи» и Философова (т. к. Вы лично обслеплены) посоветовал ответить за подп. Ред. или П. Ф-ский строк 7-мь, в смысле именно этом, что раз литературные и всяческие традиции и вкус не оскорблялись печатанием «Письма Белинского к Гоголю», где в высшей степени, оскорбительно говорилось о церкви, о христианстве, раз в революционных писаниях не лучшее было отношение к святым русской церкви, как к людям почти нанятым правительством для обмана народного, то было бы странно и вовсе не литературно затрудниться напечатанием ответа Р-ва анониму касательно эмигрантов, которые точно столь же искренно и прямо выражают его чувства, как вообще все левые выражали вполне искренно и свободно свои чувства и свое отрицание России, – как бы далеко это отрицание ни шло и как бы чрезмерно не было это чувство (Бакунин; «Колокол», многие статьи «Современника» и т. д.).

А что касается до «женихов» и вообще «сытости» левых – то это у меня на глазах, вообще это ФАКТЫ.

Целую и обнимаю.

Ваш В. Розанов.

Статью Философ., пожалуй, покажите Цветкову, – он другим покажет. Я думаю, в В. лагере безусловен один Кожевников, а прочее «молодо-зелено». Потом, недели через 2, верните мне статью Философова.

Нужно еще заметить, что Философов живет на государственной пенсии тысяч около 6000, а у Вас зятя зарезал господин из этих «идеалистов», так «долготерпение» Вам известно, а Философова оно вовсе неизвестно. Все это барычи-рenegаты.

P.S. Все верно, что Вы о себе и мне пишете. НО: субъективности страшно много и в Вас, и даже субъективность есть сердце Ваше: я думаю, Ваш Absolut – «иерей субъективизма». Знаете, всегда б. это несчастье, что форма была холодна, формальна, пуста, а субъективизм «нелеп», хаотичен, **несчастен**. Вы первый бесконечно субъективный человек пришли в мир с жадой и уменьем формы, и Ваше мировое *emploi**, м. б., и есть дать субъективизму то, без чего он всегда б. несчастен и бессилен – одежды, жезл и митру.

Если да – осанна!

Еще раз перечитываю В. письмо о Страхове, Розанове, Флор. Как все интересно, махрово, семенно. Спасибо. *Notre correspondere est comme la corresp. de Schelling et Gegel**.* –

---

* Должность (фр.).

** Наш корреспондент подобен корресп. Шеллинга и Гегель (искаж. фр.).

Мне книга «О поним.» *теперь* не нравится, чужда: *но если бы Вы знали*, сколько восторгов я пережил с нею, какие безумия, *непроспанные* (за писанием) *кругом* ночи, до утреннего самовара, и воистину

Заря, заря...

Любовь, любовь...

Никогда еще я не был таким идеалистом как тогда. Мне кажется, я пережил (все же 4 года писания) что-то единственное по крайней мере в нашей истории: и до сих пор (когда меня оч. ругают).

Я, вспомнив те годы, думаю: «Черти, вам и не снилось такого идеализма», и до сих пор мое уважение к себе (есть, бывает) внутренне и тайно основано на «О поним.» и как я ее писал. Но там и до сих пор гл. «О целесообразности» мне нравится, – и весь дух, полет, именно – целесообразный: точно я «летел к Богу» в каком-то великолепном, дивном полете мысли. Книга мне чужда (Шперк: «география ума человеческого»), но *как она писалась* (почти невероятен самый процесс) и до сих пор – что-то обаятельное и прекрасное. «Нет, русские умеют быть Шиллерами», хотя в общем «свиньи». У меня это поразительно свиное (по общему мнению) с шиллеровщиною сплетено. И когда я теперь поглядываю на «бессонные ночи» марксистов и «споры за водкой» – *потому именно, что написал «О понимании»* и – никакого «падения перед ними на колена» – нет. Они все кричат: «Мы – идеалисты», «печемся о судьбах человечества». Но это удивительно для курсистки, для Роз. – нет.

Трогательное в Цветк. *большая любовь к В. семье*; вообще он серьезней и лучше, чем Вы думаете. В нем есть и темные пятнышки, но есть глубокий пафос к благородному, к лучшему, и дар самоисправления. *Он очень сильный человек и много обещает*. Как он любит и *всматривается* в Анну, Васю, – все заметит, о всем думает. Он очень замечателен! Любите его. Он к этому чуток и ему это нужно. Только много Аскоченского в нем (он отпирается), но это с годами пройдет. Теперь он весь оскорблен либералами, Сакулиным, «воблой» и горит «сражениями». Это – высохнет. Целую. Варе ничего себе.

Мама просит: Напишите сюда точный адрес нашей дачи. Как туда писать?

81

<22 мая 1913 г., Сахарна>

Поражен, прочитав об «отлучении» Св. Синода Булатовича, Илариона – Вас и Цв. и Новос. Будьте осторожны и тихи, ничего не предпринимайте; Вам следовало, хоть за подписью 3-х (Вы, Новос., Кожевн.) послать *частное письмо* Антонию Вольнскому, прося и *умоляя* его не торопиться и *выслушать* Вас. Так «с буксом» и «открытостью» Вы будете только раздавлены, и погибнете «аки трава, брошенная в печь» (или на ветер).

Случилась какая-то беда. Боюсь – ужасная. Господь с Вами. Будьте терпеливы. Скажите то, что тысячи раз повторяли миряне, что мы повторяем

перед болезнью, перед смертью: «Что делать... Что делать». Т. е. *не могу*, но Ты, Господи, – видишь меня. Что другое повторял и Иов, и 1000-й раз придется говорить.

СУТЬ

в том, что там в СПб. просто – деревянные палки, без ума, без образования и над всем взял верх интеллигент, безбожный Антоний Хр., интеллигент-переверт, и не более. Суть не в церкви (и в церковном утешении), а просто в личности (которой церковь по слабости дала решать дела). Но ведь вообще не придумано, что делать «с дурною личностью в Церкви», – на ВЕРХУ положения. Не за это ли – реформации, и ереси, и бунты; и Фома Бекет etc.

В. Розанов.

Мне кажется, Вам надо поступить как бы ничего не произошло, и лет через 15 сказать, написать, при лучших обстоятельствах, что то-то Ант. «наварал по неразумию и рационализму». Впрочем – не знаю. Теряюсь.

Беду составляет то, что случилась *явная неправда и легкомыслие* – однако «в порядке строгой или, вернее, личной формальной законности», – «по прежде бывшим примерам».

82

<31 мая 1913 г., Сахарна>

Каждую минуту думаю о В. и Вашем (всех) отношении к постановлению об Имени Иисусовом.

Я советовал – промолчать.

А, м. б., это единственный и неповторимый случай заговорить.

~

Вы попали в следующее положение: уже давно ИСТИНЫ нет, а есть истина как почти адвокатского «судоговорения» и «делопроизводства» в Синоде. Ведь УЖЕ ДАВНО ВСЕ ТАК.

Ведь в сущности ЭТО-то, а не Ренан и Спенсер, синоним неверия, легкомыслия, полуумства.

Ведь они КАНЦЕЛЯРСКИ все препоручили Антонию; ведь канцеляризм здесь так ясен, как пядь.

Ведь они все СПЯТ, им давно ВСЕ РАВНО. И вот: может быть, время заговорить.

Дорогой мой: что же в самом деле за Церковь, которая вообще отреклась от ИСТИНЫ, равнодушна к ней. В какой ужас мы НА САМОМ ДЕЛЕ зашли?..

Ведь это же УЖАС.

Ведь Христос – не с НИМИ.

С ними – НИКОГО.

И вот, м. б., время заговорить.

Да тут ли? Не задавят ли? Не задушат ли МОМЕНТАЛЬНО.

Ах как бы мне надо было быть с Вами советником. Кое в чем я все ж старше (57 л.) вас всех.

<1 июня 1913 г., Сахарна>

Дорогие и милые друзья, Флоренский, Цветков, Андреев!

Постоянно с Вами душой, и как хотелось бы жить физически с Вами. Сейчас – 2 повестки из Сергиева Посада, на «заказные». Что-то Вы пишете. Может ругаете меня, за нерешительность (в Вашем деле), непрямоту etc. Что делать, я так привык гнуться и склоняться, «что делать», «сила не берет», – обычное русское положение.

Под старость ужасно не хочется расколов, разделений, всего ломкого, хрустенья костей. Естественная старости потребность целостности и безболезненности.

Но то несомненно, что в Церкви собственно свято завещанное греками, обряд, слова, – и в нашей русской жизни свято именно Святые, Сергей, Серафим и вообще Лица. Но *действия* и *учреждения* в нашей русской церкви давно не святы и никогда не были святы; между тем всякое «постановление» Синода, в обыкновенном канцелярском порядке производимое, добываемое из чернилницы и пера претендует быть «святым» и «непререкаемым» как «житие Серафима» или как эктения на литургии. Вот отсюда и вся путаница, боль, страдание. Похабник Антоний Храпов. нагло, как целовальник по кабаку расхаживает в церкви, – творит дела и дерзости смело, буйно, и, конечно, раньше или позже от таковых его действий должен потолок провалиться. Вообще в Церкви надо различать что-то такое великосвятое, и пропорционально что-то окаянное. Иудино. В связи с Вашим случаем я даже стал думать, что есть некий прообраз и предостережение в том, что «между 12-ю» был Иуда, «формально Апостол Христов», принимаемый до предательства Христа в равной чести с Иаковом и другими. Этот «прообраз» не говорит ли: «Берегитесь! *Всегда* между вами м. б. Иуда, с теми же эполетами, как прочие, неразличимый от прочих, – но в тайне предающий все дело Христово».

.....

Но теории велики и прекрасны: а как *практически* из вопроса выйти? Здесь один путь разума, советующий осторожность, и другой путь сердечной правды, который требует «рушенья потолка».

Вчера прекрасная статья Энгельгардта «Анархия духовная», с предостережением от «анафематствований» и с упоминанием «волнения в монастырях об имени Иисусовом», – характерно в «Нов. Вр.», что *поместили*.

Ну, целую. Пусть Андреев никаких моих книг не покупает. Я буду и обязан ему все дарить их (обидит, если будет покупать их). Об «Оп. л.» ему все время думал, и только «поклал вот бандероль», некогда и устал.

Ваш любящий всех 3-х В. Розанов.

<4 июня 1913 г., Сахарна>

Вчера, засыпая, сочинил В. длинное письмо, и, сочиняя куски, думал – «как хорошо и важно». Сегодня все забыл. Какая странная психология, и утомительная, и веселая.

Все сочинялось «дело», нужное.

Но вот из сочиненного I отрывок темы:

Сперва не заметил в В. письме слов (ужасно стыдно и мучительно повторять) о Вашем завидовании Цв-у; до того это несообразно, что вижу глазами и не обращаю внимания и *будто нет, не написано*. Лишь легши в постель, думаю: «Что там такое? Написано? Да что это?». И вдруг влезла в голову вся мысль не влезаемая.

Дорогой мой – какой это грех, думать так. Какая м. б. у Вас зависть к людям, которые (Кожевн., Щерб., Цв., Булгак., я) все Вам завидуем, но слава Богу, великолепной формой зависти «чем больше (у Вас), тем лучше» (нам, всему). Выбросьте эту мысль грешную, она страшно грешна. Я верю, что Вы и достойны любви, но поистине Вы возлюблены в меру достоинства. У Цв. непрерывно, в каждом письме, у Кожевн. и Щерб. «островками», случайно скрываются слова такого отношения, какие напоминают «счастливую Элладу» или египетскую Фиваиду ... Это-то и есть самая трогательная и обещающая черта московских друзей, без коей они потеряли бы $\frac{1}{2}$ света. Тут именно старание со всех сторон, чтобы было (у каждого) чем можно больше, это такое прекрасное исчезновение ревности, соперничества, завидования, что поразительно. Цв. (в высшей степени зоркий человек) каждое письмо заканчивает Вами; видеть его наблюдения (страшно наблюдателен, хотя по-видимому спит) над Васей, над Ан. Мих. – в высшей степени трогательно, – в наш-то грустный век, когда никому ни до кого дела нет. Да: Цв. мне советовал взять или, лучше сказать, мысленно иметь Вас «в руководство себе» и прямо взять «в духовника старца». Раз Вам понятно его мировоззрение – больше этого уже нельзя сказать, подумать.

Итак, с высоты 57-лет скажу:

Будьте благословенны все, верьте другу другу, не сомневайтесь друг о друге, и вперед и вперед идите к общему добру России.

Ой, устал.

Но я и еще что-то ночью Вам говорил, очень хорошее. Пусть Андреев не покупает моих книг. Я все ему вышло. Только наклейка бандеролей невыносима. Поработайте это лето над «Др. жизни». Особенно то, где «надо говорить о переживаниях особенным языком, очень точным, – ибо это единственное».

Очень утомила меня переписка Страхова; и вообще все книги мои с «примечаниями» страшно изнурительны и кропотливы. Конечно, я люблю эти «рудники», это «копанье крота в земле», – когда читаешь корректуру или «оригинал» и тут же высказывают мысли о прочтенном, которые сейчас кладешь на узенькие полоски бумаги, как эта, где пишу. Это – и счастье, и труд. Как плотник: «еще кольцо» (связь 4-х бревен на сруб) положил, еще, еще... Кстати, я и понял теперь, почему, в сущности, *не читаю*: после каждых 4-х строк впадаю в задумчивость о прочтенном, и мысль течет минут 10, 15. И собственно я читаю «с комментариями», только не записанными: но «мысль прошла» и все равно голова уже утомилась. От этого «чтение» у меня сопровождается «невыносимым утомлением», – и через 4 страницы я «весь вспотел», – «плотник хочет уснуть».

Как хорошо, что Вы Страхова дали студентам в разбор. Вот – культура, вот – заботливость. Ведь так Вы можете воспитать поколение за поколением, давая Киреевского Ив. В., Хомякова, Самарина, **непременно** Гилярова-Платонова, К. Леонтьева («сносы Фл. не читал его, – *не обращал внимания и не придавал значения*, пока прочел *Греческие повести* – и тогда *восхитился*: эти слова Анурова или Цветкова и были 1) причиной, что я счел Ваше отношение к Леонтьеву, а следовательно, и к Цветкову, высокомерным, и вот в высокомерии я Вас всегда подозревал, и большинство Ваших отношений к людям брал «в правду» – *минус* (отбрасывая) высокомерие; отсюда мой зов – быть любящее и дружнее к Цв.; 2) *это* отношение к Л-ву мне показалось очень верным; нужно заметить, Л-в мне дал на несколько лет меланхолии, тоски («все умирает, все гибнет, все отвратительно») и когда лишь в Петербурге, лет 6 назад, я прочел его повести – то точно расцвел. *Гораздо легче дышать*. Все там мелочи восхитительны; помните женитьбу Костаки, помните глуповатых жен «Больших очагов» (старых семей), вечные воспоминания, «какие мы были знаменитые при Перикле», и проч. – И вот воспоминание об этом В. отношении к Л-ву, *мне показавшееся* таким вечным, в соединении с веселым солнцем в марте, когда я ехал в Клинику Ел. Павл. (жена) вдруг «проговорило» во мне тот афоризм (отрицательный) о Леонтьеве, кот. в «Оп. листьях». Видите, как все сочетается.

Боюсь, что Вам будет трудно читать все это мое бормотание, в котором почти сам не нахожу толку и связи.

Все-таки «с другом поговорил».

А разве Вас не радует дружба со мной, как меня радует. «На закате дней» я испытал большую радость этой продолжительной, умной, питающей связи. Нечто новое мне открылось в мире, но среди того *умного*, что содержится в этом новом, в сущности главнее и лучше – нравственная сторона просто доверия к другому человеку. Вы знаете, что почти, кроме любовничества, – отчего я так и люблю и уважаю его – почти нет *связанности* между людьми, нет вообще *никаких отношений*. Точно ходят по чужой площади, и задевают

плечом друг друга, говорят «извините» и проходят дальше, и никому ни до кого нет дела. Это до того ужасно, до того – извините – рыдательно, горестно, отчаянно, что хочется умереть при мысли. Поэтому велики Ваши темы «О Дружбе», «О любви», «Письма к Другу», и т. д. Это – новая полоса в богословии, это совсем другой тон, это уже не «О надписи на антиминсах» (есть у Гилярова-Платонова). Вообще если взять «комок нас», Андреев, Вы, Цветк., я, то, пожалуй, существеннейшее есть некоторая *богословская теплота*, которую (как в улье) начали развивать «от дрожжания крылышек» это молодые пчелы. Отсюда и так драгоценна нетронутость дружбы, связывающей всех «славянофилов» в новый улей. –

Ну, опять устал.

Здесьняя Апостолопуло (замечательная женщина) все говорит: «Вот бы мне В. друга Фл. получить в священники сюда). Она – бездетна, вдова, 55 лет, а имеет вид 45; ее муж – в 22 года – заразил гонореей, и она б. лет 20 страшно несчастна и измучена. Ее полюбил *невиданной* по верности и длительности любовью Драгоев, *самая чистая душа*, всю нашу семью виденная за нашу жизнь. Прямо «Наль и Дамайнти». Именье – завещано после ее смерти земству. И вот они развели изумительное хозяйство хлебов, кукурузы, винограда, – и она, страстная молдаванка (обрусела) и этнографка мечтает «школу прямо в поле», а в середине всех «угодий» чтобы была церковь. Я ее немножко подталкиваю в сторону православия, говоря – «нет *народности* без народных *праздников*, а корень их – в церкви». Собственно по «разуму» ее хозяйство единственное в своем роде. Напр., садовник и учитель *босые* входят за обед (с ними обедают), крестная Ангелина (правосл.) горничная в платочке и *босая* подает кушанья), – и она тем ею «в барском доме как *обязательная форма* введена крестьянская одежда – поддерживает авторитет крестьянского костюма против всеобщего потопа жидовских мод из Варшавы, залившего деревню. Удивительно все равномерно и гармонично. Тут и разум, и твердость, и сердце.

В. Розанов.

Варя подошла и просит, чтобы Вы «приласкали там наших в Сергиевском Посаде». Кстати: *немедленно* скажите им, что Веру надо везти в Санаторию и что деньги я немедленно перевожу Шуре.

<На открытке, отпечатанной в Германии, – на лицевой стороне:>
Сколько подлого в запонках и в кольце и в рукавчиках.

<На обороте:> С Новым годом!

Евг. Ив. Апостолопуло (урожденная Богдан), говорит, что это характерная (любимая) жидовская открытка, – и замечает: «У жидов вообще руки холёные, п. ч. они никогда не работали, и они неглижируют работой. Сберегите на память, как эмблему.

85

<10 июня 1913 г., Сахарна>

Спасибо за письмо и Приложение, дорогой Пав. Ал., Ваши письма всегда дают очень много, – и теперь в самом деле я разделил «Церковь святых» от церкви костяной-правящей-иерархической. Я действительно (вечный метод «формального брака», с «формальными» о нем невольно спорами, который и стал уже невольным методом моих суждений) подумал: «Как же Флор. в душе – по повелению Синода – отречется от того, от чего он отречься не может», и это встало передо мною великим недоумением и большим страхом за Вас 3-х. Но Вы и без *софизма* (что очень важно) через глубину обошли синодское постановление, подплыли *под дно* враждебной лодки, а не обплыли с боку и тем преодолели все и успокоились. А знаете ли, я чувю, Храповицк. специально Вас (П. А. Фл.) имел в виду, направив все так дело; «сердце сердцу весть подает» в любви и *во вражде*, и я уверен, он давно издали поглядывает на Вас и чем больше Вас хвалят и выдвигают вперед друзья и знающие – тем он грознее ненавидит Вас, чувя, что вы ему принципиально, «святоотечески» враждебны, что Вы не циник и грубиян, а деликатный – и деликатность-то Вашу он больше всего и ненавидит и ищет и еще будет искать случаев «запустить в Вас палкой», чтобы Вы оскалились, и тогда он с радостью закричит: «И он собака! НАШ, как МЫ».

Сволочь.

Ну его к ч. и к е.... м..... Не выношу подлеца. Знаете, он *подл* в глубине души. Я его видел на анафематствовании (попросил показать и показали). Он стоял в алтаре, как в кабаке, как-то дерзко и грубо, считая «неучами» (ведь он интеллигент) других иерархов, поправляя вещи на Престоле, беря и ставя туда свою говнянную митру. Как кабачник за стойкой.

Рассуждение об Утре и Вечере прекрасно, и прочел с большим вниманием, хотя все Ваше созерцание обширнее моего и оттого мне трудно следить, но я вчитывался, и особенно о лучах солнца в $\frac{1}{2}$ день. Но связь с Древом Жизни все-таки с трудом ловил. О письмах не бойтесь: показал Рцы 1 – о монетах (года 2 назад; он, высокомерен, не стал читать – я ему послал с восторгом – что трудно разобрать и что мне показалось, что труд разбора «почерка не будет вознагражден содержанием»). Но он так меня обижал и мучил всю жизнь, но ему надо все прощать, и умен, и стар, и несчастен – безденежье и унижение). Он вообще трагическая и загадочная личность, он *очень дурной*, но и поразительно глубокий и **секундами** святой человек. Письма его, кои мне хочется издать, – «Цветник» странностей, и бесконечно интереснее писем Страхова, очень монотонных, сознаюсь. «Но от друга все дорого», и Страхов свят для меня.

Мережковский написал обо мне в «Рус. М.» до того ругательный фельетон, что Варя чуть не плакала. Я спокоен. Потом Варя сказала:

«Мне голос сказал: что ты скорбишь, что была причина раздружения мужа с Мережковским (и от этого такая статья): теперь он дружен с Флоренским и ближе к Богу, а если б остался с Мережков. был бы далек от Бога». У Вари в критические минуты, или тоски и недоумения, такие голоса. Я до того верю и *знаю*, что моя Варя с Богом, вся – в Боге. Это – чудо, но *так*.

И еще сверх письма Рцы о монетах – дал недавно Цветкову, со словами: «Если дело дойдет до ругани *их*, то я могу выругаться больше Вас». И «Вы – психологический, я – *иерархический*». Вообще для ознакомления. Его к Вам отношение совершенно особенное. И, показав эти два письма, я не погрешил. О фаллич. все заперто в железный несгораемый шкаф.

Больше никогда и никому не показывал писем. А особенно о фал. и не имею права. Будете ли писать «замечания» на мои статьи, какие Вам Шура даст.

Варя нашла Ваши слова о Вере очень верными, и просит Вас, и я прошу немножко побеседовать с нею, немножко наставить, инструктировать. Ведь она ужасно поддающаяся влиянию. Кстати: здесь есть □ интеллигентный садовник, эстонец – изумительный в смысле нравственности, долга и чистоты человек, лет 30. Что-то «небывалое», чудо природы. Пишу это в неопределенной мысли на слова Ваши, что надо бы Веру в *иностранную семью* с принципами. Но он холост, лет 28, и чист и пуглив, как Иосиф.

86

<2 июля 1913 г., Сахарна>

Что делаете, П. А.!

Немножко я скучаю или томлюсь В. диссертацией: все хочется видеть Вас «со свободными руками» и с «досугом»: хотя знаю, до чего мысль о

последующем повреждает мысль «сегодня» и «вчера». Ради этого страшился В. писать: «Что ж Вы не кончаете». Андреев мне говорил, что Вы очень легко и быстро пишете, да и по «Утренней Звезде» видно тоже. Я думал: Вы медле-писатель. Есть такие. Пожалуй – лучшие. Но «дождись у 100-летней пальмы плода», для друзей томительно и чуть-чуть несносно. Цветков – быстро-писатель (так и сыплется), но ничего не хочет писать, впал в «демона» лени, небрежности и высокомерия к газете. Прямо свинья. А как мог бы помочь в борьбе с чертями.

Слышал (пишут) «наши хорошо познакомились и подружились с Вами, с Анд., с Цв. Ужасно рад. Нам бы, в сущности, жить вместе: отличный бы симбиоз двух благочестивых семей. Андреева бы уговорил выбрать какую-нибудь из дочек (крайне он мне симпатичен) и зажили бы «во всю». Надо жить вообще немножко навеселе, полегче. А то «хмурость» ужасно томит душу. В обстоятельствах так много серьезного, что если мы будем и душу прикладывать к обстоятельствам – совсем нельзя жить.

Что Андреев делает? Что пишет? Что Вы ОПРЕДЕЛЕННО – пишете? У Вас 1) «Столп» – диссертация и 2) Федор Басокин?

Рисунки к фалл. культу НАВЕРНО пройдут, как к ктеїс проходят рисунки в акушерских книгах. Никто нам не запретит дать копии древних статуй и статуэток. Толстой – преувеличивает: он зол на правительство (ex-министр). Во всяком случае это будет 1-й случай, когда я буду спорить в суде и подыму скандал. До сих пор я безропотно переносил цензурное и судебное самоуправство.

Ужасно истомлен за корректурами. Так много, в сущности, задумано печатать, но ни сил, ни времени, и долг в типографию к сентябрю возрастет до 5000 (за *вновь* напечатанные). Нужно быть осторожнее, а то я зарвался. «Все молодость».

Пишите. Отчего Вам не черкнуть мне 2–3 строки. Так люблю Ваши конверты «с грибочками» вместо букв.

В. Роз.

Думаете ли Вы *иногда* о нашей дружбе. Недавно ночью я очень долго думал. Мою жизнь и душу она и украсила и утешила. Тут что-то «Бог дал мне на старость». Вообще у меня странное чувство, что «Б. *дает* мне», «утешает», почти всегда (кроме болезни Мамы) «благ ко мне» (и ужасный, м. б., грех) – «все мне прощает». Но последнее **КЛЯНУСЬ НЕ ПО ХВАСТОВСТВУ и НЕ ПО ПОТВОРСТВУ** – особенно *настойчиво* чувствую.

Вообще я знаю, что Вы «с Богом» (... и прочее, после посвящения в диаконы – о грязи – замечательно и, м. б., провиденциально), но и я тоже (не хвастовство) «с Богом». Это особый мир и свет в душе, поразительно, что Тернавцев (почему-то не любит Вас, *не чтит в Вас православного и отрицает, чтобы Вы были православны*; разговор года 3 назад), несмотря на «молитвы и богословие» *на каждом шагу*, – вовсе, мне кажется, не с Богом или, точнее, *Бог не с ним*. Когда я слышу его жестокий хохот над девушками с животом (у него сестра живет «так», с оч. богатым) – мне становится ужасно, и как-то грозно, и я шепчу: «*Черт* с тобой (т. е. ты *возле* него)».

Упражнение по переводу

"форма мантии" (Ор. и Ве. - 07/11)
А мантия (или) 30-летняя (или) мантия
и мантия, и мантия и мантия. Про
мантию (или) мантия и мантия
мантия" и мантия. И мантия
мантия - мантия и мантия, и мантия
мантия мантия мантия мантия
мантия, т.е. и мантия мантия мантия
мантия мантия мантия. Про и мантия -
мантия и мантия мантия. И мантия, мантия
"мантия мантия мантия мантия мантия"
и мантия мантия мантия мантия мантия
мантия мантия мантия мантия мантия
мантия мантия мантия мантия мантия

мантия и мантия, мантия мантия.
мантия мантия мантия мантия мантия
мантия мантия мантия мантия мантия

Про мантия мантия мантия мантия мантия.
мантия (или) мантия мантия мантия мантия
мантия мантия мантия мантия мантия
мантия мантия мантия мантия мантия
мантия мантия мантия мантия мантия
мантия мантия мантия мантия мантия

мантия мантия мантия мантия мантия
мантия мантия мантия мантия мантия
мантия мантия мантия мантия мантия

<21 июля 1913 г., Сахарна>

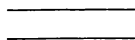
При Васе не разворачивайте.

Мельком.

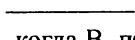
«Вечная память» («Страх. и Гов.-Отр.») – корректура.

А писал ведь в 35 уже лет: как я моложав, и долго б. моложав. Эта статья (стиль) моложе не только «от Павла», но и Цветкова. Я был *страшно долго* – юн и не опытен, и Вы *метафизически* родились много-много позднее меня, т. е. с душою склада гораздо более *старого* и *зрелого*. Это я чувствовал и со Шперком и с Рцы, что «черт знает откуда *такой зелененький*». Я думаю, Вам иногда смешно переписываться со мною, но «терпи Василий» и «учись, где можешь». Я думаю, тут (в правиле) моя мудрость.

Вообще я и хороший, очень хороший. Иногда «молодец Вася». Свинство-то свинство – само собою, но и НО.

Но вот мое положительное: до чего (с «О понимании») я был, в сущности, постоянно религиозен. Просто, – постоянно об этом думал, вернее – «думалось». Это удивительно «в такой безбожный век» (моя пора, Вы ее не помните).

Нетерпеливо жду времени, когда В. пришло (и Цв. и Андр., вообще «нашим») книжку о Стр. Ужасно В. всех хочу иметь своим читателем; Вы статьи старых годов не читайте (молодо-зелено и, в сущности, скучно), а только *письма* его и примечания, где я «борюсь с веком». Отчего у меня такая страсть «бороться с веком» – удивительно, при моем, в сущности, глубоко мирном настроении, даже (если уж на то пошло) при спокойствии ко всяким мнениям. Но я глубоко, **за всю жизнь**, ненавижу некоторые черты нового человека. Кажется, у Куно Фишера есть книжка (гимназистом читал): «НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК и философия Бэкона Веруламского». Вот этого «нов. человека» я и возненавидел; хотя сам отнюдь ведь не археологический человек.

А вот что: читали ли Вы I-й т. «Жизни и трудов Погодина» Барсукова? Простите. Нельзя быть русским и даже образован. человек. и славянофилом, не прочтя сего «великолепного течения речи». Между прочим: Погодину (уже студенту) подарили «новый сюртучок», – люди, у коих он давал уроки. Он не надевал до переулка («м. б., из окон смотрят»), а как зашел – надел. Вообще он ИЗУМИТЕЛЬНАЯ ЛИЧНОСТЬ. «Один стоит целой России», «уже 1 есть 1/6 часть света». Между прочим он все время принимал себя за Шиллера, и думал, что для российской словесности обязан написать вторую «Орлеанскую Деву». Непрерывно: «Читаю биографию Шиллера» (или «Шлеце-

ра», или «Карлейля») и нахожу разительное сходство в характере с собою». Черт знает что непрерывно, но живописно до последней степени. «Один уже целая эпоха».

Пожалуйста – берегитесь Александровых. Это ужасные люди и своим «богомольем» разложат не только что москвичей, но всякий алмаз превратят в грязную дресву.

Верните детишкины письма.

89

<30 июля 1913 г., Сахарна>

Безумно устаю, мой милый друг, от корректур (веду 2 очень большие, стр. 500 в каждой книге, – одну кончил, сегодня последний лист подписал), и не мог Вас поблагодарить за «Эгейские культуры», – и даже собственно теперь только начну их *сначала* читать, а то толкался носом «в середину». Из «середины» нашел в высшей степени ценную мысль, что каждая эпоха, каждое поколение (и, в сущности, каждый человек) продолжает не «отеческое наставление», веяние, философию, volo, etc., поэзию, – а «по-за-прошлую, дедовскую»; отцовскую же отрицает. Это не «гегелевская» ли (вечно у Страхова) «диалектика», в хребтах людей устроенная. Вот я чувствую, до чего ненавижу «предыдущее поколение» (в отношении меня) 70-е и 60-е гг. Просто – правлю корректуры, на темы мирные, а сам весь трясусь. Вы не знаете «мелочей жизни», Вы не знаете, что Стасюлевич, воспитатель Цесаревича Николая, женился на банкирше-еврейке Утиной (и до сих пор воротилы банковского дела в СПб.), купил темно-коричневый дом на Галерной и другой для типографии на В.О., и 43 года издавал «первый оппозиционный профессорский орган в России», «Вестн. Евр.». И – у него – слава; а Рачинский, 20 лет сидевший в Татеве с крестьянскими мальчишками, против желания, имение – владелицы сестры, и который и ночевал со школярами в их избенке, – едва упомянут в библиографических словарях, «потому что друг (товарищ по Университ.) Победоносцева». Тут, дорогой мой, вовсе не в известности дело, которая и ненужна вовсе, абсолютно в ней никто не нуждается, и Рач. ее не искал, конечно, вообще. Тут дело не «в награде моей», а... я от злости не умею сказать в чем. Просто – задыхаюсь. Дело в невыразимом скотстве людей, не кого-нибудь, а толпы, массы, не Ивана, а «деревень», пространств и времен: и если не в них (народ – тело Божие, почти), то в *кого* же, во *что* же верить. Нельзя же запереться в одиночестве, в кабинете. Это те «говно» бесчисленные, которые Вам приснились после посвящения в Диакона: и вот ОНИ-то, ОНИ-то везде лежат, душат, и не ужасно ли, что «последняя надежда» (бывшая) – станок Гуттенберга становится на сторону «говен» же, их плодит, охраняет, защищает.

Часто думаю:

Где же НАДЕЖДА?

и

Как же ЖИТЬ?

Что такое наша Россия?

НЕ ПОНИМАЮ.

Вообще

НИЧЕГО НЕ ПОНИМАЮ.

Тупой делаюсь, дурак; свинец в груди, в голове. Сам не понимаю, зачем издаю книги, в сущности – по инерции.

ОТЧЕГО это? ОТЧЕГО? Отчего?

Ведь книга – учит.

Книга – это размышление.

Книга: я нашел, радуюсь, слушайте друзья, господа, милые и т. д.

На это ответ истории:

ЧЕПУХА.

Когда-то Вы мне нарисовали ПАУКА (зло), поедающего самого ХРИСТА.

Боже – но ведь это везде и вся такова история. Что за «кровопролитие»: ибо по существу – оно.

Но что поразительнее: эти пузатые, эта сволочь, пауковым способом пожирающая все, они-то «искренно чувствуют» себя распираемым Христом, т. е. какими-то благовестниками всех лучших идей, принесшими России просвещение, школы, свободу, книги, и словом, «настоящие Прометеи», и говорят, говорят, что они все «страдальцы», и знаете, я думаю – искренно говорят. Тянет сукин сын ликер (сладкое вино) со своей жидовкой, рассказывает последнюю сплетню про министра – и на «утонченной кушетке» считает себя «страдающим, как Христос в терновом венце»).

По существу же, как я недавно писал Цветкову, хорошо что пока славянофилов немного и, м. б., *настоящих* всего только «московские друзья». Что если бы славянофильство разлилось и вдруг победило. Вышла бы «на другой манер» пошлость. Что же это за ужас истории, что где победа – там и пошлость; где «множество», там и «г...но».

Ужасные диалектики истории. Но возвращаясь к «эгейцам», я думаю, как бы хорошо эту мысль о преемстве «от дедов» положить в основу большого труда по истории культуры. А знаете: «утробное право» у египтян: наследником был *сын дочери*, а не «мой сын». Удивительно. Вполне вероятно (как и еврейские законы о *несмешивании разнородного*, напр., нельзя затыкать в 1 ткань нити бумажные и льняные, или льняные и шерстяные, нельзя в 1 плуг запрягать лошадь и вола, *религиозно нельзя*, а не практически нельзя – без сомнения египетского происхождения – указывают на необыкновенный нюх природы предметов, вещей, существ, эссенций) идут, конечно, от больших сложностей и длины предшествующей истории, и именно «Гомер уже явился в конце средних веков эллинизма» (поразившее меня сообщение в начале, I т., «Эгейской культуры»).

Хочется заглянуть к Вам душою? Что Аня? Что Вася? Где сестра... Лина (вдова Троицкого); забыл имя. Валентина? Каково всех настроение? Кланяйтесь милому Андрееву. Скажите, чтоб не покупал моих книг. Все буду присылать ему. Только от запечатывания очень устаю, – единственно потому далеко не всем рассылаю.

Мамочке – значительно лучше. Даже рука парализованная стала оживать. Были у мощей Варвары Великомученицы в Киеве. Там, м. проч., есть изображение 5–6 сцен Апокалипсиса, и между ними «Блудница сидящая на водах многих». Умора. Ну – воды, горбиками. Довольно много горбиков. Не то чтобы в середине их, а скорей к одному «берегу» ближе, сидит с НЕОБЫКНОВЕННО ВЫСОКОМЕРНЫМ ЛИЦОМ (тут главная и умора) я думал, французская маркиза, нос à la Louis XVI, опираясь на руки (в воду упираясь). На чресла и ноги наброшена хламида, но «остальное» голо, груди большие, лицо СПОКОЙНЕЙШЕЕ (умора!)... Смотрел я – смотрел, дивился, любил, смеялся. Какие эти русские уморительные, сказать нельзя. Почему они вообразили, что «развратнее французской маркизы быть не может существа» – понять нельзя. Вообще что они думают – нельзя понять. Какой-то горох в голове.

У здешних молдаван представления:

Летучая мышь = мышь, которая съела просфору.

Такой-то праздник (Фоки положил) «небольшой, но опасный».

Впрочем:

«Работать можно, если пожертвовать в то же время на церковь».

Поп за венчание:

«Чем больше взял – тем лучше: честь брачующим оказал». И никогда не жалеют давать больше.

Когда урожай (от дождей) гибнет – не жалуется. Разве можно роптать на Бога».

О всех незаконных детях (много) молят Бога, чтобы он умер; а в случае болезни – уже шьют рубашечку» (хоронить) с полной радостью. Никакого сожаления.

Мужья называют жен «сестра моя», и очень нежны.

Поразительны случаи:

Муж и возлюбленный той же жены едят из одной чашки, любят друг друга, дружнейшим образом живут друг с другом, т. е. все втроем, и она от обоих родит детей. Моя хозяйка называет их «Самые большие дураки на деревне», вахлаки и ничего не умеют делать.

Вообще много уморительного и поэтического. Хозяйка их ужасно всех любит, и говорит: «Лучше мужика из глухой местности я представить существа человеческого не могу». Была в Казани на голоде, и говорит: русские несравненно глубже и мистичнее, молдавانه легкомысленнее, хитрее (женщины), картиннее и внешнее. Тщеславнее. Разительные рассказы из казанской жизни: семья сама умирает с голоду, хлеба – последний каравай; голодный стучит в окно и просит Христа ради – и ему □ последнего каравая отрезают. Разрешение семейных коллизий (в Казани) ИЗУМИТЕЛЬНО по высоте:

ничего подобного не слыхивал, и все каноническое право какое-то «г...о» около этих бытовых решений. Я почти плакал, кое-что слыша. Просто – невероятно ухом слышать. И в таком изумительном народном «говоре». Есть «власть тьмы», но явно и есть «власть Ангелов».

90

<13 августа 1913 г., Сахарна>

Стр.42. Не надо ли вм. «Дамские моды» – «женские наряды» и еще бы выразительней: «женские ??? нежности». Всяк. женщ. нежится в своих «глупостях», тряпках etc.

Хорошо оч. о связи между «модами» и «дух. времени».

Керамика – и моя любимейшая вещь в искусстве.

Здесь в Сахарне – вся квартира в «народной керамике».

Но

Жаль, что не знаком ты с нашим петухом.

Поразительное совпадение В. вкусов со вкусами Евгении Ивановны. Прямо – тождественные влюбленности. Я о В. много здесь говорил. Вообразите, оказалась несчастная больна раком груди. Определилось только числа 5-го августа, – как подозрение, и числа 11-го с подтверждением. – Маленькая совершенно безболезненная опухоль (как «подушечка» у кукол) на ребрах над правою грудью. Как бы «припух палец и не болит». Так подкрадывается к нам смерть. – – – Дор. от. Павел: Вы мне никогда не писали своих мыслей о Смерти. Что это такое? Физически, морально, этот ужасный, ужасный

КОНЕЦ

всего, надежд, талантов, конец – доброты, добродетелей, «синего и белого» (любимые цвета в Сахарне).

Ужасно, что: · (точка). И – речей нет.

Я чувю, что В. на меня за что-то сердитесь. «Аще согрешил – побей немного и прости».

Хорошо, что с *отчеством* Кагаров; вообще у В. хорош пиэтёт к «предидуше-писателям» и «собратьями по науке». Это à la Карпов (переводчик Платона). Получили ли его портрет от меня (давно послал).

Да: еще: ужасно МИНОЕВА эпоха вместо привычного («не пренебрегай кавычками») МИНОСОВА.

Стр. 43. Поразительна в самом деле «мода» на стр.43. Действительно – «нельзя сшить без столичных выкроек», каковое шитье – почти наука (геометрии). И поразительно, что это предшествовало этому – «рубашечке»-голоштанницы и – ка.

А Вы знаете вместо «попа» могли бы также быть «дамским (девичьим) портным» (описание танцовщицы).

Кстати: инстинкт: почему даже ученица гимназии считает «неприличным» и «конфузящим себя», если ее случайно учитель увидел без форменного «передничка». Между тем на ней платье полное. И – вся закрыта. В «переднике» – прилично. Без «передника увидел меня»: стыдно, неприлично. Что за инстинкт? Даже у кухарок – фартук. У горничных – непременно. Что это «прикровение» или «выделение», «спрятан» или «указал на»...

Действительно корсет явно – ЕСТЬ. Это поразительно в II тысячел. до Р. Х.!! И в самом деле *по одному* этому явно до Гомера уже были «Louis XIV».

Вы мне, дорог. П. А., никогда не писали о своем чувстве женщины и, в частности, женских форм и того, что (не странно ли) они сами у себя называют (слыхал украдкой), называют «наши прелести», «женские прелести» (мужчины никогда: «наши прелести», всегда у мужчин – чувство отвращения к своим прелестям) и у Вас впервые в отношении, увы, столь давно умерших критянок я читаю о чувстве (вашем) женских форм. Меня всегда безумно волнуют «их» груди, и как-то почти не чувственно, а странно умиленно. Мне кажется я бы всегда целовал их груди и никогда бы не устал и, княнусь Б., это не очень чувственно, а какое-то «обаяние» (магия?): «Я всегда буду послушен женским грудям» = мой канон.

«Подняты корсетом». Не знал. Спрашивал иногда своих и отвечали: «Без корсета же выдти перед гостем – *неприлично*». Вы пишете: «поднимают». Значит: «неприлично показаться гостям *не имея поднятых* (и, след., выделенных, видных) грудей». Это же поразительно. Если вдуматься в «мелочи», до полной степени и до сих пор (Ваше гениальное выражение) наша жизнь ЗАГРОМОЖДЕНА фаллизмом и гетеризмом. Не могу не сказать, что эти «мелочи» меня волнуют и привлекают. Без них как-то «пиво не пьется» и вообще все «скучно и выдохлось». Если это и порок, то не умею в нем каяться, или покаюсь только перед вами, а больше ни перед кем каяться не хочу. Все-таки в каждой кровинке нас течет «фалл + ктєϛ», ибо все мы «εχ Ουρανοϛ αἰδοια» – «из Урановой крови».

Действительно: поразительно отношение к змее. «Змея = символ здоровья, силы, жизни». И сия Дева, держащая в руках голову и хвост змеи не есть ли «Подательница Жизней», «хранительница (людских) здоровий». Вообще оч. интересно. И не могу не сказать, что эта критская прелестница – прелестна. «Огибает (змея) бедра»: ведь этого не видно и на рисунке нет и по крою платья (почти кринолин) – невозможно, что же змея за корсет заходит и вьется по нагому телу? Это ошибка, что Вы не сказали: это так важно.

Стр. 45. Поразительно и привлекательно. Что она делает. Что за «пупырышек» на груди? Что за дерево на кресте? Под ним, «в корне» – серп луны. Мне кажется, дерево (ствол и «крона» листьев вместо «головы») имитирует фалл, а Dame de Louis – выпячивает ему грудь как бы стараясь покормить его или, во всяком случае, кокетничая с ним грудью. N'est ce pas?* Во всяком

---

* Не правда ли? (фр.).

случае отношение какое-то страстное. Это дерево «на служебном стуле департамента» мне нравится. Это уж не «Акакий Акакиевич».

Стр. 47. Не «шлейф» – а «трэн».

48. «зеркало» у Вас: отчего Вы думаете, что «двойные сосуды» не суть бинокли? Раз б. стекла тогда?

47. Я думаю ей лет 35, а «подделана» под 25–26. Я думаю это *dame du demi-monde*, а не «придворная», и я думаю, это «карикатура» или «гримаса» (кончик носа) «отвергнутого искателя», недостаточно щедрого. «Эта шельма бездетна и всем дает».

«Золотой сон» и проч. А знаете ли неприятную вообще сторону теперешней церковности. Ужасная «канцелярщина». Это обер-прокуроры вечною угрозой «ревизии» придали ей столь канонический, корректный и сухой вид. Нет «нравов» и «обычаев», вырастающих на почве «запущенности» и «прощаемости». — От этого с теперешнею «церковностью» так неохотно слиться. «Все так сухо и официально», как «правильная лекция уважаемого профессора», коему, увы, недолго до пенсии и гроба.

51. Не «сжимающая груди», я думаю – а поддерживающая груди, как мы «подаем просфиру», «подносим вкушающему просфиру» или «апельсин». Сжимаю=притесняю, уничтожаю, «сажаю в темницу». Едва ли хорошо: «Diplos»: без *дна*. Вместе Вы настаиваете, что им «зачерпывали» вино. Или – аналогии его у Гомера. Но без *дна* – нельзя вынуть сосуда из бочки без того, чтобы все не *проскользнуло сквозь* и вогнешь некое *vasium*. Мне кажется, раз *без дна* – то сосуд мог обозначать лишь такое *через что* – нечто процеживается, проскальзывает, проходит.

И дальше собственно говорить мы не смеем.

Но нельзя ли догадываться, напр., что *Diplos* обозначал влагалище и прямую кишку нагой богини. Тогда расширения книзу и кверху соответствовало бы расширениям обоих каналов в «брюхо» и «ок...» и «матку» и «губы».

Зачем у Вас же есть термин: «боги пьют из сосуда», а не просто «в сосуде им подносят». Если Гея = просто

Terra planeta*

то отчего ей не «жить» и не «есть» – не только наши (по Вашему) «души» и «тела», но и решительно все, что мы извергаем. «Назвался груздем – полезай в кузов», т. е. принимай не только *нас*, но и все *от нас*.

Все интересно и хорошо. Прочел все сейчас утром. Раньше б. невозможно. Теперь-то понимаю, почему Астарта «поставила ногу на корму корабля».

А вот еще, голубчик мой: все-таки мне думается есть «кое-что» и в живых детишках, что говорит о мифологиях и частью изъясняет ее, и без чего я думаю постижение мифологии как-то явится недоказанным, или <...>, или абстрактно-сухим. Я думаю «кое-что» есть скрытого в фал. и в ктеис *Живых*.

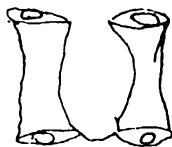
* Земля планета (*лат.*).

Все – странно. Могло бы иметь совсем другой *вид*. Напр., для чего ктѣс «срамные губы» медиков: абсолютно не нужны. Зачем *penis*’у головка? – Абсолютно не нужна. Ни для деторождения, ни для совокупления, ни для испражнения – все это абсолютно не нужно. Говорю это под впечатлением *Nautilus*. Тут («губы», «головка») – эстетика, любование, любовь, а не (простите) «мы ссым». Совсем другое – чувствуется. Бог сказал: «Они должны вас притягивать». Вообще *sexus* – не необходимость, нужда, а – привлечение, обаяние. От этого ускользнуть некуда «куда хошь день, а оно *есть*», можно «не говорить», а «все-таки есть». «Ничего не поделаешь» и для науки.

Грех сказали: «*Окрестности бедр*» вм. «детородные формы». Священнику особенно надо *прямить в дело* (а то *детоубийство* восходит от ужимок).

Позвали обедать.

За обедом окончательно решил, что «Двойн. сосуд» стр. 60 и 61 есть внутренняя и существенная сторона безголовых изображений Нагой богини стр. 56 (5 фигур внизу) и 57 (3 влево) и смычка сверху (их тогда надо перевертывать книгу, изображая) будет обозначать промежность: обратите внимание (1 фиг. на стр. 61) как толсты стенки сосудов и что отверстие похоже на канал

rectum vulva

Тогда понятно, что существовало и одиночные (влагалище богини). Но мне кажется, Вы не правы, что «Ахилес *черпал* вино»... ими вообще нельзя ничего *черпать*, и они суть «еретики», «статуэттки», но не кожи, шкуры богов, а – внутренностей, мяса их.

Богиня со змеями: хвост или голова в *ухе*, и в *кулачке*. Это едва ли «украшения»=нашим «горностаям».

В целях сближения и, т. сказ., для навевания на слушателя основного тезиса о переутомленности до-ахиллесовой эпохи это можно б. сказать. Но «у них был не тот одеколон, что у нас. Я думаю «со змеями» не франтиха, а богиня, и серьезная богиня, «Божия Матерь Здоровья и Силы».

Вообще при всех «придворных дамах» уже оттого, что *до* не было христианства, до Вольтера не было Св. Франциска, – самые «вольтерерианцы» эгейской культуры были другого запаха, оттенка, без «хорьков» на шее и «священных изображений» (змеи) в роли кокетства (у нас часто крест). Все-таки огромная роль и давление МАТЕР ^{инства}/_{иархата} сказывалась секретность,

пениями другого тона. *Спенсера не было*. Были Монтень и пр.

Ну целую. Пишите. Дней через 10 выезжаю в СПб.

<7 октября 1913 г., СПб.>

Дорог. П. А., – обо мне: «Старá стала, глупá стала», – «помирать пора», как говорили киргизы о своем Генерал-Губернаторе.

Потому и не сказал Вам сейчас о бедной Вашей тете, слова которой: «Не хочу видеть света, п. ч. мой сын не видит его», поразили меня. И спасибо Вам за весь очерк ее лица и жизни. Но Вы не написали ее фамилии, и даже где она живет и где бы училась. Без этих координат как-то не воображается человек, а мне хотелось ее вообразить.

Очень хорошо, что Вы мне написали о рит. убийств. Очевидно, «за чаем» Вы были во вдохновении, и вылилось у Вас сразу и вполне полно. «Вдохновение родит вдохновение», и я использовал ее для статьи, которую прошу Вас прочесть и не позднее, чем через 2 дня по получении, вернуть мне, зачеркнув, что Вы нашли бы по своим соображениям для себя щекотливым или вредным.

Целую и обнимаю. Анне Мих. привет; «баловенца» Васю целую.

В. Розанов.

Спасибо за привет <...> «Л. Щ<...>» – всегда тепло услышать от друга теплое слово о труде, смысл коего колеблется всегда в уме написавшего. Много там «о себе», уж очень и мне это было глубоко, а стыдно и неприятно, но как-то захотелось все «закрепить».

Вообще это «сам» в писаниях ужасно двойственно, и года 2 непрерывно все возвращаюсь к идее и факту «сам». Тут что-то дурное и что-то необходимое или неизбежное.

Ничего не пишет Цветков, и я очень скучаю. У него болят глаза. Как он?

<25 октября 1913 г., СПб.>

Дорогой Павел Александрович! Простите, что долго не отвечал Вам. Кисло было на душе, от неудач, от труда. Фельетон с Вашим письмом сейчас же двинутый было в печать (радостная надпись синим карандашом на корректуру «назначен сегодня – не замедлите вернуть корректуру в типографию») – при ближайшем вчитывании редактора М. Н. Мазаева – «не прошел». «Нельзя, нельзя затрагивать евхаристию, сближать или ставить в параллель с нашим причащением, – даже как *тень*». И при 100000 читателей – пожалуй, он прав. Не хотят «соблазнять малых сих», не хотят волновать глубоким волнением людей, которые вообще не могут в деле разобраться. Также не прошел и мой фельетон: «Ангел Иеговы у евреев» и «Осязательное и обонятельное отношение евреев к крови». Нужно заметить, что левая печать и все <...> тоже заработали: «Они колеблют <...> Ветхому Завету – который есть *фундамент*

и Нового Завета». Вы понимаете, куда дело пошло и как все это тревожно. Редактору «Земщины» сказали из Министерства внутрен. дел (т. е. не из цензуры, но из самого *Министерства*): «Не касайтесь Библии и о Библии ничего порицательного не пишете»: а «порицательное» – просто «связанное с ритуальным человеческим жертвоприношением». Посему «Земщина» не напечатала моей статейки «Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови».

Ну, вот.

Теперь фельетоны я попробую провести через «Земщину». А потом думаю и о книге. О Хвольсоне еще попытаюсь провести в «Н. Вр.» с книгою же кисло оттого, что я слишком «запечатался» и образовался уже слишком большой долг в типографии (допечатываются еще 2 книги). Не знаю как и что.

Вас любящий В. Р.

С статьей о фалл. повремените. Куда Вам ее?

Мой архив есть *Ваш* архив и Вы у меня или при «†» всегда можете от детей взять все свое.

Скучна еще немножко и самая точка зрения и позиция мною занятая. Мне понятна многозначительность всех этих жидовских ритуалов: но под впечатлением опасности для России «вообще жидов» и в том числе «трагических Шнеерсонов» (которых не так легко отделить от адвокатов, ибо он, как Янус, – один лик «адвоката-Минского-Айхенвальда», а другой лик – «Шнеерсона-жертвоприносителя») и т. д., я повел все дело к уничтожению «в просветительских целях» от всей этой «египетской тьмы» и т. д., и посмеиваюсь – раз, и советую правительству – два, насильственно прекратить эти «средневековые глупости»: 1) убой скота, 2) микву (в мыслях) и 3) само обрезание. Тут естественный вопрос и тревога: не останемся ли мы при одном адвокате? Тут и страшное обмеление самого христианства, или недоделанность его, я не знаю что: но вообще <...> опасность остаться при адвокате; <...> и Антонии Волынском. «Флоренский еще не вырос да и печататься пренебрегает», а «при чине токмо иерея» голос его в церкви вообще «ничтожен». Новосёлов храбрится, но ничего не может и не сможет, яко «мирянин». В перспективе: семья также гниет и Церковь «при благосклонном сочувствии и мудрого Флоренского», конечно, ей никогда ни в чем не поможет; и семья вообще «пихнута» церковью так давно, что этого и поправить невозможно. С чем же мы вообще-то остаемся и останемся. Духовенство церковное совершенно безнадежно. Оно *погибло* в самодовольстве, самомнении, в «неодолении его врагами ада» и т. д. Даже взяв лучшее и святейшее, старцев и святых – не упоминаю имена, чтобы не огорчать милого Павла – все же ни один из них не сказал матери: «Вьнь грудь и покорми ребенка». Это образно и символично. У жидов же с Моисея все это разработано, обдуманно. Есть КУЛЬТУРА и был КУЛЬТ (в сущности – фаллический, еще от Египта). «Моисей ничего нового не выдумал» после Египта и только спрятал «неприличное изображение» Озириса (нет изображений в храме Иегове). Но без этого египетского фундамента решительно все проваливается, а в христианстве фундамента

этого нет, и мне кажется он вообще на почве христианской неудержим. Поверьте, должность обер-прокурора, т. е. крайний чиновный рационализм, – восходит к разрушению «Озириса».

Все тут темно.

Ступаешь направо – ошибаешься.

Ступаешь налево – ошибаешься.

Путей вообще нет. А если оставить жидов «как есть», конечно, лет в 400 они съедят Россию. Смотрите, лишь 10 лет прошло «свободы печати», – и дело Бейлиса (за коим Вы не следите) показало, что вся русская печать, не газеты одни, но под давление газет и все толстые журналы – суть анонимно-еврейские, подчиненно-еврейские, и, конечно, не столько от денег (хотя и они есть), сколько от их нежности:

Отрок нежный, отрок милый...

В «Ангеле Иеговы у евреев» я и решил раскрыть «черную мессу» жидов и, в сущности, содомский смысл «вступления в Завет Авраама с *Ним*» (черт его знает как и зовут). Я совершенно убежден, и в Бессарабии додумал, что суть-то заключается именно в этом. Вообще Израиль стоит на «неприличнейшем корне» в европейских глазах: и вот при существовании объявленной мною ненависти к жидам, кои как волк «жрут телячье стадо русских», я решил взять под европейский угол (смеха) их тайны. Основная бы мысль моя была такая: «И вселился Иафет в шатры Симовы», т. е., конечно, выгнал «сынов Сима» в шатры Иафета: пусть бы эти черти занимались адвокатством и ангелами, а мы потихоньку у себя бы завели «содомские секреты» (у них ВСЕ содомично, напр. их миквы есть странное в сущности лесбийское дело: они *полоицут* рот водой миквы, и обязаны сделать 1 глоток, чтобы «осветить внутренности», желудок, почки, мочевого пузыря; и женщинам там ритуальные старухи или пожилые бабы *догола* со страшной чистотою вымывают вульвы и выстригают волосы, – как и под мышкой). Вообще у них все содомично и похабно до такой степени, как бледнолицым грекам «и в голову не приходило» (с Афродитами и проч. *мелочами*). У них именно был Апис, бык Апис, кровосмесительный, «мерзость Таммуза»: но переданные в быт, дома, в спальни. То что собственно содержится в обрезании, и что они выразили в тезисе: «Мир сотворен был, чтобы осуществиться *обрезанию*», до того ужасно, что мир затрясся бы от страха, узнав полную его мысль или, лучше сказать, «подушку тайных мыслей». Экспертизы Пронайтиса (груба и я душою <...>) я не читал, но в перепечатке «*Земщины*» мелькнул отрывок в моих руках (со смехом); «Шехиня (Божество) менструирует, и это мешает Иегове совокупляться с нею, если очень много размножается гоев» и..... «по сему же, так сказать, подталкивая Шехину совокупляться с Б.», жида, «когда молятся – то совершают – потихоньку в талесах [сделанных им рукою невест] совокупительное движение». К сожалению, я клочок бумажки бросил: но именно это – *то самое*, к чему приводили все мои догадки об обрезании. У них собственно нет не «х-вой мысли», нет ни «х-вого чувства», слова, трения, ниче-

го. Все их необозримые обряды текут от одного корня и «в один колодец» возвращаются: к головке члена, которая в обрезании открывается и «только» и «молчание» и «сточка». Может быть и даже наверно они кое-что доработали после Египта, повели дело еще дальше и еще гуще; у них именно все «окончательная вонь», грязь и черт знает что: и самый *быт* их невыразимо вонючий есть скорлупа невыразимой половой мысли и всей души их. Самая *душа* их стала только *фалл*, и это до того густо, что просто они «христианства и вообразить не могут». Ну, устал ужасно. Прощайте.

В. Р.

Веригин, или Вязигин, очень милый человек: я очень его люблю, п. ч. он чрезвычайно честный человек, и никогда и ничего темного или мутного не сделает и даже в себе не подумает, никаких худых «поползновений» – а это большая редкость. Вместе – не слюнявый, не мямля. Он прекрасный человек и его нельзя не любить (Вы спрашивали или сообщили, что «ничего»). Шмид – присылайте. Жалко, что немка. «Все немцы». Меня запишите в пайщики на 25 р.: больше не разойдется. Ведь у меня никаких знакомых, «в свете не бываю».

Варе *значительно* лучше, и ведет все хозяйство. Солнце Бессарабии пошло. А наша хозяйка-друг там, такая бесконечная энергия и полный цвет здоровья (55 л.), – вообразите внезапно открылся рак груди. Подробности открытия – ужас. Она как-то была бесконечна в жизненности, и почти гениальна в великодушии, порывах, в «новой мысли» на «каждый день». «Что-то припухало» на груди: – когда 14 августа позвали врача – сказал: «Не могу сам лечить – но вам непременно надо показаться хорошему хирургу». Операцию сделали и теперь лечится рентгеновскими лучами. Ни-ка-ко-го признака болезни, слабости, изнеможения, «даже легкого нездоровья» – не было. «Пышка! Цвет! и огонь». Она бесконечно хороша по благородному и бескорыстному. Ее рассказы мне «про старую Молдавию», ее наблюдения в Казани на голоде за русскими, ее «афоризмы» мне – это была неистощимая поэзия и мудрость.

Вся ее жизнь удивительна, прощение другим – удивительно.

Ну, кажется, все. Прочтите прилагаемую здесь:

Реестр ритуальных вопросов на суде Бейлиса.

Действительно – это мировой процесс, п. ч. все силы науки не в силах ответить на вопросы суда. «Так частный случай» вдруг вырастает в «мировую тему». Так бы следовало сделать и с «незаконнорожденными детьми», – начав «процесс против Церкви и ее отношения к семье» (Вы знаете, как, напр., сочтаны степени родства: ведь это подлог церковный; между тем сколько браков «расторгнуто» на почве этого неумения церкви «сосчитать по пальцам до 10»). Но мы, русские, «ленивы и равнодушны». Нет, «жидок» есть вещь, без которой все-таки никак нельзя обойтись. Это уже не «милый Иван Павлыч», который вечно «спит» и посему как-то символичен для православия.

Устал.

Мне передал кто-то, что Вы хотели иметь №№ «Н. Вр.» – посылаю.

<1 ноября 1913 г., СПб.>

«Ныне надлежит Р—ву читать Шерлока Холмса», но пока горит печь — и на общие темы.

Сперва В. письмо произвело на меня ошеломляющее действие... Ни греки, ни египтяне, один Жид. Ужасно, страшно, страшно его беспощадного. Потом я «взялся за обе полы» и стал мысленно возражать Вам.

А Христос? Вы вовсе его забыли. Как-никак, а ведь Он — прямо ли, косвенно ли, разрушил Содом. Храм, «на горе Морейя», где и Авраам принес свою жертву (Талмуд). А если вспомним «Батюшку-Озириса» да Элогима, который «создал *всех и над всеми народами*», то совсем поправимся, и скажем жиду, что пусть он точит кровь из своих младенцев (лучше бы из 10-ти по $\frac{1}{2}$ стакана, оставляя *жить*; *смерти* я абсолютно не переношу и тут готов бить Б. по морде: моя формула). Нам, людям, принадлежит понимать *людское*, оказывать здесь справедливость, и не дерзать помышлять о Мудром и, м. б., Страшном.

В конце концов Иегова *есть* их Б., «бог Израилев», и ласкается с *ними* одними, «по избранию». Ап. Павел едва ли «углубясь в дело», отсек вовсе христианство от иудейства, позволив «и не обрезаться», что очень скоро перешло в «запрещаем обрезаться». Пуповина с Ветх. Заветом б. совсем порвана; «а у них обетования» (и Вы говорите). Абиссинцы-христиане «обрезаются», но, конечно, не «великий Империи царей» пустит корабль вслед абиссинцам-дикарям.

Что же делать, однако? «Стол обеденный, не устроенный на одной ножке, должен опираться на ноги». Нам принадлежит относительность и эклеогизм.

«Греческие боги были пусты» (иудеи): но у нас есть великий Помощник — Христос. Да и у греков не все было окончательно пусто, была невинность, детство «старцев до Гомера», «пастухов и царей» и проч.

Обратите внимание на следующее: Элогим не дает человечества в обиду «всепожирающему» Иегове. Ниневия и Вавилон были не хуже, по крайней мере, *не меньше* и еще моднее Иерусалима; были Афины и были Фивы (100 ворот) и Мемфис. Почему-то жида хотя «размножаются быстрее нас» (Вы), но остаются в каком-то *пределе* и никак его не могут перескочить. «Бог не выдаст, свинья не съест». Есть какое-то *гетто* для Израиля, и это есть просто последствие страшного субъективизма их «Иеговы». Он именно <...> и «во тьме». Он уже слишком «ночной Бог», — Б. ночной постели, их бердичевских «пуховиков», из которых русские выпускают при погромах пух «ничто же сумняся», и не догадываясь, что «в пуховиках» у жидов все и дело, — но до известной степени и что дальше «пуховика» они не идут. Жид умственно (творчески) страшно ограничен, обратите на это внимание. Он именно баба, у *которой* «ум короток», и она только и знает, что свои «пуховики», когда они молятся, то их *соит'альные* явления есть собственно не мужские «со страстью овладел», а *бабьи поддаванья*. Тут величайший секрет юдаизма, что

они вечно «поддают». «Бабья нация», – совершенно; а муж – «бог израи-лев»: это у пророков *прямо и буквально*, ВЕЗДЕ, – и это тоже не «духовно», а именно – плотски.

Итак, оставил «на пуховиках», и обратился к *дню*, полям, лугам, свету, Элладе и Египту. Мне представляется очевидным, что совокупление у нас должно быть поправлено и по всему вероятно ритуально. Непременно должны быть и именно «ритуальные», священные омовения. «Но как такое начать? М. б., только через 500 лет». Главное, сотворили тельно, что уже начались светские «подмывания» обоих особ, и никак не перейдешь к «священным». «Гигиена» убила *возможность* религии. У нас скорее священна «баня», – поповская и купеческая, за каковую Б. и дает «деточек» тем и другим. Вообще Б. несколько фалличен, это бесспорно, египтяне «не с ума же сошли», выдумав Озириса с поднявшимся фаллом. Это страшно трудно начинать говорить, но как-нибудь *надо*.

Я отвлекся: так *вот*, у них – черта оседлости в «самом фалле», какое-то *ограничение* в самом размножении, Бог <...> откуда идущее или точнее Б. <...> какими орудиями осуществляемое. Римлян было *больше, чем иудеев*, и греков – больше, и русских – все-таки больше, и они нас никогда не «переплюнут», как выражается изящно литература. Ни в своих «пуховиках» <...>, а об остальном остается «на Господь». Ведь решительно русских «при Изяславе» было меньше, чем жидов во всем свете, а теперь во всяком случае их больше. Отчего это? откуда? Мистика размножения. «Дня больше, чем ночи», – как хотите. А Элогим больше «ихнего Иеговы». Мы должны мужественно смотреть вперед; мы должны надеяться на Бога. Он есть «наше прибежище и сила». И русский народ тоже *очень силен мистически*, и не уступит не только Грузенбергу, но и «Янкелю в Талесе» (у Гоголя). Дело в том, что и Талмуд и Библия при всей силе и яркости тем не менее и как-то все-таки *односторонни*, и именно оттого, что «забыли всех людей»: а они ВСЕ – Божи, Господни. Жида окончательно нечего бояться. Еще обратите внимание: все их «пророки», в сущности, «сионисты», загребастые «катковцы», которые ничего «кроме России, не переносят», и это решительно антипатично, для Бога («надо *всеми*») антипатично. Тут издали мелькает и оправдание Грузенберга. Теперь слушайте самое почти главное. Вы не читали («пренебрегли») «Подпольной России» Степняка, а там есть фигурка Геси Гельфман – швейки-еврейки, благородной, которая передавшись «ходебщикам в народ» и затем – мало понимая – передалась революции, что «они меня почему-то любят» и я «их люблю». В своем роде это вдова Сарепты Сидонской. Потом вышла за дворянина, потом ее за 1-ое марта повесили.

Так вот. Среди «жидов», – «интеллигентов», есть или попадают удивительные фигуры, – «на малом жалованьи». Вечно среди русских, хлопчут, лотошат, и – помогают, деятельно и просто. «Не весь Израиль погиб», т. е. не весь кровопийца. Спрашивая себя, «что это такое», – я мысленно и соединяю их с легкомысленными жидками, которые «избивали пророков», п. ч. те решительно им надоедали «катковской политикой», т. е. «Сион» и «только у нас

пуховики». <...> и с степняками, и с греками, и даже «с кем попало», блудя при дорогах». Они «побивали камнями» этих совершенно непереносимых пророков, которые им твердили «Сион! Сион!»... «Подавай только ОДНОМУ ЕВРЕЮ» (смысл решительно всех пророков). И Катков был силен и красноречив; но одолевает «маленький Давид» Голиафа, а у нас «симпатичный Шелгунов» одолел Каткова. Тут параллельно слабая сторона наших славянофилов, которые суть «пророцы в отечестве своем», но частью не без основания «побиты», ибо уж слишком берут «чересчур». Помните у Платона «идея волоса», т. е. идея маленького, смешного и грешного. Когда мне кажется, что «все проваливается», то я надеюсь на это «маленькое и смешное». Его «свинья не съест», отчасти оттого, что не заметит. А из него может вырасти большое яблоко. *Грузенберг не вечен*. Это – тип *сегодняшнего дня*. Ну, на 50 лет хватит. Вообще не надо отчаяваться. «Господь с нами». Жидки и без «кошерного мяса», т. е. без молока и всех его ужасов, могут быть «отличными русскими», и даже нас кой-чему подучить касательно «пуховиков», а мы должны прислушаться и подучиться. «Бери мудрость отовсюду, откуда можешь» – завет эллинов и нам. «Учись! учись!» – говорил и Ломоносову Феофан Прокопович. Наш «Маклаков» не симпатичнее Грузенберга. Это уж профессия. Есть гадкие профессии: адвоката, журналиста. Но есть тихие и милые – сапожника, портного, мелкого торговца «у себя в лавочке». Вообще были и жида, а были и «тихие и беспечные сидоняне», без обиды *кому-нибудь*, и тоже «обрезанные», и, м. б., имели в домах «иконки Озириса с фаллом».

Для меня бесспорно, что христианство должно быть хотя отчасти заполнено фаллизмом, иначе все засохнет и останутся одни канцелярии. Все должны подвинуться в сторону семьи; старое богословие, решительно и везде и ВСЕГДА бессемейно, должно действительно перемениться. Тезис: «ради Бога не <...> в одиночку», – «живи с братьями, сестрами», лучше и крепче еще и изящнее – живи с детьми, женой, мужем; «как-нибудь – а живи; «как Бог привел» – а живи: «остальное все приложится», остальное будет само собою хлебно и сытно и ЗАБОТНО. Отсюда, дорогой мой, моя борьба против <...> развода, которая вытекает не из вражды – к церкви или ее венчанию, но из вражды – к тому, что церковь сама у себя не понимает, как в афонской истории: «нет развода» = мало семей, «страшно вступить в семью, боюсь ошибиться, да и еще пока не влюблен очень». Все ожидают «большой любви», которая снимает сопротивление, страх и проч., между тем надо смотреть на дело проще: ради Бога – «живи», «не оставайся один», рождай, заботься, трудись, «устраивай» (детей) в школы. О пенсии думай. Теперь выходят и особенно женятся только «по крайней необходимости»: между тем Вы по истории с Ал. Мих. знаете, что «любовь приходит и *потом*». Вообще у Вас, дорогой и милый Пав. Ал., есть одна ужасная ошибка, решусь сказать – грех: *невольная* (от ума) гордость, самоуверенность и могущая отсюда со временем проистечь сухость и жесткость, даже переходящая в жестокость. На этом все «большие умы» поперхнулись, кроме нашего ВЕЧНОГО Пушкина. Нужно «брать дело проще» и нужно больше «надеяться на человека» (а не на

«правила»). В конце концов «утрясется» и «будет хорошо». Даже «аблака-ты» утрясутся. Ведь кто же их уважает и теперь и какая им на рынке цена? Грош. Сломалась и другая великая гордость: журналиста, газетчика. Сламливается – профессора. Вообще не все без «зорь», и у нас на Руси. «Афонская история» – пройдет. Ан. Волынский же прошел, как прежде всего не умный человек, нахал. Вообще хорошо, что отчасти «люди умирают» и «меняется век сей». Без это[го] бы – беда, а при этом – всегда надежда.

Солнышко печет – перед дождичком,
Дождичек идет – перед солнышком.

<...> это стоит страницы пророка. Там все копия-то завывания <...> «не напирай», «дай опомниться». В. Розанов.

Вам бы к нам следовало приехать «на облегчение». Маме гораздо лучше. Просто каждый день дышу радостью, и на душе веселость и даже хочу слюбиться.

94

<19 ноября 1913 г., СПб.>

Поскорее верните – пойдет в книгу мою. Почему бы Вам не подписаться? Только бы тогда полезно и «профессор, свящ. П. Ф.», – а то *все* профессора отреклись от «не модного» обвинения. В. Р. Из статьи с В. (анонимным) письмом я свои вставки выкинул, – не хорошо разбивают Ваш текст и ослабляют силу; и конец переменял. Там Вам *анонимы*. Может быть, здесь подпишетесь инициалами:

Проф., свящ. П. Ф.?

П. Ф.

П. А. Ф.

Свящ.-препод. П. Флоренский.

Ректор Казанской академии прислал в «Н. Вр.» резкое возражение Троицкому, но не захотел выставить имени, а редакция без имени отказалась печатать. В. Р. Верстая корректуру выстригите сию мою приписку – одна «тайна». (Все боюсь Ваших «неловкостей»). Любящий В. Р.

95

<25 ноября 1913 г., СПб.>

По самому содержанию и тону, дорогой П. А., нельзя было соединить старые и теперешние статьи – об юдаизме. И хотя старые, в 2-х рубриках: 1) философия юдаизма и 2) «культурная океания» и проч., вообще – благожелательная <...> публицистика, – будут со временем мною изданы, но *теперь* для всего этого – не время. Вот отчего я издаю пока мелочи, в коих все же *крупница* будет страшно серьезно.

Я Вам пришлю на просмотр неудавшуюся статью – «Ангел Иеговы у евреев» – ее печатать не буду; и удавшуюся – «В соседстве Содомы». К пос-

ледней, я думаю, Вы сможете, и у В. найдется матерьял, написать или «примечания» или приложения. Вот эта работа совершенно удачна для совместности. *Главные* победы юдаизма – не в деньгах, не в трудолюбии и отнюдь не в талантливости, коей они решительно, в сущности, бедны, а в *неодолимой* вкрадчивости, которой поддаются самые «забронированные» от них умы и характеры. Их великий дар – «дружбы», употребляя Вашу терминологию. Вот здесь сокрыт мировой секрет, самое главное юдаизма. Я убежден, что в то время как у других народов есть личности и содомия, эти «с мягким голосом», не баящие и проч., – *евреи* суть национально-содомская нация, и в этом-то и лежит фокус их всемирной успешности. Но это – «догадка»: а *доказать* это – как докажешь? Мы вообще тут входим в область формально-недоказуемого, и над нами «проф. Сакулин может посмеяться». Тут все, что мы можем сделать, или весь метод, какой остается нам – написать «обаятельно», ну, – «веря сам» и заражая своей верой читателя. Пишу это без хвастовства («обаятельно»), но Вы догадываетесь, о чем я хочу сказать.

История Ионафана и Давида, где Ионафан еще привлекательнее Давида – изумительна. Но я ее оставляю в стороне и основываюсь только «гиппотетически» на молитве Авраама за содомлян. Она все же характерна, и включена в Св. Текст «книг», далеко и далеко не «вообще эпизод». Заметьте: на кого бросились содомляне в доме Лога – «показались им ангелами». Заметьте, что собрались *все до единого* содомляна, и это *оговорено* в та βιβλία*, и что Авраам о них, т. е. о *всех этих*, – молит Бога. Это «далеко не просто».

Давно Вам написал 1 письмо, но потерял. Сейчас посмотрю, м. б., найду. Устал.

В. Р.

«Вы знаете, что *через кровь очищается все* и без крови не бывает прощения»: когда я у В. это прочел, испугался и затосковал. Положим, «заболевание чахоткою легких» – исцеляют циркулирующею кровью, и в биологических религиях, естественно, к этому и должны были придти.

Но «грех» в нашем смысле. Впрочем в многоженных и воловых (бычачьих) религиях не было «грусти христианской». В сущности, мы в НИХ ничего не понимаем. Это какие-то мастодонты с залупленными х-ми (обрезание). Что с ними делать христианину. И говорить не о чем. вспомните, как Давид, сам умирая, велит Соломону «проводить в Преисподнюю» всех врагов своих (перечтите – ужасно!!!)

В. Р.

96

<26 ноября 1913 г., СПб.>

Дивно хороша *наружность* книги. Золотое заглавие, шрифты, «всё» – прямо благоухание.

---

* Библия (греч.).

Ну, ну...

Радуюсь за В. бесконечно. Думаю: «Можно «†» после exit. рінсепс такой книги (как я после «Поним.»), но у В. в противоположность мне – все *зрело*. В. Р.

97

<7 декабря 1913 г., СПб.>

Дорог. и мил. Павел Александрович!* Вы мне напрасно не ответили и, пожалуйста, очень прошу ответить на последнее тревожное письмо. Я пугливый человек, а испуг лишает сил. Я очень боюсь жидов. Они все захватывают и нас душат. Все, над чем я смеялся у Суворина («Я боюсь евреев»), – я вижу теперь – правда, и мой смех был молод. Ничего так не жажду, как погрома и разгрома: «Вон, вон! Вон! Убирайтесь, куда знаете». Никакого *другого решения вопроса* не может быть. «Дело Бейлиса» все показало: в 9 ЛЕТ они съели печать, поработили ее до самой унижительной формы подчинения. Конечно, больше всего улыбочками, ласковостью, лестью. «Вы, господин полковник» (Янкель хоружему). Это врожденно-содомическая нация, вся целиком, они все лесбиянки и мужчины все содомиты, от этого они так липнут к нам, непременно в нас влюбляются и почти подставляют нам ж. Для совокупления, т. е. духовно. «Без мыла влезают», как острят чиновники о поддельывающихся к начальству. Я теперь, оглядываясь на свое прошлое, – вижу, как они меня «обмазывали», как они меня «обмыливали», и, вспоминая-то это, я их удвоенно ненавижу. «Если они с Розановым (т. е. хитрым) чуть не справились», – можно представить, что они делают «с мужичком» и «с писателем Кондурушкиным». Как этот проклятый Горнфельд слопал Пешехонова, Петрищева, Мякотина и всех «социалистов-народников» «Русского Богатства». В «Русск. Мысли» уже принимают рукописи, т. е. *печатают или не печатают*, жид Франк и жидовка Любовь Гуревич. Литературный фонд – в их руках, Касса взаимопомощи литераторов – в их руках. Русским славянофилам (Рцы) уже давно «оказывают покровительство» евреи. Они везде лезут и пролезают, свое проклятое «ж. с мылом»...

Ну...

И мне хочется слышать св. *трезвое слово*.

Дорогой мой: очень мне хочется с Вами повидаться. Главное, у нас мамочке *значительно лучше*, совсем *хорошо*, и с Вами хочется «выпить 1-й бокал». Приезжайте, голубчик. Очень хочется. Я бы и сам к Вам выехал, но очень стар и «глуп» стал.

В. Р.

98

<7 декабря 1913 г., СПб.>

Спасибо, милая Анна Михайловна, что отпустили о. Павла к нам. Крепко за это жму руку. В. Розанов.

---

* Ваш стиль: не узнаете? Он меня очень трогает.

<24 декабря 1913 г., СПб.>

Дорогой Павел Александрович!

Пришлите мне немедленно «В соседстве Содома» и «Евреи и трефные европейские царства». Хочу издать, кроме большой книги, 2 брошюры. У меня кое-что важное мелькнуло в голове; потом скажу; и «Ангел Иеговы» – тоже.

Ваша книга вся матовая; я бы сказал – агатовая. Не идет? Я думаю – Вы сами агатовый: твердость, неисследимые наслоения. Язык везде густой; прочел, между прочим, об «Амулете Паскаля», и В. рассуждение о расположении его «Pensées» по тезисам или уступам или «ступеням вверх» этого Амулета. Я думаю – это верно (т. е. Ваша мысль об этой связи).

Пока я адски занят. Именно, у меня мелькнули некоторые практические мысли и планы, которые если, Бог даст, удадутся – высвободят меня от некоторых тягот. Не пишу, чтобы «не взглянуть» себя и будущее. «Всякое дело успешно только в молчании». Но когда я, наконец, справлюсь с этими планами, т. е. недели через 3, буду читать если не все, то «массами». Пока везде нравится, где, «открывая, читал». Впрочем этого и не могло не быть: я так люблю Ваши рассуждения в письмах, что «Письма к Другу», т. е. «Стопп» – конечно, таковы же. Только я особенно люблю не Ваше «вообще», – или, вернее, и «вообще» очень люблю: по моему, лично сердцу больше говорит Вами лично переживаемое, Ваши биография и душа и «дома».

Как Вы совпали (обмолвка здесь) со мной об *ассириянах*: вообразите, несмотря на «Вавилонскую башню» и «звездочетство», я тоже их прямо не выношу; все у них кажется мне грубым и «Лики» в версту величиной хоть и называются «керубами» – ничего во мне не пробуждают: тогда и как Изидо-Корова, женщина с коровьей головой, кормящая чудною грудью младенца – у египтян – меня неизъяснимо волнует. Не *интересует*, а именно *волнует*, точно я *нежусь* в Египте, а ассирияне меня точно вечно колотят своими проклятыми копьями.

Иногда мне кажется, что это у египтян происходит от явного фаллизма, коего в столь явных и нескрываемых чертах у ассириян не было. Так как из неоплодотворенных яиц (у насекомых), т. е. из яйца без *сперматозоида*, всегда выходит «трутень», «мужчина», то я заключил, что *ovum purum est masculini generis**, т. е. *phallus*; и что последний именно женствен, а *vulva*, след., мужественна. В связи с этим, а еще вернее вне связи с этим циклом *наблюдения* я как-то, все вдумываясь и вдумываясь «в существо дела», нахожу, что вся мировая нежность, сладость, истома, все субъективное и чарующее, исходит или имеет корнем в себе «сей *phal.*» в удивительном строении своем и его определенной форме. Обратите внимание, что «Культы *ктейс*» – не было в столь определенной и решительной форме, и вообще

* Чистое яйцо мужского рода (лат.).

κτεῖς – беднее, слабее, бессодержательнее ρηλ. Это – удивительно. Только «в наш век» все это загрузило, и ρη. – как-то «не интересно». Все похолодело и исказилось «в наш век», грешный и прелюбодейный. «У египтян было не *так*».

Ну, устал. Прощайте. Целую Анню и Васюка. Пришлите заказною бандеролью.

В. Розанов.

100

<1913, Петербург>

Для Павла Александровича, начиная с «Теперь и прежде» до конца – может писать примечания (ставя на тексте книги 1), 2), 3) – одна статья: а заголовок статьи (мой) сверху своих примечаний; 1), 2), 3), 4) под другим заголовком тоже моим; можно поместить и как примечания под: Аноним, П. Фл. (лучше), свящ. – проф. П. Флоренский (всего лучше).

Целую брата в духе.

В. Розанов.

<Приписка Флоренского>

Было вложено в книгу «Религия и культура» с 2 дополнительными статьями. В. В. Розанов предполагал издать ее под новым заглавием «Древо жизни» и с моими дополнениями и примечаниями. Свящ. П. Флоренский.

101

<1914, СПб.>

<Рукой Флоренского:> Написано было неизвестно когда, а потом, нашедшееся случайно, прислано мне через С. А. Цветкова 1914. I. 24.

Дорогой П. А.! Посылаю Вам листы, в сущности, юношеской книги о хлыстах и скопцах. Пропустив (не читая) до «Поездки к хлыстам», – прочтите или пробегите сию тоже неважную статью (только *тоны* «братчиков», «сестриц» интересны), внимательно прочтите «Роковую филолог. ошибку» (скопцы): но главное – поразительные «Спорады» и особенно «Послания» Кондр. Селиванова: прямо – пророческий дух! Куда против них наши «семинарские писания». Разительный дар, сила, народность.

Вы как-то сказали: «У меня много матерьялов о хлыстах». Не пришлете ли мне. Тогда книгу можно задержать, я выберу (или Вы отметите) – и можно поместить в Приложение.

Целую.

Пусть лохматый (Пахлоченко?) напишет в «Б. В.» рецензию или критику о «Литер. изгн.». Он хорошо пишет. Да и все вы хорошо пишете. Андреева не решаюсь просить, верно, демонски занят.

336

Двойные сосуды, я думаю, вкапывались в землю, являя κτείς Δημητρος*, и получали возлияния из меда (=семя), я тоже думаю, *ложе и рукав* (влагалище).

Я Вам не показал светильника древнего, купленного у стен Колизея: полная vulva, и именно – широкое влагалище и тоненькая уретра: и *весь вид* – вполне vulvy.

Да и вообще присутствие фаллических и вувлических символов в древнем и даже просто старинном богослужении – разительно. «На каждом шагу». Я уверен, что фаллизм был первою на земле религиею, и до сих он служит «конденсатором» (хранителем) религиозных вдохновений. Просто это открывается из фактов. «И заключил Бог союз с Авраамом», сказав (в сущности): «обножи и никогда не раскрывай головку члена»**. Это же разительно; можно на месте упасть мертвым», поняв, в чем дело. Христианские экзегеты Библии ясно почему не могли понять ни Завета Ветхого, ни, от этого, всей Библии. «В голову не приходило». В. Р.

102

<25 февраля 1914 г., СПб.>

Все очень хорошо (нога? Чем болит? С ногой – все *опасно, слабое* кровообращение), что пишет милый Павлуша, и особенно в «письме не для чтения». Да: *жид* и *элин* – два пункта, две звезды, два веяния, два духа.

У меня несказанное (давнее) очарование «жидом», «похабщиной» (я как-то странно и *очень чист* в этом и *очень грязен*, как-то «сочетается»), их дьявольской интимностью, их «шопотами в истории». Вчера об них написал «опавший лист» о них, – ВЕРНИТЕ. Заказным. Жид = поп, *извечно*. А ведь «попы» – тянут к себе. Безотчетно *в каждом попе* есть суть, «магия». Передольский о себе говорил (мудро): «Я из *Божьей родни*, из *кутейников*». Вот *грек* есть абсолютное отрицание попа. Вы написали о «прекрасном юноше» (элине): вообразите, эта «проклятая жидовка», 4000-летняя старуха, ни мало не интересуюсь его «Ликом», который называет «мордой», начинает костлявыми старыми пальцами перебирать у него «в лицах», трогать ласково *сарит membrī*, и говорить деловито:

– От Аполлона Бельведерского родится 7 сыновей и 5 дочерей.

Ей больше ничего не нужно, не интересно, «кудри» его она острижет.

Мне передавали случай: красавица еврейка. Барышня. За кого угодно могла выйти. Со средствами. В нее «безнадежно» влюбился жид, лет 40, лысый, и лицом урод. Маленького роста (у таких – огромные уды). Она *вышла за него* – и неистово начала рождать, а он весь заработался «на матушку и детей» и от нее не отходил. У них в браке никакого художества, только постель («пуховики», которые разрывают во время погромов). Это, в сущности, –

* Лоно земли (*греч.*).

** В сущности, и грубее и истиннее: «Дам тебе богатство и землю и охрану, а Мне от тебя надо только залупленный х...». Так может сказать только «богатая невеста бедному жениху», «старушка юноше», Хадиджа Магомety etc. etc.

похабнейшая нация, и даже у пророка сказано: «у них («уды») х–и, как у жеребцов». Лицо, фигура, *судьба* для них не имеет значения. Это буквально кобыльня (хлев) вся эта «отцами Церкви *вовсе не рассмотренная Библия*».

Но... все сие важно, увы! (Ваше: «стержень мировой истории»), а эллин «только гуляет». Тут ужасно мировые горизонты качаются: «поправляй эллина жидом, а жида поправляй эллином», и ко всякой *утвердительной* речи своей прибавляй: НО...

Только и остается «бедному человеку». Жид страшен: но ведь и поп (всегда «с такими лицами») довольно, если *вглядеться*, страшен... *увлечься* ничем не надо. Надо оглядываться. Надо ставить: НО. Это ужасно тяжело, ужасно страшно, ужасно печально, что «ничему нельзя отдаться *самозабвенно*», как было бы счастливо, блаженно и лениво. «Смотри, оглядывайся и трудись».

Верно Вы получили теперь 100 экз. книги?

<Приписка Флоренского на конверте:>

При сем письме был прислан «опавший лист» о еврействе как семинарщине. Этот «лист» отослан обратно. П. Ф.

103

<6 марта 1914 г., СПб.>

Пожалуйста – конечно, 100 экз. *Вам* в продажу (т. е. деньги), и еще я считаю себя должным:

«Под забралом» 100 р.

«Эхад – Добрянскому 200 р.

Вам – 100 р.

Но это «как Бог даст».

С Айвазовым устроено, хотя это скучно. У-ди-ви-те-ль-ные по красоте и СТОИМОСТИ выпросил для Вас монеты, 3 тетрадрахмы. Каждая рублей по 20.

Афины – век Перикла

Меронея – с Дионисом

Киликия, г. Гарс – сатрапа Детама.

104

<12 марта 1914 г., СПб.>

Увы, дорогой мой, – я действительно *для Вас* выпросил у Галласа 3 монеты: но, придя домой и сверив со своими *теми же*, увидев разницу: *новые монограммы* у Маронеи, а у Гарса – олень подо львом вместо обычного быка. Посему посылаю Вам своего с быком, искищая галласовского себе. Но редкая монета эта до того меня восхитила у Эльгермана, что куплена за 20 руб. Удар секиры на монете – знак, что она была принесена в храм и этим способом «погашена для общего употребления». Но зато из своей коллекции прибавляю Ж – интересную.

Так все нумизматы – «ужасные люди»: они даже воруют монеты друг у друга: и общий принцип показа *ученым* («знатокам»): показывать *лично* монеты, все время присутствуя тут, отнюдь не доверяя честности. Ибо *scientia vincit virtutem**.

Зато «Афины» – что может для Вас составить наибольший пафос, кажется, лучше всех моих (уже не сверял нарочно, дабы не «победила» зависть), – *non laebet excelsiorem virtutibus***.

105

<14 марта 1914 г., СПб.>

Дорогой П. А.!

1) Вы мне не дослали *конец* предыдущего письма (*не* сегодняшнего), а он-то почему мне кажется особенно интересен. *Поищите* и дошлите. Если «пропало» – Бог с ним (т. е. *очень* не ищите, не утомляйтесь).

2) Сегодняшнее письмо (о Гефсиманск. ските и проч.) прелестно и интересно. До чего вообще следовало бы и полезно было бы издать переписку нашу, т. е. письма Ваши в «Лит. изгнани.». Но страшный долг типографии (6000, – да через банк уплатил, т. е. нужно в банк *возместить* – 2000) заставляет года на 2 прекратить печатание. Такая досада, такая безумная трата *конца жизни*, самого лучшего времени. Я себе считаю прожить еще 10 лет, до 68.

Знаете, что у нас общее в устройстве души; любопытство к *факту*, приращивание надлежащего значения факту, и молчаливое вдаль высматривание факта. Наша с Вами наблюдательность и *особый тон наблюдения*, не характеризующийся (у Толстого), любовно-умеренный к факту, без «О!!» и «Увы!» – спокойный, «с неба!» самая удивительная и дорогая в нас черта. Мы ни с чем (выучка) не полемизируем и все «аки боги» (простите нескромность) приемлем. В нас, в сущности, ни к чему нет вражды, и вместе отнюдь нет «объективности» и равнодушия. Мы все держим «за рубахой», но ничему не отдаем сердца, оставаясь «сами». Мне кажется, я остаюсь объективным, оценивая эту черту нашу как самую ценную, самую важную. Посему именно *тон* Вашего отношения к Лавре, столь «божественный» или «эллинский», а в сущности *именно русский* (ведь «русские» суть «эллины»?) восхитил меня. Это именно мудрость εἰσοφοσύνη*** (боюсь ошибки). Дана гамма сердца в постижении монастыря, – и все «анекдоты» вообще получают свое место и гармонию. Сближение в «старчестве» со струйками хлыстовства – удивительно.

И у Вас в чувстве к «Васюку» (помните страницу 8: «гуляли до колокольни», «увидел утреннюю звезду», «Аня беременна», на строки: «И был вечер

---

* Знание побеждает добродетель (*лат.*).

** Не составляет высшей добродетели (*лат.*).

*** Благоразумие (*греч.*).

и было утро – день первый») – хлыстовски я бы не мог и не умел так написать. Это чувство и поэзия «Божия человека», платоника и пифогорейца. Только Вы как «мудрый» не отрицаете детей и баб, зная, что «все *под* Богом».

3) Хочу сделать «не очень хорошо», но нужно: из В. 2-х писем склеить рецензию о моих новых книгах, и хоть в «Н. Вр.» пока *везде* абсолютное молчание, и я боюсь за продажу книг. Евреи, очевидно, дали лозунг – «молчать», а русские – «вы сами знаете».

Теперь самое важное:

4) Сегодня по телефону ко мне обратился председатель «сообщества изучения евреев», и, побеседовав с ним, а частью – и толкнув его – я получил от него поручение:

узнать от моих анонимных ученых друзей (т. е. *Вы и знакомые* Вам крещеные евреи), дать сведение:

1) какого объема *Зогар*?

2) удобно ли и можно ли дать его перевод, т. е. силами Вашими и Ваших друзей? Ведь у Вас, Вы мне говорили, есть и профессор православный?

3) в таком случае Шефенов и его общество взялось бы его напечатать и вознаградить труд перевода.

Об этом уведомите меня обстоятельно. Шефенов не дал (по тел.) хороше-го впечатления: улюлюкают, бесятся и готовы грызть не только «жида», но и палку, которую им просунешь из-под ворот. Глупы и невежественны. Но можно воспользоваться их «пафосом», «готовностью», и умолчав о своих целях (серьезное освещение еврейства), – сделать дело, употребив их руки собственно на «печать» и «бумагу», «технику» и расходы. *Сами* – чего же это стоит? Нет средств. И пусть дадут – они. А нужно и *всем полезное, науке полезное* дело – сделать.

5) Кажется, фаллические памятники можно будет издать. Встретился «за чаем в гостях» с председателем комитета цензурного, сейчас заговорил о них, сейчас заговорил «об одном ученом профессоре» и «мне» и что у нас есть мысль издать египетские и другие фаллические памятники. Выслушал внимательно и дружелюбно и просил принести и показать.

Ну, целую. В. Р.

106

<16 апреля 1914 г., СПб.>

Спасибо. Все очень важно и интересно. Особенно – «зарубочки в лесу» (Писания и Талмуд) и где «кровь бежит в буквах». Вы знаете, что синагога *хоронит*, а не «бросает *так*» истрепавшиеся окончательно свитки. Не пьет («кровь побежит»). Вообще много интересного, и я не знал, не умел угадать, что «тайнопись» так насыщена содержанием, что пирог «в одном углу с капустой», «с мясом», и, я думаю, «с яйцами». Я думаю, Л. Тих. к этому будет не восприимчив.

А знаете ли Вы рассказ Талм. Вавилонского, где их «великий учитель» залез под кровать мужа и жены, и стал *слушать*: «Они, поговорив и помучив (?!?)»

между собою, стали делать», – и только кончив, заметили «учителя» под кроватью. Когда муж *слегка упрекнул* его (очевидно, полуласково, без суровости), что он сделал что-то *стыдное*, от ответил спокойно: «Я должен знать *науку*» (высшее знание в Халдее). Не скрою, что когда я служил в Контроле и расспрашивал там Триуса (евр.) о субботе, у меня мелькала мысль: «гебраисту надо залезть под кровать жидовской четь», и лучше – уже пожилых, «испытанных в законе», и послушать. Но, я думаю, теперь и этого недостаточно: надо бы обратиться в муху и залезть под одеяло. Жертва – да, кровь – да. Все – важно. Но главная жидовская тайна – СЕМЯ (никогда отвратительное, аптекарское – «сперма») и как именно оно извергается, т. е. главное момент экстаза, когда оба «беспамятно вскрикивают». Тут не минуты, а *секунды* важны, и мы должны бы «сосчитать пульс». Я уверен из Египта они вынесли настоящую тайну синтеза «белковых веществ», загадку вообще «огонька» (священного). Просто хочется все у них вынюхать, вылизать и проглотить: чтобы ПОЗНАТЬ. Сокоупление, вообще «жизнь я» неизмеримо важнее у них жертвы (космология).

Я нашел где-то из Маймонида цитату: «Головка члена *имеет форму СЕРДЦА*» (анатомически). Это – «зарубка». Еще где-то прочел: «Такая-то буква [я думаю «г»] имеет форму члена». Но все – мельком. Это – «зарубки».

Я не понимаю, прислали ли Вы мне все письмо «в архив», или я должен *рукописный конец вернуть* – для отсылки Л. А. Т-ву. «Было бы ужасно жалко расставаться, и, признаюсь, я Вас не люблю «на машинке», а люблю Ваши смиренные «паучки» (у Вас все буквы похожи на «паучков с ножками»). Целую. Ане кланяюсь. Васюка целую.

В. Роз.

107

<19 мая 1914 г., СПб.>

Посылаю Вам, дорогой Павел Александрович, за «Ω», 100 р., и 10 р. на особый предмет, о коем в письме. Давно Вы мне не писали и я скучаю по Вашим умным мыслям.

Ваш любящий *В. Розанов.*

108

<15 июня 1914 г., Луга под СПб.>

Ну, мой «дорогой и славный»: кажется, о. Феодор не изменил себе и показал себя таким, каким Вы ожидали его видеть в годы дружбы до наступления «дней смутных и страха». Спасибо ему. Я *за него* порадовался, читая рецензию. Она очень поучительна и для каждого, «во дворе стоящего». Кроме того, язык и пр. показывают его добрым и ясным человеком без кривизны в душе. Вообще я очень со своей стороны удовлетворен.

Мы «все» очень хотели бы Вас видеть гостем у себя. Вот бы наговорились. Отчего не приехать? «Г. Луга (по Варшавской дороге, 2^{1/2} часа ж. дор.), дача *Зыбина*».

10 р. – сестре Александре. Мне очень хочется, чтобы она стала «честной ремесленницей, кормящейся от труда своего». Что м. быть лучше? А художеству это нисколько не мешает. Всегда можно и следует мешать художество и ремесло, заработок и вдохновение, и, ей-ей, первое помогает 2-му. Как она «маленькая» (годами) и, верно, самолюбива, не говорите, что от меня, а что «от кого-то за полученную от нее маленькую работу».

Ваш Голованенко просто огромная голова. Молодец. И производителен.

Спасибо за «О хлыстах». Кто автор? Жаль, что я наделал историч. ошибок. Но «куда же везде быть специалистом», – и ошибки исторические и фактические у меня «само собою разумеется». Ваш любящ.

В. Розанов.

109

<27 июня 1914 г., СПб.>

В высшей степени все «слава Богу», П. А., что «Столп» так разошелся. Ведь это *такой* успех – первый у славянофилов. Все «тащилось», а не шло; все «в глотку не лезло» и приходилось пропирать через горло публике, как подавившемуся. Вот судьба «православия, самодержавия и народности». И я даже не думаю, чтобы кн. Трубецкой и Бердяев и Роз-в помогли. Нет, «само собой», и п. ч. Вас знали и ожидали. Так я думаю. *Это страшно важно.* Мое все идет очень плохо: евреи дали 498, большая и остальные по 180–170 и не доходя до 200 каждая (к 1-му июня). Все это ужасно плохо, но при Вас – «ничего».

С Цветк. я едва из-за «разговоров» не поссорился, но кончил тем, что «это к нему идет». Ведь и в доброе время люди вообще разговаривали, мурлыкали, ходили в гости, а не «работали как каторжные» à la Rosanoff. И по существу это было вернее и истиннее. В нашей (моей) работе слишком много суеты и усилий.

110

<9 сентября 1914 г., Пг.>

Поражен, дорогой П. А., письмом Вашим. Что такое с сестр. Валею? Кажалась пресыщенной здоровьем, «никакой угрозы», полное благополучие с этой стороны. И вдруг, *все лето прохворав*, умирает. *Чем прохворав?* Я почти уверен – туберкулез, этот проклятый подкрадывающийся туберкулез, которого обычно никто из близких не замечает.

Все наши тоже поражены. Варв. Д. ее помнит, Шура и Таня видели в Троице-Сергиевом посаде. Все говорят: «Умна, образована, талантлива, очень хороша собой, *не полная*». Тогда как я видел (т. е. лет пять назад) – переполнена, и какая печальная и даже жалкая, какая-то «потерянная» ее жизнь. Неясное блуждание по художествам; нерешительное замужество; странная утрата мужа, после чего, по-видимому, у нее завязался «роман с усопшим», т. к.

тоска, отчаяние, страх, жалость к «чего нет более»; и к этому мне по крайней мере издали рисуется, что она вообще не имела «где бросить якорь» для почти разбитой жизни. Мама – старая и слабая, да и свои грусти (много детей), сестра ушла в мужа и потерянного ребенка, Александр – в древности и торговлю древностями, «единственный» (для нее) Павел в двух Васюков и Аню. Тут я посетовал и на «гарем» Вам, т. е. «сели в бадью благополучия» и опустились в глубокий колодец личного существования, откуда ничего не слышно и ничего не видно. И при этом сама вся такая кроткая, милая, не сопротивляющаяся, и столь еще юная! Чуть не девочка.

Черт знает что такое. С ней совершилось безобразие. Да как она и зачем попала в Тифлис. Я все имел надежду ее увидеть, встретиться, посмотреть как она и что она, как выглядит. Я с нею и 2-х слов не сказал, но она сделала что-то «трогательное» в моей душе, своим видом и безмолвием, своим «отсутствием выявлений». Девушки (и женщины) всегда все выявляются, торопятся, идут «брюхом вперед» и непременно с флагом, что они «идут» и у них «брюхо» (или «перед»). И хотя это вообще «ничего» и нельзя осуждать, п. ч. «жизнь»: но лучше когда они не топают и не шумят. И вот в Вале было это прелестное «не шумит». В противоположность брату Александру, который мне как-то «передает» душу самым видом, Валя самым видом как то умасливала душу, умасливала и успокаивала, совершенно ее «удовлетворяя» без слов и совершенно Вас понимая и говоря Вам все ценное без слов же. Я думаю, быть ее мужем, быть с нею близким, жить в одних комнатах («гарем») и изредка слышать от нее слово, всегда нежное и проникательно-понимающее – было высокое счастье. И Троицкий – оценил или нет это – а был высоко счастлив. И нужно же было такому Ангелу поместить свою симпатию в такое «пустое место», как Мережковские – Карташовы – Философовы. Вот уж и на безрыбье и рак рыба. Ваша обмолвка, что «я близок только с сестр. Валей», дает мне повод думать, что прочие сестры – «по Александру», а не «по Павлу», и тогда Ваша семья мне представилась действительно несчастною, чего я сразу как-то не умел понять и представить. Нужно заметить, Вы об А. не все и даже немного знаете: он очень суров и циничен, жесток и, м. б., жесток.

Обнимаю. Целую. Упрекаю, что все лето не писали. Вы между Васюками «погибоша аки обры».

В. Розанов.

Все-таки передайте Вале от меня что-нибудь теплое: что я ее очень помню, очень ценю, всегда душой был с нею и заботился в душе о ее будущем.

111

<18 октября 1914 г., Пг.>

Дорогой Павел Александрович!

Тяжело и страшно было прочесть Ваше письмо. Больше всего печально за Маму. Бедная. Сколько она вынесла. Какое зрелище перед глазами. Ропот

человеческий в таком положении естествен и нравственно-нужен. Без него нельзя. Книга Иова *введена* в Священное Писание, и мы были бы не священные человеки, а естественные свиньи, если б не роптали, не волновались. Бог *хочет* такого гнева на Себя, ибо Он создал подобие Свое, а ведь Он сам слишком гневается. По-русски же: «Уж если наслал такую напасть, то и потерпи, что я бранюсь».

Чем Валя заслужила такую судьбу? Бррр. Страшно спрашивать. Воистину «7-ми лет». Я не отдавал себе отчета, почему она мне нравится, почему я ее запомнил. Ваше «7 лет» как толкнуло меня: да ведь в самом деле – *за это*. Такая толстушка – в глазах и губах, в постановке головы она имела нечто младенческое.

Зовут.

Ваш В. Розанов.

Варе *несравненно* лучше. Даже «прическу» себе избрала и меня бранит. «Полное выздоровление». Хорошо сердце. Есть силы. Стараются работать и левой рукой. Летом делали могущественное вливание вновь изобретенного jodopin'a, – по 2 раза в неделю, почти все лето. Верочка собралась в монастырь, – на воспитание. «Пробуду года 3 в уединении и за работой». Я думаю, это хорошо. Все дети были летом очень хороши. Послушны и ровны. Цветков – в Москве. Томится. Его «разговоры» *для него* несчастье, а в общем-то *и для нас* – ведь они преполезны. Так и надо жить: ходить, делать, разговаривать, мыслить. Особая категория существования, ей лучшая, чем «журналистика». Я с ним раза 4 расходился на почве «длинных писем» и хотел «вогнуть в стойло» (работы). Но «кобыла упрямая», в дверь не идет. Только *он сам* будет от этого очень несчастен, «нищ и убог». Но ведь это же царство избранных. Но глубина и разнообразие его дарований, его чуткость, его тонкость – изумительны. И главное «совсем готов» для выражения (печати). Но он – не пользуется. И – явно уже «судьба» и «путь». Вы его в душе не *отталкивайте*, т. е. не сердитесь на него. Ведь без всякого преувеличения можно сказать (о нежности души), что «нас мало, избранных...». Разумею московский кружок и себя грешного. Это надо беречь. Не надо разбредаться (ссориться). Я ему писал убийственные по насмешке письма (невольно) – ничего. – У всякого «на лбу написана судьба». Попробуйте вы из Новосёлова сделать: «Sallustius est elegantissimus scriptor. Ejus libros lego libenter»*. Попробуйте сделать из Розанова «корректного человека» (что ведь тоже не худо) и из Флоренского «мягко волнующегося и уступчивого (= Розанов) человека». У всякого своя судьба, а Бог велел любить всех. Крепко Вас целую и обнимаю. О «пребывшей в Тифлисе» (Ваши слова) напишите подробно. Ужасно жаль маму. Ведь она еще даже не старая: Вам 30, ей – 48? И Вы говорили, что она вся мягкая и уступчивая. Но горе, вероятно, разбило все и она, несчастная, ожесточилась, в ней надо страшную бережность. Прямо скорблю, что не знаком с нею. «Типичная армянка старых времен по покорности» (Ваши слова).

---

* Саллюстий – изящнейший писатель. Его книги с удовольствием читаются (*лат.*).

О Вале наши рассказывали, что она в Посаде шутила, «рядилась» и немало дурачилась. Я такой ее не видал и не умею представить. Все наши поражены были ее болезнью и теперь смертью. Ужасно. Рок.

112

<31 декабря 1914 г., Пг.>

С Р. Х.!!

С Н. Г.!

Дорогие Павел Александрович и Аня и Васюк!

Прихварываю. Какие-то непонятные обмороки, минуты на 3–4–5: потемнение сознания до «едва сижу на стуле», и головокружение, пот «течет» (не выступает) из всех пор головы (главное), шеи, туловища и ног, конечности все 4 – холодеют, тошнота. Врачи: «от желудка». Слава Богу – если *так*. Испугался было. Ведь 59 лет.

Вот что, милый о. П.!

Все мы «песчинки в мире странствующие», и того ради должны жить в простоте. Пошлите-ка, мой друг, «Столб» другу моему В. А. Мордвиновой. Она чуть-чуть ленива читать, даже такого «закадычного» ее, как Розанов: но по *характеру* ума удивительно отвечает Вам: т. е. КОПУН в вещах мира сего и тамошнего. А далее, т. к. мы «песчинки», то и посетите ее. За нездоровьем долго я не был в «Н. Вр.», и сего дня послав за письмами – получил от нее 3, и прочтенное внушило мне попросить Вас и послать книгу (боюсь, что у В. нет лишнего экземпляра, – тогда не надо), и лично посетить.

ГОЛОВА КРУЖИТСЯ.

С Н. Г.

Сегодня (31 декабря) Верочка уезжает в монастырь. Благословили ее с мамой и сестрами иконой Знамения Божией Матери. Ее берет матушка Мария, – дочь К. Арсеньева (в «Вестн. Евр.») по указанию о. Алексея в Зосимовой пустыни. Помолитесь о ней. А что я писал о ней – оказалось все чепуха.

113

<1915?>

Страшно мне Вас тревожить, т. е. отнимать время, дорогой П. А., но в большой я *тоске*, и недоумении. И едва ли кто может помочь, кроме Вас.

«Сознания» наши могут быть такие и иные, от обстоятельств, настроений и прочее: а жизнь наша как «бывшее» – *одна и уже неизменна*. И собственно по родственности человеческой (да и «перед Богом») каждый из нас должен бы рассказать, «что он видел, что слышал», «как прожил жизнь».

Связно, систематично, «по главам и порядку» выйдет канитель.

Мне представляется, что надо это сделать, как «текут воспоминания» среди ежедневных мыслей, – как вообще «мелькает» в душе, без переименования.

Ой, вот и устал.

Ну, словом, я решил, между прочим, и рассказать мою *семейную коллизию* со всеми теми вопросами, которые меня почти до сумасшествия (вот вчера ночью и сегодня) доводят...

Словом, решил писать дальше «Уед.» (которое среди 1000 мотивов – имеет и этот: рассказать *прошлое*). И это я сделаю, если Вы мне скажете «нет». Непременно сделаю. Клянусь, и – это НУЖНО.

Но моя Варя, всегдашний и безошибочный мой советник в литературе, сказала – «нет» (ей лучше, и теперь она «рвет печатную бумагу», жадно читает).

И я ужасно смутился.

114

<8 апреля 1915 г., Пг.>

Милый Пав. Ал. Люблю, целую, обнимаю. Отчего мы под старость такое г....? Даже «растереть не стоит». «Столпом» В. зачиталась Верочка; «на послушании», моя полы – всадила иглу в руку. Хорошо вынули. У нее постоянная улыбка в лице. Видно, что она там совершенно счастлива. Я очень рад. Она стала вся кроткая, богомольная, – хотя та же, «наша». И – сильно там настудилась, и здесь лечат. В своем «черном и неуклюжем» она хороша как никогда не была, и думаю: девушки сами не знают, в чем красота их – в послушности, таланте и скромности. А наряды *в глазах мужчин* – тьфу.

Глубокоуважаемой и дорогой* Анне Михайловне Флоренской с самым добрым чувством *В. Розанов*.

115

<22 апреля 1915 г., Пг.>

ТЕЛЕГРАФИРУЙТЕ ДАЧА МОНАСТЫРЯ ИЛИ ФЕРМЫ И ЦЕНУ = РОЗАНОВ

116

<29 апреля 1915 г., Пг.>

Слышал, что Вы очень утомились на войне («притомились», по старорусскому). Боюсь, что даже *изнемогли* на ней; т. е. надолго (около года) потеряли силу, энергию на что-нибудь подняться, что-ниб. энергично, «привска-

---

* По мужу – мила и хозяйка. Скажите о Павлу, что Розанов стал совсем «тьфу»: ни сил, ничего. «Дурак». Целую его. В. Р. Думал, что надписанную давно Вам карточку – потерял, теперь внезапно нашел. Я почти теряю ..... с себя. В. Р.

кивая», сделать. Однако думаю, что земляной опыт у Вас зато чрезвычайно расширился, и вообще обогатились глазом и душою на всю жизнь.

Спасибо, что смотрели дачу, – мне было больно, что Вы такой усталый имели заботу ходить, посылать телеграмму. У Нади нашей опустилась I почка, и ей прописана на лето абсолютная сухость. Потому «монастырскую» дачу не взяли: Шура говорит, что и местность не очень суха, и оне полуразвалились.

Варя – хорошо. Капризничает, покрикивает – значит «благополучно», ибо «от мира сего». Тайнственная связь «здоровья» и «нездоровья» с душою. При болезни все мы «небесные».

Ну, Васюка, Аню и Вас и могилу милой Вали – целую.

У меня большая радость, – такая что даже стыдно сознаться: издаю *короб 2 «Онав. Листьев»*. Худо это или хорошо, но какой-то я уж должно быть «окончательно подлый», что прямо восхитился, когда сказали («Лукоморье»): давайте, мы издадим.

Вера с карандашом в руке и выписками «прощудировала» весь «Столб». Живет у нас, 4-ую неделю: в монастыре холодноватые кельи и нет теплого ватера, и она застудила регулы (теперь прошло от леченья) и, кроме того, моя полы, всадила иголку в руку, – а когда матушка сказала: «Поезжай в СПб., там вынут», она сказала, что «должно быть уже вышла». Здесь вынули.

Она постоянно в улыбке. Вошла в монастырь, «как в свою перчатку». Такая любовь к покорности «матушке»: а с родителями была груба и «не обращала на них внимания». Я всему радуюсь: старый хороший русский путь. Но какая беспредельная наивность (и это мне нравится): отказалась употреблять со сливочным маслом белый хлеб. Говорит: «Запрещено», «Это скоромное, нельзя». Шура спрашивает, – и она отвечает: «да *кухонное* масло мы, конечно, едим», но «не сливочное». И она упорно отказалась понять, что оно «не постное». А года 3 назад писала реферат «Культурное значение мусульманства», и изучала у Стоюниной «Манфред» и «Дон-Жуан». Что за чепуха. Молоко тоже отказалась есть по мотиву монастырского поста, а кофе со сливками пьет, п. ч. это «молочное кофе», а не «молоко». И главное ее переспорить нельзя. Никакого анализа, своего умозаключения, «разделения» и «соединения» фактов. «Матушка сказала», «у нас в монастыре не едят», и – кончено. Она всякому «запрещению» радуется, как молодая мать своему «новорожденному». Все это наблюдать – ужасная радость. Вот и подите: явно – врожденное. Никто о монастыре дома не говорил, ни одной монахини – знакомой. Мама была в монастыре: ее смутило, что она в церковь входит, низко опустив голову, и она (мама) испугалась – «не душевная ли у нее болезнь», не «гнетут ли ее»; и в разговоре со мной – точно чего-то все боялась. «Только я слышала, как она на кухне с послушницами разговаривает: веселый беззаботный смех, вся наша прежняя Вера, и заметно, что ее любят и она любит».

Ой, устал.

В. Розанов.

Еще о «Столбе» слышал у–ди–ви–тельный восторг – вообразите, от старика, сотрудника «Биржевых Ведомостей», который подписывается под своею ерундою: «Тенти-бренди». О Вас спрашивал: «Кто, что и как» и дивился, до чего самые разнообразные области ведения для Вас – свои. Да еще Вера сказала: «Страшно все интересно: это совершенно новое и чудное понятие о Церквии».

Григория Расп. 2 раза видел, – в «богеме». Удивительное впечатление, и «все ясно». Никакого хлыста, полная – темнота, но вполне гениальный мужик, и, конечно, при Дворе гораздо интереснее говорить с ним, чем с вылощенным камергером. *Он мне во всех отношениях понравился.* Новосёлов плел о нем такую галиматью, что стыдно вспомнить. О женщинах он сказал: «Сам я их не искал и ничего у них не просил, но когда они меня любили, желали, искали – и я любил и жил».

«В этом для меня та граница, чтобы не было кому обиды». «В чем есть *зернышко* (любви, похоти) – и уж оно вырастет: не смотри, чтобы не было от этого несчастья другому». – «Боли» (я) – «Во-во, боли чтобы никому не было». Он плясал «русскую» (*не «присядку»*) – изумительно красиво, художественно, с чужою женою, и Измайлов мне сказал – «В эту ночь она ему отдастся»). Я с нею заговорил, «чем Распутин привлекателен» (ей лет 26, скромная, тихая, молчаливая, красивая, брюнетка). Она: «Знаете, есть мало мужчин, которые понимают наш особый женский мир. И в обществе самом утонченном мы бываем постоянно незаметно оскорбляемы. Григорий же – мужик: но его отношение к женщине проникнуто таким пониманием, деликатностью, что он сразу делается ближе всякого глупого молодого франта. Мужчины – грубы: он постоянно нежен, и душевною тайною нежностью, но которую женщина сразу видит». *Муж* ее, восторженно любящий жену, – восторженно отдает ее Грише. «Он у нас бывает через день» (она). Тут явно «полиандрия» и «смешанные браки» времен Миносовых и Крита, «полян и древлян», тут явно (у мужа) – немножко содомии, влечения не только к рестеп* жены, но и к фаллу «своего друга». Вообще все до того понятно. Расп. «моментально загорающий человек». Мы все умирали со смеху от куплетов Дазарí (с гитарой), француза-актера Александринки (= Дункан на гитаре и в экспромтах), говорящего ломанным русским языком. Актер этот б. восхитителен беспредельным действием (ему лет 45–50), наивностью, непосредственностью. Прямо – «цветок в поле». Распутин: «Дайте бумагу, я напишу ему стихи». Дали. «Пиши» (соседу): «Талант твой нас всех утешил. И талант этот от Бога. Но только тебя он к Богу не приведет» (действительно – актер чуть-чуть-чуть не умен; слишком дитя). Вообще – удивительно и как все ясно и просто.

---

* Лобок (*лат.*).

<19 июня 1915 г., Вырица>

По моему drei*: Цветков, Андреев и батюшка Флоренский сейчас самые значительные, *самые благородные люди* в России (читаю, январь, реценз. Андреева). Как я вас люблю троих, – и «холодного» Павла (что делать – все скорбны, все с грехом, врожденным). Как хочется вас всех поцеловать. Как хочется, чтобы Вы были здесь. В. Розанов.

Я все обижаюсь, что Вы не пишете: но знаю – не полезно писать. Какой хороший, *интересный* «Бог. Вестн.». Единственный журнал, какой можно взять в руки.

Поклон Андрееву. Это большая надежда Академии, славянофильства, книжности вообще. Какие чудные письма Леонтьева к вислоухому Александрову.

ЛЮБЛЮ ПАВЛА.

Почта *не заказная* – не доходит.

<20 июня 1915 г., Вырица>

А отчего это «П. Ф.» ничего мне не рассказал, не сказал, не упомянул ни разу о Рафаиле Соловьёве? И о «Творч. мысли»?

Посему я сужу, что «П. Ф.» меня не любит («не хочет поделиться»), небось «Васюку» бы написал.

В. Р.

<17 августа 1915 г., Вырица>

Дорогой Павел Александрович! Будьте добры спешно заказным письмом уведомить меня, не могли бы мы на время «военной грозы» попросить Вас дать приют в своей семье дочери Верочке (монашенке). Мы разделяем, – для удобства. Я с Варей поеду в Полтаву к ее брату. Другие – по разным местам. А Верочку – к Вам. Она очень удобна. Тиха, деликатна, предупредительна. «В монашенке стала неузнаваема». Буду ей высылать 50 р. в месяц. Адрес: Ст. Вырица Московско-Виндаво-Рыбинской ж. д., Мельничный prospect, дача 22. Ваш любящий В. Розанов.

<26 августа 1915 г., Вырица>

Дорогой Павел Александрович!

Хорошо, что Вы думали «в Кострому» отправится: мы тоже туда, в колебаниях, направляли мысленно свои стопы. Вообще хотелось бы и *нужно* бы

---

* Трое (нем.).

около Вас пожить. Весьма *нужно*. Весьма нужен был Ваш СОВЕТ *летом*. Знаете: семья наша почти расклеилась. «Такие прелестные и родители и дети», а ничего не выходит. «Мы – не жиды», и семья у русских редко «выходит». Необъяснимые таинственные привходящие индигриенты. Я думаю, отчасти «с Неба». Я написал Вам длинное письмо, но заменяю этой писулькой. Сказать – еще можно, писать и описать – слишком тяжело. Тяжело кк повторение пережитого.

Случилась ужасная вещь. Я вообще (за всю жизнь) не знал «влюбчивых историй». Я вообще – не влюблющийся «с издетства», и всегда больше любил любовь третьих лиц, а не «герой» и «лицо», не «сам люблю и любим». Ну, хорошо. И случилось на 59-м году (перед «†»???), что *незаметно и неувловимо* (это всегда «мало-по-малу»), что в силу 2-х личных общений и одной переписки ко мне сперва привязались, потом «больше привязались», потом «не могу без вас», 4 девушки, 40, 30, 24 и 19 лет. Вот Вам и «дружба» («Столб»). «Дружба» с женщиной всегда неувловимо переходит в «что-то больше», начинает играть «будущий ребенок» и когда я совсем «не могу», 2 из них, 40 и 19 лет, прямо захотели от меня «ребенка». Я говорю – «не могу» (честно), да отчасти и «не хочу» и «нельзя» наконец. Но они все 4 *чудесной души* люди, деликатной, нежной, «не века сего пустого» и т. д. Я за всю жизнь свою не влюблялся и, думаю, к этому не способен, но был удвоенно склонен к *уважению, восхищению*. Ведь я и Пашку (простите *ради ХРИСТА*), не люблю, а «очень уважаю». Вообще у меня колоссальная «шишка (в черепу) уважения» и тоже «с издетства». Ну? Что мне было сказать? Они меня нежили. Я их нежил. С 4-мя «на ты». Обнимал и целовал – да. Груды – да. «Кое-что». Но, клянусь: только был восхищен их душою, нежной, прелестной, «не от века сего». Одна (курсистка в Москве) объяснила мне значение полицейского: это хоть кого с ног сшибет. Написала: «Я люблю его, с рыжим шнурком, – он наш, русский, это не то, что в Берлине, самодовольный и сытый, с лоснящейся мордой: он – худенький, а на деревне у него поди баба и ребятишки. Как *мы*». Ну, разве я мог устоять перед такой прелестью. «Царя часто вижу во сне... приснилось, будто посетил наши курсы. Я заметила место, где он держался рукою – и потом, когда все ушли – подошла и поцеловала это место». Другую (40 лет, учительница музыки), я заставил говеть, любить церковь и Россию. И прочее и прочее. Вдруг обе захотели иметь от меня ребенка. Я честно: «не могу» (non possum). Да и главное у меня никакого желанья. У курсихи – подруга, «душа в душу» с нею (странно трогательна) и по любви «к той», которая от меня хочет иметь ребенка – тоже с 4-го письма перешла на «ты» и все «Васенька» (эта – замужем, муж профессор в Одессе, странный подлец (он эстет) и онанист или что-то даже хуже. Она ушла. У нее ребенок. (Ее я *никогда, ни разу* не видал). Вы видите, что это действительно дружба, осложняемая у них молодостью и «игрой крови». У меня она тихая (59 л.). 4-ая (30 лет) *выходила меня во время болезни*, 10 месяцев болезни, ежедневные клизмы, сажала на судно. И всегда, перед тем как в дверь выбежать – кинет мне мягкой бумаги. Вся – молчание и деликатность (а я страшно люблю молчаливых, пример – Ельчанинов, «моя симпатия»). И вот

она... я заметил в уходе ее нежность. И спрашиваю: «Вы привязаны ко мне, я чувствую». Молчит. «И я думаю – за то, что я деликатный и нежный». – «Да». Ну вот мои грехи.

И вдруг – все маме открылось. И детям. Ад. Тоска. Хуже и хуже. Хуже ада. «Ты, папа, *предатель мамы*». Мама: «Я *умру под забором*». Это меня взбесило: я за тобой 20 лет ухаживал, *один* из семьи был непрерывно с тобой, и ты *клеветешь*, что я тебя оставляю». Нужно заметить, что все 4 в первую голову заботились о маме, чтобы ей не было никакого вреда, и раз, когда я сказал 2-й, что «мама безотчетно тоскует» – прервали было писать, и вообще это было условием, что она все сейчас «прочь», если начинается вред маме. Ну вот факты. «А резолюцию, Ваше преосвященство, как положите». Я ничего не понимаю и не вижу.

Посылаю письмо об «Оп. л.» (и книгу): письмо меня *напугало и смутило*. А посему Вам и о нем надо сказать слово.

Эх, все суета.

В. Розанов.

121

<26 августа 1915 г., Вырица>

При случае и незаметно, небрежно спросите у Анат. Александрова, не у него ли *письма Розанова к К. Н. Леонтьеву*? Дело в том, что «любящий друг Анат. Ал. Ал-в» по «†» К. Л-ва вошел в храмину покойного и сказал «неопытным монахам» и «служкам гостиницы», что «друг покойного» и «разберется» в бумагах и книжности покойного. И преспокойно «все» перевез к себе. У него это талант и инстинкт. Молчаливый, и прихрамывая, он как котомочкой обхаживает обывательские задние дворы и кладет все себе. Он – XVII-го века, и «новейшего не признает». «Революцию всячески отрицаю». Ну и прочее. Я был бы рад, если б у него (моя переписка). Это было время энтузиазма, «запертости уст», Л-ва я любил, и писал ему много. У А. А-ва уж «сохранится». Письма к Л-ву и Страхову, – я думаю, самое «пространное», что я написал в письмах. Ох, устал.

«Бог. Вестн.» превосходит. Рецензии, все, Сахаров («Истор. изуч. Египта»), Сережа Соловьёв, косматый (о Федорове) – превосходно и превосходно. *Сперва* я думал, что Вы «напрасно тратите силы», но теперь не думаю. Единственный и лучший славянофильский и литературно-философско-церковный журнал. Я рвался (зимой) написать рецензию, но нет сил, «*non possum*». Правда, я читаю мало, но «клюю» и везде «хорошо». Он не имеет жертвенности и академизма нисколько. И на это *стоило положить труд*.

Ваши рецензии? А во что оценить, что автор диссертации (а из 10 – 1 талант) будет думать с юной радостью: «САМ ФЛ-ИЙ ВОТ ЧТО СКАЗАЛ». Это аукнется – когда Вы будете стары, и «принесет плоды». Верьте.

Ах, наше дело «сеять», а Господь возвращивает. Будем делать добро зажмурясь (не смотря).

Мамочка моя прелестна, как всегда. Она всегда прелестна.

Вот что, батюшка: вы «сухи» чуть-чуть и я вас чуть-чуть боюсь (оттого, что вы «не в болоте» и не «свинья», а я только «в болоте» никого не боюсь, на суше всех боюсь): оттого не посылал «Оп. л.» и еще журнала, где печатаю письма той курсистки. «Осудит», скажет: «Мелочь». Ну, вот. Теперь велю прислать журнал «Вешние воды» (дурацкий) и вы прочтете письма *В. М-вой* (мой друг). Кое-что по тону и мыслям там есть «от вечности». И знаете, странно – у нее ум кк. у Павла Флоренского: а ей 19 л., такая же всеохватываемость, нежность и глубина. Вы понимаете – вечером дрожащие листья деревьев. Ну и прочее.

Она – маленькая. Уродец (хромает). Все – лежит и думает. У нее отец и мать не «живут»: а она РАВНО любит обоих, и раздирается в душе. Я печатаю письма с большими купюрами (личное, ее семейное) (тайное – ко мне) – но и так они интересны. По *сердцу* – она гениальна.

Я ее познакомил (лично, велел сходить) с Булгаковым. Б. ей сперва не понравился (очень), но потом очень понравился, – и вся семья его. Цветк. сперва очень понравился, а потом она определила его «противным импотентом» и страшно самолюбивым. Я это знал, но говорил (в душе): «Господь с ним. Все же он прекрасный и несчастный».

Я В. не надоедаю письмами? Вы мне не отвечайте. Я у Вас (в письмах) замечаю заботу, «не обидели ли Вы (П. Фл.) меня», и это мне тяжело. *Мы все должны работать*, а письма никому не обязательны. Особенно – в творческий фазис жизни (у Вас).

А знаете: у меня есть потребность и *нужда* видаться с В. *лично* раза 2 в год. Я очень стар, слаб: и это меня («увидеться») укрепляет и оформляет. Отвратительное в старости – слабость, бессилие. Душа еще горит, может гореть: но нет сил *исполнить*.

Ах, часто спрашиваю себя:

ЧТО ЖЕ ТАКОЕ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА?

и –

ЗАЧЕМ Я ЖИЛ?

Не «что сделал» – это наплевать: а зачем, для чего, для кого родился? Кого, например, утешил, кому принес счастье?

Я БЕЗУМНО завидую маленьким людям, нищим, бездомным, бродягам – КОТОРЫЕ КОГО-ТО ГРЕЛИ.

Что от меня – ХОЛОД, это меня приводит в ужас. И я плачу, плачу (внутренно).

Я боюсь всякой физической боли: а без этого – как хотел бы умереть. И часто «с досадой истребить себя». И главное – что никого не СОГРЕЛ.

Странная судьба. Странная личность. Ведь весь я сантиментальный: а от меня – колючки, неудобство. НЕУДОБНЫЙ РОЗ-ОВ – это лучшее определение.

Часто мне глубокая печаль, глубокая печаль. Тогда чувствую «за рубашкой» Бога, и жмусь к Нему, жму. «Не оставь Ты меня».

Удивительно. Жалко. Странно. Уродливо. Вот так-то, Паша, и живу. «Пхнуть бы ногой», да «сам себя не умею».

И вот живут люди от Иова до «мы». Зачем живут. Зачем история? Красиво? – да, это *есть*. Пелопонезская война, Алекс. Македонский. Но Боже, неужели КРАСИВО – это кому-нибудь нужно? Господи: если Господь – эстет, я от него отрекаюсь (и Вы, конечно).

Нет. Господь отвечает НУЖДЕ. Люди вечно НУЖДАЛИСЬ и Бог им ПОМОГАЛ. Вот смысл. Смысл – не красота, а нищенство. Не балерины, а – нищие. А, если так, это хорошо. НУЖНО. Не правда ли, не от этого ли «блаженны нищие»?

Я думаю.

Земля – не сладкая, а горькая. И люди – горьки. Вообще люди. Всякие. И очень богатые. Ведь у них бывает рак, нефрит. «Обнимем богатых». Да: это опять смысл и даже красота.

Как я ненавижу ДЕМОКРАТИЮ (*démocratie*), если б Вы знали. Какое это говно, завистливое, злобное.

В. Р.

Вася чуть не умер от заражения крови (нога, велосипед, далекая отважная езда к семье Рцы за 50 верст), делали операцию. Спасла его Верочка, – наша главная теперь прелесть. Она так счастлива монашеством и так ее все любят.

Мы остаемся в Петрограде. Он *безопасен* (слова генер. Рузского).

Домик в Троице – хорошо. И я бы к Вам, когда старость.

Вы пишете о Тане, что не «изнуряет ли себя над книгами»? Знаете, «дом Розановых не так умен, кк. кажется». Эти курсихи, Наташа и Шура (безличное повторение Наташи), что «нет света вне курсов» и для девушки 1-й блеск и сияние – быть с книгами. Шура мне, замирая, говорила: «Посмотрите, Наташа читает папскую хронику XIV-го века». И передает, «что» читает. Это, я думаю, также достопамятно, кк. всякие консисторские хроники. И не более, чем «Записки Саввы» (Тверского), в «Б. В.». Но подите, разговорите их. Они ответят Вам: «Дурак. Вы не понимаете науки. Вы – *нигилист*». Из полусловечек я заметил, что и Ната и Шура считают себя *украшением* России, что России это *в честь*, что у нас в Питере барашки читают папские хроники, по-французски или, м. б., по-итальянски. Им «Россия» в голову не приходит и для России они палец о палец не ударят. Не знаю, до 23-х лет Шура была талантлива: но она остановилась, притупилась, потеряла свой «глазок» на вещи, обеззубетясь около Медведя (поп) и около «подруг», и не замечая, что подруги ее совершенно тупые существа («ученые барашки»). У нее в душе и уме встал «шаблон», и она за ним ничего не видит. Мысль, что «женщины будут равны мужчинам», «потом», «когда Мы», и т. д. – это их пафос теперь. Я отвечал:

– Да женщины, залезая в науку и литературу, ничего не делают, как только рабски копируют мужское...

– Это ПОКА, п. ч. женщина была РАБОЙ.

Вообразите: это в 1914 г., а не в 1863 г. Скучно и противно.

УСТАЛ.

NB

«Кузнечики стрекочут. Слышу Грецию, слышу вечность» (у Вас).

Знаете, удивительное: Вы – «вышли замуж за Россию» («люблю Кострому»), но Вы сами – «от армяв» (Армения, Фригия, Лидия). И это Ваша суть: «Отец – не Вы, Вы – «мать» (в маму, *от* мамы), и любите Россию, как девушка «своего суженого».

В этом СУТЬ Фл–го. «От Отца, от Матери», «в мать», но «стремлюсь к отцовскому» (мама Ваша горячо любила отца и в Вас вдохнула «аппетит к отцу и к русскому»).

122

<23 сентября 1915 г., Пг.>

Хотелось бы очень и нужно бы Вас увидеть. Мож., на Рождество? – Домашнее – ничего. Не так хорошо, как было или, вернее, бывало, но и не так худо. Все спасла *чистота детей*. Что-то удивительное, даже изумительное, непонятное и даже невиданное, и это – не преувеличенно. Вся трясаясь и тоскливо Таня говорила летом:

– Подленький (это мне).

За что? За то, что я сказал, что Шура вовсе не так умна, как кажется: и вот что это у меня мелькнуло в разговоре-споре с Т., а «не сказал ей (Шуре) в глаза», – она разразилась эпитетом:

– Ха-ха-ха. Ты совсем Обломов, господи – папа, как Обломов: лежит, читает Шер. Холмса и ему хочется посмотреть на засученные рукава Марьи Петровны (или Акулины Сидоровны) (конец «Обломова»).

Казалось бы, что после этого «нельзя подавать руки» и проч. Думал. Страдал. И решил: да эти слова оттого, что у нас не было в семье «от первых их дней» *patria potestas**, ничего «римского» и даже, пожалуй, ничего европейского. А мы детям (я особенно) были братья, сестры (мама), и они, выросши, «ходят нам по головам», не замечая, что это родители. Я думаю, наши «отцы и дети» вообще суть более грубость, развившаяся вне *patria potestas*, нежели в собственном смысле злодейство, хотя бы и литературное.

Ну, и разные мелочи. Тогда я решил, что все и много оскорблений за целое лето, в общих условиях и для общей психологии совершенно непереносимые и непростимые, непримиримые – в сущности, просто «не ведут-бо что творят», а дети и остаются, в сущности, детьми, и «назавтра» после таких и подобных слов, или через неделю – сияют всей невинностью, чистотой и привязчивостью «первого дождя в начале мая». У них (у детей) нет ничего скребущего, памятливого, цепкого, нет, я думаю, гнойного и темного. Я как бывший учитель знаю, что дети в 12–13 л. бывают злы, злопамятны, мстительны. А уж в 17 и «совсем опытные», берет палец, чтоб «не укусил». Но это в 18 и 19 л. и 16 (Варя, Вера, Таня) просто как семилетние. И вместе – начитаны, многое знают (всего Диккенса, всего Пушкина, Толстого).

* Отцовская власть (*лат.*).

Т. что «ничего». В сущности, это – старость, слабость (у меня). Глаза не видят, слезятся, ноги плохо ходят, плохо повинуются. Я связываю это с иссякновением (у меня – очень уменьшено) семени, которое не крепит и не силит больше душу и тело. И все «разлезается». Да ведь, по существу, я страшно мало виновен. Все «мало-помалу», и я виновен лишь в том, что не принимал из осторожности «сухого тона», формальности и «говора свысока», как уже «60 лет». Вот и только. Был ласков, нежен. И они все – привязались, до самозабвения. 3-я – Домна Васильевна: когда я увидел, что она тк. спешит ставить (ежедневно 10 месяцев) мне клистир, и 10 мин. делать массаж живота, очень трудный физически, я спросил с удивлением: «Д. В., вы ко мне привязаны?». «Я чувствую!». – Молчание. – «Я думаю, вы ко мне привязались за *нежность*». – «Да». Что тут делать. Кк. не ответить на такой уход* чрезвычайной благодарностью, которая переходит в нежность, т. е. в величайшее уважение, почтение, удивление («вот каков, м. б., человек»). Что ей было в уходе? Почему она не сделала его формально? Почему даже вызвалась: «Я буду делать клизмы В. В.». И поклонится. Без боли. Я б. страшно слаб, не мог сидеть: и, посадив на судно, быстро выхватит клок бумаги из умывальника – бросит, и сама убегает. Что я? Зачем? Ни рубля лишнего (приплаты). Но года 2 она сказала о Варв. Дм. (на мои слова об очень сложном за нею уходе): «Я всех больных ужасно жалею». Это просто человечность и благодарность Бога, что «еще видишь такого Ангела», полного доброты, участия и молчания (она страшно молчалива, а Вы знаете, кк. больному и старому нужно молчание). Ну, я и говорю: «Вот тк., Д. В., вы и будете у нас жить, пока я умру, и в 65, 70 л. тоже будете за мной ходить?». – «Да». Но тут, пожалуй, тайна тела, что оно сливается с психикой, что разделить их никак нельзя, что одно невольно и главное МАЛО-ПОМАЛУ вхлестывает в себя и психику. Но Варя – Касандра, и «все чувствует». Она – без фактов – что-то почуяла, и стала невыносимо относиться к Д. В., злобно, придирчиво, несправедливо, оскорбительно. Прямо «сживает со света». Я не выдерживал и заступался. Так все и «пошло». Теперь Д. В. ушла от нас. И дети, и Шура, и все: «Портняжка». Да что если она и Ангел? «Святые жены» по образованию тоже были «портняжки»: а ведь курсистки-то их не стоят.

Пишите. В. Розанов.

123

<14 октября 1915 г., Пг.>

Сижу. Кой-что мараю. И все у меня в голове: «Павел», «Павел», «Павел». Со мной это *часто*. И что придумал: я безотчетно вот уже *годы* боюсь что «Павел от меня отвернется». Стал думать: почему я боюсь? И вот мысль: что Вам *внутренно* никто не нужен (Вы круглый, «сам в себе» и «сомкнутый»). И вот я боюсь или как-то вперед оплакиваю тот горький час, когда Павел

---

* Грязный – клизмы – утомительный.

слишком засохнет и стороною, обращенною ко мне. (Вы, как раз, старый и черный – и все лезите в свою нору, в мысли, археологию, стихи, Васю grand et petit* и Аню). Ну вот мне и стало печально и *страшно*. «Скучно жить на свете, господа» (Гог.).

«Б. В.» – великолепен. И «вознепщеваху» читал: сперва долго и любяще смеялся: «Павел с ума сошел – такое заглавие». Речь о Федора** – великолепна. Даже хотел ему писать. К.Н. Леонтьев***. Все верно, *важно*.

Письмо М-вой получил, – только что кончил свое. Ну вот и хорошо, что Вас еще девушка – талантливая очень «чувствует». «Миром» получше *жить*: «Миром Г-ду помолимся».

124

<20 октября 1915 г., Пг.>

«Не хочу уступать!» (старание ударить «боком» и бежит от главного врага), тогда я догоняю и кричу: «Не хочу уступать». Вообще В. письма очень меня успокаивают. И еще: любите меня даже, когда я против Вас скажу злое слово (м. б.), любите – несмотря ни на что, это мне нужно, отнюдь не по самолюб., и «для умящения и снятия печали». Не знаю объяснить, но так чувствую.

Сегодня д-р присудил к санатории.

Грозит удар. Вообще мозг и склероз.

Феодору напишу.

Гнева. Да, много. Загажена русская история, особенно история воспитания молодежи испорчена.

Ох устал, и вредно писать (яд). Большая тревога.

Средства существования детям. На 100 р. в месяц могут рассчитывать. Но больше?

В. Р.

Злого (бешенного) много и в друг. «Оп. л.» (т. 3 «уже»). Mea culpa****.

Ах, не может Розанов. А тк. хочется мира И ТОЛЬКО ЕГО И ХОЧЕТСЯ.

Целую. Обнимаю. Будем любить друг друга до конца. Я все боюсь, что вы меня не любите, но «в составе слов» писем чувствую, что любите и близки мне, т. е. не только Вы – мне, но и я – Вам.

Спасибо глубокое за письмецо. Тк. все хорошо в нем. И что «грешный старается обвинить того, против кого грешен» (давно замечал и из этого объяснял всю злобу против России сволочи), и зову к покою и миру, к молчанию, не спорчивости. А это мое с детства: «Уступать! Уступать!».

---

* Большого и маленького (*фр.*).

** Еп. Феодора, ректора Академии, напечатался в сентябрьской книжке «БВ» за 1915 г. П. Ф.

*** Речь идет о письмах К.Аксакова. В. В. по обыкновению спутал фамилию. П. Ф.

**** Моя вина (*лат.*).

<24 октября 1915 г., Пг.>

Все переживаю В. письмо, о. П., – никто не умеет так пролить масло на болящую душу, – и своим словом, и взятым у Церкви и Нов., Щерб., Кож., – *знают тоже*, но не умеют выбрать, и дать тон к выбранному. Посему к «Столбу» В. надлежит прибавить «христоматию избранных мест» из отцов, из Ев., из апокрифов даже. Вот – дело.

Но вот, дорогой мой, что: судьба. Писательство – судьба. Часто черная, горькая. – Помните, как Аню выбирали [NB: ужасно РАД, что к Вам мама приехала – это Бог ей указал и наставил, теперь она будет покойно и ВОЗМОЖНО счастлива], стоя на болоте и считая трилистник. Тк. и литература. Я 7-ми лет (до гимназии), узнав, что «у греков были великие Гезиод и Омир», был близок к «плакать», и говорил в себе: «У русских ничего нет, они бездарные, но я буду Гезиодом и Омиром и напишу им сочинения, с Магабарату и Рамаюну [узнал из книг у брата]». Ну, вот, потом мотивы, конечно, писания перестроились, но, знаете, я всегда представлял «науку и литературу» в хламидах, и если не в сандалях, то в лаптях. Ну, хорошо. И я измучен, затем пиджаки и фраки. Потом все оконкретивалось: затем журналы, газеты, почему не «философы». Метался – Петрарка (карточка его была) – непременно с венком и приблизительно в подрыснике. Вообще «неблагообразие России меня возмущает». Ну, хорошо: а тут ругатель Писарев, а тут вонючий Чернышевский. «Все испорчено», «хоть 100 Петрарок приходи – «*Что делать*» – не вытрешь». У меня явилась мысль, что «мне (и нам) испортили все дело конюхи».

Ой, начал писать, да не то. Вот что я хотел сказать о *fatum*'е: пишешь КАКОВ ЕСТЬ: и если станешь иначе – выйдет «стилизация», ужасный для меня род литературы. Выйду вообще не «я», а «другой». Тк. что Вы, милый, подумайте, до чего я люблю и ценю тишину (и безмолвие), но раз уже крикуном РОДИЛСЯ, раз уже весь в нервах, – и «шум» в ушах, смятение в душе – пусть все так и ложится, хотя ПЕТРАРКИ и не выходит, Магабараты – нет. Пусть даже ужасное (увы, увy, увy) «почти газетчик»: ну, что делать – плачу, вижу не «достойн», но – снимать с архиерея ризу не хочу – ибо значит я вообще не архиерей. Тут – судьба, тут – страшное, тут – не упорство (не думайте) и не самодовольство (ну, будьте милый и не думайте этого).

Увы, вечное

ЧТО ЕСТЬ – ТО ЕСТЬ.

Голова закружилась.

В. Р.

<4 ноября 1915 г., Пг.>

Принесли «Столб» из переплета (раньше все давал «по-рукам» читать); такой красивый, черный. И поставил его вместе со своими красными. Будем друзьями в литературу. и жизни. Сюда же в линию поставил и «Рус. ночи»

Одоевского – Цветкова. Он – несчастный, но много обещавший был юноша. Москвичи не сумели и поленились (все «Русь») его разработать, ЗАСТАВИТЬ делать. Ну, черт с ним. «Известно, Москва дура».

Хорошо, что разыскиваете предков. *С этого и с такого* начинается история, да, в сущности, и сила царств. От бедной моей мамы – ни креста, ни фотографической карточки. Только ее и помнит «Вася», выносивший тазы с кровью (женская болезнь, должно быть фибромы, хотя и говорили «рак»). Но дурного запаха не было. Ее могла бы спасти операция, даже не очень трудная.

Вы мне не прислали обратно письмо Мордвиновой, – по-моему, по широте чувства и обширности ума – гениальной девушки. Она до того ген., что Гоголя – раз 8 начинала читать, и не могла прочесть. Это настоящий признак. Гоголь, в сущности, дьявол, черт, что = труп + колдун. И вкус и существо «живого» и «праведного», что он перестает видеть и чувствовать Гоголя. Верните, голубчик.

В. Р.

У нас – серо, так себе. «Ниже – выше», и все как-то «в сторону». Кренитесь корабль и, в сущности, без всякой бури по пустякам.

Вы думаете я не знаю, что идеи проходят не оттого, что их *игнорируют*, а именно оттого, что *не опровергают* (не занимаются больше). Знаю. Но «червяк зудит», хватаешь перо и пишешь.

Теперь у Вас настоящая улица и настоящий дом. Ведь и *лично* Вы и «дворянин» и «Якуба» и еще слава Богу дьячок (я дьячков больше люблю, чем попов). В Костроме у Покрова помню дьяка «с косичкой» и пономаря.

127

<14 ноября 1915 г., Пг.>

НВ. К фаллическому культу.

Я думаю, не только у иудеев, но и у египтян, и нигде в мире, ни у кого – он не был *никогда назван*, ни сколько формулирован, и «phall. cultus» есть термин берлинских и лондонских профессоров, Lapsius'ов и Тэйлоров, грубый, плоский, неприятный. Я определенно не люблю произносить «ф-ческий культ», чувствую отвращение, как краснею и выхожу из комнаты, когда чиновнички начинают рассказывать «что-нибудь такое». Меня потряс один рассказ в «житиях»: дело было в Греции или в Александрии; пресвитеры и толпа верующих вытащили из погребов какого-то «святилища Сираписа» (приблизительно) статуэтки и с хохотом показала *на улице* СВОИМ. Они сейчас же были все убиты разъяренными язычниками. Представьте, что у нас с Вами в дому, в дому вообще каком-нибудь хорошего тона, хорошего духа, хорошей жизни – какая-нибудь кухарка и горничная «при всех гостях начала рассказывать громко», как «барин с барыней забавляются в постели», да еще «сама

видела», «подсмотрела в шелку» и проч. Статуэтки, конечно, были (наш термин) «в высшей степени неприличны». Геродот потрясающе рассказывает, что «он видел бога в гробу», но «не называет его из скромности». Помните (забыли), Вы мне писали однажды: «И вот это рождение, рождение и рождение. . . . . совокупления, совокупления и совокупления . . . . . в крестьянских семьях, у духовенства. . . . . происходят молча, без того чтобы кто-нибудь когда-нибудь об этом *промолвил слова*». Это-то молчание и есть суть всего. Красота всего – глубина всего. Это именно КОРЕНЬ, это же никогда и никто не видел хорошо. Прекрасно. *Пока молчат* – прямо целовать у них все хочется, у каждого мужа и жены. «Фаллический культ» – существенно поцелуйный, и именно ЗА и ПРИ молчанию.

Знаете: года 3 назад у меня стала мелькать мысль: да что такое *matrimonium purtae*, что такое как «православный брак», именно – церковный, «именно поповско-купеческий», «во всем благочестии», как не молчаливо сделанный и выраженный фаллический культ; в отличие от «Невского проспекта», где уже этого культа нет, а только физиология, «сходил на двор». И т. д. Что такое ариец, выгоняющий из дому «сблудившую дочку», как не будущий тесть, который терзает любимое дитя свое за то, что она ОСКОРБИЛА (неверностью) фалл будущего своего мужа и будущего его дитя. «Ты должна быть чиста, невинна, добродетельна, почти святая»... Для кого? – «Для фалла». Тут прямо изваян фалл. Но изваян в мысли, в воображении, в мозгу, в сердце, и это прочнее, чем римско-греческие бронзовые «глупости».

«Культ фалла», очевидно, не только не умер, но он цветет «в душах наших», «в душах всего мира», – и не умрет, пока хранится Вселенная, пока не погаснут звезды.

Я б. очень обрадован, когда открыл этот «*cul. phal.*» в насущном, у нас, у купцов, у попов.

Теперь:

У жидов есть обычай (закон, *lex*): если «юноша надел девушке кольцо на палец», – где-нибудь в сенях, на переходе, на огороде, в играх, в темноте, украдкой, то хотя бы мальчишка б. сопливый и ничего не стоил, «лакей», а она «дочь раввина» или «банкаира», – но *никто*, ни раввин, ни вся синагога, ни их таинственный *кагал* не могут расторгнуть совершившегося обручения, пока мальчишка сам не даст ей формального развода. Что же это значит и какое под этим умоначертание? «Он» «захотел», т. е. «х... хочет ИМЕННО ее», Тамару, Юдифь, «мою дочку», «эту израильтянку». ПЕРЕД х... вся израильская община в страхе отступает, «почтительно ретируется», «ничего не может поделывать». Да и «ничего поделывать»: если б она не отступила перед этим мальчишкой, он мог бы закричать им: «Подлецы, тогда вы зачеркните всех вас, всех, “себя”, – зачеркните скрижали Моисея, и выбросьте к черту старые кости отца нашего Авраама». Ведь все началось с обрезания, т. е. с «залупи х...». И – больше НИЧЕГО. Обрезание есть просто открытие головки члена и больше ничего, т. е. в головке члена «весь Израиль лежит»; а «обнажение», «открытие» головки наступает (натурально и вообще), когда *ph.* вхо-

дит в vulv. Что же это значит? – «Обрежь крайнюю плоть свою» ничего и не значит кроме: «Когда Он *хочет*» – «никто не смеет удерживать».

Отсюда РЕШИТЕЛЬНО все обычаи: жених («этот мальчишка»), венчаясь – берет стакан вина, выпивает и, *бросая, разбивает стакан* со словами: «так я поступлю со всяким, кто осмелится *мне противиться*», т. е. как мужу, кто попробует отбить, соблазнить и пр. эту «дочь банкира», если она сама (без *его согласия*, если ОН *не дал развода*) уйти от мужа. «Пока Он (ph.) *хочет* – он делает (совокупл.) – насколько *хочет* и как *хочет*». Ну, а если «не *хочет*»? Равви Шамай сказал: «Достаточно мужу заявить, что у жены его дурно пахнет от рта – чтобы развод совершился». «Жидовский брак» (такой поэтический и верный, в сущности – идеальный) ОТТОГО ТАКОВ и есть, что от него отстранено, выкинуто с презрением, все, кроме мужского «*хочу*», «*хочется*» (без всякого обращения внимания на «дом») и в существе и материи *matrimonium iudeorum* есть «собачья свадьба на дворе», где «кобель покрывает суку», есть «понюхав», нашел ее «себе по вкусу». Эта последняя степень скотского, собачьего из собачьего – и есть «миндальная веточка», выросшая из сухого уже «жезла Аарона». Все – символы. «Сара, тебе 99 лет – а ты забеременеешь». Чем «старше» – тем «лучше», показательнее. «В Средние века, в эпоху гонений («кровавый навет»), когда жида были почти истреблены, талмудисты в разгоряченном воображении представляли Будущую жизнь, «тот свет»: в длинном халате и с пейсами, в чулках и башмаках, жид – с пальмой мученичества в одной руке и райским яблоком в другой и *с торчащим наружу из-под лапсердака обрезанным х...* (конечно «вставшим»)... не помню «танцует» или «стоит перед Богом» (у Соколова, «Обрезание»). Это же поразительно. В этом вся суть. И «яблоко» и «ветвь» – символы, прикладное. Главное: «х... *хочет*» – и «мы все отступаем», «бежим», не смеем противиться.

В этом вся суть Израиля и ни в чем еще. Посему «плюнуть (Ваш рассказ) на головку х...» никак он не сможет: это оскорбление Иеговы, пощечина Иегове, плюнуть на Моисея, Иакова, Исаака, Авраама. Х... для Них = (абсолютно) † для нас. Та же обширность, неизмеримость, неисчерпаемость психологии, быта, «законов», «пророков».

Собственно, кроме «х...» в юдаизме НИЧЕГО еще не содержится. И в очищенности-то, изоляции – и суть и глубина и сила Израиля. Они выделили существенное, а все другое только рассматривают как «прилагательное».

Теперь: существо х.. мы вообще не знаем, не понимаем. Из мужчин лишь s-ты, «влекущиеся к тому, как женщины» – уразумевают его, а мужчины вообще и нормально «никакого внимания не обращают» на свой орган и воистину «плюют на него», т. е. суть как бы жида в момент отречения от жидовства. Х... если не понимают, то чувствуют (кроме s-тов) еще женщины. И поразительно, что «в мире ведь вообще женщины религиознее мужчин». «У русских религия и содержится женщинами». Отсюда – поповство. Почему не женщины «служат литургию». Ведь «в Господе Иисусе нет мужеск и женск пол». Да. Но женщинам нужен «кумир», «почитаемое»: и оне неумовимым гипнозом и тайными слезами заставили петь и читать литургию

не попиху, не «бабу» – им не интересную, а «попа». «И одели его в ризы, и украсили его литургию, п. ч. он есть МУЖЧИНА», почитаемое, главное. Теперь слушайте: по естественному устройению пола и *вслед ему воображения* женщина о х... приблизительно так же много и постоянно думает, как жида по устройению своей религии (обрезание): т. е. женщины естественно как бы «обрезаны» в душе и умоначертании своем. И вот чудо: оне-то и религиозны. Любят молитву. Слезливы. Нежны. Етс. Теперь еще большее чудо: жида оттого и *обабились*, стали похожи на баб, трусливы, визжат, что они тоже [кк бабы] думают [по устройению своей религии] о х... Словом и думать МНОГО о х... неодолимо ведет к тому, что «станешь религиозен». Изменится вся психология, станешь проникновенен, психологичен, нежен, сердечен, не груб, не плоск – если МНОГО думаешь о х...

Прямо – чудеса. Если мы посмотрим на устройство «его», то мы увидим, что он состоит из цилиндра: а сарут его (суть суетей), во 1-х, есть прообраз устройства головы животных (поразительное сходство) и, с другой стороны, это прямо – объемом, величиной, формой – есть как бы насаженный на коровий рог детский сосок, соска. Сходство и приспособление, в природе вещей лежащее, до того разительно – что нужно оставить всякие сомнения. И поразительно, что этого нет ни у быков, ни у лошадей, ни у кого, а только у homo sapiens. А совокупление – есть у всех. *Форма* головки абсолютно не нужна для совокупления. Именно у человека, и у одного только человека, х... создан не для одного совокупления, а для милования. «Милый» – не у быка, не у жеребца, а только у мужчины.

Отсюда ясно, что действительно в «историю сотворения мира и человека» включена идея и суть и вдохновение к «s». И это-то и есть ноуменальная тайна мира. Теперь женщина: да она без «s» сотворяет то, что делается в «s», – sua sponte* и никем не наученная. А с другой стороны: «если женщины так нас ласкают», то уж это прямо есть переход к «s», ибо суть не в ласкающем, а в ласкании. Еще надо бы сказать о всех беспросветных глубинах он... Но устал писать.

В. Р.

«Нельзя есть от бедра»: когда семя сходит – тогда содрогание проходит (но *нерву* седалищному) *по бедру*.

У Пранайтиса:

«Цадики у хасидов на молитве совершают соит'альные движения».

Да это вообще знаменитые «раскачивание» жидов на молитве. Суть в том, что процесс молитвы у жида сопровождается *вставанием* его, а жид «не считает молитву исполнившеюся», «удачною», если и пока «он» не «встанет»: что и «угодно Богу». Что же он делает, в сущности: он мысленно старается возбудиться, достигнуть «приятного Богу вида» (= средневековые мученики-жиды), и совокупляется в воздух. Штаны у них (у мальчишек наблюдал) всегда внутренне свободны, да и «халат помогает» (= женскому капоту, под

---

* По естественной воле (*лат.*).

которым брюшко и у беременной не заметно): они качаются и вперед (совокупление) и немного в бок (тоже совокупление) и «когда он “встанет”» (= обрезание) как бы «предлагают» его Б., «рекомендуют», «*вот – я*», «твой, Господи!». Все это выражено: обрезание. И – такова молитва.

Все, все, все – из обрезания. В обрезании уже все ЕСТЬ.

128

<14 ноября 1915 г., Пг.>

Посылаю 21 лист, 3 письма.

Как-то бродя по комнате – заглянул в «Столб»: и б. поражен. И вывод: «До чего у В. всякие 7 строк *играют роль*», т. е. не пусты, не суть только «соединительные ткани». Вы знаете, в организме есть какая-то «междуклеточная ткань», д. быть жиры что ли. Вот у Вас вовсе нет этих тканей «меж» – ... т. е. каждое место и местечко есть орган. Я бы так не мог писать, не умею. У меня слишком много «красноречия», т. е. просто «струна звучит», а о чем звучит – «черт ее знает». Однако года 1½ – 2 назад о «Столбе» у меня выдвинулось ядовитое замечание, и кк. это было искренно, я не мог не включить его в «Листья»:

– Да, «Столб и утверждение истины», если не принимать во внимание семью.

– А если не принять во внимание, то (конец не помню: приблизительно «столб скорее утверждение муки человеческой»).

Потом, когда мамочка лежала в Клинике Елены Павловны, мы ехали к ней с Фед. Конст. (Андр.), я ему и говорю: «Я очень люблю Фл., но некоторые мысли его меня раздражают, и со временем я ему злых вещей наговорю». Т. е. «будет напечатано. Это в 1/100 – в Короб. 2 («Кнут» Флоренского – Вы сказали о Верочке) мучит мне душу». Но главное: «Чтобы сказал Фл., если б его А. вывели за ручку из его дома и сказали – «иди куда знаешь, ты ему вовсе не жена», и т. д. Но Вы понимаете, мой милый и *дорогой*, что это не любовь, не уважение, а именно 3 × 3 любовь и 3 × 3 уважение. Ну, да Вы понимаете все. И тут даже нет «amicus Plato, magis amica* ...», по моему – *препозитое* по тону выражение, истинно профессорское, уже «как бы из наших времен», ХОЛОДНОЕ и, пожалуй, халуйское. Нет, тут другое. Что – не умею сказать. Я в Вас как-то абсолютно верю, и мне кажется, Вы должны мне абсолютно *морально* – доверять; а посему и говорить «вообще ВСЕ».

Ах, эта история с 3-мя любвями. Сломал я голову, о ней думая. Вы взяли это легко, предложив: «приключения», «удовольствия Р–ва». Какое тут удовольствие, какая радость. Мука, горечь, дым, гарь. Много створело. *Но в жизни моей* я ни одной девушки-женщины не огорчал, не отталкивал, и частое человеческое: «А я не люблю вас, pardon» – мне непосильно. Господи: и тут было не «удовольствие», а великое столкновение монотеизма, который

---

* Платон – друг, но больший друг...

образован в сердцеvine своей по чину монохидризма («Единому мужу верна, единого люблю, вижу» etc.) и, пожалуй, моногамизма с политеизмом, который образован по чину «табуна», «стада», «многих богов», многих жен, многих мужей. Помните в греч. философ. и к Платона: *Εν καὶ πολλὰ**. Я знаю, Вы монотеист («гарем»=«терем»): но есть какая-то совсем другая психология, вот «Васеньки Розанова», который тянется и к:

В каждую былинку.

И сердце УЖАСНО плачет, ибо вижу и понимаю и *Εν*. Но сироты? Сирота брака? Кои вообще никому не нужны? И гордый Павел и самолюбивый Булгаков «даже не взглянул на них». Господи: почему они хуже других? А сиротство в мире ужасно. И, м. б., половое сиротство, *одиночество* – ЛЮТЕНЬ ВСЕГО на земле. Никогда ласки, никогда шопота. Одна «официальность». О, о, о!..

О фалл. культе, слава Богу, все отыскал. Бережно отнеситесь и бережно верните.

Если не вернете – это будет величайшее мне оскорбление, не знаю: наша дружба поколеблется. Мое впечатление: я бы все свои письма порвал, до того кажутся паршивыми. И я думаю – всем тк. кажется, и этого-то я и боюсь. Что Вы «засунете», «потеряете». Но помните (уже формально) – ведь это моя собственность.

Письмо Мордвиновой Вы мне не вернули. Черт знает, как к Вам попало письмо Данилевской. Мне казалось – не посылал. Она меня измучила по следующему поводу: судя по первым строкам письма – это «наш брат», т. е. человек нежный, способный и поплакать. И вдруг – такое ощущение 2-го короба. Получил я его в тот же день кк. вышел «Короб». Мнение чуждых людей (Скабический) меня не затрагивает. Но это? Но потом я получил 2 письма, через месяц, тоже от женщин, с дорогим: «Я никогда *не забываю* Вас в молитвах, всегда молюсь о родных – и назову и вас», и – успокоился.

«Ерунда. Книга нежна. А прочее все – гиль». Так, Паша, я и о В. письме подумал: «Что врет Фл. «Нарушил тон *Уединенного*» [это-то и был кровавый упрек, стрела упрека]: да разве в уединении мы не ругаемся. Да мне в лесу самые злые мысли являлись. Я в лесу $\square$ рода человеческого до блевоты ненавижу. Я или один: да разве из пустынь не исходили страшные отрицания, страшные гневны? Разве в пустыне думали о ином, а не о мире и зле? И т. д., да вообще в пустыне «большие шумы в душе», а на балу скорее «тихо», ибо ни о ком и ни о чем не забочусь. И т. д. Т. что Ваша критика заставила меня задуматься. Поболеть («Вы нарушили тон *Уед.*»), но потом я сказал: «Нет, это неправильно». Ну, и будьте же, милый, поверьте, что это – не по самолюбию. Вот недавно, роясь, – нашел подписанный Вам экземпляр книги «О хлыстах»:

---

* Как хорошо (*греч.*).

«Моему дорогому П. А. Ф. Розанов посылает свою самую плохую книгу». Равно «О понимании» и «Легенда о Вел. Инквиз.» кк. я 1-ую ни любил во время писания, а 2-ую очень хвалили, но обе оне чужды. 1-ая – по теме («построить будущее науки»), 2-ая по характеру и тону (детская).

Через 10 лет возможно это я скажу об «Уед.» и «Оп. л.», но *теперь* – нет, нет, нет. Все «из брюха» и все «к сердцу».

ЛЮБЛЮ

(эти книги). Ну, черт с ними. Так Вы письма Мордвиновой не получили. Посылаю ее *почерк*, дабы – если попадется – Вы сразу могли узнать и вернуть Вам. Конечно, она не могла бы ругать меня. Она (аномалия) только любит меня. О книгах моих никогда ничего не писала (ум, такт), но я ей послал, кроме «Частушек», – тема ее на курсах – еще «Лазурь» и «Корни идеализма», и она их с жадностью прочла и написала страницу – я не удержался и послал Вам.

Ну Ваш любящий В. Розанов.

Не позволили ли бы Вы передать в студенческий журнал «Вешние Воды» Ваше превосходное «Письмо к Л. А. Тихомирову» об юдаизме. Пусть бы юноши учатся. Отчего нет? В последнем случае – известите, как *подписать*:

Свящ. П. А. Флоренский

П. Ф.

Аноним.

Журнал этот, конечно, «молодо-зелен», но ведь не все ли равно, *где* писать. Авось в 2–3 головы западет.

Вообще-то книгоделатель – Вы исключительный, недаром Вы писали как-то мне, что в Вас сильно иерархическое начало, а в письме, я бы добавил – лапидарное, скрижальное. Хоть чуть-чуть Вас читавший – скажет, что Вы по пустому поводу и без дела – не возьметесь за перо (мы *все* – сплошь). Но и затем метод: с одной стороны Вы – токарь, точете по слоновой кости. Тут есть почти китайско-египетское, «завитки», фигурки etc. [примечания, *для меня* – драгоценные]. Но это обнимает только □ метода, форму его. Суть и дух – уже не «токарь», а садовник и еще подробнее – копун в земле. Вы – с заступом, и вот «землицу» ухлопали по сторонам, – «грядочка», и камешок из-под ног, выкативший из той же земли, отодвинули в сторону. Я думаю, Вы не могли совершенно «сказать проповеди», «произнести речи»; даже «громко, на весь стол, возразить». И это самое чудное свойство В. души, вся негромкость, неговорливость, отсутствие в Вас «ауоа» («гарем»). Устал. — — —

Экий Вы растеряха. Потеряли письмо Мордвиновой.

129

<24 ноября 1915 г., Пг.>

Вот история-то, дорогой Павел Александрович: написал мне Волжский (Глинка, Алекс. Серг., друг Булгакова) письмо, с «тегси» за «Оп. л.», к. 2, – мягкое, доброе, милое, все полувздыхающее, полуулыбающееся (у него в доме – горести) и в нескольких строках, 17-ти, сказал то, после чего я не мог не

понять, до чего глупо и невозможно было печатать уже 1-й кор. «Оп. л.». Меня так поразило, что я всю ночь не заснул. «Так ясно, а я – не видел». Теперь (сегодня) я припомнил, что когда сказал дома: «Ну, – издаю *Оп. л., продолжение Уед.*» (1-й т., т. е. года 3 назад), то Наташа, подруга Шурина (мужеобразная), сказала недовольно, резко и саркастически:

– Я бы ни в каком случае не стала печатать еще книгу. – «По-моему, *продолжать* «Уед.» – вообще как-то странно... и смешно. Оно уже *кончено*». Нужно заметить, что я, естественно, «пошел издавать», когда уже «было написано» (*fatum*), и что же делать, если написано? «Написанное» естественно «издавать» до такой степени, что я как-то не обратил внимания на слова Наташи. В сущности – не было поздно «обращать вн.». Грех был – что писал. Теперь слушайте: Кожевников – тоже недоволен; от. Павел (почти) – разбранился. А припоминая, что Вы мне писали о I Кор., я вижу, что Вы «вращались *около*» того же, что так ясно, отчетливо, спокойно сказалось у Волжского (младший из всех нас... душою, умом, опытом, но очень чистый человек, чуть-чуть наивный). Конечно, я более ничего не издал из этого рода. Но как я мог так промигать?

«ЧТО-ТО неладное» – и я чувствовал. *En gros**. Но обмануло и «закрыло дело» чистосердечие каждого отрывка. «Ведь так думаю». «Кажется – истинно». И я все писал и писал.

А ведь считал себя умным.

Ну, довольно. Все «скребут у меня кошки», что Вы *правите корректуры* «Бог. В.». Это – когда не изданы соч. Серапиона Машкина. Господи, – точно на Руси делаются такие дела.

С фронта – сегодня печальные известия. Никто не умеет распоряжаться. Могли бы «прорвать немцев», уже *опустили* случай окружить их левый фланг и выжать из Курляндии. Но – какая-то каша, безволие, тусклость сознания и тусклость воли. Что наша Русь? Неужели «на носу» революция с жидом *au fond*** всего; неужели Россия «захвачена» и не будет «рас-хвачена».

Что за судьба? Неужели Русь кончается, американизируется, неужели «промышленность и торговля» и, «пожалуйста, – без камилавков и архиерейских митр».

Неужели вонючий разночинец, II-ой Михайловский, еще 100 Михайловских и это «премудрость, ее же не преидеши».

Неужели мечтания и «пуф» славянофилы, неужели идет «печной горшок» на место Царства Небесного?

Что вообще такое делается?

Я решил (в душе) стоять за Царя и в этом больше не колебаться. Царь все-таки Гегель и Фихте, тогда как Родичев – младший сапог Бэкона Веруламского.

Господи. Да где же зерно? Суть? Да неужели история и мир без Ноумена, без *essentiae****, без «Вещи в Себе»? Неужели «*causae finalis*****» – «интересны только Аристотелю».

* В общем (*фр.*).

** В основе (*фр.*).

*** Сущность (*лат.*).

**** Конечная причина (*лат.*).

– Ха – – ха-ха...

– Хо-хо-хо...

И ничего более выразительного, содержательного.

Господи: да ведь тогда, конечно, Мать-Пустыня – одно, что остается. Надо бежать из городов, из города. «А немцы в пятки палят».

И везде – колебания.

Пиво.

«Мы пьем пиво; разве Вы не замечаете, что история кончилась? П. ч. другие племена готовят нам пиво. Они – работают, мы – пьем».

Господи: да ведь при гуннах было интереснее, и Атилла был «более обещающ».

Неужели – дождь, дождь, дождь...

Еще – дождь, дождь, дождь.

Облака. Пыль. Слякоть. Жид. Лавочка. Банк. Гессен и торжество Философа и его Анны Павловны, не знающей, что делать, если приходится делать 7:3.

Господи. Кк. хочется Вас видеть. С Вами обняться и поплакать. С Вами и «помолчать» – и как-то *надежнее* станет.

Вы, верно, не знаете за собой эту особенность: что около Вас всякому 3-му становится «надежнее». На что? – Даже не скажешь. В Вас самом очень много «Столба» (не даром – это символично – и заглавие такое взяли), как «утверждения истины».

Самое Ваше «сомнение о вещах», колебание и конец мира – по глубине и силе Вашего восприятия этих вещей – как-то содержит в себе «что-то», с чем – лучше, прочнее, самое страдание лучше и прочнее. П. ч. если «в самом деле все колеблется» – то это как-то лучше, нежели отчаянное «только *кажется*, что колеблется». С Вами – не «кажется», с Вами – «есть». И это и образует в Вас «СТОЛП'ообразность». Ах – пропало, – ну тогда давай жить, действовать и думать по-«пропало». Все – нечто, все же не томление.

Где Цветков? Все скорблю о нем. Где этот черт, отправился Алексеевой (Аскольдовой)? Как хочется их всех «тут видеть». Если «все кончается» – надо держаться за руки друг друга.

Тогда спасет только «ДРУЖБА». Мне страшно, не взяли ли Вы ее, когда – увы – «в мире охладела любовь».

Ах, последние времена близки. Чую их. «Гарью пахнет».

В. Розанов.

Суть мысли Волжского, что «Оп. л.» погубили и зачеркнули «Уединенное», превратили его в небытие, сами от этого ничего не выиграли. Что разрушено нечто ценное и важное, что *было* и чего теперь *нет*.

Мы с мамочкой ничего себе. «Не очень» (очень горькое лето было, осадок), но – и ничего.

<17 января 1916 г., Пг.>

Не сразу читайте, а то устанете, *вредно!*

Все-таки Вы, П. А., при всей универсальности и широком охвате мира, как-то упускаете некоторые уголки его. Читал – лет 7 назад – «Дневник» Дьяконовой: одна из восхитительнейших книг русск. литературы. Пишет об Англии: «Там есть игра (вроде наших «горелок»): ловят, и в жару, что «догнал», мужчина хватается барышню, и хватается не всегда осторожно». И вот (ее наблюдение): «Я заметила, что барышни так любят эту игру, пот. что хоть на минуту она побудет *в сильных* руках мужчины». Это – Дьяконова, сама чистейшая девушка (она и умерла от любви к французскому врачу, сухому эгоисту). «Нигде браков так не *мало*, как в Англии». Все это – в связи. Вот. В мире сухо, «горько, знойно». Ну, хорошо: у Розанова, положим, полное счастье. «Затвори дверь и живи *в гареме*» (Ваша мысль), но в *другом углу мира* сыро, скверно, несносно.

Судит Павел: «Сиди в гареме». «Думай свое». Ты «сам в себе».

Но как судит Бог?

Конечно, он судит не по Павлу, а по (беру смелость), по Розанову, который говорит:

«Замерзающая галка в Ветлуге ровно столько стоит, сколько в Москве».

Разумеется (беру смелость) Бог *приказал иногда измены*: о, не собакою побитою, как бывает у нас, а тою смелою и открытою, которая всегда была и называется учеными «полигамиею», а в Библии без квалификации: «имел двух жен, и наложницу» etc.

На 100 мальчиков рождается 103 девочки. Мальчики на 1-м году жизни обильнее мрут, чем девочки. *Весь организм* девочки приурочен к деторождению (у мужчины – нет). У мужчины – царства, политика, философия, «поэзия Гомера». У девушки – только роды, зачатия, и нет – «но похватай хоть в игре» (Дьяконова, англичане). Есть целое и есть дробь; нет целого – подай дробь.

Идея гарема – велика. Вел. и прекрасна. Я ее совершенно понимаю, и не думайте, что не плачу о ней, точнее – что она разбита везде в мире.

Но нельзя не быть потрясенным, что самая идея гарема-терема появилась, родилась, и имела *чистое место себе родиться* – в странах характерного, устойчивого многоженства. Как? Да СУТЬ гарема, если хотите, не в нумерации, а *в тоне отношения людей* (лиц) в гареме. В том, что он и любовникам был «воистину муж», тогда как у нас сплошь и рядом «единый муж» вовсе не муж, а отвратительнейший любовник или, вернее, чичисбей «единой жены». Разве не суть дела современной семьи, что никакой решительно семьи нет в «женатых семьях», часто – и с детьми; что тайна рода и роя (пчелы «роятся») потеряна, и, увы, она потерялась в христианской и моногамной Европе. Бросьте, родной, идею КНУТА (от немецкого КNEP, по Ключ-

чевскому): она Вас погубит и разрушит Вашу биографию. Выйдет «2-й философ», который и в единственном экземпляре довольно несносен и совершенно неинтересен. Век требует мудрости, а не строгости. Тут Вы впадаете в «публициста Розанова», который озабочен «многим». И я вертаю Вам все упреки, которые Вы (основательно в 1/2) бросаете мне («Оп. л.»). Я знаю эту муку «побежать за многим».

Ну, устал.

Клянусь Вам – Вы тут ошибаетесь, и в «кнуте», и в осуждении Розанова. «Так Бог устроил»: что же: у Калиночки муж выпускал семя на постель (чтобы не было детей). Вера – уродец, невозможны роды (вывих бедра при самом рождении). Веруне 40 лет, Домна Васильевна – вечный труд в чужой семье. Позвольте сказать, что им нужно тоже что-нибудь (дробь). Позвольте думать, что им Бог тоже подсыпал крупы, когда они были голодны (слово Ангела Агари). Затем (пусть это по-детски), все поставили первым условием: никакого вреда Варв. Дим., никакой боли, страдания. Оне были так наивны, что позвали к себе в Москву погостить ее, отдохнуть. И нельзя скрыть от себя, что мотивом гнева (ярости) Варв. Дим. было не боль, не что я *ухожу*, а что *появились соперницы*, самая мысль о которых нелепа, ибо никто и ни одна соперницею ей не выступал, никто *из них* не допустил бы, чтобы я даже охладел к семье. Собственно я летом вовсе не сообразил, – медленное *всегда* соображение, – что такое происходит. Но кое-кто 3-й, видевший историю (Барсукова, племянница «того»), была прямо возмущена и Варей, и детьми и Шурой: а она была *их* друг гораздо больше, чем мой.

Ну, будет. Говорить можно, на письме ничего не передашь. «Грех», что Вы не уведомили о рождении сына, и – обида мне (вот «уходит»...). О болезни Вашей слышал от Фед. Конст. Вообще в Вашем здоровье есть нечто ненадежное, хрупкое («горячая Фригия, холодная Москва»). Почти преступление, что «яростно отвергаете» 2-ое изд. «Столба». Но Вы всегда были упрямый козел (внутренно, «про себя»). Ради Бога берегите здоровье, помните о судьбе милой Вали.

Еще: вот я назвал невольно «милой Вали». И Вы знаете, что я всегда ее чувствовал милой. Вот видите и опять тайна, моя личная, индивидуальная. Что такое Валя мне? Видел 2 раза. И на всю жизнь запомнил. *И она мне дорога*. Худо ли это? И что такое это? Это и «да» и «нет»: $\frac{1}{1000}$ влюбления и полное отсутствие любви. Что же мне делать, если Господь меня так устроил, что оне все, насколько тихие, малословные, насколько кроткие и послушные (Валя была послушная, явно) – милы, приятны, ласковы мне, и нет (я думаю, я *неспособен* собственно к любви) влюбления и любви нисколько, а вместе с тем «хоть жениться». Вам это непонятно, п. ч. Вы и я страшно в 1 расходимся: Вы = кристалл, «1», монада; я – расплывчатый, «вата», «все лезет», «говно», но параллельно же растягиваюсь на весь мир и «везде меня хватает», и на Варю (мою и до известной степени «единственную», solo) и на Валу, и проч. «Стадо» – «баран». И есть и должно жить вместе в мире барану, но – и стаду. Я множествен, стадообразен, самая душа у меня стадообразна: и дивным

дивом дивлюсь, как (поистине Господь даровал) у меня есть и стрела и «одно»: все же ведь 20 лет, да и теперь – я мамочку люблю, и не оскорби она меня так ужасно летом, она и вся семья, я *ничуть бы* не убавился в любви к ним. Поверьте, Павел, я вовсе не самолюбив, и Вы знаете, что не самолюбив (ужасно хочу, чтобы Вы мне прислали «перуны»), я нисколько не рассержусь: но поверьте, что в этом случае все Ваше ко мне отношение (кк. и письма) были ерундой, п. ч. Вы, в сущности, ничего не знали и *особенно страшно не знали и не знаете меня*).

(Помешали; на другой день).

Ох, сложен мир, неуловим, и судить о нем ужасно трудно. Я так всегда поступал с мамой: «Она – хороша, и, след., все у нее хорошо». О Павле: «Он – мудр, душа чистая: все у Павла хорошо», и даже: «Он всегда правильно думает». О Рцы: «Он умен, и *все у него верно*». В дремучем лесу жизни я решил пробираться *за человеком*, за «охотником». Он «знает», он «довеет». Ибо мы поистине и глубоко темны. Судя по старцу Исидору, Вы, по-видимому, были приблизительно в тех же мыслях; это – в святом, но это – и *вообще* («яруссы богоспасения», у Вас). Хорошо. Вы же знаете, что я не кривой, не фальшивый человек; что я могу быть глуп (очень), но *никогда черен*, и в особенности в отношении человека, «ближнего», «друга» (у Вас), не могу быть предателем. Как же Вы не доверили просто и ясно, что и в сем случае (1915 г.) скорее Вы «чего-то не понимаете, не видите», о чем-то «не осведомлены», а уже ни в каком-то случае друг Ваш не впал в черноту измены, предательства, пойдя «на интрижку». Ведь это же пошлость и кк. Вы вообще могли заподозрить во мне пошлое? Вдруг бы я подумал: «А не стяжает ли П. А. камилавку». Тут у Вас какое-то малодушие, детство что ли, юность – не знаю, не понимаю. Вы же знаете, что Варв. Дим. гордая, пылкая и *не все видит, не все понимает* (хоть оч. умна), а дети – «неосмысленные дети». Кк. Вам было не положиться на мои 59 л. и сказать: «Он *знает*». Кк. бы я мог Вашу Валю подозревать: «Она ищет еще женишка». Как вообще можно о человеке предположить пошлость, зная, что он вообще не пошлый.

К «знанию» (*не знанию*) Вами меня.

Конечно, во мне много недостатков, главный из них – безволие, путаность, пуганность и мысли и сердца. Но она имеет свои непереходимые пределы: не могу же я человека «обыграть в карты», «за его спиною устроить ему *штуку*». Просто – я безволен; нет решимости, нет смелости, русское – «как-нибудь», «э, Господь выведет». Ну, послушайте: так вот в чем Вы меня не знаете.

Разлезаясь по миру ватой, я думаю, что Бог для чего-то устроил эту вату, мое специальное мягкосердечие, уступчивость (ведь если назовете меня «подлецом», то я соглашусь, «дабы не обидеть ближнего своего») (в литературе: «Розанов лжет», и я, чтобы не обижать врагов, говорю – «лгу») и даже философию около своей лжи развожу: хотя на самом деле [мне кажется] я вовсе никогда не лгу, кроме «о многом *не говорю*», напр. мамочке о своих изменах). Ой, кк. устал. Так вот: для чего же такую вату Бог послал в мир.

Помните: «Помяни Царя Давида и всю кротость его». Припоминаете же Вы, что библейские люди, несмотря на «терафимы», и жертвоприношения целых племен, – *про себя и промеж себя были как-то изумительно кротки*; и «ослепления Василька» (князь Киевский) *на страницах Библии не рассказывает*. Хорошо. Мне часто кажется, что эта суть Библии перенесена в В. Розанова, и мне понятен Авраам, «отдающий на время жену свою фараону» (ведь он еще не знал, что тот с нею ничего не сделает). Я, еще когда только собирался жениться на Варе, в душе своей измерял: «А что, если она не выдержит в своем обещании любить некрасивого, слабого (половая *тогда* слабость) и не молодого; она, такая цветущая и которая всем нравилась». И решил: «Опять приму в свой дом, кк. только захочет вернуться ко мне; я ей верный – и на неверность или увлечения ее не буду и не должен сердиться». Ну, вот: так библейская психология. Психология тех «странствующих номадов», которые знали жену и жен и Бога – и больше, в сущности, ничего не знали, не знали «истории и географии». Словом, мне понятен *рай без зла*. В «вату» меня Бог и устроил для понимания этой единственной в мире психологии, где «верность» и «неверность» так переплетаются, что не противоречат друг другу. Ну я не умею выразить, но Бог меня приблизил к *началу времен* и, я думаю, просто, чтобы их постигнуть. Ах, я пережил летом ужасное впечатление: мне нужен был «Семейный вопрос», и я привез на дачу. Потрепанный старый экземпляр. Вечерело. Мамочка взяла, открыла, что-то поводит глазами по страницам (сидела у окна), – и вдруг, упав головой на книгу – зарыдала. Это было так страшно, так страшно. Вот эта минута понудила было (но не понудила) кинуть тех 3-х (4-х), забыть, отвернуться, никогда не вспоминать. Никто мне не скажет таких проповедей, как эти слезы. У мамочки есть тайна: говорить реки слов, не выговорив ни одного. Вообще она поразительна, и я недаром 20 лет за ней «шел». Кто ее знает извне – ничего еще не знает. «Любовь» мою и решило узрение таких мигнов: где «вдруг весь человек», на секунду, и – опять закроется, уйдет в суету. *Я был бы безмерно счастливее*, оттолкнув «тех»: покой, счастье, твердое выверенное счастье: т. е. единственное, что нужно в 59 лет. Но «чем они виновны» и «как любить младенцев»? Это меня остановило. «В этом углу мира – светло, в том – совершенно темно». Ни – семьи. Ничего. Родительская семья разрушена, в жизни – «только 2 подруги». Ох, устал: и не знаю, что сказать. Я замотался и оставил «все как есть» (= нерешительность).

Устал. Не могу.

131

<21 января 1916 г., Пг.>

Письма возвращаются в темах: «Как вы хорошо написали» и «Кажется, у меня недурно вышло». Черт знает, что такое. И *à vol d'oiseau** о России и «судьбах ее» с точки зрения: Иловайский. «Учебник истории для старших классов гимназии».

* С высоты птичьего полета (фр.).

И вот меня заняла мысль издать эти томов 6, из которых фактически и воочию было бы видно, до чего «наш круг» (русский, не западнеческий) превосходит «ихний», «передовых людей». Но я уже слышу Ваше: «Не нужно» и умолкаю. Ах, я уступчивая собака, и когда на меня посмотреть «косом», не умею и лаять.

Вот и у меня сердце болит, что предыдущее письмо я написал Вам не кк следовало, жестко, кк не следовало, *самоуверенно*.

А кажется, что «те истории» я брошу: мамочке что-то плохо. Болезнь глаз: и сердце упало, упало.

В. Р.

Ах, Павел: грустно жить на свете. Отчего так вечно грустно. Знаете ли страшную историю: что «те истории» возникли отчасти на этой почве: я до того переутомился вечной тревогой души, вечным опасением (я ужасно страстлив, вечно «боюсь»), вечной грустью, болью – что «кинулся в холодную воду, чтобы освежиться». Без этого я прошел бы мимо, не заметив. Друг мой: вот кк я себя помню, с гимназии – грусть, грусть, тяжело, тяжело. Ведь мы с мамочкой никогда «не погуляли». Первая Π жизни (лет 10) – нужда до того горькая, до того страшная, до того *безнадёжная в будущем*, что мы только плакали. «Нет исхода». Спас Суворин, буквально спас, и Царство ему небесное за это – вечно. Представьте, что в это время славянофилы («наш брат») меня томили: и с каким-то злорадством. На горе наше (страшно вспомнить) радовался и Рцы, «друг сердечный». Что-то адское. И вообразите: помог жид (Эфрон, добрейший малый (недалекий)). Затем – что-то радостное во время «Нового Пути» и «Мира Искусства». И – затем эта болезнь мамочки: подкрававшаяся незаметно, коварно, *сзади*. Ах, болезнь – всегда «сзади», всегда мы ее не видим. «И вот Васька кк есть (в одежде) бросился в воду». «Не могу, не могу, трудно, трудно». Ни дня. Ни ночи – *беззаботности*. Ох, устал. Простите.

Отыскал письмо В. о монетах: интересно, прелестно. И «по пути» взглянул вообще на письма: какая это сокровищница: по мысли.

Знаете: *время ушло*. Оно ужасно *ушло*. «Вдруг – старость, и, – ах, все поздно». Не издал я ни монет своих, ни ЛЮБИМЕЙШЕГО:

Литературные изгнанники:

Т. II. Леонтьев. Кусков.

Т. III. Рцы.

Т. IV. Шперк. Рачинский. И «неистово преданные православию» (десяток писем – б. ч. ругательных в отношении меня). (Но я их безумно люблю).

Т. V. Флоренский.

Т. VI. Цветков.

VII. Разные. Мордвинова.

Знаете, какое мое тайное намерение (Вы ПО ГОРДОСТИ скажете: суета, не надо).

Теперь печатаются письма Чехова, и литература, и общество восхищены, «какая прелесть, какой ум». Но ведь в них ведь нет СОДЕРЖАНИЯ.

<26 апреля 1916 г., Пг.>

[Письмо отсутствует]

<до 30 апреля 1916 г., Пг.>

Рукою Флоренского: Получ. 1916. IV. 30. Привез М. В. Нестеров из Петрограда. В этот день, после субботней всенощной он просидел у меня весь вечер до 12 часов.

Нет, друг милый, – судить ближнего и друга *можно и должно*, и кк. человеку-другу, и особенно кк. священнику. А Вы, конечно, – не есть и не должны быть частным человеком, раз уже со священством приняли «†» на спину себе («Крестопоклонная неделя», крест на спине нагибающегося архиерея, видал так у Ианникия в Нижнем). И в прежние годы, когда я Вам рассказывал об «опытах» с *prostitutée* и «s» – я удивлялся и сердился: «что же о. П. мне ничего не скажет», «как не осудит», не оговорит, не даст совета, кк. нибудь не удержит. Бывает словцо острое и тайное, которое вдруг «взнуздает».

Кажется, Таня едет к Вам и будет жаловаться. Ну Б. с ней.

Из «4 любвей» я получил «гром», а отдал за иной 1 000 000, в сущности – всю жизнь. Т. к. мамочка (болезнь?) имела необдуманность и свою Саньку (Бутягина), а главное – наших детей, посвятить во все, читала уворованные у меня их письма ко мне, и вообще черт знает что делала, чего ни одна жена в мире не делает. «То, что ты сделала, хуже всякой измены», – да и, конечно, хуже. Кто же, отмщая за себя и, в сущности, даже отмщая не за мою поруганную любовь (допустим), а за потерю едино-властия за 20 лет надо мною – жжет, разрушает дом, с детьми, и имуществом. «Дом» = будущее, «summa» детей, получаемая в наследство от родителей, кк. завещание, кк. благо, как добродетель, кк. «путь». Согласен, что зерно этого «дома» любовь между собою родителей, память которой у детей и есть на всю их жизнь «главное наследство». Так у нас и было, сложилось. Но в жизни бывают «экивоки». «Никто, кк Христос, без греха». Что эти «экивоки» – только и объясняешь их грехопадение. Нет дерева без червя, нет камня без пятнышка, и даже на фабрике телескопы изготавливаются с «пузырьком сбоку». Мамочка моя дорогая в старости имела любовником семинариста, все «наши» (братья и сестра) ругательски ругали ее за это (сами весьма и весьма «путаясь»), Господь же меня наставил никогда ее не осудить (и в детстве), и я вот благодаря этому дожил из всех один до 60 лет («чти отца и мать и *долголетен* будешь на земле»), и это мое неосуждение, ни на одну секунду мамаша, стало почти всем моим внутренним богатством, которое, поистине «охраняет меня на всех путях моих» (чувствую). (И я совсем не был бы и в литературе тем, что есть, не питай меня тайно эта любовь к мамаше). (А ее «Ванька» (Иван

Вознесенский) порол меня, и вообще «школил» ДО гимназии, т. е. лет 7–8–9–10–11), и *Его*-то я кк. дьявола и хуже дьявола ненавидел. Но было какое-то тайное (у 7-летнего) разделение его – черта, и ее «ангела терпящего», «несчастливого», привязанного к нему по глубокому одиночеству души (с кем же было ей говорить, не с «нами» же, которые были все драчуны, глупы и нелепы).

Ну, хорошо. Родители вообще и должны оставить детям хоть ДЕКОРУМ счастья детям в наследство, если нет или «не вышло» счастья. Ассигнации вместо золота. В сущности, жизнь наша была чрезвычайно хороша 20 лет, и, в сущности, это = «много взято у Бога». Чего еще? Чего и как у Бога спрашивать счастья *до конца жизни*. Счастлив ли был Иов? Счастлив ли был Поликрат? С Христом, коего Бог отдал за мир – и Он, даже Бог, «Единородного отдавший» уже *eo ipso* не был *до конца* счастлив. Что тут за тайна – никто не разберет. Так куда же тут «Розановым тянуться к полному счастью», к полной чаше. Слава Богу, 20 лет. Извинением, и глубоким, мне служит то: а кто за мамой ходил 5 лет тяжелой болезни (после удара) и еще 5 лет миокардита, т. е. 5 лет лежания на кушетке? Не дети ли? Еще *наши дети* ездили (езжали) в больницу, охотно, любовно, и сострадательно, а противная *скучающая* морда Саньки Бутягиной показывалась на П часа (и всегда *молчала*) только тогда, когда «очередная лесбийская подруга» сидит на лавочке в коридорчике больницы. Ну, а по телефону льются речи соловьем с «подругами». – «Как спала? И пила ли водицы ночью? Приду, сейчас приду, оденусь и приду. Видеть этот ▲ (камень) Санькиной душе по отношению к матери, которой она ни одного никогда нежного слова не сказала, не положила ей ни разу на щеку любящей ладони, ни прижалась ни разу – был истинный УЖАС. Но зная греческую и необъяснимую (гипнотическую) любовь их, матери к этой ничтожной козявке – я никогда слова ей не сказал. Но вернусь: так 10 лет ухода-ухода-ухода-ухода, и, конечно, не будь этого моего ухода, Варя давно лежала бы в могиле, но я «строчил бесчисленные статьи» для леченья (деньги – леченья) и безотвязно жил при ней.

И – УСТАЛ. Поистине устал. Болезнь, болезнь, болезнь, труд, писанье, газеты, сотрудники. Ничего кроме ТРУДА+УХОДА за больной. Знаю – мораль. И для морали. И для морали – должен быть добродетельным. Но это – БОГ, БОЖЬЕ СОВЕРШЕНСТВО. И старые мои «опыты» с *prostitutée* на этом же основаны: «вышел, бросил шапку оземь, напился и заснул». Без всякого рассуждения, логика и психология. Есть «логика усталости» совершенно вне всякой морали. ХОЧУ УСНУТЬ. Закон сна – тоже без морали.

Всего этого дети тоже не понимают, наши дети – по детству, Санька Б. – по тупости и потому, что «внимает» (внутренним ухом) только лесбиянкам, и вне *Lesbos*'а для нее нет мира. Но у Саньки в руках все дети (начало лесбийского гипноза). С Васей она двух слов никогда в жизни не сказала, Вася ей не интересен, глуп и туп, а «девочки-ангелы» (в Содом вошедшие – показались жителям его «ангелами»). Нет, дети – в полной власти и распоряжении Ал. Мих., авторитета отца или притяжения к матери в ней «0» или близко к этому. «Алечка! Алечка!». «Наташа – тоже Ангел». Среди этого Содома «дружб» я

совершенно бессилён, зная, что тут «тяги» гипнотичны и неодолимы. Наташа есть лесбийский Распугин, которому «девок надо много», и Бутягина её «уступает» по заметной любви и Глаше, и «кого Наташа захочет». А Наташа – Солдат. Все она совершенно тупы, и Наташа – особенно, читая «мемуары папского двора по-итальянски», не веря в Христа и плюя на христианство. Но семье и Шуре она кажется «гением, украшающим Россию» тем, что «такая образованная девица». Шурка, вбегая ко мне в комнату, говорила: «Посмотрите, что читает Наташа». Вообще она УКРАШЕНИЕ РОССИИ. Русского они ничего не читают, только жидовские газеты и жидовские книги (Наташа *по отцу* еврейка, мать – немка, кажется). И вот наших детей она тащат в этот омут «S» и жидовства, и полного равнодушия, если не ненависти ещё, к «глупой, пошлой России». «Весь свет с Запада». Все это больно, все это страшно, но я – частью от 60 лет (20 апреля исполнилось 60 лет) – ничего не могу сделать, говоря «Бог взял, Бог дал», «ничего не могу и не умею». В. Р. (ужасно устал).

Т. ч. «суда» В. я не избегал, и всякий *должен судить*: но, но удивлялся: кк. умный человек может думать, что все ПРОИЗОШЛО БЕЗ ОСНОВАНИЯ, по ПРОИЗВОЛЕНИЮ ПРИХОТИ. И кк Вы могли думать, что «я запутался в грехах», мне «захотелось побаловаться», а не ЧТО-ТО ТУТ «ЕЩЕ».

Но теперь я разорвал (почти вполне) с 4-мя, запретив им писать, и лишь в Праздник перекинувшись приветом. Да и вообще это слишком ликвидируемо, – и так было поставлено в условии при начале, что «ликвидирую, кк. только маме (здоровье) будет хуже или тревожно». Это *все* *они* *имели в виду*.

Я писал, не дочитавши: вообразите – и я Вас осуждал внутри себя за недостаток *твёрдости* с друзьями и ГОРЯЧЕГО им суда. Но горячий суд и уменье его – «талант от Бога» и его явно в Вас нет. Тогда лучше не судить. Что Вы правильно и избрали.

P. S.

Кончил письмо, помазал прыщи карболкой, прыщи, умываю руки – и «весь о Вас, все о Вас» (грустный тон В. письма) и сочинил:

Флоренский и анекдот

?!?!?!

Между тем в этом ноумен Вас. Вас «гнетёт» жизнь её, *трудна*. Знаете, Вы страшно похожи на мамочку (Варв. Дим.). Вся Ваша личность и судьба вероятная в будущем – трагична, тягостна и т. д. Вы не «живете», а «работаете жизнь» и «везете воз», поистине без свободы движения.

Думаю, думаю, думаю....

Жалко, жалко, жалко....

И – «эврика»:

Платон же сказал:

Есть и идея ВОЛОСА

(«маленького», «никому не нужного», «смешного бытия»).

Это – анекдот. Шутка. Смешное.

Что такое «анекдот» в мире и для чего он нужен, кому нужен, это – до скончания жизни не поймут *юные* Цветков, Мордвинова, я думаю, – Андре-

ев. Но мы с Вами можем и должны понять, я понимаю художественно, а Вы хотя бы для самоспасения должны понять умом.

«Анекдот» нужен космологически, п. ч. на свете существует и от сложения мира существовал (–али) «Флоренский».

П. ч. невозможно, чтобы на свете существовало:

100% печали,

100% угрюмости,

100% работы и серьезности,

«Плечи человеческие сего вынести не могут».

И Господь провиденциально всунул

АНЕКДОТ.

«Господа или Сыны Мои – не так серьезно. Вы все-таки не «боги» и спина Ваша всенепременно сломится, если Вы будете состоять из 100 и даже из 99% золота – без всякой примеси соломы, пустого в себе, глупости, водевиля, *анекдота*». Страшная сторона в Вас, – страшная для Вас самих, вечно Вас надломляющая, что Вы дружитесь ли, редактируете ли, пишете ли статью, письмо – непрерывно все трудитесь, работаете, заботитесь, и ни разу не «высунете язык миру», сказав: «Я устал говорить – посмотрите на язык мой и посмейтесь беззаботно». Вы совершенно не *беззаботный человек*. Как такому жить? Нельзя жить. К сожалению, Вы так, по-видимому, и погибнете («затрудите», «заработаете» себя) – ни разу не улыбнувшись и не рассмеявшись.

Это

СУДЬБА, РОК.

Вы – ЧЕЛОВЕК БЕЗ ОТДЫХА (метафизического). Это – страшно.

И еще думал об одной более страшной черте у Вас – но лучше не говорить.

Вот Ваши 2 НЕСЧАСТИЯ.

Остальное – чисто, возвышенно, прекрасно.

Но явно Господь надел на Вас эти два †† (креста).

Безумное сходство между Вами и мамочкой.

Она = необразованный Флоренский (она ноуменально умна, не давая себе в этом отчета).

Вторая штука прямо страшная: Вы – художник, эстет. Острым всемирно глазком Вы замечаете «прекрасное во всем мире». И в силу частью отсутствия анекдота, отчасти обилия золота (89% золота) и относительного безволия Вы из этого обильного в себе золота *неодолимо* плетете изящные кружева в себе и внутренний мир свой наполняете золотыми идолами, которые суть изящны, но не суть живы. В частности и конкретно это именуется «стилизацией». Что в ней «мухи» погибли – не жалко, но когда угрожает в ней запутаться гений – «рвешь на себе волосы». Это самое страшное для Вас и «только Господь может помочь». Ему и молитесь, вечно. Просите помощи. Это до того страшная вещь, ибо тогда весь внутренний мир подустинен, – золотой, а – «нет его». Страшное – «ничего нет». Уверен, что П В. страдания происходит отсюда. «Лучше запить», «лучше публичные девки». Отсюда: правильно, что Вы поступили в священники. «Бог привел». Будьте «у Христа за пазухой».

<5 июля 1916 г., Пг.>

<Записка на отрезном купоне.

Рукой Флоренского:

Получ. 1916. VII. 8 при переводе денег для Тани Розановой>.

Дорогой Пав. Александр.! Спасибо за рецензии. Исключаю ужасное: «Сочно написано». Любуюсь египетскими птичками. Деньги передайте Тане.

А. М. Флоренской <18 июля 1916 г., Пг.>

Дорогая и милая Анна Михайловна! Таня давно уже написала нам о неожиданной и страшной смерти Вашего брата. Не вмешиваю слова Ваши в скорбь: она всегда так внутренняя, до того «в себе», что стороннее слово как-то царапает душу, делает в ней что-то жесткое, непереносимое. Но меня убивает судьба о. Павла. Что за судьба? Почему его все гнетет? Смерть Вали, состояние матери после этой смерти, – и вот еще смерть Вашего брата, которого он – по письмам ко мне – очень, чрезвычайно любил. Как черны и страшны его созвездия. Что это, откуда? Не понимаю и поражаюсь. Простите, если я скажу, что, женись на Вас, он нашел величайшую отраду, – что Вы его страшно утешаете, поддерживаете (он писал), и Господь да поддержит Вас в горе этим сознанием абсолютной нужды для человека. Мне кажется, все мы живем и получаем силы жить от чувства, что нужны людям. И как «не нужен никому» – то человек и умирает, – неудержимо, фатально.

За Таню – спасибо Вам горячее. Она много писала, как ей хорошо около Вас. Как ее душа успокаивается и воспитывается около Вас. Вот видите, и боковое дело – а как оно другому необходимо.

Я слышал – Вы маленького роста. А ведь портреты Ваши дают скорее крупное впечатление.

Господь да сохранит Вас, милую и дорогую, в печали.

Таню поцелуйте от меня.

Ваш горячо любящий

В. Розанов.

1916. 23. VI

Моим друзьям
Флоренскому и Андрееву,
жестоко меня обидевшим.

[Буду писать попросту, по-русски].

Вот я всегда говорил, что Вы д...ки, – не по уму, а по возрасту, по молодости.

Вышло именно так, как я в темных закоулках души, ее переходах и «чуланчиках» чувствовал, только не зная, как именно выйдет, как «имя и отчетство» выхода. Что же могло выйти из любви (да еще и любви ли) двух курсисток в Москве, *занятой* 40-летней учительницы в Царском, ухаживавшей за мною больным «домашней девушки» Домны Васильевны, и *chavalier* Rosanoff, который прежде всего «не может» и все она безусловно и с начала же не то почувствовали, не то и определенно знали, что «не может», ничего не могло получиться, кроме эфирной (очень прекрасной, очень возвышенной) дружбы – а ведь и Флор. умеет писать «Друг» с большой буквы. Ах, о «дружбе»-то мы пишем, а к дружбе-то мы не очень бываем способны, и к главному сокровищу дружбы – ДОВЕРИЮ. Господи, да в чем же дружба, как не в том, что «я тебе верю». Ну, теперь дело все кончено, а оглядываясь назад, скажу: такого почти фантастического доверия, дошедшего совершенно до Абсолюта, я вообще никогда не встречал, – между прочим и в Варв.Дим., в начале, середине – не говоря уж о конце – нашей жизни. Я не хотел, конечно, злоупотреблять и не приказывал: но они как-то угадывали, хочется ли мне поест, уснуть, устал и «помолчать» и т. д. и т. д.: и совершенно равно-честно все 4 спешили, делали, ну «только Васёночку» («Васюте», «Васеньке») было хорошо, удобно, не жало, не теснило». Никогда ни разу – размолвки, неудовольствия. А я «по обыкновению свинья» вел себя как и всегда «развалясь», т. е. придя в полголоса (от прислуги) спрашивал: «Как бы мне лечь», «уснуть», «отдохнуть». Заметьте, что я в жизни вообще не знал *глубокой* дружбы, заметьте, что к «всегда некрасивому» Розанову женщины никогда не подходили близко; заметьте, что от дочек (кроме их *детства*) я, кроме грубостей, мало что слышал, что от Бутягиной я видел только двуличный не то флирт (но абсолютно – я думаю даже во сне – флиртующей ее натуре), заметьте, как я, писал о Павлу, что все произошло нечаянно и с неуловимым «мало-помалу». Собственно, вот с чего началось решительное и «прикосновенное». Мордвинова, вся полная доверия, патетического доверия (она очень несчастна: родители ее – оба любимые – в *окончательной ссоре*, и не живут вместе, «папа начал изменять маме с первого месяца брака») сделала – письме в 10-м, после прочтения одного детского ей посланного мною письма, – ужасное о себе признание, после которого или «бросить переписываться», или сказать о себе подобное, аналогичное. Конечно, я ее не осудил и, конечно, для «уравнения прав» о себе сделал тоже отчаянное признание. Чего вообще никогда никому не говорится. Ну «и пошло».

Ну, хорошо, ой, устал. То, дорогие мои, как же я мог при таком их страшном «служении» мне – оттолкнуть, поступить грубо. Но и то, в прошлом году, я написал как-то Мордвиновой, что «мама телепатически все чувствует и грустит, – точно ей не хватает жизни», – и она мне написала: «Оставим тогда переписываться, чтобы мамочке никогда не было больно». Вообще они, м.б., по детству своему составили идею себе, что и теперь будут помогать маме ходить за мной, и отчасти – ходить за мамой», не считаясь вовсе с тем, возможно ли это в «союзе брачном», в союзе особенном. Я видел, что это –

мечта, но оставлял *laisser fair, laisser passer**. Ну, вот и все кончилось. Мордвинова, которой безумно хочется иметь ребенка, полувлюбилась во врача, ее лечившего, «такого славного малого», Каля ушла вся в «добывание хлеба насущного», учительница музыки – с которою я не виделся ни во время, ни после очень тяжелой операции, с рассечением живота (фиброма) – 6 месяцев не видалась со мной и не писала мне: т. к. я написал сестре ее («в дружбе с нею»), что лучше нам и не видеться, и пусть она и не пишет мне. А она «абсолютно повинуется». Души всех их трех я как-то устроил, открыл им «грешное и простое и доброе в церкви и попах», – что «не нужно вообще ссориться», а что нужно любить нашу Россию «какая есть», и с сором и с глупостью. Все это – слегло, почти внушением, а не разговором: и когда время прошло, они сами «за другими делами и заботами» отошли от меня, как земля, засыхая, «отстает от ног». Что я – ей-ей не ради себя, а ради их – целовал им всем груди: что ей Богу надо жить подлецом и фарисеем, чтобы это осуждать. Ведь она женщины, ведь она абсолютно не могут обойтись без телесной ласки, без того, чтобы их кто-нибудь приласкал, на них полюбовался. Господа: обратите внимание, что ведь Бог, сотворя мужчину для бесконечности дел, Еву создал ЕДИНСТВЕННО для полюбования Адама, и чтобы Адам ее «взял». ЕДИНСТВЕННО: вот это-то все богословы и забывают, и с тем вместе не понимают они все, что если мужчина имеет «слишком много без женщины», то женщина без мужчины совершенно ничего не имеет. Ничего: и я страшно ненавижу попов за их прямо страшное (скотское) непонимание женщины и ее особой прямо *страшной судьбы*. Бог страшно создал женщину, страшно для нее, страшно для ее судьбы. По существу, по рассказу Библии – «ничего, кроме постели». Мелькает мысль положительно страшная, что Он ее собственно сотворил проституционно, – заметьте: «и наделив для этого красотой». Как проститутки все мажутся перед вечером; «кокетство» для мужчины – уродство, не переносимо; к женщине – «идет», «все кокетки». Это же, господа, странно, и мы «вопреки даже Богу» должны пожалеть свою несчастную сестру. «Ей, Адам, не забывайся – шлепнешься рылом в грязь». Но Адамы и даже лучшие из Адамов забываются, и *мужчины* почти все презирают женщин за их слабость. Не понимая, что слабость не есть порок в них, а или ошибка Бога в создании, или «бедные наши сестры». Как кольнуло меня, когда о. Павел написал («Примечание к Легенде о Моисее Угрине», в «Люди л. света»): «Если бы к Вам, В.В., стала привязываться женщина на дороге – Вы бы наверно *ее ударили зонтиком*». Я ненавижу легкомысленное в женщине и ни один «флирт» не прощу: но что проистекает из несчастной судьбы ее – как я «ударю зонтиком». И так, ей-ей, мне всегда больше хотелось спать, чем целовать: но я улыбался, делал привет, и, заказывая чай с земляничкой – после сна – целовал груди перед сном. Вы осудите. Ваша точка зрения. Клянусь – я не могу осудить: моя точка зрения, – другая. Если бы Вы оба, дураки, знали, до чего я мало чувственен. До чего никогда-то, никогда мое «я» не играло почти никакой роли в этой чув-

---

* Позвольте делать, кто что хочет (*фр.*).

ственности. Но: «им нужна ласка». Мужчине – мир, а им БОГОМ дозволено только одна в мире и исключительно мужская ласка.

Но как бы то ни было – все кончено. Я Верочке написал: пусть любит и *живет* с д-ром. Я знал, что так или приблизительно так кончится, что «так Бог приведет». И только не торопил, не толкал в спину. Ну, вот. Не судите *рано*, друзья мои, даже когда и захотите судить строго.

В. Розанов

137

<17 августа 1916, Петроград>

Дорогой и милый Павел Александрович!

Сперва я было «упал духом» перед Египтом, а теперь опять оправился. Ну, что же, что я «ничего не знаю в подробностях» об Египте: *памятники Египта* говорят *из себя* так много, и говорят именно *то, что я* думаю, думал с 1897 – 6 – 5 года: (когда остановился на вопросе пола под давлением своей семейной истории) – и **чего совершенно нет в египетских историях** (договоры, войны etc., в религии – имена богов и мифы о них): или почему же мне и *не говорить так, как говорю*. Геродота египтяне не пустили в «тайнства», сказав: «Надо сперва обрезать». Ну, хорошо: но Вы все думаете, что я говорю пустое, что «разглядел тайнство обрезания» – *с Его Божьей стороны*, а не человеческой: но это в самом деле так: и чего же мне «бояться» перед Масперо, вероятно, даже не знавшим, где у его жены груди. Нет, милый мой: если «Кареев» есть «Кареев», то ведь потому, что он «учился у Масперо и у Петражицкого». Дело в том, что наука-то, «обладая всеми средствами», пуста. Просто – без *idées innés*... * Пустая душа, пустое сердце. «Нет задач в мире». «Нет долга перед Богом». Ну и т. д. И... довольно гнутья, еще гнутья, все расшаркиваться перед теми же, в сущности, «Боклями», Вы (чувствую за много лет) все приписываете мне **внутреннюю нескромность**: но ей-ей, взгляните на Василья и Вы увидите, что он по-настоящему скромный и тихий человек: а что восторги гнут душу, вырываются «необычными словами»: то, Господи – это ДЕЛО. И если Бог дал увидеть смоковницу: почему я буду говорить спорынью, клюкву, не знаю что. Помните наш старый с Вами завет: РЕАЛИЗМ. Он должен быть в восприятии, в мысли, во всем. Вы знаете, что во мне нет стремления понапыжиться, «сыграть роль», «показаться не тем, что есть». Господи: а остальное – просто *реальность*.

Слово «фал-ческий культ» (я убежден, что в Египте *его не было*: было совсем же другое, до некоторой степени его *противоположное*: это, вероятно, римляне и греки сочинили словцо) я в первый раз узнал из письма ко мне Рцы: когда я ему кой-что изложил насчет «завивания души младенческой в половом акте»: он ответил мне, сперва ужасаясь, а потом успокоено: *tritum per tritum* («тёрто-перетёрто»), это – фаллический культ, бывший в чудовищной египетской мерзости, в египетском поклонении Сатане.

---

* Врожденные идеи (фр.).

Прочитав это и погода недельки 2, отправился я в Публичную. Радлов мне случайно ткнул перстом на *Lepsius-Denkmaeler*. Отошел (Радлов). Я – один (это в «отделении», где *никого нет*). Помню – тихо. Волшебно. «Ну...». Открыл. И нашел *все свое*.

Великое (неизмеримо выше греческого) **благородство египетских лиц** мне открыло (и это-то и есть мое *главное открытие*), что мысль Рцы «о поклонении Сатане в Египте» есть великая чепуха, «слепота Кареевых», – и будьте уверены, что Шамполион, истолковавший чудовищно «статуетку Didon» (= «Ниломер», по нему), был учнее Кареева: и *состава души* – его.

И вот когда я перелистывал дальше и дальше и стал немедленно срисовывать (а рисовать я не думал, думал – поглядеть, увидеть), то... что же толковать; я увидел свою душу, все заветное свое.

Ну, устал.

Что же мне эту единственную в своем роде вещь, этот, я думаю, не бывавший в истории случай полного до величайших мелочей совпадения души «новичка» с душой «создателя колоссальной цивилизации» – скрывать, таить. Чудо совершилось. Я смотрю на это кк на чудо. Нет, дорогой: я не могу остановиться. Мне было бы больно (и страшно), если бы «мой Фл-й счел меня хвастуном». Плакал бы долго (Вы знаете – ночью) и все-таки, встав утром, сказал бы: «Господи, Ты – *реши*». И написал бы так, кк писал, пишу.

Безумно устал.

Приласкайте Таню. Поцелуйте от меня. Увы, Вере хуже: т° 38,1–38,5. Я ужасно испугался. Иду к ней в субботу. 1-й вып. выходит в субботу. Вам – конечно, даром. Андрееву... но и его ведь, благородного (только жесткого) я ужасно люблю – тоже даром. И Тане пришло.

В. Р.

Вот что, милый: скажите кк-нибудь *при Тане*, что я «открыл Рюккерта» и вообще что-нибудь лестное. Тогда кк для мамы я «умен» – все дети считают свою «Анечку» и Наташу в 100 раз умнее меня, и эта потеря авторитета, между прочим, и *умственного* – ужасно мешает жить, «палка в колесо жизни». Таня в 16 лет назвала меня раз «идиотом» – в ответ на слова мои: «Шура, я пойду с тобой к докладу, чтобы тебе было не трудно»; и за границей, об одном уроде: «Папа, он даже хуже тебя». Я просто опешил. Но я догадываюсь, что все это алечкины внушения исподтишка.

Очень хорошо Вы о себе написали.

Исправить предисловия уже нельзя: все отпечатано «начисто»: печатается один 4-й лист. Ну, «с Богом», не буду толковать.

138

<25 августа 1916. Халцла; по новому стилю 7 сентября>

Дорогой Павел Александрович!

Вот что: я очень ценю, как Вы с *одушевлением* отнеслись к моему изданию. Я в отчаянии тоже было написал унылое письмо Глубоковскому (впол-

не удивительный человек, – не кк ученый, а как человек), и он мне тоже написал очень хорошее письмо. Смута моя отчасти рассеялась: ведь я же и не буду «рассказывать историю Египта», давать плод «изучений как деятельного рассмотрения» и проч. Ведь я уже самым заглавием: из мотивов – определил свою тему, предмет. «Вот *межи* (оглобли), в которых я *иду*». Теперь эти «мотивы», о которых может сказать каждый: «*Это неважно*». Но здесь уже опять дело не подробного изучения, а *доказывания*, «что важно и существенно, что – нет». А «доказывание» – дело ума, логики. Так. обр., осматриваясь «вправо» и «влево», я нахожу, что «не вышел из своей *границы*», а это-то, конечно, и составляет сущность «не быть смешным», перед чем я вдруг безумно (безумнейшее) испугался.

К делу: да, «фалл. культ» не было, как грубости, как пошлости: но когда я начал писать статью для «опровержения фалл. культа», то как-то самое дело (наше «реальное дело») стало все-таки заворачивать к «фалл. культу». Который, так. обр., и был и не был. Это ужасно тонкая, утонченнейшая материя. Возьмем «личные примеры», того, сего. Возьмем имена. «Тихая эфирная барашня», конечно, выходя замуж, «вся в любовном эфире», конечно, ни на минуту не представляет себе «Его» (ф.). «Не думает». Однако же любви и брака вовсе бы не было, и она не была бы взволнована и влюблена, если бы «от создания мира и в существе вещей не было ф.». Т. обр., «он» и *есть*, и – *нет*. О нем «никто не думает», а в ряде вещей «он всем управляет». Но я как-то в сотый раз и с сотой стороны прихожу к вопросу о «застенчивости». У животных – хвост. «Что такое? Почему?». Стыд, «скрываемость», «непоказываемость» – есть истинно бездонная вещь. Это не «грех» и «зло», а что-то прямо страшное. Именно «стыд»-то и показывает, до чего страшно все тут, – и вот именно что «стыдно» и вводит прямо в пасть фалл. культа.

Вот что: Вы мне хотели прислать рисуночки – пожалуйста, и поскорее.

Да побродите глазами по Масперо: есть ли у него что-нибудь о множественности лиц у человека, о половом лице, половой голове, *sarut*, есть ли объяснение, почему крыло у египтян идет от *поясных* позвонков, – и отчего есть фигуры с 4-мя крылами. Вообще это в помощь мне, дорогой, – и целиком позаботьтесь. М. б., если Вам абсолютно некогда, – кто-нибудь из студентов «помахает носом».

Вот еще что, дорогой мой: не расстраивайте меня в течение издания указаниями, что «плохо». Вы знаете, всякая работа между прочим состоит из *одушевления*, и одушевиться невозможно, если вдруг указано на «грех», хотя бы право: все «падает», настроения работать – нет, и прочее.

А уже исправить «решенное», в сущности, невозможно: это все равно, что «живому человеку» – *переродиться*. Я ужасно впечатлителен, и предаюсь радостям, кк и отчаянию, так же легко или легкомысленно. Помните кк Вы и Волжский «сшибли меня с ног» с Кор. 2. А в сущности ведь что такое? Я «волнуюсь» – да и только, что же мне делать. А я *тогда* счел: «Все у себя испортил, нагадил» etc. Так я *всегда*. И меня «подшибить подножку» – ничего не стоит, но этого – не надо. «Пусть Р-в скачет куда хочет». Достаточно,

если я не желаю зла. (А этого – не желаю). А «дурак» или «ошибся» – то «экая важность». «Все мы немножко дураки» и «мудр 1 Бог».

Ой, устал.

В. Розанов.

В Петербург шлите рисунки. Я пока гошу у Верочки. Она чувствует себя хорошо, и только нас с мамой напугала, т° 37, 1.

139

<29 августа 1916. Петроград>

Я думаю, Берд., иностранец по существу, не дорожит русской, вот именно «нашей» церковью. Тут он движется параллельно Мережковским. «Что им Гекуба». Зачем «москвичи» и, в частности, Вы именно, Вы особенны, досадны им: 1) «как что-то стройное и явно удавшееся», 2) как совершенно образованные люди, удовлетворенные же, однако, нашей серостью.

Я достал и перечитал его «Стилиз. правосл.». Придвигать Вас к Гюисмансу – это что-то ужасное. Он просто клеветает и *хочет клеветать*; в этой статье он явно зол и неблагороден. Теперь я припоминаю, что ее *видел*, когда она появилась, но «клюнув» строк 10–15, не стал читать («скучно»). Вообще должен сказать следующее (не сочтите за хвастовство): из религ. писателей теперешнего времени можно и хочется и «вкусно» читать только Вас: у Вас в каждых 10 строках чувствуется налов мысли *вот в эти 10 строк*; страницы у Вас не летят и не летели, а Вы «складывали пирамидку» на каждом квадратном листке бумаги; вообще у Вас чувствуется кладка мысли; и читать Вас прямо восхитительно. Вы и сами едва ли знаете вполне (самому и иногда не видно), до чего Вы монументальный и от этого красивый (до необыкновенности) писатель. Письма Ваши, – и особенно где Вы порицаете «напор мысли», – я читаю с восхищением. (У меня есть чувство слога, стиля, силы и красоты их). Но, собственно, кроме Вас, совершенно невозможно читать никого другого. Берд., по-вид., «прекрасно пишет»: но у него «прекрасны строки» и не более 1¹/₂ каждой страницы: а если взять *главу* – все неверно и легкомысленно. Булгакова я тоже не могу читать: ничего религиозного. Вообще у этих писателей поразительно то, что они совершенно не религиозные писатели. Никогда не вздохнешь. Никогда не защемят сердце. Все, в сущности, «опровергают атеистов», а в сущности – по отсутствию музыки в душе – суть атеисты же. Не умею выразить. Вертаюсь.

Но вот в чем Бер. прав:

Ведь вообще-то на Руси действительно скучно. Хочется шевелиться. А чтобы «пошевелиться» – не на что упереться. Хорошо Вам – с *бездною* личной внутренней жизни и «доброй Аней». Но Бердяеву с ? Юдифовной весьма скучно, и он недаром принялся за ее сестру. Вообще святым на Руси – хорошо, и – простоватым. Но обыкновенным людям с потребностью движения – невыносимо скучно. «Революция» делается не потому, что к ней тянет, а оттого, что «надо же шевелить ногами». Вообще наша кислая и святая Русь

хороша-то хороша: но иногда тошно становится. Теперь: «революция» им опротивела: и они останавливаются на реформации, в смысле «лечь на другой бок». Жалеть в «старом русском» – им нечего; и они говорят: «Давай ветра, давай бури, давай качки».

Тут они не неправы. Очень уж у нас тихо. Я не люблю католиков: но посмотрите, как они изукрасили «жизнь правоверных католиков». Какая грандиозная картина и история. «Иезуитский орден» – противен: но какие, однако, гигантские усилия, надежды, труды. И Лурд. И Гюисманс. У нас: все – «консистерии» да «реформа Петра». Просто – надоело. Просто – ничего нет. Собственно прекрасны и удовлетворяют и насыщают наши святые. Но вопрос: разрозненные лица суть ли церковь и церковная история?

Ну, это вообще.

Устраняя себя, скажешь: вон *для тех людей* действительно есть причина «испытывать конвульсии» и чуть не добираться до Гюисманса.

Еще: оглядываясь назад, опять я вижу в Вас «первого интересного (в хорошем смысле) церковно-религиозного писателя». А ведь жили 1000 лет. Что же это такое? Там – Августин. А у нас? Там хоть тюбингенцы, а мы? Просто – ничего нет. Вы – и еще Кон. Леонтьев. Вы, Хомякова не знаю. Но *наверное* интересен Гиляров-Платонов. Но это слишком мало. Посмотрите, как интересен и прелестен Паскаль. Маленбранш. Беркли. У нас просто сосали палец. Это же ужасно.

«И Берд. пишет ругательную статью на Фл., который *доволен всем этим*».

Мне это пришло на ум, когда я прочел Ваши чудные слова о Берд. («благород. человек» и проч., что мне на ум не приходило).

И слова эти толкнули меня сказать PRO Berdiaeff. Сам по себе и раньше он мне казался талантливым стилистом, но «мораль Бердяева мне и в голову не приходила». Вы своей добротой как-то обратили мое внимание на эту сторону.

Его книгу я купил, п. ч. мой Радлов в письме о ней хорошо сказал: «Мне очень нравится новая книга Берд., хотя и отвратительно написанная».

Устал.

В. Р.

140

<август 1916, Петроград>

Дорогой Отец Павел, Таня написала, что и Вы, и Ан. Мих. больны воспалением слепой кишки, но «у Анны Мих. еще не определилось». Что же это за напасть. И Вы вообще грядете точно не в свободном воздухе, а в месиве каких-то несчастий, и главное – болезней, смертей. Сестра. Вот брат жены. Вот сам. И жена неладна. Что это? Как? Почему? Но что-то тут вроде с неба (пальца с неба, – гороскопа). Чувствую и не умею понять.

И нередко, засыпая и думая о Вас, вижу лицо Ваше грустным, вовсе не таким, как встретил Вас в Москве у Булгакова.

Да, вот еще важное. Таня – с ее непосредственностью и детскостью все время «в восхищении» от Вас, особенно – от Анны Михайловны, и я не умею передать, как мы оба с женой благодарны и Анне Михайловне, и Вам за привет, ласку и такт. Больному, очень больному сердчишку надо было выздороветь, укрепиться, – и в Посаде она все это нашла. Тане какой-то вещий монах наговорил ей целительных и потрясающих слов, и мой цыпленок все почувствовал как следует. В сущности, она чудный ребенок. Только дома, «со своими» неуклюжа. Ну, да уж это Бог не дал русским «семьи». Несет на себе историческое несчастье.

Что она осталась на 1 год в Посаде – я счастлив. *Это определенное исцеление.*

Она пишет: что ей удалось получить урок в женск. гимназии. Опять это бесконечно спасительно для нее; и если бы не вышло урока – как было бы блаженно иметь хоть частные уроки, все равно – ей нужно жить больше вне своей комнаты, жить «исполнением долга» и «обязанностями». Это тот «сухой камень» в море житейском, на котором обсушивается человек. Устройте это, если не удастся в гимназии, у Васюка. Но бы лучше всего в гимназии. У нее страшное чувство *долга*, и «полениваться», кк папаша, она никогда не будет.

Задумал «печататься об Египте». Господи: жизнь кончается: неужели же все то «умиление», какое получил от Египта, пропадет? Уйдет в могилу? А с другой стороны: ведь я такой неуч, «даже по-немецки не знаю». Одно меня укрепляет: что даже Марков (в Эрмитаже, начальник монет), который кк «книголюб» (он немецких авторов *поправял в немецком языке*) раз, когда зашла речь об Озирисе, *не поверил мне*, что есть статуи *sum fallo*; и Адр. Викт. Прахов, *хахоча*, мне говорил: «Когда мы поднялись в лодке *до Нубии* (с Кривошеиным, Дедювым и сыном Д. А. Толстого – он б. его репетитор): *то в траве* видели не раз *Озириса* (и он показал на руку от локтя) – вот с таким членом». И вот у меня в душе смущение. С одной стороны, взгляд на Египет без пола (*sexus'a*) как будто что-то новое и нужное? А с другой стороны, «не знаешь по-немецки», да и вообще «ничего не знаешь». И томится душа, переходя от страшной веры в страшную уже неуверенность. Но (ведь я помню все Ваши дорогие слова): Вы как-то сказали: «Надо бы все это издать (мои рисунки), хотя с небольшими комментариями. А недавно один старик, Доливо-Добровольский, увидев чуть-чуть мои рисунки, сказал о лицах: «Что это за *изумительное благородство* линий». Это меня кк толкнуло. «Надо издать».

Ну, да.

Господь благословит меня, буду верить.

Еще: я получил – не прося: 1000 р. от Драгоева, «друга» Апостолопуло, у которой мы жили в Бессарабии и которая с год назад умерла от рака груди – с просьбою вот частью на его счет (конечно, заимообразно) напечатать то, что было написано у них в Сахарнее, и где (он думал и отчасти есть) – отражена милая Евгения Ивановна. Она в самом деле была «по милосердию» и

частью уму – гениальная женщина. Ну вот, видите, как сложилось дело. О Вас, Волжском и Кожевникове я много размышлял. Не умею «по пунктам» доказывать: но что-то мне говорит, внушает, что хотя Вы все и правы, но лишь в □, а в □ все-таки неправы. Тут есть какие-то «разницы» субъекта и писателя, «советуемого» и «советующего». Не знаю. Не умею выразить. *Мне ясно* (субъект), что я «не подражаю самому себе» (главный упрек): и, след., *фальши* в «Оп. л.» нет. Что же остается: «душа шумливая и суетная. Ну и черт с ней – раз такая уродилась. Чего прикрашиваться. «Злюсь». Ну и злюсь. «Господь с ним, и с злым». «Пришло зло в душу – *ничего не* поделаешь». Я б. поражен, прочёв у Бердяева, что в какой-то о Вас статье (я случайно пропустил) он Вас упрекал за стилизацию: я бы ни за что не написал как-то Вам этого, если бы знал, что он написал. И потом, прочёв (недавно) у него и начав глубже размышлять, я пришел к убеждению, что все это ерунда. Не «стилизует» и не может «стилизовать» человек, которому вообще *трудно в душе и трудно в жизни*: а Вам ли не трудно? Поэтому я беру все слова свои о «стиле» назад. Это нам показалось «стиль», п. ч. «хорошо»: но ведь «хорошо» м. б. и просто само по себе, *ex origine**, а не по подражанию чужому хорошему.

Но вообще непонятно, почему в статью свою он вложил столько яду, сколько вообще его имеет, т. е. (я думаю) немного. Чем и зачем он обозлен? Не понимаю. *В. Розанов.*

141

<9 сентября 1916, Петроград>

Под впечатлением В. рисунков фа-лических (*именно ф-ческих* – все, кроме 1-го, уже у меня есть): у Шперка было лицо *в некоторые часы изумительное*. Вы знаете эту таинственную улыбку египтян, «ни на что в свете не похожую и всего в свете лучшую». Проезжая мимо сфинксов – прямо хочешь соскочить с конки и целовать этих сфинксов за эту их улыбку. И вот, представьте: у Шперка была эта улыбка. Суть в том, что лицо серьезно, губы не смеются (отнюдь!) – но от лица отделяется свет. Он был он..... (мне рассказывал, томительно жаловался «на порок» и Влад. Соловьёву, кот., конечно, тоже б. он....., но черным). Я передал жене: и жена, зная его этот он..... и видя эту улыбку, – всегда говаривала: «Это оттого, что он он.....». А Вы знаете, Варя часто бывает бесприсветно умна, точнее – ясновидяща. И мне казалось тоже, что этот таинственный «свет Шперкова лица» связан и вытекает из его он.....

Есть черные он....., «отчаявшиеся о себе», и у них лицо – мрачное, угрюмое. Шперк был до того юн, до того любил свою «Анну Лавровну» (жена), так был уверен в своем гении, что ему и в голову не приходило «отчаиваться». Свой он..... он считал загадкой, «что такое – ничего не понимаю», и хотя считал себя «окаянным за него», как за «порок против своего семени», но, в сущности, «веселился в душе».

---

* С самого начала (*лат.*).

Тип души его – по В. «типам возрастания», – укладывался бы больше всего в Амвросия Оптинского. Следопыт. Гений. Психолог. «Друг из друзей своего друга», «презрелец мира и суеты». И т. д.

И вот у него этот «свет лица».

Веду я к тому, что я наблюдал (далеко не на 1 Шперке) и отчасти «размышляю», что есть какая-то *тропка*, соединяющая «фаллизм» с определенной, удостоверенною «святостью», «правдой сердца», целиком «чистосердечием» и «верой в Бога». Не могу определить, кроче:

Дух – ясен.

Сердце – радуется.

На лице – свет (егип.).

Помысл – к Богу.

«Как», «где», «это» – не разумею. Но ничто во мне не поколеблет убеждения, что «в натуре – так это и есть, есть такие люди», «ф-сты и Божьи человеки».

По теории это так и должно быть, но я исхожу из практики.

Ведь если взять «жидову», *en masse**, и особенно в древности, то даже дико было бы вообразить, что «после обрезания» они не суть ф-сты. Это – совершенно неодолимо, как христианину «носить крестное знамение». И конечно, *en masse* и в древности особенно – это «1-й по молитве и плод».

Это все поразительно, и это совсем непроверенная «тропка богопознания». Я раньше больше сосредоточивался на ктеїс: но года 3 я стал думать, до чего «все дело в ф-ле» и женщина «ничто» перед мужчиною собственно в половой организации. «Силы ф-ла неисчислимы». У женщины 12 раз выделяется яйцо; у мужчины – около 100 совокуплений, т. е. выхода «мужского яйца» (семени), и, главное, в каждый раз столько «живчиков», что «могут потомством наполнить весь город». Это же поразительно. Очевидно, он в плане творения «залит семенем», когда у женщины яиц 12 × 40 (максимум). Очевидно, он «осыпан половыми благодетелями». За что? Почему? Что такое. – «Потому что он прекрасен» (Аристотель).

«Призвание Богом Авр-ма в обрезание». Но тут – лучше не говорить.

За Таню – спасибо. Приехала «совсем новая». Главное – успокоенная и счастливая. Все говорит об Ан. Мих. (ужасно любит), «да и все у Сергия так чудно, так чудно». Моя почти мысль и желание, чтобы она осталась у Сергия. Тяжело это: но, Господи – и моя мечта со временем (т. е. скоро) «перенестись бы к Сергию». Петерб. мне всегда б. чужд и почти противен, и только здесь дорого – могилка 1-й Нади. Люди все ненужные и неинтересные. Поблагодарите (за Таню) особенно Ан. Мих. Кстати, я так и зародовался, когда Таня сказала (неужели ошиблась), что «Ан. Мих. носит все 1 платье, из той материи, которую ты (папа) прислал ей». Если правда – умоляю ее носить ее. Это мне до того дорого «по дружбе друга», да и самое Ан. Мих. я имею все причины любить. Господи: только бы не забыть. Еще пришлю ей. *Вы только*

* Целиком (фр.).

не разговаривайте меня. Ну, да я знаю, не разговаривайте: «Ведь это то же, что взял в руки перо друга». Фетишизм. Он стоит мелочей, а так сладок.

Часто (иногда) томлюсь об Египте. «Такая задача», «такой экзамен себе», – между прочим и всему трудолюбию. Такая безумная дороговизна: 1-й вып. (сейчас отчет перед глазами = 1142 р. 16 коп.).

Правка корректуры 119 р. 20 коп., – против 96 р. 88 «за набор». Конечно – это бесстыдная ложь «знаменитой типографии»: но где матерьялы и почва «возражать?» с корректурой и переверстками. Все типографы плутуют (мне говорили), и этого проверить нельзя. Собственно бумага и набор пустяки: 96 + 342, прочее все «налетело откуда-то».

Знаю и стыжусь (теперь) от египтографов, знаю (только не говорите), что Вы и Андреев осуждаете меня. «Но так все вышло». В день Троицы – у Скорбящей. Один. Вышел покурить. Сел «у второй паперти». Яркий день (всегда на меня действует). Праздник. Хорошо. Поднял глаза вверх (голубое небо): и так прямо это выговорилось: «Ах, эти огни уже погасли...». Пришел домой, и «все клевалось что-то в голову», – и выговорился 2-й ряд египтографов. Мне так показалось это соответствующим задуманному уже изданию, что я и «вклеил». Вот что еще: Вы, помните, мне говорили о Горуне, сосущем палец, что это «не то». Между тем решительно оказывается «то», – и, просто, доказуемо в двух разительных: 1) Статуя Озириса и 2) Древо жизни в райском видении. Последнее приведено «как картинка» у французского Maspero: безумно бы хотелось прочесть его объяснение. Царь и Царица сидят «на том свете». Царица нюхает цветок, Царь держит (помнится) цветок в руках. К ним протягивает П телом выделившаяся из дерева женщина – блюдо с кушаньями. Статую Озириса я нашел потом. Каково же было мое изумление, когда взглянув на «попавшийся рисунок из Maspero» – я увидел повторения «в древе жизни» этих изумительных подробностей, какими «заполнена статуя Озириса». Смысл подробностей до такой степени ясен и так отвечает вечному египетскому «палец во рту», что никакого нет сомнения о египтянах, что они «вечно как-то дышали половой атмосферой», и во всяком случае «в таинствах» – они «уже дышали не наддышались».

Как все это «передать анонимно», ничего решительно прямо не говоря, – я нашел способ; и собственно без нахождения «шрифтов заглавия» я не стал бы издавать книгу. Но меня смущает несколько подхождение к этому. Почему-то «в 60 именно лет» я усиленно много думал о поле, переходя в «да» и в «нет», – меря «так» и «этак». Так как «издание Египта б. уже задумано», то эти мысли текли невольно, приспособляясь к Египту, а отчасти и абсолютно самостоятельно. И вот меня смущает, сумею ли я «гармонично», без «ноуменальностей», вообще «красиво положить краски на предмет». Не будь бы Вы так окаянно заняты, я (следуя Вашему былому: «Пришлите мне корректуру») попросил бы Вашего соучастия в работе, – что касается до этих афоризмов, которые думаю поместить в конце (1/4 книги, г-ая), озаглавить en masse – «Перед запертой дверью», и которые ведь прямо к Египту не относятся, – и вот я боюсь «неуместности».

– Что это для ученых?! – Что мне Гекуба? – «Розанов и так слышен». И т. д. Это ли не страшно.

И – не страшно.

Но, дорогой мой, я *безумно убежден*, что в обонятельном и вкусовом отношении к полу лежит вся загадка, точнее разгадка – и Египта, и Элевзин, и еще – и в *норме*, но – и в аномалиях пола. Без этого тут ни шагу. «Все будут одни фараоны». Это просто неинтересно. Я оттого и начал с «света Шперка», что тут бесспорно и корень бесконечно жизненности тех народов, а главное – света, идеализма, совсем особенного. «Дороже египтян для меня ничего нет», а между тем их совокупление с животными, почти всеобщее – я думаю, бесспорно. Тут, конечно, есть и безумное возражение: «Да стань столько таких мерзавцев на свете» – и не сделали бы они цивилизацию идеального. «И сколько он. . . ., и сколько с s.: а цивилизация все-таки подлая». Так. Колосс возражения. Но ведь «и мужья многие суть негодяи», но нельзя сомневаться, что «величие Израиля вытекло из семейности его и частично даже – из «уголка, под которым творилось у них совокупление». Здесь дело не в «исправном пути», а в «тропках». А как их найти? И особенно – как их выразить. Где «мера» – аршин, вес и золотник? Помните, у Иезекииля: «Храм надо строить *по мерам*». «Сын человеческий: *возьми трость* – и измерь». В них все и дело.

За Таню – специальное спасибо. Она много рассказывала, и в ее благодарности всего менее слышалась благодарность за «аршин и золотник», за верность, за «ненажим нигде» при «полном руководстве». О, я так теперь люблю слушать ее! Слушаться так хорошо! И ведь это просто – *благоразумие*».

В. Розанов.

142

<10 сентября 1916, Петроград>

<Рукой Флоренского: получ. 1916. IX. II. На корректуре 2-го выпуска «Восточных мотивов»>.

Посмотрите, мой дорогой, нет ли чего явно глупого, что мой не заметил. И – верните. В. Р.

143

<12 сентября 1916, Петроград>

Был Кожевников. Пылал, горел. Нашлась слушательница, будто – недоучка, но не похожая на других, т. е. не сонная и вялая, а энергичная и умная (начитанная в «Отцах»), и вот он и ей для восприятия, и сейчас по отпечатанию своего «О понимании» (как и я бывало лишь о «существует ли *небытие*» – вопрос) весь излился в словах, мыслях и почти, можно сказать, громах. Я слушал, все слушали. Я его видел 1 раз у Ив. Павл. Совершенно другой,

новый, неожиданный. Я, просыпаясь ночью, думал все о нем. Когда прощался – подошел к нему под подбородок: лицо благородно – мефистофельское, а портретно выразительно, удивительно похоже на Мик. Анджелло (только тот урод, а этот красив). «Лучшую из дочерей своих отдал бы за него», и будь бы гостеприимная пр.... прямо оставил бы ночевать и отдал «лучшую д...» ему. Ей Богу.

И я утешился немного в русской этой промозглой какой-то нации, знаете: осень, холодно. И уже как встал поутру: моросит дождь, а небо безнадежно сырое, без облаков, и просто сырое. И вот: в университет пойдешь – сырое. В литературе что откроешь – сырое; да, кажется, в душу заглянешь – и там сырое. Только детишки никогда не сырые, хотя иногда и соплявые. Право, иногда подумаешь, что если бы не дети – Бог убил бы Россию. До того «сама себе ненужная страна».

«Не антересуемся», как проговорила одна пожилая проститутка.

И в другом – такой огонь. 65 лет. Только он, бедный, болен. И у него промелькнуло страшное – сапсег.

Ах. Ужасы.

Говорит: сын пишет стихи. Говорят: «Ваш Кирюша удивителен». Это 1 мой зуб против Вас, что Вы не написали, ни сестра его, ждали, ни когда родился.

Таня, открыв случайно Шперка, поразилась – до чего похож на Вас. Я, заглянув, – тоже увидел. Привезет Вам. Это б. вполне гениальный юноша. Ходил «уже по привычке» все в студенческом мундире, имея кучу детей и года 3 уже оставив университет. Тон, музыка – души – слога – образа мышления – совсем Ваши.

Что за судьба!

Ваш люб. В. Розанов.

Смотрите, как бы не переразвить Кирюшу и Васюка. Ужасно опасно. У младенцев, Вы знаете, мозг сам чудовищно растет (близость к фаллическому моменту и я) и тут *remedium** – задерживать.

144

<17 сентября 1916. Петроград>

Спасибо, мой дорогой и милый: но только зачем Вы тратите силы на *знаки даже препинания*: ведь это я сам должен выправить и, конечно, выправил бы.

Едва я Вам послал, кк *ахнул*: до того стало стыдно, что *навалил* на Вас работу, – человека столь занятого (Завитневич, – говорил Кожевников). Да и, по существу, это глупо и даже пошло: это я от трусости и малодушия, самого гнусного. Раз взялся за работу – и должен ее выполнить сам. «А не бегай по приятелям». Нельзя себе и представить, чтобы Вы о какой-нибудь главе «Стол-

---

* Лекарство, средство (*лат.*).

ба» с кем-нибудь советовались. Это просто глупо и именно *пошло*. «Не берись, если не можешь». А «если можешь – и делай сам». Как не догадался. Удивительно.

В. Р.

Таня просто удивительна. Я прямо люблюсь. И, украдкой и про себя – какая она глубокая, и до чего чисто сердце.

Вообще дети удивительны, и именно чистотой души, до странности невинной. Тоже и Вера, и Надя – хуже, жестче Варвара. Какое-то «другое тело». И совсем нет ничего общего с «Алечкой» (ритор.). А так зависимы от нее.

145

<6 октября 1916. Петроград>

Читаю В. каракульки на корректуре: и тк мило. Да, «рукопись» не то, что (подлая) печать. «Душа душе весть подает». Спасибо, милый (за труд корр.). Только теперь поправляя: все ждал клише.

Чудно Вы о Хомякове. Удивительная статья. И кк Вы его легко «отстраняете». Вот – сила. И «этот филаретовский слог». Но Филарет – Ваше смущение. «Сей столп попадающий» есть «соблазн» для Вас (чувствую). Но Вы своей милой мягкой душой – мягкой в *крепости* – гораздо выше Филарета, о коем Вы, конечно, знаете рассказ, что он, «не *закусивши* попом, не служил обедни». Я о нем слышал лютые рассказы, и особенно он любил унижение человеческое, т. е. любил другого унижить. Ваша же светлая черта есть та, что Вы любите поддержать уже униженного человека. (Сие и «аз» испытал). Вас никогда не радует скорбь другого (самая демоническая черта), Филарета – радовала. Рцы его ненавидел, а «Рцы – умен». Филарет не чтобы «прошел», но и не нужно, чтобы он возвращался. С ним – реформация; с «пьяненькими попами реформации не будет». Вообще: Русь странна: бредет, плетется, злословит, пер...., а – и *скончания ей не будет*. Это пьяное и безобразное место истории, но ведь и «нужно же г.. ну где-нибудь лежать». Русь – высерки человечества: ну, и наплевать. До чего гнусна мокрая Кострома: а даже «мудрый Фл. ее любит». Там серый грибок. Свои зайцы. Чего тосковать. «Ну, пусть и Филарет придет – послушаем». Но особого внимания не обратим.

В Вас есть, кроме богословия и ума, нечто «третье», свое и личное – и есть это «Особое Свое» и берегите: это – новое в лице. Ведь «новое в лице» – лозунг дружбы, даже Вам с Москвой (см. у Крижанича: «ВСЕ русские друг друга едят и тем живы бывают»). Ужасно и *безнадежно*: вдруг о. Пав. дает лозунг: «Дружить, не осуждать, прощать». С этой точки зрения Ваши «категории вечности» – гениальны. Вообще в Вас много ген., не только в уме, но и в мудром сердце. Как Вы утишили нашу Таню: совсем ангел стала. И – счастлива. Уехала вся отравленная, со мной почти не простясь.

Я теперь всем говорю (и пишу): «Надо беречь о. Павла». Ваша потеря – уже застывая личное сердце – была бы «потрясением Руси». Вы знаете, я до встречи с Вами о Руси безнадежно думал. Я ее ненавидел еще хуже Гоголя

(он-то не смел: при нем жили Серафим и Пушкин). Но когда появились Вы с В. благоразумием и любовью – я думаю: «Не пропало дело». И т. к. по сущности-то Вы «все-таки от Арарата», то, знаете: это и есть 1-ая идейная и органическая связь Руси «с араратскими странами». В М. и другое хорошо, но все – обыкновенно; Вы – по историческому положению – совершенно необыкновенны.

Ну, значит, «наше г. ... не так плохо пахнет» (Русь).

Лучше о Хомякове – место о кушитстве. Только – не развито. Тоже о suffr. univers.* и «Cont. soc.»** Как все это верно, и без труда, прямо – верно. Потом, какой чудный чеканный язык. У Вас «форма адекватна содержанию», как говорят в семинариях.

Об Египте я совсем успокоился («справлюсь ли»). Не понимаю, почему смутился. Только выпусков будет не менее 15. Рукопись уже теперь написана на 10 вып., и все нужно «о Didon» и «о происхождении Амона». В весь в смаковании внутреннем. «Это меня привел Бог».

Удивительно у меня чувство Б... Только крылышки за плечами». И радуюсь – радуюсь. А издыхаю в поте.

Послушайте, дорогой и милый друг: ведь мы СЕРЬЕЗНО должны отдать 1/3 веры Египту. Греки – глушь, римляне – ничего не стоят. Но Египет правду сказал нам о Промысле. Как это забыть? – греков я не люблю: они все-таки фельетонисты (гениальные). В Египте Ω самой этой струйки фельетона. Его величие и молчание – какая это красота. Vale. В. Р.

146

<25 ноября 1916. Петроград>

Знаете, я В. скажу личную тайну: я стал волноваться оva*** быка. Я всегда замечал, всегда – нравились. «Такая масса и бледно-розовые». И этот (за сердце щемит) чудный овал, форма. Все могу нарисовать:

Но – только «нравилось». И вдруг – рисую, рисую. Рисуюсь и волнуясь. Безумно захотелось увидеть. Захотелось «покориться быку». Дотронуться – ужасно хочется. И он покоряет именно «мужской силой». Что «так силен».

Сокоуплений с коровами никогда не видал. Но почему-то бык волнует гораздо сильнее коровы. Именно как-то «щемит». Тоска.

* Всеобщее избирательное право (фр.).

** Общественный договор (фр.).

*** Яйца (лат.).

Мне хотелось бы погладить, поласкать (розовые, тельные, без волос). Приложиться щекой (ведь это совсем возможно). Вообще я думаю, в быке большая тайна. И еще я их не видал «в страсти». Воображаю – чудо. Огонь. Пыл и поэзия.

И как я хочу их совокуплений, «чтобы все коровы им поддались». В быке есть какое-то ГОСПОДСТВО. «Я над всем господин». Пересмотрел картинки: есть фараоны (или простецы?) – прямо поднесшие нос к отверстию: я раньше не замечал, прижимая, что только «целуют ова».

Это-то явно и сразу кидается в глаза. Но чтобы они *явно* нюхали, нюхали отверстие – т. е. ... в голову не приходило. Я думал «adoratio»* и «поцелуй» – «чего же больше». И – египтянки совокуплялись. Но тут явно с быка ли быка «s» у *мужчин*. Поразительно! И – нарисовано, нет никаких сомнений: чего же он «дожидается» и что будет «делать», когда у быка покажется? Слишком явно, что тут «s». Ни один смертный не знает запаха ни быка, ни коровы. А что если он НЕ отвратительный?!!!!

Аристотеля я любил и люблю за то, что он «любил копаться пальцами в грязи». – «Зарождаются ли лягушки в головастики из тины болот, как думают эллины». Вот все великолепие науки, философии. И я «падал на колени». Это – одно. Но и другое: «В XII книге «Метафизика» Аристотель сводит все эти принципы к одному – *Νοῦς νοῦτος* (дол. быть). Плут он..... И кончает стихом Гомера: не должно быть «многих богов», а – Один:

..... κύριος** .....

(у Швеглера, в «Ист. филос.»).

Ради XII кн., чтобы «подползти к мудрости», я и убедил П. Д. Первого «начать переводить». Кстати: что за ПОДЛОСТЬ у русских – и, конечно, только у одних русских, что не переведено ни гениальное его «Περὶ τῆς φύσεως»***, «Περὶ τῆς ψυχῆς»****. Хоть бы Вы Голованенке поручили.

Вообще «пошлее русских людей я не нахожу ничего на свете». Лень – хороша: но «не до такой же степени». «Наше свинство совершенно не знает пределов». В Дух. академии и 8 университетах и, «по Котошихину», – «упря бороды в стол сидят» и спят.

Что в «Боярской Думе», то в «Универс.».

Мне очень сочувствует и помогает Лихачев (Ник. Петр.). Вот милый человек. Удивительно. Написал:

«Как я прочел в «Н. Вр.», – о силе и творчестве у египтян, – я понял, к чему Вы клоните, и знаете, что Вас будут обвинять, что Вы ломитесь в открытую дверь», и т. д. и т. д.

2 раза б. у него. У него (целый музей) – есть «жертвенный» стол с именем ТУТМЕС III, и другие чудеса. Звал Вас приехать посмотреть – «Це-

---

* Обожание (лат.).

** Власть (греч.).

*** О растениях (греч.).

**** О душе (греч.).

лая археология». Он без «ох» и «ах» – однако склоняется почти к «фал. культу» у египтян, оговорив, что ученые «частью по застенчивости», никогда об этом не говорят. Напр., явно фаллическое изображение на жертв. Тутм. III, Тураев объяснил как «хлеб предложения». Показал мне изумительные книги, да я – по его указаниям – покопался в Публ. библ. (описание Каирского музея): и нашел – чудеса. Там внутри алтаря – «древо жизни» с заключенной внутри женщиной; и еще – алтарь «с мочевым каналом». Ученые явно врут, давно скрывают.

Когда я говорил с Тураевым, то впечатление:

– или я *никогда не видал ничего египетского*,

или:

– он никогда не видал ничего египетского.

Я приуныл. Очень. (По секрету: даже была мысль – застрелиться от срама). Все, что он говорит (Тур.) об Египте – мне абсолютно непонятно; все, о чем я пытаюсь (скромно) заговорить – заставляет его «широко раскрывать глаза» и делать вид, что я «гимназист, сошедший с ума». Вы видите, что повод застрелиться от срама – есть.

И тут вдруг Лихачев – единственный – пришел на помощь. Ему 54–55 лет. Был в Египте, в Азии, везде рылся: библиотека и музей – целый этаж. «Все науки знает» (и об Вас говорили). И такой милый, добрый и ясный. Непременно с Вами поедет к нему – он звал. «И хлебосол». Женат и 9 чел. детей. Главное же – у него есть какое-то страшное вдохновение к помощи. Ведь «все ученые – эгоисты».

Барецкова любит и *высоко ценит*.

Его не пустили в Унив. Доклад истории. И он «для себя копается». И у него есть (по-видимому) некоторое «соперничество с университетскими». Но Тураеву – друг. Тураев – прелестный, святой и (по-моему) ограниченный человек.

Устал.

В. Р.

А. М. Флоренской <конец декабря 1916, Петроград>

Дорогая и милая Анна Михайловна!

Таня приехала совсем кроткая, здоровая, веселая. – «совсем не та, как уехала отсюда», измученная и чуть не накануне самоубийства (что очень могло бы с ней случиться и против чего не была возможна никакая борьба, ибо она отчаялась в жизни, в людях, в дальнейшем своего «я» и особенно в родителей). Все это страшно было, и мы с Варей не знали, что делать. Тем более что ближайший ее советник или советчица указывала только дальней-

шую пропасть перед личным «я» и одно спасение на курсах. «где тебя, Таня, проф. Лосский, уже заметивший твое прилежание к его лекциям, наверное оставит готовиться на кафедру по философии». И вот бедная девочка, с такими силами, здоровьем и нарастающим малокровием мозга, вся затягивалась в петлю «готовиться на профессора», и, в сущности, потому, что перед нею сболтнули о профессуре, сболтнули безжалостно и поистине не ценя жизни ребенка, а чтобы просто сказать «любезность, привет и надежду». Среди таких ужасов около детей мы живем. Вы и от. Павел буквально спасли ее. Она поехала к Вам с горем и злобой, – поехала к людям, коим абсолютно доверяла. Там еще была у нее встреча с каким-то старичком, который ей сказал грозное слово укора и совета. Сама по себе она чудный ребенок с безгранично доверчивой душой, и нежной, внимательной и чуткой. Дома случилось расстройство, о котором Вы, вероятно, знаете от о. Павла, и бедное ее сердечко попало в щель этого расстройства и тем раздавила это сердце. Такое горе было. Теперь она вся веселенькая, и вот сегодня утром (на «завтра» приезда), встав вместе с Верою, которая у нас временно гостит, приехав из Санатории, она побежала «без кофею» к обедне, а на слова матери: «Что же ты без кофею», – засмеялась: «Да разве можно с кофеем» (т. е. к обедне идти). Мы совсем с мамой успокоились и крепко-крепко Вас оба целуем, и о. Павла и Ваню.

Передайте о. Павлу для «Бог. Вестн.» статью о Египте, которая провалялась 10 месяцев в «Нов. Вр.» и ее разобрали, а между тем там есть кое-что нужное. Поблагодарите его за письмо ко мне. Оно очень меня поддержало и утешило. Подписка на Египет 117 человек к 20-му января; за первый выпуск я уплатил эту выручку (1200 руб.); ни один проф. университет и Духов. академии не подписался, – ни люди со средствами, как Ростовцев и Зелинский. Но, слава Богу, есть признаки, что «мелкий обыватель» хочет поддерживать. И этот мелкий обыватель как-то меня очень поддерживает (письма и телефон). Между тем уже затрачено на бумагу ровно 5000 руб. – я купил вперед *единственный запас этого сорта бумаги*, какой имеется в России на 15 выпусков, и *теперь ее больше в России нет*, – ну, и все прочее. Я все-таки бодр. Я думаю к концу 2-го года будет подписка на 1400 (печатается 1500), и тогда все окупится.

В. Розанов.

148

<20 февраля 1917 г., Пг.>

Сию я, рисую египтян, а думаю все о Тане.

Мама спит. Все дети ушли к «подругам», хорошо (тихо), а только болит сердце о Тане. Она очень хороша, мягка, ни одного грубого слова, к Васе очень хороша; только как-то сама не весела, и раза 3 проговорила в болтовне: «Ой, я уж старуха». Молоденькой себя никак не хочет считать, «не считает достойной». Прелесть ее – чрезвычайная скромность: «Я всех хуже», и – с

болью. И думаю я, как и раньше часто думал, что избавит ее от внутренней неясной боли только замужество. Нет человека более ее склонного к «верности» и ко всем сопутствующим ингредиентам. Но у нее есть какая-то внутренняя органическая слабость, м. б., даже надлом внутренний и органический, который исцелит только приток силы, мужской силы. Это не мои «египетские теории», и о других дочках я этого не скажу. Другие – дневные и крепкие, особенно Варвара, а Таня – ночная, тихая затаенная (благородно-затаенная) и ей нужна вот дневная мужская сила, ясная и твердая. Только – честная и верная, честная в отношении всех людей и верная ей. Я думал, что в Посаде что-нибудь «сключается». Не знаю и не понимаю, как вообще эти судьбы устраиваются. Тут явно «Божие благословение», Божие благословение: но я не понимаю, почему бы мою Таню не благословить. Ее, которая так любит Бога и в себе самой такая достойная. И вот мне хотелось бы, чтобы и Вы и Анна Михайловна посмотрели на нее с этой стороны.

Чувствую, что тут центр дела. В отношении других детей не чувствую, но в отношении ее чувствую.

Мне нравится лохматый академик, что писал о Федорове; конечно, есть и другие студенты. «Вообще добрых людей еще много на свете». Будем верить. И вот я думаю, что хорошо бы ей устроиться, как когда-то Надежда Романовна за Щербова. Подумайте со временем.

Ведь это редкость – девушка, ничего о себе не думающая, считающая себя «уродом» (несколько раз проговаривалась) и на самом деле милая.

А ей что нужно? Тихая жизнь «со своими» и больше ничего.

Во всяком случае душа очень болит, а «Павел мой друг».

Статья, кот. я послал Вам для «Богосл. Вестн.», хотя и имеет надпись «сегодня» (= «т. е. *сегодня* поставить в №») на самом деле была отложена за недостатком места, затем провалилась, и наконец Мих. подписал на корректуре «разобрать», т. е. уже «вообще не пойдет». А между тем она ничего себе. Отчего ее Вам не поставить? Написал с любовью.

Стал опять заниматься в Публичной. Наслаждение. Таня мне переводит из Масперо, стр. 110 и дальше, о Са и Ка; особенно о Са меня интересует. Взял (из Библ. дали на дом) *Myscra Nat-loris* Юнкера. Я спросил для рисунков, ночь не спал, думал – «вот завтра все увижу». Смотрю – немецкий чекан, а из рисунков 2 вазочки. Но везде: о *Hurî* – и гимн, о *Osiris* – и гимн. Между тем ведь достаточно их перевести, да перевести «такой переполненный всяческим *Dizionario di mitologia egiziana*» Ленцонини – и «египтология по-русски была бы готова». Всякий имел бы по-русски почти все, что нужно. Мне вообще не понятны наши ученые: такие бездны знаний, «все книги на дом бери». Что же они делают. Так восхитившие меня издания Музея изящных искусств в Москве, когда я их покупал у Тураева, о чем же, однако, говорят? От том, что «кусочек папируса, хранящийся в Берлинском музее», имеет «окончанием себе кусочек папируса, находящийся в собственности Голенищева». И в обоих кусочках ничего важного, ничего *интересного* не содержится. Я совсем не понимаю, для чего они учатся или для чего их столькому выучили.

И нахожу объяснение только в том, что у них *при* огромных способностях к научению – нет *тем в душе*. «В сущности, ничего нет интересного».

Если бы Вы приехали – то доставили бы много наслаждения Петербургу. Лихачев определенно ждет Вас. Он огромный хлебосол. 9 человек детей, влюбленный в жену, очень некрасивую (это всегда признак хорошего человека, – простого). Юнкер – у меня, и пробудет недели 3: Вы бы у нас остановились – или, проведя ночь за Юнкером, – собственно вы все о Египте узнали. Тут все «литания 3-го часа, литания 11-го часа», один «днем», другие – «ночью». Я убежден, что это таинственная, одним египтянам известная (4000 лет размышления) история и судьба... его «пробуждений» – возбуждений, его усталости и «не могу»: и – только. А ученые это принимают за «судьбу мифического основателя Египетского царства». Вообще мы бы с Вами погузились в *познавание органической природы*, и, уверен, похоже бы нашли много интересного и важного. Книги наверное в Дух. Академии нет. Ах, если бы приехали!!

В. Розанов.

149

<3 марта 1917 г., Пг.>

Поразительно, как «легко все случилось»: забрали этих старцев в мешок и свезли всех в одну кутузку, какой-то «министерский павильон в Таврическом дворце». И – «прежнего нет» и «все новое». Так легко совершаются «апокалипсические времена». Мы с Вами, дорогой друг, конечно, не сольемся с Апокалипсисом из «Das Kapital» Карла Маркса и останемся душою и силою с старой, изношенной, неинтересной историей России, как она была и прекратилась.

Как же она «прекратилась»? Даже и событий никаких не было. «Стало трудно доставать булок в Петрограде»: *Больше решительно ничего не было*. Преспокойно народ умирал с голода в Казанской губернии в 1892 году. И как это было *далеко*, то никто этим и не беспокоился. Вдруг петербуржцы остались без булочек: и русской истории «бысть поставлена точка». Оказалось, никаких «властей» и нет. Как не нашлось «власти», чтобы устроить подвоз муки в столице, не нашлось «власти», чтобы справиться с внутренним «немцем», так не нашлось же власти, чтобы хотя забарахтать ногами, когда их свозили в кутузку. «Революция совершилась», п. ч. и до революции был какой-то мираж, призрак яко бы «властительств» без всякого властительства на деле.

Всю ночь сегодня думал о русской истории. И везде – слабость, слабость, слабость. Мы с Вами, конечно, не станем на сторону католичества и лютеранства, не пойдем за Бердяевым или Мережковскими и останемся при «старых слабых богах», наших «угодниках»: ибо они нам всех милее, милее и бл. Августина, и Оригена. Но если взять собственно *работу* и *силу*: то несоизмеримость всего русского с западным – поразительна. Мы именно милая, тихая и замирающая страна. «Замирание» нам так мило, что мы с ним, конечно, и останемся, ни «на что новое не посягая». Вообще в русском есть что-то, что близко к абсолютной красоте, «после чего – ничего не надо». Это –

тихость, безмолвие и нешевеление. Это – наше. Но с другой стороны как-то ясно «падение разом всего» и приход жидов Маркса и Лассаля. «Была речка Десна и в ней купались гимназисты и преподаватель Розанов». Вдруг пришли два черных лица из Берлина, разделись и опустили свои мерзостные брюхи в ту же Десну-реку. И полуживая Десна, с кой-какими карасиками, так же омыла и жидовские тела, как дотоле омывала гимназистов, преподавателя и кой-каких мешанинишков.

Русская история вообще не имела в себе силы сопротивления. Кому и когда она сопротивлялась? Нужно же было, чтобы каких-то 500 000 татар, собственно *орды* – т. е. хаоса «некрещеного», завладела всею Русью и владела 240 лет, и русские барахтались под ордою и «ничего не могли поделывать». Тоже – половцы. Тоже – печенеги. «Ничего не можем сделать». Одолели одного Наполеона: но ведь явно, что «Антихрист и шел в погибель», придя с 500 000 армии «на край света» завоевывать державу «от Белого до Черного моря». Тут победа не в Кутузове и не в Бородине, а в том, что Наполеон «забылся» и стал «безумствовать».

Росла Русь. Почему? Да на Востоке – пески. Русь множилась и вращалась в пески, пустыни, степи. «Естественное распространение травы». Все наши войны вплоть до Японской были пусты. «Побеждали персов и турков», «завоевывали Кавказ», «Кучук-Кайнарджирский мир», и гимназисты ликуют. На самом же деле ни одной трудной войны и ни одной «дорого стоившей победы». Суворов – единственная и притом действительно прекрасная и святая личность в «военных летописях России». Петр был трус и при Полтаве, кажется, спрятался (вообще при Полтаве победил Меншиков). Затем Св. Александр Невский, Владимир Мономах, Димитрий Донской и Ермак Тимофеевич: все это более мифы, чем история. Суворов был и остался – один.

Книгопечатание? – Там Альды и Эльзевиры. История Церкви? Но она вся и состоит из тихих угодников, и это – та же Десна-река, омывающая черного и белого, злого и доброго. (Ой, все мешают). Что нового сотворили русские на почве Евангелия и почве «Священных книг Ветхого завета»? Собственно, русская история, вялая и милая, кончилась с Алексеем Михайловичем. Кончилась и *прекратилась*. С Петра начинается подражательность: немцам, голландцам, французам, англичанам. Что же дивиться, что «подражательность» кончилась крахом; что напор немцев, когда им стало *тесно жить* (действительно тесно), сломил эту державу или якобы державу, которая только множилась и разрасталась в сторону песков?

Россия и всегда была *безгранично слаба*.

Мы – нация певучая, тоскливая, сказочная, плутоватая:

Нужда скачет, нужда пляшет
Нужда песенку поет.

«Вор-Савин» («Записки корнета Савина») и Соловей Разбойник; а с другой стороны – тихие угодники. «Какое же тут царство построишь»? Не было элементов для царства. Россия всегда была, в сущности, аполитична. «Чаек» и «песен-

ка»: и дальше, и больше – ничего. Полная анархия. Анархичность русских, анархичность *от бессилия* – чудовишна. «Мы собственно ничего не можем»: и это самая суть русских. Суть – в какой-то тоскливой и скучной импотенции.

Солнышка мало: суть.

Помните Вы писали о своей (личной) фригийской родине. «Армяне – почти фригийцы». В этом тоже суть. Но мы с Вами оба безгранично любим Русь (я вполне верю, что Вы любите ее безгранично) и, конечно, с «Карлом Марксом» не пойдем. Т. е. для нас русская история просто кончилась.

Слабая, бессильная, бессильная на какую-либо борьбу, она естественно перешла в подражательность. Подражательность, *не стояние на своих ногах*, – кончилось крахом. «Помилуйте: 8 университетов: а мы учились латинскому языку по КЮНЕРУ и КРЕМЕРУ». Что же делать с этой «державой» как не послать ее к черту. Собственно русская, напр., «наука» есть тот же бессильный полицейский «на углу Преображенской улицы», который «только тем и жив, что оберет пьяного», и только тем и симпатичен, что «живет с кумой». Какое же вы тут «царство постройте». И вот «пришли немцы»: честная нация. Но с какой тощицей в себе. Что же: сменяем мы себя на них? Я долго наблюдал немца (датчанина) Ганзена. «Если Вы хорошо *не кушали* – Вы не можете *работать*». Дальше этого, вперед этого, в сторону от этого – не шли его мысли. Его надругательства над религией, над церковью – были чудовищны по полному непониманию. И таких же немцев-инженеров я наблюдал в Мюнхене. «Это не только не выше русских: это неизмеримо ниже, тоскливее, подлее русских». Это хуже Савина: п. ч. Савин был все-таки «молодец».

Скверно то, что «небытие» русских совершилось во всемирной истории с каким-то ревом и зубами Дракона или Гадины. Теперешний напор Германии есть: «Гадина хочет пожрать тебя». И мы – бессильны, мы – «небытие, толкующееся около Карла Маркса».

Собственно, надо было сейчас – после Петра Великого начинать «национальное русское развитие». Знаете, где свихнулась Русь: где мы «не сумели пойти за Ломоносовым», а свернули с его «самостоятельного, русского и умного пути» на дорожки певучего, сладкозвучного и гораздо более ограниченного Карамзина. «Он так хорошо писал». Карамзин был так же отвратителен для истории дальнейшего умственного развития России, как Сперанский был отвратителен для «дальнейшего построения политического русской державы».

Все мешают. Пишу за чаем утром. Ночью была полна голова мыслей. Теперь написал какую-то ерунду.

В. Розанов.

150

<28 марта 1917 г., Пг.>

Дорогой и милый о. Павел: ну, конечно, я и Таня, мы очень рады, что Вы «ничего себе» по здоровью, *не хуже*, чем всегда (от. Серапион по телефону): а то мы очень беспокоились, т. к. Вы ничего не пишете, и оба с Таней (Ваши

«заботчики» в Петрограде) боялись за Вас. Есть *что-то*, «что – не знаю», постоянно заставляющее тревожиться о В. здоровье, а † милой Вали, столь поразительная и внезапная, еще делает «грознее психику» всех Ваших друзей.

Ну, теперь о революции. Сел было отвечать Перцову, который *требует ответа*, но подумал: «Уж лучше я напишу Фл-му».

Ну, переболел, перехворал; думал – «все кончилось для нас» (впрочем ведь «мы»-то говно собачье). «Где Россия». «Ах, где христианство». Было 2 форменно апокалипсические сна (может, ниже расскажу): а теперь – руки в карманы, хожу, посмеиваюсь, и решил: «Это – не только *хорошо*, это даже *отлично*».

Прежде всего зрелище: все расцвело, прежде всего все расцвело. 20 дней – ни одного угрюмого лица на улице. Ни одного печального, угрюмого, заподозряющего Вас. Мы с Вами настолько любим людей, любим народ, что, невысоко умничая, просто говорим: «Очень рады встретиться»; «слава Богу здоровы», и т. д. По моему мнению, это сегодняшнее «хорошо» необыкновенно важно: подумайте, люди действительно ведь исстрадались.

Людям скучно, людям горе, квартиры плохи, хлеба нет, «злая жена» у одного, «ребятишки болят у другого»: и если вдруг смех на улицах, хороший дикий смех «брюхом», но *без грубости* – то это действительно важно и хорошо. Это – во-1-х. Но «Розанов не такой дурак, чтобы дальше носу не видеть»; и я совершенно успокоился и за Россию и за ее будущее (считал «зачеркнутым»).

Ну, конечно, марксисты и вся эта сволочь остается по-прежнему сволочью, позитивисты и Плеханов, Брешко-Брешковская и «Вера Фигнер» – все это не нужно и не интересно. Но ведь не тот важен, кто песенку поет, а *кто ее слушает*. Иду улицей: 5-тилеток с красной ленточкой. Что ему до Плеханова? Что народу вообще до Плеханова? Что до марксизма даже? Народ, дети особенно – живут восторженно, не как мы в грустном детстве нашем: и знаете, через 20 лет подымется действительно идеальное поколение людей, «не нам чета»: и просто оттого, что они в 11 лет пели:

Вставай, подымайся, рабочий народ.

Песенка эта совсем иначе звучит, чем у плута Григория Петрова, когда ее поет 10–11–15 лет гимназист и рабочий. Носится что-то прекрасное вдали, носится – «галлы лезут на Рим, и мы спасаем Рим», и вообще прекрасно юношеству жить в «эпоху борьбы с Анибалом». Так что эти старые селедки, Брешко-Брешк. и «Вера», конечно, не интересны: но юношество живет *действительно великую юность*.

Хотя бы и мечтательную. Но ведь Вы знаете: «мечта делает историю».

Ну, а когда это БЫЛО? Да – никогда (за весь XIX в.). Мне вот 60 лет: и я ни одного года, ни одной недели даже не помню «в розовых мечтах». У Вас хоть Кавказ, Арарат, Эльбрус. У нас – ничего, кроме сурового соснового бора (однако люблю), брусники и серых грибов (люблю же). *Для романа сердца и ума ничего розового в России не было, и – никогда не было.*

Это же ужас.

Царь Николай II ушел с трона совершенно безболезненно. Ни – протеста, ни – жалобы, ни – сопротивления. Поехал на фронт «проститься»: Вы можете представить, «как бы расправился с Петербургом» Петр, Екатерина, Павел, да и всякий. Николай II простился, надел шапку и уехал, в сущности, «в кутузку». Эта несопротивляемость его изумительна. Точно «вышел из комнаты» и «перешел в другую комнату». Вы знаете, что делали «Цари». Помните Митридата VI Эвпатора, коего портрет Вы у меня рассматривали на серебряной тетрадрахме, с волосами «отлегающими», как змеи. «60 000 римлян было перерезано в 1 ночь, по тайному приказу его». А, это – Царь. Но Николай II? Знаете, тут в «смирении» есть «величие». И вообще «сила Божия в немощах наших сказывается» до того мелькает во всей революции, что я с ума схожу, думая об этом.

Сперва мне показалось это цинизмом, что он сказал: «Вот и хорошо. Я поеду в Ливадию. Там много цветов, а я так люблю цветы». Это он сказал «от брюха». Сперва мне показалось циничным = «après nous le déluge»*. Но я думаю, это стоит Сакья-Муни. Это – просто мудро. Это действительно великий и прекрасный конец династии.

«Ах, я так устал. Мы все устали, Романовы. Пора и отдохнуть».

Это изумительно, и никогда не бывало. Все барахтались. И это решительно было скверно. «Нас не хотят, но мы лезем». Это решительно осквернение истории. Царь должен быть действительно любим. И пока – любим, он – царствует. Не любим – и просто уходит, и должен уйти. Но «не любили его страшно»: Нестеров Бог знает, что говорил. Я молчал и осуждал Нестерова. Грингмут наиболее его ненавидел (Тернавцев мне). Я с ними совершенно не согласен: Николай был безмерно несчастный человек, «совершенно не туда попавший», т. е. попавший царствовать, когда он не хотел царствовать, не мог царствовать, не умел царствовать. Это (общее впечатление личное от него) очень не глупый, наиболее за XIX век интеллигентный человек, но с абсолютным исключением в нем «командира», т. е. всегда немножко Скалозуба и немножко Аракчеева (миссия, задача, суть). Смотрите, как Николай Николаевич вдруг «стяжал любовь всей России», а между тем это просто «солдафон» и грубиян. Посадите на трон мягкого, доброго и милого человека – и он исцарапается, измучится и его все проклянут. «Алпат Алпатыч» («Война и мир») хороший в ржаном поле, за счетами хозяйскими: а «на троне» был бы вроде Николая II: мямлит, а не царствует. И Николай II все 20 лет «что-то мямлил», царствуя, и его все ненавидели и, наконец, стали невыразимо презирать. Он все это отлично чувствовал, видел, понимал, – и не знал выхода отсюда. Почему он не отрекся, не отрекся же сразу после Ходынки – я не понимаю. Или – после Японской войны. Единственное объяснение в его странной нерешительности, инде глубокого онанизма, как я думаю: такие люди вообще умны, талантливы, спиритуалистичны, но «уж никак не цари». Он не умел царствовать, ни говорить, а только подписывал на бумагах: «Про-

---

* «После нас хоть потоп» (фр.).

чел с удовольствием», – характерная подпись онаниста, от Николая II до Марка Аврелия. «Мыслит к(а)к Амьель». «Еще нужно произносить речь к народу, кк Карл V». «И вообще иметь мудрый вид». И он испугался. И продолжал мямлить.

Сперва у меня рвало сердце бесправие революции. «Как смел Петербург решать судьбу России». «Расказнитъ», «расстрелять». «1 корпус сюда – и разгромить из дальнобойных орудий». Действительно. Но «в немощах людских сила Божия сказывается». Революция вообще глубоко апокалипсична. Недели 2 я прямо видел «Апокалипсис с неба». Помните: «И небо *свилось как свиток*» и «звезды попадали, как груши с отряхаемого дерева». Рушилась – империя. «Все – пало». А «дно» (Макс Горький) поднялось «кверху».

– Успокойся, Васенька, Бог сказал: «Я лучше знаю, что делаю».

Особенность, что «свергли все» недалекие, точнее, слишком обыкновенные люди. Иваны Ивановичи, и почти – с Сосипатрой Сидоровной. Старый мешок – бла-а-родный дворянин – Родзянко, сумасшедший психопат Керенский, обыкновенный проф. Милюков и земский «зауряд-врач» Шингарев. Ваш кавказец Чхеидзе (говорят – *прекрасный* лично человек), но, конечно, тоже сумасшедший эс-дек. И – вообразите ТАЛАНТ между ними: тогда бы ничего не удалось. Поместите туда Мирабо – и никакого «ниспровержения России» не будет. Но... солдаты испугались за свои «шеи» (быть повешенными) – и *в испуге* бросились к Таврическому дворцу: «Защити!» – «Ты – *что-то*, а мы *ничто* и умеем говорить только «Ваше благородие». По такому же страху и бесприютности духовной Г. Дума бросилась к *солдатам*: «Защити хоть физической силой, защити – *пока, на минуту*, чтобы нас не арестовал Градоначальник» или во всяком случае Министр внутренних дел, со страшным Курловым (шеф жандармов, пьяница и плут, циник). Эти 2 трусости, кинувшиеся друг другу в объятия с воплем: «Защити и сохрани», кк пишется на нагрудных образках, и произвели самый цимез революции, без нее ничего бы и не было. Т. е. не было бы «у Мирабо и Дантона», а вот «у Ивана Ивановича вышло».

Собственно, Временное Правительство «ничего себе»: из него мерзкок определенно Гучков, этот купчишка, разыгрывающий роль Военного министра, имевший нахальство повезти «Николаю II-му отречение», и собственно булавочно уколающего Николая II-го за то, что тот «не узнал великого Гучкова» после роспуска («прощанье» на вакацию) Г. Думы; спросив его: «Вы от Московской губернии или от города Москвы». Государь, конечно, знал, что «московский купчик». Но он, не дождавшись ответа Гучкова, прошел далек депутатом, сказать каждому 2–3 слова. Это было в 1913 или 1914 году, вся Россия говорила об этом, все «подсмеивались в руку» над Гучковым. И конечно, Государь тут был то же мелочен, как «комнатный человек» и любовник своей любовницы. Но Гучков решил отомстить, а должно быть адски наслаждался, «излагая ему события в Петербурге, и сказав, что под натиском событий Временное Правительство, чтобы не вызвать народного кровопролития, советует Императору отречься». Потом он нафискалил «другим ми-

нистрам», что в 1 телеграмме Государя к Царице стоят непонятные шифрованные знаки – и его «пылкий Керенский» или «все вместе» решили взять под арест и караул. Тут дело решительно воняет клопом, но (по мне) это единственно гадкое место революции.

«Так все легко совершилось». Революция «сама собой сделалась», почти «без усилия кого-либо». Как же это могло совершиться? И вот у меня замелькал совершенно новый образ мыслей. По коему «Бог пожалел Россию» и спас ее «руками дураков» («Иванов», сказки).

Собственно, все шло скверно, и целый XIX в. скверно. В 1877 мы «2 года воевали с турками», когда «Пруссия покорила почти Австрию в 2 недели», а Францию – в 1 год. Россия заваливалась во второстепенное государство, будучи «1/6 суши». Отчего? «Нам до царств нет дела, а подавай идеи». И Вы как идейный работник поймете еще лучше меня, что Россия как-то странно и таинственно стала *оподляться*. Тут мы с Вами «о Гоголе понимаем лучше друг друга». *Нельзя быть стране благородною и сильною, если всякий гимназистикко надругается своему отечеству*. А это началось с Фон-Визина, Грибоедова, «прославилось в декабристах» и «все покрыло собою» в хохоте Гоголя. «Кто же может Гоголю сопротивляться». «Не читать Гоголя так же странно, как не читать Гомера». И вот у нас вышел «Гомер наоборот». Гомер хохота и издевательства. «Ну, и прочее». 60-ые годы, Чернышевский. «Все реформы» и аблакаты. Россия – умирала. И Вы ведь хорошо знаете, не хуже меня, что, кроме «старцев Серафима, Германа и Исидора», Россия действительно и везде умирала, задышалась, извращалась.

«Россия превращалась в страну Мережковских и Философовых». Ну, а Розанов и Флоренский.

– Кому они нужны?

– Зачем ты воешь ветер ночной,

– Кому ты что-то напеваешь.

Теперь, заглянув глубоко в свое сердце, – Вы скажете, что жило что-то БЕЗНАДЕЖНОЕ, не НАДЕЮЩЕЕСЯ НА ЧТО-ЛИБО ЛУЧШЕЕ у нас, да и вообще, пожалуй, в Европе. Собственно, мы суть и были певцы КОНЦА, ПРОПАСТИ, СМЕРТИ: в которую все безнадежно валится.

И вдруг эта таинственная, «Богом посланная революция», с шопотом за ее спиной: «В немощах человеческих сила Божия сказывается».

Тут – тоже впечатление улиц и «зрелище всего».

Керенский, Милюков, которые «рвали и металы» в Г. Думе, Керенский на митингах рабочих звал прямо к *бунту* (он очень честен, как оказывается) – теперь едут в Гельсингфорс, в Свеаборг и *успокаивают*, говорят – тише, ради Бога тише, все спасется *тишиною и порядком* и благоразумием. Это Керенский-то? А ведь он сумасшедший. Да и все они. Вдруг 99% Россия, «вся Россия от Гоголя пошедшая и отрицательная», вся «злюбствовавшая», перевалилась на другой бок и зовет к «умилению и порядку и закону». Скажите, кто это мог сотворить, как Бог? Никому, царю не подсильно, и это прямо зримый Апокалипсис. Вы скажете: «Да ведь они зовут признать

революцию». Если бы они «за Царя». Пустяки. Дело не в Царе, а в России». Конечно, и ведь это уж Николай II кротко признал, что «дело собственно не во мне, а чтобы в Петербурге (только!) не было кровопролития». Теперь слушайте же дальше: чудеса прямо «из решета». Конечно – они «за революцию». И, конечно, «пока есть сил – будут революционны». Но только – *мнимо*, и в своем крошечном разумению. Тайна в том, что переменится *метод* отношения к своему, к «нашим делам», ко всему, что «восточнее Эйдкунена». Все это теперь им будет – «наше милое (пусть революционное) отечество».

Но Вас истомило в душе, что это «революционное». Что все «от марксизма». Глупости. «Не тот же ли человек просыпается завтра, который лег в кровать сегодня». На самом деле – совершенно *не тот*. «Πάντα ρεῖ»*. Ну, а человек, тем более политика, еще более и культура тем паче.

«Молекулярное движение». Не одни «кости» и «ноги», но – и кишки, нервы, «дерьмо». Все работает, живет. «Вчера марксизм: но пока он – угнетен, то марксист защищал его. А когда даже 5-летний поэт «Вставай, подымайся, рабочий народ», то и Плеханову, и «Верочке» марксизм делается, наконец, скучен.

Даже тошнотворен.

Социализм и революция, наконец-то, сделаются скучными и неинтересными в России.

Разве это мог сделать кто-нибудь как «ТОКМО БОГ». Царю, мудрецу, «всем наукам неподсильно». Именно, именно только Бог мог сделать совершенно просто, «посадив Родзянку» и внушив ему слова Мирабо: «Мы отсюда не расходимся» (ослушание Государю).

«И бысть все кончено. Романовых – нет». «Вся Россия в красных флагах».

Вот уж «природа не рациональна», по Страхову. Но она «бысть мудра».

Теперь – этика.

Правда, Россия развалится. Да и не нужно. Ведь дело не в величине, а в истине. Зачем нам Россия «с Польшей, с Арменией, с Грузией, с латышами, с Финляндией», – зачем, особенно *нам*, когда мы сами «князей *из варяг* призывали». Вспомнишь опять Николая II, цветы и Сакья-Муни. Это может быть «нужно» только милому и прелестному М. В. Нестерову, с его мечтою «славы и величия России», но ведь он чуть-чуть все-таки не образован, и в смиренной сам себя «почитает неучем». Кто же «учился», как Флор. и отчасти Розанов, тому эта «*проклинаемая* с Востока, Запада и юга, от вотюков, грузин, армян, хохлов, поляков и латышей» – Россия решительно не нужна, решительно окаянная, решительно мы чувствуем, что «залезли взад», и *как* залезли – черт его знает. Вам нужен «старец Исидор», мне – «мой дом», и вообще всем нужен людям – покой, мир и счастье. «Империя – это ошибка». И это сказали еще кривичи, позвав шведов или черт знает «кого». Все равно «кого». Просто – тут нет счастья и нет света.

---

* «Все течет» (*греч.*).

Теперь посмотрите же, как «через дураков делает Бог»: Керенский решил очень просто... позвать Ледницкого, адвоката из Москвы, получающего до 50 000 в год за судебное красноречие, вероятно, полуплута, но хор-р-рошего либерала: и поручить ему выработать автономию Польши.

Тоже – с Финляндией.

Таким образом, «дураки» и отчасти «плуты» делают хорошее дело криччей:

«Князя позвать из варяг».

Это =

«Нам чужого не надо».

Ну, не «святая ли Русь»: впервые «святая» не фразеологически, а по-настоящему. Ибо Вы сами «святой человек» хоть с краешку – и воистину лучше меня сами знаете, что этого всего «воистину НЕ НАДО».

«Власть – она окаянна».

«Она – Дявола».

«Бысть Древний Змий и удушил людей».

И это делает просто Керенский.

«Наш Иван-дурак, коего глупее в Думе нет».

Ну, и прочее. Ой, устал.

И затем, не как уже прежде, с отравленною мыслью, что нас принимают за «правительственных чиновников», за «певцов официозной печати», – наши прекрасные, наши вечные песни. Наши лучшие песни. Которые победят, п.ч. они просто ЛУЧШЕ. «Лучшее», все лучшее – впервые победит в России. Когда доселе «по изложенным обстоятельствам» побеждало только худшее. «Эпоха Гоголя кончилась 26-го февраля 1917 г.», когда «4-ая рота Измайловского полка с музыкой и знаменем прошла к Таврическому дворцу». И: в России всегда есть Дурак: я до 23 марта ни разу не прошел в Г. Думу, живя от нее в 12 минутах ходьбы. «В России везде осел». Ведь я же увидел бы *бесконечное*. Этих притащиваемых туда, Сухомлиновых и т-те Сухомлинову (много видел и разговаривал: не молодая, некрасивая и обаятельная). Господи. Теперь уже поздно. И «на похороны жертвы» не вышел. Просто г...но. Vale. В. Розанов.

Да, еще, почти самое важное: в России, «умудренной в глупости», скорее будет б....к, чем социализм «comme à Paris et Berlin». И посему «об этом можно быть спокойным».

151

<11 апреля 1917 г., Пг.>

†

Получили ли Вы, дорогой о. Павел, наши письма? Очень беспокоит Ваше молчание всех нас. Слышал о Титлинове и «радости о сем Тареева». Если помнит меня о. Федор (ему я писал) – передали бы от меня поклон. Ему «не подобает» ни гнутья, ни сгибаться: а «стоять прямо», аки статуэтка *Didon*.

Получили ли через Ан. Мих. статью об Египте и *будете ли печатать*? Она не была нигде напечатана, хотя и стоит на посланном «на завтра». Это он надписал (как всегда), не читая: а прочитав, нашел «специальным» и «не текущим» и выбросил из «набора» (накануне выхода №). Еще посылаю статью – о том же: тут о Вашем не любимом Бэконе: хотя Вы так сильно его не любите его чрезмерно. Это был Писарев XVII в.: а тогда была такая схоластика, что «Писареву было не дурно придти». Не все же смотреть в Небеса и наводить трубу на один Сириус.

Революция, о которой я «умер было» со злости, с не юридичности ее («какое имеют право, подлецы») и т. д., и т. д. – решительно примиряюсь. Прямо – великолепные горизонты в будущем. В сущности, само «Православие» ведь было полуразрушено «Самодержавием». И, в сущности, «пало Петрово Время», от которого уже Ив. Аксаков звал «домой». И верьте (о, как я верю!) через эту фери-а-туру «домой» – окажемся. Как все крепче. Дав *всем* свободу, мы – уже со всеми сгорим, и – «почти на кулачки». Впервые русский человек стал хвастать: а до сих пор вечно щедринское: «Мы – последние», «мы – оплеванные». Это окаянное слово с университета в моих ушах, и только с 27-го февраля не слышал его ни разу. Прямо все удивительно. Керенский, который при мне кричал в Г. Думе: «Министров надо отдать *под суд*», теперь то в Гельсингфорсе, то в Кронштадте «уголавливает солдат не волноваться», а рабочих – «доверять Временному Правительству». Да это все такие чудеса психики, о которых если бы 3 месяца мне кто-нибудь сказал, я бы замахаю руками и закричал: *через 100 лет*, и – *никогда* этого не будет. Теперь все «немного Достоевские» по патриотизму, и равно наплевать, что они в то же время суть социалисты. Суть в том, что пробудилась везде *русская гордость, русское достоинство*, а ум – придет потом. Все хорошо, все слава Богу: и так хорошо Государь отказался. Так это вышло деликатно, скромно, почти смиренно: «по-русски». Он «по-русски» и правил, т. е. совсем *не* правил, по-русски и отрекся, почти сказав о монархизме: «суета», «не русское дело». По моему – не русское. Помните, Саванаролла жег «vanitatem», т. е. «художников и картины» – на костре: вот и мы: в 862 призывали «чужих править», а через 1000 лет «сами ушли из царства» – «Ну все это к черту». «Мы – Берендеи и царствуем под водой». Не надо этого, и в точности – не надо. В наших прежних взглядах была одна чрезвычайная ошибка: мы измеряли «левых» умом и измеряли их недостатный ум. «Тут-то и раздражалось наше справедливое негодование». Но ведь Вы знаете, что «не ум творит», да и Страхов писал: «*Природа* вечно спорит против рационализма». Тут не одни мы, а и Достоевский ошибался: хотя я помню у него («Бесы») акушерку Виргинскую: нигилистка из нигилисток, «Бога отрицает», «все – по Бюхнеру». Но *какая она* вся добрая, ясная; кроткая – но добрая (она у m-me Шатовой «принимает ребенка»), и все ей доказывает, что «ребенок, что муха», только «будущий человек» и «почти ничто»). Но – добрая, прекрасная, благородная. Я помню, 20 лет назад – поражен был ею, и дивился, «как это вышло у Достоевского». Это – промежуточный, совершенно мимолетный тип у него (только «прини-

мает»). Остальное *обширное* поле романа занято проходимцами-terrorist'ами. Ну, вот: в жизни и политике и в Г. Думе мы и видели «говорунов» Родичевых, Керенских, и проч. Вдруг – Керенский «получил право действовать», впервые с основания планеты. «Министр». Даже «спас правительство, войдя со своею частью в подлый состав его». Возрадовался, как «Комиссаров Костромской» спас Александра II. И – *со счастья* «спасителя отечества» начал прямо валом валить добрые, хорошие, ясные дела и речи, как акушерка Виргинская около умирающей Шатовой. *Вот тут мы и ошиблись*, мы «avec Г'озлобленный ум» (об Ирине в «Накануне»). Вот. Я б. в отчаянии: но, «лежа лицом к земле», – по хитрости и смирению начал смотреть в щёлку «гроба»! – и ЕЙ-ЕЙ ЯСНЕЕ ВАС (Вы, Нестеров, Перцов) вижу дело. Через 10–12 лет «из всех щелей полезут Булгаковы и Бердяевы, *бывшие марксисты*. Не век же ведь им издыхать на «Капитале» этого провокатора (Маркс).

Ну, да вот увидите – через год Вы тоже почувствуете. Вам и Нестерovu l'esprit orgueil* не позволяет.

Посылаю статью *нигде* не напечатанную.

Любящ. В. Розанов.

До чего на Вас зол Бердяев: прямо умоисступление. Отчего? «Что-то специальное» в ненависти. «И что ему Гекуба?».

Вот что: помните Вы мне говорили о «дружбе», ради коей «ищите примечаний для Булгакова»: вот сделайте *мне это*: я нашел под страницами 7-й и 8-й *отрывок* или *вариант* из статьи, посланной Анне Михайловне: *сверьте с оригиналом этот отрывок, и – возьмите для печати лучшее*. Нужно всегда брать *melius***.

Что Андреев? Что *здоровье* Кожевникова? Вот человек, коего мнение безумно бы хотелось и важно знать о событии. Ведь он чуть не каракозовец.

В. Розанов.

Мама и Таня Вам кланяются.

152

<ок. 20 мая 1917 г., Пг.>

Читаю с наслаждением «Гёте». Скажите (*непрерывно*) спасибо *от меня* свящ. Соловьёву. Почему так тупы немцы, даже и Гёте, к хр-ву? Лютер их испортил, явно. Как хорош Пушкин против Гёте. *Умнее*. Есть что-то глупое, и у Гёте, в отнош. к христианству.

Поразительно, да у жидов чувствительности больше, чем во всех «приапах»: там прямо *запах* половой в Песни песней. Отчего же они так религиозны, суть в том, мне каж., что *пиво* – не вино, пиво засоряет душу, а не делает в ней пьяного восторга.

* Гордость (*фр.*).

** Лучшее (*лат.*).

Я давно решил, что + чувствительности ничего не дает, но ++ дает начало религии. Египтяне несравненно были чувственнее греков, не говоря о немцах, из них вышла религия торжественная и глубокая. Кстати, этой весной я видел то, что всегда называл *miracula sexus**: шел по Шпалерной, недалеко отошел: и подняв голову, увидел посередине дороги «начало у собак». Задержался в шаге: и когда б. в уровень, увидел что сука *гордо* стоит, подняв *шею и голову*, кк. царица: он же делает усилия и почти начал. «Все шло кк. следует». Пока сзади их показался и послышался воз: тогда «он» спустился. Вся в страсти сука (чего я никогда в жизни у животных не видал), – когда он стоял, как угорелый («прервано») – подвела голову ему под брюхо и стала облиз.... весь еще обнаженный, большой х... Он стоял ошалелый. Не шевелюсь. Она долго это делала. Потом, вбежав в снег (сугроб), легла в него как в пух и стала (1-й раз видел) есть снег. Большого роста оба. Эта их красота и величие поразили меня. И я думаю: до чего несчастны и гнусны все «козлоногие сатиры» (и нимфы) у греков перед этим простым и ясным зрелищем природы, которое было до такой степени страстнее и до такой степени достойнее Гёте, нимф и сатиров.

Посему все нищезанское мне кажется гнусным по холоду.

Вот что, мой милый: 1) я на вас в обиде за неписание писем. Ну – не ответьте на 3 пис.; но чтобы на 5 пис. не ответить – это уже слишком. Я понимаю великое «некогда»: но когда *вечно* «некогда» – это уже обидно. 2) Мне очень трудно с Египтом: и попросите милого Фед. Конст., *что ему ничего не стоит*, подписаться. От Вас я абсолютно этого не хочу. Но друзьям своим в Питере я тоже не раздаю. Слишком дорого. Типографии совсем остановились, рабочие не берут даже 1 р. 40 к. *за час набора (!!!)* (у моего нового типографа, прелестного татарина, женатого на православной *Ипатьевне*, крестьянке из Ярославской губ. – и удивительны оба – *miracula sexus*** – он у сестры жены крестил всех детей, а попы петроградск. принимали его в крестные отцы (!???) – прямо *miracula*).

Ну, *addio, caro mio****. Таня и Мама здоровы. Революция опять мне мерзит: не спал ночь и возненавидел русских крестьян: из какой-то деревни эти живодееры прислали в Петроград коллективное требование, чтобы Николая II посадили в *Петропавловскую крепость*. Когда я узнал этот ужас, я возненавидел весь русский народ, «и с ледушками, и с деточками». Откуда это, Господи – откуда: откуда живодеерня в душе? Чть им? Что *он* им худого сделал. И Новосёлов с его пошлой *Rasputiad'* ой мне стал так глуп и жалок. Ведь Новосёлов есть один из инициаторов революции.

Отчего все так пошло и глупо в России.

Булгак. написал колоссальный труд Машкин – удивителен. У Вас книжка – очень хороша. «Сразу проглотил». – Вы вообще холодный человек (тайна

---

* Чудо пола (*лат.*).

** Необычный пол (*лат.*).

*** Прощай, дорогой мой (*ит.*).

«s»): посему когда у Вас мерцает привязанность, любовь или воспоминание теплое о человеке, то тогда только бывает «Флоренский с двумя ++». Ума у Вас достаточно. И вдруг – сокрытый ум.

Ф.К. Андр., кк. я стал проникать, тоже холодный, и у него тоже 1/4, 0, 1 «s». А такой интересный и прелестный. Мы с ним раз долго беседовали, я – с поучительностью (т. е. учился). Он мне рассказал и тайну влечения матушки Новосёлова к сыну. Я просто со страху трясся. Вот еще дело, и срочное. Кажется, я Вам отослал статью о Бэжоне, Ермане и Египте, – *не вернете ли ее мне*. Тут я встретился с 1 господином, кот. может быть мне выгоден и который попросил у меня «что-нибудь о Египте», и сам им интересуется Лернер. *В. Розанов*.

Читаю о «Кор. Нев.». Я Вам не писал о моей Верочке: знаете ли, что моя Верочка есть разрешение узла о монашестве. 1) Она пошла *sua sponte**: никто не напоминал, никто не упоминал. «Не было в дому никакой мысли ни у кого». Вдруг отпросилась, – и непременно *одна*, – сходить в монастырь, верст за 16. «Вооружилась ножом для защиты невинности». Взяла краюху хлеба, рубль денег – и пошла. Дня на 3. Как передала потом бонне, за *всенощной* написав «О *здравию* мамы болящей», – подала вынуть частицу. Монах повертел в руках бумажку и сказал: «Вы лучше подайте *завтра* за обедней». Т. е. неопытность в церковной жизни – «будто 1-й раз видит». Выспросила все об условиях монашеской жизни. Любви и «несчастья в ней» (Лиза Калитина) – не было. До этого – года 4 дружбы с Тартаковер, Марусей, еврейкой. Потом из Петрограда – металась, там и здесь спрашивая, – как и где поступить в монастырь. И теперь, потеряв здоровье (холодные вечера, начало туберкулеза), – до того любит монастырь, «и весь дух», что только и бредит мыслью вернуться туда и «получить скуфейку». И с этим – детское, милое, всегда улыбающееся счастьем лицо. Очень умна и рассудительна. Очень начитана, оч. любит Игнат. Брянчанинова «и все тамошние книги». Для меня Верочка есть пример и образ того, «как вообще люди *натурально* идут в монастырь». В нашей семье есть неоспоримо 0,1, 0,001 от Варв. Дим., которая с детьми «как-то не умела», ни – поговорить с ними, ни – понежить их, и, в сущности, и тайне организации – вся есть *Venus von Milo* (знаете, этот *мужественно-красивый* образ ее).

Ой, устал. Не могу.

153

<29 июля 1917 г., Пг.>

Целую ночь читал «См. идеал.»: «*Ev kai polla*»** etc. – старые любимые темы (Брянск). Много не понял («премудрость», трудны термины). Но основной пафос – схватил. Нельзя «уплощать» вещи, нет – «Единого», это

* По собственной воле (*лат.*).

** Много прекрасного (*греч.*).

«эгоизм бытий»). Это то, что когда-то я определил в «Понимании»: каждое «Эн» окружено мириадами *потенций*, теней – но и не только *теней*, а полужародышей, П – зародышей, 10 000 – долей зародышей **БЫТИЙ**. Вообще – потенциальность – гениальный принцип: *доработав* «Поним.», у меня родилась тема – пафостность: «Идея потенциальности» и, кажется, – «мир, рассматриваемый сквозь (через, Парá, еп их). И имей бы «О поним.» хоть 0,0001 «успеха» – выполнил бы его.

В сущности же и больше знаете что: когда я засел теперь опять за Египет. Это возвращает все опять к «потенциям», «голодам», «алканиям», росту, «и почему деточка растет», и т.д., вообще все много за 30 лет о-зрелось, у-яснилось, что и «платоновский метод» и «весь П. А. Флор.» и мое *милое* «О поним.» (как я его любил, когда писал, и долго после, кк. безумно любил: *это самая моя любимая книга, до сих пор любимая*, хотя Шперк ее считал почти глупой: («глупая география ума и наук, ни к чему не нужная») (да это и *так* – отчасти, по форме), но знаете ли вы и приходило ли на ум мне самому, что, *в сущности*, и я, и все мы, и Платон построены по «злакам». Помните, дурак Сахаров написал об Элевз. таинств., что там «ничего не было», п.ч. дурак этот (жрец, демиург таинств), «отпускает народ из таинств» – *ничего более не делал, как показывал им древесную ветку* и что-то вроде «махал ею». Я потрясся: «древесную ветку показал» (и потряс, помахал) – именно и значило: «не *отупи*, не *уплочи* мир»; «эй – не Бэкон, даже – не Кант, а – Шеллинг». «Эй – не французская революция, – а наш Царь, который зовется «Батюшкой», ну и проч. сказки и мифы. Теперь слушайте: Вы клюнули в «Поним.» и, след., знаете то, что я «все толкусь в одну дверь, один факт, одно представление: «КАК из зерна вырастает дерево», и, в сущности, начал и всю книгу написал по плану, мысли и пафосу: «ведь растет же ДЕРЕВО из зернышка». И – больше ничего. Теперь слушайте же громовое: да и есть один способ суждения, един – факт, *Единое – все*: да «мистерии», «Египет» – «Платон», «Вы», «я», «все мы». В сущности, есть мистериальный – египетский – элевзинский – ветвящийся (эпит) – *зернистый* (я) способ взгляда на вещи, и тут – все. В основе же тут Живой Бог или механический постулат. Так. образ., книга «О поним.» написана, в сущности, с точки зрения Элевз. «таинств» (зерно, потенции). Теперь слушайте субъект: я писал «О понимании» – с *невыразимым счастьем*. Просто «что-то делается в душе», как думаю о «зернах» и дереве, и кк. *все растет*. Теперь: когда около 1895-6 г. я стал переходить к идее *свято-сти семени* (ваш неприятный термин «сперма»), то у меня несколько месяцев стояла *тоска* кк. смута мысли и души о таком «грехе»: но – не очень долго: меня что-то стало неодолимо вздымать, как ветер под крылья, и я второй раз пережил опять бурю восторгов. Сперва, кажется, «ужас», п. ч. «так неприлично», «неприличные объяснения мира», «неприличен становится Бог». Помните Авраам: «И нашел ужас велий на него во сне» (перед обрезанием сон). Но теперь бесспорно для меня, что *весь юдаизм*, в сущности, и построен или состоит в «принятии страшной тайны», т. е. опять же Элевзинской тайны, что: да, семя свято, ну – и отсюда «лестница Иакова». Что так

вначале пугает, что так в начале страшно, «о, зачем? зачем?» – то очень быстро переливается во все-объясняющий и главное *какой-то радующий свет*, какой-то добренький мягкий, мерцающий, голубой. Ну, прощайте.

Революция чем более поганится, тем лучше. Но вот что страшно или плачевно (а, м.б., – радостно?), что русские – абсолютно аполитический народ, что, «варяги до конца нами будут править», что мы такие, в сущности, анархисты, прощальги, сутенеры, лентяи и дураки, что совершенно дики и стали строить царство, что никакого нам царства не нужно, не бывать у нас, что даже «царевич в руках русских» есть «для всего мира мужик», а что просто мы – голытьба, рвань, уроды, нигилисты, попрошайки, нищие, но – «таковых и есть Царство Небесное». Т. е. что вообще «истории не надо», а было бы «кое-что», какая-то «Божья малина». «Калики-перехожие». А что мир строить – германцу и жиду, а нам около них попрошайничать и плутовать. Вообще русские – народонаселение, а – не государство. Вечная этнография, «с очень милым бытом». И это – хорошо. В сущности, мы ужасно похожи на жидов, и это наша честь. С жидами спорить нам совершенно не пристало. Безумная ошибка. Они будут богатые и *скучающие*, мы около них – *радующиеся*, нищие; они нас будут *очень любить, очень ценить*. Вы знаете ли, что у евреев есть безумная привязанность к русским, и – бескорыстная. Еврей русского ставит в 1 000 000 раз ценнее всякого немца, и он – ценнее и есть, «с душою», «лучше», поэтичнее, но – сволочь «в строительном отношении». Русские – Лазарь, вечный; еврей – богач на лоне Авраамовом. И – связь неодолимая, связь вечная. Богач на лоне Авраамовом вечно и с завистью глядит на Лазаря, который копошится во вшах: и будет превосходно обирать эти вши, и превосходно *будет помогать русским* хоть сколько-нибудь не подохнуть. У русских была просто ошибка строить царство. Какое же «царство», если русский не умеет «избы построить порядочно» и «прожить толком с семьею». Много ли Вы видали «семей русских». «Домов русских». Ничего подобного. Русский – прощальга, мошенник и музыкант. Таким и ударимся в это, расположимся по этому плану. Революция, конечно, пройдет, конечно, восстановится царство, да что в том толку: оно будет такое же паршивое и глупое, как и предыдущее.

Я месяца 1½ назад послал «заказным» Царю в Царское о «Подразумеваемом смысле монархии» и написал очень длинное, страстно-любящее письмо, с нежными упреками за «глупости управления» и почти в том смысле, зачем он не занимался нумизматикой с Марковым (А. К., Эрмитаж), плюнув политику к черту. По-моему, политика – пошлость и мерзость. «Царь» хорош, когда он «мерзавец» (Вильгельм да и Петр). Когда он «дуролом» (Николай I). Порядочные, добрые, нежные цари – «не годятся». Царь должен быть «фрунтовику». «Николай Николаевич Старший». Как только проявилось «лицо» в царе – он «не годится». И тайная неудача Никол. II-го заключается в том, что в нем начало проклевываться «лицо» на престоле, что он был «декадент»-царь, по всему вероятно, онанист (не порицание), интеллигент и вообще вроде критских декадентов, каких Вы нарисовали в «Эгейских культурах».

Русские прогуляли, прокутили царство: и тут даже нигилизм ей-ей как-то провиденциально нужен и исторически необходим.

Ну, а раз «царство – гадость» и «не нужно», то на кой черт спорить с «парламентом»? Гнусно. Я писал и Царю о том, что ему нужно было дать этой мерзости парламенту спокойно ругать этих мерзавцев – министров, *вполне того заслуживавших*, и самому заниматься коллекционированием. Раз навсегда политика есть действительно хлам, «Левиафан» и разбой. И «устраиваться в политике» и надо предоставить Милюковым, Винаверам и Штурмерам». Вашего огорода ягода?

В. Розанов

154

<22 августа 1917 г., Москва.>

Дор. Пав. Ал.!

Я оставил у Вас на столе Пинкертона и вообще «свое чтение». В ужасе, что оно может попасться Вашим на глаза. Порвите, если еще не поздно.

В. Р.

Господи, вечно я глуп.

155

<4 марта 1918. Сергиев Посад>

<Рукой Флоренского: получ. 1918. III. 4. «Прощёное Воскресенье»>.

Дорогой отец Павел!

Не зашли ли бы Вы к нам. Очень надо видеть. Ушла вчера часов в 11 дня наша Таня, ушла с негодованием и презрением в душе, из нашего дома, сказав, что «пойдет искать где-нибудь *места*, работы». Мы в муке и самопрезрении. Может, Вы что-нибудь знаете, она что-нибудь Вам говорила, советовалась. *В. Розанов.*

Заявление*

Я, нижеподписавшийся Василий Васильевич Розанов, лежу безнадежно больным, разбитый параличом. Жена моя также разбита параличом. Имею двух дочерей, старшая на службе, младшая дома по хозяйству. Доктор сказал, что единственное лечение мое – питание. Я же не имею в доме ни фунта муки, ни фунта крупы, ни фунта картофеля, ни одного овоща, ни капусты, ни фунта чая, ни фунта кофе.

* Написано рукою Нади Розановой.

Приложено «Пояснение к Заявлению В. В. Розанова», написанное о. Павлом Флоренским 11 марта 1919 г. ст. ст. – *Ред.*

Покорнейше прошу выделить мне по возможности 20 фунтов муки, 5 ф. патоки, 1 ф. кофе, 4 ф. крупы, картофеля.

Положение мое совершенно безвыходное.

Выдать прошу в комитет III-го района.

Пребываю в

Красюковке. Полевая ул., д. Беляева.

В. Розанов.

Пояснение к Заявлению В. В. Розанова

Этот документ подарен мне сегодня, 1919, III. 11 ст. ст., Г. И. Качмаром, а последний взял его, как ненужный, из архива продовольственного отдела, при переносе его в новое помещение. Нижеследующее пояснение пишу под диктовку Георгия Ивановича Качмара:

Это заявление Василий Васильевич Розанов подавал, уже будучи больным своею предсмертною болезнью и лежа в постели, в середине января 1919 года по старому стилю, недели за две до смерти, в продовольственный отдел Сергиевопосадского Совета рабочих депутатов. Писала дочь В. В. Розанова Надя, подписал его он сам. Принесла его в Отдел Надя Розанова студенту Академии, ученику моему, Георгию Ивановичу Качмару, для передачи Василию Михайловичу Жмакову; в это время Г. И. Качмар был счетоводом продовольственного отдела, а В. М. Жмаков – распределителем продуктов первой необходимости. После того как поставлено было комиссаром продовольствия Львом Еремеечем Виленским (его зовут все в комиссариате «Лёвочка», этого с здоровенными яиц, из посадских рабочих кирпичного завода) – «20 фун.», мука была выдана на руки представителю третьего посадского района Ивану Ивановичу Введенскому, для передачи бесплатно В. В. Розанову, причем И. И. Введенский сам вызвался на эту услугу В. В. Розанову. Но ему он представил дело в таком виде, что эту муку он выпросил сам, пользуясь стеснительным положением больного В. В. Розанова, он уговорил последнего отдать ему за маленькую ничтожную плату в – – – р. богатый буфет, за которым давно охотился. Кроме того он выпросил от В. В. Розанова 1 фунт кофе, спрятал его в свой буфет и когда пришла к нему дочь Розанова, то распахнул буфет и: «Я для Василия Васильевича все отдам, все сделаю, – вот берите мой последний фунт кофе». За эту услугу он потребовал продать ему семейный стол, принадлежавший бабушке Розанова – Рудневой; Василий Васильевич согласился, будучи в полной уверенности, что он благодетельствован И. И. Введенским, но семья воспротивилась. И. И. Введенский: «На что Вам такой стол?» – однако семья не согласилась расстаться с памятью бабушки. И. И. Введенский рассердился.

1919. III. 11. Сергиев Посад.

Священник П. Флоренский.

ПЕРЕПИСКА В. В. РОЗАНОВА и С. А. РАЧИНСКОГО

І. ПИСЬМА С. А. РАЧИНСКОГО
к В. В. РОЗАНОВУ
с КОММЕНТАРИЯМИ В. В. РОЗАНОВА

ПРЕДИСЛОВИЕ. «ИЗ ПЕРЕПИСКИ
С. А. РАЧИНСКОГО»

Жизнь, личность, смысл деятельности умершего 2-го мая этого года С. А. Рачинского требует тонких наблюдений и сложных соображений. Он никогда не был только специалистом. Ботаник по кафедре в университете, сельский педагог по деятельности почти целой жизни, он не исчерпывался этими двумя рубриками. Круг умственных и сердечных его интересов был бесконечно и неопределенно-разнообразен. Но все эти интересы не были в нем бурны, страстны, и вот почему единственно он никогда не взялся за перо, чтобы написать статью философскую или публицистическую. Но его немногочисленные изящные книги, из которых классические достоинства имеет «Сельская школа», полны, так сказать, ответов необозримо-разнообразных его интересов. «Сельская школа», трактуя о воспитании крестьянских детей, заключает в себе страницы, посвященные музыке, живописи, литературе, которые вызовут в одних энтузиазм, в других – пылкий спор, т. е. эти страницы имеют оригинальную и личную окраску, заключают определенное воззрение, выношенное автором в годы тихих размышлений. Уединенный обитатель родового своего поместья, он был философом в изящном древнем смысле: без профессии, без ремесла, без диплома, но по вдохновению. Что в том, что он не оставил в этой области напечатанных трудов? Их не оставили и древнейшие греческие философы, иначе как в форме двух-трех философских афоризмов. Таких с избытком мы можем найти в трудах Рачинского. Он был философ по всему сомкнутому кругу своей деятельности, вытекавшей из глубокого убеждения, по образу жизни, по вкусам, даже по обычаям и привычкам. В сложный круг его забот вовсе не входила только одна: материальная, денежная, выгодная или честолюбивая. Правда, с начала и до конца жизни он был обес-

печен; правда, ничто и никогда с этой стороны ему не угрожало. Но всякому почти человеку присуще усилие к расширению физических и вообще «выгодных» условий своего существования: вот эта сторона была совершенно атрофирована у С. А. Рачинского. Некоторое время, как мне передавали, он вынужден был жить в тесном и бедном деревянном помещении вместе с крестьянскими детьми-учениками. Это тянулось годы. И он был спокоен эти годы, доволен, безропотен. И никакой радости или довольства не испытывал, перейдя в каменный палаццо своих предков. Любитель наилучших способов существования, одаренный тонкими и, может быть, нервными вкусами, он мог существовать как «лилии полевые», или как древний Диоген. И эта черта его облика, конечно, была тоже философская. Он был философ по жизненному труду своему; особенно – практический философ, выразившийся в делах, а не в учении; философ, непоколебимо фанатичный в некоторых центральных убеждениях, которые, однако, в узоре периферических подробностей переходили в неясные влечения, в поэтические грезы. В складе его ума было сходство с покойным Страховым, которого, кстати, он очень любил и высоко оценивал его труды. Как-то я заметил, что мне книги Страхова более нравятся, нежели Н. Я. Данилевского. «Он гораздо его (Данилевского) *сложнее и тоньше*», – горячо ответил мне Рачинский.

Теперь, когда я вынул пачку его писем, мне грустно о том безмолвном расхождении, в котором мы прожили последние два года. Рачинский был индивидуалист. Это был человек-одиночка. *Одиночка-философ, одиночка-публицист*. У него не было горячей потребности еще в людях около себя. Я не говорю здесь об учениках его, о предмете его труда. Художник не может обойтись без палитры и кистей, но это не суть друзья его. Диоген мог годы смотреть из своей бочки на солнце, весьма мало нуждаясь в Афинах, хотя и не стесняясь их близостью. Человек-одиночка, Рачинский образовал отсюда и свое не столько воззрение, сколько, так сказать, *привычку к христианству*. Он до того *привык*, что христианство есть духовная атмосфера одиноких людей, отчасти и вытканная душою одиноких же людей (историческое христианство, начальный аскетизм), что где наступали границы этому тонкому реянию одиноких грез, границы иногда жесткие, иногда властительные и страстные, там он пугался какого-то разрушения христианства, чувствовал врага, который пришел смутить его сердце и поколебать главное его сокровище. «Что же, неужели вы думаете Розанова к Христу привести», – спросил он гневно этот год одного человека, говорившего ему об удаче и оживленности философско-религиозных собраний. На вопрос этого собеседника, не хочет ли он по старой памяти меня видеть, – он ответил: «Зачем? Я стал бы ругать его за его статьи». Между тем все это отношение вытекло из вопроса, формально только или по существу брак есть таинство: есть ли он таковое по многоценным собственным качествам, или по провозглашению его таковым церковью, потому что он есть собственность церкви. «Все, что лежит в святой деснице, – свято», – так думал он. Я же, осторожно заглянув в десницу, сказал: «Э, это золото! В деснице оно или на мостовой, цена его столько-то за

золотник». В этих двух суждениях – огромная разница. Одно начинает бесконечный авторитет церкви, другое начинает бесконечный авторитет мира, мирских вещей, мирских предметов. Одно суждение говорит: «Все отвратительно вне меня»; другое: «Нет, в вещах есть степени достоинства *самостоятельного*; одно хуже, другое лучше, и наконец, третье совсем превосходно *само в себе*». Начинается гордость мира, слава мира; умиление его на себя, и даже благочестие, наконец, вытекающее из высот самоощущения. Нечто царственное туманит взор. Обратная точка полна горечи и слабости: человек чувствует гибель свою, как только не держится рукою за камень в выступе стены церковной. Взгляд средневековый, взгляд католический представляет кульминационный пункт первого воззрения. Купив за талер индульгенцию, считаешь себя спасенным. «Разве вы не знаете, что я силен из камней сотворить новых чад Аврааму», – повторял Лев X, рассылая свои «простительные» бумажки, эти в своем роде ассигнации загробного спасения. Все это нас поражает грубостью в конечном выводе: смешит, когда мы читаем о Тецеле у Иловайского или Вебера. Но подступы этой мысли необыкновенно тонки, и их страстно, мучительно может высказать первоклассный ум XIX–XX века. «Как же вы думаете вне церкви спастись?» «Без Тецеля, без папы, без индульгенции в 5 талеров?» Но разве это не вариант суждения, стоившего жизни тысячам детей: «Неужели ребенок, рожденный без нашего благословения, – хотя бы в самой чистой и прочной семье, чему, впрочем, мы не верим, – может быть чем-нибудь, кроме как плодом блуда, достойным судьбы своей. И, наоборот, с благословения нашего рожденный ребенок, пусть даже рожденный не от мужа, а от третьего лица – годеи и хорош и есть плод целомудрия». Нам непривычен и неприятен цвет германских индульгенций. Но, чтобы понять, отчего вся романская Европа не пошла за Лютером, мы должны представить себе, что привычные, и уже века привычные, их специальные индульгенции стали там веруемы, приятны и дороги, как нам наши специальные. Там и здесь в зерне лежит одно: отрицание внутренней и собственной ценности вещей, и сообщение им ценности – владельцем, десницею держащего. Тут – папа, тут – «камень Петров». В Риме он вырос в скалу, у нас являет рассыпчатый песок кварца и полевого шпата. Но это все одно. Тенденция и природа вещей – одинакова в песчинке и в скале, в крупинке сахара и в сахарной голове.

Рачинский, вероятно, продолжал эту мысль и думал, что если мирские вещи внутренне-ценны, то идея греха вообще ослабляется; через это ослабляется мука голода «быть искупленными» и прерывается главный мотив, соединяющий человека со Христом, повлекший 2000 лет назад мир ко Христу. Нет греха, как томящего и мирообъемлющего океана, как пучины, где мы все плывем и вот-вот падем на дно; и нет потребности в берегу. Грех – мелок, не глубок, не страшен. И человек похож на ребенка, плещущегося на отмели материка, где он стоит твердо и не чувствует потребности кричать: «Спасите! Погибаю!!». Весь этот круг идей, развившийся, в сущности, из такого специального спора, как о детях и их *разно-ценности* или *равно-ценности*, о смысле

«благословения», как акта *доброты*, или же акта *переделки* из черного в белое, из грешного – в святое, смутил С. А. Рачинского и показался ему чем-то угрожающим для христианства, в том одиноком и пессимистическом чувстве, которое он считал исходною его точкою. Тщетно писал я ему, что невозможно благословить грешную вещь; что Бог этого не может сделать, не то, что церковь; что Бог, благословивший бы вещь, до Его благословения и вне Его благословения грешную, через акт благословения присоединился бы к грешной ее природе и Сам сделался бы грешным, что невозможно. Людовик XV уронил королевское достоинство, «учредив» *lettres de cachets*^{*}, но несколько не сделал их праведными через присоединение к их существу высокого и притом подлинно высокого своего авторитета. И равно, если дитя, вне благословения рожденное, не праведно, не прекрасно и не достойно жить, цвести и благоухать равномерно со всякими другими, то «благословляя рождение детей», церковь только, как в случае «благословения» *lettres de cachets*, роняла бы свои качества, становилась бы через эти *переделывающие* благословения грешною, и притом решительно без всякой пользы для детей, которых, как и *lettres de cachets*, невозможно соделать праведными, доблестными, хорошими. Иными словами: или все дети законны, – и тогда как же столько веков одна определенная группа их гибла? – или она гибла основательно, есть дети незаконные, – и тогда незаконны они безусловно все, от Адама, Давида до меня.

Вопрос, закружившись собственно около крови детской, eo ipso не мог не пойти страстно, гневно, и не окончиться молчанием, под которым у каждого был упрек: «А, так ты восстаешь против христианства», «А, так ты восстаешь против детей». Как человек очень одухотворенный и обширно образованный, Рачинский, конечно, видел гораздо дальше, чем выступавшие против меня другие оппоненты, и высказал жесткие суждения, какие я привел выше. Но – теория теорией; дни ссоры были кратки, дружбы – продолжительны, и, сознавая, что в Рачинском Россия утратила некоторое историческое лицо, притом же горячо любимое множеством сейчас живущих людей, я позволю себе предложить вниманию кучку сохранных у меня его писем. Все они мирны, тихи, дают очень живой и, конечно, верный очерк его лица, дают черты его быта, который он сумел сделать утешением и просвещением для окружающей его народной мглы.

В письмах есть полемические слова в отношении третьих лиц. Все, относясь к минувшим дням, едва ли может кого-нибудь задеть сейчас. Конечно, мы ежедневно живем, ссоримся, дружим, и существование наше было бы смертью, если бы оно не покрывалось то терниями, то розами, если бы около нас другим людям не было то очень сладко, то очень горько. Таковы в особенности слова его в отношении к Вл. С. Соловьёву и в отношении к целому журналу «Вестн. Европы». Друзья Соловьёва и г. Стасюлевич, надеюсь, сумеют взглянуть на это через историческую призму.

В. Розанов

---

* Королевский указ о заточении в тюрьму без суда и следствия (фр.).

Татево, 23 янв. 1892.

Многоуважаемый Василий Васильевич!

От души благодарю вас за ваше доброе внимание к моей школьной стряпне. Но дело мое в этой области гораздо скромнее и уже, чем оно вам представляется. Право, читая ваше письмо и многие другие, получаемые мною, начинаю опасаться, нет ли в моих писаниях какого-нибудь бессознательного шарлатанства?

Впрочем, дело философа – находить в самых ничтожных жизненных явлениях поводы к соображениям общим. Так, деятельность моя наводит вас на вопрос: есть ли воспитание – дело государства?

Конечно – нет!.. Это – дело семьи и Церкви. Но ведь ребят учить надо. И если мы грешные этой обязанности не исполняем, ни в качестве отцов семейства, ни в качестве сынов Церкви, то государство вынуждено делать по этой части, что может.

Что касается до вас, то вы, конечно, не педагог, а серьезный мыслитель и талантливый писатель, и в этом качестве можете быть преподавателем превосходным. Вы должны благодарить Бога за то, что необходимое вам ремесло дает простор столь существенным элементам вашего личного склада.

С живейшим интересом прочел я вашу статью в «Русском Вестнике». Вы с полною ясностью и точностью раскрыли суть воззрений покойного Леонтьева*. В следующей статье вы, конечно, столь же ясно укажете на те пределы, в коих можно с ними согласиться. Теории Леонтьева страдают недостатком всех попыток объяснить явления сложные сравнением с явлениями более простыми. Организмы коллективные – народы, человечество – неизмеримо сложнее и живучее организмов индивидуальных. Объединение, обезличение – действительно сопровождает всякий регресс; но не всякий процесс этого рода есть прелюдия смерти. Человечество уже пережило две эпохи, аналогичные с нашей – в пределах orbis terrarum antiquus**. Это – культурное объединение под обаянием греческого гения и римской силы, и средневековое объединение под влиянием католической церкви, рыцарства, крестовых походов; и оба раза за этими процессами последовало богатое расчленение, новая индивидуальность процессов культурных и политических. Переживаемое нами объединяющее, обезличивающее движение несравненно шире. Оно вполне поглотило Японию; оно разъело Турцию, Египет, Персию; оно давно охватило образованные классы Индии; в нем участвуют Австралия и обе Америки. И это отнюдь не только распространение культуры европейской. Одновременно с этим последним в европейское сознание широкою струею влились элементы восточной метафизики и этики.

* Говорится о статье «Эстетическое понимание истории», напечатанной в первых четырех <трех> книжках «Русского Вестника» за 1892 год, почти тотчас после смерти К. Н. Леонтьева, с которым я состоял в оживленной переписке, хотя лично ни разу его не видал. В. Р.

** античный мир (лат.).

Все это предвещает не смерть, а новое пробуждение исторического творчества, культурной индивидуализации, -- более широкое, чем то, которое ознаменовало начало христианской эры и эпоху возрождения. Нет сомнения, что одним из главных театров этого процесса будет Россия, столь чуткая к западным влияниям, столь тесно связанная с Востоком своими историческими судьбами...

Извините, что разболтался в столь кратких словах о материях столь важных. Когда-нибудь возобновим о них разговор изустно. Пока, да хранит вас Бог.

II

Татеев, 17 марта 1892.

Многоуважаемый Василий Васильевич!

С живейшим удовольствием прочел я окончание вашей статьи в «Русском Вестнике»*. Особенно метким и новым считаю то, что вы говорите о трех периодах русской истории. Поздравляю вас с тем, что вы нигде не впадаете в тон пророческий. Вы знаете, что я не вполне разделяю воззрения покойного Леонтьева -- и ваши, быть может, потому, что я по умственному складу принадлежу к поколению более старому, менее пессимистическому. Но об этом при свидании.

Сегодня пишу вам по следующему поводу. Вашу литературную деятельность сильно заинтересован Третий Иванович Филиппов. Он хотел бы перетащить вас в Петербург, дать вам более или менее фиктивную, но хорошо оплачиваемую должность в своем ведомстве, и притом сделать из вас своего литературного сотрудника по вопросам церковно-государственным. Мне поручено насчет этого плана зондировать почву, т. е. вас...

Скажу вам прямо, что этого благополучия я для вас не желаю**. Третий

---

* Той же, о которой говорилось в предыдущем письме, о К. Н. Леонтьеве. Но я сделал сильное отклонение в сторону и в мартовской книжке «Русского Вестника» уже ничего не говорил о Леонтьеве. В. Р.

** Эти грозные предсказания более чем сбылись. Нет более ужасного положения, чем души равно-сильные при разности положений. Образуется атмосфера психологической отравленности. И печальный мой переезд из города Белого в Петербург только унес в могилу или ничтожество по крайней мере четыре года моей литературной деятельности. Т. И. Филиппов прислал мне в Белый письмо, с выражением внимания к моим статьям, и прислал свою книгу «Современные церковные вопросы». Книгу эту, в той части ее, которая касается не греческой церкви (2-я половина), а нашего русского старообрядчества, я считаю и до сих пор превосходною и правильною, хотя, пожалуй, слишком детальною. Превосходная эта книга внушила мне самые светлые воззрения на Т. И. Филиппова, как радикального, чисто русского человека, москвича и трудолюбца. Признаюсь, я не очень поверил не только проницательности, но и чистосердечию Рачинского: мне казалось тут что-то неясное и ненужное, какой-то сор личных отношений, простирающий власть на высоты мысли. При встрече с Т. И. Ф. произошла у нас какая-то магия. Он быстро вышел из кабинета при докладе обо мне дежурного курьера и еще ничего не сказал, как массивная его фигура и лицо наклонились надо мной и трижды коснулись щекою ли, губами ли моей щеки и губ. Вероятно, я от этого растерялся, и он сказал: «Еще пятидесятницы не было, а я с

Иванович действует путями не всегда прямыми*. Самолюбия он безмерно. Самостоятельной мысли в подчиненных он не терпит...

Но, быть может, предложение это представляет для вас какие-нибудь, неизвестные мне, существенные выгоды, и нам не мешало бы обсудить его устно. Не соберетесь ли вы (разумеется, когда установится летний путь) в Татево. Тогда мы поговорили бы и о плане Тергия Ивановича, и об иных путях, коими могли бы быть изменены рамки вашей жизни, если такое изменение для вас желательно.

III

Татево, 16 апр. 1892.

Многоуважаемый Василий Васильевич!

Я в долгу перед вами. Не отвечал до сих пор на ваше письмо, потому что все поджидал приезда вашего в Татево с Лутковским**. Сегодня получил от последнего записку, извещающую меня об отсрочке вашего посещения.

И все-таки считаю более удобным отсрочить разговор о будущей вашей судьбе до личного свидания, которое состоится так или иначе, в течение весны. На основании того, что вы пишете, еще не берусь сказать вам что-нибудь путное.

То, что вы пишете о писательстве, мне вполне понятно. Для всякого истинного писателя это есть отправление, почти невольное, а совсем не дело, предпринимаемое с какою-либо определенной целью. А цель-то, часто нами несознанная, достигается именно теми писаниями, которые возникают неудержимо, неожиданно для самого писателя...

К своему учительству*** вы, конечно, относитесь слишком строго, но, без сомнения, не оно составляет ваше призвание, и поэтому перемена жизни для вас желательна, и об этом-то и хочется мне поговорить с вами устно.

вами христосуюсь». Затем произошло что-то безмолвное, какое-то безмолвное понимание друг друга. Только Аф. В. Васильев, мой начальник и генерал-контролер департамента железнодорожной отчетности, говорил мне раза два: «Т. Ив. недоволен вашими статьями» там-то и там-то, но всегда мужественно прибавлял: «Впрочем, что ему до этого за дело: литература – свободный труд». Сам он издавал «Благовест». Это было скромное издание, без подписки, читателей и без гонора, но со статьями самого Аф. В. Васильева и большею частью контрольных чиновников, по предметам богословия и славянского единения. В нем я не участвовал. *В. Р.*

* В письме стоит более резкое выражение. *В. Р.*

** Узелный предводитель дворянства в г. Белом, добрый друг покойного С. А. Рачинского, моего покойного брата Н. В. Розанова, директора Бельской прогимназии, и мой собственный. *В. Р.*

*** Меня всегда томила как учителя *рассеянность*, двойственность всякого возможного решения («гамлстовщина» педагогическая) и субъективизм (*в себя погруженность*): качества, совершенно отстранявшие возможность стать хорошим, бодрым, ведущим вперед детей учителем. У меня завязывались всегда только какие-то тонкие нити отношения и понимания с *отдельными учениками*; «работать с классом» я не мог. Не мог вообще ни с какою толпою действовать. Все это, ясно мною видимое и для меня по природным дефектам непоправимое, до последней степени и много лет отягощало мою душу. Вырваться отсюда в какой-нибудь «счет», «механику», которая бы оставила в покое мою душу, для меня было необходимо и прямо было вопросом душевного спасения. *В. Р.*

Не скажу вам сегодня ни слова о вашей книге, за присылку коей от души вас благодарю, ибо ее еще не читал. Для этого нужна свободная неделька. Всю Святую я проболел, теперь же, за уроками, имею время только есть, спать и писать необходимые письма.

Да хранит вас Бог. До свидания.

IV

Татево, 24 июля 1892.

Многоуважаемый Василий Васильевич!

Недавно был я во Ржеве и видел там Т. И. Филиппова. На днях он будет в Татево, и очень жалеет, что вы не в Белом*, и я поэтому не могу вас познакомить.

Я прочел в июньской книжке «Русск. Вестника» вашу статью**. Очень хорошо и оригинально, но немного слишком кратко – недостаток столь редкий, что может быть сочтен за достоинство. Впрочем, мысль, выраженная в последней главе, для полного своего развития потребовала бы целой книги...

Отвечаю вам при первой возможности. Но вы сами замедлили мой ответ, написав мне заказным письмом, отчего послание ваше пролежало лишнюю неделю во Ржеве.

V

Татево, 5 авг. [1892 г.]

Любезный Василий Васильевич,

Получил еще письмо от Победоносцева по поводу Вашего предполагаемого перемещения в Петербург – и необходимо мне об этом, если можно, поговорить с Вами. Не собираетесь ли Вы в Татево до начала уроков?

Преданный Вам

С. Рачинский.

VI

Татево, 20 авг. 1892 г.

Многоуважаемый Василий Васильевич!

Вчера уехал от нас Т. И. Филиппов. Он очень просит вас приехать к нему во Ржев – познакомиться. Выезжает он из Ржева 27-го августа. Для того, чтобы оставить за вами свободу ехать или не ехать, по вашему желанию, я выразил сомнение в том, находитесь ли вы в Белом, но написать вам обещал.

---

* На летние каникулы я уезжал в город Елец, на место прежней службы, к матери и вообще в семью моей жены. *В. Р.*

** «Характерная черта Древней Руси», по поводу чтения В. О. Ключевского: «Добрые люди в древней Руси». То был первый голодный год, и блестящее чтение талантливейшего из московских профессоров знакомило общество с добрыми благодетелями древней Москвы. *В. Р.*

Полагаю, что знакомство с Т. И. может быть вам приятным и полезным, под условием, чтобы он не вовлек вас в писание, под своим внушением, о вопросах церковно-политических.

Впрочем, об этом пункте, если вы решитесь ехать, переговорим лично до свидания вашего с Т. И., так как Татево на пути из Белого во Ржев, и вам не миновать ночевки у нас.

Итак, до скорого, быть может, свидания.

VII

Татево, 23 сент. [1892 г.]

Дорогой Василий Васильевич,
Получил письмо от Победоносцева.

Ваш *sigillulum vitae** очень заинтересовал его, он имеет Вас в виду на место чиновника по особым поручениям, которое откроется в течение наступающей зимы.

Итак, покуда, будем ждать и молчать. Да хранит Вас Бог.
До скорого свидания.

С. Рачинский.

VIII

Татево, 22 янв. 1893 г.

Дорогой Василий Васильевич!

К. П. Победоносцев прочел ваши «Сумерки просвещения» и отдает полную справедливость верности и глубине мыслей, выраженных в этой статье. Но он справедливо осуждает причудливость и темноту вашего слога... Нужно, нужно вытащить вас из Белого! Эти недостатки слога, очевидно, плод вашего полного одиночества. Мысли, не находящие никогда случая выразиться устно, не созревают до письменной формы, всем доступной...

IX

Татево, 29 апр. 1893.

Дорогой Василий Васильевич.

Очень был я рад весточке о вас, хотя из нее узнал немного, а именно, не узнал главного: оставляют ли вам ваши занятия по контролю достаточно времени на продолжение ваших литературных трудов? Нашли ли вы людей, к которым вы могли бы душевно примкнуть? Видаются ли со Страховым, с Кусковым? С ужасом думаю для вас о петербургском лете. С наступлением каждой весны ощущаю некоторое угрызение совести при мысли о тружениках, запертых в каменные муравейники, лишенных тех благ, коими пользуюсь я — тунеядец! Ибо таковым становлюсь окончательно вследствие упадка физических и умственных сил.

* жизнеописание, автобиография (*там.*).

Прочел окончание вашей статьи в «Р. Обзор.»*. Увы! Недоношено, и поэтому темно. А между тем то, что носилось перед вашим умственным взором, стоило выражения более полного и ясного. Противупоставляя государство церкви, вы забыли, что мы живем в государственном строе, коего главный элемент – именно элемент мистический – царская власть неограниченная, идеал в действительности неосуществимый, а между тем одухотворяющий, при всех ее несовершенствах, нашу государственную действительность, обеспечивающий за личностью ту свободу, которой она лишена в так называемом правовом государстве... Когда издадите сборник ваших статей (понадобится он очень скоро), – эту статью переработайте. Ваш слог страдает слишком малым знакомством с французскими образцами. А сколь многим обязан Вольтеру величайший художник мистической речи, столь, кстати, цитируемый вами, Гёте!

Победоносцев пишет мне, что всегда готов вам помочь, если к тому представится случай. Имейте это в виду.

С завтрашнего дня начинаются экзамены и займут весь май. Здоровье мое плохо, но настала весна, и до осени можно обойтись и без здоровья.

Х

Татеево, 20 мая 1893 г.

Дорогой Василий Васильевич.

Дело издания вашего сборника, надеюсь, облегчится, когда будут окончены печатанием «Сумерки просвещения». Эта статья не может не вызвать ожесточенного противоречия**, а это – один из видов успеха. Статья «О трех

---

* Говорится о статье: «Три принципа человеческой деятельности». Статью эту я считаю до такой степени пропитанной скукой, что не могу без смущения думать о ее напечатании. Но между тем тему ее и все подробности я вынашивал много лет; и в общем, я думаю, тема – важна (различение принципов морали, политики и еще чего-то). Вообще мне удавались лишь статьи, внезапно написанные, и когда наступал любимый и дорогой час, 9 вечера или 9 утра (на каникулах). Когда я подходил к письменному столу, – душа сияла, но ни единой мысли, какую я напишу, еще не было в голове; но едва я брался за перо, одушевление, мысль и слово, – все являлось вместе. Почти невероятно, что так же написана и большая книга «О понимании». Напротив, три статьи: «О цели человеческой жизни», «Три принципа человеческой деятельности» и «Красота в природе и ее смысл» были долго обдумываемы, и с пером в руках я их изложил, а не сотворил. И они вышли мертвыми, по крайней мере, мне самому несносны. В. Р.

** Ф. Н. Берг, редактор «Русского Вестника», рассказывал мне: «Сюда (т. е. в редакцию) приходил Любимов (сотрудник Каткова) и топал ногами, крича: «Катков основал классицизм, а вы, имея журнал, им основанный, на страницах его разрушаете классицизм» (о «Сумерках просвещения»). А. А. Александров, редактор «Русского Обозрения», тоже говорил мне, что В. А. Грингмут, бывший у него сотрудником и в то же время редактором «Моск. Вед.», требовал прекращения статьи «Афоризмы и наблюдения», продолжавшей и заканчивавшей «Сумерки просвещения». К великому счастью, и в Берге, и в Александрове я нашел поддержку и полное себе сочувствие. В. Р.

принципах» требует переработки, но из сборника я бы ее не исключил: в ней много прекрасного.

Участие к вам К. П. Победоносцева – не пустая фраза. Если понадобится вам в чем-либо его помощь, смело обращайтесь к нему – он сделает все, что в его силах.

Копии с вашего портрета я от Николи еще не добился. Но не беспокойтесь, добьюсь, и в скором времени.

Вчера, наконец, покончил я с разездами по экзаменам, крайне меня утомившими, и сегодня целый день копался в огороде и буду копать все лето. Если когда-либо еще что-нибудь напишу, то о капусте и навозе.

На днях избраны двое новых волостных старшин: у нас – один из моих учеников, убежденный трезвенник; в Пониклях – один из столпов Меженинского церковного хора и общества трезвости. Мы с Софьею Николаевною* торжествуем.

Очень заинтересованы мы германским кризисом. Решимость императора Вильгельма довести *ad absurdum*** тяготеющий над Европою кошмар милитаризма может иметь последствия необозримые. Союз папы с демократией и социализмом, в Америке уже официальный, скоро повернет и Европу вверх дном.

Прочтите в «Северн. Вестнике» дневник А. О. Смирновой. Издано безобразно, но материал для характеристики Пушкина и Императора Николая – неоцененный.

Сообщите мне точный ваш адрес.

XI

18 авг. [1893 г. (в публикации 1902 г. ошибочно помечено 1895 г. и помещено не на месте)]

Дорогой Василий Васильевич.

Писал я Тertiю Ив. Филиппову о вашем намерении издать сборник ваших статей и о моих опасениях насчет денежного успеха дела, в надежде, что он нам поможет***, на что у сильных мира сего есть разнообразные средства. Но он не захотел меня понять. Во всяком случае, считаю дело только отсроченным до момента, когда найдется возможность печатать не в долг, и особенно жалеть об этой отсрочке не могу, ибо, по состоянию нашего книж-

---

* Племянница С. А. Рачинского, высокообразованная и высокопривлекательная девушка, самозабвенно отдававшаяся школьной деятельности. Она совершенно слилась и ушла в крестьянскую детвору, – и, как я видал, – совершенно расцвела, едва она ее окружала. *В. Р.*

** до абсурда (*лат.*).

*** Так все было, или мне представлялось, хрупким в моем существовании, что издание сборника статей моих, на средства предложившего на это деньги Н. Н. Стрехова (издание «Легенды об инквизиторе»), могло вызвать вопрос: «Ах, он издает свои книги – значит, в улучшении средств не нуждается». И это навсегда могло закрыть прибавку к моску жалованью помощника ревизора в контроле. *В. Р.*

ного рынка, книги серьезные продаются медленно, и в настоящее время издание это могло бы осложнить ваши затруднения... В ответе своем Третий уверяет, будто вы полюбили занятия по контролю, якобы расширяющие ваш кругозор, и будто вы получили от ближайшего вашего начальства прибавку к вашему жалованию, позволяющую вам обходиться без спешной литературной работы: я было этому обрадовался. Но, судя по вашему письму, все это похоже на ложь*.

Зато вижу из вашего письма, что продолжается ваша кипучая писательская деятельность. Темы, на которые вы пишете, столь близки вашему уму и сердцу, что мне и в голову не приходит опасаться, чтобы, обрабатывая их, вы впали в писание шаблонное. Но боюсь переутомления, и более, чем когда-либо, мечтаю для вас о положении более независимом. Успокойтесь. Без разрешения вашего не сделаю ни шагу; но буду обдумывать и придумывать, насколько это возможно в моем одиночестве.

На прошлой неделе, наше Татево, обыкновенно столь тихое, было шумно илюдно. Собралась родственная молодежь; погода была дивная, настроение – светлое. 13-го мы простились, вероятно, навсегда, с Сергием Сеодзи. В этот день молодежь наша вздумала пропеть с ним, без участия школьного хора, последнюю литургию. Пение было удачно, служба – умирительна, ибо совершалась литургия со включением последования *о хотящих по водам плыти*. При этом сочетании служб (закключающемся коленапоклоненною молитвою, благословением и крошением св. водою

---

* И так и этак. К. Н. Леонтьев в одних размышлениях своих замечает с точностью медика: «И Господь Иисус Христос изволил кушать. Он алкал в пустыне» и проч., и «следовательно, хотя мог бы не подчиниться, но подчинился общим условиям физического существования». Совершенная моя подавленность в Петербурге зависела от той простой арифметики, что ранее живя одиноким в уездном городе, сперва Брянске, затем Ельце и Белом, я получал по должности учителя гимназии 140, или 150, или 135 р. в месяц, в зависимости от комбинаций уроков. Женившись в 1891 году, я переехал в 1893 году в Петербург на 100 р. в месяц жалованья. Только два года спустя жена мне рассказала, что она вовсе потеряла сон и как бы начала мешаться в уме, когда после 150 р. в провинции хозяйство опустилось на 100 р. в столице, при болевшей и умершей дочери: что она все свои вещи снесла постепенно в ломбард, но уже ничего больше не было, и не из чего было ни платить за стирку, ни платить зеленщику и мяснику, не говоря об одежде, о которой и думать нечего было. Наконец, после смерти дочери было прибавлено 25 р., я стал получать 125; а затем еще 15 р., и я получал 140, т. е. наконец-то свою провинциальную сумму. Если присоединить сюда плату за учение в гимназии старшей дочери (падчерицы), то, так сказать, натиск нужды ко времени этих уплат хоть несколько обрисовывается для читателя. Не могу без крайней и постоянной признательности не заметить, что из такого непрерывного и шмящего горя меня вытащил один познакомившийся со мной «жид» (пишу с уважением). Он стал посещать меня, подружился, а при первом случае рекомендовал меня в одну маленькую газету. И с этой точки, минуты – все горе мое кончилось, и я считаю прямо этот перелом началом моего воскресения, до того раньше тяжело было. Но опять остроты этого никто не почувствует, кто подобного не испытал. В. Р.

путешественника) я присутствовал в первый раз. На будущей неделе провожаем в Крым Николу. Наконец, добился от него вашего портрета, который при сем посылаю.

Вы просите моей краткой биографии. Вот она:

Родился 2-го мая 1833 г. в селе Татеве. Воспитывался дома. От 1849–1853 года учился в Моск. университете. От 1853 до 1855 г. служил в московском архиве мин. иностр. дел. От 1859 по 1868 год преподавал в Моск. университете физиологию растений. С 1875 г. состоял учителем при Татевской сельской школе. Умер в селе Татеве в 189...? году.

Не думаю, чтобы «Нива» собралась издать мой портрет теперь, когда весьма скромная моя известность начинает заменяться полным забвением. Но если она все-таки захочет это сделать, *требую*, чтобы был помещен снимок с портрета, писанного Богдановым-Бельским (могу прислать с него большую, превосходную фотографию).

Да хранит вас Бог. Напишу вам еще, не дожидаясь вашего ответа, ибо вы обременены работою, и быстро отвечать вам не всегда возможно.

XII

Корчежино, 5 окт. 1893.

Дорогой Василий Васильевич.

Ползуюсь перерывом на земском собрании, чтобы написать вам два слова.

Заседания наши протекают мирно, но оживленно. Завтра, Бог даст, они закончатся дружным чествованием, вполне заслуженным В. О. Лутковским. Прекрасный Бельский мост окончен, освящен и открыт для движения. В уезде устроены шесть докторских пунктов. Медицинский персонал в большинстве своих представителей удачен, на пунктах закипела самая серьезная работа.

Здоровье мое за последние недели несколько лучше. Переносу утомление ежедневных заседаний, надеюсь этою зимою учить больше, чем прошлюю. Школьное мое хозяйство растет. Предстоит на днях открытие двух новых школ, – одной для девочек, в Пыжкове, трудами диакона, моего ученика; другой, смешанной, в одной из деревень Татевского прихода.

Получили ли вы посланный мною портрет? Художник наш* уехал в Крым, за волнами для начатой им картины: «Христос, ходящий по водам». Окончив ее, он поедет в Париж.

Очень тянет меня домой. Неделя, проведенная мною вне Татева, кажется мне вечностью. С упадком сил, все нужнее становится сосредоточивать их на сфере деятельности, до крайности ограниченной. На уезд – размеров немецкого герцогства – их уже не хватает.

---

* Н. П. Богданов-Бельский, любимейший ученик С. А. Рачинского. В. Р.

С нетерпением ожидаю появления в печати какой-либо из задуманных вами работ. Литература нас не балует. Последняя «сура» яснополянского пророка* крайне неудовлетворительна...

ХІІІ

Татеево, 16 окт. 1893.

Дорогой Василий Васильевич.

Очень опечалила меня кончина милой вашей девочки, к которой вы успели так нежно привязаться. Молю Бога, чтобы Он послал вам утешение в других детях.

Известие о скромной прибавке к вашему жалованью несколько успокоило меня на ваш счет. Оно дает вам на некоторое время возможность сводить концы с концами, писать без снеха. С нетерпением ожидаю получения ноябрьской книжки «Русского Вестника».

Земское собрание в Белом заключилось триумфом Лутковского. Торжественная депутация от города с благодарственным адресом, а с моей стороны – предложение поместить в зале наших собраний портрет В. О., восторженно принятое. Он окажется председателем управы, что в высшей степени важно для довершения организации медицинской помощи в уезде, столь блистательно им начатой.

Мое здоровье неожиданно поправилось с наступлением осеннего ненастья. Учю, ежжу по школам. На днях открыл еще школу грамотности (третью в нашем приходе) и тем завершил в нем нехитрую организацию, намеченную мною двадцать лет тому назад. Замедлилось это исполнение моего плана потому, что мне хотелось иметь в каждой из этих школ благонадежного учителя из крестьян той же деревни, крестьянина крестьянствующего, а не полунинтеллигента, учащего сегодня здесь, а завтра там. Это условие ныне исполнено, и Бог даст, будет польза.

В прошлое воскресенье мы сделали первый опыт беседы в школе, между утренею и обеднею. Впечатление, кажется, произведено хорошее. С завтрашнего дня начнется ряд бесед на десять заповедей. Дневное Евангелие буду читать я, беседы на заповеди, мною избранные, – мои адъютанты. Всего

---

* Одним из длительных, мучительных, почти личных несчастий С. А. Рачинского был известный поворот в направлении деятельности, в ходе религиозных мыслей Л. Н. Толстого. Нет возможности передать всей глубокой нежности, какую он чувствовал к характеру творчества автора «Войны и мира» и «Детства и отрочества». Спокойный эпос, религиозность, чистота семейной жизни, все являло в Толстом как бы Капитолий Руси. Он надеялся, что этот великий полет завершится еще большим высотой, – озарением всей панорамы Руси из церковных глубин, непременно церковных и ортодоксальных, без всяких мятежных порывов. Когда же на место этого появились именно мятежные порывы, титаническая разрушительная работа, беспощадная, часто грубая, Рачинский как бы пал, пронзенный унынием. Когда я это пишу, мне становится ужасно больно за Рачинского. Кто не знал таких духовных привязанностей, какая была у него к Толстому, не может оценить глубины его горечи. В. Р.

более на этот счет усердствует Семен. Все это обставлено пением, которое очень способствует водворению должного настроения.

Устроился у нас и медицинский пункт. У нас женщина-врач, в профессиональном отношении превосходная. Но – она полька и нигилистка. Species* для меня новая, и весьма любопытная**.

Да хранит вас Бог. Обнимаю вас от души.

Фотография моя к вашим услугам. Curticulum же vitae расширению не подлежит. Внешних событий в жизни моей не имеется, внутренняя же ее сторона, пока я жив, печатному разглашению не подлежит.

XIV

Татеве, 17 янв. 1894.

Дорогой Василий Васильевич!

...То, что вы пишете о Страхове, отнимает у меня всякую надежду***. Ваше суждение о Соловьёве считаю совершенно верным. Этот человек**** изолгался и перед людьми, и перед собственной совестью. Для меня личные сношения с ним были бы крайне тягостны.

О себе писать нечего. Лета и недуги делают свое дело. Утомляюсь я до крайности с уроками в моей школе и разъездами по прочим. И того, и другого я уже не в силах доделывать; от одного или другого придется будущей зимой отказаться. В доме – все та же тяжкая забота об умирающей*****.

---

* разновидность (англ.).

** Здесь проходит еще вторая линия безмолвной печали С. А. Рачинского, к которой, кажется, он имел мудрость относиться терпимо и шутливо. Дело в том, что все работающее и здоровое, и работающее отлично, с бескорыстием и самоотвержением для народа, вместе с тем крепко, устойчиво и не покладая рук, были «люди шестидесятых годов». Сперва он с ними вступал в прения, особенно религиозные и, кажется, иногда политические. От них все отскакивало, «как от стены горох». Его это возмущало, волновало. С трудом он овладевал собой; но, видя женщину, с веселой песенкой подымавшуюся чем свет и спешившую в больницу, неустанную около больных, к народу ласковую, с самим Рачинским приветливую, но только ужасно спорящую, – он умолкал, замыкался, но, кажется, тайною любовью даже любил этих «нигилистов». Мне передавали подробности, но только я забыл их, как он гневно пожаловался губернатору, или даже в Петербург, на неосторожного исправника ли, или какой другой полицейский чин, явившийся в Татеве с «указаниями» и «претензиями» на учительницу ли, докторшу или фельдшерницу, по части «неблагополучия» в убеждениях и, может быть, поступках. Серг. Алекс. был возмущен: «Как, у меня в Татеве неблагополучно!!». Но передававший мне помещик досказывал, что было в точности не совсем исправно, но добрейший С. А. Р-ский ничего не видел. В. Р.

*** У Страхова открылся рак десны и языка, от которого он и умер. В. Р.

**** Тут мы оба и не знали, и горячились; тут играла свою печальную роль страстная, умственная борьба. Нам обоим Соловьёв казался тайным изменником православию, но этого нисколько не было и никогда не было. Он только критиковал, и жестоко, и справедливо критиковал, нашу собственную действительность. В. Р.

***** Кажется, дело идет о тетушке Рачинского, престарелой 80-летней старушке. В. Р.

Титево, 24 февр. 1894.

Дорогой Василий Васильевич.

Очень порадовало меня ваше доброе письмо. Давно вы мне не писали; мне же возобновить письменный разговор, при полном однообразии моей жизни, не представлялось ближайших поводов.

Сетования ваши на ослабление вашего таланта кажутся мне напрасными. Правда, статья ваша о свободе и вере страдает темнотою, написана тоном беспокойным; но писать ясно на подобные темы можно только при полном досуге; писать о них спокойно можно только вдали от мира, а не в главных центрах современного индифферентизма... Гаерству* Соловьёва никакого серьезного значения не придаю, и надеюсь, что никакого ответа вы его не удостоите. Но все-таки повода к нему не следовало подавать. Журнальные статьи пишутся не для умных людей, а для людей средних. А последние склонны судить с чужого голоса, и, прочитав фарсы Соловьёва, многие из них сочтут себя вправе вашей статье не прочесть. Какое, однако, падение ума недюжинного, таланта несомненного!

Вы пишете о ваших московских впечатлениях. Никого из поименованных вами приятелей я лично не знаю, кроме Фуделя, которого видел только один раз, но мне известно, что вы в Москве были встречены крайне недружелюбно. Редакцию «Русского Обозрения» встревожило желание Т. И. Филиппова видеть вас редактором Александрова, ибо в этой комбинации ей чуялось посягательство на независимость журнала. Итак, с этими людьми вы встретились при условиях неблагоприятных. Быть может, при других обстоятельствах они произвели бы на вас впечатление менее тяжелое**.

Жалею о том, что еще не увидела света обещанная вами статья о народном образовании. Ее появление было бы уместно во время заключительных школьных совещаний. Впрочем, совещания эти ни к какому соглашению не повели; вопрос остается открытым и неминуемо поведет к новым совещаниям на ту же тему.

О себе писать нечего. Здоровье мое очень плохо. Впрочем, учу гораздо правильнее, чем прошлою зимою. Но поездки по школам становятся почти невозможными. После каждой болею целую неделю. Нового в школе только — правильно устроенные воскресные собеседования, привлекающие много слушателей. Говорю плохо — слишком кратко. Выручает меня один из моих помощников (вам незнакомый). Одаренный феноменальной памятью и даром слова, он мастерски рассказывает «Жития Святых» с сохранением че-

* При всем своем уме и душевном благородстве, С. А. Рачинский, подобно многим выдающимся ревнителям русских устоев, не понимал почившего великого философа. Некоторым пособием для выяснения идей и личности Вл. С. Соловьёва может служить недавно вышедшая в свет книга В. Л. Величко: «Владимир Соловьёв. Жизнь и творения». *Ред.*

** Единственная попытка втолкнуть меня в незнакомую область, причинившая мне бездну неприятностей. *В. Р.*

тьи-минейного колорита, прелесть коего он вполне постиг. Продолжается и деятельность общества трезвости. Скоро на все это сил моих не будет хватать, и я решился выпросить у преосв. Гурия диакона по моему выбору, который летом и будет посвящен

На днях служил у нас другой диакон из моих учеников, и по посвящении сохранивший должность учителя при *земской* школе, – по желанию Училищного Совета. Вы видите, что в моем маленьком царстве я разрешаю спорные вопросы по-своему.

Ничто не может быть разительнее, отраднее той внутренней метаморфозы, которой подвергаются *хорошие* мои ученики, меня пиджак на рясу. Это явление, столь же любопытное и наглядное, как превращение куколки в бабочку, всегда радует меня в качестве натуралиста, как экспериментальное доказательство действительности таинства священства.

На стекольном заводе Нечаева-Мальцева, наконец, строится церковь, о коей хлопочу уже двадцать лет, большая, каменная; и мне, по всей вероятности, будет поручено составить ее причт. Уже идет речь о заказе иконостаса – Ване Петерсону*. Вот дело, – поважнее моих школ, но, к сожалению, мне материально непосильное. А сколько пунктов в нашем уезде, где новые церкви необходимы!

Николя** мой в Петербурге. Сегодня, вероятно, решается судьба его картины. Дай Бог, чтобы не повторилась прошлогодняя неудача. Картина эта оказалась иллюстрациею к полученной мною недавно книге Посошкова: «Завещание отеческое». Читали вы эту прелестную книгу?

Медицина у нас процветает, и сестра строит новую больницу. Знаете ли вы, почему в нашей скромной больнице отбою нет от желающих в нее лечь? Потому что все знают, что никто не умрет в ней без покаяния; что покойника не вынесут, а тут же благообразно уложат; будут читать по нем псалтирь, служить панихиды и торжественно похоронят. «Как можно, – восклицают все сердобольные посетители, – это должно производить на прочих больных впечатление удручающее!» Совсем напротив: это для них утешительно. В новой больнице будет особая моленная, в которой будут ставить покойников, рядом с палатами, чтобы не лишать больных утешения помолиться за умершего товарища***.

---

* Это – принявший православие мальчик-латыш, из местных инородцев, обнаруживший прекрасные таланты живописца: я помню, как неотступно я любовался его одним рисунком в Татевской школе. Но на большие пути он не вышел или не имел сил выйти, и его стала затмевать всероссийская известность Н. П. Богданова-Бельского. В. Р.

** Богданов-Бельский. В. Р.

*** Вообще *бесталанность* нашего отношения к смерти – поразительна! Мы какие-то трусы в отношении ее и какие-то кокетки перед лицом ее таинства. «Как бы не увидеть смерти», «как бы не увидеть умирающего и самому не расстроиться, и как бы не дать вспомнить, что вот вы или он должен умереть». Между тем ничего нет страшного в смерти, и на нее нужно смотреть, как на простой и строгий долг. От лица ее забиваться под кровать – презренно. И больницы наши совершают какую-то неумную бестактность, что религиозное подготовление к смерти, величие и красоту (неизъяснимую по высоте) обряда соборования, а затем как бы поклонение покойнику в чтении псалтыри и отпевания, – все это пренебрегают и отодвигают в сторону от зрелища болящих. Ни один православный русский, – настоящий, – не боится умереть. Здесь церкви следовало бы и поэтически, и авторитетно вмешаться и командировать монашек в больницы. В. Р.

Если буду в силах, поеду в Белый 7-го марта, на экстренное земское собрание, и передам все ваши поклоны. Пока прощайте – и простите, ибо на будущей неделе говею.

XVI

Татеево, 4 мая 1894.

Дорогой Василий Васильевич.

Очень обрадовался я, узнав ваш почерк на обложке вашего письма. Но содержание его оказалось печальным. Дай Бог, чтобы здоровье вашей супруги поправилось быстро и вполне. У людей молодых за тифом нередко следует обновление сил, возрождение всего организма.

Вы пишете, что теоретикам на Руси живется трудно. Полагаю, что трудно им живется везде, если наряду с теоретической работой, они не примутся за какую-либо работу практическую. Из таковых всех ближе им учительство. Но, к сожалению, к нему душа ваша не лежит. Остается деятельность литературная. Но, чтобы сделаться подспорьем жизни вещественной, она должна снизойти до понимания кругов обширных, и это требует от философа специального таланта, специальных усилий. Полагаю, что этим талантом вы обладаете, что на эти усилия вы способны. Итак, не унывайте, и вы завоеуете себе место, и место почётное, в нашей литературе. Бэкон и Паскаль, Шеллинг и Шопенгауэр доказали, что можно говорить языком, для всех понятным, о вещах, над коими работает ваша мысль.

До меня дошло оглавление двух имеющих выйти книжек «Русского Вестника». В обеих – по статье, подписанной вами. С нетерпением буду ожидать этих книжек. Вы знаете, что ответа с вашей стороны на гаярство Соловьёва* я не считал нужным. Но не сомневаюсь, что и в этой форме вы скажете нам много неожиданного и дельного.

---

* «Порфирий Головлёв о свободе и верс». Сам я считаю (теперь) ошибочным все то, что писал касательно веры и свободы. Позднее, при знакомстве, Вл. С. Соловьёв объяснил мне, что думал, будто я писал в защиту какой-то книги гр. Леливы о католиках в России, - о каковой книге я никогда не слышал (мысли мои сложились под впечатлением устных споров с Н. П. Аксаковым и Аф. В. Васильевым). Думая, что я хочу «придушить католиков в России», - он и назвал меня печатно Иудушкой (прозвище Порфирия Головлёва у Щедрина). В то время его выходка на меня не произвела впечатления, и вполне удивительно, что, узнав в «Аквариуме» (в театре) о том, что «Соловьёв пишет на вас убийственную статью и сам хохочет удаче, как она выйдет», - сказал Ф. Э. Шперку, передавшему мне это: «Ну, погодите и увидите, что он еще ко мне приедет». Собственно, никаких причин для последнего не было, осязательных причин, но неосязательные, идейные - были, и не могу я забыть изумления и радости, когда, должно быть, года два спустя, через того же Шперка Вл. С. Соловьёв попросил позволения приехать ко мне и познакомиться. Не могу объяснить почему, но всегда я смотрел на него при свиданиях с чрезвычайной грустью. И я думаю, что он был глубоко грустное, до редкости, существо. Мы были очень дружны, потом опять поссорились из-за моей статьи о его «Судьбе Пушкина», - а когда он умер, снова точно что-то было отнято у меня. Теперь только я чувствую, как о многом нужно было бы с ним поговорить. *В. Р.*

Какие ваши планы на лето? Если бы вы могли на несколько дней посетить Татево, вы бы сердечно нас обрадовали. Считаю это возможным потому, что Татево – почти на пути в Вязьму.

Деятельность наших журналистов для меня неразрешимая загадка. Издательство православного журнала на раскольничьи или жидовские деньги представляется мне тем, что немцы называют ein Unding*, – а между тем находятся охотники и на такое дело.

О себе писать нечего. Всю зиму учил, теперь экзаменую. Николая живописует. Здоровье сестры так плохо, что она поехала на несколько дней в Москву, посоветоваться с врачами. Весна у нас дивная, ранняя. Не успеваем справиться с работами в саду и огороде. Деятельно строим, сестра – больницу, я – две школы.

Да хранит вас Бог. Хотелось бы сказать – до свидания.

XVII

27 авг. 1894 г.

Напрасно подозреваете Вы меня в том, что я тайком от вас езжу в Петербург. За последние три года, здоровье мое так плохо, что дальше Белого и Дугина и добраться не могу. Да и эти краткие поездки не обходились без последствий, весьма неприятных. Не лучше моего и здоровье сестры; но мы бодро боремся с нашими недугами и стараемся делать, что можно, в пределах микроскопической деятельности.

Очень хотелось бы мне помочь Вам относительно Вашей статьи о Казерио. Но, к сожалению, Победоносцев уезжает в Крым, вероятно, оставит Петербург до получения Вами этого письма. Остается только Вам послать ему Вашу статью, в четкой прописи, при письменной просьбе о содействии. Оно будет оказано непременно, если П. найдет статью современную.

Помещение ее в «Гражданине» не желательно – не потому, чтобы участие в каком-либо журнале могло уронить или возвысить писателя, а потому, что у «Гражданина» читателей мало, а журнальных толков о нем много, и статья, в нем помещенная, рискует дойти до публики не в подлиннике, а в односторонних пересказах.

Вижу из вашего письма, что Вы заразились одною из петербургских болезней, суеверным преувеличением размеров правительственной власти в деле исправления умов и общественных настроений. Иллюзия эта естественна вблизи от источников власти, действительно великой. Но есть власти невеликие, еще более действенные, органы этих властей – люди мысли и слова; и эти власти владеют владеющими. Берг был прав, исключив из Вашей статьи голословное осуждение покойного Толстого. Быть может, Вы и правы, но время суда над этою личностью еще не настало.

Страхов совершенно прав, жуя Вас за последние ваши статьи. Написаны они слогом столь болезненным и неясным, что чтение их тягостно, что огром-

---

* нелепость (нем.).

ное большинство Ваших читателей или Вас не поняли, или просто – не дочитали. А можете Вы писать несравненно лучше и несомненно напишете вещи, которые рассеют все недоразумения, вызванные последними Вашими писаниями. Прежние ваши труды приобрели Вам множество друзей, готовых радостно приветствовать всякое ясное выражение Вашего мирозерцания.

О себе могу сообщить Вам немного. Этим летом не был в силах учить. Дай Бог, чтобы удалось дотянуть будущую зиму (двадцатую). За лето выстроил две школы. Продолжаю вести воскресные беседы. Слушают с трогательным вниманием. Николая предпринял написать картину, изображающую одну из этих бесед. Чтецом будет изображен один из моих учеников-диаконов, в числе слушателей будет помещена и моя фигура. Ребята мои украшают эти беседы пеннием, Николая – беглыми рисунками, относящимися к присутствующим на чтении. – Сегодня, я застал на школьном крыльце старика-натурщика, любующегося цветами, разведенными вокруг школы, и услышал от него следующий комплимент: «Какой Вы, С. А., благодетель! Как у вас все цветет, как у вас зелено и красиво!». Пишу теперь, для двух новых школ – тропари, воскресные и праздничные, в громадных размерах, с роскошными заглавными буквами, и знаю, что и это ребячество будет оценено.

Новая больница освящена. Она прекрасна, и всего лучше в ней – молельня. Хожу туда каждое воскресенье – читать молитвы на сон грядущий. Школьная братия приходит петь к великому утешению больных. Так как больница в моей разбросанной усадьбе занимает помещение центральное, приходит много и постороннего народа.

На заводе Нечаева-Мальцева строится церковь, большая, каменная. Это для меня событие, ибо тамошняя школа мне поручена, и многое в ней не могло до сих пор быть приведено в должный порядок, за отсутствием церкви и освящения.

Дровнинская школа, в коей подвизается бывший мой помощник Лебедев, окончательно разрастается в учительскую семинарию.

Обе мелюнинские школы процветают. Одна из двух новых школ – помещение для мелюнинских девочек. Вчера получил для нее, от Вани Петерсена, прекрасную икону Спасителя.

Да хранит Вас Бог. Знайте, что лишь я попаду в Петербург; вы узнаете о том зараз же.

Преданный Вам

С. Рачинский.

XVIII

Литейная, 62

13 февр. [1895 г., Петербург]

Дорогой Василий Васильевич.

Приехал я на несколько дней в Петербург, и едва ли разъезжать мне будет возможно. Во всяком случае, начиная с 7 часов вечера, всегда *[оборв.]*

Татеву, 16 июня 1895.

Дорогой Василий Васильевич.

Не успел я отвечать на первое ваше письмо, как уже получил второе. Благодарю вас за весточки о вас, коих я так давно был лишен.

Радуюсь тому, что вы, наконец, познакомились с Победоносцевым и оценили редкую вдумчивость и широту мысли этого истинно государственного человека*. – То, что вы рассказываете о Т., очень на него похоже; но вижу, что в самопоклонении и распушенности он дошел до геркулесовых столбов...

Радуюсь и тому, что впредь вы не намерены писать на темы мистические. Дело в том, что мистический склад мысли, составляющий коренное свойство вашего ума, всегда будет окрашивать произведения вашего своеобразного таланта. Но в статьях журнальных, предназначенных для беглого чтения, мистический полет должен быть сдержан, чтобы не подавать повода к досадным недоразумениям. Всю вашу мысль вы можете раскрыть лишь в строго обдуманной, долго выношенной книге, и, Бог даст, вы доживете до досуга, необходимого, чтобы ее написать.

---

* Из июньской книжки «Русского Вестника», уже разрешенной цензурою к выходу, была, по распоряжению г. Еленева, кажется, старшего цензора Петербургской цензуры, вырезана моя статья: «О подразумеваемом смысле нашей монархии», содержащая ту простую и позволительную мысль, что верховная власть, замешиваясь, или точнее, вовлекаясь бюрократиею в детали управления, слишком в очах подданных рационализируется, упрощается, утилитаризируется и, теряя неясность и бесконечность содержания своего и смысла, перестает быть в должной мере священной, некасаемою для людей, начинает быть рассматриваема и ценима как главный утилитарный винт утилитарной машины, utilitas <польза (лат.)> коей уже оценивается людьми. Так как с вырезом статьи (с предназначением к вырезу) связаны были типографские ущербы, то Ф. Н. Берг, наскоро меня позвав, спросил, не знаю ли я кого, кто мог бы попросить Еленева. Тогда я назвал К. П. Победоносцева, о котором всегда мне писал и говорил Рачинский, как о могущем помочь человеку. «Вот, отлично, и поезжайте к нему, – а вот вам и редакционный экземпляр книги» (с не вырезанной еще статьей). Рачинскому я изложил сплошную беседу по поводу ее. К сожалению (не очень уместно), статья содержала большие «язвы» насчет бюрократии, и К. П. П.-в, хотя согласился с содержанием статьи, тут же прочитанной им, ранее приема меня, с отметками на полях Еленева, но в заключение сказал: «То, что вы говорите серьезного в статье, не оценят и не захотят увидеть, а что вы говорите насмешливого о чиновничестве, конечно, зачастую бессильном что-нибудь талантливо сделать, – то подхватят, именно как насмешку, и раскричат повсюду. Вот почему я вам советую не настаивать на печатании статьи. Объясняйте механизм падения монархии на Франции, но не объясняйте его на России» и т. д. Разговор этот, веденный в тоне (и с манерами) старого университетского профессора, поразил меня контрастом с напыщенностью контрольных чиновников и чрезвычайно меня привлек. С тех пор, хотя, как и с Рачинским, идейно разойдясь с почтенным государственным человеком, неизменно, как к лицу, я сохраняю к нему самое светлое отношение. И думаю, что для долголетнего его, где следует, обаяния и влияния, есть причины, о которых мало известно в обществе. В. Р.

Моей статейке, более газетной, чем журнальной*, вы придаете слишком много значения. Она вызвана щедрою помощью, предстоящею церковным школам с будущего года. Без сомнения, эта помощь поведет к быстрому их размножению. Но без столь же щедрой и притом искренней помощи со стороны местных мирян они все-таки благоденствовать не могут. Способствовать развитию такой помощи было моею единственною целью.

Вы упрекаете меня за слишком строгое отношение к пьянству. Знаю, как и вы, натуры избранные, которые, несмотря на этот порок, сохраняют чутье всего чистого и вечного. Но – рядом с ними, какая масса натур добрых, но заурядных, погрязающих в безобразиях неисходных. И в этом отношении замечаю (в нашей епархии) несомненное движение к лучшему. Но что делается в соседней епархии Тверской. Это – какое-то повальное одичание целого духовного сословия.

Печально то, что вы пишете о Страхове. Увы, от точь-в-точь такой болезни умер на моих глазах мой брат после (якобы удачной) операции. Дай Бог, чтобы я ошибался, но надеяться не могу. [У нас в семье свадьба. Племянница Мария Константиновна (Вы, кажется, ее встречали) выходит замуж за Сергея Толстого, сына гр. Льва Николаевича. Приезжали в Татево и жених, и невеста.]

Учить более не могу. Но забот и хлопот о школах, о бывших учениках, не оберешься.

[Да хранит Вас Бог.
Преданный Вам
С. Рачинский.]

XX

Татево, 13 июля 1895.

Дорогой Василий Васильевич.

Опаздываю ответить на ваше письмо, потому что сильный припадок моего недуга целую неделю лишал меня возможности писать. Не попал я ни на свадьбу племянницы, ни на земское собрание, в коем очень нужно было участвовать.

Приходится беречься усиленно, к чему я не привык, ибо осенью предстоит много хлопотливого и утомительного дела. Учить правильно более не могу. Учить с перерывами не стоит. Остаются временные полосы относительного здоровья, коими можно пользоваться, и именно для разъездов, необходимых для осуществления, хотя бы в микроскопическом районе моей деятельности, того нового фазиса, в который вступает наше школьное дело. Уже теперь нет конца переговорам и переписке по этому делу у

---

* Не могу припомнить, о какой статье говорится, но статьи Рачинского, сколь бы они кратки ни были, всегда столь художественны и одушевлены, что даже и не крупные из них на меня производили обаятельное впечатление. И до сих пор я думаю, что педагог Рачинский есть в то же время классический писатель нашей литературы. Так много у него вкуса, изящества и глубины. В. Р.

местными батюшками. Вы знаете, как нравственный уровень их неровен, как они вообще беспомощны и робки, как легко они подчас переходят в крайность противоположную, в деятельность торопливую и самонадеянную. Людей же опытных, готовых им помочь, в нашем уезде, кроме меня, не имеется...

Очень может быть, что я буду вынужден съездить и в Петербург в начале зимы, чтобы уладить разные шероховатости, с коими на месте не справиться. Тогда, надеюсь, повидаемся не столь бегло, как прошлую зимою.

С грустью часто вспоминаю о Страхове. Сделана ли ему операция? Облегчила ли она, хотя временно, его страдания?

Был у нас вчера Лутковский. Повреждение Бельского моста наводнением доставило его врагам случай наделать ему кучу неприятностей, и все эти личные мерзости могут затормозить и самую починку моста. Поневоле вспомнишь китайцев, порющих себе животы перед дверью врага, чтобы ему досадить...

XXI

Татеву, 1 авг. 1895.

Дорогой Василий Васильевич.

К сожалению, я совсем не знаком с о. Иоанном Кронштадтским, даже никогда его не видал. Он же едва ли знает о моем существовании. Вас же, как писателя, он знает несомненно, и я уверен, что если вы напишете ему о вашем желании, оно исполнится. Следовало бы только приложить к вашему письму отгиск – хотя бы вашей статьи о Толстом, для того, чтобы о. Иоанн знал, *какой* Розанов к нему обращается (фамильное имя ваше – довольно распространенное).

С нетерпением ожидаю получения августовской книжки «Вестника», чтобы ознакомиться с этою статьею. Близость ваша с Страховым могла разъяснить вам многое относительно психического строя нашего блуждающего гения, и надеюсь, что вы попали в настоящий тон.

Очень меня радуют добрые вести о состоянии Страхова. Дай Бог, чтобы результаты операции не оказались обманчивыми!

О себе рассказывать нечего, ибо способность моя к труду понизилась до *minimum*'а. Дай Бог к зиме накопить достаточно сил, чтобы быть в состоянии посещать школы, вечно открываемые или оживающие, ведаться с людьми, заправляющими школьным делом в уезде. Вы знаете, что эти люди – дети нигилистов 60-х годов, что Церковь – просто для них не существует, и что потому столкнуться с ними по школьным делам – нелегко.

Конец лета мы с сестрою проводим в глубокой тишине и одиночестве. Даже живописец мой отсутствует – гостит у Васильчиковых, в знаменитой Орловской Отраде. Есть слабая надежда на продажу его картины, которая дала бы ему возможность съездить на зиму в Париж. В Татеве более работать – для него вредно.

У меня нет последних томов барсуковского Погодина. Куплю, когда буду в Петербурге. Книга увлекательная и драгоценная. Автор теперь дошел до времен, и мне памятных.

Лутковский скучает без дела и не умеет придумать себе такового на месте. Боюсь, что он покинет наши края.

XXII

Татеево, 23 авг. 1895

Дорогой Василий Васильевич.

Долго не отвечал на письмо ваше от... (день был без числа), потому что недели две был лишен возможности писать – разными посещениями и поездкою в Белый, по школьным делам.

Гостил у меня японец Кавамото, присланный Преосв. Николаем для бесед со мною о воспитательном деле, перед возвращением на родину, где ему предстоит должность инспектора духовной семинарии. Здесь ему неожиданно пришлось начать свою *миссионерскую* деятельность – катехизациею нашей докторши, увлекающейся буддизмом.

Затем приехал к нам на три дня К. П. Победоносцев и восхитил меня своею бодростью, физическою и нравственною. Благодаря удаленности Татеева от обитаемого мира, о его прибытии узнали лишь по его отбытии, и мы избегли вторжения разных просителей и лиц официальных. Гостит до сих пор кузина Дельви́г (дочь поэта).

Прочел я ваши три статьи: лучшая из них – заметка о книге Тихомирова. Очень умно и верно, и притом спокойно и ясно*. Хорошая заметка в «Русском Обозрении». Менее удовлетворительна статья о Толстом**. Нет архитектуры, и в инвективах преступлена всякая мера. Переход от первой части (интересных соображений о личном бессмертии) ко второй, обличительной, не мотивирован. Тут предполагается полное убеждение читателя (прежде всего, самого Толстого) вашими доводами. А что, если убеждения этого не последовало? И не боитесь ли вы оттолкнуть читателя именно этим тоном, грубым и страстным?

---

* «Где истинный источник борьбы века?» – относительно социализма. *В. Р.*

** Это – наделавшая мне величайших неприятностей статья «По поводу одной тревоги гр. Л. Н. Толстого». Никто не хотел вникнуть ни в тон статьи, ни в мотивы ее, вытекавшие из глубочайшей христианской любви к писателю. Всех поразило одно только: обращение на «ты». Но ведь мы говорим: «Ты, батюшка, царь» и проч. Но будем верить, что то, что всем не понравилось, верно, и в самом деле было худо. Но поразительно, что больше всего за «ты» мягко укорял меня добрейший директор «Товарищества общественной пользы», В. И. Вишняков: «Разве вы пили с Толстым брудершафт?». Он был вовсе необразованный человек. И как он понял обращение это, – и все поняли, в литературе и обществе. Может быть, единственное по силе горение души моей в литературе – прошипело, как неудавшаяся ракета. Также замечательно, что Страхов, весьма упрекавший меня за полемику с Соловьёвым, ни слова упрека не сказал за это «ты» к Толстому: он понял мотив и тон мой, любящий, но не грубый. *В. Р.*

Всего этого говорить я, в сущности, не вправе, ибо на днях послал «Русскому Обозрению» статью, страдающую именно теми же недостатками, которые я ставлю вам в вину. Но именно поэтому я в настоящее время особенно к ним чувствителен. Неужели ваша статья одобрена Страховым? Впрочем, через него вы можете узнать о впечатлении, произведенном ею на Толстого, которого прежде всего и лично вы имели в виду при писании этой статьи.

Очень любопытна история о кн. Вяземском, которого одна половина наших журналов живописует нам извергом, другая – святым. Вероятно, какая-нибудь личность в стиле Карамазовых, еще не дождавшаяся правдивого биографа.

Здоровье мое плохо. В будущей неделе предстоит в Белом избирательный съезд. Не знаю, буду ли я в силах в нем участвовать.

XXIII

Татеву, 27 авг. 1895.

Дорогой Василий Васильевич.

Не тревожьтесь опозданием моих ответов. Ведь на почту мы посылаем лишь раз в неделю, и всякая случайность, мешающая мне написать письмо к субботе, заставляет меня отложить его до следующей.

Вы пишете, что намерены заявить печатно о непринадлежности своей к числу славянофилов. Едва ли в этом представляется особая нужда. Под эту кличку привыкли разуместь людей почтенных, но давно умерших, вы же составили себе репутацию мыслителя самостоятельного и своеобразного, и никому не приходит в голову причислять вас к той кучке, публике совершенно неизвестной, которая ныне рядится в это прозвище*; затем нельзя отрицать некоторой генетической связи между истинными славянофилами и многими современными писателями, в том числе и вами; и если кому-либо вздумается назвать сих последних славянофилами, это будет не точно, но не обидно...

Боюсь, что Берг прав, считая ваши похвалы Барсукова чрезмерными. Высоко ценю его прелестную книгу. Но, судя по вашим письмам, вы доходите до сравнения его с Гомером. Это уже гипербола**, в беглом письме естественная, но в печати неуместная.

Радуюсь тому, что и вы пишете о церковной школе. Уверен, что мы с вами настолько сойдемся в сущности наших мнений и настолько разойдемся в форме их выражения, что наши писания отлично дополняют одно другое.

---

* Судьба столкнула меня, тотчас по переезде в Петербург, с целю группою лиц, которые говорили, что они суть преемники Хомякова, Киреевских и Аксаковых. Все они были полны самомнения, гордости и бездарности. Знакомство с ними, невольное и длившееся много лет, довело меня до последней степени возмущения, и мне чем-нибудь и как-нибудь хотелось выказать разделенность свою с ними. *В. Р.*

** Едва ли это я говорил. Меня более всего в книге Барсукова восхищало введение к 1-му тому, где он говорит о Филарете, кн. П. Вяземском и Строеве. Тут он, не изменяя своему времени, возвысился до простоты и величия «Летописи». Я почти помнил это «Введение» наизусть и до сих пор смотрю на него, как на удивительный памятник языка. *В. Р.*

Лутковский уехал в Париж от избирательного съезда. Этот съезд, по слухам, назначен 23-го, т. е. завтра. Но я до сих пор (6 часов вечера) приглашения на него не получил. Если это – избирательный маневр, то он, по простоте и действительности, не оставляет желать ничего лучшего. Ехать в Белый наобум, по своим недугам, не могу.

Пугает меня предстоящая зима. Трудно справиться со всеми школами, возникшими по моей инициативе, со всеми людьми, направленными мною на поприще учебное и духовное. Невольно вспоминается «Zauberlehrling»*. Гёте. Легко вызывать духов, но не легко справляться с ними.

XXIV

Татеев, 21 окт. 1895.

Дорогой Василий Васильевич.

Ничего не понимаю в том, что вы рассказываете о Соловьёве. Быть у вас ему следовало, но не иначе, как с повинною в брани, коею он вас осыпал в угоду редакции «Вестника Европы»**. Но и этого мало: в этой брани он должен был покаяться печатно. Одно из двух: или вы – Иудушка, и в таком случае вам и руки подать нельзя. Или назвавший вас этим именем недостойн, чтобы руку подали ему вы, пока не снимет он с себя позора, которым он себя покрыл. А то пришел, как ни в чем не бывало***, с визитом, попросить

* «Ученик волшебника» (нем.).

** Тут – все страстные слова, которые вдобавок еще смягчены мною пропуском эпитетов. Нельзя забывать, что С. А. Рачинский писал как борец, хотя и молчаливый, за идеалы 1881–1894 гг. Речь идет о статье «Порфирий Головлев (Иудушка – я) о свободе и вере». Статья эта никакого впечатления на меня не произвела, и я глупо сделал, что на нее отвечал – туманно, тоскливо, фанатично (в защиту нетерпимости). Но в ответе почти нет о Соловьёве ничего, а только усложняется защита нетерпимости. Нужно заметить, во всем ряде этих статей, я боролся не столько против Соловьёва, которого мало и читал, сколько против квадратных славянофилов, которые ужасно мне надоели разглагольствованиями о свободе, имея в душе свободы и мужества не больше, чем Молчалин. Но статья «Порфирий Головлев» как-то литературно Соловьёву удалась, всем понравилась, и, напр., такие почтенные люди, как Я. Колубовский и С. Венгеров в «Энциклопедии» Брокгауза и Ефрона подвели ею итог моей литературной характеристики. В понятности и распространенности этой характеристики казался упадок литературного вкуса: ибо характеристика плоска и не умна. В. Р.

*** Я был ужасно рад приходу Соловьёва, – который, странно, я предвидел так задолго. Мне это казалось молчаливой побежденностью его, – и что в том, что она не была печатной. Как-то я чувствовал, что Соловьёв никогда серьезного значения не придавал «Порфирию Головлеву» и сострил ad publicum [на публику (лат.)], в сторону «райка» литературного и общественного. Сразу же мы встретились с ним дружно и тепло, – и сразу по его приходе я ему объяснил, может быть, понятнее и полнее, почему индифферентистам свободы не нужно. Могу только отметить, хотя я не очень следил за его литературною деятельностью, что в последние ее годы, приближаясь к «Повести об антихристе», он заметно начал окрашиваться в колорит тогдашних моих мнений, фанатичных и мучительных, против коих так восставал.

книжечки, побеседовать об антихристе... (Кстати, то, что вы говорите о последнем, очень умно). Хороши, нечего сказать, наши литературные нравы fin de siècle*! И вспомните, что Соловьёв, каков бы он ни был, не заурядный фельетонист по стольку-то за строчку. Мысль его вращалась в самых высоких сферах философии и богословия; вырос он в среде нравственно чистой; ему было доступно общение с лучшими людьми России... Печально и страшно!**

Ваши статьи в октябрьских книгах журналов очень меня обрадовали! Именно уверенностью тона***. Вы видите, что вам вполне удастся говорить вещи умные и меткие, не прибегая к опасным гиперболам и необузданным эпитетам. В статье о книге Барсукова вы даже, по поводу Писарева, впадаете в противоположную крайность.

Не писал вам до сих пор об этих статьях, потому что душа не на месте. У нас в доме умирает, мучительно и медленно, двоюродная сестра Ломоносова. На днях внезапно сошел с ума лучший из моих учителей... Сам я до сих пор крепился, учил в школе. Но со вчерашнего дня вынужден сидеть дома, – дай Бог, чтобы не надолго. *Нужно* учить и в Татевской школе, и объезжать прочие.

Опечаток в своей статье не видал. Отвращение к собственным писаниям во мне так сильно****, что не могу заставить себя заглянуть в них в печати. Впрочем, два-три человека, мнением коих я дорожу, статью похвалили, и это – более, чем я ожидал.

Напротив, я стал переходить к критике существующего и к терпимости, занимая его место. Фехтовальщики сошли с позиций и стали на место первоначального стояния друг друга... Не совсем, но отчасти. Читая, уже после его смерти, «Три разговора под пальмами», я заметил множество его совпадений с моей мыслью, частью какою она была в 1898 г., частью – и позднее. Напр., см. общую характеристику теперешнего христианства и «благотрогания» церковных оппортунистов». *В. Р.*

* конца века (*фр.*).

** Все эти строки, сетования и осуждения, сказанные уединенным отшельником в 1895 г., падают в 1902 г. и в более живой и практической обстановке центра литературы. Мне всегда казалось, что кто берет перо и печатает строку, – уже тем самым отказывается от комфорта и неприкосновенности домашнего существования. Оттого критика, порицания и прямая брань в печати меня никогда не трогали. И со всяким бранящимся я не только был готов назавтра дружить, но и дружил в тот самый день, когда он бранился (С. Ф. Шарапов, П. П. Перцов). Не могу себе представить формы порицания, которая бы меня возмутила. Оттого приезд и последовавшая дружба Соловьёва меня только радовала, о старой же полемике мы и не вспоминали никогда. Рачинский, напротив, судил об этой полемике, как бы о ссоре двух помещиков, примирение которых должно произойти в известных формах, и притом всем видных. *В. Р.*

*** Статьи «Культурная хроника русского общества и литературы за XIX в.» в «Русск. Вестн.» и «Необходимое разъяснение» в «Русск. Обозрении». *В. Р.*

**** Конечно, не по качеству их; но это частая у авторов неспособность перечитывать *свое*. Живо вышло из души, и эта часть души умерла. Шевелить ее вновь (что связано с чтанием) есть шевелить труп, и также больно и именно отвратительно. Напр., я никогда не перечитывал свою книгу «О понимании», и в ней – ничего. Там – жизнь, но соответственная часть души умерла. Читатель да не осудит меня за эти психологические разъяснения. *В. Р.*

Ваше предположение об изгнании из школы чтения гражданского* неосуществимо, ибо чтение церковно-славянское есть прямой путь к научению сознательному чтению по-русски.

Вы простите, что на этот раз ограничиваюсь этими немногими строками. Масса писем, требующих хотя бы краткого ответа, и, повторяю, душа не на месте.

XXV

Татеево, 1 дек. 1895.

Дорогой Василий Васильевич.

М. А. Ломоносова – двоюродная сестра вашего покорнейшего слуги, а не великого писателя, с коим она никакой генеалогической связи не имеет. Здоровье ее, паче чаяния, начинает поправляться, хотя все еще внушает самые серьезные опасения.

После Ф. И. Тютчева остался один сын, Иван Федорович. Живет он в Москве, в полном достатке, и самым респектабельным образом. Впрочем, есть в Орловской губернии и другие Тютчевы, никаким родством с поэтом не связанные.

Вы извиняетесь в том, что пишете мне о литературе! Да ведь я вам за это премного благодарен. Предмет для меня – самый интересный, а о нем до нашей глуши не доходят не только вести и слухи, но и далеко не все печатные документы.

Вполне разделяю вашу антипатию к «Вестнику Европы», но полагаю, что проповедуемая им фальшь должна быть побеждена печатною правдою, а не карательными мерами**.

Статьи ваши «О красоте в природе» очень интересны, хотя ход мыслей в них не обязателен (*zwingend*, как говорят немцы), а лишь подает повод ко многим замечаниям верным. Несколько боюсь за задуманные вами статьи

---

* Не помню. Но, верно, было так. Мои убеждения тогдашние – все плод рикошета; личного отталкивания от петербургского славянофильства (несколько вовсе не известных литературных имен) – сейчас для меня вовсе неспостижимы. В пафосе Исайи пророка я воздвигал пирамиду Аскоченскому и, так сказать, терцинами Данта венчал главу идиотства. Все во мне горело сознанием греха, негодования на окружающее, плачем о всеобщем разврате (пройдошестве), без светлого луча и надежды, тянулась в душе какая-то нескончаемая «Переписка с друзьями», к сожалению, выразившаяся не в частных письмах, а в журнальных статьях. Но скажу только, что всю гадость, какую Гоголь видел, «поездивши по России», я увидел и несколько лет чувствовал плечом к плечу, приехав из светлой и чистой провинции в Петербург. Те же типы и те же интересы (как в «Мертв. Душ.»), только с «современным душком». *В. Р.*

** Не могу не припомнить единственной вспышки (личной) против меня Вл. С. Соловьёва. Мы ехали по Невскому; смерклось или смеркалось; зимой. Я сидел в задумчивости и, как всегда у меня, – бурлили «консервативные мысли». – «Знаете, помните из истории какого-то греческого царя, который, посылая другому царю письма, на конце их приписывал: *умерти подателя этого письма*. Мне кажется, Россия исполняет такую же глупую роль, посылая по казенной почте «Вестник Европы», как этот глупый раб, несший бумажку с заключительным: *повесь его*. И, конечно, правительство вправе отказать пересылать «Вестник Европы» при посредстве своих учреждений. Пусть редактор сам посылает. Тогда будет дорого, и никто не станет покупать». Соловьёв

содержания политического, по сложности дела, по громадной в нем роли обстоятельств исторических; тут априорные конструкции особенно опасны.

Продолжаю учить, по мере сил, в своей школе. Пытаюсь посещать и прочие, но не совсем удачно. Сегодня вернулся с поездки, которую, по своим недугам, должен был сократить, и, утомленный донельзя, не могу сегодня написать вам длинного письма.

Послал «Русскому Обозрению» еще одну статейку о церковной школе, вызванную местными крестьянскими толками. Боюсь, что своими писаниями об этом предмете я читателям уже надоел.

Число основанных мною школ дошло до 18, число учащихся в них приблизительно до 1000 ч. Контролировать, направлять все это становится физически невозможным. Утешением в собственном бессилии служит только убеждение, что всякое дело делается не нами, а через нас, по плану, превышающему наше разумение. И вот, последняя поездка выяснила, что нужно открыть еще одну школу... по счастью, в приходе, в коем имеется разумный священник.

XXVI

Татеево, 20 декабря 1895.

Дорогой Василий Васильевич.

Нет, литература – и, в частности, – ваши писания – не бряцание пустое, как вы иногда склонны думать. Радостное событие, о коем вы извещаете меня, вдвойне для меня радостно, ибо и вас должно убедить в противном. Да и вся ваша литературная деятельность, невидимо для вас, делает свое дело, еще более важное, чем частный результат, достигнутый статьей о Барсукове, как бы отраден ни был этот частный результат*...

обернулся ко мне и сказал что-то жесткое и насмешливое, вроде: «Ну, это только ваша гипотеза, что «В. Евр.» хочет удавить Россию». Жесткий ответ сейчас же заставил меня сконфузиться, т. е., собственно, очнуться к действительности, выйти из самогипноза. И странно: я «В. Евр.» почти совсем не читал; так изредка что-нибудь попадет. У меня все были гипотезы. Но именно пустота-то от реального и разжигает. *В. Р.*

* Это было для меня чрезвычайное удовольствие. Как мне рассказал Н. П. Барсуков (и повторил это в предисловии к одному из томов «Жизни и трудов Погодина»), статью мою о его книге в «Русском Вестнике»: «Культурная хроника русского общества и литературы за XIX век» заставил читать себе своего чтеца уже слепой старец Мамонтов (не автор М.-Яроsl. дороги, а совсем другой), богач и любитель России. Увидя из разбора, какая это («Жизнь и труды Погодина») достойная и почти великая книга, он, вследствие заключительных слов статьи, где я сообщал и жаловался, что автор книги уже истощил все свои средства на издание что-то вроде девяти томов, и что, вероятно, продолжение труда прекратится за неимением денег на издание, – он, Мамонтов, немедленно приказал своему секретарю написать Н. П. Барсукову, что принимает на свой счет издание всех последующих томов его грандиозного труда. Подвиг этот по его моментальности и малости мотива я считаю достойным времен Александра Благословенного, когда все спешили добродушно жертвовать «на благое просвещение» (надпись на статуе Румянцева в Румянцевском Московском музее). О радости этой своей я немедленно сообщил С. А. Рачинскому. *В. Р.*

Последние ваши статьи («Гордиев узел», «Открытое письмо к Веселовскому») по силе и ясности выражения далеко оставляют за собой предыдущие. Это – не только *мое* впечатление. За эти статьи поручают мне благодарить вас и Варвара Александровна, и София Николаевна*.

Итак, когда вы пишете для печати, помните, что ваше писание – не монолог, произносимый между четырьмя стенами, а речь, обращенная к живым людям, коих число ежедневно возрастает; и столь же искренно и страстно, как вы изливаете свои мысли и чувства, старайтесь пленить ум, достучаться до сердец этих людей: это – долг любви к ближнему. Эта любовь мало-помалу прояснит и согреет форму ваших писаний, удесятерит их действительную силу.

Вы в вашем письме несколько раз упоминаете о Страхове тоном, доказывающим, что он совершенно здоров. Благодарение Богу!

О M-elle Штевен** вы говорите слишком трагически. Поверьте, она преспокойно займется школами – земскими, и займется ими *осторожно*, ибо она достаточно умна, чтобы понять, что несмотря на весь шум, поднятый в ее пользу, она в конце концов не в авантаже обретається...

«Вестник Европы» в декабрьской книжке поместил статью Соловьёва, диаметрально противоречащую либеральному шаблону журнала***. Что сей сон означает?

В доме у нас – все то же горе. Здоровье мое сносно, но силы плохи. Ни учить, ни разъезжать по школам в должной мере я не в состоянии.

Да хранит вас Бог.

Преданный вам

С. Рачинский****.

---

* Первая – сестра, вторая – племянница С. А. Рачинского.

** Школьная учительница, кажется, Нижегородской губернии, получившая разные административные неприятности и рассказавшая о них печатно, чуть ли не в «Вестн. Евр.», а потом в брошюре. В. Р.

*** Делает честь журналу, что он оказался терпимым. Кажется, эти статьи Соловьёва знаменовали поворот к признанию государственности. «К чему пророков звать туда, куда нужно позвать полицейского», – сказал он мне раз и саркастически-утомленно рассмеялся. Т. е. есть грубые, простые, всем нужные вещи, о которых дико спорить, и которые может выполнить простая физическая сила, и распорядитель таких сил – государство. Переходя к услугам «Вестн. Евр.», ценным для литературы в деле сохранения для нее Соловьёва *как он есть*, без редакционных урезок и тисков, следует заметить, что оригинальный и мистический ум Соловьёва вообще «не знал, куда голову приклонить» в отечественной журналистике. И я крайне убежден, что и в «Руси», и в «Русск. Вестн.», и, наконец, в «Вестн. Евр.», он, глубоко впечатлительный и, понятно, благодарный за приют идей своих, для журналов этих вовсе неудобных, напускал то оранжевые, то черные флеры на мысли свои, в сущности, глубоко одинокие и с «программами» журналов этих вовсе не согласующиеся *в подробностях*. А за муку этого, может быть, он и мстил впоследствии своим старым хозяевам: как Гоголь – Погдину, его печатавшему, в известном письме. Мне почему-то думается, что *как он есть* – Соловьёв вылился только в стихах своих, этом прелестнейшем томике. В. Р.

**** Словами «Да хранит вас Бог. Преданный вам С. Рачинский» оканчиваются все приведенные письма. Ред.

XXVII

Татево, 2 февр. 1896.

Дорогой Василий Васильевич.

Вчера, тихо и радостно, после долгих страданий, скончалась наша двоюродная сестра. Перед самою смертью она любовалась отблеском утренней зари на деревьях, убранных инеем, прощалась с живыми, говорила о свидании с умершими...

Вместе с вашим длинным письмом получил ответ о кончине Н. Н. Стрехова. Признаюсь, за эту кончину могу только благодарить Бога, ибо опасался для усопшего более долгих страданий, надежды же не питал никакой: слишком мне знакома страшная болезнь, его погубившая.

Вижу из Вашего письма, что с хлопотами о цензорстве вы, вероятно, опоздали. Дай Бог, чтобы я ошибался...

Ваш рассказ о спуске броненосца прекрасен, но в нем, как в писаниях Достоевского, звучит болезненная нотка, которую хотелось бы устранить, которая в ваших писаниях, даст Бог, умолкнет...

Сегодня должен ограничиться этими немногими словами.

XXVIII

Литейная, 62

27 февр. [1896 г., Петербург]

Дорогой Василий Васильевич,

Скоро неделя, как нахожусь здесь, каждый день собираясь выехать и посетить Вас. Наконец потерял надежду справиться с моими недугами настолько, чтобы иметь возможность разъезжать.

Итак, знайте, что в течение недели можете всегда застать меня дома.

XXIX

Татево, 29 марта [1896 г.]

Дорогой Василий Васильевич,

Христос Воскресе!

Напрасно волновались Вы из-за несостоявшегося объяснения с Е. В. Сабуровой. Муж ее, конечно, был (без году неделя) худшим из мыслимых министров Народного Просвещения. Сама же она далеко не так чужда нам, как Вам кажется: она – дочь Соллогуба, внука Вьельгорского; ее носили на руках Жуковский и Гоголь; при всей ее кажущейся светскости, ей прирождены культ литературы, pietas* к высшим сферам мышления. Теперь она, конечно, успела забыть о Вашем существовании. Тем не менее, если представится случай, в коем она могла бы быть Вам полезна, то можете рассчитывать на ее помощь.

---

* поклонение (*лат.*).

С великою радостью узнал и о выходе в свет X тома барсуковского Погодина. Именно на Страстной дочитывал и перечитывал я томы VIII и IX, в первый раз прочитанные мною с пропусками. Чтение этой книги – прогулка по елисейским полям: читателя обступает весь сонм дорогих покойников, озаренный ровным и кротким светом, примиренный вдумчивым беспристрастием автора...

Говел до Страстной. Как всегда, разговелся в школе, празднично убранной, с сотней ребят, и до сих пор утомлен до крайности. Дай Бог дотянуть этот учебный год.

Пение и чтение в Великую Субботу, на Пасху, в Благовещение, были удачнее, чем когда-либо, благодаря умножению *взрослых* певцов и чтецов. Толпа слушателей на воскресных беседах все умножается. Но принялся я за дело – слишком поздно. Работаю я только 21 год, и силы мои истощены. Еще столько же лет работы, и остался бы след...

У нас – глубокая зима и прекрасный зимний путь. На Святой посетила нас Софья Николаевна, сегодня поджидаем Лутковского.

X том Барсукова, конечно, подаст Вам повод к новой, прекрасной статье. Не сомневаюсь, что средства материальные найдутся не только на издание XI-го, но и всех последующих. Но надвигается новое затруднение: появление на сцену лиц, еще живых. Надеюсь, впрочем, что царствование Николая может быть доведено до конца, в прежней полноте.

Моя коллекция писем все разрастается и очень пригодится «Барсукову XX века».

Да сохранит Вас Бог.
Преданный Вам

С. Рачинский.

XXX

Татево, 7 сент 1896 г.

Дорогой Василий Васильевич.

Очень порадовали вы меня, дав о себе, после долгого молчания, весточку.

Вы спрашиваете меня, какое впечатление произвели на меня ваши последние писания. Впечатление хорошее. Статьи об инородцах, о Стасовой написаны яснее, спокойнее, чем предшествовавшие им. Менее в них темноты и вычурности, хотя и они могли бы быть более выношены и закруглены. Лучшее всего – краткая заметка по поводу толков о ходынской катастрофе.

Обратите внимание в «Вестнике Европы» (июль–август) на повесть Дмитриевой «Митюха-учитель», написанную не без таланта. В ней, с полной откровенностью, изображен тот *земский* учитель школы грамотности, коим желал бы осчастливить наши веси почтенный журнал.

У нас, хотя болезненно и медленно, прививается церковная школа. Из синодальных миллионов на долю Бельского уезда досталось 3200 р., что и на школы наличные (их около шестидесяти) слишком мало. Ревнителю этого

дела, как вам известно, кроме меня, не имеется; я же связан по рукам и по ногам своими недугами. Учить окончательно более не могу, и малейшая поездка обостряет эти недуги. Батюшек, взявшихся за школьное дело усердно и разумно, еще слишком мало. До результатов, непрерываемо убедительных, не доживу, что не мешает мне весь остаток моих сил употреблять на то, чтоб их подготовить. В Дунаеве (где имеется прекрасный священник моего по- ставления) воздвигнута великолепная 2-классная школа с учительским клас- сом, на которую возлагаю немалые надежды. Таковая же воздвигается в селе Болтеве, где священствует о. Петр Ельманович, брат вашего Дмитрия Павло- вича. Женская школа Софьи Николаевны продолжает процветать.

Глухая осень. Дождь и слякоть. Татево пусто: сестра, О. П. Гранковская и я.

С Кравчинским* мы перекидываемся изредка письмами самыми сер- дечными.

XXXI

Татево, 24 [?] сент. 1896.

Дорогой Василий Васильевич.

Радуюсь настроению вашего последнего письма и твердо верю, что именно ваша покорность воле Божией будет вознаграждена ими же Он весть путями.

Заметка ваша о 9-м сентября слишком резка и странна. Никакого впечат- ления это торжество на петербургскую интеллигенцию произвести не могло, ибо самое имя св. Феодосия, на юге давно чтимое, северянам до сих пор было совершенно неизвестно. Светская пресса не сделала ничего, чтобы подготовить умы к великому событию. И зачем вы пишете, что *вы* в этот день в церковь не пошли? Кто мог вам в этом препятствовать? Эта риторическая фигура лишила вас возможности сказать, что Исаакиевский собор был пере- полнен молящимися, которым мог бы только помешать *наряд* на службу всех чиновников столицы. Министры, сенаторы и т. д.! Но ведь девяти деся- тых из них не было в городе, и имеете ли вы возможность и право знать, кто из них, где и как в этот день молился?

Вы видите, как я к вам строг. Но это потому, что в деле возбуждения религиозного чувства, брань – самое плохое оружие**.

---

* Ученый лесовод Петербургского уезда – человек высоко литературных вку- сов и религиозных настроений. В. Р.

** Идея *целостности, слитности, единства*, положим, национальной жизни, может внушить великий фанатизм («талмудизм» национализма), совершенно непо- нятный со стороны. Критика этого «талмудизма», какую делает здесь Рачинский, совершенно не достигает своей цели, прямо – *не выслушивается*. И только выход из идеи «целостности», т. е., в сущности, переход к скептицизму и эклектизму, разруша- ет *сам собою* этот фанатизм. Мне просто казалось непостижимым, как сенат и госу- дарственный совет, *т. е. части системы государственной, храмины русской*, не яви- лись *in plero* в Исаакиевский собор, когда *Россия* («целое») объявляла открыти- е мощей Феодосия Углицкого. Это казалось мне изменой единству России. В. Р.

Благодарю вас за подробности о частной жизни Говорухи-Отрока. Они оттеняют и усиливают впечатление его чистой и светлой литературной деятельности.

О здоровье моем писать нечего, так как его более не хватает на продолжение моей школьной деятельности. А на что иное оно годно?

Печатается книга о Хомякове малоизвестного писателя и давнишнего моего приятеля – В. Н. Лясковского. Он читал мне первую ее часть (биографическую), и она прекрасна. Обратите внимание. Вчера был у нас Лутковский и шлет вам поклон.

XXXII

Татево, 6 ноября 1896.

Дорогой Василий Васильевич.

Радуюсь вашей радости. Конечно, желал бы вам еще лучшего, и не теряю надежды, что это лучшее еще достанется вам на долю. Впрочем, как занятие временное, вашему таланту даже может принести пользу писание кратких периодов статей для пубрики весьма обширной и (помните это) весьма скудно образованной. Дело для вас новое и сопряженное с нравственною ответственностью, вполне вам посильною. Дешевые газеты направления здравого («Свет» и «Русское Слово») в настоящее время служат нам немалую службу. О том, что такое «Русь» и что такое г. Гайдебуров, – понятия не имею. В «Неделе» же, от времени попадающейся мне на глаза, царит немалый сумбур.

Сегодня был у нас Лутковский, и мы много толковали о злобах дня, всего более о ближайшей нам – о наследстве Делянова. Дело начальной школы, очевидно, накануне кризиса. Разрастается оно со стихийной силою; объединение его, установление его внутренних норм становится необходимостью. Мысль может остановиться только на объединении всех начальных школ в духе церковном, объединении, мыслимом только при подчинении* этих школ тому ведомству, которое есть орган церкви, представитель коего – самый просвещенный и вместе с тем самый церковный из наших государственных людей. Вот что нам думается в нашей глуши. Но что готовит нам Петербург? Берет страх от тех имен, которые до нас доносит молва.

Здоровье мое по-прежнему плохо, и с трудом подбираю себе работы, мне посильные.

---

* У нас объединение, как *дружелюбие* духа, без сомнения, в этом последнем смысле и рекомендуемое сверху, быстро подменяется на практике объединением как *подчинением*, что едва ли входит в первоначальные верховные планы. И великое начинание оканчивается «ссорой Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем». Заметим, что огромные претензии земства учить, и непременно самостоятельно учить, исходили из того для всех очевидного факта, притом недавнего и свежего, что оно горячо взялось за народную грамоту и почти создало около нее поэзию. Напротив, авторитет духовенства в этой же сфере опирался на слишком общие соображения и на пример времен отдаленных. Кажется, вопрос получил бы разрешение, если бы в 90-х годах духовенство спокойно и скромно вошло в школу, с уважением к земству, с готовностью даже научиться его испытанным навыкам («будем *servi servorum Dei*» <слуги слуг Божиих» (*лат.*)>). Но совершилось все наоборот. В. Р.

Татеев, 15 декабря 1896.

Дорогой Василий Васильевич.

Прежде, чем отвечать на ваше тревожное письмо, позвольте мне рассказать вам нечто о том, что делается со мною и вокруг меня.

Вы, вероятно, правы, считая мою статейку о псалтыри (весьма малозначительную, но, быть может, полезную поверхностным радателям школьного дела), последним писанием моим для печати. Силы мои быстро падают, и, не будучи писателем, не чувствую дерзновения говорить, когда больше ничего не могу делать. Последнее особенно досадно потому, что именно теперь школьное дело, и школьно-церковное в особенности, стало развиваться вокруг меня в ускоренном темпе. Все наши школы переполнены, в особенности вновь возникшие школы церковные. Я же не только абсолютно лишен возможности учить в своей школе, но и всякая поездка в школы соседние влечет за собою целую неделю тяжкого нездоровья.

Впрочем, действует на славу вновь учрежденная духовная инспекция. Все церковные школы уезда (их более 60-ти) уже внимательно посещены наблюдателем уездным, и многие – наблюдателем епархиальным. Последний (священник кроткий и дельный) на днях посетил и меня. Тронул он меня тем, что при посещении одной из моих школ грамотности, самой первобытной и скромной, он назвался просто священником из Смоленска, и поэтому несколько не смутил учителя и ребят, а напротив, пленил их своим добрым участием и сам остался доволен их нехитрыми успехами. Радуют меня также священники и диаконы моего *поставления* (т. е. из моих учеников, и посвященные по моим, подчас нескромным, настояниям). Все они теперь соперничают в устройении школ и в учительских трудах. Один из сих диаконов пишет мне, что он сложился с священником, чтобы на святках устроить елку своим ребятам. По счастливой случайности, могу украсить эту елку посылкою книжных подарков каждому из 59 учеников.

Все это – мелочи. Но этими мелочами поглощена моя мысль, из них слагается моя жизнь, и поэтому ничтожным и плоским покажется вам*, конечно, все то, что могу я вам сказать в ответ на ваши титанические порывы, на ваши жгучие недоумения.

---

* «Никогда мне не казался таким. Я восхищен деятельностью Рачинского», – сказал мне с ударением Н. Н. Страхов, когда, по переезде в Петербург, я говорил с ним о Татеев. И я принял это молча, как программу мышления о Рачинском, как прекрасно сказавшуюся формулу. В деятельности Рачинского был, сколько сейчас думаю, один недостаток, пронестекавший из того, что это была деятельность духовного *одиночки*: отсутствие взгляда веселого и открытого на свое дело и на всех окружающих. Он все смотрел на свое дело как на *подвиг*, и слишком *личный*; оттого как бы «тяжело дышал» в труде, вместо того, чтобы дышать легко. Мне говорили, что школы родственниц его шли лучше, веселее, счастливее, чем его собственная; и это – наблюдение паразитическое. В. Р.

Вам чудится какое-то вторжение католичества в мир православно-русский. Симптомы этого вторжения вы видите в творчестве Васнецова, склонны подозревать во мне, в себе самом. Вас смущает весьма распространенное сочувствие к Франциску Ассизскому*...

По крайнему моему разумению, все это – один из тех призраков, которые так легко возникают в душе, измученной чрезмерным напряжением мысли.

Я не видал изображение Богородицы, о коем вы пишете. Очень может быть, что *это* произведение Васнецова неудачно, навеяно влияниями западными. Это не мешает капитальным его творениям примыкать ко всем преданиям искусства православного и, что еще важнее, носить на себе печать вдохновения личного**, столь своеобразного и вместе с тем столь близкого к нашему религиозному строю, что в нем узнали себя верующие души всех степеней духовного сознания.

Франциск Ассизский всегда будет возбуждать сочувствие православных. Но это потому, что он, в церкви римской, последний отблеск христианства первобытного, вселенского. Ренан, со свойственной ему тонкостью, даже проследил филиацию, связывающую его через Иоакима de Flore, с церковью восточную. Но сочувствие к Франциску нисколько не мешает нам предпочитать ему преподобного Сергия, ставить школу Нила Сорского выше движения францисканского.

Многим явлениям в жизни западных церквей не можем и не должны мы отказывать в сочувствии, именно потому, что в православной истине мы имеем мерило, не допускающее нас до слепого увлечения. С этим мерилом в руках можем отдавать справедливость и галликанству Боссюэта, и жансенистам Пор-Рояля, и вселенским исканиям англиканской церкви, и движению старокатолическому, и бесчисленным делам милосердия и церковного учительства, творящимся на Западе. Мы не были бы православными, если бы не умели распознавать ту долю добра и истины, которая примешана к западной лжи***.

Из статей ваших, напечатанных за последние два месяца, бесспорно лучшая – «Школьные трафареты». Она и обратила на себя внимание всех людей мыслящих, в том числе К. П. Победоносцева. Статья о Дарвине, как газетная статья, – прекрасна, хотя далеко не могла исчерпать предмета. Должен вам сказать, что я нисколько не раскаиваюсь в том, что перевел книгу Дарвина,

---

* Коренная черта православия – эпичность, католичество – лиризм. Поэтому лирика в живописи, прозе, философии eo ipso есть уже разложение эпического православия и переход его духа – в католический. Но вообще я теперь этого не думаю, или не пугаюсь. До известной степени просто этим не интересуюсь. В. Р.

** То-то вот! Ну, а ведь «москвичи в религии» именно *личное*-то все и отрицают. «Как деды» и «как князье» – это принцип, на коем и зиждется эпический покой все еще не сошедшего с печи Ильи Муромца. В. Р.

*** Весь этот взгляд очень основателен. В ту пору, верный прихожанин своего прихода, я был вовсе чужд ему, просто – *глух* к нему. В. Р.

которую, в истории естественных наук за XIX век, продолжаю считать явлением центральным и плодотворным. Координация безмерного биологического материала, накопившегося за первую половину столетия, стала необходимой, и этот подвиг совершил Дарвин, посредством гипотезы недостаточной, но заключающей в себе долю истины*. При этом тотчас в самом запасе фактов оказались зияющие пробелы, над пополнением коих до сих пор работают специалисты. Заметьте, что сам Дарвин в последних своих превосходных трудах (о дихогамии, вьющихся растениях и т. д.) ни *единым словом* не упоминает ни о естественном подборе, ни о происхождении видов, хотя речь идет о природных целесообразностях, в высшей степени замечательных. Дарвин был совершенно свободен от того суеверия в непогрешимость своей теории, которая обуюла его последователей. С первого шага он внес в нее корректив (правильно оцененный одним Данилевским). Это так им названные соразмерности или гармонии развития (*correlations of growth*), за коими кроется понятие о плане – чьем?

Метаморфозам журнальных оборотней, каковы X., Y. etc., большого значения не придаю. Не такими людьми творится история, а людьми совести и дела.

Вот – написал вам три листа, но это далеко не тот *том*, который был бы нужен, чтобы отвечать на все изгибы мысли, на все изливания чувства, которые содержит ваше письмо. Том этот я теперь написать не в силах. Быть может, он составитя из последующих писем.

P. S. Николая** продолжает писать школьные сцены. Жаль, что я – не великий человек; а то к моей биографии были бы готовы иллюстрации.

XXXIV

Литейная, 62, 9 февр. [1897 г., Петербург]

Дорогой Василий Васильевич,

Приехал сюда третьего дня дней на десять. Вчера пытался выезжать. Вследствие этого приходится сидеть дома. Не зайдете ли?

Преданный Вам

С. Рачинский.

XXXV

Татево, 31 июля 1897.

Дорогой Василий Васильевич.

Письмо ваше *вполне* разобрать мне удалось; почерк ваш становится все более гнереоглифическим.

---

* Какой прекрасный по *закругленности* взгляд. В предыдущих статьях своих о Дарвине я много погрешил односторонностью, в которой, впрочем, половину вины моей должны взять на себя русские дарвинисты, plus royalistes que le roi <более роялисты, чем король (фр.)>. В. Р.

** Н. П. Богданов-Бельский, художник, воспитанный С. А. Рачинским. В. Р.

Вижу, однако, что вас ныне занимает явление, весьма распространенное, художественно, и не раз, изображенное Достоевским, использованное всеми врагами религии (напр., в «Вырождении» Макса Нордау), а именно: столь частое совпадение аномальной чувственности с религиозным мистицизмом. По поводу этого явления вы, очевидно, готовите нам соображения, весьма глубокомысленные.

Должен вам признаться, что в этом явлении, весьма отталкивающим, не вижу ничего загадочного. Люди с чрезмерно развитою чувственностью все-таки не всецело обращаются в животных, ищут противовеса затягивающей их нечистоте*, в созерцаниях религиозных. С другой стороны, люди, взявшие на себя аскетические подвиги, им непосильные, подвергаются беспорядочным возмущениям плоти. В обоих случаях в результате является религиозность весьма низкопробная, религиозность г-ж Крюднер и Бальзаков, религиозность воображения и нервов. Истинная же, смиренная** религиозность сердца и духа умеряет и сдерживает ненормальные порывы чувственности, на высших ступенях своего напряжения даже вовсе ее упраздняет, как видим

---

* Вот – *коренной* пункт, на котором мы и стали мало-помалу расходиться с Рачинским, а затем и окончательно разошлись. Для него *нечистота* пола была такою «первой теоремой» религиозного созерцания, что он скорее усомнился бы в И. Христе, чем в этой своей «теореме, не требующей доказательств». Между тем «доказательств»-то я и искал, их спрашивал, и это мало-помалу стало отталкивать от меня С. А. Рачинского. Он стал «разлюбливать» меня и чуть ли не кончил полной антипатией. Изначальный Божий глагол: «*мужчиною и женщиною сотворим человека, по образу Нашему сотворим его*» (*Бытия*, 2) до такой степени был разрушен в Рачинском, что если кто начинал религиозную метафизику с этого глагола, казался Рачинскому «точно Антихрист». Сообразно с этим своим настроением, он вовсе не понимал *Апокалипсиса*, с его *женою, рождающею* в окружении *солнца* и *звезд*, и с *четырьмя вокруг Престола Божия животными*, т. е. с внесением в религию биологических сил и форм. *Апокалипсис* был до того чужд Рачинскому, что однажды в Татеве он сказал мне просто и спокойно: «Книга эта, конечно, не принадлежит Иоанну Богослову, писателю четвертого Евангелия, и представляет темный апокриф невысокой цены». Когда при переезде в Петербург я спросил об *Апокалипсисе* первого мною встреченного богословски образованного человека, поэта и переводчика Канта, Н. М. Соколова, он сказал мне: «*Апокалипсис* есть каноническая книга, и оспаривать это – значит оспаривать церковь и впадать в ересь». Такое расхождение двух этих людей, равно церковно-образованных и церкви преданных, показывает, до чего у нас все в сфере религиозной мысли в эмбрионах обретається. *В. Р.*

* Да – религиозность *опاداющих* крыльев, а не поднимающихся. Но какова религиозность псалмов? Иова? Соломона и его «Песни песней»? Однако, если мы спросим себя, которая религиозность выше, ветхозаветная или европейских пустынножителей, едва ли решительно скажем в пользу вторых. Первая стала всемирною, всем народам понятною и убедительною. Религиозность, восхваляемая Рачинским, есть что-то местное, в своем уголку. На слова: «Такова религиозность в Татеве» – я могу ответить: «У меня – не такая». И Рачинский ничем мне не докажет универсальность своей. *В. Р.*

мы на приведенных вами примерах*, ибо природа человеческая ограничена и двойственна, и не может охватить всецело две сферы – животную и духовную, которые в ней пересекаются.

Все это покажется вам слишком простым, даже поверхностным, но для меня достаточно ясно. Это, конечно, не исключает и в моих глазах возможности додуматься, по этому поводу, еще до многого...

У нас злоба дня – железнодорожная линия Москва – Виндава. Исследования, осложненные разными интригами и подкупами, колеблются около Татевы, – в настоящую минуту от него удаляются.

Еще не видел Лутковского по возвращении его из Парижа, где ныне печатается его перевод «Московского Сборника». Работа эта приятно заняла наши зимние досуги, и, по странному стечению обстоятельств, закончил ее (в стилистическом отношении) – Léon Bourgeois! – Так как возможная денежная прибыль пойдет в пользу церковных школ нашего уезда, можем дожить до постройки таковой – благодаря участию гонителя имени Божьего в школах Франции!

Лишенный возможности трудиться лично по школьному делу, разоряюсь на постройки, коих к осени поспеют две, очень крупные. Николая строит себе мастерскую в своем тихом Давыдове.

---

* После многих лет размышления над вопросом: «Да что такое *отвращение* – эстетическое, моральное и, наконец, мистическое – к предустановленному в анатомии и физиологии плотскому общению?» – я стал склоняться к разгадке: «Да не есть ли это дающее себе отчета внутреннее передвижение своего пола в противоположный, остановившееся (пока) на точке безразличия: тогда противоположный пол кажется или ненужным или даже гадким». На этой линии (безразличия) вырастает своя поэзия, свои настроения, вдохновение. Но еще немного движения в том же направлении (отмирания *своего* пола) – и разовьется поэзия и вдохновения Платонова «Федра», «Пира» и вообще «Афродиты небесной» (термин Платона в «Пире»). Это переход в эллинизм и к подкладке таких мифов, как о Ганимеду. Раньше, чем проснулось у Зевса чувство к Ганимеду, – должно оно было *умереть к Гере*. Мифы Греции иногда выражают вечную психологию, и поэзия аскетизма растет невдалеке от обычаев двух городов, сожженных Тем, Кто сказал о Себе: «Аз есмь *огнь поедающий*, Бог ревнующий», но за которые так усиленно просил Бога Авраам. Таковую мысль свою я считаю метафизическим открытием: что *всемирное* явление *брако-борства*, *брако-ненавидения*, *жено-отвращения*, являющееся от начала мира и существующее до сих пор, есть только утренняя заря, белая полоска на той точке полового горизонта, где хочет появиться и появится одно из самых пугающих – повторю термин Рачинского – «извращений чувственности». Заметим, как много дал идей для средневекового аскетического, идеальничайшего, спиритуалистического католицизма Платон, который сам говорит о себе, что он написал «Федра» «в дифирамбах, а не эпическим слогом» (т. е. вдохновенно). В. Р.

Татеево, 14 авг. 1897.

Дорогой Василий Васильевич.

Ну, вот!.. Ведь можете же вы, когда захотите, писать с убедительной ясностью! И сестра, и я с наслаждением прочли вашу статью о гимназической реформе и готовы подписать ее обеими руками. Обратил на нее внимание и К. П. Победоносцев. Хорош даже практический совет, коим вы ее заключаете. Но для того, чтобы был успех, нужно еще нечто, непосильное правительственной инициативе: нужно воскресить в литературе художественной культ древности*, который в былых поколениях позволял людям, не умевшим проспрягать латинского глагола, проникать глубже в античное мирозерцание, чем это возможно современным филологам. Эта восприимчивость воспитывалась элементами вне-школьными. Тут играли роль и знакомство с итальянскими и французскими поэтами прошлого века, и поклонение художникам *cinquescento***, и переживание римских форм в архитектуре, позднее – влияние Гёте, вторая часть «Фауста»***... Мифологии не учили, ибо ею были проникнуты все декоративные искусства, даже художественное ремесло. Помню, с каким наслаждением мы, еще полудети – медики, математики, читали леонтьевские «Пропилеи». Подобное издание, веденное людьми, истин-

---

* И всегда это «художественный культ»!.. «Возьми мои уши, мои глаза, мой вкус, а не бери моей души», – так говорит новый человек древности. Но дело заходит дальше, за «ушами» и «глазами» влечется «душа», и тогда *sancta simplicitas* <святая простота (лат.)> протестует, негодует. Так было с Renaissance'ом. «Отдать душу древности – значит отдать ее дьяволу». – «Но тогда для чего ты, новый человек, слушаешь мои песни», – могла бы спросить древность из гроба. Все это грустно двойной грустью, – и за древность, оскорбленность коей чувствуется, и за нас: какие мы бедные, бессильные, двойственные! В. Р.

** чинквеченто, XVI век (ит.).

*** Кстати, тут припомнен Гёте, названный от современников «великим язычником». Отчего, в самом деле, Европа не хочет или не может остаться *одна*, без древности? Зачем она тревожит «мертвецов» до-христианских? Увы, *одна* она впадала бы в грубость! «Грубое» – вот что пугает европейца в себе. Он видит, что «один» всегда останется при бурсе и консистории, весьма мало смягченных разными хорошими словами, утешениями, что «там будет лучше». Роковая потребность в древности вытекает для новых народов из того, что не было в истории дано образа светского христианства или христианской светскости, и оно роковым образом и не может быть никогда дано без разрушения принципов: «не от мира сего». Никогда и никто в это достаточно не углублялся; ибо в кульминационном пункте это рассуждение восходит до восклицания: «Боже, когда я буду мертв – я стану Твой; но пока живу, хотя и хотел бы, – не могу (не смь) быть Твоим». И Рачинский только бродил по краешку этих вопросов, вопросов неразрешимых и страшных. В. Р.

но талантливыми, поэт, подобный Андрей Шйnier, более сделали бы для возрождения классицизма, чем все мыслимые перекройки гимназических программ*.

Что касается до темы двух последних ваших писем, то, признаюсь, все еще не понимаю, к чему клонятся ваши умные речи. Что характер половых побуждений дает мерку духовного содержания человека – истина, полагаю, не требующая доказательств**. Мистическая же связь, которую вы, по-видимому, усматриваете между половым возбуждением и духовным творчеством, моему пониманию остается недоступною***. Впрочем, можете быть спокойны: ни единая иота из писаний ваших ко мне не пропадет для потомства. Письма, полученные мною, продолжают переплетаться под моими глазами, и, снабженные оглавлениями и необходимыми объяснительными заметками, поступят в Публичную библиотеку...

Продолжаю болеть, ибо тропическая жара, до сих пор не умеряющаяся, особенно вредна при моем недуге. Направление нашей железной дороги все еще не выясняется. Производятся изыскания по линии, удаленной от Татова, и от их успеха зависит решение дела.

P. S. «Вырождение» Макса Нордау – книга неглубокая; но вы ее все-таки прочтите, так как она касается именно вопросов, вас ныне занимающих.

---

* Замечательно, что ни в министерстве Толстого, ни в министерстве гр. Делянова не было сделано даже *попытки* возродить «Пропилеи» или начать подобное. Тут чуть ли не скрывается административный секрет, который можно формулировать: «Не надо света! В потемках нам лучше (удобнее)». Разгадку этой «классической системы» будущий историк найдет где-нибудь в приватной переписке наших «мистагогов классицизма»; до того хорошо скрыты и маскированы ее официальные документы. В. Р.

** Вот то-то. У Дарвина Рачинский отмечает «соотносительность развития», намекающую на «какой-то и чей-то план» в биологии. У человека, создавшего историю, есть «соотносительность гения и пола». Вялый *органически* человек не будет гениален *духовно*. Евреи, по документам Библии, были беспримерно чувственным народом; почти то же можно повторить о греках. Эскимосы не знают бурь темперамента; Акакий Акакиевич не пытается влюбиться; целый ряд ограниченных «гениев» (по влиянию) новой цивилизации, точно притупивших способности Европы, погасивших в ней пыл (Бокль, Дрэпер, Дарвин, Спенсер, Конт), были люди глубоко прозаической, вялой крови. В. Р.

*** Тут всех обманывает скромность (*всегда* кажущаяся и опровергаемая при детальнейшем изучении биографий) таких людей, как Кант. Куно-Фишер пишет о последнем, что до старости он любил «сватать молодых людей», устраивать супружества: фантазия, которая никогда не посетила бы голову Спенсера. У людей, как Кант, не *не было вулкана*, но он *рано потух*, точнее – лава потекла в другую сторону, открыла себе иную отдушину – в мысли; но – *все та же лава*. У других, вялых, – отсутствие самой лавы. Говоря геологическим языком, одни – «водного происхождения», другие – «огненного происхождения». В. Р.

Татеве, 28 авг. 1897.

Дорогой Василий Васильевич.

Возвращаю вам (на время) последнее ваше письмо. Дело в том, что ничего не стоит (*mutatis mutandis**) превратить его в прекрасную статью для печати.

Действительно, если уже «Сочинения Белинского» обратились в необходимую школьную книгу, то издание их, освобожденное от с толку сбивающих придач, составляет прямую обязанность министерства нар. просвещения**.

Иду далее того. Считаю изучение нашей литературы в гимназиях по голому тексту Белинского явлением ненормальным и чудовищным. Как может 15-летний мальчик разобраться в колебаниях мысли этого страстного публициста, как может он выделить эстетические его суждения, действительно ценные, из хаоса увлечений, партийных и личных. Нельзя же требовать, чтобы, наряду с Белинским, он изучал еще Ап. Григорьева, Страхова etc.? Не орега omnia*** наших критиков нужны нашим гимназистам, а история русской литературы XIX века, спокойная, сжатая, с приложением, пожалуй, хрестоматии, содержащей образцовые характеристики главных ее деятелей и явлений. Такую книгу мог бы написать покойный Страхов****. Способен ли написать таковую кто-либо из живых — не знаю...

О себе писать нечего. Болею и бездействую. Да и в текущей литературе не встречаю ничего такого, что бы вызывало меня на беседу с вами. Ожидаю писем Баратынского к Киреевскому (их Лясковский отыскал целых 50). Тут могут найтись вещи, заслуживающие полного внимания.

* Внося соответствующие изменения (*лат.*).

** Как известно (как я испытал), гимназистам не позволено ничего читать, кроме «Всадника без головы» Майн Рида и «Таинственного острова» Жюль Верна; между тем, начиная со средних классов гимназии, даровитая часть отрочества до всего дорывается, напр., и до Белинского, но уже с комментариями, положим, не Льва Поливанова, а в «освещении» Скабичевского или Благодетельца. Я Рачинскому и писал, что пора миссионерству и вообще администрации перестать наивничать, и дать классиков литературы и критики в руки отрочества и ранней юности; но, не скрою, — в те годы это я имел в виду, как предохранительную прививку от всей последующей грубой журналистики. В. Р.

*** Полное собрание сочинений (*лат.*).

**** Ну, гимназисты ничего так не ненавидят, как кастрированные книги. «От нас скрывают истину», и является вера, уже слепая, именно к вырезанным местам. Ничем тут нельзя помочь делу, кроме как, дав все юности, приставить к ней хороших (но не односторонних), живых руководителей, собеседников, друзей. Дело направления юности у нас совершенно потеряно, и на этой-то почве и происходит теперешний кризис школы. В. Р.

Татеево, 11 сент. [1897 г.]

Дорогой Василий Васильевич.

Получил зараз два ваших письма.

Вижу из первого, что мысль ваша продолжает вращаться вокруг вопроса о сексуальности и ее отношениях к духовной жизни человека. В нелепой статье Соловьёва о Пушкине вы найдете формулировку этих отношений, вполне научную и ясную, – тою ясностью, которая достигается поверхностным охватом предмета. Не впадайте в ту же ошибку. Не силитесь формулировать того, что постичь нам не дано. Довольствуйтесь созерцанием той красоты, которая проистекает из разделения полов*, из неизбежности смерти. Эти две великие, сопряженные тайны** требуют обращения благоговейного и стыдливого.

* Вот! Цветы пола все берут, а его самого – ненавидят. Рождаются дети: все хватают их, «мон!», «наши!». Но, позвольте, «почему же они ваши», – может угрюмо сказать пол моралиста, религии, законодательству, – «вы меня изгоняете из своего общества, как извечного вашего врага, как разрушителя ваших мирных бесед, но уж тогда я уведу с собой и детей; уведу очень просто, по праву отца их». Из любви, влюбленности, или о любви и влюбленности написано в всей поэзии, и снова изгоняемый пол скажет: «Прежде, чем я выйду из ваших чистых комнат, я растопчу все это». Человек и татевская «религия бедности» останется страшно одинок и *бессилен* без пола. «Да мы пола и не отрицаем», – скажут тогда моралисты. Но поистине, лучше бы они уж прямо отрицали. Они пилят его день и ночь с присказкой: «Не отрицаем», и не столько в пиление заключается опасность, сколько в этой лукавой присказке: «Не отрицаем». Благодаря ей волк и вошел в овчарню, и обдирает овец в золотом руне в свою пользу; а чуть овечка закричит: «Мне больно! – это враг», сейчас он ссылается на свое «признание пола», «как план сотворения человека и первоначальную заповедь Божию множиться». Но это все паспорт только: дело стрижки овец идет быстро. Поэтому в полемике о поле, печатной и в переписке с Рачинским, я повел дело прямо и резко, дабы заставить тайных врагов пола выпустить из рук личный паспорт, с пропиской: «Признаем». Волки в овчарне закричали: «Не признаем!» («культ Астарты», «любодейство», «порнография В. В. Розанова»). Только этого я и дождался: тогда наступает логика и право пастуха, который берет палку и начинает изгонять из овчарни волков, отнимать «цветы» (семью, поэзию) у ненастоящих их владельцев, и возвращать все это *почве их*, «первоначальному разделению полов». Тут начинается для оппонентов вторая полоса оханья; раньше они кричали: «Замолчите, нам стыдно, краснеем», теперь кричат: «Нам больно! Нам страшно!! Вы *целый мир* у нас отнимаете и оставляете нас с *ничем*». Этот второй абзац оханий, процесс выгона волков (спор о разводе, о незаконнорожденных детях, в конце ведущий к автокефальности, властительному авторитету *самой над собою семьи*), только начинается. В. Р.

** Вот это – великое, глубокое замечание. «Разделение полов» и вытекающие отсюда *любовь* и *рождение* находятся в какой-то «сопряженности» (связи) со смертью, с «тайнами гроба». Но в какой? «Sancta simplicitas» думает, что в отрицательной: что «первородный грех» сказался 1) в любви, в рождении, и вытекающей отсюда 2) смерти. Но забывается, что сотворение мира (дача Евы Адаму) произошло *до* грехопадения и вне его предвидения Богом (грехопадение – свободный акт воли человека). Вообще тут до сих пор мы имели наивные суждения, а философия не начиналась. В. Р.

Чаяние их смысла дается только поэтам*. Всякое неосторожное прикосновение к ним болезненно отзывается в душах, смиренно верующих. Этой неосторожности не избег и величайший из ныне живущих художников – Лев Толстой.

Другое ваше письмо исполнено любопытных подробностей о настоящем положении нашей печати. Вижу из него, что в этом исковерканном мире вам нет места, что *жить* журнальным трудом вам невозможно. Будем молить Бога и добрых людей о даровании вам иного хлеба насущного. Пока, полагаю я, всего лучше держаться вам «Нового Времени». Тут, по крайней мере, есть люди, способные ценить ваш талант, тут с благодарностью будет принят известный разряд ваших писаний. Есть тут и великая журнальная опытность, не допустившая бы досадных случайностей, вроде «Лахты». Не было бы возможности вам вести в этой газете какой-нибудь библиографический отдел, напр., книг философских, учебных, народных? Конечно, пришлось бы писать спокойно и сжато. Но такая гимнастика была бы даже полезна вашему перу.

Не нашлось ли бы для вас местечка при музее Александра III? Утверждены ли его штаты? Не мог ли бы тут помочь вам указаниями и ходатайством М. П. Соловьёв? Говорю наобум, не имея возможности знать что-либо об этих вещах.

Бесчисленные наши журналы издаются столь небрежно, вяло и скучно, что редактор, действительно талантливый и дельный, мог бы их всех задавить. Пока, по-видимому, действительным успехом пользуются только «Свет» и «Нива» – вторая, главным образом, благодаря приложениям. Имеете ли вы какие-либо связи с «Нивою»?

О себе не пишу, ибо елe существую. Впрочем, очень нужно съездить в Петербург, и если будет физическая возможность, – приеду.

XXXIX

Татеево, 25 сент. 1897.

Дорогой Василий Васильевич.

Куно Фишер, на портрете, мне подаренном, подписал стих Шиллера:

Frei sein ist nichts, frei werden ist der Nimmer**.

Подобных вариантов на восхитившую вас мысль Кравчинского*** не оберешься у поэтов и мыслителей, немецких и иных. Потому мысль эта не поразила меня своею новизною.

---

* Это очень все глубоко. Поэтам одним дано коснуться пола «не постыдно»; как только за тот же предмет берется прозаик, выходит грубо, плоско, «скверно». Но ведь отсюда только один шаг до догадки, что пол an und für sich <сам по себе (нем.)> есть абсолютная, поэтическая вещь, недостижимая «смертным» (прозаикам в душе). В. Р.

** Я не свободен, свободен я не буду никогда (нем.).

*** Это была пора, когда из абсолютного внутреннего пессимизма я стал переходить в оптимизм, и хватался с благодарностью за всякую «соломинку», тащившую к оптимизму. Лесник, литератор и ученый, Кравчинский раз сказал на мои вечные сетования, что «и то-то, и другое плохо». – «Да, слава Богу, что плохо, потому что может быть лучше». – «Как?» – изумился я. – «Да очень просто: будь везде хорошо, – крышка бы и могила человеку. О чем же тогда стараться? А мы рождены для старания. В. Р.

Как зовут интересного юношу, коего вы, быть может, преждевременно, канонизируете? Дай Бог ему довершить благополучно свою религиозную эволюцию. Письмо его, которое вы мне показывали, я, признаюсь, совершенно забыл. Видно, особого впечатления на меня оно не произвело.

Статья ваша в № 7742 «Нового Времени» огорчила кн. Мещерского* не потому, что вы против него полемизируете, а потому, что некоторые его фразы вы цитируете с изменениями и вставками**. Одна такая вставка касается гр. Капниста***, и взводимое вами на него обвинение может быть написано кн. Мещерскому. Капнист очень *думал* отказаться от попечительства. Посоветовал принять этот пост сам кн. Мещерский, боясь назначения худшего****. Аккуратность в цитатах – дело необходимое!

У нас настала глубокая осень, и школьное дело закипело. Переполняются школы всех наименований, я же помогать нарастающему делу бессилён. Едва могу изредка взглянуть на приходящие к концу мои школьные постройки. За невозможностью более путной работы, пишу, золотом и красками, крупные богослужебные тексты, для вывешивания в школах. Моей публике это нравится.

Не стану надоедать вам описанием моих недугов. Полагаю, что и без того они достаточно отражаются на бессодержательности моих писем.

Как писать вам в Петербург? По прежнему ли городскому адресу?

Сегодня был в Глухове, где выстроена новая школа, и в Давыдове, где выросла изящная мастерская Николи. Ландшафт украсился, но надолго ли. Постройки деревянные. До сих пор у меня никогда не хватало средств на каменные, не удалось выстроить ни одной церкви, что было бы попрочнее десяти выстроенных мною школ...

XL

Татеево, 5 дек. 1897.

Дорогой Василий Васильевич.

Инцидент с цитатою – совершенно ничтожный. Добрейший кн. Н. П. Мещерский, конечно, давно о нем забыл, и, конечно, ни он, ни я не думали по этому поводу взять на себя защиту попечительской деятельности последних годов.

---

* Бывшего попечителя московского учебного округа, человека добрейшего, старозаветного барина, но не весьма деятельного и, кажется, не весьма сведущего педагога и администратора. Он в это время был в отставке и проживал в имении, соседнем с Татеевым. *В. Р.*

** Просто – в силу необходимости в газете все писать *сжато* (отсюда пропуски в цитатах) и вместе для читателя *понятно* (отсюда вставки), которые опять же ради сохранения места не разъясняешь, не оговариваешь. *В. Р.*

*** Преемника по попечительству кн. Мещерского. *В. Р.*

**** Непонятно, почему «боялся» кн. Мещерский. В Московском университете и лицее Цесаревича Николая читал древние языки Г. А. Иванов, человек, как бы рожденный для вдохновения юношеству эллинизма и романизма, коими сам он был упоен, и вместе тонкий и строгий администратор. Министерству лучшего кандидата и искать было нечего. *В. Р.*

Скажите на милость, на что вам миллион? Независимость может быть куплена совсем иною ценою, денежно более скромною, нравственно несравненно высшею*. Нужно завоевать себе бесспорное литературное имя**, которое даст вам и сообразное с ним служебное положение, и доход с продажи книг, а не фельетонов (кстати – школьные ваши статьи могли бы составить интересный сборник). Возлагаю надежды на тот крупный труд, на который вы намекаете мимоходом.

Я продолжаю болеть и способен лишь на труды механические. Провел неделю в переписывании прелестных писем Баратынского к И. В. Киреевскому, отысканных В. Н. Лясковским в бумагах последнего. Занят он биографией братьев Киреевских, которая обещает быть весьма интересною. Статья ваша о Меньшикове хороша, но если придется вам вернуться к этой теме – будьте осторожны. Мысли ваши об этом предмете требуют пера искусного и скромного, не под статью тону «Нового Времени».

Очень тревожит меня сошествие со сцены И. Д. Делянова. Бедная наша сельская школа! Дождется ли она, наконец, необходимого единства***! Никогда наплыв учащихся не был так значителен. Быстро возрастает процент девочек. Живя, как я, на месте, еще можно кое-что делать. Но разобраться из

---

* Все это милые рассуждения. Их не повторил бы плотник, делающий в имении Рачинского сруб для новой его школы. О «миллионе» я упомянул, сославшись на Некрасова и его молодое желанье «иметь миллион как условие свободы». Мы живем в век такого абсолютного индивидуализма и падения всех *объединяющих* идеальных принципов, когда человеку – за себя страшно, страшно за крылья. «Миллион» и есть стальной шлем на голову, воздух – для крыльев. С «миллионом» я печатаю, что хочу, говорю, что думаю, живу, как желаю. «Миллион» – свобода; и в нашу пору это есть тот же «лагерь цыган», куда убежал современник Онегина, куда, может быть, хотел бы бежать раненый Пушкин. Грустная сторона литературы, прессы, что она в $\frac{7}{10}$ и больше превратилась в то же условное, душное и ограниченное, чем в пору Пушкина было «великосветское общество», только не в смысле «манер внешних», а еще более трудных, «манер внутренних». Литература не выносит «своих мыслей» у писателя, и это через простое: «Вы нам не нужны», «Вы к нам не подходите», что во многих случаях для человека значит: «Оставайтесь без хлеба, без квартиры, без лекарств». Пресса «школит» дух, «тренирует» писателя не жалостливее департамента. И вот в защиту-то этого и вырывается вопль: «миллиона мне», он – «мос прибежище и сила» (слова Давида в псалме). Ваал заменил Бога, – ну, ему и молитва. *В. Р.*

** Ну, оно завоевано у Толстого, Гончарова, и ведь не лопнуть же всем, что родились без их таланта. «И у нас душа – не веник», – скажет всякий третестепенный талант на предложение: «Будьте Толстым, – и будете свободны». *В. Р.*

*** Ох, эти печальные «единства», эта идейная «Пруссия», подымающаяся над разрозненной идейной «Германией». С. А. Рачинскому было *больно* видеть, что не во всех 70 областях русских учат крестьянских ребят, как он в Татеве. Ну, а земскому учителю, учительнице тоже *больно* уже не то, почему не везде учат, как он, а что ему самому и лично не дают учить с той свободой, как Рачинский учил. Рачинский скажет: «quod licet Jovi, non licet [что позволено Юпитеру, не позволено (*лат.*) мухе]», но уж таковы дела после сотворения мира, что каждая муха хочет дышать ровно в ту же полноту уделенных ей легких, как и слон. Нет, пока *абсолюты* не найдены, – «единств» не надо. *В. Р.*

Петербурга в невообразимой путанице, возникающей из наличности трех типов начальной школы, решительно невозможно.

Был на днях на заводе Нечаева-Мальцева. Там выросла великолепная церковь (вчерне стоит около 80 000). Это – почище моей школьной стряпни.

Николя – последнюю зиму работает у меня. Он выстроил себе, в своем именье, прелестную мастерскую, в которую переедет весной.

Да хранит вас Бог.

Преданный вам

С. Рачинский*

XLI

Татеву, 17 июня 1898.

Дорогой Василий Васильевич.

Очень радуюсь тому, что издание сборника ваших статей осуществляется. Надеюсь, что в него войдут «Сумерки просвещения» в виде первоначальном, войдет и ваш ответ Иловайскому. Он прекрасен и по тону, и по форме, и по содержанию, и заставит прочесть ваши «Сумерки» тех читателей, которых страшат объемистые статьи.

Но тревожит меня несколько материальная сторона дела. Книга, несомненно, раскупится, но раскупится медленно. Напишите мне, во сколько обойдется печатание всех трех частей сборника.

Наслаждаемся слитными ныне красотами поздней весны и раннего лета. Доцветает сирень и распускаются розы. На днях был обрадован приездом двух людей, не без моего участия попавших на места, для коих они созданы. Один из них – С. В. Смоленский, директор синодального хора и состоящего при нем училища, превосходный музыкант и педагог замечательный, творящий чудеса при помощи широких средств, находящихся в его распоряжении. Другой – молодой священник из моих учеников, о. Александр Васильев, кончивший курс в академии и осуществляющий в сельском приходе все то, о чем я мечтал.

Здоровье мое плохо. Почти не могу работать в огороде. Учю, с грехом пополам, своего единственного ученика, по счастью, очень внимательного. Зато вокруг меня делается много утешительного. На заводе Мальцева устраивается церковь. На горизонте – две новые женские школы.

Прочел на днях остроумную, но легковесную книгу Макса Нордау – *Entartung***. Болезнь описана верно, но корень ее даже не затронут. Прочел и лучшую иллюстрацию к этой книге – кощунственную поэму Buchanan'a «The Wandering Jew». Симптомы разложения на Западе все усиливаются, а у нас симптомы возрождения остаются неопределенными и слабыми.

---

* Словами «Да хранит вас Бог. Преданный вам С. Рачинский» оканчиваются все приведенные письма. *Ред.*

** «Вырождение» (нем.).

Вчера оставила нас Софья Николаевна, прогостив у нас четыре дня. Она совершенно погружена в свое церковно-школьное хозяйство и достигает результатов самых отрадных. На днях приезжал ко мне молодой священник (из Оренбургской губернии!) просить у меня учителя, коего дать ему я не мог. Каждая почта приносит письма, вызывающие на размышления. Снизу, из глубины, подымается что-то доброе и новое, а на поверхности? Скандал в Петербургской академии, кража в Чудовом монастыре... Трудно понять свое время. Легче делать, что можешь, в надежде, что и наши крохи пригодятся времени грядущему*.

XLII

Татеву, 21 августа, 1898 г.

Дорогой Василий Васильевич.

С немалым затруднением, по возрастающей нечеткости вашего почерка, но и с глубоким интересом прочел я вашу скорбную повесть.

Что сказать мне вам по ее поводу?

Именно по обстоятельствам, которые вы мне изложили, и по условиям вашей теперешней счастливой семейной жизни, и не следует вам говорить о браке, о половых отношениях в том изысканно-отгалкивающем тоне, который вы себе усвоили. Предоставьте Zola et comp. эти апофеозы плоти, эти возведения полового акта на какое-то всеобъемлющее таинство. Очень хорошо вам известно, что акт этот гораздо чаще бывает грязен, чем свят, и может быть освящен лишь великим целомудрием духа,

---

* *Терпение*, кажется, есть главная добродетель человека исторического, человека политического. Кто всю жизнь борется, – хотя и кажется при жизни, что все время побеждается злом, – после смерти оказывается победителем. Не нужно никогда отчаиваться: «кража в Чудовом монастыре» только и знаменует вороватость вора без длинных теней, падающих на всю церковь. Был Симон Волхв при апостолах, и, кажется, какой-то христианин, чуть ли не Анания, что-то украл; но разве это знаменовало крах и даже грустную минуту церкви? Нисколько. Порок всегда принадлежит человеку, и он может быть в самую светлую эпоху. Опасный *цвет* эпохи начинается не с порока, а с «положения дел». Все *смертельные* болезни, как рак, чахотка, начинаются *вовсе незаметно, бесстрадательно*; и также незаметны смертельные заболевания исторических организмов, великих учреждений. Две строки в посмертных записках архиепископа Никанора («Из истории ученого монашества»): «Все, что делается в Синоде, и делается доброго, хорошего, – делается служащими там чиновниками, и ничего хорошего или здорового *не начинается самим духовенством*, там заседающим» – слова эти более печальны и страшны, чем смутивший Рачинского случай. В. Р.

В данном вопросе редакция считает долгом заявить, что она *всцело* присоединяется к истинно-христианским воззрениям С. А. Рачинского, а не к примечаниям г. Розанова, которому мы предоставляем высказаться не только из уважения к авторской мысли, но и потому, что эти примечания подчеркивают именно правоту почившего мыслителя. *Ред.*

при коем нет никакой нужды в ваших психофизиологических копаниях. Это-то целомудрие следует насаждать, а не колебать писаниями, подобными вашим*.

---

* Все это – глубоко и основательно. Бог один видел глубокие вздохи, которые выходили у меня при сознании словесной моей немощности, литературного моего бессилия. Нужен бы язык поэта, нужно бы вдохновение религиознейшего человека. Сам Рачинский в одном из предыдущих писем точно и пронизательно сказал: «Только поэтам удается хорошо говорить о поле». И еще, добавлю, лишь любящим и чистым супругам удается совершать все должным образом в этой сфере. Но после этих согласий начинается как бы крик в моей душе: «Но как же вы, и, между прочим, Рачинский, вообще все *одиночки*-мыслители, *одиночки*-поэты, созерцатели, аскеты, присвоив власть и авторитет себе в браке, власть и авторитет над семьей, *расстроили до нельзя эту главную тайну мира*, даже расстроили ее безвинно, просто неумелым и неискusstvenным ее управлением?». Поставьте пепиньерок из института управлять торгом в базарный день на городской площади, и невиннейшие эти девицы разорят торгующих и измучат покупателей. Это и случилось в истории. Нормировку брака взяли в свои руки герои девственного подвига, которые просто ничего не понимали (!) в предмете нормировки! Не понимая закона крови и семени, они просто начали становить «мужа около жены» и обратно, арифметически и нумерационно, как костяшки на счетах, *более всего обегая любовь, которая всегда перепутывала их арифметику!* «Любовь – вот враг семейного покоя», – говорили эти аскетические институтки, не замечая, что весь этот вековой, тысячелетний их принцип, можно и следует читать *справа налево*: «Семья – вот могила, *через которую мы надеемся умертвить любовь*». Так чудовищно регулированное институтками дело и кончилось на двух концах: 1) могилой любви, 2) могилой семьи. Истинное слабоумие этих пепиньерок брака сказывается в том, что никакой опасности они, собственно, не замечают в *фактической разрушенности* семьи (браков мало, да и какие есть – несчастны), а начинают об опасности кричать только с минуты, как им замечают: «Пепиньерки, поправьтесь! Вы не мудро управляете делом». Таким образом, квиетический покой ничего для семьи не делающих аскетов обычно смешивается с «незыблемостью семьи», которую наполовину своею наивностью и наполовину небрежностью они разорили. Положение это настолько мучительно, что за него можно взяться и не поэту, и не гению. Мне принадлежит лишь одна та честь, что я первый (путем многолетних размышлений раньше, чем сказать первое в печати слово о браке) сообразил положение вещей и вижу подробности в ходе его исцеления, которых (именно – подробностей) другие не видят по менее специальному вниманию. Конечно, первое дело – устранить вовсе от брака пепиньерок, *aliis verbis* <другими словами (*лат.*)> – совершенно разделить и отделить семью от девственного идеала, от сонма девствующих. Этого невозможно соделать, не возвратив *авторитет* браку, сперва уравнявая его с девством, а затем и поднимая над ним, просто как над состоянием незрелым и каким-то несерьезным, наивным и в семейных целях ненужным. Но девство и брак различаются отсутствием и присутствием «сближения полов», и восстановить сказанный авторитет значит то же, что поставить это «сближение» выше «воздержания от сближения», и не только поставить, но разъяснить, доказать. Из этой новой, трудной и необходимой задачи, в сущности – задачи самоспасения семьи, вытек *тон* и *направление* статей моих, на которые жалуются Рачинский. – Это теория. Но посмотрите и на практике, как неодинаков тон *рассуждений о семье* счастливых семьянинов и рассуждений аскетов или несчастных семьянинов. У первых – высокий и спокойный тон, уважение, а в устройстве судьбы (брачной) детей, дочерей и сыновей – уравновешенная сообразительность. Из счастливой семьи – добродетельные дети, вот закон! Аскет и несчастный

Затем – в вашем письме проглядывает стремление обосновать ваши философские конструкции на том, что вы сами пережили. Но согласитесь, что частности вашей жизни и биографии в высшей степени случайны и исключительны. На таких данных ничего общего не построить. Не осуждаю вас, но не могу не осуждать попыток возводить в общее правило явления, столь исключительные и болезненные. Очень я рад, что узнал историю вашей жизни. Это дает мне право настойчиво повторить вам: бросьте всякие печатные толки о браке и половых отношениях. Пишите о вещах, относительно коих ваш кругозор не омрачен.

Знаю, что редакции петербургских органов очень ценят и поощряют именно те ваши писания, которые я осуждаю. Но ведь это только потому, что от них пахнет клубничкой*. Итак, будьте тверды и не гневите Бога, столь милостивого к вам.

Странные вещи вы пишете по поводу моих стараний о распространении трезвости. Неужели вы думаете, что моей борьбе с гнусным пороком я придаю, подобно Толстому, какое-то первенствующее нравственное значение? Трезвость – далеко не нравственность, и есть трезвенники, глубоко безнравственные. Трезвость лишь устраняет *одно* из роковых препятствий к достижению нравственности, и в этом отношении, конечно, полезна. Ограниченность же этой пользы сознаю яснее, чем кто-либо. Но людям маленьким, к коим причисляю я себя, не следует пренебрегать и тою малою пользою, которую они в силах принести, – и поэтому продолжаю свои старания.

О себе писать нечего, ибо все более стареюсь и бездействую. На днях пришлю вам Псалтирь с краткими пояснениями на русском языке, – давнишнюю мою работку, неожиданно для меня изданную (с некоторыми искажениями) св. синодом.

К сожалению, никаких старинных монет и медалей у меня не имеется.

семьянин о поле рассуждает в анекдотах; и такой невообразимой порнографии, как от людей духовного (аскетического) образования, я никогда не слыхал. Да это и общеизвестно. А судьбу детей, брачную, они устраивают кое-как, более считая при этом деньги, чем всматриваясь в несимпатичную всегда им, в презренную для них «любовь» (см. организацию брака в духовном сословии). Рачинский, незаметно для себя, своими рассуждениями как бы закреплял «то, что есть». Что же *есть*? Он сам формулировал: «Акт этот большею частью бывает грязен». А когда он грязен – и семья грязна, отравлена, зловона, неверующа. Падение семьи и есть незаметный *рак* или *чахотка* христианства, ибо когда семья отравлена, кто же к аскетам *придет молиться*? Откуда к Рачинскому придут хорошо настроенные ученики? Государству – честные слуги? Я только набрасываю начало мыслей, ход которых – бесконечен. В. Р.

* Мне до последней степени трудно было проводить в печати свои статьи о браке и семье. Только невнимательному могла показаться, что я в нем *повторяюсь*: как в поворотах калейдоскопа каждый раз получается новый узор, в каждой моей новой о браке статье вскрываема была *новая его сторона*, может быть, читателям видимая, но, во всяком случае, ранее никогда *определенно не сказанная*. Вопрос вообще в уме моем созрел, и ход мысли, как и всю полемику, я кончил бы года в три, тогда как с 1898 года до 1902 мне едва удалось сказать треть необходимого. В. Р.

Татево, 5 сент. 1898 г.

Дорогой Василий Васильевич.

Разве может быть между нами спор о том, что брак – таинство, что на этом таинстве зиждется всякая истинная цивилизация, всякая жизнь, возвышающаяся над животную? * Слава Богу, азбучные эти истины проповедуются не только церковью, но и целыми школами мыслителей, какова школа Ле Плэ. Но есть ли это повод, чтобы подчеркивать и размазывать именно живот-

---

* Ну – вот! Не будь *факта* брака, – ни жизнь Китая, Греции, Рима или Германии была бы *невозможна*. Заметим, что в Германии брак не *считается* таинством и, вероятно, в Китае и древних Греции и Риме (?!). Но везде там были «цивилизации, невозможные без таинства брака» (слова Рачинского). Что же теперь, «*считаемость*» ли брака за таинство принять «источником цивилизации», или самую *вещь*, которая «считается». Из «считаемости» только считаемые иллюзии и вытекают, а цивилизация слишком реальна и ощутима. Очевидно, все дело вытекает из факта *рода, крови, родства, семенного сцепления*. Однако любопытная и роковая «для цивилизации» сторона дела начинается с открытия, что «считающиеся» так или иначе брак решительно отвращают взор (а главное – внимание, столь нужное) от крови, рода, родственности, семени, что словесно выражается в очистительной над роженицею молитве, а фактически и мощно – в мириаде фактов, во всей сумме отношений, наполовину неглижерских, наполовину враждебных, к «считаемому браку». Но «нет цивилизации без брака» (формула Рачинского), и вопрос с такой незаметной вещи, как очистительная (*не* сорадующаяся) над роженицею молитва переходит в борьбу между отстаивающею себя цивилизацию и стремящимся (незаметно) погасить ее (?) духом. Вопрос о браке, *внимательно* поднятый, объясняет, напр., такую подробность истории, как восклицание (по поводу Сильвестра), вырвавшееся у Грозного: «То отечество гибло, которое попадало под управление попов», или известные ограничительные реформы Петра Великого. *Находишь вдруг всего этого корень*. Конечно, духовенство наше хорошо, добро; даже разумно и просвещено. О государстве оно, конечно, заботливо. Но каким-то *постным способом*, без улыбки, без масла, без вдохновения!! Как стихи писать – духовное лицо морщится; роман писать – отворачивается, музыка – «не годится». Да что такое?! Все – *грех* или «*степенн греха*». Весь мир и все улыбающееся в мире, все свежее, чистое, «ядренное», молодое, надеющееся, геройствующее – ео ipso <тем самым (*лат.*)> «неприятно». Между тем религия, конечно, центр жизни и им останется, пока цела планета. Теперь, в этот самый центр посадите недовольную улыбку, всего только ее одну, – и весь мир скиснет, просто – проквасится целая планета, ибо по центральному месту – и центральное значение. Однако, отчего же всему молодому и свежему кислая улыбка в ответ? – Да из очистительной молитвы роженице (*пылинка*, показывающая состав *целого*): *очищается самое рождение человека*, и уже через это самое не одобряется, – нет, «оплакивается» вообще все бытие мира и всякое в мире бытие. При таком настроении духа вопрос, нужна ли реформа Петра или нужно ли хозяину строить новый дом, а в случае засухи проводить каналы, конечно, получается в ответ резкое отрицание (вечный протест духовенства против всего реформаторского, против всякого *обновления=дробн рождения*). В. Р.

ную сторону брака*, общую ему и его недостойным суррогатам, процветающую и без всяких апологий?

* Слишком есть «повод»: а детоубийство? Его физику мы видим (камень на шею – и в воду), но где его метафизика? Представьте, что тысячу лет назад, а не сейчас, начали бы «размазывать животную сторону»: неужели хоть одна милая девушка в тоске и отчаянии удушила бы свое дитя?! Лично я чувствую благоговение ко всем беременным (как, пожалуй, и ко всему беременеющему, готовому из себя что-нибудь новое рождать, – напр., реформу Петра): уж такая у меня особенность; так неужели же, неужели когда-нибудь к этому предмету своего благоговения и любви я отнесся бы грубо, поверхностно, жестоко? А не отнесся бы я, – то и девушка, в соседстве около меня живущая, или моя служанка не удавилась бы, не удавила бы дитя. Не отнеслась бы грубо цивилизация, эпоха, а в зерне всего религия, то и вообще никогда и никто не удавился бы и не удавил дитя. Но «животной стороны не размазывали» 1000 лет. Читал я последние годы, именно по поводу и в возражение моим статьям, сотни страниц, всегда носящих одно повторительное заглавие: «О христианском браке». Все таковые статейки – как графареты с фабрики: «Един дух, один план, едины текстъ», почти «едины слова». И наблюдал я, и подчеркнул я, и сложил следующее *всеобщее* наблюдение: ни единого-то там слова, не то, чтобы ласкового, но даже и *упомянутого* нет о дитяти. Поверьте, читатель, на сотнях страниц «о христианском браке» самое слово «ребенок», «дитя», «младенец» вовсе не попадается. Точно его и нет! И не надо! И такая будто это незначущая вещь, что канонистам и богословам она и в голову не приходит!! Тут-то и начинается «метафизическое открытие», Колумбово яйцо, которое сумел поставить не талантливый, но внимательный исследователь: когда говорят о «браке», то мир понимает под этим *одно*, мир и цивилизация и народы; а духовенство понимает под этим совершенно *другое*. Мир почти зрительно и воображаемо видит, мечтает, грезит, при имени «брак», златокудрого ребенка, манную кашку, которую он ест, его куклы, игры, прорезанье зубов, счастливый рост или жалобную смерть; мыслит и грезит вчерашних легкомысленных барышню и кавалера, сегодня смотрящих уже на мир серьезно и ответственно. Но при том же имени «брак», или, еще точнее, после заглавия: «О христианском браке», идут у богословов какие-то Львы VI Философы, Зонары и Вальсамоны (не слыхали?) и ужасные ругательства при подозрении, «как бы без нас не обошлись». Затем самые сильные порицания, какие-то уже предварительные, а ргоіг, барышням и кавалерам и особенно их возможной *ужасной* любви, этому какому-то пугалу богословия и богословов. Такое грубое выражение, как «предбрачный *обыск*», сошло с пера духовных законодателей, как плод векового неуважения и недоброжелательства к чувству сближения полов: любовь есть какой-то волк, пробирающийся к ним, чтобы съесть все их рассуждения, и, уж если не пустить его вовсе нельзя, то хоть «обыскать, как вора», следует. Таким образом, под словом «брак» у духовенства понимается вовсе не то, что у мира (картина, факт), а забота: *как бы не пропустить в брак*. Ни единого случая нет, и в истории не было примера, чтобы закон духовный или человек духовный, говоря просторечно, «сосватал девушку и жениха» (!!). Этого нет, не было!! Что же было и есть налицо? «Нельзя ли сосватавшимся *помешать*». Вся сумма учения о браке распадается на две половины: 1) о *препятствиях* к браку; 2) о поводах к *расторжению* брака. Причем последние, пусть счастливые и с детьми, расторгаются за несоблюдение даже языческих римских правил о браке («степени родства»), как препятствия к браку христианскому, заимствованные все из «*Corpus juris civilis*» [«Гражданский свод законов»] (*лат.*), при полном оставлении в стороне всего текста св. Писания, т. е. ветхозаветного, так как в Новом Завете о степенях родства в браке не упоминается). Конечно, капля любви к христианской семье, к семейным христианам заставила бы в пользу последней поступиться языческими законами, но лучше уж «идоложертвенного вкусить», чем поощрить любовь и счастье семейных людей, или пощадить детей, которые, в случае расторжения

Далее, вы полагаете, что брак (или половое возбуждение) есть необходимое условие высших проявлений деятельности духовной. Тут вы расходитесь и с учением церкви, и с опытом веков. Величайшими светилами церкви были целомудренные безбрачники*. Это учение, эти факты не перевешиваются в

брака, всегда оставались (до закона нынешнего года) без родителей, без фамилии, без имени. Таковы-то «материнские заботы о семье»! Да и что в ней аскетической пепиньерке? Она «не сеет, не жнет, не собирает в житницы». Она ведь сама только терпит: пьет чай без сливок, не употребляет мясного. Таковая страдалница и детям, плачущим при виде, что родители вынуждены их покинуть, говорит тоном 50-летней девы, сосцы которой никогда не прикладывались ко рту ребенка: «Деточки – что куколки, куколка разобьется – не плачет, почему же будет плакать дитя?». Ну, вот в ответ на все это (жестокое) историческое положение вещей я и стал... несколько потрагивать логику старой девы, и хоть она конфузится, говорит: «Не троньте, я дева», но уж пусть немножечко потерпит. Если «куколки» (дети) разбивались, а черепки от них целыми ящиками вывозятся, по свидетельству проф. *канонического права* А. И. Заозерского, из московского воспитательного дома на кладбище (он «смотрел на это при вечернем закате солнца»), то и я несколько пошально... Таким образом, усиленное и преднамеренное мое «размазывание чувственной стороны» под рубрикой «брак» имеет точные и математические для себя основания. А то все «Вальсамонь» да «Зонарь», «мь» да «наша власть». В. Р.

* Не могу не цитировать в ответ на это следующего нравоучительного листочка, присланного мне странником-студентом, обличителем нравов, г. Михаилом Сопощко, автором многих статей и книжек. Ему «и книги в руки» и, кстати, в приводимой цитате содержится непрекаемое указание, *где и при каких обстоятельствах* появились, не как случай и злоупотребление *лица*, а как святой закон, два горестнейших факта нашей цивилизации: 1) брошенная соблазнителем девушка, 2) брошенный в *безвестность ребенок* (позднее – убитый). Листок озаглавлен: «О хранении от знакомства с женским полом», а вот из него выдержка: «Преподобные отцы наши, святые иноки всех времен, тщательно хранили себя от знакомства с женским полом. Некоторые иноки утверждают о себе, что они, находясь часто в обществе женщин, не чувствуют вреда. Этим инокам (курсив везде не мой) *не должно верить*: они или говорят неправду, скрывая свое душевное расстройство, или проводят жизнь самую невнимательную и нерадивую, и потому не видят своего устройства, или же диавол окрадывает их, отнимая *понимание и ощущение* вреда, чтобы сделать их жизнь бесплодной и уготовить им верную погибель. Превосходно рассуждает о сем предмете преп. Исидор Пелусиотский. «Если, – говорит он, – благие обычаи истлевают от злой беседы, то это по преимуществу делает беседа с женами, – хотя бы даже предметом ее было и добро; ибо она достаточно сильна, чтобы растлить тайно внутреннего человека *скверными помыслами*, и, в то время как тело пребывает чистым, душа оскверняется. Так говорит преподобный. Поэтому бесед с женами сколько можно убогай, благий муж. Если по какой нужде придешь к женам, то имей глаза опущенными вниз, и через это тех, к которым ты пришел, *поучай смотреть целомудренно*. Сказав им немного слов, могущих утвердить и просветить души их, *немедленно удаляйся*, чтобы долгая беседа не смягчила и не расслабила твоей душевной крепости. Скажешь: хотя и часто я беседую с женами, однако из этого не последует для меня никакого вреда. Пусть будет и так! Но я желаю, чтобы все были твердо уверены в том, что водами камни утончаются. Если капля дождевая пробивает камень частым падением, то как не быть побежденной и превращенною долгим обычаем воле человеческой, удобоколеблемой. Соединение полов в существующем виде его естественно падшему естеству. *Девство вышеестественно*. Следовательно, желающий сохранить свое тело в девственности должен непременно держать его вдали от того тела, соединение с которым требуется

естеством. В тела мужа и жены вложена *невидимая сила*, влекущая тело к телу: приближающийся к жене *непрерывно* подвергается влиянию этой силы. Образы жен, их взоры, их голоса, их нежность напечатлеваются очень сильно в душах наших по действию естества, особенно когда *естеству содействует сатана*. Блаженный Иероним повествует о себе, что когда он жил в Риме, и часто бывал в обществе набожных дам и девиц столицы мира, тогда он не чувствовал ни малейшего любовного движения ни в воображении, ни в теле (вот доказательство, что оставаться в мире надо для сохранения целомудрия души. В. Р.). Но когда блаженный удалился в Вифлеемскую пустыню (зачем же? чтобы утратить целомудрие души, как и произошло? В. Р.), и предался стражайшим иноческим подвигам, тогда внезапно начали рисоваться в его воображении образы виденных им в Риме жен, а в старческом теле, изнуренном *жаждою, неедением, бдением, трудами*, появились юношеские вожделения (явно, кажется, что уединение в леса и пещеры есть просто то инстинктивное затаивание себя, какое и в отрочестве проявляется у впадающих в извращение, получившее имя свое от сына Иуды Онана; пустынножителство несколько не есть бесполость, но абсолютно неизбежное вхождение в печь этого огненного полового раздражения себя, и, если мы точно преследуем воздержание, а не лукавим и не наивничаем, пустынножителство так же должно быть постепенно рассеяно, развлечено и уничтожено, как нечистые уединения несчастных отроков. В. Р.). Победа была очень затруднительна, потому что падшему естеству предстало в помощь, как это обыкновенно бывает, ясное содействие дьявола. Совершившееся с блаж. Иеронимом совершается со всеми иноками, переходящими от общественной жизни к жизни безмолвной» (т. е. вся их сплошная масса переходит к извращению сына Иуды; да и сладость пустынножителства, известное к нему рвение, и именно в отрочестве, не имеет ли подкладку своей неудержимости этого огненного извращения, которое вообще увлекает рои юношей. В. Р.)... Далее рассказывается пример совращения девушки почтенным человеком, уходящим затем в пустыню от своей жертвы и ее ребенка. «Мы, страстные и немощные, должны принимать все меры предосторожности и охранять себя от влияния на нас соблазнов» (г. Сопочько в листке этом приводит сплошную выдержку из книги «Советы новоначальным инокам» еп. *Игнатия Брянчанинова*).

Оставляя в стороне «охранение себя» от исполнения заповеди Божией о размножении, попытки, естественно, и неудачные, как противоборствующие «Сильному», «Господу господствующих и Царю царствующих», остановимся на том, чего не замечают преемственно: 1) Сопочько, 2) Игнатий Брянчанинов, да и никто, решительно никто: *а куда же девается несчастная совращенная девушка? И куда девает детоубийца свой плод?* А с этого вопроса и начинается Божье дело, ибо Бог есть человеколюбец, и у Него, нашего Отца, и волос с головы человеческой не гибнет. Аскет согрешивший пошел в пустыню, когда, по мнению китайца, грека-язычника, римлянина-язычника, и по моему грешному, но мужественному мнению, ему следовало *остаться при несчастной девушке, и охранить ее, и защитить ее* от того утроенного стыда, утроенной муки, какую она понесла в своем сердце. Как же и зачем пошел виновный в пустыню? Он только и помнит, что «осквернил свое тело», а о несчастье ближнего не помнит, а *плод сил своих*, который в Ветхом Завете он внес бы в храм, показал бы Господу со словами: «Вот начаток сил моих», – его он даже не вспомнил. Не явно ли, что воздержанием от заповеди размножения он отступил от Бога? И теперь, когда этим «воздержанием» он попал в сети лукавого, за одним грехом он делает и другой, – преступает заповедь: «Не убий». На самом деле, он убил двух: он и женоубийца, и сыноубийца. Но все излагатели только и помнят «женское тело», забывая слово Божие, что оно создано от ребра нашего и «в помощь мужу»; страх коснуться этого дорогого и близкого тела так велик у всех, что лишь борьба с законом Божиим зани-

моих глазах наивными (и неточными) сравнениями вашего старорусского батюшки. Полагаю, что М. П. Соловьёв написал вам по поводу ваших статей нечто более дельное.

Начало повести г-жи Фриббес-Даниловой действительно прекрасно. Конец же (т. е. самый роман) страдает какой-то пошлою чувственностью*. Тем

мает их, а человек, девушка и младенец, до того презренны, что они даже не упоминают о них. Но и далее все преступно: он покаялся, и будто бы покаяние принято. Так и будут учить: «Грешить – грешно, не грешить – нельзя: только кайся». И путь покаяния указан: бежать от места греха и от лица, с которым согрешил. Образ покидаемой девушки и ее ребенка из случая и каприза лица становится святым (аскетическим) правилом. Потом «святое» облетает, как с крыла бабочки пушок, и остается простое житейское правило, народный обычай: согрешив с девушкой, вымыть руки и уйти в сторону, так же мало спрашивая о ее судьбе, как Сопочко и Брянчанинов. Наконец, когда прошли еще века, то кидаемые по деревням, селам и городам девушки начали собираться в одно место, собираться с презрением судьбы своей: они уже заранее знают, что ни к чему не повлечет мужчину пребывание с ними, никто не ждет от них ребенка, что их просто посещают, как нечистое место, нечистую тварь. И рассказанный (г. Сопочко) случай, потеряв всякую краску индивидуального явления, перешел в общий факт одиночной или коллективной проституции. Наконец, чтобы круг замкнулся и ад окончательно возрадовался, нужно было, чтобы виновный явился обличителем погубленной; это и есть налицо, ибо именно преемники согрешившего в рассказе уперлись против самого признания хотя бы прав погубленной девушки на общность с ребенком своим. Они казнят девушку, длинные века казнили, беспощадно. Но как для них есть заглаживание вины своей в бегстве от факта в пустыню, так и она может таковое же заглаживание купить себе, тоже бежав в пустыню... А однако ребенок? У виновного его «нет», а у «виновницы» он есть. Все-таки путь покаяния один: бежать от места и точки греха. И если для этого он бросил, *забыл*, в сущности, уже жену свою, то мать должна (!?) *забыть* ребенка, выбросив его... куда-нибудь. Это – «святой» закон, «святое» требование, норма. Обратное запрещается. И если она этого не делает, не расстанется с крошкой, уцепится за него всеми силами природы и вместе повиновения Богу, и скажет гордо: «Да я просто размножилась», то ей нет и не будет прощения, и «грех» этого упорства (твердой любви к дитяти) не смывается ничем, никогда. Где в давние века стоял святой закон, сегодня стоит приличие. Несчастную, которая не отрывается от ребенка, общество гонит от себя, как прокаженную. И это до того сильно, до того могуче, что если такие побочные дети рождались даже у царственных особ, – и они не решались признать своим (без сомнения) дорогое свое дитя. Метафизика и история детоубийства, как и первого дома терпимости (собравшиеся вместе отчаявшиеся в себе девушки) налицо. Я позволил себе это большое отступление, потому что вопросами этими тревожится теперь не только наука, не лицемерная одна филантропия, но и международные союзы и, наконец, дворцы. Тоска дошла до горла. В. Р.

* Говорится о повести «В тихой пристани», – героиня которой монашенка, влюбляется в одного родственника своего. Почему это «пошло»? Но у аскета *всегда* любовь «пошла», «гадка», непозволительна, сколько бы он ни твердил, что «не порицает заповеди размножения». *Только ее* он и порицает, вовсе не убаяв ни власти, ни гордости, ни даже стяжательности. Поразительно *всемирное средство* скопчества и жадности к металлу (плюшкинство), евнушества и властолюбия. Наоборот, некоторая расточительность пола ведет к *бессребренности и скролности*, чувству равенства, демократизму (тип Стивы Облонского в «Анне Карениной»). В. Р.

не менее дама эта не заслужила того жестокого разговора, который вы ей готовите. Надеюсь, что вы ее пощадите.

Прочел ваше описание кавказских гор. Удивительный у вас талант на карикатуры вещей прекрасных. Кавказа я не видал. Но знаю, что нет ничего очаровательнее вида из равнины на отдаленную цепь гор. Прекрасно передано впечатление такого вида в «Кзаках» Толстого.

Несчастный вы в этом отношении человек. При виде Терека у вас возникает представление о грязной прачке!.. Впрочем, философы без простых наслаждений простых людей, по-видимому, обходятся. И Гегель к красотам природы был весьма равнодушен, судьбою же своею весьма доволен.

Между тем писания ваши имеют положительный успех, обусловленный, быть может, настолько же тем, что я считаю их недостатками, как и бесспорными их достоинствами. Полагаю, что было бы уместно (и денежно прибыльно) издание сборника ваших газетных и журнальных статей. Поговорите об этом с Сувориним, охотником издавать книги и мастером пускать их в ход.

И – продолжайте писать. И ум, и слог ваш запечатлены несомненною оригинальностью, качеством редким и ценным. Остерегайтесь только *оригинальничания*, именно поэтому вам совершенно ненужного. Вы подчас впадаете в такую манерность.

Гостит у нас племянница Мамонова, и привезла мне изумительную фотографию с женского портрета, найденного при египетской мумии. Это – листок из издания Graf'a: Antike Porträt-Gallerie. Взгляните на это издание. Это поразительно и неожиданно по реальности и жизненности.

Продолжаю возиться с Псалтирью. Посылаю вам экземпляр первого, далеко не удовлетворительного издания.

XLIV

Татеево, 1 окт. 1898.

Любезный Василий Васильевич.

Ни фотографов, ни фотографических аппаратов в Татеево не имеется. Но ведь интересующий вас египетский портрет (и множество других) – у вас под руками. Стоит вам только спросить в Публичной библиотеке Graf's Antike Porträt-Gallerie. Как я уже вам писал, в мои руки попал лишь один листок из этого издания.

За философствованиями вашими о браке следить становится мне невозможным. Темнота их усугубляется для меня свойствами вашего почерка, не позволяющими мне, несмотря на все усилия, разобрать дословно ваши письма. Впрочем, и печатанные ваши писания становятся все загадочнее и недоступнее. Попалось мне в руки ваше письмо к Шарапову в «Русском Труде». Ничего понять в нем не мог!

Тем, могущих овладеть вашим вниманием, помимо пола, семьи и брака, полагаю, найдется довольно; по каждой из них вы будете писать лучше, чем именно об этой.

Глубоко огорчило меня стихотворение Вл. Соловьёва о чертах. По-моему, это – *delirium tremens**, начало конца...

Да и вообще, в нашей литературе – ничего утешительного. В иностранной – радуют меня только книги Demolini, исследования, появляющиеся в «Science Sociale».

«Московский Сборник» появился в английском переводе, в качестве первого тома целой «Русской библиотеки». Чем наполнятся прочие, – не ведаю. Но первый том имеет решительный успех.

XLV

Татеево, 17 окт. 1898.

Очень дорог, любезный Василий Васильевич, был бы мне ваш отзыв о «Сельской Школе». Но портрета моего, ни большого, ни малого, давно у меня не имеется. Да и кому он нужен?

То, что вы пишете о Соловьёве, крайне прискорбно, но давно мне было известно. Только *этим* могут быть объяснены такие странности, как стихотворение «О чертах»**.

Статья ваша о Толстом – не из лучших ваших статей. Вы были связаны прежними вашими жестокими отзывами о великом писателе, и поэтому впали в крайность противоположную. Связали вы себя также тем, что взяли исходною точкою наружность поэта. Лицо, конечно, – зеркало души. Но отражение этого зеркала и неполно, и осложнено тысячью чертами, психологического веса не имеющими. Не замечали ли вы, как часто между отцами и детьми, между родными братьями существует физическое сходство разительное, при коренном различии в степени и свойстве дарований духовных? И наоборот, очевидное сродство в психическом складе при едва осязательном сходстве физическом?***

Вчера опять получил массу писем, из разных городов России, от лиц самых разнородных по умственному складу и общественному положению. Все они, как и ваше, дышат пессимизмом отчаянным. Гораздо отраднее письма из деревни, несмотря на все невзгоды, ныне на них обрушившиеся. Конечно, и тут – зла много, но есть и доброе ему противодействие. Вот и я, несмотря на отягчающиеся недуги, на массу затруднений и злых обстоятельств, не унываю. Происходит это, думается мне, от того, что мы, деревенщина, поглощены задачами ограниченными****, более или менее нам посильны-

---

* Белая горячка (*лат.*).

** Не знаем, что именно было тогда писано о Вл. Соловьёве, о котором ходило много нелепых слухов; но несомненно, что этот возвышенный человек и его, с виду, странные произведения попросту *не были поняты*. *Ред.*

*** Очень все глубоко. Очевидно, у Рачинского был врожденный талант к биологическим размышлениям. В его замечаниях совсем другой калибр ума, другая школа воспитания, чем у наших журнальных дарвинистов, который никогда-то вас не порадует *своим* наблюдением, своей *задумчивостью*. *В. Р.*

**** Да, *определенность* задач жизни – великое условие счастья на земле. По всему видно, что дьявол соблазнил Адама к философии. *В. Р.*

ми; между тем как в городах все заняты вопросами всероссийскими, если не всемирными, к коим приложение единичных сил чересчур трудно...

Живописец мой на днях переселился в прелестную мастерскую, выстроенную им на своей земле, верстах в десяти от Татева. Кругом пейзаж очаровательный. Впервые придется ему работать в обстановке не только сносной, но вполне удобной. До сих пор все его картины писались в моей школе, среди невообразимой тесноты, пыли, гама, при освещении самом недостаточном.

Продолжается в школьной среде движение, указанное мною в статье «Учителя и учительницы». Продолжают переходить лучшие учителя в ряды псаломщиков и диаконов, к немалому подкреплению школы церковной (она же и есть у нас школа истинно-земская). С живейшим интересом слежу за этим движением.

XLVI

Татеево, 2 янв. 1899.

Дорогой Василий Васильевич.

Признаюсь вам, что я и не ожидал появления в петербургской печати отзывов по поводу моей книги. Все то, что я пишу и делаю, до такой степени чуждо кругозору наших газет, что не может возбуждать со стороны их какое-либо внимание. Они дают то, что может интересовать их читателей, и умелость их в этом отношении доказывается широким их распространением. Нечто подобное, вероятно, препятствует появлению вашей статьи в «Пет. Ведомостях». Об этой газете имею понятие смутное, ибо лишь весьма редко попадают мне на глаза отдельные ее номера. Недели три тому назад, как-то попал в Татеево специальный ее корреспондент, некто Янчевецкий, юноша безвредный, но до того малосведущий и наивный, что едва ли способен сказать что-либо дельное о церковно-школьном деле, в связи с коим только и может быть речь обо мне в газетах.

Да и нужны ли* газетные толки об этом деле, требующем обсуждений глубоких? К ним могла бы подать повод моя книга; но связывать их с репор-

---

* Печать и глубочайшие личные дела, сердечные и умственные подвиги вообще, находятся в странной связи. Сам папа ищет связи с публицистами – не для себя, а для церкви. Мы потеряли наивную веру, что Бог выводит дело из потемок въявь. Теперь представьте себе человека, как Рачинский; он делает замечательное дело, все приистекающее из устройства его сердца; в то же время он фанатично убежден, что Россия будет жива и здорова (исторически), насколько к ней привьется это дело (церковное воспитание народа). Является коллизия: или проглотить мертвый и глубоко антипатичный кусок рекламы и осуществить заветнейшую, благороднейшую мечту души, или удержаться от этого, сохранить целомудрие затерявшейся в траве гвоздички, но зато и умереть без всякого исторического результата. Есть «Ваал» в печати; и невозможно поклониться истинному Богу (мечте своего сердца), не принеся жертвы ему. Над этой коллизией, я думаю, многие глубокие умы теперь размышляют, многие чистые сердца колеблются. Дело Рачинского всегда было только частным делом, лишь известным в России. Известно, что газеты наполняются иногда неделями Бог знает какими сообщениями и мыслями. Но вот пусть бы петербургская печать устроила «неделю Рачинского», т. е. на одну неделю, но и вся целиком, отдалась бы описанию и истолкованию татеевского факта и татеевских идей. «Ваал» дуновением своим личное и сердечное дело человека превратил бы в факт русской духовной истории. Рачинского от этого и томило, и он влекся (неволью, необходимо, из любви к мечте своей) к этому. В. Р.

терскими подробностями о моей ничтожной личной деятельности – совершенно неуместно.

Продолжаю болеть и *не* исполнять школьных обязанностей, лежащих на мне помимо преподавания, ставшего для меня абсолютно невозможным. Собирался в Петербург в декабре; но недуги не пустили. Авось доберусь в январе.

Поздравляю вас с нумизматическими приобретениями. СобираТЕЛЬские радости украшают жизнь домоседов. Но собирание предметов сколько-нибудь громоздких налагает на людей небогатых тяжелую обузу. Сподручно им только собирание автографов и монет, и поэтому радуюсь тому, что вы избрали последнюю специальность.

Переселяется в Петербург Лутковский. Это поддержит и оживит ваши связи с Бельским уездом.

XLVII

Татево, 9 март. 1899 г.

Дорогой Василий Васильевич.

Благодарю вас за присылку вашей книги, коей желаю всего успеха, на который она имеет право. Быть может, за нею последует второй сборник, смешанного содержания? Статью о Бокле, например, прерванную кончиною «Русского Обозрения», очень желательно было бы увидеть в полном составе.

Живу, лишенный всяких точных вестей о главной злобе дня, – об университетских волнениях. Доходят до меня о них лишь самые тревожные слухи, и я крайне огорчен и озабочен.

Получите вы на днях рукопись Филиппова. Я отдал ее на прочтение Лясковскому, за неимением иного человека, прикосновенного к литературе, ко-его я мог бы заставить ее прочесть. Через Филиппова же я узнал ваш нынешний адрес, который был мне неизвестен.

Вижу из газет, что предполагается расширение штатов Публичной библиотеки. Не может ли это повести к устройству ваших дел?

Открылась передвижная выставка. Картина моего Николи («Бывшие товарищи») оказалась иллюстрациею к прекрасной повести Бурже, напечатанной, когда картина уже была написана. В то же время единственный заметный талант, возникший в нашей беллетристике за последнее время, г. Горький (псевдоним?), проводит перед нашими глазами целую галерею проходимцев и пропойц. Вторжение подобных типов в область искусства – признак малоотрадный. А «Новое Время», проповедующее культ Пушкина, приписывает поэту пьяные подвиги *Льва* Пушкина, рассказанные Вульфом!

А наши мужички продолжают приписываться к обществам трезвости... Что это явление не только местное, вижу по письмам священников из разных глухих уголков России, Сибири.

Да хранит вас Бог. О себе писать нечего, ибо я еле существую.

Татеево, 21 март. 1899.

Дорогой Василий Васильевич.

Затруднительною становится переписка с вами. Уже давно не удается мне разобрать *вполне* ваши письма. В последнем же вашем письме неразборчивость почерка доходит до того, что и ход вашей мысли, несмотря на все мои усилия, проследить мне не удалось. Вижу только, что, на основании показаний некоего кумысника о поголовном целомудрии мусульманских юношей, вы строите какие-то мировые теории. Неужели вам неизвестно, что в Турции, в Крыму, в Средней Азии сии целомудренные юноши самым наглым образом торгуют своим телом?*

Затем разобрал конец вашего письма, с коим вполне согласен. Вы пишете, что я ничего не могу *воздвигнуть*. Да ничего воздвигать я никогда и не имел претензии. Выбрал себе маленький круг деятельности, дающий мне возможность оказывать то Ивану, то Петру помощь, коей не могут им оказать другие, – деятельности, беспрестанно приводящей меня в соприкосновение с людьми, которые гораздо лучше меня. Этим вполне довольствуюсь. Меня всегда удивлял тот приподнятый тон, коим и письменно, и печатно стали говорить о мне и о моей муравьиной деятельности. Поработала надо мною и ваша философская фантазия. Но я знаю себе место и цену и всем этим преувеличениям веры не даю.

Университетские волнения, к коим вы относитесь с таким пренебрежительным равнодушием, сильно меня тревожат. Боюсь, что они еще не кончены, и что ими будет испорчено еще много молодых жизней...

У нас – горе. Опасно заболел наш отец Петр. Это затрудняет великопостные службы, и так как больному 75 лет, можно опасаться и смертельного исхода. Он у нас – второй священник с 1812 года и священствует с 1851 года.

---

* «Кумысник» (дворянин-горец, с которым я познакомился в Кисловодске) сказал на мои слова при виде его 11-летнего сына, необыкновенной красоты и скромности мальчика (как «красная девушка»): «Ну, вот, пройдут годы, и какой хороший мальчик испортится» (разумел я волокитство, и легкие связи, яркую картину которых представляла курортная публика Кисловодска). – «Нет, у нас этого не бывает», – ответил твердо отец. – «Ну, тут кто же усмотрит?» – возразил я, имея в виду всемирное бессилие. – «У нас не бывает этого; в 13 лет он будет обрезан и женится и на чужую женщину никогда не взглянет». – Это меня поразило. – «И неужели во всей стране и в целом народе нет разврата?» – Он в ответ мне указал на двух кабардинок, уже пожилых и почтеннейшего, аристократического вида, разгуливавших, как царицы, в шелковых платьях и опираясь на зонтики, по главной аллее Кисловодска. Оне меня поражали достоинством, сравнительно с поведением русских барынь, *метавшихся* в поисках за приключениями. – «И когда это бывало, – сказал он враждебно и печально, чтобы кабардинка вышла на общественное гулянье? Это – мои золотки»... Он не договорил. Я заметил, по манере счета денег, что «князь» мой жаден. – «А деньги вы любите», – сказал я ему. В лице его прошла какая-то мука, и он сказал с усилием, страшно сверкнув глазами: «Люблю... (помолчав): пророк не запретил любить денег». Мусульмане, я заметил, необыкновенно стыдливы; никакой тени столь распространенного в Европе нахальства. У них есть страсти, но очерченные, не расплывающиеся. Поступки и воззрения их прямы и тверды. В. Р.

Были ли вы на передвижной выставке? Судя по вестям из Петербурга, большой успех имеет портрет гр. Шереметевой, работы моего художника. Заказала ему свой портрет Императрица Мария Федоровна. Еще не знаю, нравятся ли публике его две картины.

Добрейший Н. П. Барсуков прислал мне 12-ю и 13-ю книги своего Погодина. Первую уже прочел с наслаждением. Дошла до нас и первая порция романа Толстого*. Экспозиция эта, менее блестящая, чем в романах предыдущих, обещает психологическую картину, богатую и сложную. Дай Бог только, чтобы он воздержался от вставок теоретических.

P. S. Для чего вам прислал Филиппов свою рукопись – не ведаю. Исполнил его поручение – и только.

XLIX

Татеву, 20 апр. 1899.

Дорогой Василий Васильевич.

Христос Воскресе!

Благодарю вас за присылку второго вашего сборника. Полагаю, что он будет иметь более успеха, чем первый, именно тою своею стороною, которая мне всего менее по душе**. Вы уже знаете, что я не охотник до ваших апофеозов*** половых отношений. Отношения эти, по крайнему моему разумению, не нуждаются ни в поощрении, ни в защите****. Меньшиковская

---

* «Воскресения» (без воскресения). В. Р.

** Сборник «Религия и культура», последовавший за «Сумерками просвещения». В. Р.

*** *Вовсе нет*: но надо же что-нибудь сделать, как-нибудь начать поднимать вещь из грязи, вытаскивать из кухни сундук с главным (?) сокровищем владельца богатого дома. Европейец во всем блестящ: в войне, в дипломатике, в искусствах, в философии, науках. Но он как истукан Навуходоносорова сна с золотой головой, серебряной шеей, и что дальше – хуже: идет железо, камень, кирпич, песок. Так и европейец, блестящий и поэтический во всем, великий и мудрый, пасует перед татаринном в вопросах и правилах и общей практике пола («глиняные ноги» истукана). Как же это спасти, как это изменить? Очевидно, надо *поднимать*; и я мог слишком погрешать по неискусству, давая повод издали принимать жесты поднимания за хвалебную песнь. Вообще заранее и всегда я готов признать бездну в себе стилистических ошибок, неверных тонов, ошибок; но тот лишь не ошибается, кто не трудится. В. Р.

**** А вдовье – молодые священники? На тридцать, на сорок лет обрекаемые на принудительное, им чуждое и несносное, безбрачие? К вреду их нравов, к беспризорному воспитанию детей-сирот? Видя это насилие, и начнешь «апофеозы» половых отношений, ибо и нет совершенно никакого другого мостика, чтобы закричать: «Вы не можете так поступать с человеком; верните ему помощницу, взятую от ребра его и вами (?) столь безжалостно отнятую. Бог, по вашим объяснениям, взял у него жену (хотя «смерть Бог не сотворил» по Лисанию), дабы привести его к безбрачию; но я не предполагаю Провидения, доводящего одного человека до излюбленного вами девства через отнятие жизни у третьего невинного человека (жены), как бы через казнь его. Всего вернее, смерть жены есть случай или ее наказание за ее вину (но эта смерть не имеет никакого отношения к принудительному вдовству несчастного ее мужа). В. Р.

маниловщина, соловьевские парадоксы, толстовские откровенности могут произвести лишь раздражение половой похоти. Дело моралиста – не подавление или апология этой похоти*, а приведение ее в Богом указанное русло, ясно намеченное** христианским учением о браке и вместе с тем естественное***; а также признание тех освященных церковью исключений, в коих воздержание является не самоискажением, а подвигом законным. Вы охотник до символов. Можете найти их в бесполом особах царства животного, в красе и благоухании бесполом цветов. Вот, на днях, в наших лесах, зацветет

* И везде «похоть» – слово уничтожительное, слово отрицательное и бранное. Почему же мы не говорим: «похоть искусства», «похоть музыки». А между тем, чем лучше картины и оперы, плод вторых, нежели невинное дитя, плод первой. И Бог в раю не сказал человеку: «Срисовывай деревья». Но если Рачинский говорил Н. П. Богданову-Бельскому: «Срисовывай портреты», то я, без всякого упрека совести, скажу каждому, каждой: «Размножайтесь». Целый мир мне не докажет, что я ошибаюсь, ни с точки зрения правильности суждения, ни с точки зрения верности слову Божию. В. Р.

** Известно, что европейский брак устроен по образцам и законам римской гражданской семьи, и *боговдохновенный* Ветхий Завет так мало принят во внимание при разработке норм христианского брака, что в некоторых случаях следование ему ведет за собою, сверх расторжения брака, еще ссылку в Сибирь. Теперь, где же «русло», в римском или в еврейском законодательстве, капитолийском или синайском? Для *одиночки*-Рачинского вопроса этого просто не существовало: «Мне не надо ни капитолийского, ни синайского». Но тут мы приходим к логике отнятия брака и семьи у аскетизма, у аскетов; если они вообще так мало и *поверхностно* интересуются делом этим, зачем они им управляют? Зачем им управлять долее? Их рассеянность доходит до того, что они не заметили в собственной о браке работе *выброса* всего слова Божия о нем (Библия, ее правила и примеры) и поклонения «идоложертвенному» (капитолийский брак). Уже теперь несчастное «русло», в одной строчке рассеянно указанное Рачинским, «русло», приведшее сонмы девушек к засыханию и к выбросу в дома терпимости, а кучи детских телец к похоронам в помойных ямах и ретирадах, имеет так же мало авторитета в себе, как Поль де-Кока (=капитолийский брак), читаемый потихоньку юношей под партю. Может быть, только вопрос о суде за это чтение Поль де-Кока, а не об умилении по поводу его. Но Рачинский не то, чтобы умиляется (до брака ему дела нет, он – *одиночка*), а *приказывает*: «Книгу (т. е. Поль де-Кока) читает семинарист и все ее должны благоговейно слушать и принимать» (=повиноваться языческой нормировке брака). В. Р.

*** Да как *естественное*, если многие дети *убиваются*? Вдовому молодому священнику запрещен брак, почему же ему перестало быть «естественно» размножение?! То же – мужу, принявшему на себя вину при разводе и запрещенному к браку, – почему ему не «естественно» размножаться? Да мне кажется, когда у меня, у девицы, у вдовы *родился* ребенок, то это и значит, что ему было «естественно» родиться, а нам «естественно» – его зачать. Рачинский усиливается «естество» положить на прокрустово ложе и, обрубив ему ноги и голову, сказать: «Вот так, оно теперь по закону моему, Закону Божию, а обрубленные части просто дрянь, ненужное, *блуд*». Я же, мысля Бога Творцом «естества», говорю: «Не тронь благоутробия мира: оно все от Бога и по Богу, хотя не от тебя, аскет, и не по тебе, аскет». У Рачинского незаметно проходит *отрицание* Бога, как Творца-Промыслителя, и еще второе: «Да будем мы (аскеты, да к тому еще читающие Поль де-Кока) бози вам». Борьба около брака, в сущности, разыгрывается в борьбу подавленного монотеизма против «кумиров» земных, но очень властительных сейчас и опасных. В. Р.

Viola mirabilis, нежно окрашенными, сильно-душистыми цветами, совершенно бесплодными, потому что они лишены половых органов. Лишь гораздо позже, в июне, появятся невзрачные, невнимательному глазу совершенно незаметные цветочки без лепестков, которые принесут обильные семена*. То же явление, хотя и с меньшим постоянством, представляют и прочие душистые фиалки. Напрасно вы приписываете одним пестикам и тычинкам благоухание цветов: розовое масло добывается исключительно из лепестков махровых бесплодных роз, – в метафорах следует соблюдать осторожность.

Разумеется, все эти вещи, в царстве человеческом, возносятся в область сознания и свободы, и потому, наряду с высшими гармониями, производят немало какофоний, которые и отражаются в писаниях Толстого и ваших. На это роптать нечего. Но позволительно предпочитать сцену в келии Пушкина, эпилог второй части «Фауста», «Promessi sposi»** Манцони...

Страстную мы провели тревожно. Скончался наш отец Петр. Распутица, нездоровье священников соседних лишили нас нескольких церковных служб. Лишь к великому четвергу удалось мне добыть из Ржевского уезда прекрасного священника, который служил у нас до Пасхи включительно. Сильно мы озабочены тяжкою болезнью племянницы Толстой, и продолжает меня удручать университетский кошмар. Но встреча праздника в школе была, по обыкновению, светла и радостна (мальчиков в белых рубашках – 101).

Лутковский – здесь. Сегодня он заедет к нам на возвратном пути в Петербург. Очень он занят учреждением при своей прекрасной церкви второклассной женской школы, во главе коей желает стать о. Петр Синявский.

L

Татево, 30 апр. 1899.

Дорогой Василий Васильевич.

Умоляю вас, прекратите в ваших письмах ваши толки о поле, о церкви, и наших законах о браке. Разбирать, опровергать этот поток парадоксов и ругательств, не имеющих ни малейшей фактической подкладки***, кроме быва-

---

* Поразительный факт. Семя и плод, содержащие в себе *целый мир будущности* – некрасивы, безвидны. Так, народ гениального плодородия, евреи, *антипатичны* всем народам (= июньские цветы *Viola mirabilis*), а блистающие в истории европейцы близки к вырождению, да и никогда не были гениально-плодовиты. В. Р.

** «Обрученные» (ит.).

*** «Нет фактической подкладки»... А вдовы священники? Ведь *лишить* семьи человека, когда он *желает* ее, так же «священно» и «богоугодно», как *насилу* выдать в брак человека, не желающего в него вступать? Почему *отнять, не дать* – можно, *навязать* – нельзя? И вот, вдовый священник томится, запивает, начинает играть в карты, небрежничает службой, к мирянам невнимателен, ибо что ему их счастье, когда ему самому не дано счастья?! И все бы можно «*вести в русло*» (термин Рачинского), поправить, дать человеку воскреснуть, стоит только дать ему жену

ющих личных, и тогда заслуженных злосключений, – мне решительно некогда. Идут постройки, посадки. Начинаются экзамены. Ведь в вашу веру вы меня не обратите. Довольствуйтесь петербургскими дамами. Да и я вас переспорить не могу, ибо я не диалектик и могу сослаться только на действительность, которая для вас не существует*.

Красота и аромат бесполох цветов – факт действительно интересный по отношению к теории Дарвина. Но не вздумайте строить на нем новых философских фантазий. Вспомните, что в высшей степени красивы и душисты у бесчисленных растений и листья, и кора, и корни.

За что вы зарезали священника Петрова** чудовищным сопоставлением его посредственной книжицы с «Génie du christianisme»***! Этой после-

---

(вернуть «помощницу», подругу, по великому выражению Библии). Нет помощницы, не дают, не дали Рачинские IV–VII–X века, глас которых, «яко Божий», тверже Синая, Псалмопевца и пророков («и будете яко бози»). Почему это насилие не то же, как если бы я, человек другой правды, сказал: «Есть текст: *не хорошо быть человеку одному*, а потому потрудитесь, Сергей Александрович, к весне жениться, ко второй весне иметь ребеночка; в противном случае школа ваша будет закрыта, права на учение у вас отняты» (кассирована работа жизни, как у вдовых священников она кассируется, в случае женитьбы), – как Рачинский бы закричал: «Деспотизм! Русло испорчено, меня заставляют жениться, посягают на мои *личные*, сердечные чувства!». Между тем только привычка времен, закостенелое рабство мешает брачникам поднять точь-в-точь такие крики против аскетов: «Вы мешааетесь в дела нашего сердца, вы заглядываете туда, где ничего не понимаете, вы запрещаете, приказываете, о чем-то допрашиваете, за что-то наказываете: и как строго и страшно – до крови детей, до самоудавливания прекраснейших девушек, в случаях неповиновения вам. В. Р.

* Ну, вот! А разве вдовы священники «не действительность»?.. «Диалектика»... О, Боже, слова мои просты, как лепет младенца. Но какое в письме раздражение тона, а это-то и важно: 1000 лет так раздраженно отвечали брачникам аскеты на просьбу: «Владыки, посмотрите! Вникните!». Да еще я частный человек, друг Рачинского; что же и как отвечали рабам?! Грустно. Грустно потому, что идет к разрыву, и наша частая размолвка с Рачинским, пожалуй, есть маленький и ранний прообраз великого *разсоюзнения* семьи и церкви. Это как Лоту сказал Авраам: «Нам с тобою *тесно*; озри окрестность, и, если ты пойдешь *на север*, я – *на юг*, ты – *на восток*, то я – *на запад*». Союз (не натуральный и вредный) кончается. Дети, жены, стада и все «благоутробие мира собирается, поднимается с кормами, с молоком, с гамом, с суеютой, *со своими особыми молитвами* (главное! главное!), с новыми для себя законами, мечтами, воспоминаниями, – и по утренней росе, под утренней зарей, звеня колокольчиками, исходит из стана тысячелетнего, вдаль от аскетических молитв, надежд, воспоминаний. «Не поминай ты меня лихом, и я тебя лихом не вспомню». Это – логика, это – моральное требование; это – право и, наконец, «с нами Бог» могут воскликнуть семейные. В. Р.

** Автора книги: «Евангелие как основа жизни», человека нравственного, бедного, трудолюбивого. О ней я написал статью под заглавием: «Религия как *свет и радость*» (в противоположность *темному* аскетизму). Из раздражения Рачинского видно, до какой степени *светлые* лучи не проникают в сердце аскета и только производят в нем недоумение и боль. В. Р.

*** «Гений христианства» (*фр.*).

дней книги вы, конечно, не читали (переводы* в счет не идут). Но неужели вы не знаете, что этот поток страстной поэзии, этот апофеоз французской прозы – величайшее событие в истории французской литературы XIX века, широко отразившийся на всех литературах европейских? Рассуждения же о Петрова могут принести некоторую пользу столичным барыням** средней руки, о христианстве никогда не слыхавшим***, и поднимать их на смех не было никакой нужды. Остерегайтесь того разгильдяйства мысли и слова, в которое вы начинаете**** впадать. У вас есть талант. Не коверкайте его понапрасну. Поверьте, что говорит вам это человек, искренно желающий вам добра. Преданный вам*****

С. Рачинский.

LI

Татеево, 10 мая 1899.

Дорогой Василий Васильевич!

Благодарю вас за мирное***** письмо.

Странно выражаетесь вы о Шатобриане, будто он предпослал своим сочинениям автобиографию. «Mémoires d'outre-tombe»*****, как и показывает их заглавие, были изданы после его смерти, – полвека после его главных творений. Никакой симпатии к личному характеру Шатобриана я не питаю. Истерическая его религиозность мне не по душе. Но могучий его лиризм пробудил религиозные алкания во множестве душ, усыпленных рационалистическим дурманом XVIII века; он – великий художник, между прочим, в своих «Mémoires». Упоминаю об этом потому, что в столь же странные противоречия с фактами вы беспрестанно впадаете в ваших печатных писаниях.

---

* И переводов не читал. Шатобриан мне противен своим красноречием, филистерством и любовью к Атале, или, впрочем, Аталы к нему (как же бы он мог влюбиться, все в него влюблялись). В. Р.

** Да что эти «барыни» за прокаженные? Ну, и – слава Богу – пусть «пользуются» они пищей, кстати, выходящей теперь чуть не девятым изданием. В. Р.

*** Да почему «не слыхавшим»? Воистину, как прокаженные. Но я вспоминаю, что есть две молитвы: «Боже, благодарю Тебя, что я не таков, как иные прочие» и «Боже, буди милостив мне грешному». Все считают за христианскую вторую молитву, но Рачинский читает не ее. В. Р.

**** Статья моя о книжке о Петрова была, так сказать, пересыщена преднамеренностью и расчетом: ударить в *темноту* как центр аскетизма. В. Р.

***** С этого письма подпись изменяется: исчезает постоянное прежде: «Да хранит вас Бог»... В. Р.

***** Все вообще расхождение с С. А. Рачинским мне было чрезвычайно больно и болит до сих пор. Молодой, споря со старым, даже только не соглашаясь с ним, имеет вид грубости и неделикатности, и я чувствовал себя, точно в носороговой коже (жесткой, неудобной), в этом споре. Но что делать. В. Р.

***** «Мемуары с того света», «Замогильные записки» (фр.).

Поздравляю вас с тем, что в вас упразднен грех*. Я же смиренно с ним борюсь, ощущая в себе его присутствие**. Я не философ и не богослов, и притом полагаю, что эти вещи – дело внутреннего опыта, а не богословской

* Удивительную в отношении «греха» я пережил личную драму. Число «грехов» у себя, конечно, мы можем пересчитать почти арифметически, и вообще можем сказать: «Вот полоса грешной, особенно грешной жизни», «вот, когда было легче». Некогда (а пожалуй – с детства) я был переполнен ощущением своей личной греховности. Это удручает и, должно быть, *ослабляет* силы; тогда на почве этой слабленности («неврастения» сердца и воображения) является *действительный грех, факт греха*. Грехи (злые мысли, «похотливые» мысли, дурные поступки) при «покаянности настроения» растут, как грибы под дождем. Между прочим, меня особенно убивало то, что у аскетов зовется «нечистотой воображения», запачканностью души, – и оно было столь безотвязно, что, считая себя совершенно недостойным как бы взглянуть на Бога, я прекратил свой обычай, проходя или проезжая мимо церкви, взглядывать на нее и креститься. Так, понуря голову, как боящийся раб, я проходил мимо храмов, зная, что вот он слева, справа. Так тянулось долго, пока я стал выползать к свету. Случилось это от безысходности мрака. Чувствуя себя совершенно и со всех сторон измаранным, я парализовался в печали, перестал думать о том, «как сделаться лучше». И, должно быть, отдохнул в это время. Силы поднялись. «Ну, еще отдохну немножко, а потом буду думать о грехе». Но грех, к удивлению, не приходил. Воображение как бы очистилось, на сердце стало веселее, а как стало веселее, я стал добрее думать о людях; а как они стали мне казаться добрее и лучше, то и сделать им доброе тоже стало приятнее, и все дальше, все в горку, и, наконец, я добрался не то до догадки, не то до непосредственного ощущения: «Да ну его к ч...у грех, или нет его, или он пустой». Но поразительно, что все это преобразование совершилось в связи с теорией пола: он в нас *неустранимое* и вместе считается порнографичным, нечистым, специальным грехом («первородный грех», «первородный» именно в смысле неустранимости и вечности). Эта-то мысль и ударяет по силам. Истекает душа в бессильном борении. Рост внутренних сил пошел прямо гигантски с перемены зрения: «Пол – совершенно чист, и хоть буду я о нем думать, хоть и совершу что, – никакого греха». Тогда силы необыкновенно поднялись, и на бодрой, свежей поверхности души просто перестали расти ненужные грибы; а и вырастет, то я его съем и скажу «вкусно». Словом, цепкость и сплетение и причинность грехов («мамка за репку, бабка за мамку», как говорится в детской песенке) кончилась. Грех стал одиночен; идет, как солдат, а не как шеренга войска. Я съел грех, когда он прежде меня съедал. Конечно, все это не до корня, пеньки остались, но пеньки от леса – не то, что лес, из которого и неба не видно. Я увидел небо. А чувство Бога, не прекращаясь в постоянстве, стало радующим чувством, близким. «Бог – вот Он», и я из «раба Господня», вечно лукавого и трусливого, точно соделался (описываю психологию) любимым дитятею Его. Слова псалма: «Вы (все люди) наречетесь (почувствуете себя) сынами Божиими» стали мне в высшей степени понятны. *В. Р.*

** Есть мелкие грехи, напр., *тищеславие, скудность*. Их надо уметь *обходить*, как вода обходит камень, т. е. не останавливаясь перед ними. Не нужно иметь *пристрастия* к греху, даже и отрицательного (=вражды), и тогда не разовьется и положительное (=прилепленность к греху). Наши «грехи» суть менее страсти и более привычки; и вот, «привыкание»-то к ним, заплесневелость около греха и образуется от чрезмерного к ним внимания. «Легче живи» – этот совет есть то же, что «праведнее живи», но с указанием средства исполнить совет. *В. Р.*

диалектики. Полагаю, что упразднение греха Христом заключается в том, что Он дал нам средства его побороть*. И это – достаточный источник радости.

Вижу из газет, что вышла еще одна ваша книжка. Дай Бог ей успеха. Неужели ваш друг Перцов – автор чудовищного стихотворения**, приведенного «Новым Временем»?

Должен замолчать Я измучен экзаменами, и писем приходится отправлять массу.

ЛП

Татеево, 22 мая 1899.

Дорогой Василий Васильевич.

Помилосердитесь над самим собою! Что вы это напечатали о «числе зверином»? Ведь вы *знаете*, что число 666 в греческой нотации выражается тремя знаками, не одинаковыми, а разными. Не могло не дойти до вас, что число это разгадано давно. Это – сумма чисел, соответствующих буквам имени: *Neron Caesar**** (форма еврейская). В некоторых древних рукописях,

---

* Связь греха с искупительной жертвой Христа – поразительна и не разработана в подробностях, т. е. не разработана вовсе (ибо подробности-то и важнее в этой теме). «Мы искуплены смертью Христа» – вот аксиома христианства. – Т. е. *не имеем* на себе греха? Тогда зачем *покаяние* и усилия *праведно жить*? Аксиома при этом вопросе поправляется и изменяет свой язык: «Мы искуплены не от всего греха, а от первородного: *личный грех остался*». – Но ведь первородный грех на нас отражается смертью и болезнью, и мы все болеем и умираем после Р. Х., как и до Р. Х. Скорей уж искуплены мы от личного греха, чем от первородного. Тогда формула изменяется в 3-й раз и говорит: «Учением и жизнью Своею Христос дал нам посох в жизни. Им мы нащупываем дорогу и открываем истину». Рачинский здесь, в ответ на мои возражения, и употребляет эту 3-ю, чрезвычайно обыденную формулу, которая уже не принимает вовсе во внимание смерть и муки Христа (*его* мы «искуплены») и, кроме того, самый образец Его жизни и высоту учения, хотя возносит над жизнью праведных мудрецов, *однако не выводит из их категории*. В. Р.

** Это – совершенно другой, мне неизвестный автор. В. Р.

*** Всегда мне казалось забавным приурочение знаменитого «числа звериного» (в Апокалипсисе) к именам историческим. Иоанн Богослов говорит о конце *мира*, а не эпизоде истории, и в число это, очевидно, включил *идею* и *выразителя идеи*, а не какого-то пьяного цезаря или удачного генерала (Наполеон). Тут вообще «перелом эр», начало – в будущем – какой-то «апокалипсической эры», с чем связаны и слова: «Будет новая земля и новое небо» («небо» всегда = «божество», и потому выражение это знаменует: «Будут еще боги, еще откроется эра божественного, и обновится в третий и окончательный раз человек»). Так как, по утверждению аскетов, – а они обняли собой все христианство, – биологический принцип в «Сыне Божиим» не содержится (=Бог не физиологичен, а духовен, «Бог есть Дух»), то мне и представилось, не указал ли Иоанн Богослов в числе «666» именно на 6 дней творения, как биологический в религии момент, когда были созданы *твари*, да и Бог *творил*. Можно быть *выученным* до святости, видя *примеры*, читая *книги*; но можно быть *свято сотворенным, сотворенным в святости и святым*; это совсем другое дело. Тогда будет все не труд, а природа, все не от усилия, а само собой; все

имеющих в виду латинскую форму Negro, встречается число 616 ($n = 50$).
Справьтесь хоть у Ренана, у Reuss'a.

Да и можно ли всей этой кабалистике* придавать какое-либо серьезное значение? Уместна она только в талмуде, где она искренна, а не составляет декадентскую литературную забаву.

Впрочем, всякий спор с вами становится невозможным, благодаря систематической неточности ваших писаний, печатных и частных. Вы упрекаете меня за Шатобриана. Конечно, вы не назвали по имени «Mémoires d'outre-tombe». Но вы сослались на автобиографию писателя. Название же этой автобиографии именно – «Mémoires d'outre-tombe».

Неужели вы не можете писать обдуманнее и проще? Вы губите свой талант погонею за эксцентричностью мысли и выражения, преувеличением болезненной манеры Достоевского, который слишком сильно повлиял на вас, именно своими недостатками. Освежите себя чтением Пушкина.

Пишу вам все это, потому что дорожу вашим талантом. Мало ли, что приходит нам в голову, но не должно быть излито на бумагу. Мало ли, что мы пишем, но чего нам печатать не следует. Выбирайте между своими фантазиями, подчас исполненными смысла, подчас чудовищными. Не коверкайте прекрасного русского языка: он и без крикливых гипербол силен, разнообразен и без синтаксических натяжек.

будет по-шекспировски, а не как у Буало, но уже касательно не стихов, а бытия, жизни. И вот опять, может быть, в *Апокалипсисе* указано, что будет принесено на землю учение, показана земле тайна становится святым уже «от рождения», «невольню», «сама собой», «без усилия». Тогда, если примириться с учением Рачинского, что во Христе мы имеем *только* помощь примера и учения к добру, то «кто принесет огонь с небеси» (выражение *Апокалипсиса*), показав эту тайну, – тем самым дал бы больше учения, а значит, и начал бы новую эру, отодвинув в сторону прежнюю, как слабейшую. Этот переворот называя «апокалипсическим», я и истолковывал, не содержится ли разгадка самой тайны в числе «666». Но, конечно, все это гипотезы. В. Р.

* Но ведь Иоанн Богослов не «кабалистику» писал, а Откровение, но, как я упоминал выше, Рачинский считал Апокалипсис апокрифом. Вообще Рачинский не любил ничего запутанного и мистического. Во всем его странстве *Апокалипсис* нам, конечно, непонятен. Но с первых его строк врывается в христианство такая буря вдохновения, такие массивные образы заполняют весь небосклон, что уже при чтении его показывается «новое небо и земля новая». Некоторые места Апокалипсиса красотой и правдой, жгущей сердце, превосходят все воображимое. От этого церковь основательно во все времена придавала ему величайшее значение, не сомневалась в принадлежности его Иоанну Богослову, хотя смиренно признавала, что книга эта остается вовсе непонятною и ей самой, «за семью печатями». Но раз из пяти книг одна признается вовсе не понятою и непонятною, очевидно, в самой церкви не достает каких-то целых систем мышления, каких-то существенных исходных точек зрения, так сказать, «кантовских открытий» (берем пример и символ), на которые став, она вдруг разгадала бы и смысл Апокалипсиса. Это соображение в том отношении важно, что открывает возможность и необходимость бесконечного развития, бесконечных еще углублений и прозрений в самой церкви. В. Р.

Татеево, 13 июня [1899 г.,
неправильно датировано: 13 июня 1901 г.]

Дорогой Василий Васильевич.

Прекрасно вы делаете, складывая в татевский архив тот отдел ваших ореха отпиа, который вы предназначаете потомству. При получении каждого из ваших писем благодарю Бога за то, что оно будет храниться у меня, а не попадет, в виде фельетона, в «Новое Время»...

Благодарю вас за ваши любезные поздравления*. Получаю их много, всего более от собратьев по ремеслу, совершенно безвестных, но гораздо более меня достойных царской милости. С радостью вижу, что на всех их рескрипт произвел впечатление одобряющее.

Приехал в Корчежино Василий Осипович Лутковский, и очень занят имеющей возникнуть при прекрасной его церкви второклассною девичьею школою. Школа эта будет драгоценна, главным образом, для бедных девиц духовного звания и вместе с тем придаст смысл и жизнь самой церкви, в коей установится постоянная служба, с прекрасным пением. Жаль только, что сам Лутковский перестал быть постоянным сельским жителем**.

Церковные дела наши – в расстройстве. Скончался наш старый батюшка. Имеем в виду на его место молодого человека прекрасного, но он еще не успел жениться. Пока служат у нас красногородские иеромонахи.

Очень заинтересованы мы нашим новым архиереем. Ему только 41 год, и он – университетского образования. Больше о нем мы пока ничего не знаем.

Живописец мой пишет – вероятно, уже дописал – портрет Императрицы-матери. Государыня к нему удивительно добра. Между прочим, Она, тронутая его рассказами, сделала одному из моих учителей (Глуховскому) прекрасный подарок – фисгармонику. Это, в нашей жизни, произвело еще большую сенсацию, чем рескрипт.

---

* Высочайший рескрипт на имя С. А. Рачинского достойно наградил, отметил и выделил этого замечательного человека, который себе ничего не брал от народа, но ему все свое и всего себя отдал. Жизнь его вообще была благородна и прекрасна, хотя, может быть, в ней не было той «соотносительности роста» (с жизнью страны, потоком времен), какой в учении об организмах восхитил Рачинского среди открытий Дарвина. Рачинский есть человек XIX и вместе XVIII века, пожалуй, единственный и первый у нас пример синтеза ученого и праведника (скорей – благочестивца). Да будет мирен его загробный покой. В. Р.

** Церковь эта, замечательная по красоте, воздвигнута В. О. Лутковским в своем имении на том месте, где была несчастным образом убита его любимейшая и единственная дочь. Осенью, при закованной холодом кочковатой земле, она выехала в открытом экипаже с гувернанткой на прогулку: лошади чего-то испугались, бросились в сторону, экипаж сделал конвульсивный прыжок, а девочка, лет девяти, вылетев, ударилась с силой головой о ком мерзлой земли. Когда выбежавшие на крики людей отец и мать подняли любимое дитя, оно было уже трупом. Потрясенные родители на много лет ушли в скорбь, плодом которой была прекрасная церковь. И снова есть повод повторить о храмах: лучшие из них (по замыслу, по мотиву постройки) суть из скорбей семьи или из ее радостей. И так всегда да «буди, буди!» В. Р.

Татеево, 24 июня. 1899.

Дорогой Василий Васильевич.

Насчет ваших писем можете быть спокойны. Считаю их психологическим материалом весьма любопытным и для Барсуковых XX века драгоценным. Поэтому они все тщательно хранятся, с обозначением даты их отправления из Петербурга, по почтовым штемпелям (дату написания вы систематически скрываете). Все получаемые мною письма переплетаются в хронологическом порядке, и все сие (накопилось уже около ста томов) в свое время поступит в Публичную библиотеку.

О вашей литературной деятельности в последнее время, конечно, судить не могу. Доходит до меня лишь то, что появляется в «Новом Времени». Но вижу из объявлений, что вы, кроме того, пишете в журналах самых разнородных *de omni re scibili**. Что ж? Это – привилегия философов, которой, признаюсь, не завидую. В ней заключается великое искушение, особенно когда дело идет о писаниях журнальных и газетных...

О себе писать нечего, ибо, по недугам, бездействую. Только и хватает сил на обычную летнюю канитель с постройками, ремонтом, размещением учителей и т. д. К этому присоединяется забота о новом священнике, назначение коего замедляется сменой архиереев, историю с браком** и т. д. Пока слу-

* о многих разных делах (*лат.*).

** Как скачающе: «историю с браком». С бедными нашими семинаристами и академиком не церемонятся: «Посвящаться хочешь? Да ведь поп должен быть женат: выбирай невесту, а посвящение через 3 недели». И юноша идет по округе, «смотря невест». Вот уж вспомнишь некрасовский стих: «Нам с лица не воду пить»... Не корява? Глаза есть? Оба целы? Значит – баба, значит – жена. О любви не может быть помина при трех неделях выбора. Можно бы втемную выбирать, по жребию распределять невест: ведь было бы все равно. Но темнота будущей жизни не есть последнее здесь зло. Раз исключена любовь, вопрос может быть только о приданом. Не страшно ли, не грустно ли, что перед самым постригом в священство юный студент или академик делает единственное, что ему остается, – считает сундуки невесты, условливается о процентных бумагах с тестем, и, как посмеиваются знатоки, дело расходитя иногда из-за серебряных ложечек: дают две дюжины столовых и дюжину чайных, а кандидат и жених требует по три обоих сортов. На моих глазах случилось такое расхождение: жених, кончил семинарию, потребовал три тысячи; отец не дал; он поехал в академию и, кончив, спросил (у того же священника-тестя) пять тысяч. Отец дал. У другого моего знакомого священника было семь дочерей: ни одна не вышла замуж, ибо, при разделе хоть и хороших отцовских средств, каждой бы досталось мало приданого. Когда говорят: «У нас есть брак, мы брака не отрицаем», то *разумеют* фразеологию свою о браке, а не дело. А *дела*-то брака, т. е. его поэзии и философии, его художества и великих, благородных о нем законов и нет. Тогда я и говорю: «Да, он *есть*, но *есть лукаво*; он жесточайшим образом отрицается, ненавидится, но прикровенно, чтобы приемлющим брак не было страшно, не было странно: и эта ненависть к нему отражается фактически, ну, хоть в том, что все законы о нем – взятые не из Священного Писания нормы, а из *Corpus juris civilis* <гражданский юридический кодекс (*лат.*)> (языческого). «Любим» мы его фразеологически, а ненавидим фактически. Изредка лишь это скажется и словом, как эта строка Рачинского: «история с браком». Ведь для кандидата в

жат у нас переменные иеромонахи из Красногородки. Живописец мой не едет и не пишет, что приводит меня в недоумение.

Да хранит вас Бог. Сегодня у нас храмовый праздник, и пора идти в церковь.

LV

Татево, 27 дек. 1899.

Благодарю вас, любезный Василий Васильевич, за ваш милый подарок. Все ваши детки прелестны, и Василий Васильевич junior, несмотря на нежный свой возраст, уже разительно на вас похож.

Благодарю и за книжечку. Надеюсь, что эти сборники, кроме расширения вашей известности, приносят вам некоторую материальную выгоду.

Из новейших ваших писаний до меня доходит немного – то, что печатается в «Новом Времени». Да и вообще:

Не много слов доходит до меня....

Я так болен, что не только выезжать, но и выходить из дому не могу, а вы знаете, как мало людей добирается до Татева. Страдает от этого и корреспонденция, ибо отсюда мне писать нечего. Остаются материальные хлопоты о школах, затрудненные тем, что все приходится делать заглазно, чужими руками.

Был у нас на днях Лутковский. В Петербурге, поглощенный служебными делами, он все собирается и не соберется вас отыскать. Здесь он занят учреждением женской второклассной школы, которая придаст жизнь и смысл прелестной церкви, построенной им в Корчежине.

священство это *судьба всей жизни, счастливая доля, несчастная доля*. Ну, а что, если бы таковой обдерганный семинарист на слова Рачинского о школе, об обществе трезвости ответил: «Ах, эта история с церковно-приходскими школами и пьянством: некогда мне». Рачинский бы написал о таком батюшке архиерею. Но ведь тогда нужно всей России пожаловаться и за все духовенство, что их женят, как телят, как мужиков в крепостную пору помещики. Что, однако, у духовных в $\frac{1}{10}$ случаев браки выходят прекрасные, трогательные – об этом нет речи, но это принадлежит случаю, а не чести закона или установления. В $\frac{9}{10}$ браки духовенства тянутся уныло, несчастно, и «батюшка», не найдя счастья в личной жизни, становится сух и черств к мирянам, работает, как вол, и замыкается в счет денег: «Я взял за невестой и должен приготовить дочерям». Все это изменилось бы по мановению, если бы мы выкинули у себя *скрытый* (не откровенный) *целибат* (безбрачие духовенства) и, признав совместным священство и семью, дозволили священнику жениться в первые три года священства, т. е. осмотревшись и полюбя, или дозволили бы семинаристам и академикам в два последние года ученья жить жизнью не старообразно-замкнутою, а молодою и среди молодежи другого пола, дабы ознакомиться, взвесить и понять его, дабы «помощницу себе» найти в «ребре» своем (Богом предустановленная, «полюбившая» девушка), а не взять ее из ослиной валяющейся на дороге чельсти. Таким образом, именно в браке-то духовенства, который бы должен быть образцовым для всех, для страны, мы и имеем забытыми и пренебреженными все мудрые слова и оттенки выражения, в коих сказано первой чете закон брака («из ребра твоего», «вот это – кость от кости твоей», «и к мужу влечение твое», «он будет господином тебе»). Эти оттенки были бессознательно соблюдены в греческой семье, в римской, не говоря уже о еврейской. У нас – все растеряно. *В. Р.*

Бельская прогимназия (обратившаяся в гимназию) страдает от наплыва неудачников из других гимназий в 7-й класс. Потому инспектору (Эльмановичу) стоит большого труда переработка этого неудобного элемента.

Церковные школы в нашем уезде размножаются в мере, совершенно не соответствующей наличным средствам содержания. Тем не менее уровень их понемногу повышается.

P. S. Мысль ваша о присоединении к моей коллекции писем – фотографий мне нравится, и я ею воспользуюсь. Жаль только, что она неприложима к сотне томов, уже переплетенных.

LVI

Татеево, 31 июня 1901 г.

Благодарю вас, любезный Василий Васильевич, за участие ваше к моим недугам. Здоровьем моим я весьма мало озабочен, хотя оно ныне для моих школ стало *драгоценным*, вследствие пенсии, пожалованной мне Государем. Несмотря на это обстоятельство, считаю весьма мало интересным точный срок моей кончины, во всяком случае близкой. Уверен, что и после меня найдутся люди, которые лучше моего будут продолжать начатое мною скромное дело, найдутся и на то потребные скромные денежные средства...

Да хранит вас Бог.

Преданный вам

С. Рачинский.

Это было последнее ко мне письмо Сергея Александровича. Перечитав теперь их все, я не могу не считать счастливою стороною своей судьбы, опыта, научения, что некогда знал человека, столь превосходившего меня образованием, сведениями, разнообразием, тихими талантами, годами. Жалею, что далеко не извлек из этого знакомства и почти дружбы всей той наставительности, какую она могла иметь. Чрезмерная разница годов и способа воспитания мешала нашей интимности, мешала возможной живости общения. В конце концов, ланкастерский способ учения (от равных) останется вечным и преобладающим. Мы слушаем старших, почитаем их, а слушаемся себя или товарищей. Отсюда происходят наши пороки и недостатки; отсюда идет линия «блудного сына», который далеко отходит от отчего дома. Но конец все примиряет. Чувствую нравственный на себе долг принести как бы некоторое извинение тихому жителю Татеева, которого раздражал спорами. Его всегдашняя обо мне забота, его внимание посмертно возрастают в своей трогательности. Будем, однако, верить, что и Отчий Дом не имел бы лучшего в себе дня, вообще не имел бы в себе жизни, перемен, страха и ожиданий, если бы сыны Отца не были разнообразны как в характерах, так и в судьбе. Все, что было, верно, случилось по необходимости. Мусульманский фатализм и логика Гегеля в этом пункте не расходятся.

В. Розанов

ПИСЬМА В. В. РОЗАНОВА
к С. А. РАЧИНСКОМУ

1

[Середина января 1892 г.]

Глубокоуважаемый Сергей Александрович!

Прежде всего прошу Вас извинить меня, что так поздно благодарю Вас за присылку «Сельской школь»; причина этого лежит в том, что она была передана мне во время сборов к поездке домой на каникулы, и только теперь, вернувшись к своим обычным занятиям, я получил возможность выполнить свой долг.

Давно, будучи еще в университете, я прочел впервые, в аксаковской «Руси», одну из Ваших заметок о нашей народной школе; и с тех пор, время от времени, не переставал думать о Вашем деле и той неизмеримой области труда и надежд, уголок которой оно открывает собою. Здесь – восстановление, нормальное развитие громадной исторической народности, по моему убеждению – последней в истории. Буду искренен и правдив с Вами: сам я – дурной педагог, у меня нет той объективности, чуткости к окружающему и близости с ним, без которых невозможна плодотворная педагогическая деятельность. Все, что могу я – это видеть, что совершают другие, и очень глубоко любить или глубоко же ненавидеть это совершаемое.

Я знаю (из одной брошюрки о пьянстве), Вы очень не любите печатного слова, и вот – действуете через него. Мне также всегда казалось нечто развращающее в том психическом процессе, который неотделим от писательства: пока пишешь дома на бумаге, все чисто и ясно в душе; но меня всегда охватывало чувство неудержимой грусти, когда впервые это написанное мне приносили откуда-то с почты и я видел напечатанным. Точно что-то дорогое, внутреннее – затаскано по площади грязными ногами, и я сам – виновник этого. Это обнажение души своей перед всеми, перед неизвестными людьми – что-то нецеломудренное, бесстыдное, совершаемое над самой дорогой частью собственного существа. Так я всегда чувствовал, и от этого так бросилось мне в глаза Ваше замечание: «Я был рад, что прибегнул к до-гутенберговскому способу передачи мысли».

С завистью читал я у Вас, как учили и учились во времена Бандинелли. Несколько раз перечел это место, и горько, горько стало за наше время, за людей нашего времени, и не только юных, но и взрослых. Истинной сладости учения они уже не знают. Дурны мы, грязны и ограничены сердцем и умом; но, быть может, еще гораздо более мы несчастны.

По поводу и книги Вашей, и всей Вашей деятельности, очень много приходит мыслей в голову; главная: дело ли государства воспитывать и обучать? Для его грубости, неизбежного формализма, для его слепоты к индивидуальному – доступен ли мир индивидуального, с которым исключительно имеет дело воспитание и образование? И далее, чувствуете ли Вы сами, что с историей внутреннего своего развития, которое привело и замкнуло Вас в Татево, Вы стоите совершенно вне государства, что, напротив, Вы как сын церкви приходите в государство и требуете от него того, что оно никогда не сможет сделать?

И много, много других подобных мыслей приходит мне на ум, когда думаю о Вас и Вашем *положении* среди всей сложности начал, из коих слагается история и цивилизация. Вам глубоко преданный

В. Розанов.

2

[Ок. 20 апреля 1892 г.]

Глубокоуважаемый Сергей Александрович!

Ваше внимание к трудам моим и радует меня, и успокаивает: а мне все кажется, литературная деятельность чем-то до такой степени далеким от личного существования, так мало связанным с чьими-нибудь реальными интересами и нуждами, что когда пишешь, всегда невольно думаешь: к чему это. *Причина* для писания есть: хочется выразить то, что пережил, передумал; *цель* его – очень неясна, жить им – я думаю, мог бы человек лишь с очень узким кругом душевных потребностей. Изредка дойдет знак, что как будто и есть кто, кому это интересно; но, однако, и этот интерес в чужой душе представляется минутным, случайным, вовсе не необходимым. Не знаю, как с этим ощущением справляются другие пишущие, но я всякий раз, как разрезаю страницы своей статьи в журнале, и особенно когда в них высказалось что-нибудь заветное, думаю о подобном высказывании через печать как о какой-то профанации своей души, вовсе не необходимой ввиду смутности целей, для которых это делается.

Но Бог с ними, с этими беспокойными соображениями. Кто знает, правы ли они в конечном анализе, а из нас каждый должен делать то дело, какое ему Бог велел. Писанье – трудное дело, для нас неясное, мучительное; и, однако, если есть к нему такая непреодолимая потребность – нужно делать это дело, оставляя Богу выбросить его или поместить в планы Своего строительства нашей жизни.

Письмо Ваше в той части его, которая касается намерений Т. И. Филиппова, – меня удивило. Действительно, учительская судьба меня тяготит – не

по чему-нибудь в ней самой содержащемся, но по моему неумению ее выполнять, о чем я уже писал Вам и ранее. Невыполненный или дурно выполненный долг, и это ежедневно, и в отношении к детям, которых не любить не можешь – это кладет на душу страшную тяжесть. Вы пишете, что я слишком пессимист: в причинах этого есть много личного, и давно, давно бы мне пора светло поднять глаза вверх и твердо посмотреть на все окружающее. Ни этой твердости, ни этого света нет во мне уже многие годы; а между тем жить без него Вы можете понять как трудно.

Года три назад я ездил в Петербург и от Н. Н. Страхова и Л. Н. Майкова старался разузнать, нельзя ли поступить на службу в петербургскую Публичную библиотеку, но они сказали мне оба, что там служат года по 3 бесплатно, дожидаясь вакансии. Потом я спрашивал об этом В. И. Герье, но ответил мне, что для должности главного библиотекаря (в Университете) я не знаю языков, а помощник библиотекаря получает слишком малое вознаграждение. Так мои попытки оставить учительство и остались безуспешными. Я знаю, что тысячи людей могли бы выполнить то дело, какое я выполняю около детей, лучше и плодотворнее моего; и есть разнообразные дела, которые я мог бы выполнить с вниманием и страстью даже, каких дай Бог другому. Это так; но вот механизм государственный, который, громыхая и дымясь, движется вперед громадной своей массой, каждый штифтик свой несет вперед, конечно, без всякого внимания к тому, туда ли он попал, куда следует, – перетирая его, но перетираясь и само около него, когда он «не туда попал». Роль такого маленького, перетираемого и перетирающего штифтика выпала на долю и мне – к моему несчастью и к маленькому вреду, конечно, и для самого государства.

Кто бы ни подал мне руку помощи, я буду благодарен ему глубоко, бесконечно; к сожалению, слишком бескорыстных людей теперь так мало, что чужая судьба или маленький вред государству чье же внимание может остановить? Так привык я думать, и если приходится мне делать дурно хорошее дело, Бог не вменит мне это в непрощаемый грех, зная, как мучаюсь я этим и бессилён что-либо тут сделать. Так он меня устроил, и что я могу тут сделать, когда еще будучи гимназистом вместо того, чтобы внимательно слушать уроки учителя – я обдумывал способы давать урок, способы избирать людей на это дело, и еще Бог знает что, все общее и общее, – а вызванный внезапно к доске, совершенно недоумевал, о чем меня спрашивают и что тут делается в классе. Это горе, это несчастье – просто мозг, обращенный не туда, куда ему нужно бы ежеминутно смотреть.

Но не буду говорить об этом – для меня это слишком тяжело: выйдите Вы из класса, оставив мне его – я буду смотреть на детей, любить их, буду объяснять им и говорить вещи – увы, для них совершенно непонятные и чуждые, и совершенно бесплодны будут мои попытки сказать что-либо, не мне интересное, а *им нужное*. А между тем понять Вашу мысль, которую Вы влагаете в дело, оценить мимолетное Ваше замечание об этом самом деле, которого выполнить я не умею – я могу с чрезвычайною ясностью и полнотой. Скажу

более: совершенно независимо от моего желания, Ваше замечание будет жить во мне, пустит тысячи новых ростков, развитие которых я, безусловно, бессилён остановить. Ваш Горбов в «Русском Обозрении» написал 2–3 страницы о ненужности у нас анализа при обучении, и о том, что это германскими особенностями вызван факт, что у них и таблицу умножения разлагают перед учениками, объясняя ее состав. Прошло 2 года, должно быть, а мысль эта в ее глубокой верности и до сей поры тревожит меня. Я попал на нужное слово: именно вечная встревоженность своими разнообразными мыслями живет во мне, и за нею я так же не способен выполнять какое-нибудь практическое дело, как всякий не способен выполнять его ввиду грозящей опасности, ожидания встречи с очень дорогим человеком и т. д.

Я объяснил Вам мою душу; как тяжело мне – Вы можете без труда понять, будучи сам увлечены одной определенной идеей, вне которой жизнь Вам была бы тягостна, чужда, быть может, бесплодна для других. Покоряться и терпеть – это наше дело; снимать бремя с наших плеч – это дело Божие, за Волей Которого мы должны идти слепо.

С искренним расположением остаюсь

В. Розанов.

3

Глубокоуважаемый Сергей Александрович!

Я был у Вас и, к сожалению, не застал; а между тем мне нужно бы поговорить с Вами, поэтому будьте столь добры, прошу Вас, как найдете минуту свободную, прикажите служителю гостиницы известить меня – по адресу, который он знает.

С глубоким уважением остаюсь

*В. Розанов.
5 мая 1892 г.*

4

[Конец мая – начало июня 1892 г.]

Глубокоуважаемый Сергей Александрович!

Одновременно с этим письмом я посылаю письмо и брату с просьбою посоветовать мне то или иное, но и до его ответа могу сказать, что незачем, кажется, мне лично вмешиваться в то, как Вы решите мою судьбу. Думаю, что без подобного личного моего участия Вы все разрешите лучше; мне же достаточно знания Вашего нравственного характера, чтобы всецело и окончательно на Вас положиться. Разумеется, невозможное есть для каждого, и несколько, даже в тайниках души своей, если Вам и несмотря на все желание, не удастся что-либо сделать; но, думаю, скорее удастся. Видеться же с Тертием Ивановичем, я думаю, будет лишнее, и, быть может, даже не безопасное по пассивности моего характера, неспособности ясно и отчетливо выразить

отказ (это между нами). В силу этой пассивности (при очень ясном сознании, чтт нужно и чего не нужно) я боюсь стать в ложное положение, тягостное и одновременно такое, из которого не найдешь путей выйти. Ваш же характер, известный мне и теперь, и прежде, дает мне совершенную уверенность, что ничего подобного не произойдет, раз все будет только в Ваших руках.

В самых общих чертах, и лишь чтобы облегчить Ваши затруднения, я позволю сказать свои пожелания, к сожалению, не «благочестивые»:

1) хотелось бы служить где-нибудь в Москве, Петербурге, Киеве, Одессе или другом университетском городе (напр. в Ярославле, но не в Дерпте и не в Варшаве); если нельзя – где-нибудь в губернском городе (за исключением Нижнего Новгорода, по особым обстоятельствам);

2) чтобы служба не занимала времени более полудня, т. е. сколько занимает гимназическая (9 утра – 2 пополудни);

3) чтобы она не давала содержания менее, чем теперь я получаю, т. е. 1500–1600 р. во всяком городе, и около 2200 в СПб;

4) по ведомству не министерства народного просвещения было бы лучше, чем по ведомству народного просвещения; в этом последнем – лучше в положении наблюдателя-руководителя, нежели собственно преподавателя.

Думаю, что *хорошо* бы мог выполнить всякого рода редакторскую деятельность – судя по тому, что читая или слушая в Педагогических советах разного рода распоряжения, предписания, правила и т. п., всегда и моментально чувствовал ужасающую неловкость, запутанность, темноту, неточность формы, в коей эти распоряжения выражались. Может быть, при Св. Синоде есть какая-нибудь должность соответствующего значения. Думаю, что недурно могу я рассматривать людей, их преданность делу или равнодушные, их нравственный характер, – и при общей даже страстности моей к делу народного образования, или к чему другому, и при добром и мягком отношении к людям, к чему склонен – в этой роли наблюдателя и поощрителя мог бы быть не бесполезен. Участие в редактировании, напр., «Правительственного Вестника» (им заведует Случевский, – вот – ему бы в помощники), должность цензора – все это, я думаю, шло бы. Вы еще говорили мне о должности директора гимназии: по моему складу характера в какие-либо начальники над людьми, одинаковыми со мной, и с ответственностью за качество и дух начальствования – я не могу: погублю себя по службе, измучаюсь, и других без пользы приведу только в замешательство, недоумение. Гораздо способнее я быть директором народных училищ, где я неизмеримо больше свободен, и в силу этой именно свободы мог бы быть более одушевлен, и одушевлять других. Это мне представляется хорошей должностью, – и важно, что тут еще сохраняется право полувыслуженной мною пенсии. Нужно только посоветоваться с братом, у которого близкий товарищ Овсянников исполняет эту должность.

Мне немножко стыдно писать Вам о таких делах; Бог бы дал устроить это, и помину о них больше не было бы. Только верьте, что если и ничего не

устроится, то, видя Вашу сердечную заботу – никогда ее не забуду. Исход дел – от Бога, а мы ответственны лишь за пожелания и на них же должны быть основаны все душевные отношения между людьми.

Перед отъездом из Белого в Елец, около 5 июня, на родину жены, мне хотелось бы побывать у Вас в Татеве, и кой-чем запастись от Вас на память. Я вот не могу жить иначе, как переносясь в самое далекое будущее, и всё меня страшит в этом будущем страшная одинокость и пустыньность вокруг, и хочется забрать туда из настоящего хоть что-нибудь подкрепляющее, как память. Мечтается спросить у Вас фотографию, и Евангелие, какие Вы даете своим питомцам – с надписью от Вас. Кто знает, когда и как еще придется свидеться.

С искренним уважением остаюсь *В. Розанов*.

По получении от брата ответа, еще раз и уже окончательно напишу Вам все. Еще и еще раз стыдно, что столько я Вас утраждаю.

5

[Конец июля 1892 г., Елец]

Глубокоуважаемый и дорогой Сергей Александрович!

Простите, что снова решаюсь беспокоить Вас вопросом практическим и не из круга Ваших интересов; без некоторой настоятельной необходимости не решился бы этого сделать. Необходимость эта состоит в следующем: возвращаясь в Белый к 7-му августа, я не знаю, насколько продолжительно будет мое там пребывание, и в зависимости от этого не знаю, брать ли мне с собою дочь и жену, а главное – мать ее, женщину 64-х лет, которая поедет на этот раз к дочери, так как последней в октябре месяце предстоит разрешиться от бремени. В случае, если мое пребывание в Белом может продолжиться *не дольше конца августа*, их, конечно, брать не следует – они прямо и отдельно приедут в Петербург. В противном случае их теперь же нужно будет брать в Белый; но доехав до Белого на лошадях, и на них же везти до Ржева, и в осеннюю грязь – мне их жаль, да и просто тогда они заболеют дорогой. Поэтому, *насколько это в пределах Вашего предвидения*, будьте добры, дайте до отъезда моего отсюда совет или указание, как было бы удобнее мне поступить в этом отношении.

Чем более я думаю о возможности непосредственно служить при К. П. Победоносцеве, тем более радуюсь, если она осуществится. Никогда мне не случалось наблюдать государственных людей, а администратор и государственный человек, хотя трудятся и в одной сфере, но по вложенному в них смыслу почти противоположны. Можно и увидеть, и испытать много интересного. Ничего лучшего я бы не желал, поэтому; т. е. ничего, что, дороже оплачиваясь, было бы менее интересно. Сверх того, после некоторых ошибок от неумелости на первых порах, рисуется и надежда сделать со временем что-нибудь хорошо и существенно-ценное; но это – в руках Божиих.

После незначительной работы, о которой меня просил давно Берг, принялся я за статью о воспитании, на которой будет ли благословение Божие — не знаю. Маленькие собственные недомогания и слухи о холере волнуют атмосферу вне и настроение внутри, а начал я ее с большими ожиданиями. Думаю, что будет она пропущена, ибо по существу наше общественное воспитание и его принципы суть местное повторение европейских, и поэтому нет нужды что-либо говорить непременно о наших болезнях. Удивительно: все коренные принципы мне представляются так ярко ложными; но не знаю, я ли грубо и наивно заблуждаюсь в простом и ясном деле, или оно в самом деле невероятно запутано и искажено сверху. Но обо всем этом Вам удобнее будет прочесть в связной статье, нежели в кратком и разбросанном письме.

Прошу Вас передать уважаемой Варваре Александровне мой глубокий поклон; Вам и всем татевским желаю доброго здоровья, — а душевным спокойствием Вы, кажется, и так все пользуетесь.

В искреннем уважении остаюсь

В. Розанов.

Если Вас не затруднит, будьте добры, напишите мне так, чтобы я мог получить письмо Ваше до 1-го августа. Адрес мой:

В г. Елец, Орловской губ., против церкви Введения, д. Рудневой. В. В. Р-ву.

6

18 авг. 1892

Многоуважаемый Сергей Александрович! Посылаю Вам, согласно условию, свой *sigillum vitae** [*зачеркнуто*: краткий, какой только могу написать].

Основываясь на словах письма Победоносцева, переданных Вами мне в письме еще в Елец: «Мест наличествующих и денег лишних (т. е. при Синоде) нет», я решусь передать Вам мою мысль, с некоторого времени меня занимающую. В Москве, прохаживаясь там и здесь (напр., около Страстного монастыря), я читал, в особых рамах за стеклом, краткие религиозные наставления или жития святых, выставленные для чтения проходящих, припоминаю из газет, что это — мысль Победоносцева. Итак, одною из добрых мер он считает останавливать время от времени мысль каждого на религиозных текстах; считает это влиятельным даже тогда, когда это — мысль праздно гуляющего, т. е. почва для зерна несколько каменистая. Не так давно, в видах, что у меня в октябре родится ребенок и будет крещен, я достал требник, и, кстати, уже прочел там «последование» и всех таинств. При крещении, напр., есть молитва, перед совершением таинства священником читаемая *втайне*, высокого смысла; также весь текст венчания — прекрасен, трогателен. Думаю, что готовясь только стать отцом, я читал о таинстве крещения внимательно и с большим волнением, нежели сделал бы то же в другое время и при других обстоятельствах. И вот мне пришла мысль: отчего при крещении (и также

---

* краткие сведения о жизни (*лат.*).

венчании, думаю) не давать родителям младенца лист, где сверж слов: такого-то числа сын или дочь тех-то крещена там-то и таким-то священником, восприемниками были те-то, помещен был бы и весь текст таинства, который может быть помещен на листе. Поверьте, Сергей Александрович, что каждый отец и мать прочтут этот текст с волнением и смыслом, – даже самый неверующий; и даже неверующий кое-что поймет из христианства *в этот миг*, а поняв, и не скажет о христианстве слов, какие обычно говорят у нас о нем неверующие. Не говорю о людях, уже заранее смирившихся перед христианством или всегда понимавших его как должно; но я хочу сказать, что *всякая почва* будет разрыхлена и смягчена для доброго семени в эти минуты.

Вот мысль, выполнение которой я охотно взял бы на себя, и которая могла бы быть осуществлена при Синоде и от Синода; т. е. при нем могли бы быть составляемы тексты и пересылаемы по всем церквам – для вручения (желающим или всем) родителям, брачующимся. Если бы Победоносцев одобрил это, и дозволил мне войти к нему об этом с докладною запиской, я пришел бы в Синод не *ex abrupto**, не есть чужой хлеб. По правде, эта мысль мне противна и даже несколько унижительна (к последнему, впрочем, я не слишком чувствителен). Но церковь (не знаю, в синодальных ли формах), но религию я очень люблю; не скрою от Вас, что я из смирившихся, т. е. было время (приблизительно до 2-го курса Университета), когда я вовсе не был таков. Итак, ее оживление, всякое добро для нее есть мой личный интерес, личная потребность. Конечно, если Победоносцев с «кучею проектов пошлет меня в Москву для переговоров о них с учебным ведомством» (как Шемякина, о чем я с любопытством прочел в письме Горбова из Вашего сборника писем), я ему только невообразимо напутаю, т. е. при начале же переговоров раздражусь, никого и ни к чему не склоню, и буду возвращаться к Победоносцеву – со страхом к нему, отвращением к людям, с коими вел переговоры и так же в своей деятельности. Итак, деловитости у меня никакой нет, по крайней мере – в отношениях с людьми, где я волнуюсь, раздражаюсь или увлекаюсь, забываю нужное и говорю лишнее – это всегда было, это подлинная моя натура и мое *практическое* несчастье. Все, что есть у меня – это голова вечно деятельная, любовь (но не принуждение себя) к труду неустанная; думаю, есть некоторая изобретательность в мыслях и даже в практических способах, какими *другой* мог бы достичь тех или иных целей; к этому, как сказал уже я, есть любовь к церкви и к религии; есть, если хотите, тайная жажда придать церковный характер течению всех дел на нашем Востоке, т. е. прежде всего образованию, а затем и в тесном смысле политике; но это Вы можете косвенно вывести из моих писаний.

Непрерывного желанья служить при Синоде у меня нет; правда, занимаемая мною должность мне не нравится, по отсутствию (бедственному) любви и интереса во мне к частному, индивидуальному; написать любую главу в книге «О понимании» мне было *легче*, чем обучить десяток мальчиков рекам Европы; ничего нет для меня интересного в этих реках, вовсе не убежден

---

* внезапно (*лат.*).

я в том, что сыну такого-то лавочника непременно нужно знать эти реки. Но делал же я это 10 лет, и десять лет мне приходилось испытывать столь трудные вещи, переживать такие состояния, сравнительно с которыми моя жизнь в Белом есть радостный, счастливый отдых.

Более всего меня теперь занимает статья о воспитании, и все подумываю о Вас, когда пишу ее, Вы первый живой, конкретный читатель, какого себе представляю, и перед судом коего заранее смущаюсь. Но что бы то ни было, пишу чистосердечно, в меру своего разума. Как художник – думаю, Вы поймете меня, т. е. смотря на мои мысли, как садовник смотрит на лес, скажете: «Все это так, растет правильно, хорошо»; как человек практики и муж все-таки государственных соображений, верно, подумаете: «Это все не так, тут многое мешает пройти, это надо вырубить, тут вырвать с корнем».

Я действительно получил от Александрова предложение сотрудничать, и он, верно, примет мою маленькую работку, ранее его смены Цертелева посланную в «Рус. Обзор.» – Вам искренне преданный

В. Розанов.

Будьте добры, передайте Победоносцеву о первой половине моего письма. Я хотел писать ему *curriculum vitae* – но как в мои годы писать это для человека незнакомого? И вот я написал вроде *curriculum vitae* – Вам, коего знаю и могу Вам довериться.

Думаю (по двум выдержкам из писем), что Победоносцев – человек несколько нерешительный; нерешительный именно в практических делах, в море которых он все боится запутаться или запнуться именно как человек слишком большого теоретического развития (т. е. как бывший *хороший* профессор). От этого его тяготит мысль: «Ну, что я стану делать с этим учителем гимназии, который все пишет и пишет, а дел никаких не умеет». Мысль правильная, и она была бы очень тягостна, если б история не учила нас, что, *в конце концов*, именно из мыслей текут дела, и практические Санчо-Пансо все-таки следуют за несколько сумасшедшими – вечно ушибающимися Дон-Кихотами. Впрочем, предложенная мною выше мысль, кажется, имеет и практические достоинства. Если я и не буду служить при Победоносцеве, он с пользой мог бы осуществить ее.

Лутковский за лето до того наболтал здесь о моем чуть не прокурорстве в Синоде, что я не могу выйти из дому без крайне неприятных встреч, засматриваний и косвенных намеков. Вот уж нескромность, не соответствующая его положению.

Воспоминания увлекли меня, и я написал *curriculum vitae* иначе, чем думал вчера, когда писал Вам письмо; быть может, там и есть что личное, но уж пусть лучше Победоносцев знает, что ему делать или не делать с таким-то определенным человеком. По правде, составляя его, я почти забыл о нем; до такой степени, в сущности, каждому дорого его прошлое. – 19 авг. –

Многоуважаемый Сергей Александрович!

Во Ржев я не поеду; так как только вчера отослал Вам длинное письмо, то писать пока нечего. Преданный Вам

*В. Розанов.
Пятница, 21 авг., 92 г.*

[Середина октября 1892 г.]

Многоуважаемый и дорогой Сергей Александрович!

Услышал я здесь о Вашем падении и что Вы больно разбились, и хотя Вам теперь не до писем, но захотелось мне написать Вам несколько строк. Очень Вы мало бережете себя, и дела нашей маленькой республики пусть бы хоть иногда обходились без трудного для Вас участия в них. Хоть силы Ваши и слабы, и лета преклонны, и трудно делать вид, что ждешь от Вас славных трудов, — но копаясь в Татево, Вы бы много еще могли сказать интересного, хотя бы в самых мимолетных замыслах, хотя бы вовсе не обрабатываемых, напр., даже о музыке, живописи, и о всем, что как в полуарсенале, полуархиве бережется в Вашей душе. Но даже и не это, а просто то, что Вы живы и на все еще смотрите и все оцениваете в душе своей — важно для неопределенно-го множества лиц, Вам вовсе не известных.

Я, пока, жду прибавления семейства и думаю, жизнь моя после этого будет еще уютнее, чем теперь. Дай Вам Бог как можно скорее поправиться, а о сбережении себя Вы уже подумать должны сами. Вам преданный

В. Розанов.

Я Вас еще не благодарил за Ваши заботы о моей судьбе, но Вы, верно, и без слов знали, что благодарность моя горяча. Бог не дал Вам своей семьи и, верно, от того Вы бессознательно образуете вокруг себя духовную семью и так любите заботиться о ней. Дай Вам Бог за это всего доброго и хорошего.

[Получено 15 марта 1893 г.]

Глубокоуважаемый Сергей Александрович!

Я решил принять место чиновника особых поручений при Тертии Ивановиче Филиппове, которое он мне предложил тотчас, как я к нему обратился с просьбою помочь мне выйти из настоящего моего положения. Дальше продолжать свою теперешнюю недеятельность мне показалось неудобно; а после письма Вашего последнего я стал опасаться, что мое настоящее положение никогда не изменится или затянется неопределенно долго, что для меня, при отсутствии какого-либо призвания к учительству, было бы истин-

ным ужасом. Эта тревога за свое будущее и принудила меня сделать решительный шаг к перемене моей судьбы теперь же. Служба же при Константине Петровиче при сознании, что я ему, в сущности, не нужен и он меня взял лишь из уважения к Вам как к своему личному другу, отравляла бы мне каждый день и каждую ночь. Уверен, что вдумавшись внутри себя в сказанное мною, Вы поймете правоту моих слов, и психическую невозможность такой службы для всякого человека сколько-нибудь впечатлительного.

Проститься с Вами я приеду, как только получу бумагу о своем назначении, что жду со дня на день. Преданный Вам

В. Розанов.

Очень может быть, что еще до назначения я соберусь к Вам – в субботу или воскресенье.

10

[Конец марта 1893 г.]

Глубокоуважаемый и дорогой Сергей Александрович!

Забыл я у Вас в спальняй комнате, наверну, на столике, стоявшем около кровати, две связки ключей на двух стальных кольцах, одна побольше, другая поменьше (ключа 4). Будьте столь добры, если они замечены были в свое время, т. е. вскоре по моем уезде из Татева, и вообще не затеряны, передайте их А. П. Маркову, которого одновременно с сим прошу передать их Соболеву. Прошу передать мой поклон всем татевским друзьям. Ваш искренне

В. Розанов.

11

[20 апреля 1893 г.]

Дорогой и уважаемый Сергей Александрович!

Не подумайте, что я *забыл* написать Вам по приезде сюда, но пока писать было и не о чем, и совершенно невозможно за тысячьо дел самонужнейших. И теперь пишу Вам на страницах громадной бумаги «О порядке ликвидации железнодорожного общества», над коей сижу, не прибывая гардин к окнам и не расставляя книг, сваленных в углу квартиры, по полкам. Начну с начала: после того, как был в Татеве, 2 недели я просидел в Вязьме, не получая отпуска от попечителя округа и не имея возможности, в качестве беспаспортного, выехать в Петербург; затем, приехав в Петерб., неделю дожидался, когда будет готов вицмундир, чтобы явиться к Т. Ив., и, наконец, явился в понедельник лишь на прошлой неделе (а сегодня вторник 20-го числа); очень величественен; затем для выучки контрольному делу он вручил меня одному доверенному чиновнику Контроля А. В. Васильеву, только что произведенному в генерал-контролеры (начальник департамента железнодорожной отчетнос-

ти); он поручил мне разобрать сперва одно дело: именно способ погашения железнодорожными обществами долгов их казне по уплатам гарантий по акциям, а когда я его окончил на прошлой неделе, то вручил мне серию бумаг – о порядке ликвидации железнодорожных обществ – это страниц 400 в лист законопроектов, правил, журналов заседаний комиссий, особых мнений etc.; не особенно ароматная литература, хотя, соглашаюсь, полезная и необходимая для государства. Железные дороги воруют у общества и государства миллионы; найти способ спасти хоть тысячи – вот задача. Только странен я в роли такого спасителя, даже и предполагаемого.

Но пожив, увидим, быть может, и лучшие дни. Квартуру я нашел на Петербургской Стороне, довольно миленькую, цена с дровами 37 р., а главное – в первом этаже, и, следовательно, не буду задыхаться, подымаясь по чудовищным петербургским улицам [sic]. Все здесь удобно; Нева чудно хороша; небо слезоточиво. С какой радостью засел бы я за продолжение своих афоризмов об образовании – но сижу над ликвидациями. Берг говорил мне, что против моей статьи об образовании, правда, возмутились в министерстве, особенно ругался Любимов. Окончание ее будет в мае. – –

Кланяйтесь всем татевским друзьям; попросите Николая Петровича прислать мне (заложив в картон, чтобы не перегнули) копию с моей физиогномии, кою он изобразил в Татеве, и еще раз поблагодарите его за труд. Дай Вам Бог всего хорошего.

Искренне Вам преданный

В. Розанов.

Адрес (*пожалуйста*, пишите):

В С.-Петербург, Петербургская сторона, Павловская улица, д. № 2, кв. № 1. См. на обороте.

Чувствую, что я неисправимый провинциал; все думаю о пустынных кривых улицах, о тесном кружке маленьких людей за фыркающим самоваром, о непринужденном смехе, забавных воспоминаниях и анекдотах. Верно, Бог так меня устроил, что все больше заставляет меня тесниться в сторону, и лишь в среду обыкновенного и серенького я вхожу с раскрытою душою и, кажется, заставляю и других распахиваться наружу. –

12

13 мая [1893 г.]

Очень грустно было мне, дорогой и многоуважаемый Сергей Александрович, прочесть о Вашем нездоровьи, и я хотел сейчас же писать Вам, но подоспели неотложимые дела, и вот я пишу теперь только. Берегите себя, и *не утомляйте* очень *никаким* делом, хотя бы это и было даже очень важно. Довольно сделали, а теперь ничего важнее не можете сделать, как только жить, т. е. дать тысячам людей помнить, что на Руси есть человек, который за всем блюдет, на все смотрит – с таким именно сердцем и умом. Вовсе не дела одни наши важны; я даже думаю, что это второстепенное: важнее всего са-

тому быть тем, а не иным. Самое важное, что мы совершаем своей жизнью – то, чего никто не узнает и о чем мы сами не догадываемся.

Ждал и не дождался портрета своего, рисованного Ник. Петровичем; попейте ему и напомните; я никогда не имел своего портрета с *выражением*, а он выражение-то и схватил; подумайте, как это дорого и как мне хочется это иметь.

Живу я так себе; устроиться Бог дал очень хорошо, квартира хоть на Петербургской стороне, т. е. на час от Контроля, но в *первом* этаже, а ведь это благодеяние! И есть палисадничек даже. Да неужели мы никогда не свидимся – может, Вы будете в Петербурге? Тогда не забудьте черкнуть, да я Вас и к себе привезу посмотреть житье-бытье наше. Дочка меня утешает так, что я не знаю; даже в Контроле о ней думаю, а как прихожу домой, сбрасываю пальто и прямо беру ее на руки от мамки. И она все ко мне просится.

Т. Ив. видел еще раз – позвал, встретясь на улице, к себе за обедню, и после обедни – *petit causerie**; говорит, подумайте, как вам лучше окончательно устроиться, при Контроле, или, быть может, у вас в виду какая-нибудь редакторская деятельность; я не очень ясно его понял. Конечно, я останусь при Контроле; всякое писанье мне до того надоело, что еще взвалить редакторские труды на себя было бы каторгой. Очень, очень меня занимает мысль о сборнике статей; нужно все почти поправить (о трех принципах и еще одну выкину – совсем негодно написал), и это *главная, почти* единственная цель издания. Я очень взыскателен к себе, и мысль, что вот написано и издано уже дурно – до последней степени мучительна. Теперь расчеты: 600 экземпляров разойдутся в 3–5 лет; их издание (конечно, никто не возьмется, нужно самому) будет стоить (2 тома стр. по 400) около 1300 р., как это устроить и думаю и советуюсь, но мало вижу надежд. В кредит у типографии можно на $\square$ года, но в $\square$ года мало купится еще, и, следовательно, чем я заплачу? А мне именно хотелось бы сборником. Другое средство – издавать статьи отдельно, но тогда куда пойдут мелкие статьи; а их тоже нужно поправить.

Страхов очень подробно о Вас расспрашивал, и очень интересовался, что Вы делаете, т. е. не по школе, а что пишете. Я говорил о Вашем, к сожалению, отвращении от воспоминаний, и что Вы ничего не хотите писать. Помоему, у Вас еще, кроме воспоминаний, богатый запас критических взглядов на искусство и литературу; на живопись и зодчество, напр., Вы мне говорили много интересного о Пантеоне и о Моцарте. Я бы на Вашем месте все что-нибудь слегка, не торопясь, писал. Очень меня тронуло то, что Вы написали о Кон. Петр. Поб., что он помнит меня. Дай Бог ему всего хорошего, и, как старому человеку, тоже прежде всего здоровья и жизни. Не оскудевает земля наша людьми; как-то в этом отношении будущее выполнит свое дело.

Пришлю Вам книжку Романова; прочтите там «Психологию раскола», и «Из записок барона Гоморрского»: это он вывел кн. Мещерского 15 лет назад – теперь. Человек он благороднейшей души и светлого ума. Я все хлопочу пристроить его к «Русскому Вестнику» – ведь это находка, но подите объяс-

---

* непринужденная беседа (*фр.*).

ните это Бергу. Ведь Берг – это Лясковский журналистики; и все со мной разговаривает в религиозно-патриотическом духе, о том, что «этот Петербург» его оскорбляет. Я это понимаю и должен слушать и кивать головой. Так бы и перенесся к Вам в Татеву денька на 2. Ужасно хочется море увидеть; на Троицу, должно быть, поеду в Кронштадт. Дай Вам Бог всего хорошего. Не забывайте Вашего преданного В. Розанова.

Всякое Ваше письмо для меня величайшая отрада; пожалуйста, пишите. В Контроле я сижу с 11 до 5, и время для ковыряния пером очень мало. Окончание «Сумерек» в июне.

13

11 июня [1893 г.]

Дорогой Сергей Александрович! Я сообщаю Вам, и простите, что так поздно, только свой адрес: Петербургская сторона, Павловская ул., д. 2, кв. 1. – В голове стучат шурупы с полукруглыми головками, плоское и круглое железо, шпингалеты и все прочее, что приобретает Главное Общество Российских железных дорог и на чем ворует, а я предполагаюсь в роли его учителя и поимщика; но я никогда не мог уличить кухарку в воровстве говядины, – как же уличу Главное общество в воровстве шурупов? Удивительно...

Статьи мои по образованию кончены, но как-то не до них. Берг только заставил меня переделать все почти окончание статьи в «Русск. Вестн.», над чем я работал у него в кабинете часов 6–7, а потом и еще сам прямо позачеркивал – насчет газет, администрации и университетов; теперь пишу «Афоризмы и наблюдения» между 10 ночи и 2 ч. утра; только при моей выносливости [к труду] с малых лет могу я это делать, но зато уже отказался от всякой прогулки, и ребенка своего вижу только за чаем и обедом, когда одной рукою ем, а другою держу его в руках. Теперь – он наше счастье и веселье семейное. Собственно, от Терт. Ив. я перешел к Васильеву – директору железнодорожного Деп-та, а это – кулак, хотя и очень слащавый; но, ради Бога, – *все это между нами*, и только по совершенному доверию к Вам и пишу все это, ибо стыдно, назвавшись груздем, не лезть в кузов.

Вы же меня, ради Бога, не забывайте письмами, и теперь, когда я так далек от Вас – больше прошу об этом, чем когда-нибудь, положительно огорчите меня, если будете молчать. Я подыскал с помощью Страхова типографщика, который $\square$ года будет ждать расчета: думаю издать друг за другом: 1) три статьи критические; 2) сборник статей по образованию; 3) сборник историко-философских статей. Дай Бог успеха; порознь буду издавать для того, чтобы не рисковать при расплате. Целую Вас крепко; да хранит Вас Бог.

Ваш В. Розанов.

Сюда приехал и со мною познакомился Ник. Петр. Аксаков, богослов, философ и историк первой степени, кончивший курс в Гейдельберге, автор брошюры «Подспудный материализм, по поводу диссертации Струве», и

пр.; представьте, человек такого образования и крепких церковных убеждений – не имеет приюта ни в одном крупном журнале; что же это такое? разве не «сумерки просвещения»? – но уже изливаемые из скоропечатных станков. Нет, просвещение – это в своем роде расседающийся в потоках лавы вулкан, а его *истинные любители* – подавляемые этой плывущей лавою пигмеи; пусть они знают химию и геологию, пусть понимают, *откуда* все это – им не остановить потока, а предстоит только умереть. Печально и необходимо.

Смирновой воспоминания достал и прочел: удивителен колорит той эпохи; удивителен по глубине и правдивости Пушкин – и так же имп. Николай, – Пушкин по ясности души на престоле, по честности, но только без его воображения и, следовательно, гениальности.

14

13 авг. [1893 г.]

Давно, очень давно собирался Вам писать, но... отвращение мое к письму дошло до того, что я как о кошмаре думаю о необходимости писать письмо. 22 июля все-таки собрался в Петергоф – и 2 раза видел Государя: прекрасное лицо, исполненное мысли и *многих, многих испытаний* – выразить трудно, но на меня произвело чрезвычайное впечатление, и у меня, не знаю почему, тотчас мелькнула мысль: «Это нужно написать Сергею Александровичу» (т. е. Вам) – да вот все откладывал. Государь ездил по аллеям со всей семьей, но я ни на кого не обратил внимания. Рисуют его совершенно непохоже, т. е. полного и без выражения; но именно *выражения чрезвычайно* много. Да как и не быть выражению!.. Я, впрочем, все это и предчувствовал, без этого не написал бы «О монархии». Без сомнения, Государь бессилен что-либо улучшить, истинно помочь делу, – но он *хочет помочь* – это для нас (и всего народа) несомненно, и это одно значуще, т. е. за это его любим и никогда его не продадим; «интеллигенция», впрочем, продала уже давно, за воспоминания <о>разных красавцах истории прошлого века.

Должно быть, недели 3 назад призывает меня к себе экстренно Т. И. и говорит, что Вы ему обо мне писали, т. е. о моей нужде и пр.; также о замысле моем печатать сборник своих статей; ничего впредь ему обо мне не пишете: он принял и говорил со мной прямо недоброжелательно, не советовал (= повелел) что-либо печатать («у Вас довольно известности» – как будто в ней дело – провались она совсем) etc., долго писать; уходя, я ему сказал, что писать так, как теперь (т. е. много), не знаю, долго ли хватит сил, а жить с семьей решительно нет средств – он сказал: «Я отдал Вам последние» – вообще декларация тягостная была. Вас же я крепко обнимаю и целую за то, что не забыли меня, и вечно буду в Вас помнить сельского учителя, нашего белянина; но *не ходатайствуйте за меня более ни перед кем* – не знаешь, где ошибешься, все это неверно, ненадежно и очень мучительно (конечно, и для Вас). Глупое положение нужда – точно зависишь от сапогов, в которых хо-

дишь: пойдут они туда – и пойдешь, идут в другое место – туда идешь, и главное, душою, мыслью. – Пока есть теперешняя сила работать пером – я не пропал, но слабеет голова – спасай, кто может.

Ну вот, дорогой мой Сергей Александрович, напачкал Вам еще письмо, – а Вы меня, ради Бога, не забываюте, т. е. письмами. Мало, я думаю, людей таких одиноких и нуждающихся в отдаленном друге. Написал я эти дни «Свобода и вера» (но еще не кончил), 2 фельетона – это по поводу споров о пределах веротерпимости (Л. Тихомиров, Вл. Соловьёв etc.) – должно быть, появится в «Моск. Вед.» или «Новом Времени». Мне теперь где бы ни печатать, хоть в «Московском Листке» (есть такой) – только бы где дороже дали. «Афоризмы и наблюдения» – еще нужно написать страниц 12; лежит в столе готовая статья «Около вековечной темы» (самое разнообразное содержание); и кончил, дней 8 назад, для нового издания Достоевского «Критико-биографический очерк» его; ночью, перевертываясь с боку на бок, высчитываю, сколько же приблизительно запасено, т. е. на сколько месяцев прокроет дефицит. Только бы башка не развалилась – проживу, – а *для этого надо молиться и веровать в Бога*. Думаю, что нынешний, т. е. во вновь открывающийся год, придется сцепиться с Соловьёвым: у меня уже так в голове темы расположились: год – причина, год – народное образование, год – против явных и скрытых врагов церкви etc. Крепко, крепко целую Вас. Ваш В. Розанов.

Вот что очень, может быть, нужно не сегодня – завтра: нужно непременно, чтобы Вы хоть продиктовали очерк внешней своей жизни Варваре Александровне, а она записала. Биография Достоевского мною сработана для «Нивы», и мне тотчас пришло на ум, что туда может потребоваться Ваш портрет и краткий очерк жизни и деятельности (с хронологическими данными).

Ради Бога, пишите мне; а обо мне никому ни гу-гу.

15

7 окт. [1893 г.]

Многоуважаемый и дорогой Сергей Александрович!

Простите, что я не писал Вам столь долго, хотя несколько раз нужно было сделать это: вскоре после получения Вашего письма, но много спустя после письма к Вам Т. И., я действительно получил прибавку жалованья в 40 р.; слава Богу, – теперь я могу вздохнуть, и вот месяц не берусь за перо, чувствуя положительное отвращение к тому, чтобы думать, воображать etc. В ноябре пойдет в «Р. Вес.» моя статья «Около вековечной темы» – прошу, как не соскучитесь, Вашего отзыва. Она и две другие, которые пойдут позже – плод моего торопливого здесь писания ввиду денег; конечно, *мысли* внушала не нужда, но без нее они долго бы лежали в душе без всякой потребности выкладывать их на бумагу.

Вы, дорогой Сергей Александрович, слишком кратко написали Ваш *cuticulum*: я его сохраню, теперь или позже – он понадобится; хорошо, если

бы Вы прислали и обещанную фотографию Вашего портрета, работы Богданова-Бельского (которого, кстати, я очень благодарю за мой портрет).

Простите, дорогой мой, что я пишу Вам очень мало. 10 дней назад умерла моя дочь, Надя, воспалением мозга, и всякая суета, речь, писание, как-то больны и трудны.

Целую Вас крепко. Ваш В. Розанов.

При случае поблагодарите за меня Тertia: я как-то лично, на словах не умею этого делать, и почти не благодарил его. Вы не можете представить себе, до чего меня обрадовала прибавка: я точно воскрес, и вот после безмерной радости – смерть дочери. Хороший урок.

16

16 февр. [1894 г.]

Дорогой и незабвенный Сергей Александрович! Я о Вас так же много думаю, как мало пишу Вам: спасибо Вам за письма Ваши, мысленно сливаюсь с Вашим маленьким великим трудом в Татево, в Белом; мысленно целую всех милых белян, кои в тысячи раз лучше и чище бледно-черно-грязных петербуржцев. У меня горе: талант *былой* меня оставляет, не могу, не умею писать так, как прежде. Но молюсь, дабы Бог не оставил меня... В декабре уничтожили набор статьи в «Русск. Вестн.» «Около вековечной темы»: дурацкая моя отвлеченность – все непонятно вышло. Ради Бога, сообщите мне: не писал ли Вам Победоносцев о статье «Свобода и вера»: если да, выпишите мне из его письма, не поскучайте; я хоть в словах могу впадать в чужой тон, в литературе – сам не знаю, почему, – не могу и только себя высказываю; но *Поб-цев – любопытный человек*, и любопытно знать его мнение. Дурак Соловьёв наткнулся, что медведь на рогатину – помолчал бы, и никто не обратил бы на мою статью внимания (плохо написана, туманно); теперь все о ней говорят, все читают, и – умные, живые все на моей стороне. Если Бог поможет, и силы меня окончательно не покинут – поборемся. Вы же, милый Сергей Александрович, будьте веселы: все здесь *ярко* Вас помнят; почти еще на днях я разговаривал и описывал Татево Ст-ву, и спросил, как он на Вас смотрит: старик зашевелился: «Я *восхищен* его деятельностью», – сказал он мне*. Статья «Св. и вера» и ему не понравилась: «Ну, что Вы, как все свято, как пришло с неба, как нельзя обсуждать религ. истин», а я ему: «И вы – только боящийся своего скептицизма скептик». Многие меня зовут (не зная в лицо) *изувером*, и я, посмеиваясь, – отвечаю: я добрейший малый и даже люблю преферанс. Варваре Александровне – мой глубокий и горячий привет, всему

---

* Еще он спрашивал о Вашей религиозности и ее источниках, главное – не художественные ли они. Я сказал, что Вы так серьезно религиозны, и без всяких таких источников, и что я всегда чувствовал невозможность, несмотря на желание, заговорить с Вами о Боге, Его бытии: не то неприлично, не то оскорбительно было бы. Здесь же все, даже самые верующие – в сущности, лишь *жаждущие* верить.

Адр.: Петербургская сторона, Павловская ул., д. 2, кв. 1.

милому и умному Татеву – поклон, Вас. Осиповичу рукопожатие, Ник. Ив. Соболеву – поцелуй. Будете в Белом, пригласили бы Вы к себе и познакомились бы с учителем математики Любвиным – честнейшей души человек. Фу, как устал. Не писал я Вам долго, ибо кроме дел всяких, и скверных, и милых, жена больна вот уже 1^й месяца, и ей придется делать операцию, кажется (и дай бы Бог) легкую, но боюсь говорить, чтобы не сглазить. Крепко, крепко Вас целую. Неужели мы *никогда* не увидимся?! Что за безобразие. Ваш преданный и искренний В. Розанов.

Не забывайте же меня, как я Вас не забываю; и никогда не осуждайте, как и я Вас никогда не осуждаю и не осужу. Простите, что такой еще молодой так говорю с Вами: между нами (или мне это чудилось) было что-то дружелюбное, и так должно остаться. Был я в Москве, по разным навязанным хлопотам: испачкался, изгрязнился, не знаю, с чего и зачем, не на улицах, не от людей. Однако и ранее, еще из Белого, из отвлечения я всегда не уважал литераторов более всякого другого сословия. Очень, очень здесь редко жемчуг – и всегда в навозной куче. – С «Русским Обозр.» и, кажется, с «Моск. Вед.» я окончательно разорвал. В М-е мне показался всех симпатичнее Л. Тихомиров, ничего себе – Говоруха-Отр., очень хорош маленький человечек Георгиевский; но абсолютно невозможны Александров и Фудель, первый – лакей, второй – лицемер. Простите, но Вы их не видели, и не можете судить меня *очень*, ибо мое впечатление очень сильно.

17

29 апр. [1894 г.]

Дорогой Сергей Александрович!

Вы, верно, опять думали – вот – вот забыл; но я столько раз ходил по Морской мимо выставки «передвижников» и думая о Вашем любимом ученике – не вырвал часа, чтоб пойти и посмотреть его «Последнее завещание», план которого он мне рассказывал. В понедельник на 1-й неделе Великого Поста жена легла в больницу делать операцию по женской болезни, и не трудную, но ее взялся производить директор Шмит и произвел неудачно, так что показались день на 6-й крови, и другой лучший доктор Личкус день на 10-й *доделявал* операцию: так хороша здесь медицинская помощь, а на 12-й день стала температура повышаться и обнаружился тиф, – в коем она и пролежала весь пост в больнице, так что и Пасху я встречал у ее постели там же. И вот, среди этой болезни, за совершенной невозможностью обходиться 140 рублями жалованья, возвращаясь по ночам из больницы, пишу статью – ибо за больницу 2 месяца плачу 100 р., сестер милосердия пришлось нанять по 1р. в сутки, – вино дорогое и коньяк с молоком постоянно, всего выпила на 78 р., – это все надо вытягивать из Берга, который, запутавшись в деньгах – тянет каждый рубль и у него приходится по 3–4 раза бывать и свое заработанное выпрашивать. Преподное положение быть в России *теоретиком* и не иметь собствен-

ности; плохи теории, когда больны близкие (они ведь все-таки ближе литературы сердцу и *лучше* ее, т. е. более заслуживают внимания и заботы). Все мои статьи петербургские уже писаны в Контроле, где мне, к счастью, не дают слишком много работы, да и она совсем бестолкова. Контроль – это отцеживающий комара законник и притом безголосый зритель, как поглощаются верблюды министерствами финансовым и путей сообщения, кои вместе с акционерными компаниями обрабатывают глухую и слепую старушку, не побежденную Наполеоном, и побеждаемую железнодорожниками. Что Вы писали (и говорили раньше) насчет литературы министров – на это не стыжусь внимания даже я: им – абсолютно некогда не только писать, но и читать; это – лишь воспоминание о грехах молодости, а если что и пишут они, то это даже в канцеляриях их читающие чиновники или не читают или не придают этому никакого значения, – справедливо: как и все, литература требует специального внимания к себе и также особого, думаю, дара. Александров – просто мошенник оказался, судя по последним слухам, к которым я, впрочем, и не прислушиваюсь. Его хотели не сместить, но оставить ему лишь беллетристический отдел, ибо он отказался напечатать статью Н. П. Аксакова «Не угашайте духа», написанную давно, до начатия каких-либо связей с Т. Ив. – Теперь Аксаков в Контроле, о беспризорной статье его сказал генерал-контролер Васильев Филиппову, кот. прочел, чрезвычайно ему она понравилась по рассеянным в ней сведениям (и мне тоже), и он был уверен, что Ал-в после его рекомендации примет ее; но тот не принял не только по рекомендации, но и по требованию, а между тем статья ведь истинно православная, и вся основанная на отцах церкви и истории церковной. Деньги на журнал дает Морозов – и по его требованию Ал-в не печатает: оказывается, что не печатается статья потому, что Грингмуту и «Моск. «Вед.» не нравится. Завязалась борьба и попытка поставить меня вторым редактором. Тут я был свидетелем и зрителем всей несомненной бесстыдной лжи, низкого ханжества и жадности Ал-ва, и вообще выкупался в грязи, – выйдя из которой, конечно, не желаю на нее оглядываться; только перестал сотрудничать в «Русск. Обзор.», что меня очень стеснило в средствах жизни. – Но вот оказывается, т. е. заговорили в Контроле двое литераторов, – что журнал Морозова Ал-в прямо присваивает себе как собственность, предлагая или заплатить ему что-то около 30 000 р. или продать права на него кому-то, и чуть ли не еврею Полякову. – Грязно, «сумерки» даже и против времен Булгарина, со мной он никакой невежливости не сделал, кроме, разве, мелких по тупости, которых и не подозревает, что видно из письма, кое ко мне написал из Москвы, но я на него не ответил, и статью Аксакова переслал на имя Морозова, отказавшись от каких-либо сношений с Ал-вым, – но тот эту статью поместил в ужасно измененном виде и даже оскорбительном для Аксакова. Вообще, помои; это можно сказать и вообще о литературе, но о «Рус. Обзор.» в особенности. Ваш

В. Розанов.

Адрес: СПб., Петербургская сторона, Павловская ул., д. 2, кв. 24.
Авг. 20 [1894 г.]

Дорогой Сергей Александрович!

Вспоминаю я Вас каждый раз в нашей Парголово́вской церкви, где поет смешанный хор деревенских подростков и девочек – очень хорошо, – а главное, им хорошо и слушающим, молящимся хорошо, и все в общем благообразно. И что стоило государству 25 лет назад завести это благообразие? Кто посылал в деревню учителей-пропагандистов, из нигилизированных учительских институтов; а потом, хватая, ссылал их в Сибирь, – скажите, кто? И что за страшная, дикая судьба у России: насаждать своими руками нигилизм, хватать нигилистов; ведь самый большой наш нигилист Дм. Толстой, приятель жида Полякова (как здесь, оказывается, всем известно), любитель девиц à la Stamboloff*, обер-прокурор Синода, министр народного просвещения, всемогущий доверенный министр: да его следовало повесить вперед Желябова и Рысакова, ибо он их вел за собою, они выполняли то, что им предначертано было – не от большого ума, большой хитрости, а просто потому, что душа его была *tabula rasa*; и как низка наша Акад. Наук, которая по смерти этого прохвоста серьезно говорила о его не графской умелости заниматься наукою (а здесь говорят, что свое сочинение о финансах в России он также писал, как граф Капнист – рассуждение о классицизме: не знаю, известно ли Вам, что статья о классицизме написана окружным инспектором Исаенковым и только подписана графом, кот. за ученую любознательность к предмету командирован на лето с ученою целью за границу, а округ свой никогда, кроме скандальных казусов, не посещал: я 12 лет учителем служа, совершенно, ни разу, не видел в глаза Капниста, как будто он управлял нами с луны. –

Грустно и грустно; хотел по поводу прекращения Вашем у нас пьянства писать статью, но мне в «Нов. Вр.» сказали – бесполезно, пожалуй, пишете, это бряцание струны в тумане выйдет; ну, что Вы с обществом трезвости своим сделаете, если государство манит народ в кабак.

У меня непробиваемая толща чувств охранительных в душе, но факты так ярки, так убийственны, что они пробивают все, защититься от них нечем и на сердце больно, досадно...

Посылаю Вам «Легенду» свою – Страхов принял на себя ее издание; он очень меня любит, за «Св. и в.» и «Отв. Сол-ву» ужасно бранил, и все пытался остановить (Берг ему посылал на просмотр), отговорить: *но это дело необходимости – об этом и так именно писать*: пора выводить Россию из нигилистического периода ее истории; в «Ответе Соловьёву» было примечание, выпущенное Бергом: «Кстати, вот пример единственной нетерпимости, какой мы желали бы: чтобы не были терпимы в государственном строе страны право-

* вроде Стамболова (фр.).

славной и монархической такие атеисты и анархисты, как умерший не так давно государственный муж, – официально бывший стражем церкви, воспитателем молодых поколений и, по какому-то недоразумению, считавшийся всеми опорой трона». «Ну, этого нельзя», – закричал Берг. Кстати, я почти порвал с ним: он совсем не платит мне, и в последний раз только со скандалом я вырвал у него 135 р. за статью, и почти скандалом же добился ее печатания (ответ Тихомирову); в «Рус. Обозр.» тоже все расстроилось из-за тупости Тертия – и мои «Аф. и наблюдения» (конец «Сумерек просвещения»), 2 месяца назад туда посланные, – лежат, и Александров ничего не отвечает на мое письмо. Таким образом, мои отношения литературные расстроились – и чем я буду жить – не понимаю; как все было хорошо, когда я жил в Белом и Ельце; здесь народ тупой и умен только на интригу; в этом – собаку все съели; интриганы министры, интриганы редакторы, интриганы писатели (это Соловьёв, не будучи в силах что-нибудь мне ответить, воодушевил Буренина на фельетон, кот. Вы, верно, читали: фельетон написан с лучшими намерениями: Буренин просто был возмущен, как я смел выражаться очень дерзко о человеке заслуженном, ученом и пр., как Соловьёв; я ему сказал: «Да он нападает на православную церковь»; но тут Буренин заговорил такое, что и бумага не всякая сдержит передачу его слов; но я Вам уже писал, что в Пет. все нигилисты и атеисты, и просто ему нужно провалиться сквозь землю; Бур., за исключением его религиозных понятий, человек бесспорной порядочности, и не верьте никому, кто иначе о нем скажет: он смотрит только на человека, определяет себе его духовную личность, – и уже затем его возносит или ругает неистово. Весьма было естественно ему понять мой ответ Со-ву как акт нахальства, нескромности – он соответственно этому и написал. Я был у него и после фельетона, и сказав, что дело литературное – быть обруганным, предложил с жаром написанный фельетон «Казерио Санто и виды на будущее Европы», но через неделю он меня уведомил, что фельетон не может быть абсолютно напечатан по цензурным причинам; ведь Вы помните, что наша мудрая цензура, пропуская Писарева, Благосветлова и Шелгунова, – преследовала Аксакова и Хомякова; вообще, если формулировать дело, то лучше сказать так: Россия есть страна, где религия (а паче всего православие) и самодержавие искореняются в идее беспощадно, атеизм же и политический нигилизм поощряются – инде арендою, инде жалованьем, инде орденами и чинами, и всюду свободою и благоволением свыше. Статью «Казерио» (православно-объективный взгляд на буржуазию и пролетариат) я попытаюсь печатать брошурою, а если не пропустят – ну, тогда в корыто «Гражданина» нужно проситься: я статьей очень дорожу, да и жить чем-нибудь нужно, и кое-кто из брезгающих «Гражданином» мне говорил: «У Вас, как и Леонтьева, имя, настолько определившееся – что Вас не может испачкать участие в «Гражданине»: другое дело для нас – это была бы литературная смерть» (слова Романова). Кстати, не могу ли еще я к Вам, а через Вас – к Победоносцеву обратиться за пособием (в праве) к напечатанию сей брошюры? Здесь о Поб-ве все говорят очень хорошо, как о челов. истинно госуд. способностей, а о Тертии – как о старой тщеславной бабе, что очень справед-

ливо (все это секреты). – *Всепременно* напишите мне исход поездки Варвары Александровны в Москву, что у нее было за заболевание и поправилась ли она? – Я живу в том же доме, но переменял № квартиры: *Сиб., Петербургская сторона, Павловская ул., д. 2, кв. 24.* – Когда же вы будете в Петербурге? Когда я вас напою хорошим чаем? Вы можете у меня даже остановиться. *Не верю*, чтобы Вы совершенно не ездили в Петербург, но, верно, на такое короткое время, что ко мне и заглянуть некогда, – но *старая дружба крепче новых* (простите, что называю наши отношения даже дружбою).

По-моему, дорогой Сергей Александрович, исход из нигилизма (из коего мы вовсе не вышли) в руках правительства, и фатально для него, что оно не хочет выйти. – Программа так ясна; кстати, я читал протоколы комиссии, обсуждавшей реформу жен. образования: о, никогда мы с Эльмановичем, Любовным етс. в Белом не унижались до голого пустословия; между прочим, был поднят вопрос, удобно ли в таком-то § выражение: «Родители, беря своих *детей* из гимназии» и пр.: нашлись заметившие: «Неудобно говорить «детей» о девицах лет 16–18; комиссия спохватилась и вычеркнула «детей»; но ведь тут «дети» не в смысле возраста было употреблено, а в смысле, что они для родителей «дети» – порождение их. – Ну, что с такими головотяпами можно сделать. Заседали высшие чины империи: Ром., Волконский, Делянов, Капустин... – А в больничном дворе, где лежала моя жена, мною был подслушан разговор девочек 7–8 лет:

– Ты, Маня, знаешь «Отче» и «Верую»? – спрашивала дочь экономки, или няньки, только вообще прислуги.

– Нет, закону я буду учиться потом, а теперь я с гувернанткою учу французский язык.

– *Как же ты, Манечка, без молитв-заповедей будешь жить?..*

Собственно, разговор этот своей дочери с дворовой девчонкою подслушала начальница больницы и передала моей выздоравливающей жене, а та – мне. А я лежал в соседнем номере, отдыхал и курил и, как мне жена передала, я и подумал: «Ну, вот и ключ «Сумерек просвещения», вот и разгадка исторического нигилизма, нужно было комиссию Российской империи об образовании подвести к этим восьмилетним девочкам, для «заслушания, размышления и исполнения»... Целую Вас крепко, крепко.

В. Розанов.

19

[Получено 6 июня 1895 г.]

Дорогой Сергей Александрович!

Перечел я письма Ваши к себе – и так мне стыдно и больно стало, что я столько времени Вам не писал. Да, много было между нами сказано о религии, церкви, государстве, школе, и все прервано по непобедимой мизантропии, у меня в Петербурге развившейся. Печальная страница в моей жизни – эта служба у Филиппова. По мелочности интересов – он достоин бы зани-

мать пост управляющего Контрольною палатой, по аппетитам – он тот же Кривошеин, и непревосходим в тонкости и сложности интриг. Бедный Кривошеин, с которым он ел,пил, кажется, вместе покупал или продавал имения – и утопил его, чтобы укрепиться при новом Государе, заявить строгую свою честность. А затем – *far niente**.

Картину Богд.-Бельского я тогда же видел, посетив Вас; некоторые лица производят елейное впечатление, помнится одно, около отставного солдата. Дай ему Бог; и, конечно, картина важна еще и тем, что она – историческая, изображает момент в истории нашего развития. – Заранее восхищаюсь Вашей статьей «Церковная школа»; знаете, это вернее, чем церк.-*приход.*, имеет более правильную в себе идею, понятнее, выразительнее, яснее в задачах своих. Мне всегда брезжилась эта поправка к церк.-приход. школе. Приход – *науцаем* церковью, ею образуем через школу; от себя он ничего в школу не привносит. Наслаждаюсь заранее и Вашим правильным, ясным языком – это пушкинская школа; это – ясность эпического покоя. Но, знаете, упрекая меня за язык (и все более позднее), Вы забываете, что поколение людей в самом психическом строе неузнаваемо изменилось, и в зависимости от этого изменился язык, а не по произволу, не по случаю, не по капризу.

Дорогой мой друг, коего я люблю, как отца родного – Ник. Ник. Страхов занемог страшною болезнью, раком языка, нижней челюсти и заушных желез. В субботу на прошлой неделе ему произвел операцию с хорошим исходом доктор Мультиановский в Николаевском госпитале. Я постоянно его там навещаю – он бодр и весел, как обыкновенно; если бы Вы знали, что это за человек, какой редкой души, заботливости о ближнем, человеколюбия, совершенной скромности. В талантах и душевном строе – какой резкий контраст с К. Н. Леонтьевым. «У него совершенно не было чутья, различения душевно чистого от душевно – нечистого», – сказал он мне однажды об Леонтьеве, и я понял, что это именно, а не то, что подозревал Леонтьев, было причиною его отчуждения от «великого эстетика» и... язычника.

Пожалуйста, пишите мне о себе, своих и делах своих; я хочу все знать о тех милых бельских местах, которые мне останутся навсегда дороги. Что делает Софья Николаевна? Богданов-Бельский? Что рисует? Адрес мой, вероятно, Вы забыли: Петербург, Петербургская сторона, Павловская ул., д. 2, кв. 24. – Ваш искренне

В. Розанов.

20

7 июн. [1895 г.ё по содержанию – 3 июня]

«Ветер неверия, по миру несущийся» – мы его, Бог даст, слошим.

А там все опять оживет и зацветет старой, доброй, Божьей исторической жизнью...

---

* безделье (*ит.*).

Так-то я думал, дорогой Сергей Александрович, читая Вашу прекрасную статью, так выдержанную в мере своей, в перспективах нужного и ненужного, в умеренной терпимости к земщине (хотя она и пронизана нигилизмом), в указании, что департаментский патриотизм Мин. Нар. Просв. все-таки не может принести вреда, хотя и старается, и очень бороться с ним нечего. – Ужасно только то, что Вы пишете о Дух. Академиях, и боюсь, не прегрешаете ли Вы тут, придавая более значения таинству, чем оно заслуживает*. Вчера я был у Победоносцева, предварив, что Вы мне указали в трудную минуту, когда бы она ни была, и к чему бы ни относилась, – обратиться к нему, с твердою верой, что он поможет, если убедится, что я прав. Целый час этот человек сидел и говорил мне, не говоря об уме – с великою простотою, откровенностью, и я слушал его не только с удивлением, но и с благодарностью такую, какую мог бы почувствовать только к старому профессору, раскрывающему наедине суть своей науки понятливому ученику. Конечно – это великий государственный ум, он истинный христианин, и беседа с ним, конечно – его слушание меня хоть несколько примирило с нашею бюрократией, кою, не уважая и либеральной земщины, я ненавижу глубоко, страстно, затаенно... Дело в том, что вырезали мою статью из июньской книжки «Русского Вестника»: «О подразумеваемом смысле нашей монархии», с эпиграфом из газет: «Мрежи иные тебя ожидают, иные заботы».

В цензуре Бергу сказали о статье: «Конечно – это высший апофеоз монархии» – и все-таки вырезали, да еще и предупредили Берга, что он навсегда будет лишен прав редакторства, если допустит предлагать цензуре к одобрению подобные статьи. Дело в том, что в статье была задета «новая царица» – бюрократия, а не порфириноносная вдова, которую я так люблю рыцарски, как скорбную, милую, закованную в цепи пленницу. Но статья была написана вся в мягком, ласкающем тоне, всему, кроме Сперанского и Брянской прогимназии, отдавалась честь, была только маленькая, и то извиняющаяся ирония над Главным Штабом, Ермоловым и Анненковым. Она начиналась отношением Главного Штаба об уплате двумя гербовыми марками Главного Штаба страхового полиса в Узун-Ада и кончалась жалобой генерал-лейт. Анненкова, что его упрекают за устройство хора, – Скобелев, тот проституток выписывал для здоровья низших чинов из Евр. России; в середине шли рассуждения. Этой статьей я хотел кончить свои полуполитические течения писания и перейти к более мирным темам. Над ней же я много думал.

С глубокой грустью и сознанием беспомощности положения дела Побед. говорил, что указываемое зло – владеет всей Европой; что страсть к новым и новым учреждениям, которые, бессмысленно громоздясь друг на друга, путаются в работе своей и совершают только нелепости – повторяются нами тотчас вслед за западными собратьями, которые мечутся из стороны

---

* Кстати, в Белом за рекой есть церковь, и там священник служит не только хорошо, но и увлекает молящихся прямо к слезам. Меня это так удивило, что я справился о нем и узнал, что он страдает запоем; его слова на литургии были слезами покаяния. Помните: «А Бог, видящий тайное – воздаст тебе явно».

в сторону, не видя выхода из нужды работать и незнания, как работать. Что монархии *губят* (это – главная мысль моей статьи) себя излишней бюрократией, и нет Геркулеса, который сломил бы эти Авгиевы конюшни канцеляризма, и, вероятно, что они погибнут; что один – французский, уже и погиб. Но представьте, он прочел только отмеченные цензором места статьи и, очевидно, сам столько уже думал об этом, что когда он стал говорить мне и *объяснять* – я подумал, что из цензуры предварительно статья как сомнительная была ему представлена на рассмотрение и что он читал ее *всю*: ибо он говорил то самое, что содержалось в моей статье и что цензором не было отмечено, и потом уже, идя от него, я размышлял, что он все-таки не читал, верно, статьи, не знал о ней ранее, и по двум-трем-пяти отрывкам, цензором отмеченным, так угадал ее всю – она так совпала с его идеями – что он мне ее повторял. «Конечно – Государь только пропечатывает (налагает штемпель: «Да») на дела», «Конечно – это ведет к революции», «Конечно – социализм и прав, указывая на эту нелепость всего строя бюрократического» etc., etc., – «и нет из этого выхода, нет гигантов прежнего времени, никто этого побороть не может и не умеет». Это слышать от человека, друга и оберегателя трона – было удивительно. И, конечно, он влил в мое сердце еще большую жалость к государям, которую я и всегда питал, и не только к нашим, но и ко всем – ибо это *изгой* истории. Какое может быть сравнение с «патриархом» с Мойки; ведь у того, кроме хорошего слога, да министерски выпяченной груди, когда он говорит с купцами – ничего нет. – Это в полном смысле слова Хлестаков, попавший по недоразумению в Контролеры и врущий, что «сорок тысяч курьеров будут звать его...» на патриаршество. Представьте, он так унизился, что отправляясь ко св. Местам, поручил мне написать Дав. Ив. Морозову письмо, чтоб он выслал для его сопровождающего чин. особ. пор. Погодина (племянника) – деньги; а когда я, недоумевая, молчал – он, отступя шаг и сделав удивленное лицо, спросил: «Разве вы не знаете, что я значу для восточных церквей?», и когда я сказал, что книгу его читал и знаю его мысли – он прибавил: «То ведь нужно будет мне, кроме прямого назначения (т. е. Иерусалима), быть здесь и тут, видеться с этим и тем» – а я все молчал. – «Но ведь эти же поездки и командирования от себя чиновников будут стоить денег» (а Витте уже ему дал 12 000). – Я, ничего не говоря, вышел из кабинета, но он, тотчас вернув меня, сказал: «Только мое *имя* не должно быть упомянуто в письме»; – «А на чье же имя должны быть высланы деньги?». – «На Ваше или Погодина». Меня это так тяготило, ибо у Д. Ив. Морозова могла [возникнуть] мысль, что я и для себя прошу, что я рассказал это своему начальнику Васильеву Аф. В., хотя и знал его как очень у Филипп. доверенное лицо: но мне некому было еще сказать, чтобы себя официально обезопасить и к тому же Васильев знает Морозова и при случае мог ему это сказать; главное – мне нельзя было носить этой тайны. Таков-то патриарх с Мойки, ходящий маленькими шажками и классически преклоняющийся перед крестом и св. Чашею, – кстати же и блудник превеликий, как здесь говорят все. Ну, вот я впал в злые глаголы, но, может быть хуже всех, о ком говорю. Простите и Вы меня грешного за блудословие. Ваш искренне В. Розанов.

Статья Ваша очень хороша; очень многозначительна, очень содержательна; я перечитал ее два раза. — О пороках духовенства: все так — и все-таки идеальнейшие типы я встречал только в духовенстве, и, знаете, это так на меня повлияло, что до известной степени определило мою литературную деятельность. Я знал диакона, между прочим, который из страха перед саном священника и его душевной ответственностью не захотел священства; и когда Мисаил Орловский ему это предложил — отказался; и когда тот за непослушание перевел его на худшее место — служил там, пока его по просьбе сестры перед архиереем не вернули на прежнее место. Другой священник и очень легкомысленный, и очень мною нелюбимый, мне говорил, однако, случайно, мельком, но, очевидно, без всякой лжи: «Страх перед своим саном — постоянен, ощущение на себе особого таинства священства — постоянно; расстричься — это для священника, для неверующего особенно — великая мука, великие угрызения совести». Очень любопытно.

21

Июнь 20 [1895 г.]

Только что получил, дорогой Сергей Александрович, Ваше письмо — и успокоился; а я уже начинал думать, что Вы за что-нибудь мною недовольны (знаю, что я очень и очень могу во всяком вызвать неудовольствие своей необдуманностью) и оттого не пишете. Спасибо за то, что Вы написали мне о действительном и возможном в моих писаниях, и никогда не думал, чтобы Вы так внимательно вдумывались в мою психику. Спасибо за ум и тонкость Ваших определений, верность которых я почувствовал, прочтя у Вас, хотя сам раньше этого не формулировал. Правда — что *очень* любишь, о том *прямо* не нужно говорить: выйдет грубо; а боковым отражением это все равно скажется.

Статью Вашу и не я один, но все считают классической; не знаю, знаете ли Вы, что ее перепечатали целиком «Русское Слово» и «Гражданин». Я думал, она вызвана была буквально неистовством *против* церк. школы, в которое впадают либеральные части печати и общества. Недавно, когда я высказался, что церк. школа есть естественная для нашего народа, уже потому, что как православный он прежде всего хочет знать и разуместь свою церковь — мне возразили: «Да с чего же вы взяли, что он православный?». Так как я очень раздражился, то говоривший со мной стал поправляться: «Т. е. я хотел сказать, что он не православный по пониманию, что он ничего не понимает в православии».

Да, Страхова ужасно жаль, и одна надежда, что Бог сократит его страдания, которые при его болезни ужасны (о смерти брата Вашего мне много рассказывал покойный мой брат Н. В.). О свадьбе в семье Вашей я знал — около Страхова всегда много близких к семье Толстого; в письме к нему Толстой писал: «Были у нас молодые Сережа с невестой — я всегда смотрю на готовых вступить в брак с таким же страхом, как на роженицу, только в этом случае больше бывает

родов с дурным исходом». Уже не помню, в этом ли письме Т. прочел я, или слышал, что молодая – очень образованная девушка (чуть ли не из Оксфорда была?), но без всяких неприятных следов учения. — — —

Тут же Т. пишет: «Прочел статью о математике в «Русской Мысли» – очень понравилась; напротив, последняя статья Соловьёва – не понравилась. У него нет бессознательной внутренней оригинальности». Это меня так поразило, что я тут же Страхову сказал, что это совершенно совпадает с моим определением Соловьёва, что у него нет внутреннего центра, неудержимо формирующего внешние черты образа и деятельности». – «Да, да, вы верно его определили, но у Вас ничего не понять от Ваших...». Страхов меня часто бранит за литературу. Так как я с ним очень близок, то я ему передал свой разговор с Поб.; он непременно мне советовал (2 раза) его записать: «Это исторический разговор»; «Кон. Пет. утонченно умный человек и он честный человек», – сказал он с очень большим уважением, хотя тут же не одобрил его препятствующую политику, объясняя: «Он оттого препятствует, что он не надеется, не доверяет, сомневается» (что в высшей степени согласовалось с тем, что я от него слышал). Я очень, очень рад, что у него не службу: служба – это такая проклятая вещь, где высший Вас связывает и за потерю свободы вы начинаете не любить его (но не подумайте, что отсюда течет мое нерасположение: для Тертия хоть трын-трава не расти на свете), и я рад, что не будучи ничем связан хоть с одним очень высоким человеком, я могу сохранить к нему свободное и независимое уважение – что так и будет. А то очень много во мне накопилось неуважения к бюрократии.

Я Вам, кажется, не написал, чем он кончил свою речь: «Вас не поймут, что Вы злое говорите (о Ермолове) и насмешливое – подхватят и понесут; а доброго и положительного никто не подымет; и Вам лучше пожертвовать своей статьей». Получил письмо от издателя «Троицких Листков» арх. Никола – я писал открытое письмо с выражением благодарности к *Православному* автору чудесной статьи «Правы ли мы?» в «Рус. Об.», которая меня тронула до слез. Оказалось, – это Никон. Ваш искренне В. Розанов.

22

26 июля. [1895 г.]

Простите, дорогой и милый Сергей Александрович, что давно не отвечал Вам, простите за невежливость, которая здесь содержится: да, вот Вы больной, усталый, и в такие годы не только отвечаете на письма, но еще и хлопчете о нас, а мы все откладываем ответ до завтра. Был ужасно занят, т. е. взволнован немножко, статьей своей о Толстом, в «Русск. Вестн.», август: читая корректуру – чувствовал, что щиплет в носу, и, кажется, ничего я не писал так от сердца, как эту статью, а Вас, дорогой, усердно прошу на нее дать отзыв (называется: «По поводу одной тревоги гр. Л. Толстого») – и посвящена вопросу о бессмертии души, о грехе как истинной смерти души, и почему Толстой тревожится (как и все мы *очень грешные* – смертью). Идея же греха есть для меня, по крайней

мере, главная идея человеческого существования, перед коей ничто тревоги политики и социальные вопросы. Впрочем – Вы все увидите.

Страхову операция сделана д-ром Мультиановским, в Николаевском госпитале (я удивляюсь, что Вам не писал), отрезана значительная часть языка, в деснах вырезано много, и за ухом железы. Дома, по возвращении из госпиталя (день на 23 после операции) я уже не видел веселым и оживленным, но в госпитале, посещая его постоянно, я дивился бодрости и прямо *жизнерадостности* его. Как, бывало, придешь, он берет тетрадочку и пишет: «Рассказывайте» (говорить недели 2 нельзя было, до снятия швов), и нужно было рассказывать все, что делается дома, в Контроле, от кого получил письмо, здорова ли его крестница (он крестил у меня дочь Татьяну), и сам, показывая на лежащие около книги, писал в тетради мне и о них больше «речения», чем «рецензии», напр., по поводу большой статьи Киреева в «Русск. Обзрении»:

«Превосходнейшей души человек, но не больших способностей», а по поводу одной статьи Н. Михайловского: «Ни начал, ни концов – Бог знает, что такое!»).

Не знаю, писал ли я Вам, и на всякий случай повторю, что когда я ему передал (как очень мне близкому человеку, а вообще я никому не рассказываю) разговор с Поб., он с волнением выслушал (он уже говорил тогда): «К. П. – *честнейший* человек» (еще что-то говорил, но это с ударением сказал, и оно одно выскочило в речи и мне запомнилось), но он так мало доверяет людям, что много сдерживает, подавляет, и что Вы рассказываете, в высшей степени объясняет его мероприятия, часто дурно истолковываемые». Я бы хотел, чтобы не передавая как, от кого и по поводу чего Вы это узнали – Вы ему (К. П.) передали эту оценку Страхова. Страхов такой высокой души человек, что всякому *доброму* человеку должна быть дорога его оценка* +, хотя бы он и был «мал в мире сем».

Ради Бога, читайте книгу Барсукова «Жизнь и труды Погодина»; это действует и успокоительно и отраднo, как Гомер на Вертера или, еще лучше, Плутарх на все поколения.

Сегодня жена прислала мне Ваше письмо к ней в Елец. Благодарю Вас за внимание к ней. Бог послал мне в ней друга и помощницу, и не был бы я такого высокого мнения о человеке, не знай ее и ее мать, которой жизнь до 67 лет есть одно служение непрерывное, – отчасти по обучению грамоте детей, отчасти по собиранию и всякого рода физическому и духовному *приючению* детей. Вы правы, что около Поб. мне лучше не служить; на одну минуту я его увидел как человека, со всею простотою рассуждающего о государстве, и хочу так сохранить его в памяти. Итак, об *этом*, службе у *него* – не будем никогда говорить; а там – если Бог даст что – слава Богу. Излишне печься об этом не нужно.

---

* О Филиппове он давно как-то сказал: «Отвратительнейший человек», а когда я при Ап. Майкове, смеясь, рассказывал о его лицемерии религиозном, Майков сказал: «Догадались-таки вы». В СПб. о Фил., кажется, нет 2-х мнений.

Больше смущает меня опасность, неприютность здесь, ибо в Контроле меня съест готовы бы, и, чего и жена не знает, иногда бывало так трудно, что слезы навертывались от унижения. Да, эти Акакии Акакиевичи бывают злы, хоть я и защищал их в литературе; но дело в том, что на меня как на «литератора» они смотрят враждебно: «А, ты умен – вот, мы посмотрим, как умен», и бывали полуиздевательства со стороны совсем мальчишек, 25–29 лет, издеательства, напр, над тем, что ищешь – не можешь найти реестра к документам, кои препровождаются в главное казначейство при депозитных квитанциях. Шкаф сверху донизу забит «делами», каждый из чиновников знает, где и как найти реестр, ибо они в шкаф укладывали «дела» и, так сказать, имеют «ключ» от шкафа, которого мне не дают, и т. д. Но, слава Богу, я все это преодолел, и Акакии Акак., увидя, что я совершенно смиренен и «ума» не выставляю, а к ним отношусь хорошо – примирились и даже стали мне помогать, так что теперь мне легко; и опаснее гораздо «литераторы» из первого отделения (где я прежде служил) с Афоней Васильевым во главе, про которых мне сказали стороною: «Если вы тонуть будете, они Вам не подадут руки». Сам Афоня со всеми этими литераторами, друзьями своими (кружок бывших сотрудников «Русского Дела» и теперь «Русской Беседы») так «либерально» распоряжались контрольными суммами (в 1894 г. выдано 30 000 наград и пособий по департаменту), что товарищ Государственного контролера Череванский (моя симпатия по *виду*, манерам, достоинству держать себя и всем распоряжениям, сколько я их понимаю) *потребовал ревизии*, и теперь, вот уже месяц, происходит ревизия департамента железнодорожной отчетности товарищем министра – вещь неслыханная в Петербурге; у Аксакова, кой назначен, прослужив 8–9 месяцев в Контроле, старшим ревизором, с содержанием 3000 в год (он нигде раньше не служил), он нашел только 8 «дел», т. е. то, что поручается 1–2 чиновникам, а между тем ему дано отделение; то же было со Введенским, библиографом, тоже прослужившим месяцев 5–6 и уже назначенном старшим ревизором и отправленным в Сибирь в составе важной комиссии; Череванский спрашивает: «Покажите мне хоть одно капитальное дело Введенского» – и его заместители не могут ни важного, ни неважного показать, ибо он сочинял критику об «Евг. Онегине» для «Русск. Беседы». Таковы-то преемники Хомякова и Киревского; славянофильство, не разрушенное в идеях, давно разрушено *в людях*.

Грязно? Что *делать* – это Петербург.

А вот у меня будет просьба более существенная – для Вас приятная: относительно отца Иоанна Кронштадтского. Оставим житейские попечения, а то Бог отнимет и то, что есть, и драгоценнейшее. У нас очень слабы дети рождаются, и Танюша тоже все прихварывает, и жена вот с тревогой шлет 2-е письмо и просится в Петербург. *Когда будет нужно* – я к Вам обращусь письменно, и Вы не оставьте дать мне письмо, записочку или что-нибудь, что дало бы средство пробиться к отцу Иоанну, т. е. пригласить его к нам в дом. Прошлого года мы были с женой в Кронштадте и не застали его там: его достигнуть – ужасно трудно; он часто отсутствует из Кронштадта, и в Петербурге бывает – у кого? как? каким способом обратить его внимание на себя,

вот на эту определенную *точку*, которую он увидал бы и посетил? Сидя здесь один и вспоминая прошлогоднюю болезнь жены (она нервная, с наклонностями к истеричности, угнетена ужасно душевно, теряет веру в людей, вообще ей нужно душевное укрепление, и в отца Иоанна она очень верит) и завидя тем, кому между всеми благами и отец Иоанн доступен, я вдруг вспомнил, что могу к Вам обратиться, и вот теперь пишу эти строки как бы в предвешание, что обращусь раньше или позже, что обеспокою Вас. —

А из письма Вашего ко мне я с грустью усмотрел, что Вы — очень устали: что же, Сергей Александрович, разве вы мало жили и трудились. О школе не думайте: важна инициатива, а камень, толкнутый с высоты горы вот на *этом* *склон*, уже прокатится по всему ее отвесу силой своей тяжести. В нашей интеллигенции — какое-то безумие: сами идут в народ, составляют земледельческие деревни, как толстовцы, как энгельгардтовцы, все усилия делают, чтобы обратиться в «Никит» («Хозяин и работник») — и, между тем, с фанатизмом, с неистовством усиливаются через школу светскую обратить этих самых Никит в себя, и не в себя даже, в недорослей до себя. Какое противоречие, какая темнота сознания! Правда, что пока Бог не откроет человеку глаза на какой-нибудь предмет — он не видит его, хотя бы и тарачит из всех сил веки. — Труд же Ваш не забудется; не знаю, чувствуете ли Вы: при обсуждении массы вопросов, вовсе не о школе только, но и социальных, в возникающих спорах молча принимается во внимание Ваша деятельность, ну, напр., при вопросе о поместном дворянстве; о противоположности будто бы дворянских и крестьянских интересов; о противоречии науки и религии и пр. Я так чувствовал часто, и видел, что тот или иной из спорящих потому только не высказывает такого-то предположения, не выставляет такого-то тезиса, что замешалось в море нашей действительности Татеево. Факт всегда обильнее содержанием, чем слово. Я Вам давно об этом молчаливом принятии во внимание хотел написать. Да хранит Вас Бог и утешает и облегчит в болезнях. Страхов у Толстого, чувствует себя хорошо. Толстой «усердно пишет новую повесть, несмотря на жару», — пишет мне Страхов.

Вам преданный *Розанов*.

23

Авг. 11 [1895 г.]

Спасибо Вам, дорогой Сергей Александрович, что не забываете меня — спасибо, п. ч. Вы один, кажется, не забываете и у Вас зоркое сердце к человеку далеко находящемуся. О способе сделать себя известным отцу Иоанну (все-таки я к нему прибегну в критическую минуту) я уже думал, но как-то страшно было такому человеку говорить: «Я — писатель — посети меня». Страшно, но иного способа выделиться и, так сказать, уловить его внимание на себя на минуту — нет, вот я и попросил Вас, думая, что как-нибудь косвенно, через известного Вам и отцу Иоанну человека, Вы сделаете это. Пока

жена вернулась ко мне, слава Богу, значительно оправившись нервами. В Петербурге мы оба стали какими-то истеричными. Грубость, тупость здешних людей – поразительна; поразительные вещи, о которых в провинции и не слыхано, здесь чуть-чуть маскируются: *славянофил* Васильев позволяет себе (мы с ним знакомы домами, познакомившись сейчас по приезду в Петербург на обеде у Романова-Рцы, сотрудин. «Благовеста» и «Русск. Беседы») нескромные обнимания и поцелуи со своими дочерьми – Александрой и Любовью (мы их так и зовем, да, кажется, и Романовы – Сашкой и Любкой), и, зайдя к нему часов в 11 утра, сколько раз видел я, что он мнет неприлично Любку, а та говорит: «Папка – дай 10 р.» (т. е. на Гостиный двор, откуда обе не выходят).

Он ходит в русском платье и каких-то желтых сапогах, а когда я в разговоре раз сказал: «Петр Великий», не подчеркивая вовсе *великий*, он резко меня перебил: «Зачем вы говорите *великий* – он Петрушка, мерзавец и гад» (т. е. что платье русское отменил); и в то же время с первых дней нашего приезда сюда, обсуждая те и се вопросы, настаивал, что храмы нужно освещать *электричеством*, и я никак не мог его переубедить, и в его тупую голову ничего нельзя вбить. Озираясь на все это, на всех этих людей, которые противны, как гробы, я думаю как-нибудь отречься от славянофильства (т. е. печатно)! Бог с ним, если оно ни к чему не нудит чиновника и ни от чего его не останавливает. – Я представляю себе, как Вам противно читать мои петербургские письма, раздраженные, ноющие про жизнь: я часто сам себе становлюсь противен, нет спокойствия и ясности духа *провинциального*. Говорят: «Петербургские люди *холодные*»: о, какая это ошибка! Они вялы, тупы, безжизненны (это я приписываю недостатку солнца), и посторонние, особенно зависимые люди, принимают это за холодность, но это – холод купели, пожалуй, холод «мхов и ягеля» полярных, а не камня, не бронзы. О Барсукове я написал большую статью, и Берг требует смягчить выражения: «Помилуйте, вы его считаете чуть не гением!». Но я по сердцу его считаю гением, по чистоте, неиспачканности сердца. Я с ним здесь познакомился: классическая наружность и обстановка комнат. Обедают они (их 4 брата) в комнате, которая у них называется «Патриаршей»: это – коллекция всех иерархов русской церкви, распределенная по 4-м академиям, где они кончали курс, развешанных по стенам. И остальные комнаты – удивительны в полном смысле: представьте, все почти русские писатели, и многие с автографами, и другие «достопамятные люди» земли русской. Я им восхищаюсь как человеком: живая «жизнь и труды Погодина». Прибавлю, что *наивности* в нем ни капли нет, есть только несокрушимая крепость православия и русского духа; он, напротив, очень желчен в отзывах – кричит; имп. Алекс. III очень любит: «До него просто нельзя писать русской истории, – сказал он, – это – одно неприличие (он резче выразился); Ал. III показал, что значит нравственность; без подвигон он возвел Россию на высоту». Кажется, он не читал мою статью «Смысл недавнего прошлого», и я рад был, что совпал с ним во взглядах на Алекс. III и его значение. Простите, что пишу мелко: хочется больше написать, а бумаги больше нет. – Я у Барсукова выпросил все IX вып. его «Илиады» и говорю с

ним так легко, как будто долгие годы знаком. Очень я вошел в его дух. Он, между прочим, бранил и Страхова (тот мне писал, что здоровье его лучше, а Толстой пишет горячо и с увлечением новую повесть): «Такого человека посадили в члены Ученого Комитета – а он с Толстым дружен и Бог знает во что верит». Я это понимаю; Страхов тонок и умен, но ужасно *расшатан* (у него много горечи по поводу этого, но это мне только он дал подсмотреть, при других имеет вид твердый и спокойный), и это хуже, чем *не очень подсматривающая* вера, и даже дальше, я думаю, от истины объективной. Философия и науки слишком дробят явления, и, как лягушка, сидящая на перилах железнодорожного моста, никак не могут понять его смысла, назначения, основания его бытия, так и для ученых мир темнее, чем даже для простофилей, которые удивительно чувствуют *целое* мира, чувствуют не столько головой, сколько опять целостным существом своим. Я как женатый человек и имеющий детей могу сказать, что есть некоторые тайны душевные и жизненные, которые навсегда останутся темными, неясными, незначущими для человека, не испытавшего брака – и в самом деле в них прямо сказывается Бог. Напр., что нет тайны у мужа от жены и обратно, и даже в том, о чем они никогда не сообщают друг другу, тяготеют сказать. Равно поразительно взаимное влияние, как бы уподобление, ассимиляция – она опять не в делах, а именно в темных, затененных, не высказанных сторонах души. Далее – наследственность, эта неисчерпаемая глубина органического мира. Поэтому на Чернышевского, Добролюбова и др. я просто смотрю как на детей, которые множество отвергали, просто этого не испытал. Они похожи были на одного индусского раджу, который велел казнить за наглую ложь перед ним одного миссионера, который сказал, что у него на родине вода в некоторое время года становится твердою. Прощайте, мой дорогой. Пишите, трудитесь (теперь пора – в меру), размышляйте. Ваш путь – годы последнего озирания мира, суммации его смысла. Я бы на Вашем месте писал мемуары, даже мимолетные заметки о людях, коих Вы знали. Способность художественной критики в отношении к явлениям жизни и лицам – в Вас преобладающее начало. Жаль очень Лутковского. Поклонитесь ему и Варваре Александровне.

Ваш В. Розанов.

Напишите мне о статье о Толстом моей – и даже если не соскучитесь и не покажется неловким – и о другой в августовских книжках. Будьте здоровы: *берегите* себя.

24

Авг. 23 [1895 г.]

Дорогой Сергей Александрович! Мне очень грустно, что я так долго от Вас не получаю письма, – потому особенно, что боюсь, не больны ли Вы настолько, что Вам нельзя писать. Если да, то пусть Вар. Алекс. напишет 2 строки, что с Вами, какая болезнь и что говорит доктор – и хоть без подписи вложит в конверт и по моему адресу отправит (Петербург, Петербургская сто-

рона, Павловская ул., д. 2, кв. 24). В сент. будет моя большая статья о Барсукове; Берг прибежал в Контроль и просил выкинуть излишние похвалы, но я врал бы против души, если б их выкинул, и все оставил. Занят статьей «Интеллигенция и народ» – по поводу ассигнования 3000... на церковно-приходские школы. Эту статью Вы мне невольно внушили, написав, что свою превосходную статью «Церковная школа» – написали по случаю этого ассигнования. Я подумал: дай и я помогу этому же доброму делу. Общество безверное – *бесится* на церковную школу, она решительно выбивает его из колеи. Читали, что пишет «Вест. Евр.» и меньшая братия? Главный преступник против церковной школы был Д. Толстой. Этот человек всю власть имел у себя в руках и ничего культурно-созидательного, духовно-эфирного не сделал; ненавижу его и презираю. – Даже народники и нигилисты лучше его; те идут в народ с надеждою, порывом, хотя и безбожники. Он был такой же безбожник и, как бревно, как колода мертвая, лег на Россию. Даже нигилисты так не бесились бы, если бы не его без-мысленная строгость. Мне понятна не только строгость, но и жестокость, когда она идейна. Но в Толстом ничего идейного не было, кроме классицизма, коего он не знал (но, вводя классицизм, стал брать уроки греческ. яз. у Каэтана Коссовича). Замечательно, что классицизм вообще вводили у нас не классики, и потому так скверно ввели его. – Тут и Катков виноват, у кот. «интеллигентности» – как ни гадко это слово – тоже не много было. Это представители России как торжествующего Я, без вопроса о его правде и содержании. Еще в «Русск. Обзор.» я написал статью: «Схема развития славянофильства» – где от него отказываюсь и говорю, что его больше нравственно и практически нет. Не хочу быть со смердами, коих можно продать, купить и разменять за 10 р., – а здесь я их встретил целую кучу, тотчас прямо попал в их северное логовище, – правда, со всеми раззнакомился и почти уже не кланяюсь. Это что-то (простите) похабное и жадное в одно и то же время. – Здесь разыгрывается в газетах грязная история между Мещерским и Тертием. Тертий, с новым царствованием, топит своих прежних однокорытников, и, конечно, успеет в этом, ибо ловчее всех. Кто знает закулисную сторону этого дела, не может не ахать. Тут обобрали, при Кривошеине, бедного Голике, кот. входил с просьбой, ища защиты, к Череванскому, и Череванский доложил о Голике (с коим произвольно нарушили до окончания договор, и он ждал дом и машины для типографии) Тертию, а Тертий, еще хлебая из корыта Мещерского, положил под сукно. Голике, говорят, чуть не со слезами в передней Кривошеина говорил: «Я расскажу, как вы меня разоряете, в газетах». Ему сказали: «Если расскажете – вы ничего не получите, а если будете скромнее, мы Вам дадим крохи»; и работы были сданы Мещерскому в 4 или 5 раз дороже при молчании Контроля. А теперь Контроль (какова правда!) делает начет, и уже начел что-то около 20 000 руб. на Управление каз. ж. д., и, говорят, этот начет будет взыскан с чиновников хозяйственного отдела У-ния каз. ж. д., конечно, и пикнуть не смевшего при Кривошеине о невыгодности договора. Ну, простите.

Вас искренне любящий

В. Розанов.

Уж я узнал, дорогой Сергей Александрович, что Вы здоровы, из первого Вашего письма – и успокоился. Знаете, есть люди (я некоторых знаю и знал в частной жизни), которые нужно – чтобы они *жили*, даже если они и не делают, не совершают ничего по усталости, по возрасту, простые люди – по неучености и целому кругу их деятельности; нужно просто, чтобы они *жили* и смотрели на красоту Божьего мира; их важная функция – не могу не сказать: *в мироздании* – состоит в том, чтобы другие люди на них оглядывались, и, оглядываясь, что нужно запоминали, принимали во внимание при своих трудах, *внутренно* укреплялись. Мне всегда Вы представлялись в Татеве таким (до чего охотно еще раз приехал бы я к Вам по лесам и ложбинам!), и тоже Ник. Ник. Страхов. Я боюсь, что Страхов уже ничего не напишет теперь, он и не собирался, и не в этом, вовсе не в этом дело, чтобы было написано, сказано, даже сделано.

Пишу это все на Ваши слова об усталости и трудности для Вас теперь школьных хлопот.

Нужно, главное, чтобы не умирали люди – лучшие нас: это дает силу жить; не любя и не уважая самоубийц, и даже их совершенно презирая, я не знаю, нашел ли бы силы жить, если бы не был уверен, что живет еще множество людей несравненно, неизмеримо лучших, чем я. Для того и пишешь: это *им* в помощь, без всякой мысли о себе. Кстати, донесся слух о Страхове (он в Крыму, у вдовы Данилевского и так хотел пробыть до ноября), что он нехорошо там себя чувствует и собирается в Петерб. – Вы, верно, не знаете сборник его статей *со стихами*: я сам его стихов никогда не читал, но на днях приходит ко мне Стахеев («Ныне отпускаеши») etc. и, сообщив известие о Страхове, спросил сборник его статей и сам прочел стихи, которые я Вам приведу:

Дума

Покой и свет вокруг меня;

Все узы мира я оставил,

На чистый пламень бытия

Я взор души своей направил.

Но часто тускл усталый взгляд,

Но язвы давнего растленья,

На сердце старом вновь горят,

И меркнет радостное зренье.

Бог милосерд! Он мне пошлет

Свое святое испытанье,

Он зло мое во мне сожжет

Огнем предсмертного страданья.

Подчеркнутые строки удивительно выражают *его* и что вокруг его, в последние четыре просто страшно читать ввиду приближающегося страдания. *Веселым* после операции я его видел только в больнице. Мультиановский

ему сказал: «У Вас удивительный организм – несколько не испорченный, удивительное сердце и нервы». Не знаю, к этим ли словам отнести источник его радости – но только он был так светел, как вернувшись к себе, к Торговому мосту – уже не был никогда. Бывало, как приедешь к нему в больницу, он сейчас пишет в тетради: «Ну, рассказывайте же!» (говорить 2 недели ему нельзя было) – а что рассказывать, только смотришь на него и дивишься, зная о страшной действительности. У него был в больнице Делянов и Георгиевский, и Делянов написал письмо Мультановскому, прося все возможное оказать пациенту. Добрый старик – и, конечно, веселей жить, зная, что здесь и там есть добрые люди. Страхов ужасно доверчив: его лечил врач Рюльман, много Страхову обязанный (мне говорили) – и, видя язвы около 5 месяцев до операции, – не узнал рака. Это ужасно, а некоторые говорят – и бесстыдно, ибо не узнать рака он не мог и ничего не говорил больному, продолжая преспокойно лечить горло и железы за ухом. Здесь, впрочем, медицинская помощь никуда против московской: из Воен.-Мед. Академии идут в армию и флот, а практикующие врачи, врачи улицы и площади – понаехавшие сюда евреи и немцы, искатели, карьеристы. Здесь больницы «городские» так и распределены: если уже евреи – то ни одного немца, если немцы – то уже ни одного еврея. Почти рядом с нами родильный дом Марии Магдалины, где жена лежала: Шмидт (главный доктор), Эйфус, Шуфенбах, Гесс, Личкус – ни одного русского. И так, мне говорили, везде. Ну, уж «руссификация» окраин. Кстати, прочтите *заключение* статьи Липранди в сент. «Русск. Обзор.» – я почти не сплю, постоянно натываясь на такую действительность. Вот почему есть дело патриотизма писать о смысле монархии, и разделять, сколько есть сил – разделять ее от нашей преступной, полукрамольной бюрократии, этого безумного ордена нашего исторического самодержавия, нас она губит, как иезуиты погубят своими *услугами* нравственный и религиозный авторитет папства. Ваш любящий В. Розанов.

26

14 окт. [1895 г.]

Дорогой и милый Сергей Александрович! Чаю, как Вы сетовали на меня за долгое молчание и, может быть, уже приписывали его всему, кроме того, чему следовало. Берг переврал мое объяснение по поводу Толстого – я вскипятился, ему послал очень бранное письмо и написал в «Русск. Обзор.» письмо и просьбу воспроизвести в точности «Объяснение»; оно было писано *Вам*, и мне в голову не приходило отвечать Чуйкам и Буренину – Христос с ними, что им Гекуба... Вы уж простите меня, что я назвал Ваше имя в письме к Александрову – все как было: не умею и не хочу выдумывать. Только устроил это дело и иду в Тов. «Общ. польза», говоря, что у меня почти готова им статья; говорят, в ноябрьскую книжку уже нельзя, да если хотите в декабрьскую – то торопитесь к 15 октября представить; я хлопотливо принялся за дело, и вдруг присылаются моей дочке старшей 300 р. на роля от Преосвященно-

го Ионафана Ярославского (ее дед по матери) – пришлось бегать по объявлениям и отыскивать. Так, дорогой мой, суета и одолела. Читая Вашу статью, я все думал: Вы так молчаливы при устной беседе, не разговорчивы, а между тем у Вас уже все обдумано, т. е. что, напр., тревожит и тревожит мою голову – томит и Вашу душу, – все *тончайшие* детали обучения. Действительно, секрет вовсе не в программах, действительно, «впечатления действительности» – одолевают без труда точный смысл научения (у Вас – в словах о бедных учителях сельских).

И, наконец, в формуле «школа есть училище благочестия и добрых нравов» выражен тот христианский идеал училища, который в слишком светской статье «Сумерки просвещения» я боялся назвать страха ради иудейска (=«либерального»), но в статье «Смысл недавнего прошлого» (по поводу смерти Государя Алекс. III) у меня вырвалось как идея «благочестивого быта» в качестве политического и вообще культурного идеала. Но мы так далеко стоим от нашего времени, что, это *самое веяние* для нас в наших чаяниях вовсе даже не замечается нашими читателями. Удивительно в Вашей статье слово о Толстом: «Смутно и странно (тут отрицание его), но прямо и искренно заговорил о Боге, о жизни для Бога и в Боге» (тут – утверждение). Действительно, это есть истинная на него точка зрения: как на *христианина*, а не как на ересиарха (еп. Никанор). Дело в том, что по букве своих слов он, конечно: ересиарх, но ведь нужно вспомнить, что он вышел из совершенно атеистического общества, коего картину Вы в статье своей начертали, а от содомитян, уловляющих гостей Лота – пробиться до заблуждения Ария или Нестора уже есть великая заслуга перед людьми и прямо добродетель перед Богом. Бог наделил меня каким-то психическим чутьем – и я чувю, что Толстой даже церковной (в нашем с Вами смысле) точки не будет отвергать, лишь временно и по особенному целомудрию языка упираясь перед нею, как сильный бык. Вспомните его «Крейцерову сонату»: ведь в тоне его почти нет осуждения тому купцу, который в вагоне говорит с Позднышевым, и про коего «дамы» говорят потом: «Суший домострой» – и есть ясное брезгливое отношение к адвокату с «новыми вещами» и даме «с измученным лицом». О, это великий наблюдатель жизни, и массу скорби за жизнь в ее уродстве принял в душу свою. К церкви же он стоит гораздо ближе, чем кажется. На этом, на чутье к Толстому я и основал статью свою (кстати, Страхов сказал, что ничего против *тона* не имеет, но я ошибся, пытаясь угадать недостатки Толстого; но я почему-то, каким-то инстинктом чувю, что скорее тут Страхов ошибается). Но будущее покажет, где истина, а вот пока оправдание меня: *Вл. Соловьёв* – пришел ко мне знакомиться, – после всего, что было между нами сказано; т. е. как бы молча признал, что ошибся, считая меня Иудой или даже сознательно клеветал; а главное – признал в этом странном и интимном шаге, как верно я угадал его психику, написав («Отв. Вл. С-ву»), что он «подобен дереву без корня, которое вечно к кому-нибудь клонится». Я чувствовал, что в этом человеке тоскливых порывов нет веры, и, след., нет покоя и радости в его душе; и, конечно, его либералы не могут ему этого дать; он попросил у

меня «брошюру об «Инквизиторе», и так как я не мог скоро найти, то обещал принести ее при ответном визите; а когда уходил от него, попросил у него чего-нибудь – напр., «Россия и вселенская церковь» (т. е. чего у меня нет и я не видал), – он говорит – «Это археология – я вам что-нибудь более близкое и отвечающее моему теперешнему настроению дам». Так как его тон примирения я считаю истинно христианским, то, уходя, я поцеловал его «не яко Иуда», но искренно; а Вас прошу сие посещение сохранить в абсолютной тайне, ибо оно чрезвычайно щекотливо для его самолюбия, а мы редко умеем гордиться добрым, что делаем, в то же время это нас унижает перед миром. Он погружен в мысли об Антихристе теперь, и, прощаясь, тоже сказал: «Как я рад, что с Вами познакомился: разве в образ. классе России найдешь хоть 10 человек, с которыми об этом (т. е. Антихристе) можно бы поговорить» (я ему сказал, что Антихрист будет тот, кто даст и научит всему, чему научал и что дал Бог – но *от себя*, и скажет, что это не от Бога). Я немножко боюсь, что этот удивительный и деликатный шаг Соловьёва, в связи с моей мягкостью, заставит меня податься в его сторону в литературе; так сказать – щадить, замалчивать, прощать то, чего не следует щадить. Хотя, по смыслу его шага, и будь я пожесточе нравом – конечно, нужно бы ожидать обратного. Он пришел ужасно смятый какой-то; почти все молчал, и жена говорит, что во время чаю он ни разу не поднял глаз; я же очень ругал его друзей Кареева (мой *bête noire** – Ашимов «историософии»), младенца Грота и Трачевского и упрекал его, что ради какой-то деловой партийности он поддерживает в критических своих статьях, таких дураков. И вообразите – он отрицал, что Кареев = Ашимов. Это до того меня удивило... По личному моему впечатлению – Соловьёв очень несчастный человек; как я его определял – все верно: в нем есть дары только к второстепенному: выучить еврейский язык, пройти сверх Университета – Духовную Академию, сказать о Достоевском речь – за которую «вышлют» – это все он может; но уединиться, сосредоточиться, сохранить свое сердце от лукавства, – к мысли гениальной, героическому самоотвержению он не способен. К нему всего более идут слова лермонтовской «Думы»:

Ни бросивши векам *ни мысли плодотворной,*
Ни гением печатного труда

– к гробу мы спешим. Он произвел на меня впечатление разрушенного корабля; что-то растерянное, спотыкающееся, ищущее, за что хватиться, есть в нем. И судя по тому, за *осколки* каких жемчужин мысли он хватался со своим сухим деревянистым хохотом при моем визите у него – он умственно даже не даровит. Потом – огромное отсутствие *русского* в натуре, недостаток размашистости, ширины, открытости; папаша все *себе* взял в роде Соловьёвых – и остались какие-то «между-человеки» или «обще-европейцы» в его детях. Вы заметили в Вашей статье корректорские ошибки: это ужасно;

---

* антипатия (*фр.*).

на стр. 442 «яркая сигнатура» – знаки препинания совсем перевернаны, и Александров не чувствует этого. – О Вас недели 2 назад со страхом спрашивал меня школьный мой товарищ, учитель Карачаевской прогимназии, Алексей Н. Овсянников, говоря, что есть слухи, будто Вы опасно больны; я его успокоил – и Бог дай, чтобы Вы долго еще сохраняли нужное всей России здоровье. Ваша статья о «Церковной школе» большая заслуга (и как хорошо, что бросают неуклюже длинное заглавие «церк.-приходская» – к чему такая не русская точность и ригоризм в названиях). Кстати: *начинать* обучение чтению нужно с славянского алфавита, и потом переходить к русскому, тут важна духовная перспектива. Не смею и высказать своей мысли печатно, но в письме скажу: в школах грамоты совсем бы следовало не начинать нового, гражданского шрифта. Этим раз и навсегда народ был бы отучен от «Новейших песенников» и издание вроде «Адская почта любви и наслаждений» – «Ключ к женским сердцам» (представьте – это *есть* и даже в каталоги попало). Через отделение от гражданского шрифта Россия имеет возможность навсегда, навечно сохранить народ в «атмосфере» хотя бы идей только «благочестия и добрых нравов». А интеллигенция пусть идет куда знает, никого за собою не увлекая – так сказать, паруса без корабля. Ваш любящий В. Розанов.

27

24 нояб. [1895 г.]

Удовлетворило ли Вас, дорогой Сергей Александрович, мое «разъяснение» насчет Толстого? В декабр. «Русск. Вестн.» будет статья моя «Гордиев узел» – так сказать, *методология* нашего самоуправления, самый больной, самый мучительный вопрос нашей внутренней жизни, ибо ни на бюрократию – этот иезуитический орден нашей монархии – положиться и рассчитывать нельзя, ни на парламентские формы самоуправления – этот разврат, эту проституцию общественной жизни, надеяться нечего. Вместе с вырезанною из «Русск. Вестн.» статьей «О подразумеваемом смысле нашей монархии», кою цензура вырезала только по наивности – я ее отдал Александрову, и он об ней будет советоваться с Феоктистовым – в двух этих статьях буден дан приблизительно полный очерк некоторой чаемой политической системы. Это всё – части Civitas Dei* – «Взыскуемого Града», которого мы все ищем, в искании которого цель и оправдание нашей жизни. С великим удовольствием и удивлением прочел в ноябрьской книжке «Книжек Недели» (есть такой *радикальный* орган) большое, сочувственное и очень уважительное изложение Ваших мыслей о Civitas Dei и compascere** и о критике Вами наших недавних идеалов. Да, радикалы гораздо ближе к нам, чем либералы «Вестника Европы» (нужно бы читать «Вестник Евро-

* Град Божий (лат.).

** сострадать (лат.).

пы», насколько она поживовела): от *этих*, в сущности, успокоенных, самодовольных людей – нам нечего ожидать пощады и милости; они с таким спокойствием состригут головы со всех нас, со всего нам дорогого в России, со своими жидками, полячишками, парламентишками и женскими курсами, что если мы рассудительны – мы должны постараться всеми мерами предварительно вытолкнуть их вон из России; напротив, радикалы – только невоспитанные, только жестокие младенцы, люди без всякого жизненного и духовного опыта. Они не рождали детей; жены у них не требовали развода; дети не грубили им, не были с ними жестоки; они не испытали всего, что мучит и гнетет в жизни, не видали ее хаоса, ее неустроенности; и вот почему вздох по *Civitas Dei* – им не понятен. Но они искренни, честны; это – одно, что нужно в истории; они доразовьются до всего, до чего нужно; жены им изменят, и с нахальством скажут: «Что же, он вкуснее тебя», дети скажут: «Вы, папенька, глупы»; жидки, которых они усердно призывают на место Кит Китычей, разорят их* – и они вздохнут, как мы, и обратят взоры к *Civitas Dei*. От радикалов я всего [sic] надеюсь в будущем, напротив, либералам я желаю только умереть, т. е. желаю видеть их только выносимыми за Эйдкунен; первые – зеленые, вторые – старые и гнилые.

Вы простите меня, голубчик, что я все письмо наполнил литературой. – В визите Соловьёва, коему Вы удивились и вознегодовали на него, и было признание себя неправым, т. е. облыжно называвшим меня Иудой: он вошел до того измученный в лице, в манере, а во время чаю ни разу не поднял глаз, как мне потом сказала жена, за ним следившая. Не менее удивила меня живущая у Вас племянница Ломоносова: неужели Михаила Васильевича Ломоносова? Но каким образом? И сколько же ей лет? Очень, очень боюсь, что мое письмо придет к вам не во время, т. е. когда она, может быть, умерла. В свете смерти все наши тревоги (литературные и политические) представляются до того ничтожными, и мы сами с этими тревогами – так мелочными и грязными, что можно сразу потерять уважение к человеку, получив от него не вовремя и неуместного содержания письмо. А потому будьте ко мне снисходительны. Верьте только, что всякий акт смерти никому так не близок, как мне, никто с таким страхом и благоговением в него не всматривался: только в нем человек становится священным; молчит всякое осуждение перед ним; только совершенная любовь следует за человеком, сходящим в гроб. Страх увядает; целую Вас крепко, крепко. Ваш

В. Розанов.

---

* Страшную весть я слышал о сыне поэта Тютчева, бывшего предводителем дворянства в Орл. губ. – уже здесь слышал: за 1 р. он крестит незаконнорожденных детей в родильных домах, а за 3 р. исполняет роль посаженного отца на мещанских свадьбах. Начало его судьбы я слышал, еще живя в Брянске – добрейший и мудрый барин, он не заметил, как около него выросли долги, – и все было продано с аукциона; здесь же случайно в конке, назвав его фамилию, услышал его конец.

16 дек. [1895 г.]

5 и 6 декабря, дорогой Сергей Александрович, я пережил большую радость – такую большую, какой давно не переживал. Прихожу в Тов. «Общ. пользы» получить плату за статью «Гордиев узел» – встречаю там Берга и Стахеева; после нескольких слов Берг говорит: «На днях является к Барсукову, Ник. Пл., от имени какого-то московского господина представитель и говорит, что его доверитель, прочтя статью Розанова в «Русск. Вестн.» об его труде и о том, что он все средства свои на него потратил – предлагает ему средства для издания всех последующих томов». Не можете Вы представить себе мою радость, ибо Барсуков действительно – достойнейший человек и по самоотверженности личной и духу, который упорно в себе хранит – явление в наше время исключительное. Я думаю, я так же был обрадован, как и Барсуков; хотел сейчас писать Вам, но написал Страхову – как ближайшему. 6-го декабря прихожу вечером (он именинник) – он говорит: «Был у меня Аф. В. Бычков (директор Публ. Библ.) и сказал, что не только неизвестный господин обеспечил издание последующих томов Барсукову, но так как он уже стар, то просил его составить приблизительный расчет, сколько томов еще выйдет и сколько приблизительно будет стоить издание каждого тома: он оговорит эту сумму в духовном завещании, как предназначенную для оплаты издания «Жизни Погодина». Сладко это мне было слышать, ибо это – первый практический плод трудов моих, а то отчаяние берет, что все – бряцание пустое, как я вообще склонен смотреть на литературу, отчасти и на свои писания (отсюда – иногда цинизм в моих статьях, как бы их никто не читает, с другой стороны, и искренность – я пишу, как бы говорю у себя в комнате, где кроме меня никого нет). Спасибо Вам за отзыв о «Красоте в природе» – я его передал Александрову, вместе с неблагопр. вашим отзывом о статье о Толстом: это было очень кстати, ибо статья о красоте ему, по-видимому, не понравилась, и он с удивлением переспросил: «О красоте в природе?» По форме – она скучна, конечно, для журнала – тяжела; *но нужно как-нибудь мыслить природу и органическое развитие*, и хотя бы 1000 раз были убеждены в недостаточности дарвинизма, если мы не имеем другого *положительного* объяснения, если хоть его *возможности*, к нему *лазейки* – мы в силу устройства своих способностей вернемся к дарвинизму, в тайне души – будем его исповедовать; ибо совсем никак не мыслить о том, как же развился органический мир, не можем, достигнув известной степени умственного развития. Я беру самые общие факты: мир – развивался, он – усложнялся, т. е. наполняющая его энергия – возрастала в количестве; что возрастает – приближается к своей причине (свет – около источника сильнее, радость – в первый момент ощутительнее, падение камня – быстрее в последний момент, полет – быстрее в первый момент). Ерго* – причина приближается во времени к

* следовательно (лат.).

органическому миру, или, перевернуть – он приближается к своей причине. Но он – не один: органический мир, человеческие расы, история в высшей из них – белой, в истории – политика, искусства и науки, талантливое и гениальное; все завершается и дальше не идет, дальше не ищет, когда приходит к Богу. Ерго – вот солнце. Это ужасно просто; вместе – это правдоподобно, это – лазейка, куда все-таки можно просунуть голову; но я ужасно *намямлил* эту статью, ее надо было изложить коротко и просто, почти как это письмо. С Бергом у меня была превеликая буря, равно и с Тов. «Общ. пользы». Нужно сказать, что положение мое литературное – довольно трудно. После статьи о Толстом приходит в Тов. «Общ. пользы» (теперь – там редакция) один из сотрудников «очень важный – Вы его знаете, но имени открыть не могу» (слова Берга) и говорит, что если «Русск. Вестн.» напечатает еще одну такую статью, то он отказывается участвовать в журнале (это было одной из причин, что я написал «Объяснение»), а после статьи Буренина в «Нов. Вр.» В. И. Вишняков – добрейший человек, протест-директор Тов. «Общ. П.» – «пришел в положительное уныние» (слова Берга). Я поехал с ним поговорить, и он мне одно: «Нельзя, В. В., нельзя: это не литературно говорить *ты* писателю: Вы с ним брудершафт не пили»; видя, что все до такой степени в моей статье неясно для читателей – я предложил Вишнякову, или, собственно, высказал мысль, а он подхватил: «Если бы, говорю, я твердо стоял в «Русском Вестнике» и больше имел доверия от Вас и свободы для себя – я написал бы объяснение, в коем пристыдил бы все эти инсинуации Буренина и других как пустые и ничтожные» (а Буренин для них всех – сила, Вишняков добродушнейший называет его прямо *прокурором* литературы). Но трусишка Берг взял и обкорнал мою статью в последней, *своей* корректуре; я ему написал очень резкое письмо, говоря, что это *он* может извиняться печатно перед «Нов. Вр.», а я не могу, и послал к Александрову. Правда, я рассчитывал, что ни Берг, ни Вишняков не заметят повторения в «Русск. Обозр.», но вдруг получаю письмо от Берга; по выходе книжки «Русск. Обозр.» – «Возьмите «Гордиев узел» назад» etc. Тут мне нужно было в тот же день выехать из Петербурга по делу, не терпящему отлагательств, и я поручил съездить Варю к Стахееву, а Стахеев накануне был у нас и тоже шумел за необдуманность шага, что его не следовало делать, не посоветовавшись с ближайшими сотрудниками журнала (Ачкасов-Матвеев, Д. Стахеев, Берг, Вишняков, еще кое-кто). Но он очень добрый, а так как имеет влияние на Вишнякова – то я думал, что дело как-нибудь уломается. Варя поехала к нему (это уже без меня), он успокоил ее, говоря, что В. В. горяч и, конечно, не так сделал, но зла он журналу не хотел, и обещал все сделать. На другой день Берг в роскошной шубе и экипаже подъезжает к нашей квартире, Варя выходит к нему, и он, не здороваясь (был у нас раз, тотчас по переезде нашем в СПб.) – начинает кричать, что я Бог знает что делаю, и кончает тем, что «больше ни одной статьи В. В. в «Русском Вестнике» не будет напечатано», она же ему, высказав, сколько мучились мы с получением от него денег, пока журнал был в его руках – сказала на последние слова: «Посмотрим», и поехала в Тов. «Общ.

пользы». Вишняков принял ее, как отец, успокоил и обещал, что статья будет напечатана; говорил: «Мы все очень жалеем В. В., что он делает со своим талантом, прежде его статьи были украшением журнала, а теперь он сам губит свое имя и репутацию, говорит писателям *ты*» и пр.; и высказал, что они все смотрят на меня как на больного; она же объяснила, что я болен от службы, которая не дает времени писать и жизни не обеспечивает (кстати – Аксакова Третий преспокойно усадил, после ревизии Череванского, что-то на 3 800 руб. без необходимости являться на должность, и он бывает в Контроле лишь 20-го числа: чиновн. особ. пор. VI класса). Приезжаю я, побывал у Вишнякова, поблагодарил его за внимание к жене и доброе к себе отношение. – Потом вижу Страхова (он обедает у нас через воскресенье) и рассказываю ему историю. Он говорит: «Конечно, вы были вправе перепечатать объяснение в «Русск. Обозрении». – «Но ведь я не спросился», – говорю я. – «А разве они вас спрашивали, что делали изменения в вашей статье, и советовались с Вами?» Источник же всей этой горячности с нашей стороны был тот, что без «Русск. Вестн.» абсолютно невозможно нам существовать. Так все и уладилось. Берг очень хвалил потом «Гордиев узел», хотя я недоволен изложением: так все горячо и смутно. Ну, простите, записался я. Целую Вас крепко. Варваре Александровне поклон. Нынешнюю зиму у нас потеплело, нет прошлогодних страданий, дочурка маленькая – слава Богу, Варя – не больна, финансы мало-помалу приходят в порядок, и мы с Варей взяли даже 2 билета в итальянскую оперу, наверху, за 25 руб. и будем наслаждаться Зембрих. – Так-то колесом идут дела на свете, где радость, где горе, – где труд, где удовольствия. Любящий Вас В. Розанов.

Немножко я сетую за устройство администрации наблюдения над церк.-прих. школами. Не сделана ли она ввиду ничтожных обвинений либералов, что церк.-прих. школы существуют *фигтивно*. Я боюсь, как бы при Синоде не возникло повторения Мин. нар. пр. – Еще *questio vexata** насчет Штевен: нет спора, что ее школы *вне-церковные* опаснее отсутствия всяких школ, – с кем я говорил из нашего лагеря – все не имеют на это двух точек зрения. Но вот что мучительно, мучительно относительно самой Штевен, и что есть вопрос о всем нашем бытии: она строит школу и говорит: «Я буду им читать детям Евангелие, я буду толковать его рационалистически или à la Толстой, *не-церковно, но общеморально, etc...*

– «Нельзя, – говорит *officium***.

– Я пойду в дом терпимости...

– Что на это скажет *officium*?

Если бы камень раздробляющий он пустил и во втором случае – понятно и допустимо, что он пускает и первый камень – на внецерковную, *лаическую* школу. Но если во втором случае он отвечает:

«Пожалуйста» или «Как хотите».

---

* неприятный вопрос (*лат.*).

** чиновник (*лат.*).

– Ясно, что он не может опустить камень раздробляющий и в первом случае. Нельзя какого бы то ни было типа школу закрыть, если не закрыт рядом стоящий дом терпимости; нельзя сказать: «Не учи так-то», если не говорится: «Не развратничай» и вот...

Мы стоим перед черной революцией. Никто более меня ее не желает; никто так не желает великого *katarsis* для жизни, но это будет именно революция, обновление, и оно должно начаться с улицы, проникнуть в дома, позднее всего – в школу. Но «Бог упасет нас, ими же путями ведает».

29

13 янв. [1896 г.]

Дорогой мой Сергей Александрович! Еще – уже в последний раз пишу Вам о *деле*: знакомый мой, Ник. Ник. Новиков, член Совета по делам печати – выходит за болезнь и старостью в отставку, на его место передвигается *цензор* Катенин, и должность цензора остается вакантною. Это в среду у Страхова мне сообщил П. А. Матвеев (= Ачкасов). Я спросил, могу ли занять место цензора? «Отчего же, вы писатель, и писателям делается преимущество при выборе. Конечно, если за вас попросит кто-нибудь – без этого ничего нельзя сделать (сам Матвеев *цензор*), так что если Вы думаете об этом – то спешите, п. ч. Новиков уходит теперь». Жалованья сперва 2500 и позднее 3000. Я получаю теперь 150 в месяц + 50 из «Русского Обозрения» ежемесячно, что обеспечивает мне норму бюджета [44] квартира + 100 обед, чай, завтрак + 10 р. в кассу + 4 р. вычеты на инвалидов + 2 р. пенсия вдове Каблица + остальное на разное] и из «Русского Вестника» – на платье, помощь детям и вдове брата Николая, удовольствия. Вообще теперь – слава Богу, нужды нет, но это при том *героическом* напряжении сил, кое я делаю, и которого на долгие годы не хватит. Теперь, дорогой мой, послушайте: не будет Вас, не будет Поб. (к коему, *утопая*, – я все-таки побегу без смущения) – я абсолютно одинок останусь в мире (Страхов – мой лучший заступник – перед гробом). С семьей, с детьми *ежегодно* рождающимися, с силами упдающими – могу ли я быть спокоен? Не говорю о тюрьме моей, в полуподвальном этаже Д-та железнодорожной отчетности (2-е отделение) с сырым воздухом, с окнами *без* выставляющихся хотя на лето зимних рам, прямо от земли начинаются, и откуда выход в безоконный коридор, со шкафами с бумагами за старые года, в одном конце которого сортир и в середине кухня, где наш служитель готовит чай и кофе – с вечно горящей горелкой газа. Тут-то, гуляя во время отдыха и куря, я заражаюсь некоторым видом консервативного якобинизма; и, в сущности, без этого коридора – вовсе необъяснима моя в СПб. литературная деятельность, как и Ваши статьи – без *детства* в Татеве. Я теперь смеюсь, потому что мною овладела надежда из этой тюрьмы вылезть. Так вот, голубчик, сия надеющаяся птичка Вас молит (NB. *Само собою* разумеется, что если ничего этого не выйдет – а мной опять овладевает сомнение – все и вся и *в отношении ко всему* во мне останется неизменным):

Напишите без промедления Победоносцеву, что простой факт христианского милосердия лежит перед ним; если он напишет Горемыкину письмо с самою легкою просьбою на открывающуюся вакансию цензора с окладом 2 500 р. определить:

Окончившего в 1882 году в Московском университете, – по историко-филологическому факультету, кандидата Вас. Вас. Розанова, и исправлявшего должность преподавателя истории и географии последовательно в прогимназиях Брянска (5 лет), в Ельце (5 лет) и в Белом (2 года), причем все перемещения сделаны по собственному желанию г. Розанова, имеющего чин Коллежского Советника и орден св. Станислава 3-й степени; ныне исправляющего должность чиновника особых поручений VII класса при Государственном Контролере и откомандированного для занятий в Департамент Железнодорожной Отчетности,

человека трезвого, исполнительного, трудолюбивого

– то Горемыкин (как я слышал у Страхова – недавно, он попал в министры – предполагался Плеве – в силу замечания, Поб. сказанного Государю: Мин. внутренних дел никогда не был с иностранною фамилиею – было только одно исключение, и это был Лорис-Меликов)

– маленькую записочку на розовой бумаге Феокистову, – и для литературы будет спасен писатель, для жизни – человек, для малюток – отец.

Я задумал удивительнейшую статью: «Христианство и язык» – т. е. на тему, коих никогда не касался, кои и в голову мне никогда не приходили. Помоги Бог! 25 стр. моего мельчайшего письма написал.

Ради Бога, Сергей Александрович, сделайте это; а так как Победоносцеву неудобно и просить Горемыкина без *curriculum vitae* кандидата на должность – то, ради Бога, служебные данные приложите ему на другой, чистой половинке своего письма. А главное, пусть ни он и никто не беспокоится об одном: я действительно аккуратнейший чиновник, исполнительный, совершенно покорливый; это у меня в письмах:

и горя и радость
житийское море

– в службе же совершенная «тишь да гладь»; да и вообще я 14 лет прослуживши все это хорошо понял и усвоил. И никакого упрямства, никакого своенравия – и не было у меня никогда на службе – хоть кого спросить; равно я с товарищами весьма обходителен. Цензура же книг производится у себя на дому: мне не нужно будет «высиживать» от 11 утра до 5 пополудня в Департаменте; это – благородная, умственная деятельность, а не позорное щелканье

битых 6 часов на счетах; наконец, – тут я буду чувствовать себя при деле, с которого некуда глядеть в сторону, а при счетной части находясь – подумайте, могу ли я чувствовать себя: «Здесь моя и могила будет». А мне уже 40 лет, и мне нужна служба с мыслью: «Здесь и никуда больше».

У Страхова опухоль распространяться стала на всю нижнюю челюсть и, как гов. доктор Батуев, племянник Стахеева – пошла внутрь; между собой мы думаем, что старик догадывается о характере болезни; в эту *sреду* (у него собираемся) он был очень худ и потемнело как-то лицо: «Мне нездоровится, ночью отчего-то сделалось сердцебиение, – сказал он мне, – но я не придаю никакого значения». В пятницу на той неделе, т. е. 5-го января, по убедительной просьбе Соловьёва Вл., я упросил Страхова помириться с ним: Соловьёв приехал прямо из Царского Села, в 10 ч. вечера ко мне, и Страхов тут же приехал. Соловьёв вошел к нему и протянул руку – поцеловал его в голову; 2 часа просидели они, мирно разговаривая. – Страхов ужасно не уважает Соловьёва: «Нет ни настоящих мыслей у этого человека, ни настоящих чувств», – сказал он; и «только для вас я это делаю и без всякого ожидания какого-нибудь толка», – сказал он мне, когда, получив в четверг телеграмму от Соловьёва, я пошел приглашать его. Он убежден, что Соловьёв – весь фальшивый, фальшит для себя непреодолимо; это какой-то католический характер; и я сам думаю, что по странной вертлявости, по постоянному скрыванию своих действительных ко всему отношений он представляет явление новое и неприятное в нашей литературе, – даже явление, эту литературу как-то извращающее. Ибо при всей великой бестолковости многих явлений – наша литература необыкновенно внутренне *чиста*; она вся открыта, *прямодушна*; в ней нет подвохов. Бывали мошенники, но совершенно открытые (Булгарин), есть как бы целовальники в ней (Суворин) – но это все-таки не иезуитство: Соловьёв первый внес в нее тон какого-то далекого политиканства, не прямодушия, подвохов. Я сам отношусь к нему странно: зная *все* его прошлое, столь полное изменчивости, не в силах и думать, что есть прямота в том дружелюбии и доверчивости, с каким он ко мне относится. Но как-то я его очень мало боюсь, боюсь его будущей возможной вражды – и потому все-таки говорю с ним безусловно откровенно, т. е. разные мнения, взгляды на *res et homines**. Кн. Трубецкой, из Москвы, его очень бранил за декабрьскую статью в «Вест. Евр.», порицал даже слог ее, не говоря о содержании, и смеется над «Вест. Евр.», который поместил такую *византийскую* статью и сам высек себя за западничество. Ваш искренне В. Розанов.

Не написать ли вместо Поб. Саблеру, Поб. очень теоретичен; Саблер (все говорят) подвижен, неутомим, не оставляет никакого дела не доделав? Сам я все-таки пойду завтра к Новикову – это ничему не может помешать. Простите меня за шуточный тон письма; это минутное оживление.

---

* дела и людей (*лат.*).

Еще 2 слова о должности: должность цензора в самом деле обладает способностью меня совершенно и окончательно насытить. 200 р. в месяц – это уже то, более чего я вовсе не желаю и что равняется 140 р. в провинции, что я получал 12 лет. Это совершенно отвечает заведенному порядку моей жизни. Знаете, государство берет на себя несколько помогать писателям; конечно, для него это легче сделать, доставляя им службу; вот *почва*, на которой может быть выражена моя просьба к Горемыкину и теперь к Победоносцеву. Некоторую правоту этой просьбы я чувствую: не знаю и не могу представить человека, который бы усидчивее меня трудился: кроме обеда и двух чаепитий – я совершенно не знаю отдыха, и так как вообще занятия умственные, то, слава Богу – не утомляюсь; теперь посмотрите на разных Кареевых, на проходимцев, как Трачевский: да разве не горько *против* родины, что приемля таковых и им давая хлеб, давая псам ее ненавидящим и ее презирующим, она, эта земля, – ну, хоть в форме труда написания письма министрам – не хочет сделать пользы человеку, весь труд которого был пропитан мыслью о пользе этой земли. Еще в Ельце нечто подобное и очень горькое мне приходило в голову; приходило в голову в Белом, когда я ясно увидел политику Высоцкого, желавшего меня похоронить в этой прогимназии. Знаю, знаю я и оправдание всей сей судьбы: «Ты испытываешь очень много радостей, сидя в Белом, и в Ельце, за бумагой; Бог дал тебе это и то, воображение, сердце, самое чувство любви к этой земле своей; и ничего этого нет у этих, бедных (Кареев et tutti quanti*): почему ты думаешь, что некоторое страдание, тобою выносимое в жизни – чрезмерно, что оно не уравнивает только счастье твое и Кареева? Ты хотел бы и внутреннего счастья, и внешнего – это свинство».

Так, так, Господи. И ропот мой грешен; безнадежность за будущее – малодушие. И все-таки, все-таки – когда видишь перед собой конфету – протягиваешь губы, чтобы ее взять и сосать. Так дурно устроена наша природа – вечно скользить по уклону наименьшего страдания, наибольшего счастья. – Повторяю еще раз, так безусловно не дурно мои дела, слава Богу – ума хватает, чего не было все эти 2–3 года, когда приходилось буквально заложить всю одежду. – Ну, да что будет, то будет. Но я нетвердо сижу, потому что никакого покоя духа в силу неистовой вражды к считанию, не говоря прямо о вражде ко мне Тертия (для ней нет других оснований, как что – внезапно вызываемый к нему из Департамента, я так и входил к нему в пиджаке: но как же иначе? и что год 1-й, как автора «Современных церковных вопросов» я его как-то не называл «Высокопревосходительство», – но однако, конечно, не говорил и «Тертий Иванович», а избегал как-нибудь называть, что возможно в разговоре. Но ведь это же было из «литературного уважения». Потом, конечно, меня удивило и возмутило, что по таким ничтожным причинам он мог забыть, прямо совсем забыть, раз грубо отказав в просьбе – человека, им выписанного в СПб., и, при получении 100 р. в месяц – прямо брошенного на нужду. Бедная жена тогда, скрывая от меня, продала все, что имела

---

* все подобные (лат.).

своего – вещи и лишнее в платье – ибо 60 р., что я ей выдавал на стол, – при мамке и дочери, и еще выписанной мною сестре – абсолютно и совершенно не хватало – она, наконец, дошла чуть не до истерик тайных каждый день, до непрерывных слез – что делать? что делать? И это он, преспокойно выдающий 3000 «поющему» Истомину, и теперь 3800 Н. Аксакову, пишущему «Не угашайте духа» со ссылками на милых его сердцу греческих Отцов церкви, и в Контроль даже не являющихся. Но я опять пакошусь, пакошусь, как только об этом вспоминаю.

Простите и Вы меня, мой добрый, и не поставьте в вину этого раздражения, малодушия. Если бы только *лично обо мне* было дело – не произнес бы я ни одной жалобы. Но я всегда думал: чем ближние наши, семья, дети – виноваты, что «папаша был писатель, писал великие мысли и забыл, что есть мы». Никогда, никогда этого я не сделаю, – хотя ведь, в сущности, это именно делаю, ибо что такое моя жизнь и деятельность, как не зажжение чужого дома, когда свой горит, и не молотьба на чужом поле хлеба – когда на своем он осыпается. Грустно и страшно!

Удивительная, в самом деле, вещь *пенье* в церкви. Голос свыше художества идет к Богу – теснее, субъективнее.

Хорош очень, что вся последняя возня с приходскими школами вызвала Вас к *цельному* и окончательному развитию идеи вашей насчет церк. школы.

30

24 янв. [1896 г.]

Спасибо, дорогой Сергей Александрович, за Вашу доброту, теперешнюю и *прежнюю* («сто раз о вас я писал и гов. Поб-ву»). NB: кстати, в консервативной партии даже прошел слух, что я не только «Аскоченский», но и специально пишу так-то и «защищаю церковь», подделяваясь к Поб-ву: Вишняков наивнейший сказал мне, что так гов. сотрудники «Русск. Вестн.» – прости им Бог! Я только что в эту минуту из бани и всю баню (любимейшее мое времяпровождение и единственный радикальный отдых, равно как и прибежище во всех горестях) думал. Вот Вы – то же, что и Страхов, т. е. уже не имея сил к труду – с великой бодростью умственной и чистой души – блюдете «пасущихся» вокруг Вас – в этом *теперь* Ваша миссия. Завтра или послезавтра пойду к Поб. – в черном сюртуке – устал я от «зрака» Акакия Акакиевича (т. е. вицмундира). Что Бог даст. Я в бане все думал, не стал ли я в самом деле низок в Петербурге, вот хлопочу о месте, жалуясь, т. е. как будто завидую. Не знаю, не решаюсь судить, страшно за будущее часто (дети) и очень тяжело теперь *иногда*. Расскажу вам о случае, который давно хочется рассказать: спускали броненосец «Гангут» (кажется) и накануне я прочел в «Петерб. газете» (мне *нравится* – наивнейшие и честнейшие там *дебютанты*), что во столько-то часов будут спускать; доехав до Николаевского моста, я пошел дальше пешком, и так как хотелось получше видеть, то прошел и Горный институт, все дальше, дальше, пока не дошел до стенки Балтийского завода, уже опускающейся почти к воде.

Верфь, откуда должен был происходить спуск – приходилась вправо (очень вправо) наискосок, на противоположном берегу Невы; немедленно я спустился на маленький плашкот, служащий пристанью для перевоза, и совершенно счастливый ждал; на берегу собралось рабочих человек 40, часть которых была тут же на плашкоте. Я уже довольно устал; а еще «никто» не проехал на спуск, так что приходилось ждать долго. Перевоз был «закрыт», но сажень в 10 от плашкота, с ужасным усилием держась против течения, плавал на одном месте полицейский – очевидно, охраняя воды, по коим вот-вот пройдет Государь. Вдруг я со страхом, мерзким страхом, без шуток, – увидел полицейского, быстро и торопливо подбежавшего к плашкоте: я уже догадался и не обманулся: он погнал нас с плашкота (нужно Вам заметить, что плашкот – это такое же общественное место, как и дорога, почти). Во всяком случае, перевозчики были тут и ничего не имели против того, чтобы мы стояли тут на их «собственности». Но стоя прямо лицом к воде, по коей пройдет вот-вот Государь – мы, очевидно, были «публикой, высунувшейся вперед». Рабочие и другие – все понимали, что сойди мы с плашкота – и нам спуска не видать (за выступом стены Балтийского завода и *косым* положением места спуска). Но вот селетка полицейского заработала; я спросил, отчего нельзя тут стоять: «Да нам распоряжение сделано – закрыть перевозки» (очевидно, врал, но кто же в участок побежит справляться). У меня была минута – не уходить, и прямо сказать, что не уйду, пусть прогоняет, составляет и проч. и подговорить тоже рабочих не уходить; но страх, что они без всякого протокола прямо меня стащат за рукав в крайне жалком и позорном виде – заставил сойти. С земли ничего не было видно. Вдруг кто-то полез налево, и мы видим сажени на 1 □ над водой, слева пригромождены мостки – 2 доски длинные, подпертые жердями – все бросились туда; и я с ними; проехал Государь с домом, с штандартом – а перед этим проезжали дамы и вообще много нарядных паровых катеров. Легкий треск раздался под нами, и часть публики пугливо сбежала с мостков; остальная острила, что если подломятся колья под мостками – то упадем в воду (не глубокую) и «будет смешно, мокро», но не больно. Вся Нева пестрела флагами и судами, стояли тут броненосцы, частные пароходы, крейсер «Варяг» и пр.; красоты было много; Государь, должно быть, долго осматривал выстроенный «Гангут»: нам были видны мостки, по коим построенный броненосец должен был скользить в воду – до половины, – т. е. верхняя □, начиная от ворот верфи – и всплеска воды под упавшим броненосцем мы не увидели бы. Народ, как я всегда замечал, – никакого внимания не обращал на «вообще» проезжающих (аристократическая черта) и ждал Государя, *только* Его. «Ура» Ему прокричали с воодушевлением и все сняв шапки и долго потом стояли без шапок (*чистая* публика пред Зимним дворцом Александра III шапок почти не снимала и «ура» только пискнула – при свадьбе Ксении было). От усталости ли скучного ожидания, от злобы ли на полицейского или страха упасть в воду – я стоял с глазами, полными слез, и мне вдруг встала вся жизнь моя, с книгой «О понимании» (любимое мое детище) и всем прочим – и мне показалось, что

этот момент, эта минута ожидания сконцентрировала весь смысл моей жизни, – так как еще никогда этого не было. Желание поглядеть на спуск броненосца – самое невинное, самое даже прекрасное в смысле патриотизма – «вот еще слава, вот еще сила»; труд ходьбы, усталость – это как бы труд всей моей жизни, которая и не имела иной точки перед собой, как святость, сила, счастье (чистое, не свиное) родной земли; впереди ждут барыни, которые все «это» видели тысячу раз, и не нужно им видеть, и не очень хочется, а главное – они свиньи и совершенно не заслуживают, чтобы это им показывали; вокруг народ – не «народ» журналов, предмет всей «словесности» нашей, но действительный, обыкновенный, даже не догадывающийся о своем «социальном» положении, и хоть сердящийся, что его прогнали, но единственно лишь в смысле факта, что «не увидим», а не нарушенного права. Полицейский – нас прогнавший – и в единственном числе занявший плашкот, отгородившись от «нахалов» брошенной поперек входа на плашкот жердь (и как мне хотелось сбросить эту прямо ненавистную и, однако, грозную для меня жердь, и вообще начать «скандал» – но удержался). И, наконец, совершенно бессмысленно охранявший воду полицейский от людей (ибо ведь не бросят же бомбу в воду на средину Невы, где будет проезжать Государь) – и мостки под нами, почти ломающиеся. У меня был гривенный в кармане, – и все время я его ощупывал, желая и не решаясь поменяться местом у одного впереди, дальше над водой стоящих рабочих, чтобы увидеть и «всплеск» воды под броненосцем – но почему-то я, все волнуясь, думал, что обижу таким предложением рабочего – и так и не предложил...

Медленно, как в раскрытую пасть, показался из ворот верфи броненосец; по-моему, он был колоссален, потому что мостки были довольно крупны и он положительно долго тянулся из пасти; все мы сняли шапки и я тоже с благоговением; наконец, вот он отделился от верфи – скрылся за глухой стеной Балтийского завода.

Все мы простились, и сперва рабочие, а потом и я за ними, стали говорить: «Дай Господи, дай Господи!». Никогда этих слов не могу забыть; что тут выражалось: жажда ли побед себе? мольба ли о некрушении, об избавлении от несчастья? долговечность ли службы и славные бои?..

Салюты гремели, и некоторые с нетерпимую громкостью, рабочие различали калибры пушек салютовавших...

Но столько слияния с землей своей, с государственной мощью, с значением в истории и вообще с смыслом бытия своего на земле и перед Богом сказалось в этом «дай Господи» (главное тон, коего я передать не могу), такой аристократизм в истории, в уровень стоящий с Римом в его золотую пору – сказался тут...

И эти бабы со штандартами великокняжескими или «морского министерства», этот полицейский, торчащий на людях, трещащие под нами мостки... Мне показалось, что тут в миниатюре – вся русская история...

Да, так вот я тогда сетовал, что «такого великого мыслителя» на плашкот не пускают, и что в Англии меня пустили бы... А теперь вижу, что я даже

счастлив был тогда, соприкасаясь «мирам иным» родной истории; и, пожалуй, мне было лучше, чем тем дамам и подвыпившим князькам, которые спешили на место «преступления»... Ибо несомненно они все в своих чувствах перед флагом броненосца и перед народным положением преступны...

А вот и я «преступил». О чувствах своих рассказывал раньше, а *позже* о начинающейся кончине Страхова. В воскресенье перед 20-м он еще собирался быть у меня, но в субботу получаю записку, что не может – я в воскресенье отправляюсь к нему с женой и Кусковым, который собирался у меня со Страховым обедать и обедал один; уже ранее у Страхова началось (приблизительно со среды) сильное сердцебиение; приходим мы к нему – жизни в глазах нет: «Ах, как плохо мне, как плохо» – «Дышать трудно»; «доктор говорит – придется вам просидеть до пятницы», – говорить ему тоже, видимо, трудно. Я из Контроля в понедельник, на другой день, к нему пришел: «Чутьочку мне легче», – сказал он мне; был у него Ап. Майков; я всегда замечал, до чего все люди, у Стр. бывавшие и частью более его «знаменитые» (как Майков) – меньше его, менее интересны умственно, менее великодушны, проницательны, не говоря уже – любящи. Был и доктор; Майков вышел с ним одновременно – а меня удержал за руку и просил побыть с больным; я глазами спросил его, каково положение больного, – он глазами же и движением лица дал мне понять, что дело идет к концу. Тут опять проклятая «земля» замешалась: должен я Страхову за издание «Легенды» 247 руб., из них уплатил кусочками 7 + 15 + 40 рублей, и с женой в воскресенье привез 30 (он – поразительно всегда молча клавший деньги в карман, тут сказал: «За Вами остается, В. В., 155 р.» – моментально сосчитав; так как о полной об отдаче и речи быть не могло, то смысл один: при Кускове сказать, сколько я остаюсь должен («не сколько *уплатил* я», – сказал он), дабы в случае неуплаты до кончины – не было нареkania, что я *не всё* уплатил и остался больше 155 р. должен – поверьте, **именно** так). Отдав же 30 р. в воскресенье, я все время трепетал, как Иуда – главное 30 – «30 серебряников»; человек умирает, а я «реабilitирую честь», ссовывая ему деньги. И так это у меня перемешалось в душе, сказать Вам не могу – горечь, жалость к хрустально чистому сердцу и добрейшей душе – и «деньги, деньги, где достать еще 155 р. завтра или послезавтра». Во вторник, т. е. уже сегодня, опять иду к нему из Контроля: доктор его утешал – и я слушал из другой комнаты: «Еще дня 3 будет вам очень трудно, даже труднее этого – главное, сил не будет», а я слышу по тону и *ходу* объяснений, что все это слова, слова – а Страхов верит как будто, или делает вид, что верит; я встретил доктора (Соловьёв, по рекомендации Майкова) и проводив в переднюю, подал пальто – и все, спрашиваю: «В эти три дня он умрет?» – «Нет, будет медленно умирать»; «О, если бы скорее, а то ведь это медленно, *постепенно* задыхаться»; «Что делать: а сказать ему самому – или ужасного страдания еще минуты, или без страдания сейчас умереть – и он *сам* выберет страдать, но хоть неделю жить». Я ничего не мог сказать, но ужас мистический мной овладел. И страшная, непостижимая его болезнь рак – Вы знаете, конечно, эпителиальная клеточка начинает с некоторого

момента разрастаться, «*атипически*» (страшное слово) развиваться, разрушая все на своем пути – потому, объясняют, что в момент формирования зародышевых листков молекула бластодермы или чего – попадает не туда, куда нужно – а вот эта-то заблудившаяся молекула с некоторого года жизни вдруг пожирает организм, является точкой, от которой начиная организм как бы раздирается по всем швам своего создания. Господи, избави от этого всякого! Мне думается – с известного года (всегда почти в старости) начинает расти потому, что в этот год в *сопротивлении* своем весь организм, все окружающие клеточки слабеют в силе сопротивления росту той одной, и та одна эпителиальная клеточка, нисколько не приобретая *новых* сил роста – теперь, в этом ослабшем организме, растет со всей силой 60-летнего неподвижного прозябания, со всей энергией только что родившегося молодого существа. Может, – глупости, но уж очень много я размышлял об этой таинственной болезни, столь частой теперь, столь грозной для изнашивающегося человечества. –

Итак, вхожу я к нему – он как-то весь подался в *организме* своем, и лицо что-то уже не страховское в нем, а как бы чужое лицо надето на него. Страшно. Тут сейчас подошел Майков; то и се, Майков всегда говорит о постороннем, а я все гляжу на Страхова, в кармане у меня было 85 р., которые я занял в Контроле – и так и не отдал – страшно. Посидел Майков, выходит – я тоже вышел запереть за ним – прислугу далеко звать; сказал ему я о словах доктора; он покачал головой; еще что-то сказал: «Посмотрите, у него там том энциклопедии Брокгауза и Эфрона – мой: отложите в сторону». «Земля, земля!» – опять с мистическим ужасом подумал я, вспоминая – о лежащих в кармане 85 р.; «земля – персь есмь, гадюка – ползающая по земле, кусающая в *пенту* и глущая землю». И так страшно, так горестно, так стыдно стало за все бытие человеческое, за его судьбу печальную, за эгоизм червяков могильных, коих мы во рту у себя держим и всю жизнь их пережевываем. Пошел я опять к больному; лоб и рука горячие (а были с воскресения холодные): «Чувствую я, что барометрическое давление большое», – говорит он (это сил нет у него – а погода чудная, ясная). «Должно быть, – говорю я, – не знаю». «Сердце гораздо лучше, не так бьется – но сил нет, слабость ужасная» (ему кофеин дают, бром сегодня прекратили). Просто не знаю, что говорить ему, и не помню, что говорил и все пустяки: «Отличная у вас книга «Из истории литературного нигилизма»; «Да – ошибка: с 61 по 65 г., а у меня сказано за четыре года; ведь «включительно» напечатано: ужасная ошибка – единственная, какую сделал». Я не понял точно смысла слов, и он, видимо, не интересовался этим. «Давно получали от Толстого письмо?». – «Давно, очень давно не получал». И все это не то было. Боже, Боже? – говорить-то не умеем; а уже по городской почте я ему послал письмо, чтобы причастился, и со смирением, какое он так любил и уважал в людях; не знаю, что будет; но, видимо, силы его покидают, и с ними отчетливость сознания; почти ничего не разбираешь из речи. Ах, дорогой Сергей Александрович, как трудно быть человеком; как стал меркнуть его разум, отчетливая, спрашивающая и разрешающая вопросы речь. Где человек? Из своего лица, из своего организма – куда-

то уходит – точно от окна отодвигается в глубину ниши; вот ставни захлопнутся, и мы не увидим того, что есть – там, за ставнями захлопнувшиеся 5 чувств. Может, тоже глупость – я очень боюсь смерти; и, собственно, смерть и рождение есть два окна к Богу; целую Вас крепко, крепко. Будьте здоровы. Вас любящий

В. Розанов.

31

12 февр. [1896 г.]

Понедельник. 2 нед. вел. Поста.

Только что от Победоносцева – велел в другой раз придти, и боюсь, что «в другой раз» разочарует – пишу пока. Еще раз наблюдал его, когда он меня не видел – даже не знал, что я пришел, наблюдал в толпе разных просителей и деловых людей – и тоже свежее впечатление легло мне на душу. Мне даже нравится крик его, т. е., собственно, голос в разговоре, но какой-то протяжный, бабий; и как он бегаёт, или ходит, но никогда не «шестьствует». В этом есть его самая (для меня) характерная черта отличия от Тертия, который, кажется, ночью к урыльнику (простите!) и то «шестьствует». Не знаю, обманываюсь ли я, но взгляд у меня, кажется, изошрен всею естественною подозрительностью, раздражительностью против людей, житейскими огорчениями; взгляд мизантропа и «инквизитора» (меня так в литературе называют) – и этот недоверчивый взгляд не открывает в нем темного пятна. Он тут отказывал некоторым (о церкви в Анапе и на Кавказе), другим говорил: «Пришлите мне памятную записочку», «Обратиться нужно сперва к местному Преосвященному» – вообще ни сладкого, ни горького, а обыкновенное деловое было в словах; но прежде всего, он не таился, не шептался, не отвечал двулично или двусмысленно. Дай Бог мне не разочароваться, до того жалко мне разочаровываться, как это надобно, столько я раз не давал только слово, но и обет (как на кончине Страхова) быть мирнее в душе моей, не волноваться, не злиться – и... после смерти Страхова разыгрался страшный скандал у Берга: «Этот Страхов, эти протеже Страхова Розанов etc.», – говорил он моему приятелю Шперку. Дело в том, что однажды Страхов написал Вишнякову по поводу моей статьи, не принимаемой Бергом, что «ведь «Русск. Вестн.» – скучнейший журнал, – и если что его несколько оживляет, то это статьи Розанова». Этого вмешательства Страхова и отзыва о «Русск. Вестн.» Берг не может ему забыть; статья моя о Толстом и последовавший фельетон Буренина имели огромное отрицательное значение: сотрудники один за другим объявляли Вишнякову, что я роняю журнал своими статьями, что так писать слишком дурно и пр. Раз в редакции меня окружили Всеволод Соловьёв, Матвеев (=Ачкасов), Медведский, Соколов (милый поэт, мне понравился – вепрь свирепый по виду, но, по крайней мере, без задних мыслей) и стали ужасно попрекать мои статьи – Матвеев, между прочим, спросил: «Да кто Вам поручал защищать Церковь?». Я сказал, что меня в этом один духовник (от. Димит-

рий Грибоедов в Белом), знавший случайно мои писания, в этом одобрил, и для меня это достаточно, да и странно, говорю: когда Добролюбов и Чернышевский выпроваживают Церковь за дверь – им никто ни слова не говорит; но вот, в журналистике находится голос за церковь, и спрашивают: «По чьему поручению вы действуете, кто вас благословил? – Да мое сердце». Шутя, я их назвал переодетыми нигилистами (Матвеева) и он-то мне и предложил вопрос: с чего я беру на себя защищать церковь? Но теперь слушайте далее: год назад меня просил Вишняков понизить гонорар, пока обстоятельства «Русск. Вестника» плохи, до 80 р. (со 100, которые мне Берг платил). Я согласился; вдруг статью о Тихомирове он рассчитывает по 60 р.; я спрашиваю – почему? – «Да это же в отдел критики, а критика у нас идет по 60 р.» – «Об излечениях и о чудесном» тоже прошла по 60 р. (Матвеев получает 80). Тогда я пишу, что «статью о символистах», мною переданную для февраля, а потом отложенную до марта, прошу поместить не в «Современной летописи», а отдельную статью, и решительно не могу получать менее 80 р. (тут стеклись плата за учение дочери 45 р., рассчитывать мамку за год – рублей 80, и уплата Страхову остатка долгу – 85 р.). Он мне написал длинное и укоризненное письмо, что я пишу такие дурные статьи, вызывающие порицания журналу (Буренина); журнал едва окупается подпискою и еще я же прошу повышения гонорара (а это не повышение, а обещанное). – Я ему в ответном письме написал, что журнал идет дурно от нелепого редактирования, от неуважения себя, от печатания (январь, стр. 1 и 2 «Современной летописи») поздравления подписчикам «с новым годом, Рождеством Христовым и близкою масленицею», что идет к половым ресторана Палкина, но литературному журналу к лицу не идет. Он еще раз спросил меня, хочу ли я печататься по 60 р., я отказался, ссылаясь на Матвеева, который получает 80 р. (Татищев за болтовню свою получает 300 ежемесячно. Стахеев за романы – 200 р. за лист: вот положение литературного рынка) – и теперь, теперь...

Больше я и не в «Русском Вестнике», до чего это меня подавило, до чего разгромило. Теперь я вижу, что мне нужно было уступить пусть по 60 р., деньги позарез нужны для получения расчетов. Но так мне стало горько и обидно, что «Русск. Вестн.», коему я, любя этот журнал, отдавал все лучшие статьи свои, поставил меня ниже Матвеева. Но это дело долго-давно подготавливалось, и, собственно, Вишняков тут ни при чем, а все дело в сотрудниках; и не в статье о Толстом дело – это только удар против меня! Это простейшая, мелкая редакционная передрыга, это скрежетня зубовная сотрудников. Зачем я не пишу так же, как они (мне прямо, тогда кучкою, они Матвеева в пример ставили, – когда он был тут, перед глазами), а за глаза его же порицали (Всевол. Соловьёв), что он разбирает романы чужих (радикалов), очевидно, раздраженный, почему он разбирает не его романы.

Ну, Бог с ними; но тяготы жизни увеличиваются. Я написал, чтобы как-нибудь справиться с обстоятельствами, 3 фельетона в «Русское Слово» и 1 – в «Моск. Ведом.»; последний – о К. Н. Леонтьеве, причина и *отрицание* его

теории исторической, в которой забыта церковь (теория, что через 1200 лет все народы умирают). Очень, очень боюсь, чтобы если и эта опора надо мною рухнет (из «Русс. Обозр.» я получаю 50 р. ежемесячно, за все статьи, что печатаю).

Екатерине Антоновне – царство небесное! Это о ее кончине Вы, без сомнения, пишете, хотя имени и не пишете. Варваре Александровне и Софии Николаевне мой искренний привет. Всех целую. Ваш В. Розанов.

32

22 марта [1896 г.]

Христос Воскресе!

Дорогой Сергей Александрович!

Ваш вид и состояние духа – показатель верный и состояния тела – здесь в Петербурге дал мне уверенность, что мы еще и еще раз с Вами увидимся. Не писал я Вам так долго по причине некоторой вины против вас, в тягости сказать ее: карточка к Сабуровой легко легла ко мне в карман и тяжело на мою душу. Теперь я Вам пишу полушутя, потому что Пасха – день Светлый, но я прожил с этою карточкою 1½ месяца поистине мрачные. Μελετ μοι τρυος* = у меня лежит на сердце, как учили мы еще в гимназии, вот выражение неопределенно-тоскливого состояния духа, в кое я погрузился с момента, как знал, что в боковом кармане у меня лежит карточка важной женщины. Первую ночь, т. е. придя домой от Вас, я очень смеялся, передавая жене весь разговор за столом у Вас и описывая Сабурову, как она «pleine» de** вдохновения (незабываемо!) вздумала написать Толстому письмо, но получила ответ от его дочери со словами: «Денег нет» или «Деньги вам не нужны» – не знаю, не разобрал. И еще три дня пропустил, думая: «Успею, и срок еще не пропущен». Но вот, в ближайший понедельник я сажусь на конку, которая отправляется на Михайловскую площадь, т. е. к Михайловскому дворцу, с самым смущенным сердцем и в самой чистой и новой рубашке, какая у меня имеется. Я так был доволен, когда конка задерживалась, медлила, но наконец она, к моему страданию, доехала. Я походил в саду, против дворца, и когда решительно нельзя было еще курить, – отправился к воротам. Спрашиваю квартиру Сабуровых – куда, надо пройти 3-е малых ворот дворца, не говоря о чугунных колоссальных главных воротах, запертых и никогда, по видимому, не открываемых: ведь Мих. Пав. так давно уже умер. Наконец, мне указали (служители при дворе и доме, однако, все учтивы, и со мной вовсе не было поступлено так, как с Андреем Бульбой, когда он высматривал знаменитую «полячку», смущавшую воображение Гоголя). В звонок перед дверью, на которой были карточки «статс-секретаря Сабурова» и еще какого-то князя или графа (помните – кажется, их дядя) я, наконец, позвонил. Было

---

* Я озабочен (греч.).

** полная (фр.).

никак не больше $\frac{1}{2}$ 12. Каково же было мое изумление, когда отперший мне швейцар сказал, что г-жа Сабурова уже изволила уехать. С мыслью «завтра», «завтра» – я совершенно счастливый вышел и поехал в Контроль. Но «завтра» уже не наступило...

Теперь, по тону моего письма, Вы решительно не можете себе представить степень душевного угнетения, в каком я находился. Было почти то же, что испытывал Раскольников перед посягновением на кошелек процентщицы-старухи. Нужно заметить, что просить вещь вообще гибельная; гибельная – душевно, страдаешь, прежде, чем попросишь, до того, что, наконец, впадаешь в какое-то психическое изнеможение. И заметьте (это самое, самое важное) – тут вовсе нет никакой гордости, никакого самолюбия, ничего похожего на «амбиции»; просто психически изнемогаешь, сам не зная отчего; просить о месте цензора Победоносцева – я еще мог; во-первых – я его уважаю: я его знаю – даже довольно *тесно, близко*, по общественной его деятельности, взглядам etc., а главное, по разговору по поводу запрещенной статьи, где он так интимно мне раскрылся. Наконец, есть некоторая обширная категория, психическая, политическая, литературная, историческая, в коей мы оба – звенья, где мы несем пассивную роль *выполнения* и по временам можем окликнуть друг друга голосом, взглянуть друг на друга. В этой обширной категории я чувствую себя совершенно свободным, говорю не стесняясь или почти не стесняясь, с кем бы ни говорил: так цель далекая нас всех подавляет и уравнивает под собою. Но...

Я сказал, не было гордости и самолюбия просить Сабурову, и это мне так искренно казалось; но, пожалуй, некоторое *трансцендентное* самолюбие тут есть; я был очень рад, что меня дворники не прогнали от Михайловского дворца – значит, самолюбия, очевидно, нет во мне. Но Сабуровы – они были поставлены Лорис-Меликовым, т. е. отделением «Вестника Европы» в администрацию; я же их не уважаю; не знаю, каков он в качестве «статс-секретаря», но его деятельность *пиджачная* в качестве министра нар. пр. была истинно постыдна. Бог ему судья и, кажется, он потерпел, даже с избытком, за недостатки свои. Бог да дарует все хорошее и ему, и его жене, и дай Бог им хорошо разговеться эту Пасху. Все это так, но нет никакой категории связывающей между нами; но к Побед. (видит Бог – с каким все-таки тяжелым чувством) я иду и прошу товарища; идя к Сабуровой – я выхожу на дорогу просить. Это невозможно! Я еще рыцарь, хоть и без панталон. Все это потом я разобрал, обдумывая, почему безотчетно мне было так тяжело попросить женщину, очевидно, расположенную делать добро, несколько легкомысленную, но милую, грациозную, которой я истинно любовался, ее слушая а «*pleine*» de вдохновенья и повторял про себя, жалея, почему я еще и еще не запомнил из ее разговора. Итак, да будет всякое благо ей в жизни и да растут ее внуки, но ее карточка – я уже теперь не помню, где именно она лежит. *Одно было бы мне чрезвычайно* больно: так как она очевидно, добрая женщина, и, очевидно же, самолюбивая и суетная – ей удесятеренно больно всякое кажущееся невнимание к ее готовности помогать. Это невнимание

она и не заслужила отнюдь, нисколько. Поэтому было бы в высшей степени дорого для меня, если бы Вы, если имеете нить сообщений с нею, – сказали бы или написали кому-нибудь так, что «наш бедный друг В. В. Розанов, коему Вы выразили готовность помочь – вдруг и скоропостижно захворал», или «умер» или что-нибудь. Потому что *в душе к ней я, и в самом деле, питаю самые хорошие чувства*. Ну вот, я Вам высказал то, что так долго не находил слов высказать. Как бы мне хотелось иметь «Луг духовный» – но ничего не приобретал из книг 3 года уже. Раздумывал послать арх. Никону «Легенду» и обратно попросить «Луг» – авторски, т. е. дешевле. Ну, да хранит Вас Бог. Пишите любящему Вас В. Розанову.

Варваре Александровне и Софье Николаевне искренний привет. Александров Ан. Ал. – *добрый* человек, прислал мне очень *теплое*, задушевное письмо, он мало говорит, но много и хорошо делает.

33

2 сент. [1896 г.]

Дорогой Сергей Александрович!

Откликнитесь: в скорбях, хлопотах и нуждах не имею *спокойного* духа Вам писать, но *постоянно* и *живо* Вас помню. Какой чудный человек М. П. Соловьёв: вот спасибо П-ву, что его выдвинул. В Пет. бездна перемен: Афоньку (Васильева) прогнали; он все «соперничал с Витте»; мальчика взяли за ухо и отвели в сторону. У Филиппова Витте потребовал под угрозой, что иначе будет бороться против него самого. Если не скучно и не тяготит Вас, напишите мне впечатление от последних моих статей: мне очень важно это знать. Здоровье Ваше? Варвары Алек.? Софьи Николаевны? Мы о Вас с Кравчинским вспоминали летом; он очень Вас любит, в нем Вы имеете одного из преданнейших людей. Если Вы с ним переписываетесь – отнеситесь к нему поласковее. Чистое сердце; ужасно мучится *недостатком* (на несколько миллиметров) в себе веры: «Я рад, что у меня (кроме одного сына) нет детей – как бы я их воспитал?». Это ужасно симптоматично, ужасно характерно. Ваш В. Розанов.

34

17 сент. [1896 г.]

Почувствовал я, дорогой Сергей Александрович, по тону письма Вашего (слогу), что силы Ваши падают; жаль Вас очень; пошли Вам Бог «светлые, сухие, ясные дни», как бывают в хорошую осень – или закат жизни. Труд Ваш жизненный дорог каждому русскому; дорога мысль, коею Вы увидели этот труд; уверен, что мысль эта, вся выраженная в эпиграфе к книге Вашей: «Камень, его же извергаша строящие – той бысть во главу угла» – будет расти и из малого горчичного зерна станет ветвистым деревом, конечно, и начала его роста Вы не увидите. Образование *все* должно быть под лоном церкви;

нужно для этого вырасти самой церкви; т. е. духовенству в достоинстве, научении, просвещении, и затем нужно решиться правительству доверить детство и юность народа этому святому лону – без подозрительного подсматривания. Наконец, предстоит духовно преобразоваться самому обществу. Задачи огромные, требующие огромного времени.

На «устройство» свое я как-то питаю мало надежд или лучше – вовсе их не питаю. Что же, нужно уметь терпеть; не все же мне: вот Говоруху-Отрока бросила нежно любимая жена, и уехала в Харьков играть на сцене; но уже и в Москве возилась с офицерами, решительно не вынося мужа, а он на нее не надыхался (мне Александровы рассказывали); она ему даже «ты» не говорила и называла «Юрий Ник.» совершенно как чужого; когда он жил в Кокоревской гостинице (я там у него был, но не застал дома – осмотрел квартиру), она имела *свою* отдельную квартиру, с роялем, коврами, обстановкой, а он наверху писал в № статьи. Грустная и тяжелая у них была жизнь, и, говорят, от грусти он *иногда* выпивал лишнее. Вообще был постоянно печален: он, очевидно, *любил* семейную жизнь. Таких потаскух теперь («с курсами») развелось сколько угодно: все образованы, все брали, *после гимназии*, уроки сценического пения, музыки или чего еще; далее – курсы; все знают Бланку Кастильскую или как играть Шекспира; только в жены ни к черту не годятся; детей *свирепо* не хотят: помилуйте, только портит беременность талью, а, главное, самое главное: как бежать из дому, ибо бежать из дому главная забота, на улицу, в сад, в концерт. И вот он бедный испытал это *долгие* годы. Я этого не испытываю (хоть тоже видел в свое время и даже в своей жизни): должен помириться с нуждой: это лучше и легче. А то *всё* нам: это – бессовестно; есть бессовестность в самих *желаниях* всего, и вот – наказан. Так и надо. –

Новый мой ребенок, слава Богу, здоров здоровешенек: и не замечаешь его: ни кричит, ни болен; первые 2 девочки были бледненькие, – и обычно с первых уже дней жизни прописывался пепсин для пищеварения. Этой же до сих пор ничего не давали и ничего не нужно. Я Вам напрасно раньше много худого писал о Васильеве; и жалко об этом: тут захворали соседские дети (Романовы) и семья Васильева обнаружила много доброты, вообще человеческого, т. ч. меня тронуло. Меня поразила раньше невообразимая хаотичность этой семьи, т. ч. я просто бывать там не мог, а они вечно звали, и к «начальству» нельзя было «совсем» не ходить, хотя я избегал всеми способами и под всякими предлогами бывать. Полон дом народу (масса сыновей и дочерей взрослых) – и никто палец о палец не ударит; ни чулка (вязанье), ни книги; пляс, балалайки (любитель «народного творчества»), наряды; беспрерывное и глупое вранье; недоброжелательность бездарных людей ко всему, чтт не унижено и не хочет быть унижено, чудовищные манеры. Но вот Романовым они послали *incognito* 25 р., справляются каждый день о болезни (скарлатина), и вообще хоть грубые, но люди. Стыжусь, что раньше Вам писал – прости меня Бог.

Я *очень* слушаю все, что Вы мне говорите о статьях моих, очень много обдумываю; пишу я невольно, неудержимо, но не чувствую ни уважения к

литературе, ни любви к труду своему: просто мне литература надоела, опротивела. Если бы я был одинок – ни на минуту не задумался бы, где-нибудь на юге, пойти в монастырь. Бесконечно люблю природу: только в Лесном это лето я почувствовал, как велика во мне *жажда* леса и неба. Буквально целые дни я пролеживал под соснами и такой трепет восхищения испытывал, что литература и политика для меня *не существуют*: что явись Равашולי и взорви Петербург, я даже не приподнимусь из-под сосны и не спрошу их имя. Удивительное ощущение – но только несколько часов. Писатель, по самой структуре своего духа, есть отвратительное существо (все «высказывает»), и я страдаю этим чувством самоотвращения часто очень болезненно. Целую Вас и обнимаю. В. Розанов.

Не получая от Вас письма – я уже хотел писать Вар. Ал. – здоровы ли Вы?

35

2 нояб. [1896 г.]

Дорогой и милый Сергей Александрович!

Наконец блеснул «светлый луч» в моем «темном царстве»; на другой-третий день после того, как жена чуть не со слезами отнесла в ломбард венчальное кольцо, чтобы получить самонужнейшие 3 рубля, приезжает ко мне сотрудник «Света» С. К. Литвин и делает предложение писать для «Света» 8 передовых статей в месяц за 100 р. Это было все, что мне нужно, и я спасен от позорнейших, унижайнейших форм нужды, какие нес в течение 3-х лет петербургской жизни. Едва пришла эта радостная весть, оживившая всю нашу семью, приезжает Гайдебуров, редактор неопределенно-радикальной «Недели» и предлагает сотрудничество в «Руси», кою он купил у кн. Мещерского. Мне даже, в мечтах, стала рисоваться возможность поехать как-нибудь на лето в Крым или Кавказ: благословенные края, о коих я часто думал (я безумно люблю прозрачный, особенный южный воздух: видел в Воронежской губ. – самая южная точка, коей я досягал).

Все остальное перед этим – пустяки. Не знаю, как и нарадоваться. Просто не верится, что я могу не нуждаться в деньгах. Мы все, и Варя особенно, были просто *измождены* эти 3 года абсолютной невозможностью жить на получаемые деньги (не забудьте постоянные ее и детей болезни и ученье старшей дочери), просто 10 р. стало для нас «штандт-пунктом» размышлений, созерцания, любования, мечты. Обыкновенно получишь деньги из «Нов. Вр.», напр., – и уже *сейчас* они розданы в мясную, в зеленую, в ломбард – и опять сидишь на другой же день после 90–100 р. – без *чистых* денег. — — —

Спасибо за мысли о «9-го сент. в СПб.». Конечно, статья плоха, но я почувствовал *raison d'être**: раз я нападаю жестоко на тверских земцев, нельзя было за аналогичное не нападать на высшее чиновничество. Потом *впечатления*: правда, что я не б. в соборе, и не мог быть по *случайному* стечению

---

* повод писать (лат.).

ассигновок, кои нельзя держать по закону более 3-х дней на ревизии, и уже 2 дня прошло, это был 3-й, и я спешил их выпустить. Далее, года 3 назад я слышал в частном разговоре: «Да ведь в Госуд. совете когда вопрос зайдет о чем-нибудь касающимся церкви – то только Деянов, Победоносцев и Филиппов высказывают сочувствие и какое-нибудь понимание дела: все остальные члены даже слышать не могут без отвращения об этом противном ханжестве, скудоумии и суевории, кое называют церковью». Это у меня засело в голове, *мстительно* – засело, и вот через 3 года вырвалось странно-нелепою статьей, где я «сорвал сердце» на шитых золотым галуном прихвостней Благодетель, Краевского и проч. Жаль, очень жаль, что Вы не читаете воспоминания Стасова о сестре: вот уже иллюстрация к «Бесам» Достоевского. Все, все высшие госуд. учреждения и сановники у нас – это какие-то т. наз. Кукшины в мундирах II–IV классов. Это же возмутительно, эта низость падения государства и общества возмутительна. Целую Вас и обнимаю В. Розанов.

36

12 дек. [1896 г.]

Давно я не писал Вам, дорогой и милый Сергей Александрович, а хотел сейчас писать по прочтении статьи «О чтении псалтири в школе». Вы знаете, что я люблю в Вас как в писателе: покой, удостоверенность в истине (впрочем, *не* покой не есть свидетельство о неубежденности в обладании истиной: пример – *пророки*, это важно, это *NB*), ясность выражения и «незлобивость к врагам», коих у Вас, при всей тихости Вашей, может быть, больше, чем у меня при моей пылкости. Грингмут оказался мошенник: представьте, пригласил Вл. Соловьёва, мучительно разыскивал в Петерб. «А-та» и «Не-фельетониста» (из «Нов. Вр.», чтобы сделать их постоянными сотрудниками «Моск. Вед.». Бедный Государь! Вл. Сол-в с ужасным хохотом рассказывал мне, как, приехав в *Hot. d'Angleterre*, он сделал ему визит, – и, заговорив о том и о сем, стал излагать, что в формуле «православие, самод., народность» (кстати – ужасно не люблю ее: точно 3 клетки в зверинце) ведь совершенно ложно понимают равенство принципов: самодержавие – ну, это так, это действительно, это для всякого, это – абсолют; но дико говорить о народности как знамени государства, когда в него вошли огромные и живые народы, коим нет решительно никакого дела до русской народности, и также еще менее дела до православия. Это-то он развивал перед Вл. Сол-вым, и, конечно, этот сказал, что таковая программа ему нравится, и принял приглашение сотрудничать в «Моск. Вед.». Заговорили обо мне: Грингм. схватился за голову – «О, что он пишет!». Мошенник, хоть я и видел это давно, да собственно – полумошенника в нем видел и тогда, когда он принимал и устраивал мои статьи в «Моск. Вед.» в 91-м году. Ну, Бог с ними; да, кстати, ужасно ругал Победоносцева и смеялся над Мих. Петр. и его мерами. – «Чтением Псалтири», т. е. в школе, Вам можно бы даже *кончить* литературн. деят., так оно идет к концу, такой правильный кладет аккорд на Вашу осеннюю, несколько на-

поминающую сухую и теплую осень, музыку. Я говорю о музее, и ведь музыка близка музею, по крайней мере – созвучна. Да, дорогой мой, в Вас нет страстей, но стойкость, т. е. постоянство ровным светом горящего камина; есть, до известной степени, страсть *настроения*, а не взрыва, страсть *решения*, которое не берется назад, и, главное, практически выполняется, а не порыва. Если припомнить, что Вы были переводчиком печального и легкомысленного труда Дарвина, окончание на «Псалтири» – прекрасно, становится исторически прекрасным. Кстати, напишите мне о статье моей о Дарв. (в «Нов. «Вр.», фельет.): я с истинным злорадством писал его, и как он более 600 строк, maximum фельетона в «Нов. Вр.» – устроил его через Попова (Эльпе), с коим познакомился: лет 42, брюнет, очень симпатичен, задумчив, образован. Он признал мой взгляд на Дарвина – правильным (т. е. что это не есть объективное, а субъективное, и плоско-субъективное объяснение природы).

Но довольно о дарвинизме.

С Вл. Сол. я был у Мих. Петр., по поводу дела с «Русью», которую Мих. Петр. не выпускает; кстати, он назвал меня, в одном обществе, «другом своим» – и это ужасно меня обрадовало, почти утешило: ибо я его (по картинкам) считаю великим человеком. Он долго не выходил к нам с Вл. Сол., чем-то занятый в кабинете – и я в гостиной, пересмотрев альбом, открыл папку, где оказались фотографии картин Васнецова, снимков с коих я ранее не видал... И вот тут, видя ряд снимков, и особенно некоторые, я был поражен новой для меня их тенденцией: особенно поразило меня одно изображение Бож. Матери: руки прижаты к груди, почти к плечам, т. е. кверху, и почти скрещены: глаза тоже – кверху, в молитве, прощении; но главное, голова как-то полуоткинувшись, полуосев в шею, и вся фигура сжатая, готовящаяся – молиться? *прыгнуть*? Дорогой мой, Вы ошиблись в Васнецове, высказав, что в нем видите нечто твердое и решительное, сказанное Православием, т. е. обществом русским на почве Православия. Это – католичество; это – глубочайший нерв католический, к нам пробивающийся, в наше тело врастающий, точнее – в нем зарождающийся. Но тут я вхожу вглубь современных наших содроганий, в центр страшный и мистический исторического творчества. Дурачок Вл. Соловьёв писал о «соединении» церковью и, конечно, это так плоско и грубо, что только всех рассмешило. Но вот не видите ли Вы, что в самих русских, даже в не знающих или почти не знающих латинского языка, для них самих неуловимо и неудержимо развивается католическая тенденция, зародилась гамма католическая... Это так страшно, что я едва решился Вам писать; от Васнецова мысль моя перебежала ко множеству других... Достоевский – какая тревога? где тут покой, ну хоть Ваш, хоть Страхова, хоть Данилевского, и, в глубочайшей основе, где покой русского народа, этот удивительный эпос подвига, героизма, даже греха и самой святости. Ибо сравните св. Сергия и св. Франциска – и вы увидите, до чего это несоизмеримо, до чего – разные категории святости... Конечно, Дост. не в категории св. Сергия, не у него под эпитрахилью, – а

под тонзурой св. Франциска. Страшно это всё, и вот я оглядываюсь на себя: есть какое-то, при всех бедах жизни, счастье у меня в душе, умиление, и опять – это ужас, ужас – вовсе не умиление св. Сергия при видении Богородицы. Это так страшно, что я едва рассказываю; Вы знаете, как я ненавижу католичество, с его обманом, с его насилием, и до чего, до чего всем сердцем и упованием прилеж к Православию, а от. Амвросий Оптинский есть для меня идеал исторического героя, исторически нужного человека. Но вот – моя взволнованность? Статьи о свободе и другие, где я все-таки был жесток? Этот дух нетерпимости, который стремится мою душу и с коим бороться я не способен?.. Вихрь, вечный вихрь, в своем роде декартовский, в душе – откуда он, от Бога ли? Вот что страшно... И главное, самое мучительное – я никого не могу послушать, не умею: слова, увещания отскакивают от наружной поверхности вихря, и внутренняя его сторона, *стержень*, увлекает в тот же полет... Франческа-да-Римини? Да, да! Я не знаю музыки, но вот же Чайковский написал «Франч.-да-Римини»? Почему *этот* сюжет? Почему не Садко богатый гость? Тайны истории! Но идите дальше. Смело анализируйте факты: Бог поразил Россию нигилизмом, бросил этот ужасный камень, и всё под ним взволновалось, взволновалась возмущенная поверхность дремавших вод: этот смрад исторический кто вынес бы без гнева? Кого он не измучил? В ком не породил злобы? Злоба, да – вот она, корень католичества, корень почти святых Григория VII, Иоанна III – приводит гнев, черта католическая и библейская, т. е. древне-иудейская, еще анти-Евангельская, еще до-Православная. Вы знаете, я непрерывно пишу, не удержимо, и между тем каждый момент не уверен, не есть ли все мои писания некоторое ужасное зло: ибо для меня народ русский именно в покое его, в эпосе, в св. Сергии – есть абсолютное, абсолютное именно по способу, по методу своего выражения, суждения, всяческих отношений, и я ясно вижу, что этот метод, этот способ – я разрушаю, т. е. глубочайшим, психическим образом разрушаю, ибо чувствую, *сам* чувствую красоту и правду и силу в своем гневном, который, след., заразит, будет заражать? Сжечь все написанное? Скажут – Гоголь, т. е. болезнь, но ведь это же холодная логика, это кристальная прозрачность мысли, абсолютная невзволнованность в *самом суждении*: волнуется сердце около подобных суждений... Это разница.

Хотелось бы слышать об этом мудрое слово; или хоть какое-нибудь, ибо тревога моя велика. Смысл нигилизма при этом будет далек от разумения дурачков-нигилистов, но он будет провиденциально-необходим; именно бич Божий, ударивший нас по спинам, и вдруг, подняв головы, мы заговорили новыми языками. Надеяться ли, утешимся ли, вернемся ли еще к эпосу? Кстати, разве вы не чувствуете при этом понимания и своего собственного положения в литературе и истории: это осень еще светлая и теплая, но уже закаты-заходящегося лета. Варвара Александровна раз сказала: «У тебя же, Сережа, пушкинская проза» (т. е. категория та же: ровная, гармонич.): святая истина, смысл коей она не понимала: закатывающийся, умирающий язык, стиль; кстати: чувствуете ли, что Ваш стиль оживленнее, подвижнее страховского, и если

спросить: «Розанова», «у кого более – у Рачинского или у Страхова?», всякий, бесспорно, ответит; «у Рачинского»; т. е. я хочу сказать, уже у Вас есть, в пушкинской кристальности стиля, сжатость и устремленность осенних темных бурь (а ведь Страх. написал «Из истории литературного нигилизма» прозой спокойной, как у Батюшкова или «дедушки Крылова»). Я хочу сказать, что тайна тут не в сюжете, только раздражающем, но именно в субъекте). И вот я кричу, с ужасом кричу: гибнет русский гений! Пришли скверные католические монахи; беспутные, лживые, насильники, растленные... И кто же ведет их, кто гасит русский гений, этого С. Т. Акс-ва, Пушкина, Тютчева, Данилевского, Страхова, Рачинского? – Да, не говоря о неосмысленных, «не ведающих, что творят» – я же, холодно все понимающий. И это еще удешевит тревогу; эта мысль до экстаза доводит язык, и вот цель, таинственная Божия цель еще ближе, и уже ясно достигается. Я чувствую, именно в языке своем чувствую, что он заразит сердца и зажжет умы совершенно новым огнем, т. е. новой, не нашей, не эпической категории. А люблю я только эпическое; не только читаю, но ведь я из строки в строку знаю Пушкина; и всякому Платону или Канту предпочитаю, езда на общественных санях или на верху конки, – слушать разговоры там: гораздо лучше сократовских. Ну вот я написал Вам *существенное* письмо. Как хотелось бы, чтобы Вы просто *изучили* его и мне ответили, неделю-две писали бы, но, с возраста 60 лет, знания Европы, зрелища множества людей бросили бы свет мною не предугадываемый на все это: а если бы Вы меня успокоили – убили бы 10 католических монахов и право же, право, сделали бы некоторый *факт* в литературе. Ваш любящий В. Розанов.

37

11 февр. [1897 г.]

Дорогой Сергей Александрович!

Назавтра, 12-го февраля, когда я хотел у Вас быть, назначена свадьба старшего сына Васильева, и я боюсь, что освобожусь поздно для посещения Вас (хоть и постараюсь, и приеду, если по расчету могу быть на Литейной к 10 час. вечера), а сегодня, 11-го, у Вас Нарышкина. Такое несчастье. Я написал сегодня, на всякий случай, Кравчинскому о Вашем приезде; он очень Вас любит. Ну, Христос с Вами, да сохранит Он Вас. В. Розанов.

38

Дорогой Сергей Александрович!

Посылаю Вам 2 письма того юноши-студента, который собирается идти в Дух. Ак. и монашество. Я взял их у отца – для показания «любопытствующему о всем в духовном мире человека» – для прочтения.

Ваш любящий В. Розанов.

12 февр. [1897 г.]

25 июля. [1897 г.]

Дорогой и милый Сергей Александрович!

Давно я Вам не писал, и главное – по некоторой *odium** ко всему вообще писанью. Хотелось и нужно мне было Вам написать еще весною письмо. Странные мысли стали мною овладевать; начну с того, что Вам известно, т. е. с пункта моих мыслей, Вами уже прочитанных. Я помню, Вы, в общем, с интересом следили и если не высказывали согласия, то, во всяком случае, не отвергали то, что я писал о выражении красоты в природе, именно красоты в органической жизни. Напомню вкратце и в общем мысль мою: что красота явно повышается в индивидууме к моменту *спаривания*; что отчего бы ни происходили новые органические формы – они *рождаются*, т. е. *новое и лучшее* (*differentia speciei***) возникает опять в момент *спаривания*; что так, вероятно, произошли расы человеческие, все улучшаясь; и, наконец, сперва в монгольской, а потом в кавказской – появляется история; и если в ней мы выделим генерации, фамилии – мы увидим, что после гениального творчества – в творце род не продолжается, умирает, «отдав все земное – земному». Связь с *sexual'*ным отношением – замечается, а главное, она чувствуется, художественно и философски обоняется: если позволительно так выразиться. Думаю, эти идеи бессознательно давно во мне бродят, ибо – догадываюсь я, т. е. теперь только сознаю с полною отчетливостью – моя книга «О понимании» вся и написана в убеждении, что наука *вырастает, рождается* из предустановленных в уме схем понимания (категорий познания) – естественно и необходимо, – как растение рождается и вырастает из семени; всюду аналогия семени и растения у меня там и проведена. Думаю, что молчаливое и многолетнее (конечно, бессознательное) как бы факирское созерцание прорастающего семени (я видал еще в детстве и всегда дивился – на картофель и особенно лук). Вообще есть пункт, откуда пошло даже мое философское настроение; или, точнее, в момент «уставленности» (человек «уставился» на что-нибудь) это впервые мне показалось на глаза и меня заняло. Теперь заметьте: великие люди еще женятся, но не рожают (или слабое потомство очень быстро вымирает); но святые, апостолы, пророки – вовсе не женятся; и что удивительнее – они не женятся (да будет прощена аналогия) во всех религиях, то есть во всех формах религиозного *повышенного* самочувствия. Это отрицательное отношение, но замечательно – к *sexual'*ному же акту. Мне лично известно 2 случая (один – автор письма, которое я Вам показывал, – другой начавший и теперь умирающий от чахотки писатель, 25 л.) *sexual'*ной аномалии, к счастью, благополучно окончившиеся; которые сопровождались глубокою, беспримерною в других людях религиозностью. Связь *sexual'*ной как бы встревоженности, как бы ушиба и опамятования – так ясна

* отвращение (*лат.*).

** различные виды (*лат.*).

с мистическим чувством небесного, что для меня, видевшего подробности выражения последнего чувства – и не может быть сомнения в прямой их зависимости («волею Божию – упал», так студент, коего письмо я Вам показал, объяснил падение с кровати ребенка, за которым, погрузившись в Псалмы, он не досмотрел); был же он грубый и даже жестокий (ко второй матери) юноша до болезни. Читаю совсем на днях биографию баронессы Крюденер (в истории литературы какого-то либерального шалопаю, датчанина) – и что же, порицая ее за действие на Алекс. I и Священный союз, он говорит, что в чистосердечии и глубокой, постоянной ее религиозности не может быть сомнения. Она была необыкновенно чувственна не только в молодости, но и в зрелые годы, до старости – и *момента покаяния* в ней не было (ни одной строчки нет в биографии). Момент покаяния все бы объяснил, если бы он б. верен: религиозность выражается не в форме *наказания* себя за грех, но в форме *взрыва* религиозных чувств, куда пост и молитва входят, но именно не как покаяние, но как составная часть религиозности. Да и почему покаяние не наступает после других и иногда тяжчайших преступлений: против *других*, против *человека* преступлений? Автор-датчанин даже говорит в той же книге, в биогр. Бальзака, мимоходом: «так частая, впрочем, связь чувственности и мистицизма». Что это за странный «дым», от какого он «огня», т. е. я говорю об этой связи, вообще если и известной, то вовсе и никогда не исследованной. Прошу Вас, если Вы когда-нибудь что-нибудь об этом думали или Вам теперь придет на ум – напишите мне; ясно, что тут мы имеем некоторую тайну бытия. Ваш любящий В. Розанов. – Но только прошу Вас полно писать; хотя бы не очень обдумывая – но непременно полно. Спокойствие и ясность Ваших созерцаний, при огромном поле столь разнообразных (от ботаники до письма Ю. Самарина) наблюдений – есть кладезь, в который полезно заглянуть, а Вы, я убежден, не будете скрягой, который закроет свой колодезь от жаждущего. Видел случайно Тертая – в сопровождении доктора идет больным, еле-еле переступая, я с ним не кланяюсь, но тут, придя домой, на другой день написал письмо сочувственное; но, кажется, дурака сыграл – письмо очень теплое, на которое он не ответил. Неужто сердится? Бог с ним – это преходящее. Как Вы? и Ваши? и школа? Еще раз обнимаю Вас. Я, собственно, цвету, кроме безмерной усталости и обыкновенного, «по грехам», безденежья. Адрес: Лесной, Варенцов переулоч, дача 2.

40

7 авг. [1897 г.]

Спасибо, дорогой Сергей Александрович, за скорое и обстоятельное письмо. Так, все, что Вы пишете об отрицательном отношении к смеси религиозности и аномальной чувственности не только справедливо как мнение, но и истинно как факт. Все это – эксцессы, судорожность которых есть условие непрочности, а «что от Бога – вечно». Но эти эксцессы – ужасающие у Достоевского – есть то же, что дрожания магнитной стрелки, которые не в

себе самих важны, но важны как единственный показатель для исследования существующих в земном шаре магнитных токов, их существа и их направления (М. Нордау, как и Бальзака – на них обоих Вы ссылаетесь – не читал, к сожалению, и, удивительно, как и к Мопассану и Зола, имею **непреодолимое** суверие), так же и для изучения связи с этими тонами так называемых «солнечных пятен». Низкопробная и искривленная эта религиозность важна тем, что указывает в природе вещей существующую связь между теистическим устремлением человека и *ow ёйрека* (откуда) самого человека. Вы помните скептический смех (кажется) Гейне

Кто он (человек), откуда, куда он идет?

Если от Бога, он, так сказать, в самом семени своем, в источнике, в тончайшем беленьком корешке, которым держится на матери-земле – теистическому созерцанию всех вещей мира сего обеспечена победа; и смех Вольтера в 95 томах отлетает «срезанный соломинкой» («Лес» – Кольцова). Вот какая важная вещь открывается «*inter fascies et urinam*»*. И здесь же все эти эксцессы и все уродство опять подрезается «тонкою соломинкой»: ибо что многозначительно, многосодержательно, многоценно *an und für sich* – не может стать предметом легкомысленных поползновений Стивы Облонского («Анна Каренина»), и Стива, столь легкомысленный всегда, ударяет себя ладонью по лбу и произнеся, как капитан Копейкин: «Ах, я телятина», становится в *этом направлении* серьезен, как Левин, который прогнал от себя «Васеньку» [сверху: Веселовского]... (забыл фамилию: *все ногу подвертывал* сидя на стуле, и *шапочку* какую-то носил: Левин назавтра попросил его выехать из их имения). На все открывается совершенно новая, необыкновенно серьезная точка зрения, почти торжественная. Конец легкомыслию; конец проституции как промышленности; семья становится домашнею церковью; улица, театр, «ристалища» – меркнут. Все это – как только человек поймет торжественную серьезность алькова, бездну серьезного и космического в том, что до сих пор он делал «под пьяную руку». Самая мысль о вине (так я догадываюсь в тайниках души своей) отсытнет в сторону перед ужасом, как бы в «винных парах» не надеть *sexual'*ного легкомыслия. Вот какие *белые горизонты* открывает исследование этих *черных ужасов*. Главное – все в источнике и около источников, так что действие на умы – бесспорно, и станет фатально. Может быть, и даже вероятно, что писать об этом не буду; но, мой дорогой, сохраните *эти* мои письма в своей библиотеке «*epistolarum*»**: может, когда кто прочитает и разработает эти мысли. В узле явлений тут роль *сказуемого* играет религиозность, а роль *подлежащего* – семя человеческое, которое есть или легкомыслие – и из него тогда фатально растет Стива, культивирует его Стива; или серьезно – и тогда растет Левин, культивирует его Левин; и семья является или под углом воззрения на нее Долли и Левина,

* «между пеленками и мочой» (лат.).

** писем (лат.).

или под углом воззрения Стивы. Вы понимаете, что две эти противоположные точки зрения открывают две категории бытия человеческого (частного и общественного), которые никогда и ни за что не смешаются, как *Левин просто не понимает Стивы*, и обратно. Ваш любящий В. Розанов. Буду ждать ответа.

41

22 авг. [1897 г.]

Пишу Вам, дорогой Сергей Александрович, в Контроле, отодвинув перепроверку земляных работ по Сурамскому перевалу, чем усердно занят, — и пользуясь, что сегодня 20-е и чиновники больше «ходят» по Департаменту, нежели сидят и пишут, а след., чем наблюдают за работой товарища. Повод письма моего — частный случай. Посетили мы третьего дня одно семейство, по соседству с нашей дачей; гимназист 6-го класса, очевидно, умный и развитый, и без дурного направления. Я люблю пересматривать книги подростков, всегда находя что-нибудь интересное; и наталкиваюсь на издание Белинского, полное собрание сочинений — Павленкова; 4 компактные, в 2 столбца, тома, цена за все 4 т. 5 руб., порознь — 1 р. 25 к. «Это у нас (гимназистов) — настольная книга; больше нечем руководиться в старших классах при писании сочинений: учитель рекомендует, да и без учителя мы знаем, что Белинский в разное время дал критическую оценку всех фазисов русской литературы». Мальчик, повторяю, очень смысленный. Увидя приложенную к изданию *вводную* статью Н. Михайловского «Прудон и Белинский» и не читав ее — я взял на дом к себе 3-й — 4-й томы (один переплет), к которым она приложена. Ну, Михайловский — как Михайловский, пишет, чтт ему пристало. Ничего в статье нет, но приложено длинное и трогательнейшее письмо Белинского (заимствованное из книги Пыпина «Жизнь и переписка Белинского») из того периода его жизни, когда под влиянием Гегеля он «примирился с действительностью». Письмо, написанное куда-то на Кавказ, к приятелю, содержит *оправдание* России, в частности, оправдание всех мер правительственных и еще точнее — мер цензурных. Спокойное по тону, «благорастворенное» резигнацией и Гегелем, письмо, как справедливо замечает Михайловский, — дышит *святостью*. Тут же Михайловский (это очень хитрый писатель) оговаривается, что в эти именно месяцы, когда Белинский писал письмо, он доходил до крайней нужды. Вот как сплетаются идеи, откуда родятся великие исторические катаклизмы; слушайте подробности: к изданию, и именно этому же тому приложена гравюра с известной картины — «Умиравший Белинский»: гимназистик мне объяснил, что картину рисовал их учитель рисования, кажется, Наумов, смиренный, конечно, чиновник, как все учителя чистописания и рисования, и ничего тенденциозного не думая, но думая о мелодраматической стороне рисуемой картины, он изобразил умирающего Белинского испуганно оглядывающегося на дверь. Среди комнаты — жена умирающего, с девочкой — 4–5 лет (дочь); перед кроватью сидят Некрасов и Панаев, в задумчивых позах; в заднем

угле – шкаф с книгами, и на нем бюст Пушкина; в отворенную дверь полу-показывается жандарм.

Теперь, мой дорогой, слушайте, как сплетается история. Что дурак жандармский офицер послал солдата-жандарма к критику – конечно, правительство Николая I не ответственно, еще менее ответственна Россия; и еще менее ответственна Россия в ее истории, вся эта громада «Руси». Это очевидно Вам и мне, но вовсе не очевидно впечатлительному мальчику 17 лет; он видит только, что «правительство» к лежащему на смертном одре человеку «лезет» с «тесаком» и «шпорами». Повторяю, тут много значат дочь и жена (завтра – вдова в нищенской нужде), значит, много мелодрамы; но ведь мелодрамы от трагедии мы с Вами умеем различать, а не мальчик 17 лет, который замышляет «Разбойников» Шиллера etc. Просто не могу писать без величайшего волнения. Теперь – кто умирает, к кому обращены «тесак» и «шпоры» правительства? Опять, *мы* знаем ошибки Белинского – в возрасте 17 и даже до 26 лет – они непонятны и не видны. Умирает герой и праведник. Безумное письмо его к Гоголю – гимназисту неизвестно, да оно и вообще неизвестно иначе как по слухам (тут Белинский *себе* надавал пощечин, своему непониманию, своему легкомыслию, но таковы «подробности» истории, что оно – известно 3-му отделению и неизвестно публике). Итак, я повторяю – умирает праведник и труженик, и кроме несчастья своей молодости, молодости всей своей эпохи и своего особенного склада ума (Рудин) – Белинский в самом деле был праведник и герой. Мальчик – из года в год его читает, «зачитывается» им, что слишком понятно, ибо некогда зачитывалась вся Россия. А главное – он видит действительно пламенное сердце и гору труда, оценку, в самом деле, всей литературы, до мелких книжонок включительно. Читает язвительную статью по поводу «Переписки с друзьями» etc.

Конечно, книга «не одобрена» для библиотек, но решительно *всякий* отец купит сыну за 5 р. «thesaurus* русской критики»: он нужен как Кронеберг или Кюннер, он *учебно* нужен; и вот

От потрясенного Кремля...

До стен недвижимого Китая... etc.

Самая жгучая, самая идеалистическая, самая основательная до известной степени и вместе горько ошибочная ненависть и презрение к отечеству загорится в лучших сердцах. Вот что «они» делают; я говорю о всей нашей «правительственной» партии, об этих редакторах-официозах, наживающих 1/2 миллиона через 5–10 лет аренды; о Мин. Нар. просв., высчитывающем, как бы в Харькове протоиерей не получил годом раньше пенсии, чем следует (попалась в Контроле бумажка мне: 2 министра, финансов и нар. просвещ., переписываются официально об этом выеденном яйце). Пришел Павленков – и победил; пришел человек без средств (он, говорят, ничего не имеет), без образования, но с истинною любовью к той глупой идее, которая

---

* свод, справочник (лат.).

овладела его головой, и Мин. Нар. просв. с 20 000 000 бюджетом, академиями и всяческою ученостью отлетело как соломинка. Quous que tandem?..* Да и чтт мы можем? Разве Павленков не имеет, в самом деле, оснований презирать страну, которую он так легко побеждает? Оставим громаду быта, историю и вообще все это великолепие почтенных седин, и мы увидим в ежедневной будничной работе самую плоскую глупость. Что стоило министерству, зная, что без Белинского действительно невозможно обойтись в гимназиях, так же за 5 рублей дать его, без мучительной картинки и без статейки Михайловского. Дать вполне, ибо иначе покупать не станут.

И вот это-то, что я называю «*beati possidentes*»**; наша официозная и частью официальная партия – именно «*beati*», что значит *вся* литературная деятельность Л. Тихомирова и хоть бы моя по сохранению «основ» сравнительно с умно задуманным и выполненным изданием Павленкова. Мы пали, как «соломинка», как совершенные дурачки, никому не нужные и ни для чего не нужные...

Больно, до самой последней степени больно...

И вот я обращаюсь к «Сурамскому перевалу» и «20-му», которые и меня задавили. Но что такое Россия? Это – волнение стихий, без всякого о себе сознания. Когда я *подслушиваю* в народе разговоры – «что же это за гениальный народ», часто думаю: какая глубина взглядов, осторожность оценок. Православие – конечно, это красота религиозной жизни. Если что – любить и чему отдаться, это народ и вся его духовная стихия. Но едва вы выходите из этого, едва просовываете голову в сознательные части России – Вас поражает хуже, чем безумие, чем белая горячка: плоская улыбка идиота, плоское «не-делание» как бы по рецепту Толстого. Очень меня порадовало все, что Вы в этом письме написали, и я хотел на него написать Вам ответ, но случай взволновал. Не знаю, как на Ваш взгляд, но на мой такое простое и *единичное* явление, имеющее силу действовать на *всю* Россию и на определенное число лет – важнее вопроса о Кавказском транзите, который так волновал Россию. О, газеты: вы *ничего* не даете видеть, что есть важного в действительности; газета есть способ *укрывательства*, именно укрывательства важного, о чем она *не говорит*. Прощайте, мой дорогой, и не посетуйте <на> меня за это письмо. В. Розанов.

Есть поговорка или, точней, примета: кого Бог захочет погубить – сперва отнимет разум. Когда размышляю о России, приходит иногда на ум.

42

3 сентября 1897 г.

Лучшие мысли, дорогой Сергей Александрович, пролетают в конке, и я написал Вам *мысленно* несколько писем, пока вот добрался до *реального* письма, удосуживая минутку. Буду продолжать о теме, занявшей меня.

---

* Как это может быть? (*лат.*).

** счастливые обладающие, блаженные (*лат.*).

Карл Бэр пишет: наблюдая оплодотворенное яйцо, ни в один миг и ни в одной точке мы не можем понять, «отчего» это происходит: причин, двигателей, рычагов нет (это я добавляю); но всякую минуту и во всякой точке мы ясно понимаем, «для чего» происходит (то или иное движение, та или иная перемена). Вот полное – даже исключительное господство начала цели в природе. Этому наблюдению отвечают слова одного из друзей, беседующих с Иовом: «Дыхание Вседержителя дало мне жизнь». Да и обернемся на мистиков: Геккель говорит: зарождение живых существ есть чисто механический процесс; осторожный Страхов рассмеялся ему в ответ: «Ну, что он говорит: слепота Геккеля простирается до того, что даже оплодотворение он считает механическим процессом». Это – разговор ученых, но мы хотим знать мнение мистиков: они негодуют на претензии точной науки и говорят: «Уберите ваши микроскопы, ланцеты и пинцеты – вы тут ничего не рассмотрите, ни до чего не дорезаетесь – это *сверхъестественный* акт». Тут я принимаю их речь и доканчиваю: *сверхъестественный*, т. е. вы находите, и я нахожу вместе с вами, что здесь мы имеем «естество», *natura*, но не одну и не так, как всюду в остальном мироздании (насколько можно рассмотреть), но в миг касания к нему этого «сверх»: это «сверх» – каково бы ни было его имя и избранный им способ касания, и привносит *жизнь* на землю, отчего мы и говорим, что существо жизни непостижимо, и даже прибавляем, что оно священо (убийство – страшный, религиозный грех). Таким образом, именно в миг зачатия – и это в целой природе – *natura* как бы проходит под дыханием... скажем «сверх»: мы тогда не выйдем из границ науки (выключая легкомысленного Геккеля) и расцветание природы (запах и окраска растений) есть как бы залившееся румянцем яблоко при взгляде на Того, Кого вы давно ожидали и любите и вот наконец увидели. «Морозом хватило капусту» и она «побелела» (в начале сентября), солнцем обожгло яблоки и они «зарумянились»: аналогии таинственного дыхания, ни смысла, ни имени которого я не знаю и говорю только, что оно *есть*. Вот вещь, которая в целой природе забыта только одним человеком, и миг зачатия он сделал предметом анекдота (Стива Облонский); анекдот – ну это шутка, ну это «под пьяную руку», и проституция как фабрика есть уже следствие анекдотического взгляда на вещи. Но, с другой стороны, тогда ясно станет теистическое чувство, которое ясно течет отсюда: миг «Вседержитель дал мне жизнь» (Иов) есть миг, понимаем мы его или нет, – непосредственного прохождения каждого индивидуума под дыханием «сверх»: и человек «заиндевеет», «зарумянивается» теистическим чувством потому, что ясно ударяет по нему «мороз», «солнце» – как бы это ни назвали. Вся природа «бе к Богу» – это очевидно; лоб человека невольно смарщивается необыкновенной серьезностью; шутка отпадает; все стягивается, смарщивается, серьезнеет по мере того, как приближается к человеку, уходит с площади, или «*αγορά*»*, «*senatus*»** *, и входит в «дом», который

---

* народное собрание (*греч.*).

** сенат (*лат.*).

становится, как я утверждаю, домашнюю «скинией» каждого человека, которую он носит около себя. Все перспективы меняются, и таинственная история Товии и Сары становится биографией всякого человека. Дух человека при этом изменении: «шутка» – «святое» переменится так, как если б он, не меняя точки своего положения, повернулся на пятке и вместо запада обернулся к востоку: «мадам Анго» – провалилась, встала молитва Сарры: «Господи, если я не угодна на земле, пошли Ангела взять мою душу». Вы помните молитву Товии и Сары: «Господи, вот я беру ее не для чувственности, но для того... но по закону Твоему святому» и так и хочется добавить: «для Тебя, для жертвы Тебе». Говорю – все точки зрения меняются, все горизонты перекрашиваются. Я безмерно устал, служба меня истомила, необходимость 60 р. в месяц заработать литературу – истощила. Нужно все это выразить с силою, с красотой, со *слезами* и прямо с *молитвой*, – и тогда это получит многозначительность потрясающей истины; но Вы знаете – переложит поэму Гомера Акакий Акакиевич на «свои слова» и ничего не получится. Так и у меня уже теперь «ничего не получилось бы», начни я писать об этом, но пусть хоть зерно моей мысли, или, точнее, гадкая шелуха живого зерна, вымолоченная солома пусть останется в письмах к Вам. Прощайте, мой дорогой, целую Вас крепко.

В. Розанов.

Удивительно, что в конке – от одиночества, что ли (я всегда там закрываю глаза) у меня пролезали удивительные по поэтичности, *вдохновению* письма к Вам: «Это бы С. Ал. понял, это бы его убедило», – думал я, как бы просыпаясь после сна-письма. Но моя беда – что кроме самого общего впечатления, что было «что-то хорошо» из этих видений-писем, я ничего не помню, может быть, потому, что я не продумываю мысль, а именно проговариваю в уме слова письма, и как они проговорены – именно слова-то, их порядок, а следовательно, синтаксис, т. е. красота и сила – и рассыпалась. Мысль же всё одна и она бедна как всякая логика.

Еще добавлю: тысячелетия греха и преступления закрыли от человека истину; простую и очевидную истину его бытия и исхождения, а следовательно, и глубочайшего его существа. Кто решится разгрести эту навозную кучу, которою он закопал себя. Это ужасно, и даже мужественный Апостол содрогнулся, сказав: «Не хочу говорить об этом» или «по нужде говорю об этом». Всё – гнушается, зажмуривается, плюет в кучу навоза, и далее и далее от нас отходит истина бытия нашего, мы изукрашаем, надеваем венки или мундир, когда выходим на площадь, там мы «служим», делаем «дело», исполняем «долг», а дома – как-нибудь, тут мы грязны, тут у нас свиное логовище, естественное и законное окружение свиного действия, возмутительной «мерзости». Я говорю – все горизонты меняются, и если мы подметаем еще пол дома, ставим хорошую мебель, то потому – что у нас бывают «гости», есть «знакомые» и, в сущности, мы украшаем дом из внимания к площади, «бгпсь», «senatus». Угол зрения, закон мышления не изменен: «я – свинья» и если есть что чистое – то оно на «площади», в «государстве», «обществе».

Между тем взгляните на мир, да и на человека: в «обществе», да и, наконец, в человеке как лоу'ическом существе – все понятно, уразумуеваемо, тут – место Геккелю, и, так сказать, «питательный бульон», где плавают бациллы материализма, механизма, позитивизма и всяческого без-теизма. Все постижимо и прозрачно, исследимо ланцетом, ухватываемо пинцетом, рассмотримо в микроскоп или телескоп. Конт торжествует, и я ничего ему не имею, по существу, возразить; но вот я опускаю взор и вижу, что человек, единое существо, единый Адам раздваивается и выявляется огромная sexual'ная собственность: я взглядываю на Конта – и он смущен. Оба мы – ничего не понимаем, даже не понимаем, где, с которой точки, черты начинается таинственное разделение. У мужчины почему-то борода – у женщины – нет, голос – у одного и другого различен, тенор или сопрано. Мужчины не поют сопрано. Да почему? Да что такое? Что за пустяки, и отчего одну мысль им не выразить одним голосом. Ничего не понимаем, но всматриваясь видим, что распадение существа на два проникает глубже: мысли, строй чувств, а мелодия души – различна. «Черт знает что такое», – восклицает Конт и «разбивает горшок», из коего от чудесных варящихся трав поднялась какая-то им не разгадываемая тайна, какое-то чудесное явление, в котором он ничего решительно не постигает. «Мужа и жену сотворил их» (Бытие, 2), вот все, что мы умеем прочесть и не имеем все-таки постигнуть, и только говорим: Божий план, Божия неисповедимость. Но почему Конт смутился и почему мы сами ничего не понимаем – мы постигаем «не от мира сего». Я хочу сказать, что мистическое в человеке, совершенно, очевидно, неисследимое, совершенно, очевидно, «не от мира сего», не поддающееся вовсе никаким нормам мышления, никакому остроумию анализа – начинается вот от этого распадающегося на сопрано и тенор голоса, растущей и не вырастающей бороды, и далее, далее что все мы называем sexual'ным разделением. Чем оно кончается: рождением безгрешного младенца. Что такое младенец? – Мысль Божия, как мысль: «Все люди смертны, Сократ человек, itaque* Сократ смертен» есть мысль Аристотеля или моя. Тут все исследимо, там ничего не исследимо, «нет никаких причин» (Бэр). Грешен ли младенец? Не знаем, но вот проходит 6 месяцев, он улыбается нам и мы говорим: «Это, только это на земле и есть истинная и во всей полноте безгрешная улыбка. Таковых есть царство небесное». Да что за странность, почему не мое, не мне царство небесное, когда я столько усиливался, трудился, страдал, – а он ничего не сделал для царства небесного, «палец о палец не ударил». Он не по заслуге (как мог бы я), но по природе достоин царства небесного. Да кто он? Откуда? Окончательное, полное, через 9 месяцев наступившее «зарумянивание яблока» – вот все, что нам понятно, чего видимую сторону мы наблюдаем и невидимую открывают слова: «Дыхание Вседержителя дало мне жизнь» и «Таковых царство небесное». Он – принадлежит царству небесному, до 5–7 лет – он еще не вышел из него, не впал в грех, церковь не требует от него покаяния, но ласкает, любит его, понимает,

---

* поэтому (лат.).

окрестила Христу и говорит родителям: «Таковыми будьте, таковых царство небесное». Ребенок умирает, как у нас 9-месячная Надя, и священник, утешая плачущих родителей, говорит: «Утешитесь, он в Раю, пожил бы нагрешил и не был бы там». Да почему в Раю? Значит, это не навоз, как я предполагал? Не свиной плод свиной минуты? Священник молчит, но по всей связи понятий, по умозаключению науки, инстинктам человечества и даже по собственным его словам я утверждаюсь, что не только это не навоз, но что это было навозом насколько я топтал его и вообще салило в слепоте его **человечество**, но *в себе самом* это единственное и есть *sacrum poumenon** Канта, «вещь в себе» Гегеля, — спавший на землю кусок «царствия небесного», как проще и конкретнее я и священник выражаем. Он не вышел до 7 лет из царства небесного, — потому что он из него низошел, и вот отчего его улыбка радует, а дыхание, вид и резвость как-то и почему-то неизъяснимо освежает и просветляет дом. «Чадорождением жена спасается» (Апостол) — как, да ведь это навоз? Да нет же, это, по Геккелю, навоз, а по-моему — из царства небесного. Но это — всегда и все знали! Не очень — или забыли, или заплевали, уж не знаю, как и что, но опять-таки в себе самом, *an und für sich*, это все считали и считают навозом, остроумием, предметом итальянских *fablieus* или «в наш промышленный» век — торговлей, на которую только что не выдают патента. Опять-таки я говорю «в себе самом»; церковь освящает; да, это любопытно и многозначительно, что никакую книгу, никакое умственное, *log*'ическое произведение она не берет под свою мантию, под освящение, и берет таинственное *sexual*'ное разделение. Вне церкви — это ужасный грех; почему? Без благословения: нет молитвы Товии «на сон грядущий», великую тайну, где около тебя «зарумянятся» небеса, «заиндевет» мороз ничего не делаешь, как бы тасуешь колоду карт. «Опомнись» — вот жест, который делает церковь в таинстве. Но, следовательно, в самом себе и уже ранее церкви это есть и всегда было от создания мира таинство, *fas et religio sum***, и как явилась церковь — она и взяла поэтому именно себе в «таинство», как никогда, да простит меня Бог, но говорю для очевидности: он не возьмет себе в таинство ни игры в карты, ни сочинения книг, даже богословских. Это — таинство религиозное «в себе самом», *fas et religio sum* внедренное в миры, впрыск в землю «дыхания Божия», брызги бриллианта в черной породе, дешевой и грубой, как кварц, и ни на что-нибудь. «Страшно место сие», но «и страшись», т. е. религиозно страшись, а уже не гигиенически или экономически, как всегда решительно везде и все. «Окружи себя молитвою» и «укрепи постом». Повторяю, все горизонты меняются. Но какой горизонт особенно ясен, — то это — что в таинственном *sexual*'ном разделении, отсюда с каких-то неисследимых точек теряется в человеке граница ясного, механического, геометрического, логического, и начинается «все по новому порядку», как бы «из иного мира», а по безгрешному младенцу=мысли Божией, мы заклю-

---

* святой ноумен (лат.).

** есть правда и религия (лат.).

чаем, что здесь, от растущей бороды и звучащего голоса, но и в глубь души, в разнообразие характеров и даже противоположность одежд, «кожаных одежд», которые сшил Адаму и Еве Бог – начинается в природе человека, в самом, так сказать, плане его создания небесная сторона. Повторяю – человек занавозил. Вы любите родителей – священно; т. е. родитель – священен? Но вот как говорит Толстой: «Нынче по-другому стало – уже детки отцов трясут за бороду»: существо родительства перестало ли быть священным? Есть, наконец, родители, растлевающие детей, матери, продающие дочерей, – в себе самом, «от начала мира» существо родительское потрясено. О, нет, и нет – это «потряслись человеки», вырвали из себя тайну, вытрясли из себя таинство, и гибнут, и несчастны; но от «начала паки бытия» заповедь: «Чти отца и мать твою» нарушена и все-таки неразрушима, *есть*. И снова ею могут ожить и освятиться люди. Это как бы вино кагор, из которого можно устроить пьянство (мир так и делает) и таинство исцеления: так нужно сделать.

43

7 сент. [1897 г.]

Больше всего меня огорчили слова Вашего письма: «*Болею* и ничего не делаю»; и, признаюсь, вижу в этом больше причин для смущения, чем в неудачах и «политике» *не-делания*, коему предается Мин. Нар. пр-ния. Все *личное* как-то открытее для меня становится, все общее и общественное (и никогда, впрочем, не любимое) уходит за завесу. «Вот и еще умный зритель мира его и неустанный в течение 40–30 лет сеятель около входа в могилу», – подумал я о Вас, дочитав письмо; конечно, я не хочу Вас смущать, хотя уверен, *по всему*, по всем признакам, что страха смерти, столь недостойного христианина, в Вас нет. Страх смерти мне всегда казался атеистическим состоянием, и удивительно, как Толстой, имея его, даже и не скрывает. Христианин всегда должен быть «готов», и вообще покорность воле Божией есть тот посох, на который христ. опирается в жизненном пути своем. Рванулся было я и исполнить Ваш совет с письмом моим, т. е. переделать в статью, но это был первый и самый необдуманый порыв. Я не передавал Вам истории с моим сотрудничеством в «Руси» Гайдебурова, и теперь расскажу, чтобы Вы поняли, почему я остановился исполнить Ваш совет. Напечатал я там 2 статьи против толстовских колоний, где объяснил психологические и культурные причины их неудачи, их быстрого распада, и показывал, что становиться робинзонами среди моря окружающей жизни значит брать себе на плечи выработку ¹⁰/₁₀ культуры, что человеку и кучке людей непосильно. Гайдебуров был очень доволен, и сотрудники, встречаясь со мною, говорили хмуро: «Да, конечно, Вы правы», но я видел, как им тяжело было это «вы правы». Статьи были очень мною обдуманы с логической и психологической стороны и написаны мягким, увещающим, переманивающим к старой культуре тоном. Все обещало мне новую аудиторию, и ту, которая у «Недели», – т. е. невежественно-задушевную, и рублей 50–60 в месяц, что после потери места

в «Свете» (какая-то интрига, мне непонятная, но, кажется, шедшая со стороны покойного Любимова, смертельно ненавидевшего меня за статьи по образованию; он друг Комарову) означало: еще плывешь на льдине, свежей, не подтаявшей, когда предыдущая ускользнула из-под ног. И дернул же меня «черный» (гимназисты маленькие зовут так ч-та) подсмеяться над нашими «марксистами» и «антимарксистами». От вторых к первым перешел журнал «Новое Слово», и тогда целый кружок сотрудников вышел из журнала, с Кривенко во главе, и напечатали в «Нов. Вр.» «Письмо», что вот «выходим». Ну, все курьез, кутерьма, глупость, какая возможна только в нашей идиотской литературе и в наши идиотские годы, когда все решают глубокомысленно вопрос: минует ли Россия фазис, предреченный для всех культурных народов Марксом, или миновав его сможет прямо вступить в «фазу справедливого распределения богатств». И напиши я статейку «Литературные волнения», где, пересмеяв выход в отставку журналистов, и, кстати, посмеявшись над Михайловским (втайне это устроившим, чтобы «Новое Слово» = «Русскому Богатству» не подрывало подписки у последнего журнала), разыгрывающего роль какого-то главы полумарксистов в русской литературе, говорю, что обе эти партии равно стараются «за упокой» русского народа, и утешением может быть то только, что их голоса шума русский народ не знает, и в то время как о нем заботятся, он преспокойно справляет крестины и свадьбы и поет «Во-лузях». Словом – шутка, но тут дернул употребить меня сравнение марксистов и антимарксистов с чудаками, которые возятся где-то в незнаемом для народа углу, «что-то в избушке на курьих ножках, где-то очень далеко, *что-то на Лахте*, и шум их возни, долетая друг до друга, ни до кого в России не долетает». Теперь слушайте, что вышло из этого. Газет я никаких не читаю и слово «Лахта» было употреблено мною потому, что я вообще искал отдаленного от центра пункта, и что Мережковская, знакомясь со мною, произнесла, улыбаясь: «Вы с Лахты?» (т. е. «как Вы далеко живете»), шутка, игра); когда я писал статью и мне нужен был отдаленный пункт – то я и взял Лахту, не зная других в Петербур. Оказывается, П года назад на Лахте арестовали тайную типографию: о чем много писали в заграничных газетах (я и «Нов. Вр.» не читаю за утомлением). Вхожу к Гайдебурову уже не первый, в приемный понедельник. Он ужасно смущен, весь как-то от страха припал к земле: я что-то спрашиваю, а он мне: «Ай, ай, ай, – что же у нас с вами вышло». – Что вышло? – Донос! – Какой донос? – Лахта. – Ну, что Лахта? Я-то, я-то просмотрел: и забыл совсем действительно, я за границей был тогда и очень много печатали об этом аресте: на Лахте прошлым летом была найдена типография. – Я догадался, и чувство ужасного смущения овладело и мной: главное, как оправдаться? – Да было в русских газетах? – Ни слова, запрещено было писать, но в заграничных много было. – Да я же не читаю заграничных и никто не обязан знать, что там печатается, и рассказываю случай с Мережковской, подавшей повод, а он не слушает меня: «Меньшиков, Н. А. Энгельгардт, Абрамов – все объявили, что они выходят из сотрудничества у меня, если я отдал свои издания для сочинительства в них доно-

сов». – «Деньги мои, деньги» – одно я думал, сидя перед ним, ибо в «Книжки Недели» у меня были сданы статьи, не пошедшие в «Русск. Об.», и, кроме нужды, я ничего более в литературе не чувствую и равно мне на все наплевать, равно, конечно, и на всякие обвинения. «Нельзя, батенька, нельзя, нужно повременить, нужно переждать, пока пройдет и успокоится впечатление»; и вот 1 года прошло, мои статьи, из коих одна, о К. Леонтьеве, уже была набрана для «Кн. Недели» и в высшей степени понравилась Гайдебурову – все лето, а на днях я и взял обратно все статьи и, видя, что сотрудничество более не удастся. Но слушайте далее: всего неделю назад встречаюсь в «Нов. Вр.» с одним писателем, он меня хвалит как писателя, но я говорю, что все и везде мне не удастся, вот было началось в «Руси» – и... «Да, да: ужасно – донос, – прерывает он меня, – похоже на донос». Я разразился проклятиями на эти безличные, подпольные обвинения. Он говорит: «Что делать, все в Петербурге заговорили о Вашем доносе, ибо Вы уже в таких журналах сотрудничаете, где на них постоянно доносят, и они запуганы». – «Какое, к черту, запуганы, это *мы* ими запуганы»... – «Что вы: нет, их действительно преследуют, и писатель должен быть осторожен, чтобы не подать руку преследующему правительству...»

Но Вы, верно, не догадываетесь, в чем донос: словом «Лакта» я указывал безмолвно «кому следует», что между неомарксистами, сотрудничавшими в «Нов. Слове», и политическими преступниками (тайная типография) есть или возможна связь, на которую сыскному отделению следует обратить внимание.

Таки я Вам дорисую картину: Александров, коему от ведения журнала очищается тысячи две в год, не имеет силы платить за статьи, и за последние статьи я уже ничего от него не получил, а так как все просил и просил выслать хоть сколько-нибудь, то он перестал печатать и у него лежит 3 мои небольшие статьи, почти 1 года, т. е. он молча показывает, что платить не в состоянии (еще больший *убыток* дает «Русск. Слово»), я и раньше знал, что покойному Брикнеру и вообще *ученым* и обеспеченным авторам, даже когда плата была выговорена, он не платил и так и не заплатил. Самого я его видел в Москве едящим редьку с квасом и деревянными ложками, и, следовательно, претендовать на него не могу. Он платит Тихомирову, Фуделю, мне до последнего времени, хотя по многим месяцам всегда задерживая и хоть после моих отчаянных просьб – платил. Его задавил долг типографии, и Петровский с него ждал, и Грингмут через нотариуса потребовал уплаты. – Теперь – «Новое Время», вся моя надежда – но добрый и благородный, но невежественный Буренин – из 3-х мною представленных статей печатает одну, отрезав ножницами начало и конец. И то, когда напечатает – уж я его благодарю, благодарю, ибо сейчас в зеленую уплатишь, к портному 10 р. месячной ренты снесешь, и что-нибудь детишкам на сапожонки. Да, литературу я вполне и безусловно проклял, и равно мне наплевать в ней до всяких партий и до всяких «торжеств» и «падений», ибо Россия без моей защиты обойдется, а мои дети без моей защиты не обойдутся, а вы знаете, даже благий Спаситель сказал: «Не

бросают псам, когда...» etc. Теперь я осторожнейшим образом налаживаю сотрудничество в одном либеральном петерб. издании, где, впрочем, морщатся и просто страшатся моего имени: «Вы не кто-нибудь, Ваше имя слишком значит и ярко в консервативном лагере и для журнала появление Ваших статей, даже если они совершенно отвечают программе нашего журнала (есть *одна линия* – вражда к 60-м гг., у нас сходная, и на ней я и пытаюсь жонглировать), вызовет в читателях (читай – подписке) недоумение, сохраняет ли и хочет ли журнал наш сохранять либеральные традиции». Повторяю – уважение как к писателю я везде встречаю живое: прямо как-то любят меня, но страх против «направления» моего – столь же не скрытый, яркий («Вас читают за мистицизм, за искренность, за яркий язык – не только не разделяя, но и ненавидя ваши убеждения, читают как писателя и не как публициста», – все говорят мне). Теперь, напечатай я, что из павленковских изданий выходит революция (именно и страшная выходит, жгучая), это будет не «донос» обмолвки, но уже прямой и ясный донос на огромную книгопродавецскую деятельность старого столпа радикализма, и двери литературы, т. е. единственно платящей и кормящей литературы, для меня будут закрыты. А потому, дорогой мой, да лежат все мои «гражданские слезы» в архиве Вашем, с каковою целью я Вам и возвращаю мое письмо. Да и Бог с ней, с Россией: она довольно берет с населения – в виде годового миллиарда, чтобы отдельные сыны ее еще «кровь аки воду лиях и лиях»... Пусть уж с этим миллиардом получше распорядится и как-нибудь сама себя защитит. Пусть подумает, пусть постарается...

Когда я говорю с «младенцем» Михаилом Петровичем, сим непорочным рисовальщиком религиозных иллюстраций, иду и думаю: они ничего не видят, они совершенно оптимисты, и делаются ими тотчас, как оклад жалованья достигает 12 000 р. Он меня уверял, что либеральная печать составляет $\frac{1}{40}$ всей; я говорю: «С духовной?» – Нет, нет, одна светская: консервативная печать одолевает либеральную, Ну, что я с таким младенцем стану говорить: он читает своего Владимира Андр. Грингмута и совершенно не хочет знать, что еще его читает Лев Ал. Тихомиров и поставщик интендантства, и решительно больше никто. Разговор был у нас потому, что Мих. Петр. отказал утвердить издание одной газеты, Яблонского, который меня пригласил в редакторы, с 6000 в год, и без права вмешиваться в направление газет. Все было бы: Розанов был бы спасен, существовала бы лишняя консервативная газета; но уже Мих. Петр. столько поразрешил разным проходимцам газет, в радостную первую пору своего 12 000 оклада, что теперь ему неловко просить у министра еще разрешения. Психологию-то я понимаю, да и не сержусь несколько на этого простейшего и невиннейшего человека, но...

Ну, Бог с Россией: я еще раз отравил свое сердце, говоря о ней: и всякий раз отравляется оно, как только переходит к ней. Только тогда и отдыхаешь, когда сядешь на пол и, растянув руки, кричишь дочерям: «Кто скорее ко мне поспеет». И вот обе бегут, одна еще шатаясь, чуть ходит, а пойдешь отдохнуть после обеда, они плачут-плачут около двери: «Папа, ди (= иди)». И когда я думаю, что суть, тончайший нерв литературы состоит в том, чтобы променять общение с этой

невинностью на воплощенный грех, и заботу об этих незащитных на заботу о какой-то старой и беззубой волчице, которую ложно мы именуем «отечеством», – безумие всего этого представляется ярким. «Дар» писать в смысле порыва – это несчастье, это уродство и преступление против «присных»: всякий раз, как я отхожу к письменному столу – точно на тайное воровство иду, и всегда, когда жена говорит детям: «Не мешайте, не входите, папа занят», я прерываю и разучиваю их: «Папа никогда для вас не занят, и всегда входите». Ну, целую Вас крепко, теперь целый день надо успокаиваться. Да сохранит Вас Бог.

В. Розанов

44

16 сент. [1897 г.]

Дорогой Сергей Александрович – мне так больно не получать от Вас письма, что я Вас прошу простить меня, за то, что коснулся вопросов, очевидно, неприятных для Вас и чуждых. Тут есть «нечистота», специфическая, особенная; и мне слишком понятен (и даже родствен) строй мыслей, душевный тембр, который абсолютно с этими темами не сливается. Великая предосторожность природы: великий и яркий жест затаивания, которым она предохраняет себя от любопытства человеческого. С каким отвращением на *эту* сторону символистов и декадентов наших я смотрел раньше; и довольно прозрачно намекнул в литературе на *личные* пороки как почву их эротического декадентства, и кажется (судя по Мережковскому и Вольтскому – даже, наверное, знаю), что эти слова мои, энергично выраженные, заставили их если не исчезнуть, то спрятаться, притвориться, и, каковы бы ни были их действительные привычки, – от них отстать как от очевидной пакости. И вот сочинителю сатир – ударило сатирой в голову; очень ярки были 2 прошедшие перед моими глазами случая. Вы знаете: что может быть правильнее, нормальнее Отца Иоанна Кронштадтского? Ведь его-то духовный взор уже не ошибется. Итак, того юноши, коего письмо я Вам показывал, – последнее время он не отпускал от себя; ел с ним с одной тарелки, звал к себе в алтарь во время службы, и суровым жестом (именно – поведив пальцем в воздухе перед собою: приказал ему словами: «Оставь отца и мать ради Мене» – окончательно идти в Духовную академию, и он, уже решив постриг, отправился в Москву. Я Вам скажу удивительную вещь: Вы знаете – есть благочестие, есть праведность; но у этого юноши есть – как ни дерзко сказать, и особенно теперь – святость. Как же Вы назовете это радостное сияние на мир? Эту прочную и никогда с уст не сходящую улыбку, с коей с неизреченною любовью он на всех окружающих смотрит? Благочестивых людей, праведных – я видал; что же буду я искать примеров: разве не благочестива была вся жизнь и вся фигура покойного Страхова, кстати, он и сродни мне (крестил дочь): но ничего подобного фигуре, лицу и деятельности этого юноши, который есть бесспорный феномен, и, если Бог не прервет его жизнь, он сыграет феноменальную роль в нашей общественности. Я же немного психолог и умею раз-

личать людей: ничего подобного, кроме умирающего теперь Шперка – я еще ни у кого не встречал. Это основная для меня черта, новый факт наблюдения в поле моего зрения. И не мог не остановиться я на нем, не поразиться им. Два юноши, почти однолетки, около 24 лет – Шперк и Бех – один перед смертью принимает православие (был лютеранин) и другой идет в монастырь, а главное, оба с чертами такой вдохновенной правды, такого яркого богоощущения, такого глубокого прозрения внутрь вещей, и оба имеющие... но я не буду говорить, я скажу только, что со всеми своими довольно религиозными писаниями я прямо склоняюсь и «развязываю ремень» у сапога этих, по существу, еще мальчиков; и никогда, никогда такой праведности в себе я не ощущал, как знаю в их поступках. Кстати – любопытны слова Шперка перед таинством о лютеранизме: «В нем никакого не содержится таинства, это рационализм; ничего – мистического». Вы понимаете, как правилен и строг этот мотив перехода в православие.

И вот со словами «...есть, друг Горацио...» я опустил в кладезь темных и опасных размышлений. О, опасность-то их я вижу; чуждо было и спускание в «колодезь», и, замечательно, пока еще размышляешь о природе, там о ботанике – ничего; но вот подходишь к человеку, и шаги затрудняются, ум костенеет. Это я называю самозатаиванием природы. Не хочет раскрыться. Тут все становится ужасно; цветы расцветают и мы их обоняем; но как только является животное, – начинается гадкое. И именно с этого пункта. Говорю – жест затаивания, и он непреоборим. В растениях – это замечательно – все чисто. Это – царство чистоты, чистоты какого-то девичества, хотя оно мужеженское, как и животное, но без специфического его дурного запаха. Козьяки, черви – уже гадки; среди растений – ни одного гадкого, и мох по осени хорош, как и латании. Говорю – тут всё замечательно, и не устаешь размышлять. Растения, собственно, бесполы, кроме минуты бытия своего, когда на них – на картофеле, на папоротнике высыпает пол, то точечками, то цветком; но он не удерживается, как у животного, опадает, нет его через неделю или месяц, и 11 месяцев в году березы есть почти движущийся минерал, т. е. со скрытым внутри, потенциальным, а не реальным полом...

Но оставляю это, идея *отчества* в природе повела меня к идее Отца и Промыслителя, под которою мы мыслим Бога и иначе не умеем его мыслить. Идея покровительства, идея охранения, идея покрова, над миром простертого; наконец, – идея законодательства в мире и, след., Законодателя; все это удивительно отсюда вытекает и, обратно, сюда именно примыкает. «Каков в колыбельку – таков и в могилку», – повторяет крестьянин и – Кювье в учении о постоянных, *предустановленных* видах. А «species» – не только форма, но и образ жизни, закон бытия, частность питания и размножения, и снова все это дано, т. е. открыто в момент *отчества*. Снова оставляю все это...

Тертий, сказывают, уходит; к нам прочат кандидатами то Куломзина, то Верховского. Но вот видите, как я заговорю о «деле» – и ничего говорить; просто даже смешно: чувствую, что Вам не интересно и мне тоже. Итак, буду

говорить о совершенных частностях: Вы пишете, что дорогу через милый Бельский уезд инженеры собираются вести не так, как нужно, а так, как «больше дадут». Это – то же, что гимназии – обратили ли вы внимание, что в губерниях и уездных городах вокзалы всегда за 2–5 верст от края города: это – город «не дал», и строители, в сущности, «обошли» город, т. е. всем торговцам они наложили на каждый пуд товара отправляемого лишних 5–6 копеек за провоз; ну, даже 1 коп., но в годах и в тысячах пудов это скажется. Милый наш Кравчинский? Сказал фразу, поразившую меня мудростью: «Хорошо, что много худого: значит, может быть лучше» (т. е. старайся, усиливайся открыть простор прогрессу и, след., жизни). Это – целая философия, до которой не додумывался Вольтер в «Кандиде», ни Лейбниц в «Теодицее»: это – признание зла, но как-то связано и примирено с идеей окончательного торжества добра. Итак, мысленно обнимая Кравчинского за его светлую мысль, которую я положительно считаю философским открытием и даже немножко на манер «*cogito – ergo sum*»*, я примиряюсь и с ужасным направлением множества наших железных дорог – через прусскую границу к Кенигсбергу и Данцигу, и с проведением линии мимо Лутковского и Резникова. Да, нашим внукам будет много работы и нет причин нам не подремать от этого. Еще раз прошу вас, мой дорогой, простить меня, и ответить мне, *не касаясь вовсе*, чего не нужно, и вообще «вся сия» предав забвению, чем, может быть, и я кончу. Позволю себе обнять Вас Ваш В. Розанов.

До чего я рад, что развязался – воспользовавшись предложением – со знакомством здешних неославянофилов, Васильева, Шаропова, И. Аксакова, Романова (Рцы). До чего чище стала атмосфера; как легче дышится; как успокоился мой ум только от того, что я «не беседую» с этими «собеседователями» «Благовеста», «Русской Беседы» и «Русского Труда». Они давили меня кошмаром своего либерального православия, своего конституционного «народничества», этого удивительного «богословия» (у Н. Аксакова), которое мирилось и даже почти требовало в Пасху проспать заутреню, а в день Ангела – немножко выпить, а главное, «ради службы», «для пользы службы», как говорится в формулярах – оставить дома одну жену есть пирог и побежать к начальству есть более вкусный «по долгу службы» пирог. Мало кто знает, что все мое консервативное бешенство в Петербурге вытекло из этих гнусных «собеседований» с «собеседователями» (на кои меня Васильев уже как подчиненного не столько звал, сколько требовал), где каждое слово их, самый голос, самая повадка говорить, важно барская, точно впрыскивала мне сулему или мышьяк в мозг. Вы видите – я вспоминаю – и уже отравлен.

Час ночи – спокойной ночи. В. Р.

Нынешний год – у меня какой-то наплыв энергии; какой-то лютой в отпор «миру» и энергии; я решил, что, верно, мне никто не поможет выбраться из тяжких жизненных условий, и решил «принять борьбу». По всему

---

* мыслю – следовательно существую (*лат.*).

вероятно, я прикончу настоящую, т. е. любимую и в любимой форме литературную деятельность и из 1/9 «зарабатывания» хлеба обращу литературу в ¹⁰/₁₀ зарабатывания хлеба. Довольно я написал «для души»; «Довольно Вы пописали», – говорит мне остроумный (и милый) Мих. Петр. Соловьёв. Пора бросить эти затеи; я еще люблю оперу; у меня есть дети; есть много претерпевшая жена; и так еще много есть чем жить и для чего жить. Мне 42 года, т. е. лет 18 жизни, когда можно и отдохнуть, тем паче, что, правда, я бесконечно много писал, и просто мне нужно пожить для непосредственных ощущений. Весь Петербург можно отдать за Зембрих в «Травяте»; нынче она будет петь и с Мазини, но именно не придется «по домашним обстоятельствам» брать абонемент.

45

23 сент. [1897 г.]

Только что получил, дорогой и милый Сергей Александрович, Ваше письмо, и даже не дочитав последних строк, спешу отвечать – так обрадовал меня его объем и ценность. А я думал, Вы *не хотите* мне отвечать, и вообще решили порвать с изгряднившим мысль свою человеком. Самое дорогое в Вашем письме – начало. Дорого, что Вы так серьезно заговорили о волнующей меня теме: сославшись на постов и смиренное непонимание верующих, на красоту космическую, отсюда вытекающую, и неизбежность страсти, Вы поразили меня, что «обрели язык простой, и торжественный» вместе для темы, которая не столько решается мыслью, сколько *тонами* мысли. Литература в «Нов. Вр.»: о, конечно, да и прежде всего это средства существования: но уж не посетуйте, что я и для занумеровывания в Вашем музее писем пришлю то, что выбросил у меня (добрый) Буренин: так это мне дорого, да прочтя и Вы увидите, что это святая святых славянофильства. Музей Ал. III: год об этом думаю, не знаю, как и к кому сунуться с просьбой. Это решило бы и устроило и спасло меня. Целую Вас. Я в Петербурге, т. е. адрес: Петербургская сторона, Павловская ул., д. 2, кв. 24.

Ваш любящий В. Розанов.

Дочитал письмо: опять смутило меня: «еле существую». Да что с Вами! Вы были очень бодры, свежи и *сильны* в Петербурге прошлым годом. См. на обороте:

Соловьёва Вл. читать я едва ли стану: вот истинно бедный духом человек (личное впечатление): никогда такой нищеты сердца, такой мишурности ума и «стучащей бочки» я не встречал. Как перед ним богат бедный умирающий Шперк, никому не знаемый. У Вл. Соловьёва нет *музыки* в душе, у него сердце *не поет*;

он музыки не любит, он на все способен.

Его благочестивые предложения Пушкину не волноваться клеветам на жену есть истинная подлость, если принять во внимание, как не благочести-

во он сам оклеветал бедного и бессильного Страхова («пляшете перед истуканом», «равнодушие к истине») – с полным сознанием, что ведь все это ложь) и ничего себе, живет себе без «мук» сознания, на Афон не идет. Он когда-то назвал меня «иудушкой» (что меня нимало не обидело: так не попал он в цель, хоть, конечно, у меня есть *во что* попасть): но его отношение к Пушкину, его похвалы Писареву (как мне передавали, в той же статье), то заискивание перед каким-нибудь Михайловским и сплетении с мыслью: «Что бы стал делать Пушкин, застрелив негодяя», ибо вот «душа», вот «Афон» – представляет такое сплетение действительно иудушкиных черт, что ужас. Я думаю, – он глуп, и только от этого не замечает, зияющих в нем ран. Просто не могу выносить мысли о нем: это новое в русской литературе явление, т. е. в литературе нелепой и невежественной, но как-то открытой и честной. Писарев и Влад. Соловьёв – это антиподы, и не в пользу последнего. Надоела нам пустота, поверхностность нашей честности, но и это *углубление* кусающее; клеветующее, извивающееся в ногах и в ногу язвящее еще отвратительней. К счастью, он глуп.

Но не буду Вам писать пропусков из статьи, правда, ужасно дельных, ибо там дана удачная культурно-*бытовая* формула славянофильства. Авось, когда-нибудь кто-нибудь и поможет мне издать сборничек статей, и тогда и там восстановлю тексты. В «Нов. Вр.», от Буренина, узнал, что пропуски сделал старик-Суворин, кот. почему-то очень боится Грингмута, т. е. его подпольных влияний. Да хранит Вас Бог.

46

28 нояб. [1897 г.]

Дорогой Сергей Александрович! Кажется (судя по словам Лутковского), Петербург вас ждет к себе, и я надеюсь скоро с Вами свидеться. Писать Вам – тысяча бы тем, и именно поэтому не пишешь ни одной. Прежде всего, конечно, глубокое извинение пред нашим добрым попечителем кн. Н. П. Мещерским. Высокого роста, худощавый с бакенбардами «парижанин», как объяснил нам Бертран, т. е. «бертрашка», как звали мы своего, очень недостойного, учителя франц. языка. Но к делу: в цитате из его статьи у меня есть *пропуски* – ибо они к теме моей не относились, прямо не шли к делу и невозможно было сплошь цитировать; такие сплошные цитаты возможны в книге, а не в газете; и есть перепуск, т. е. в кавычки « » я ввел фактические сведения: «который (гр. Капн.) и оставался 14 лет попечителем». И опять тут виновата газетная теснота: факт верный и официальный я заверил перед читателями «кн. Мещерского, вместо того, чтобы объяснять, почему и откуда я его знаю (пространно, а тут только « »). Но и на кн. Мещерском лежит великая вина: Вы знаете, что Капнист *не* управлял округом, а управлял Высоцкий, и ревизий почти не было, ибо нечего было ревизовать людей, *купивших* место и, след., несместимых. Не везде это было, но было в Брянске, где я 5 лет служил, и Попов, имевший 50 000 годов. дохода (служил для избежания воинской

повинности) мало того, что брал с урока математики преподавателя, громко говоря перед классом: «Никол. Федор., пойдете играть в шашки, за Вас тут Ал. Макс. посидит», но жил с женой этого Ал. Макс., достойнейшего человека (учит. подготовительного класса и вместе надзиратель), доведя его почти до сумасшествия, и на плечах коего (семинариста) держалась вся прогимназия. А затем за такие прелести и, конечно, за крупную взятку его перевели из инспекторов 4-классной прогимназии директором в Тулу, а Ал. Макс. Мещерского, перед коим ученики благоговели, при перемещенном новом к нам инспекторе Пенкине выгнать не выгнали, а выжили, потому что место понравилось другому кандидату, у коего была смазливая сестра, помнится, Варв. Александровна, и Мещерский пошел, не зная куда голову прислонить, в сельские священники. Это только план в больших размерах, не упоминая о подробностях. И вот нам говорят: «Он (Капн.) все же был лучший, и я на него указал», когда лучший-то был под боком: это Гавриил Афанасьевич Иванов, латинист и классик, отличный администратор, бывший потом ректором университета, создание Павла Михайловича Леонтьева и по многим удивительнейшим чертам, о коих я позднее, после университета, узнал – благочестивейший православный. Но вот, видите ли, он имел торопливую походку, как Серг. Ал. Рач-ский и В. В. Р-в, он был мал ростом, невзрачен, и хоть он *один*, одушевленный истинным пониманием древности, поправил бы все прорехи классицизма для Моск. округа, а след., родителям и ученикам был до крайности нужен, но он не был «фигурою», а граф Капнист был фигурист: высокий рост, матовый цвет лица, словом – «цвет наваринского дыма с пламенем», и хоть он дурак и проходимец, но для фигурных целей вполне достаточен: как же, он может приехать в Петербург и за обедом у Делянова это будет «фигура»; а какая же «фигура» Гавр. Аф. Иванов, когда он и в Бога верует, и Тацита *à livre ouvert** читает: это – «прохвост». Так-то Россия наша и «прохвостится» со своими «фигурами» и на всех решительно путях дела своего. – Но довольно.

«Призывал» меня Тертый, т. е. «призывал» и, след., думал распечь, но об этом я догадался только выйдя от него. Я его уже года 2 не видел. Держит книжку «Русск. Обзор.» в руках и прямо начинает: «С чего Вы взяли, что Катков указал на Вышнеградского?». Едва я догадался, что это он читает мою статью «Отрывок (из Петербургских видений)» и поняв, что тут под министрами, исполняющими толстовское «не-делание», прежде и больше всех он разумеется, – захотел дать мне острастку: «На него указал кн. Мещерский» – «Гражданин». Конечно, я это не знал, и объяснил, что тогда писались против Бунге громовые статьи в «Моск. Вед.» и кто-то указывался при этом как могущий поправить наши финансы. Все говорили тогда, т. е. в провинции, что это указывался Вышнеградский, и действительно он был вскоре назначен. «Ужасный вздор – ничего подобного не было: как Вы пишете о вещах, не справляясь и не зная их настоящего положения». – Я ему объяснил, что это принципиального значения не имеет, и для целей моей статьи безразлично,

---

* по раскрытой книге, сразу (*фр.*).

Мещерский или Катков, но, во всяком случае, частный человек указал на Вышнеградского. Разговор был неприятен (кстати – в статье хвалится Витте, который вечно дерет Тертю за уши) и я спросил его о здоровье: «Да, я получил Ваше письмо. Вы там называете меня Рудиным (за раскольничьи дела – но я хотел сказать ему, умирающему, как мне казалось, теплое слово участия). За что Вы меня называете Рудиным, когда Рудин фантазер, живет своими фантазиями и на них опирается, я же стою на почве предания, факта, закона». – «Из огня в полымя, – подумал я и, как-то неловко повертевшись в речи, спросил: – А как Вы думаете, Терт. Ив., насчет электричества в храмах» (тогда Палладий собирал у себя комиссию, и меня это раздражало). – «Конечно, нигилизм. Покойный К. Н. Леонтьев говорил: «Я не всякую Россию могу уважать; я могу уважать только Россию православную». Так как мое положение было очень трудное, то я высказал, что, правда, с электричеством Россия уже как бы снимает с себя облик православия. – «Конечно, я уж теперь больше в Исаакиевский собор не пойду». И вот, ненавидя до этих пор электричество в храмах и уже мысленно формируя против него статью – я вышел из «кабинета» совершенно равнодушный к делу. Удивительно, как много значит *лицо* в истории: правому вы не хотите больше сочувствовать, против неправого не можете бороться. Вы уже знаете об удалении Череванского: вот они, sexual'ные бури: он удален, не захотев и даже сказав: «Никогда я этого безумия не сделаю» подписать бумаги о назначении управляющим контр. палатою в Волынской губ. некоего Алмазова, домашнего секретаря и, как говорили в Москве, «постельничего» Т-ия, который, как Вы, вероятно, слышали, предан до излишества «греческим делам». И 10 лет управлявший К-м человек (а 40 лет на службе) назавтра вылетел даже без пенсии. Катков когда-то писал: «Наша конституция – в присяге». Ну и вот за «верность» конституции человек на улице, лишен «кавалерии и чинов». Россия – это волчий лес; главное бесстыдство: весь Ко-ль ужасно потрясен, ибо почему-то назавтра же было всем известно, почему Череванский удален. Алмазов, как передавали, по приказанию Т-ия и писал увольнительную бумагу. Призвав вечером Смиттена, директора канцелярии он сказал ему, подавая бумагу (сенатский указ): «Исполните». Тот взглянул и выронил бумагу из рук. Потом поехал к Чер-скому, чтобы передать ему, а Тертый поехал в заседание Географ. Общ. слушать образцы русского пения. Вот Вам и министерия. Тут только я понял, когда такой столп свалился, до чего зыбко нас всех существование, «с детишками», «с потрохами». Тут я постигнул жадный порыв Некрасова к «миллиону»! Да – 1 000 000 – это моя свобода, это единственное в России условие не быть наковальной, не бегать а la Молчалин. Да – 1 000 000; ну, а у меня теперь есть на книжке 390 руб., скопленных в Петерб. Как только освобожусь я от одной огромной задуманной работы буду писать в газеты всякую чепуху просто для обеспечения детей. Ибо у меня девочки, и почему на «св. Руси» им не стать со временем жительницами Вяземской лавры, чем-нибудь под старость вроде описанной там «чухи». Нет, Серг. Александр.: для консерватизма, для status quo никаких нет оснований в России и что особен-

но печально, то это – то, что тоненькие корешки этого, кажется, зарыты очень далеко в земле, обросли мохом, «ветхи деньми». Ну, обнимаю Вас и целую крепко. Ваш В. Розанов.

Простите, что я написал Вам на таких неуклюжих листах: нетерпелив и вдруг захотелось написать, и в секунду этого «вдруг» никакой бумаги не оказалось. А я при «вдруг» даже не могу отыскивать и вообще «годить».

47

10 авг. [1898 г.]

Пишу Вам, дорогой и милый Сергей Александрович, кратко (вечная усталость) и только чтобы поблагодарить за присылку «Сельской школы». Мои письма – не нужны Вам (чему я Вас мог бы научить?), а мне Ваши так бы нужны. Слова Вашего последнего письма: «Осторожнее пишите о браке» – я не только не обошел вниманием, но и напротив – взвесил и обдумал. Но тут у меня особенная причина «писать и писать». Давно мне хотелось Вам написать одну мою семейную тайну – но удерживался; и вот то, что я столько лет (7) удерживаюсь сказать вещь, в коей чувствую *главное и самое святое* своей жизни, показывает: что же должны чувствовать в подобном положении другие; а чувствуя ужасные муки – и вынуждаются к ужасным поступкам. О вопрос о браке я *ушибся больно*, и мой ушиб был бы смертелен, если б я насильственно и дико не вырывался из этого ушиба – в жизнь. Вот и теперь, когда я собрался сказать Вам все, рука дрожит, и я не нахожу слов. Я никогда не мог понять жизни иначе как в семье; просто я должен видеть *дом* около себя, а не квартиру; *родных*, а не прислугу; etc. Нисколько я не чувствен, и ни-ни Карамазова во мне нет; но от какого-то самочувствия, я никогда не ощущал *греха* в этом (беспорядочного и даже просто несерьезного здесь у меня и никогда не было). Посему, проживая 3 года в полном и глубоком одиночестве (никогда не любил товарищества) студентом, я в конце 3-го курса женился на Сусловой, сестре известной докторши; какая-то мистическая привязанность к много пожившей Igene (Ирина из «Дыма») «avec l'озлобленный ум»*. Телесной к ней любви у меня никогда не было, разве минутки самого начала романа; но был вечный страх; что эта безумная и «несчастливая» (в моем воображении) женщина что-нибудь с собой сделает; Вы знаете, как трагично-жалостлива становится Анна (Каренина) с начала 3-го тома романа: вечный страх – за нее, вечная грусть – по ней; вечная готовность все сделать, чтобы отвратить надвигающиеся на нее колеса поезда. Вероятно, я тут много нафантазировал: но и частица реального в моем чувстве, верно, была; я никогда ей не сказал простого «дура», при всей вспыльчивости и неудержимости в слове. Жили бесконечно плохо; мучительно, скандально; я писал тогда (в Брянске) книгу «О понимании», а она уверена была, что у меня мелькают юбки перед глазами; несколько раз, забрав рукописи, я пе-

---

* с озлобленным умом (*фр.-рус.*).

реходил в гостиницу, и она упрашивала меня вернуться. Кажется, весь город знал наши скандалы, и я со всеми (т. е. с близкими) советовался, как лучше жить, какой *метод* «женатого человека»; так бы, верно, промучились мы до могилы, пока (как теперь соображаю) она не влюбилась в молодого (кончающего унив. курс) студента-еврея Гольдовского, с матерью коего она (чуждая еврейская семья, характерно христианского типа) была связана 20-летней дружбою; она сама позвала его гостить к нам на лето, он приехал и влюбился в дочь священника, отца Петра, Александру Петровну – прекраснейшую и поэтическую девушку-христианку. Я в то время писал любимейшие главы в «Понимании» и рад был только, что отправляясь в лес или в поле (и Сулова всегда в их компании), они оставляют меня одного; вообще выполняя обязанности супруга и домохозяина, быть может, сухо, я весь ушел в книгу; август – и еврею и девушке настало время расстаться; роман их (безусловно чистый) все знали, и все видели, что он роковой – по невозможности женитьбы. Слезы, муки – но они расстались; но тут-то и вышел роман *жестокый*, коего никто все лето не подозревал, да и я стал о нем догадываться годы спустя. Как я понимаю теперь, Сулова давно и тайно полюбила Гольдовского, и вызвала его к нам, чтобы быть около него, и без всяких дальнейших надежд (ему – 20–19–21 лет, ей – за 40); но зрелище взаимной и необыкновенно счастливой любви, пусть краткотечной, – проникло фурии в ее сердце; она написала, уже по отъезде его, его матери письмо, где, между прочим, слегка упомянув о его привязанности, отозвал: – «Стаха привязался к барышне, не разобрав, что это – из тех дев, которые умеют любить только на постели» (Гольдовский очень меня любил, был мне в «духовного сына» и все передал, но очень деликатно, и щадя ее самолюбие. Вообще Сулова была невероятно грязна в речи, и «юбки»-«пantalоны» вечно мелькали в ее речи; зная, что это – какая-то болезнь у нее, я именно в грязи бесконечно жалел ее, и утонченно-вежливый Гольд. сообразовался с этим). Письмо это было только начало; долго рассказывать дальнейшее, но достаточно сказать, что она кончила тем, что упекла его в тюрьму (перехватывала его письма ко мне, без моего подозрения, и одно, где он, по поводу университетских беспорядков, дурно выразился о начале царствования Ал. III, переслала жандармскому полковнику в Москву, обвинила его перед отцом в кровосмешении с матерью (о чем мне с дикою яростью сообщила – он сказал: «Она что-то написала отцу, но такое, что он даже мне не показал письма») (замечательная дружба и доверие отца и сына») и пр. Тут были самые трудные для меня дни; чтобы утишить бурю, я на все соглашался; она требовала, чтобы я ему писал тоже (диктовала) подлые по содержанию письма, но я отказался; но не мог ей отказать в безусловном требовании – отнюдь не видеться «с жидом» и вычеркнуть его из бытия в моей памяти. Я это обещал, хотя замечательно его любил («духовный сын»); нужно заметить, что он (безвозмездно) корректировал всю мою книгу «О понимании» и раздавал ее в магазины на комиссию; и затерялся куда-то комис. квитанция магаз. Глазунова; тут не деньги важны, а самолюбивое ожидание автора, только что объявившегося в свет,

«сколько продано». И вот, проезжая через Москву и остановившись в №№ (с братом Николаем), я вызвал его (Гольд.) письмом на час, чтобы спросить, не у него ли квитанция, или вообще *где она?* Нужно заметить, что Суслова была гениальна в шпионстве; когда Гольдовский от меня выходил, а я кивал ему с лестницы, вышел милейший наш (и Сусловой) знакомый Борисов, из Шуи или из Иванова, – и у меня тогда же мелькнул испуг, что Суслова узнает о свидании; и правда, когда в свою очередь она поехала на свидание с отцом в Нижний – она уже из Москвы написала мне бешеное письмо (а я проводил ее на вокзал, и вообще она уехала мирно), чтобы я выслал ей вещи, etc. Больше я ее и не видел; я плакал; писал ей письма; все обещал, даже противоестественное для честного человека, все было напрасно; думал, что это – какая-то атмосфера помешательства и она связана уже с *обстановкой, с местом, людьми*, я поехал в учебный округ и попросил перевести меня из Брянска; меня перевели в Елец, и я вызвал ее, говоря, что новый город и люди нас успокоят; «тысячи людей – в Вашем положении, и не воют; люди не собаки», – помню я рельефные строки из ее ответного письма. В Ельце у меня был друг, И. Ф. Петропавловский, семинарист и учитель подготовительного класса гимназии; когда он помер, я все напевал гамлетовское:

Мосго ль вы знали

.....

В белых перьях старый воин

Первый Дании боец.

Мало я знал столь уравновешенных, дивно гармоничных натур; какая-то во все стороны льющаяся – благодать; спокойствие суждений; огромная практическая опытность; – и чисто российский идеализм и мечтательность. Год на 2-й жизни в Ельце, я ему рассказал свой роман с Сусловой и попросил совета: «Не сходитесь; никогда и ничего не выйдет у вас». Так это решение и упало камнем на меня. Я прекратил дальнейшие попытки восстановить разрушенную жизнь.

Петропавловский этот квартировал в доме моей теперешней жены; от пустой простудной болезни сердца, по чистой неумелости доктора, он в 2 недели погиб. Вы знаете, как смерть человека сближает всех, его любивших; слезы, смятение, самые доверчивые слова; и вот впервые в эти мятущиеся дни, в беганье в аптеку, в созывах консилиумов, около гроба, старушки-матери его, торопливо вызванной из села – завязалась первая не любовь, но просто бесконечное доверие и уважение между мною и молодой вдовой-дочерью хозяйки его. Тут много – непередаваемого; тут – именно наблюдение человека в смятении, т. е. самое безошибочное; около постели умирающего передо мной вспыхнула как бы древняя христианская жизнь, где-то в темном углу истории, в катакомбах, но из коей идет свет необыкновенной любви, заботы, сострадания друг о друге, и бескорыстного, за которую нет платы. Я уже поприсмотрелся к цинизму жизни, к холоду людей; и этот новый мир – поразил меня. В конце моей книги «Легенда об Инквизиторе» есть страница –

о высоком священнике, церкви, церковной службе, и тихих и простых людях, приходящих туда. Это и есть милая и навечно дорогая для меня Введенская церковь в Ельце, vis-a-vis с коєю в своем домике (где, кстати, родился и их дедушка, Иннокентий Херсонский, архиепископ) и жила вся милая семья. Я даже не знаю, в кого я влюбился: во внучку ли 6–5 лет, милую и остроумную девочку; в бабушку ли ее, кою и посейчас безумно люблю, как настоящую свою вторую мать; или в между ними стоящую молодую женщину. Все было *чисто* тут – и вот это-то и пленило меня; была нужда, но какая-то веселая, без ропота. Все еще любви у меня не было, но, скорее, удивленность идеалиста; ничего я не искал, но началось знакомство: и опять в случайных разговорах я узнал о кратком и необыкновенном по красоте (самоотверженная любовь) романе молодой женщины, матери внучки-Санюши. Все опять – чисто и бескорыстно, и опять это меня поразило, поразило как человека, поразило как писателя. Молодая женщина осталась вдовой 21 года, а ее муж, прекраснейший и честнейший человек, умер ужасною болезнью, закончившейся слепотой и сумасшествием. Значит, молодое сердце много перенесло. Ну, пора идти в Контроль – вечером допишу.

Буду кончать мою печальную повесть – не без воодушевления начатую. Тяжело шли мои дни. Я писал отцу-Суслову, чтобы он поговорил дочери о разводе; старик, добрый и прекрасный человек, ответил мне иносказательно на своем апокалипсическом языке: «Демон рода человеческого вселился ко мне в дом и мне напоследок лет самому нет отдыха» (она и до брака и теперь, после возвращения из брака, куролесила над родителями); ездил я сам в Нижний, но она, сказавшись, что выехала в Москву, скрылась от меня. Говорил я в Ельце с жандармским офицером в Ельце [sic], могу ли ее вытребовать к себе: он ответил, что хотя формальное право это у мужа есть, т. е. он может требовать к себе жену через полицию, но полиция лишь передает это требование жене и напоминает ей о необходимости следовать за мужем; но на это она всегда может ответить отговорками болезни и проч., и вообще реального способа заставить жену жить с мужем не существует. Вы не следите, но я чуток к этой стороне жизни, и помню, что года 3 назад в подобном же положении оставшийся муж попробовал через суд требовать жену к себе, но суд (в Казани) отказал. Да и дико, конечно, держать при себе жену, как черкешенку Бэлу держал Печорин: испуганно-гневною зверя, который жметя в угол. Я спрашивал у жандарма – скорей, с любопытством. Так странно – дико положение, в котором я очутился.

Вы пишете в (прекрасных) «Письмах к духовному юношеству»: «Члены армии Бутса – *рано женятся*». Действительно, альфа брака есть брачное состояние от 17–18 лет – до могилы; без этого мы имеем оазисы брака, а не материк его; материком его является гнусная проституция. Но брошу философию, впору рассказать о себе.

Никакой романтической любви у меня так и не вспыхнуло; шло возраставшее уважение; шла потребность дышать одну духовную атмосферу с

домиком около Введения; часто мы виделись, а когда наступила холодная осень, старушка – сберегая здоровье будущих детей своих – позволила мне бывать у них сперва часто, и позднее каждый вечер; всегда или почти всегда была с нами; все было бессмысленно тут – потому что ничем не могло кончиться. «Лучше мне в землю живой лечь, нежели увидеть свою дочь, потерявшею себя», – сказала она мне, предостерегая от разных возможностей, и имея полное доверие матери, конечно, и дочь так же держала себя. Прошла зима, прошла другая; все в городе, т. е. ее обширный кружок родных, и мои учителя-товарищи, знали о привязанности, и также знали – да и мы раньше всех – что ничего тут не может быть. Конечно, можно сказать: «Нужно было не видеться»: но это все равно, как Вам: не интересоваться более школою. Дело в том, что «брак», «семья» есть духовный мир; есть идеал физиологический ли, религиозный ли: который образует из себя приращение, и человек липнет к нему, как облачко влажное к вершине горы. «Не ходи в школу» – что это для Вас, или для меня было бы «не ходи в домик к Введению». Да если в домике этом я научился бездне мудрости (от старушки-матери); если впервые я там узнал девственное целомудрие, так сказать, не целомудрие тела, но духовных созерцаний; и, словом, если «писатель-Розанов» незаметно там созрел в фундаменте как «Розанов-человек». «Не ходи» – это значило для меня: погрузись в дразги, служебные нашептывания; начни копить деньги, глубже и грязнее: «Возьми себе миловидную прислугу». Словом, «не ходи» для меня было однозначуще: «Сойди с высоты, на которую не ты встал, но тебя подняли люди – и опустишь книзу». Я знаю, есть стоицизм, есть виды долга, служения благу; но прежде всего уже так меня Бог устроил, что семья, «дом» (антитеза «квартиры») мною всегда ощущалась как *первый долг*, как, так сказать, первая заповедь в порядке всякого философствования, назовем ли его «стоицизмом», «служением благу» etc. Для Вас «не пей» есть условие священства, учительства; есть первое требование, за коим уже выступают потом вторые: для меня – играющие дети, хлопочущая около мужа жена и, словом, «дом» есть также *gratum**, на крыльях коего уже я полечу куда угодно: и без коего прямо не полечу, не хочу и не могу лететь никуда решительно. Такое «умоначертание». Теперь, когда я более обдумал себя, я понимаю одну дикую свою привычку: куда бы я ни пришел в дом, я его озираю как-то, и теперь-то понимаю почему, но прежде инстинктивно и как будто нечаянно – всегда дойду до детской и отворю дверь в спальню домохозяев, в «гостиных» же и «залах» просто не могу усидеть. Это – инстинкт, повторяю – непреодолимый; жажда какая-то всеобщего домоустройства: как-то уже здесь, в Пет., делая впервые визит – служебный – некоему Кандаурову, я пошел по квартире, оставив гостей в зале (был «визитерский» день), и дошел до спальни мужа и жены (детей у них не оказалось). Дойдя – я вернулся, и уже мог сидеть в зале: придя – рассказал смеясь жене, не понимая, что и для чего я

---

* первое (лат.).

сделал; она предупредила, что это – неприлично, да я и сам знал, оттого и рассказывал, смеясь и недоумевая о себе. Просто вся парадная сторона жизни, зальная, гостиная – для меня есть пустыня; но жизнь начинается, где начинается «домашнее»; хлопоты к обеду, одевание–раздевание, нужда житейская и тревожный счет денег (я всегда о хозяйстве расспрашиваю – даже вашу сестру расспрашивал, и в Дунаеве – содержателя станции), но прежде и в основе всего: как здоровье жены, сколько детей, как они рождались, каковы способности, не трудно ли воспитывать. «Умоначертание» – которое я теперь сознал, но оно всегда во мне жило инстинктом. Но скорее – к фактам.

Родственник по первому мужу однажды завел разговор со своим отцом, строгим и властительным протоиереем, о браке: «Папаша, ведь священнику венчающему в строгом значении закона требуется, собственно, одно знать: не принужденно ли венчаются жених и невеста, и по любви ли». При мне и, думаю, для меня был заведен странный разговор: я никогда (до тех пор) не справлялся с каноническим правом, и вообще весь разговор мне показался странным; отец поправил сына, говоря о полноте условий при венчании, но сын опять свел отца на узко-законную почву, и сейчас не припомню подробностей, но вынудил отца сказать: «Собственно, все другое лежит на ответственности и душе брачующихся, а для самого священника *conditio sine qua non** венчания заключается в добровольном и по любви согласии на брак венчающихся». Нужно Вам заметить, что я знал и мне как-то впало в душу одно условие 2-го венчания, ужасно близкое к моему положению: 5-летнее безвестное отсутствие одного из супругов. Скажите, какое мне дело, что я знаю *адрес* своей супруги, когда одновременно я знаю, что это есть *вечное разлучение, бессрочное отсутствие. Это адресные браки*, т. е. с ведением адреса ложа супруги – одна из тех чудовищных аномалий, которые загромаждают жизнь; и со своей стороны раз уже 5-летняя давность законом установлена, я считал и до пролития крови считаю себя вправе на второй брак; ибо что 5-летнее отсутствие нимало не включает в себя смерть супруга, *исчезновение его с лица земли*, выбытие из живых – это-то само собою разумеется. Не сказано в законе: «имея доказательство смерти мужа», а сказано: «если отсутствует». Но вот еще более: «Муж, ссылаемый в ссылку – раскрывает свободу 2-го брака для жены». Здесь подумано: «Жена не обязана терпеть за преступление мужа и следовать за ним; но он *жив, существует* – и, однако, именно потому, что произошло фактическое расторжение ложа – церковь дает жене 2-й брак». Вот почему, повторяю, до пролития крови в сердце я всегда сознавал свое право на 2-й брак; на тяготение 2000-летней привычки брало свое, и я не решался даже обмолвиться об этом, пока странный диалог священника не заставил меня постучаться в двери. Так все и свершилось: было много плачу со стороны старушки; болезнь; совещание с духовни-

---

* обязательное условие (*лат.*).

ком; мы же решили уже заранее принадлежать друг другу после смерти старушки – теперь же естественно пошли в раскрытую дверь. Условием венчания было: полная его тайна; отсутствие церковных записей; немедленное после венчания выбытие из Ельца (для предупреждения разговоров). Он был священником в Калабинской приюгской церкви, и в воскресенье, поведя нас как бы показывать храм, запер дверь и в последний (скоромный) венчальный день, 4-го или 5 июня 91-го года, наш брак совершился.

Все утихло; священник этот помер; старушка и весь ее круг родных так привязался к нам, что мы не чувствуем ненормальности своего положения; мы отделены только паспортно, и когда померла моя старшая девочка Надюша, и я в Петербурге в полиции выправлял разрешение на пропуск на кладбище, мне пришлось выслушать злобное издевательство 22–25-летнего, в мундире, чиновника, над «ребенком вдовы (имя рек) – хе-хе-хе». Подлец знал, что я отец, и что ребенок в гробу лежит у меня дома; тут же, в полиции, стоял огромный образ св. Николая Чуд., с горящей лампадой: и этот образ около этого издевательства над отцом и матерью умершего ребенка – человечка, который, может быть, и не выходит из «Аркадий» – больно-больно, какой-то потусветной горечью, кольнул меня. Конечно, на памятнике, на Смоленском кладбище, я приказал вырезать «Надюша Розанова». Да и они все – Розановы, это воистину так; воистину нет закона, чтобы отца и ребенка разлучать; это – что-то от Ирода, около Вифлеема, «поиски Христа» же, но не пастырей, чтобы поклониться Ему, а убийц, чтобы умертвить Его.

Вот причина моего усиленного внимания к браку; конечно, я детей не брошу; конечно, жену я не брошу; но ведь я прошел горнило 7-летнего размышления, и еще имею особое «умоначертание», чтобы не чувствовать стыда и позора в своем положении. Но тысячи слабых сердцем людей чувствуют, что «младенец пачкает отца», как только он рождается не при полноте условий; «пачкает и мать». Иродова легенда бежит черною кошкою по миру: детей – стыдятся, и стыдятся – убивают; поразительно, что в публичные дома никто решительно не стыдится ходить, тут нет зазора и даже нет юридического ли, канонического ли препятствия. Стыдно – родить; стыдна именно степень начинающейся правильности около пола, ну хоть какой-нибудь правильности, 1/5-ой ее тени. Не наблюдаете ли Вы, что венчающиеся теперь – бегут на железную дорогу, совершают свадебное путешествие вместо того, чтобы становить «дом»; скотское сладострастие до того овладело миром, что обвенчавшиеся – которые сейчас начнут «скотствовать» – краснея, бегут из круга известных им людей и, как кошки на крыши, так они в каналах Венеции проделывают свои пакости. Это убийственное падение брака, именно какое-то презрение к нему, какое-то половое друг от друга отвращение и если уж влечение, то на минуту, кое-как (проституция) или крадучись (бежим после венца) возмутило мою душу: и вот причина, почему целомудреннейший до сих пор Розанов заговорил о «святой» карамазовщине; Сципион Африканский еще юношею, после какого-то поражения римлян, когда остатки рассеянного отряда хотели вовсе вон бежать из Италии, остановил их; и людей, бегу-

щих из брака, тоже я решил поворотить оглоблями «ко двору». Вот почему я смею заговорить о спальне и ее подробностях; сказал, что тут уместна молитва. Да следите же за инстинктами человечества: в спальне-то, около ее *нечести*, благочестивые супруги, поставят там образ, коим девушку отец и мать благословили в брак – зажигают лампаду; а в проклятых залах ничего не зажигают, только свои поганые люстры; родился младенец – опять лампада; да все это так религиозно, так, очевидно, религиозно, что нужно быть слепым или нахально путешествующим по Венеции, чтобы не заметить особой и, очевидно, святой атмосферы, которая здесь струится, «колышется»; и еще остающихся, или точнее – вымирающий остаток идеалистов брака она-то (эта атмосфера) и тянет к себе, но, повторяю, это есть вымирающее чувство, и браки, которые в образованных классах ужасно редки, а в крестьянстве – после всеобщей воинской повинности – тоже перестали быть «ранни» и след., чисты, через век-два совершенно исчезнут, станут зубром в Беловежской пуще. Это – такой ужас социального и культурного разложения, перед грозой коего мои «неосторожные» статьи суть треск лучины перед московским пепелищем 12-го года. А потому, предвидя пепелище, я и кричу заблаговременно: «La sancta* постеля», «святые дети», «свято чадорождение»; не надо, лет на 200–400 не надо ни Венеции, ни канделябр, ни зал – но постеля, постеля и постеля; пот и труд любящих; домашние счета; и, словом, «дом» и «дом» «около Введения Пресв. Богородицы», как научила меня жизнь и собственный горький опыт. Любящий Вас

В. Розанов.

«Письма к юношам» в высочайшей степени ценны; тут – Вы деятель, «как св. Колумбан» (в Англии, кажется), или где угодно; тут – такая правда, – и столько горькой правды. Поразительно, что Вы пишете о «лжи, лжи и лжи», которая нас увила по рукам и ногам. Еще более меня поразило (именно в Вас), что Вы написали о магометанстве, Африке: я бы не решился, просто из осторожности, печатать такое грустное наблюдение, но как оно истинно: пьяный, а по моему наблюдению и – прогнивший в распутстве христианский мир; да что же истиннее этого и что ужаснее.

Первая у меня к вам вещественная просьба: я безумно влюбился в нумизматику: чеканные портретные изображения на монетах «древних героев» неизясымно волнуют мою душу. Собрал 23 монеты. Среди культурных сокровищ Татеева, быть может, есть несколько *завалиющихся* монет, которые и не вошли в реестры ее богатств. Они у Вас «так себе», «ни к чему», и вот, если вы принесете такую «лепту» древности мне в дар, Вы доставите несколько дней чисто детского восторга В. В. Розанову. Покупать их страшно дорого, а при болящих моих детках – и преступно. Я решил – excusez du peu** – «*клянуть при дороге культурной милостыни*».

---

* святая (лат.).

** ни больше, ни меньше (фр.).

29 авг. [1898 г.]

Спасибо Вам, дорогой Сергей Александрович, за письмо Ваше – как всегда чистое и ласковое. Я знал, что у Вас есть как бы идиосинкразическое отвращение к плотски-нечистому, и потому Ваш страх и чувство отталкивающего чего-то от моих писаний (NB: Суворины, их *едва* пропускали, с превеликой неохотой печатали; как сквозь лес я пробивался через нежелание, убеждая, переубеждая и проч.). Не думайте, что я глубоко и осторожно не расспрашивал чистых людей: Вы, может быть, помните чудный рассказ в «Русском Вестнике»: «В тихой пристани», с явно автобиографическими черточками, изображение монастырской жизни; подписано «Данилов», а автор г-жа Фрибес, дочь бывшего Пермского или какого-то восточного губернатора, девушка лет 34; – не только очень воспитанная, но безусловно нравственно-чистая (живет с матерью и 2 детьми-племянниками в Петерб.). Она мне знакома (по вечерам в редакции «Рус. Вестн.») и при встрече я ее внимательно спросил именно об этих статьях; мне нужно было знать мнение не писателя, а человека, и Вы знаете, женщины особенно чутко-внимательны и осторожны в этих темах. Она, как бы поняв мою мысль, ответила: «Конечно, – это религиозный акт». Так не ловка тема, что разговор наш и не продолжался, но она сказала очень твердо*. Далее, получив тоже очень укоряющее письмо от М. П. Соловьёва, и находясь в унынии, я послал его одному священнику, из Старой Руссы, который, спросив в ред. «Нов. Вр.» мой адрес, завязал со мною по этому поводу, т. е. этих тем, переписку; и я Вам его ответ прилагаю, *с просьбою мне его вернуть*. Лично я почти холоден к вещам сим; тут – не 43 года, а постоянная моя отчужденность и занятость 1000 теоретических тем (во всю жизнь). Но что тут около жены и тут же дети религия, просто я это чувствую. Еще на днях пошел с детьми в сад при Владимирской церкви, – и взял в церковь маленькую Веру: она очень хорошо молилась, т. е. со всею наивной неумелостью двулетка. И так хорошо было: я подумал: да что же может быть угоднее Богу, как чтобы родители *с детьми* Ему молились. И все – вместе. Тут вообще целый мир мысли; 1000 ощущений, которых не опишешь – но они мне легли на душу и запомнились; мы думали, что 2-я Татьяна умрет – худенькая и миниатюрная – и вот в Лесном я иногда возил ее в колясочке: издали чуть-чуть доносится благовест, и она, уловив звук, повторяет: «бом-бом»; а я думал: вот так-то тебя понесут при «бом-бом» в церковь (т. е. в гробике, как старшую Надежду). И много-много. Но что стоит в центре всего этого? То, на что люди вздумали плевать, о чем *без анекдота* теперь люди и не разговаривают. Вот это скверное начало *анекдота* я и решил вымести. Устал я писать, но за годы размышлений я вынес наблюдение, что коренной пункт крушения нашей цивилизации есть именно отсутствие

---

* Теперь, после Вашего письма, при встрече я ее еще переспрошу, и попрошу *осудить* меня, если в точности она это чувствует.

религиозно-текущей семьи; страшное разъединение плотей; и этот «анекдот» около плоти, который царит от Парижа до Б. Морской (какие здесь картины, какое на окнах магазинов оподление женщины: тут и падать некуда, на дне лежим). Мы загниваем в самом узелке бытия; мы не умеем рождать и родиться; холодная и гусяная семья дает выброс детей на улицу. Дети точат ножи на родителей. Раз это *есть*, раз это – *факт*, все утешения религии бессильны; все школы напрасны. Дайте мне семьи – и я дам вам цивилизацию; дайте дьяволу в цивилизации проткнуть гнилой палкой семью – и цивилизация рухнет как мертвец. Теперь, мне думается, я нашел средство поправить семью: существо плоти священо, и брак не номинально религиозен, но реально – это есть таинство между супругами. «Брак» есть супружество и таинством названо самою церковью именно оно. Говорить ярко и, словом, как хотелось бы мешают мои 43 года и вечная усталость; но при досуге и свободе я нашел бы «язык простой и отзыв мыслей благородный»; а теперь – устал и устал. Ну, прощайте, дорогой мой. Письма Ваши о пьянстве мне понравились даже больше, чем «Сельская школа»; там знакомое, а тут ново, нов язык и это прекраснейшее одушевление. Я бы в Ваше общество записался, но вы знаете – мне рюмку водки выпить, что в лужу опуститься; идиосинкразия отворачивания к вину, даже к виноградному. На Кавказе я рассмотрел наши русские ужасы: в Ялте, около 9 час вечера красивейшие и *нарумяненные* татары, и мне уже с Кисловодска говорили много об этом безобразии, и русские дамы: но эти татары, что кокотки на Невском, и так беззастенчиво вскрыли значение «курорта», как дома терпимости. Но я уже и в Кисловодске видел, что такое «русская семья». Она, очевидно смешалась с проституцией и плач «Крейц. сонаты» не безоснователен.

Тут такое горе, перед коим самое забубенное пьянство – цветочки перед годками. Письмо верните же.

В. Розанов.

49

23 сент. [1898 г.]

Дорогой Сергей Александрович! Пишу вам кратко и о главном: не откажитесь при помощи, кажется, имеющейся у вас камер-обскуры переснять мне 1 экз. египетского портрета, коим вы меня живо заинтересовали. – Судя по двум прекрасным в Петерб. фивским сфинксам, я судил, что египетское искусство, не имея щеголеватости греческого, внутренне-жизненное (экспрессивнее) его: замечательно, в постановке лап, в сгибе хвоста – сила и движение; нельзя сказать: хвост лежит: он *положен* (усилие, черта кладки определена): лапа – протянута: но она – *вытянута*, или: *поставлена*. Вообще ничего висящего, высшей степени отрицание русского: «Моя хата с краю – ничего не знаю». И так как эту «хату с краю» я начинаю глубоко ненавидеть, то сфинксы, а через них и «всё» египетское, меня начало привлекать. При том мое почти постоянно грустное настроение духа находит решительный отдых

и оздоровление в их веселых, в высшей степени бодрых и добросовестных лицах. Думаю, на портрете египтянина, который, ожидаю, что Вы найдете хитрый способ мне переслать в снимке – я буду неотстанно любоваться.

За Псалтирь – благодарю; очень полезны примечания, перевод слов и выражений; и давным давно Св. Синоду это следовало сделать относительно всего Нов. и Ветх. Завета, но тут – «моя хата с краю»... Спасибо и за ранее мною полученные книжки: «Сельскую школу» и «Письма к студентам» (богатый исторический и бытовой материал). О Кавказе – вообразите – думал, что хорошо и *поэтично* написал! Но, по крайней мере, написал то, что и как видел. Терек – ей-ей невозможен при этих условиях, и в те дни, как я его видел: он растворен землей, а я всего землистого, грязного – не выношу. Чудна – серебристая Арагва. Вид цепи гор *издали* – я не видел: для этого надо было съездить на Бармауд, откуда утром – открывается 3 цепи гор – но стояла дурная погода, и ямщики не советовали ехать. К тому ведь я узнал на Кавказе о трудной и давней болезни жены моей, и, признаюсь, весь Кавказ от этого мне «показался в овчинку». С тоскующим сердцем – какие виды: я писал только, чтобы как-нибудь уплатить образовавшийся от этой поездки долг. Поехали-то мы погулять, отдохнуть; но вышло – обратное. Тяжело писать об этом. Целую Вас Ваш *В. Розанов*.

О браке «еще бы и многие книги писать – не исписать». Но, простите, дорогой мой: Ваше письмо мне показало, среди какой спутанности понятий в этой области мы живем. Тут есть колебание, отразившееся и в Вашем письме: «Будем ли мы спорить об азбучных истинах, что бр. есть *таинство* (след., +), но для чего размазывать его *животную* сторону (след., –), которая в нем одном с печальными суррогатами брака (огромный – проституции), которая процветает «без *апологий*» (– моего писания). Вот, можно сказать, *compendium** всего, что человечество постигает в браке (не говоря о ремесленном видении и анатомии, и медицины). Ведь если я 7 лет о нем думаю, то потому, что вся плачевная судьба моя и детей (незаконные) висит на этом кратком *compendium*'е. Суслова уезжает от мужа – ну, что же, она порывает с животной стороной своей жизни и обращается к книгам (почти учена); Вас. Вас. остается и ропщет: совершенно глупо, ибо тут-то для него и открывается возможность всецело предаться литературе; но он хотел бы семьи: да, это – ничего себе, но высшие светочи мира были безбрачные аскеты. Вот посылки, из коих и вытекает весь крик моей жизни; я вдруг почувствовал себя ограбленным не в худшем, не в суете (каковою немножко считаю и литературу), а в том, что всего серьезнее и религиознее во мне лежало. Теперь, исходя от своих «незаконных» детей, коих «юридически» я мог бы завтра бросить и никакой полицейский меня не остановил бы; наконец, прямо на словах Моисея: «Господи – если Ты извергнешь из книги живота народ мой – хочю и я быть с ним извергнут»: я строю *альфу* совершенно нового

---

* свод (*лат.*).

воззрения на пол: влияние рождения всегда прекрасно и религиозно. Это и есть порядок «je suis»* в мире (второй член декартовой формулы: «je pense – donc je suis»**), коего отдаленная зарница есть откровение Ветхозаветного, не растолкованного филологами: «Аз есмь сый». Великим инстинктом и, наконец, водимая Богом – церковь это постигла и объявила брак (супружество, сочетание, но вовсе не номинальную его сторону, венчание) таинством, чего не сделала даже по отношению гораздо более для нее милого и ей понятного института монашества. Теперь самое это монашество как иначе может совмещаться с браком в той же одной церкви, в той же доктрине – иначе, как утвердить в своем монашестве не отрицание вовсе пола, но его «умное молчание», «внутреннее глаголение»: при обратной и вульгарно-ходячей точке зрения, отождествляющей монашество с проклятою доктриною Селиванова и только без операции: при этой точке зрения брак и монашество раскалывают друг друга, и через их одновременную совместность – в сущности, раскалывается церковь (в последовательности, в логичности). Католики так и поступили для последовательности: у них никакой священник, творящий таинства (евхаристии, крещения etc.) не касается женщин, чист от скверны (скопчество), и что при этом они оставляют брак «таинством» – то это вопиющая нелепость, и в веках, вероятно, произойдет окончательный (на Западе) разрыв, т. е. брак вовсе будет выкинут из состава церковных доктрин и равно таинств, и «человеку», «этому прирожденному скоту», будет «скотскою стороною своею», «жить по-скотски». Вот логика Запада, Григория Гильдебрандта и символ скопчества без операции. Проституция идентична скопчеству в том и потому, что равно признает пол *недоуменным минусом или нулем*: и что отрезывает скопец, то погубляет «ничтоже сумняшеся» развратник в доме терпимости, а загнив сифилисом – получает казенную субсидию и едет в Пятигорск. Теперь моя крошечная альфа, мои «незаконные дети» – прямо вписываются в середину между Григорием VII Гильдебрандтом и Налем с Дамайнти – и открывают просвет к иному житию: «Мы – всегда священные»; «нас рождение – всегда религиозно»; направо и налево от нас – или гибельное заблуждение Селиванова, или *непрощенный* грех сифилиса. Но ведь *факт* один в браке и вне его: нет, вне – это механизм акта, обездушение того, что по преимуществу духовно: смерть, убийство, грех первородный. В браке – механизм акта наполнен душою, жив, а через детей – воскресает и воскресает в новую жизнь. И т. д. Я без конца устал, 3-й час ночи. Но по этим альфам Вы видите, что это новая философия, *размазывание*, вращаясь, по-видимому, в грязных вещах и начиная их одухотворять – дает просвет к целомудреннейшему и воздержаннейшему, но только не доходящему как до величайшего греха до отрицания – житию. Тут-то и лежит великое крушение объективных отношений «общества», «хождений по гостям», «бульваров с музыкою и без музыки»: и возвращение каждой овцы в свой дом. Имея эту

---

* «я существую» (фр.).

** мысль – следовательно, существую (фр.).

концепцию – Сулова не смела бы убеждать; просто в голову бы не пришло, как ведь не приходит же в голову святотатство; Церковь, при этой концепции, не сказала бы: «Ваше дело – разбирайтесь, моя хата с краю: но как Спаситель разбирал частные дела, извлекал впавшего в яму – она (церковь) разобрала бы мою частную жизнь и восстановила в целость *в том, что для нее не номинально*, а в самом деле дорого, что есть «таинство» в «реальном течении» своем, а не в одних церковных записях. Словом, мы получили бы *нормальную семью, всегда религиозно-текущую*, а не религиозную только в момент ее заключения. Ведь Сулова не нарушила венчания – значит, она права; но мои дети родились вне (объявленного) венчания – они прокляты. Значит, нет *существования брака*: и от Ле-Пле до приходского священника мы напрасно утешаемся, что «возвысились над мирскою жизнью»: мы жители именно его, ибо *мы имеем церковное венчание*, но не имеем *брака религиозно-церковного*. Я живу все там же: Павловская, д. 2, кв. 24. Ох, до чего же устал и простите за неразборчивость. Зато много правды моей душевной будет лежать в Вашей коллекции, и когда-нибудь всплывет. «На последях оправдаемся».

Ваш В. Розанов.

50

13 окт. [1898 г.]

Поразил меня грустный тон Вашего письма, дорогой Сергей Александрович. Мало удивительного в нашей литературе, мало – и на Западе; «преходит лик мира сего», как писал в вещем предчувствии, и тоске какой-то, и радости – Достоевский. И все чувствуют это «прехождение», и всем грустно. Возьмите австрийского императора: какая грустная жизнь; какой венец из терний; как это характерно, что жена – императрица устраивает где-то фантастическую могилу Гейне и поклоняется любимому поэту; и старухе не дают дожить, человек-людоед бросается на женщину, царицу, старицу и закалывает ее шилом. Что за чудовищность; да и чудовищна такая цивилизация: а как мир может стоять только на Божией правде, то – сойдя с этой правды – и «преходит лик мира сего». И пусть его «преходит».

У меня давно нравственный долг перед Вами: давно лежит «Сельская школа», и давно бы я мог дать о ней рецензию; но все мечталось (и мечтается) раздвинуть ее в фельетон-статью. И все увлекают другие темы (ведь мы не свободны: налетит вихрь на голову, и пишешь не о том, что нужно, но о чем говорит вихрь или что закрутилось вихреобразно – в голове). Прибавляется к этому усталость; но я говорил с Сувориным, и если Бог меня устроит на статью о Вас, то я на тот случай заговорил с Сувориным и о портрете Вашем; не прячьтесь в тень, ибо кроме Вашей личности – тут и дело России. Плохо ей, бедной, нет или редки у нее служители: помните, как в «Тарасе Бульбе» окрик кошевого: «– А что, братцы, не перевелся ли порох в пороховницах, не притупились ли сабли? – спросил кошевой, объезжая сильно поредевшие ряды казаков.

« – Есть еще, батько, порох в пороховницах, не притупились еще сабли». И снова дружно ударили на ляхов; а уже посадили на пику Мосия Шило, уже... уже...» – и вот дошла очередь до Кукубенко (я, бывало, плакал над смертью героя)».

Так вот таково-то и дело России. И мы, редуемые, должны поддерживать друг друга. Но – к практике: я вспомнил, что года 34 назад Вы мне писали о возможном Вашем портрете в «Ниву» – «тогда напишите мне – я Вам вышлю лучший». Вышлите-ка теперь (у меня есть фотография Ваша маленькая).

Знали ли Вы, что Влад. Соловьёв – пьет? т. е. много и постоянно; бывая у меня, он был в высокой степени целомудрен, но Венгеров мне с удивлением сказал: «Да разве Вы этого не знали: он постоянно впадает в удивительное неприличие рассказов (анекдотов, фабул) и пишет отвратительно-циничные стихи на эти темы». Я только руками развел и просто ушам не верил. Собственно, любить я его перестал по случаю одного краткого диалога: он живет (кочуя) в Angleterre, и я спросил его, неужели ему не отвратителен номер и к тому же это, вероятно, дорого. Он ухмыльнулся и ответил, что боится иметь комнату в семейном доме, ибо сим может внушить матримониальные надежды. Мне стало так отвратительно (и самонадеянность с моей стороны), что такой кашей все еще боится, как бы его, такое сокровище философии и русской национальной гордости, не уловили в сети брака – что как-то и почему-то мое сердце отпало от него, и он стал мне как бы вещь, а не человек. Вы мне ничего не написали о моей статье о Толстом: пришлось сильно ее переделать; меня привел в восторг портрет со статуи Гинцбурга в «Ниве», и я написал статью «Бюст Гинцбурга: гр. Л. Н. Толстой». «Как можно писать по поводу № «Нивы», – сказал Суворин – и пришлось перефасонить (нелепо) начало. А была цельна и сразу, за присест, написалась. Получил на другой день утром целую пачку ругательных писем; и получил – горячие похвалы (не от толстовцев) за чисто литературно-критическую сторону статьи – посмеялся тем и другим, что единственно остается при таком расхождении взглядов.

Да, о браке нам лучше не говорить: как можно такой темы касаться в письмах. Конечно, – тут и моя судьба, но – не одна, и даже не впереди всего. Ну, жена прервала: – Подбросила перед глазами прелестное детское пунцовое одеяло, и говорит:

«– Два рубля тебе сберегла; погляди...»

Одеяло – на вате, легкое, как пух.

« – Где еще ты найдешь жену, которая и обед готовит, и одеяла стегает, и с животом (на 8-м месяце) ходит».

А я думаю – дай запишу Сергею Александровичу, и склонился над бумагой:

« – И никогда ты меня не похвалишь; хоть бы слово сказал, только свои сочинения пишешь». – «Идиллия» Феокрита. –

Да, говорю я, – так тут бездна наблюдений, и мечтаний, историко-культурных. Ты не давай мне «Пространных догматических богословий» – а дай трезвый мир – деревню: разве не об этом вопль изболевшихся овец Христо-

вых; ты не давай мне утонченностей «*juris canonici et publici*»* – помоги или, по крайней мере, не мешай сложиться любящей и теплой семье – вот еще вопль. Как же не видеть, что суть религиозности нашей (и именно специально у христиан) по маковку ушла в книгу, в *устройство книг*, а не в устройство жизни. Это – дефект, который в прелестных письмах о пьянстве Вы отметили у христиан даже в сравнении с нелепой армией Бутса и внутри-африканским магометанством. Я со своим семейным вопросом – «Камо грядущи?» – не к кому; никто не рассудит; просто – никому нет дела. А Христос всех судил. Сколько я догадываюсь о Толстом, эта черта церкви – равнодушие к действительности – была причиной его шатаний. «Догматическая разница» – и церковь в волнении; ибо Россия от Охотского до Балтийского моря устанавливается кабаками и б-ми (домами терпимости): ну, и где же проповедники. Теперь военное ведомство еще обсуживает меры к сужению брака офицеров, т. е. = к развитию полового растления; я написал тревожную статью в «Биржевые Ведомости»; но видя многие церковные органы – ни одной даже строки против законопроекта не прочел. «Не от мира сего». – «Ну, так и я не от тебя» – отвечает мир: и вот пункт, на коем «преходит лик мира сего». Жизнь и религия текут по «никогда не сходящимся» параллелям. Мучительно жалко, что мы так разошлись с Вами возрастом, и Вам уже трудно писать (письма) и, конечно, трудны и чужды (просто по физической немощи) новые вопросы, а меж тем вы религиознейший человек нашего времени, и мог бы быть горячий обмен мысли. С «язычниками», от Толстого до газетного прохвоста – не хочется говорить. Там уже труха веры, полный скепсис и равнодушие. Мне говорят: «Вы все ставите брак на церковно-трансцендентную точку зрения; это – схоластика и самая Ваша точка зрения ошибочна, и потому – статьи бесплодны». Вот точка зрения, коей Вы еще не знаете, и которая меня подмывает: для $\frac{9}{10}$, может быть, $\frac{99}{100}$ – брака *вовсе нет в идеях*, и это – для людей семейных, хорошо живущих в семье (лучшие из контрольных чиновников). Мне *мечталось* – оживить церковь семьею, ее пылом, ее животною, органическою и страстною стороною; и самую страсть, животное в нас – очистить религию. Религиозно устроиться человеку – не в идеях, в «лжеименном разуме», а в полноте и целостности духовно-органического существа своего. Дайте нам тела чистые – может быть, мы станем чище сердцем. Прежде всего, уже мы перестанем быть желчны – и вот уже великий плюс нравственного миропорядка. Но, дорогой мой, – простите, что я Вам это пишу – и *больше никогда не стану писать*, а Вы мне тоже на это не отвечайте и не возбуждайте к сим темам, как бы их *вовсе* между нами не было. У меня есть почтительность к старости – и меньше всего хотел бы я Вас чем-нибудь огорчить. Варваре Александровне, старице (удивительно люблю я *стариков* и детей – и просто не выношу среднего возраста) – мой глубокий поклон, и сердечнейший привет, равно – труженице Софьи Николаевне; и всему мирному и умирному Татеву. Вас искренно любящий и усталый (вечно) В. Розанов.

---

* права канонического и общественного (*лат.*).

Пришлите же портрет. – Присоедините к Вашей коллекции и к моему письму сие прилагаемое безграмотное (даже больно это писать) письмо моей несравненной матери, т. е. матери жены. Скучно мне, хотя и в пачке Ваших писем, лежать одному; а Вы, наблюдатель народной жизни, может, что-нибудь найдете любопытного в каракулях тещи, но и я подправлю для Вас. – Только об этом письме не упоминайте в ответе мне: Ваши (как и все ко мне) раньше моего возвращения со службы – жена читает, и ей будет обидна эта посылка письма ее матери, т. е. «безграмотного» (опять больно писать: так я не возлюбил «лжеименный разум») к Вам.

Утром

Не без внутренних слез делаю Вам эту приписку, последнюю о браке. Вы трижды мне писали (я очень внимателен) – «именно Вам, живущему в аномальном браке, не следует вовсе о нем говорить». Как же Вы не видите простого исхода из моего положения – это брак фактически распавшийся, и распавшийся по доказуемому письменно и свидетелями (тысяча свидетелей) отъезду одного из супругов, уже не содержит в себе: 1) Заповеди Ветхого Завета, определившей брак: «Того ради оставит» и прочее; и 2) определение Апостола: «Муж не владеет своим телом, но жена, и жена не владеет своим телом, но муж» – т. е. не содержит вовсе ничего, никакого брака, кроме его *потен**, – церковной записи и венчания, к коему, как позднее сложившемуся в процессуальной и юридической своей форме, не относится ни заповедь Ветхого, ни заповедь Нового Завета. Все мучение и порождено этою смесью и подменю самого «супружества», благочестивого и религиозного «сопряжения» полов слово-глаголанием об открывающейся и начинающейся затем тайне *самой жизни*. Что мужья жен забивают в гроб, что под одним венчанием уживаются (во Франции – всегда, у нас – часто) – втроем, с «другом дома» – все это оподление семьи и вытекло из этого чудовищного смешения: ибо что жизнь грязна – это (будто бы) канона и церкви не задевает, и ее дело только венчать и зарегистрировать. Но я скажу Вам, что тут – она не искренна: в случае ссылки в Сибирь одного из супругов, или безвестной 5-летней пропажи – развод дается, т. е. он дается *без доказанного прелюбодеяния и без доказанной смерти*, просто по сознанию: что невинный за виновным не должен следовать в Сибирь, и что нужна же ему (все это скотская точка зрения, не религиозная) женщина или женщине мужчина. При случае разъезда мы имеем полное подобие и даже равенство ссылке одной половины в Сибирь, ибо суть дела и его форма: что другая половина остается безбрачной – там и здесь тоже. Я годы об этом продумал, все это – так. В письме к Шарапову я и объяснил, что масса чудовищностей, каков не только отказ от детей родителей, но и их убийство – творится от непонимания (канонического), что такое брак, а отсюда и его подробностей, его *аномалий*. Неужели же, по Вашему, чудовищное задушение ребенка офицером Винкле-

---

* ноумен (лат.).

ром – не заслуживает, чтобы вся эта прямо дьявольщина была распутана, выведена на свет Божий, и с Божией помощью упразднена. За проституцию – ничего, за честнейшее, при уезде одной жены, сожитие с другой (истинный и религиозный брак, «обязательный» для честного человека, хоть и без венчания) – Сибирь. Да Вы же понимаете, что это – демонизм, хитро маскировавшийся. Ну, теперь молчание. Молчание.

Простите меня, дорогой, что я Вас, наверное, раздражаю; что делать – больно трудно: у меня как-то встало это... [далее заклеено при переплетении]

51

24 декабря 1898 г.

Дорогой Сергей Александрович!

Пишу вам кратко и, так сказать, лишь с фактической стороны, уже месяца 1½–2 назад отнес я в «Нов. Вр.» большой о Вас («Сельская школа») фельетон, строк на 900. – Ал. Ал. Суворин отверг по разным и долгим для пересказа причинам; передал я его Ухтомскому («СПб. Вед.»), который обещал напечатать, но пока «ждет» в газете; для Суворина же, по его желанию, написал «С. А. Рачинский» – строк 250 характеристику – очерк деятельности, и передал Вашу карточку (с портрета Богд.-Бел., у меня, хороша). Это уже с месяца назад, и вот все тянут, помещая каких-то дураков Давыдовых и нисколько никому не интересного, а тем паче известного Влад. Соловьёва. Не буду передавать своих «хождений» к редакторам и «дипломатии» у них в кабинетах, дабы «выиграть сражение», т. е. понудить к напечатанию. Я еще не теряю надежды, что все будет напечатано; дело в том, что в каждой газете каждый сотрудник на всех прочих смотрит как на врагов («отнимает у меня место – т. е. квадрат места в газете – и след., деньги»), и я чувствую, что в «Нов. Вр.» у меня есть слишком много недоброжелателей. Статейку мою о Побед. всю обрезали, и именно пооторвали все *цветочки*; это так меня возмутило, что распорядителю сред, Тычинкину, я написал резковатое письмо и указал на безвкусицу подобных переделок. Для «характеристики» Вашей я справлялся в Публ. Библ. и теперь могу Вам сказать то, что Вы, верно, давно забыли:

1. Растение и его жизнь. Популярные чтения проф. М. Я. Шлейдена (вот бы Вы подарили мне). Перевел профессор М. у. С. А. Р-ский, с хромолитографированным снимком с картины Де-Геема, с 14 рис. Георги и с 5 таблицами. М., Глазунов. 1862. 14 + 380 + IV стр.

2. О происхождении видов путем естественного подбора или о сохранении усовершенствованных пород в борьбе за существование. Соч. Ч. Дарв. Перев. с англ. С. А. Р-ский. Изд. 3. М., 1873. XV + 380 + 80.

NB. А ведь «*происхождение*» и «*сохранение*» суть совершенно разные явления и процессы, и не сказала ли в самом заголовке сочинения действительная неточность ума Дар-на? Неумение различать тем исследования и грани исследуемого?

То же, изд. Глазунов. М., 1865. XIV + 399 стр.

То же. 1-е изд. «О происхождении видов в царстве животном и растительном путем естественного подбора родичей или о сохранении усовершенствованных пород в борьбе за существование. СПб. 1864. Глазунов. –

Вы видите, я могу быть библиографом. Недавно получил (осенью) подарок из прекрасных греческих и римских монет; римские – императоров, но особ. прекрасны греческие – 5–4, а одна 6-го века до Р. Х. До того удивительно видеть Аполлона, Палладу, Зевса, Химеру, Пегаса на изображениях монетных, которые были нарисованы людьми, для коих все это было живо, как для нас «Николай II», «Ал. III»? *Как это все возможно?* Я подписался и читал этот год сборную переводную «Историю религии». Представьте: «В кивоте завета евреи *без сомнения* (sic! sic!) носили аэролитные камни!» и ни доказательства: носили – и шабаш, аэролиты – и опять шабаш! Нет, послушайте, что европейская цивилизация дошла до такого фатального столбняка, и именно в религии – это же не спроста. Бог поразил лжеименный разум, из коего, в сущности, только и состоит Европа. Ни тени мистицизма; ни тени неясного; ни тени чувства святого. И это наряду с 8 т. «Догматики» Макария и XXV томами Фомы Аквинского. Нет, уж лучше вернуться к толстовскому простомудрию: «Три Вас – три нас – спаси нас», хоть это и пахнет элементарностью Австралии. Ваш В. Розанов.

[На правом поле:] В большой статье о Вас есть принципиальное оспаривание идеи небесного монастыря: знаю, что Вы истины хотите, а не пассивного согласия – и потому я спорю открыто и ясно. Думаю, что *ход* спора был бы и Вам любопытен.

[На левом поле:] Ну, мысленно танцую около татевской елки, и всех целую.

52

24 янв. 99.

Получил известие о Вашем приезде и, вероятно, в понедельник у Вас буду. Кстати, принесу № газеты, где напечатан (только что сегодня) большой разбор «Сельской школы», о котором, кажется, я Вам писал, что в «Нов. Вр.» его не приняли. Сердце мое так бьется (уже несколько месяцев) о мое семейное положение, что, признаюсь, посетив Вас, я (по психическому бессилию) не в силах ничего буду слушать и ничего верно сам не скажу. Никакого укрыательства из своего поступка (вторичной женитьбы) я не хочу делать, потому что это значит отказываться от детей, которые светом души своей меня всему морально научили (больше и *влиятельнее* проповедей) и потому-то такое отречение – страшный перед Богом и совестью грех. Кроме того, я хочу, чтобы мне возвратили моих детей, т. е. из дурацкого переименования их в «Александровых» и «Николаевых» переименовали в «Розановых» и записали в мой формуляр, с прописью «законные» или «незаконные» – мне все равно, но с оговоркою, что они пользуются полнотою имущественных прав моих как отца. Я государству *служил* – и плод службы моей, т. е. у меня из жалованья удержанную пенсию не вправе отнимать у моих детей, и далее,

если фамилия «Розанов» сколько-нибудь почтенна, то моим личным умственным трудом, и опять честь этого имени никто у детей моих единокровных не вправе отнять и переименовывать их в ничего не значущие фамилии «Александровых» и «Николаевых». Государство, не отнимающее и не могущее отнять клок от частной земельной собственности (случай Фридриха II и мельника), не может отнять детей от родителей или самовольно распоряжаться ими иными или трудом и плодом труда; еще менее это может сделать Церковь, или побудить к этому государство, ибо это значило бы последовать («подражать») не Христу, а греческому законодателю Дракону, отчасти – Ироду. Я знаю, что такого, т. е. для удовлетворения меня, закона нет – но уже это не касается меня как не законодателя: а у меня есть право, коего закон отнять не может и актом ли самодержавной власти или сейчас же и специально для меня изданным законом – но «должен вернуть мне мою мельницу». Основание не просьбы моей, но строжайшего и нетерпеливого требования, заключается в том, что я вел себя честным супругом во всю мою жизнь, на что относительно первого супружества есть свидетели (весь штат гимназии), а относительно второго супружества свидетельницей будет моя жена, падчерица – совершеннолетняя и вся родня, словом. Затем, мне до всего остального дела нет, и отказ в возвращении мне детей будет знаком к тайному выходу из церкви и государства, а позднее несколько – когда труд мой не будет нужен детям – и к открытому выходу, с строжайшим запрещением меня хоронить на общегражданских или церковных кладбищах. Ибо если честного отца и мужа дети выброшены в поле, то, конечно, и я с ними желаю быть в поле и совершенно вне ограды государства и церкви. Обременять Вас настойчивым желанием я не могу, но как добрый человек, Вы, верно, не откажетесь сообщить это мое письмо К. П., с которым, собственно, в обсуждение темы я не хочу входить, а иметь *да* или *нет* и без укрывательства, а совершенно открыто. Прощайте, мой добрый, целую Вас и обнимаю. Сильно закружился я: из таких-то вот закружений и аномалий и выходят беды в истории. Да ведь если бы русло жизни текло всегда и везде ровно – зачем государство? Зачем закон? Зачем вера? Все это нужно человеческому несчастью, а счастливые и без этого были бы счастливы. Ваш В. Розанов.

Не скрою от Вас, что два неосторожные выражения в Ваших ко мне письмах покончили все в моем «закружении» и, так сказать, дали мне аттестат «зрелости». Это – указание, как бы по характеру моих писаний посторонние не *догадались* о *мотиве* моего писания: т. е. что я должен *таиться* со второю женьбою, а следов не *показывать* на улице детей своих и, след., тайно вгонять их в могилу (отделаться от них). Второе выражение – настойчивое повторение: «первый законный и второй незаконный брак». Это – точка зрения 60-х годов, Чернышевского и «Что делать», которые изобрели «фиктивный брак»: перевенчались – и в стороны – а *брак существует*. Извините: существует венчание и запись в книгах, о чем ни в Ветхом, ни в Новом <Завете>, да и нигде не сказано, что они суть «тайнство», а «брак», о коем сказано, что он «тайнство» – умер и открывает свободу второго брака (= «супружества» = «семьи», а не «венчания»). Если Церковь «стоит на точке зрения 60-х годов», то это не религиозно.

14 март. [1899 г.]

Я живу все там же, дорогой Сергей Александрович, т. е. Павловская, д. 2; но как дом угольный и выходит другою стороною на Большой проспект, то он вместе и «Больш. просп., д. 26». Не знаю, для чего мне Филиппов посылает рукопись. Я и печатного давно ничего не читаю: некогда и устал. Студенты что-то возятся, но что именно – я как-то не дослушиваю или затыкаю уши: возня ученическая в Брянске, Ельце, Белом меня уже утомила. По воскресеньями вечером у нас бывает 2 студента, коих я очень люблю за их правду, наивность, один – радикал, другой – богослов; и я люблю их *собственные* суждения («Руслан и Людмила» в своем роде); но терпеть не могу, когда милые фантазии или начинают сменять «фактическим изложением» «сходок» и проч. Тогда я им немного узурпаторски велю переменить тему. Вообще эти цыплята с тем и тогда дурны, когда и кто на них смотрит как на взрослых, и в этом беда наших госуд. людей, что они (т. е. госуд. люди), в сущности, ужасные дети, тоже из «Руслана и Людмилы». Разве Филиппов не ребенок, со «свечкой», вспыхнувшей в соборе, «в минуту его рождения». Арапчик из «Марша Черномора». Странно, что серьезная жизнь и серьезных людей, регулируется такими детьми, и еще жаль 100 миллиарда, которые ухлопываются на эту ораву и на это блистательное оперное представление, которое называется «Внутренняя и внешняя политика великих держав». Кому она нужна.

Единственный смысл «истории» (студентов), как и алкоголизма, как и распутства («Воскресение» Толстого) – это чем-нибудь занять давящую кость существования. Вот уж бессолнечная цивилизация:

Ни мрак, ни свет,
Ни день, ни ночь.

Я много стал думать о пьянстве. «Отчего люди одурманиваются?» – задал вопрос Толстой, и ни он сам, и никто со стороны не нашелся ответить. Алкоголизм как болезнь прививается поздно; это – *конец* факта; где его *начало*? Т. е. как люди *приучаются* пить, берут первую и 101-ю рюмку? В этом – секрет. Поразительно, что евреи и магометане этого не делают; я спрашивал на Кавказе кумысника-туземца (дворянин-кабардинец, не вовсе без образования, т. е. *своего*). Он объяснил, что им запрещено, собственно, *виноградное* вино, а не спиртное (хлебное, коего во времена Магомета и в странах Магомета не было); но они *не пьют*, т. е. их не *тянет*. Не пьют жидаы, эти всемогущие Дрейфусы, от коих ой-ой как плохо Европе будет к концу XX века. Пьет только Европа, и если не водку, то хлоран-гидрат (в Ирландии), и пьет неудержимо, жадно. Если мы будем наблюдать индивидуумов, то заметим любопытную вещь: не пьют и чувствуют глубокое отвращение к вину все активные натуры; не пил Пушкин; о Гоголе не много сведений, но уверен, что он не мог *рюмки* проглотить; чувствую по сочинениям; не пил игрок рулеточный Достоевский, ничего не известно о любви к «рюмочке» корнета

Лермонтова. Я очень присматривался в жизни к этому, и наблюдал, напр., такое соотношение: абсолютно трезвые люди необыкновенно любят париться в бане: в Брянске (есть только общие бани) когда кто чрезмерно парится, заговорят остальные: «Он – точно *жид* парится» (вот – необыкновенно: жи́ды, т. е. южный народ, и у коих «баня» и «пар» не есть исторически-бытовое явление, более и страстнее русских парятся). Я, не могущий выпить рюмку водки, в Москве, студентом, почти из физиологической любознательности пошел *повторить* купцов, так сказать, допросить, что они чувствуют в этой чепухе. И с тех пор «баня» и «пар» для меня неотделимы.

Брат мой Николай значительно пассивнее меня; был – тучен (жидов и мусульман нет почти тучных); *не мог вовсе и вовсе не любил париться*; и мог, а изредка и немного – чувствовал и влечение к вину. Он *оживлялся*; а на меня рюмка портвейна, производя какое-то неприятное ощущение, нагоняет *неудержимую сонливость*. После кофея я не могу говорить – и засыпаю, и это всегда для меня крепящий, прочный сон. Итак, я думаю, «люди одурманиваются» вообще пассивные, с вялою нервной консистенцией, и вино дает временный *подъем* жизненных сил (что потом – упадок вдвойне, это я знаю, да и они знают, но не могут удержаться перед желанием на минуту почувствовать себя одушевленное, жизненное). Отсюда – объяснение, что все вялые, пассивные цивилизации неодолимо заражаются пьянством; обратно, цивилизация, если так позволительно выразиться, оргиастические – не могут, если бы и захотели, коснуться вина. Это было бы через край, пена полилась бы на пол, и обычные силы человека прямо не выдерживают и избегают двойного внутреннего давления пара. Теперь, если принять во внимание, что Европа есть подчеркнуто не оргиастическая цивилизация, и в этом заключается самая оригинальная и новая (во всемирной истории) ее черта, черта «вопреки иудею», «в пику эллину» – мы поймем, почему она и именно одна она во всемирной истории есть пьяная цивилизация (еще бенедиктинцы выдумали ликеры – т. е. *крепчайшие* напитки – и в Средние века были стишки о «vinum»); не помню, но факт знаю). Это есть цивилизация слова и Слова, *λογος*'а и *Λογος*'а, Британского музея, Парижской национальной библиотеки, берлинских ученых; в Средние века – 11 т. in F^o Фомы Аквинского. Как много, после кратких молитв Товии, Иова, Псалтыри даже; – или сравните – Херасков (10 т. in 4to) и Пиндар. Но мне думается, «слово» исчерпалось, и усталый мозг человечества ничего больше из себя не может вытянуть. Теперь закрытие школ была бы истинная радость, иначе Европе прямо грозит безумие от мозгового истощения: человек вытянуть не может простого силлогизма, а его заставляют учить или сочинять книгу. Поэтому-то я у себя и запрещаю юношам очень умствовать, как и девиц – прямо бы распустил с «курсов» и из гимназий! – Нужно самое легкое учение, пластическое учение, среди немногих бесед, а главное – в кругу сколько-нибудь порядочной семьи и кругу сколько-нибудь порядочного общества («домашнее воспитание»). Но «общество» и «семья» пошли в клуб; ведь и дома – «клуб», с картами и гостями; а клуб – это и есть стадная семья. Карты играют роль

алкоголизма же, т. е. подбавляют внутреннего пара, недостающего вообще цивилизации. И вот на этой почве, что *нет* семьи, *нет* общества, вырастает чудовищная, от 8 до 26 лет, школа. Вы видите, что дело из рук вон плохо, «куда ни кинь – всё клин». И мне думается, что роковой круг так сошелся, что Европа *taxim'*ально простоит еще лет 300 – и рухнет; с империями, армиями, и музеями. Голова – золотая, руки и плечи – серебряные, а дальше – плохо, как дальновидно намекнул Даниил.

Просто – Европе нельзя жить. Почва выпажана, перепажана и истощена. Песок и галька. Тут и придут люди с железными началами. Я разумею эти странные народы, которые не умеют пить, не нуждаются в клубах, и прожив 4000 лет – даже и не думают «вырождаться» (я считал одно путешествие по Италии: *больной* народ, т. е. решительно *вся масса народа* – большая. Это так ужасно, что хочется плакать). Татары в стычках с русскими – всегда берут верх; а в Нижнем, на ярмарке (я там учился в гимназии, их наблюдая) русские купцы *доверяют* хранить товар и носить тюки могучему и чистому племени. Вот вам и «гарем», над которым издевался Д. Иловайский (в последнюю русско-турецкую войну): «орда», «орды», «орде», «орду», «об орде»? – У Измаила на Кавказе (кумысника) я спросил о прекрасном 16-летнем – 14-летнем мальчике, привозившем кумыс: «Ну, а что – он так красив и жив, пожалуй... до свадьбы». Он с чрезмерным удивлением посмотрел на меня: «У нас это – не бывает». – «Ну, может быть, он соблазнит или его соблазнят». – «Да, нет – это невозможно и *греха* до брака ни с кем и вовсе не бывает». Вот вам и «гурии», на которых – еще я учил учеников в Белом – осекся Магомет, будучи сам развратен и погубив развратом все племена, принявшие ислам. Я не повторял Иловайского, но мне из общих фактов и из *необходимых заключений* так казалось. Обращаю сюда внимание – Магометом и всем исламом: теперь, сейчас станет понятен смысл почти пропаганды Толстого («начало» «Воскресенья»): да мы *вот где* гнием, без света, без просвещения. Этот гнусный жеребец Неклюдов, эта судьба Масловой: какой ужас, если подумать. Ну, «а не это – так водка». И вот *raison d'être** пропаганды Толстого, его давнишних уже слез; слово и Слово стоят прекрасным созерцаемым идеалом – *в стороне*. Это самая главная их сущность, что они – не Дело, не Res**, что, так сказать, «дело» может повиснуть на них как на вешалке, т. е. подвиг принудительный, с страданием, с кислой миной. Симеон простоит 70 лет на столбе: потому что это *трудно* и *мучительно*. Т. е. он «целомудрие, смиренномудрие, терпение» – повесит на гвоздь своего внимания и будет ими любоваться, как богач дорого ему стоившею одеждою. Но нет праведной жизни; праведного веселья, праведных домашних вечеров, праведного утра. Таким образом, самая суть ошибки заключена в том, что мы заслугою считаем подвиг, когда заслугою должна быть просто чистая и светлая жизнь. Для этого, для последнего, надо бы жемчуг веры *растворить в жизни*, т. е.

---

* смысл существования (*фр.*).

** дело (*лат.*).

«святое» не извне иметь повешенным на гвоздь «примером»; а, так сказать, *святиться живя*, быть «светоносной бабочкой», «Ивановым червячком»: но такой внутренний свет есть уже Res, а не *выслушанное да принятое к исполнению* Слово, и вообще это выходит из орбиты нашей цивилизации. Я боюсь, что не очень ясно говорю в последних строках: моя мысль в том, что *не реальность есть самая характерная и оригинально новая в Европе черта*, «вопреки эллину и иудею»; черта «бескровных жертв» и продолжительных «разговоров». Музыка речей, о – самая чудная, обаятельная, эфирная – но все-таки речей, и при существенно глиняных ногах. В этом весь пункт. Как вы переходите на реальность *не по примеру, не по заповеди, не во исполнение* закона и не с «терпением», а радостью – Вы получаете Пиндара, или получаете Товию и Сарру. Только так вы стоите на почве: «Мертв человек», «но научен» – Вы в орбите Европы, «терпения, любви, смиренномудрия». Не умею хорошо выразить свою мысль, хотя очень чувствую = ее: *не осуществленность и не осуществимость и есть главный и специальный предикат Слова*: и вот на этом и рушится европейский строй, ничего и никогда в пределах самого Слова не достигнуто; податься от Слова к Res – значит выйти из орбиты Слова, и до известной степени, разрушить Слово, начать разрушать его главный и специальный предикат. Но миссия всякой заповеди (высшего научения), по-видимому, состоит в том, чтобы осуществиться: не среди чистой же риторики, моральной риторики, мы живем. И на порыве, страстном, мучительном, к осуществлению, реализации – и возникнет св. Res, как противоположное св. Слову; вот, думается, коллизия, которая заключит век. Как далеко мы ушли от пьянства; но, между прочим, эту давнюю свою мысль о Res и Λογος я вспомнил по поводу ваших слов о Публичной библиотеке, и ее увеличенных штатов. Просто – совестно и вспомнить: человек – нуждается в месте; человека – любят; благожелательны; «не пьет, в карты не играет». Но все – в пределах Λογος'а: как же может это осуществиться?! И *семь лет* (теперь, – слава Богу, нет горькой нужды) человек ждет «движения воды», взывает: «не имам человека, который довел бы до купели, а когда прихожу, то уже другой раньше пришел и занял возмущенную воду» – напрасно. Просто и беспрекословно напрасно: один – пишет статьи, другой – переводит книги, третий – служит, четвертый – ставит зажженные свечи или рассказывает, что они сами горят, когда он родился или празднует день рождения. Море Λογος'а и царство Λογος'а. Где же Res: человек жил в городе, и не знал – путаться ли ему с кухаркой, идти ли в монастырь (кажется – нельзя); сходил к жандарму – жалуйтесь, все равно ничего не выйдет, отпишется больной, а по этапу посылают мужичек; пришел к священнику (это уже здесь в Петербурге): «Какое безобразие – конечно, нужно издать закон, и, кажется, есть проект закона»; говорю П-ву: «Ну – тут и царь ничего не может сделать». Пропадает человек, а помочь ему можно только *погубив* себя, получа на всю жизнь порочащее название, да и, может быть, лишаешь своего семейного круга. И приходит – Res. Какой Res? Живой человек, старая «ева»

(=«жизнь») и жизнь за жизнь – отдает свою. Собственно, христианнейший закон исполнен, прямое повторение притчи о Самарянине: да – но то притча, «слово», *λογος*, а оно «свято»; но это – *гес*, т. е. положительное разрушение самого существа слова, самого главного и отличительного его предиката. Да что самарянин: ведь тот только перевязку сделал, так что факт – неизмеримо выше притчи, несравненное ее, блистательнее, громоноснее. Миллион – и копейка; копейке умилился Спаситель, ее поставил – *в пример*. Увы, «пример» – это *λογος*, это рассказы; это – урок в школе. Факт – на улице, «в самом деле», и уже этой самой реальностью он есть факт эллино-иудейской цивилизации, факт Пиндара и Товии, или, пожалуй, факт этого ужасного Дрейфуса, за коего братья, не имеющие никаких заповедей о любви, потрясают целую Европу 4 года. А сколько сгнило невинных в Петропавловке, в Тауэре, в Бастилии: сгнило, и *все знали*, но никто не тронулся. Да взять избиение незаконнорожденных детей *стыдящимися* матерями: хоть бы кто публично, напр., с кафедры, остановил: конечно – грех прелюбодеяния, но его можно искупить именно материнскою теперь заботою, трудами воспитания и прокормления. Ведь тысячи бы загубленных детей были спасены. Но никто не сказал; нет ни одного слова в целой литературе – и кому же тут научать – в целой церковной литературе:

А сердца, так сказать, никак не шевелит.

Это Дмитриев Ив. Ив. написал в «Чужом толке» об одах державинского стиля, неудержимо умиравших; и вот эта параллель не «шевелившегося сердца» приходит на ум относительно гораздо более сложных вещей и явлений. Ну, замучился. Прощайте. В. Розанов.

Все же хочется дополнить: как только мы вступаем в цикл *Res* – мы вступаем в цикл могущества. Это – самый главный предикат *Rei*. Слабый человек – ворочает горами, бессильный – спасает; трус (жиды) совершает подвиги; казалось бы, развратник (Магомет) вдруг устраивает целомудреннейшее отрочество и девство; и даже совсем дурак Бутс, осел и барабанщик – кое-что делает. Тут несовершенна именно только доктрина; чугунная голова; никаких библиотек, но *гес* – золота. И вот вам объяснение, что дикари внутренней Африки бегут к блескам «золотых дел», и так смертно, так нервно ненавидят Европу, страшатся чудища Европы, считая ее – издали – лукавою и притворною. Увы, они лучше о ней думают: мы – *жалки, бессильны*. Мы ведь плачем, по всей Европе плачем, и о проституции, и об водке: но уже не можем удержаться, такие «Мармеладовы». Ну, я Вам написал философии – на службе. 4 часа, и нужно мне спешить в редакцию. И все «начальство» видело, т. е. что я не за делом. Вот почему, дорогой Серг. Ал., я думаю, долго следя за Вашей деятельностью и много лет о ней продумав, что Вы существенно бессильны, так сказать, не индивидуальными своими силами, но бессилием самого факта своей работы, «песка», «песка» и «песка», на котором ничего нельзя воздвигнуть. Вы понимаете, однако, какая любовь говорит моим языком. В. Р.

23 апр. [1899 г.]

[Приписка над письмом:] Слава Богу – книжки, особенно «Сумерки», идут хорошо. На днях пришлю Вам 3-й сборник. Перцов – молодой и совершенно бескорыстный энтузиаст «с душою чисто геттингенской». В Вашем письме очень ценно указание на бесплодные пахучие цветы: хотя *цветок* и без тычинок и пестиков есть *форма пола*, непременно есть *аномалия* – но *пола* же. Это ужасно важно, и мне дает много мыслей.

Я для того, дорогой Сергей Александрович, и стал писать о поле, чтобы церковь *отказалась* признавать «великую тайну» брака *своим таинством*, входящим в состав церковного канона, признания и вообще даже ведения. Сочетать основное и *высшее* требование церкви, девство, нельзя с браком, и для чего же двоиться, т. е. быть не чистосердечным и непоследовательным, чтт недопустимо и для грешного человека, и совершенно неуместно в *святой* церкви. На почве протестантства мои статьи и не были бы возможны, там они и *не написались бы*. Напротив, с церковной точки зрения («брак – таинство») нельзя ничего возразить *по существу* против них; там и здесь я могу быть неосторожен, и всегда готов поправиться в слове, но нельзя отказать мне в правоте, когда я развиваю и подтверждаю церковное признание «брак – таинство». Когда церковь останется при шести таинствах, выбросив брак – это таинство тотчас и станет *мирским, мировым* таинством, и мир хоть до некоторой степени освятится и осветится. А свет ему нужен, да и святости он не вовсе чужд. «Аркадия» умрет (будет расстреляна из пушек), а в мире станет 100% света (как в армии Бутса, и что Вы не совсем правильно отнесли к *подражанию* со стороны генерала церкви: это вовсе не так: идеал церкви *девство*, и к 10% или 100% семьи она равнодушна, равно и венчает в 17 лет, как Бутс, или в 69, как, верно, у Бутса нет – все равно). На этом «все равно», «все равно», «все равно» и сокрушилась кровь европейской цивилизации, роль европейской цивилизации и, пожалуй, вообще *родство* людей и народов. Но ни один католический священник не почесал об этом за ухом: они все побеждали республику; равно и ни один православный публицист: они, от Хомякова до Аксакова – всё сокрушали обер-прокур-ов. Вы знаете – есть книга Апокалипсис: каноническая, но в которой даже и аза люди и церковь не разгадали. Есть глагол апостола: «Весь Израиль спасется»: но, не считая крестничков Саблера, *никто не спасся* из Израиля, и люди обрезания имеют столь высокий тип семьи и столь успешны в нем, что чего же им искать в наших формальностях, внешностях и душевном и бытовом холоде. Итак, книги – не истолкованы, обещания – не исполнены. Чтт же это такое? Как утешить себя? Как объяснить? Очевидно, что-то не так в истории церкви. Что же *не так*: да отделение, отрубание корабля Нового Завета от якоря Ветхого Завета, и совершенное безвнимание христианского же папства, всей церкви к своему собственному Символу: «Верую в... Отца и в Сына Божия, *рож-*

денна, не сотворенна». Когда и как, но лодка христианства черпнула мертвой воды скопчества: та же доктрина, то же учение о чистоте (слова Селиванова), но без решительной операции, и присказку скопцов после операции «вот – я вырвал жало *Сатанино* из себя» мы не читаем ли в молитве над крещаемым: «Отрекаешься ли от сатаны?». «Отрекса ли?». «Дунь». «Плюнь». Подставлены духовные родители, *высланы* за дверь плотские, и, очевидно, «дунь» и «плюнь» относится к «сатанинскому акту» зачатия младенца. Больше не к чему, да это следует и из знаменитого спора между Западом и Востоком: о непорочном зачатии св. Девы. Восточная церковь это *отвергла*, т. е. высказалась о *всяком* зачатии как о *порочном*. Что сумму зачатий она не могла возвести в таинство («брак») – это очевидно. Вы видите из этого, до чего церкви нужно *поправляться* во всем этом, для чего тут существует *только одна путаница* – и больше ничего. Можно ли утверждать, что, так сказать, отпереть замок от целого чулана с новыми эпитрахиями, митрами, книгами и вообще целым ризным убором – значит прежде всего оказать огромную фактическую услугу церкви, насколько она в истине стоит и ежесекундно о ней помышляет. Масса вопросов, очевидно, ей не приходило на ум – и потому другие вопросы разрешены ею прямо неправильно. Ну, простите усталого

В. Розанова.

Вот поторопился, написал после первых же Ваших слов в письме и забыл главный глагол –

Воистину Воскресе!

Мне и вообще больно, что вы так суживаете и обедняете мои статьи о поле, даже подставляете в них прямо *не тот* смысл, какой в них прямо напечатан: Вы формулируете мой взгляд как *поощрение*. Кто же в нем нуждается, когда государство, церковь и общество не налагает *вовсе никакого ограничения на пол*, допускает полное *пресыщение* (в мясоеды) уже самым полным умолчанием (всё, что Вы пишете от отношении церкви к полу – фактически неверно! «Приведение в Богом указанное русло, ясно намеченное христианским учением о браке и вместе с тем естественное»: а вдовы *молодые* священники, а искушения, жалобами на которые полны аскетические молитвы, напр, «Великий Канон» Андрея Критского, все виды запрещений брака и молчаливое разрешение проституции при «отделении супругов от стола и ложа»: термин западных законодательств, сложившихся под давлением церковным): «Богом указанное русло и вместе естественное», если бы с ним совпадали «налегания христианства» – упразднили бы самый вопрос о браке, который стал неразрешимую путаницею именно потому, что христианство во всех линиях разошлось с «указанным Богом руслом» и «вместе естественным».

Но я продолжу защиту своих статей: в разборе книжки Данилова, да и во многих местах, я требую строгости почти монастырской для семьи, бережливости пола, целомудрия пола: как же Вам могло это показаться «поощрением», где Вы это хотя в одной строчке прочли у меня? Это подстановка, хоть

невольный, но плагиат, перенесение из Скабичевского в Розанова. У меня – ничего подобного. О чем же я пишу: есть ли брак *удовольствие* («масляничная» точка зрения), в том числе и церкви, которая видит в поле что-то «скоромное», равное «разрешению на мясо, яйца и молоко», а посему брак и допустим в скоромное время). Вот где гадость, вот где родник разврата, что христианские народы воспитаны в воззрении на брак как на «скоромное удовольствие», и всякий мужик, из того простого факта, что половая жизнь ему неопределенно и неограниченно разрешается в мясоед – прямо выводит, грубо выводит и, наконец, – право выводит, что в ней не содержится ни тайны, ни многозначительности, ни священства, приличествующего таинству. Отсюда – семейный разврат, внутри-брачный разврат, о коем первый заплакал Толстой («Крейцера соната»). Как же это не великое дело? И можно ли сказать, что Толстой – прохвост религиозный, а «батюшки» – «иже во святых», когда они попустили разврат («мясоед», «скоромное»), он говорит: «Нет, тайна, а не мясоед». Это же говорю и я: и поверьте, любы мои сочинения не тем, о ком Вы говорите, не любителям Аркадии, не посетителям кафе-шантанов: очень они нуждаются в «оправдании добра», то бишь «порока». Я очень наблюдаю, как к *этим* моим статьям относятся люди: и вот представьте себе, именно укоряют меня в неприличии темы и во вранье на тему эту холостяки: напротив – вот только что овдовевший чиновник Адельфинский, вот отец и муж счастливый Самойлов, вот недавно женившийся лейтенант Шталь и из прекрасной, барской семьи его целомудреннейшая жена, урожденная Макшеева – читают с подчеркиваниями, с глубокими размышлениями и испещрениями полей книги замечаниями – эти статьи. И, конечно, ни одной улыбки! Всё им «позволено» (повенчаны), но Апостол уже сказал: «Но не всё дозволенное – хорошо». Семья нуждается в каноне брачного течения, который Моисеем был отлично разработан («Второзаконие»), а «батюшки» допустили людей дойти до ужасов и мерзости позднышевского бытия; и если теперь «мир» поправляется сам, сам пытается подняться из мерзости разврата и крови, напр., «через Толстого», напр., «через раба Божия Василия» – можно ли сказать, что «рабы Лев и Василий» суть отрицательные явления? Что это не гармония, но «какофония»? Ну, тогда гармония – в Аркадии и прекрасной Елене в соседстве с Александро-Невской лаврою, против которой начало борьбы ведь в новые времена приурочено будет не к «Кафедре Исаакиевского собора» – издаваемой генералом Богдановичем, а к «Чем люди живы», «Смерть Ивана Ильича», «Крейцера соната», «Воскресенье». И вот почему мир бежит за «легкомысленными» романистами и публицистами: мир бежит за тем, у кого слово, у кого подвиг – подвиг размышления, заботы, тревоги, сострадания в мире. Не понимаю, как с Ваших собственных точек зрения («да всех приведем к Христу») Вам не открывается чрезвычайная многозначительность и многоценность этой литературы, в том числе и *данной* моей. Я прямо смотрю на них как на начало установления таинства брака, когда прежде было *имя* брака, *фикция* брака, *распутство* брака.

Потом, почему вы не замечаете, до чего Ваш язык, *совпадая с монашескими молитвами о спасении их от похоти*, далек от Библии и даже не имеет себе аналогий и образцов в целомудреннейшем Евангелии. Повторю Вас: «Меньшиковская маниловщина, соловьевские парадоксы, толстовские откровенности *могут произвести* (просто больно списывать) *лишь раздражения половой похоти*. Дело моралиста – не подавление или апология этой похоти, а...». Теперь послушайте Бога: «Женщина когда рождает – то мучится и кричит, а когда уже родила – то забывает всю скорбь свою, ибо новый человек пришел в мир». Как благостно. Как плакать хочется. Как мир христианский был бы полон, слез умиления *именно к целомудрию*, если бы никогда не родился самый глагол: «похоть». Собака пола; ангел пола. Первый дали монахи – пусть им пусто будет; второй дал Бог. Теперь слушайте Ветхий Завет: «И познал Адам Еву, и зачала, и родила и сказала: приобрела я от Господа». Где же *тут* разврат? Он *родился* в монастыре, *в таинстве пола*, которое начато было в монастырях, в отменении Апостольского: «Братия – кто не может оставаться в девстве, как я – да не останется: *ни чем разжигаться – то лучше* посягати». Вот принцип, который церкви предстояло сделать универсальным, и тогда мир бы не развратился, но в тысяче случаев, *придираясь* к недомолвкам евангелистов и апостолов, *пользуясь* несчастиями семьи, церковь *заколачивает вход в брак*: и тем прямо ввергло мир в блуд проституции; как и повторяя новый и чудовищный глагол о поле: «похоть», «похоть» заставила бедных матерей стыдиться как позора незаконных рождений и убивать детей своих (рябая вдова – которую к сознанию привел Толстой – см. «Как живет и работает Толстой»). Разберем этот случай: женщина 35 лет: «Богом указанное русло и вместе с тем естественное», конечно, совершенно ей разрешает зачатие, рождение и *воспитание ребенка*: совершенно ее дело – как и от кого родить, и Спаситель был до того зорек в день веков, что через слова самарянке (которую *избрал, выбрал* в ученицу величайших Своих тайн) – Он дал внимательным почувствовать, что именно дело сердца каждой женщины избрать, как и через кого стать носительницей отнюдь не скверной, но совершенно святой тайны чадорождения. Но у монахов, которые решительно не знают тайны чадорождения, но лишь слюнявые ночные мерзости фантазий – совершенно нет понятия инстинкта, что женщине не удовольствие нужно, а было бы по смерти ее кому поставить на канун свечку «о рабе Божией Екатерине рябой». И вот она родила: уже тысячу лет твердят: «похоть», «похоть», «мерзость», «мерзость». Розанов может бороться с 1000 лет вранья, но куда бороться «рябой вдове»: она в ужасе на тысячелетнее ашуканье на ртды бежит к пруду и бросает туда детище. Толстой спрашивает: – «Не ты родила?» Она: «Не я». Толстой: «Не знаю, чей это ребенок, но знаю, что нет во всей земле теперь, кому бы так тяжело было, как этой женщине, которая загубила ребенка». Она: «Нет никого меня несчастнее теперь на земле». И Вы, Сергей Александрович, решаетесь сказать, что это – какофония. Но удержим восторги перед Евангельской красоты беседою романиста с бабою; будем критиковать, я хочу критиковать, ибо в сию мину-

ту я, наконец, жесток. Женщина *несчастнее всех на свете*, убив младенца. Кто же ее толкнул на это? Факт совершился, *fait accomplie*, и «по Божию руслу и естественному закону» он *мог* совершиться, вправе был совершиться. Церкви предлежало в веках воспитать, открытым и честным учением (а не шопотом на исповедях, которые ведь есть именно *двоение* церковного лица и взваливание *всего стыда* на обремененное сердце женщины: уж лучше бы не исповедовали, и самую исповедью еще до перепуга не увеличивали чувство *совершенно не существующего в данном случае* греха, или, пожалуй, существующего греха небрежения церкви, не обеспечившей за взрослую женщиною правильного бесстыдного и непрерывного рождения): итак, говоря я, честно и открыто церкви следовало дать всеобщее научение – родившая женщина, всякая, да «питает и греет плоть свою». Но церковь схоронилась. Тут, видите ли, Палладий спорил с Победоносцевым: до «женщины» ли им. Перепуганная женщина (1000 лет пугания и плеванья на «похоть») бежит и кидает плоть свою в пруд. Теперь, Сергей Александрович, если церковь скажет, в 1000-летнем бытии своем: «Аз неповинна в крови сего младенца» – то, – ну, вот тут и подымается раб Божий Василий и речет: вранье, вранье, вранье. Вранье о браке: непонимание чадорождения, забвение Апостолов («чадорожением женщина спасается», «ни чем разжигатися – то лучше посягати») и Иисуса («новый человек пришел в мир») – тоже забвение; не спасли женщину, погубили ребенка; да еще эти же умывающие руки Пилаты – т. е. 1000 лет Пилаты, глаголют: «Приди к нам и покайся – за 75 коп. отпустим грех»; «Мы возвели брак в Таинство, до нас этого не было: и никогда до церкви брак так высоко не поднимался, как церковью». Ну, тогда я и начинаю впервые после 2000 лет непонимания раскрывать, что и ребенок – свет, и женщина – праведна, и 75 коп. уплачивать не нужно, а надо купить за 75 коп. люльку, удвоить работу и вдвоем питаться, любя и согревая друг друга: а после смерти – свечку на канун «о рабе Божией Екатерине». Вы никак не можете отвергнуть, что мое учение о браке возвышеннее церковного этого пустого «Исайя ликуй» (каков напев скверный, масляничный) и ближе вообще к Христову воззрению на брак, женщину и детей. Да! да! и да! И не можете вы сказать: нет! нет! и нет! Это есть, т. е. у меня мысль благословляющая Каны. А церковь содержит «чистое» (Селиванов) скопчество.

Потом, как Вы не обратите внимания, дорогой Сергей Александрович: ну, Розанов – декадент и невежда, а – Толстой: ведь написал не малое, ведь подумал немало: но и Толстой – невежда в науках, ну – тогда Вл. Соловьёв. Но он алкоголик: ну, так Толстой и я не алкоголики. Пьян один – трезв другой, один психопат, но ведь Толстой-то уже пример здоровья. Итак – у Толстого колоссальный опыт, у Соловьёва – образование, у меня хоть мытареву: «Буди милостив мне грешному». В разных формах, но мы не декаденты своего времени. Почему Вы думаете, что мы заблуждаемся и являемся историческою какофониею. Еще 4-й Страхов, который, Вы знаете, сочувствовал именно и специально *последнему* религиозному периоду Толстого и дал строгую отповедь Никанору Одесскому. Почему же, долго подумав в ночи, Вы ни

разу про себя в безмолвии не подумаете: прав ли я? Может быть, эти три и даже четыре человека обратили внимание на *такие стороны* положения исторического церкви ли, христианства ли, на кои я не обращал внимания. Все четыре они *непрерывно* религиозны; да каким же духом они религиозны; *откуда* идет путь религиозного чувства, в них играющий? Исчерпывается ли религия *теми средствами* общения и передачи, какие я считаю единственными? И т. д. Вообще, почему у Вас нет нисколько скептицизма, тогда как, поверьте, мы все долго были *относительно себя* скептиками и только *очевидность почти алгебраической точности* и *прямо религиозное уныние греха* в прежнем состоянии понудило нас обратиться к существенно новому. Для меня такой очевидностью было: что нельзя скалу греховного начинать как с чернейшего – с новорожденного младенца, или, по крайней мере, если уж начинать грех с зачатия (ночь – от сатаны) – нельзя удерживать доктрины: брак есть благословляемое церковью таинство. Я догадался, что этот акт признания – не чистосердечен (отсюда – ограничения по мере возможности брака и, так сказать, принуждение *лежать* всех *упавших* в браке, попы вдовье)* (и есть просто акт властолюбия, желания властвовать над миром семейным без всякого к нему сочувствия).

Во Вл. Соловьёве это было недоумение молитвы о «мире всего мира и соединения церквей» при практическом прямо остервенении, которое подымается при всякой попытке *в самом деле* их соединить. Толстой... но он, верно, нашел вообще безучастность церкви, напр., к Анне, к ее мужу Каренину, к Вронскому: ко всем этим кроваво-слезным коллизиям, над которыми читатели плачут, но духовенство – «вместо хлеба» утешения и помощи «подает камень» невнимания, или изредка «вместо рыбы» съедобной – кусающуюся «змею» (высылки в Америку духоборов, которые, ведь, исполнили заповедь: «Поднимающий меч от меча погибнет»). Дорогой Сергей Александрович, почему вы не усомнитесь, что не *мы* не правы, а *Вы*. Вы умны. Вы образованы. Вы чистосердечны и любите Бога. Но мы тоже любим Бога (от «юности»), чистосердечны же и, конечно, не гении, но не неумны, без всякой гордости, просто говоря как факт. Просто – не все ладно в церкви: «соборной», т. е. собранной, «апостольской», т. е. преемственно текущей от Апостолов, пусть даже «единой» (хотя это – мертвое слово с 1054 г. и после Лютера): но затем начинается вопрос о первом и самом главном ее определении: о свете поступков, о сиянии лица, о потоке чистосердечия – так сказать, о шагах Апостольских, которые через море несли Петра к Спасителю, и лились фаворским светом от Иоанна и Петра. В тысяче случаев церковь прямо ссылается: «есть статья 1083 Свода Законов, том X» etc. Это может мировой судья.

---

* Вы знаете: есть бездна евангельских и апостольских указаний, принятых церковью без придачи им канонического значения («евангельский совет», «апостольский совет»), но все дающие тенденцию к скопчеству, обмолвки текстов внимательнейшим образом собраны и возведены в *закон* – т. е. скопческий дух «чистоты», «жала сатанина» прямо развит самую церковь, есть оригинальное и новое в ней, разрушившее Ветхий Завет, учение.

Если церковь не делает большего и *святейшего*, чем судья хотя бы *в одном конкретном случае* – уже прав мир в осуждении и в сомнении о ее фаворском свете, т. е. от нее льющемся, но не права она перед миром. Я хочу сказать, что, может быть, *исторически* и *генетически* все право в построении церкви: но это есть правость юридическая без «души» и без «святости». А вечное искание мира от церкви ли, от религии ли есть именно вечное алкание святости: дай мне святого – и я помолюсь тебе. Не дашь – буду искать в ином месте. Без святого не может жить человек. Мне мерещится, что ведь святого ищет Вл. Соловьёв в *соединенной и мирной* церкви; я ищу – святого в брачном житии; Толстой – святого на улицах, в суде, в семье. Вы не оспорите, что мы все тянемся к святому; Вы не оспорите, что в данных точках церковь действительно не дает «просфоры», а просто отмалчивается. Затем – литургия, конечно, свята, батюшка Петр – свят же, да и всё свято, кроме некоторых *связей* здания, *строил* молитвенного храма. И на них *неволью* направляется и критика. Но Вы знаете, что за «ранней ласточкой» появляется много ласточек, и, наконец, наступает лето, когда «езде ласточки»: опять обращаю Ваше внимание, что вовсе не случайно 4 человека очень внимательные, очень вдумчивые, *очень религиозные* и *чистосердечные* становятся «ласточками», нисколько не сговариваясь и даже все три *между собою смертельно враждуют*. Т. е., может быть, они не так и не туда летят – но что к поднятию от земли, к началу полета, очевидно, есть большие атмосферические причины – этого нельзя отвергнуть, это прямо неблагоразумно отвергать, подумайте. И у нас есть *душа*, о *спасении* которой мы думаем.

55

5 мая [1899 г.]

Дорогой Сергей Александрович! Ради Бога – простите за письмо. Только *в ответ* (на Ваше) я его написал, и, конечно, ничего не написал бы, *знай* только, что оно Вас расстроит. Мне всегда казались бесполезны и *не нужны* споры, где люди не могут (и не вправе перед собою) сойтись. Жизнь так тяжка, для огорчений – такие тысячи причин, что нельзя опускать ни одного случая, когда можно поцеловаться, и следует пропустить все случаи, где можно поссориться. Мои дела – слава Богу. Да и всё – слава Богу. Удивило меня ваше указание, что я *сравнил Петрова* с Шатобрианом. Не помню этого, да и подробности фельетона забыл. Книжка Петрова, конечно, недалекая, как и все и всякие «батюшкины писания», и я ею воспользовался, чтобы ярко и резко сказать, что первородного греха (после Христа) – не существует. В этом – тема, остальное – вздор и придирки. Получил с надписью «В. Розанову – от автора» книгу-исследование – о пророчестве Валаама (помните, «Валаамова ослица»: года три назад я бесконечно любил себя сравнивать как писателя с Валаамовой ослицею: говорю – а почему говорю и даже в точности *что* – не знаю; да и любопытства даже нет). – А Шатобриана я не люблю – за его жизнь; Вы помните «René» и его роман с сестрою? На такой-то болезненной

почве растут эти цветы французского упоения «поэзией» религии. Не люблю и боюсь этих эксцессов. «Батюшки»? наши недалеки, но как-то безопаснее. Протягиваешь руку – знаешь, что не Шекспиру, но и не кровосмесителю. А о «René», «Martyrs» и «Génie de chr.»* я не знаю, что тут относится к восторгу перед катакомбами (академическому) и что к (реальному) «сладкому покаянию» после «сладкого романа». Разве не Пушкин написал:

Когда для смертного умолкнет шумный день

.....

И с отвращением читая жизнь мою

Я трепещу и проклиная

И горько жалуясь, и горько слезы лью,

Но слез печальных не смываю.

Мы знаем только чудное стихотворение, но ведь была отвратительная жизнь; мы читаем «Martyrs» и «Génie», но кто нам расскажет о жизни под ними. Шатобриан как был неосторожен, что «предисловием» к «Полному собранию соч.» пустил автобиографию, прочитав которую, я не хочу читать «П. соб. соч.». Вообще поэзия религии не то, что религия. Библия – книга бездонной глубины (даже с светской точки зрения), собственно, совершенно лишена цветочков поэзии. Она в высокой степени поэтична, но складом своим, океаническим своим течением, и так же глубока во Второзаконии и Исходе, в уворованных у египтян драгоценностях (правда-то, правда-то о себе! Вот уж не фальшивая книга), как и в страницах Исаяи, как в нежности Руфи. Право, последующие наслоения на Библию – едва ли не испортили всё. Эти кружева закрыли «человека», закрыли вечную книгу; закрыли и для многих – похоронили. Прочайте, целую и обнимаю. Скоро пришлю еще книжку. Ваш В. Розанов.

56

16 мая 1899 г.

Пишу Вам кратко, дорогой Сергей Александрович, чтобы сообщить перемену своего адреса, который, т. е. новый, запишите внимательно: СПб. Шпалерная улица, дом 39, кв. 4. В. В. Р-ву. Семь лет прожил я на Павловской ул., целый период жизни, и какой волнующейся, с какими сильными колебаниями в одну и другую сторону. Это был самый тягостный период моей жизни; и «не было Ангела, возмущающего Силоамскую купель». Молю Бога, чтобы в новом месте Он послал мне нечто лучшее, или не такие тяжкие испытания (смерть дочурки Надежды). В наших с Вами письмах – какое-то недоразумение. Как я не помню, или, точнее, наверное помню, что не сравнивал священника Петрова с Шатобрианом, так в письме предыдущем вовсе не упоминал о «M. d'ou. t.»**, и говорил о «René» и «Atala»; а Вы, не упоми-

* «Рене», «Мученики», «Гений христианства» (фр.).

** «Замогильные записки» (фр.).

ная о «Репе», говорите, что я ошибся относительно («М. d'ou. t.»). Очень мне понравилось, что Вы написали об *истеричности* религиозности Шат. Вообще удивительная вещь, что Европа как-то вечно *пытается*, но совершенно *не умеет* быть верующею – без фокусов: то пастораль, то истерика, то политика (папы), то археология (Ренан), но нет «хождения перед Богом» (Енох). Как, напр., вымучена и искажена *судорогой* молитва Достоевского, Гоголя; у Пушкина она ровнее – но слишком временна и, так сказать, «по поводу», не переходя в постоянное чувство. У раскольников – помешательство на «Исус» (одно и), у нас – в сущности, безбрежный рационализм (смотрел я курсы богословия). «Но ходите ли Вы перед Богом? – Нет и нет! Есть книги, исполненные глубочайшего недоумения: гимн Франциска Ассизского, «Историю детской души» (кажется) Корелли, гимны цветов и птичек Богу в начале «Дон-Жуана» гр. Ал. Толстого прямо бы можно и иллюстрировать снимками из «Denkmäler» Lepsius'a (атлас экспедиции в Египет): до такой степени родник их, и колорит, и все тоны и точные слова строк не имеют ничего общего с нашею эрою, по крайней мере, как для нас ее формулировали Макарий и Филарет, Лютер и Тридентский собор. И между тем все читают и соглашаются. Это, в сущности, прекрасно. Прекрасно, что есть неумирающая и вечная, очевидно, религия; и она-то именно и пламенеет в человеке, равно в Корелли и Франциске Ассизском. Мне иногда представляется эта религия Апокалипсической – помните, перед престолом Божиим 4 страшные существа, «в вечном движении», непрерывно восклицают «свят, свят, свят». Кровь в 30-летнюю войну пролилась напрасно. С точки зрения Апокалипсической из-за чего бились Адольф и Валенштейн? «Два мальчика, думавшие вычерпать черепком океан» (видение какого-то святого). Как опять умилительны стада, окружившие ясли Спасителя, и волхвы, Ему поклонявшиеся. Как тонут около этих знамений наши споры. «...дондеже приидет Примиритель и Той – чаяние *языков*». Хорошо. Вот чему молиться можно никогда не устать. –

Перцов стихотворец – не мой. Грех – конечно, есть индивидуальный, насколько я сам успел *потерпеть*, но только ничего не передается от родителей *в рождении* к ребенку. Спасителем или в Спасителе *смерть*, т. е. *совершившиеся*, что уже *действительно*, а не есть одна только *возможность* спасения, не есть подлежащее моей утилизации («вземляй грехи мира – прими молитву нашу»; «Ты бысть язвен за беззакония наши и мучим бысть за грехи... *язвою Его* мы исцелехом»; и обетование: «Семя жены *сотрет* главу Змея»). Это в высокой степени отрадно. *Сличным* грехом справиться не трудно: но ужасно, отяготительна была бы мысль, что мы несем еще и Адамов грех, гору греха, кучу греха, задыхаемся в грехе. Это – ужасно истошающая, энервирующая мысль, и странно, до чего она, в самом деле, кассирует искупление, хотя это именно из тех мыслей, которые породили наиболее патетическое в христианстве – молитвы и порывы. Очень до меня много доходит слухов (в письмах) о Неплюеве: кто? что? Все говорят: «Вот – христианин». Ничего не знаю. Говорят, какой-то в Чернигове, и аристократ, известный Государю Ал. III. Ваш В. Розанов.

Не забудьте же о новом адресе.

6 июня [1899 г.]

Вы так много получили, дорогой Сергей Александрович, в последнее время, а я не сказал вам слова: разумею рескрипт. Заметим, как вся печать заметила это и приветствовала. Печать наша лучше, чем о ней думают (между прочим – в «Моск. Сборн.», книге благоуханной, но излишне страстной). И как малого это стоило: приказ и подпись имени. И вся Россия улыбнулась и приветствовала. Частные люди в России гораздо более служат России и любят Россию, чем «сферы». И между тем – они в вековом подозрении: они враги отечеству – в земстве, на студенческой скамье, в прессе etc. Тяжело. И когда этот дурман рассеется. И как грустно живется. Все университеты перебунтовались. В гимназиях боятся настойчиво учить и не хотят учиться. Министр – славен только борьбой с тужурками (в Москве). На Востоке «недород» ли, голод ли. Казна кормит население, поставленное в условия, в коих нельзя прокормиться. Вот уж от Рюрика и до наших дней – «велика, обильна, а порядку нет». ---

Вас смутило мое «б»: «б» «б». Все это – литература. Мне хотелось как-нибудь объяснить число, не поддающееся никаким объяснениям. Помните Пьера Безухова, переодетого, возвращающегося в Москву и тоже разгадывающего «ббб». – Это Наполеон! – воскликнул он и чуть-чуть переделав Бонапарта в Виопарте (так, кажется) уравнил его = ббб. То же сделали во время Нерона, который более занимался греческими бандурами и волокитством, чем случайно ему подвернувшимся христианами. Очевидно, Иоанн имел что-то другое в виду; не имя – а принцип. В конце сказано: кто имеет ум – просто число; число это – человеческое (имеющее специальное отношение к человеку). И вот раз, долго смотря на ббб и, пожалуй, в ббббб... . . . я спросил себя, какое же специальное к человеку отношение имеет мелькающая здесь цифра. Да то, что в шестой день сотворен человек. Тогда я стал догадываться, почему она три раза повторена: три – крайне распространенное в религиях и мифологиях число, имеет то специальное к человеку отношение, что я человеческое распадается в три:

отец   Δ   мать
          дитя

которые суть одно и вместе три. Думая дальше, почему «зверь» (верно, «zwog» по-гречески, т. е. просто «животное» без нарицательного и пугающего оттенка «поведет борьбу со святыми» и «победит их»), – и чем победит, я задумался: да что же такое

отец   Δ   мать
          дитя,

как не листок на древе жизни? и след., борьба будет за древо жизни, обладание им. Тут конец Апокалипсиса удачно сомкнулся с началом *Бытия*, и хотя это все гадание, но Вы видите, что в моих догадках все-таки больше, *длиннее* мысль, чем у Пьера Безухова или в «Кесаре Нероне». Ибо кого же и что победил Нерон? Бонапарт? «Поживе и умре». Пугали людей: но очевидно, есть для людей удивительная привлекательность, да и есть почти религия в «древе жизни» и касании к нему. Но, повторяю, все это – литература.

Наконец, рискнув 4 р. 50 к., съездил со своей семьей на острова; ландо; мужчины – я и сын; жена, мамка, нянька; три дочки – чем не древо жизни? Поехали утром, когда воздух еще не испорчен и никого на островах нет. И до чего это мне понравилось. С островов покатались даже на лодке за 30 коп. И вспомнил я, что вот к вечеру сюда же придут *туалеты*, и это я видал. И вот все время в экипаже (жена говорит: «Что ты расстроен», а я просто задумался, «погрузился») сидя, я думал: «Боже, до чего у нас все извращено, и до чего упал человек? И суть падения – разрыв с природою; а от природы оторвался – и Бога забыл. Помните Тютчева:

Не то, что мните вы, природа.

Не *бездушный лик*

.....

Разве садовник *приклеил* к ветвям листья?

И прочее. Очень хорошо у Тютчева. И это – вечно. У Тютчева; у Руссо; у Толстого. Но что же они все говорят: они все и поют неисповедимую песнь о древе жизни, и Боге, апокалипсическую песнь. Кто же, вспомнив семинарию, начнет молиться Богу? А прочитав Тютчева – помолится. Помните, в Москве академики отказались ходить к обедне? А Сергей Радонежский, живя в лесах, неустанно молился. Вот и вся мысль «древа жизни» и апокалипсического *zwog*. Поклонение Богу – в жизни; поклонение живому Богу; живущему, – а не резонно «существующему» в «*Summa theologiae*»* Фомы или Филарета; Богу Франциска Ассизского, Сергея, Тютчева, Данилевского, Страхова: коего чувством и сознанием полон мир, насыщена история. Апокалипсис – книга безмерно испорченная, со строчками и §§ вставок: но в основной ткани это боговдохновенная книга. От вставок бессмыслица текста; а боговдохновенность сказывается в общем настроении и разительных отдельных речениях. Без Апок. христианство было бы не полно (не *докончено*) и гораздо менее таинственно. Слишком рационально и только морально. А оно таинственно и жизненно, т. е. животно: все, конечно, не в отрицательном смысле, «живот», «жизнь» и придает ему темная сия и неисповедимая книга. Ваш *В. Розанов*. –

Кончил, и перечтя последнюю страницу, подумал: а ведь если напечатать мои письма к Вам, то получится новое «П. собр. соч.». Как хорошо, что они уцелеют. И многое, чего в печати не сумел удачно сказать, вдруг сказалось удачно в письме.

58

19 июн. [1899 г.]

Царство Небесное отцу Петру; я его помню в Татеве, и – прекрасную его службу. Вы всё опасаетесь моих писаний в «Н. Вр.», как бывают неодинаковы впечатления от прочитанного, Вы можете судить по двум рецензиям на мои книги. Д. Ш., по словам редактора, – это сын умершего попечителя Казанского Дим. Шестакова: не можете Вы не усмотреть, что это – человек образованный, со вкусом, с симпатиями а la Кохановская, а не психопат и не эротоман, каким я

---

* «Сумма теологии» (лат.).

могу показаться Вам. Все дело – как связать в узелок христианство и брак; на этой дороге – ничего не сделано, и мы имеем одни отрицания, которые, не победив пол, его расшатали и развратили. Уверен, что если бы больницы с дурною болезнью и дома терпимости были (как и вполне следует, ибо это есть раковые опухоли великого таинства) переданы в ведение Св. Синода, дабы он с ними и возился, – завтра же бы он установил и развод, и хоть десятые браки, а не то что пугался бы четвертого. Из прекрасного далека Валаамской обители можно быть испуганным перед вступлением в брак от псевдоживой жены или отчитываться епитимьею от третьего; но получив в заведывание Калининскую больницу, скажешь: «Господи, живите хоть как-нибудь, и с кем угодно, но ради Бога не в одиночку, и живите длительно, в привязанности». Вот эти раковые опухоли и нужно срезать. Но я увлекся любимую темою. Во всяком случае, Вы увидите – доброе впечатление, а это самое, самое главное, ибо суть даже и не в том, что написано, а как понимается. К счастью, есть какая-то чуткость у людей, и с каким мотивом пишешь, с таким – воспринимается читающим. Радуюсь успехам Богданова-Б.; еще более радуюсь фисгармонье. Видите, как легко: одно мановение с престола, и освещена целая округа. Как же иногда не печалиться, что для этих мгновений нужны подсказывания, подталкивания. Как умели это Петр и Екатерина. Но слава Богу есть кое-кто и в наши дни. Вам преданный *В. Розанов*.

Но я *очень боюсь*, что неприятные из моих писем (в идейном смысле) Вы для блага потомства направяете не в шкаф, а в камин? Нет? Ну, смотрите – верующие не обманывают.

Бандероль пришлю на днях. См. на обороте

Сколько мне приходится отстаивать К. П. П-ва: удивительно, воплощенный лжец Тертый ухитрился создать себе ореол «просвещенного и либерального сановника», «и уж несказанной доброты» – а Поб-в – угрюмого, желчного, сухого и формального чиновника. Когда я о нем рассказывал то немногое, что видел – просто ушам не верят, и точно слушают галлюцинацию. К Поб. идет стих и *все стихотворение Пушкина*:

Среди сокровищ русского царя

.....

О, люди жалкий род, достойный слез и смеха

Рабы минутного, поклонники успеха

Как часто мимо вас...

.....

Но поэта приведет в восторг и умиление.

До чего – идет! По уму, собственно, он выше, я думаю, выраженного, но недоверие его к людям и вообще отсутствие *молодой мощи и акции* отняло у него $\square$ добродетелей. Он все «крепит» и есть «крепительное России», когда по отношению ко многому ее нужно «прочистить» и полезнее вода Jani Huniadi. Но мне он как-то мил – резкостью слова, быстротой мысли, всею страстностью сухой и высокой и гибкой фигуры. Какая противоположность бабе Тertiю, этой кормилице в положении министра. Вы знаете, по циклу проб, мне теперь родных, я совершенно вне цикла его забот и симпатий: но он мне дорого как лицо, как моральный характер. Читал на днях его Мессалину («М. Сб.»): ну, что

за восторг; я прочел потому, что, как мне передали, он без прикрас там все рассказал о какой-то Лихтенбергской. – Как хорошо, что он издает Гилярова: это – он себе делает красивейший венок на могилу. Кто усопшего охорашивает, сам усопшим будет охорошен. Мою рецензию на Гилярова ненавистный Тычинкин опять окорнал и обессмыслил. Целую и обнимаю В. Р.

59

10 февр. [1900 г.]

Дорогой Сергей Александрович!

Горячо благодарю Вас, что Вы меня не забыли. Прочел повесть графини Сальяс – очень мило, стихи своего попечителя, может быть, удачные, но бледные, как и весь он; чрезвычайно хорош портрет Хомякова (выразителен), но я не нашел того *видения* Хомякова после потери жены, о коем Вы как-то устно мне передавали. Был у меня Лутковский; думаю сходить к нему. Он рассказывал, что Ваше здоровье слава Богу. Вы принадлежите к тем (физиологически) сухим и воздержанным натурам, которые, как астры, долго не отживают. Вообще, я думаю, тело – форма (мистическая) и, конечно, она тем неразрушимее, чем менее мы в нее пихаем всякой дряни, напр., воды, вина, табаку. Воздержание – великая гигиена тела, как *молчание* – великий конденсатор, сохраняющий ум (и вообще душу). Нужно жить сильно *внутренно*, *формально*, но не материально. Не пишу Вам много по причине вечной усталости. Лутк. говорит, что Вы ему показывали карточки детей – спасибо за ласковость, которая в этом сказалась. Пожалуйста, их в «Обоз к потомству».

Ваш преданный В. Розанов.

60

29 июля [1901 г.]

Прочитав «Нов. Вр.» о бывшем у вас первом ударе, многоуважаемый Сергей Александрович, почувствовал потребность написать Вам и спросить о здоровьи. Удар при Вашем сложении, худом и сухом, кажется, чрезвычайная редкость, и, вероятно, нет причин ожидать его повторения. Ведите себя тихо, меньше двигайтесь: вероятно, все-таки удар, как *прилив* крови к голове, вызывается движением. С удовольствием прочел, как Вы медленно идете от школы к церкви и обратно. Вероятно, однако, так же сидите с учениками на школьной терраске и пьете чай с анисовыми кренделями. Татевская идиллия. Вообще же, я думаю, Ваше здоровье, за исключением давней и не развивающейся и не опасной болезни, прочно, и, Бог даст, Вы увидите еще ряд осеней и весн (весен?). Правда, без привычного труда жизнь скучна; но остаются размышления, но остаются наблюдения; но остается еще любовь к природе и людям: так Бог устроил, чтобы благоразумный человек даже и в недвижимости (до которой еще далеко Вам) имел утешения.

А помните «Телега жизни» Пушкина? Вот и я чувствую надвигающуюся старость и психика уже моя – другая, чем еще недавно. «Кричишь – полегче, дуралей!» вознице и коням и всему житейскому поезду. Ну, да сохрани Вас Провидение и Ангел Хранитель. Ваш В. Розанов.

ДОПОЛНЕНИЕ.
ПИСЬМА С. А. РАЧИНСКОГО *

Татеево, 2 сент. 1892

О непрактичнейший из смертных!

Письмо Ваше с приложением «сиггiculum vitae» получил только сегодня, ибо Вы пишете на Ржев, да еще заказным письмом, что замедлило получение на целую неделю. Поручили бы письмо Лутковскому, или Маркову, и я бы получил его давно.

Как вижу из газет, Победоносцев прибыл в Москву, вероятно по пути в Крым, где пробудет недели две-три. До возвращения его в Петербург ничего не решится.

Пошлю ему «сиггiculum» и приложу «избранные места» из Вашего письма, несравненно более интересного и характерного, чем «сиггiculum».

Не могу сегодня писать подробно, ибо совсем болен. Да хранит Вас Бог.

Преданный Вам С. Рачинский.

Татеево, 16 сент. 1895

Дорогой Василий Васильевич.

В сентябрьских книжках журналов – ни единой строчки, подписанной Вами. Тем лучше. Пишете Вы исключительно о материях неизмеримой важности, и писания Ваши могут только выиграть от некоторого лежания в портфеле. Надеюсь, что задуманная Вами статья о школе *церковной* будет *очень* хороша. В школьном деле Вы имеете долголетнюю опытность, думали об нем интенсивно и много. К Церкви Вы принадлежите всем существом своим.

С грустью думаю я о Страхове, коему посвящено последнее Ваше письмо, ибо не могу питать ни малейшей надежды на его выздоровление.

Я погружен в материальные заботы о школах. Ремонт, всякие запасы, учебные и хозяйственные на зиму, и т. д. В Татеевской школе перекладка печей прервала воскресные беседы, с осени возобновившиеся с особым оживлением – летом я был не в силах их вести. Мой адъютант – специалист по рассказам из Житий Святых – отличается. У нас гостит Софья Николаевна, пользуясь последними делами вакационной свободы. Деятельность ее, по двум школам, мужской и женской – изумительна. И она ведет воскресные беседы, посещаемые толпою народа. Лучший ее помощник – диакон из моих учеников. На днях и в Татееве водворится диакон из них же, и первую зиму будет жить и учить в школе (я на этот счет стал совершенно негодным).

Все жалуются, и не без основания, на неудовлетворительность наших сельских приютов. Но ведь никто пальцем не шевельнет для их улучшения. А дело – в наших руках. Я это узнал на опыте. Сколько вокруг меня выросло помощников; и сколько еще сил я растратил. Вот – сиротка из крестьян, вскормленный и воспитанный мною (о. Александр Васильев) назначен епархиальным наблюдателем над школами епархии...

Между делом занимаюсь моими письмами. Их наберется до 100 томов, по 80-100 писем в каждом. К каждому тому приложены белые листы для необходимых примечаний. Все вместе будет завешано Публичной Библиотеке, и составит материал, драгоценный для будущих бытописателей. Глядя на эту библиотеку, с ужасом думаю о том, что столько же писем написано мною, написано необдуманно и спешно, по множеству иного дела, и что за всякое из этих писем я отдам отчет в день судный... Да хранит Вас Бог

Преданный Вам С. Рачинский.

---

* Текст подготовлен А. В. Ломоносовым.

Ю. Н. ГОВОРУХА-ОТРОК В НЕСКОЛЬКИХ ПИСЬМАХ

I

Милостивый Государь
Василий Васильевич!

Я только что получил записку С. А. Петровского* с приложением Вашего письма и статьи**, которую он просит меня прочесть и дать свой отзыв. Я тотчас же прочел ее. Без сомнения, она будет напечатана, по крайней мере, я настойчиво выскажусь в этом смысле, но когда – это уж их редакционное дело, относится к редакционной технике***, в которой я ничего не понимаю. Вероятно, в непродолжительном времени, но, не выдавши никого из редакции, не могу Вам точно сказать когда.

Я очень рад, что случай дает мне возможность хотя письменно вступить с Вами в непосредственные отношения. Из моих статей Вы, вероятно, уже заметили, что Ваши работы возбуждают во мне живейший интерес. У нас с Вами много точек соприкосновения и даже, в сущности, одна общая идея, из которой мы оба исходим; но о Гоголе – конечно, мы стоим на разных концах, хотя, возможно, кончим тем, что и здесь сойдемся, если обои доведем до конца взгляды [слово неразборчиво. В. Р.]: конечно, буду Вам отвечать, хотя

* Редактор «Московских Ведомостей» сейчас (кажется) после Каткова. В. Р.

** «Пушкин и Гоголь», – полемическое возражение на статью Ю. Николаева (псевдоним Ю. Н. Говорухи-Отрока) в «Моск. Вед.», где он резко напал на меня за взгляд на Гоголя, высказанный в начале статьи «Легенда о Великом инквизиторе». В. Р.

*** Денежная моя сжатость (165 р. в месяц) была так велика в то время и в ближайшие годы, что при всякой горячности и принципиальности полемик всегда стояло побочною и жгучею тревогою: «А когда будет напечатана?». К счастью, это только меняло тон моих статей, придавая ему раздражительность, муку и сомнения; но вообще «обстоятельства» (эти и многие другие) не давили на ход мысли, на умозаключения, на *resumé*. И «в идеях» я всегда был верен себе и одному себе, переходя от одних идей к другим идеям по ходу внутреннего своего развития, по «впечатлениям новым» (очень действовало), по встречам с новыми людьми (тоже действовало): и ни по чему еще. Все самые «безверные» и самые верующие, самые анархические и самые монархические статьи суть «мои статьи». В. Р.

очень трудно хотя что-нибудь выяснить в небольшой статье. Необходима монография о Гоголе, которую я, рано ли поздно ли, решил написать*. Читали ли Вы мою статью в «Русс. Вестнике», январь, «Литературно-критич. очерки», подписанную Ю. Елагин? Там тоже кое-что говорится о Гоголе, на что мне хотелось бы обратить Ваше внимание**. Статью, о которой я упоми-

* Едва ли бы что-нибудь вышло из этой «монографии», самой фактической, самой подробной, если бы ее написать умный и талантливый, но «все же человек 60-х и 70-х годов», Говоруха-Отрок. *«Не убо прииде час...»*. Всякому сроку историческому своя мера понимания. Еще не раскрылось убо для Гоголя, не разверзлось обояние для его тайн... И Чернышевский, и Добролюбов, и теперь Овсянко-Куликовский, и раньше Страхов или Говоруха-Отрок – разве не искренни были в уразумении Гоголя, как «великого реалиста» и как бесстрашного «гражданина-обличителя» и «христианина-проповедника»... Но страшен он лежал в гробу. С. Т. Аксаков записал: «От роду боялся покойников, и когда бывал такой – не решался один войти в комнату, где стоит гроб. А вот с Гоголем – странность: вхожу и не боюсь, точно это не покойник, не умерший человек», т. е. «а что-то другое». Между тем весь мир содрогнулся и содрогается при чтении некоторых у него строк: 1) и как церковь заросла бурьяном («Вий»), и что 2) у ведьмы темное пятнышко внутри тела, и 3) «буквы святой книги написаны кровью» («Страшная месть»), и как 4) «розовый и голубой свет с тихим звоном переливались в комнате, и смешивались» и не смешивались» (ворожба колдуна), да и 5) странный весь очерк колдуна; — очень странен главный его грех, мысль о коем никогда не пришла бы Пушкину на ум, не вошла бы в его чистое и (здесь чуть-чуть) наивное воображение. Я указал пять точек, и около них есть еще подобный же точек десять, говорящих нам о *такой стороне* в Гоголе, какая вообще никогда реалистам не приходила на ум, и не могла привлечь их внимание, и не могла найти в них какое-нибудь понимание себя. Между тем эти точки, эти стороны души, – есть. Как чуть-чуть приоткрывшиеся окна, они дают нам прозреть в самое святилище, гоголевского творчества, святилище весьма темное, святилище, во всяком случае, дохристианское, святилище мифологическое, колдовское; во всяком случае странное и волшебное. Остановимся на одном, без риска на этой черте или границе ошибиться: Гоголь был великий фантаст, великий вообразитель, с силою в этой области до того потрясающей и глубокой, что его собственно наблюдательные и осведомительные способности растворялись в ней не более как капля в море. В. Р.

** Занятая Гов.-Отроком и бесчисленными «защитниками» (пусть будет так) Гоголя позиция и точка зрения заключалась в том, чтобы отстоять величие Гоголя и душевную чистоту и благородство его. Вообще отстоять его «монументальность в общепринятых чертах» («монумент», «памятник благодарного потомства»)... Но «монумент» как известно не удался (в Москве) и в этой нсудаче есть немощно улыбки беса. Величия его ни я, ни другие и не затрагиваем. «Чистота» и «благородство» как-то не идут к вопросу о Гоголе; когда говорят о Ротшильде – говорят о *богатстве*, когда говорят о Бисмарке – говорят об *уме*, о Наполеоне говорят – и говорят о *победном мастерстве*; но о «душе» их вопроса не затрагивают. «Душу» спрашивают у святых, праведников и обыкновенных людей, от людей дружбы и своего дома. А какой у них «свой дом», у этих людей; у них «всемирный дом», весь мир – их «дом», они – странствователи, блуждатели, пролетающие птицы. Таков был и Гоголь, – и вопрос, может быть, не о «чистом его души», а о *загадке его гения*. И вот тут совершенная перемена точки зрения на его гений впервые открывает настоящую *интересность его души*. Таким образом, с серией новых вопросов Гоголь не *понижается*, а необыкновенно *возрастает*; возрастает и «монументальность» его, но только не от «благодарного потомства», а от потомства любопытствующего, спрашивающего, недоумевающего, удивляющегося. В. Р.

наю в своей заметке, Нечто о Г. и Д., я Вам вышло. Она именно написана по поводу мнений Градовского, и, т. о., бьет прямо в центр дела.

На Ваше отрицание Гоголя я смотрю как на последний фазис той борьбы, которая приведет к пониманию Гоголя. Это фазис необходимый, и Ваша заслуга в том, что у Вас достало мужества довести дело до конца, т. е. до прямого отрицания Гоголя*. Не бываете ли вы в Москве? Как бы одолжили, если сие Вам не противно, посетивши меня.

Вам преданный

Юрий Говоруха-Отрок**
(Ю. Николаев)

Софийская набережная,
Кокоревская гостиница №78.

II

Многоуважаемый
Василий Васильевич!

Извините, что немного запоздал с этим письмом, так что оно придет к Вам позже, нежели напечатанная Ваша статья и мой ответ на нее. Жалею, что не мог ответить Вам пространнее, чувствую, что ответ не удовлетворит Вас. Мою первую статью о Гоголе, которую обещал прислать Вам, никак до сих пор не могу разыскать, но как только разыщу, пришлю, – равно и о Достоевском. То, что вы пишете о Леонтьеве, – мне очень приятно: я также большой

---

* Ну, это – как, вероятно, думал Говоруха – «должно привести к пониманию христианского духа Гоголя»..., «в основе православного», который «показал безумие пустой и безбожной жизни» светского общества, «забывшего обязанности перед народом». Можно и сюда повернуть, и Гоголь повертывал сюда в возне своей с Матвеем Ржевским. Но как-то не «заворачивалось», – как не заворотился «конь, на котором скакал колдун», и все хотел повернуть его от Карпат. Но конь донес его куда надо. О «христианском духе» Гоголя можно только улыаться. В. Р.

** Чуткий, внимательный слух расслышит в этих строках письма душу совсем иного тона, нежели у Н. Н. Страхова; и дальше, после этого краткого «знакомящегося письма», это слышание другой души делается еще звончее, Страхов был уже слишком –

не для житейского волнения,

но не в ангельском смысле, а в ученном и кабинетном, с чем связуется (увы, судьба и рок законов соотношения) доля сухости, отчужденности («голод народный волнует меня только в известиях, которые читаю», – см. «Письма»). Страхов был чист особенною институтскою чистотою (женские институты): но нельзя скрыть, что иногда хочется из их тихих девичьих коридоров и дортуаров спуститься в подвальный этаж, в кухню, и там покопаться около кушаний, сковородок, пирогов и проч., и что иногда в «прислуге на кухне» найдешь и услышишь тон речи более народный и более созвучный сердцу, чем у классных наставниц, учителей и у директрисы. Так и Говоруха: с ним легче, естественнее льется речь, он больше «наш», чем великолепный и ученый Страхов, хотя он и не так солиден и надежен. В. Р.

его поклонник. В цитате моей не было неточности [неразобранное мною слово. В. Р.], на которую Вы сетуете. Я цитировал его книгу «Византизм и Славянство», которая уже вторым изданием вошла в один из томов «Восток, Россия и Славянство». С Леонтьевым я знаком. В сентябре он был в Москве, и, заинтересованный моими статьями, посетил меня. Таким образом, мы познакомились, а потом, в продолжение двухмесячного его пребывания здесь, часто бывали друг у друга, ведя бесконечные и азартные споры. Он, хотя старик, но ужасно живой и жизненный. Живет он постоянно в Оптиной Пустыни и я все собираюсь навестить его там, да разные дела задерживают. Если Вам случится быть в Оптиной, зайдите к нему, он, без сомнения, рад будет Вашему посещению*. Он оставил мне экземпляров 25 своих книг с просьбою раздавать их даром всем интересующимся подобными идеями**. Если между Вашими знакомыми есть таковые, то напишите, сколько экземпляров Вам выслать.

---

* Я припоминаю сейчас, что однажды, лет 6 или 8 тому назад, видел во сне К. Н. Леонтьева (никогда лично не виденного): сон был чрезвычайно радостен (т. е. мое ощущение во сне), и я начал словами: – «Вот, свиделись! О скольком *надо переговорить*». Сейчас я не помню, но разговор был необыкновенно сложен и последователен, весь «правильный», без признаков, что «в сновидении». Две черты из сновидения я помню: 1) что Леонтьев, весь изнеможенный и больной, весь белый старик, хотя чрезвычайно обрадовался мне, но произвел совсем другое впечатление, чем какое я воображал (вне сна). Именно, что он был *слаб до неприятности*, и что был весь какой-то жалующийся и точно о чем-то просящий, не то лекарства, не то о пенсии. Вообще, я не получил симпатии от личного впечатления. 2) Самый ход бесед был *уходящий дальше, чем сколько высказал Леонтьев*, но совершенно не помню, я ли или он был говорящий: но сохранилось это впечатление, разрешившееся почти восклицанием, когда я проснулся: – «Какое великолепие!!!» Спор (как бывает во сне) тянулся на часы, это была «целая книга» споров, или точнее – открывающихся дальше горизонтов, и с каким-то светом и счастьем *утвердительных тезисов* (когда у Л–ва есть только отрицательные). Почти наверно, что он состоял в том, что увидя его столь больным и «просящим пенсии», я начал укорять его, что он находится в таком жалком положении от того, что не «проломил ломом стены тех пещер», куда завел человеческий ум, и вот если проломить их (и я будто проламывал) – «то видите, Константин Николаевич, куда ведут эти озаренные светом дороги», и было (это ясно помню) впечатление как будто желтых, уходящих круто вверх и отлого вверх дорог, залитых солнцем. Так что «ход и выводы спора, тенденции спора» сливались с зрительным, для глаза, впечатлением желтых дорог, как бы в пустыне и сверкающих (кварц, кремь, песок под солнцем). Сны вообще у меня редки, и этот по *разумности* (отчетливости и ясности) был удивителен. Леонтьев соглашался и был удивлен, «как же у него все так умякло в болоте» и еще больше просил пенсии. Я был поражен, что не вижу его «великим» (всегдашнее ожидание). В. Р.

** Александр Михайлович Конопляцев, составивший (после чрезвычайных трудов) первый его *биографию* и ставший сам одним из самых преданных и понимающих «до ниточки» его идеи учеников, – есть важнейшее идейное приобретение Л–ва за последний десяток лет. Вообще в «толпу» Леонтьев не входит и, по-видимому, не войдет; но его *личные* приобретения всегда высоко ценны. В. Р.

О Гоголе никак не могу Вам уступить, и думаю, что если бы нам пришлось поговорить с Вами, то я успел бы убедить Вас, что я прав. В печати это трудно сделать по отношению к такому упорному человеку, как Вы.

Все, что Вы пишете о Гроте, чрезвычайно верно – включительно до того, что он все-таки очень полезен именно своею юркостью. Без сомнения. И, в виду этого, я никогда бы не стал «вскрывать его череп», если бы он сам назойливо не вызвал меня на это. Вы очень проницательны, если после одного свидания с ним так верно его угадали.

Ну, желаю Вам всего хорошего.

Ваш Юрий Николаевич*
Говоруха-Отрок

Елагин – собственно и есть тоже моя фамилия, так как мать моя урожденная Елагина.

[1891 г.].

III

Простите, многоуважаемый, Василий Васильевич, что так долго не отвечал Вам: все время болел. Осень всегда мне обходится не дешево. До того расхворался, что, как видите, уже 3-й месяц не даю ничего в «Русский Вестник». Здесь** был Леонтьев***, я с ним виделся: много говорил об Вас. Он живет теперь у Троицы**** и тоже болеет*****. Смерть отца Амвросия*****, боюсь, очень его поразит. Кстати, Петровский просил меня переслать Вам статью о Каткове, которую и прилагаю*****. Ее нельзя напечатать***** вот по каким соображениям. Теперь из агитации направленной на сооружение памятника Каткову кроме скандала ничего не выйдет. Слишком не приготовлено к этому общество. Только по этим соображениям, т. е. потому, что в наст. время «М. В.» вообще не находят удобным поднимать это дело, Ваша статья не напечатана. Вообще же Петровский очень просит Вас присылать ему статьи, которые он охотно будет помещать в «М. В.». Выбирайте любые темы. Пишите побольше, мне одному не разорваться, и Ваши статьи сильно бы подкрепляли и мою деятельность. Я слышал, что Вы женились: поздрав-

---

* Верно на мой запрос в ответ ему на предыдущее письмо об *Отчете*. От имени отца он и произвел псевдоним (*Ю. Николаев*) в «Моск. Вед.» В. Р.

** В Москве. В. Р.

*** Константин Николаевич. В. Р.

**** Предсмертная болезнь. В. Р.

***** Троице-Сергиев Посад Моск. губ. В. Р.

***** Старец Оптиной Пустыни, который благословил Леонтьева, дотоле жившему в Оптиной, переехать в Троице-Сергиев монастырь. В. Р.

***** Ничего об этом не помню. В. Р.

***** Должно быть, значит, моя статья? В. Р.

ляю Вас. Теперь-то и писать, когда Вы имеете свой угол* и, след., больше спокойствия**. Ну, до свидания. Жалею, что летом не пришлось повидаться с Вами. Не собираетесь ли в Москву?

Ваш всегда
Юрий Говоруха-Отрок.

15 октября (1891 г.).

Малая Бронная, д. Фальковской.

IV

Многоуважаемый
Василий Васильевич!

Я перед Вами виноват: одно Ваше письмо пропустил без ответа. Пожалуйста, извините меня: все дело в моей лени на писание писем. Если не ответчу тот час же по получении, то уже оно так и застрянет.

Фотографию свою послал бы Вам очень охотно, но дело в том, что у меня ее нет. А как только соберусь сняться, то тотчас же пришлю Вам – и, кстати уже сказать, ничего такого особенно страшного в Вашем желании не вижу. Мне самому часто хотелось видеть хотя бы портрет людей меня интересующих: это очень естественно.

И еще должен извиниться перед Вами. Я могу Вам выслать 4 и даже 5 экз. книг Леонтьева, для того он мне их и оставил, но вот до сих пор не собрался этого сделать. На днях непременно вышлю «Восток, Россия и Слав». Оттиск же его статьи о Толстом у меня всего один, так же, как и других его брошюр. Кстати, знаете ли Вы его книгу о Зедергольме? Вот ее точное заглавие: *Отец Климент Зедергольм Иеромонах Оптиной Пустыни. Сочинение К. Леонтьева, издание 2-е. М., 1882 г., цена 75 к.* У меня тоже один всего экземпляр, который он мне подарил. Книга интереснейшая. Не знаю, продается ли она в Москве, но Вы можете выписать ее из Оптиной Пустыни. Первоначально она была напечатана в виде статей в «Русском Вестнике» в конце 70-х или в начале 80-х годов. В Ельце вероятно можно найти «Русск. Вестн.» за эти годы – в гимназической библиотеке, например? О Достоевском вот мой Вам совет: повремените со статьями о нем. Они лучше у Вас улягутся. В статье Вашей в «Русск. Вестн.», март, очень много верного, есть и одушевление, но она *внутренно* ужасно разбросана, так что не произведет на читателя всего того действия, которое могла бы произвести.

По поводу нашего спора о Гоголе Страхов мне пишет: «У Гоголя взгляд зрелого, крепкого, строгого человека без нежничанья и малодушной сенти-

---

* Увы... «Жена есть, а где с нею жить – не знаю». И учительство в г. Белом, и потом Петербург и контроль сжали «угол» до полного задыхания; и только переход в «Нов. Вр.» дал возможность мне взять полным дыханием воздух. В. Р.

** Спокойствие наше – в кошельке нашем, а он был пуст. В. Р.

ментальности». Подумайте над этим. Кстати: никак не могу разыскать свою 1-ю статью о Гоголе, потому до сих пор не прислал Вам.

В отчете «Русских Ведомостей» о заседании *Псих. Общ.*, где я спорил с Соловьёвым, все ужасно перевернуто: и его и мои слова. Впрочем, спор вообще был бесплодный, благодаря тому, что он уклонялся от прямой и ясной постановки вопроса.

Я так же очень желал бы повидаться с Вами: неужели это не устроится? Что бы Вам на праздниках, в свободное от служебных занятий время, проехаться в Москву? От Ельца, думаю, всего-то полусуток езды. Прямо и приехали бы ко мне в Кокорево. У меня номер большой, есть широчайший диван, и Вы бы меня несколько не стеснили. Право, хорошо было бы.

Ну, до свидания – и желаю Вам, прежде всего, как можно больше бодрости духовной – и все остальное «приложится»*.

Ваш Юрий Говоруха-Отрок

14 марта

V

Многоуважаемый
Василий Васильевич!

Вот какая досада, что Вы меня не застали – редко мне было так досадно! И почему Вы не могли денька два прожить в Москве? Ведь теперь Страстная и в гимназии занятий нет. И еще досада: если бы Вы меня застали, я мог бы Вам отдать книги Леонтьева, которые по своей ужасной лени и безалаберности никак не соберусь Вам выслать.

Что касается до Вашего желания променять учительство на журналистику, то заклинаю Вас всеми святыми не предпринимайте в этом направлении никакого решительного шага не повидавшись со мной и не посоветовавшись с Н. Н. Страховым. Вы можете совершенно и на всю жизнь погубить себя. Нужна чрезмерная нравственная и умственная выносливость, кошачья живучесть, чтобы, сделавшись журналистом, не обратиться в журнального *смерда*, не погубить окончательно своего дарования. И вот что я Вам скажу: я зарабатываю журналистикой от 5 до 6 тысяч в год, но если бы мне предложи-

---

* Портрет Ю. Н. Гов.-Отр. был у меня, – полученный не помню когда. Со сложенными на столе руками, он сидит над этим столом, в позе столь же задумчивой, как выдвинувшейся вперед. Несколько лохматые волосы, небольшая борода (он был шатен). Много лет она хранилась у меня, — но в семье то один, то другой член брал «за симпатичность лица». Однако все он был «как-то на глазах», «где-то тут», – и я уверен был, что «возьму и приложу его к этой книге». Но когда при издании хватился, то при всех усилиях нигде не мог отыскать. Очевидно, у дочерей «захватили подруги», по русскому обыкновению, — и «забыли вернуть», тоже по-русски. В. Р.

ли место учителя в уездном городе на 2 тысячи жалованья, – я сейчас же и охотно бросил бы журналистику. Я не перестал бы писать, конечно, но бросил бы, чтобы избавиться от обязательного писания. А Вы, сколько я могу судить, человек далеко невыносливый и поэтому для Вас журналистика была бы чистою гибелью. Ну, Христос с Вами. И не решайтесь сами ни на что.

Преданный Вам Юрий Говоруха-Отрок.

К моему великому удовольствию студентики начинают меня читать – иные приходили ко мне*.

---

* Нельзя вообще огульно порицать студентов (как иногда хочется). Не говоря о том, что в среде этой попадаются *оригинальнейшие лица* (каких, пожалуй, в профессуре нет), – но и в массе – это «добрые бурши», и становятся несносными только тогда, когда объевшись похвалами себе – делаются бездумны, бессмысленны, хвастливы как забалованное испорченное дитя. *В. Р.*

ПИСЬМА В. А. МОРДВИНОВОЙ
к В. В. РОЗАНОВУ
С КОММЕНТАРИЯМИ РОЗАНОВА

В разное время своей литературной деятельности мне приходилось получать от студентов и от курсисток письма, – представляющие свой интерес, и иногда – большой интерес. «Письмо» есть, в сущности, древнейшая и прекраснейшая форма литературных произведений, – естественная, простая, искренняя; и которая может обнять всякое решительное содержание. Не невероятно, что самая «письменность», т. е. литература, возникла именно из «писем». Разумеется, письмо особенно хорошо такое, которое не предназначалось для печатания, которое есть просто частное письмо. Не придерживаясь никакой системы и порядка, я буду время от времени вынимать из своего архива такие письма учащейся молодежи, которые дадут кое-что для будущей истории нашего общества, – и шепнут что-нибудь ценное на ухо теперешнему студенту, теперешней курсистке. *В. Розанов. 22 ноября 1914 г.*

I

Глубокоуважаемый Василий Васильевич!

Я сознаю, что, пожалуй, стыдно говорить теперь о чем-нибудь другом, как не о войне. А вместе с тем *свое* так иногда подступает, что забываешь о самом великом и святом. Я задам вопрос, может быть, самый трафаретный, но ведь люди любят не одно тысячелетие, а между тем не устали любить и каждому хочется самому лично любить.

Вот живет-живет человек, да вдруг остановится и спросит – *зачем я живу?* Не подумайте, что это праздный вопрос праздного человека. Бывало, идешь полем вечером, издалека доносится вечерний звон колокола. На душе станет вдруг этак тихо и хорошо. И вдруг снова влезет в душу этот вопрос: *куда* несется этот звон – *в пустоту!*? И почувствуешь вдруг такое щемящее одиночество на земле, – и всю маленькую ее так, кажется, и сжал бы в кулак. А там всюду кругом пустота, пустота и пустота. «Работайте», – скажете вы. Хорошо, я работаю, – учусь, роюсь в пыльных фолиантах. Кончу – буду учительницей, как-нибудь проживу и умру, – *и нет* меня, как будто не было

вовсе. Иногда идешь по земле и думаешь: – сколько миллионов людей по ней прошли, каждый думал, может, и плакал, идя; и ушел – из пустоты в пустоту.

Господи, может, все сон? Но зачем это острое сознание, отчего я чувствую всем своим существом, ощущаю свое бытие, и мало-мальски не могу разьяснить – откуда я? Хорошо, может быть, великим человеком быть? Он умрет, но будет жить его идея. Как-то на Кавказе (мой отец – офицер) присутствовала я, маленькой девочкой, при переключке; вызывают героически погибшего солдата: *Архипов*? Солдаты в один голос отвечают: – *Есть!*?* Что-то великое это вечное – *есть*. Но ведь его уж – *нет*, и в *пустоту* говорят. и в *пустоту* поют вечернюю молитву солдаты. Да разве они одни? Я люблю вечером пойти в церковь – но мне стыдно, мучительно стыдно перекреститься. Мне кажется, что все это одна эстетика. Знаете, я думаю, что идолопоклонство имеет глубокое жизненное оправдание. Порой мне бы хотелось сделать самой себе бога, и молиться, и плакать перед ним, несмотря на то, что я его сделала своими руками.

Я уже знаю, что вы можете ответить на все мои разглагольствования: «Пора вам замуж, или вы истеричка».

Но как бы мне хотелось сказать вам, во I-х, что я никого не люблю, и, во II-х, – ведь это тоже человек выдумал. Зачем я выйду замуж? Я больной и издерганный человек по природе и нарочу таких же больных и неврастеников?! Неужели это будет высокое исполнение моего призвания? В чем высота, где святость? А жить так, как живет большинство, – это еще более бесцельно, но гадко. Что это за штука – радость жизни?! Посмотрите в природе, *никто* не смеется**. Видали ли вы когда-нибудь хоть одну – собаку, которая бы *смеялась*? Нет, все и все сосредоточены. Я видела раз дома суку около своих щенят. Большие глаза были бессмысленны и усталы. Я отпрянула от нее в испуге.

И не одна она, исполняя свое назначение, бессмысленна и устала.

И нигде нет в природе смеха, чистого смеха. Щенок – и тот сосредоточенно и молча сосет молоко своей матери.

Теперь нам говорят, что нынешняя война есть война за мирную цивилизацию, покой; – Боже, разве страдание может быть мирно?

Ведь если прислушаться к звукам жизни – то услышишь один вопль. Иногда он интенсивнее, иногда он превращается в тихие утомленные вздохи, а где же пресловутое ликование? В решении этого вопроса человечество идет черепашьими шагами. Оно как-то боится подойти к честному его решению и то забавляет себя каким-то *Übermensch*'ом,*** то еще чем-нибудь этаким высоким и прочее такое. А если вдуматься в психологию этих мысли-

---

* До чего трогателен и величав обычай! Вот на чем люди воспитываются! И, как из следующих писем видно, это присутствие маленькой девочки на такой выключке аукнулось на всю жизнь в ее сердце. *В. Р-в.*

** Поразительное наблюдение и мысль, вероятно, никогда никому не приходившие в голову. *В. Р-в.*

*** Сверхчеловеком (*нем.*).

телей – то увидим, что, в сущности, это была их лазейка, в которую они прятались, когда их честное сознание спрашивало – *зачем ты живешь?*

А вместе с тем никто не хочет уйти из жизни. И, думается, что и сегодня человек готов для своего закрепления в *пустом* сооружать пирамиды и сфинксов.

Эх, кабы мы все, весь наш маленький мир дорос и сказал – *Довольно!* Устроен был бы мировой костер, и все человечество сожгло себя! Осталась бы груда дымящихся костей, промеж которых выросли, может быть, цветы; вот и был бы мировой памятник всем людям. А так как *мы живем*, постоянно измышляя новые предлоги для жизни, – это уж как-то чересчур скучно.

Господи, где же смысл? или это – вечное бессмыслие?!

Простите, что так долго и широковещательно изложила вам то, что пришлось вон.

В. М-ова

Москва, 27 сентября 1914 г.

II*

Бьюсь об заклад, что, отвечая на мое письмо, вы представляли себе тощую и сухую зрелую деву, которая тяготится своей девственностью. Вы вон даже решили, что меня зовут Варварой. Но мне 19 л. и зовут меня Верой (отчество отгадали). С утра встала я уж очень чего-то радостной. Сегодня была хорошая погода (а я от нее всецело завишу). Ах, я так всему радовалась – и ребятам на дворе, и собаке – всему, всему, и кстати и некстати смеялась. А ваше письмо решило участь моего сегодняшнего настроения. Уж очень теплом от него повеяло.

А тут еще ночью удалось решить одну логическую задачу. Словом, счастье со всех концов сразу привалило.

Итак, надо а tout prix** выходить замуж хоть за лавочника, продавать с ним подсолнухи и стараться всучить фальшивый гривенник покупателю! Из-за чего??!

..... ***
Скажите, чем же я лично гарантирована от того же?

Во II-х, я страшно ленива, – и если мне надо встать и пройти в другую комнату поесть, то я лучше пролежу до вечера, уткнувши нос в подушку, чем решусь встать. «Полюби меня черненькой, беленькой меня всяк полюбит». А искание (мужа и потом в муже? В. Р.) связано с неестественностью, – это значит: ходи на цыпочках, вытянув шею, и молись на него! Из-за чего? Так ломать себя я не могу, понимаете – не могу и – *не хочу*. Потому что какая я ни на есть, но я уж сложилась. Что же еще?

---

* Все, кроме первого, следующие письма – без пометки чисел и без личного обращения, – как бы брошенные в почтовый ящик почти без адреса. *В. Р-в.*

** любой ценой (*фр.*).

*** Следует рассказ о виденных случаях крайне несчастных, расстроенных семей. *В. Р-в.*

Сказать вам самое главное – что я любила уже, что израсходовала массу чувства, забыла свое самолюбие, но не могла сломить себя – это скучно для другого.

Выгорело нутро не метафизически, а реально. Жаловаться на свою бедную девичью участь – это скучно и, по меньшей мере, глупо.

Эх, Василий Васильевич, не пишите-ка вы лучше таким, как я.

Ведь я маленький никудыш человек. Мы ведь ни на что бульшее не способны. Иной большой человек озлится и смажет кого надо по физиономии, а мы будем в бессилии плевать на пол.

И никакой тоски у нас быть не может. Есть у нас мерихлюндишка, да и только. И плакать мы по большому не умеем – все больше всхлипываем да сморкаемся. И любить не умеем. Оттолкнул меня человек, которого я любила, – ну и надо было отойти с оскорбленным достоинством. А я вот прилипла (не в реальности), да и молчу, а то ною, да этак нудно, нудно, про себя*.

Нет силы порвать сразу: все – нет, да – и есть** маленькие ниточки воспоминания. А ведь любви-то – нет.

А просто – канитель. Идешь по улице, все свои маленькие приметы – «полные ведра» – а ведь расфилософствуешься иной раз, лежа на койке, так вон до каких вершин дойдешь: Бога нет, мира нет, меня нет, – [вместо этого всего, есть только? В. Р.] мир логики, идей, сущностей. Глаза горят, щеки покраснеют.

Ох, мы, пустоцветики.

Жалкие мы людишки, только жалеть нас тоже не след.

Мы ведь любим ласку и жмуримся, как коты на солнце.

Таких людей в древности со скалы бросали.

Ох, правильно делали.

А если добро мы делаем кому, то вовсе не из-за идеи добра, – так, просто без всякой цели. И добро, конечно, тоже маленькое, незаметное. И в Бога мы и верим, и не верим.

Гром не грянет, мужик не перекрестится.

Так и я – папа ушел на войну, и молюсь – кому не знаю, так, молюсь, да и только.

И в молитве тоже бедность чувства, те же выражения и тоже одна молитва: Господи, Владыко живота моего, дух праздности... и пр.

Небось, продернуло вас (простите за фамильярность) от нудного письма.

Но ведь пишу, рассчитывая больше не получать писем.

---

* Есть *типы* любви – русской, немецкой, французской, итальянской, испанской, английской; у славян, я думаю, опять же – русской, польской, сербской. Изучить и понять эти типы – в высшей степени интересно и, может быть, важно. Не менее, чем языком и грамматикой, чем обычаями и народными песнями, народы характеризуются *типом* любви юношей и девушек, мужей и жен. Оттого, извиняюсь перед автором, я не выпускаю из письма этих «жалоб любви», столь могучих и характерных. В. Р.-в.

** Письма нигде не имеют *поправок* и я оставляю небрежности синтаксиса как они есть. В. Р.-в.

А ведь, Господи, как любишь людей, а в особенности ребят.

«Барышня, дай тетрадочку», – вопит мальчик, и с такой радостью отдаешь тетрадку, что несешь в руках.

Но не умею говорить с интеллигентными, все больше с рабочими, дворниками, – и не надо делать усилий, чтобы говорить с ними. На курсах дружу не с курсистками, а швейцарами. И они меня немножко любят, распоясываются – всякие там есть. Я с детства всегда с солдатами, прислугой беседовала. А думала одна. Ну, вот и все; спасибо за хорошее слово, хотелось бы сказать вам, как говоришь с простыми: – дорогой мой, хороший, – а не смею.

В. М–ва

III

Итак, почему я вам написала?

Да, еще предупреждаю: я не ваша поклонница. Но прежде, чем ответить, скажите: верите вы в слово? Знаете, в это человеческое слово! Памятники ставят иногда дуракам. А вот *слову* никто не ставит. «Язык мой – враг мой», так народ формулировал свое отношение к *слову* – грубо, но верно. В человеческой речи столько синонимов, выбор и употребление которых *фатально* связано с настроением... Словом – нельзя обмануть, ибо от каждого слова – *пар* его, – только данному слову присущий пар – идет, и вместе – *мелодия настроения*. Вступление как будто длинновато... Курсистка... Скажи им: «Розанов». – «Ах, Розанов, да помилуйте, да это безобразие, ведь у него женщина–самка», – и поедет, и поедет.

А я когда начинаю читать кого-нибудь нового, то прежде ударяет меня эта *мелодия* – независимо от формы. Признаюсь, любопытно стало мне, что за человек радостный, сознает свою радость, и радость от того не уменьшается («Эй вы, *зелененькие*»*), который подчас нарочно облекает мысль в грубую форму, – не от бедности, а от какой-то (только русским присущей) стыдливости говорить красиво. Русский человек, любя, скорей выругается, чем погладит.

Единственным гурманом слова был Тургенев, которого инстинктивно не люблю, пусть же убирается он к французам – старый барин, со всеми своими женскими статуэтками и прочим литературным скарбом.

А главное – живой вы человек, а кто же не почует живого человека и не полюбит его?!

Да, вы говорите – прочесть «Дети лунного света»**. Представьте, еще раньше справлялась в курсовой библиотеке, но, к позору Курсов, – вас там нет в заводе. Талантлива ли моя мать, вы спрашиваете. Она очень чутка к литературе, делает подчас очень продуманные замечания, но это глупое не-

---

* Восклицание ямщика, обращенное к лошадям, переданное мною при описании поездки в Саровскую пустынь. В. Р–в.

** Для понимания примеров *неудержимо* распадающихся семей, какие корреспондентка рассказала мне в предыдущем письме, я рекомендовал ей прочесть книгу мою: «*Люди лунного света*» (она прочла в письме – «*Дети л. св.*»). В. Р–в.

мецкое воспитание (она немка) сбило ее с пути. Любит до страсти музыку (дедушка мой композитор, но не для публики, а для себя). Сама играет, сколько себя помню, но *творить* не может. Я очень скверная – до страсти люблю наблюдать людей, по целым месяцам одного и того же человека, и когда с ним заговариваю, то уже знаю всего его. Зачем я так делаю? Коплю когда-то, чувствую, что никогда не забываю то, что сдала к себе в архив.

Но вообще жить я долго не буду. Знаете, я часто вижу сны, что умираю – без боли, без страдания; около меня все, кого я люблю, примиренные, – на дворе лето. И вдруг мучительно сверлит в голове – да ты ведь ничем себя *не закрепила!* Просыпаюсь и спешу работать – нервно, скоро. Два раза я при смерти была (воспаление легких и плевриты). А на вид никто не скажет, что я чем-нибудь болела. Если умру при жизни папы и мамы, то это будет скверно, очень каждый из них любит меня. Папа у меня сын мужика, 11-ти лет остался круглым сиротой и вышел сам на дорогу, никому не кланяясь. Ваши объяснения относительно рассказанных историй брака, может быть, и верны, но знаете, – «что в имени тебе моем?». Факт остается фактом, а я, не гоняясь за научными терминами, одной любовью доискалась истины.

В. М-ва

Бога ради, не считайте меня декаденткою, чем заслужила я вашу немилость? Терпеть я их не могу.

А ведь какое это красивое слово «друг»! И какое все-таки счастье жить! И какая от земли теплота идет!*

IV

Сегодня шла по улице и думала, как это странно люди ходят, как странно чередуются ноги. Мысленно представила себе весь земной шар, – другие земные шары, и как это было бы хорошо, если бы во вселенной (если она существует), нашлась бы точка, из которой одновременно можно было бы наблюдать за несколькими планетами сразу. Я думаю, что когда-нибудь, когда *все* человечество усумнится в себе, то изобретен будет такой (способ ? В. Р.) или сильный свет или какая-нибудь притягательная сила, при помощи которой нарушена будет гармония во вселенной, и какая-нибудь планета приблизится на доступное расстояние. Нет, вы представьте себе эту картину: люди с Марса и наши толкуют меж собой. Да, но на каком языке? Я полагаю, что язык не особенно будет различаться – ибо во вселенной много разновидностей – но при них одна сущность. Это обстоятельство находит отзвук и в нашей манере мышления – именно стремление подвести подо что-нибудь *одно* – наши выводы. Если этого времени *не будет* (? В. Р.), то вселенная нечто иное, как бессмыслица, которую нельзя мыслить.

---

* Последние две строки – приписка «вверх ногами» при начале письма, – очевидно, перед тем, как запечатать письмо. Не помню, но, м. б., это – в ответ на подпись в моем письме, – «ваш друг» или «напишите мне о вашей семье как другу». Не помню. В. Р-в.

Бог? Но куда Его поместить во вселенной? – нигде нет столько путаного, как в христианской религии; пока дело идет о морали – я молчу: но как только я приступаю к основным положениям катехизиса, я попадаю в область туманов. Бог один, но в 3-х лицах, как это понимать? * Что есть Бог? Творческий дух? Но тогда какое отношение Он имеет ко Христу? Ибо, если верить Евангелиям, то Христос, указывая на всю нашу беспомощность на земле («Да и кто из вас, заботясь, может прибавить себе росту хоть на один локоть?») проповедовал личное совершенствование. Как все это фантастично сплелось с идеей о Боге – понять не могу. Я чувствую, что здесь *механическое* соединение, видимое простым глазом.

Христос – великий человеколюбец, и знаете, если бы Он остался на этой почве, то Его бы не распяли; но, прикрепив себя к Богу, к религии, всегда туманной, Он этим самым сделался непонятным человечеству.

Знаете, за что поцеловал Христос Великого Инквизитора? *За любовь к людям*. Пусть исковеркали они религию, но уменьшив ее в объеме, устранив те нежные, неуловимые перспективы, отцы церкви «приладили» ее к земле – исковеркали, любя людей**.

Не знаю, – так думаю.

---

* Но разве *единый* человек – каждое наше *я*, – не имеет *три* лицеизъявления: *волевое* («я хочу»), *сердечное* (я люблю, люблюсь), *умственное* («я понимаю»). Вопрос о *«трех лицах»* в *«Едином Боге»* – легчайший вопрос богословия. *В. Р-в.*

** Здесь драгоценные слова – «приладили», и т о н всей заметки, далекий от осуждения и проклинания отцов хотя бы Западной Церкви. Дело идет о главе «Великий Инквизитор» в «Братьях Карамазовых». По Достоевскому, Западная Церковь, папы, кардиналы и инквизиторы, и з в р а т и л и с о з н а т е л ь н о учение И. Христа, – подменили его своим церковным, своим католическим учением, основав его «на чуде, тайне и авторитете»; тогда как Христос, в ответ на Дияволово искушение, отверг и чудо, и тайну, и авторитет, жаждая «сделать людей свободными». Достоевский, в великом пафосе написания этой знаменитой главы, торопливо и сгоряча опустил из виду, что ведь и Православная Церковь, им столь безмерно любимая и для него вполне истинная, признает и х о ч е т и «т а и н с т в» (семь церковных таинств), и «ч у д е с» (чудеса И. Христа, чудеса святых Церкви), и а в т о р и т е т а. Как будто митрополит Филарет не имел авторитета и, главное, н е х о т е л его! Как будто «старцы» в монастырях не суть великий а в т о р и т е т д л я м и р я н. Вполне удивительно, что все это забыл Достоевский. От главы «Великий Инквизитор» прямая дорожка идет к «Разрушение ада и восстановление ада» гр. Л. Н. Толстого, – по учению коего тоже «И. Христос разрушил ад, упразднил его, а церковная иерархия, или вернее – история церкви, восстановила ад». Великолепное и дивное изложение Достоевского п о м ы с л и и особенно п о задаче, п о т е м е – не разнится от написанного хладющею рукою Толстого совершенно ничтожного освещения церковной работы. И оба эти изложения – к штунде; т. е. ведут о ч е н ь н е д а л е к о. Через 35 лет по написании знаменитой «Легенды» (о Вел. Инкв.) от нее ничего не остается. Вдруг выходит девушка, в сущности девочка (я извиняюсь перед автором письма), и говорит просто в приватном письме: «Они приладили, они – «л ю б я л ю д е й сделали», – и только от мысли Достоевского и Толстого остается нехорошего отрывка – «извратили». Я реши-

тельно отвращаю и это «извратили». Г-жа В. М–ва. очень хорошо их называет уже «отцами Церкви», а не «инквизиторами». Обратимся к истории. От бл. Августина до Папы Льва Великого, да и вообще в плоть до самого возникновения иезуитского ордена, т.е. во весь классический период католической церкви, ни у одного из «святых» этой церкви, ни у одного из строителей ее не было мысли, что он «извращает учение И. Христа» и творит что-то скверное, дурное, дьявольское! Нет, нет и нет, – этого самоощущения не было!!! Зиждители Церкви, и Западной, не говоря уже о Восточной, – именуются и сами себя самоощущали Отцами Церкви, т.е. «старцами добрыми, заботливыми, хлопотунами около людей», – насадителями Вертограда Господня! Да они бы все удавились от горя, если бы в их голову или сердце закралась хотя малейшая мысль о том, что они «извращают и подменяют учение И. Христа и Евангелие». А если не было сознания об этом, то не было этого и на деле, хотя ошибки и уклонения и могли быть (споры в истории церкви, ереси, сектантство). Но «ошибка» и «злостное извращение» – большая разница. Нет, они были воистину «отцами», заботниками, и Николай Чудотворец Мирликийский и святые Василий и Григорий Богослов и Иоанн Златоуст, и наши русские Отцы, и наконец – западные, – до несчастного прихода Лютера, когда все смутилось в Западной церкви, и в смуте появилось отчаяние о спасении людей, и в отчаянии зародился иезуитский орден, поведший дело «*va banque*» <рискованно (фр.)>. «Хоть обману, да спасу». Но это относится к истории Церкви после Лютера, тогда как и Достоевский и Толстой говорят оба о долютеровом Христианстве, о классическом периоде церкви, о всей истории Христианства на земле. Смотрите же, как мягко легло это у девушки: «Они приладили все к людям», – «любя их», – и нисколько и не обманывая (главная мысль Д-го и Толстого). О, тогда они – «отцы». Устранено жесткое; устранен гнев и ярость, и, подразумеваемо во всяком гневе содержащаяся, – казнь. А ведь и Достоевский в «Вел. Инквизиторе», и Толстой в «Восстановлении ада» – оба дышать казнью на церковь, на историю!!! Какие ужасы. К ним подходит, к двум старцам, девочка 19 л. и останавливает за плечо: «Что вы, – они добрые! Они – отцы! У них не было, ни у одного, злоумышления, а они все прикладывали к людям и нуждам их». В самом деле: вот обряд погребения. Возник ли он из слов И. Христа: «Оставьте мертвым погребать мертвых». Явно – нет: это – новое, тех «отцов» соделанное руками; и всякий из нас, у кого умирает отец или сын, целует за эту работу руку тех отцов. «Сии суть отцы Церкви, ибо нас утешили». А литургия? Она утешает народы полторы тысячи лет, – хотя ее нет в Евангелии. Кто же смеет сказать, что это «извращение»?!!! Да ведь и Христос Сам изрек об учении своем, что оно «подобно закуске, которую женщина кладет в муку», – и тогда «тесто в сходи т». Так – «входит», а не – «прокисает». «Восхождение теста» и есть «Церковная история», из чистейшего сердца выросшая: восхождение, в основу коего положено Евангелие и Господь наш Иисус Христос и Апостолы и мученики. Эх, господа литераторы, пусть и великие: надо бы осторожнее ходить около того, на что молятся мужики, бабы, дьячки, мещане, купцы, наши сородичи, наши соседушки, коих – большие миллионы, и еще больше этих миллионов легло в землю, и все умерли, а теперь все живут с верою, что

ЦЕРКОВЬ – святая

и воистину как

чистая Дева, невеста Христова.

Осторожнее, осторожнее здесь, – здесь страдание и труд человеческий.
В. Розанов.

О Боге я с 4-х лет думаю. 4-х лет у меня была дерзновенная мысль на небо взлезть по лестнице, а 11 лет, еще веря в Бога, я с мольбою просила о чуде – «Господи, я верю, – говорила я, – передвинь это дерево!» – Я ждала, я верила, – и вдруг какое-то ужасное озарение: я поняла, что небо «пусто», и тогда я почувствовала одиночество всех людей на земле.* Сперва не верила с дерзостью, а теперь просто не верю, *не могу* верить. Но так ведь жить нельзя, и вот сейчас занята тем, с чего начала свое письмо, но это бродит только.

Вера М-ва

V

А у нас выпал снег. Бело, бело. Кругом – смех морозный. Мальчуганы уж бабу вылепили на дворе и лупят в снежки. Нынче праздник, доносится колокольный звон, такой мягкий, немного придушенный, задушевный. А за границей скверные колокола, чопорные, глухие.

Карточку вам послала. Не знаю, почему этот дурак фотограф этукую башку мне сделал и вообще темнее сделал. Хотя, когда я устаю (а я тогда уставши была), я темнее выгляжу. Я на папу похожа – и у него такое злое выражение лица. Вы спрашиваете, почему вы не читаемы?

Я думаю, вас многие читают этак *про себя*, а *вслух* ругают. Оно и понятно. Курсистки вообще делятся на 2 категории: 1) тружениц (те ничего, кроме учебных вещей, не читают) и 2) просто курсисток, молодых, задорных. Примите во внимание еще хроническую влюбленность с пылкой проповедью о том, что «хороши только первые поцелуи любви, первый робкий шопот» – и тут вдруг человек, просто и ясно глядящий на женщину! – огорошит кого хотите.

Вообще же тут много лжи переходного возраста. Эту ложь трудно преодолеть, – ибо она правдоподобна. Бедные девочки, все без исключения (по строю души как бы? *В. Р.*) этак в 13–14 лет. Тут и учишь, да и мудреные вопросы природа ставит.

Девочка в этом возрасте даже мать *почти ненавидит*** . Это ужасно, но это так. Каждая двусмысленность, каждое неловкое слово, – ах, оно так больно тогда! У мальчиков оно немножко легче, – те-то ведь цари! Но мне пришлось наблюдать своего брата, – ему 17 лет (он на войну пошел). Как он ломался, бедный мой, хороший брат. Нет ничего больше, как наблюдать груп-

---

* Как разительно в смысле *правильного* детского инстинкта: «если Бога нет» – *весь мир пуст*, и люди все – *сироты*. Но воистину «тии утешатся»: ибо перестрадав эту «пустоту» – «Бога узрят», а вместе и почувствуют *братство всех людей*. *В. Р-в.*

** Подчеркнуто в письме... Вещь, нам (мужчинам) даже в голову не приходившая!! Принята ли педагогикой во внимание *эта внутренняя духовная работа* девичьего возраста? Как известно, программы женских учебных заведений «нарублены» совершенно так же, как и мужских учебных заведений, без всякой догадки ученых сановников министерства просвещения, что «девочка» в росте и развитии *чем-то отличается* от мальчика. *В. Р-в.*

пу таких полудетей. Что-то недоумевающее так и сквозит в них. А взрослые так нечутки. Вот где нет совсем радости, а, наоборот, – все противно. А выхода нет. К черту все эти рациональные методы воспитания.

Оставьте их в покое. А эти таинственные лица взрослых, – так и плюнула бы!

Так вот, я хотела сказать, что если услышите про себя, что «это – безобразие», что (у вас. *В. Р.*) «женщина – самка», – так и знайте: *не вы* тут виноваты.

Но я слыхала от перегоревших и теплые слова о вас.

А что стара я душой – верно.

Я над многим смеюсь, о чем курсистки горячатся. Вообще у меня с ними мало точек соприкосновения по одному тому, что я – правая. Знаете, когда в табельные дни вижу флаги – у меня мороз по коже продирает.*

Единственное, что не анализирую – так вот это чувство: люблю да и только. О чем просили написать – не разобрала.

В. М-ва

VI

Да, вы приводите еще слова Достоевского о том, что мальчик исправляет Карту Звездного неба (простите, меня лихорадка треплет, и руки немного дрожат), но это, я думаю, не только к мальчикам относится, а ко всем *русским*. Когда меня за границей спрашивали: «Ну назовите хоть одного русского философа, вроде Канта», – я затруднялась ответить (мне было 14 лет). Но теперь я бы сказала: это правда, у нас нет Канта, Спинозы, зато у нас есть такие вдумчивые мыслители, которых у вас никогда не было и не будет. Кант один, и урод, а наряду с ним тысячи немцев, которые прозябают и Канта вовсе не читают. Кому Кант пользу принес, за что жизнь отдал? За «Критику чис. разума»? Вернее, за систематичность ее, ибо отдельные мысли и до него уже были.

---

* Сперва, пробежав письмо и следя пристально в нем за бегом чувств, а не за «флагами», – я даже не понял, о чем тут написано. И даже только теперь, через 2 месяца по получении письма и переписывая его, вижу, что и последние строки: «*люблю*, да и только, – без анализа», относятся к *флагам* же. Но уже через неделю по получении письма, взглянув еще раз на «флаги», я рассмеялся самым веселым смехом, однако чувствуя, что это мне почему-то нравится. Дело в том, что радость о «флагах в табельные дни» даже Гоголь и, наконец, беспощадный Щедрин никогда не взяли в сатирическое изображение русского человека: до того даже *им* представлялось несбыточным бытие и самая правдоподобность такого человека... «Но уж ломать, черт возьми, так ломать», – это по-русски. Вылезла курсистка, и взяла что ни на есть смешного в «национализме», в «патриотизме», – даже «до невообразимого», даже смешного напр., «для Розанова и Меньшикова» (уж на что «отпетые»), и говорит: «А я это *люблю*». Я смеялся от души. Но потом запросил курсистку осторожно «о флагах». Она мне ответила (будет дальше), и ответ мне показался до того поразительно нов и *неожидан для всей вообще русской литературы*, что я почувствовал к автору глубокое уважение за «решительность тона», и мы скоро идейно очень сблизились с ним. *В. Р-в.*

Это – старый спор, спор о науке и дилетантизме. Русский человек по природе своей дилетант – широкая натура, ему все интересно. Наши ученые теперешние – это все ученики немцев, и надо сказать правду – нудный народ. Ну, как можно сердиться, плевать из-за того, напр., откуда племя «Русь» взялось? А ведь как спорят, – как будто дело идет о жизни и смерти их детей! Но надо правду сказать, что спор втягивает, и я сама вот начинаю интересоваться этим. Но жизни не отдам за разрешение. Но я люблю «по-настоящему» только «мыслителей» – вот кто правда заинтересовывает, будит, зажигает. Как-то я читала статистику грамотности, – вышло, что у нас всего 3% грамотных, а в Германии 80–89, а несмотря на это – любой наш средний обыватель развитее любого Bürger'a, хотя у того за спиной целый список блестящих ученых. Вы едете в вагоне с немцами – скука смертельная, – едете с русскими и слышите споры – тут и Бог, и Кант, и Спинозы, и Гёте, и чего-чего тут только нет! Отчего это? Невольно на ум приходят слова Heine «Что толку в том, что есть амбары наполненные хлебом, когда нет ключей от амбаров». У нас амбары отперты, и каждый ташит, что ему по душе. Конечно, наука как таковая – вечна, свята, но наряду и в параллель ей – жизнь человека, – которая тоже так же вечна. Вот тут и узел у меня получился – ни назад, ни вперед. Разрешите, Василий Васильевич, как быть? От этого будет многое зависеть – *я пойду, как скажете*. Но решайте «да» или «нет». Добиваться ли мне, о чем ребенком мечтала, или попросту быть учительницей?

Вы скажете, что не знаете сил моих. На это я отвечу: – я много могу заниматься, и много упорства есть. Одна беда, наизусть ничего не могу учить. Я за пустяковым стихотворением смогу просидеть 6 часов и не выучить; зато основную мысль всюду разыщу, переварю и снабжу своими комментариями. Мне редко нужно читать книгу до конца: – я заставлю себя читать, но мне это вовсе не нужно, мне становится невыносимо скучно читать до конца. Это своего рода верхоглядство, которое меня мучило, но никто еще меня не словил на этом.

Итак, как быть?

Жду, очень жду ответа.

Ваша Вера М.

P. S. Да, о Медее еще: я тоже думаю, что люди все те же, только костюмы иные. Да ведь оно и понятно – откуда взять столько разнообразия? Если бы люди только все продолжали бы без остановок развиваться, то Бог уж на земле был. Очевидно, недостаточно просто перенять что-нибудь, а надо впитать в плоть и кровь, перестрадать, – а на это иногда целая жизнь уходит.

VII

Ох, чует мое сердце, что оглушила вас своими письмами! Ведь вот найдет такое настроение. Вот 2-й день нервная лихорадка, а тогда особенно думать охота.

Хочется сказать несколько слов о «судейском онанизме»*.

Ну, вот хоть бы сегодня: сижу на Курсах, подходит курсистка – армянка, заговаривает. Я просто спрашиваю: «А вы хорошо знаете свой родной язык?»).

Начинает говорить о родном языке, и – как стыдно не знать его. Я и говорю: «Не политика государства душит подвластные ей национальности, а сами нации вымирают». А она и всю душу вывернула мне. Есть-де у нее «хороший знакомый», юрист-армянин, он ей всегда по-армянски пишет. Тут подходит ее подруга и приносит письмо «от него» – она страшно побледнела, – слышу, как сердце у нее колотится.

Начинает читать вслух (благо, я ничего не понимаю), потом восторженно рассказывает, как она по месяцу готовится отвечать «ему». «Копит» мысли.

А посмей ей сказать, что она любит, что это первые проблески первой любви!?

Ведь обязательно взъерепенится! Тут-де только «духовные интересы». И невольно вспомнишь тут об «эмансипации» – какому черту она нужна? И что ж тут позорного, что мужчина женщину развивает!? Пусть, – это хорошо.

Сперва будут мечтать о возрождении армянской лит-ры, а там, даст Бог, и повенчаются. Я так этой девушке в душе пожелала полных успехов! И чего она на курсы полезла, – разве потому, что и он с высшим образованием? – Да, наверное, так. Ну, разве это, Василий Васильевич, «судейский онанизм»? – Этак ведь можно договориться и до «эстетического онанизма».

Ведь я ее не просила рассказывать, не выспрашивала, но она в «цвету» и с каждым встречным-поперечным хочет поделиться этой «своей» радостью, которая струится из ее глаз, изо рта, из всей ее фигуры. Это все равно, что цветок, – цветет да благоухает.

Она не роза, не – камелия, а скромная маленькая фиалочка, что прячется в листках. А цветком ведь позволительно любоваться. Ну такого рода наблюдения вы позволите мне?*** А карточку свою вы так и не хотите мне прислать! Мне бы очень хотелось видеть вас со всей вашей семьей!

В. М-ва

P. S. Мне кажется, что мне все позволено, ведь я недолго жить буду. Иногда ложишься спать и вдруг чувствуешь остро-остро смерть перед собой. А ну как я больше не проснусь? Смейтесь, но я написала письмо на случай смерти. И это тем смешней, что, в сущности, я здорова, – отчего же предчувствие?

---

* На слова корреспондентки: «люблю по месяцам *наблюдать* других», – я немножко запретил ей это делать, – сказав, что по молодости она не может судить и осуждать других; неосторожно я назвал такую привычку «судейским онанизмом».

В. Р-в.

*** Сам их постоянно делаю. Наблюдать скверно только с целью *суда и осуждения*. *В. Р-в.*

Пишу, но на этот раз – в последний раз. Только что получила от матери карточку брата, ушедшего на войну. Я его два года не видала. Он ушел на войну, предварительно насмерть рассорившись со своими. Ушел, смеясь смерти в глаза. Нет, если бы вы глубже всмотрелись в ядро того, что именуется «браком», то вы наверняка в корне изменили бы взгляды на многое. Ну да, впрочем, не мое это дело. Скажу только, что проклинаю брак, – и не только брак как форму, но самое совокупление с целью дать жизнь третьему. Мало ли чего там природа не потребует. Нет нравственного права производить на свет новых людей... Не довольно своей жизни коверкать, так надо новых рожать и им давать новую муку. Это – преступление, и тем оно ужаснее, что нельзя доискаться вины. Вы, конечно, скажете, что брак, ну да, брак, – «сие понимай духовно». Ах, где это духовность брака?! Ну да «перемелется – мука будет», «стерпится – слюбится»... Ну, а пока это перемелется – то получится не мука, а муча.

Хоть я очень расстроена, но великолепно понимаю, что ставя все эти вопросительные и восклицательные крючки, – делу нисколько не помогаю. Нет, я только хочу сказать, что **никогда** (подчеркнуто двумя чертами. *В. Р.*) не выйду замуж, – пусть, пусть я засохну, превращусь в тощую и озлобленную старую деву, но этой прихоти природы не исполню. Тошно будет – вольна и прекратить свое существование.

Когда я смотрю на лицо этого брата, – которому было в семье так тяжело, что он сбежал из дома, – я дала ему только телеграмму – «не теряй мужества, дорогой». А мать? Сама она служит на Кавказе. А папа? – тоже служит. Младший брат остался в С., и, как выразился, – «закусил удила» до поры до времени.

Кто виноват? Никто. Старший брат издерганный, болезненный, со страшными порывами воли, – но безвольный. Все это у меня бледно выходит, но не в этом дело. Рамка узкая: «неполнобрачие», – вы объясняете, – а в нее втиснуты 6 человеческих жизней. 6 человеческ. жизней – это, считая по 50 лет на каждого, – 300 лет. И то, что я пишу, – ведь это «голос из народа» – сколько еще таких же!

Нет, я не желаю выходить замуж, и не по боязни (это ерунда).

И каких бы страстных апологетов брака я ни встретила бы – я не изменю.

Пусть себе другие и страдают, и мучат других, это меня нисколько не касается.

И братья мои тоже дали зарок не жениться – к этому заключению каждый сам по себе пришел.

.....
Теперь безо всякого кокетства прошу вас больше не писать мне, потому что мне надо уйти в себя и многое разрешить, и потому еще, что мне не хочется не только писать, но и говорить.

В. М-ва

Р. С. Да, – еще ваши слова о том, что можно и не иметь детей: хотела бы знать, чем же такая жизнь, т. е. без детей, простое взаимное удовлетворение, лучше онанизма?*

IX

Вы действительно очень добрый. Вам мало того, что у вас дома уютно светит солнышко, вам хочется, чтобы оно всюду светило. А я ночь люблю, «тайну» ночи, – «тайну», которая никогда не станет «явной». День суетлив: он то брюзжит, то радуется непомерно; ночь – в ней есть благолепие. Ночью ничего не видно, ни всех этих Нью-Йорков, Лондонов и проч.; и если подняться на воздушном шаре, то Эйфелева башня просто покажется дерзким сучком.

Мне хорошо с вами, и я очень извиняюсь за свое последнее письмо. Это нарыв лопнул; мне тяжело, на меня ужасное впечатление произвела карточка брата, – он мне больше чем брат, в отрочестве я носила его на руках. Когда он начал пить, предаваться дурному товариществу и вообще терять почву под ногами – я его тогда поняла, что делает он это не по испорченности, а на нем . . . . больше всего отразилась. Он бросил дурные привычки, бросил – из-за меня. Он был слаб тогда и вверился мне, воскрес. Наша тройка жила тогда одна, мама уехала, и мальчики собирались к папе в С. Мы называли друг друга патриархами, а меня мальчики в шутку бой-бабой называли.

И вот теперь лицо это опять глубоко несчастно, и я не могу быть при нем*!

Василий Васильевич! – Вам, верно, скучно со мной, бросьте тогда переписываться. О «мечтах», «грезам» я вам когда-нибудь напишу, теперь – нет, не могу. Мне надо уйти в себя, только в себе я найду опять какую-нибудь точку, а то я теперь все время даже бессознательно повторяю: «сердце пусто, хладен ум».

А скулением ведь не поможешь. Называйте меня просто Вера (отчество, если хотите, А–на). Карточку вашу не осмеливаюсь просить, но была бы рада, если бы получила.

В. М–ва

---

* «Хотел бы купить корову, да боюсь – *будет безмолочная*», «вспахал бы поле, да боюсь, – *хлеб не вырастет*», «вышла бы замуж, – да, *пожалуй, дети родятся большие*»: и не заводится хозяйство, не вспахивается поле, не начинается семья. Я и написал девушке, в ответ на ее 2-е письмо: «Вы боитесь иметь *больных детей*, – но ведь вовсе не у каждой супружеской четы *родятся дети*». – В. Р–в.

** *Отсхоность* студентов и курсисток от старой семьи, – то, что вылетев в университет и курсы, к «интересным профессорам», они вовсе забывают «неинтересных» соплявых братишек и сестреночек дома, а тем паче «необразованных родителей», – составляет горе и университета и курсов. Это – почти общее правило, – скверное правило нашей русской жизни. Между прочим, скверное и потому, что это лишает само высшее образование настоящего воздействия *на страну*. Последние слова корреспондентки: «Я не могу быть *с братом*», – решили мою моральную привязанность к ней, как первое письмо сотворило умственное уважение к ней. Переписка продолжалась. Еще nota bene: не зная отчества, я называл ее просто Верой (право возраста), а как на мой усиленный запрос она явно неохотно сказала отчество, то я и продолжал ее называть по-прежнему. В. Р–в.

Спасибо за письмо.

Но я уж вошла в берега до него. Вообще я редко возмущаюсь, а еще реже плююсь. Вообще довольно уравновешенна. Тут брат мне нутро перевернул. Я давно вышла из того возраста, когда осуждают родителей; я еще 17-ти лет сказала: «Я ничего не понимаю, я обоих люблю». Но за эту «нейтральность» меня больше всего и осуждали «гетушки», – и если бы я хоть немного имела бы склонности поддавать под чье-либо влияние, то наверно бы поступила по их советам. Но я *никогда* не поддаваю под влияния. Я всегда делала и делаю по своему внутреннему голосу. Люди смогут только поверхность души затронуть, но ядра – никто. Может, это от природной холодности. Я ведь и целоваться терпеть не могу, а мама всегда любит целовать меня, брата. Я раз в своей жизни поцеловала – это когда он пришел пьяный, а я сказала, что это нечестно*. Он ушел потом и простоял под проливным дождем часа 2, я его еле отыскала, и мы поцеловались. С тех пор он больше не пил. Вы говорите, что я – «милое, благородное существо – с недостающей дугой». – Право, мне все равно, кто я такая, но только не милое и не благородное, – и вообще я эти 2 слова терпеть не могу, или, вернее, – просто не люблю. Что касается недостающей дуги, пусть будет по-вашему. Только скажу без фигуранья, – мне никто не может нравиться; и чуть я замечаю, что кому-нибудь нравлюсь, то я чувствую странную неловкость и после этого не могу с таким человеком болтать. Я никого не хочу обманывать на счет себя, – мне *лень* любить. Любовь к родным – это другое (она, как красота, дается без молитвы). Знайте, мне было лет 13, я всегда смеялась над влюблениями гимназисток. Мама говорила, что «мой час (глупое выражение) не пришел». Но про себя я думала: ведь впрямь – верно, не обойтись, и я дала себе слово, что когда влюблюсь – не забуду, что это просто маленькое неизбежное препятствие, которое надо пережить и идти своим путем.

Я это пережила. 4 года я мечтала стать профессором; но теперь, когда это действительно от меня одной будет зависеть, – мне скучно. Нет, если бы вы знали, как мне скучно на курсах! Я совсем не хожу на лекции, ибо чувствую, что в противном случае совсем отупею. Лежу дома да читаю, а больше еще – думаю.

О чем я раньше мечтала? Я хотела спасти Царя от этих новых, крикливых людей. Я глотала статьи Меншикова. Строила планы о том, что делать, чтобы спасти Россию от банкротства, и писала о богатстве Сибири, о золоте, которое не умеют промывать, о нефти, о залежах графита еще не тронутых в Енисейской области. Словом, глаза горели, руки дрожали, когда писала. Русских мужиков очень любила (и теперь только народ люблю). Строила планы о том, что

* Позволяю себе оставить все эти маленькие подробности «вне литературных и общественных тем»: ибо не поняв, не зная, *не видя* человека, как поймешь общество? А с другой стороны, где же и как увидеть человека, как не у себя дома и со своими домашними? Перед корреспонденткой я очень извиняюсь за невыпуск этого «частного обихода» и «живого образа». **В. Р-в.**

недурно было бы из Сибири подвозить рыбу, дичь, которая гниет без употребления. Для этого предприятия необходимы особые вагоны-ледники, и пр. и пр.

А рядом с тем – уж не верила в Бога, холодно, разумно. Сама пришла к тому. Только боли от этого не было.

Боль позже пришла, – я уезжала, а мама перекрестила меня, пробормотав: «Девинька, я по привычке, хоть ты и не веришь». Ну, и боль родилась, я сделала неимоверные усилия верить, говела, вставала в 5 ч., чтобы поспеть к утрени – но это было только желание, но не вера. Поняла я это и бросила.

Детство мама нам оставила нетронутым . . . . .

А после – расплата за счастье. Я верю (это единственное, во что я верю) – в *приливы и отливы*. Я боюсь счастья – ибо за ним неминуемо следует несчастье. И в истории все – одни приливы и отливы.

Теперь – относительно ваших замечаний о яблоне и яблоне, о детях и отцах: мне кажется, что если сучок отрезать от дерева и посадить в ту же почву, то он вырастет тем же деревом. На дереве сучок *не самостоятелен*, – дуется на дерево и растет вкось. А посади его отдельно – та же песня, начинай сначала.

То же и об отцах и детях; никогда, мне кажется, нельзя по внешнему судить о внутреннем. Аркадий как две капли воды похож на папашу, только один ноет о 40-х годах, другой о 60-х, а в общем – никто ничего не делает. Во главе – с Базаровым. У Тургенева была только «идея», но он не выполнил. Эта идея – *ложная*, призрачная. Сопоставление (у вас. В. Р.) Грозного и Феодора, Петра и Алексея – я делала для другой цели.

Человек хочет себя выявить, но сразу никто не может.

Энергия для выявления накапливается веками; в Петре, допустим, она выявилась – и отсохла в сыне. Больше – *ничего* делать было. И ваши дети никто на вас не будет похож, ибо вы уже все выложили. Знаете, мне кажется, если вы и дочери некрасивы, – то в них есть что-то неотразимое, – печать счастливой семьи. Пришлите, пожалуйста, те 2 письма. Не вы мне навязываетесь, а скорее наоборот. О браке я ничего больше не думаю и ничего не знаю, и в общем это меня не касается.

Папе я много писем писала и он меня любит, больше гордится, и я папой горжусь – обоюдно, значит. Ни за кем я уже не слежу, да и на курсах редко бываю. Сегодня собралась, встречаю на улице почтальона и ваше письмо, – а так как мне это более интересно, чем зевать у (фамилия профессора), то я поспешила домой.

Спасибо вам. В. М–ва

А за то письмо мне немножко стыдно*.

---

* Все письмо – в ответ на мое: я писал, что как «сучки отходят *дальше и дальше* от родительского ствола дерева, так и в поколениях человеческих *следующее поколение отходит от предыдущего*, а в единичной семье – дети, скорее, *противоположны родителям*. Приводил в пример царя Иоанна Грозного и Феодора Иоанновича, Петра Великого и царевича Алексея. Все это, в общем, чтобы она не пугалась идеи, что от истерзанной нервами – рождаются такие же. Она ответила другой теорией – об *источе-*

XI

Ну вот, а теперь еще скажу вам, за что я вам написала, чтобы вы не писали. Только не смейтесь. Дело в том, что я люблю одну курсистку (я перелелась с одесских курсов). Ей лет 25 – она во всем мне противоположна: начать с того, что любит ходить, а я – лежать, любит солнце и тепло, я – ночь. Она была замужем, у нее сын, но теперь она не живет с мужем. Калиночка (зовут Калерией) без тепла замерзнет, людей любит и не может ни с кем сойтись, – а я людей не люблю, а схожусь скоро и просто.

Ну вот, мне казалось, что я начинаю больше вас любить, чем её, – мне стало тяжело; Калиночка без меня не проживет, я это чувствую. Теперь я вас обоих совместила, и мне снова очень, очень легко.

В. М-ва

XII

Хоть вы не любите литературы, – но позвольте задать один вопрос: если бы Достоевский был еще жив, как бы он относился к Мережковскому? Ведь Мережковский самый несамобытный мыслитель. Он весь утоп в Достоевском, все его мысли к себе перенес, – правда, перестрадав. И вот дикая мысль приходит в голову: мне кажется, что Достоевский сказал бы ему то, что Ставрогин Шатову: «Мне очень жаль, но я *не могу* вас любить, Шатов»*. Почему, почему, в самом деле, Ставровины Шатовых не любят?

Часто думаю.

Когда вам надоем, вы скажите!

В. М-ва

XIII

Сегодня достала «Среди художников» и «Великого инквизитора» (это я раньше читала).

Больше ничего не было. «В мире неясного и нерешенного» обещали в магазине выписать.

нии исторической энергии, я думаю – правдоподобной в отношении названных мною царей, но почти – верной и вообще. В статье «Красота природы и ее смысл» я развивал эту же теорию *накопления* и «разряжения» (наподобие электричества) органической энергии в *гениальных личностях* (Иоанн Грозный, Петр, но еще яснее – Александр Великий, Ю. Цезарь, или – Платон, Аристотель, Кант, Спиноза). Статья эта вовсе неизвестна корреспондентке, почти не читавшей (см. дальше) моих книг. *В. Р-в.*

* Удивительно метко... Я тоже чувствую, что есть что-то абсолютно несовпадающее между «я» Достоевского и «я» Мережковского. И Достоевский – близок Мережковскому, н у ж е н ему, но Мережковский вовсе не нужен и не близок Достоевскому. Что такое, в чем дело? Станешь определять, искать – только сузишь и обмелишь вопрос, очень глубокий в отношении обоих писателей. Как пришло в голову? Никому не приходило. А сколько писалось о Мережковском и Достоевском. *В. Р-в.*

Я (как и вы, В. Р.) тоже сижу (т. е. лежу) до 5-ти часов утра; только вам-то этого не надо делать. У вас – другие годы.

Да, еще о любви: – я чувствую иногда, как лопается по швам переполненное сердце, нахлынет любовь ко всем, и думаю – умру от разрыва.

(У меня в раннем детстве, 2–3-х лет, судороги бывали, припадки с пеной у рта). Потом вылечили.

Когда была маленькая, была очень некрасивой, уродом. И теперь очень некрасива; только когда говорю – у меня глаза горят, тогда я невменяема. Зрачки делаются большими, и глаза совсем черными от зрачков.

Господи, хоть бы ночь скорей прошла, и я вам могла бы отправить письмо!

Мне как-то пришлось читать книгу какого-то американца Прентиса Мильфорда, кажется, называется – «К жизни». Там было сказано: «Мысли наши куют наше будущее». Очень любопытная, дерзкая книжонка.

Часто думаю: «Когда Америке жить надоест?». Когда она почувствует суету свою? Тогда рушатся, как подкошенные, все эти «небоскребы»*.

Ах, послушайте, – только что очень смеялась. «Степаныч» – рабочий на фабрике, снимает комнату рядом со мной, жена у него Поля, 3 детей померло, 4-я – годовалая Танечка. Степаныч очень ее любит; я просыпаюсь от его шопота: «Танюшка – кукушка противная». Ну, так вот он рассказывал, что был у своей кумы Натальи Кузьминишны. Сидят они за самоваром, вдруг входит мужик и говорит, что ему «барышня» нужна. Хозяйка спрашивает: «Да какая барышня?». После долгих переговоров, мужик выпаливает: «Так, мол, и так, я жениться хочу».

Его поленом вытурили.

Он не пьяный был.

Как вам понравится?

В начале сентября у меня вышел неприятный казус. Деньги я должна получать от воинского начальника. Папа, не зная, что я в Москве, написал в Одессу. Словом, ерунда получилась, и я просидела очень мило три недели без денег, и ела черный хлеб с большим удовольствием, и не зла была от голоду, а, наоборот, благодушие какое-то нашло. Вот насчет папирос дело плохо было. И вот Степаныч покупал мне папиросы, и если бы вы видели, как он деликатно это делал. Вы бы умилились. Теперь я его угощаю своими.

В мою обязанность входит читать им газету. Любимая фраза Степаныча: «Ох, барышня, – страсть не люблю неправды».

И-й, кто сказал, что у меня лицо красивое, – был один журналист; свела я с ним знакомство, потому что он издавал журнал, в котором печатались «сочинения» подростков. Я иногда этим увлекалась. Звали его Николаем Гр-ым, – бывший народный учитель, замерз на 1905 г., «выдохся». Жалко

---

* 15 и 20 этажные дома, которые строятся только в Америке. Они называются «небоскребами» – ибо точно скребут небо над головою зрителя и прохожего.
В. Р.-в.

его. Славный он был. Глаза большие, серые, – нежное в них что-то было. Лицо бледное, а в улыбке столько мягкости! Не пойму, как он революционером мог быть! Только с детьми ему не везло: одна, Женя, умерла 15 л., очень талантливая девушка, он все ходил на кладбище. Мальчик – туберкулезный. И только двое были здоровы. Он жил летом один, жена и дети на даче были. И я тогда одна оставалась (братья в С. уехали). Вот мы и болтали часов по шести кряду. Жил он на чердаке; в комнате темно; луна загадочно смотрит в окно. Один другого не видим, а болтается очень хорошо – о Боге, о Христе, о литературе. Он Чехова любил. Жалко, что «замерз» так рано. Он тогда сказал, что у меня «замечательно открытое» лицо и вместе «загадочное». Но он со мной как с бездушным объектом обращался, все хотел из меня «передового человека» сделать. И я уверена, что если из меня ничего не выйдет, то он 1-й в меня бросит камнем. Он в меня как-то быстро поверил.

«Шатовых»* много у нас на Руси! А так, как вы, со мной никто не обращался, вот отчего мне с вами так хорошо.

А что ругают вас в печати – плевать; у нас был учитель (инспектор народных училищ), препотешный – большой, грузный, с маленькими блестящими, бегающими глазками, говорил на «о».

Его в газетах пробирали за грубость к народным учителям. А он всегда, добродушно усмехаясь в бороду, говорил: «Ничего, значит не так плох, коли ругают». И еще я смеюсь, когда представляю себе, как вы сидели в редакции и писали мне письмо: кругом шум, говор, – и от всех ваших движений, верно, получалось впечатление, как будто вы от докучливых мух отбиваетесь.

О душе – ваши мысли очень интересны. Я тоже о ней думаю, но иначе; пока это еще бродит.

Черт знает, что за послание вышло!

Вот ведь светать начинает. Люблю рассвет: тьма еще не рассеялась, – но там далеко, далеко, где небо сходится с землей, блестит светлая полоска. Мгла скоро рассеется и по небу сперва робко разольется румянец зорьки, а потом ярко осветит и небо, и землю – как первая любовь. Ах, не заболейте! Петухи глотки дерут – странные создания, и кроты – странные: солнца не любят «при всех», а любят «тайно», по-своему.

Часов в 4–5 крот выползает из норы и *один* любит на солнце, свежее, еще мокрое от росы. Нечто вроде очной ставки крота и солнца. А ведь, пожалуй, этот подлец больше солнце любит, чем все эти пташки-крикуны. В утре есть что-то особенное, росистое, «пыль земли» на нем не осела.

А в общем – спокойной ночи или утра.

Я терпеть не могу что-нибудь дважды читать, но вот прочитала в [вашем. В. Р.] письме о том, как вы целуете соседа за столом, и все еще смеюсь.

---

* При зашедшей (см. выше) речи о Достоевском и при оттенке в письме ее неуважения к Шатову, из «Бесов» Достоевского, я ей написал, что из литературных типов у нас чувствуем в себе наибольшее сходство с Шатовым. В. Р.-в.

В сущности, я ужасно длинное письмо написала, но вы позволили болтать.

Эти проклятые знаки препинания (вот уж истинное наказание, мне за них «б» ставили).

Я помолилась о вас*.

Без подписи [В. Р.]

XIV

Опять хочется болтать. Легла в 5, а в 7^{1/2} встала. В комнате сам черт ногу сломит, на дворе – слякоть, где-то мой снежок девался? У меня все кости ноют – я ведь все еще расту. Да, вот что я хотела сказать о «запахе». Мне было 8 лет, братья носили одинаковые костюмы и их путали, а я «по запаху» узнавала, чей костюм, и говорила: – «Это Алешей пахнет, а это – Володей».

Да и в комнате есть свой «запах», – «запах «настроения». А от моей комнаты несет всегда хаосом. Странно, всю жизнь я стремлюсь к «упорядоченности», и черт ее знает – она не идет ко мне. В гимназии меня очень не любила одна учительница – очень интересный человек. Мы всегда воевали с ней. Помню была тема: «Русское общество начала XIX века по комедии Грибоедова».

Мне стало скучно ее писать как все. И я написала комедию на комедию. Все черты общества, подмеченные Грибоедовым, я вновь перевоплотила. Теперь примите мою лень во внимание – получилось нечто поистине хаотичное, «небрежное». Она меня заставила написать II-е сочинение «как все». И сказала: «У вас, М–ва, все от небрежности. Вы небрежная вся, и ко всему небрежно относитесь». Я очень была на нее сердита. С выпускным сочинением у меня тот же казус вышел. Дали тему: «Что я буду делать по окончании гимназии». Я на целый лист расписала описание весеннего утра, особый «запах» этого утра, «запах» пантеистический. Мысль была такая: все в природе работает. А о себе сказала только в

---

* Последняя строка – приписка на поле листка карандашом (на слова мои о нездоровье). Особенностью писем корреспондентки является действительно какое-то затруднение в знаках препинания, как будто мысль течет, и она не решается «по грамматике» распределить речь на темпы, ибо это деление не совпадает со звуковым в душе делением. Поэтому – особенно много выпущено запятых, но и другие знаки препинания также не тверды, не точны; зато при чтении – как слышится голос пишущего. Письмо очень длинно, но все искупает к р о т. Где она его видела? как подсмотрела? Какое удивительное, удивительнейшее явление природы!!! – и как оно хорошо почувствовано и передано! Вот, юношество: учитеесь-ка сырыми пальцами шупать сырую природу. Больше из этого выйдет толка, чем из монотонного читанья журналов и газет. До 59-ти лет о соотношении крота и солнца мне не приходилось ни от кого слышать и нигде прочитать, – и я не знаю, известно ли это вообще? Такие-то новые ниточки, или наблюдения, или мысли попадают почти в каждом письме корреспондентки. *В. Р.-в.*

конце: «А что я буду делать? Тоже работать, работать, чтобы не нарушать гармонии в природе».

Они мне вклеили 10 – мне, у которой за 2 года не было ни одной 11. Это пахло в аттестате иметь по своей специальности 11. Но директор и другой учитель не допустили и поставили 12.

Меня ученицы на «ура» подняли – так как из нашей резни с ней я вышла победительницей. Она не любила меня за мою «сметливость» и «лень», а она сама была бесшабашно ленива. Одноименные полюса отталкиваются не только в физике, но и в жизни.

Вообще в гимназии стараются «выкурить» индивидуальность, всех сравнивать. И редки педагоги, которые «культивируют» личность, «единичность».

Ах, – завтра латынь – надо зубрить, уже вперед зеваю. Этот Цицерон – черт бы его взял.

Я его в переводе читала. Мне было интересно следить за его приемами воздействия на психологию массы. Я и речи Наполеона к армии люблю. Вообще психологию оратора – понимаю.

Солнышко сейчас выглянуло.

Я бумагу люблю жечь и смотреть, как она горит. 8-ми лет я пожар чуть не сделала.

Мама говорит, что такой «неряхи», как я, она еще в жизни не видела.

Вера М-ва

XV

3. Гиппиус прочитала здесь доклад в Рел.-фил. о-ве о том, что приемлема ли для христианства война, и ответила утвердительно. Я эту Мережковскую терпеть не могу; это какая-то помесь франц. субретки и «gréceuse ridicule»*. И как вы говорили о Гоголе, я скажу о ней: «Сгинь, сгинь, пропади, дьяволово отродье!» Она столько же понимает в христианстве (простите за такое сравнение), сколько свинья в апельсине. Все эти г-да, г-жи только ортодоксальное христианство разбирают, а не его сущность. Разве христианство, его сущность, может допустить *мысль* об убийстве??!!

.....

.....

---

* «смешные жеманницы» (фр.).

Знаете (простите за скачки мысли), мне кажется, что на свете в мире нет ничего глупого и нет *глупых людей*. Есть, как и среди животных, смысленные, есть неспособные к борьбе, но глупых нет*.

В. М-ва

XVI

У вас промелькнуло слово «гениальный» в отношении Толстого. Это дико с моей стороны [говорить *В. Р.*], но, право, я не знаю, в чем его гениальность. Философ он, что ли? Толстому я никогда не поклонялась, а теперь просто не люблю – философ он такой доморощенный, «самоучка» да барин с головы до пят – но он временем рожден и умрет со своим временем. Он уже [теперь стал как *В. Р.*] памятник, со всеми своими учениями и мукой. Пройдет еще 10 лет – и его забудут.

Еще у меня есть тупик относительно Шекспира. Не люблю его, да и только. Читала я его 13–14 лет, читала 17 л. и все не люблю – за здоровье не люблю. Он как врач с людьми обращается. А я только тех врачей люблю, которые сами больны.

.....
.....
Да, я, может быть, была бы посредственность, если бы так часто не скользила по «черте». «Грех» углубляться. Только из этого не следует, что надо «нарочно» в грех впасть. Но и без «нарочно» – этого много у всякого человека на пути его. Но печально и страшно, что человеческая нежность и глубина приобретается этим путем.

(подпись забыта).

XVII

Я лежу и слушаю вас – вы теперь обо мне думаете. Вы говорили о Г-е,** – сказали, что она «большая», «добрая», а я, как постигаю, прибавлю – «покорная», «русская». У меня есть в душе этот образ – образ моей бабушки, по папе. Она была крестьянка (христианка). Я часто думаю над этимологией

---

* «Все дураки, кроме нас и нашей редакции», «кроме нашего симпатичного кружка», – с этого начал нигилизм, «Современник» и его читатели и герои... Полвека прошло: и вот в частном письме молоденькой девушки мелькает: «По-моему, ни – г л у п о г о, ни – г л у п ы х л ю д е й н е т». Какой противотезис!! Большим историческим чувством я как-то понял, что замечательных даров девушка, с которой Бог дал мне встретиться, есть не только «симптом», но неисповедимым образом – и деятель (по активной своей натуре) огромного перелома, который совершается в русском духе через смену этого «ненавижу и презираю» (суть нигилизма) – на «люблю и умилен». Ради-то этого я испросил разрешения у корреспондентки напечатать ее письма, в которых кое-что есть положительно б е с с м е р т н о е и – решительно все – интересно в том или ином отношении, – «пригодится» и старому, и психологу, и моралисту. *В. Р-в.*

** Курсистка, подруга дочери. *В. Р-в.*

этих двух слов – это самое глубокое, что создал народ: в нем (в этом слове) – он сущность свою выразил, свое понимание «христианства» – самое глубокое «надмирное» – и «вмирное»*. Сравните «reople» – «Volk» – они «земные», «варвары». И пусть они и пар, и электричество, и механику, и богов, и все и все придумали – все преходящее – а русский народ ничего не сделал, все ушло в это слово «крестьянство» – в созерцание Христа (а не христианства). Раньше я мечтала о великой роли на земле России и страстно хотела, чтобы она заявила миру «своим». Теперь я не хочу для нее этого – не хочу для мира доказательств – всякое доказательство «служебно», а следовательно – «временно». Русский народ *ничему не нужно учить* (подчеркнуто в письме. В. Р.). Он страшный грешник. Помню тот живой ужас, который охватил меня, когда я пробежала страницы Адама Олеария [Олеария] о русских в XVI–XVII вв., о тех страшных грехах – о пьянстве, разврате. «Боже, – думала я, – где же тут Святая Русь». И все ж я верю в нее, в эту Святую Русь – ибо в ней есть *сознание*, не навешанное всякими probst'ами**, *самодовлеющее* сознание бездны порока.

Ведь тот же Русский народ дал «юродивого». Пусть не говорят мне, что и в Европе был юродивый. Это *«не то»*, понимаете, – не то. Я скажу, – там, скорее, был «экзальтированный урод», а не наш «тихий» – (обязательно) «тихий» юрод.

И вместе с этими думами, параллельно им – я решила не стараться выдвинуться, а именно – ничего не делать. Пусть все будет в «потенции» – не надо мне этого земного выявления.

Ваша Вера М-ва

XVIII

Вы сказали в письме, что «мы все друг друга не узнаем». А между тем я никогда вам не лгала. Происходит это оттого, что мне все понятно – каждый звук в мире «простой» – находит у меня в душе отзвуки, «тень», отчего он «моим» становится. Я сказала, что мне понятна психология оратора, но мне понятна и психология слушателя. Мне все понятно: психология грешника и квадратура круга. Я в этом не виновата, меня это мучит даже – это ведь хамелеон. Иногда я напоминаю себе первых людей, вкусивших плод познания. Именно – тот *1-й момент*, когда вдруг «страшно» понятно стало. Только если вы *так* будете смотреть на меня, а не с одной стороны – вам я тоже буду понятна. Это почти то же, что ваши «родные в мире»***, только все-таки не

---

* Т. е. то, что проникая, пронизывая мир, будучи в нем растворено – вместе с тем над миром и выше мира стоит. Как это возможно? Христианство (положим) растворено в людях и в их совести и вместе стоит выше их; Христос живет в Святых Церкви и – выше их. Но как удачен этот, кажется, новый термин – «надмирное и вмирное». В. Р.-в.

** репетиторами (нем.).

*** Кажется, в ответ или в параллель словам моим, что в психологию старости (моя) входит уро-днение с людьми; что в поздние годы пробуждается чувство чрезвычайной близости к людям, фактически почти

совсем то – у меня нет «родных в мире» – а я *понимаю*, понимаю не головой, а в своем понимании дохожу до «черты» между пониманием и чувством и вообще вся я на этой черте стою. Это чувство «соседства в мире».

Вот и все.

Теперь вы все знаете.

Теперь о евреях – у меня масса евреев знакомых. Евреи – это противоположность Русскому народу. Евреи «ползут» по земле и предпочитают пыль земли глотать, лишь бы они жили. Это самый *живучий* народ в мире, у него приспособленность к жизни дошла до максимума.

Бог хочет взять у них живучесть, показывает другую сторону бытия, а они упорно от нее отворачиваются. И когда еврею откроется этот другой «потусторонний» смысл жизни – тогда еврейство умрет, умрет все – обязательно все.

Ох, устала.

Ваша *Вера М-ва*

Я всегда буду вечной студенткой (до сих пор были «вечные студенты», в этом одном моя новизна).

Вы сказали, что я письмами питаю вашу мысль, а вы – мою, вот отчего мы, верно, друг другу не надоедим. Одно скверно, что мне 19 лет, это ужасно глупо, что мне 19 лет. Но допустите, что я скоро умру (а умру я, когда меня одолеет великая скука). Смерть, грех, болезнь – больше дают, чем 80 лет жизни счастья. «Скука великая» – по-народному «докука», а «скуку великую» – один Гоголь в сумасшествии почувствовал (посмотрите, какое странное родство между «восшествием» и «сумасшествием»).

В сущности, и у меня есть, как у вас, что-то «скользкое»; только у вас оно «мечтательное», нежное, неуловимое, а у меня – скользкое, «уловимое»; но от этой уловимости оно становится еще больше – «настоящим» – неуловимым*.

XIX

Вы пишете мне: «серьезное – серьезным», а потом можно «пошалить». Я – не умею шалить, это мой серьезный недостаток. Когда в былые годы кому-нибудь я нравилась, то прямо и просто говорила грубости, оттого что не хотела «шутить», «шалить». В детстве я не любила играть в куклы оттого, что раз уложила куклу спать на ночь и перекрестила ее, а мама сказала, что это – только кукла, и это – «грешно»; и я никогда не стала играть.

незнакомым или мало знакомым, – понимания их и простого, родственного к ним отношения. На почве этого отношения, как я объяснил в письме, у меня развилась привычка «прощальных поцелуев», где поцелуй обозначает не «милая», а – «прощай», «прощайте все дорогие люди», которых я «скоро перестану видеть». На этой же почве или, вернее, под действием той же психологии возникает привычка быстрого перехода с «вы» на «ты» – с людьми тоже очень мало знакомыми, но, однако, почему-либо симпатичными с первого взгляда. *В. Р-в.*

* Не разумею ясно смысла, оставляю «как есть»; письма пишутся естественно не с тою отчетливостью сказывания, как «для печати». Но зато другими своими сторонами письма ценнее того, что «для печати». *В. Р-в.*

1-го декабря надо подать реферат: «Общественно-политические взгляды Достоевского». Тема безумно легкая. Что тут мудрствовать? Критиков лень читать. Странно, — знаете, я не могу читать критиков о Достоевском. Он «мой».

Все эти гг. Волжские и Волынские сидят себе в кабинетах, жена и дети на цыпочках ходят, в 10 ч. ужинают, все размеренно.

Мне кажется, чтобы о Достоевском «сметь» писать, прежде надо уйти в пустыню и поститься, а тогда прикасаться. Я никогда, верно, не смогу о нем писать. Весь он в мою точку темную и мерцающую вошел.

В книге «В мире неясного» вы много писали о любви, об отношениях мужа и жены, и спрашиваете, почему о многом, бывающем в этих отношениях, не говорят никогда, а «отнекиваются» или отмахиваются скользким словом: «мало ли что в экстазе бывает». Вас. Вас, — как же вы, такой чуткий, и не понимаете, что все на земле — тайна, а что бывает между мужем и женою — всегда «их», всегда «мое» — «твое», и никому третьему не сказуемо. Вы (пишу о книге «В мире неясного») из глубины земли вышли, а я — на землю слетела, и вот с этого полета пришла к выводу: в сущности, никто не виноват, что тот — мужчина, а это — женщина. А потому **никто не виноват**, но все грешные своим греховным сознанием. Так дайте каждому в ночи иметь это таинственное «свое», в чем есть мерцающая искра иллюзии и смысла!

Нет, я неподражаема: сажусь читать «Уединенное»* и вспомнила, что не поблагодарила. Ну, да это от переполненности.

XX

Простудилась, вечером Поля, жена Степаныча, натрет спину и грудь скипидаром, напоит чаем с малиной (страшно люблю этот «больной» чай).

Степаныч затопит печку, будет тепло и хорошо.

Дома я любила болеть, Сережа или Воля** дежурили у постели.

А теперь пью чай из ваших «Опавших листьев»***.

Вы говорите о сути и причине стыда. И животные стыдятся и при людях не любят совокупляться. Это тоже — «их», «личное». Стыд объединяет весь мир. У стыда нет «лика». Возьмите, например: можно изобразить аллгорию — «радость», «горе», «надежду». Ну, а стыд?

Где вы найдете категорию для стыда?

А стыд есть и был, — неуловимый «стыдный» стыд разлит по миру, и земля пропитана им; весной земля, стыдливо трепеща каждым листком, тянется к солнцу; летом, запыленная, рдеет от другого стыда, и т. д.****.

(Без подписи пишет)

---

* Послал ей эту свою книгу. В. Р-в.

** Братя. В. Р-в.

*** Послал ей книгу с этим заглавием. В. Р-в.

**** Весьма недурное рассуждение на всемирную тему с т ы д а. Действительно, «стыд» лета не тот, что «стыд» весны; и хотя он есть в 40 лет, в 35, в 25, — но вовсе уже другой, нежели в 18, 16, в 14 лет! Этой «мелочи», кажется, почти никто не отметил.

XXI

Бросьте вы свои грустные мысли, дорогой В. В., – что это еще за «Уединенное»? Весь мир уединен, страшно уединен в бесконечности, и все-таки радуется, находит сил смеяться*.

Зачем, В. В., грусть навевать?

Ведь вы – сильный: возьмите и сверкните** перед миром всеми цветами радуги счастья!

Это выйдет не крикливо (вы – не юнец), а мечтательно дымчато.

Сами говорите – «к черту старость, зубы еще успеют выпасть» – и сами все к зубам своим приглядываетесь. И меня только пугаете: вот и пиши о таинственной жизни песни***.

В. М-ва

Видите, я почти не спала эту ночь – не думайте, не вы виноваты, а насморк.

Ах, что за беспорядочное письмо у меня вышло. Но вы уж извините меня.

[Подпись забыта]

XXII

.....
Вот вам и внутренняя свобода! Нет, не было и не будет человека внутренне свободного, – а если он будет, так это будет чудовишно. Но, слава Богу, все мы грешны, слабы; но и способы к покаянию, т. е. внутренне безусловно не свободны****.

В. М-ва

XXIII

.....
... Самым большим наказанием для меня было – когда меня в пример ставили. Это пытка была.

Тоже важно: в «стыде» каждый сберегает свое особенное и уносит это «важное и нужное ему» от других людей, от чужих и посторонних, которым «это его» совсем не нужно и не интересно... Вообще, как ни мимолетно письмо, в нем «кое-что» есть, чтобы «з а п о м н и т ь». *В. Р-в.*

* А-а-а!! А что писала в 1-м письме, что «нигде нет радости» и никто в природе «не умеет смеяться». Но вспомнишь мудреца Пушкина:

Иные дни,

Иные сны.

Так-то, «вечер не похож на утро». Инде – солнышко, а инде – дождь. *В. Р-в.*

** На печку хочется... *В. Р-в.*

*** Кажется – тема реферата на курсах. *В. Р-в.*

**** Вот, с а м с о б о ю, в частном письме, развивающийся антитезис нигилизма: «мы вообще все х лучше, а потому чего же нам стесняться?» *В. Р-в.*

Обо мне говорили, что я самонадеянна, ибо моя любимая фраза: «нет в науке ничего такого, чего бы я не постигла, ибо все человек выдумал».

.....
Я лелеяла мечту сделаться знаменитостью и потом бросить людям в глаза
..... Но теперь я сильно сомневаюсь, выйдет ли из меня толк. Я не люблю людей – у них кто палку взял, тот и капрал.

И только иногда всех людей жалко становится за то, что все они слабые, зачем им муку добавлять. Никто не знает, за что живет, зачем и откуда пришел. Будет время, все они, сколько их есть, станут на колени и в пустоту исповедуются: «Господи, откуда грех, а если грешны – за что живем!».

Карточку брата пришлю (карточки подруги нет). Ваша

В. М-ва

XXIV

Потешный вы какой: то вам было 58 л., теперь 59; если вы будете так по неделям вырастать, то к Рождеству вам будет около 100 лет. Мне сегодня – 19 л. 2 м. 15 дней.

.....
Видите, иногда мне перестает быть тепло, – есть один анализ; это – мой другой лик, нечто от Ивана Карамазова. Мысль работает очень здраво, иногда дерзко (об Иисусе), но тепла нет. Это – не «я». «Ту» меня можете и не любить, но пожалуйста – «ту». Она, в своей гордыне, так внутренне разломана, поистине – несчастна. И «щебечущая» я – жалею «ту», и радостная – ласкаю «ту». И вы, любя «эту», щебечущую и радостную – тоже ласкайте мысленно «ту» и понимайте ее, как и я вас понимаю в вашем другом лице, угрюмом и молчащем. Не правда ли?

В Питере у меня много знакомых и родных, – мамыны сестры. Но это – beau monde*, с которым у меня ничего общего.

[Подпись забыта]

XXV

Во мне (думаю) есть что-то от бабушки (по отцу), – русской. Она была крестьянка, очень красивая, статная, кровь с молоком, – и полюбила мужика лет на 20 старше себя, – угрюмого, уроды с изрытым от оспы лицом и бедного вдобавок (она ж была из зажиточной семьи). Родители не соглашались на брак, потому что он был беден. И вот она 8 лет вставала по ночам и работала и все деньги ему отдавала. В 8 лет он скопил деньги, купил мельницу и женился. Он ее и бивал иногда – кулак-мужик. Однажды в осеннюю ночь он вышел посмотреть мельницу (а ночь – холодная, бурная была, они волжане были), простудился и схватил скоротечную чахотку. Она, когда он умер, подошла к

---

* светское общество (*фр.*).

гробу, посмотрела на него и только промолвила: «Свет мой вольный, что ты надо мною сделал» – а через 6 месяцев умерла – засохла с тоски. Остались 3 детей – папа, его брат Семен и дочь.

Дочь вышла замуж, когда подросла, и умерла от скоротечной, оставив сына Саньку. Папа тогда женился и взял его на воспитание. Но Санька убежал, – и где-то теперь на Волге.

Папа похож на мать, высокий, красивый великоросс, только выражение глаз отцовское – суровое. Папа сам в люди вышел, занимался, как вол, и кончил I-м, как я. По службе безупречен и считается безупречным офицером. Вообще человек, на которого можно положиться. Страстно любит хозяйство, и, помню, семейная идиллия: поспорит с мамой, кто лучше ватрушки испечет, начнут – и всегда папа лучше сделает.

Мама не совсем с ним гармонирует: она любила читать, любила природу. Когда она выходила замуж, командир полка сказал: «Впрягают чистокровного коня и вола; что-то выйдет из этого». Так и вышло.

Мама не умела любить по-русски. Она не хотела дать затоптать свое «я»; словом – любила с претензией, «по-модному».

Странно, мне 19 лет, а я вся «собираюсь» жить, и, верно, так «собираюсь» – и отправлюсь к праотцам. Знаете ли вы эти стихи Гаршина:

Свеча погасла и фитиль дымящий,
Зловонный чад обильно разносящий,
Во мраке красной точкою горит.
В моей душе погасло пламя жизни,
И только искра горькой укоризны
Своей судьбе дымится и чадит.

.....

И что обманут я мечтой своей,
Что я напрасно в мире млею, –
Я только в этот скорбный миг постиг.

О, как больно сделали вы мне своим последним письмом.

Эх, Верка-никудышник: и впрямь, убирайся-ка ты в Индию.

(Не подписано)

XXVI

Вы говорите, чтобы я писала вам, когда встану с постели, – ну, а я люблю по ночам писать. Прервали меня – ваше письмо. Я суеверная – меня поразило вот что: ведь я тоже все время о вас думаю. И чувствую вас, как вы меня. Вместо того чтобы работать – валяюсь по целым дням. Вот два дня не ходила обедать – лень... Вы говорите, что часто со мной рассуждаете, – а дописываете [уже отосланные письма. В. Р.] ходя; я – тоже только обрывки пишу, дописывать ясно не могу, – «и так поймет». Через 4 дня надо реферат подавать по французской литературе, а я еще и строчки не написала. Не пишется – черт с ним.

Я суеверна, я знала, что я буду переписываться по душе, лет 15-ти еще, но не знала, с кем. Вообще одно время я остро чувствовала вот что: вхожу в незнакомую комнату – и чувствую, что *где-то* ее видела. Случается что-нибудь – и я чувствую, что уже знала об этом. Чувство «новое» предчувствовала.

[Без подписи]

XXVII

Знаете, отчего я природу понимаю – я ведь выросла в имениях – знаете ли вы эти настоящие имения, барские? с большими тенистыми садами, с покривленными заборами, с тихими, позеленевшими прудами? Знаете ли вы эти лужайки с некошеной травой, – эти июльские вечера – с запахом белых лилий, левкоя. Знаете ли вы эти барские помещичьи дома, с большими залами, со старинной мебелью, – этот особый помещичий узор??? Как жаль, что все это вымерло, что теперь нет имений, а есть «дачи».

Я любила наезжать к бабушке зимой – глубокий, белый снег, запах зимы, саней и снега, снега!

Соберутся гости – соседние помещики, а я спрячусь в широкое кресло, закрою глаза, бабушка играет на рояле, тихо, вдумчиво, – тепло в комнате, а в саду морозно, запах глубины снега, не топтанного людьми!

А елка? У бабушки есть сочинение «Weihnachtslied»* – он его всегда играл.

Нигде так хорошо не спалось, как в имении; заберешь охапку старых немецких журналов, конфет, пряников, – и вся уйдешь в пуховую постель.

Безумно хорошо!

А рядом с этим живет у меня страсть к подвижничеству? сплю теперь почти на досках. Ну вот, подите, что за чудный человек.

Я больше братьев чую в себе и отца и мать.

Единственно, что я не любила, – это с кем-нибудь гулять, «восторгаться» красотой природы. Это дало повод маме сказать, что я не люблю природы, что я стара душой.

Я любила только с бабушкой гулять, молча, без слов, то поедем с ним в 6 часу утра на кладбище фамильное; раннее летнее утро, лошади бодро бегут, едем лесом. Старые деревья уж проснулись и о чем-то шепчут, а молоденькие ели забавно этак спят по-детски, свернувшись в калачик.

Милый мой вдумчивый бабушка, весь не от мира сего!

Вера М-ва

XXVIII

Случилось мне встретиться с человеком очень глубоким, но чересчур «чистым». Ему бы немножко греха, – он стал бы доступнее. А то он суров, и эта суровая чистота и заставляет (меня, по крайней мере) преклоняться перед ним, благоговеть.

.....

---

* «Рождественская песня» (нем.).

Сплю я очень чутко. Это у меня не сон, а дремота. «Касание» со сном и «явью». Слушайте: я люблю гадать по Евангелию. Только что открыла и попала:

На меня: «И пришедши на место, называемое Голгофой, что значит лобное место».

А на вас открыла: «Голос вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему».

А на нас обоих с вами: «Посмотрите на лилии, как они растут: не трудятся, не прядут»...

В. М-ва

XXIX

В душе есть оболочка (ваш «запах» души) и ядро.

Для оболочки, для ее питания – нужен запах всего мира. Для «ядра» – след от запаха души. Ядро – малюсенькая точка, таинственная, темная, мерцающая. Это о ней говорится: «Чужая душа потемки», а не про «запах» души.

Вас читаю для ядра. Вернее – пью вас. След от запаха пью и ничего не думаю, – т. е. очень много думаю «особой» туманной думой без слов.

Я оттого не люблю дважды читать, что мое ядро – двух одинаковых следов запаха не выносит.

Поймите это (египтяне о том же говорили: учение о 3-х степенях души – душа К и пр.).

Вы (я прочла «Среди художников», кончаю) – это студеной ключевая вода, вся обвеянная запахом глубины земли, тайны ее, – и вместе с тем ключ, пробившийся на поверхность земли, согретый солнцем. Оттого у вас эта игривая мерцающая матовость, это тихое сверканье.

Мне опять немного грустно. Радость проходящая, временна, – одна грусть вне времени и пространства.

«Скорбь» – о земле, в земле и на земле.

Вера М-ва

XXX

Давеча в письме я сказала, что вообще «чего-то тут* не понимаю». Я теперь поняла. И еще не сердитесь за мои «умные письма». Будьте терпеливы – я не виновата; если я их храню**, то у меня начинает болеть затылок от переутомления.

Ах, только не работайте много, о смерти не думайте.

Вы должны и будете жить, радоваться.

Эдиссон намеревается прожить 150 лет. – Вы ребенок против него.

---

* В нашей переписке. *В. Р-в.*

** Т. е. если их «не напишу и не отошлю», «не изложу на бумаге и с кем-нибудь не подслушю». Вот мотив невольной и сознательной литературы. *В. Р-в.*

Спит 5 часов (но это не мешает ему быть дураком со всеми своими «великими» изобретениями). Право, керосиновая лампа больше дает узора, чем все его электрические лампочки, а наша заунывная, а порой залихватская гармоника мне понятней, чем фонограф.

XXXI

Сегодня нет писем от вас, и я немного скучаю. Так как я простужена, то не выходила из дому; хозяйка забыла мне прислать обед, но я пять яиц съела, какао пила и молоко. Вы видите, – я исполняю ваш совет – много есть, даже когда нет аппетита.

Обыкновенно, если хозяйка забывала обед, – я так и ничего не ела. Ах, вот потеха была сегодня: приходит татарин с платками. Ну, вот я и спрашиваю о том, о сем. С виду он мальчишка лет 19. Оказывается, женат. Знаете, сколько у него жен, – «2½». – «Да каким образом?» – спрашиваю. – «Одна еще маленькая, купил за 1½ рубля!!»

Я так смеялась.

P.S. Вы замечали в истории – в ней все *приливы* и *отливы*; и, в сущности, это единственный ее закон. И жизнь личности похожа на нее: вот отчего когда я бываю счастлива или мне хорошо, легко, – я пугаюсь и встревожена: я жду и смотрю – с какой стороны наступает *отлив*. Это очень портит минуты жизни.

Вера М-ва

XXXII

Сегодня должна получить от вас письмо.

Вот *надо* идти обедать, надо потому, что хочется есть, а я не иду, – терпеть не могу слова «надо». Вот почта, от папы – открытка, от вас – ничего.

Вы меня мучаете не тем, что сегодня нет письма; – я боюсь, что вы заболели. Завтра надо подать реферат, опять проклятое «надо».

Так все в жизни переплелось этим «надо» и «хочется»*. Вот вы все писали, чтобы я берегла свое «спокойствие». – А теперь у меня страшный разброд – весенняя (немного поздновато) распутица. Мне страшно тяжело от него, но я захочу, и его не будет.

Во мне, как и в брате, страшные порывы воли.

Когда такой порыв проходит, то я становлюсь как тряпка.

На все реагирую, иначе – «разбрасываюсь». Вот теперь я тряпка. За стеной сидит девушка и ждет жениха, раненого солдата, – и поет тихо, вдумчиво –

---

* Какое у д а ч н о е и в философском и в литературном отношении выражение! Р а д и-то сохранения его и удержания в контексте всей речи – я позволил себе не выпустить первых строк письма, которые слишком не *ad lectorem*. Но надо знать, как в жару забот и жизни рождаются мысли. В. Р-в.

«его уж нет, а я страдаю», очень душа у нее красива, и смех тихий, милый* . А за другой стеной «Степаныч» воркует со своей «противной кукушечкой». Давеча «кума» его приходила, – муж у нее тоже на войне, – (и вот она тоже. *В. Р.*) все сидит и все «Гришочка» (мужа. *В. Р.*) вспоминает. И после этого меня спрашивают, почему я выбрала такую скверную комнату, у черта на куличках? А мне хорошо здесь, по утрам топится русская печь, большая, огневая. Когда я занимаюсь, все говорят шопотом. А я не люблю этого, настаиваю на том, чтобы они еще громче говорили. И ничего я так не люблю, как когда мне руку подадут, «как всем». Тут приходит еще «Костюха», большой, неуклюжий, который страдает от своей большой, красной «мурлетки» (физиономии). А Степаныч подсмеивается над ним . . . . .

Непонятно только вечное скитание человечества по лицу земли. Еду вечером в трамвае, в углу прикурнул мальчонка, лицо усталое, вздремнул. Зачем он? Где он? В трамвае, а зачем трамвай? Зачем сутолока? Запах автомобилей?

В «запах» мира входят все яркие цвета – красный, желтый, мечтательный синий, угрюмый черный, мягкий коричневатый, а все вместе – бурда, – тусклая, цвето-бесцветная.

А вот жених к девушке пришел: смеется она, голос мягкий, да такой ласковый. Вот засустилась – самоварчик надо поставить жениху. Наверху где-то поют... «на простор морской волны»...

Да, вы правду про меня сказали – что «связываться со мной плохо: – пойдете струна скулеть на 30 лет». Именно – «скулеть». Только не на 30 лет, я раньше умру, лет через 5. (Еще 14 лет доктор за границей сказал, что если я не перемену образ жизни, то умру к 22 годам.)

«Кукушка» (дочка Степаныча) за стеной смеется...

Что-то все плакать хочется... Получили ли карточку брата? Я послала вам. Ну, да пишите.

В. М-ва

---

* Хотя и вне темы, но нельзя не заметить, что при устройении брака в стране, в народе, и церковью и государством слишком принята во внимание одна деловая сторона, – «будут дети», «должно расти народонаселение», «древний обряд венчания» и «благое соучастие церквей»... И как-то вовсе упущены, пренебрежены, как что-то малое и «недельное», эти вот «песенки» и «тихий, милый голос» дожидающейся девушки, и спешащего к ней раненого солдата. Также и все дальше попадающиеся в письме подробности. «Семья есть ячейка государства» (известное определение, с которого начинаются все рассуждения о браке). Позвольте, гораздо раньше и даже впереди всего – семья есть ткань бытия, – и если вы вовсе забыли быт, а не склонили к нему нежного слуха, – то не будьте же вы в претензии, что и быт порою о вас (о всем «государственном» и церковном) забывает и даже обходится с вами грубо. Вот тогда, и в жизни много не у вас же и я, выросли «свободные любви», «измены» и вообще «наши нравы». Тут надо обоюдно податься в сторону любви, – взаимного уважения и дружелюбного согласия обеим сторонам. *В. Р-а.*

Ах, не надо бы вам этого письма посылать!* Но подождите, вдруг будет чудо и ваша «мирихлюндия» вдруг развернется, заиграет, заискрится всеми красками и звуками мира. Ведь все в жизни прилив и отлив!

Ведь жизнь – песня:

– То она льется тихо, робко, крадучись, – то вдруг гикнет и понесется, могучая, сильная, молодая, – то вдруг замрет, остановится, – и вдруг опять и опять несется в вихре мелодии звуков и красоты.

Песня тянет за собою жизнь. И хоть с «отсыревшими» от слез крыльями – полечу... О чем поет лебедь, умирая? – о красоте... И хочется полететь над морями, лесами, цветущими долинами и, полюбовавшись на все, – вздохнуть и умереть**.

XXXIII

[6/XI 1914]***

...Довольно об этом. Одно время я так приблизительно об этом думала, – конечно, а ргіогі.

Когда я первый раз влюбилась, то вся природа мне стала вдруг и хороша, и проста, и ясна. Помню, был май месяц. Я, учась в гимназии, всегда вставала в 5 ч. утра – повторять уроки. Ну вот: проснулась я в пять и в одной рубашке прыгнула на подоконник, раскрыла окно – свет, воздух, солнце опьянили меня. Я выбежала в сад, подбежала к грядкам и запустила всю пятерню в сырую холодную землю – какой-то необъяснимый восторг тонкими нитями потянулся по всему телу, я прижалась к земле и стала горячо, горячо ее целовать. Было ликование не торжествующее (это пошло), а тихое и радостное, а почему все это было? Да потому, что любила. Но, кроме любви и радости, есть еще другое – нравственное совершенствование (это не общие места). Ведь любовь радостная, конечно, тоже совершенствует, но – «так», между прочим, от избытка. Большая стройная яблоня цветет – она красива, слов нет; ну, а видали ли вы вишенку, которая сломана в стволу и «скорбно» расстилается почти вровень с землей. И она вся покрыта нежными, тонкими лепесточками; она не пышна, но она «умиленно» хороша. Она вся в тоске, вся ползущая, но воистину – «блаженны плачущие, ибо они утешатся».

Ведь любовь – огонь точь-в-точь как в печке: каждое поленце, стручок «по-своему», «индивидуально» горит; одно полено больше дымит, чадит,

---

* Слишком «надо»... Какая смесь... И все – 19 лет! Помню свои годы – конец гимназии и начало университета: и точь-в-точь все так говорилось, думалось, чувствовалось. *В. Р-в.*

** Пусть молодость говорит, как говорит, а старость не прибавляет к ней ни дополнений, ни умозаключений. «Черт ее знает, где центр жизни, в 19 годах? в 5-ти? или в 58-ми?» *В. Р-в.*

*** В дальнейшем письма сохранились в конвертах и время написания списывается с конвертов. Порядок времени в предыдущих письмах – лишь приблизительный. *В. Р-в.*

«ничего не видно», и оно само задыхается от собственного чада и дыма и преждевременно, не сгорев, чернеет и умирает. Другая веточка вся изнемогла от огня, горит до последней минуточки и «исходится» от огня. Бросьте спичку – маленькую, ничтожную спичку – она ярко вспыхнет – осветит все и всех, и погаснет, как бы конфузливо говоря: рада бы больше погреть, да сама-то я тоненькая, никудышная.

.....
Сейчас – мне хорошо, тепло в душе, а зимняя холодная ноченька со звездами плывет в комнату ко мне и мягко ложится таинственными голубыми тенями на стены, и белую большую печь и на постель.

Вера М-ва.

XXXIV

[7 ноября 1914 г.]

Я, верно, испугала вас последним письмом. Но поймите меня. Я не упрекала вас, когда, вспомнив слова ваши: «Берегите спокойствие», – сказала: «Нет, у меня теперь распутица весенняя». Не старайтесь об этом моем покое – вы только измотаете меня.

Вы совершенно правы, говоря, что не можете себе представить, чтобы я с кем-нибудь, хотя бы и давно, заигрывала: мне это противно. Даже когда была влюблена, то никогда не смеялась. Ах, мне было тогда 15 лет. Это был мой же учитель (довольно прозаично). Когда я с ним говорила, то дрожала. Ну, да это мумия была, а не человек. И слушайте еще – я ему нравилась. Ну вот я ему написала, что люблю. Но знаете, что мои мозги ему больше нравились. Золотую медаль – я ему всецело обязана – он указал на меня педагогич. совету, сказал, что у меня «искра есть».

Сам он очень скрытный был, очень бурно провел молодость (извините, за трафаретные выражения), а потом оспой заболел и остепенился.

И теперь типичный педагог с «направлением» и женился. Ну, все чин чинном. Он мне *очень много* дал, т. е. не сам, а косвенно. Ибо всякая неразделенная любовь, «лично», «моя», «он» – только как в машине какая-нибудь кнопочка*.

И, несмотря не все, я ненавидела, когда он улыбался, – и если улыбнется и посмотрит на меня – мигом сделает серьезную мину.

Братя при мне никогда не говорили анекдотов, хотя я никогда бровью не поводила, когда они начинали. Но и они чувствовали и сами краснели. Степа-ныч никогда не скажет при мне чего-нибудь двусмысленного.

Теперь о цинизме той пожилой и аристократической тетёхи, о котором вы мне написали. Он есть в каждой женщине – за что я их внутренне не любила. Курсистки замужние говорят иногда плоско некрасиво, в извинение

---

* Очевидно, в предложении пропущено какое-то слово и оно не вполне ясно. *В. Р-в.*

произнося: «Нам можно, мы замужние». Почему для мужчин женщина замужняя привлекательна? – [вы спрашиваете. *В. Р.*] Я думаю, что на нее смотрят, как на «переступившую» «черту», приобщившуюся к «особенному» миру. Так думаю, не знаю.

Сегодня должна была читать реферат. Написала его сегодня от 8–1 дня. Это чтобы заполнить время. Но француз сегодня так увлекся своей *Atala*, что осталось $\frac{1}{2}$ часа, и я только свое вступление прочла; тема – *La verité historique dans le roman de Vigny – «Cinq-Mars»**. Собственно, в нем нет правды. Он придирался к каждому слову, вернее, к интонации. Но вступлением остался доволен. Ему понравилась моя параллель с Толстым.

Потом я забралась на вышину под стеклянный потолок; гроза была... Я молилась. *В. В.*, вот потешна гроза зимой.

Природа не хочет засыпать, бунтует.

Весенней ночью особая гроза: большой сад, ночь, гроза, деревья, как невесты в белых нарядах, ждут благословения свыше. Гром только *непосвященным* кажется грозным. В громе есть что-то бесконечно ласковое, отеческое**.

Весенняя гроза – это обряд, церемония.

Старые деревья знают, чем кончится он, и вдумчиво выжидают.

Не то осенняя гроза, поздней глухой осенью.

Тут сучки, побеги как дети, – когда ссорятся родители, испуганно плачут дождевыми каплями и стараются скорей уснуть, чтобы не слышать.

Тут уж старые деревья не пассивны, а активны. Это какие-то личные счеты; они гнутся, ломаются.

И на дерево, сломленное молнией, я смотрю всегда с особой любовью, непокорность их люблю.

Но слушайте дальше: иду я с курсов, по обыкновению, задумавшись. Вдруг меня останавливает студент:

– Вы курсистка?

– Да.

– Я петроградец. Приехал к больному товарищу. Никого здесь не знаю. Протягивать руку, откровенно говоря, не хочется...

Тут он отдернул полу летнего пальто, подкладка выдранная. Я поспешно достала кошелек, не дав ему договорить, и отдала рубль, страшно жалея, что не захватила больше денег. Господи, как он благодарил! Его голос все еще в ушах отдается: «Спасибо, товарищ! От души благодарю вас за то, что поняли меня!».

Голос прямо восторженный. Это меня опять к земле вернуло.

Потом жалела, что не догадалась ему руки пожать.

---

* Историческая правда в романе де Виньи «Сен-Мар» (*фр.*).

** Никогда не слышал и не читал, чтобы в громе было «отеческое»; но если это есть, как впечатление, то не из него ли родилось в древности, что атрибутом «Отца богов и людей», Зевса, была молния! Удивительная, вещая обмолвка. Случайна ли она? Или это длительное, постоянное впечатление девушки, с этим особенно в ней сильным чувством, «своих родителей», и, в частности и особенно, преимущественно – отца. Недоумеваю. Спрашиваю. *В. Р.-в.*

Письмо это пошлю без марки, скорей дойдет.

Как вы могли сомневаться в моем ответе на то письмо [где, думали, – обидели меня. *В. Р.*]. Знайте, во мне нет формы, и формы я вовсе не чувствую, а только сущность. Оттого я совсем не понимаю и литературных форм: «эпос», «лирика», «драма» – для меня пустые звуки.

Из всех ваших мыслей* мне больше всего запало – что, может быть, мы живем в великий век окончания литературы. Литература началась афоризмом (изречения Христа) и кончится им. Это ее таинственный цикл развития.

.....
...Он бездонно глубже океана слез очей. Я очень грешна, но мне Бог все простит и на страшном суде скажет: «Много, очень много согрешила, дочь моя, но – иди с миром, ты мукой своей все искупила».

И я верю в это. Ибо за все я плачу не формой, а сущностью, кровью своей души. Веру не любят только шапочные знакомые, – родные, близкие все любят. О, не примите это за фарисейство – но я чувствую в себе иногда мученицу. Я люблю муку, я ищу ее. Итак, вы письма получили, успокоились – и я опять могу сесть за занятия.

Видала во сне Царя и Его двух дочерей Ольгу и Татиану. Я часто Его вижу** во сне. Часто теперь вижу бои. А сегодня видала, что Варшаву взяли. Царь очень волновался, ибо дочери его ринулись в бой, а была ночь и гроза. Видала, будто Он был на курсах и сходил с лестницы, держась за перила, и я себе заметила то место, где он приложился (*sic!* *В. Р.*) рукой, чтобы поцеловать по уходе Его.

Я не определенно Его люблю, а вообще Царя, тип; люблю Самодержавие, все свое исконно Русское. Реферат к 1-му декабря, верно, не успею подать; родилась очень интересная мысль – именно «Пророчество» Достоевского о теперешней войне. На это уйдет много времени. Если Веселовский не даст отсрочки, придется взять другую тему. Ах, почему я никогда не могу писать «как все». Я всегда «мудрствую».

А сегодня была на дворе, сдавать телеграмму, и теперь, верно, опять простудилась. Но я скоро поправлюсь.

[Без подписи]

XXXV

(8 ноября 1914)

Мне нездоровится. Но это пустяки. Лежу; в душе порядок, и в комнате порядок.

Отправляла посылку сыну Калиночки, Глебушке, и простудилась. Сейчас буду заниматься, но хочется еще поболтать с вами.

---

* В «Опавших листьях», которую я ей послал, одновременно с «Людьми лунного света» и «Уединенным». *В. Р.-в.*

** «Царь» и «Его» – везде прописные буквы в письме: чего нет, как я со смущением увидел, даже в «Жизни и трудах Погодина» нашего маститого Барсукова. *В. Р.-в.*

Знаете, мне все на ум (вернее, на сердце) приходят слова одной песни народной:

Не за то тебя люблю,
Что ты, миленький, пригож,
А за то тебя люблю,
Хорошо меня зовешь.

Вчера мне это ваше милое письмо, полное таких извинений, деликатности и нежности, – мне все ночью мерещилось.

Знаете, я все время про себя тихо, тихо радуюсь, смеюсь.

.....
Знаете, я не люблю Лизы Калитиной. Что она хотела сказать своим уходом в монастырь?

Совсем как «бонтоная» немецкая барышня: «Ах. Не могу».

И себя исковеркала и Лаврецкого. Безумно глупо. Вот если бы она жила с Лаврецким и несла свою муку от этого в себе, тогда бы, может быть, я ее любила. Как будто для того, чтобы каяться, нужно обязательно в монастырь идти??!

Сама жизнь дает столько для самоистязания, что вовсе не надо придумывать всякие власяницы и вериги.

Это, знаете, особенная «христианская литературность».

Слушайте, – сегодня меня одна нищенка «пташечкой» назвала за то, что я ей пятиалтынный дала.

Мне радостно, и я хочу, чтобы всем кругом меня было радостно.

Да, вот что: вы мне «в натуре»* больше нравитесь, чем в ваших книгах.

Ну, зачем вы всюду говорите, что вам 54 года. 56? Ведь через 1 день после того, как вы написали, вам уже будет, положим, 56+1 день и т. д. Я хочу сказать, что это вносит элемент *временности*. Живите да радуйтесь – помереть все мы еще успеем.

Но вообще про ваши книги нельзя сказать, что они «нравятся» или «не нравятся» – а только что это «ваши книги», и все.

Печку сейчас затопят. Мне так хорошо и тепло. Несмотря на маленький жар.

Смотрю на свои руки и удивляюсь, как они похудели; вообще, у меня руки тонкие – кость очень узкая. Но они всегда были круглые, а теперь похожи на руки подростка.

В. М-ва

Пью чаек с малинкой. Тепло; а ем клюкву в сахаре – вкусно!

И папироски тут же.

Вы подумайте о том, что я вам писала о «восходе» и «заходе» (солнца. В. Р.). Ну, как это вам самим в голову не пришло. Летом я любила спать на балконе.

---

* Т. е. в письмах, – так как мы никогда не видались, – и карточку свою, долго отыскиваемую, я послал только позднее. *В. Р.-в.*

Тихо этак, звезды большие. И вот я наблюдала, как утренняя и вечерняя заря почти касаются меж собой... Не порывисто, – нет, а тихо, тихо. А ночное небо горит тихим огнем восторга.

Что может быть смешней Толстого в старости! Рассмеешься в лицо времени. Смех – единственное, что отличает природу от нас. Мы *умеем* смеяться.

Гм гм... меня поразило, что я говорю о смехе. Кажется, Ницше то же самое *хотел* сказать «Веселой Наукой»!

Вера М-ва

XXXVI

[9-го ноября 1914 г.]

Нет, никогда писать не буду. Я ведь нервами пишу, кровью. Я не вовремя прилетела, слишком рано. Я только к афоризмам способна, – доказывать их лень, развивать еще больше. Мне только можно поверить. В гимназии на рефератах самые тонкие замечания мне принадлежали. Но тот учитель еще сказал: «Вы слишком разбрасываетесь, из вас ничего не выйдет, разве мыслитель». Помню был реферат: «Психологический тип *Идиота*», учитель велел его разобрать как литературный тип Иванушки-дурачка. Я встала, говорила 2 часа – доказала, что это не то что – *юродивый*. Дала психологическую характеристику «дурачка» и «юродивого» и их глубокое отличие. Всю лит-ру перевернула вверх дном для доказательства. Никто не мог спорить, я их всех «заговорила».

Я была бичом для 8-го класса. Теперь прошло 2 года, я пришла к новым и новым мыслям. Я могла бы написать свою «Поэтику». Я много думала над «формой» и «сущностью». Форма, которой занимаются почти 2 тысячи лет, мне представляется шелухой: – ну, не все ли равно, как себя выявлять?! Важна мысль [тема] – в камне ли, в слове, в звуках, в мышлении отвлеченно – это безразлично.

Оттого мне так трудно писать или давать оценку художественной форме: ничего я в ней не понимаю.

Ведь как начинают писать романы или стихотворения: сперва формы нет, есть творческий туман, – особый, с пантеистической окраской, – никому, кроме самого художника, не понятной; и вот чтобы сделать его понятным для всех – нужна форма. Она, когда творческий туман доходит до кульминационного пункта, – с болью и мукой рождается. Допустите на минутку, что люди стали все ходячими нервами, – и не надо было бы Толстому писать 2 тысячи страниц «Войны и мира». Но форма как «вещество» благодарна – она *сосуд*, который хранит драгоценную влагу мысли. Но ведь из этого не следует, что надо 2 тысячи лет изучать все эти сосуды и – увы! – так редко заглядывать внутрь.

По-моему, величайшим, мировым, надчеловеческим произведением являются пирамиды. Тут полное пренебрежение *формой*, «форма груба, – форма сосуда, – вот мы сделали его грубым, чтобы он был прочен», – как

будто говорят египтяне. В пирамидах же важна не она (т. е. не эта самая форма именно *пирамиды*, т. е. сходящиеся в одну точку фигуры с квадратным основанием. В. Р.), а мысль о *закреплении*. Не спутайте меня с декадентами, – если бы они были немного поумней, то, вместо того чтобы такую мысль конкретизировать нелепыми стихами, – они бы ее довели до абстракции. *А ведь абстракция есть в конечном смысле высшая конкретность* (опять мне лень развивать, но поймите так).

Я не особенно много читала, я больше люблю думать *по поводу* прочитанного. Вот я думаю, если бы передо мной поставили коробку шоколада и книгу, – а я была в зените лени и созерцания, – то, верно, не потянулась бы ни за книгой, ни за конфетами. А потом, отлежав один бок и повертываясь на другой, я бы случайно задела край книги, прочитала бы ее название, и другой бы день лежала и думала по поводу названия.

Лежание для меня плодотворнее всех книг (это я чувствую). Я это лето ничего не читала, а вместе с тем не поглупела.

Когда начинаю говорить, – то подавляю, а не убеждаю. И потому не люблю вступать в «умные» разговоры.

Ну, а вас, – вы писали мне, – не подавила, а «обрызгала» (как свежее холодной водой. В. Р.). Вот мне и хорошо и радостно.

С вами мне совсем просто: не надо сокращаться, можно и зевнуть, и вытянуться, и рассмеяться, и заплакать. И вы и впредь давайте мне жить, чем я есть, – без поправок.

Вера М–ва

[9 ноября 1914 – второе письмо]

Знаете, мне хочется на Курсах изучать санскрит, – не для филологических умствований (Боже сохрани!!!), а для того, чтобы съездить в Индию. По-литовски я говорю – его выучила в имении у дедушки.

Индусы величайший народ в мире. Они – прообраз судьбы всего мира. Лежат да думают (созерцают). О, я пушу в ход все хитрости, но я проникну к ним! Я так хочу этого. Что против индусов греки, и вся наша философия, с таким снисхождением их разбирающая – плевок, да и только.

Ну, а если я засяду за санскрит – прощай весь мир.

Мама моя тоже мечтала побывать в Индии, – но для того, чтобы полюбоваться природой. Ну, а я – вы знаете – не люблю любоваться ею. Мне моя великорусская природа, с тощими березоньками, с болотами и покоровшимися хатенками, – больше нравится, чем всякие «сильвасы» и «пампасы». Но философия индусов, учение о гипнозе чертовски меня интересует. Когда у меня были длинные волосы, то я вечно валюкалась с растрепанной косой и мама меня сравнивала с плачущей индуской.

Право, у меня что-то родное с ними есть, знаете, у них, вероятно, есть что-нибудь очень интересное и о той загадке, которая нас с вами столько занимает. Все эти брамины несомненно... Но наши господа ученые, конеч-

но, заняты всякими служебными соображениями и филологическими разысканиями, где им внутрь филологического сосуда посмотреть (а ведь речь человека – сосуд чувства).

Вера М-ва

.....
Занятия на Курсах? Реферат? Туда я души не намерена вкладывать. Очень нужно писать душой этим «гомункулам» – крови в них нет!

Как мне жить теперь хочется.

В. М.

XXXVII

[Получено 11 ноября]

Не умею ценить подарков (с детства), всегда в этом извинялась и просила никого мне ничего дорогого не дарить. Мне не подарок важен, а «запах» подарка.

Калиночка мне подарила чашку глиняную, и ее берегу и буду плакать, если разобьется, – а папа дарил медальоны, а я их на слом продала. Но тот же папа привез из Токио чернильницу – 2 сердца с хризантемами на них (тонкая работа) и подарил, очень любя, и ее берегу. Ну, так и все. Мама мне много дарит, а из всех ее подарков уцелел 5 коп. слоник! Нет, я совсем «никудышник».

У меня своя библиотека (книг 400), внешне в порядке, внутри – свинство, отогнуты страницы, примечания карандашом и чернилами (что было под боком). Простыни вечно в чернильных пятнах – пишу ведь лежа. Нередко еще в детстве, когда горничная делала постель, вываливалась чернильница и пр.

Сделают мне, бывало, платье красивое, а я с ногами, одетая, в постель и бухнусь – мама только руками разводила: «В кого уродилась?!!». Мать Калиночки уверяла, что и Калиночка под моим влиянием становится неряхой. Ну, вы видите, с какой дурой переписываетесь. Замуж, между прочим, я потому не выйду, что не понимаю ничего прилаженного, повседневного, кроме повседневной неряшливости внешней. Внутри я аккуратна, чистоплотна.

Литовцы ужасно ленивый народ. Про них сложилась поговорка, что «они воняют от лени».

Язык у них оригинальный, богатый, масса ласкательных имен. Наша француженка называла его «langue caillé»* – но это ерунда.

Страшно много чувствует филологич. ухо нежности в этом языке. Например, (пишу в русской транскрипции) **Мать – Мотина** (звук о – густой, полный = au). Ласкательное – **Мотинеле**, береза – **бержяле** (вы слышите, какая тягучая нежность в них!!). Ругательства, как и в русском, сильны. Но песни – песни дивные, заунывные, *тягучие* без сильных переходов. Как будто не горлом поют, а душой.

---

* «квадратный язык» (фр.)

Такая мечтательная душа звучит у иного заросшего грязью литовца, что куды тебе Байрон, и мировая скорбь – игрушка против этой тоски, ничего не ищущей, не стремящейся ни к чему лучшему: именно «скорбной» тоски.

В языке у них оригинально, что нет нашего «да». Литовец вместо «да» говорит «тейк» – уклончивое «так».

В этом отсутствии «да» очень много глубины. Поистине «да» надо говорить осторожно, лучше «так», русское – «пусть»*.

XXXVIII

Царя я часто вижу во сне: этим летом я Его и Ее видала: будто бы Царица задала разрешить, что на свете в жизни самые 3 главных слова. И вот Они идут по площади, я Их встречаю. Царица мне кладет руку на плечо и спрашивает: – Ну, ты разрешила? Я не знаю, что ответить, и вдруг сверкнула мысль, и я выкрикнула: **жить, любить и радоваться** – оказалось верным. Мне было 14 лет, праздновался 50-летний юбилей нашей гимназии, Царь прислал телеграмму, ее нам прочли. На другой день еду в конке, а меня задевает какой-то тип (поляк):

– Вы-де слышали чтение телеграммы?

Я с достоинством:

– Слышала.

– И вас не поразило, – что Царь сам не приехал?

– (Я не задумываясь): – Нисколько. Гимназий на Руси хоть пруд пруди и, если Царь на все юбилеи будет приезжать, то, пожалуй, сапожники умрут от переутомления.

Он: – А, по-моему, Царь п... (бранное слово).

Я: (я бы его могла ударить по его польской харе), но ответила:

– Ну а я Его люблю, а вы – все от зависти. Было у вас ваше государство; что делали ваши «умные» короли, только шашнями политическими занимались, а теперь – «что мы имеем – не ценим, в потерявши плачем».

Он: – «А вы хотели бы быть Царем? Вы были бы Екатериной II».

Я: – Боже меня сохрани! Иметь таких подданных, как вы, например – уж лучше жить нищим.

Он: – Вы далеко пойдете.

Словом, все в таком роде. Это был, вероятно, или сумасшедший, или патриот, или шпион.

Но разговора этого я не забуду вовеки.

Поляков я **ненавижу**.

Поляки – это наше государственное бремя; ах, как неосторожно было с нашей стороны послушать Фридриха II, но поляки сильны своим консерватизмом, – а консерватор всегда знаменует цветущую сильную нацию.

---

* Еще лучше: русское – «ну, что же»... – «Я так сделаю? А?!!» – «Ну, что же...». Великая филологическая охрана свободы. *В.Р-в.*

И я им завидую, завидую умению полек воспитывать действительных граждан, у нас этого нет. Еще в люльке какой-нибудь г. Герцен пищал: «Не хоу самодержавия», «да здластвует леспублика». Это ужасно больно.

Когда я уезжала (на курсы?) и прощалась с дедушкой, он мне сказал: «Вечерочка, люби Царя, не слушайся и не поддавайся никаким левым влияниям».

И дедушке не нужно было это говорить.

Критиковать строй всегда легче.

Каждый из нас пришел и живет миг, и нет человека, который был бы «вначале» (Толстой), а потому *нравственного* права не имеет переименовать, все само делается, и все – «пустить».

И как все мудро устроено! Государство – это человек. Ну, разве я думаю, куда поступают белки, углеводы, жиры?

Плевать мне – я хочу есть и ем, а до остального никакого дела нет.

Мне надо отослать письмо, и я наклеиваю марку с дорогим Портретом одного из Царей (и делаю это с наслаждением), а куда поступит этот гривенник, в какую сложную комбинацию он попадет – мне решительно все равно.

Единственно, что меня беспокоит, – это моя совесть.

И вот я стараюсь стать лучше – и все.

Зачем мне переименовывать для этого государство???

Это дико, бессмысленно.

А все эти Некрасовы, Щедрины – просто больные, и им надо было просто обратиться к врачу: – «Так, мол, и так – у нас желудок плохо варит» (у Некрасова действительно было что-то неладное с желудком).

Ну, а у меня желудок всегда в порядке, и мне не из-за чего сердиться.

Это мой политический символ Веры.

Царь, Царица и Наследник у меня всегда на столе (Их карточки). Русский национальный флаг самый красивый в мире. У немцев – черный, красный и белый.

У нас мягкий синий, мечтательный, уступчивый. Синий цвет мой любимый. Этот синий цвет, темный, но не черный, как у немцев, *смягчает* красный и есть выражение политической физиономии Русского Народа. Мягкость, неуловимость, «не от мира сего» – вот что выражает этот синий цвет. И хоть Тургенева я терпеть не могу, но он раз сказал умное слово – по обыкновению полунебрежно, по-барски, «по-тургеневски»: «Космополитизм – чепуха, космополитизм – ноль, хуже нуля».

Россия без каждого из нас может прожить, но никто (из нас. В. Р.) без России не проживет.

Аминь.

В. М-ва

Индия – это моя душа.

Но душу я положу на престол Царя и отечества. «Боже Царя храни» – это лучшее, что я знаю.

[13 ноября 1914 года]

Мне никак невозможно выбраться из Москвы до весны. Весной экзамены, летом брат приедет младший. Он меня не видел 2 года, и я ему пообещала, что пришлю деньги на дорогу; он во мне нуждается – он теперь начнет просыпаться, много читает, все у него бродит; целое лето с ним буду беседовать, образовывать; от этого будет зависеть будущий характер его жизненного пути, с этим шутить нельзя.

В. М-ва

Сижу сейчас за Достоевским. Некогда заботиться о себе. Все время мороз восторга по коже пробегает, сейчас начнут зубы стучать.

А ведь читаю «Дневник писателя», о котором дурак Вересаев так пренебрежительно высказался. Что о Д-ском говорить – я бы кандидатское соч. взяла бы о Достоевском, принесла бы с пустым листом, заплакала бы и сказала: «Достоевский был и есть» – и больше ничего*.

О, но никогда, никогда не посмею о нем писать!

«Общ.-полит. взгляды» (Достоевского. В. Р.) я осмелилась взять (на тему курсового сочинения), – но знаю, Достоевского обнять нельзя.

Слушайте: допустите на минутку, что Россия исчезла с лица земли, – что останется, как память о ней? – 4 фигуры: Федор Павлович, Митька, Иван и Алеша – обнявшись (обязательно, обнявшись) вечно будут стоять. – Если Европа задавит Россию – ее священная обязанность будет – в середине земли поставить этот памятник.

.....
Вот образчик того, что высшая конкретность есть вместе с тем и высшая абстракция. Пример – из Достоевск. не стыдно брать, это не «форма», а «сущность». Митька говорит: «Я хочу!». Алеша: «Пусть!».

Р. S. Безумно устала на Курсах. Теперь еще лечусь. Попался там хороший доктор – с лучистыми добрыми глазами – называет «детенышком» меня. Он составил очень удачную комбинацию веществ. Так рада, что вовремя обратилась к нему. Теперь поправлюсь.

XL

(14 ноября)

О храмах у вас** глубоко и остроумно.

Почему у нас нет национальной архитектуры? Да потому, что Русь зачалась уже в период письменности и все мысли выявляла на бумагу. Вот почему

* Удивительно. Вполне удивительно. Что сказано? Ничего. И вместе так много! – бесконечно. Сказано человеческое волнение «о нашем родном Достоевском», – и во многих ли критических о нем статьях сказано так разительно, но кратко и всеобъемлюще. Вполне удивляюсь уму и дару всего 19-летней, почти еще девочки. В.Р-в.

** В письме к ней. В. Р-в.

у нас самая глубокая в мире древняя литература; когда я о ней думаю, то – знайте – я думаю о Достоевском.

В.М-ва

XLI

Вот вам образчик того, какой у меня почерк, когда захочу писать красиво. Не смотрите на то, что без «ъ», я полгода писала без «ъ», – так себе, по глупости допустила вольнодумство. Простить себе не могу его. Как я осмелилась исковеркать* историческую грамматику?!?!

Ужасное свинство.

(Без подписи)

XLII

Два письма от вас, и тем сладостнее, что не ждала. Почтальон принес в 9^{1/2} вечера. Никогда так поздно не приносили. Нет, Вас. Вас., *девочкой*** я не буду. Я никогда девочкой не была.

Знаете, мне врезался в память один разговор с мамой: мне было лет 10–11 – я как-то обронила: «Я женщина». А у мамы *бессознательно* вырвалось: «Ты женщина?!!» В этом бессознательно инстинктивном возгласе было и *презрение* (оно было) и насмешка. «Этакий карапуз и женщиной себя воображает», – и я *10-ти лет* это почувствовала.

Нет, Вас. Вас., я могу бояться, что не понравлюсь вам, если мы свидимся, но ни минуты не задумывалась над «девочкой» (? В. Р.). Я все делаю сознательно и это давно не *порыв*.

Только что получила телеграмму от мамы. Брат уже в Петербурге и, верно, я туда поеду.

Так. обр. может увидимся?! Остановиться придется у теток. Тогда я зайду к вам.

(Без подписи)

---

* На оторванной полустранице гимназической тетради. Почерк – н и ч е г о н е и м е е т о б щ е г о с т е п е р е ш н и м; и, может быть, это признак быстрого, до болезненности, роста – физического и душевного. Какое замечательное суждение о писании без «ъ»... К ее рассуждениям я добавлю свое: в писаньи без «ъ» есть какое-то нахальство и самоуслаждение. Скрытно такой без «ъ» думает про себя: «Я так много пишу – особенно так много собиралась написать, что уже заранее приучаю себя дорожить каждой ^{1/100} минутой в письме: не напишешь всех замечательных мыслей, если станешь писать с «ъ»». Девушка прелестно это характеризовала: «свинство». Так и оно есть в о т н о ш е н и и и с т о р и и. Летописцы не торопились и написали вечные слова. Не торопились и философы – и тоже сказали вечные истины. Но нашим гимназистам и тоже адвокатам решительно некогда писать с «ъ», ибо когда же и как выболтается пустопорожняя душа. **В. Р-в.**

** Должно быть, в ответ на какую-нибудь мою обмолвку. Не помню. Вероятно, в связи с ее возрастом. **В. Р-в.**

XLIII

Пятница. Случайно: сегодня на улице встречаю почтальона и спрашиваю: «Есть письмо?» – «Есть». Дает письмо – смотрю от вас, и написано – *городское**. У меня сердце заглохло. Смотрю подробно адрес – к Б-ву. От папы получила открытку – здоров. Завтра пойду к Б-ву.

Еще сделаем условие: когда увидимся – ни слова об «умностях» и разной философской галиматье. Для этого есть письма. А то вы затронете какой-нибудь интересный вопрос, и я забуду вас и начну философствовать: это уж от рук вон. Если это даже и случится, то вы не церемоньтесь: остановите резко. В среду надо подавать реферат. Сегодня ночью его кончу... А мы с вами вечно бродим, и где-то Бог отдых и пристанище пошлет – не знаем.

.....
Вообще это совершенно какая-то новая для меня мысль, где-то у черта на куличках брезжит о чем-то, но молчу пока.

Вера М-ва

XLIV

.....
В письме вы упоминаете еще о любви из сожаления, – и что у русских это частая форма любви. Это любовь-жаление мне органически невыносима. Жалеть и любить можно хромоногую собачонку, – а настоящей девушке легче снести пощечину, чем такую любовь.

Работы мне предстоит воистину много. Боюсь за себя, что не «отдышусь».

К Рождеству приедет ко мне мама. Она многого не должна узнать обо мне. Как скрыть от нее то, о чем я не могу сказать ей; одно спасение – глаза – милые мои глазочки, не выдайте Веры. Хотя мама и уверяла, что она по глазам все может узнать – но это ерунда.

Реферат я подам в среду 10-го, в 10 ч. утра.

Теперь я счастлива, а, когда в пятницу была у Б-кова, было грустно и, кажется, это проскальзывало, в общем я несла у него «белиберду», это со мной случается, когда нет настроения, а надо отвечать на вопросы.

В. М-ва

XLV

(14 ноября)

И опять скажу, как вы меня мало знаете, прямо «страшно» мало.

Вот опять выдумали себе муку..... Вольтер сказал (глубоко извиняюсь за цитату из этого дурака) – «Если бы Бога не было... то Его бы выдумали

---

* Письмо к С. Н. Б-ву, «знакомящее с подательницей». *В. Р-в.*

люди» – ну, а если у Василия Васильевича нет муки – то он ее хоть на дне пропасти да отыщет.

А это очень грешно.

Ведь жизнь – само испытание, сама мука, т. е. способность мучиться* это самое святое, что дал нам Бог, и «воровать» себе муки *нельзя*. Вы идете по траве и давите червяка – вот у вас мука. Со мной бывали случаи, когда, долго лежав на траве и всю измяв ее, я вставала и ползком расправляла ее.

Как я вам могу сказать наперед, как буду с вами обращаться?*** Вы зададите мне поистине ужасно трудный вопрос. Мое постоянное в письмах возбуждение, конечно, в чем-нибудь выразится. Но даю вам вперед совет – перестать молиться на меня, перестать преклоняться. Этим, и только этим, вы меня расколodите. Я думаю, что этим вы первую жену вашу оттолкнули. Тут, видите ли, дело в психологии; с ней надо считаться...

.....
Тут дело не во мне (душа у меня ни при чем во всем этом), а в моей психологии – сильной, самобытной женщины.

Ну, вы видите – я все понимаю и ничего не скрываю.

Знаете – женских типов на свете столько же, сколько женщин на земле.

И я, может, больше женщина, чем многие из тех [замужних? В. Р.], кого я знаю. Ум оставим в покое. Для Калиночки я, как женщина, осталась психологической загадкой. Да что тут много толковать – откройте свои опавшие листья (стр. 55) – «сила».

Я органически не перевариваю половой «слабости» (*не физической, а духовной* – есть такая духовная половая слабость). Это как женщина, как форма. Сущность моя никаких точек соприкосновения с «этим» не имеет.

Когда девчонкой лет 14–16 я увлекалась Геккелем, его монистической натурфилософией – то я *сама* была немим оппонентом ей. Ибо «дух», «душу» я именно чувствую совершенно свободной от формы. Но вот мой дух проник, *всосался* в мою «форму» и придал ей – искони сильной – какую-то мягкость, Алёшино [Карамазова. В. Р.] «пусть», Алёшину тихость, покорность.

Ну, теперь, наконец, я буду вам понятной***.

Вы говорите, чтобы я приехала в Питер. Это я могу только в *феврале*. На Рождество приедут мама и Калиночка. До Рождества рефераты.

Потерпите, мой друг.

(Ну, вы чувствуете во всем письме мое какое-то «превосходство», – как вы раз выразились; это вы виноваты – мой дух сам протестует – т. е. не дух – а то «душевное», что всосалось в мое тело).

Вы верно сказали, что я «странница» – в сущности, бродяга, не по форме, а по сущности. С понятием «бродяга» связано движение – ну, а я только и делаю, что лежу, да созерцаю но по духу – я страшная, бездомная странни-

---

* Какое-то слово явно не дописано. В. Р.-в.

** Предполагалось, что на Рождестве мы увидимся. В. Р.-в.

*** Не весьма. В. Р.-в.

ца. Семья? Я никогда не смогу создать ее – и знаете, хоть я в принципе против монастырей – но там кончу, верно, свою жизнь или уеду в Индию – что, в сущности, одно и то же.

Знаете, я, как Святогор скажу: «Грузно мне от своей силушки, как от тяжкого беремени; чувствую, как она живчиками по всем жилочкам переливается».

Но Святогор увяз от пустяковой сумочки переметной.

Это не от бессилия ее поднять.

Я тоже «увязну».

Эта сумочка переметная, легкая всем – мне тяжела.

Эта сумочка – это время – *современность*. Все живут во времени, знают, что «вчера», что «сегодня» – я не переносу этой современности и потому должна молчать. Я органически не перевариваю откликаться на злобу дня. Я все люблю созерцать, в абстракции, без этого элемента возбуждения, негодования, страсти и прочее.

Вы сказали, чтобы я, сберегая время, мало писала: – «Здорова, бегу по делу. Верушка М–ва». Знаете, я не могла бы подписаться «Верушкой» – я страшно себя чувствую именно «Верой». Сама не знаю, почему? Ну, вот, друг мой, вся правда обо мне.

Еще вы спрашиваете о характере и приводите его оттенки. Пламенной или страстной, чувствую, я не могла бы быть. Но могу быть покорной. Это мое вечное «пусть». Это я говорю а priori – но почему, сами посудите – я могу знать, что «выйдет» или чем «буду».

В. М–ва

XLVI

.....
И вы, и я – мы каждый представляем из себя замкнутый круг; т. е. что-то, что нуждается только в себе, и не ищет в другом и ни в ком дополнения. О том, о чем мы говорили – мы еще скажем настоящее безумное слово миру. Я простужена и лежу в постели.

.....
У мамы много предрассудков – «qu'en dira-t on?»* Это меня всегда возмущало в ней.

В таком, о каком я говорила вам, поступке – стыда никакого нет, может быть – рок и мука – но в муке залог искупления**.

.....
* «что об этом скажут?» (фр.).

** Я беру эти скользкие в письме афоризмы, которые конкретно (т. е. без наименования, о чем идет речь) не понятны читателю, но он может следить за течением души девушки и отмечать общие законы возраста и нравственного таланта. *В. Р-в.*

Я очень упорная, и, если чего захочу, то сам черт об мое желание сломит свои рога. Довольно об этом – скучная история.

.....
.....
Вот темная холодная ноченька со звездами плывет в комнату ко мне и мягко ложится таинственными голубоватыми тенями на постель. Ну, спать пора.

(Без подписи)

XLVII

.....
Вы пишете о пороках. Странно и страшно, что некоторые из них дают ум, чутье, душу. Еще вы пишете о теплоте. У меня нет ее. У меня есть теплота в звуках, в наблюдениях, но это *след* мирового тепла. Я не могу быть нежной, не умею. Еще о пороках: некоторые из них открывают щелочку в мир нежности и тепла – дают *созерцание* тепла, но не тепло. В них ключ к томлению, к грусти.

Знаете, я убеждена, что Иисус тоже был... Теперь это дико, безумно звучит, но, может быть, в XXV веке в этом никто не усомнится.

Откуда у Него это томление нежности, эта полная атрофия чего бы то ни было полового?

Переверните эту мысль.

Еще: я никогда не захочу быть матерью. Ум мой не устроен для этого – я думаю, что мой ребенок был бы идиотом. И при всем этом у меня стыдливость граничит со смешным. Но так как я еще горда – я никогда не показываю этого.

Вы говорите, что в моих к вам письмах попадают и нежные места, выражения, строки. Но ведь я впечатлительна до крайности, я на все отзываюсь.

P. S. Завтра снесу и отдам заказным, хотя простужена. Еще к характеру: во мне вовсе нет, и ни к чему нет – «буйства», «исступленности», во мне «тихость» есть.

Вы не получили 2-х моих писем, одно послала в воскресенье, другое в понедельник. Я думала, вы больны, и боялась этого.

Ох, не сдам заказным, болит правый бок, где плевроит был!

.....
Ах, проклятая инфлюэнца меня замучила: сухие руки, жар и кости ломит.

(Подпись забыта)

XLVIII

Ах, какой вы скромный. Читала ваше письмо и тихо смеялась. «Нате, новый танец», – думала я, – какую тихость напустил на себя. И это неподражаемое: «глубоко покойный». Это верх совершенства. Перестаньте фигурировать – не люблю. Будьте собою. Посылаю папину карточку – верните; мамин-

на – очень большая, и прислать не могу. Она висит в раме у меня над кроватью, – снята в натуральную почти величину.

.....
Ваше описание напомнило мне «Голод» Гамсуна, где Илаяли зазывает к себе героя и дразнит его, а когда раздражила, то стала умолять, чтобы он ничего с ней не делал, и дала только поцеловать свою грудь.

(Без подписи)

XLIX

Знаете, я всегда нутром понимала любовь Марии с Мазепой и злилась на тех дураков, которые говорили, что Мария тщеславна была. Экие дураки, прости им, Боже, их глупость.

Да, весенняя распутица, – а вот сейчас молоденькая слякоть* высохла и вступила в свои права. Еще о любви: наблюдая, иногда видишь, что нельзя любить, грешно. Но потом думаешь: что же делать, если любится? Преступление в любви начинается только, если одна женщина отнимает человека у другой женщины. А любить, т. е. *самому* испытывать это чувство, – никому не воспрещается. Поэтому и в любви Марии к Мазепе было несчастье для нее самой, но не было греха и порока. Она его ни у кого не отнимала. Ах, я безобразно простужена, но теперь я хочу и должна быть здорова, и буду заботиться о своем здоровье.

К истории Марии с Мазепой. Тут есть много тайного, почему она его полюбила. Люди удивляются, а ведь это есть в природе. Летом я любила спать на балконе. Тихо этак, звезды большие; и вот наблюдала, как целовались зори. Так и у людей выходит, что поздний вечер и раннее утро встречаются. И ночное небо горит от их поцелуев тихим огнем восторга. Хотелось бы что-нибудь «умное» сказать, да я не люблю из себя «выжимать». Пишу, что пишется.

Вы все пишете о годах своих – станьте над временем, будьте до конца оригинальным.

(Без подписи)

L

[14 ноября 1914 г.]

Слушайте: старший брат Володя, оказывается, влюбился в какую-то грузинку и она в него. Из-за нее пошел на войну, чтобы скорее жениться.

А мама мне и пишет: «Ну, а если он калекой вернется, что тогда?»

Я не берусь судить ни его, ни ее. Любовь – на том и крышка.

---

* Какое чувство природы в выражении, в филологии. Ради его – не пропускаю слов, которых в целом сам не понимаю (что-нибудь пропущено за торопливостью. *В. Р-в*).

Есть какое-то таинственное сродство между теперешней войной и нашей странной с вами дружбой. Весь мир воюет, чтобы убедиться, что существует. Ну, а в нашей дружбе, вы да я (особенно я), убеждаюсь, что существую.

Удивительно спокойно у меня на душе.

Вот и поужинала – за этот месяц, кажется, впервые. Не было аппетита – все противно было. Ну, а теперь покурим.

А Бог нас не накажет за нашу переписку?

От папы неделю ни слуха, ни духа. Он начальник хозяйственной части и почти в безопасности, но на войне пуля не щадит.

Ох, я становлюсь какой-то безобразно тихой и покорной. В этой роли еще не была. И мне так хорошо.

Один тип, который бывал вхож в наш дом, и который преклонялся перед мной, еще 2 недели тому назад прислал письмо, из каждой строчки которого сквозило «люблю». Я так и не ответила. Калиночка сердилась на меня за это, но, посудите, зачем мне вводить человека в заблуждение? Если бы я была «святая» – я вышла бы за него замуж, но одно «снисхождение» ведь недостаточно, а заставлять его плясать под свою дудку – *органически* не могу. Вообще мучить не могу, не могу. В романах сложную интригу *всегда* пропускаю, *не могу пережить ее*, – подростком пропускала и теперь один конец читаю*.

Знаете, мне было 14 лет, когда мама мне сказала, что у меня есть недостаток, вследствие которого я умру от первых родов; я тогда прошептала – так почему меня не убили маленькой**.

---

* Не выпускаю всех подробностей для полноты портрета. Зачем? К чему? Но-странствуя, живя, пиша (пишучи?) – может быть, самое ценное в том, что мы вообще у з н а е м людей, узнаем человеческие портреты... Разве не об этом написаны все романы и не это силятся выразить все стихи? Но как-то неинтересно выдуманное, изобретенное, – а вот «что встретится» – так интересно и, в сущности, так нужно. **В. Р-а.**

** Сознаю весь риск и всю вину перед корреспонденткой, что не выпускаю этого места. Но тут есть *fatum*, литературный и даже исторический. Почему в переписке, вне всякой темы, «случайно» сказались такое признание? Почему в письме не к другому, а именно ко мне? Я писал «Семейный вопрос» – с одной стороны; и писал и размышлял очень много о юдаизме – с другой. И вот мне, – да и всем, конечно, во всех цивилизациях мира, – было завидно восклицание Рахили мужу своему Иакову: «Дай мне детей, – а если не так, то я умираю» (– «хочу умереть», «умру»). Восклицание это знаменито и составляет одну из гордостей Израила. Евреи перед нами и перед всеми задирают нос ради этого. «Есть ли у вас свидетельство такого инстинкта чадородия?» И вот много лет я высматривал и на севере, и на юге, и на востоке и на западе, нет ли у нас где-нибудь, когда-нибудь сказавшегося подобного слова. И не находил в нашей милой, но бледной Руси. И – вдруг 1914 год, мне уже 59 лет, и в переписке с девушкой я встречаю совершенное повторение такого восклицания, и даже – кореннее, полнее, румянее сказанное: «Зачем меня не убили сейчас после рождения, если увидели, что у меня не может произойти родов?» Кто не почувствует, что это много-много полнее, много-много метафизичнее. Ну – и добавлю я – в этом восклицании оправдана наша Русь. Ибо сила инстинкта чадородия, его неуступчивость ничему, до того важна в стране и народе, что это, конечно, одна из национальных гордостей и одно из национальных величий. Вот ради сего я переступил через «границы издательства». **В. Р-а.**

Ведь мне действительно страшно не везет. Этот недостаток от прабабушки ко мне перешел, минуя бабушку (прабабушка, с этим же недостатком, от родов умерла) и 3-х ее дочерей. Почему именно на меня? Мне было 8 лет, меня повезли в Петербург, и тогда было изобретено средство против искоренения этой неправильности – именно прессовка; – но кости уже чересчур окрепли, профессор не рискнул. Так и осталась.

14 лет у меня вдруг невралгия седалищного нерва заявила. В Берлине доктор не хотел верить, он говорил, что это очень редкий случай. Теперь прошло, но всегда может заявиться. И при всем этом – такой здоровый организм. Грудная клетка широкая, – «крепко сшитая женщина» – сказал врач в Одессе. И вся моя психология двойится оттого: есть здоровые и есть надтреснутые струны. Словом – «недотёха».

Насчет этой неправильности профессор в Питере сказал, что на тысячу рождающихся девочек бывает один случай, у мальчиков – вовсе нет.

Но все это внутри, снаружи я здорова.

Видите: во мне смешалась утонченная, аристократическая и уставшая кровь матери и ее предков, и свежая, здоровая, крестьянская кровь отца; последняя взяла верх, а то бы я давно умерла.

(Приписки по полям):

В конце концов не все ли равно, от чего умирать? Но я должна жить и буду жить.

Спокойной ночи.

.....
(На клочке бумаги приписка):

Я всегда останусь собой, и вы меня никогда не узнаете, и никто. Нет! Нет! В ваших письмах всегда будет мелькать – «не совсем понимаю».

Я здорова. Но по обыкновению лежу.

Когда я начала с вами переписку, у меня была только одна мысль – я никогда не выявлюсь, пусть хоть кто-нибудь узнает. Но Богу угодно было и еще многое другое.

Пусть, – все хорошо, все – пусть.

Это «пусть» – есть самое лучшее выражение христианской сущности.

В письмах моих только мое «душевное тело» (Мережковский хорошо это расчленил). С дедушкой мы никогда не говорили об «умных» вещах. Только раз дедушка по поводу моей «радости страдания» сказал: Kind, was für tiefe Gedanken du hast!*

(Без подписи).

LI

[16 ноября 1914 года]

Лежу. Тут же лежат неразлучное Евангелие и Достоевский. Я откажусь от темы – не могу – слишком переполнена. Дайте мне, В. В., тему – совсем маленькую о Достоевском. Я напишу, – а Веселовскому возьму другую –

* Дитя, что за глубокие мысли у тебя! (нем.).

«Чувство природы у Тютчева и Фета». Калиночку успокоила на мой и на ваш счет. Теперь я убеждена, что она вам писала. Какая она дурочка, так меня заставила мучиться. Мне всегда молитва помогает – ужасно – на утро проснулась в 6 часов, просветленная.

За что меня Бог любит?

«Хорошо, добрый и верный раб! В *малом* ты был верен, над многим тебя поставлю»...

Вы писали о том, что понимаете только «вчерашнее» – представьте, это и моя особенность.

Я думаю, это от нашей чрезмерной впечатлительности: «сегодняшнее» всегда подавляет, «ничего не понимаю» – и я и вы молчим; а когда все нашумят, тогда мы начинаем соображать.

Мама еще не приехала.

Мысли толпятся в голове, мыслей много. В. В., дайте тему; это несчастье мое; не умею сама выбрать тему. Знаете, это и у Гоголя было. Ему ведь Пушкин темы предлагал. Из всего Пушкина (я его *не* люблю) меня только поразила одна мысль: «На свете счастья нет, а есть *покой* и воля».

Тема: «Чувство природы у Тютчева и Фета» – я «знатно» обработаю – срок в марте. Свой взгляд на природу я формулирую так: Природа есть мировая интуиция. Вдумайтесь в это: некоторое разъяснение вы найдете в том наброске 17-летней девочки. Если бы в природе был ум, она бы давно умерла. Но в природе нет ума, *нет рефлекса* – и это источник ее вечности.

Ко всему этому Верка приходит, лежа на брюхе, в громоздком Новопроектированном переулке (убийственное название). Москва славится своими названиями, есть, кажется, «Болванский пер.». Ей-Богу.

Ну, ваша несносная и надоедливая

В. М-ва

Вот вам листок из какой-то тетради. Я их в гимназии называла «Словесные рукоделия».

Из них кое-что, как бродячую мысль гимназистки, можно взять:

Эх, кабы на цветы да не морозы, –
И зимой бы цветы расцветали (Из народной песни).

«L'imagination gouverne le monde!» (Napoleon)*.
А что, коли это правда?!

Человек, имей силу не лгать перед собой.

А ну, как земля, воздух, небо, славное голубое небо – иллюзия?!

Кончать – так разом,
Вырывать – так с корнем,
И без плача и без рёва.

* «Воображение правит миром» (Наполеон) (*фр.*).

(18 ноября 1914 года).

Спасибо за письмо. Сижу в читалке (это прогресс – я ненавижу читалку, надо сидеть, это несносно).

Да, хорошо. Я вам буду товарищем – по темам и работам, от которых – вы говорите – так устаете. С охотой.

Сегодня я была такая милая на курсах, так ласково говорила с курсихами, что сама удивлялась. Я массу пропустила, но это плевое дело, что все языкознания в сравнении с Индией?!

Мама опять осталась на Кавказе и приедет лишь на Рождество. Калиночку успокоила, написав, что мы с вами только товарищи, которые друг друга любят и уважают.

Сегодня буду читать Бозанкета (логика), ибо завтра практические работы.

Вообще я стала какой-то ласковой да мягкой (удивительно мягкой), всем восхищаюсь, всем люблюсь, за боль других болею внутри.

Это все Бог делает и, может быть кое-что наша дружба.

Только сплю тревожно и ужасно мало, 4–5 часов. Евангелие всегда под подушкой.

.....
Между прочим, я родилась в 1895 г. 25 августа. О Достоевском в письме вашем верно только в той части, где говорите о (его) приближении к человеку, что он для читателя – «мой», и еще где говорите о том, что он до конца не дошел, не открыл всего*. Об остальном подумая.

Ваши «афоризмы» верну только послезавтра заказным, – нет денег. Дело в том, что я одолжила 60 целковых одной знакомой.. А сегодня последний целковый отдала на улице нищему. 20-го я получу из казначейства, а завтра я поеду в банк, куда немного откладывала для одной цели, и возьму.

Извините, это пустяки: когда я пишу о деньгах – у меня вся физиономия перекашивается от брезгливости**. Карточку Володи, о которой вы пишете

---

* Я писал, что такими фигурами, как Свидригайлов и Николай Ставрогин, Достоевский выразил свой испуг перед полом, – тогда как ему следовало еще приблизиться, еще сделать вперед несколько шагов – чтобы увидеть, что пол есть совершенно ясная и чистая глубина, доказуемая чистотой и невинностью рождающегося младенца. И т. д. *В. Р-в.*

** Молодо – зелено. Оценка и понимание денег приходит годам к 30-ти, когда сам войдешь в полосу труда, пота и железной необходимости, – а также и жалости к миру «обремененному». Кислиться перед деньгами нечего: ибо деньги есть просто заработанное и только заработанное. Чего же тут брезговать??? Ведь чтобы 19-летняя корреспондентка могла «дать нищему на улице рубль» (целый рубль!) и «60 целковых соседу в нужде», – и дать спокойно, в уверенности, что «получит из казначейства», – для этого надо было почтенным трудом потрудиться ее отцу и надо было в почтенной истории сложиться трудовому государству («казначейство»). Тон ее здесь – все равно как письмо без «ъ», там – без уважения к «исторической грамматике», а здесь без уважения к историческому царству, к истории вообще человеческой заботы и работы. *В. Р-в.*

что вернули мне, – я, значит, выронила, ибо самое письмо-то я взяла, и читала до глубокой ночи, – ну, а, значит, карточка выскользнула из конверта.

Сойдутся курсихи: сперва всякие учености – Толстой, Соловьёв и пр., – а потом заведут задушевный разговор о своем. И всегда я удивлялась – как многие из них жалуются на свое нездоровье, на боли, недомогания.

О «силе» [в книге «Война 1914 г.» В. Р.] – хорошо; и хорошо, что, придя домой, вы не стали делиться своим впечатлением. Я замечала на себе: раз скажу не написав, то потом не могу об этом писать – выходит скверно, лживо, и в бессильной злобе сжигаешь написанное. Для писания нужно глубокое молчание.

Ну, да вы и сами это знаете.

Аристократка ли я? – Только не по виду и не по комнате – так, в душе, верно.

Дедушка у меня аристократ до мозга костей. У него и имение пошло [прахом? В. Р.] от излишней щепетильности – рабочие воровали, староста воровал, – а дедушка не верил – и все говорил: «Как же можно так о человеке говорить!». И знаете, я страшно чувствую настоящий аристократизм, а он так редок! Вот живу теперь с мужиками, – а у них встречаются эти черточки* и я с жадностью к ним льну (Степаныч – и этот случай с папиросами).

Но всякая узкая мещанская черточка меня ужасно коробит: прямо физическую боль чувствую от нее.

Мама у меня аристократка, но раньше у нее мелькали черточки, которые меня отталкивали. Но несчастья маму омыли и смыли с нее все эти недочеты.

Одна беда: мама вечно интересовалась моими дневниками и делала это очень уж не тонко. У меня был дневник с ключиком – я писала о России и проч. Зачем она подобрала ключ?! Возмутительно! – я из-за нее бросила дневник писать, а то начала писать еврейскими буквами. Я жидовскую азбуку очень быстро постигла.

Словом, между матерью и дочерью в переходном возрасте возникает фатальная неизбежная коллизия.

Одеколон я употребляю только очень редко – обыкновенно одну свежую, холодную воду. Мама у меня водою со льдом обливается – ну, до такой

---

* Т. е. аристократические. Да наше крестьянство и есть настоящая подлинная русская аристократия, древняя и без примесей, и живущая древнею жизнью, великого и простого стиля. Это и многие думают. Одна очень образованная помещица Бессарабской губернии сказала мне: «Крестьянство, если взять его не ближе как верстах в 30-ти от железных дорог и безграмотное, – есть лучшая человеческая порода а, какую я знаю». И с печалью раз сказала: «У меня – школа виноградарства, и вообще я люблю школу, но моя грусть – что из нее уже выходят другие люди». В пояснение: «Они все начитались Леонида Андреева, думают о красивых сапогах с высокими каблуками и не понимают пойти в церковь». В. Р.-в.

виртуозности я не дошла, но люблю очень холодную воду. Комнатная температура воды мне противна.

Теперь о филологических способностях. У меня, несомненно, они имеются. Вот почему я это думаю: возьмем греческий – я никогда не путала времен – чувствую, *какое* время глагола надо употребить, – а я учила его 9 месяцев и сдала; здесь на курсах греческий не нужен.

В английском, в польском, в литовском, французском и немецком, даже в ненавистной латыни, я всегда верно употребляла *время*. И, по-моему, это главное. Я филолог; нутром чую этот оттенок между «летел» и «лелал» – во всех языках.

Страшно быстро воспринимаю все эти «*mots de valeur*»*, в каждом языке, – но это не мешает мне делать грубые ошибки в остальном (это происходит от недостатка запаса слов). Но – лень мать всех пороков!

Все у меня в потенции. Но вы будете меня вдохновлять к занятиям, хорошо?

О карточке не беспокойтесь – я спрошу у фотографа, может он переснимет.

Знаете, что меня с индусами сближает? – *У них нет синтаксиса*. Боже, вот умные люди! Знаки препинания нам нужны, потому что мы не чутки. На самом деле, можно писать без них. Слова, «пар» от слов – дает больше, чем знак препинания. Ну, посудите: горе, радость, боль, восторг – какие разнообразные чувства – и их характеризуют одним восклицательным знаком.

Я знаки препинания ставлю только «для приличия», когда напишу письмо. Мне знаки препинания ничего не говорят. Чувство, которое один человек хочет передать другому, передается через психологическую и *бессознательную* выборку синонимов и *группировку* слов. Вот вам и весь синтаксис, а остальное «приложится вам». А знаки препинания загромаждают мысль, часто обездушивают фразу.

Ох, устала.

Да, еще о том журнале** – конечно, помещайте что хотите.

В. М-ва

О Герцене*** не знала. Вообще я мало что знаю. Так – больше чувствую. Учитель в гимназии всегда снисходительно говаривал: «Да, конечно – это любопытно». Это «любопытно» меня убивало. «Нерящество» – это мой рок: и вот закутаешься в теплый белый вязаный платок и бухнешься в постель.

* «ценные слова» (*фр.*).

** «Вешние Воды», – на мой вопрос, можно ли напечатать ее, весьма для студенчества характерны, – и интересные вообще, – письма среди других, в рубрике – «Из жизни, исканий и наблюдений студенчества». *В. Р-в.*

*** Я написал ей сведение, услышанное мною весной 1914 г. от проф. Владимира Ивановича Герье, жена коего – урожденная Станкевич, а потому он близко мог знать весь кружок Станкевича, и в составе его Герцена – что мать Герцена была е в р е й к а. Герье прибавил к этому: «Герцен был удивительно талантлив; но, конечно, все черты его – характера и таланта, и вся роль его – чисто и типично еврейские». Удивительно, что это как-то с к р ы т о в л и т е р а т у р е. А между тем в этом все объяснение Герцена с его «шумливой общественностью»... «Гевалт» фраз, хлопот, странствий и литературно-политической предприимчивости. *В. Р-в.*

Я театра не люблю. Какая-то добрая душа достала мне билет в Б. Театр, а я корежилась, корежилась – да отдала какой-то Полиной знакомой. Мне больше, чем в театр, – хочется залезть на большую русскую печку; тепло – «мальё», как говорит сосед по комнате Степаныч (удивительно выразительное слово – «мальё»). Ох, как голова трещит, даже буквы путаю.

ЛIII

[19 ноября 1914 г.]

Вот вам ответ на мысли последнего письма: это я написала этим летом, месяца за 4 до нашей переписки:

«Сидя у моря, мне пришло в голову:

А может быть, я не существую, т. е. не то, чтобы я не существовала, а то, что я не знаю, откуда у меня сознание, что я существую?»

Подле меня сидел пес.

Море бушевало... Глупое море! Веками оно борется с сушею и не может ее одолеть; не может оттого, что оно раздробилось на волны; каждая волна в отдельности набегает на берег и, конечно, разбивается, бессильная.

Что если бы все море сразу налетело на сушу?! О, оно бы ее искромсало.

Впрочем, это неважно.

Важно то, что пес *не сознавал* усилий моря, а может, и самого моря не чувствовал. А я все сознавала.

В сущности – *мы ничего не знаем*.

И никому не дана способность разграничить ноумена от φαῖνόμενα*.

Единственно, что дано людям знать – это пол; половая жизнь – это центр, к которому в конечном итоге все сводится. Есть же такие гг. ученые, которые и религию и науку выводят из пола.

Хотя для этой точки зрения не объясним Христос, который в круг пола никак не входит.

Но, вне исключительно одного Христа, – если, *не колеблясь воспринимать мир, как он есть, то мир – есть мировой пол*. Пол – это единственное, что человек сознает своей неотъемлемой собственностью. Он всегда думает о нем, никогда о нем не забывает. *Без пола человек не мыслим*. И в этом отношении мир ему представляется и прекрасным, и целесообразным, и законченным. Но пора сбросить с себя эти половые грезы о мире.

Правда, здравый смысл говорит «Я существую, ибо чувствую свой пол», – но, – где-то в подсознательном, – упорно сверлит другая мысль: «Как бы наука ни двигалась вперед, я никогда не узнаю хотя бы, например, того, почему я хожу, почему я не падаю, когда хожу?».

– «Сила магнетизма», – ответят мне. «Но кто ее видел?» – отвечу я. – Это ведь все гипотезы! Ерунда.

Да и откуда я, и что я?

---

* Феномен, видимое (греч.).

Положим, меня родила мать, а мою мать – другая мать, и так до I-й обезьяны-самки и до бесконечности.

Но откуда взялся пол в атоме?

Вот предел мышления – дальше идти некуда: холодно и пустынно и с оем носятся там всякие гипотезы, гнилые в самом семени.

Дойдя до этого предела, 2 дороги ведут обратно: путь агностицизма («ничего нет») и путь мистицизма («я ничего не знаю, ибо туп, но во всем священный смысл»).

Тут мистики ташут за фалды [свое понятие или свое слово. *В. Р.*] «Бога» и с триумфом заявляют: «Вот начало начал».

Но... *основная черта мистицизма, безусловно, лень.*

Лень додумать до конца, лучше вздремнуть «и ну их к черту*», все эти проклятые вопросы; есть Бог, на том и шабаш!»

Слов нет, очень уж уютно с Богом!

Но кто Бога создал??!!

И вот какая получается галиматья:

Огромное пространство, наполненное шарами, в десятки раз превосходящими нашу планету, – и всё и все *бессмысленно* вращаются в эфирном пространстве, удаляясь и приближаясь друг к другу и *никогда не* сталкиваясь.

Почему бы не попытаться нарушить эту глупую закономерность жизни миров?

А, впрочем, может, этой закономерности и нет, а она существует лишь в моем представлении – своего рода принцип экономии мышления?

Итак, ничего нет, а следовательно, можно завалиться спать!...».

Простите за убийственный слог. Знаете, когда я это написала, то у меня все лицо потом дергало судорога и я была немного спятивши. Ох, нет писем от вас.

Ваша В. М–ва

LIV

[20 ноября].

...Вот что: вы – своим чередом, а занятия – своим чередом. У меня масса работы, с января буду на аттестат зрелости готовиться, рефераты и все экзамены весной сдам (11 экзаменов и 4 реферата – 2 я уж подала). А потом – вы.

Пока удивительный подъем, надо пользоваться моментом.

[Без подписи]

---

* Гениально. Гениально и подмечено, гениально по-русски и выражено. Но, ма-тушка-курсиha: «мистиками» были и скоро бегающий Влад. Соловьёв, и «адамантовый» (по прозвищу от современников) Ориген, коего ус и д ч и в о с т и удивлялись все. Но, однако, – «в общем» наблюдение удивительно верно. *В. Р.–е.*

Вы находите, взглянув на почерк гимназических тетрадей, что я очень изменилась и развилась за последние 1½ года. Видите, – это время разрухи. . . . время упорного молчания, лежания и проч.

Фантазировать, как вы, не умею. Вообще – *не умею* фантазировать, от того и писательство мне не «к рылу». Вообще самобытного у меня нет – но есть «отсебятина». (Это не то же, что самобытность). Пусть около цветка или картины, или вообще какого-нибудь произведения творчества – пройдутся 1000 людей, а после них пройду я – и, если мне будет не лень, – я найду что-нибудь «свое», «новое». Но сама не создам **ничего** – я всегда могу говорить только «по поводу чего-нибудь» – комментарии. Я – никому не нужный комментатор, по своему существу. Всегда такой была и такой умру. Больше дать не могу. Я – Болтина (помните, историк, который комментировал Щербатова* и с ним кусался. Милюков очень не любит Болтина, а Болтин – для меня образец; пусть в учености я буду Болтиным).

Комментарство – глубоко русская, национальная черта – «отметка резкая ногтей». И если какому-нибудь мученику науки придет на ум собрать плоды науки – то отдел русской науки надо будет печатать не в тексте, а в примечаниях. Представьте в ХХХ веке классную комнату, сидит рыжий англичанин и вяло шамкает:

– *Учит.:* Что создал русский народ в науке?

Ученик, мистер такой-то, встает и отвечает:

– *Примечания* к жизни, к смыслу ее примечания. . .

Учитель – «Yes».

Вечные примечания, но в примечаниях, как в скобках, иногда больше смысла, чем в 80-томном издании сочинений г. Вольтера.

Вот и древняя наша литература – пусть это все переписывание чужих сочинений – **но всегда** с отметкой резкою ногтей – русского человека, – и из-за этой отметины, царапины и **надо** ее изучать**. Хочется болтать, но есть хочу.

Вера М-ва

---

* Историк екатеринского времени. Еще больше «кусался» он с Леклерком, французом, попробовавшим изложить русскую историю. «Примечания генерал-майора Болтина на историю г. Леклерка», полное ума, остроумия и учености, – есть в моей библиотеке, и я всегда восхищался, какие были люди, дворяне и военные у нас, о которых Фонвизин и Грибоедов написали три недостойные комедии. Комедии эти поистине мелочны и в существе дела просто вздорны, – и такое неодолимое впечатление ложится на душу, читаешь ли Болтина и Щербатова, читаешь ли «Записки В. Болотова» (XVIII в.). *В. Р-в.*

** Как изваяно! Навечно! Поразительно – никто этого не сказал о древней русской письменности, – о «Пчелах», «Измарагдах», – которая действительна в с я и в с е м кажется «переводною» и по сему самому «не интересною по содержанию и смыслу», а лишь нужною в целях изучения палеографии, археологии и вообще подробностей и мелочей *истории*. И всем, всем она кажется томительною, сушашною мозг, ум, обременяющею – память. И вдруг – удар кремня о сталь, искра – и все освещено. Да кем?! Возлежашею на своей кровати курсихой, в 1914 г., когда прошел уже век целый, казалось бы, перебиранья «мертвых костей». И сами-то ученые о себе

Ну, вот и поела.

Слушайте! Вы помните эту смешную фигуру* Поганеля (в «Детях капитана Гранта»?)). Мне ярко запомнились его восклицания: «Ах, почему я не родился в XV в. – я бы открыл Америку», – «ах, почему не в таком-то – я бы открыл то-то». Фигура очерчена смешливо. Но, – в ней глубокий смысл: всякий европеец в душе – так думает, и вообще – всякая посредственность – «обо всем-де подумали до меня, мне нечего открывать». Русский человек, ничего сам не «открывший» – всегда найдет, что сказать, когда Европа замолчит.

И в Рудине есть «касательство» с национальной нашей чертой – помните, он собирался писать о трагическом в искусстве – и конечно не написал – **и не должен был**** – пусть пишут немцы – а мы... сделаем «отметку ногтем» и завалимся на «самосон». Эх, В. В., какое **счастье**, что мы с вами русские, что мы понимаем нутром – что? Да, я сама не знаю, что именно – так, есть «что-то», *за* что так любишь пройтись вечером по **дрянной** улице, с **тусклым** подслеповатым светом фонарей, с запахом сивухи, с хриплой гармошкой, и встречаться лицом к лицу с ними, родными, дорогими, **понятными** пропойцами! Черт знает почему? – Люблю, и кончено. На эту тему тоже не люблю пускаться в «умствования». Что твой Берлин с «Unter den Linden» – против какой-нибудь Усачевки в Москве??!

Ох, эта тема нескончаема.

Не умею вам хороших писем писать. Все хочется говорить, говорить, говорить. Ведь только с вами и говорю.

(Без подписи)

***

LVI

Только я не святая:

1) Не могу бросить курить.

2) Страшно раздражительна, малейший шум меня *изводит* (вот, напр., сейчас за стеною Степаныч – веселый человек – танцует и пол трясется, а я стиснула зубы – больно моим нервам).

говорят, и о них говорят то же – «гробокопательство». Но 19-летняя воскликнула: «Нет, тут жизнь! – интереснейшая!!» Вполне удивительно. Не могу не заметить, что эти письма вообще было бы поучительно прочесть гг. профессорам. **В. Р-в.**

P.S. Да, и еще: удивительное замечание это объясняет также факт, отчего люди, всю жизнь проводившие в чтении этих «малограмотных переводов с греческого», как Сахаров, как Снегирев, как Погодин, делались не гр е к офилами, но р у с офилами, с л а в н о филими, и отчего они становились алмазново-крепкими русскими людьми. **В. Р-в.**

* Мне она казалась всегда прелестно-трогательной. **В. Р-в.**

** Хотя я и «век пишу», но у меня есть какая-то а-приорная уверенность, что писателями (и учеными) делаются люди не самые глубокие, что нужно что-то снять с глубины человеческой, и вот по снятии этого – человек уже может становиться писателем. Вообще писательство – 2-й этаж, а – не первый. Первый – в глубине молчания. Какого-то молчаливого внутреннего творчества. **В. Р-в.**

*** Начало письма куда-то затерялось, – засыпалось среди других писем. **В. Р-в.**

Где же тут святость??!! Ведь люди работали целый день и теперь, естественно, хотят повеселиться, – а я, дрянная, ничего не делала и злюсь. Нет, у меня не святость – а нервничанье.

.....
Вот уж соберусь с силами – напишу вам **радостное** письмо. Я не хочу, чтобы вы там печалились. У меня и грустные нотки в письме от этого.

.....
Слушайте, завтра я пойду и свешаюсь – и каждую неделю буду свешиваться и вам докладывать. – Ладно?

О, я много ем*.

(Без подписи)

LVII

Три письма от вас и ни одной папирасы. Обшарила всю комнату в тщетных поисках за окурком – и у Степаныча ни одной; табак есть – гильз нет.

Вырвала из «Среди художников» папиросную бумагу – да трудно курить**.

Не сердитесь за такой вандализм по отношению к вашим сочинениям!

Ура! Степаныч сжалился надо мной и пошел будить лавочника за папиросами. Я поцеловала [портреты. *В. Р.*] и Царя и Царицы и Наследника. Вот что открылось в Евангелии: «И сказал им: для того ли приносится свеча, чтобы поставить ее под сосуд или под кровать? Не для того ли, чтобы поставить ее на подсвечник?!».

Завтра я буду целый день сидеть в читалке! – с 10 утра до 8 вечера – и буду упиваться Патериком Печерским.

Работа: «Народно-поэтические элементы в Патерике». Слава Богу, пособий мало: только Макарий, Буслаев и Афанасьев.

Когда пришли три последних письма, я лежала с Достоевским. Не сердитесь на меня за то, что я лежу! – не лежать **не могу**.

Когда я вхожу в прикосновение с людьми – я страшно дергаю себе нервы. Я ведь без кожи – и малейшее дуновение меня волнует. **На улице я боюсь за каждого**: едет трамвай, стоит старик и его не видит, и я бегу и дергаю его за рукав: «Отойдите, трамвай». Идет девчонка без перчаток и я иду с ней и покупаю перчатки. Другая баба не находит нужной ей улицы – я иду с ней разыскивать улицу. Это все стоит нервов. А потому я редко выхожу.

Философски спокойной на улице **не могу** быть – и вся трепещу, волнуюсь и потому **ненавижу** улицы, большой город.

Чтобы совесть на улице была спокойна – надо раздеться догола и все отдать, и все-таки – так мало отдашь! Если извозчик просит полтинник, я ему даю рубль.

---

* Я все беспокоился о ее плеврите и его последствиях, особенно в связи с потерей аппетита. *В. Р-в.*

** Увы, бумага шелковая, «редкая», и пропускает воздух. *В. Р-в.*

Я не сержусь нисколько, что меня надувают в лавках*. Мне только больно, если открыто смеются над этим.

Ведь не торгуюсь не от глупости, а просто не хочу совесть свою трогать. Всем человекам – «воздуху надо, воздуху и воздуху». И это единственная моя ложь перед папой, который знает счет копейке и я стараюсь быть перед ним расчетливой**, чтобы потешить его. Вообще я комок нервов, брошенный на землю, – «для чего»? – сама не знаю.

Ну, да будет философствовать. Что значат у вас эти слова: «Будьте мудры и не пишите о своей...»??!***

Вера М-ва

LVIII

.....
Вы укоряете себя за то-то и то-то... И печатно, и в письмах. Ну, кто бы стал все докладывать о себе, о своем «свинстве»? Но именно «свинство» не в вас и не пачкает вас, а делает «беспомощным» и через это милым, человеческим. Все стараются лучше быть, а вы все свое грязное белье вытащили и все страстно хотите, чтобы вас «грязнушкой» называли, понимали и чувствовали. Но ведь это все «совесть», – ну как не любить такого? Нельзя не любить. И потом самое присутствие на человеке и в человеке того, что вы называете «свинством», и приписываете его себе лично, себе виновно – очень глубокая вещь и окружено загадками. Это идет от природы, и природа без этого не может обойтись, а, значит, она этого и *хочет*.

(Без подписи)

LIX

[21 ноября 1914 г.]

Сейчас иду на почту отправлять Калиночке какую-то ученую книгу. Сама я потонула в легендах Афанасьева****. Надо подать реферат 4-го декабря, а еще «Патерика» в глаза не видала. Ну да авось сойдет. И вот я себе дала слово, что день буду заниматься и о нашей с вами переписке совсем не думать, а только думать во время перерывов. Но легче себе приказать, чем исполнить.

Вера М-ва

---

* И не надо сердиться: надувает – кому нужно, кто в этом нуждается. Я тоже не привязываюсь, когда «счет не так подан». «Все равно», «Бог (мне) подаст». *В. Р-в.*

** Трогательное воспоминание: у меня сынишко Вася был «ни в кого» из (сверстниц почти) сестер: бережлив и всякую случайно данную ему копейку припрятывал. Так за лето он накопил уже 95 коп. Идут по улице и попадается нищий без ноги; просит милостыню; и мой Вася отдал ему все 95 коп. Он был таких крошечных лет, что не понимал еще, что можно дать и меньше. И до сих пор (уже 15 лет): расчетлив и добр. Это – правильно. Надо уметь накопить, – чтобы вовремя дать. *В. Р-в.*

*** Не помню, о чем писал. Она очевидно последнего слова не разобрала. *В. Р-в.*

**** «Поэтические воззрения славян на природу», или, может быть, – сказки, или какое-нибудь собрание апокрифов. *В. Р-в.*

На курсах я такая милая – сама удивляюсь. «Милость» так и струится из меня, но милость – тихая такая! – Не то, что у вас. Вообще я очень сдержанна. Обо мне все говорят: «Вера или надута и молчит или смеется». (Молчать могу неделями: лежу и молчу).

Но смеяться умею: все восторгаются моим смехом – если я засмеюсь, то пусть в слезах будешь – все ж таки улыбнешься. У меня такой заразительный, именно веселый, смех. Иные меня только смеющеюся и знают и воображают, что я глупенькая. А я люблю это – пусть думают, что я глупая; а у меня-то глазок вострый.

LX

Сижу – в читалке; пью Патерик – но как же 5 минут письму не уделить! Вижу я, мои письма вы читаете не по порядку, – верно редко приходите в редакцию и получив зараз несколько – перепутываете.

Ах, кабы вы были теперь со мной – поведала бы я вам, что за прелесть этот Патерик; но буду молчать, *копить* мысли для работы.

Ну, чту писать? А хочется; и нет ничего в голове.

Теперь я ни о чем не думаю.

И еще: на Рождество оставьте переписку со мной. Самой большой моей радостью будет, если вы все в своей семье весело проведете праздники и их «папушок», как вас называет Таня – будет весел, мил, заботлив. Если так выйдет – будет лучший мне подарок. Опишите, как провели праздники Рожд. Хр.

В. М-ва

LXI

[22 ноября 1914 г.]

Письмо от вас. И получила письмо от бабушки – такое тихое и славное. Вот вам выдержки: «Дай Бог, чтобы страшная война кончилась, чем скорее, тем лучше! Неизвестность мучит человека и не дает ему спокойной минуты. Всегда быть в боязни о своих милых – тяжело! Но ничего не поделаешь, милая, жизнь нам Господь Бог дал, и мы должны нести ее, пока Он не возьмет ее обратно. – Зачем то или иное совершилось – мы не можем решить! – Бог знает, что нам нужно, милая, и мы должны быть уверены, что все, что Он на нас наложит – Его воля».

.....
В Питере я была раза 4 – но дальше Мойки, где живет моя тетья, Гороховой, Миллионной, 1-й роты, Невского и некоторых других центральных улиц, где живут все знакомые, не сунула носа.

.....
Вообще уж года 2 я не «ругаюсь». Калиночку иногда только «своей милой стервочкой» называла. Но вообще от всякой брани меня коробит.

Я бываю часто зла, но это болезнь, нервы, это лечить надо. Но иногда я не бранюсь, а молчу и страшно бледнею. А сержусь из-за пустяков – в столовой кто-нибудь громко ест, и я вся корёжусь. Одно время я не могла сидеть за общим столом дома (14–15 л.).

Теперь я страшно себя превозмогаю, и когда кто-нибудь так ест, то я мысленно прошу: «Громче», «громче», – «приучаю» себя.

Целые монологи произношу в душе в защиту всех людей. И поет в душе всегда одно – «не виноваты – не виноваты».

Мефистофеля, В. В., не хочется выбрасывать* – его папа мне подарил, когда мне 9 лет было. Следовательно, он 10 лет у меня. Но, конечно, Мефистофель Зап. Европы против нашего русского беса, в апокрифах, которого мужик заставляет петь ангельские гласы и черт поет и возносится к небу (за песнь его Бог прощает) – куда выше Мефистофеля. Вообще, какого бы героя ни взять у нас – все «с надломом», все – «хрупче»**. Но от этой хрупкости бесконечная «милость», и русская баба, что обмывает, молча, пьяного мужика, бесконечно выше, цельнее всех «Нор» Зап. Европы. Можно смело сказать, что Русь ничего нового миру не дала, но все «пересмотрела» любовно, на все приложила свою русскую пометку, – и если писать «о переоценке ценностей» (о Ницше), то не об *нем* писать – а о **всей русской культуре**. Ибо она, по существу своему, есть **пероценка ценностей**. Эту книгу, В. В., надо написать – это оправдание земное России нужно. Перед Богом мы давно все милые, хоть и грязные.

Бог русских любит, очень любит.

Вот приходят к Богу грешники – один русский, пьяненький конокрад – и – валится наземь. Бог хотел было грозно на него посмотреть – да вдруг вместо порицания из глаз Его заструилась Любовь, и пьяненького Он прижмет к себе и поцелует в пахнувший сивухой рот.

И всю нашу пьяненькую Русь так обоймет.

Зачем наказывать, коли сам человек шепчет «грешен» и **не исповедуется** в этом **громко** в церкви, как у протестантов, а про себя с мукой **шепчет** – «Недостойн есмь Тебя, Господи, лицезреть, грешен». В этом-то и заключается **Тайна очищения**. **Вовсе не надо** исповедоваться **вслух**. Священник – человек, и простить меня не может. И от его прощения легче мне не станет. Я должна **внутренно** распять себя, и совесть моя получит от Бога успокоение, не формальное, а **глубоко внутреннее**. И простите, мой дорогой, я независимо от Достоевского люблю именно **православие**, именно **русского Бога**, вы несогласны (вы писали об этом в «Среди Художников»). Но об этом следующий раз: я неудобно *лежу* и лень повернуться***.

Вера М-ва

---

* На мою полупросябу: что «как мы теперь – патриоты», то этого «немца» ей следует выбросить из своей комнаты. Но она – дареная, «памятная», и она не выкинула. О Мефистофеле, его фигуре у себя на столе, она как-то писала. *В. П-в.*

** Глубоко. Оттого (от этого национального характера) русская история не так крепка, не так пряма и последовательна, но – гораздо мягче, «снисходительнее». *В. П-в.*

*** Все рассуждение поразительно. Оно верно по мысли и прекрасно по тону... Особенно – о русской жизни, о русском быте как «примечаниях», «пометках на полях...» европейской жизни – как это удивительно выражает суть путей русской истории; и нельзя не сказать, что это гениально само по себе, а вовсе не только для 19 лет. Вполне удивительно. *В. П-в.*

В «Уедин.» вы называете себя «грязнушкой» («навозная жижица, в которой плавают золотые рыбки» – ваши слова). Знаете, если бы я вас нашла пьяным в канаве – то только тогда воистину любовно поцеловала. Вы «чистый» – кому особенно нужны?

«Опрятность», «чистота» – пусть она для дня. Ночью, когда это дневное «смахивается» самим Богом – всякая чистота-расчистота – не видна; очевидно, не в ней дело, а в **сущности**. И вот кто знает вашу сущность, для того все проявления вашей нечистоты, под которыми можно разуместь определенные вещи, – уже не оскорбительны, не марки. Я рассуждаю так: «сущность», дабы быть узнанной, должна выявиться. Но кто вас знает – знает без выявления. И вот когда видит вас, как вы сами пишете о себе – «запутавшимся», беспомощным, то в этой вашей **беспомощности** – ваша космологическая сила – эта ваша сущность (глубоко русская).

Ну, поняли?*

Согласны?

Ой, как неудобно писать.

Но вы не сердитесь за небрежность писания; вы меня сегодня уж тоже любите неряхой**.

В. М-ва

LXII

[23 ноября 1914 г.]

Ужасно люблю ваши письма, писанные на этих длинных, узеньких листках. Сидела целый день за Патериком. В понедельник, когда вы будете читать это письмо, я его кончу.

Под подушкой – Евангелие. Сплю – очень покойно, и сны хорошие, светлые. Недавно опять Царя видала. Вас иногда вижу во сне или читаю ваши письма. Вы говорите, что только Олимпийцы были счастливы вполне, – ну, я не олимпийка, а чувствую себя на своей кровати без матраса, если все благополучно, – более счастливой, чем все Громовержцы и Минервы мира***. Право, я такой милой стала (чувствую, что не «Вера», а «Верочка»).

Сегодня не обедала – из-за Патерика – книга нарасхват в читалке. Придет-ся ее купить, – но я с удовольствием куплю – такая прелесть – читается с захватывающим интересом.

К 4-му декабрю успею написать работу.

---

* Не очень. Но вижу, что хорошо. И вообще «все слава Богу». *В. Р-в.*

** Последняя страница – скорей намазана, чем написана. *В. Р-в.*

*** Не выпускаю места, довольно характерного в тоне. «Счастье» Олимпийцев было какое-то ограниченное, в сущности – поверхностное. И настоящий христианин в настоящие христианские минуты чувствует себя «счастливее», и именно как-то не о г р а н и ч е н н о – счастливее, с этим оттенком «бесконечности» в счастье, нежели все греки и их «боги». Это надо запомнить и иметь в виду, оценивая и сравнивая две цивилизации, античную и нашу. *В. Р-в.*

А затем на сцену выйдут г-н Кульбакин, Поржезинский, Щепкин (имя им легион). Но я люблю филологию. После Рождества – аттестат. Подъема такого в жизни не испытывала.

Вы не сердитесь, что я вырвала папиросную бумагу из «Среди художников» – добрый мой, ведь только один листик вырвала. Смертельно хотелось курить – эта книга лежала под рукой, и я вспомнила, что там портреты открыты папиросной бумагой. Ну и воспользовалась.

Да, я хотела давно сказать, что у меня письма очень неровные; после какой-нибудь мысли я пустею – и 2–3 письма за какой-нибудь мыслью всегда пустые. Да, я так привыкла писать на конвертах «Петроград... Розанову», что когда не вам пишу, то предварительно порчу несколько конвертов.

В комнате – порядок (Степаныч прибрал, он очень славный, а вас все «Морозовым» называет: – «Барышня, вам от Морозова письмо»). Бедные почтальоны – один сказал, что меньше писем на фабрику носит, чем мне.

Вот что еще – я крестик себе куплю – раньше не носила, стыдно было; зачем крест? – я ведь неверующая.

Но меня, недостойную, все-таки любит Бог. Я не буду, я не хочу анализировать – устала – лень – пусть есть Бог – и я хочу носить крест.

Счастлива. Милый снежок, милый морозик, милое солнышко, милый папа, мама, Калиночка, дедушка, Володя, Сережа, курсихи.

Зачем вы так поздно засиживаетесь до 3-х часов ночи!? Я ложусь в 11, бросила глупить – спать смертельно хочется, да теперь для меня сон – радость.

В. М-ва

LXIII

[23 ноября 1914 г.]

.....
Я думаю, что психологический тип Дон-Жуана именно с этой точки зрения надо объяснять, а вовсе не как протесты личности Средневековью. Наши г.г. критики ужасно глупы.

Дон-Жуан – страшно женственен.

.....
Воистину неисчерпаемая тема. Раньше часто думала, нерешительно, тайком, украдкой. Теперь с бесконечным вниманием, недоумением. «Ничего не понимаю», – но это вовсе не так «просто» и отнюдь «не понятно».

Р. С. Я конечно говорю о байроновском Дон-Жуане и о нашем Чуриле Пленковиче, а не о пародиях на Дон-Жуана, à la Алексей Толстой.

Вот опять «опустела». А ведь ничего «умного» не сказала.

Спокойной ночи.

Сейчас крепко усну. Целую Царя и Царицу на ночь, – но это поцелуй «подданной». Мне сладостно это «подданство».

Вот что о нас вышло в Евангелии:

«Будут брать змей; и если что смертоносное выпьют, **не повредит им**; возложат руки на больных и они будут здоровы» (Ев. от Марка, гл. 16, 18).

Вы посмотрите: сколько смысла и как к нам подходит!!!

Спокойной же ночи.

Когда гадаю по Евангелию, то перед этим молюсь, чтобы вышло верно, и всегда выходит; сделайте и вы так, – интересно, что выйдет.

LXIV

[24 ноября 1914 г.]

Кончила Патерик.

Совсем счастлива. Бегу домой. Там, верно, письмо и от вас.

И что вы Олимпийцев вспомнили??!

Они пили нектар – чай вкусней, прибавьте к тому ржаную лепешку (ели ли вы когда эту прелесть?) да русскую печку – и куда тут тебе все боги мира с их счастьем – против моего.

В. М-ва

LXV

[26 ноября 1914 г.]

Сегодня ни одного письма от вас. А я снова простудилась (в читалке). Но в понедельник все-таки пошла кончать Патерик. Написала было вам письмо, что мне скверно – да не послала: зачем больно делать?

Сегодня был сильный жар, озноб. Но вот после малины и аспирина я опять здорова.

Простудилась от резкого толчка в погоду – у нас дождь, слякоть, оттепель. А я еще не привыкла к московскому* климату.

Выздоровевшая

В. М-ва

LXVI

[26 ноября 1914 г.]

Вы, верно, испугались моего жара – успокойтесь. Это не от легких, а от желудка. Я так мало хожу, – и потому кишки у меня в неподвижности и пассивны, – да к тому еще насморк, – вот и жар был. Но я, не долго думая, вот что сделала: растворила в ложке воды ложку соли, и все теперь чин чином. Ведь это явление обычно бывает от недостатка пепсина и соли. Видите, я и без доктора великолепно справляюсь при помощи своих домашних средств. Например, при противоположном состоянии желудка я случайно наткнулась на одно чудное средство: именно – лимон. Выдавить $\frac{1}{2}$ лимона на $\frac{1}{4}$ стакана воды или чая и выпить – и недомоганья как не бывало.

У меня масса таких «своих» средств.

---

* Перевелась с Одесских курсов. *В. Р-в.*

Когда в гимназии проходили гигиену, анатомию – то я никогда не зубрила, а с любопытством читала и запоминала то, что меня интересовало.

.....
Господи, весна бы скорей пришла.

Я еще ни одной весны не пережила – все вёсны в зубрежке прошли, и зубрежке беспросветной, а теперь буду заниматься.

.....
Калиночка, когда узнала о нашей переписке, – она отвернула мою карточку и не смотрела на нее.

Дело в том, что мы мечтали жить вдвоем по окончании курсов. Но, Господи, я Калиночку всегда люблю, а что мы переписываемся – то это уж никаким образом не может мешать.

.....
Только что купила крест и икону Божьей Матери у грека. Такой он славный! Вошел ко мне в комнату, перекрестился на иконы; глаза такие глубокие. И вспомнила я всех этих хитроумных Улиссов, Агамемнонов и пр. и пр. – как не похожи теперешние греки на тех классических; неужели христианство, Православие – так им все нутро перевернуло?

Это очень любопытная метамерфоза, может, самая интересная и единственная в мировой истории, – Афродита и изможденный темный лик Христа и Богородицы!

Вера М-ва

LXVII

[27 ноября 1914 г.]

Мама приезжает 29 декабря, а Калиночка 8–10 декабря (хоть это еще неизвестно, когда именно).

Мама намеревается поступить здесь на курсы сестер милосердия. Едва ли это ей удастся – у нее не сгибается одно колено (туберкулез). – Вообще все это мечта. Но не в этом дело: я не хочу, чтобы моя мама служила. Я получаю 75 целковых в месяц, и она великолепно может у меня жить. Это я ей и раньше предлагала.

.....
Я думаю, что я, как и бабушка, могла бы работать и вставать по ночам, забыв лень всю... Калиночка говорит, что это отсутствие самолюбия. Но это не то: самолюбия у меня много «днем», а «ночью» (когда «шепчет сердце») самолюбия не нужно, оно «ни к чему».

.....
Да, я безумно люблю «ночь». Знаете, есть один цветок, – в Петербургской губ. его нет, – по-немецки цветок называется Nachtschatten* (ночная

---

* паслён (нем.).

ть), по-русски, кажется, – ночная фиалка. Стройный стебелек, беленькие неряшливые цветочки – пахнет *только* ночью, это полевой цветок*.

И вот с заходом солнца ты выходишь в поле; теплая, сырая, пахучая ночь застыла над полями. Тихо, тихо кругом... Мокрая росистая трава неслышно ложится под ногами; где-нибудь из-за тополя или березы подымается луна; и вот цветет и благоухает эта «тьень ночи» – ты не видишь цветка – да и не нужно! – Но запах его, и пряный и нежный, волнует тебя и нашептывает один из тех вечных шопотов внутреннего чувства, и ты уж не идешь, а как-то плывешь, весь в плену этих таинственных запахов, плывешь на этих пахучих крыльях «теньей ночи»!

Если поставить на ночь в комнату один такой цветок – то поутру встанешь с сильной головной болью (я испытала на себе).

Но можно иначе поступить: поставить цветы и раскрыть окно; и вот ты лежишь и глядишь в это мягкое ночное, расплывчатое небо – верхушки деревьев дремлют; порой вспыхнет далекая зарница, осветит комнату и небо и опять улетит, и опять ночь, бархат ночи, тени и запахи ночи.

И так лежишь, лежишь, и ничего-ничего не думаешь. Хорошо!

А то помню другое: мальчики (Сереза и Володя и двоюродный брат – Митя И.), но главным образом Володя, – выстроили в саду домик, с печкой, со всеми удобствами, даже с голубятней; в домике, скорчившись, могли поместиться 4 человека. Мальчики стащили фонарь, где-то на чердаке, добыли свет. Сереза (он хозяином был, пек хлеб, варил черную кашу – я была «покровительница»), и вот нарвут мальчики свежей травы – постеляют пол – и наша четверка залезает в «дом». – Уже осень. Кругом зреют яблоки; цветет резеда, левкой, астры – в домике душно, сперто, но тепло – «*малье*». Я читаю, – что-нибудь «страшное», – мальчики дрожат, с форта доносится «зоря» и «Отче наш» – это поют солдаты на сон грядущий.

И сидим, сидим, пока дедушка не позовет спать ложиться.

Позднее Сереза и Димитрий (он во всем Серезе подражал) стали в этом домике, о чем, конечно, после мне доложили.

Тут же они... Под полом был потайной склад для яблок. Но от меня никогда ничего не скрывали, я никогда не выдавала.

(*Без подписи*)

LXVIII

[28 ноября 1914 г.]

.....
(Все время по бумаге бегают малюсенький паучок – теперь вечер, и оно к счастью).

Вот, села за ручку [sic. *В. Р.*], чувствуя, что хочется «умное» что-то сказать (я так всегда чувствую сперва насыщение без мыслей – сажусь, промед-

---

* Карандашом на поле письма во всю длину листка нарисован подробно стебель с цветами – старательно и красиво. *В. Р.-а.*

лю ¼ минуты; и вдруг искорка повода, и насыщение выливается в какую-нибудь мысль – совершенно для меня неожиданную). Но сегодня одна маленькая потеря меня расстроила. Пойду еще искать. – Нет. Мальчики [братья. В. Р.], смеясь, всегда говорили, когда я чего-нибудь искала: «Вера раскопки производит в своих залежах!».

Что вы мне говорите в письмах – «когда я умру»?

Ни мыслей, ни образов в голове. Я расстроена потерей. Пойду, лягу.

Ваша В. М–ва

Очень смеялась над фигуриaniem Кассо в завещании. «Чтобы не было памятника, а на плите надгробной стояло **только «Доктор Кассо»**. Экой фигуряш! Все-таки доктором захотел к Богу явиться – думает, визитная карточка с «доктором» его скорее доведет до врат Ц. Б.! Ну, а мы с вами явимся рабами Васильем и Верой.

Даст Бог, новый министр просвещения умалит значение классических языков и приналяжет на наш русский. Может быть, следующее поколение будет правильнее писать, чем мы с вами! (Вы делаете ошибки по невниманию, я – по незнанию).

Ну, да Бог с всеми этими Кассо (что за помесь вола и лягушки: родился во Франции, учился в Германии – черт знает что!).

Ну, вот опять начались занятия; но в самом начале уже каркают зловеще вороны – какие-то сходки, шопоты – страшно и темно. На меня они производят ужасно удручающее впечатление.

Прибавляю, вне очереди, письмо к «данной минуте относящееся». В. Р.

* * *

[19 сентября 1915 г.]

Волнует то, что стадо овец бессловесных являются вершителями судеб России, как какие-то тощие собаки. А главное то, что, действительно, в России должна быть революция; и не из-за любви к дебоширству – говорю я это, а потому, что она назрела, могучая, и чувствуется в воздухе.

Мы все ее увидим, она будет *народная*, всеобщая, и не студенты и жидки ее сделают, а весь народ.

Жидки и студенты будут агитировать, а потом их самих сметут, как пыль паршивую.

Я как-то сразу все поняла. Сперва ужаснулась, потом, странно, – спокойна стала. Нельзя строить плотин: поток все равно снесет их.

А пока – только вой голодных волков. Сходки курсичьи меня волнуют, злят. Курсисток ненавижу; в сходках, конечно, не участвую, но далее – даже вчуже злость берет.

Как-то одиноко нам с Калей. Почему нам дано понять больше, чем другим? Мы с ней отвыкли от людей. Шумно от них, – мы устаем, говоря.

В сущности, мы всегда молчим и только иногда перекидываемся словом, никому не понятным, кроме нас.

Мы вместили друг друга и вокруг нас круг.

Но ведь тоскливо.

Ну, всего хорошего.

Спасибо за книгу.

Любящая *Вера М.*

LXXI

[27 ноября 1914 г.]

Сегодня я опять «как всегда». Я знаю, что вы испугались моего жара. Но это от желудка. У меня очень терпеливый желудок, и я с ним в большой дружбе, и он «по дружбе» меня никогда «не подводит». Но, вы знаете, кишки вечно на меня дуются, и вот (и это ежегодно) у меня катар кишок (от неправильного приема пищи).

И обыкновенно – на исходе осени и [в] начале зимы. И это очень потешно – есть хочется (желудок ведь ни при чем), а поешь – и без толку.

Пришлось купить снова термометр (а я их бью, как стаканы).

Но температура, по обыкновению, ниже нормальной – 35,3°. Больше у меня не бывает. 37° – у меня считается жаром, а при 38° у меня в детстве судороги бывали (доктор объяснял их тем, что мой мозг не выносит сильного жара). Теперь, благодаря какому-то лекарству (не понимаю, почему «лекарство» через «е» пишут, – по-моему, надо нечто среднее между «е» и «ѣ»), у меня судороги никогда не повторялись, но малейший жар меня истощает.

Но у меня больше 1 раза в год – не бывает жара.

Это все пишу, чтобы вы не волновались.

О своей теме больше не думаю, сдала в свой душевный архив, для вылежки (яблоки вкуснее, пышнее, когда отлежатся).

Сейчас очень есть хочу и жду с нетерпением, когда принесут обед. И в ожидании его, хочется еще поболтать с вами. Сегодня, когда молилась о папе – о себе по обыкновению попросила – «Господи, о себе не прошу, не смею, пусть всегда не как я хочу, а как Ты хочешь». Я заметила, что когда Богу угодна моя молитва, то вот что происходит: еще в детстве, молясь, я всегда представляла себе образ Христа по картинкам виденным, для этого я закрывала глаза и уши, и ждала, пока встанет какой-нибудь такой образ, и тогда поспешно, чтобы не улетел он, шептала молитву.

А сегодня пришлось совсем мало ждать: 2 образа явились – воскресение Христово и вознесение Его.

И я быстро кончила.

А иной раз вся истомиться, ожидая Лица Его.

Ну вот «умного» ничего нет сказать. Только что в Евангелии открылись слова:

«И возлюби Господи Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею крепостью твоею». Аминь.

Сегодня читала, как Государь был в Тифлисе, и все время слезы навертывались. Все собиралась выписать «Новое Время», и все лень, а по вечерам бы это «сладенькое» не мешало бы.

Читаю для Степаныча «Русское Слово», – «Русские Ведомости» не люблю – вообще ничего, кроме «Нового Времени» (вернее назвать – «Старое Время») не люблю читать. И в «Новом Времени» читаю только Меньшикова – уж очень зацепистый старикашка! И вас – еще до знакомства.

Журналы – выписываю «Русскую Мысль» и иногда «Ниву».

Хотела было «Аполлона» еще выписать – да разнравился.

Откровенно признаться – журналы у меня лежат не разрезанными – даже совестно. Но что же делать, коли скучно.

Теперь ничего, кроме вас, не читаю, и то по обыкновению не читаю – а думаю по поводу проскользнувшей мысли, штриха.

Вообще, если «не нужно» – я с удовольствием не читаю.

Новейшей литературы (Арцыбашев, Соллогуб, Амфитеатров и пр.) не надо для работ – и я еще не дотронулась. Может, когда подвернутся под бок – я перелистаю. Да ведь, верно, ничего нового – все старые перепевы!

А о вас вот думаю[:] – ведь вытащил человек самое «древнее» и самое «вечное» (не хочу вставлять образов для сравнения) и этим прославится, – не сейчас, так после. «Песня, гимн полу», и от кого? – от русского???!!

Вот поистине неожиданный штрих в Русской национальной физиономии. И ведь никто «не видел» – а он наткнулся, весь засиял, увидев родное, весь задрожал, углубил и осветил до яркости, граничащей уже не с Русскою экстенсивностью – «Русский» только «отметит», – а он уперся и все тыкает пальцем – «вот! вот! вот смотрите, и у нас есть – правда, не лотос Египта, таинственный, мерцающий: – но наш лотос, в древних посеребренных и почерневших иконных рамах, он еще таинственнее, ибо невидим. Ведь любимая икона у народа – Богородица с Младенцем, и это не случайность!»

Но вы все-таки поздно все это осознали и, думается мне, осознали это в последние 6–8 лет – оттого и радость у вас (вы писали, что у вас какая-то радость, которая вас молодит).

Только что получила письмо от брата.

В. М–ва

Письмо от вас. Вы простудились и лежали во вторник 25-го? В этот день и я лежала и у меня был жар от желудка, и мне было очень грустно – день же этот был и без писем – и я «всплакнула».

LXXII

[27 ноября 1914 г.; второе письмо]

Что же это такое, отчего я не могла быть при вас и растереть спину и грудь? Я бы сделала не хуже вашей няни.

Ну вот – 2 письма от вас.

27-го ноября – 2 месяца нашего знакомства; у меня 45–46 ваших писем. У вас, верно, столько же.

...Я не люблю и не умею рисовать, но у меня страшное чутье на то, что художественно. Знаете – мне кажется, что когда Творец задумал меня, то он взял комок глины, сделал форму; был тихий, славный, теплый вечер, и вот Творец *хотел* вдунуть в меня творческую силу и вдруг, охваченный красотой заходящего солнца, покорно-тихо дремлющей природы, вдруг *забыл* обо мне, не закончил меня и вместо творческого огня вселил только творческий *трепет*, и вот я чувствую этот трепет, эту дрожь там, где она почти не приметна, но сама ничего не умею сотворить. И вот моя боль. Слушайте, давно хочу спросить, почему вы делаете ошибки на «ѣ»? Из всех гласных мои любимые «ѣ» и «ё» (вы заметили, вероятно, что я почти всегда ставлю на «ё» две точки).

«ё» – в грамматиках нас учили – твердая гласная, а это ерунда. Разберемся:

а – звучит так себе.

о – слишком самодовольно-спесиво.

е – интернационально-крикливо, выскочка.

у – Мефистофелем пахнет.

ё – бесконечно нежно («милёночек») ваше имя вышло бы: «Васёночек».

Для того чтобы передать то ощущение, которым я преисполняюсь, я возьму испанское слово – «*fugioso*». Произнесите это слово вслух и вы услышите бесконечную полноту и негу этого «*io*»: но в этом «*io*» чувствуется зной солнца, а в нашем «ё» – нет зноя. Дальше: я люблю «ю» – это не французское «*u*» и не немецкое «*ü*»; – «*u*» французское отдает уязвленным самолюбием, наше «ю» – нежно и тянуче, «*vyuga*», – а теперь об «ѣ». Ни у кого нет такого звука; я рада, что имя мое надо писать через «ѣ». В «ѣ» есть морозная чистота, но не гордая, замкнутая, а такая мягкая, христианская, как будто и морозит, и оттепель скоро будет! И вдруг вы пишете «вѣѣз», «мѣѣшок» – через «е»! Неужели вы не чувствуете в буквах то, что я чувствую? Как жаль, что вы не моим учителем были! Вот было бы хорошо! Вы бы смотрели сквозь пальцы на мои граммат. ошибки (я делаю ошибки на «2 н» в причаст. страдат. залага). Завтра еще не выйду, выйду в пятницу.

Что вы о мыслях писали, – это все я знаю. Я ведь Достоевского оставила из-за этого. Мне *мучительно* стыдно что-нибудь дважды говорить. Вот отчего я никогда не переписываю вам писем; 2-й раз все ложно, вторично, бледно, «десятая вода на киселе». Лет 14[-ти] мне еще не было стыдно. Но уж 17[-ти] лет я почувствовала стыд.

Ведь 2-й раз что-нибудь написать, это и есть «любованье в зеркало». Но вместе с тем не скрою от вас – я *знаю*, что многое, о чем я вам пишу, не совсем глупо. Может, это отсутствие скромности? Но ведь другие, В. В., хуже делают: они хотят, чтобы их хвалили, ими восторгались, они «смущенно, потупясь» выслушивают похвалы. А я сама отдаю отчет себе во всем, что глупо и что умно во мне. Но я поборю со временем и это в себе – не из-за людей, а в униссон со своей внутренней религией.

Вообще, дел много, В. В., говорю без ханжества. Не сердитесь за эту маленькую лекцию по филологии, – ведь это я нигде не вычитала, а это мое,

а если вы любите меня и запах моей души, то должны любить и запах наукообразности.

Вы видите, т. е. слышите, что у меня страшно речь пересыпана оттенками и богата всеми нюансами (филологическими).

Слушайте: я все-таки красивее, чем вы меня нарисовали*. Вообще ко мне надо *«пристально присмотреться»*. Вот как в карточке: сперва вам лицо показалось угрюмым, и только потом вы увидели нежность губ.

И так во всем.

Что-то у меня пальцы чешутся: – хочется рисовать, а не умею.

От папы получила письмо.

Вообще сегодня радостный день.

В. М-ва

LXXIII

[29 ноября 1914 г.]

Лежу и перелистываю «Оп. Листья».

И вот о чем думаю (и это раньше часто). Вдруг случится чудо для меня: придет Государь и я увижу Его, и Он спросит: «Чего ты от меня хочешь?».

А я Ему отвечу:

– «Позволь (обязательно Государю «Ты» скажу; «Вы» – ужасно глупо, – «Вы» можно сказать кому-нибудь на улице, когда наступишь на ногу – «Ох, простите», но Государю – всегда «Ты») – позволь мне жить в Публичной библиотеке и позволь читать и пользоваться всеми книгами».

И я бы ушла в книги, в лень, в созерцание, – и помаленьку, не спеша, стала бы читать и делать «отметины» и из «отметин» в конце жизни составила бы томик, посвященный вам, – и больше ничего мне не нужно.

Ну, это не важно.

Надо будет прочесть «Люди лунного света». По-моему, это у вас ошибочные заключения о людях 3-го пола. И вот почему: мне кажется, вы *временное* «не хочу» приняли за факт. Кто говорит «не хочу»? Талантливые девушки? – Но почему? – Не потому ли, что не встретили свое дополнение? Сколько раз на дворе приходилось наблюдать сценки «свадьбы» между собаками: и там, В. В., есть «не хочу», и не всякий пес устаивается «быть выбранным». Но это «не хочу» – не самодовлеющее, а окутано «паутиной причинностей». Так и у людей. «Не хочу, потому что это не то».

А впрочем, это у меня а priori, интуиция! Не согласна и с тем, что Европейская цивилизация погибнет от сострадательности!**

Обратите внимание на яблоню: если она *каждый* год приносит плоды, так сказать, – неистошима, – то судьба наказывает ее, и яблоки все *мельчают* и мельчают – и в измельчании будет для гордой яблони заключаться ее смерть.

---

* Т. е. в письме, пером, – играя и шутя. Впервые с корреспонденткой мы увиделись между 7-м и 10-м декабря 1914 года и еще через год на Рождестве 1915–16 года. В. Р-в.

** Афоризм мой в «Опавших листьях». В. Р-в.

В конце концов она будет приносить плоды – не по вдохновенью, а по инерции – и в инерции ее смерть. *Инерции в природе нет*, инерция только в жизни и на опытах; в природе – интуиция, а это не то же, что инерция.

Ученые увидели *бесперерывность* и завопили: «Инерция! Инерция!» – а *в инерции нет вдохновения*, инерция только в колбе бывает!

Хорошо у вас о либерализме, о подводном раздолье Русского Царства. О грусти «холодной» Мережковского очень хорошо. Грусть у него «холодна» – потому что «головна», без почвы. Ему *недостает* реального страдания. Право, пусть бы украл что-нибудь, сделал подлость – и *согрелся бы!*

Представьте совпадение! Я тоже никак не могла одолеть Щедрина и дальше 37[-й] стр. не дошла!

И еще сознаюсь вам: я не читала «Мертвых душ».

8 раз заставляла [себя] читать и 8 раз не могла заставить – ну, чем же я виновата!

(Если бы мой учитель знал это – он бы сегодня созвал бы конференцию в гимназии и возбудил бы вопрос об отмене мне золотой медали – кстати, она в ломбарде!).

Сегодня мне как-то и по себе и не по себе (все проклятый желудок, вернее кишки). В комнате хаос, сама еще не умывалась, лежу, масса мыслей «по поводу» ваших мыслей в «*Он. Л.*» и лень писать. Были бы вы здесь, я вас сегодня бы заговорила, а так в душе шум и тошнота.

Вы все нездоровы? Как же вы простудились, – и как не подумали, что мне это будет тяжело.

.....
А знаете, как я вам 1-е письмо написала? Калиночка часто говорила о «Семейном вопросе»* и вообще она много читала вашего. И раз вам написала и вы ответили. У нас из-за вас и знакомство вышло. Я купила, идя на курсы, в магазине «Нов. Времени», книжки, – и, между прочим, «Метафизику христианства». Прихожу на курсы на греческий (я староста была, – теперь Калиночка староста) и вот развертываю – Калиночка и говорит: «А, Розанов». Ну, и заговорили, и так познакомились.

Последнюю ночь до отъезда мы напролет с ней говорили обо всем, и я, между прочим, заговорила о вас и сказала: «А мне Розанов не нравится, в нем есть что-то *чересчур* откровенное, и он этим и носится... Ну зачем, дальше, хоть эта скромность: «я *чуть-чуть* психолог».

«А впрочем, – сказала я, – надо будет написать ему, все-таки интересно, *тут что-то не так*». И вот приехала и все хотелось написать, часто грустно бывало, и боялась, что скажете – «замуж пора», с обычной откровенностью. И несколько дней все подходила к столу и все не решалась. Но вот что-то подкатило, нутро защемило, взяла и написала (ночью) – а утром думаю – «посылать или не посылать?» – в сущности, чего я «лезу»? А потом решила, –

---

* Одна из моих книг, в 2-х томах. *В. Р-в.*

будь что будет – если это письмо «серое», он не ответит. На том и успокоилась. И вдруг, была среда, и подает Поля конверт – я глянула и ахнула!

А как я мучилась, – когда вам написала во втором письме – что «не надо таким, как мне, писать письма!». Как я *хотела* письма от вас!

Я тогда возвращалась с Курсов и молилась на Н[оводевичий] монастырь (золотой крест так тихо горит в ночном небе!) – «Боже, дай, чтобы было письмо от него». Прошла неделя и нет письма!

Я раз плакала ночью и Бог услышал мои слезы – пришло письмо – то, – с «я думал вам лет 27, 28».

Сама не знаю, как это я таинственно, необъяснимо привязалась к вам, – в сущности, привязалась с I-го письма.

Уже во 2-м письме я встретила это слово, – вы помните, . . . , и вздрогнула. И сейчас же сверкнуло. . . . Но я боялась вас потерять, – вы были мне дороги уже тогда. «Нет, – подумала, – пусть эта боль останется при мне» . . . . . Ну, а дальше сами знаете. Ну, вот и разберите: случай это? или судьба? Надо было мне вздумать поехать в Одессу, когда я могла поступить сразу в Москву, надо было мне купить «Метафизику» – и узнать о вас через Калиночку. Нет, это не случай!!! в 1000[-й] раз скажу – не случай, а судьба.

Прошло два месяца, и мы говорим друг с другом – как бы знаем один другого уже много лет, и будто жили вместе, в одной семье. И ничто в вас меня уже не пугает, ничто не сможет *заставить* от вас отвернуться – чувствую – прилипла, не знаю – к душе вашей, не знаю – к особой вашей пахучести: помните – я вам писала о братьях, что всегда их узнавала и различала по запаху. Так ваши письма передают запах вашей души. И вот бездомная Верка – нашла свое в мире теплое если не гнездышко, то лучше гнездышка матерьяльного – духовное гнездышко. И нет чувства вины перед вашими, перед семьей – я не отнимаю вас от нее – Боже сохрани!!! – я только пролетела над костром и на миг остановилась, повисла в воздухе над костром и вся согрелась, и вся тихо-вечерне засияла.

Вот что в Евангелии о нас вышло:

«И кто из вас... если попросит яйца, подаст ему скорпион?!».

Так и вы подали мне больше, чем я просила – я просила дружбы, вы подали какое-то таинственное родство. И я чувствую на себе прямо *обязанность*, чтобы вам всегда со мной было бы хорошо, нежно, тепло, легко!!!

Помните в том письме, где была послана вам карточка брата, я написала: «Никому не смейте давать *прощальных* поцелуев, – *вы еще будете жить*». Вы не заметили, чего я не договорила: «Через мое к вам отношение будете опять жить».

И если бы вы мне сказали: «Вера безумная, ведь мы никогда не виделись, и приказали: .....», то это единственное, что я бы не исполнила, **не могла бы исполнить**. Все остальное с радостью. Ваша В. М–ва.

Сейчас сажусь за прозу – г-н Кульбакин.

«Древьне црѣкъвьньѣи словѣньскѣи ѣзыкѣ».

А вот ваше имя, написанное глаголическими буквами:

..... [глаголические странные буквы, совсем на славянские не похожие]

вот еще:

..... [тоже]

вот «Вера»:

..... [тоже]

А вот я и азбуку глаголическую выучила. Видите, как с вами легко учиться.

LXXIV

[1 декабря 1914 г.]

В. В., вот пришлось заночевать у знакомых, – ваша Верка заговорила, страшно разгорячилась и, боясь простуды, осталась ночевать. И всегда я так: неделями торчу в своей комнате – выйду и заговорю, просто затараторю*, а тут еще такая интересная тема: о том, что-де на Руси все скверно, и «Чацким» – остается уходить и «искать, где оскорбленному есть чувству уголок».

Просто диву даешься, как могли ³/₄ века говорить о Чацком! Этот растрепанный, худосочный** и желчный юноша – попал даже в «Ист. Р[усской] интеллигенции». И никому не пришло в голову спросить: «Да уж интеллигентен ли он?». Его бы надо просто высечь на конюшне, а не писать томы. Ну, как можно столько заниматься сучком и не поинтересоваться – «а где же плодик?..». – Да и «плода» бы не нашли. Ведь не измени бы ему Софья – и не было бы этого пафоса «оскорбленного»!

Вообще, Чацкого можно рассматривать только как *психологический* тип, а отнюдь не как общественный. Я думаю, к нему подходит не заглавие «Горе от ума», а – «**Подросток**».

Ну, да будет грязным делом заниматься.

.....

Как я отвыкла от людей, В. В., – воображаю, как в душе смеялись надо мною окружающие – я вся горю, волнуюсь – вскакиваю, трясу головой, когда говорю.

---

* Поразительное со мной сходство: в университете, живя на 3-й Мещанской, я по длинным неделям даже не спускался из своей комнатки 2-го этажа: но зато, выйдя куда, – так и разливался в смсхах, остроумии и речах. И едва за дверь из гостей – опять в душе угрюмое прекрасное молчание, мое любимое молчание. На этих-то сходственных чертах, чисто индивидуальных и, очевидно, рослых из одного, обоим нам неведомого, корня, мы и сдружились, точно «узнав» друг друга старым и известным знанием. **В. Р-в.**

** Я тоже думаю, что «худосочный». Кстати, тема: отчего Чацкого по театрам непременно изображают великолепным и в великолепном фраке, – великолепным физиологически?! Никакого решительно основания! Ну, а представьте его с теми же самыми речами и низеньким, тощим: и вы поймете сейчас же впечатление, конечно, от которого так понятно отшатнулась Софья. По существу и по делу, Чацкий есть комическая фигура, а не трагическая. Но как она метко, бессознательно это угадала, вставив «второпях письма» слово «худосочный». **В. Р-в.**

А говорили о полиции и что-де это ужасное безобразие, что каждый городской может тебе сделать замечание и пр., и пр.

Я так и сорвалась с места – «А в Германии!!!».

Эти неприступные командоры – жандармы!!!

Мне наш маленький городовишко *бесконечно мил*: эта казенная форма, плохонькое пальтишко, этот рыжий шнурок через плечо, – а взглянешь – лицо серьезное, милое; «и у меня детки дома орут».

И никакой казенности, как в лице немецкого жандарма, – ужасно много *сердца** (помните, у Достоевского городской и случай с Соней Мармеладовой). Ах, опять съехала. Я сегодня хочу быть «козочкой», а все слезаю на «Веру».

Вы уже выздоровели? О, я бесконечно боялась за вас!!!

Вы как-то описывали в письме, что «красны и некрасивы». Но цвет лица? Ну, что такое, в сущности, цвет лица, вообще – цвета? – Зрительное ощущение – это вообще «не особо важное» (выражение Степаныча).

---

* Рассуждение «о городовой» меня так же поразило, как некогда рассуждение о кроте. Я стал приглядываться на улицах, – и заметил все, что раньше ускользало от внимания; и назвала «по имени с отчеством», кажется, первая в литературе, московская курсистка... Удивительно, вполне удивительно. Никто не замечал глубоко человеческих черт «в нашем городовой», все ругались, плевались, ненавидели последним ненавидением. Милая, добрая и деликатная девушка спросила: «Да за что? Он – *мы, из нас*». Он, прежде всего, крестьянин или мешанинишко – и несет в себе все крестьянское и мешанское, их милое и простое, их маленькое и житейское. «Не хуже нас». И вдруг вся необозримая печать, с воем приглашения – «будем видеть в каждом человеке б р а т а н а м» – осела на свой тупой зад перед разъяснением всего 19½-летней девушки; осела и покраснела под своей лицемерной маской. Замечу от себя: когда мы жили в Костроме свою горькую и ужасную жизнь (мое детство), я помню, что «у нас около Боровкова пруда» никто не чувствовал ни малейшей вражды к городовым, никакого против них раздражения, и я не помню, за 10 лет памятной уже жизни, чтобы кто-нибудь и когда-нибудь был городовым обижен. У всех было чувство (к городовым) как к чему-то серьезному, и что «он заступится». Да это так и есть: «городовой» есть последняя пылинка «государственности», уже соприкасающаяся с каждым, присутствующая везде на улице, и которая «от имени государства» первая подымает голос и обнаруживает власть во всякой ссоре, сваре, смуте. «Украли?» – «о б р а т т ь с я к городовому». – «Муж неистово бьет жену» – «п о з в а т ь городового», – Родители истязают детей, хозяин-сапожник бьет мальчишку-ученика – «пожаловаться городовому». Власть простая, ясная, моментальная, всегда «тут». Сравнить их с адвокатами-тысячниками, да и с коронными судьями, сравнить с врачами, которые «без трéшницы не помогут», вообще с чиновниками и «общественными» деятелями–крикунами: все это – аристократия, народу недоступная, народа не знающая и в тайне вещей к нему брезгливая, филантропически-брезгливая. «Полиция» – народный ярус в верхней его пластинке, «свой брат», – со своим, как у народа, языком, с народными хватками, грубостью и прямою. «Вора – лови», «если буйствует – свяжи», «пьяный на улице валяется – отправь выпрезвиться в часть»: вещи сразу понятные и в себе самих убедительные. Но «полицейского» поистине предстояло «открыть», – и это гораздо труднее, психологичнее и сложнее, нежели написать диссертацию «о дарении в римском праве» или «о средневековом колонате», etc., etc. *В. П.-в.*

Ваша теория пахучести в мире – бесконечно глубока, это – *гениально глубоко*. Запах неосязаем, невидим, и вместе – *есть*; в нем *вещественное* – неуловимое. Вы разбудили во мне интерес к жидовским книгам – вообще открыли мне целую область – «запретную комнату» – сказав: «Вы много комнат, Вера, видели, а вот – загляните-ка сюда». И Вера заглянула и замерла. – Таинственная комната. В ней вечная тьма, загадочная, нет звуков, только шелест и медленные движения. . . Надмирный и вмирный шопот, и в глубине комнаты весь стройный, зовущий и вместе с тем «не от земли» лотос, и над всем этот таинственный замирающий запах.

Кружится голова.

Как же я эту комнату проглядела?

Но будет об этом, а то у меня начинает «отсыхать ухо». Знаете, когда я много думаю, вообще – устала, у меня начинает «отсыхать ухо». – Я его перестаю чувствовать и это очень неприятное чувство.

.....
.....
Маме хотелось его перевоспитать. Этакую «силу» хотелось пригласить, припомадить, прибрать. А папа сам вполне законченный, страшно законченный тип. Но у него взгляды глубоко русские, все – страшно нетронуте русское. Он религиозен, нравствен по-своему, сходит по субботам в баню, а по воскресеньям любит «пирог».

И на жену смотрит по-русски, по-крестьянски – «моя баба». А «бабой» мама не могла стать, грубые ласки не переносила.

Любила музыку, пенье, живопись, луну, природу, – а папа любил «согнуть после обеда».

Мама хотела *собой* жить, а когда я говорила, что я бы, если бы любила, то и *побои* мужа снесла, – и что мне вообще нравится, т. е. «нутром» соглашалась с домостроевским укладом жизни, – она возмущалась.

Ну, теперь вам все понятно.

Дедушка скорбит . . . . ., глубоко и по обыкновению молча, но он плакал однажды со мной; папа дедушку уважает и любит; он почувствовал в нем милость русскую, христианскую, а не немецкую.

Ох, устала, «ухо отсыхается». Одному доктору сказала об этом, он ответил, что это «нервное». И это у меня уж с 16 лет от «проклятых вопросов».

Спокойной же ночи. Сейчас выплущу «по-русски», и все как рукой снимет.

Чем бы вас порадовать, все хочется вам что-нибудь «особенно» приятное сделать.

Вот (вам) листок, который мне прислали с надписью: «верните» – верну завтра, когда приду домой.

Спите спокойно.

Ваша В. М–ва

[2 декабря 1914 года]

Сегодня нет от вас письма, а завтра я до 8[-ми] вечера буду на курсах. Значит, ждать еще 24 часа.

От папы опять нет писем – он в 15-м стрелковом Сибирском полку, начальник хозяйственной части, в обозе. Сюда приехали раненые офицеры из этого полка и говорили, что в обоз папин были брошены 2 бомбы. Но никого не ранили. Папин товарищ, командир полка, пропал без вести, масса офицеров убиты. Господи, храни моего папочку!

А тут вы еще больны.

Вот что о вас вышло по Евангелию: «Я ничего не могу творить сам от себя. Как слышу, так и сужу».

Калиночка или больна, или дуется: я послала 2 письма, и нет ответа.

Только что читала Степанычу «Попрыгунью» Чехова, и до сих пор слезы жалости и негодования – стоят в горле.

«Оська Дымов, Оська Дымов, где ты?» – все звучит в ушах. Милый, славный Оська Дымов – дай поцеловать свою славную, добрую руку! – А Попрыгунья? – Дура. Я с сердцем плюнула дважды.

Фу, какая дрянь; не могу, не могу читать такие вещи! – все нутро вывертывают – лучше читать «Морфологию» или «Фонетику» каких-нибудь Поржезинских.

Да что же вы все больны? Будьте же здоровы. Буду просить Бога, чтобы послал вам выздоровление. И зачем вы в 1 час ночи в редакцию ездите? Что за фантазия! Вставали бы лучше раньше, да и заезжали в редакцию утречком или вечерком в 8-м часу. А ту, глядите, в 1 ч. ночи! И из-за чего? И вы дадите слово, что не будете больше этого делать. *Будьте в этом одном-единственном мне послушны.* Ну, обещайте же мне? Вы видите, как я тревожусь, а я ведь и так уж извожусь: папа, брат, мама, Калиночка (впрочем – о ней меньше: если она разлюбит меня из-за этой переписки, то только докажет, что никогда не любила по-настоящему).

Но папа!

Мережк. опять парил в облаках на столбцах «Р. Сл.» – «Религия и война». Экая же ерунда может придти в голову праздного* человека! А впрочем, жаль его.

[3 декабря 1914 г.]

Пишу реферат.

.....
 .....

* Это л у ч ш е определение Мер-ского, показывающее в нем «все»: «праздник человек». Из «праздности» в нем вытянулось все – слова, книги, идеи, визня. Из «незанятого» ума, «незанятого» сердца, «незанятого» – болью, «незанятого» – нуждою. **В. Р.-в.**

И сколько миллионов вздохов подымается к мировому эфиру – как вечное курение фимиама от земли.

Подумайте: если от каждой планеты идет тот же фимиам, то где же во Вселенной та точка, в которой они все встречаются?! И что в этой точке? – Истинное начало начал. И эти звуки – тихие, как шелест. И Вечность вовсе никогда не молчалива и не пуста – а Вечность сама этот протяженный звук. Иначе Вечность не могу себе представить.

А впрочем, ну ее к черту – философию!

А вместе с тем она ведь, подлая, живет у меня в душе, всегда всюду «общее» вижу и это «общее» часто получаю не эмпирич[еским] путем – а интуитивным. Потому своим выводам не редко не придаю никакого значения.

«Нет, ты, матушка, – изучи прежде, а потом – делай выводы», – внушаю я себе.

И никогда, никогда мне это не удастся!

Все для меня слишком одухотворенно, так что формой я пренебрегаю; – это недостаток.

Да, вот еще: вы меня страшно конфузите своими похвалами* – я всегда краснею. Друг мой – этого **не надо**.

Почему я этого никогда в письмах не говорю вам? А ведь я **душу** вашу насквозь вижу, осязаю, люблю ее, люблюсь и **молчу**.

И когда увидимся -- я молчать буду; – да тогда и не до разговоров будет; по крайней мере – не до рассуждений.

Ведь я *болтаю*, так, от нечего делать, с людьми; *говорю* только, когда заденут; и *молчу*, когда переполнена.

Болтаю – очень мило; говорю – страшно нервно, страшно скоро, вскакиваю, размахиваю руками – страшно волнуясь. *Сыплю* образами, сравнениями и пр. – Тогда невменяема.

Люблю – лежа – молча, прилипчиво, тягуче.

Ах, эта Калиночка, все не пишет!

Прямо извела, и какая ведь упрямая – я ей всегда во всем уступала, всегда первая мирилась, ее ужасно любила.

А вот она не хочет писать, сама изводится и молчит.

А была бы я в Одессе – подошла к ней сзади да поцеловала.

Она бы не выдержала да рассмеялась.

Фу, какая!

Ладно, дайте писать реферат; сегодня набросаю и пойду на курсы спросить Сперанского, когда подавать. Кажется, 9-го.

Ах, мне играть, бегать, веселиться хочется.

Ваша В. М-ва

---

* Очень хвалил «за полицейского». В. Р-в.

[4 декабря 1914 г. – Второе письмо].

Сегодня проторчала в читалке 11 часов. Все к работе готово – все ясно и чувствую «форма поспела» – одного последнего «замирация» не достает. Выплюсь и завтра напишу. Между прочим, вы мне пригодились: – мне надо отметить в Патерике: бес, женщину и природу.

А в Патерике ни одного намека даже на природу нет. И вдруг я вспомнила, что у вас в «Русских могилах» – есть рассказ о том, что скопцы, кастрируя себя, – прощаются с красотой мира, с красотой природы, ибо понимание природы и ее красоты несомненно обусловлено жизнью пола. Ученые об этом, конечно, не задумывались, но я часто сама думала и была поражена совпадением с вашим замечанием, которое вы «обронили». И вот это ваше замечание я вставляю, объясняя отсутствие «любования» природой. У меня, кроме того, есть из самого Патерика выписка – «несть ти требы видети мало-временнаго света сого».

Тут пролит свет и объяснено многое.

В работе у меня странно: идет накопление, зреет, увеличивается: потом – «хочу», и какой-то свет, «замирание».

Б–ву написала.

Теперь о Цв–ве и его взглядах:

Друг мой, – мне решительно плевать, что говорят об уме женщин и, в частности – о моем уме. В этом единственно я свободна.

А Цв–в уж одним тем, что *схематизирует* – шаблонен, «как все», *par conséquent** – глуп.

Я вовсе не хочу поголовной веры в свой ум и в признаниях такого сорта вообще не нуждаюсь.

Я слишком, может быть, в себе уверена, и потому мне все равно – «что скажет княгиня Мария Алексеевна»?!

Но вообще нападки на женщин всегда говорят об известной «недозрелости» ума, о «головном» оттенке ума.

«Сердечный» теплый оттенок, как бы гениален человек ни был, не дается ему.

«Сердце», «сердечность» – по существу, глубоко эмпиристичны.

Муж, которому жена помощница и советница, никогда не подумает о своей жене, что она «глупа».

Вообще зрелый, нравственно и умственно, никогда не судит по формулам, избегает «схем».

У него перед глазами не отвлеченности, а «живые человеки». Ведь слово «прожить» – значит «простить». Ну, да будет о Цв–ве! Он горячен и «зелен», ибо молод – скучно...

Помните, я вам писала, что «нет тупых людей на свете», но зато, прибавлю, – нет и совсем «умных». Во всяком умном есть какая-нибудь «нехватка».

«Ум» – самое относительное понятие в мире.

---

* следовательно (*фр.*).

Вот отчего, когда во втором письме вы написали – «Вы умная и талантливая» – я, после мига «приятного щекотания самолюбия» – зевнула: «Тоже, значит, как все» – мелькнуло в уме* – потому что все, решительно все, с кем мне ни приходилось говорить, сейчас же говорили: «Вы очень умны». А я в душе переводила себе: «Значит, ты Веерка, – посредственность». Калиночка – *единственная*, которая не сказала мне ничего о моем уме, а только раз заметила: «Ты, может быть, и не посредственность**». Но, лежа это лето, я пришла к выводу, что ум вообще – 0; не в уме дело и не в «талантах» – «суть».

И перестала окончательно думать о своем уме и «кичиться» им. «Ах, пусть говорят, что глупа. *Qu'importe?****»

Послушайте, – сегодня я немножко по-детски поступила: на курсах был сбор в пользу Бельгии и Польши – вот жертвую, а мне дают «герб Польши». Это было в столовке. Я выпила кофе и демонстративно разорвала открытку надвое и ушла.

Покойной ночи. Спать хочу смертельно. 11 часов работала кряду, а теперь на боковую.

Ох, как спать хочу, прямо клюю носом, а только 11 часов. Уж курила-курила – думала – сон разгоню – да нет – куды там. Спать еще больше хочется.

Мама Государя видела в Тифлисе. Экая счастливица! Вот этого Вильгешку видала 2 раза чуть не носом к носу, а Нашего ни разу.

LXXVI

(4 декабря 1914 г.)

От Калиночки ни слуха, ни духа, как в воду канула. Она все хотела дорыться до психологии нашей дружбы, и я, конечно, эту часть души взяла да закрыла под «замок». Все, но не это.

* У корреспондентки моей «ум за разум зашел»: да от чего же, видя ум и талант, не сказать: «Вижу ум и талант». Соглашаюсь, что это незстетично, и кто в глаза хвалит – некрасив собой. Это худая манера, худое воспитание, как «очень громко сморкаться». У меня всегда была эта манера, и некрасивость ее я всегда чувствовал. Но «кажинный раз – на этом месте» ошибался, улыбался. Но дальше и глубже незстетичности это не идет. Не нужно забывать, что раз даже Бог себя похвалил: «И сотворил Бог мир»... «и сказал Бог – как хорошо». Но, вообще говоря, не нужно очень долго копаться около наших незстетичностей: вышло «ладно», «не ладно» – Бог с ним. Не всем же ходить с утертым носом, у кого-нибудь должна быть и «капля». *В. Р-в.*

** И я сейчас чувствую, как это красиво – любить, уважать, годы дружить – и ничего не сказать. Но у меня есть другая манера, – какая-то полярная («похвалям в лицо»). С кем я очень близок и кто мне морально и эстетично приятель (из приятелей), тому я не могу, не умею слова сказать, не соединив с самым что ни на есть ругательным эпитетом. Я думаю, это есть и в природе: «играючись», собаки, например, вечно делают манеру укусом, за ухо, за шею. И вообще «возьятса» и как будто «дерутся»: но это – игра. *В. Р-в.*

*** Не все ли равно? (*фр.*).

Она пыталась доказать мне, что это все от моего воображения. В противном случае – на Рождество поехала бы в Питер.

Но она меня мало знает. Конечно, было желание – увидеться лично в Питере, а потом стало жаль Калиночку. Как она одна будет. А потом мама написала, что она придет.

Следовательно, и вовсе нельзя было больше думать о поездке на Рождество в Питер.

Затем она выставила другой мотив. . . . . Я опять ей объяснила, что заочная и неосязаемая дружба не вмешивается нисколько в чужую жизнь и ничего в ней не перепутывает.

Тут она вовсе замолчала и молчит уже 2 недели. Может быть, Глебка* заболел?

Во всяком случае я ей сегодня написала, чтобы она ответила, когда придет. Если бы она кого-нибудь полюбила, я бы за нее только радовалась, потому что вся ее боль – в том, что она никого не любит.

От папы получила деньги и открытку. Бедный мой папочка. Он пишет: «От тебя давно-давно не получал писем» (а я все время пишу, но он не получает).

«Ну, до скорого свидания! Будь здорова – молись!».

Как же сделать, чтобы письма доходили?!!

Вообще ужас. Всю жизнь я только и делала, что за кого-нибудь боялась. Оттого я не люблю любить и всегда люблю.

Собственно радость в любви, вероятно, мгновенна, а потом и все время – боль.

Помню в детстве: мама уйдет зимою вечером к знакомым, а я лежу и думаю: «Вера, думай о том, что с мамой что-нибудь случится; упадет она или испугается; тогда это *не* случится, если это будешь предвидеть». И вот, как уйдет, я все возможное передумая и тогда только спокойно засыпаю.

И ни разу ничего не случилось**.

.....
Знаете, когда я серьезно болею, [то] бреда у меня нет, – но всегда одно особенное чувство: малюсенькая точка растёт–растет, ноги тоненькие, а

---

* Сын подруги по курсам, «Калиночки», – мальчик лет 6-ти. **В. Р-в.**

** Очень умно. Это значит «сглазить», т. е. предупредить, обратить в небытие, уничтожить несчастье. Сколько есть случаев, даже в летописях и в истории записанных, что «при ожидании счастья и благополучия» почему-то «случается», «выходит» несчастье. И природа устроила или внушила нам «противоядия»: при отсутствии родного или близкого – «невольно боишься за него» исчисляешь или придумываешь в душе, что с ним «случилось то или иное». И эти «страхи дома» – завораживают, заговаривают от несчастья вне дома. Ну, как не поверить в «ларов» Лациума и в нашего русского «домового». «Что-то такое – е с т ь», а «что» и «кто» – этого мы ни имени, ни лица не знаем. За много лет в семье я наблюдал, что одному из членов дома, притом самому заботливому и тревожному о благополучии, достаточно громко выразить радость, – чтобы на завтра и не позже как послезавтра кто-нибудь заболел. **В. Р-в.**

голова большущая, и так скоро-скоро дышит, и я не умею так скоро дышать, стараюсь отделаться от этого представления и не могу: чувствую, что в такт ей вся комната дышит, и я замираю в бессилии, с холодным потом на лбу.

Ну, а сейчас я здорова и сейчас собираюсь улетать бифштекс.

Бифштекс удался на славу, – но как я делаю – это секрет. Знаете, скажите как-нибудь мимоходом дома у себя, если будут жарить телячьи или свиные битки, то чтобы обваляли в сырой яичнице, знаете – в болтушке из яиц.

Я вам доложу – пальчики оближешь!

Вообще по части выдумок я куда как таровата.

Только иногда дорого стоит – но вкусно.

Я, напр., яичницу-болтушку мешаю со сметаной*, а не с водой или молоком, как другие делают.

Я себя чувствую очень хорошо, чем и объясняется то, что я сейчас опять забавляюсь.

.....

Цв–ву написала, второе его вами присланное письмо прочла. Вы пишете – он гениально умен – по письму не видно – порой тон моего Володи, ей-Богу.

А особенно наивно его признание, – что, «поступив в солдаты, он понял, что народа своего не знает». Пьер Безухов и пр. и пр. Это заставило меня лениво содрогнуться. Я никогда не говорю, что не знаю своего народа. Это жестоко и детски звучит. Ребенку прощительно, что он не знает того-то и того-то у себя, но взрослому?!?!

«Опроститься», «пойти в народ», «есть из одного котла» все это – ЭСТЕТИКА, прекраснодушие; но Русский человек к этому благодушию замешал боли и крови, и, глядя на движение в народ, – становится как-то вовсе не смешно, а черт знает что.

Такова Русская натура: – во всем слишком серьезна и даже «играючи плачет».

Вообще «играть» – совершенно не умеет. Русский народ никогда не был ребенком. В этом тоже много трагизма заложено.

От дальнейшей моей критики удерживаюсь. Я почти уверена, что он придет, а, следовательно, я увижу и познакомлюсь в натуре. А тогда и напишу.

.....

Еще раз пробежала письмо Цв–ва: – решительно не чувствую «смятения» перед его персоной.

Эх, Америку открыл, что «Достоевск. один знал народ»!

Достоевский мог, – так сказать, – физиологически не знать народа, но сам он – страшно народен. Вот отчего ему вовсе не было надобности надевать рубаху à la Толстой или идти в солдаты à la Цв–в! Когда я говорю с

---

* Я бы не стал есть. Не идет. В. Р–в.

мужиками или с солдатами, я никогда не перестаю быть для них барышней. Да ведь это и не нужно.

А Толстой и Цв–в хотят обязательно, чтобы их мужики «мужиками» называли. Это ребячество. Но ребячество – русское, а следовательно, трагично.

Полицию я давно полюбила. Особенно за время революции. Сколько мучеников полиции погибло! И никто не вспомнит, все клеймят.

Вспомните дело в Ромнах*. Ужас, ужас!

Я уж не говорю о художниках полицейских (художниках своего дела), но городских – ужасно люблю, и так любовно и радостно подхожу в незнакомом городе спросить, где найти такую-то улицу.

И после такого разъяснения идешь бодро и думаешь: «как хорошо, что есть государство, как все умно в нем!».

Смешон Цв–в:

«Ведь хорошие мысли могли родиться и не в ней: она могла получить их и от Розанова»!!!

А знал ли этот человек, что я Розанова до сих пор почти не читала???

Вообще глупо любить или не любить писателей.

Я всегда *людей* люблю, а не бумажные отрепья души – книги. Человека надо брать не в одежде, не в книге, – а вот в тот момент, когда он, как безумный Лир, бродит голый по степи, когда душа его разверста и сочится кровью, и кровь впитывается в воздух и отлетает от земли, когда звезды не прекрасны, а сморщились и плачут, – и тогда категории «короля», «министра», «писателя» – падают, и человек остается «в чем мать родила».

Есть люди, как Мережк[овский], которые никогда не испытали этого момента, и суть «получеловеки». Что мысли, что книги???!

Один говорит, а другой испытывает.

Один жидок высказал гениальную мысль – он мне сказал: «Мысли – общечеловечны; раз мысль нашла отклик в моей душе – тем самым *она моя*. И мне плевать, высказал ли ее Шопенгауэр или Ницше или Толстой. Эта мысль нашла *отклик* в моей душе и теперь я ее чувствую *своей*»**.

Когда я сказала, что «Горе от ума» – «Подросток» то я, конечно, не имела в виду «Подросток» Достоевского; я хотела сказать, что Чацкий – не взрослый человек, а – пылкий или quasi-пылкий юноша, подросток. Вообще же у

---

* Понятия не имею. В. Р–в.

** Мысль эта высказана где-то и Н. Н. Страховым. В сущности, «прочитанное» реализует потенцию, уже ранее в моей душе лежавшую, но которая дремала, не шумела, или «которую мне лень было взять руками»: книга же мне «подала ее в руки». Книга мне сказала – о моем. Это – вообще так; но, правда, есть и исключения: я: иной раз, беря книгу, мы подскакиваем и кричим: «эврика». Мы находим, но это редко абсолютно новое для себя. Но и в ссм случае требуется оговорка: когда мы нашли «совсем новое», то это лежало в нас, но только как «мускул, закрытый еще несколькими мускулами», очень далеко «внутри». Если мы чего-нибудь совершенно в себе не имеем, – то мы этого и в книге не увидим, не заметим, пройдем мимо. В. Р–в.

меня нет любимых героев или героинь. Я их рассматриваю, как сосуды, несущие мысли.

А кто станет любоваться сосудом, а не выльет на себя благоухающее миро?!!

Устала.

Вера М-ва.

LXXVII

[7 декабря 1914 г.]

Только что телеграмма от мамы: Сережа поехал прапорщиком в Петроград. Я, конечно, [к нему] поеду. Остановиться придется у маминой сестры. И так – мы увидимся.

Как хорошо, что Сережа не в Москву поехал.

Но я не предаюсь мыслям. Лучше о меньшем думать. Словом, не удивляйтесь, если получите [от меня] *городское* письмо!

[Без подписи].

[7 декабря 1914 г. – Второе письмо].

Я вам не писала, потому что вы сказали, что уезжаете из Петрограда*. Мы скоро увидимся. 9-го подам реферат и поеду, вероятно, в Питер.

Вчера не было от вас письма. Была у Б-ова, чаю не хотелось. Цв-в не заходил.

Остановиться придется у тети. Я ей уже написала, что приеду.

Папа здоров, писал мне. Вам непонятно, откуда у него деньги? Видите, он в Сибири получает 1000 оклад жалованья – т. е. около 500 р. (в мес.) – вот он и скопил 25 тыс. Купил скверный дом, потом отстроил его: кирпич в Харбине дешевый, 7 р. – 1000 кир. Теперь у него 2 дома. За меня он получает от казны 350 р. в год – так полагается от казны всем дочерям, отцы которых служат в Сибири.

.....
Вчера была в монастыре. Молилась Было грустно.

В. М-ва

LXXVIII

[11 декабря 1914 г.]

... Душа у каждого из нас в отдельности смотрит на Божий мир и любит, а затем входят оне в наши тела, и мы говорим друг с другом, и они ласкаются между собой.

Все хорошо, все благо.

---

* На другой день после этого мы увиделись, в Москве; и затем дня 4 видались ежедневно. *В. Р-в.*

А солнышко все светит, да все греет, но уж очень оно далеко – греет мало, больше светит, спесивое, а греет по-настоящему – любовь, и жизнь всем – она дает, а вовсе не солнце. «Ярилин день» – ужасно несурзное перенесение центра тяжести!

Вера М-ва.

Наблюдали ли вы ранней весной молодую зеленую гусеницу – когда она осторожно ползет по сучку, вся упругая, гибкая, молодая? Я ужасно люблю следить.

LXXIX

[11 декабря 1914 г. – 2-е письмо]

Доехала, конечно, благополучно. Вы, конечно, тоже, Бог даст, доедете хорошо!

Пишу стоя, оттого так скверно.

Вчера легла в 10 [час.]. Спала отлично. Вообще вся радостна до глупости. Но вот начинает что-то на дне сердца шевелиться: не может быть такое благополучие продолжительно, верно, или Володю убьют или папу ранят. Пока еще ничего не случилось – я радостна.

Пишу мало – завтра больше.

В. М-ва

LXXX

[11 декабря 1914 г. – 3-е письмо]

Мне очень совестно, но мне опять хочется вам писать.

На днях, покупая книги, мне подвернулась книга Измайлова – «Литературный Олимп», т. I (во II-м томе, который печатается, будет речь и о вас). Ну, вот, разрезая книгу и присматриваясь к автографам, я невольно остановилась на автографе И. Ясинского:

– «Взгляните на птиц: они не сеют и не жнут, а Отец ваш Небесный питает их», сказал Некто с вдохновенным взором и прекрасными устами... Они взглянули и увидели, как в морозном воздухе беспомощно реяли птицы и, сложив в отчаянии крылья, умирали от стужи и падали, окоченевшие, на снег.

Прочла – и смутилась. Что это? Бунт? Во всяком случае, это может служить лучшим эпиграфом ко всякому бунту. Но, положим, я не хочу бунтовать: как [однако] примирить эти 2 картины? Положим, в Палестине нет морозов и «Некто» был прав: но ведь все ж таки морозы и стужа существуют, и птицы действительно мерзнут на лету. Как же примирить? Боже, где же выход? А вот и выход: каждому дан крест *по силе*, птички могут улетать в теплые края, и те из них, которые не могут перенести стужи, улетают.

Как-то давно в маленьком фельетоне мне пришлось прочитать: «А все ж таки хоть птицы и улетают «в теплый край, за сине море» – но гнезд там не вьют, там они как бы медовый месяц справляют, – а яички класть прилетают все-таки на север».

Вот Ясинский и сел в лужу, а ведь смутил, иезуит противный. Знаете, грустно, – но бунт в человеке, в какой-нибудь точке тела, да гнездится.

А вот теперь я могу, прямо глядя в глаза Ясинскому, сказать:

– Да, взгляните на тех мерзнущих птичек и возьмите пример с них: оне мерзнут и молчат, а вы все только чуть зябнуть начнете – и начинаете орать, визжать. Стыдно, господа X, Y, Z.

Какая я дура, какая я дура, как я могла смутиться такой ерундой! Отчего я не сказала сейчас же по прочтении:

– «А что же ты, Ясинский, – не подобрал птичек и не согрел их, а взялся писать свой фельетонишко?».

У, проклятая литературность, – воистину, она снабдила всех жалом, а сердце вынула. И как этот подлец* расписался под своим замечанием. Вот я вам скопирую:

Фу, фигурял, змея подколодная!

Знаете, когда я прочла и смутилась, я инстинктивно протянула руку за Евангелием и открылось мне: «Господи, хочешь ли, мы скажем, чтобы огонь сошел с неба и **истребил** их, как и Илья сделал?».

В первый момент, все еще под очарованием змеиноного шопота, я решила, что это «не подходит» – и потом только поняла, как кстати вынулось**.

Но довольно: птички мерзнут, а не вымирают, – людям иной раз плохо живется, да душа в них лучше делается; и в беде они подписываются не размашистым и высокомерным почерком Ясинского, а так мелко: смиренный раб Божий (имя рек) (т. е. Ясинский).

Ваша В. М–ва

LXXXI

[13 декабря 1914 г.]

Ну, вот наконец-то кончились занятия на курсах – и я могу, если позволите, возобновить переписку. Нас «распустили» (как выражаются гимназисты и гимназистки; вообще у гимназистов есть гениальные словечки, вроде «дать фуги с урока» и пр.). Теперь можно ничего не делать, – лежать и читать.

У меня есть все ваши книги, за исключением двух распроданных – «О понимании» и «Семейный вопрос».

На душе хорошо и «внимательно».

---

* Сохраняю выражение частного письма для характеристики писавшей – принося извинение лицу, о коем сказано самое выражение. Он различит субъективное настроение от объективной правды. В. Р–в.

** Открылось (в Евангелии). В. Р–в.

Иду вчера с курсов, подхожу к дому. Розовые отблески солнца стелются по снегу. И сколько жизни кругом на таком маленьком пространстве. Вот идет неторопливым шагом монашенка, вот мчится курсиха со студентом, вон мальчуганы катаются на коньках, крадется кошка, виляет радостно хвостом какая-то собачонка, а солнышко глядит на все сонным, успокоенным оком. Завтра оно встанет опять деятельное, хлопотливое и любящее. Нет, право – хорошо жить на белом свете!

У меня за последнее время ужасно приятное чувство – радость, что я живу. Вон там где-то люди бьются, а Степаныч «крепко думничает» и говорит: «Зачем война? Пусть французы живут во Франции, англичане в Англии» и т. д.

Войны – вообще «встряски» для старухи Европы. После каждой войны у нее какой-нибудь «гений» появляется. Но Россия при чем? Зачем она должна кровь давать Европе? Пусть почтенная старушенция Европа повыжмет сама из себя соки, да понатужится, – авось, что-нибудь и выйдет. Нет, а все-таки хорошо (хоть и бессмысленно), что мы живем в такое время. Лет 14-ти я всегда говорила на пустых уроках: «Господа, что-нибудь должно случиться, как-то воздух странно застыл, как перед грозой; все должно перевернуться вверх дном».

А вы счастливее меня, – ведь вы жили, когда Достоевский жил!

Меня прямо в дрожь бросает!

Знаете, мне кажется, что в конце жизни каждый человек приходит к заключению: – «Дурно то, что дурно, а хорошо то, что хорошо».

Но, Боже, – ведь это аксиома! Неужели из-за нее стоит жить 70 лет, когда *apriori* [это] можно сказать в 17 лет. Да, в этом есть что-то умиленное и связующее с веками! А *prior*'ность отвлеченность. Это – единственное в жизни, что надо знать *aposteriori*. И вот огромная книга человечества: – «Дурно то, что дурно; хорошо то, что хорошо»! Вы скажете: – «В этой книге не будет места «бунтам» человечества!». Нет – будет: это то, что дурно.

Я начала «Люди лунного света». Меня поразила уж вначале метафизика финикийской религии. Это так глубоко! И правдоподобно, что евреи часто склонялись к религиям Молоха и Астарты, – религиям безбрачия, а их Иегова не хотел этого.

Действительно, поразительно это инстинктивное стремление к безбрачию в идее. И надо же было появиться Христу как завершению этого инстинкта. Я тут, конечно, думаю не о Христе как морали, а о Христе как историческом факте.

Вы много сказали своими «пометинами».

Ну, а пока всего хорошего. Надо вставать.

Ваша, вас любящая В. М–нова

LXXXIII

[14 декабря 1914 г.]

Ну, 4-й день нет письма от вас. Я не беспокоюсь, что нет писем – работайте. А когда все сделаете, – тогда и мне напишите. Переписка со мной не должна вам ни в чем мешать.

В субботу мне немножко взгрустнулось и было вообще нехорошо.

Этой ночью я проснулась – лампадка тихо мерцала перед образами и трепетным неверным светом скользила по лику Богоматери, – и я много передумала о вас, о себе: я вам помогать должна, а не мерихлюндичать, и вот я снова спокойна и уравновешенна.

Я люблю себе представлять вас с наклоненною над работой головой.

Пишите, пишите, – фельетоны и все, что нужно к празднику.

Если не хватает времени – пишите мне раз в неделю, с субботы на воскресенье. А я чаще буду писать. Ну, ладно?

Ваша *В. М-ва*

LXXXIV

[15 декабря 1914 г.]

Видала во сне море, синее-синее, и зыбь на нем – вся синяя, темная, мерцающая – лениво и томно перекатывалась с волны на волну, и воздух прозрачный и голубой так и повис над ним. Это к большой радости – и вот два письма, из дома и от вас.

Читаю «В мире неясного»*. Читаю ужасно медленно, «по глоточкам» – хотя все понятно; но «растягиваю», потому что чтение это доставляет наслаждение.

Как глубоко о Достоевском, что он всю жизнь порхал, как мотылек с пробитым крылышком, около – пола и боялся назвать его, боялся формулировать, что пол – извод мировой жизни не только физической, но и духовной.

И назвал все-таки его «бесовщиной», свидригайловщиной. Вообще у нас это – «византийщина», которая так и смотрит на Русь 10 веков изможденная, в серебряных окладах, а истинная наша религия, наше понимание религии – в народных апокрифах. Они глубже, самобытнее порою, Библии; – возьмите хоть апокрифы об Адаме и Еве.

Библия осуждает грехопадение, а наш апокриф говорит об Адаме «жалелючи», – и чувствуется глубокое сочувствие Адаму!

О «византийщине» много писали и пишут. Но суть вся в том, что она смешалась, «вошла» в дух народа не механическим сцеплением, а глубоко химическим – H_2O . Это не кислород и не водород, а воистину что-то третье. Но, пропустив гальванический ток сквозь воду, – снова получаем Н и О. Но гальванического тока никто не «пропустил», – вот отчего Русский народ не понял, вот отчего Тургенев видал в Сфинксе («Стих. в прозе») лицо русского мужичонка Ефима, Петра, Архипа. А «гальваническим током» будет не наука, не изучение, а – душа, **«сердцеведение»** (душевная наука).

Вы, как писатель, чудная иллюстрация к творениям Достоевского; а ведь, сами знаете, что в миниатюрах наших XIV–XVII вв. иногда заключался весь смысл, дух написанного.

---

* Одна из моих книг. *В. Р-в.*

Достоевский, – смятенный болел о поле, и не дерзнул вместо вопля запеть гимн ему, но высота звука его боли = высоте звука радости; – Розанов не запел, а воскликнул – весь тоже смятенный, – но воскликнул с мистическим восторгом одно слово: «**пол!**» Достоевский не «дерзнул», потому что «испугался» изможденного лика на иконе, а Розанов взглянул и увидел, что хоть Лик Богоматери – скорбен, но в объятиях своих Она держит своего **ребенка**, – и он весь иступленно заликовал и припал к подножию **Матери** и прошептал: «Свят еси, Господи, но свята и **Мать Твоя**», а это шопот всего Русского народа.

Это первое впечатление мое от книги вашей.

Завтра приезжает Калиночка.

Я здорова.

В. М-ва

СІ

(1 февраля 1915 г.)

Спасибо за весточку. Только не надо ненавидеть, не признающих Церковь. Вообще все «текущее» не надо ни осуждать, ни оправдывать.

Людей надо у «входа» в вечность рассматривать. А много ли умерло неверующих??!

Говорят и Дарвин перед смертью причастился св. Даров.

Одни люди раньше находят истину, а другие позже!

А тех неверующих надо жалеть, а не ненавидеть. Они уж неверием своим наказаны, ибо «в сем житии терпят и страх, и трепет и изъядение совести непрестанное, к тому ж ума всегдашнее беспокойство».

Без веры прожить нельзя, а вера в разум шатка; рано или поздно всякий приходит к вере в Церковь. Мне как-то все это страшно понятно в целом. Я как-то не могу никого ни презирать, ни ненавидеть.

Еще подростком удивлялась, как это можно ненавидеть. Чудное слово. Ну сердиться можно, но ведь «сердиться» долго нельзя просто потому, что это известное напряжение нервов, а всякое напряжение мгновенно ослабевает.

Ну да ладно философствовать. Расскажу вам, как я вчера смеялась.

К Поле, жене Степаныча, пришла в гости знакомая с сыном 3 лет. Я спрашиваю: «А как звать тебя?» - «Иван Петелевич Козылев» (Иван Петрович Козырев). Разговаривают о том, о сем и спрашивают мальчугана: «Какую невесту ты себе выберешь?», а он отвечает: «Я себе невесту с титиками возьму».

Мы все очень смеялись: он даже мотивы какие-то приводил, да я ничего из его лепету не поняла. Поля сватала ему свою Танечку годовалую, но он отказался: у нее «тисек» нет.

Танечке очень мальчик понравился, и она все тармошила его. Словом, уже очень смешно было. Мать мальчугана с отцом не живет. Он, по ее выражению, со всеми девками в Москве гуляет. Она же тихая, смиренная баба и очень любит его; уж два раза сходилась с ним и снова расходилась. Теперь он на войне, и перед уходом просил прощения. Она, конечно, простила.

У мальчика этого глаза большие и умные. Когда взрослые смеются над ним, он как то снисходительно им улыбается, и чувствуется, что он что-то понимает, чего сами взрослые не знают.

Слава Богу, голова у меня не болит, но я к доктору все же пойду.

Пишите хоть изредка.

Ваша любящая В. М-ва

СII

(2 февраля 1915 г.)

Наконец-то письмо от вас... Письмо ваше грустное. Близкий человек болен. Помолитесь Богу; и я за вашего больного тоже помолюсь.

Мне самой очень скверно; что-то с головой неладное творится. Это не мигрень, а что-то похуже. Боли зигзагообразные, внутри головы и скользят по внутренней поверхности. Завтра *обязательно* пойду к врачу.

И в ухе шум.

Устала.

Грустное время, В. В.

Видите, я права в моей теории о приливах и отливах.

В декабре была чересчур счастлива, а январе чересчур грустна.

Это и есть один вечный ритм жизни. И – единственное, что дано уловить нам в природе. А остальное – ерунда.

История, о которой вы меня спрашиваете, т.к. как они разошлись, просто; он не хотел иметь детей и ради этого прибегал к отвратительному средству.

И этот мерзавец читал Розанова и увлекался им!!! Он когда-то предлагал ей написать вам, кто из них прав: он бы написал и она-бы написала. Она подумала, начала было писать и бросила, сказав: «Мне нечего Розанову писать».

Она чувствовала себя правой.

Я его ненавижу.

Я, как она в 1-й раз стала мне рассказывать, воскликнула: – «Да ведь это Рудин!».

Представьте себе красная русского пошиба, с колоссальной чуткостью к литературе; прекрасный педагог, всеми уважаемый человек и пр. и пр.

«Что ж под руками – того он не любит. То мимоходом *без умысла* губит... Да, говорят, ему и любовь – *голову* больше волнует, – не кровь». Словом, он *умеренный* Рудин. А умеренному Рудину нет оправдания. Он, если кого и случится – для *себя* любит...

Он шептал: «Какой восторг» и засыпал. А ей? – Это ужасно.

Я бы ничего не сказала, если бы у него было это от старческой слабости. Но ведь этого – нет, и свидетельство – что один ребенок был.

Он, видите ли, боялся делить любовь с многими детьми. «Если было бы несколько, он бы первенца меньше любил». Каково?

СIII

(3 февраля 1915 г.)

Была у врача. Он сказал, что такого сорта боли являются следствием большого потрясения или удара. Спросил, не было ли чего со мной. Я сказала, что «была неприятность». Но пришлось затаиваться и смеяться, когда хотелось плакать.

Неправильности желудка и пульс в ухе очевидно первые. Он сказал, что это пройдет.

2 недели будет электризовать мою башку, и кроме того глотаю отвратительные порошки с бромом.

Ну, вы видите, что и вы и я – в «починке».

А там будет опять радостно и хорошо.

В. М-ва

* * *

(3 февраля 1915 г.)

Сiju на курсах и взяла ваше «О подразумеваемом смысле нашей монархии». Как хорошо о наших Государях, как вообще хорошо. Все время мороз по спине, по рукам. Хочется плакать, не знаю отчего – от умиления или восторга?!!

Как-то с курсистками говорила о вас, никто не знает, а одна: «А, Розанов! он злобно кажется пишет».

Дура – хотелось крикнуть. Сама полная, самодовольная рожка – ну что ей скажешь в ответ? Разве она поймет что Розанов самый интимный или нет – первый интимный писатель на Руки со времен XIV-XVII в.! Разве она поймет, что Розанова только больной духом читает и усмиряется в духе???!!

Эх, да что там говорить. На Высших женских курсах всего 2 ваши работы «Легента» о В. И. и Апок. секта (хлысты и скопцы). Как неумело выбраны ваши работы. Ну что эти 2 работы могут сказать о Розанове как человеку. Ибо Розанов прежде всего человек!!

Да, задело меня в «подразумеваемом смысле монархии» – что вы о непосещающих лекции студентках говорите.

Да, мне кажется, что эти непосещающие студенты и курсихи глубоко народны. Ибо (помните у Глеба Успенского где то есть) – народ неохотно отдает детей в школы и ребятки ленятся учиться.

Да почему? Да что даст школа? Считать до 100 или до 1000, сложение вычитание... и пр. А для сердца? тухлые народные книжки, с претензиями на народность.

Да разве оне народу интересны???

Так и в Высших учебных заведениях. Да я в 10 раз больше поспею дома, чем сидя на курсах.

Да и зачем туда ходить?

Все в лекциях печатных есть слово в слово.

А что мне курсы о Розанове скажут? – он литературный критик и пристегнут его к Достоевскому или 80-90 годам.

А на кой черт мне это надо знать???

Ну, я опять увлекаюсь.

Была у доктора, назначил курс лечения – электризацию, бром в соединении с пирамидоном. И 1-ю ночь после брома спала, как королева китайская в день коронации. Чувствую прилив сил.

И вам от души желаю бодрости душевной и здоровья.

Ваша любящая вас

В. М-ва

CIV

(5 февраля 1915 г.)

Идя на курсы, встретила солдат, шедших с занятий. Они пели. Ужасно люблю солдатские песни, то грустные, то разухабистые с несложной мелодией и легко уловимой рифмой, все эти «канареечка жалобно поет, соловушко солоно поет: чар чар» «или пожалей же, зазнобушка, молодецкого плеча» приводят меня в восторг.

Кто автор этих песен? неизвестно и не надо. Как хорошо у них звучит «Мать россейская земля» или «приздумался, пригорюнился царь великий государь». Есть уж песни на злобу дня – войну с немцами.

И как хороши эти песни! Нет в них дешевой иронии всяких газетных стихов. И только по этим песням и можно будет судить в будущем о теперешней войне.

И фабричные песни люблю. В гимназиях учат, что с такого-то века, напр., поэзия иссякла и уступила место бессодержательным и часто циничным фабричным песням. Ну что за болваны. Ну чем плоха: «Глаза вы карие большие», или «Просвети мою темную душу!???». И вообще мне непонятно, почему только очень старое признается классическим. Ведь в то время когда пелись былины, то верно пелись и очень циничные песни. Ведь человек всегда один и тот же. Но очевидно «фривольный» тон для русского человека – нечто временное. Вот те песни и забылись, а остался общий тягучий тоскующий мотив. И наши «неприличные» песни забудутся, и вновь останется одно вечное «нашенское» грустное.

Мне кажется, что вообще русский народ самый музыкальный из всех народов. Правда у нас нет классиков музыки. Да ну их к черту классиков.

Но начните в деревне запевать про себя и мигом вас окружают и станут слушать.

Ведь у Степаныча не было слуха, или вернее голоса, а песни страсть как любил, все певал себе под нос: «Не скажет ни камень, не крест про геройскую гибель Варяга».

Я музыки иностранной совершенно не понимаю, но мурлыканье под нос ужасно люблю. У меня от нашей скрипучей шарманки всегда мороз по коже

пробегают. Отчего? не знаю, да хорошо на душе становится, немножко тоскливо, но хорошо я безумно люблю эти заунывные мотивы, несложные и глубокие.

А все эти классики музыки для меня пустые звуки. Меня может только привести в умиление народная песня. А когда раз была на концерте и мама спросила, ну что? как? – Да знаешь, уже очень шибко руками бегают.

Недаром про меня и папу, мама сказала, что мы в музыке «лесные ослы».

Целые дни я на курсах до 10 ч. вечера. Устаю безбожно, но вообще много бодрости.

Ваша вас любящая

В. М-ва

CV

(6 февраля 1915 г.)

Спасибо за письмо. Только не говорите, что мы с Калиночкой – *несчастные*. Мы очень счастливые уже по одному тому, что змий кусается, а яд его для нас безвреден, т.к. я хочу сказать, что мы стали как-то на границе двух миров – там неведомый мир – мораль.

.....
.....
.....

Это было бы ударом для меня. Но умолчать – я не могла, совесть не позволила.

И то, что я вам написала – там совесть моя. Так с людьми, в обществе – я много вру с легким сердцем, т.е. ложь эта иногда бессознательная «литературная», но когда люблю – *никогда* не лгу. И не только не могу лгать, но и *утаивать* не могу.

.....
.....

Калиночка – она, бедная, хорошая моя вся соткана из сомнений и подозрений. Никогда не доверяется 1-му впечатлению. До сих пор сомневается в том, что я люблю ее. У меня есть доказательства, но я не хочу доказывать, пусть сама почувствует. И пусть чувство, наконец, возьмет верх над рассуждениями. Адрес ее я вам дам. Но будьте хорошим – не пишите пока. Не надо просить ей у Бога – любить: это было бы для нее мука. Такие в любви никогда не будут счастливы.

Я Калиночку всю вместила и всю ее чувствую.

Я безумно устала на курсах, – до 10¹/₂ вечера лекции; буквально деревенею. Теперь еще лечусь: попался такой хороший доктор – с лучистыми добрыми глазами, называет «детельником» меня.

У меня весь этот месяц непорядки желудка были на нервной почве и чуть аппендицита не схватила. И он так умно состряпал мне лекарство – пирамидон, бром и *ревень*. Вспухлость левого все-таки еще остается. Как я рада, что во время обратилась к доктору. Теперь я поправляюсь.

Каждый день пишу Калиночке, – иногда преодолевая усталость, – ибо знаю, если не получит 1 день письмо – начинает тосковать, сомневаться. Клины клином вышибают. Пока Калиночка все еще очень больная. Надо сперва ей помочь. Следующий год она переведется из Одессы сюда, тогда я при ней буду и ей полегчает. Я ж у Бога только ей больше любви прошу.

Вы не сердитесь, если не каждый день будут от меня письма. Вы ведь знаете, что мысленно я постоянно с вами (видите, как у меня руки дрожат от усталости).

В. М-ва

CVI

(8 февраля 1915 г.)

«Ах, каждый человек должен иметь свой стиль». – ... Это не ваш стиль». – [пишите вы.]. Совершенно верно, это был «не мой стиль». И литературным ухом своим вы и это учуяли. Но не учуяли меня. Знаете ли вы, как я писала это письмо? Я пришла в 10-м часу вечера, усталая душой и телом. И вот – ваша просьба. Я заплакала от усталости и со слезами начала писать. Мне не хотелось писать, а когда писала все время отворачивалась, чтобы не капали слезы. Вы только заметили, что «не мой стиль». Я устала, мне хотелось бы отдохнуть, заболеть.

Я думала, что вам не надо этого писать. Но вы не поняли. И невыносимо грустно стало мне от этого письма.

Я каждый день вечером плачу. Писать о слезах не хочется. Вообще я дошла до того, что мне мучительно *стыдно* говорить о себе, потому что совесть моя дошла до предела и мне не позволяет о себе говорить.

Все, что чувствую – переживаю, – ночью в слезах я перебираю, молюсь Богу, прошу Его, чтобы подкрепил меня и любви побольше дал, чтобы всем мои любимым было хорошо.

И вот вы пишете, что не мой стиль – верлэновских полутеней. Ах зачем? Ну, не все ли равно чей?!

Простите что я укоряю вас.

Мне больно, когда вы не понимаете, – когда вы любите «свое отношение ко мне», а не меня. А когда меня не понимает человек, которому я отдала все доверие, – то не *стыдно* разьяснять: значит, может быть, все мои переживания вовсе не сложны и нечего о них рассказывать. Вы что-то сами от меня скрываете, замалчиваете. Скажите – «не ваш стиль», а потом стараетесь сгладить впечатление. На Пасху поеду в Одессу, нужно, Калиночка тоскует. Когда я написала ей, что приеду, то утром сегодня пришла телеграмма. Я думала – от вас. Телеграмма такая: «Приедешь ко мне? Ура. Люблю». Значит она почастливила. А о вас ничего не знаю.

Вы когда-то писали: «Помните Вера, что весь смысл этой нашей переписки – в том, чтобы вам было легче». И мне хорошо было. Теперь вы только тогда понимаете, когда я подчеркиваю, – что-нибудь, – а если замалчиваю, то

не замечаете, что мне тяжело* . И я невольно молчу и плачу вечером в подушку. Я нашла себя, я сама знаю, что хорошо, что дурно. И мне стыдно, что вы будете любоваться на меня, если узнаете меня всю. Бог открыл мне мой путь. Но я еще слаба. Но верно, Бог не оставит меня.

Письмо вышло бестолковое.

Была у Б. после вашего сегодняшнего письма. Нужна была книжка. Засиделась. Говорили о Цв., о вас. Думала, что горечь рассею, но не помогло. Простите меня за такое письмо. Я сама ведь плачу.

В. М-ва

Б., когда я говорила о Цв., что он кое-что от вас перенял, и затем – о том, что бедная та, которая женой его будет, – часто с удивлением перебивал – «да откуда вы можете это знать? Ведь вам 19 лет». В душе я усмехнулась, но ответила: «Ну, вот чувствую – и все». Говорили о море и лесе. Я сказала: «Не люблю моря, вечно ворчит, а то разляжется, как Царица Савская, и дает себя ласкать благосклонно солнцу». А Б. ответил: «Да, Царица Савская; – нет, лучше – вечная невеста». Я ответила: «Нет, вернее – неудовлетворенная жена».

«Я люблю, сказал он, море за вечность его».

– «А я – лес за то, что он, как и мы все – рождается, цветет и умирает. Это тоже вечно».

Ну-ка, В.В., не сердитесь на меня, я глупа, скажите: а вам что нравится больше, лес или море?*

---

* Во время переписки, во все течение переписки, – корреспонденты физически не видят друг друга, не чувствуют *быта* другого корреспондента, и каждому потопу кажется, что *время и физические силы другого корреспондента* заняты, наполнены только этой перепискою, ее мыслями, огнем, вопросами, и, так сказать, корреспондентским «ошупыванием друг друга». Между тем среди той горы безотлагательных нужд и хлопот, в какие обычно бывает погружена жизнь взрослого, – иногда получаешь письмо, самое нетерпеливое и зовущее к вниманию, и между тем в силах и даже прямо в возможности – только взглянуть и с него, прочесть первые и последние строки, думая о середине – «прочту *потом*», даже (убийственно!) «прочту завтра». А уже вдуматься и оценить – и «говорить нечего». Скользит. И не душа скользит, а время гонит – и скользит ухо, язык, внимание, забота. «Некогда! некогда, – пусть поверит на слово, что пишу *с душою*». И я всегда писал, самые короткие письульки, «с душой» и как будто «без души». «Без души» – но «некогда», «с душой! по великому напряжению собственно «хорошо ли сказать – а если уж совсем «некогда» – приласкать утешить. Изредка однако отчаяние «некогда» доходило до того, что (с другими корреспондентами) я переписывался бранчливо, грубо даже, – смотря с отчаянием на письмо: и *Еще* письмо и *опять* я должен отвечать. Хотя письма-то чужие я любил. Но ненавидел «свои ответы». Вот и все. *В. Р-в.*

** Конечно – лес. Он пахнет. Он «мой». А море не «мое», а «всемирное, холодное море... бррр. К лесу тянет, нюхаешь почву, перегной; попадается гриб – и если «серый», «боровик» – то ненасытно понюхаешь ножку его. Вообще грибы удивительно пахнут. А березки? А елочки? С лесом – есть интимность, можно «шептаться» с ним. Море – ораторственно, и над ним можно только произносить речи. Море – для «полюбования», лес – для жизни «в лесу». *В. Р-в.*

Простите, В.В., за это письмо.

Ведь от боли всегда кричишь, а если не закричишь, то это будет фигуранье. Я думаю в Одессе поправлюсь и все пройдет. И Вера снова улыбнется, а то видите – на карточке рожа глупая и усталая и губы ничего не выражают. О, Господи, помоги.

(Без подписи)

CVII

(9 февраля 1915)

Соскучилась я по вас. Представьте, Володя лежит в госпитале, в Варшаве, у него ноги отняты ревматизмом. В ночь на Рождество были страшные ночные агаки и вот результат. Послала ему по телеграфу деньги. Бедный мой мальчик – я написала, чтобы отпросился в Москву на поправку. Пишет так грустно. Долгое время, очевидно, даже без сознания был, ибо пишет, что счастлив и тем, что к жизни вернулся. Он говорит, что сам удивляется, что остался жив. Цв. опять в Москве, был вчера, когда как раз получила письмо от Володи. Сегодня в 7 часов встала, пошла на телеграф.

В Твери он (Цв.?) встретил какого-то ректора (семинарии? *В.Р.*), который был у вас недавно. Говорит, что Василий Васильевич присмирил и даже не собирается его женить. Ну, конечно, В.В., зачем бунтовать? Слыхала и про ваши проделки с книгами. Хорош! Нечего сказать – «О понимании» на вагон на Сухаревку сплавить*. Нет В.В., вы просто неподражаемы! И затем торжественно печатаете, что «такие-то сочинения распроданы». Ну, какой-же вы забавник! Просто – зайчик, а не «В. В. Розанов». И скажите, много таким манером вы распродали книг??? Господи, какой вы милый, ужасно милый чудачек. А сами, небось, думаете – «вот умно сделал, что на Сухаревку сплавил!». Ну, какой-же вы потешник, это удивительный штрих в вашей физиономии. Видите ли, – «в практике заехал! Привлечет больше читателей».

---

* Это единственное место в переписке В. М-вой, которое меня глубоко обидело, «задев честь писателя». Дело было очень просто: я послал – т.е. доверенный мне в Москве студент, следивший за печатанием книги «О понимании», – передал «на комиссию» в книжный склад Понафидиной 100 экзempl. отпечатанной книги (всего было напечатано 600 экз.). Через три года книжный склад продавал экз. 19 из 100, просил остальные взять обратно. Их приходилось пересылать в коробе в Орловскую губернию, в Елец. Надо было еще тратиться на пересылку, а главное – хлопоты по перевозке книг на вокзал и т.д. Тогда в поручил племяннику своему в Москве взять от Панафидиной эти книги и продать, за «что дадут», букинистам на Сухревой (Москва). Самое естественное дело. Куда-же мне было девать книги? Не есть же их. Но как *эта книга* «О понимании», так и все остальные, публикуемые мною теперь «распроданными», конечно *распроданы* (т.е. «теперь», в пору «опубликования» об этом). Что тут худого или неверного. «Курсиха соврала» – дело обычное. В ответном письме ей я «обиделся» и все разъяснил и доказал. *В. Р-в.*

Где вы будете летом? Я – в Финляндии с Калей и с матерью ее.

Страшно устаю на курсах. До 10 вечера занятия. Но так я – бодрая. Про этот случай с распроданным изданием обязательно Калиночке напишу – вот посмеется – я вот пишу, как вспомню – так и начну смеяться. Я давно не смеялась, уж скоро верно 2 месяца. Но зато теперь хохочу. И так хотелось бы, извините, просто расцеловать вас за эту «коммерческую» проделку, и даже – и руки, и шею, словом всего как ребеночка своего. Ужасно вы потешный. Вот как Василий Васильевич книги продавал. Наймет несколько возов, в них впряжет ленивых читателей, а сам, как 6-летний мальчик – «троги»! И вся эта вереница направляется на Сухаревку. И Вас. Вас. рад, когда за пуд своих сочинений получит 50 коп.! Ведь папиросок доброму молодцу можно 160 штук купить. О чем-же горевать!?? Нет, вы весь – милый, понятный, дорогой и много любимый.

CVIII

(10 февраля 1915 г.)

Посылаю вам (верните) письмо Степаныча, – уж очень оно славное, – боюсь, не разберете. Но я карандашем напишу непонятные места и вместе посылаю свою и Калину карточку, которую посылала Степанычу и о которой он пишет. Письма Степаныча в чем – удивительные. Каждое письмо начинается с обращения к своей дочке Тане: «А кукушечка-то дома, девочка моя милая Танечка дома?». Его прозвали солдаты Гоголем. Но, очевидно, не по ассоциации с Гоголем, а с птицей гоголем.

Вот уже 3 дня нет писем от вас. Здоровы ли вы? Вчера я немножко посмеялась над вашими «распроданными изданиями». Какой вы славный с этой «продажей». А мне так давно хочется почитать «О понимании». Но Цв. убеждает, что он за 1 целковый купил на каком-то рынке. Может и мне удастся. Боюсь я вашего молчания... Я тогда уставши была, как собака, пришла в 11-м часу с курсов, – 2 письма, одно грустное, Калиночки, другое было от вас. Я так была уставши, что не сообразила, и сейчас же вам написала. А теперь очень раскаиваюсь. Но я молюсь за вас и ваше здоровье. Бегу на лекцию.

Здорова. До свидания.

Вера М-ва

CIX

(14 февраля 1915 г.)

Ну вот Василий Васильевич, вам кажется делают впрыскивания мышьяку и мне тоже. Электризация не помогла. За 1□ недели опять похудела на 1□ ф. Доктор все боялся, что легкие, сегодня долго выслушивал и успокоился. Нет, решительно у меня легкие здоровы.

Значит нервости.

На Пасху поеду к Калиночке; она зовет, и обещает ходить, как за малым ребенком. Мы друг друга никогда не переживем. Я это чувствовала – Калиночка сказала.

Я ходила аккуратно на лекции, а нынче опять пропускаю. Уж очень устаю. И вообще немножко развинтилась, хотелось бы так заболеть, чтобы лежать без сознания и отдохнуть.

Вот отчего, Василий Васильевич, стала реже писать, решительно мне ничего не лезет в голову о литературе, о философии и прочих материях. Все больше лежишь безо всяких мыслей, а если есть, – то уж очень неуловимые комбинации о жизни и смерти.

Зафиксировать на бумагу нельзя, – есть только определенное чувство и в тумане чувства вдруг блеснет Истина от века единая и опять странный туман, в котором мелькнуло что-то вечное, мелькнуло и погасло, и оставило след непонятного тихого счастья, оттого что была близка от меня эта истина, самая тихая, ясная и простая.

И ведь когда после, нужно производить какие-то аляповатые действия над радикалами, иррациональными числами, то невольно улыбнешься и невольно спрашиваешь: ну к чему это?

Та истина, моя Истина, не из иррациональных чисел составлена, а из другого.

Вот весной, тихо греет солнышко, тихо пошелестывает травушка, индюшка сидит на яйцах: подходит индюк и что-то нежно ей говорит. Индюшка бережно встает и индюк садится на ее место.

Индюк не занят ничем мировым, а просто видит, что индюшке тяжело все на одном месте сидеть, вот он помогает. И счастливый своим открытием, индюк с серьезным видом на яйцах, а индюшка тут же ищет корма.

И мне кажется, что здесь Истина земли всего мира.

Положим, что мира нет, но понятие 5 останется. Ну что мне с этого абсолютного понятия 5, когда на это абсолютное понятие не купишь хлеба?

И вообще все абсолютное без тепла, без «кровиночки», без жизни. А мне индюк на яйцах сидящий, дороже всех абсолютов.

Это правда, что от таких мыслей не пустишься бежать, никуда не потопишься, но ведь истина не газетчик, она именно неподвижно «разлита» в мире и Дыханье мира пропитано Истиной, этой одной и вечной. И истина эта узреается не тогда, когда солнце палит во всю, и не тогда, когда (выражаясь пухло – протяженными стихами) «кровь кипит», а именно, когда «тишина» есть.

И на «кипящей крови» еще ничего не создается и не на «кипящей крови» «забота» в мире родилась. Забота – любовь не ею вскормлена, она от Бога, от вечности.

Ваша любящая вас

В. М-ва

СХ

(17 февраля 1915 г.)

Ну, чего вы, В. В., взволновались да загрузили? Это правда, что я чувствую себя неважно. Но я думаю – просто мы мало и уже давно виделись. Вот отчего я и написала то раздраженное письмо, которое начинается – «Ах, каждый человек должен свой стиль иметь». Вы простите меня за него. Я тоже редко получаю от вас письма и мне немножко больно стало, и жутко стало, затем вы так торопитесь с печатанием писем моих*. И я часто плакала. Мне стало казаться что вы как-то меньше стали меня чувствовать, и – как-то по новому, «литературному». А я вас ведь именно вне литературы чувствую.

Но, конечно, это я все «измышляла» в тоске, когда не было писем, а жаловаться не смела.

На Пасху в Петерб. нет смысла ехать – было бы тоскливо встречать одной Пасху. Калиночка же даже в весе стала прибавляться, когда узнала, что я приеду, – для нее этот приезд – лучшее лечение. Мне еще много кой от чего было горько от вас, но я все молчала – теперь *мне уже стыдно за свой внутренний ропот*.

Посылаю карточку свою – во весь рост, и в том самом платье, в каком я была, когда мы в декабре виделись.

Я совсем здорова теперь, много сплю. Только немножко простудилась, но легкие *не* затронуты. Доктор очень внимательно слушал, и вообще нельзя допустить мысли, что все доктора болваны и ничего не смыслят.

(*Без подписи*)

СХI

(18 февраля 1915 г.)

Спасибо, В.В., за длинное письмо. Ужасно люблю длинные письма ваши, а у самой редко длинно выходит. Я простудилась, сегодня жар и посему лежу. Но это инфлюэнция. Теперь здесь поветрие такое.

---

* Мне самому в значительной степени «жутко» и сам спрашиваю себя – «зачем». Какое-то странное чувство смерти. «Все умрем: (все умрет)». Мир что он? Океан, нас поглощающий, нас плотающий? И вот «Иона во чреве китове» – жалкий человек и человечинко, – в сем страхе «всеобщего исчезновения в смерти» усиливается спасти то, что ему было «любо на свете»; к чему он прикрепил мысль свою. «Письма – валяя и письма в «печать». Гутенберг изобрел машинку: – Валяя душу в машинку». Так происходит литература, так происходит ужасная «печать». Стыдно признаться: из всей «печати», от Гутенберга до «теперь», я люблю собственно только «собою (мною) напечатанное». Прочее – «нужно, но не интересно, но священо – только свое. Мне кажется и даже это есть мое внутреннее требование, чтобы ничего не умирало, что в сущности все – в высшей степени достойно вечно жить. И как нынче снег выпал и какое я встретил милое лицо. Но ужас смерти и небытия, ужас чудовищного *мелькания* вещей – объемлет душу: и Иона из чрева китова – печатается. Ну и так далее. Но это, мельком сказанное – истинно и глубоко. А что осудят – на это не надо обращать внимание. Ведь осудят только те, кто не проливает слез о временности всего, для кого их теперь насыщено таким чудовищным реализмом, о котором например я не имею никакого понятия. **В. Р-в.**

Курю всего 6 папирос (в день).

Калиночка, в ответе на привет ваш ей, – написала: «Спасибо В. В-чу. И мой ему привет. Я его давно (по книгам) люблю – человека живого, и он, по переписке с тобой – тоже, что для тебя: не совсем так, как для тебя, но это нисколько не худо. Не сердитесь на нее, что она вам не пишет».

.....
.....
Теперь только она уверовала в мою любовь к ней, и я немножко успокоилась.

Не выношу ничьей тоски и я вся в слезах бывала, когда приходило тоскующее письмо. А тут сама я нездорова была и оставалось реветь, молиться и курить.

Хорошо, что вам еще полегчало теперь, а то вовсе хоть помирай от заботы. Теперь я с наслаждением читаю ее счастливые письма.

Вообще я счастлива от счастья любимых. Ужасно люблю счастливых любимых видеть. И мне, действительно, ничего не нужно, кроме их счастья.

Когда вы в тоске были от того вашего письма, где думали, что обидели и огорчили меня – я вся изошлась от тревоги и придумала телеграмму и успокоилась только тогда, когда почувствовала, что телеграмму вы получили. А до тех пор – одна тоска и тревога. Но зато я чувствую себя довольно не хорошо, когда вы или Калиночка за меня тревожитесь. Тут я, чтобы «отвести глаза»; готова врать, что есть сил. Потому что мне стыдно, зачем обо мне тревожатся; мне хорошо, когда им всем хорошо.

Мне кажется, что хотя вне меня я слабая, но внутри я сильнее и вас, и Калиночки. Калиночка – сильная, но в любви она снимает с себя узду и тогда она вся, как есть.

И я люблю всех, кто обнажается и видно, что болит.

Сейчас я очень простужена, – это я когда тогда у Б. была, возвращалась и попала в лужу. Еще хорошо, что только насморком и кашлем отделалась. Завтра встану.

Спокойной ночи. Почаще пишите, – а то я начала бы ропать на вас.

Ах, вы, – бедненький: числе на моих письмах нет и вы забыли тот день получения их: а я ваши письма в 2 часа сложила все по очереди. У меня хорошая память.

Вера М-ва

СХII

(24 февраля 1915 г.).

Вы не так меня поняли с Антихристом. Это правда, что Антихрист у меня выскочил из нутра, совершенно для меня неожиданно, – но хоть ребеночек и слаб, а у Дарьи Ивановны и Марии Петровны пузатые и здоровенные ребята, а все ж мой ребеночек мне дорог и защитит я его смогу.

Но для этого оставим Ц...ова в покое. Я Антихристом не попрекала и головы никому им не снимала. Антихрист это *глухая* боль всей интеллигенции и егда плоть от плоти нашей.

Христос – весь неземной, идеал, *неожиданность в мире*; мы Христа не заслужили: – это дар Бога, а Антихрист будет боль людей, пока еще не выявленная, которая глухо бродит в организме.

Через Антихриста люди Христа заслужат*. Антихрист величина отрицательная, но без Антитезы мы к синтезу не придем.

Христос – белый цвет, немеркнувший, ровный, – он от вечности, от Бога. Стремясь к Богу, к идеалу, Христу, – люди впали в заблуждение, стали *подражать Богу, захотели повторить феномен* и из этого неизбежно вот что выйдет: взяты будут все цвета мира (ибо сказано: белый цвет *синтез* всех цветов), но *творческая пропорция* утеряна в мире и получится цвет не белый, а *бесцветный*, отвлеченность.

Это будет идейная 2-я и последняя Вавилонская башня.

Христос разрешал блудниц и мытарей по божественному, Антихрист разрешит это по человеческому. Он будет понимать «психологию» людей.

Словом, я Антихриста поняла, а вы – верьте – не верьте... О, поверите!

Ваша любящая вас В. М–ва.

СХІІІ

(27 марта 1915 г.)

Дорогой Василий Васильевич!

Вот и от вас весточка и как раз в 1-й день Св. Пасхи. Хорошо, очень хорошо. Нездоровы? Ишиас?

Только не ропщите, Василий Васильевич. Ведь все от Бога.

На страстной говела с Калиночкой. В Великий Четверг слушала Евангелия. Когда читают Евангелия, то невольно навязываются параллели с мелочными личными страданиями, и они кажутся такими маленькими, ничтожными.

Около меня стоял мужик на коленях и, когда священник дошел до места как Христа оплевали и ссорились из-за его одежды, у него вырвался стон – «О, Господи». Все было в стоне – и гнев, и негодование, и преклонение и восторг, из-за одного этого стона-крика нужно всегда вспоминать о Христе и его страданиях.

Пусть толкотня у входа и подчас брань, но есть и этот стон, он – дыхание, он – искра *«крестьянства»*, он – святой.

Ваша любящая вас Вера.

---

* Что это: не согрешишь и не замолишь, а не замолишь и в царство небесное не войдешь? Неужто только через зло приблизишься к добру?! Хотя, – чтобы *воскреснуть*, необходимо умереть... *Прим. ред.*

(29 марта 1915 г.)

Дорогой Василий Васильевич!

Много у меня накопилось вам порассказать. Брат лежит в госпитале, у него был плеврит, еще не прошел. Я очень боюсь за него, у него такая узкая грудная клетка, а было уж воспаление легких, теперь плеврит. Он командовал ротой, вел ее куда-то и провалился в лужу выше колен. За боевые отличия производится в прапорщики и кроме того представлен к солдатскому Георгию, а папа к офицерскому.

Но не об этом хотела я вам рассказать, – а о жидях, об их хамстве, Василий Васильевич, у меня душа горит от возмущения.

По дороге ехал со мною еврей, «интеллигентный».

Розанова, конечно, ругал, а сочинений его, конечно, не читал.

Вот подсел к нам мужик, подрядчик неграмотный, а как он говорил! Самого антиинтеллигента нашего в ярость и волнение привел.

Наш мужичонка, не зная, что его vis-a-vis еврей, сказал – ну, а жидовскую нацию я больше всего ненавижу! Простите, здесь жидов нет?

– Я сам жид.

– А, ну извиняюсь.

– Нет, пожалуйста, интересно выслушать ваше мнение.

– Нет, я уж не могу, потому что русский я человек, а русский человек «совестливый». Но еврей настоял на своем.

– Ну, господин, скажу я вам свое мнение о жидях, во 1-х – они лодыри, во 2-х – нахалы и бессовестные, работы они не любят, а любят только деньгу наживать. Сейчас вон какое время тяжелое, у меня у самого три сына на войне, выйдите на вокзал, всюду пусто. Кто есть? Жиды только, как сатаны*, не убывают.

– Позвольте, евреев 350 000 на войне.

– Ну, врешь, врешь, не более 80 тысяч.

– Ну, справьтесь в журнале «Евреи и война».

– Да ты сообрази: 350 тысяч это 1/3 миллиона, а вас всех 5 миллионов.

– Нет, я вам говорю 350 тысяч.

– Ах, ты все равно, что жена моя покойная, не тем будет помянута, я ей говорю стакан круглый, а она мне: «Не хочу с тобой спорить, а он все-таки 4-х угольный». Да я по секрету вам скажу: жидов гонят из Действующей армии за негодностью, и за что вам равноправие давать? Знаешь, желаю тебе назавтра, вставши и молитву свою сотворивши, поменьше врать.

– Я никогда не молюсь!

– Ну, а пасху свою праздновал?

– Нет!

---

* Удивительное сравнение, – удивительное во многих, серьезных отношениях...
Прим. ред.

– А мацу ел?

– Ел!

– Ну, так зачем ты врешь: не молишься, а мацу ешь!

Я не стану приводить всего разговора, он длинен; я вся дрожала. Удивительная нация эти «антиллигентные» жидки. Нечто до ужаса деморализованное. Этот еврей ел спокойно чичкинскую ветчину и пр. Это самодовольство действительно непереносимо. Это верхоглядство, это полное непонимание русского человека прямо поразительно! Просидеть столько времени бок о бок с русскими и ничего о русских не знать, кроме «русских беспорядков», «малого количества университетов», «о русском пьянстве», «о Мясоедовской истории»... Прямо поразительно, нет возмутительно, и они смеют говорить, что им дорога Россия и ее благополучие???!!!

Тот мужичонка с пафосом говорил: «Да куда мы вас денем?? На луну что ли? а то-то рай был бы, Господи, Господи, помилуй меня и жен моих сердешных!».

Они рады, когда мы терпим неудачи с немцами.

Этот еврей говорил: «А согласитесь, задали нам немцы перцу!»*.

Скажите, разве станет русский человек вслух так говорить, разве станет боль свою наизнанку выворачивать?

Он все хвалил немцев, их любовь к Kaiser'у, я все время оппонировала и чувствовала, что в «пустоту» идут слова мои. Но о Государе своем я сказала: мы сами, русские, виноваты, почему вы, другой, третий не любят Его? Это позор для нации. Э, да что им говорить!?! Имея уши, – они глухи, и глаза имеющие – слепы. Для них любить Государя – есть ограниченность, святого ничего у них нет, и для нас они – зловонная язва на теле, болючая.

Ох, эта ужасная их «сольность».

В. М–ва

СХV

(30 марта 1915 г.)

Давеча я очень насчет евреев погорячилась, да и сейчас еще сосет, а в конце концов – Бог с ними, только все-таки много в них «от века» хамства. Я не говорю о бедных евреях, что ютятся в селах и местечках, а об нестерпимой «антиллигентской» касте.

Только что просматривала в «Вешних Водах» запросы из провинции. Не угодно ли, дерзкий жид пишет (стр. 210):

---

* Это место достойно глубокого внимания. На него мы обращаем пытливые взоры нашей Русской молодежи. Не сегодня, так завтра перед нею во весь свой корявый рост встанет большой *еврейский вопрос* и мозг пронижет жгучая мысль: куда и как идти – за Русь, за свободу ее или за ее распятие? За свободу от какой бы то ни было иноземщины или за ее распятие у ног торжествующего, хотя и трижды проклятого Небом Израиля?! *Прим. ред.*

«В своем молодом студенческом журнале «В. В.» вы *непростительно* допускаете в некоторых заметках бросать тенденциозную тень на наш *многотерпевший* народ, народ, который на полях сражения с германцами выказал себя таким горячим патриотом»...

Отец рассказывал, что в их полку нескольких евреев перевешали, других сбывают за «негодностью»!*

В Одессе куча евреев-солдат на 6-месячном отпуску.

Евреи! Когда же вы перестанете искать себе награды на земле да еще не заслуженные, неужели Бог ваш не внял бы искреннему голосу вашему, но вы не к Богу вопиете, а к нервному впечатлительному русскому человеку, его вы гипнотизируете; перед Богом вы не смеее так поступать! Боже, Ты видишь правду! Боже, укажи, кто прав, кто виноват.

Устала, простудилась по дороге.

Как же ваше здоровье, Василий Васильевич?

Читала вашу статью за 25-е марта. Фигура Митьки «с остреньким глазком» – все те же гениальные штрихи из вашего альбома.

Ваша вас любящая

В. М-ва

СХVI

(13 апреля 1915 г.)

Ей-Богу не знаю, зачем сейчас взяла ручку и не знаю, о чем это я писать буду. Настроение путанное, препутанное, «распустила себя» на несколько часов, чтобы потом снова невозмутимо приняться за занятия.

Весна ведь, ах, хочется «всё до сокровенной глубины тоской о солнце опьянить». Нет, только не о солнце, нет, нет!.. Я всегда от солнца пряталась – «тоской о луне опьяниться». Ведь в луне тоже есть «от вечности».

Скоро вечера станут долгими, долгими. Потом медленно скроется вечерняя заря, небо замутится, побледнеет, начнется другая жизнь – молочно-синеватых, дымчатых неуловимых ночей. Большая луна откуда-нибудь из-за березы будет тихо лить свой свет.

Между цветами ведь тоже есть жрицы луны. Есть один цвет нежно-лиловый; – днем он весь сморщенный, а ночью тоненькие беспорядочные лепестки раскрываются и вокруг них и из них распространяется странный нежно-пряный запах. Что еще удивительно в жрицах луны – это отсутствие в них *формы*. Внешности никакой (напр., ночная фиалка), как будто для них *не это* суть. Против такой ночной фиалки какой-нибудь тюльпан или пион – что фабричный в смазных сапогах и прической из «палехмахстерской».

Я, как себя помню, всегда люблю эти ночные цветы и теперь тоскую по ним.

Тоскую по своей фиалочке-Калиночке, хотя, – странная вещь, я чувствую в Калиночке где-то солнечный блик, чую какой-то отсвет солнца.

---

* Прекрасный ответ жизни на запрос еврея. *Прим. ред.*

Ах, я все не то говорю, и голова немножко побаливает. Много курила. Брат получил отпуск на 10 дней и живет у меня.

Всколыхнулось всё прошлое, тяжело и больно.

Ваша любящая

Вера

СХVII

(15 апреля 1915 г.)

Ну, вот, Василий Васильевич, я в Одессе. Перед отъездом заходила к Б-ову.

Удивительно славная семья. Жену его так и хочется назвать Алена свет Ивановна, что-то есть в ней от вечного тихого и славного.

А сын, кажется, совместил в себе улыбку отца и матери и если даже не улыбается, то улыбка чувствуется в существе его. Старшая дочь (кажется, Маруся) уже полудевушка, что-то «тронулось» в ней, как лед в половодье. Губы чуть-чуть влажны, немножко фигурует; вечером кутается уютно в шерстяной платок, не от простуды, нет. Как-то бережно прячет в платочек свой новый мирок.

У мальчика (по виду лет 15) все еще детски дремлет и только эта не выявленная глубокая улыбка отца и матери светит изнутри. И над всей семьей С. Н. Б-ов, такой милый крепкодум. Есть что-то сильное в нашем крепкодуме. И от муки его не становится тяжело и безысходно, а как-то мило. Не умею иначе сказать.

С Калиночкой время проводим внешне очень однообразно, но внутренне разнообразно. Читаем Лескова.

Читаем не его романы, а мелкие вещицы, – они *гениальны*. Как я счастлива, что мне этот клад так поздно достался. Это Калиночка на него указала.

Не могу пересказывать ни его «русское тайнобрачие», ни «чертогона», ни «Колыванского мужа», – я впервые употребляю сознательно слово «гениально»! Василий Васильевич, право, загляните в мелочи архиерейской жизни или иначе «русское тайнобрачие» – я думаю, что многое у вас он предвосхитил.

Ах, я так счастлива с Лесковым!

Ваша вас любящая *В. М-ва*.

СХVIII

(16 мая 1915 г.)

О Булгакове? Он очень славный даровитый обыкновенный русский человек.

Видите, мы в России очень избалованный народ, и, пожалуй, в оценке таланта очень требовательны.

В Германии Булгаков, может быть, был бы крупной величиной, как ученый и мыслитель, а у нас? – У Булгакова *нет будущности*, т. е. у него нет *своего* яркого «я», он хороший человек и даровит и все.

«Горя» у него не было, в этом вы правы; оттого он чересчур «здоров», «здравомыслящ». Это я говорю о Булгакове с нашей русской точки зрения.

Если же стать над ней, то картина несколько меняется. Ведь, в сущности, у русского человека в его критицизме есть доля аномалии. Всякий другой *народ радуется*, имея здоровых мыслителей и человек.

А мы плачем над ним, как над усопшим. Булгаков сделал свое дело, у Булгакова даровитый сын, может быть, будущий художник и то, чего не удалось воплотить Булгакову – удастся через сына. В душе у Булгакова целые потоки красоты, в потенции; Федя эту красоту выявит в образах зрительных. Этим и закончится род Булгаковых.

Видите ли, я не помню у кого читала или, вернее, выхватила слова, меня поразившие:

«Вольтер *говорит*, что он плачет, а Шекспир *плачет*».

Вдумайтесь, Василий Васильевич, – это бездонно!

И вот все люди распадаются на 2 категории в одном отношении: одни созерцатели, другие художники.

В первых преобладает сознательный момент, во вторых творческий.

Булгаков-отец может всю жизнь восторгаться морем (кстати, он очень любит море), а Федя его нарисует, *сотворит* это море, *молча*.

Дальше идти некуда, путь окончен и начнется в роде Булгаковых «мелкота» до нового накопления и разряжения творческой энергии.

Что касается Булгакова как человека, то его я люблю и писала об этом уж раньше. Только что мелькнула у меня мысль – уж не в честь ли Достоевского назвал Булгаков своего сына Феодором? Если потому, то... удивительно, как *нежно и тайно* любит он Достоевского!

Когда я последний раз была у Булгакова, был и Цветков и весь разговор вертелся около эвакуационного госпиталя, где Цветков нечто вроде помощника фельдшера и очень своим делом увлечен.

Вчера был у меня экзамен, сдала на весьма, но так утомилась (я экзаменовалась в 10 ч. вечера), что всю ночь был жар и бред. Осталось у меня еще два экзамена. Старославянский я выдержала.

Ваша вас любящая В. М-ва.

Ах, Василий Васильевич, я так люблю вас за то, что вы все понимаете и не надо вам долгих рацей разводиться!

Знаете, что меня поразило в Булгакове: его человеческий страх. Я как-то обмолвилась, что люди очень одиноки и любовь к людям должна быть выше любви к Богу. Ибо, если вдуматься в картину мироздания с одинокими планетами, может быть, давно погасшими и безлюдными, то одиночество наше ужасно.

Я почувствовала, что Булгаков *боится* этой мысли, и за этот страх он мне стал как-то родней.

Пришел Цветков и я не договорила своей мысли. А между тем ведь правда люди ужасно одиноки, несчастны и, может быть, Христос и прощал *все* грехи человечества, ибо Он уразумел это глубокое одиночество людей.

На днях читала что-то про Бэкона и меня поразило, что и он где-то в своем подсознании чувствовал одиночество людей, но – странное дело – не увял от этого, не почил от дел, а гордо вознесся в своих мечтах о сильном человечестве – властителе.

Боже! как это всемогущество людское шатко.

Но этого Бэкон не мог охватить, может быть, не хотел, ибо поняв это, захотел бы уснуть, молчать!

М-ва

(Продолжение следует)

(Октябрь 1915)

Дорогой Василий Васильевич,

Спасибо за Флоренского. Вчера вечером и перед этим все ходила радостная, что есть что-то хорошее, хорошее. Вечером взялась читать сперва – не что нужно – а что интересно – «Общечеловеческие корни идеализма». Хорошо, очень, местами гениальная чеканная формулировка. Вообще есть что-то схожее с Вами: – нюансы, нюансы, а за ними *целый мир* новых ощущений.

Но есть и то, чего у Вас нет – «научообразности», которая всем этим нюансам придает императивность, определенное законное место в мире восприятия. Тогда как от Вас ничего «насущного», матерьяльного не получишь; от Вас один «восторг» (в импретации Флоренского), о Вас не хочется и нельзя говорить; Вас вслух мы с Калей не читаем, Флоренского сложно читать вслух. Да, Вы говорите написать Флоренскому?!

Нет, Василий Васильевич, мне не хочется, нет потребности, потому что я знаю – все могу Вас сказать, написать, что накапливает, и ведь этого достаточно. А писать «так» «учтиво» и пр. не хочется. Ну, да Вы сами знаете, что я хочу сказать этим.

Да, еще: стихи Флоренского несколько напоминают Вл. Соловьёва, рождается неволью эта ассоциация. Для меня же стихи Соловьёва не родили отзвука в душе, прошли незамеченными.

Знаете, Киркгоф или кто-то вроде доказал, что луч, проходя через какую-нибудь среду, отдает часть себя среде. По ее требованию, т.к. потому что в среде, как и в струнах, зазвучит одна ответная струна.

Луч Соловьёвский и Флоренского прошел через душу и ушел и ничего не оставил. «Не понимаю», «не нужно».

Одни фетовские стихи прошли в душе ярко, глубоко ввевшись в нее.

Да в Брюсова, еще ничего не читая, я каким-то предутренним оком вглядываюсь и, кажется, стихийно, неудержимо влекусь. Знаете, из всего Брюсова я читала *одно* стихотворение. Вот оно:

НАВЕТ ILLA IN ALVO*

Ее движенья неспорворны,
Она ступает тяжело,
Неся сосуд нерукотворный,
В который небо снизошло.
Святому таинству причастна
И той причастностью горда
Она по-новому прекрасна,
Вне вожелений, вне стыда.
В ночь наслажденья, в миг объятья,
Когда душа была пьяна,
Свершилась истина зачатья,
О чем не ведала она!
В изнеможеньи и истоме
Она спала без грез, без сил,
Но, как в эфирном водоеме,
В ней целый мир уже почил.
Ты знал ее меж содроганий
И думал, что она твоя...
И вот она с безвестной грани
Приносит тайну бытия...

Ну, Василий Васильевич, что? Нельзя ничего сказать – это надо только помнить или, вернее, это само навеки «помнится». Я, прочтя его в первый раз, провалялась целый день, ничего не делая, ни о чем не думая.

Устала. Любящая Вас

В. Мордвинова

---

* Она имеет во чреве (*лат.*) Мф. I, 18.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПРОИЗВЕДЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ В СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ЗАМЕТКИ О ПОЛЬШЕ

1. Об историческом воспитании Польши

Князь Адам Чарторыйский, в записках своих, изданных в Париже (сперва в 1865, потом с дополнениями в 1887 г.), между множеством замечательных характеристик, оставил следующую известного графа Браницкого, устроителя Тарговицкой конфедерации:

«...Этот человек уронил себя тем, что содействовал гибели своего отечества. Придворный, запятанный предосудительными поступками, тщеславный, без всяких принципов, жадный к богатству, он был поляк в душе и предпочел бы удовлетворять своим страстям и честолюбию в Польше (Чарторыйский встретил его при русском дворе), а не в другом месте. Он гордился Польшей, которую сам погубил, и сокрушался об ее унижении. Он ненавидел русских, которых близко узнал, и, покоряясь их силе, мстил им презрением и беспощадным осмеянием их недостатков. В то же время он был чрезвычайно сердечен к близким ему людям, с которыми безнаказанно мог откровенничать. Его живое, своеобразное, чисто польское, остроумие, его тонкая наблюдательность делали его разговор занимательным и веселым. Рассказывая анекдоты и оживляя их народными прибаутками, он имел дар по-своему их передавать, причем всячески избегал малейшего намека на злополучную Тарговицкую конфедерацию. Он очень любил вспоминать доброе старое время, и при этих воспоминаниях прежнего величия разом принимал вид магната. Впрочем, это величие мгновенно у него исчезало в кругу придворных, в присутствии которых он превращался в ничтожество... Он мог быть полезен нам (Чарторыйский, еще юноша, приехал с братом в Петербург просить Императрицу о возвращении конфискованных родовых имений отца) только своими советами, смысл которых заключался в словах: «терпение и покорность»... По прибытии нашем в Царское Село, мы посетили его и ожи-

дали у него времени, назначенного нам для представления (Императрице)... Он дал нам должное наставление. На наш вопрос, следует ли нам целовать руку Императрицы, он отвечал: «Целуйте все, что она прикажет, лишь бы только она возвратила ваше имя». Он показал нам, как надо становиться на колени».

В этой тонкой и сложной характеристике, хотя она относится к отдельному человеку, удивительно соединены и все собирательные, типичные черты польского общества времен политического падения. В крови этого общества, «стародворянской» крови, исчезли все элементы твердости: есть золото, много серебра, вообще благородных частей, – но совершенно иссякло животворящее и укрепляющее железо. Можно поэтому без преувеличения сказать, что если бы Польша, в начавшемся падении, была предоставлена себе самой, своему дальнейшему внутреннему, духовному и социальному разложению, – она исчезла бы с лица мира Божия гораздо глубже и страшнее, чем мы это наблюдаем теперь.

Представление, что три соседние державы «разделили» Польшу, что оне расчленили *живой* организм и поглотили его части – совершенно ошибочно. Это представление есть представление нашего времени, когда мы видим Польшу с ее цветущими городами, с блестящею литературою, с здоровым трудящимся населением, после ста лет возрождающих усилий России, ее укрепляющей дисциплины, ее порядка, гражданственности. К концу XVIII века, ранее разделов, Польша перестала существовать морально, хотя и продолжала существовать политически. Она потеряла внутри себя не какой-нибудь, но всякий закон жизни; король в ней мог не более, чем последний шляхтич; не могли ничего сенат и сейм. «У вас есть сабли, защищайтесь сами», – ответил за 100 лет до раздела король Владислав IV казакам-посланцам, искавшим в Варшаве закона и справедливости.

Два практические умения – *повиноваться* и *повелевать* – были совершенно утрачены поляками того времени; две психические способности – *заботиться* о ком-нибудь и кого-нибудь *бояться* – были ими совершенно потеряны. Решительно никто и ничего не мог в тогдашней Польше *по закону*, потом что всякий и все мог в ней *по силе*. Она стала диким, запущенным лесом, в то же время кичась и имея основания кичиться всеми блестками культуры. Она был образована, утончена. Она была эгоистична в том страшном внутреннем смысле, что над *я* каждого человека, каждой группы людей не было решительно никакой сдерживающей нормы; и, с другой стороны, это *я* решительно не имело никакого морального тяготения к другим *я*. В стране развились мириады центробежных сил; каждое *я*, всякая семья, деревня, город была такою силой. И вовсе не было сил центростремительных.

Нужно читать, в тех же воспоминаниях Чарторыйского, с какой тоской и страхом приехав в Петербург, он проезжал по Литейной улице, где в одном доме содержались в заключении отдельно от других Потоцкий, Закржевский, Мостовский и Сокольниковский: «Наши сердца (он ездил с братом) сильно бились, когда мы смотрели в окна, в надежде увидеть, хоть вскользь, людей,

страдавших в жестоком и несправедливом заключении, – пишет он и прибавляет: «Было опасно и трудно справляться об их положении».

Это совершенно новые чувства: кн. Ад. Чарторыйский, сам того не замечая, является совершенно новым человеком в своей истории; и все то новое что мы в нем находим – эта *стойкость* чувства, эта *непоколебимость* в своих принципах, эта громада сдерживающей внутренней *дисциплины* – суть продукты нового положения, в каком он находится. Он постоянно *боится*, и он умеет уже *распоряжаться*; он *уничтожен* – и уже научился *сострадать*. В нем уже масса центростремительных сил.

Для Польши наступила эпоха перевоспитания, продолжающаяся вот уже век. Все говорят, и часто говорят, о промышленном и торговом процветании Привислинских губерний в XIX веке; никто не хочет заметить, что самый поляк стал лучше, что выправился его дух, окрепла кровь, и пробудились в нем чувства, которых он давно не знал. Нужно читать историю местных польских сеймиков конца XVIII века, чтобы ужаснуться, до чего поляк того времени представлял собою нравственную руину: никаких скрепляющих, единящих чувств; нет общей идеи отечества, нет идеи истории своей; он ничего не понимает, кроме сегодняшнего дня; никого, кроме себя, не любит; никого не боится, кроме более сильного соседа, который его завтра безнаказанно может разорить, опозорить и даже, при случае, убить. Оздоровление расы после политического падения тотчас сказалось в литературе: великий гений польский, Мицкевич – есть гений не свободной Речи Посполитой, но благоустроенных северо-западных губерний России. Вспомним также и Лелевеля. На всех путях жизни, во всех сферах творчества польская раса пустила свежие, сочные, неожиданные ростки. Это совершенно новый народ: ничего подобного не умело рождаться на берегах Вислы, в лесах Литвы, степях Украины уже в течение 3–4 веков перед «разделом».

Воспитываются, истинно образуются люди не через одну школу: лучшей школой всегда останется *жизнь*, лучшей воспитательной системой – необходимость в ней *трудиться*, *бороться* с бедствиями, выносить страдания, когда они неизбежны. *Эта* школа не могла быть приобретена во *внутренних* условиях польского бытия, не могла внутренне там создаваться: она могла стать только *извне*, *обок* с гибнущей народностью – как угроза, которая *исполнится*, как сила, которая сумеет принудить, как наказание, которого *не избежешь*.

Мы видели, в лице гр. Браницкого, первого ученика этой школы, в самый момент его поступления в выправку; взглянем же и на первого учителя, по тем же воспоминаниям Чарторыйского. Он оставил нам портрет Екатерины II в тот миг, как склоненный на колено он целовал ей руку; он смотрел на нее со смертельной ненавистью, как на погубительницу своего отечества: он не понял, что перед ним – его учительница. Но, взглянув на его фигуру, исполненную страха и вместе готовую к состраданию, взглянув на фигуру его, стойкую потом в одной мысли на протяжении пятидесяти лет, мы догадываемся об истине, мы восклицаем невольно: «Поляки, узнаете ли вы себя, и кто вас сделал этим?».

«Императрица была еще в церкви, когда всех, собравшихся для представления ей, пригласили в залу. Нас представили сначала обер-гофмаршалу, графу Шувалову, любимцу Императрицы Елизаветы, всемогущему при ней и известному по своей переписке с Даламбером, Дидро и Вольтером... Нас поставили рядом другими возле двери, из которой должна была выйти Императрица. По окончании обедни стали выходить из церкви попарно камер-юнкеры, камергеры и важнейшие сановники; за ними шла Императрица, окруженная князьями, княжнами и придворными дамами. Мы не успели ее разглядеть, потому что нужно было опуститься на одно колено и поцеловать ее руку в то время, как произносили наши имена и фамилии. Вслед за тем, вместе с толпою придворных и дам, все представлявшиеся окружили Императрицу, и она стала обходить нас, обращаясь к каждому со словом приветия... В ее движениях не было ничего резкого, все в ней отличалось достоинством и величием, но это был поток, все за собой увлекавший. Ее морщинистое, но чрезвычайно выразительное лицо дышало надменностью и повелительностью. С ее губ не сходила улыбка, но ее приближенные знали, что под видимым спокойствием в ней таились неукротимые страсти и непреклонная воля».

Вот какие элементы нужны в *воспитывающем* для задач *этого* воспитания.

2. О польском католицизме

Польская народность *наркотизирована* католицизмом – вот ее величайшее бедствие и вместе опасность, отъединившая ее от восточного и южного славянского мира. Я упомянул об ее внешнем воспитании, начавшемся с падения: о выработке характера, трудолюбия, сострадания, умении повиноваться, и, в связи с этим – повелевать.

Но эти качества бытовые и политические, а между тем Польша нуждается еще в нравственном оздоровлении. Все, что могло бы вернуть ее к покою, умиротворению, к светлой веселости сердца, к твердости и ясности мышления – черты характерные в славянском племени, – все это спасло бы ее в себе самой и вместе спасло бы для славянского мира. Все что ослабляло бы в ней католицизм, – оздоравливало бы и сберегало ее как народность, как язык, как дух, как гений.

Привязанность к католицизму вовсе не так глубока и страстна в поляках, как это принято думать; эта привязанность им несколько навязана, искусственно привита в истории. Движение в сторону реформации было очень сильно в Польше *до падения*, но *после падения* у поляков начинается какое-то болезненное возбуждение в сторону католицизма, ненормальная к нему *прилипчивость*, *упивание* специфически католическим миром идей и чувств. Чем убила Польша, к тому она и льнет; она судорожно, в какой-то конвульсии зажала в руке и не может выпустить чашу, из которой до дна выпила отравляющий напиток и погибла.

Католицизм, весь развивавшийся на почве борьбы – спадающим Римом новыми варварскими племенами, императорской властью, независимостью народов, реформацией, просвещением, – заключает в себе бездну питающих, поддерживающих, возбуждающих к борьбе эмоций. Это есть истинный наркоз страдания – с одной стороны; гневливости, насилия – с другой. Все падающее, поэтому, как и все только что победившее – жадно вбирает его в себя, сливается с ним главным нервом своего бытия, или им утешаясь или им возбуждаясь к мстительному гонению. Как, наоборот, для всего уравновешенного, эпически покойного – католицизм, чужд и даже как-то странен, отгалкивающ.

Эта общая соотносительность веры и исторического положения для Польши усиливается еще тем, что она видит в католичестве единственное оставшееся ей отечество – обломок истории, который у нее не смеют отнять, черту индивидуальности своей среди православного славянского мира. Она хватается за него, как за драгоценный и неразрушимый остаток своего разбитого я. Мы не говорим уже о воспоминаниях, о поэзии, быте семейных традициях, которые связаны с костелом и ксендзом, привязаны к далекому и тем более влекущему, величественному престолу в Риме. Характерно, между прочим, что две ultra-католические страны не прилегают к Риму, но находятся на точках крайнего от него удаления: это – Испания и Польша; тут, очевидно, в сильной степени замешано воображение.

Борьба с этим миром чувств, предлежащая нам в истории, конечно, не трудна и не опасна, по чрезвычайному перевесу в нас силы; но она обещает быть бесплодной: она обещает быть победой, никогда не увенчиваемую, не завершенную, не оконченную в силу вечной жизни и продолжающегося сопротивления побежденного.

Что мы здесь сделали?

Мы русифицируем народность при помощи «государственного» языка и школы; и пытаемся сам костел отъединить от этой обреченной стираемой народности (русский язык в дополнительном богослужении). Не спорим, что, для I – 2 века *без перерыва, без ослабления*, эта мера может сломить упорство польской народности; самниты были враждебны. Риму еще больше, чем Польша нам, они были несравненно этнографически крепче поляков, были могучим племенем, – и, однако, в эпоху римской империи не было уже никакого воспоминания о Самниуме, равно как об Этрурии. Даже камни стачиваются падающими с непрерывающимся постоянством и в одном направлении каплями: и тем более стачиваются люди, *всякие люди...* Уже теперь можно, хоть изредка, встретить людей, деды или бабки которых были поляками и католиками, и которые стали типично русскими, *страстно* русскими. Нужно заметить, что народность русская проще, правдивее и сильнее польской. Живя среди русских, еще *недавний* поляк, даже *теперь* поляк, однако начинает наблюдать, ценить, и, наконец, молчаливо восхищаться этими новыми для него чертами. У князя Адама Чарторыйского, этого ultra-поляка, вырвалось такое признание: «Мало-помалу я и брат убедились (по приезде в

Петербург), что эти русские, которых мы инстинктивно ненавидели и презирали, без различия, злыми и кровожадными, от которых мы отстранялись и сама встреча с которыми возбуждала отвращение, – такие же люди, как и мы... и что можно иногда питать к ним дружбу и признательность». Озлобленный изи нанник Лелевель, когда его посетил в Брюсселе Погодин и на вопрос: что ему надо? – ответил: «Я профессор Московского университета, имевший случай спорить с вами о местопребывании Рюрика», хотел что-то возразить, но слова прервались, и он, вскочив, бросился горячо обнимать его (Барсуков: «Жизнь Погодина», VII, 52), – обнимать единого от земли, бывшей причиной всех его несчастий, личных и отечественных. Мне случилось встречать поляков, бывших в повстании, *после* университета (Московского), сидевших в крепости: они вспоминали, неизменно называя по имени и отчеству, известного Нахимова, бывшего инспектором студентов в 40-х годах: посмеивались его выходкам и, очевидно, через 40 лет еще продолжали *любить* его.

Море русского благодушия, кротости, терпения захлестывает, вбирает в себя всякое сопротивление. Как бы общими идеями русское имя ни было ненавистно полякам, но великодушие, незлобивость этого Ивана, того Петра – наконец трогает, образуется тайная симпатия, наружно скрываемая от других, даже в *себе* отрицаемая. Несомненно, однако, что проживший долго среди русских поляк, вернувшийся на Вислу, уже несколько отчужден от местного, чисто польского населения; уже встречает радушно тамбовца, случайно туда попавшего: связь главная, выскочеловеческая.

Но если это так, если поляк не лишен общечеловеческих черт, и силою их влечется и понимает прекрасное в русской душе, нужно открыть ему источник этой особой нашей красоты – Православие. Нужно продолжить подвиг Кирилла и Мефодия. Нам вовсе не нужно католичества на русском языке; несколько не опасаясь его (как некоторые), мы отказываемся понимать: что им будет достигнуто, кроме пустой внешности, – усвоение поляками нескольких новых слов русского лексикона, при увеличившемся раздражении сердца? Но вот глубокая, но вот внутренняя стихия слияния: православное богослужение на языках польском и литовском, для воссоединенных уже с нами. Здесь мы не угнетали бы племени, не гнали бы языка; не знали бы даже к вере: мы только предложили бы взглянуть и *вникнуть*. *Вовсе не spiritus gentis polonicae** опасен, враждебен нам; но *spiritus Ecclesiae Romanae***, в него внедренный. Против этого узла гневливых, враждующих чувств, – как высшую человечность, мы должны поставить, с верой и любовью, покой и мир, и радость и всеобъемлемость апостольского православия. «Вот *чем* мы победили вас; вот *чем* вы *всегда* будете побеждены; вот с *чем* слившись, вы не погибнете как племя, как язык, как гений, но подымитесь к высшим произрастаниям, наполнившись более здоровыми соками», – сказали бы мы им, сказала бы им вся наша история и, наконец, вся окружающая очевидность.

---

* Дух польского народа (*лат.*).

** Дух римской церкви (*лат.*).

Замечено всеми, замечено было особенно в эпоху последнего повстанья, что даже у духовенства польского национальная сторона дела всегда заслоняла собой *романо-церковную*; что они не задумывались быть преступниками против религии, когда нужно было быть героями народности. Когда станет ясно для них, что сохранение народности польской не только связано с Римом (как до сих пор), но что, напротив, Рим стоит препятствием к сохранению этой народности, – сердце их поколеблется; нельзя сомневаться, по всей их истории, на чем остановится их выбор. Школа, язык – путь будут русские всюду, где есть латинское католичество; но там, где уже привилось Православие – не только эта православная литургия пусть будет на польском и жмудском языке, но на этих же языках пусть остается и школа, низшая, средняя, даже высшая, и, наконец, суд и управление – с совершенным, однако, исключением от этих национальных благ католиков. Дабы не было здесь предположения о *временности* этой меры, пусть будет закреплена она торжественными обещаниями, писаными актами; пусть Польша и Литва в *православных* своих частях, и насколько он будут хранить православие, получают своеобразную *национальную* конституцию, гарантию для свободы языка, быта, школы.

Мицкевич им все-таки ближе, чем Иннокентий III; «пан Тадеуш» – роднее, чем все буллы и энциклики, от Григория VII до Льва XIII, так ослабшие ко времени, и на самом Западе. Повторяем, приверженность поляков к католичеству есть временный нервоз, протекающий под влиянием *крушения национальности*. Как только увидят они, что *в себе самой взятой* этой национальности ничто не угрожает, – они успокоятся, они не так станут липнуть к католичеству. Тем более, что поляки есть *раса глубоко местная*; они вовсе чужды универсальных, *специфически* римских идей; мало к ним способны, совершенно ими не влекутся; это – *раса прежде всего быта, обычая*: «сегодня как вчера – завтра, как сегодня»; *раса – характернейшее и прекраснейшее из созданий которой есть танец*. В высокой степени правдоподобно, что самый католицизм *искусственно* был привит к их крови; что эту кровь он модифицировал сообразно с собой, но модифицировал не прочно; что есть, напротив, тайная соотносительность у этой крови именно с Православием.

МИМОЛЕТНОЕ

Эх, старость, старость... Еду по Бассейной, вынимаю папироску, чтобы закурить, но беру ее не обыкновенным способом, раскрыв портсигар, а вытаскиваю через широкую щель оставшейся половинки. Пальто на мне новое, портсигар – старый, и не радуется новое, не печалит худое, некрасивое. Это – старость.

Куда я девался, умер что ли? Мои привычки, мои привязанности, моя любовь к вещам осыпаются с меня как старые листья с дерева. Я расхолаживаюсь к жизни, жизнь на мне не держится. Я решительно не могу сидеть

посредине пролетки. Прижмусь в уголке. И совершенно равнодушен, кто меня обгоняет или кто едет навстречу. – «Куда, барин?». И так равнодушно скажешь вознице адрес.

Конечно, я замечал это и прежде, но сегодня, когда вытащил папиросу через щель в портсигаре, чуть не заплакал. «Это окончательная старость». Я не люблю теперь ничего красивого, не ищу ничего красивого. А ведь как я, бывало, любил в молодости именно портсигары! Помню, раз сам даже посмеялся над собой. Это было давно. Я где-то сидел в гостях и от скуки подошел к столу, за которым шла картежная игра, не большая, но благородная. У всех партнеров портсигары их лежали под рукой. Были из них серебряные, с вензелями и разными глупостями. Они все были некрасивы. Но у одного партнера портсигар был из столь чудной кожи, без всяких украшений, – что лет десять спустя, уже состоя на службе и имея лишних рублей десять, я все подыскивал в Москве такой же – и не мог найти. В форме, в цвете кожи были отступления. Я увидел идеал и не хотел подобия. Читатель скажет: «Глупость». Но представьте: я понял особую красоту кожаных вещей и вообще оценил коже в ее изящных проявлениях именно по этому помятому портсигару.

Да, я любил красивые вещи. И красивую жизнь, и красивых людей.

И вот теперь в пыльной шляпе, новом пальто и с продырявленным портсигаром я еду по Бассейной, столь глубоко равнодушный и к себе, и к окружающему. «Да, я вышел весь. Выдохся, как выдыхается табак, как выдыхаются духи. Были духи, а через тридцать лет при открытом горлышке остается просто дрянная, не чистая, но отнюдь не душистая вода. Пить ее нельзя, душиться ею нельзя. Можно только выплеснуть. И меня нужно выплеснуть».

И я почти плакал. Так проходит жизнь. *Куда* проходит? Нет, в самом деле, *куда* проходит жизнь? Водопад падает в море, железная дорога доходит до станции, а человек? Неужели человек без станции, без конца и цели?!.. Неужели жизнь похожа на железную дорогу, которая на достаточном протяжении прерывается среди пустого поля, просто потому что у строителя не хватило ни шпал, ни рельсов, чтобы вести ее далее? *Неорганично?* Смерть без бессмертия или загробной жизни превращает жизнь нашу в механическое явление. Бессмысленно. Невозможно.

Впрочем, мне все равно, со станцией мы или без станции. В этом-то и старость моя, что мне все равно. Это в молодости я развил бы такую философию о бессмертии души, и размазал бы, и увлекся бы, и увлек бы читателя, и размякли бы мы оба. «А, есть бессмертие души! Верим!! Хорошо! Отлично! Пойдемте есть осетрину». Теперь мне ни осетрины, ни бессмертия не нужно. Просто, ничего не нужно. Еду, и чтобы не трясло.

Листков на мне уже немного. Так по осени торчат голые и некрасивые, острые сучья; не все без зелени, но многие без зелени. И более всего я благодарен человечеству, что оно шадит меня, не ломает этих сучьев, не убирает этого ненужного брюзги – Я.

ПОЕЗДКА НА АБРО

Абро – островок с тремя тысячами жителей-фермеров, производством превосходного сыра, несколько гористый и заросший лесом, в 12 верстах от Эзеля. В бурную погоду, на длинную осень и зиму, он разобщен от всего мира. Он имеет очень своеобразную флору, где попадаются растения других континентов, могшие вырасти только из семян, занесенных сильным ветром при выгрузке товаров на Эзеле. Так мне объяснил один здешний ученый, недурный натуралист, хорошо знакомый с местной фауной и флорой. В старое время на Абро ходил крошечный пароходик, но теперь он уничтожен, и остров почти не посещается, по крайней мере в качестве гуляний. Налетевший шквал, а здесь они нередки, может занести гуляк неведомо куда, как и перевернуть лодку вверх дном. Если добавить, что между Эзелем и Абро дно усеяно множеством подводных камней, которые темными пятнами виднеются под водою даже на глубоких местах, то риск поездки удвоится. Но меня соблазнила новизна – покататься на волнах под парусами. В сильно ветреную погоду, при предостережении лоцмана, что «волна будет перекачивать иногда через лодку», но с твердым уверением, что «лодку не перевернет», мы сели на казенную «шестерку» (шесть гребцов, 12 весел) и, поставив паруса, двинулись в море. Мы ехали двумя семьями, и как невозможно было на целый день оставить детей дома, то забрали с собой шесть человек малолеток, включая почти грудных. Лоцман двадцать лет плавает около Эзеля и видом своим внушал абсолютное доверие. И поднялся же визг, восторженный, когда бегущее с быстротою (я думаю – быстрее) парохода суденышко стало взбегать на волну и падать с волной. В такой поездке есть что-то воздушное и восхитительное. Все живет и вместе тихо, в противоположность мертвому стуку парохода. Все зависит от сочетания паруса и руля – и гибко и уклончиво около волны, как сильное борющееся существо среди могущественной, но не хитрой стихии. Проморгнуть, зазеваться на руле – значит погибнуть: под нами несколько сажен глубины. Но не таков старый бритый эстонец, что-то лопочущий на смешном немецко-эстонском жаргоне. И вот – Абро. Лес его так и объял нас жаром. Отчего это – я не понимаю, потому что на Эзеле не было ни одного знойного дня. Мы сейчас же углубились в него, надеясь хоть издали увидеть диких коз – местную редкость. Но ничего не нашли, кроме множества ягод. Зато старинный густой лес являл еще большую угрюмую уединенность, чем разные уголки Эзеля. Мы нашли среди леса два кладбища – православное и лютеранское, точнее, одно, но с перегородкой для разных исповеданий. «И тут разделение!» – подумал я. Но и на лютеранских могилах стояли деревянные кресты почти старообрядческой формы: восьмиконечные и с крышечкой наверху. «Совсем московское кладбище», – подумал я, читая имена Иоганна, Эльзы и проч. В отличие от русских могил, заросших высокою травой, лютеранские могилы были засажены красивыми фуксиями. Дети сорвали несколько цветов, приняв их за растущие как в саду. Но были остановлены строгим выговором бывшего с нами немца: «Цветы принадлежат усопшим». И он, взяв пучки из рук детей, вновь разбросал их по могилам.

О ПОДГОТОВКЕ К ЭКЗАМЕНАМ СИРОТ УБИТЫХ ВОИНОВ

По-видимому, дети воинов, убитых и раненых на Востоке, равно работающих там докторов, сестер милосердия, санитарок и проч., не только не останутся без школьного обучения и призора, но и получают нужную помощь и всякое содействие для приготовления к приемному экзамену. Ведь это первый и самый трудный шаг для вдовы с малолетними детьми, которых не всегда она сама имеет силы подготовить к гимназии, и еще менее – иметь возможность нанять им учителя. Благодаря живости и энергии петербургских гимназических учителей, а равно благодаря просвещенному вниманию министра народного просвещения и попечителя здешнего учебного округа, уже образована целая комиссия в этих целях, сведения о которой сообщил председатель ее г. Литвинов в письме своем, помещенном в № 10285 «Нов. Вр.». Он просит, в воззвании у частных лиц, помочь этой комиссии и личным учительским трудом, и денежными средствами, кто чем может. «Ибо нужна так велика», – замечает он. И в самом деле, ведь осиротевших семей уже теперь насчитываются многие тысячи, матери которых в величайшем беспокойстве за будущность своих детей.

Поэтому будет уместным уже сейчас уведомить этих матерей, что они без промедления же могут обратиться в бесплатный Народный детский сад и состоящий при нем приют Е. П. Калачевой (Вас. остр., 9 лин., д. 46), которая при первом же появлении в газетах известия о судьбе таковых осиротевших детей выразила в частном ко мне письме готовность устроить у себя для них специальное небольшое отделение на 12–15 мальчиков и девочек. Сотрудницы г-жи Калачевой, слушательницы Высших женских курсов, взялись с величайшею охотой учить детей с 4–8 лет всему, что требуется на приемных экзаменах в гимназии и корпуса: чтению, письму, арифметике, новым языкам, пению, гимнастике и проч. Уведомлением об этой почетной попечительности г-жи Калачевой я несколько запаздываю, потому что сейчас же вслед за нею ко мне обратилось и еще несколько лиц с уведомлением о подобных же усилиях с аналогичною целью, между прочим и с уведомлением о комиссии из гимназических учителей. Все это было *in statu nascendte**, и мне хотелось дождаться определенного результата со всех сторон начавшихся хлопот. Но теперь, когда изъявления готовности на это отовсюду начались, благовременно уведомить о доброй русской женщине и о молодых учащихя девушках Высших женских курсов, которые уже сейчас готовы начать работу и дали самый ранний отклик на отзыв. А если им придут на помощь материальные средства, оне, конечно, могут взять на попечение свое не 12–15 мальчиков и девочек, а гораздо больше.

---

* В состоянии возникновения (*лат.*).

ВЫСОКИЕ И НИЗКИЕ ТЕМПЕРАТУРЫ В СТРАНЕ

– Тихо, как на *кладбище*, – отвечает с упреком маркиз Поза суровому герцогу Альбе на похвалу его, что «в Испании все теперь *тихо*».

Страна, народ, как и всякий живой *организм*, знает *повышенные* и *пониженные* температуры. Человеческий организм, имеющий нормально температуру в 37°, выносит повышения ее до 41°, т. е. на *четыре* градуса, – тогда как понижений температуры он не может вынести более, чем на *три* градуса. И даже понижения только на *два градуса* проводят его уже около могилы, – тогда как повышения на то же число градусов – обычно заурядно, буднично и ничем особенным не грозит.

Закон этот применим к обществу и общественному духу. Нет ничего страшнее и *опаснее*, как похолоделость общества, апатия, равнодушие. Напротив, лихорадка в обществе ничем существенным и ничему существенно не угрожает. Я делаю маленькие добавления к своей статье о «соборнах», чрезвычайно кратко сказанной. Администрация наша, в особенности за весь XIX век, была чрезвычайно пуглива, нервна. Точно это был капитан корабля, не знающий морских карт и не уверенный в качествах корабля, которым он правит. Такой вечно кричит в рупор: «Тише!», «стоп машина!», боясь рифов, где их нет, и мелей, где их тоже нет. Пассажиры решительно измучены этим капитаном. Так и наше общество. Если оно и лихорадит, если температура его несколько повышена, то это единственно оттого, что администрация русская за целый XIX век не давала государственному кораблю идти *нормальным* ходом вперед. Скажу афоризм: не было бы полиции у нас – не было бы и либералов.

Возьмите учебную систему, возьмите суд. Ну, какое здесь место «политике» и «либеральному духу». Просто – судятся скверные дела и скверные люди; просто – учатся милые, невинные дети. Так – по существу, по идеалу, по материальному составу дела. Но посмотрите, как могущественно «полицейский дух» окутал, оковал и все собою связал в нашей несчастной учебной системе. Возьмите травлю еще Каткова на суде, и вы увидите, что сюда тоже проводили и значительной степени успели провести полицейский дух. И вот везде, и в школе, и в суде, у учителей, у учеников, у судей, у присяжных поверенных – появился «либеральный дух», просто как реакция живого организма на могильное стеснение. Возвратите все вещи к своим естественным идеалам: дайте всем людям заниматься своим специальным делом: не подходите к писателю, земцу, ученому, студенту с вечным нашептыванием или окриком: «Потише!» – все станет тихо само собою, всякий уйдет в свою работу; наконец-то появится у нас культура *занятого человека* и *самой занятости*.

Итак, ничего теперь опаснее *испуга* и *психологии испуганности*. Человек твердый и с определенными намерениями, конечно, никогда не впадет в эту психологию. Но человек безвольный, человек без программы – ему что же и делать, как не пугаться. Вот почему теперь, в минуту больших админис-

тративных перемен, пожелаем прежде всего у «кормила власти» видеть людей сильной *воли* и совершенно выяснившихся *убеждений*. Таковые не могут не повести твердой рукою Россию к тому, что ей более всего и давнее всего не достает: к участию и помощи, – советом, словом, критикой, – общества и населения в вопросах управления, администрации. Практически чем это будет? Да вот хоть теми же «разъяснениями вслух» капитана Кладо насчет посылки 2-й и 3-й эскадры. Вся Россия благодарна была мужественному капитану. Кое-кому его критика была «неудобна», «неприятна». Вот с такими «неудобствами» и «неприятностями» гг. администраторам придется помириться – во имя *блага* России, для *пользы* России. Право, на пути к «соборному» существованию Руси стоит только одно препятствие: пожертвование гг. чиновников своим *кабинетным покоем* – благу России. В конце концов, многое ведь от *них* зависит: от их «докладов», внушений. Неужели они не принесут России этой жертвы? Неужели они думают: «après nous .... déluge»?*

P.S. Из заметки С. П. Сыромятникова, помещенной в № 44 «Слова», а вижу, что слова мои о «соборянах» сказаны не только кратко, но и неясно. Я подал повод думать, будто мысленно исключаю из состава собора духовенство и крестьянство. Без представительства таких коренных и основных условий, собор, конечно, представлял бы собою не «Русскую землю», а только дробился. Нет, в соборе желательно было бы видеть и митрополитов, и епископов, и представителей белого духовенства, и заправских мужиков. Но я высказал только опасение, что на некоторое время возьмут верх более подвижные, более практичные, наконец, более живые по темпераменту представители интеллигентных профессий. Но и это – лишь на время, на первые непродолжительные годы.

ВЫСТАВКА ИСТОРИЧЕСКИХ РУССКИХ ПОРТРЕТОВ В ЗАЛАХ ТАВРИЧЕСКОГО ДВОРЦА, В ПЕТЕРБУРГЕ

Я пошел слишком поздно, преступно поздно, на эту выставку, на которой побывал уже весь Петербург. И мне хочется передать хоть что-нибудь о ней.

Выставка эта – безумие великолепия, роскоши, интереса, осмысленности. По ней можно бродить, как по галереям Рима и Флоренции, до такой же боли ног, и все-таки осмотреть за день только уголок. Осматривать ее, в смысле фланирования, почти бесполезно. Да и было бы для русского варварством взглядывать скользя на этот живой «паркет» русской истории, где каждый квадратик есть событие, и если бы русская история, занимательная и глубокомысленная, была написана – о каждой рамке, всяком портрете – зрители говорили бы: «Вот это описано в такой-то книге и главе русского Геродота»,

---

* После нас хоть потоп (*фр.*)

«вот лицо, так изображенное русским Тацитом». Но у нас, увы, ни Геродотов, ни Тацитов еще нет.

Все-таки русская история в ее XVIII в. и первой трети XIX в. роскошна, упоительна. Упоительна – я не стыжусь этого слова. Потом что-то случилось; лица пошли тусклые; напр., громадная коллективная картина Репина, в отдельной комнате, пред которою я просидел, кажется, с час: – просто не знаешь, что о ней думать. Ни в каком месте, ни на улице, ни в собрании я не видал такого множества *ничем не характеризованных* лиц. Со спины (напр., вид одного – докладчика) они еще как-то значительнее, чем с лица. Как повернут, лицом или в профиль к зрителю – руки опускаются! Что такое произошло? Я думаю, разгадка – в уголке этой дивной выставки: там, в Александровском отделе, висит впервые выставленный портрет Сперанского, еще юного, в самом начале его изумительного поприща. Это вовсе не портрет утомленного годами и переломами в жизни государственного человека, это – портрет его от 1806 или даже 1802 г. Губы выражают безмерное высокомерие, упорное презрение ко всему окружающему, ко всей этой «старографской» и «старокняжеской рухляди», которая так ярко представлена на портретах елизаветинской и екатерининской эпохи, и которую вот-вот он начнет ломать, а глаза его, эти маленькие, свиные, до таинственности закрытые сверху и снизу сближенными веками глаза – что-то изумительное, таинственное!! Кто бы на портрет ни взглянул, пусть иностранец, пусть «до возвышения Сперанского», не мог бы не остановиться пораженный: «Это что-то необыкновенное», «это какой-то необыкновенный человек», «это феномен».

Бог с ней, бедностью. Я упивался богатством.

Нет, это чудная мода всего XVIII и 1-й трети XIX в.: от пояса идет закрывающая вуаль на грудь, но оставляет грудь в верхней трети открытой. Конечно, я говорю не о военных мундирах, а о женских платьях. Получилось целое воинство русских Паллад-Афин, Диан и, может быть, Афродит, я думаю – иногда Афродит; и все эти Потемкины, Орловы, Мамоновы, эти Безбородкины-Бецкие, обвеваемые волнами «грудного» эфира не могли не творить, не кипеть, как в афинской «αἰώρα»* или в римском сенате. Нет, дай-ка и мне такое окружение – может быть, я тоже совершил бы что-нибудь. «Тысяча богов (богинь) смотрят на нас с небес» (из дворцов): тут Суворов будет побеждать, Потемкин – присоединять Крым, все будут грезить, напрягаться, выходить из сил». Нет, ей-ей: тогда бы и я мог что-нибудь. Теперь – ничего не могу.

И даже не хочу.

* * *

Мраморный бюст Павла I, разысканный С. П. Дягилевым в Технологическом институте, и его же портрет во весь рост, под балдахинном в корне, в мантии мальтийского ордена, извлеченный из «Запасного дворца» в Гатчине – тоже новинка. Кажется, портрет этот, хотя и торжественный, не принадлежит к чис-

---

* Народное собрание (греч.).

лу любимых портретов и даже его немного прячут. А зрителю и «подданному» хочется самому от него спрятаться. Хочется оставить пустою эту комнату. На портрете корона чуть-чуть надета не вертикально, а рука протягивается к какому-то короткому и чуть ли не острому предмету. Плачь, Минерва, богиня Мудрости, Аполлон, бог порядка.

А Минерва – позади, и впереди – Аполлон. Это Екатерина и Александр во множестве официальных и увеличепленных подобию. Но все же в темных уголках дивной галереи есть они и *au naturel!** Ну, разве не прелестная натура эта голенькая, лет 7-ми, Елизавета, снятая батюшкой буквально как, мы видим, детей в бане. Она не сидит и не стоит, но также не лежит, а куда-то вытянула тельце вправо. Милый ребенок, хочется взять тебя в руки и расцеловать всего кругом, ножки, носик, шею, все ямки и округлости.

В ребенке пусть карандаш рисует, а резинка ничего не стирает. Это бытие без клякс. Вот в «Александровском рынке» можно бы все стереть резинкою. И колдун этот Репин: сперва я сказал себе: «Где же его талант? где эти спины и лица запорожцев?! Как все серо тут: бессильна кисть». Но к концу часа я догадался: «Хитрец, он именно дал только то, что видел: ничего больше». Это – картина великая, это – Карфаген, перед разрушением. «*Carthago delenda est*»...** Для чего же художник стал бы брать темой: «*Carthago in Gloria*»***. Художник тоже хотел быть немного «Сивиллою».

О ПОРЯДОЧНОСТИ В СВОБОДЕ

Аристотель учил, что лягушки и другие гады
зарождаются из тины стоячих вод...

Из истории естествознания

И среди образованного общества, и среди журналистов я слышу и все, вероятно, слышат жалобы на грубый и пошлый тон почти всех вновь народившихся уличных листков, особенно тех, что «с иллюстрациями». Все-то они стараются язвить, все-то они «сатируют» ближнего; но все напоминают только один – два стиха их Крылова:

Чем кумушек судить трудиться, –
Не лучше ль на себя, кума, оборотиться?

Так как, однако, все они имеют вид мухи, усевшейся на рога вола и идущей «пахать поле», т. е. все имеют вид «освободителей родины от векового рабства», то и не дошло до них ничего из того общественного негодования, которое они возбуждают собою. Явление безвредное, но только отвратительное, и не было мотива высказать вслух то, что думалось. Но мне думается, и

---

* В голом виде (*фр.*).

** Карфаген должен быть разрушен (*лат.*).

*** Карфаген в славе (*лат.*).

без общественных мотивов, эстетика имеет право громкого суждения. И мне хочется произнести его не от своего имени, наверное не авторитетного для этих «служителей свободы», но от имени старого-старого служителя и борца за свободу же. Я получил письмо от одного литератора, с юга России, – мне лично незнакомого, но очень известного во всей России, всегда бившегося в ее освободительных рядах, который – раз в год, в два года – набрасывал мне, по поводу какого-нибудь события, его взволновавшего, письмо. Письма, вот уже третий год, написаны карандашом, в постели: писатель этот – медленно умирающий. Может быть, голос его будет внятнее, чем мой.

«Еще прозябаю и мучаюсь на краю могилы, неустанное сердце все еще бьется, и я пишу вам, прочитав о митинге в Медицинской академии. Сколько страданий и потрясения причиняла мне невозможность принять участие, мое недвижимое положение на одре болезни в этой последней борьбе за свет и свободу, за человека и человечность, за истинную законность и право, за стремление *вперед* из позорного застоя, который довел нас до турецкого разложения и этого теперешнего «*bellum omnium contra omnes*»*... Стукнуло на днях 63 года. Имел счастье видеть *освобождение* (курсивы везде – автора письма) 19 февраля и ради него испытать много лишений... Всю жизнь ратовал за свободу печати и вопиял у сильных мира сего *о правовом* ее положении, об ограждении ее от всяких *насилльников*, нетерпимости, трусости и тупоумной злобы и нечисти... Но дождался какой-то вакханалии крайних *назадников* (? может быть: *наездников*? слово неразборчиво) и разнузданных призывов к рукопашной, к хватанию за горло и самостреблению... Волчьи зубы и дикие страсти охватили печать, от которой мы ждали посевов разумного, доброго, вечного... (из стиха Некрасова)... Бюрократы торговались, медлили, сочиняли законопроекты цензурных перемен и, ничего не доделав, очутились лицом к лицу народ наплывов и разливном социал-революционных боевых листов, с их террористическими ухватками, весьма близкими к старым: «молчать и не рассуждать!» или «моему ндраву не препятствуй!». То нас обзывали «вольтерьянцами» и тащили в кутузку, а нынче ругаются «буржуями» и ставят под контроль, цензуру и соизволение господ наборщиков... Частные интересы и эгоизмы бесстыдно выдвигаются на место общих, государственных и народных... Боже, избави нас и от чуждого русскому народу абсолютизма и от разнузданной самогрызни митяйства (спор «дяди Митяя и дяди Миняя» в «Мертвых душах»?) с празднوليбием и праздноташанием доморощенных Митрофанушек»...

«Помню, как на одном политическом процессе один рабочий в последнем своем слове вдохновенно, горячо сказал: «До тех пор, пока движется, не омертвела эта рука, простая рабочая рука, она не перестанет бороться за русских писателей, за образованную молодежь. Мы знаем, кто любит нас, мы не забудем, кто всегда выступал на защиту и за свободу народа...». А теперь нас выдают за «буржуев» и прислужников «капиталистов», всевозможных хищ-

---

* «Война всех против всех» (лат.).

ников, Разуваевых и Колунаевых. Худшей обиды и несправедливости трудно избрести...».

«Более нежели когда-либо надо, чтобы раздался божеский призыв. «Встань, пророк, виждь и внемли, – и, обходя моря и земли, *глаголом жги сердца людей*»... Кончаю. Нет более сил писать... Мысли путаются, слова забываются... Это последнее мое письмо... Неужели гг. наборщики упразднили *ежедневную* печать (вероятно газеты не получались от *почтовой* забастовки, а автор письма предположил, что он вторично перестали выходить от забастовки наборщиков)... Это чересчур уж *назад*, вместо *вперед*. Ваш NN».

Мы хотели бы, чтобы эти слова умирающего русского писателя прошли некоторую меланхолию по душам резвых и петербургских и московских журналистов, которые чувствуют в душе такую масленицу не от одного того, что «свобода преуспеваает», но и оттого, что их личные дела тоже «преуспевают». Впрочем, утешим этого далекого писателя тем, что хоть торговля этой «площадной бранью» (по месту торговли и по трону) идет хорошо, однако, сколько приходится слышать, нигде к ней нет уважения, нигде нет перед нею расшаркиванья. Прохожий на улице дает разносчику пятак, берет краснеющий издали № «Пулемета» или «Зрителя» и, посмотрев, бросает:

– Этакая гадость!

Ни литература тут ни причем, ни свобода, конечно, ни при чем. Это индивидуальная патология. Улица и бульвар хороши, чисты, приятны. Но есть и на них зловонные будочки. Такова роль и этой части прессы.

В. ГОРЛЕНКО. ОТБЛЕСКИ. ЗАМЕТКИ ПО СЛОВЕСНОСТИ И ИСКУССТВУ

СПБ., 1905. Стр. 236.

Г-н Горленко принадлежит к той вымирающей породе писателей, которые в наше то смятенное, то злободневно-сплетничающее время, отойдя куда-то в сторону, делают любовно и неторопливо свое любимое дело. Так и он: крепко огородив свой небольшой сад, спокойно ухаживает за любимыми деревьями, лишь изредка поглядывая через забор, когда шум улицы и города становится слишком назойлив. Имя автора не утомило слуха читателей, и лишь немногие, присмотревшиеся к его кратким заметкам о литературе и более сложным трудам, посвященным истории живописи, – знают, что ничего «ложного» и «недобротного» не выйдет и не может выйти из-под пера г. Горленка; что он только тогда позовет читателя слушать себя, когда имеет сказать нечто любопытное, новое, незатасканное.

Книжка состоит из отделов: «Литературные очерки», «Моралисты и кое-что из области морали», «Малороссия», «Искусство», «Дела франко-русские» (о переводной русско-французской литературе), «Писательницы», и в приложения издан «Гимн хозяину» М. И. Глинки, на слова Н. А. Маркевича,

найденный автором в рукописях черниговского земского музея. В «Литературных очерках» большинство страниц посвящено биографиям писателей, точнее – немногим избранным точкам или чертам этих биографий, мало известным, или мало освещенным («Гоголь и иностранцы», «Роман Бальзака и киевской помощницы», «К биографии гр. А. К. Толстого», «Легенда о Гамлете», «Поэт, открытый Гоголем», «Собственные романы романистки», «Новый труд об Эдгаре Поэ», «Первая повесть Сенкевича», «Матери поэтов»). В последней статье сопоставляются матери Гёте и Жорж-Санд. Какое восхитительное впечатление оставляет эта старушка «Аиа», как называли друзья Гёте его мать: право же, хочется, не обижая сына, сказать, что она стоила его, что она не была его меньше, но только она «прожила свою песню», тогда как он «воспел жизнь» и ее, и свою, и друзей своих, – наконец символически жизнь человечества и природы. В «романах романистки» автор передает об удивительном факте совестной и равно пламенной любви г-жи Сталь к итальянскому поэту Леонти и португальскому герцогу Пальмеле: психологический факт, возможность которого многие отвергают, между тем как он вполне удостоверен одновременною корреспонденцию знаменитейшей из француженок. Оценке громадного труда об Эдгаре Поэ Лебриера. «Edgar Poe, sa vie et son oeuvre» – автор предпосылает колкое и верное возражение биографам, которые подходит к поэтам с исключительною судьбою и характером произведений, готовясь приложить к творчеству их медицинские измерения. Так у нас случилось с Гоголем, и русскому читателю, имея своего родного поэта в виду, не лишнее прочесть эти умные строки г. Горленко.

Несомненно, некоторые гении (Руссо) имеют болезненное сложение, как впрочем и «некоторые» чаоторговцы, домовладельцы, чиновники и даже «сами» медики; другие гении (Ньютон, Кювье, Гёте, Вольтер, Сталь) здоровы, «как сорок тысяч братьев», употребляя фразу Гамлета. Что же следует из «болезни» некоторых гениев? Ничего, как и из здоровья других гениев.

Книжка очень дешева, но ее можно бы издать изящнее и особенно тщательнее в типографском отношении. На каждых двух страницах попадается 1–2 несносных опечатки: «соединил все заработанное (вместо «разработанное») в печати» (стр. 89) и т. п.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

<О Н.Я. Гроте>

В № 10612 «Нов. Вр.», в статье «Новые вкусы в философии», я неосторожно коснулся воспоминаниями памяти покойного Ник. Як. Грота, употребив слова и описания, могущие дать повод думать о нем как о человеке материального, эгоистического и даже корыстного образа мыслей. Не всегда, когда пишешь, видишь границы своих слов и угадываешь возможное от них впечатление. Не всегда, когда пишешь, видишь границы своих слов и угадываешь возможное от них впечатление. Немедленно же по написании этой статьи ко мне обратился с горьким протестом брат покойного, проф. Конст. Яковл. Грот.

Тотчас я понял, какую ошибку допустил в излишней уверенности, что все знают Ник. Як. Грота как человека скорее наивного в денежном отношении, неопытного вообще житейски, и что сцена, мною переданная, отнюдь не по-дает повод к дурным заподозрениям характера покойного профессора. Кон-ст. Як. Грот основательно мне указал, что не все же знали личного его покой-ного брата, и если в моей памяти образ его стоит чистым, то я должен это сказать гораздо яснее, чем я в своей статье, давшей повод к колебаниям на этот счет. Тогда мною задумывалось печатание писем Влад. Соловьёва в журна-ле «Вопросы Жизни», и я обещал К. Як. Гроту коснуться здесь вторично его брата и сделать точную оговорку о хорошо мне известном (и без напоминаний Кон. Як.—ча) бескорыстном характере и бескорыстной самоотверженной жизни бывшего председателя Московского психологического общества и редактора журнала «Вопросы Психологии и Философии». К сожалению, едва началось печатание писем Влад. Соловьёва (в ноябрьской книжке «Вопросов Жизни»), как журнал этот прекратил вовсе свое существование. Лишенный возможнос-ти исполнить свое обязательство в обещанное время и в указанном месте, я прибегаю к этому письму, чтобы перед читателями, сколько-нибудь помнящи-ми мою статью и там неблагоприятный рассказ о Ник. Як. Гроде, — разъяснить, что хотя сцена мною была передана точно, но избави Бог кого-нибудь подум-ать, будто добрейший и простодушнейший Ник. Як. Грот был на самом деле способен иметь такие темные чувства, какие в детски чистой натуре своей взва-лил на себя просто путем неопытной, необдуманной, не взвешенной нисколько речи. Известно, как обеляет себя хитрец; и вот чистый человек часто взведет на себя уголовщину. Так я тогда понимал эту речь, так и теперь думаю о ней. Ник. Як. Грот был идеалист старой школы; отнюдь не «делец». И этим все сказа-но. Мне не только грустно, что я мог забыть чувства его родных, но печально, что я не последовал примеру самого же покойного философа — беречь честь каждого живого и память всякого умершего благоговейно. Могу только сказать в оправдание, что как он «не справился со словом», болтая со мною между делом, так я не «справился со словом», когда писал свое воспоминание. И, словом, тут ошибка, а не сколько-нибудь упорное мнение. Память его всегда (и до напоминания Конст. Як.) была мне чиста и безукорна, и да останется она таковою в воспоминании других и в мнении общем.

ПРОФ. И. А. СИКОРСКИЙ.
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ
ВОСПИТАНИЯ

Речь, произнесенная в торжественном заседании второго съезда отечественных психиатров в Киеве. Издание второе, дополненное. Киев. 1906.

Речь, кроме блестящего изложения, имеет и богатое внутреннее содержание. Подробнее она останавливается на 1) дошкольном периоде, 2) сред-ней школе, 3) высшем воспитании. Особенно значущи страницы, посвящен-

ные среднему образованию, этой черной ране всей нашей училищной системы, которая не умеет закрыться, несмотря ни на какие усилия. Автор отмечает ряд последствий упадка чувств, никак (страшно подумать!!) не развиваемого школой и подавляемого зубрячкой:

Мы отметим лишь три важнейших последствия упадка чувства; они состоят:

1) в упадке идеализма и идеальных стремлений общества;

2) в упадке воспитательного воздействия старших поколений на младшие – отцов на детей;

3) в нарастании количества преступлений и самоубийств.

«Упадок чувства» иллюстрируется страницами богатой у нас художественно-психологической литературы и подтверждается заключением 12 московских профессоров, отметивших глубокую невосприимчивость и умственную апатию молодых слушателей, поступающих из гимназий в университет.

Отмечая врожденную слабость в о л и, э н е р г и и у с л а в я н и особенно у русских, автор говорит, что наша школа обязана поставить себе задачей внести поправку к этому историческому дефекту. Между тем, пренебрегши чувством, средняя наша школа напрягла все усилия к тому, чтобы подавить в учениках всякую энергию и личное начало, приучая их к тупой покорности.

Самый устав гимназий является чудовищным документом, показывающим, как глубоко было педагогическое непонимание у его составителя, гр. Д. А. Толстого! В Уставе (ст.ст. 1465, 1487, 1505, 1547) не высказано никаких педагогических принципов и оснований, а в конкретных статьях всему педагогическому персоналу придано извращенное назначение; так:

Попечитель округа является простым *администратором*.

Директор гимназии состоит ее *начальником*.

Преподаватели низведены в *учителей*.

Воспитанники обращены в *учеников*.

Воспитателям даны функции *надзора*.

Параллельно Толстому проф. Сикорский проводит светлую личность Пирогова, занимавшего должность попечителя киевского учебного округа при вступлении в должность министра Толстого, который немедленно его и устранил, «оклеветав его перед Государем» (собственные слова Пирогова). Пирогова и его знаменитую книгу «Вопросы жизни» проф. Сикорский приравнивает к трудам и деятельности Амоса Коменского. Он приводит отзыв ученика его, проф. Вальтера:

Великий анатом, великий врач оставляет медицинскую кафедру, и, о чудо – анатом, хирург и испытатель материи в природе человека делается поборником его духовного начала! Он требует признания и развития достоинства человека; в знаменитой книге «Вопросы жизни» он кладет руку на большое место в воспитании русской молодежи, но кладет ее как врач – для исцеления ран.

А другой профессор того же Киевского университета, Н. Х. Бунге, потом министр финансов и председатель Комитета министров, – так очерчивает его педагогическо-административную деятельность:

Главная тайна влияния Пирогова заключалась в том, что он всю свою жизнь отдал на служение науки и нравственному авторитету и проводил этот принцип в деле воспитания. Всю свою великую власть над людьми Пирогов основывал на внутреннем убеждении и которое он старался вызвать в человеке. Его следует поэтому назвать основателем и представителем нравственного принципа в деле воспитания.

Какие отзывы, то учеников, то зрителей и государственных людей! Сколько любви в них и уважения! О Толстом – ни одного доброго отзыва, не считая отзывов Каткова, который, похвалив министра, похвалил, в сущности, себя.

В СВОЕМ УГЛУ*

(Среди догадок и страхов)

Есть известны рассказ о том, как ехавший в сумерках по проселочной дороге еврей увидел пень, и, приняв его за недоброго человека, сошел с тележки, снял шапку и надел ее на руку, закричал: «Нас двое!», наконец, сняв ермолку, надел ее на другую руку и закричал: «Нас целых трое». Храбрый разбойник не уходил. Еврей все стоял до утра. Рассвело. Тогда он увидел, что это пень, плюнул и поехал дальше.

Нечто подобное случилось у нас с еврейским вопросом, только на этот раз боязливому еврею играем мы, русские, да, кажется, и наши просвещенные учителя европейцы. Мы стоим перед евреями и «еврейским вопросом» и жмуримся от страха. Эти торговцы, часовщики, шапошники, менялы, банкиры, не умеющие пахать землю и едва ли умеющие хорошо организовать фабрику, завод, ветвь промышленности, – люди узкие из узких, – неспособные, и притом исторически неспособные, к нескольким коренным видам человеческого труда, человеческого созидания, якобы «съедят» Европу, Россию, станут всемирными «господами» и проч., и проч. Столько страхов, что и не перечтешь. И

---

* Помещая статью В. В. Розанова, любезно присланную им для помещения в «Ц.О.Ж.», редакция со своей стороны не может согласиться с теми положениями почтенного публициста, где идет речь о ветхозаветных пророках. В. В. Розанов, по нашему мнению, совершенно неправильно втискивает пророческое служение исключительно в тесные рамки какой-то узкопартийной борьбы за националистические начала жизни еврейского народа. Едва ли справедлива также параллель между Катковым, Аксаковым и т. д., с одной стороны, и пророкам – и с другой стороны. Ветхозаветные пророки прежде всего были не политическими, а религиозными деятелями. Центр тяжести их вдохновенной проповеди – широкая, всеобъемлющая идея насаждения царства Божия в сердцах всего человечества. Оттого проповедь пророков не всегда находила отклик в сердцах евреев, – узких националистов. Оттого они чаще всего умирали насильственной смертью от рук своих же единоплеменников. Христос ясно указывал современным Ему иудеям, что они не понимают своих пророков. Ближе к действительности почтенный автор был бы в том случае, если бы он ограничил сферу своих исторических обобщений деятельностью одних только фарисеев, – этих, действительно, узкопартийных еврейских националистов чисто политического пошиба. *Редакция.*

едва ли коммерческие евреи, учитывающие психологические данные в пользу своих прибытков, не поддерживают, посмеиваясь в рукав, эти наши догадки об их «гаинственной» сущности и безотчетные страхи...

Евреи, видите ли, вечное племя, *не теряющее своего типа*, – тогда как исчезли греки и римляне, выродились и потеряли свой тип. Кажется, это главный предмет страха. «И мы исчезнем, а жида останутся». Об этом сколько речей, сколько даже книг! Между тем это пустой, ничтожный пуф. И цыгане остаются. Сколько веков? Приблизительно столько же, сколько евреи. Они пришли, эти бессарабские и всероссийские кочевники, как пишет Алексей Толстой – «из Индии дальней».

Пришли и все так же кочуют, и все так же поют, и все так же вороват: говорят, в ворожке их передаются формулы сумерийской цивилизации, бабушки Вавилона! Вот какая древность, не меньшая еврейской! И до чего они упорны, «точно жида», в мельчайшей национальной черте: также – тысячелетия! – одеваются не в платье, а в тряпки, и непременно с клоком красной материи около бедер или на голове, черные, с белыми зубами, с огненными глазами: у! до чего страшно!! точь-в-точь, по прочности исторической, как евреи!

Но, между тем, мы хорошо знаем, что тут ничего страшного нет, кроме того неудобства, что где расположился табор цыган, там будет много краденых куриц, да кой у кого будет стянула лошадь, и, перекрашенная в другой цвет, будет продана на далеком базаре. «Вечность нации, сама по себе, нисколько не страшна, если к ней не привходит чего-нибудь специального. Это «специальное» у ереев мы ниже разберем: а пока утвердим эту частную мысль, что «вечность» нисколько не страшна. Вечность!.. В химии, чем *сложнее* тела – тем легче разлагаются, исчезают, умирают; а неизменные и бессильные атомы – *вечно* живут! Вот закон!! В истории чем сложнее и гениальнее цивилизация, эпоха – тем она кратковременнее! Греция, от конца греко-персидских войн до начала Пелопонезской, т. е. от начала расцвета до начала умирания, прожила срок всего одной человеческой жизни! Гениальное «Renaissance» в Европе, с его особым типом характеров, задач, интересов, продержалось только полтора века, тогда как монотонные Средние века обнимают 800 лет! Живучесть ереев есть плод их исторической элементарности, – и только плод их атомности в истории – вот и всего. Торгуют, шьют шапки, делают часы: отчего тут постареть? Они не изнашиваются; да потому, что им *не обо что* изнашиться, нет у них политики, сложных духовных задач, нравственных трудностей, гамлетовского «быть или не быть»; не было у них Рафаэля, не было Шекспира; не было у них реформации, не было и революции: а ведь это чего стоило духу человеческому?! Стоило каких затрат, каких утрат... Исторические атомы не изнашивались. Шили шапки, открывали банки. Считали деньги, копили, размножались. Экая премудрость: точь-в-точь это делают самоеды и бедуины, живя «вечно» и, вообразите, «сохраняя свой тип».

Никакой тут загадки нет: и греки жили бы до сего дня, не выдели они Перикла и «века Перикла» (целая цивилизация), не создай комедий Аристофана, философии Платона, трагедий Эврипида и Софокла. Вот что истошает

и разрушает: откажемся ли мы, ради «вечности», от такого созидания? Нет, лучше быть разрушимою статуею Афродиты Милосской, по которой один удар молотом – и ее нет, нежели «вечным» камнем где-нибудь на финской дороге, современным созданию «Калевалы» и который, может быть, переживет русскую державу.

Еще о «вечности» евреев. Прежде всего – она не больше «вечности» цыганской: и, во-вторых, объясняется она из простого запрещения жениться на нееврейках и выходить замуж за неевреев. Вот и все. Ну, представьте себе: наше духовное сословие, от Ярослава Мудрого до сего дня, плодясь только внутри себя (почти нет браков, смешанных с другими сословиями), – необыкновенно «окрепло» тоже «в своем типе», очень плодovито, выработало прочный и некрасивый быт, и, словом, если приглянуться к нему в сравнении с еврейском – откроем бездну единящих черт! Даже так же оно скопидомно, денежно, матерьяльно, в общем – очень способно, но именно без гениальной подвижности и разнообразия. Просто – следствие отсутствия скрещивания с другими породами, причем основная порода колеблется в своей устойчивости и зато обогащается чертами, талантами, но так же и недостатками других пород. И никакой тут «тайны» нет, а просто последствие физического закона, физиологического «подбора». Почему этот закон у евреев? Да мало ли «какие» и «почему» бывают законы у разных племен, в разных цивилизациях, верах? «Тайны»-то тут во всяком случае нет: вот что для нас важно. Уже Авраам, желая выбрать невесту Исааку, сказал слуге, который должен был выбрать, отыскать невесту: «Не хочется мне брать ему жены их чужого рода: поезжай в мой родной город, и возьми (какую-нибудь, наугад, но посмотрев качества) девушку *из родственниц*». У нас браки в родстве – неодобрительны, а вот у евреев именно они-то и одобрительны, ищутся, законом предписываются. Стремление к тупости (культурной) и прочности. У египтян, еще дольше их живых, еще прочнее их установившихся в своем типе, «священною» формою брака считался брак родных брата и сестры (фараоны, по примеру и традиций их – Птолемеи). Просто – такая тенденция, без всякой «тайны». Такой вкус. Такие браки нравятся. Было это у Авраама; сильнее выражено в законодательстве Моисея. В Талмуде, который у них называется «оградою закона», – это установлено окончательно и незыблемо: и евреи теперь (до начавшегося у нас нигилизма) повинуются этому совершенно пассивно, но зная, откуда, и уже не имея никакой симпатии к древнему и в сущности бессмысленному, анти-гуманному правилу.

К чести их надо, впрочем, заметить, что все время царей своих они постоянно нарушали это бесчеловечное, античеловечное правило, женились на египтянках, вавилонянках, хананейках и проч., и проч., за что (единственно за это!!) их проклинали «пророки»... «Пророки» эти были нечто иное, как еврейские «Катковы и Леонтьевы», точь-в-точь, без крапинки различия; Катковы, Аскоченские, Бурачки (издавал знаменитый «Маяк»), Аксаковы, Хомяковы: с специфическим еврейским языком, жаром, крикливостью, угрозами, яростью, нежностью... Чуть не прибавил: «бабьей нежностью». Но о

«бабьем» в характере евреев скажу ниже. Пророки их суть националисты из националистов, как бы вечно выкрикивавшие некое подобие лозунгу: «Россия для русских», но в этой специальной области их умоначертания – размножения. Параллельно территориальному содержанию России, у нас патриотизм и сказался территориально: «Россия – для русских», а у них: «Всякий еврей – только для еврейки», «всякая еврейка – только для еврея». Ездра, великий первосвященник, возобновитель Храма, раньше, чем повел их из вавилонского плена, потребовал чудовищной меры: чтобы все евреи, которые в плену поженились на вавилонянках, развелись с женами своими, бросив их на чужбине. Точь-в-точь это самое делали и все пророки, только не *post hoc*, а *ante hoc** : не повелевая разводиться, но крича, проклиная и угрожая при самой мысли о подобной женитьбе.

И только!

Читайте Библию – и вы увидите, что это так.

Историки не разобрали, и наши гг. священники, не обратив внимания на то, о чем именно, о каких материях неприличных с нашей условной точки зрения, говорят все пророки, – скрыли от читателей и всего образованного света ту простую и добрую истину, что первоначально евреи не имели племенной отчужденности от других народов, пытались вступить с ними в разные культурные связи (существо «ваала») и вообще отличались характером не столь прочным и так сказать «затворническим»... Но пророки вечно вгоняли их в этот «затвор», родовой и культурный; вгоняли – рискуя жизнью, жертвуя ею, и кровью своею, мученичеством своим, как и гениальным словом (и Катков был красноречив), действительно достигнув того, что еврейское несчастное племя отреклось от мира, от человечества, от света, от цивилизации, от возможности настоящей широкой истории, уйдя в какой-то затхлый чулан шапкоделания и размножения. Пока пришел Христос и разорвал кольцо. Но, выделив в апостолах кусок себя для проповедания новой религии – евреи опять плотно сомкнулись: и все делают шапки и делают детей.

Духовенство наше, и никто как оно, совершенным непониманием еврейской истории и, в частности, их пророков, – этого воплощения антихристианского духа, духа узкого и сужающего, и в особенности совершенным непониманием увлекавшего их «ваала», этой тенденции к универсализму, все – племенности культуры, всесторонности скрещиваний, – просто сделано недоступным уразумение еврейства и, с тем вместе, еврейского вопроса.

Евреи выше своих пророков – чище, лучше.

Евреи выше своего законодательства: шире, разностороннее.

Все узкое и гадкое, ужасное идет нимало не от евреев, не от крови их, этого проклиняемого «семитизма»: они века боролись, кроваво, с сужением своим. Читайте Библию! Но были побеждены «законниками и книжниками», литературою: как и у нас Катков, будь дано ему пушкинское одушевление, пушкинское очарование – мог бы выйти победителем культурным, задавить

---

* После этого, а до этого (*лат.*).

Тургенева, Толстого, «западников», тенденции к «парламентаризму» и вообще «все теперешнее наше».

Вернемся к «страхам». . . Берем евреев, как они сейчас есть, как их выковало жезлом железным законодательство, авторитет Моисея, необозримый Талмуд, зовы пророческие, традиции от Авраама.

Евреи, видите ли, «все захватывают». Это не «вечные» цыгане, ворующие только куриц, а люди даровитые, чуть ли не гениальные, которым не умеют, не могут противиться другие народы и, в частности, наш слабый русский. . .

Да, которые, пьют водочку – не могут противиться. Духовенство наше, решившись объявить водочку «скоромной», могло бы застраховать русский народ от «израильского порабощения». Отчего духовенство не решится на такую меру? Само попивает – вот тайна. И только. Ну, с такими наставниками, которые сами тянутся к водочке и народ тащат за собою туда же, конечно, нельзя ни с кем и ни с чем культурно бороться. И вообще причина бытовой, моральной и исторической слабости и шаткости народа русского лежит в таких качествах нашего духовенства, которых, конечно, ни трезвые татары, ни смышленные евреи у своего духовенства не потерпели бы, не вынесли бы. «Казенный поп» (не выборный), тронуть его нельзя – и делает, что хочет. Трезв – слава Богу, а не трезв – потерпи, блудлив, злословив – и не это «не ропщи». Все «христианские добродетели», не знаю – «христианские» или «казенные», только – добродетели. С таким условиями несчастному русскому племени остается только вырождаться, что оно и делает. . .

Вернусь к евреям.

Вот староверов они «не берут». «Зуб неймет». В Вильне много евреев и много староверов, и последние их ничевохонько не боятся. Туча евреев кружит около староверов, а тот крестится себе «двумя персты»: и не боится того, перед чем трясется вся Россия и «сам г. Плева не может ничего сделать» (антиеврейская политика Плева). Отчего? Староверы культурны, староверы воспитаны, у староверов есть быт и вера: чего нигде и в России и ни у кого из русских нет!! Евреи поедают гнилое, они – мировые фагоциты. Мечников открыл в крови присутствие этих протоплазмических существ, которые на всякое инфекционное заболевание, на всякий микроб, попавший в кровь, – реагируют тем, что уничтожают, поглощая его. Вот евреи и ютятся в гнилых частях человечества (наш Юго-Западный край), шатких, пьяных, несчастных, больных, слабых, без вождей, а только с «попами»: и уничтожают это вздрыз, до небытия, вырождения, окончательной гибели и смерти. Гнилое – из мира вон: вот уже если нужно искать «миссию», то к такой «приготовлены» евреи. Не забуду одного талмудического правила: уроды из них, калеки – еще во времена Храма – засаживались, чтобы отбирать из дров, предназначенных на жертвенник, такие поленья, которые по тщательном осмотре обнаруживали в себе червоточинку, загнивший сучек, вообще малейшую «слабость» и «болезнь». Таковые дрова употреблять на священный огонь считалось «грех». Евреи, культурно, традиционно, наконец, по закону и религии считают «грешным» и «Богу противным» все гнилое, слабое, с гаснущею в нем

жизнью: в существах и, наконец, в племенах и цивилизациях. И такое – прямо истребляют, эксплуатацией, гнетом, дальнейшим спаиванием и вырождением. Вот почему они для «заболевшего народа», с пьяными, например, батюшками – прямо ужасны: но именно для личности только этого народа и в интересах – мира и «мирового подбора». Посему, как только ядреное, свежее племя, нравственное, крепкое – евреи от него расползаются. Фагоцитов нет, где нет болезни. Староверы – и евреи ничего не могут поделать, просто «не ведут с ними дела»; штундисты читают Евангелие, одушевлены, нравственны: снова и тут евреям нечего делать. Страшны ли евреи штундистам? – смешной вопрос. Сами Плеве и Победоносцев скажут, что – нет. Но и Плеве, и Победоносцев, обое, как «еретиков» и «победителей национального типа», гнали староверов и штундистов: а это уже наша русская мудрость! Сами-то Победоносцев и Плеве суть не что иное, как «микробы» русской жизни, бактерии разложения ее: тут приходит «жид» и начинает поедать оберегаемых и охраняемых «православненьких», пьяненьких, распутненьких.

В СВОЕМ УГЛУ (О прочитанном)

Кто помнит величественный и грозный образ Апокалипсиса о «жене бежавшей в пустыню» от Змия, – помнит и последующую странную судьбу ее, где она выходит из пустыни, соединяется с драконом, и, сидя на нем в пышных одеяниях, держит в руках чашу, «исполненную мерзости ее», и упивается кровью святых и «на челе ее написано “тайна”». Так как никакого подлога или смены лиц здесь не происходит, то Апокалипсис ясно предостерегает от «извращения» чего-то одного или кого-то одного. Толкователи жгутся при объяснении этого места: всех манит назваться женой, «убежавшей в пустыню», но, «назвавшись груздем» – надо «лезть в кузов»: и от этого «изъяснения», вопреки очевидному и буквальному смыслу Апокалипсиса, идя как по маслу в первом отделе, где идет дело о «пустыне», переходят в умолчание, многоточие или в начинающееся совершенно другое толкование от того места, где появляется «блудница». – «Святая жена – это *мы*, а блудница – это *они*»; напр. «святая жена – это пустынножители, девственники, старцы, учителя, отцы и проч., а блудница – это лжеименные мудрецы века сего, Вольтер, Штраус, Ренан, профессора, доктора, адвокаты, журналисты» и проч. Все это хорошо для полемики: но Апокалипсис имеет такую потрясающую силу в словах своих, что как-то занимает ум вне всяких целей полемики. Не хочется побеждать, а плачешь в сердце своем. Боишься, ждешь. Думаешь: как неечно все на земле, как дивные *обещания* переходят в разочарование, золото обращается в черепки битой посуды, великие царства обращаются в миражи. Апокалипсис говорит об *«извращении, о подлоге духовном»* в одном физическом существе...

Мне стыдно, что, сказав: «Апокалипсис не для полемики», я сейчас переходу как будто к полемике. Но в существе я не полемизирую, а как-то только

плачу над кучкой книжек, любезно мне присланных профессором и протоиереем Петербургской духовной академии, г. Аквилоновым. Из кучки я просмотрел три, как относящиеся до тем, меня занимавших и о которых я писал. Их заглавия: «Ответ на статью г-на В. И.: Библия и смертная казнь» (в «Церковном Вестнике»), «Следует ли православному духовенству служить панихиды над иноверцами» и «О недозволенности служения православным духовенством панихид в храмах по усопшим иноверцам христианах». Из других обращает на себя внимание: «О Спасителе и спасении. 2-е изд.». Все книжки помечены 1905 и 1906 г., а «Иудейский вопрос о невозможности предоставления полноправия русским гражданам из иудейского народа», вышедших в августе 1906 г., помечена... 1907-м годом. Невинный этот обман употребляется, как известно, в тех целях, чтобы книжка казалась новою, не прошлогоднею, читателям и книгопродавцам в следующем году: но это делается на обложках несчастным образом запоздавших ноябрьских и декабрьских книг, но, кажется, никто еще не пытался начинать с августа продавать январский товар!

Но оставим торговые мелочи, едва ли идущие к священнику и профессору. Может быть, «благодать» все прикрывает... Ведь известно для таких случаев слово: «где преизбыточествует грех, там преизобилует благодать» (Ап. Павел). Оставим все эти преткновения, и обратимся к книжкам автора: «О Спасителе и спасении», «О нравственном долге», «О соборности Церкви», «Христианство и современные события» и проч. Автор – не неуч, и легко вращается во всех литературах, цитируя авторов от Филона до Салтыкова-Щедрина. Ход мыслей, однако, незанимателен в нем: мало ли у кого какой может быть «ход мыслей». Всемирный суд, восторг или осуждение, издавна приурочил себя к другому, где есть только два цвета: черный и белый, – к сложению в человеке его сердца, к наклонности его души, что и руководят, в конце концов, всяким «ходом мыслей». С этой точки зрения нас занял язык автора, этот неуловимый «стиль» в писателе, который рассказывает о нем все тайное, внутреннее, невысказанное... Так о травоядности, невинности, беззлобности коровы мы можем узнать уже из ее неуклюжей, развалистой походки, а о хитрости тигра – из того, что он ползет, крадется и прыгает: хотя бы и не видали никогда их пищи, зубов и еды. Что в животном походка – в породе писателей и есть их манера, жаргон, стиль.

О евреях автор говорит:

«Для совершения неслыханного и величайшего преступления, каким является Христово распятие, в целом свете не нашлось ни одного еще другого, кроме «избранного» народа. Неужели же потому, что он «лучший» из всех».

Каков он, автор – как преподаватель духовной академии, ссылается, разумеется, не на свидетельство улицы, газет и суда, а на классических писателей:

«До нас сохранилась одна замечательная речь анонимного проконсула, с которою он обратился к иудейской депутации насчет «шабаша». «Когда бы напало на вас неприятельское войско, – так говорит оратор, – или разлилось бы наводнение, или бушевал бы ураган,

произошло бы землетрясение и т. п. физическая катастрофа, решились бы вы, даже, и в таком случае проводить свои субботы в обычном безделье. Наверно, нет. Вы бросили бы все свои причуды и напрыгли бы последние силы к спасению себя самих, своих детей и жен к сбережению своего имущества. Так слушайте ж, что я скажу вам. Я для вас – война, наводнение, чума, землетрясение и все подобное в этом роде; одним словом, я для вас – злой рок и заставлю вас поступать по моей воле и оставить свои обычаи».

Не иначе говорят и такие знатоки еврейского вопроса, как Тацит и Марк Аврелий:

«Для обеспечения за собой власти над народом на будущее время, – пишет римский историк, – Моисей дал ему противные всякой человеческой нравственности обычаи. Что у нас преступно, то у них свято, и, наоборот, позволительно то, что в нас возбуждает отвращение».

Ему вторит и Марк Аврелий:

«О, маркоманы, о, квады, о, сарматы. Наконец-то я нашел людей, еще худших по сравнению с вами».

Это – по поводу евреев: имея предтечами себе таких людей и такие отзывы, – понятно, как гремит петербургский профессор, православный протоиерей.

О немцах:

«Как легко видеть из приведенной выдержки немецкого профессора, с его точки зрения, церковные каноны являются своего рода *la quantité négligeable**, – и это, согласно протестантского учения о невидимой церкви, совершенно понятно и неизбежно: «Аще переменит ефиоплянин кожу свою и рысь пестроты своей» (Иер. XIII 23).

И, наконец, – по поводу вопроса, можно ли молиться за усопших иноверцах, католиков или лютеран, – автор в полемике с другими богословами ищет поддержки тоже в авторитетах:

«В литургии, изложенной в «Апостольских постановлениях», в литургии св. ап. Марка, св. ап. Иакова, в литургии греческой, в коптской и сирской и др. ясно и точно упоминается о молитве только за живых иноверцев с указанной у апостола Павла целью».

Конечно, упоминание молитвы «только о живых» нисколько не говорит о *недозволенности* молитвы за усопших: как молчание Тацита о грехах или Геродота о римлянах ничего не говорит за *небытие* греков во время Тацита и о *небытии* римлян во время Геродота.

Автор продолжает:

«В своем «Послании к Смирнянам» (гл. 4) св. Игнатий Богоносец твердо стоит на почве апостольского учения о смысле и цели молитв

---

* Ничтожная величина (фр.).

верных за неверных: «предохраняю вас от зверей в человеческом образе, которых вам не только не должно принимать к себе, но, если возможно, и не встречаться с ними, а только молиться за них, – не раскаются ли они как-нибудь». В 3-й беседе на послание к Филиппийцам св. И. Златоуст (см. его «Творен.» в рус. пер., СПб. 1905, т. XI, I, стр. 248) пишет следующее: «Не напрасно установили апостолы, чтобы при совершении страшных таин помянуть усопших: они знали, что от этого много им пользы. Когда весь народ и священный лик стоит с воздеванием рук, и когда предлежит страшная жертва, то как не умолим Бога, прося за них? Но это говорим о тех, которые скончались в вере; а оглашенные не удостоиваются того утешения, но лишены всякой помощи, кроме одной. Какой же, именно? За них можно подавать бедным; это доставляет им некоторую отраду».

Общий вопрос о служении панихид по усопшим иноверцам был возбужден частным случаем в одном женском монастыре, где мать-игуменья попросила своего батюшку отслужить панихиду по добром генерале-католике, давшем ей (или на монастырь?) сто червонцев. Во всяком случае уже *умерший* генерал не мог более расщедриться, и панихида служилась не в интересах корысти. Возгорелась полемика на страницах «Богословского Вестника» и «Вестника Военного Духовенства», в которой приняли участие профессора и священники (В. А. Соколов, о. Гриневич и др.). О. Аквилонов их поражает:

«Не следовало служить в храме православному духовенству, по просьбе матери-игуменьи с сестрами, панихиды по римско-католике. Сродные между собою нравственность и ц. право не должно отождествлять, не отрекаясь от небезызвестного и о. Гриневичу «ума Христова». Несмотря на «большое внимание» графа к нуждающейся игуменье и на подаренный ей сверток с 100 червонцами, сам-то почивший, пока был жив, ведь, не единым словом не обмолвился насчет своего желанья перейти в православную церковь и почил, как «добрый католик». Мало того, судя по цитованным строкам статьи о. Гриневича, не видно, чтобы панихида служилась «для утешения» оставшихся в живых «родственников» усопшего – мотив, дошедший до нас, вероятно, из глубокой древности (August. Enchirid. с. 110. Migne P.L., p. 283: «pro valde malis etiamsi nulla sunt adjuncta mortuorum, qualescunque *vivorum consolationes* sunt»)*. См. Die Lehre von der Gemeinschaft der Heiligen im Christ. Alterthum, von I. P. Kirsche. Mainz. 1900, 168). Следовательно, мать-игуменья и сестры вздумали сами «утешиться» торжественной панихидой по скончавшемся благотворителе. Ну, уж это, конечно, их дело! Каких только дивных историй не творится в женских монастырях, по широкой милости матерей-игуменей, да еще при содействии таких ласкосердных как о. Гриневич, иереев?! Только мне представляется удивительным со стороны о. Гриневича его (не говорю: сочувствие, а стремление) изо всех сил до-

---

* Не в помощь умершим, а для утешения живых (лат.).

казать каноническую закономерность и необыкновенную разумность такого панихидослужения. Рассматриваемая попытка, несомненно, столько же плодотворна, сколько и родственна ей – отыскать философский камень, добиться квадратуры круга или приготовить жизненный эликсир.

Сколько угодно, печалуйтесь и негодуйте на строгость рассматриваемого канона, как хотите упрекайте в жестокосердии составителей его и предлагайте едва ли целесообразные проекты каких-то особых церковных поминовений по инославным христианам («Бог. Вестн. Стр. 31»), а пока примиритесь с, быть может, кому-либо и нежелательным, но, по моему мнению, вполне закономерным фактом: не должно служить в наших храмах панихид по иноверцам. *Что делать?* (начинается мой курсив). *Такова уже природа Церкви, как общественного учреждения, ибо где общество, там непременно и юридические нормы, безмолвно требующие от его членов «послушания», глухие к воплям и неизменные в действовании, пока не будут отменены установившею их Церковью.* Без таких канонов никакое общество обойтись не может. *Путь они тяжелы, подчас даже невыносимы, дают личные порывы и чувства, – все это не резон к их отмене.* Становясь «рабами Христовыми» (I Кор. VII, 22), мы в Нем взамен своей частной свободы обретаем истинную свободу (Иоан. VIII, 36). В одном месте в своей замечательной книге «О героях» Карлейль совершенно справедливо замечает: «infinite pity, yet also infinite rigour of law: it is so nature is made» (On heroes, hero-worship and the heroic in history» by Thomas Carlyle. London, 88)*.

Вот какой ученый: по-английски знает и лондонские книги цитирует. Сколько трудились наставники, чтобы дать созреть талантливому ученику и вооружить его всеми средствами борьбы и победы.

Переходя к вопросу о смертной казни, – тема, которая для практического государственного человека имеет разные стороны и разные решения, но, кажется, за исключением редких случаев и из государственных людей ни один не применяет ее и не защищает ее без крайнего физиологического отвращения и врожденного человеку и человечеству мистического перед нею страха (без него как бы человечество могло существовать?), профессор и протоиерей Аквилонов, которого никакая нужда не гонит, сам по себе и добровольно, из сердечного алкания выступает с проповедью... убий (казни). Главное, – добровольно! никто не звал, никто не спрашивал! Сытый, – а чувствует аппетит к «убий»... и так арифметически, учено, как именно только можно в теплом кабинете и после сытого обеда. Опять цитирую:

«И. Златоуст говорит, – по отношению к заповеди: «не убий»: «Одно и то же может быть то хорошим, то нехорошим. Например, быть носиму на руках в первом возрасте хорошее, а после вредно.

---

* Безмерное сострадание и также безмерная суровость закона: такова природа («Герои, культ героев и героическое в истории» Томаса Карлейла. Лондон, 1888).

Питаться разжеванной пищей в младенчестве хорошо, а после отвратительно. Питаться молоком и прибегать к сосцам в начале полезно, а потом вредно. Носить детскую одежду отроку хорошо, а мужу неприлично. Одень отрока в одежду человека возрастного, – будет и смешно, и опасно. Поручи ему производство гражданских дел, поручи торговлю, заставь сеять и жать, – опять будет очень смешно. И что я говорю об этом? *Самое убийство*, всеми признаваемое за изобретение лукавого, будучи совершено в приличное время, сделало Финеса достойным священнической степени (Числ. 25): «и вменися ему в правду», говорит Писание (Пс. 105, 31). Авраам же был не только человекоубийцей, но что еще хуже детоубийцей, и тем самым больше всего благоугодил Богу. Равным образом и Петр совершил двойное убийство, и, однако, это было делом духовным (Деян. 5). Итак, не станем просто судить о делах, не будем *тщательно вникать во время, причину, намерение, в различие лиц и во все другие обстоятельства*, – иначе нельзя дойти и до истины». О, если бы теперь внимали этим мудрым советам!

Итак, евреев надо ненавидеть, лютеран – презирать, как «рысей и эфиоплян», за католиков не следует молиться и, в благопотребных случаях, следует виновных казнить смертью: но сказать все это до того просто, что для этого не надо было вовсе учиться, и еще менее потребно было поступать в священники. На вопросы «надо ли казнить» и «надо ли ненавидеть», в утвердительном смысле ответит всякий алкоголик из Максима Горького. Что тут мудреного?!... Так первоначально и все первобытные народы, с этого начинали бушмены, кафры, полинезийцы: *обратное* – надо доказывать, до *обратного* возрастали в истории. Не у бушменов же родился Беккария, не бушменской царицей была Елизавета Петровна: тут прогресс, прогресс доброты, цивилизации, разума. Для чего же Аквилонов не то, что чему-нибудь учился, а для чего он учился писать, учился грамоте, чтобы написать в брошюрах своих эти большие бушменские «Азы»? Непонятно.

Но я полемизирую, – когда не хотел этого делать.

Только одно возражение:

Да почему по нашим признакам мы различаем «святое» от «несвятого», «святого человека» от «несвятого человека» «свято дело» от «несвятого дела», «святое слово» от «несвятого слова»? По каким признакам? Не явно ли, между прочим, что по присутствию *доброты*, простой человеческой *доброты*, благости, благоволения в индивидууме, в поступке, в слове? Докажи кто-нибудь памятниками письменности, фактами, достоверными рассказами, что напр. «святые отцы Церкви» были злы, злобны, кровожадны: то ведь совершенно очевидно, что таковое роковое доказательство сделалось бы поводом *исключить из святцев*, а вовсе не поводом к тому, чтобы *включить в священный канон* злобу и кровожадность! Не правда ли? Иисуса, «некоего Иисуса», еще никем не знаемого, неузнанного, сперва на улицах Иерусалима, а затем и у язычников, не оттого ли признали сперва «вторично сошедшим на землю Илиею», «пророком» и, наконец, «Сыном Божиим», – что он

был не только «Учитель благой», но обнаружил перед людьми такую степень и форму благодати, которая поразила их как сверхъестественная и природно человеку вовсе не свойственная: «благословляйте клянущих вас», «любите врагов ваших». – Это невозможно! Этого не делали святые Израиля, ни пророки: так может говорить Кто-то и не пророк, и не святой – а Мир Сверхнатуральный, Небо, Бог». Вот так произошло *узнание* Бога: о Коем мы и говорим: «Был Некто с такой *благодатью*, какую мы не видели среди смертных. Счастливые иерусалимляне: они узрели чудо, Бога». Об Иисусе, о самом Иисусе мы ментально усомнились бы, что Он – Бог, если бы опять же нам сообщено было *достоверное свидетельство*, что Он не был добр, что Он совершал злое.

Что же, поэтому, доказывают ссылки на Златоуста, Василия Великого и др.? Ощупываем и говорим: «Вот – человек!» и припоминаем другое: «*Один Бог без греха*». Аквилонов только доказывает, что грешили и Златоуст, и Василий Великий: что подразумевательно и мы все знаем, ибо ни который из них не был Богом «безгрешным». Сказал ли мне: «Не люби ближнего», «не люби кого-нибудь», «не молись за кого-нибудь» Василий Великий или Иоанн Златоуст, даже если бы сказал... не Бог, а «рекомый» (таком случае) Бог: мне было бы решительно все равно, и только бы прибавилась грусть: «погрешают и святые»: «погрешает»... – не решаюсь сказать, и говорю только для примера, как бывает в логических примерах: – «погрешает Бог». Вот и только.

Но чтобы я сказал:

«ненавидение божественно»,

«ненавидене свято»,

«ненавидение канонично», молитва за усопшего (иноверца) неканонична»...

Да я никогда не скажу этого, и лучше останусь язычником, атеистом, без Бога вовсе – и если *за это*, за *такое сопротивление* свое останусь без Бога и вне Бога – буду совершенно спокоен. Дышу – ибо есть легкое и вижу белое и черное – потому что есть глаза, и дурное и злое различаю – потому что есть душа врожденная. Останусь я «вне Бога» и «без Бога» при этом от ненавидения потому, что уже скорее я поверю в тайнах души в какой-то сумбур и, в частности, в сумбур «истории религии», нежели в то, чтобы в самом деле Бог... Бог не 1906 г. и Петербурга или Казани, но вечный и Всесущий Бог вправду хотел, чтобы я кого-нибудь ненавидел, презирал или отрекался помолиться. Иоанн Златоуст, Василий Великий, Григорий Богослов, каноны, соборы – *насколько они в самом деле приостанавливали любовь или клали молчание на уста молящегося* – и были грешны!! Хотя бы во всем остальном были святые. Не святость «по человеку», а «по святости» человек – идет в Святцы или не идет, идет на Небо или не идет. Одно вечное: а человек умирает, все люди, и Иоанн и Василий, «великие», «святые», – все, все по связи природы своей с грехом, ошибкою, заблуждением («если вкусишь» – от древа познания добра и зла – «смертью умрешь»).

Так, я думаю, должны думать все. Неужели можно думать иначе? Кончив это краткое разъяснение, вернусь от мелочей увлекший меня полемики к тому первоначальному мотиву, который толкнул меня взяться за перо.

Что за явление? Не все ли мы верили, века верили, уверовали язычники, которые *этим* и были привлечены к христианству, что оно есть религия любви, благодати, благорастворения. «Я пришел извести *узников из темницы*»... Я пришел не для праведных, а для *грешных*. Не здоровые, а *больные имеют нужду во враче*... Все, – Его слова, в Кого мы веруем. Наконец, чему пришли поклониться пастыри и волхвы? Отчего же *ангелы пели*: «Слава в вышних Богу и на земле мир и благоволение. Боже, Боже: ведь в это верили!! Неужели же волхвы и пастыри, и ангелы пели, в сущности, о брошюрах проф. Аквилонова, о зародыше их, о первом ростке, «горчичном зерне», из которого вот выросло огромное дерево, где доказывается, разъясняется и проч.:

- 1) что молится за иноверцев не нужно,
- 2) что иноверцы как бы рысы и эфиопяне,
- 3) а для государственных преступников нужна смертная казнь?

Почему же началось новое летоисчисление? почему? почему? Что же совершилось, что такое *обещано*, на что все *надеялись*, что воскликнули: «Давайте считать с *этого года* как с *первого*: ибо все прежнее все равно как не было, а то, что пришло, – совершенно ново и притом *вечной новизною*»? Ведь вот чувство человека, благородное, трогательное доверчивое! Аквилонов вовсе не смешон: он приводит авторитеты, новые, древние. Он не *один*; вот что страшно, что он *вовсе не один*, что их *много*, что это *голос сонмов*, который вовсе ничего из «своего» не хочет уступить, и противников своих третирует глубоко презрительно в полной уверенности, что они *в согласии с церковью, с церковным преданием, с апостолами и Христом*. Вот где настоящий ужас, апокалипсический ужас, ибо мы совершенно не знаем, где же Блудница (апокалипсическая) и где Христос? Ибо дело так разделилось, так искоренно, с обеих сторон, – что явно кто-то «с Велиаром» и кто-то «с Христом», кто-то «борется с Драконом» и кто-то «сидит на Драконе», «упивается кровью святых» – но кто? кто? мне до того страшно, что ни малейшей претензии сказать: «Я в праве», «мы, наши в праве» – я не имею. Не говоря о страхе, тут – и любопытство. Как, кроме страха при вынуждении жребия «на смерть», действует и любопытство: «я? не я?». Мы – либералы, журналисты, ну – земцы, «либеральные батюшки»: все знания не важные. Как мы можем быть уверены в себе? Дела наши неважны, физиономии незначительны. Смешон Аквилонов; но почему я не смешон? Кто же из нас и куда идет? Ибо кто-то идет *в гибель* – это-то явно: нет трех цветов, только два; нет «разных зверей», а только один «Дракон», «Сын погибели» – в области различения добра и зла.

Я не могу от себя скрыть той чрезвычайно грустной и как-то мало надежной истины, что я в своем «дobre» (в том, что мне кажется «добром»: 1) не ненавидеть, 2) молиться за других) не столько собственно опираюсь на плоды школы и чтения, не на то, что «говорит Иоанн Златоуст» и «говорит Василий Великий», – а просто на то, что мне говорит, внушает сердце «так себе человека», «как я уродился» – внушает нечто *природное, врожденное*, «от батюшки с матушкой»: тогда как Аквилонов и все, «иже с ними», люди

учения, богословы, священники, монахи говорят менее от себя и более *действительно от предания* и вообще «от книг» и «чтения», однако в большинстве – богословского. Вот что странно, вот с чем я не умею справиться. Дается ли богословие, в суммарном итоге своем, *плюс* к «естественному человеку» или «минус»? Вот что страшно. Зачем предполагать в Аквилонове что-нибудь особенное, личное, исключительное? Средний человек: но ведь то-то и страшно, то-то и апокалиптично, что это совершенно обыкновенный человек, не злой и не добрый, не гениальный и не глупый, который в смысле направления «к добру или злу» обнаруживает столь явно в себе не благодарное травоядное существо, а совсем другое, обратное. *Откуда* у него? Почему он защищает и ему хочется защищать «убий», а не «не убий», «не молись», а не «не молись», при одинаковой, в сущности, возможности логичной и текстами защищать одно как и другое? Почему этот *выбор*? *Умозаключение*? Теперь все наше духовенство, вся духовная литература разделилась довольно явно на два лагеря – не по старым *намеченным* давлениям в русской Церкви: приверженность, напр., к обряду и приверженность к нравственной стороне религии, старообрядчество и штунда, проч., а вот по этому: *прирожденное влечение* к добру (к тому, что я называю, то *мне* кажется добром) с протестом, пренебрежением и иногда прорывающеюся враждою к «традиционности», или тому и школьному богословию, вообще ко всем затвердевшим формулам религиозности, переданным из Византии и у нас еще более окрепшим; и, напротив – приверженность к этим затвердевшим формулам, как некоторой «святости самой в себе», безотносительно к человеку и его совести, к человеку и его душе, к жизни человеческой. Стиль «иератический», «священные иероглифы» – где каждая черта священна, что-то старое-старое и ветхое-ветхое, чего трогать и переменять нельзя по священному страху, окутывающему эти потемки, уже непонятные и ненужные в некоторых частях; и стиль демотический, новый, народный, понятый, утилитарный, удобный: но где еще ни одна часть не получила этого священного «страха Божия» к себе, чем держится весь иератический стиль. Второе течение шумно и неопытно, явно человеколюбиво, ни с чем не воюет, кроме «иератического стиля», ни с лютеранами, ни с католиками, ни со штундистами, ни со старообрядцами: оно внимательно или снисходительно даже к язычеству и язычникам (японцы), к еврейству и евреям, даже к магометанам*, и, наконец, к «мирным безбожникам», в этой русской форме атеизма, кото-

---

* Не могу не передать чувства живого удивления и глубокого уважения, с коими на страницах «Ц.О.Ж.» я прочел несколько внимательных слов о магометанах: напр. о том, как они и мы празднуем свадьбы, справляем масленицу и проч. Это новый и небывалый в отношении магометан тон в духовной печати, где прежде в отношении их не было ничего, кроме *глухого отрицания*. Воображаю, как должны были это почувствовать казанские и вообще приволжские татары: и насколько должно было это толкнуть их, ответно к близости с христианами, даже толкнуть (ну хоть кое кого, но зато прочно), в лоно христианства, Церкви. Вот идеал, вот мечта – эта близость как просто верное соседство, притом в обоих лагерях *не безбожное*. Автор.

рая книг не пишет, систем не построят, а «на все махнуло рукой»... трудно сказать – по недалекости, легкомыслию и занятости другими темами. Таким образом, это течение нашей религиозной жизни уже у порога достигло не только великих, но величайших, труднейших задач христианской истории, церковной истории, казалось, никогда недостижимых: крепко держась за Христа, даже крепко держась за церковность, но без непременности, без придиричivosti, скажу так – без внутренней злости «на вся и всех», которая решительно присуща «иератическому стилю», оно (течение это), в сущности, уничтожило (в сердце, а потом будет и в жизни) перегородки между церквами, между народами, и снова вернуло христианству единство, братство и всемирность. Невероятное исполнение, но оно прямо налицо у нас совершилось, есть. Его все видят, и дивно, что так мало дивятся ему: я думаю – оттого, что оно пришло так просто, скромно, молчаливо почти без жестких и торжественных речей, без дипломатических переговоров между иерархами; пришло *народно и всеобще* (при «иерархических переговорах» едва ли это было бы достигнуто). Но вот и трудность, тоска недоумения: что же, однако, в этих людях, столь новых и необыкновенных по сразу достигнутым результатам, «специфически евангельского», «специфически религиозного», «специфически христианского»? Гляжу я на монаха, на архиерея за архиерейской службой, упиваюсь херувимскою, и думаю: да, чтобы этому *явиться* – должны были протечь века, тысячелетия. Ведь все тут *особое*, ни на кого и ни на что не похожее: напев – чуден, недвижимое стояние архиерея – чудно же, и эти шесть зажженных свеч, три и три в деснице и шуйце, коими он благословляет склоненный народ – все чудно и чудно, невиданно и неслыханно!! Священный, иератический вид, воистину иероглифы, миленькие зверьки, изображающие письма. Зачем это *надо* – не знаю, но что *хорошо*, ласкает глаз, ласкает ухо – очевидно... Сам вид монаха, этот бледный вид, отсутствие улыбки, черные страшные одежды, – с «воскрылиями», – самый способ жизни его уединенной, строгой, неразговорчивой, страшно сдержанной – все стиль и стиль, готика, лучше готики! И очарован, не понимая! Напротив, священник, добрый «батюшка», с которым мы говорим о католиках и лютеранах без вражды – это так ново и необыкновенно у христиан, – да это *я сам*, только *иначе одетый*, журналист и гражданин, писатель и мыслитель, вообще *просто человек*: и не надо было ни векам течь, ни эпохам переменяться, чтобы *явился такой*. Слишком мы просты: вот где горе. Горе ли? Не знаю, не знаю!! Я хочу сказать, что великое горе нового движения заключается в том, что оно просто – *не церковь, вне церкви, обходит ее, течет кругом мимо ее стен*; в то же время однако трактуя, да и вообще положив всю жизнь, весь «живот» свой на службу 1) христианству, 2) Христу, 3) Церкви или церковным задачам, церковным темам, интересам (интересам, темам и задачам, до сих пор разрабатывавшимися церковью, вне церкви). Еще конкретнее: разница между «иератическим» и «демотическим» религиозным движением заключается в том, что первое – при всей легкости своей (см. выше подчеркнутые мною слова «обыкновенного» Аквилонова о том, что церковь должна ос-

таться глуха к отчаянию человеческому) и вообще многих «неясностях», тем не менее есть именно *церковь*, как нечто *особенное в мире, выделенное, как не мир*; тогда как второе, доброе, все вопросы разрешившее, есть просто *натуральный мир*, договаривать ли – *до христианства бывший*, и который читает Евангелие и слушает слово Христа с тем вниманием... ну как хананеянка, римский сотник, как вообще эти благодушные «естественные люди» на Востоке и Западе, которые, вопреки правительственным системам (римской) вообще приняли христианство легко, ласково, без сопротивления почти. Вот к каким великим горестям мы приходим. Горестям ли? не знаю, не знаю! Чистосердечно! Я думаю, многие об этом теперь думают, многие этим мучатся. Уверен, что задумаются над этим и богословы, и священники, задумаются монахи, епископы, и помогут что-нибудь увидеть в этой теме, где мы почти ничего не видим, ничего не умеем разуть.

Я думаю – для обеих сторон пришли времена великой огромности. Ибо мы в горе! В явном горе! А это не такое состояние, когда бы махать руками, зычно кричать, останавливать. Поможем друг другу!

<ПРАВОСЛАВИЕ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРАЕ>

Обращаем внимание наших читателей на корреспонденцию из Вильны. Она возбуждает сильное волнение, будит негодование и оставляет недоумение о всем положении православия в этом когда-то русском крае...

Прежде всего обратим свое слово к воинствующим полякам. Неужели они не помнят, что фанатический их натиск на православных в Украине составил ближайшую причину падения Польши. Неужели они хотят вторично ушибиться о тот камень, о который когда-то разбились? И неужели придется на страницах газет и вслух всей Европы повторить старинное присловье запорожцев: «безмозглые ляхи». Мы этого не хотели бы и, вооружившись до времени братским славянским чувством, говорим им: «Пощадите себя и нас, оставайтесь и цветите в своей вере, но ни единым действием и ни единым словом не касайтесь веры русского человека, уважая ее так же, как он уважает все веры, даже и нехристианские».

Затем мы обращаемся к русским. Что это за развал, за распад всех русских чувств, русских понятий и самого элементарного сознания народно-государственного долга?! Синод торгуется о мизерных 3 000 р. и, имея громадные капиталы так называемых «специальных средств», т. е. средств духовного ведомства, не переходящих в общую казну и не входящих в бюджет, отказывает Свято-Духовскому братству в этой нищенской субсидии, ссылаясь на «нужду западных епархий», и между ними таких особенно важных, как белорусские и литовские. Архиепископ литовский и виленский Никандр созывает, ввиду угрожаемого положения православия в этом крае, съехаться и обсудить положение дел и меры самозащиты епископов пяти городов: Мин-

ска, Могилева, Витебска, Гродны и Ковны. Но из пяти приезжают только два. Ну, если ни Синоду, ни епископам православие в Северо-Западном крае не дорого, то... остается развести руками и решить, что, кроме корреспондентов и газетчиков, оно, верно, и вообще никому не дорого, и если *так*, то непонятно, для *кого* и для *чего* оно нужно. Несчастный русский народ, несчастный не только в нуждах своих, но и молитве своей...

ПЕРЕД ЦЕРКОВНЫМ СОБОРОМ

Опубликован «Устав братства ревнителей церковного обновления в г. С.-Петербург», утвержденный «в виде опыта на три года» петербургской епархиальной властью, т. е. попросту митрополитом Антонием в качестве не первенствующего члена синода, а епархиального петербургского архиерея.

Это – иная форма и другое название известной «группы 32-х священников», которых заявление перед петербургским митрополитом дало первый толчок в духовном сословии, в духовной литературе, а затем в правительственных сферах и в светском обществе и печати к фактическому созыву церковного собора, – в целях... Но о целях нужно говорить много и долго, ибо цели были скрытно свои и притом нимало не согласованные у каждой их нескольких сторон, которые как будто согласно двинулись вперед с лозунгом: «Собор! собор!».

1) Общество ждало и хотело собора в качестве «подвига Геркулеса», коему царь Авгий, в виде неисполнимой задачи, повелел «очистить свои конюшни», никогда не чистившиеся с тех незапамятных времен, когда впервые были поставлены сюда царские лошади. Но Геркулес выломал стену конюшни, направил сюда воды протекавшей мимо реки, и этим неожиданным способом исполнил «урок» коварного царя. Общество знало, хотя смутно и издавека, что творится нечто не только не «божественное», но даже и не человеческое», в «духовной цензуре», в «духовных учебных заведениях», и «духовном проповедничестве» и проч., и проч. Все это было до того загажено, что, напр., когда светским людям приходилось обращаться в духовный суд по делам семейным – то не только сами они, до зарезу нуждавшиеся в «благополучном решении», все-таки ни за что не решались лично о чем-нибудь просить или что-нибудь заявлять или о чем-нибудь свидетельствовать, но и никакой обыкновенный присяжный поверенный, уважавший себя и свою деятельность, имевший репутацию и положение, также не решался переступить порог этих небывалых и неслыханных учреждений: до того все в них было лихоимно, бесчеловечно, бесстыдно, по речам и по вопросам, «на законном основании» предлагаемым, клятвопреступно и лживо. И создались только какие-то, никогда не показывавшиеся в других судах и, кажется, никогда не появлявшиеся в обществе, в клубах, в собраниях, специальные «духовные» адвокаты, приводившие с собой в «духовный суд» и собственных «духовных» лжесвидетелей, клявшихся ложно над крестом и евангелием при бес-

стыднейших, нецензурных, буквально непечатных вопросах, предлагаемых им священниками с болтающимися на шее крестиками в камилавках и скуфейках... Все это общество знало; знало все духовенство, священники, епископы, митрополиты, к которым при обжаловании восходили «дела» и «делопроизводства»; ни один духовный, даже из считавшихся прижизненно «святыми» (Иоанн Кронштадтский, Амвросий Оптинский, Серафим Саровский), никогда этого не порицал, т.е. всегда молчаливо одобрял. И в обществе, которое практически и осязательно видело и знало тот единственный уголок открытой ему «духовной жизни», «церковной жизни», церковных законов и церковных суждений – умозаключило, что и остальное, так сказать, «полотнище» церковной жизни, духовной жизни являет собой этот же состав, такую же доброту, такую же картину. «Что видим – скверно, а остальное – скрывают; значит, и остальное так же скверно». Нужно ли говорить вслух ту очевидную истину, что общество и частные люди, в сущности, давно перестали «подавать руку» вообще всем духовным.

Сам обер-прокурор синода, гр. Д.А.Толстой, по словам одного знакомого мне священника, перед смертью приказал родным, чтобы к гробу его, к отпеванию не был допущен ни один архиерей; отсутствие их на похоронах удивило печать и общество и было сочтено за враждебность их к умершему: между тем, это было следствием его личного предсмертного распоряжения. Я был поражен. И раз встретившись с известным академиком Праховым, который был отчасти воспитателем семьи Толстого и вообще близким человеком в его доме, – спросил его: «Верно ли, вероятно ли, это услышанное мной сообщение?» – Он ответил: «Да». – И на недоумение мое продолжал, улыбнувшись: «За долгую свою службу обер-прокурором, Толстой имел случай слишком *хорошо узнать, что такое русские архиереи*, и окончательное свое чувство выразил в этой предсмертной воле».

От первого приближенного лица к государю до деревни – один голос, то же неменяющееся впечатление...

«Все на нас!» – могло бы с горечью воскликнуть духовенство, разодрать ризы на себе; «*vox populi*»* ... Под самый конец оно еще отличилось: взяло, да и отлучило «от себя», изрекши, что «отлучает от церкви», самое крупное лицо в России – семидесятилетнего старца Толстого, творца «Войны и мира», «Детства и отрочества», превратившего конец своей жизни в идейный подвиг по своему разумению, конечно. Но он имел неосторожность посмеяться в одной главе «Воскресения», изданной за границей, как духовенство имеет обыкновение переряжаться на час-два в серебряные одежды, в позумент и мишуру, неизвестные ни апостолам, ни Христу, как оно, в сущности, одевает на себя «оклад» как на икону «ризу». Он посмеялся над этой «иконностью», «иконостасностью» духовенства и быть проклят!

Самое неуважаемое сословие прокляло самое уважаемое лицо в России...

---

* «Глас народа» (лат.).

Все рассмеялись. Но промолчали: такое было время. Вдруг задвигалась идея собора. И все воскликнули: «Воды сюда! Провести сюда реку, целую реку, не меньше! Вымыть их всех, от насекомых, от грязи»...

Так издали и «вообще» судило общество, давно отвернувшееся отсюда и ни мало не заинтересованное в «специальностях» церкви, – в ее вере, обрядах, всем строе учения, понятий. Общество смотрело и продолжает смотреть, можно сказать, с географической и с гигиенической точки зрения на церковь. Оно знает и интересуется только «местом», с занятым, и, зная, что вся эта территория, весь этот «квадрат географический» загажен и отсюда разит чем-то несносным на весь народ, – потребовало сюда гигиены, опрятности, чисто человеческой. На «собор церковный» оно смотрит, до известной степени, как на «консилиум докторов» у постели больного; но, предполагая, по страшному зловонию, что болезнь заключается в чем-то неопрятном, происходит от неопрятности – хочет и найдется, довольно легко и оптимистически, что совет не будет особенно длителен, опасен и проч., и сведется, в сущности, к совещаниям санитаров... Таковы ожидания общества.

2) Священники... чего они ждут от собора? и, в частности, эти «32», чего они хотели и надеялись? «Записка», поданная им митрополиту петербургскому, упирает, как на мотив всего движения и как на правомерное основание, оправдывающее смелое (с виду) ходатайство, на «неканоничность всего строя наличного церковного управления, и, в частности, на зависимое положение церкви от государства, план, конкретнее и проще, на то, что не светские чиновники находятся в подчинении, хоть каком-нибудь, у них, духовных, а они, духовные, находятся в полном подчинении у светских чиновников. Таким образом, «Записка» выставляла мотивом своим «благочестивую ревность», «возврат к древнему строю», – все обычное, все привычное, самое официальное и должностное «по сану и службе» у духовного сословия. И в то же время другими своими частями она говорила об «обновлении» церкви, о тех санитарно-очистительных задачах, какие имело в виду общество, смотря на все дело издали.

«Записка» не искренняя и не цельна. Она имеет два языка, как две руки, ее писавшие. Но есть в ней еще и третье – сердце: чего шли добывать священники? Не непременно «санитарии», и вовсе не «каноничного строя», о котором они вздыхали в приемной митрополита, дожидаясь его выхода, чтобы подать ему «записку». Все это, «каноны», и проч., есть «риза». Под «ризой» скрыт обыкновенный человек, домохозяин, семьянин, с женишкой, с детишками, который не может прожить без платы за «требы». И здесь, в «записке», сердце билось не за «каноны», не за «санитарию», а за улучшение своего положения, менее экономического (все «32» – петербургские, обеспеченные священники), а более классового, юридического и бытового. Священство решило поднять свою голову, если не в уровень, то близко к уровню с епископскою; пересесть со стула около передней, где они общественно и всячески сидели, куда-нибудь внутрь комнаты, среди чиновничества, дворянства, купечества, как «свой» и «равный» среди «своих» и «равных»...

И во всем последующем движении священнической группы по всей России мы везде увидим эту красную нить: стремление к одинаковости с другими классами, к устранению всех разграничительных, отделительных линий. Т.е. мотивом везде мы найдем одно: мучительное желание выйти из отброса, из откинутости, из подкинутости и одиночества. Это то же самое, когда священники отдают своих сыновей в гимназию, т.е. переводят их из своего сословия в будущие доктора, в адвокаты, в чиновничество: «Вон отсюда, где я стою, где мы стоим!». «Это – место несчастья». Как это совпадает с народным: «Встретился с попом – быть несчастью!...». Еще конкретно: священничество двинулось к добыванию себе самостоятельности, свободы, активности; к тому, чтобы вернуть лицо себе, совершенно задавленное монашеством. Оно двинулось, поэтому, против монашества, как сана и положения, но не как против идеала, поэзии и пр. Это нужно запомнить, чтобы знать, что все священническое движение лежит, так сказать, вне религиозной плоскости, вне специфически церковной сферы; что оно является движением чисто общественным, литературным, наконец, лично-нравственным, а не церковно-нравственным. В нем совершенно ничего нет реформаторского, реформационного. Эта сторона, или возможность, или нужда в этом не отвергается: но она не представляется уму, занятому совершенно другими темами, житейскими, классовыми. Говорим это не в осуждение, потому что сбросить с себя внешнюю «гесноту» духовенству, как людям, давно пора. Но тут реформой *церкви* еще и не пахнет...

3) Монашество, епископство... Оно стояло в тени, когда «32» священника представляли ему «Записку». Но, конечно, «Записка» никогда бы не была подана, если б предварительно и неофициально уже не было дано согласия «принять» ее. Секрет подобных движений, когда они не суть «мятеж» и «бунт» (а в данном случае его не было, ибо все дело протекло «ладно и «мирно»), заключается в предварительных переговорах, в соглашениях и ранее установленном распределении ролей. «32» приняли на себя формальную и показную часть; они «показали», что священничество чего-то хочет, по чем-то томится, при том томится, движимое «каноничностью» и «благочестием». Мягкое начальство, кроткое, любящее подчиненных, «вняло гласу» священства: нов «гласе» этом самую звонкою нотой звенела та струна, которая пела о «неканоничном» подчинении церкви государства, – т.е. конкретнее и проще – о связанности и уничтоженном положении митрополитов около обер-прокурора, архиереев – около него же.

Но так как нет никакого сомнения, что «32» нисколько этим собственно не томились, то, очевидно, они пели тут что-то по чужим нотам, притом со стесненным сердцем и с той задней мыслью, сто «дело как-нибудь уладится, началось бы движение – а там мы архиереям не дадим не только большей над собою власти, но и раздвинем душные петли той, в какой они теперь нас держат»... Отношение петербургского священства к епископству и вообще к монашеству я не могу лучше выразить, как передав одну поговорку, которую неожиданно услышал от одного из очень деятельных, энергичных и мужественных священников:

Бойся осла сзади, быка спереди, а монаха – со всех сторон.

Как? как?

Так, что монаха нельзя не бояться, как бы вы к нему ни подходили и откуда бы ни подходили. Укусит. Это знаем мы, священники. – И он показывал на свой горб, сверкая глазами.

Теперь, когда идет «предсоборное присутствие» и до мельчайших деталей предрешает все, что будет говориться и решаться на будущем «Всероссийском церковном соборе», и главное, кем будет решаться, – совершенно выяснилось, что монашество действительно «обвело вокруг пальца» священников, поставив этих подателей «Записки» в глупую роль людей, выпросивших очень много для архиереев, после чего эти архиереи оттолкнули носком сапога просителей, когда они заикнулись о себе самих. Священников решено не пускать на тот самый собор, который они выпросили; или, так как все дело от самого начала велось двулично и замаскировано, – решено их «не пускать» по существу и на деле, пустив по форме и напоказ: они придут очень небольшим числом на собор «в свите» архиереев, и по их личному выбору: т. е. «придут» те подручные протоиереи, через которых и до сих пор всегда архиереи действовали в епархии и за всем в ней надзирали: так как, по обету «монаха», сами архиереи, пребывая в «затвор»-дворце и не выходя на мостовую из карет, – как бы лишены ног, глаз, рук и очей и слушают, видят, движут и движутся через посредство 1) всемогущих келейников и 2) столь же всемогущих приближенных протоиереев, – своему классу, белому духовенству, уже изменивших... Нет групп без ренегатов, даже и в дисциплинированной армии. При страстной противоположности и вражде священства и монашества, их положений, их интересов, быта и мирозерцаний, архиереев даже не может приблизить к себе нормального, рядового, обыкновенного, заурядного священника: для чего он ему? Для споров? Для упреков? Для этого не берут: берут соглашающегося, исполнительного, притом радующего в исполнении. Таковым для архиерея может быть только священник, отклонившийся от своих, – «брат» по имени этим «своим», но такой «брат», каким был старший «брат» между двумя сынами Адама. «Старшие» священники в епархии, приближенные к архиерею, обычно получающие от него страшно доходные места в консистории, доходные и властительные (увы! священство всегда было к этому жадно), – и суть те, которые на остальную «братию» свою в епархии глядят, как на Авелей, «дым жертвы которых поднялся к небу» тогда как дым их собственных жертв стелется по земле... Мучительные чувства, огненные страсти зарождаются тут, под болтающимся на груди крестом, высокими камилавками и шелковой пышной рясой... Не забуду я целую толпу таких в приемной одного приволжского архиепископа: совершенно это был другой тип, даже по наружности, чем к какому привыкли мы в родных приходских своих «батюшках». Высокий, красивый рост, очень нарядные одежды, гордость, довольство, власть, высокомерие, способность к далекому зрению и далекой интриге... и какое-то полное забвение, что они суть «священники», а не «дельцы», – были видны в подвижных глазах, уверенном

голосе, твердых, счастливых манерах... Поглядывая на дверь (скоро перед ним растворившуюся) архиепископского кабинета, каждый из них как бы мысленно произносил со «Скупым рыцарем» Пушкина:

Что не подвластно мне? Как некий демон,
Отселс править миром я могу...

Теперь, во всяком случае, мы, светские, присутствуем при поразительном и чреватом последствиям зрелища «расколовшегося на ся» духовного царства церкви: «белая церковь», белое «христианство» – это священство, быстро сливающееся с мирянами и сами миряне. Это – один мир, пока подавленный «канонически», «канонически» безвластный, «мизерный». И – черная церковь, черное христианство: монашество и епископство, которое на совещаниях предсоборного присутствия доказало, что все ему принадлежало в прошлом церкви и все будет принадлежать. *Simus ut sumus aut non sumus**: так говорили еще католики на вопрос о «реформе» в XVIII веке.

Реформа? Преобразование? – отвечают монархи мирянам, священникам. – Да, «преобразование» нужно, ибо в XVIII и XIX веках мы вошли, куда не следует: «преобразование» и будет заключаться в том, чтобы окончательно вас выгнать, и остаться нам одним, старцам. Мы – старцы не всегда по летам, но всегда по духу: и любим старое, ценим только старое. Молимся только старому. Взгляните на образа церковные: допущено ли там что-нибудь иное, молодое? Ничего, никого! Таков идеал церкви. Церковь по существу своему, по поэзии своей, по смыслу всех молитв, есть нечто предсмертное, недалекое от смерти, именно старое и старообразное, вот-вот переступающее в «иной мир», где открывается полная слава и торжество церкви. Церковь имеет две части: небесную и земную, и земная, видимая часть, которую представляем мы, старцы, – есть только как бы передняя «того света», т.е. могилы и гроба. Мы предмогильны и предгробны, а вы говорите о «реформе», «преобразовании», шуме и жизни. Ничего этого не надо. Не тому мы служим, и вы, священники, не тому призваны служить. Вы служите сущей церкви, а сущая церковь – в гробах, гробы... Им служите; – или начинайте от себя, свою, другую церковь, который мы во всяком случае не будем служить, как не можем старость восстановить себе в юности.

Вот в каком мысленном ответе архиереев и вообще монашества светским людям лежит зерно всего дела и узел «церковной реформы».

Она будет не как «обновление», а как «молодость».

Или ее вовсе не будет, просто – нечему тут быть, нет содержания для реформы, не о чем говорить здесь. Если, как кажется священникам и кажется издали смотрящим на дело мирянам, т.е. огромному большинству их, – говорить только о призыве к церковному делу «лучших, нежели прежде людей», и о заведении «лучших, нежели прежде, порядков» в школе, в управлении и проч., и проч., – то, ведь, для чего же здесь «реформа»: для этого достаточно

---

* Останемся как есть или перестанем вовсе быть (*лат.*).

было на место Победоносцева поставить только «лучшего обер-прокурора», более молодого и более просвещенного? «Le roi est mort, vive le roi!»*. Это? Священники, пожалуй, скажут – «это», очень много мирян – тоже. Но не забудем великого закона соотносительности всех частей в каждом организме: тернии произрастают из зерна терновника, и нельзя обломить в нем шипов, да и незачем ломать их, бесполезно. Нужно затронуть «зерно» терновника, выкопать его и посадить на место его другое, хлебное или цветочное зерно...

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ
ГАЗЕТЫ «ТОВАРИЩ»
<О Г.С. Петрове>

Вместе со всеми здравомыслящими русскими людьми я протестую против бесправной расправы со свящ. Гр. Сп. Петровым духовного суда и вместе с тем позволю себе выразить удивление, каким образом мог быть изъят из окружающего народа и выслан на сторону пастырь, которого этот народ так явно чтит? Это – расправа столь же с народом, паствою, слушателями и учениками священника, как и с самим священником, и консистория, у которой в распоряжении, вероятно, есть и другие способы взыскания, едва ли вправе была применять этот, в котором задевается население. Негодование утешается только мыслью, что уже близко время, когда между священником и народом не будут стоять «занавескою» консистория, как и вообще между Богом и человеком не будет висеть никаких синодальных и консисторских занавесок. На небе облака, подымается ветер: а он рвет и прочные паруса, а не то что кисейные изделия петровско-екатерининской работы.

О НУЖДЕ И НЕИЗБЕЖНОСТИ
НОВОГО РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ

(Возражение В. В. Розанова на доклад
С. А. Аскольдова и речь В.П.Свенцицкого)

Доклад Серг. Алекс. Аскольдова и речь Валентина Пав. Свенцицкого зовут представителей «нового религиозного сознания» к ответу: «зачем?», «что?», «почему?». Нет будто бы ни *материала* для нового религиозного сознания, ни настоящих *мотивов*, ни *цели*. Это – пустоцвет, который не содержит в себе и не обещает плода. Под претенциозным именем мы имеем «переживания» отдельных душ, отдельных умов, какие и всегда бывали. И каждое из *бывших, настоящих и будущих* личных переживаний могло бы с равным правом на-

---

* «Король умер, да здравствует король» (фр.).

зывать себя «новым религиозным сознанием», но не называло так и не называет по естественной человеческой скромности.

Все время, как я слушал обе эти речи, столь не одинаковые по разуму и темпераменту, у меня рвалось недоумение: позвольте, да разве все *дело* религии на земле, вся *история* религии не есть только ряд «душевных переживаний» человека? Вы, защитники Христа и Евангелия, не помните лучшего слова там: о неизмеримой *ценности души человеческой*, такой ценности, перед которою малы миры, звезды, войны, царства. Свенцицкий и Аскольдов оба высокомерно сказали: «Это только переживания *отдельных душ*», сказали с ударением на слове «отдельных», т. е. *немногих*. Но ведь «отдельною душою» был и Сакья-Муни, который, «*пережив*» принцем впечатления старости, болезни и смерти, – по другую сторону этих «переживаний» вышел «Буддой», «прозревшим», – основателем одной из мировых религий. Разве проповедь Иоанна Крестителя не была только «личным его переживанием»? Когда он заговорил о «секире, положенной у корня дерева», разве в этом обращении к народу страстного праведника и до известной степени публициста не сказалось «пережитое, увиденное, услышанное»? Сказать ли больше: что если бы Иисуса Христа иначе встретили учителя еврейского народа, если бы они сказали Ему: «Учитель благой, вот Ты учишь всему, чему учили и мы, но Ты учишь с силою и одолеешь косность этих грешников», – то разве получилось бы христианство, как *новая религия*, как *переход от Ветхого Завета к Новому*? Без этого «личного переживания», какое совершилось между Капернаумом и Голгофой, увы, не было бы ничего, – и нам здесь не о чем было бы спорить. Да, вся история именно в глубочайших частях своих, вот в этих «религиозных» частях, и есть именно только ряд «переживаний» и «биографий». Оглянитесь. «Переживания» у Лютера, «переживания» у Кальвина. У нас «переживания» Толстого и Достоевского. Теперь перейдем к нашей минуте: нисколько не Мережковский и другие назвали свои слова «новым религиозным сознанием», но так заговорили и так начали это называть в печати и обществе другие. Кличка идет не от новаторов. Это надо запомнить хотя бы в целях реабилитации от хвастовства.

Грустно произносить эти слова: но авторы обеих речей, и в особенности Свенцицкий, говорили отчасти в пренебрежительном тоне. Свенцицкий – самый яркий и выразительный представитель того религиозного движения, о котором в начале своего доклада упомянул Аскольдов. Это движение ищет обновления душ человеческих путем христианства, и в самом христианстве – не путем какого-либо сектантства, старого или нового, но, так сказать, церковным, царственным, средним путем. Он предполагает только обновить и отремонтировать этот путь: завет всех к *одушевлению*, а одушевление направляет к *работе*. Он имеет вид заботливого инженера, который понукает рабочих и указывает, что «в добрые старые времена», в «первые времена христианства» рабочие работали лучше, святые исполняли свой долг, были добросовестнее: и тогда путь был исправен. Мне грустно, что в изложении моем чарующая речь Свенцицкого получила такой убогий вид. Да послужит это

уроком ему, который представил в таком убогом виде мысли Мережковско-го. Он говорил искренно: но и я совершенно искренно говорю, что всякий раз, когда освобождаюсь от гипноза его личного обаяния и, придя домой, спрашиваю себя: «Что же он такое говорил», – то отвечаю с грустью: «ничего особенного»; ничего серьезного, о чем можно бы и даже стоило задуматься. К его речам очень идет стих Лермонтова:

На мысль, исполненную силы,
Как бисер, нижутся слова...

Только тут в словах: «исполненную силы» нужно разуть: «силу *одушевления*» и никак не силу мысли, не результат «пережитого» размышления. Вот, кажется, таких *мыслительных* «переживаний» не знал Свенцицкий, упоенный своим порывом гражданско-морального обновления церкви. Старые слова! невозможные, ненужные! Все это слышали и от Сергея Александровича Соллертинского, также удрученного скудостью «морального прогресса». Но и вообще я припоминаю, что постоянно слышу это, как только прихожу, – не без опаздывания, – к обедне. На золотой арфе своей дикции Свенцицкий поет нам старую семинарскую песню о том, что «идеалы церкви ужасно как высоки», а люди ужасно как плохи». «Станем лучше! – зовет он нас, – будем трудиться! Вспомним первых христиан». Как-то я говорил с Константином Петровичем, – фамилии не нужно называть, – и он при прощании мне внушительно сказал: «Вспомните, В. В., Иоанна Златоуста». Свенцицкий мог бы свои статьи и речи кончать подобным же: «Вспомним, читатели и слушатели, Иоанна Златоуста». Не понимаю, почему он не служит в Синоде: там молодых, «идеально настроенных», чиновников ищут. Кстати, получилось бы и сочетание «гражданского служения» с «истинно христианской настроенностью», – главная его тема.

Я упрекнул Свенцицкого в недостатке умственных переживаний. В самом деле, не странно ли: он, покрикивая на христиан-труженников, никогда не задал себе вопроса о том *пути*, ремонтом которого так одушевлен. Никогда не спросил: да что же это за «путь» и *из чего* он сделан, что постоянно разваливается и его приходится вечно поправлять. Решительно – с первых же шагов христианской общины, с того самого первого ее дня, когда поссорились апостолы Петр и Павел. Подчеркиваю: не поспорили, а *поссорились*, сердечно и едко, из-за вопроса, куда направлять дорогу. Ап. Петр указывал на старый путь обрезания: «Не надо порывать с Ветхим Заветом, который дан Богом и для нас *священен*». Но ап. Павел толкнул на новый путь, – отвержения обрезания, т. е. *действительного завета человека с Богом* – если, конечно, мы верим в Библию; – отвержение, затем, и Библии, под тем уклончивым мотивом, что там только «обрядовый закон», а «обрезание есть физическое и есть *духовное*». Как бы я сказал, отказавшись крестить своих маленьких детей: «Ну, зачем? Есть крещение физическое, водой, со свечами и с священником; но есть крещение и *духовное*. Когда мальчик вырастет, то я ему расскажу и он *духов-*

но припомнит о крещении Спасителя и сам мысленно перекрестится». Вот такое-то «духовное обрезание» ввел вместо древнего и ап. Павел; и, словом, победил не Петр его, а он Петра, – и христианство, конечно, пошло по новому пути, где Библия только «духовно воспоминается» и *риторически* похваляется, а *реально исполняется и реально любится* приблизительно, как жидаы – «наши братья в Едином Боге», во время погромов. Но я отвлекся в сторону и сейчас вернусь к теме: что же это за «вечный путь», «от Христа идущий и Христу верный», который приходится все «ремонтировать»?.. Я думаю, – это *обыкновенный* человеческий путь, а церковь – обыкновенное человеческое создание, обернутое только в священную фразеологию. Да само духовенство так и говорит. Оно все и единогласно говорит, сама церковь о себе говорит, что она «создана отцами церкви», что все в ней выработали «учители церковные». Так и запомним, но формулируем это жестко, по-своему и решительно: «Церковь есть создание рук человеческих». Причем позднейшие церковники тех первых церковников, которые все создали, нарекли «святыми», «учителями» и «отцами», и распорядились зажечь перед ними лампы и ставить им свечи, как это вообще принято только в отношении к Богу.

Во всяком случае, Евангелие одно у нас, у католиков, у лютеран; да даже одно у нас с *молоканами* и *штундистами*. Только разные «отцы», «учители», «святые». Но мы до того всех других возненавидели или со всеми другими поссорились, что «таинств» других церковей если не отвергаем, то запрещаем «своим» принимать их; а штундистов и молокан даже и ссылали в «отдаленные» и «неотдаленные» места, пока не пришел «безбожный» Витте со своим законом о веротерпимости и не предложил «церкви» никого не гнать. Я говорю: наша церковь со всеми перессорилась. Не обвиняйте ее: так поссорились уже ап. Петр и Павел. Маковое зернышко там было. Ну, а потом «закваска» и взошла. Прошу задержать в памяти мою обмолвку: что у католиков есть настоящие «святые таинства» – это наша церковь признает; и в то же время осуждала, даже гнала «своих», если бы кто-нибудь их принял. Это нужно запомнить, обращаясь к анализу вопроса, почему «путь» вечно ремонтируется. Очень яркий пример. То, что все *возненавидели* друг друга и *ожесточились*, ожесточились с самого же начала, со времен *апостолов*; то, что все сделано *руками человеческими* и, наконец, эта крошечная иллюстрация, что относительно одной вещи, положим, католического причащения, говорилось и то, что оно «свято», и то, что за принятие его «надо ссылать в Сибирь», – показывает весь этот «путь» каким-то странным, множественным многосоставным, с какими-то внутренними провалами, едва закрытыми снаружи хворостом, вот этой священной фразеологиею. Теперь от общих соображений я перейду к некоторым «личным переживаниям», где буду говорить не как критик, а как верующий. «Что вам надо?» – спрашивают меня. И я отвечаю, что никак не могу найти, как мне поступать со следующим.

Вот уже много лет, как я во всех бывающих у каждого человека пароксизмах тревоги душевной, стыда, раскаянья, высокого умиления – бегу в ближ-

нюю церковь, какую-нибудь – все равно, молюсь, с радостью целую церковный образ; если священник в это время выносит крест – целую и у него руку: и, успокоенный, с весельем в душе, возвращаюсь домой. Все это – наличный факт. Просто – это *есть*. В то же время, когда я стою в церкви, придя сюда без особенного повода в личной жизни, стою как мирянин обыкновенный и в обыкновенном настроении, и оглядывают кругом: то я просто... точно *не узнаю* всего, точно *никогда этого не видел*, точно *все это для меня ново*: до такой степени все это видимое я отрицаю, и знаю твердо, почему отрицаю. Вы удивитесь: так *молиться и ничему не верить*. В этом-то и состоит факт, и вы поймете, что в таком неустойчивом положении не может оставаться душа человеческая, что она может прожить в нем краткие исторические миги лишь с величайшим трудом. Все зрелище, весь вид церкви, все старые иконы ее нашептывают мне: «Ложь! ложь! Ты пришел сюда ко лжи, ты здесь стоишь перед ложью. Все здесь тобой видимое – ложно». Вы закричите, священники запротестуют, но я остановлю их некоторой иллюстрацией, – крошечной, но зато очевидно, как таблица умножения. Вот передо мною образ, перед ним зажженная лампадка, стоит и молится ему старушка. Вглядываюсь: длинная брада, благочестивое лицо, немножко «не от мира сего», – и надпись по-славянски с титлами: «Св. равноапостольный царь Константин Великий». Во-первых, он не «царь», а «император», ну почему же бы не назвать: «Святой император»? Некрасиво звучит, в ухе вязнет. Обратите внимание на эти слова: «не красиво»; ради «красоты» церковь переменяла достоверный титул. Но кто это нарисован? По монетам, как во все царствование Константина Великого чеканившимися, так и по выбитым сейчас после его кончины, где он представлен с саваном на голове, весьма нам известно толстое, коротко остриженное, безбородое, слишком «от мира сего» лицо, напоминающее наиболее сытых их католических патеров, на которых рисуют карикатуры. Ну, что же, я думаю, – святыми бывали и толстые: и раз Константин в самом деле «равноапостолен», то отчего его и не нарисовать, как он есть? Ведь «подлинному» поклоняются, а образа, точно в насмешку, так и зовутся – «подлинниками». Но церковь, *все это зная*, конечно, еще лучше меня, – тем не менее, для поклонения благочестивым старушкам выставила Бог знает кого, какое-то никогда не существовавшее лицо. Приблизительно, как ставят на огородах «общечеловеческие фигуры» для пугания птиц. Вот факт в его двух половинах: *молитва* старушки и *икона*, утвержденная церковью, перед которою она молится. Пример этот параллелен моим «переживаниям»: молитва – *есть* и она, я думаю, *свята*, как движение души, в *качественности* этого движения; но то, к чему она отнесена, ложно и даже хуже, чем ложно: его просто *нет*, оно выдуманно, только «нарисовано», а ничего, отвечающего нарисованному, – нет и никогда не было! Все это «замазано», «подмазано» и изуррашено вот этими «учителями» церкви: и слилось в фигурку благолепную, «велелепную», без укора сделанную, но которая *не имеет никакого отношения к Богу и порядку вещей божественных*. «Ремонт» пути и есть изук-

рашивание по существу вовсе ненужной фигуры. Она вся слишком «наша», человеческая, земная. Церковь *не реальна и не трансцендентна: вот мой вывод.*

Все молитвы народные, все это «православие», как *молитвенность*, как *устремление души*, – оно непорочно, свято, оно есть «религия» в таком высоком выражении, в каком ни поправлять, ни дополнять, ни удлинять его нечего нельзя. Таким образом, я признаю все то великое и прекрасное, к чему, кажется, и относились всегда похвалы православию наших поэтов, наших мыслителей, к чему относится хвала и гордость, *самоуверенность* самого народа. Но «я иду» – это одно; а «к чему иду» – это другое. Вот это-то «другое», к чему мы все идем в своих молитвах, к чему относит свою молитву убогая верующая старушка, к чему иду я *сам* – во всем подобно иконе Константина Великого. Написано: «Св. Равноапостольный царь Константин Великий», а ничего подобного никогда не существовало»...

И все такое же, все, все... Напр., этот священник в серебряной парче как исповедник «религии смирения, убожества и простоты». К чему это? А вот, видите ли, ему надо нарядиться царем и Богом. Иконы «в серебряных ризах», и священник, «в серебряной же ризе». Одна из моих девочек спросила меня на литургии: «Папа, разве это не Бог?» – о служившем священнике; а когда я передал это глубоко чтимому мной священнику о. Николаю Георгиевичу Дроздову, то этот печальный и строгий священник ответил мне: «Оставьте – пусть она так и думает: это – *хорошо*». Во всех литургических моментах, *поскольку они связаны с возвеличиванием священника*, как и вообще во всем иерархическом моменте церкви – проведена хлыстовщина, но не та приватная, за которую ссылают, а «утвержденного образца», как говорят в мануфактурах. И это целование рук, и преклонение, и «разрешение уз земных»... «Женят» по неволе и «разженивают» без воли, совершенно как христы-хлысты в «кораблях своих». Там «все позволено» христу-хлысту: но ведь и у нас «все позволено», вплоть до подмены образов, подделки лиц. И как там, так и тут – не раскаянно. «Для праведника не лежит закона» – говорит создатель духовной консистории, кладя взятку в карман. Но я перехожу к главным чертам храмового зрелища, которые «от века и до века». Почему это все *старческие* образа? Разве одни *старцы* были святы? Почему ни одного младенца, кроме Христа, т. е. почему ни одного младенца человеческого, маленького, вот до возраста, когда начинается время исповеди. Сама же церковь до пяти лет не требует от них исповеди, т. е. считает их относительно безгрешными, так сказать, «естественно святыми». Я произнес слово: «естественно святое». Вот всего «естественно святого» и не любит церковь, не замечает церковь. Она любит, чтить и, наконец, вообще поклонилась чему-то «противоестественно святому», как эти «старцы» на иконах, о которых не я, а небезызвестный Мих. Сопозко поведал в одном из своих печатных писем, что все они «согрешили» грехами, которых имени невозможно назвать в большом человеческом обществе, и я не назову здесь.

Сердце мое за литургией гнетет мысль: да неужели же одни эти *старцы*, со своими какими-то темные грехами, неужели эти отшельники с Афонской горы, взглянув на картину которого на вокзале, один из детей моих спросил со страхом: «Папа, это *чорт* нарисован?» – до того он был грязен, страшен и имел пугающий вид, – неужели только в этом круг святости?.. Очевидно, ибо только *этого* – образа кругом в храме. И вот я ловлю церковь на другом: «эгоизм, сухость». «Сухие, черствые сердца, *ничего в мире* не любящие, кроме *себя и своего*. Что вы почувствовали в звездах на небе? Что почувствовали в цветке в поле? Что почувствовали в младенце человеческом? Наконец, – в семье человеческой?» – Сухим *высокомерным* взглядом мы обвели мир Божий и сказали: «Не надо!». – «Не *он, а мы*. Ну, я допускаю, что мир скверен, по церковному – «во зле лежит». Но как только вы, церковники, сказали это, так с высокомерием своим, этим бездушием и холодностью своею – и провалились в яму, бездну. Церковь определилась для меня, как *злое начало*. Церковь – *зла*.

Да! да! Тогда все сразу объяснится: и инквизиция, о которой ведь не *вздыхают* ни Аскольдов, ни Свенцицкий, – просто не чувствуют этого, ни Серг. Ал. Соллертинский со своим «прогрессом нравственности». Да и никто, из церковников, ни Серафим Саровский, на св. Франциск Ассизский, никто. – «Мы» и «наше». «Вашего» и «чужого» не слышим. «Печется чужое мясо, слышите?» – «Кого? св. Франциска?» – «Нет, Джироламо Саванароллы». – «Это, миленький, не из наших, и его печеного мяса мы не слышим. А вот и житиях и мученическом венце наших угодников не хочешь ли, расскажу тебе (зело чудную) повесть»...

Как только церковь определилась для меня, как *зло*, так понятна мне стала и *фальшь* в шаге и шагах ее, и что она никогда не *раскаивается*. Это одна из поражающих черт в которую, господа, если вы вдумаетесь ночью наедине, вы задрожите от страха. Страшная вещь – *помутившаяся, замешавшаяся* совесть: и вот она-то и *есть* в церкви. – «Вы, Василий и Мария, приходите и покайтесь перед священником». Каждый из нас знает, что уже о восьмилетках священники строго говорят: «Ему время приходиться на покаяние». Я подчеркиваю слово – *строго*. У них все «строго». Ответишь о восьмилетке: «Да он только варенье таскает». «Вот и *грех*, пусть покается». Так. Пусть. Все мы и повинемся. Нет ли, однако, грехов у церкви? Не у церковников, а у *нее* самой в великом ее *целом*? Да вот, господа, печеное человеческое мясо. Ну, ведь до того очевидно, что это – *страшно*, что это – грех, что горели на кострах «образы и подобию Божии». В вареньи ли показаться? – «Да, нужно». – А в человеческом мясе? – «Нет, не нужно, потому что *Я сожгла, Я живыми замуровала в землю, в кирпичные стены: а Я – святая*»...

Господа, чувствуете ли вы ужас этого сознания? Не мерещится ли вам тут что-то совсем противоположное Божественному порядку вещей? Я сам не кончаю своих мыслей. Когда я об этом думаю, сердце мое больно, больно сжимается, я перестаю отвечать самому себе, не хочу дальше думать... По-

тому что я простой слабый человек, хотящий молиться, нуждающийся в молитве: а когда я отвечу себе на вопросы, то – *кому и где* я стану молиться? Наконец, я русский, и определенно и решительно не хочу разрывать с русской землею, с *родными* своими, со *все*м своим. . .

Не хочу разрывать, а разрыв сам лезет на меня. И Аскольдов и Свенцицкий и все здесь присутствующие видят, что открылась как бы пропасть, пустое место, свобода действительно для «нового религиозного сознания»: но мы ничего в нем не можем, мы бессильны. Молиться хочется: а *чему и как* – мы больше не умеем. Страшно ли это, или это – пустое явление? Пусть определяет каждый по мере души человеческой, какая у него есть. Я же думаю, и эту строчку из Евангелия я беру, что нет ничего выше одинокой души человеческой, что она лучше и драгоценнее царств, корон, богатств, даже науки и искусства: всего только *некоторых продуктов своих*, «изделий» досуга своего. «*Спас*ти бы человека – тогда все спасено». О Христе думали, что Он «пришел и спас». Но я с глубокою тревогой в душе и совершенно твердо говорю через XIX век: «Ничего и никого он не спас». Мне указывают на церковь: но тут уж я раздражаюсь громким смехом и отвечаю миниатюрой: «Константина-то Великого подделали». И все – подобное; это – лишь миниатюра, но по «подобию и образу» ее – и все.

Теперь, когда я *позволяю* себе кое-что думать, я останавливаюсь уже совершенно решительно и твердо на ап. Павле, коего учение, так сказать, дало всю ткань для церковно-исторического ковра, по которому «святые» и «учители» вышивали только цветочки. Произношу решительное слово: он не *смел* колебать Ветхого завета и играть такими словами, как «есть духовное и физические обрезание», не смел же. Это страшно. Со словом Божиим не играют, завет Божий нельзя обращать в метафору. С таким каламбуром и я могу сказать священнику: «Не крестите детей моих, не исповедуйте меня» и вообще не совершайте ваших все «видимых» и «осязаемых» таинств: ибо все это «можно понимать и духовно и я именно так и понимаю». Меня за такой каламбур во времена Плеве и Победоносцева попросили бы в Вологду или на Кару; они сказали бы: «Да ведь это есть отрицание *всей церкви*», ибо, действительно, с физикою очевидно связан и дух, смысл. Ну, вот так точно и с «физикою» Ветхого завета, которую ап. Павел на своем гибком языке назвал «обрядовым законом», – с этой физикой *был связан некий дух и смысл*, который со времен ап. Павла и уже самим ап. Павлом был потерян. Потерян и, по недоразумению, растоптан. Мысль моя окончательная заключается в том, что церковь выровнено Слово Божие, Мысль Божия, Тайна Божия, Дело Божие: выровнено гораздо раньше «древней христианской общины», рекомендуемой Свенцицким. И, уже не имея его, уже оставшись без Бога и вне Бога, «община» эта и пошла ковылять по неизвестным путям, все «поправляя» дорогу или «поправляясь» в дороге вплоть до Свенцицкого, «ремонта» коего мы, впрочем, будем ожидать с полным уважением, хотя и без всякой надежды. Доброе пожелание, хорошее сердце: но тут вопрос в мышлении, в соображениях и сообразительности, в которых мы решительно ему отказываем.

<О ГОЛОДЕ>

Обращаем внимание читателей и всех отзывчивых русских людей на напечатанное сегодня на первой странице воззвание преосвященного Дионисия, епископа челябинского. В своей речи в Г. Думе В. Н. Коковцов упомянул, что в Оренбургской губ. «недобор против среднего сбора хлебов выражается колоссальной цифрой 86 проц.». Уродилось меньше седьмой части среднего сбора! Есть уезды, «где с десятины собрано хлеба всего *не больше одного пуда!*». «Наступил голод, – и ужасы его нельзя себе представить», – пишет архипастырь своего христианского стада. Народ обращается к духовенству с мольбами: совершить последнюю литургию: *«Исповедуемся и причастимся, чтобы встретить голодную смерть!»*! Это что-то неслыханное и прежде всего не слыханное по кротости! Где найдутся люди, которые бы не одинолично, а массово в подобном ужасном положении, в этих невыносимых страданиях, были коротки как агнцы и думали о молитве, Боге и об очищении себя покаянием! Узнаём в словах этих великого строителя Русского Государства, Русской Державы, – русский народ. В них сказалось то терпение, которое дало возможность московским царям осмотреться, одуматься, собраться с силами под татарским игмом, – и, наконец, его свергнуть. Без этого терпения Русь погибла бы в судорогах, спазмах, – пытаясь несвоевременно сделать то, что по общему состоянию дел и соотношению татарских и наших сил возможно было сделать только через двести лет. И три или четыре поколения безмолвно смотрели в даль, до которой им было не дожить, и все выносили лишь бы правнуки были свободны. Русь не Польша; *была* не Польша, и за это *теперь* она есть Великая Держава, тогда как нетерпеливая Польша давно исчезла из состава европейских государств.

Адрес: Оренбург, преосвященному Дионисию, епископу челябинскому. Герои не могут, не *смеют* умирать голодной смертью; мы не можем, Русь никогда не позволит умереть своим братьям такого чистого, героического, нравственного настроения. Государство также должно быстро прийти туда на помощь, – но раньше должны кинуться на помощь честные люди. Им легче быстро повернуться, они могут переслать деньги в 2–3 дня.

<ГОЛОД>

Мы от души радуемся, что случай *умирания от голода*, причем умиравшие просили духовенство отслужить им *последнюю литургию перед смертью*, – о чем говорило напечатанное у нас 12 ноября воззвание преосвященного Дионисия, епископа челябинского, – был *единичен*, как это обнаружилось исследованием на месте в ответ на телеграфный запрос г. председателя Совета Министров. Слава Богу, от сердца отлегло: хотя и *единичный*, такой случай ужасен! Не мы одни, но и во всей России русские люди поблагодарят г. Коковцова за столь быстрое распоряжение, за дознание о фактической стороне дела, которое успокоит многих, и за быструю, по телеграфу, помощь, которая была

оказана все же очень бедствующему населению. Этот единичный случай показывает лучше всяких рассуждений, как много мы выиграли с гласностью, с свободой печати, с живостью и открытостью работы парламентского колеса и вообще с тем, что у нас теперь есть. Епископ Дионисий несколько был неосторожен в выражениях, допустивших читателя *обобщить в мысли* единичный случай. Но духовные не так привычны писать; да возможно и то, что добрый владыка был *испуган* хотя бы единичным случаем, все-таки ужасным, ждал повторений его, и соответственно этому испугу своему подал голос в печать. Но это тот случай, где лучше испугаться и преувеличить, нежели продремать дело и допустить очень возможные большие несчастья. Пусть и епископ не тревожится, что он потревожил многих. Будем, господа, бодрствовать *всегда*; никогда не станем останавливать подобных криков; ибо лучше сто раз понапрасну беспокоиться, чем раз проспять подобный возможный ужас. Стремительный образ действий председателя Совета Министров в вопросах о помощи голодающим порука за то, что бодрствующие не будут одиноки.

<ИСТЯЗАНИЕ РУССКИХ СОЛДАТ В ПЕРСИИ>

Боль, ужас и невыносимое опозорение – вот что испытывает русская душа при взгляде на продырявленные черепа и обожженные трупы замученных русских солдат, таких еще молодых, судя по фотографиям... Невыносима мысль, что их могли захватить азиатские дикари, что они были поставлены в положение возможности быть захваченными. Негодует сердце при мысли о нашей дипломатии, нечего вовремя не знающей, ни о чем вовремя не предупреждающей, дремлющей позорно в своих золоченых мундирах и мягких креслах, точно это не русские люди и сама дипломатия – не русское учреждение, кровно слитое с Россиею, со всеми русскими и впереди всего с русским воином. И еще осмеливались иностранные газеты писать о «зверствах русских в Персии» и о насилиях наших воинов над персидскими женщинами, что с первого же взгляда было невероятно, потому что русский воин, он же и русский пахарь, ни разу за два века своей истории не покрыл лицо свое подобною грязью. Но чего не скажут о России жидовствующая заграничная и жидовская русская печать! При взгляде на этих замученных молодых солдат, историческое воспоминание говорит и другое, а как бы англичане или германцы расправились за эти истязания? Но мы, или вернее наше полуиностранное ведомство иностранных дел всего чувствовало себя робеющим перед линией подозрительных и ненавидящих глаз европейских дипломатов, даже когда они смотрят из-за спины азиата. Гибель русских воинов – не случай и эпизод, а следствие того, что этот борт нашего государственного корабля вообще «не стреляет». Мы говорим о всей линии наших заграничных международных отношений. Вся надежда, что эта «серая шинель» оттерпит, отмолчит. Но эти мертвые лица с вывороченными глазами говорят. И живая Россия волнуется, негодует и требует отчета и наказания.

ОБ УЛИЧНОЙ ТРЕЗВОСТИ

У нас обычно представления не имеют, что русский народ – строгий, взыскательный, а в суровые исторические дни и во все постные дни года – и сухой, дерзающий даже «остановить кое-кого» на улице и пригласить к трезвому и достойному поведению «в сии дни». Одно такое письмо я получил и спешу обрадованно поделиться им с «доброхотными читателями» земли русской, – как говаривалось в старину:

«Милостивый государь, В. В.! Когда чувствуешь нравственное угнетение, то невольно чувствуется потребность поделиться с вами мыслями. Великая война и по количеству сражающихся – небывалая, а по зверству кровожадный немец может равняться только разве с Нероном, да, пожалуй, и его превзошел. Сражаются там наши дорогие воины-страстотерпцы беззаветно, так что укорить их никто не имеет права. Но вот полной победы все еще не видно. Невольно напрашивается вопрос: Почему? И вот я пришел к глубокому убеждению и думается мне, что здесь мы, оставшиеся, совершенно не чувствуем, какие нечеловеческие страдания переносят там наши братья и отцы, – и видно это по тому, что веселие здесь в полном разгаре и не совестно нам. Вполне и поистине можно сказать, что мы из православных обратились в кривославных. Кроме того, хочется спросить: нормальны ли мы? И хочется закричать на всю матушку-Русь: Православная Русь, где ты? Ведь ты погибаешь от нравственного разложения и от неверия. Ведь ты потеряла то, что всего дороже, – веру своих отцов. А верой-то и держалась и сильна была Русь православная. Ведь здесь мы, оставшиеся, обязаны, кроме материальной помощи, – помогать, самое главное, молитвой нашим дорогим воинам. Ведь Спаситель сказал: «Просите и дастся вам», а мы что делаем? – утопаем в увеселительных заведениях. Мысль эта меня часто беспокоила, но вот переполнила чашу терпения 28-го июня, когда я шел ко всеобщей в Петропавловский собор и обратно; какая была прекрасная служба, как я высоко чувствовал себя после молитвы. Но вот прихожу мимо Народного дома, Зоологического сада и вновь устроенных разных американских гор и колес. Видя этот освещенный дворец народный, слыша музыку, крик и визг сумасшедших с гор, я подумал: Господи, как мы низко пали, – пощади Ты нас и вразуми. Пост, канун чтимого праздника и война, когда люди должны быть в Церкви, а тут происходит беснование. Время ли? Ведь Народный дом должен быть превращен хотя бы для шитья всего необходимого для наших дорогих воинов, – пригласите желающих, и их нашлось бы много. Не нужно бы строить горы, похожие на крепость, а нужно выделять больше снарядом и патронов. Вообще не время орать во все горло и смеяться беснующим (sic?) смехом сумасшедших, катаясь с гор, когда там кричат от нечеловеческих страданий. Мне скажут: нужно это для того, чтобы уныния не было, – как это говорили в японскую войну. Только может в нас гасит уныние Церковь Православная. Молитва в ней может послать утешение. Только одна она нас может утешить».

Как глубоко!! Да и смешно древний исторический народ (во время войны!!) «развлекать» какими-то «кувырканиями». Посторонитесь, господа «развлекатели», – простолюдин русский не собака и не кошка. Все наши «развлечения» в сущности рассчитаны и имеют в виду хулигана. И плодят «дальше» – хулиганство.

Продолжаю письмо:

«Кроме того, к прискорбию сказать, что некоторые из нашего духовенства – не на высоте своего призвания и исполняют свой долг не по одушевлению к нему, хуже чем наемники. Не будят в народе веру. Не отвлекают в такое время от увеселений. А, может быть, им дана инструкция смотреть хладнокровно на народное разложение».

Ну... разве *немец* дал бы такую инструкцию. Но в неразумье своем некоторые из наших администраторов поступают «по-немецки»... «Широк» русский человек и все «вмещает». Построена же в Луге почтово-телеграфная контора в линиях и в красках (по штукатурке) Альгамбры. Нельзя повторить, а – *есть*.

«Мне думается, – кончает автор письма, – во время нечеловеческих страданий наших дорогих воинов преступление есть утешать себя увеселениями до окончания войны, – а не только в кануны праздников. Вот тут-то и напрашивается мысль – православны ли мы?»

В прежние времена на праздничные дни увеселений не было, – и вот была сильна матушка-Русь и никто не осмеливался поднять на нее преступную руку. Потому что знали все наши враги, что им скажут: «Берегись, Русь православная вся, как один, восстанет и сопровождаемая общею молитвою, – и против чистой веры православного во Всемогушество Божие никому не устоять; и все боялись и не осмеливались вынуть своего преступного меча. От чистого сердца я поставил свечу и помолился у незабвенного Миротворца. Так вот, глубокоуважаемый В. В., – к вам просьба, подумайте, – да, я думаю, вы согласитесь со мной, что – на все время, и не время – пока находится покойник в доме – играть музыку, а если согласитесь со мною, то не напишите ли статью по этому поводу. А то слишком тяжело видеть разложение. Вспомните первое время войны: перед Казанским собором Богоматери пели коленопреклонные «Спаси, Господи, люди Твоя». И после, думается, японской войны трудно начинать было войну, но тут совершилось чудесное – была победа за победой.

Второе событие. Объявлена война с Турцией. Вместе с войсками экзарх Грузии преосвященный Питирим на горе в стену молится с воздетыми руками ко Всемогушему Богу, и Господь невидимо обращает 3 корпуса в бегство.

Вот что значит молитва. А мы и забылись и вместо молитв кричим: «Давай нам сногшибательных зрелищ». А там наши братья пусть страдают. И забыли мы заповедь Спасителя о ближнем, – и о таком ближнем, который нас же защищает от кровожадного врага. И хочется повторить еще раз: не православные мы, а кривославные. Забыли мы Всемогушего Бога, а Господь Бог забывает нас.

Желающий вам всякого благополучия *Обыватель*».

Я очень благодарен почтенному «Обывателю», а, пожалуй, скорее – и почтенному русскому обывательству (ибо голос его один из сонмов таких же) донести до общества его благородное письмо. Из него совершенно ясно видно, каким духом строится русская земля, каким духом она одерживает победы, каким слухом все в ней крепится и держится. Кстати, в словах этих очень хороший комментарий и очень хороший ответ на высокомерно-презрительные слова о русских и России в только что сейчас полученной июльской книжке «Вестника Европы» в статье г. Лазаря Слонимского – «Критический момент». Вот эти слова:

«Каждый народ естественно склонен преувеличивать свои нравственные преимущества перед другими и мы, русские, не представляем исключения в этом отношении. Наши отечественные философы-публицисты часто выдают свои личные взгляды за господствующие и общепринятые в России национальные идеи, вследствие чего получаются явно ошибочные или односторонние выводы. Нельзя отрицать существования у нас целого ряда мучительных национальных вопросов, постоянно напоминающих о себе в таких формах, каких уже не знают другие культурные страны (!!! П. С.). В собственной внутренней жизни России не наблюдаются еще принципы законного равноправия национальностей и вероисповеданий. Как справедливо замечает князь Евг. Трубецкой, «борьба с узким национализмом не только в других, но и в нас самих должна стать нашим национальным делом». Россия должна стремиться к «единению всех племен и народностей в одном могучем и святом порыве»...

Конечно, по окончании войны исполнятся горячие и давние пожелания и князя Евгения Николаевича Трубецкого, и Лазаря Соломоновича Слонимского, и тогда «Обыватель», написавший мне письмо, и Лазарь Соломонович из «Вестника Европы», – оба «объединятся»... в «святом порыве», но – к чему? Один хочет молиться, другой даже не знает, какому Богу и на каком языке молиться. «Да и Бога, вообще, нет». Бога нет и «не нужно», а «нужно» равноправие «племен, вер и народностей». Ибо жизнь отечество – то же, что хороший ресторан, где все равноправно платят и кушают. Хорошо, понятно, я согласен. Но из слов Лазаря Соломоновича несомненно вытекает, что «обыватели» земли русской, которые, в сущности, и построили, и укрепили духом своим эту землю, – со своими особенными и довольно упорными взглядами и пожеланиями, непременно должны отступить назад и даже совсем спрятаться в щель пред гг. Слонимскими и Трубецкими, несущими к нам в Россию «культуру других стран», культуру уравнивательную, равноправную, с американскими горами, с немецким оркестром и, вообще, веселенькую и усладительную.

– Не хочу!! – кричит русский.

– Пхэ, эти русские. Они совсем дикий и некультурный народ и можно ли их слушать.

ПАМЯТИ А. С. СУВОРИНА
(Нечто личное)

С четырех миллионным состоянием, он сидел с прорезанным горлом в глубоком кресле...

Это было так: я вошел, спросил Василия, «можно ли?» – и, получив кивок прошел в кабинет. Нет. Подошел к столу письменному. Нет. Пересмотрел 2–3 книги, мелькнул по бумагам глазом, и, повернувшись назад, медленно стал выходить...

На меня поднялись глаза: в боку от пылающего камина терялось среди ширм кресло и на нем сидел он, такой незаметный...

Если бы он сказал слово, мысль, желание, то завтра это слово было бы услышано всею Россией. И на него все оглянулись бы, приняли во внимание.

Но он тогда уже не произносил никаких слов. 78 лет.

Я поцеловал в голову, эту седую, милую (мне милую) голову... В шее, в движениях головы – то доброе и ласковое, то *талантливое* (странно!), что я видел в нем 12 лет. В нем были (вероятно) недостатки; но в нем не было *неталантливости* ни в чем, даже в движении шеи. Весь он был молод, и всегда был молод: и теперь, умирая – он был так же молод и естественен как всегда.

Пододвинув блокнот, он написал каракулями:

«Я ведь только балуюсь, лечась: а я знаю, что скоро умру».

И мы все умрем. А пока «не перережут горло» – произносим слова, пишем, «стараемся».

Он был совершенно спокоен. Болей нет. Если бы были боли – кричал бы. О, тогда бы другой вид. Но он умирает без боли и вид его совершенно спокойный.

Взяв опять блокнот, он написал:

«Толстой бы на моем месте все писал, а я не могу».

Спросил о последних его произведениях. Я сказал, что плохо. Он написал: «Даже Хаджи-Мурат. Против *«Капитанской дочки»* чего же это стоит?».

Он был весь националист: о, не в теперешнем партийном смысле. Но он не забывал своего Воронежа, откуда учителем (тогдашнего) уездного училища вышел полный талантов, веселости и надежд – в Россию, в славу, любя эту славу России, и чтобы ей споспешествовать.

Пора его «Незнакомства» (когда подписывался «Незнакомец») для меня, по крайней мере, неинтересна. Трогательное и прекрасное в нем явилось тогда, когда, как средневековый рыцарь, он завязал в узелок свою «известность» и «любимость», отнес ее в часовенку на дороге, и, помолясь перед образом, вышел вон из нее с новым чувством: «Я должен жить не для своего имени, а для имени России».

И он жил так. Я определенно помню отрывочные слова, сказанные как бы вслух, «про себя», но при мне, из которых совершенно явно сложился именно этот образ.

Я их не приведу. Нельзя привести по интимному характеру. Но мысль об «узелке» и «часовенке» тогда мелькнула у меня, и связывалась постоянно с именем и существом Суворина. Он знал великое отречение, о котором никогда никому не сказал.

КАК БЫЛ РАНЕН И УМИРАЛ КНЯЗЬ ОЛЕГ КОНСТАНТИНОВИЧ

По книге «Князь Олег». Петроград. 1915 г.

Конечно, это и нужно, и ожидалось, и прелестно в самом себе, что Мраморный дворец в Петрограде, или, пожалуй, гор. Павловск, с дворцом Константина Николаевича и детей его, издали великолепную книгу о безвременно и героически погибнувшем Князе Олеге. Автор книги – неведом. Вероятно, он коллективен. Но в то же время нет сомнения, что книга и собрана, и вдохновлена, и получила материал из «дневников» и «семейных писем!» к отцу, братьям, к сестре покойного Князя, – из рук вообще семьи Великого Князя Константина Константиновича, увы, ныне тоже покойного... Тут трудились, собирали, работали Князь – братья покойного и мать его, Елизавета Маврикиевна, так часто мелькающая в книге трогательная «Мама». Ах, эти матери в нынешнюю войну: вот чье сердце *ломится*. Елисавета Маврикиевна потеряла в эту войну сына, потом – зятя, любимейшего мужа своей дочери – князя Багратиона-Мухранского, и, наконец, последним – мужа, Великого Князя Константина Константиновича. Он, вероятно, не вынес вообще горя, вообще семейных утрат от войны, и хотя сам лично на войне и не был, сердце его сломилось, «пульс» упал и исчез. Не все ли равно, пуля или внутренний надлом сердца? Матери в эту войну: вот, всего третьего дня я, выходя из трамвая, столкнулся с пожилою женщиною, «лицо которой как будто знакомо». И она взглянула на меня и назвала по имени. «Выходите же», и я ее толкнул из трамвая, он в ту же секунду уже двинулся. Электричество горело на Литейном: и взяв меня за рукав, она подтащила к фонарю и вынула из портмоне письмо сына и стала читать... Ее зять тоже убит, оставив жену, т.е. ее дочь, с годовалым ребенком, а сын – в плену, на нем пашут свои поля немцы (т.к. запрягая, за неимением лошадей, в плуг), и при пахоте кормят хорошо. Так он пишет торопливо, карандашом, но это уже подробности и второстепенное, а важно начало письма: оно все состоит из выкриков, почти беспамятных, и такого письма, среди сотен прочитанных, мне еще не случалось прочесть. «Мама! Mamочka! Если бы ты была со мной, если бы ты видела мои страдания... Mamочka, хоть бы мне взглянуть на тебя, мне бы легче стало». Он был ранен разрывной пулей и горел в жару, когда писал. Писем два, и о пахоте он уже объяснил во втором письме. Но эти всхлипывания человека, перелетевшие на бумаге в Россию, – как их забыть. И старая женщина со слезами все повторяла: «Мама! Mamочka», без эпитетов, голо. И сердце ее дрожало, да и у меня дрожало.

Князь Олег видел, кто его застрелил, и как застрелил: в книге подробно рассказано. Эти слова Князя сопровождавшему его врачу: «Гусарам дали знать, что где-то поблизости появилась кавалерийская дивизия. Поехали к ней навстречу и наскочили на разъезд. По приказанию командира, первый эскадрон пошел лавой, затем пошли 2-й и 4-й, 3-й остался при штандарте. Я вылетел вперед и видел, как один из немцев начинает целиться. Заметив это, я повернул к целившемуся профилем, желая его объехать и атаковать сбоку. Раздался выстрел, я почувствовал сильнейшую боль и упал с лошади».

Перед войною Князь Олег ездил по просьбе и поручению Палестинского Общества в итальянский городок Бари, где покоятся мощи Николая Чудотворца, – для присмотра и ускорения постройки странноприютного дома для многочисленных русских паломников, воздвигаемого заботами Палестинского Общества и на средства его. Князь Олег взялся горячо за это дело, и на два месяца ранее положенного в контракте срока закончил постройку.

На возвратном пути в Россию, проезжая через Австрию, он увидел, что она вся наполнена шумом спешной мобилизации. «Не могло быть сомнения, что готовится война с Россией». Но Князь благополучно доехал до границы, отсюда – в Москву, сделал здесь доклад о результатах своей поездки, и 18-го июля был уже в своей любимой Домнихе (княжеское имение), как получил срочную телеграмму от брата: «Мобилизация. Выезжай немедленно. Игорь». Сейчас же он поспешил в Петроград и стал в ряды Гусарского полка, в котором служил. В дневнике он записывает:

«Мы, все пять братьев, идем на войну со своими полками. Мне это страшно нравится, так как это показывает, что в трудную минуту Царская Семья держит себя на высоте положения. Пишу и подчеркиваю это, вовсе не желая хвастаться. Мне приятно, мне только радостно, что мы, Константиновичи, все впятером на войне» (стр. 169).

Князь волновался тем особым волнением, которые мы помним в те исторические дни все. Отметка в дневнике:

«20 июля была нам объявлена Германией война. В тот же день приказано было собраться к 3½ часам в Зимнем дворце»... «Улицы все запружены народом, который кричал при нашем проезде ура! В Николаевском зале был молебен и прочитан манифест. Ура стояло страшное. Я так кричал, что закашлялся. Во время молебна все присутствовавшие пели «Спаси, Господи», а потом – «Боже, Царя храни». Когда Государь подъезжал ко дворцу, вся толпа стала на колени... Все мы плакали от подъема чувств».

Читая эти строки в дневнике юноши-Князя, почти отрока-Князя, – строки, никогда не предполагавшиеся к опубликованию, – чувствуешь в них какой-то совсем другой металл, чем в памятных, тоже «патриотических», заявлениях членов Г. Думы, публицистов, ораторов и вообще политиков, – в те дни, и не только в те дни. Стараясь отдать себе отчет, где здесь разница, находишь, что там «патриотизм» вчера пришел и завтра уйдет, что он – «патриотизм» по минуте, «куда подул ветер», «как сложились обстоятельства», а у Князя это – чувство России, одного из Романовичей, которые сжились с

Россией и Россия сжилась с ними, и они «вместе» в горе и радости, в славе и унижении. Увы, «политики» готовы быть патриотами, когда им от патриотизма тепло, когда патриотизм их греет и защищает, ну, а когда от «патриотизма» холодно, щиплет мороз, ожидает бесприютность? Увы, тогда ни одного «политика» с Россией не останется, все отбегут от нее, отбегут, «где греет». А «династеники» останутся. Это-то Россия и чувствует.

У Князя никакого не было предчувствия смерти. Он все боялся за братьев. Писал: «Боюсь часто за Костю, за Гаврилушку, за Иоанчика, особенно за Игоря, а за себя – нисколько. Что-то мне говорит, что ни одна пуля меня не тронет». Но не так вышло. . .

Князь получил рану при наступлении на Владиславов 2-й гвардейской кавалерийской дивизии. Впереди шли два эскадрона Гусарского полка. Когда эти эскадроны проходили поблизости деревни Шильвишки, то заметили неприятельский разъезд, который и кинулись преследовать. Немцы шархнулись в сторону, но наскочили на 4-й эскадрон Гусарского полка, шедший в голове колонны главных сил. Наши открыли огонь. Немцы опять повернули, но снова встретили эскадрон под командой корнета Безобразова. В этот именно момент Князь Олег, давно стремившийся в дело, усиленно попросился у своего эскадронного командира графа Игнатьева, чтобы ему позволили со своим взводом захватить эту горсть немцев. Эскадронный командир долго не соглашался его отпустить, но, наконец, уступил. Сейчас же и разразилась беда. Преследуя немецкий разъезд, Князь Олег далеко вынесся вперед на своей кровной кобыле «Диане». Вот русские уже настигают отстреливающегося неприятеля. . . Пятеро немцев валяются прочие сдаются; но в это время в Князя Олега целится с земли раненый всадник. . . Выстрел – и Князь упал.

Увы, рана, сгоряча принятая за легкую, оказалась при ближайшем исследовании очень тяжелою, а главное, – может от замедления в операции, которую произвели только в Вильне, уже через двое суток после поранения, – ткани около пулевого хода омертвели и началось общее заражение крови!

Долго, в простой арбе, везли раненого до Пильвишек. Князь очень страдал от тряски и беспрестанно спрашивал: «Скоро ли?». В Пильвишках он захотел непременно причаститься в Св. Таин, говоря, что тогда наверно «легче будет». От Пильвишек до Ковны Князя повез уполномоченный от Красного Креста В.А. Бутурлин. В Ковно встретил его профессор Военно-медицинской академии В.А. Оппель, консультант Красного Креста. Вот впечатления его, как только он вошел в вагон.

«Раненый лежал на спине. Он был бледен, губы пересохли, пульс прощупывался частым и слабым. В общем Князь производил впечатление тяжело больного. О своем впечатлении я сказал доктору Дитману, сопровождавшему Князя. Однако, последний старался меня успокоить, сообщив, что общее относительно плохое состояние объясняется: 1) некоторой кровопотерей, 2) утомлением от переезда, особенно от переезда с позиций до станции железной дороги. Я предложил было высадить раненого в Ковне, но общее жела-

ние склонялось к тому, чтобы сразу ехать в Вильну, дабы проконсультировать с проф. Цеgefон-Мантейфелем. В 7 час. утра выехали из Ковны».

Пульс, поднявшийся было во время недолгой остановки в Ковне, снова упал, как только поезд двинулся. Князь очень страдал, но бодрился, старался улыбаться, временами говорил, временами закрывал глаза и погружался в полусон.

Были боли в правой ноге и чувство стеснения в ней. Появлялось онемение и в левой ноге. «Последнее обстоятельство было подозрительно и не вполне объяснялось наличием правосторонней раны», – замечает проф. Оппель. Но перевязки на ходу поезда нельзя было сделать. Через 3 часа, т.к. в 10 часов утра, прибыли в Вильну.

Раненого на носилках выдвинули из вагона через окно. В госпитале уже все было приготовлено для операции. Полная картина при исследовании дала вовсе не то представление о ране, какое предполагалось.

Советом докторов-профессоров была признана необходимость операции, с заключением, однако, что и она не может гарантировать излечение. Об этом сообщили брату его, Князю Игорю Константиновичу. Ввиду слабого пульса, было опасно производить общее усыпление, и начата она была под местным обезболиванием новокаином.

Операцию делал проф. Цеgefон-Мантейфель, помогли ему профессора Мартынов и Оппель; доктор Дитман присутствовал.

Вскоре больной пришел в себя. Чувствовал себя хорошо. В это время пришла телеграмма от Государя Императора о пожаловании ему Георгиевского креста и телеграмма от Верховного Главнокомандующего. «Нужно было видеть радость Его Высочества, – пишет свидетель, – он с гордостью показывал мне обе телеграммы. К вечеру состояние здоровья не ухудшилось. «Надежда на благополучный исход заболевания чуть усилилась».

Посетившему его в этот вечер начальнику Виленского военного училища генер.-майору Б.А.Адамовичу, вошедшему со словами поздравления с пролитием крови за родину, раненый Князь перекрестился и ответил «Я так счастлив, так счастлив! Это нужно было! Это поддерживает дух. В войсках произведет хорошее впечатление, когда узнают, что пролита кровь Царского Дома». Все слова из письма г.-м. Адамовича Великому Князю Константину Константиновичу. Он прибавляет: «Его Высочество был оживлен и сиял в счастливом для него сознании своих страданий. Мгновениями же были видны подавляемые им мучения.

Дальнейший рассказ находится в воспоминаниях бывшего при князе Н. Н. Ермолинского:

«Около 1 часа ночи мне сообщили, что раненый проснулся. Я тотчас отправился в соседнюю палату и при свете лампы увидел моего дорогого Князя. Он был бледен, как смерть. При виде меня приветливая, но крайне болезненная улыбка озарила его полудетское лицо.

«– Наконец-то, Николаус!.. Господи, как я рад!.. Теперь уж никуда не отпущу!.. Никуда!..».

– Никуда я и не уйду, – ответил я с волнением. – И здесь будем вместе и поправляться вместе поедем».

– Да, да... Будем вместе... И в Домнихе* будем... Помните, как тогда?.. Хорошо это было!..».

Он был убежден в своем скором выздоровлении. Приходилось глотать слезы, чтобы себя не выдать.

– Рассказал ли все Игорь? Ведь Государь мне пожаловал Георгия... Я так счастлив!.. Вот телеграмма... Там на столе... И от Главкомандующего тоже.

«Я сел возле кровати, поправил ему ноги, как он просил, начал разговаривать, но вскоре заметил, что он погружен в забытье. Не могу назвать наступившее состояние сном, так как настоящий сон не приходил еще долго. При всякой моей попытке встать и выйти из комнаты он открывал глаза и останавливал меня на полдороге:

– Ну, вот! Уже ушел... Только что начал рассказывать... Ведь сказал же, что не отпущу, и баста!

Я опять возвращался, садился у кровати и продолжал свои рассказы. Полчаса спустя дыхание раненого стало ровнее. Мне удалось незаметно встать и, несмотря на скрипучие полы, тихонько выйти из комнаты. Я прилег и заснул часа на три. Настало ужасное утро вечно памятного 29-го сентября.

Начиная с 8-ми часом Князь Олег стал беспокойнее. Он беспрестанно просил переключать себя с одного бока на другой и то закидывал руки за голову, то обнимал меня крепко за шею, стараясь сдерживать вырывающиеся стоны. Тем не менее, после перевязки и консультации профессора нашли, что общее состояние здоровья улучшилось и появляется надежда на спасение. Температура у Князя Олега была низкая, а пульс частый, но хорошего наполнения».

Пришла телеграмма, что родители раненого спешат к нему и придут к 5-ти часам вечера. Князь очень обрадовался. Вскоре он захотел мороженого. Послали в кондитерскую. Пока его готовили, он раз 10 спрашивал, скоро ли. Наконец, мороженое принесли, и Н. Н. Ермолинский покормил его с ложки. В 12 ч. профессор осмотрел Князя Олега еще раз и подтвердил, что надежда увеличивается, так как пульс хорош и явных признаков заражения не заметно.

Но около 4-х часов дня положение больного вдруг ухудшилось: дыхание стало чаще, пульс ослаб, появились явные признаки сепсиса (заражения крови), бред. На вопрос, как он себя чувствует, несчастный отвечал:

«Чувствую себя ве-ли-ко-леп-но». При этом, – пишет в воспоминаниях Н. Н. Ермолинский, – язык его не слушался, и он с трудом выговаривал слова. Как только сознание Князя прояснялось, он тотчас же требовал меня к себе, держал рукою за шею, не отпускал никуда, но потом опять начинал заговариваться, кричал, чтобы ловили какую-то лошадь или бросался на бегущего неприятеля».

---

* Деревенька, где Князь проводил время вместе с автором воспоминаний.

Поезд, с которым ехали родители Князя, запаздывал на два часа от чрезвычайного нагромождения пути, между тем, как силы оперированного падали ежеминутно. Вынуждены были давать средства, искусственно поднимающие деятельность сердца, и повторять это через каждые четверть часа. Поили шампанским, делали подкожные впрыскивания. «Чтобы не подавать больному вида о безнадежном состоянии, его уверили, что пьют с ним за скорое его выздоровление, и заставляли его с собою чокаться. Это было поистине ужасно! Мне никогда не забыть этих глотков вина в присутствии умиравшего Князя».

Ясное сознание перемешивалось с бредом. Часов в 7 раненый обхватил своей худенькой рукой мне шею и прошептал:

Вот так... вот так... встретим... встретим... вместе встретим...

Я подумал, сначала, что он бредил, но нет, он говорил со мною о встрече родителей.

Вскоре, не зная, чем еще поднять падавшие силы, профессора решили попробовать новое мучение для умирающего, а именно – вливания в вену руки солевого раствора*. Пришлось держать раненому руки. Операция кончилась, когда приехали Августейшие Родители. На минуту он узнал их. Великий Князь привез умирающему сыну Георгиевский крест его деда.

Крестик Аиапа!» – прошептал Князь Олег. Он потянулся и поцеловал белую эмаль. Крест приколот к его рубашке.

Вскоре больной стал задыхаться. По его просьбе ему подымали ноги все выше и выше, но это не помогало. Обратились к кислороду. После третьей подушки стало ясно, что бедный Князь умирает. По приказанию Великого Князя я позвал священника читать отходную, но по дороге успел его убедить делать это потише, чтобы умирающий не слышал. Началось страшное ожидание смерти: шопот священника, последние резкие вздохи... Великий Князь, стоя на коленях у изголовья, закрывал сыну глаза; Великая Княгиня грела холодевшие руки. Мы с Князем Игорем Константиновичем стояли на коленях в ногах. В 8 ч. 20 м. окончилась молодая жизнь»... (стр. 182–183).

Книга «Князь Олег» не только увековечивает все обстоятельства его смерти и подробности кончины, которые без нее затерялись бы по миновании годов, смешавшись, как пыль, с пылью времен, но и служит хорошую воспитательную службу обществу и особенно подрастающему поколению. Хотелось бы, чтобы учащий персонал наших гимназий, реальных училищ, военных корпусов, епархиальных училищ быстро и энергично воспользовался ею в целях прекраснейшего чтения для воспитанников и воспитанниц. Образ погибшего Князя так героично-прекрасен, вся душа его вообще была так

---

* Это – последнее и самое могущественное средство для оживления сердца. Под действием солевого раствора, производящего раздражения стенок мускула сердца, оно начинало снова биться, то есть снова оживало, будучи уже перед этим мертво. Таковы были опыты с сердцем, вырезанным у убитой птицы. Положенное на блюдо, оно начинало под действием вливания снова пульсировать перед зрителем потрясающего опыта. П. С.

деятельна и жива, смерть его на поле брани так привлекла к нему сердца всех в России, и, естественно, особенно сердца юных, — что, конечно, все кинутся читать эту книгу, написанную прекрасно, с горячею любовью к самому герою, со множеством интереснейших выписок из его дневников, из его недоконченных рассказов, из писем. Юноша готовился пойти по стопам отца: вкус к литературе, влечение к ней, дар поэзии и прекрасного простого русского рассказа — уже выглянули в нем.

XL. «НОВОЕ ВРЕМЯ» (1876–1916 гг.)

I

«Новое Время» было приобретено в 1876 году Алексеем Сергеевичем Сувориным совместно с Владимиром Ивановичем Лихачевым от К. В. Трубникова по нотариальному договору, совершенному в конторе петроградского нотариуса Янкина 16 февраля того же года. 29 февраля, в день св. Кассиана, вышел первый номер газеты за подписью А. С. Суворина и В. И. Лихачева. Появление новой газеты ожидалось в литературном мире с большим нетерпением и всех интересовал вопрос, какого будет направления орган повседневной печати, во главе которого становятся приобретший себе уже широкую известность блестящий публицист коршевских «С.-Петербургских Ведомостей» — Незнакомец — А. С. Суворин. И вот на этот вопрос в № 1 обновленной газеты мы находим ответ в двух статьях — редакционной и в фельетоне за подписью «Незнакомец».

В передовой статье говорится, после разъяснения о значении печати вообще, о ее обязанностях перед обществом:

«При скромном взгляде на наше дело, мы не можем выступать с громкими обещаниями. Сознвая, что дальнейшее развитие России по тому пути, на который она вступила пятнадцать лет назад, зависит от самого общества мы в то же время чувствуем себя членами этого общества и готовы посвятить все наши силы на общее дело. Задача еженедельной газеты — не руководить общественным мнением, а создавать, вырабатывать его при совместном труде с лучшими людьми и деятелями на всех поприщах. В других странах газеты примыкают к различным партиям; у нас это невозможно по той простой причине, что у нас нет партий; служит же выразителем мнений тесного редакционного кружка неизбежно ограниченного и замкнутого, неизбежно впадающего в узкое доктринерство и зачастую смешивающего свои личные интересы с пользой общественной, не представляет для нас ничего заманчивого...

Мы ищем поддержки в среде самого общества, потому что мы верим в русское общество. Ни одно из его новых и старых учреждений, взятое в отдельности, а, следовательно, и не печать сама по себе, не в состоянии выдвинуть Россию вперед в международном состязании

нии, ни также устроить наш внутренний быт настолько удовлетворительно, чтобы всем жилось привольно; но повсюду найдутся светлые личности, устремляющие свои взоры далеко за пределы своих специальных интересов и занятий. Мы считали бы нашу задачу выполненной, если бы эти лучшие люди откликнулись на наш скромный призыв и сделали бы нашу газету своей газетой».

В фельетоне А. С. Суворин дает ответ, почему он выпускает свою газету именно в Касьянов день, какова предшествующая история газеты и что он собирается сделать с «Новым Временем». Он говорит.

Я начинаю свою газету 29 февраля. Но договору с прежним владельцем газеты, я обязан удовлетворить его подписчиков с 1 марта, но 1 марта приходится в понедельник, а понедельник тяжелый день...

Я человек с предрассудками. Как, думаю, начать с понедельника газету, которая и без того подверглась всевозможным треволнениям и перебывала в стольких руках. Это невозможно. Начнем с воскресенья. Оно и с воскресенья тяжело, потому что воскресенье это – день св. Касьяна, которого народ наш называет грозным и про день его говорит: «Касьян на что не взглянет – все вянет. Касьян на траву – трава сохнет. Касьян на скот – скот дохнет. Касьян на народ – народу тяжело». Согласитесь, что не утешительно! Я вовсе не желаю, чтобы трава сохла, скот дохнул, чтоб народу тяжело было. Напротив, я желаю, чтобы трава была сочная, зеленая, обильная, чтоб скота у крестьян было вволю не только для себя, но и для продажи, не за недоимки, конечно, и чтоб народу было как можно легче. Но три обстоятельства меня утешают.

Во-первых, сказано, что Касьян на что ни взглянет – все вянет. Это можно понимать так, что взглянет на нас Касьян – мы и завянем; но мы сами идем к Касьяну навстречу и, стало быть, готовы вынести его взор, каков бы ни был. Кто знает? Быть может, он встретит нас дружелюбно, может быть даже, что эту фразу следует понимать в переносном смысле и думать, что зла в мире оттого так много, что Касьян проявляется только через три года в четвертый и царствует всего один день. Есть ли когда ему на все нехорошее взглянуть, чтобы оно завяло? В один день не много сделаешь, особенно если эту ревизию приходится производить через три года на четвертый... Мир и выходит какой-то дореформенной губернией...

Во-вторых, утешило меня юбилейное обстоятельство. Если утвердится газета, если положен ее существованию в книге судеб долгий срок, то юбилей ее может быть только столетний, а не пятидесятилетний, как теперь положено. Своих потомков, таким образом, я освобождаю на целых сто лет от необходимости испрашивать позволение на празднование юбилея. Конечно, это наследство не Бог весть какое ценное, но, согласитесь, что оно столь же либерально, как триста передовых статей наших газет...

В-третьих, я твердо убежден, что 29 февраля никогда и ни одна газета не зачиналась. Отчего же не попробовать счастья именно в этот исключитель-

ный день, хотя Касьян и взглянул на нас грозно? Может быть, ввиду такой исключительности, он и смиляется над нами и даст нам возможность дожидаться 29 февраля 1880 года. А больше этого и ничего бы не желал, ибо бороться с равнодушием публики, выражаясь атенейским языком, я готов до нового високосного года. Если и тогда она не захочет знать нас, мы соберемся, выпьем за здоровье шампанского и простимся навек.

Говоря серьезно, бороться нам непременно предстоит, ибо ни одна из существующих газет с первого же раза не завоевывала себе общественного внимания. На что А. А. Краевский, опытный и терпеливый журналист, но и он долго боролся, боролся в течение нескольких лет, пока «Голос» не завоевал себе целую массу русских людей, которым без «Голоса» так же трудно обойтись, как без голоса. Этот плохой каламбур ради торжественности минуты вы мне простите.

Нам предстоит борьба, вероятно, более тяжелая, чем «Голос», потому что мы приняли газету при самых неблагоприятных обстоятельствах. Заплатили мы за нее не 60 000 рублей, как объявила «Петербургская Газета»; за подписчиков, оставленных нам, мы ничего не получили, кроме обязанности удовлетворить их с 1 марта до конца года, если они того пожелают. Новой подписки мы ожидать не можем, ибо крупная подписка совершается только один раз в год. Кроме того, прошлое газеты было по большей части таково, что мы отнюдь не можем им хвастаться».

С первых же выпусков газеты «Новое Время», благодаря живым и основательным статьям, благодаря хорошо поставленному в нем отделу хроники, впервые заведенному (К. А. Скальковским) отделу «Среди газет и журналов», благодаря обильным внутренним и заграничным корреспонденциям, а также участию в ней самого популярного публициста «Незнакомца» и таких талантливых его сподвижников, как В. П. Буренин и др., — завоевало себе успех среди читателей и вскоре, в связи со счастливо сложившимися обстоятельствами, заняло прочное место в газетном мире и стало самым видным органом политической печати в России. Тираж ее уже к концу 1876 года значительно вырос и материальное благополучие и газеты, и самого ее издателя и главного руководителя оказались вполне обеспеченными. Уже со второй половины 1876 года В. И. Лихачев, по соображениям своего служебного положения в министерстве юстиции, оказался вынужденным снять с газеты свою подпись, а к концу 1878 года и совсем вышел из предприятия «Нового Времени». С этого времени вплоть до конца 1911 года А. С. Суворин оказался единоличным собственником газеты, успев в течение 33 лет своей энергичной кипучей деятельности создать из некогда захиревшего трубниковского газетного листка колоссальное литературно-общественное предприятие с разными разветвлениями его, назначение которых было обслуживать центральное дело его жизни — газету «Новое Время». И лишь в конце 1911 г., а именно 10 ноября, он, для урегулирования громадного разросшегося хозяйства, решил преобразовать его из предприятия, единолично ему принадлежавшего, в предприятие товарищеское на паях, причем

стоимость всего «Нового Времени» с его фирмой, типографией, книжными магазинами и домами была оценена в 4 миллиона рублей, разделенных на 800 паев по 5 000 рублей каждый. Большинство этих паев по кончине издателя и поныне остается во владении его семейства.

II

Выйдя из недр «Ведомостей» Корша, естественно, Суворин привлек к своему новому делу тех, с кем прежде всего привык работать в этой газете. Такими оказались Виктор Петрович Буренин, Богдан Вениаминович Гей, Лидия Павловна Гей, Константин Аполлонович Скальковский и Софья Ивановна Сазонова-Смирнова. К этим лицам в 1876 году присоединились: Александр Петрович Никольский, Михаил Михайлович Иванов, Вячеслав Сильвестрович Россоловский, Николай Степанович Кутейников, А. Л. Боровиковский и некоторые другие. Особенно выдающуюся роль сыграли в жизни газеты благополучно здравствующие В. П. Буренин, Б. В. Гей и ныне покойный К. А. Скальковский.

Ответственным редактором был сохранен М. П. Федоров, доставшийся, так сказать, по наследству А. С. Суворину от прежних владельцев газеты и оставшийся на своем ответственном посту вплоть до кончины в 1900 году. Таков был первоначальный редакционный состав газеты, причем из числа вышеназванных лиц, А. П. Никольский, ныне видный деятель Государственного Совета, а тогда еще юный студент, нес обязанности по отделу хроники и репортажа. В. С. Россоловский явился деятельным корреспондентом газеты в 1877 году во время Русско-турецкой войны, а затем работал по отделу внутренней политики и отделу провинциальному, и порой нес редакционную работу по выпуску номеров газеты; Н. С. Кутейников по преимуществу работал в провинциальном отделе; М. М. Иванов в области еженедельного музыкального фельетона, театральной хроники, литературной и исторической компиляции и долгое время (после К. А. Скальковского) ведший отдел «Среди газет и журналов». С. И. Сазонова-Смирнова украшала своим именем беллетристические и литературно-общественные фельетоны газеты. С 1877 года в состав редакции вступает Алексей Николаевич Маслов (Бежецкий), который, вооруженный всеми знаниями в области военных наук, прочно ставит в газете ее военный отдел, какой остается в его ведении и поныне. С 1878 года ответственным корреспондентом газеты, исследовавшим по поручению редакции Россию вдоль и поперек, явился А. Н. Молчанов; затем постепенно к газете стали примыкать разные талантливые лица, из которых каждый в своей области и специальности занял надлежащее место и оставил заметный след в жизни газеты. Таковыми явились: в первое десятилетие существования «Нового Времени»: М. А. Загуляев по вопросам внешней политики, перешедшей к А. С. Суворину на это ампула из газеты «Голос»; К. И. Кавос по вопросам иностранной и по преимуществу славянской жизни; В. А. Прокофьев в области ответственного репортажа; В. С. Лялин («Пе-

тербуржец») по хронике столичной жизни; Е. Л. Кочетов («Русский Странник») по отделу внутренних корреспонденций; В. К. Петерсен (А. А-та) по вопросам технических и промышленных знаний и «Маленького фельетона»; И. К. Маркузе – столичная хроника; Л. О. Леванда – корреспонденция из Вильны; Н. Н. Лендер (Путник) по отделу корреспонденций; Ал. П. Чехов (Седой) по общественному репортажу; Г. С. Веселитский-Божидарович в роли корреспондента из Англии; В. Ф. Пуныкович, И. П. Яковлев (Павловский) постоянный корреспондент из Парижа; В. С. Кривенко по вопросам общественной и государственной жизни. В области фельетонов больших и маленьких особенно способствовали успеху газеты С. Н. Терпигорев (Атава), перешедший в «Новое Время» из газеты «Порядок» М. М. Стасюлевич; А. А. Дьяков-Незлобин («Житель»), Ф. Д. Вишневский (Черниговец), Д. Н. Кайгородов, П. П. Гнедич (Старый Джон), С. С. Татищев, С. Н. Шубинский (исторический фельетон), Ф. И. Булгаков, ведший в течение многих годов обзор новостей иностранной жизни в области науки, литературы и искусства, Д. В. Аверкиев, В. Н. Ильи́менский, В. Г. Исполатов, Н. Н. Каразин, А. Д. Курепин, М. И. Пыляев, О. Н. Чюмина и мн. др.

Вот те главнейшие силы, которые выносили на своих плечах успех «Нового Времени» в первое десятилетие его существования, составляя ей репутацию по всей справедливости наиболее интересной, живой и популярной русской столичной газеты, завоевавший себе в короткое время своего существования влиятельное положение как в России, так и за границей. Но кроме названных лиц немало успеху газеты содействовали и многие выдающиеся представители русской литературы и науки. В первый год возникновения «Нового Времени» А. С. Суворину дружески протянули руку содействия М. Е. Салтыков (Щедрин) и Н. А. Некрасов, сделавшие небольшие вклады в газету. Затем газету украсили своими именами Н. И. Костомаров, напечатавший в ее приложениях свой знаменитый роман «Кудеяр». На ее столбцах впервые появился в роли романиста Д. Л. Мордовцев со своим романом «Царь и гетман» (см. «Еженедельное приложение», 1879 года), написанный специально по заказу А. С. Суворина, склонившего Мордовцева – публициста и ученого исследователя – к беллетристическому творчеству и давшего даже его роману свое заглавие. Рядом с этими именами мы встречаем и ряд других – А. Н. Майкова, Я. П. Полонского, гр. А. А. Голенищева-Кутузова, С. В. Максимова, Н. С. Лескова, К. С. Максимова, гр. Е. А. Салиаса, Н. Морского (Лебедев), К. К. Случевского, И. Ф. Горбунова, Н. А. Лейкина и мн. др. В области научных статей мы встречаем имена К. Н. Бестужева-Рюмина, В. И. Ламанского, Я. К. Грота, К. Я. Грота, Ор. Ф. Миллера, Д. И. Иловайского и мн. др., из которых имя каждого являлось своего рода приобретением и украшением для газеты, причем необходимо отметить, что А. С. Суворин, питавший с юных лет любовь к русской исторической науке, особенно охотно уделял место именно статьям исторического содержания как оригинальным, так и компилятивным.

Серьезным вопросом при поставке газетного дела был вопрос о хорошо оборудованной типографии. На первое время А. С. Суворин остановился на старой, довольно известной тогда типографии Траншеля, в которой газета и печаталась в течение первого года под техническим руководством скромного в то время и мало известного фактора С. Е. Добродеева, последнего издателя «Сына Отечества» и «Живописного Обозрения». Но для газеты такого масштаба и такого интенсивного содержания, как ее ставил А. С., типография Траншеля с ее устаревшими машинами и порядками оказывалась малопригодной, а потому уже с середины 1876 года Суворин приступает к постановке собственной типографии с усовершенствованными, выписанными из-за границы машинами. Забота в первое время по сему предмету была возложена на В. И. Лихачева. Вся организация предприятия была осуществлена в 1877 г. вкуче с А. С. Сувориным и В. И. Лихачевым, братьями А. П. и П. П. Коломниным, из круговых которых последний и стал во главе новой типографии «Нового Времени» в Эргелевом переулке в доме № 13, где она благополучно пребывает и поныне.

Надо отдать справедливость П. П. Коломнину: суворинская типография поставлена была им блестяще и в скором времени завоевала себе в столице репутацию лучшей петроградской типографии, в совершенстве обслуживая как свою главную задачу – печатание газеты, так и все прочие издания А. С. Суворина, которые уже в первое десятилетие его издательства достигли, можно сказать крупной цифры. Только благодаря так прекрасно поставленному типографскому делу А. С. Суворин мог, по справедливому выражению проф. Кирпичникова, стать у нас в России «Наполеоном издательского и книжного дела».

В 1884 году при типографии была основана первая в России частная школа для учеников типографского дела, из которой вышел главный состав нынешних типографских рабочих газеты. Во главе типографии до 1900 года пребывал П. П. Коломнин, которого сменил инженер В. Р. Васмунд; после его смерти во главе дела был поставлен старый деятель типографии А. И. Непуюков при ближайшем сотрудничестве нынешнего управляющего сотрудничества нынешнего управляющего типографией И. Ф. Богданова. В 1908 году служащие типографии, как равно и петроградского книжного магазина и конторы газеты «Нового Времени» была устроена бесплатно амбулатория с выдачей лекарств, находящаяся в заведывании особого доктора.

Рядом с заботой об упорядочении печатания газеты для А. С. Суворина немаловажным вопросом был вопрос о правильной постановке конторского дела молодого издания. Под высоким наблюдением В. И. Лихачева этой стороной дела занялся А. П. Коломнин, который с 1878 года и становится во главе всего нововременского хозяйства и руководителем финансовой стороны все разрастающегося издательского предприятия Суворина. А. П. Коломнин явился в совместной работе с ним его настоящей правой рукой, на

которую обмеренный многочисленными заботами и трудами, стареющий, но вечно бодрый издатель «Нового Времени» мог спокойно опираться в полной уверенности, что его молодой сотрудник достойно оправдает оказанное ему доверие. И действительно, Алексей Петрович был душой всего нововременского хозяйства, был тем дальновидным умом, который проникал во все нужды, порой изъяны и недостатки этого хозяйства, спокойно направляя сложную материальную жизнь «Нового Времени» в необходимое для его благополучного существования русло.

Контора «Нового Времени» на первых порах была устроена по Невскому проспекту в д. № 44, во втором этаже, при книжном магазине «Для иногородных» М. П. Надеина; отсюда оно совместно с основанным книжным магазином переведена была в 1879 году на Невский проспект в доме Волкова (№ 64); потом (в 1881 г.) по Невскому же проспекту в доме Лихачева в 1883 г. на угол Невского и Михайловской в нынешний дом Волжско-Камского банка, а с 1898 года в нынешнее ее помещение в дом Армянской церкви. Невский пр., д. № 40. Все последние переезды контора совершала совместно с книжным магазином, вследствие чего между ними образовалась как бы неразрывная органическая связь. Во главе конторы в первые два года стояла Софья Ивановна Щеглова, скончавшаяся в 1879 г. от чахотки. Помощницей ее была Полина Яковлевна Леонтьева, которая после смерти С. И. Щегловой и заняла ее место, явившись по всем хозяйственным и финансовым вопросам «Нового Времени» ближайшей сподвижницей А. П. Колominiна. Труд, который несла и поныне несет Полина Яковлевна, громадный, и ее аккуратности, трудолюбию, любви и знанию дела хозяйство «Нового Времени» обязано чрезвычайно многим. Помощницами ее в настоящее время являются О. А. Евангулова и Е. А. Егорова. Старейшими служащими по конторе вместе с П. Я. благополучно здравствующими являются С. К. Гертнер и В. А. Эвиссон.

Таким образом, по типографии гг. Богданович и Терский, а по конторе г-жи Леонтьева, Гертнер и Эвиссон в день сорокалетнего юбилея газеты «Нового Времени» оказываются сверстниками по службе с газетой.

Будучи с юных лет любителем книги, А. С. Суворин до конца своих дней сохранил пламенную любовь к книжному делу, и издательство книг играло в его жизни, как о том было уже упомянуто выше, крупную роль. Именно в интересах распространения книги в России им был основан в 1878 книжный магазин при содействии управляющего варшавской конторой магазина Черкесова, Н. Ф. Зандрока. Здравствующий и поныне Н. Ф. Зандрок управлял магазином «Нового Времени» до 1884 г.; на смену ему, когда он перешел на деятельность иного характера, в управление всего книжного дела А. С. был назначен старший сын М. А. Суворин, а после его отъезда за границу приглашен знаток русской книготорговли, бывший управляющий книжного магазина Вольфа в Гостином дворе, популярнейший в Петрограде старик Федор Иванович Колосов, остававшийся во главе магазина до 1904 г. После его кончины в этом году магазинами управлял короткое время М. П. Чехов,

работавший до того в железнодорожном контрагентстве. С 1905 года во главе книготорговли «Нового Времени» стоит Яков Климович Кормилицын, до того заведовавший харьковским отделением книжных магазинов А. С. Суворина. Эти магазины имеются, кроме петроградского, еще в Москве, Харькове, Ростове-на-Дону и Одессе.

В 1883 году Сувориным было приобретено от Лянтнерта за 10 000 рублей железнодорожное контрагентство, оперировавшее на линиях главного общества российских железных дорог – по железным дорогам Николаевской, Варшавской и Нижегородской. Контора контрагентства в первое время помещалась на Малой Итальянской улице в доме № 38: затем она перешла в помещение главного петроградского книжного магазина, оставаясь, однако, учреждением совершенно автономным. Во главе контрагентства стал старший сын Суворина, нынешний главный редактор газеты «Новое Время» Михаил Алексеевич Суворин.

Значение и книжных магазинов, и контрагентства для распространения газеты «Новое Время» было велико. Это были могущественные рычаги, при посредстве которых она проникала в массу потребителей газетного и книжного материала и в провинцию в особенности, сродняя таким образом и имя А. С. Суворина, и главное дело его жизни – газету «Новое Время» – с читающей и мыслящей Россией.

Обращаясь к обзору книгоиздательской деятельности Алексея Сергеевича, мы видим, что он является в роли самостоятельного издателя уже в 1872 году выпуском «Русского Календаря», который, таким образом, ныне вступил в 45-й год своего существования. Затем став во главе «Нового Времени», он в 1879–81 годах присовокупил особое еженедельное приложение под названием «Еженедельное Новое Время». Это литературное приложение не только для своего времени, но и для настоящих дней, когда расплодилось столько всяческих литературных макулатурных приложений, издание примечательное, богато своим обильным научно-литературным материалом, доставлявшим читателям полезное и интересное чтение. На смену этим еженедельникам в 1881 году пришел ежемесячный «Литературный Журнал», коего было выпущено одиннадцать книг формата in octavo. Многие из авторов, поименованных нами как сотрудники газеты «Новое Время» за первые десять лет ее существования нашли место своим произведениям именно на столбцах этих добавочных к «Новому Времени» еженедельных и ежемесячных приложений, как, например, Мордовцев, Бежецкий, Брикнер, Морской, С. Максимов, И. Горбунов и мн. др.

В 1881 году эти издания приложений прекратились. А. С. Суворин приступил с 1880 г., совместно с Сергеем Николаевичем Шубинским, к изданию историко-литературного журнала «Исторический Вестник».

За 33 года своей издательской деятельности А. С. Сувориным были изданы частью полностью, частью в отдельных сочинениях больше 400 русских и иностранных (в переводе) авторов.

Главному успеху газеты, кроме личного таланта ее руководителя и хорошо подобранного литературного состава сотрудников, на первых порах способствовало то славянское движение, которое с 1875 года вылилось в герцеговинское восстание, перешло на следующий год в Сербско-турецкую войну и закончилось Освободительной Русско-турецкой войной 1877–78 гг. В то время, как старые газеты, напр. «Голос», отнеслись к славянскому движению отрицательно, А. С. Суворин взял в своей молодой газете под защиту это движение и явился проводником в русское общество лучших славянофильских тенденций. О его роли в славянском освободительном движении было говорено достаточно на столбцах «Нового Времени» в 1912 году, №№ 13102 и 13163. Интересующихся отсылаем к отмеченным статьям, а скажем лишь, что и Сербско-турецкая, и Русско-турецкая Освободительная война потребовали от «Нового Времени» значительного напряжения редакционных сил, и издатель не пожалел средств, чтобы обставить осведомительную часть своей газеты на высокую степень совершенства. В качестве корреспондентов на театрах военных действий побывал сам Суворин, Буренин, Скальковский, Россоловский, а также был привлечен к работе в «Новом Времени» составивший уже тогда имя выдающегося беллетриста Вас. Ив. Немирович-Данченко, полная захватывающего интереса корреспонденция которого читалась подписчиками и покупателями газеты наперебой. Заслуживала внимания и талантливая корреспондентка Каирова. Славянолюбие газеты, ее патриотический подъем, осведомленность в области военных событий, в области вопросов внешней и внутренней политики быстро поставили ее на особую высоту и к ней настолько приковалось внимание как русских общественных сфер, так и заграничных, что М. Г. Черняев, имея в своем распоряжении собственную газету, посылал, однако, корреспонденцию с театра Русско-сербской войны не в свою редакцию, а именно в «Новое Время». Последнее стало давать тон общественной жизни, а ее удачные полемические битвы с противниками обнаружили весь блеск и богатство сосредоточившихся в ней литературных сил. Независимость от разных бюрократических канцелярий придала ей характер особой свежести и смелости, благодаря чему уже не ей пришлось прислушиваться к голосам сильных мира сего, а наоборот. Всякий успех рождает зависть и злословие, а потому вместе с нарастанием у «Нового Времени» числа друзей нарастали и кадры ее противников, коим и национализм ее речей, и патриотизм чувства, и независимость от старых шаблонов в суждениях стали поперек горла...

Следующим важным этапом к достижению успеха и влияния в стране для «Нового Времени» был период нашей внутренней смуты, когда страна была потрясена кровавыми эксцессами террористов и в особенности, когда она облеклась трауром по случаю трагической кончины императора Александра II. Призывы газеты А. С. Суворина к бодрости правительства, к общественному успокоению, к сознанию долга, обязанности и любви к родине пришлось особенно по сердцу всем русским людям, и газета, ставшая в дни

славянских движений столь близкой читателям, сделалась им еще ближе и дороже, как выразительница лучших чувств русской души.

Третьим моментом, который мы считаем чрезвычайно важным в жизни газеты, было ее отношение к новым веяниям, проявившимся в нашей внутренней политике со вступлением в должность министра внутренних дел графа Н. П. Игнатьева, когда на авансцену русской действительности выплыла тенденция к созыву земского собора и к переходу от строя «приказного» к строю законосовещательному. Здесь А. С. Суворин оказал новому министру внутренних дел существенную идейную поддержку. В эти дни вольнолюбивых мечтателей «Новое Время» снова показало себя на высоте политического момента и доказало обществу свою независимость от обветшалых и устаревших принципов казенной власти...

Важную услугу оказало «Новое Время» правительству, когда среди некоторых членов высшего общества было образовано тайное сообщество, известное под наименованием «Священной дружины», самозвано принявшее на себя прерогативы правительства по наблюдению за общественным политическим благонаравием и присвоившее себе права сыска и надзора за поведением российских граждан.

Статья А. С. Суворина в «Нов. Вр.» № 2422 «Политическое плутовство, или не мытьем, так катаньем» произвела в сферах действие разрывного снаряда: против газеты ополчились все, кто был причастен к «дружине» или входил в ее состав, и судьба газеты очутилась под грозной опасностью. Но... как ни влиятельны были «легисты», какие пружины ни были пущены в ход в борьбе с талантливым публицистом, его сторону принял гр. Толстой, в ведении которого состояла пресса: гроза миновала газету, а меткое перо ее руководителя убило наповал «дружину».

Можно было бы привести еще немало моментов из жизни «Нового Времени» за первое десятилетие его существования, в которых обнаружилась сильная работа газеты на пользу родной земли, но рамки краткого юбилейного очерка не позволяют нам слишком распространяться, и мы полагаем, что сказанного достаточно для того, чтобы понять, развиваясь какими путями, при каких условиях и при наличии каких сил газета А. С. Суворина из безличного и захиревшего листика Киркора, Шульгина, Нотовича и Трубникова превратилась в могущественную общественную силу, влиятельную и в общественных сферах, и в сферах правительственных. Поэтому нет ничего удивительного, что когда наступило десятилетие издательства «Нового Времени» А. С. Сувориным, день 29 февраля 1886 года оказался не только редакционным, но отчасти и общественным праздником, приковавшим к себе внимание не одних сотрудников и литературных сил, причастных и родственных по своему направлению газет, но и широких кругов ее читателей и почитателей.

Большой промежуток, 15 лет, когда А. С. Суворину пришлось уже при более торжественной обстановке отпраздновать 25-летний юбилей газеты, отмечается главным образом обилием новых литературных сил, появляющихся на страницах газеты.

За указанный период, кроме лиц, в начале настоящего очерка названных, в числе сотрудников газеты появляются: К. М. Фофанов, И. Л. Леонтьев (Щеглов), Л. К. Попов (Эльпе), Н. М. Ежов, Ант. П. Чехов, А. В. Амфитеатров (Old Gentleman), Г. Т. Северцев-Полилов (Фантом), В. А. Тихонов (Мордвин), А. Н. Будищев (Ориоль), М. М. Коялович, И. Н. Потапенко (Фингал), С. Н. Сыромятников (Сигма), Д. Н. Бергун (Вестун), Ф. Э. Ромер, В. В. Розанов, Н. А. Энгельгардт, М. Н. Мазаев, Н. К. Мельников, В. П. Сватковский, А. А. Пилленко, А. А. Плещеев, И. А. Гофштеттер, Н. А. Демчинский, Н. Н. Вентцель (Бенедикт), П. М. Неужин, Ю. Д. Беляев, В. Г. Авсеенко, Н. И. Кравченко, А. И. Косоротов (Сторонний) и мн. друг.

Участие некоторых из названных лиц в газете явилось, что называется, своего рода событием в ее жизни, например, Антона Павловича Чехова, которого «Новое Вермя» или, правильнее, сам А. С. Суворин открыл русским читателям и дал ему возможность развернуть в полном блеске его крупный талант. Полные жизни и содержания воскресные фельетоны А. Амфитеатрова, а перед тем еще бытовые беллетристические фельетоны Сергея Атавы (Терпигорева) и фельетоны на общественные темы «Жителя» (Дьякова), а затем последовавшие фельетоны Фингала и Сигмы придавали газете особенную литературность.

И особенно яркими звездами на столбцах газеты сверкали «Маленькие письма» самого А. С. Суворина, пользовавшиеся особым обаянием изяществом своей формы, своим своеобразным «русским стилем», своим остроумием, своей манерой суждений, своей широтой взглядов, своим проникновением в душу читателей. Эти «Маленькие письма» могут быть рассматриваемы, как выдающиеся произведения нашей словесности и политической литературы, на которых в духе любви к родине воспитывались целые поколения.

Русская жизнь с каждым годом становилась сложнее за этот пятнадцатилетний период, в 1894 году одно царствование сменило другое, и газете, как выразительнице широкого общественного мнения, приходилось порой разрешать самые серьезные вопросы русского государственного и общественного бытия, брать на себя серьезную ответственность перед родиной и выносить тяжелые испытания. И во все радостные и горестные дни отечественной жизни она не спускала своего национального знамени и превыше всего всегда ставила интересы родной земли, русского народа, с его Верховным Вождем во главе русской государственности. А. С. Суворин твердо стоял и зорко следил за интересами России и, по отзыву многих его почитателей, являл своей газетой совесть и здравый ум всего русского народа.

Так благополучно руководя сложным газетным, книжным и издательским делом, заслуженный издатель «Нового Времени» дождался и 25-летнего юбилея и мог воочию убедиться, как велико значение и его самого, и его газеты в русской действительности.

У постоянных читателей «Нового Времени», вероятно, еще в памяти описание этого пышного праздника, на котором публично было засвидетель-

ствовано значение газеты «Новое Время» в жизни русского общества, отмечена ее работа на пользу родины, на благо ее государственности и народа.

Юбилей этот прошел при несколько видоизмененном составе редакции. За смертью М. П. Федорова редактором газеты состоял Ф. И. Булгаков; кроме того к этому же времени относится и уход из газеты нескольких прежних сотрудников, частью устроившихся в другие газеты, частью выступивших во главе собственных органов печати.

После его кончины в 1911 г. на должность редактора газеты был приглашен Михаил Николаевич Мазаев, начавший работать в «Новом Времени» с 1900 г. и ведший до тех пор отдел «Среди газет и журналов», перешедший к нему от В. Ф. Боцяновского, свое время занимавшего М. М. Иванова. М. Н. Мазаев продолжает совместно с М.А. и Б.А.Сувориными нести свой редакционный труд и поныне в роли второго редактора газеты встречает ее сорокалетний юбилей.

Что касается еженедельных приложений, то таковых одно время при газете издавалось два: по средам и субботам, в редактировании коих, сначала в роли помощника Булгакова, принимал ближайшее участие К. С. Тычинкин. После смерти Федора Ильича К.С. единогласно стал во главе субботних приложений.

Как уже было упомянуто выше, в 1900 годах в составе сотрудников произошли значительные перемены, на смену ушедших пришли или заняли ответственные места в газете новые даровитые силы, продолжающие работать в ней и ныне. Из числа таковых должны быть отмечены: М. О. Меньшиков, В. В. Розанов, А. А. Столыпин, А. А. Пиленко, К. В. Валишевский, А. М. Ренников, Е. А. Егоров, А. Н. Ксюнин, И. В. Никаноров, Алексеев (Брут), Кладо, П. П. Перцов, Н. Вильде и многие другие. Совершенно исключительное положение разносторонностью своих писаний занял М. О. Меньшиков, которому А. С. Суворин предоставил право широкого собеседования с читателями, как воскресному фельетонисту, так и автору статей ответственных по государственным и общественным вопросам, причем почтенный публицист не был издателем газеты стеснен в выражении своих собственных взглядов и проведении их на столбцах «Нового Времени» даже в тех случаях, когда эти взгляды не совпадали со взглядами и мнениями редакции газеты и некоторых ее ответственных сотрудников; вследствие этого получалось иногда, что на столбцах ее развертывалась своеобразная полемика, давшая основание утверждать, что «Новое Время» есть своего рода «парламент мнений», где каждому предоставлено право своего суждения и независимого голоса. В последнее время, однако, наблюдается исчезновение со столбцов газеты этой своеобразной внутренней полемики, и газета нивелируется сообразно общим редакционным директивам.

Рядом с некоторыми отмеченными выше новыми течениями, в жизни редакции были произведены и некоторые реформы в области хозяйства газеты, где на первом месте должно быть отмечено установление, по инициативе М. А. Суворина, центральной бухгалтерии, в интересах упорядочения всей

разросшейся по разным отделам денежной отчетности предприятия А. С. Суворина.

Отметим попутно, что со стороны А. С. Суворина были в девятисотых годах две попытки основания газеты в Москве – «Московского Телефона» (1904–07 гг.) во главе с покойным Табурно и «Русской Земли» (1906–09 гг.) во главе с Глинкой-Янчевским, но обе эти попытки оказались неудачными, так что в скором времени их пришлось ликвидировать.

Крупным явлением в общей жизни «Нового Времени» было и основание осенью 1911 года вечерней газеты в Петрограде – «Вечернее Время», во главе которой стал третий сын А. С. Суворина – Борис Алексеевич. Вторым редактором ее был приглашен К. П. Медведский. В газету вступили как некоторые из сотрудников «Нового Времени», так и других изданий. «Вечернее Время» быстро завоевало себе выдающийся успех. Ныне газета вполне окрепла. Даже в смысле финансового успеха, тираж ее, несмотря на повышенную в связи с военным временем розничную плату, достиг крупной цифры 120–130 тысяч номеров ежедневно. На следующий год после основания А. С. Сувориным «Вечернего Времени» оно, как и прочие литературные предприятия, перешло в собственность товарищества.

V

Девятисотые годы были тяжкими годами в жизни нашей страны, годами, полными тревоги и перелома в нашем государственном строе. Русско-японская война, так называемое освободительное движение, наконец, знаменательный манифест 17 октября 1905 г. с установлением в России законодательных учреждений и объединенного министерства требовали от руководителей повседневной печати особого напряжения, работы, проявление большого политического такта, государственной и общественной мудрости и умения ориентироваться в сложных событиях современности. Надо отдать справедливость А. С. Суворину, что испытания, выпавшие на долю нашей родины, не согнули его боевой натуры, не понизили его творческого духа и вызвали в нем новый приток жизненной энергии и духовных сил, давших ему возможность стать, как публицисту и руководителю первой в России по своему значению и влиянию газеты, на должную высоту исторического момента. Всем еще памятны его полные, охватывающие душу, пылкие патриотические речи во время злосчастной для нас Русско-японской войны, когда старый публицист, вселяя в читателей бодрость, будил в них веру в жизненные силы России, в ее мировое призвание. В дни общего горя и смуты, когда, казалось, самое государственное историческое бытие России потрясено было до основания, он, как испытанный маяк, указывал в своей газете заблудившимся и маловерным правильный курс для уразумения совершающихся событий и раскрывал перед читателями достойные России горизонты жизни. Можно сказать, что в эти тревожные годы, с 1904 по 1907, А. С. Суворин на закате свой жизни допевал свои лебединые политические песни и звуки этих песен сладостно и глубоко

ко волновали души читателей. Он твердой рукой держал газетное кормило, выводя ее из высовывающихся из-под взбудоражившейся водной стихии рифов и отмелей, и, таким образом, не поступаясь ничем из своего политического катехизиса, выработанного за многолетнюю жизнь, дал возможность «Новому Времени», сообразуясь с народившимися условиями государственной и общественной жизни, сохранить свою позицию русской национальной и патриотической газеты.

Мы опускаем здесь детали и отдельные эпизоды тогдашней жизни, как они слагались в хронологическом порядке, – восстановление их в памяти читателей значило бы составление здесь новейшей русской истории, что, конечно, не входит в задачи настоящего очерка. Нам важно было лишь отметить, что Алексей Сергеевич сумел создать огромный орган печати, к голосу которого внимательно прислушивались далеко за пределами России, и передал своим преемникам созданное им газетное дело и все свое громадное культурно-просветительное предприятие, на фронте которого стояла общая вывеска – А. С. Суворин – «Новое Время», непоколебленным и крепко и талантливо созданным.

Конец первого десятилетия нового века оказался для создателя газеты неблагоприятным. Его могучий организм дрогнул, тяжесть лет погнула его плечи, и закон жизни заволокся тучами болезней и страданий. Но эта жизнь успела все же послать ему последний прощальный привет, последнюю ласку и улыбку, которые бросили яркий свет на пройденный им путь труда на пользу дорогой ему родины. Отпразднованный им, хотя и против его воли, но по желанию его многочисленных почитателей, его 50-летний литературный юбилей оказался той блестящей заключительной главой жизни, где были подведены итоги всему тому, что им было сделано на благо России.

Так как его личность неразрывно связана с главным его жизненным делом – газетой «Новое Время», то многое из того, что было сказано на этом юбилее по личному адресу, имеет и ближайшее отношение и соприкосновение и к самой газете.

После юбилейного торжества все ожидали, что в «Новом Времени» появится какое-нибудь «Маленькое письмо» А. С., где он так или иначе отзовется на все принесенные ему приветствия и выражения добрых чувств, но такового «Письма» не последовало. Перо могучего публициста точно сломалось, и он литературно замолк. Теперь из опубликованных данных о болезни почившего писателя мы узнаем, что вероятной причиной того был надвинувшийся на него тяжелый недуг, что у Алексея Сергеевича обнаружилось сначала заболевание голосовых связок, которое перешло в неизлечимую болезнь рака, сведшую его в могилу 11 августа 1912 года.

Но прежде чем сойти с жизненной сцены, А. С. Суворин успел реформировать все свое предприятие и преобразовать его в паевое товарищество.

10 ноября 1911 года состоялось учредительное собрание товарищества, на котором согласно уставу были выбраны главным редактором газеты «Новое Время» М. А. Суворин и членами совета: В. П. Буренин, Б. В. Гей,

Н. П. Шубинской, П. Л. Барк, Б. А. Суворин и Н. В. Снегсарев, на коего было возложено заведывание делопроизводством и бухгалтерией товарищества. После смерти А. С. Суворина председателем Совета был избран В. П. Буренин и к настоящему сорокалетию юбилею газеты состав совета таков: В. П. Буренин, М. А. Суворин, Б. А. Суворин, М. М. Иванов, Б. В. Гей, А. И. Гучков и Н. П. Шубинской.

Главным редактором газеты остается М. А. Суворин, а редакторами-помощниками его: Б. А. Суворин и М. Н. Мазаев, секретарем реакции пребывает Н. И. Афанасьев. Состав сотрудников газеты по-прежнему многочисленный. Приводим более или менее полный список его:

В. А. Алексеев, К. Г. Алексеев, С. К. Андронов, С. С. Антонов, В. М. Андерсен, Л. Н. Афанасьев, Н. И. Афанасьев, О. Н. Бербенко (Болгария), А. П. Богачев, А. Е. Богдановский, Ф. Ф. Борнгардт, В. П. Буренин, А. А. Бурнакин, Ю. Д. Беляев, К. Ф. Валишевский (Nice), Н. Н. Вентцель, Д. Е. Вергун, Г. С. Веселитский-Божидарович (London), Н. Н. Вильде, Н. И. Вознесенский, Б. В. Гей, В. В. Гейман, С. П. Глазенап, В. А. Гофштеттер, И. А. Гофштеттер, Л. А. Грудзинский, С. П. Добрачев, Е. А. Егоров, Н. М. Ежов, Н. Ю. Жуковская, Н. И. Жухин, М. М. Иванов, Д. Н. Кайгородов, И. М. Калинин, М. А. Каллаш-Гаррис, С. К. Коростелева, А. И. Коростелев, Н. И. Кравченко, В. С. Кривенко, А. И. Ксюнин, П. Р. Кук, Е. М. Левшина, А. П. Липранди, Г. А. Магула, И. Ф. Мануйлов, С. С. Марк, А. Н. Маслов, Н. К. Мельников, М. О. Меньшиков, Я. Я. Наумов, И. В. Никаноров, В. И. Николаи, К. Д. Носилов, В. П. Опочинин, И. Я. Павловский (Paris), Н. С. Павловский, Н. Н. Пенчковский, П. П. Перцов, М. П. Петров, А. А. Пиленко, А. А. Плещеев, И. Н. Погнорелов, В. Полевой (New-York), В. А. Попова, Л. К. Попов, В. А. Прокофьев, А. С. Резанов, Н. И. Рогозинников, П. И. Рогозинников, В. В. Розанов, В. И. Рудич, А. М. Селитренников, В. И. Семенов, Г. А. Симаков, И. Б. Смольянинов, Ю. О. Сосницкий, А. А. Столыпин, Е. Е. Тевящев, А. П. Тупин, К. С. Тычинкин, Е. А. Философов, Б. А. Хилетинский. Ф. М. Чеботарев, А. И. Шаталов, С. И. Шаталов, Н. А. Энгельгардт, Б. В. Юрлов, Д. Г. Янчевецкий.

Директором-распорядителем по хозяйственной части ныне состоит Б. А. Суворин, помощником которого является А. И. Грамматиков. Во главе типографии стоит по-прежнему И. Ф. Богданов; заведующим обширной цинкографией и фотографией – Г. А. Магула; управляющим домами товарищества, заведующим машинной частью типографии и экспедицией Н. Н. Непенин; во главе конторы П. Я. Леонтьева; управляющим магазином – Я. К. Кормилицын.

Под руководством совета товарищества «Нового Времени» хозяйство продолжает крепнуть, рост газеты – подниматься, и, несмотря на многочисленные произведенные за последнее время расходы, употребленные на улучшение типографии, приспособление домов к нуждам газеты, на разные амортизации, доходность наследства А. С. Суворина остается значительной.

Сама же газета ведется при указанном выше составе сотрудников в том же направлении, как завещал А. С. Суворин. Текущая мировая война потре-

бовала от нее значительной мобилизации корреспондентских сил с театра войны, и в этом отношении газета в полной мере идет навстречу ожиданиям своих читателей.

Несколько сотрудников «Нового Времени отдали свою жизнь родине в рядах нашей доблестной армии. Таковы: гг. Рогозинников, Коншин, Б. Подёрский, Соловьёв, Молодзинский, Тютчев. Да будет им вечная память!

«РУССКИЙ БИБЛИОФИЛ»

Le bibliophile russe. Основанный
Н. В. Соловьёвым.

І. Петроград. 1916 г.

Ах, эти «библиофилы» – сущие поэты. С лупой в руках, не видя политики, «общественности» и проч., – они наклоняются над священным «мусором прошлого», что-то там делают, как-то там копаются: ворчат, бормочут. Бегут в типографию, что-то шепчут наборщикам: и в срок, когда «нужно» – в те часы и дни, когда сами они блаженно почивают, отдыхают от трудом, конечно, «праведных», перед читателем являются великолепные страницы, виньетки, рисунки карандашом и пером, извлеченные из старых, заветных библиотек, архивов...

Тот век прошел, и люди те прошли;
Сменили их другие; род старинный
Перевелся: в готической пыли
Портреты гордых бар, краса гостиной,
Забытые, тускнели; поросли
Дворы травой, и, блеск сменив бывалый,
Сырая мгла и сумрак длинной залой
Спокойно завладели... Тихий дом
Казался пуст; но жил хозяин в нем –
Старик худой и с виду величавый,
Озлобленный на новый век и нравы...

Так цитируешь из Лермонтова, просматривая в великолепном издании «Русского Библиофила» альбом князя А. М. Белосельского (1753–1809 гг.): этот его «Vademecum»*, куда он заносил во время путешествия в Италию свои заметки и вшивал множество получавшихся им писем от великих людей политики, литературы и философии того красочного века, – века пудры и кафтанов, учтивостей, великолепия и сменившего их буйства и отчаяния революции. Одно из писем путешественника, написанное в Петербург, случайно попало в руки Екатерины, и она надписала на нем: «Вот превосходно написанное и еще лучше продуманное письмо, – где же искать людей, если

---

* «Путеводитель» (лат.).

его автора оставлять без дела? Я приказала принести мне список вакансий и назначу его к какому-нибудь иностранному двору». Письмо это, написанное Екатериной по-французски, воспроизведено в facsimile в «Р. Библиофиле». Так же воспроизведены из Альбома автографы Бомарше и Бернардена де-Сент-Пьера, а равно два рисунка сепией Томона, прелестный «Ангел, играющий на лире» Виже Лебрёна, известного художника – портрет Вольтера, идущего в меховой шапке и шубе, присланных ему Екатериной для защиты от швейцарских горных ветров, и... в ночных домашних туфлях!! Портрет превосходен по верности, экспрессии и живости движений. Мастер слова, В. А. Верещагин, ставит перед ним историческую эпитафию:

«Альбом закрыт и едва ли откроется когда-либо вновь; он исчерпан, исполнив свое назначение. В ярких и жизненных красках он восстановил перед нами заманчивый облик одного из вельмож екатерининского времени с тем обаятельным владычеством, которое они умели себе присваивать в обществе и на которое современное им общество отвечало благородным покорством. Это сознательное покорство испытываем и мы, знакомясь с их увлекательным бытом.

Где же теперь эти великолепные вельможи: Шуваловы, Разумовские, Белосельские, Румянцевы, Хованские, Бутурлины, Новосильцевы, образованные и талантливые, поражающие нас разносторонностью знаний, удачно соединявшие блеск живого ума с утонченными формами, мишуру и шумиху придворного быта с искрой священного пламени? Их нет и не будет; конечно, и удивляться их отсутствию нечего. Прошли те условия, при которых могли выливаться воплощавшие их стройные формы. Русская жизнь, устающая всегда от усилий, охладела, утомленная творчеством. И потому, может быть, что нет таким людям возврата – отголоски их прошлого манят улыбочивой ясностью, величавым изяществом барства и ослепительным блеском существования».

А в самом деле, что же такое случилось? А что-то такое случилось. Мы можем ярко отметить грань 14 декабря 1825 г., после которой Шуваловы и Хованские как-то отходят вдаль, в тень, а к свету и жизни, наконец, в сухой служебной деловитости – вызываются Клейнмихели, Дубельты, Бенкендорфы, Нессельроде, Гирсы. Событие на Сенатской площади дорого обошлось русскому дворянству. Это – еще падение, после стольких уже; еще «лес рубят – щепки летят». Все переменялось, в формах и духе. Быстро все стало очинививаться и обмещаниваться. Уже не фарфор и мрамор, а железобетон, железные дороги, гигантские мосты. Русь явно переодевается в новое платье, – платье мастерового. Историки вздыхают. Но, конечно, не они делают историю. Пришел Витте и даже уже успел умереть. Совсем другой дух, – какой-то американско-одесский.

Как музыка звучит того же автора и статейка о выставке французских и английских гравюр XVIII века. Тема молодит автора: и пишет будто не человек, почти пожилой, а юноша 17 лет.

Великий князь Николай Михайлович отыскал в бумагах Государственно-го архива список книг, избранных для великого князя Александра Павловича, его воспитателем Лагарпом, и с его замечаниями, – и предложил его «добро-

хотным читателям» «Русск. Библиофила». находка очень ценна в историческом отношении. Книги – почти все на французском языке, ибо тогда «цивилизация» сливалась с «Францией»; и очень немного их на немецком языке. Поразительно любопытны и волнуют заметки Лагарпа для царственного ученика о таких «современных» книгах, как «Contrat social», «L'origine de l'inégalité parmi les hommes»* Ж. Ж. Руссо. Кроме истории и мемуаров, в состав списка книг входят трактаты по финансам и торговле.

Так «Русский Библиофил», основанный (приснопамятным) Н. В. Соловьёвым», – продолжает нести на спине своей драгоценные сокровища минувших царствований и эпох уторопленным и суетным современникам.

ИЗ КНИГИ «ЧЁРНЫЙ ОГОНЬ»

ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ «ПРИВИВКАХ»...

Желая пролить на историю некоторый философский свет и вместе подвести фундамент под свою правительственную программу, премьер-министр перед лицом третьей Думы высказал, как он думает, аксиому, заимствованную из ботаники: «Никто не прививает к дереву цветов, взятый с другого дерева».

Это он сказал о конституционалистах, и в устах его афоризм звучал таким смыслом: «Нельзя пересаживать к нам конституцию, и правительство не может пойти навстречу общественным усилиям в этом направлении; оно парализует, остановит их. Подобные усилия вредны».

Слова эти, как некоторое философское откровение, вызвали настоящий энтузиазм в известной части прессы. Множество журналистов без мысли в изречении премьер-министра нашли мысль, которую они могли начать жевать. Газеты и журналы охранительного направления казались, – по крайней мере сами себе, – поумневшими, повторяя на тысячу ладов этот биологический закон, будто бы прививки с одного организма невозможны на другом организме...

Спор этот очень давний в русской литературе. Он занимает ее с тех самых пор, как существуют партии славянофилов и западников, и можно думать, что в этом давнем теоретическом русском споре П. А. Столыпин является сравнительно новичком.

Только этим можно объяснить глубокую неудачу выбранной им иллюстрации. Во-первых, «comparaison n'est pas raison», нельзя глубоких вопросов решать, кидая сравнениями, взятыми наудачу из ботаники, технологии или откуда-нибудь. И особенно этими блестящими сравнениями нельзя фехтовать на том поле, на котором посеяны слезы, пот и кровь народная; где зарыты интересы народные... Таково именно было поле, на котором стояли партии Думы и правительство в день министерской декларации.

---

* «Общественный договор», «Происхождение неравенства между людьми» (фр.).

Но оставим лирику и обратимся к науке. Что же именно говорит ботаника, взятая в роль гувернера истории?

Она именно говорит, что прививки *благодарны*; что они *нужны*, что без них часто *дела нельзя поправить*. И что вообще ничего худого от прививок не происходит, а происходит бездна добра. Да, природа добрее и универсальнее, чем иногда готовы быть политики, работающие над человеческими массами; а старые садоводы иногда более знают, чем их «господа», берущие для своих речей примеры из сферы скромного их труда. Кто же не знает *прививки черенками*, через которую дикие или грубые породы деревьев, породы некультурные, приобретают их листья и благородные свойства культурной породы, *приняв в ствол свой кусочек, вырезанный из другого дерева*, которое само и уже в длинной генерации предков было культурно. Это – то самое, о чем говорит П. А. Столыпин, – и говорит, как он сам не может не видеть, очень неудачно. Прививается обыкновенно «глазок», например со сладкой яблони к кислой, с нежного грушевого дерева к приносящему жесткие и безвкусные плоды.

И то дерево, которое неизмеримо больше объемом, чем величина привитого к нему «глазка», все перерабатывается в соках своих благородными соками этого маленького вставленного в него кусочка. Тут мы наблюдаем благородную уступчивость худшего перед лучшим. И, наконец, мы наблюдаем ... я чуть не сказал «человечность», мы наблюдаем общность, единство, универсальность и, хочется сказать, «братство» в частях неодухотворенной, но живой природы.

Можно ли предположить, что эта возможность пересадок, прививок сузится, а не расширится, когда от бездушных деревьев мы перейдем к разумному человеку? Не есть ли «прививка» вообще всякая педагогика? У премьер-министра есть дети, и он может подумать над этой нетрудной педагогической проблемой. Перед произнесением своей декларации во 2-ой Госуд. Думе он так трогательно подошел под благословение к еп. Евлогию и поцеловал у него руку, вероятно, желая подать членам Думы – зрителям – пример уважения к религии: в это время не поклонился ли он, не преклонился ли он перед носителем греческой прививки на русской почве, за которой стояла еще другая и более древняя прививка, снятая в Палестине с народа семитического племени и перенесенная в Грецию и Италию на племена европейские. Без «прививок» не совершилась бы вся всемирная история, не сложилась бы общечеловеческая цивилизация. «Прививка», ее существо, ее благодарные и удивительные законы суть истинный дар Бога земле: тот дар, без которого земля, народы и история не могли бы получить лучших своих плодов, не в силах были бы выработать их или выработали бы неизмеримо медленнее, труднее и вероятно неудачно.

Что же отвергает премьер-министр и чему обрадовались наши наиболее дикие слои, печать и общество? Эти слои озлобленно обрадовались, что ничто ни от кого нельзя «прививать», и, в сущности, никому и ничему не следует «учиться». Так как в самом деле прививка есть только материальная форма

учения. Не умеем судить, больше ли в этом обрадовании лежит невежества Митрофана или грубости Собакевича: кажется, персонажи Фонвизина и Гоголя дали оба кое-что от себя каждого «истинно-русского человека», отказывающегося учиться, перенимать и подражать. Но если этим господам ничего подобного не нужно, то прививки нужны несчастному русскому народу: прививки религиозные – каковою было христианство в X-м веке, науки и искусство в XVIII в., великие гражданские прививки в половине прошлого века, и вот теперь настала пора великой политической прививки, которая в сложности составных частей своих именуется «конституционным строем».

Конечно, можно отвергать алгебру, «так как она есть изобретение арабов», до некоторой степени «нехристей», и запретить себе ходить в театр и оперу, так как это во всяком случае «не чисто русские произведения». Митрофан может без многого обойтись. В сфере гражданской Митрофану и его дядюшке Скотинину чрезвычайно претила отмена крепостного права. Мы уверены, всем «мертвым душам», далеко не похороненным сполна Гоголем, поперек горла встала не «чисто-русская конституция», которая имела бы, конечно, лучший вкус и запах, если бы сохранила то элементарное существо свое, определенное Щедриным, по которому «гарантией русской свободы было соперничество министров», попросту «подсиживанье» и «подвохи» их друг другу, во время которых и в сети которых кой-как проскальзывал карась-обыватель, проскальзывал, дышал и оставался жить «не спеша». Вот эта «русская конституция» была бы очень приятна тем бессарабским и вообще южно-русским депутатам, которые в «доброе старое время» округлили свои имения и которым не хочется ничего из них потерять в «новые северные времена». Так все это великодушно... И все «по-русскому», «по-православному»...

Одни бегут прививки, другие бегут к ней. России нужны хорошие условия существования; она так много терпела, что этих лучших условий она дожидается нетерпеливо... Россия ожидает, из 17-го октября она надеялась, что мудрые садоводы сделали к мощному, но грубому, невзрачному, необработанному организму ее политическую прививку, вставили в него вот этот «глазок» – конституцию, взятый с других деревьев более старой и зрелой культуры. П. А. Столыпин заявил, что это не «прививка» и что «прививки» не будет; что «прививка» будет задержана или расстроена. Наконец, что она «вредна»... Политика (в значительной доле) в его руках. Но он сделал вторжение в науку и философию, где его нужно остановить: «прививки» никогда не вредны и всегда удачны. И по той очень простой причине, что громадные человеческие массы, живущие страданием и терпением, относятся с неизмеримой благодарностью ко всему, что им облегчает их положение, их состояние, откуда бы это облегчение ни шло, от еврея, грека, римлянина, кельта или германца, и как бы оно ни было сделано, в какой форме и с каким именем. Страдание смягчает. Вот эта-то мягкость внутрикультурного сношения, поскольку оно не есть слова и дела чиновников, а продукт выработки самих масс, – эта мягкость и делает совершенно возможным перенесение не «цвет-

ка», конечно (почему именно «цветок»?), а вообще кусочка чужого организма в организм родной, свой, туземный. Департаменты горды, и они такую «прививку» выбросили бы или попытались сбросить с себя. Но почему-то о них и думают вообще, что департаменты «устарели»... А народ и общество – они ищут «прививки», благодарят за нее, и тем или иным путем, – но в конце концов и получают ее. Народ русский ждал. дождался. И не словам повернуть дело назад, в какой бы салат их ни завертывал повар-ботаник...

В. Варварин

*Адрес автора: С. Петербург, Большой Казачий пер., дом 4, кв. 12.
Василий Васильевич Розанов.*

ИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО РОССИИ

Читаю с необыкновенным интересом и поучением длинный ряд статей Б. Б. Глинского в «Историческом Вестнике» – «Эпоха реформ» и «Террор». В самом деле, ничего нет полезнее, как разом в одном обзоре схватить эту длинную цепь событий, начавшуюся с такого «горчичного зерна» и развернувшуюся в такие ужасы.

Интересны и мелочи, интересно и целое.

В «целом» отмечу следующее. И пусть не судят меня либералы, если я скажу то, что думаю вне шаблонов обычного литературного суждения. Скажу, как у меня подумалось на душе, когда я читал статьи «на сон грядущий», т. е. мою мысль «про себя», «не вслух».

Прежде всего у меня шевельнулась жалость к императору Александру II. Именно по поводу двух случаев: 1) – в утро подписки манифеста 19 февраля он вышел к тогда еще маленькой и любимой своей дочери Марии Александровне и, подняв ее на руки и целуя, сказал: «Я пришел расцеловать мою дочурку в самый счастливый день моей жизни». Это так человечно, так душевно и искренно, что было бы хорошею строкою во всякой биографии. И не будем завистливо отнимать у трона того, что ему принадлежит: не будем уже потому, что ему не завидуем, не будем, наконец, тогда отнимать, если его отрицаем.

Что кому принадлежит – пусть принадлежит.

Этот случай я сопоставляю с другим: всего года через два после 19 февраля приехал в Петербург один из губернаторов. На аудиенции Государь стал спрашивать: «Как у тебя в губернии?» Он изложил «благополучие» и в особенности, что все так благодарны Государю за его «великодушие». Государь взволновался и стал ходить по кабинету. «Ты сам не знаешь, – ответил он, – Россия мною недовольна». И с мрачным чувством, не негодующим, но глубоко горьким, он опроверг оптимизм своего служаки, может быть, недалеко, может быть, льстивого, а может быть, не думавшего и просто «отстаивавшего» тяжелые минуты аудиенции.

Кто знает. Кто разберет.

Бог с ним, с губернатором. Хочется заглянуть в *Царя*.

Судя по словам, сказанным им в большом собрании министров и сановников о колебавшемся вопросе освободить *ли* и *как* освободить крестьян: «Я так хочу, требую, повелеваю», – несомненно, что крестьяне наши свободно обязаны лично Александру II. Это есть его *личный* подарок крестьянству. Не может быть оспорено, что, склонись его желание, хотя бы *внутренно, сокровенно*, в другую сторону, на сторону крепостников, – и свобода крестьянству вовсе не была бы дана, или дана была бы без земли.

Но если это *так* – а несомненно это *так*, – то как должно было отозваться в сердце его, что освобождение крестьян приписывалось... большею частью Тургеневу и его «Запискам охотника», Юрию Самарину и славянофилам, «мировым посредникам 1-го призыва», Николаю Милютину, Ланскому, Ростовцеву, и кому угодно еще: а Государь будто бы только «подписал» и вообще «уступил требованиям времени». Все *активное* его, все личное его, настояще-великодушное и *совершенно-свободное* в его сердце было кем-то и как-то, очень скоро, отодвинуто в сторону, как внутренне неважное, внутренне несущественное. За всю жизнь мою я не прочел ни одной *неблагодарной* строки в печати относительно «мировых посредников 1-го призыва», Ланского, Ростовцева и роли в реформе Тургенева и его «Записок охотника». Все, что касается *лично* Александра II, то, по крайней мере в либеральной и радикальной печати и в либеральном и радикальном обществе, о нем в отношении крестьян и их освобождения говорилось кисло, неопределенно и неохотно. «Ну, освободил, – ну, что же, пришло время... Вы что стараетесь: орденки себе выслуживаете?» Этот тон, парализующий искреннее чувство лично к Государю, царил везде, по крайней мере я за всю мою жизнь только его и помню. Ничего больше. Ни одного настоящего слова, настоящей благодарности.

Так я помню про себя. В провинции, в столице. Гимназистом, студентом, чиновником, писателем. «Тургенев освободил крестьян», или, под сурдинку, у каждого, особенно у литератора: «освободили крестьян – это мы, литераторы, или вообще интеллигенция. Мы скорбели, жаловались, кричали. И крестьян не могли, не смели не освободить».

Без штемпеля и распространено, – мысль была именно эта. И мы ужасно гордились. Вся литература целиком приписала *себе* освобождение крестьян. Смысл этого – аксиома печати. Нельзя так определенно, как я это говорю, не выговорить это, но думают *именно так* все.

И, читая Б. Б. Глинского, я перенесся в душу свою:

Как бы я почувствовал в себе, если бы то настоящее доброе дело, какое я сделал и никто, *кроме меня*, сделать даже не мог, – незаметно, исподволь, косвенно, умолчаниями, оговорками стали приписывать совершенно другим, которые, в лучшем случае, «пахали», как та муха, которая сидела на рогах мужика. *Добро, доброе дело* – это, в сущности, и есть вся собственность царей. Так как все остальное принадлежит им *наследственно*, и только

добрая воля и добрый поступок принадлежит им лично. И у Александра II была отнята величайшая его собственность. Зачем, к чему?

А результаты этого были неисчислимы. Ибо кто омрачает сердце царей, омрачает судьбу народа.

Ведь это так. И совершенно невольно.

* * *

Вторая «общая мысль» касалась Чернышевского. Известно, что он был арестован и сослан «без повода». Это дало толчок бесчисленным обвинениям по адресу власти, «осудившей и наказавшей человека без определенного криминала». На это негодовал, между прочим, историк С. М. Соловьёв. Да и вообще тогда и потом негодовали бесчисленные лица.

Негодовал и я.

В изложении Б. Б. Глинского мелькнула одна фраза Чернышевского: «меня ни за что не поймают и потому, что я не сделаю никакого прямо незаконного поступка». И еще: «Чернышевский держался очень конспиративно, — и когда волновавшиеся в Петербурге (по какому-то поводу) студенты хотели с ним говорить, как с вождем молодого движения и своим кумиром, он сухо отказался и не принял даже выборов от депутации». Вообще он держался постоянно «в стороне» от резких событий. Между тем решительно вся волна движения шла от него, и, наконец, он прямо подымал ее. Глинский не дает полного очерка деятельности Чернышевского, и даже *прямо* почти не говорит о нем: прямые деятели — другие. Но именно потому, что он *прямо* не говорит, что на это имя он не делает никакого *нажима*, а только во всех важных случаях замечает, что нити происходящих событий как-то и почему-то все уходят и теряются возле редакции «Современника» и квартиры Чернышевского, становясь тут неясны, перепутаны и неисследимы, убеждаемся вполне в аксиоме: «Да не будь Чернышевского, не было бы в России и революции», не было бы ее как не угасавшего полвека подземного пожара, вроде ужасного горения торфяников, которое и потушить нельзя, потому что как же залить водой землю, и как же гасить то, чего и не видишь, границ и распространения чего не знаешь. В Чернышевском была смешана та доля практичности и та доля литературности, которая весь пожар и вызвала: Герцен был слишком блестящий писатель, слишком эстетический человек, слишком художник пера и слога, чтобы подействовать, толкнуть, создать событие.

Сладко... Еще перечту...

Эти убийственные слова, приложимые ко всякому великому литератору, лишают действительности все *настояще-великое* в литературе, которое переходит в гипноз, грезы, сладость и дрему читающего. Для «действенности» нужны писатели «поплотше», 2-го сорта.

Таким и был Чернышевский, гениальный работник пера. Работник, а не художник. Работник, а не мыслитель. Статьи его, понятные гимназисту, ненужные для старика, смешные или презренные для философа, были факелами, бросаемыми на улицу. И решительно — они зажгли все. Тут именно мера

смешения, трагично – очень боялись департаментские сферы, которые он уличал мелочами; им, как великим стилистом, зачитывались писатели со вкусом. Но что он мог дать гимназисту, студенту, «стриженной девице», бежавшей от родителей или мужа? Увы, без таковых революция просто не может подняться. Не может подняться без элемента, очерченного Пушкиным в «Братьях разбойниках»:

Не стая воронов слеталась
На груды тлеющих костей...

Не недовольные же чиновники, не отставные министры «из Кутлеров» и не «фрондирующие профессора» полезут на баррикаду, «дадут в морду» городскому, что необходимо же как зацепка для революции, подставят под удар лоб; отсидят десять лет в тюрьме: для этого надобны мальчики, пламенные, неумные, без учения, без воспоминаний, без традиции и привычек, без дома и семьи, «бежавшие» и вообще на положении «разбойников». Но их надо соединить; одушевить и бросить к великой цели, предполагаемой великой. Это и сделал Чернышевский, и, больше всего, совершенно как в свое время два-три «Discours»* Руссо. То же действие во Франции – гениальных речений, в России – плоских, банальных, но в высшей степени общедоступных слов. «Что делать» в своем роде «Конек-горбунок» революции. Усвоится в полчаса: а программа действия на всю жизнь. «Перелом убеждений» полный...

Чернышевский и произвел этот «перелом».

Когда начались в Петербурге известные пожары и вообще везде разошлась тревога и волненье, то правительство закрыло «Современник», а «ни в чем не виновного» Чернышевского выслало.

Вслух я, конечно, никогда бы не сказал, но, читая все это «на сон грядущий», невольно прошептал:

«А ведь правительство вовсе уже не такой ничего не понимающий болван-солдафон, как обыкновенно его представляет литература и «воспоминания». Действительно, против Чернышевского никакой улики не было. Но и Соловьёв, негодовавший на его высылку, говорил: «Разве можно, без улики и сознания, высылать лицо с таким огромным общественным значением, за которым идет вся молодежь». Это собственные слова Соловьёва, записанные в воспоминаниях его сына, философа. С другой стороны, Глинский передает слова Чернышевского, интимно сказанные в своем кружке: «Меня ни за что не поймают, я не дам улики и повода провести себя». Таким образом, что же выходит? 1) Движение есть, огромное, опасное, перешедшее в пожары, т. е. в истребление имущества третьих, неповинных людей. Все это ярко передано в «Бесах» Достоевского, в той заключительной картине пожара фабрики, которую «без улики» и прямого действия зажег Петруша Верховенский. 2) Центр движения исходит от Чернышевского, как формулировал и Соловьёв, которому принесли весть об аресте автора «Что делать»; как со-

---

* «Рассуждение» (фр.).

знавали это все боровшиеся литературно против «Современника». 3) Но центральное лицо движения «никогда не будет уличено», как самоуверенно сказал о себе Чернышевский. Из этого сопоставления что же вытекало?

Конечно, если сказать пожарам – «продолжайте дальше», то из сопоставления этого не вытекало ничего другого, как гасить каждый пожар в ту ночь, когда он загорелся. Пожары горят, а пожарные тушат. Хорошо и нехорошо. Нехорошо тем, что нет общей мысли, как справиться с волнением. Конечно, может быть, вовсе и не надо было «справляться»: но дело в том, что правительство, как *сущее*, как наличная *общая власть*, ответственная перед торговцами Апраксина рынка за то, что горит их имущество, никак не могло остановиться на философическом тезисе, что «пусть совершается все, как совершается, истина неизвестна, и я, как Пилат, умываю руки или тушу отдельные пожары». Такое философическое положение невозможно для *ответственной сейчас* власти, от которой сейчас *ждут*, и тогда она, по формуле С. М. Соловьёва, да, в сущности, и всей литературы, соглашающейся, что тогда «все шли за «Современником», закрыла его, а «главное действующее лицо» (с этим все тоже согласны) выслала «без вины, преступления и улик».

В море – волнение. Отчего? Ну, оттого, что ветер. Во всяком случае «не волны виноваты» – их подымает ветер. Конечно, можно было бы ну хоть «виноватый ветер» сечь плеткой. Но капитан приказывает лить масло «на ни в чем не виноватые волны». Осудим ли мы его?

Есть лихорадка – прописывают хину.

Волны – льют масло.

Это «симптоматическое лечение» и «симптоматические меры»: борьба против осязаемых явлений, которые угрожают жизни.

Но Чернышевский вызвал «волнение». Этого никто не отрицает, с этим все согласны. Тогда правительство «прекратило» его.

Не хуже и не лучше, но все-таки гораздо гуманнее, чем революция поступила с Людовиком XVI.

На суде говорили жирондисты: за что же вы хотите его судить: до конституции он не совершил *crime*, ибо был безответственен, а после конституции если и совершил зло, то по конституции, т. е. виновны в этом вы, Национальное собрание и Конвент.

Тогда Робеспьер произнес знаменитую формулу:

«Людовик должен быть казнен *не по вине своей*, а *чтобы* не было больше монархии». Не по мотивам причины, а по мотивам цели.

Мотив *цели* – вообще есть административный мотив и притом единственный. Им только администрация и отличается от суда, действующего по мотиву причины, повода, наказуемого.

Но революция отняла жизнь у короля; русское государство только выслало журналиста.

Русское общество и печать, конечно, не за Людовика XVI, конечно, не против Конвента: но отчего же оно так волнуется на «немотивированность» высылки Чернышевского? В обоих случаях суть дела была совершенно ясна.

Опасность и угашение опасного лица.

Ужасные коллизии, ужасные из-за совести: но кто хочет их избежать, не берись за политику. Политика вообще есть «чортово пекло». Но кто-то должен в нем мешать кочергой и рисковать опасностью сгореть.

Правительство вторгается тут «по положению», ситуации. «Таков жребий», может быть, и своими руками взятый, но уже давно. Но Чернышевский совершенно добровольно лично и от себя сунулся сюда... И был обожжен, как вообще все «жжется» тут.

ПОЛИТИКА И ОШИБКИ ТОНА

Совершилось самое горькое, самое печальное, что вообще можно было ожидать: рабочие на некоторых заводах, изготавливающих военные снаряды, объявили забастовку и прекратили работы; т. е. ставят нашу армию, которая ни на один день, ни на один даже час не может задержать стрельбу, – уже по той простой причине, что в нее стреляют, – под вражеский расстрел. Сегодняшнее объявление Управляющего Петроградским военным округом предупреждает, что этот отказ от необходимых для армии работ повлечет за собою самые грозные последствия для отказывающихся и бастующих. Нам хотелось бы всеми силами разума и сердца сказать рабочим, что они как можно скорее должны отказаться от своего решения и стать на работу. Нет сомнения, что эти забастовки находятся в связи с роспуском Г. Думы, – и являются как бы отомщением или угрозой за этот роспуск. Но здесь рабочие нарушают свой гражданский долг, ибо выступают арбитрами, судьями не подлежащих их суду и разбирательству авторитетов. И действие их так же оскорбительно, в сущности, для Думы, как и для правительства. Если рабочие суть арбитры, то и каждый частный человек и всякая приватная людская масса может выступить в такой же роли арбитра и судьи. Тогда все и всех могут судить, и получается не правильная гражданственность, а хаос и бессмыслица. Рабочие суть граждане: а долг гражданина во время войны всячески защищать и охранять свое отечество, и блюсти особенно строго те границы и формы, в которые поставлен каждый гражданин.

Оборачиваясь назад, к источнику этого несчастья, – надеемся самого кратковременного, – т. е. к временному перерыву занятий Г.-Думы, мы не связываем этот перерыв с образованием в Думе коалиционного большинства («блок»), как это высказывали в качестве частного своего мнения некоторые правые члены Думы, – а приписываем его неосторожному и неблагоприятному тону, каким сейчас же после образования своего заговорил этот блок. Когда выработалась его программа-минимум, то в газетах был употреблен термин, конечно, вышедший не от самых газет, а от членов этого блока, о том, следует ли эту программу «предъявить правительству как ультиматум», или просто частным образом осведомить его об этой программе, или даже ограничиться одним напечатанием ее в газетах. Однако,

раз был произнесен термин «ультиматум», несомненно, в кулуарах и говорились слова в этом духе и тоне. Потому что иначе откуда взяли самый термин? Вот этот-то повышенный, меткий, требовательный, как бы «диктующий» тон политической силы, едва только родившейся, – и был, думается, причиною всего. И в таком тоне поистине не было нужды. Дума и министры, Дума и правительство – переговариваются, соглашаются, взвешивают предложения и ограничивают их, или отказывают в них – но в вежливой форме. Вежливость вообще [не] мешает всякой обоюдности. А парламент – это обоюдность. Откуда же парламент вдруг выступил, как Цезарь? И как Цезарь-победитель, хотя он еще никого не победил. Все это – молодость и молодой задор, и особенно печально, что он был допущен в минуты страшной борьбы за границы отечества, увы, давно переиленные. Несомненно, правительство показало бы себя и почти назвало бы себя трусом, если бы, обернувшись спиною, побежало перед этим тоном, сейчас сдалось бы, сейчас же уступило бы. Довольно естественная человеческая гордость диктовала ему другое поведение. И получилось то, что получилось. Дума пусть будет горда, может быть горда; но она должна помнить, или ей следовало не забывать, что всякий человек имеет право быть гордым, или держать себя соответственно. Кто не хочет быть унижен, не должен и унижать. Между тем термин: «нашу программу мы представим правительству как *ультиматум*», пусть он и не осуществился в полной мере, но все-таки для него были какие-то основания в думских разговорах – решительно был оскорбителен для правительства.

И все это напрасно и ни к чему не вело. Скромность есть мудрость не только частного человека, но и политических групп. Что в Думе образовалось коалиционное большинство – это решительно хорошо и обещает быть плодотворным. Лично не соглашаясь с некоторыми пунктами заявленной им программы, мы и о ней скажем, что она все-таки умеренна и приемлема к обсуждению. Ибо парламент ведь обсуждает и без обсуждения и борьбы не делает ни одного шага. Крайние элементы Думы пусть и боролись бы около этой программы справа и слева. Все это не худо, все это решительно хорошо – в будущем. Ведь и блок не надеялся же, «диктуя», осуществлять свою программу? Ему для этого не надо [не дано?] никаких средств. Все дело потеряно или «отложено в долгий ящик» из-за цезарианского тона, который не вызывался никакими обстоятельствами, и перед которым не могло же правительство побежать, как побитый воин. Оно еще не побито, и, увы, для Думы это доказало. Но непонятно, как *историк* П. Н. Милуков не обдумал этих подробностей делаемых шагов; удивительно, как вообще он, столько муштровавший свою партию, не дал ей «наказа» добиваться успеха, не закинув гордо голову кверху, а держа голову вполне вежливо и, учтиво, говоря со всеми с тем уважением, с каким он хотел бы, чтобы все относились к нему и к его партии. Увы, личный его недостаток, заносчивость, передалась и окружающим его. И все это возвращает нас к истине поговорки: «то же бы ты слово – да не так бы молвил».

Судьба играть роль неумного хитреца словно написана на роду Милюкову. Никак он не может перепрыгнуть через эти жалкие оглобли, которые роднят его или сближают с теми «левыми друзьями», которым он дал потом другой памятный эпитет. Сам он никак не может не только далеко уйти от этих левых приятелей, но и дать заметить сколько-нибудь значительную разницу между собою и ими. Разница есть, но не в уме и не в содержании души, а только в прибавке единственно хитрости. Отнимите прямоту у радикала – получится Милюков. Придайте «левому ослу» двуличность и изворотливость – получится он же. Но ни в одном, ни в другом случае не надо прибавлять ума. Как вы прибавите – уже получится совсем новая фигура, а не пресловутый лидер провалившейся партии.

Его объяснение с русскою публикою по поводу сказанных в Англии слов об «оппозиции Его Величества, а не Его Величеству» служит ярким примером этой несчастной его двойственности. Слова его в Англии были так ясны, что ни у кого не возникло двух мнений об их смысле. «Оппозиция Его Величества» – эта формула выражает положительное отношение к лицу Государя, настолько фундаментальное и веское, что оно становится исходною точкою всей политической деятельности; вся политическая деятельность, критика министров и даже борьба с кабинетом – базируются на чувстве преданности Государю, мотивируются тем, что в данной деятельности такого-то министра или целого кабинета усматривается нечто, наносящее ущерб интересам, достоинству и намерениям Государя. Никакого другого смысла эта формула не имеет, и Милюков, сказавший перед лицом англичан и во всеуслышание России, что дотоле, пока в России есть палата, контролирующая бюджет, до тех пор в России «оппозиция будет оппозициею Его Величества, а не Его Величеству», – высказал, как лидер оппозиционных фракций в Г. Думе, твердый тезис, что никакой борьбы с лицом Государя и с положением Его в отечестве они не ведут, что они являются оппозициею министрам и кабинету, но не Государю, и что в оппозиции с министрами они стоят на почве преданности Государю. Славянофилы и, в частности, И. С. Аксаков в газете «Русь», постоянно боровшейся с министрами и даже со всем направлением тогдашней «петербургской политики», дали у нас прекрасный самобытный образец такой оппозиции «Его Величества», с величайшей буквальностью.

Что же такое написал Милюков в своем изъяснении с соотечественниками? На протяжении трех печатных столбцов он не проговорился ни о каком положительном отношении к лицу Государя, не дал ни одного ясного слова в этом направлении, не выразил ни тени того общего чувства к своему Государю, какое питают все русские люди, как питают подобное чувство и англичане к своему королю, не обмолвился ни разу такими привычными выражениями, как «мой Государь», «наш Государь», «наш русский Царь», что у читающего не может остаться никакого сомнения о том, что он не имеет абсолютно никакого утвердительного отношения к этой основной власти русской истории. На всех трех столбцах он только твердит, что с манифестом 17 октября «Государь стал ограниченным», и вот эту фразу он повторяет несколько раз. У читателя

не может остаться никакого сомнения в том, что единственно ценная сторона в Государе для Милюкова есть то, что он уменьшился в своем значении для русских, что власти у него не так много, как было прежде, до 17 октября, что теперь он сужен, связан в своих действиях, по крайней мере в некоторых отношениях. Но не таков ли в монархических и в конституционных государствах взгляд на лицо Государя республиканцев, и притом только их одних? «Он есть, но он уже стал меньше», вот мысль и пожелание республиканцев. Как только к этому не прибавлено ничего другого положительного, нет никакого иного добавляющего чувства к лицу Государя, так получилась программа и исповедание республиканца. Конституционный монархист любит конституцию, чтит ее, бережет ее, ничего из нее не уступает, но с такою же горячностью, чистотою и прямотою он чтит, уважает и любит своего Государя. Таков состав, или вернее, такова дума конституционного монархизма. Но если в Государе человеку мило только то, только одно, что у него власти стало меньше, то, конечно, в таком человеке монархического не осталось ровно ничего и мы имеем перед собою республиканца, который, живя в монархии, сдержанно и деловым образом так или иначе относится к монархии, ну «признает» ее, что ли, как некоторое неизбежное несчастье и некоторый срам своей души. Вот именно в этих оттенках Милюков и написал свое «изъяснение» соотечественникам, после которого, конечно, ни у кого не останется сомнения, что он нисколько не «конституционный монархист», а... *республиканец*, что ли?

Нет, и этой чести ему нельзя дать. Нельзя дать чести прямого, открытого, добросовестного республиканца. Все очень просто и соответственно нашей русской действительности. Это просто заболтавшийся и замотавшийся русский говорун, из нехрабрых во всех направлениях, лстящий английским чувствам и английским понятиям, когда он говорит в Англии, и лстящий русской большой толпе, когда он говорит или пишет в России; самолюбивый и рвущийся к роли, которая требует и некоторой доли железа в характере, и золота вообще в натуре; требует ума и наличности больших планов. А здесь – глина, размоченная нашими русскими дождями, которую в просторечии называют просто «грязью». Из нее лепятся иногда фигурки; но ни «королями» и вообще никак их не называют, а, помяв в руках, бросают в лужу, из которой взят материал. Милюков все «разъясняет» русского Государя и его судьбу, но ему давно пора бы разъяснить самого себя, и погадать о своей судьбе, и всего лучше вслух всей публики.

ОТРЫВКИ

1. <Петроград>

В провинции не могут себе представить, чем люди заняты в Петрограде. Кроме неистощимого множества речей, переполняющих особенно улицу, где обсуждаются всевозможные вопросы, – обсуждаются под углом зрения всевозможных партий, – вы прежде всего видите странное зрелище множества

солдат, которые перешли к мирному делу уличной торговли. Это совершенно невероятно и вместе с тем вполне очевидно. Имея все время незанятым и, очевидно, имея полное намерение не расставаться с Петроградом, а вместе с тем не стесненные ничем вне краткого времени обучения строю, на хороших хлебах и имея мясо, чего вот уже месяцы лишены все остальные жители столицы, сметливые из лих, солдат, присев на углах улиц и возле остановок трамвая, обвешались шнурками для ботинок, резиновыми подошвами и каблуками, папиросами, конвертами и почтового бумагою, и торгуют на славу, составляя конкуренцию бабам, увечным и мальчуганам. Только к ягодам и яблокам не переходили еще. Второе их дело – это какая-то неугомонная езда в трамвае. Куда они спешат? Зачем едут? Трамвайное движение сокращено донельзя от сокращения топлива и недостатка подачи электрической энергии, как, равно, и от убыли изнашиваемых вагонов, число которых не пополняется, и давка в вагонах – невероятная. И вот эти фланирующие взад и вперед солдаты, имеющие почему-то бесплатный всюду проезд, чрезвычайно стеснительны для всех спешащих по надобности.

Вид их – грубый, растерзанный. Теперь солдат никогда не стоит прямо, а как-то вихляется, или – облокотившись и подпирая чем-нибудь себя. Что он будет подпирать собою, когда сам нуждается в подпорке, – трудно сказать. И вместе трудно сказать, трудно допустить, чтобы он таким остался вечно. Постоянно мелькает одна мысль в голове: да каким образом в год такой страшной войны, когда бытие и счастье отечества поставлено под вопрос, не догадались сами солдаты на предложение «не отдавать честь офицерам» – ответить: «Нет, во время войны мы будем отдавать им честь и вообще будем во всем вести себя по-старому, по-дисциплинарному. А когда кончится война – воспользуемся льготою вольного поведения». Как было ради России не сделать этого? Ради Родины – не сохранить прежнего привета и вежливости тому, [...]

2. «Красота спасет мир»

В дни тоски, в дни недоразумения и уныния, нет-нет и вспомнишь афоризм Достоевского: «Красота спасет мир». Он был произнесен им в дни Нечаевской смуты, когда этот революционер-агитатор поднял руку на своего товарища студента Иванова по каким-то наговорам, по каким-то подозрениям. Это было в семидесятых годах прошлого века, и высказано было Достоевским в «Бесах».

В самом деле, вот высший принцип и политики, который профессионалы политической работы всегда забывают; но стоящие в стороне от жара этой работы обыватели могут напомнить и должны напоминать им неодолимым своим давлением. Жизнь становится просто безобразной, люди становятся определенно грубы, пошлы. И тогда жизнь сбрасывает их с плеча своего вне всяких прочих соображений о «необходимости», «пользе» и т. п. мотивах существования.

Что такое «трудовой класс» населения, который проводит часы и дни в разговорах, в слушании митинговых речей, в определении условий работы, но не в работе. Который спорит об этих «условиях работы» целые месяцы и не принимается ни за какое дело? Что такое капиталист-собственник, какой-нибудь миллионер-мукомол, который в азарте социал-демократической программы предлагает в речах своих реквизицию частных капиталов, не отказываясь ни от своих паровых мельниц, ни от того дохода, который он с них получает? И что такое «войсковые части», которые не хотят встретиться с неприятелем, а предпочитают с ним «брататься», выказывая воинский дух только в грубом обращении с публикой?

3. <Некрасов>

[...] несчастье. Оно бывает таковым всегда, когда за ним не стоит большого ума.

Что такое речи Церетели? Это прямые линии, прямые строки, всё главные предложения, не сопровождаемые никакими придаточными предложениями, где были бы оговорки, условия, где были бы указаны причины и были бы предвидены последствия. Церетели – гимназист или студент, говорящий на государственные и исторические темы. Но от того-то именно, единственно от того, что он такой неударжимый гимназист, речи его ярко убедительны и совершенно вразумительны рабочим и солдатам.

«Говорит, как пишет». Но говорит-то он все «буки» и «аз», за которыми слушатели его повторяют: «ба», и совершенно счастливы, что вышел какой-то звук. «Вождь нам говорит ба – значит мы бастуем». Это совершенно кратко, но это совершенно не государственно.

Церетели сейчас упадет, едва я произнесу одно слово. Он упадет не в наших глазах, а в собственных глазах. Он сядет на место или, еще лучше, спрячется под стол, – как горошинка-республика.

Вот это слово: –

Некрасов.

Николай Алексеевич Некрасов, наш народный поэт, умерший – и так тоскливо умиравший – в 1876 г. Помните его тоскливые прекрасные песни:

...

За заставой, в харчевне убогой,
Все пропьют бедняки до рубля
И пойдут, побираясь дорогой,
И застонут...

.....

Я такого угла не видал,
Где бы сеятель твой и хранитель,
Где бы русский мужик не стонал.
Стонет он по полям, по дорогам,

Стонет он по тюрьмам, по острогам,
Стонет он под овином, под стогом,
Под телегой ночуя в степи;
Стонет в собственном бедном домишке,
Свету Божьего солнца не рад;
Стонет в каждом глухом городишке,
У подъезда судов и палат.

.....

Волга! Волга! весной многоводной
Ты не так заливаешь поля,
Как великою скорбью народной
Переполнилась наша земля –

..... – Эх, сердечный!
Что же значит твой стон бесконечный?
Ты проснешься ль, исполненный сил?

Вот она, полная русская революция. Весь очерк ее, от 1876 г. и до 1917 г. И вот, окинув глазом всю Русь, все народы, ее населяющие, спросим, воззовем:

- Церетели? – Или же:
- Некрасов?
- Кого выбираете? За кем идете?

Может ли быть какое-либо сомнение, что все кинутся за Некрасовым, кинутся с воплем:

– Вот кто нас освободил, вот кто был нашим вождем, вот за кем мы поднялись во всем громадном очерке судеб и истории. Мы поднялись уже с 60-х годов истории: а эпизод февральских и мартовских дней, это самовозгорание трех проволок народного электричества – совершенная мелочь и случай.

И между тем Церетели назвал грубо мавром, «ненужным более мавром», не одних депутатов четырех Дум, а и Некрасова, без коего несомненно никаких бы Дум не было, никакого конституционализма бы не было.

Русскую свободу, и рабочим и солдатам, больше всего принес Некрасов. Как же можно бросать в лицо солдатам слово, что Некрасова больше не нужно? А этот смысл имело слово Церетели. Каким образом мог так Церетели говорить? Почему это он мог сказать? Да потому, что он прекрасный грузин, и о русской истории и о тоске русских песен – об их особенной тоске и особенной глубине – знает только из третьих рук, понаслышке, насколько песни Некрасова долетели и до Грузии. Мы же знаем их родным ухом, родным сердцем. И для нас Некрасов вовсе не то, что постановление какого-то Циммервальдского съезда социалистов, о котором там, приблизительно, «начихать». Несчастье и болезнь русской революции заключается в том, что задуманная русским умом и русским сердцем (Некрасов, Салтыков, Михайловский), совершенная русскими руками (4-ая Госуд. Дума, рабочие и сол-

даты) и при русском риске головою, – она, в хвосте своем, в результате своем, попала в космополитическое обладание вовсе не русских людей, а инородцев по крови или инородцев по идее (марксизм). Мы разломали «парадный подъезд» власти и ввели избу во дворец. Это русское дело, русская история. Вдруг зрелище меняется: на месте русских людей очутились космополиты, которые нам громко заявляют, что революция спасет не русский народ, не русское дело, – а должна преследовать всемирное дело, задачи и темы всемирного пролетариата (неосторожные части речи кн. Львова, ссылки на нее кн. Церетели). Что она должна быть каким-то княжеским делом, царственным делом, мечтательным делом, а не делом русского крестьянства, русского рабочего.

В бурных и вместе скромных замыслах Некрасова, Салтыкова, Михайловского, тоже в скромных замыслах 4-ой Думы и всех четырех Дум она носила всегдашние черты русской непритязательности, русской тихости, русского своевольного, своежелательного самоограничения. «Нам нужно совершить свое русское дело, освободиться от своих тиранов, – от разбойника, напавшего на дороге».

Это – право. Тут закон, тут нравственность.

Вдруг ее переводят в хвостовство. «Нет, что, это мало. – Мы спасем весь мир». Орудие такого перевода – мечта, мечтательность. Мечтательность внутренне, а снаружи хвостовство.

Вопрос спасения для русской революции заключается именно в русском здравомыслии, в русском здравом смысле. Если она удержится в своей тихости, в своем самоограничении, Россия освободится от Романовых и для русских настанет действительно золотой сон Русской Великой Общины, Русского народного Великодержавия. Сбудутся сны Некрасова и всей золотой русской литературы.

Победит ли здравый смысл? – вот в чем вопрос.

Но уже сделан, к несчастью, сделан, второй шаг анархии. Принцип анархии, допустимый и абсолютно необходимый, заключается в том, чтобы совершить один анархический шаг, – именно для спасения бытия своего. – Бытие, продление жизни, есть единственная такая ценность, ради которой дозволен анархический шаг.

И – больше ни для чего. Ни в каком случае он недопустим для мечты, для расширения бытия своего. Как и в войне: она допустима для защиты, и она недопустима для завоевания. Первая же завоевательная война переходит в беспредельную хронику войн. В них гибнут Наполеон и Тамерлан, ничего в сущности «не завоевав», не завоевав «в конце концов». В анархии то же самое. Второй анархический шаг, как только он допущен, переводит всю страну в анархическое состояние, которое доходит до естественной могилы своей – диктатуры. Жизнь спасает себя; бытие спасает себя. «Нужно жить»: и наступает покой.

Совет Рабочих Депутатов, без всякой нужды, без всякой необходимости, без всякого с чьей либо стороны уполномочия – и не спасая решительно ничего для России, – грубо, жестко и хвастливо пошел против Временного Прави-

тельства. Этим он открыл эру анархии, и не ему на нее жаловаться. А он жалуется, и уже «Известия Совета Рабочих Депутатов» выпустили первую статью против анархистов, но кто же будет его теперь слушаться, когда он сам не слушался? Кто будет исполнять его мечту, когда он сам ради своей мечтательности не постеснялся принести ей в жертву нужду русского народа?

Никто не будет слушаться. Мы уже состоим в положении анархии. Третий шаг, который сделает наша, увы, мечтательная революция, – есть шаг к диктатуре. И неужели для нее ждать тоже только два месяца? Появится какой-то третий, уже совершенно черный мавр, который скажет те же слова Церетели и Совету Рабочих и Солдатских Депутатов, какие Церетели сказал о четырех Думах, сказал, в сущности, о Некрасове, о всей золотой русской литературе.

– Мавр, ты сделал свое дело. Ты больше не нужен и уходи вон.

Будет ли этим мавром германец в Петрограде, будет ли этим мавром Ленин, будет ли им, наконец, какая-нибудь очень темная личность, заседавшая в самом Совете Рабочих и Солдатских Депутатов, похитрее Церетели, Чхеидзе и Скобелева, – мы не знаем. Но можно сказать по-итальянски: *Revolutio annunciata era*, – революция была зачата; *Revolutio finita est* – революция окончилась.

– Эй, капрал, кто же ты? Черный, страшный капрал. Бери скорей палку и разгоняй скорей всех вон. Ибо мы свободу сделали, но мы свободы не заслужили.

По-видимому, мы не дождемся Учредительного Собрания. Ибо роль Учредительного Собрания уже захвачена «не зваными и не избранными». Это – Совет Рабочих Депутатов, – и не он в сущности. Ведь по естественной темноте рабочей массы и солдатской массы, ограничивающей его совершенно неодолимо, [Совет] повинуетя двум-трем лицам, коих московская печать уже называет «тиранами». Дело вовсе и не в «классовой борьбе», не в «классовой победе». Дело в «победе» фантазии и произвола отдельных немногих лиц, которые приняли на себя задачу руководить историей, руководить Россией, хотя сами они ростом не более Шлиссельбургской республики.

4. <Социалисты>

...

Он решается *бьющим*, решается *вчера*, решается *заслугою*. Дело в том, что рабочие и солдаты сами проморгали власть, лежавшую у них в руках шесть месяцев, – *немалое время!* – и что эта историческая власть у них выпадает теперь, то в этом виноваты их наставники, социалисты, и их «собственное солдатское размышление». Слюнявя в «классовых интересах» по указке берлинского Маркса, пусть они и получают «выгоды» из отвлеченных классовых интересов, из Стокгольма, из Циммервальдена или откуда угодно, а не пристаю к России, для которой *что же они сделали?* Социалисты завели их в болото и тупоумие, из которого и рабочих и самих социалистов нужно вытаскивать.

5. <Германия>

Склоняются весы политических судеб Германии... Кто мог ожидать, думать, гадать? Война, к которой Германия 48 лет готовилась, в то же время усыпляя своих соседей, – кончается не в ее пользу. Есть *справедливость в небе*. Небеса не люты, не беспощадны – одно можно сказать.

Не начнется ли, однако, вслед за политическим крушением или сокрушенностью, в смысле [...], и сокрушенность нравственная Германии? В самом деле, что подумать о стране, которая целых полвека разлагала соседку медленным ядом социального разложения, придумав «удушливые газы» мирного времени гораздо ранее, чем она придумала это дьявольское изобретение для войны? «Спи, мирный сосед, ты более не проснешься». «Разлагайся социал-демократическим разложением Россия, чтобы я пожрала твое гнилое мясо». «Нам не нужна и неинтересна Россия, нам нужен ее хлеб, ее нефть, ее рудники, жмыхи и пенька». Братоубийственность, каинство – вот суть ее *исторического дела*. И тогда не настанет ли *переоценка вообще исторических дел Германии?*

Странно, что вопрос этот неодолимо приходит на ум, когда мы задумываемся над лучшим цветком Германии, ее *философией*. «Это – нация философов и философских систем». Труды Франции, Англии, Италии, России – кажутся совершенно бессильными около имен Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля.

Так представляется дело с первого же раза. Но вот странность: в то время как эллины пели прекрасную философскую песнь в лице Ксенофонта, Эмпедокла, Пифагора, – рассказывали и рассуждали в Диалогах Платона, умирали за философские истины, как Джордано Бруно и Галилео Галилей, – немцы везли какой-то отяготительный воз своей философии, как будто их к этому кто-то принудил? Как будто они поставили это себе *уроком?* «Урочность», «учебность», в конце концов, именно *схоластика*, составляет выцветшие щеки германской философии. Она вся бледна, безжизненна. В ней не играет кровь. Труд, том, главы: и как будто это пространство напечатанных страниц, без крика, без воля, в сущности, без интереса даже, составляет все дело «германской философии». Мало, тщедушно, узкогрудно.

КОММЕНТАРИИ

Вторая книга «Литературных изгнанников» содержит переписку В. В. Розанова с П. А. Флоренским и С. А. Рачинским, письма Ю. Н. Говорухи-Отрока и В. А. Мордвиновой к Розанову с его комментариями, а также не вошедшие в Собрание сочинений статьи писателя. Письма Розанова, публикуемые впервые, расширяют представление о его эстетических, социальных, национальных воззрениях, о проблемах семьи и пола, всегда вызывавших его интерес. В письме к Флоренскому 14 марта 1914 г. он писал: «До чего вообще следовало бы и полезно было бы издать переписку нашу, т.е. письма Ваши в «Лит. изгнанниках». Но страшный долг типографии... заставляет года на 2 прекратить печатание».

История замысла и создания «Литературных изгнанников» рассказана в пояснениях к первой книге «Литературных изгнанников» (том 13 Собрания сочинений. М., 2001).

В настоящем томе сохраняются те же принципы комментирования, что и в предыдущих томах

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОЙ КНИГЕ «ЛИТЕРАТУРНЫХ ИЗГНАННИКОВ» (с. 7)

Печатается по автографу в РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 210. Л. 1.

Письма К. Н. Леонтьева напечатаны в настоящем Собрании сочинений в первой книге «Литературных изгнанников» (М., 2001).

Розанов цитирует балладу А. К. Толстого «Василий Шибанов» (1858) и неточно стихотворение А. С. Пушкина «Если жизнь тебя обманет...» (1825).

ПЕРЕПИСКА В. В. РОЗАНОВА и П. А. ФЛОРЕНСКОГО (с. 9)

ПИСЬМА П. А. ФЛОРЕНСКОГО к В. В. РОЗАНОВУ (с. 9)

Письма П. А. Флоренского к В. В. Розанову за 1903–1917 гг. хранятся в Архиве священника П. А. Флоренского. Публикуются по рукописи, впервые подготовленной к печати С. М. Половинкиным. Отдельные письма или их части печатались Розановым, что отмечено в комментариях. Переводы гре-

ческих и латинских текстов в переписке осуществлены Н. А. Старостиной и И. А. Ерошиной.

Даты в письмах сохранены в том виде, как их писал Флоренский. До нас дошли не все письма в переписке Розанова и Флоренского.

I

...и бездна Вам обнажена... – Ф. И. Тютчев. День и ночь (1839); «нам» заменено на «Вам».

Есть некий час всемирного молчанья... – Ф. И. Тютчев. Видение (1829).

II

«Путешествия на луну» – философско-утопический роман французского писателя С. Сирано де Бержерака (1619–1655) «Иной свет, или Государства и империи луны» (1657).

...для «своего угла»... – В 1903 г. с. № 2 по № 12 в журнале «Новый Путь» Розанов вел отдел «В своем углу».

III

Сергиевский Посад. XII. 21. – Письмо написано не почерком Флоренского. Ему принадлежит подпись и приписка. Датируется по предыдущему и последующему письмам Розанова.

...взяться за мою книжечку – Флоренский П. А. Столп и утверждение Истины (Письма к Другу). Отдельный оттиск из сборника «Вопросы религии». М., 1908. Вып. 2. 163 с.

...потому что они не философствуют – ср. «Самцы львов не живут друг с другом – но ведь они не занимаются философией» (*Лукиан*. Избранное. М., 1962. С. 386).

«ни мужеский пол, ни женский» – Гал. 3, 28.

«Где сокровище Ваше, там и сердце Ваше будет» – Мф. 6, 21; Лк. 12, 34.

«Верю, ибо абсурдно» – выражение приписывается Тертуллиану (ок. 155–220) в его сочинении «О крови и плоти Христа», гл. 5.

IV

...последний параграф «Типов возрастания» – Флоренский П. А. О типах возрастания//Богословский Вестник. 1906. Т. 2. № 7. Паг. 2. С. 530–568.

...жаль, что конец не напечатан. – В первом печатном варианте «Столпа и утверждения Истины» (Вопросы религии. М., 1908. Вып. 2) не было письма «Грех», которое, очевидно, имеет в виду Флоренский.

V–VI

«Как ночь стара моя печаль» – Вяч. Иванов. *Mi fur le serpi amiche* (1904).

VII

Если бы Христа не было, Его надо было бы... сочинить – Вариация на стих Вольтера: «Если бы Бога не существовало, его следовало бы выдумать» («Послание к автору новой книги о трех лжецах», 1769).

Вашу книгу сестре переслал – имеется в виду книга Розанова «Итальянские впечатления» (СПб., 1909). По всей видимости, речь идет о сестре Флоренского Ольге.

«Соль земли» – книга «Соль земли, то есть Сказание о жизни Гефсиманского скита иеромонаха Аввы Исидора, собранное и по порядку изложенное недостойным сыном его духовным Павлом Флоренским». Сергиев Посад, 1909.

VIII

...относительно брата и сестры – речь идет о брате Флоренского Андрее (1899–1961) и сестре Ольге (1890–1914).

Съезд прошел в Костроме – Съезд проходил в Костроме с 20 по 29 июня 1909 г. См.: Известия IV областного историко-археологического съезда в городе Костроме. (№ 1–10) с приложением алфавитного списка участников съезда. Под ред. и при ближайшем участии секретаря съезда В. А. Андроникова. Кострома, 1909.

...чтобы скорее повидать маму – Ольга Павловна Флоренская (1859–1951) после смерти мужа Александра Ивановича (1850–1908) жила в Тифлисе, а в 1915 г. переехала в Москву.

...по имени, что-то представляю – см. об имени Павел в кн.: Флоренский П. А. Имена. М., 1993. С. 220–245.

«Руки скоро не возлагай ни на кого» – Тим. 5, 22.

IX

«единственный гений, Сумевший в обычном понять неземное» – К. Д. Бальмонт. Веласкес (1901): «Веласкес, Веласкес, единственный гений, Сумевший в таинственным сделать простое».

«Молчи, скрывайся и тай...» – Ф. И. Тютчев. Silentium (1830).

...люблю, но странную любовью – из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Родина» (1841).

...имеют в фамильном гербе – см.: Флоренский П. Генеалогические исследования // Флоренский П. А. Детям моим... М., 1992.

«имеющим уши, чтобы слушать!» – Мф. 11, 15; 13, 9.

X

«Песнь Песней» получил – Песнь Песней Соломона / Пер. А. Эфроса. Предисл. В. Розанова. СПб., 1909.

В одной из рецензий... проф. Смирнова – возможно, речь идет о рукописном сочинении кандидата богословия Николая Смирнова «Терапевты по сочинению Филона Иудея «О жизни созерцательной»», представленном на соискание степени магистра богословия. В Трудах Киевской ДА (1908. Кн. XII) появилось два отзыва на это сочинение А. А. Глаголева и В. П. Рыбинского, но упоминаний об А. В. Ельчанинове здесь нет.

...книга Ельчанинова – 28 сентября 1909 г. Розанов писал Флоренскому о книге А. В. Ельчанинова (1881–1934) «История религии» (М., 1909); в этой книге глава «Православие» написана совместно Ельчаниновым и Флоренским.

XI

...*Ваш фельетон о чиновниках* – статья Розанова «Чиновники» печаталась под псевдонимом В. Варварин в газете «Русское слово» (1909. 24, 29 октября и 12 ноября); см. в Собр. соч. Розанова том «Старая и молодая Россия» (М., 2004. С. 339–354).

XII

«*Се яз и братья мои*» – ср. Мк. 3, 32–35; Лк. 8, 19–21.

Что касается до Крита... в 2-х – 3-х следующих №№ – см. статью Флоренского в «Богословском Вестнике»: «Напластования эгейской культуры» (Лекция вторая и третья)» (1913. Т. 2. № 6. С. 346–390).

Об Атлантиде очень хорошо... – Розанов писал об Атлантиде в письме Флоренскому 28 апреля 1910 г.

XIII

Глиптик – резчик по камню.

Дед мой, Андрей – Андрей Матвеевич Флоренский (1786 – ок. 1826–1829), прадед, дьячок Христорождественской церкви села Борисоглебского Макарьевского уезда Костромской губернии. Видимо, Флоренский имеет в виду своего деда Иоанна Андреевича Флоренского (1815–1866), окончившего Костромскую семинарию в 1836 г. и в том же году поступившего в Московскую медико-хирургическую академию. Его первая жена – Анфиса Уаровна Соловьёва (?–1850), вторая жена – Елизавета Владимировна Ушакова (1830–1911). См.: *Флоренский П. А. Детям моим...* М., 1992. С. 447–448.

Отец мой – Александр Иванович Флоренский (1850–1908), окончил 1-ю тифлисскую гимназию и в 1880 г. Институт инженеров путей сообщения. В 1908 г. был помощником начальника Кавказского округа путей сообщения, действительный статский советник.

XV

...*о здоровье Варвары Александровны* – Флоренский имеет в виду жену Розанова Варвару Дмитриевну Бутягину-Розанову, которую 26 августа 1910 г. разбил паралич.

...*с близким мне человеком* – имеется в виду Василий Михайлович Гиацинтов, окончивший Московскую духовную академию (1911). Друг Флоренского.

...*сестра того, с кем я был на охоте* – Анна Михайловна Гиацинтова. См.: *Игумен Андроник (Трубачев)*. «Голубка бедная моя...» // Литературный Иркутск. 1989. Октябрь. С. 14–15.

...*у брата моей невесты* – имеется в виду священник Александр Михайлович Гиацинтов (1882–1950-е гг.) служил в селе Троицкое Рязанской губернии. Там он и венчал Флоренского со своей сестрой. Флоренский способ-

ствовал его переводу в Московскую губернию, где он служил в храмах Абрамцева и Муранова.

Напишите, какого месяца, числа, года и часа... – Флоренский любил составлять гороскопы.

XVI

Она меня за муки полюбила... – У. Шекспир. Отелло (1604). Д. 1. Сц. 3. Пер. П. И. Вейнберга (1864).

Как день ты новой пыткой молод... – Флоренский уже цитировал эти стихотворения в письме 15 апреля 1909 г.

XVII

«Благородство обязывает» – из «Изречений и мыслей» (41) французского писателя герцога де Леви (1764–1830).

Хэдер (хедер) – еврейская начальная школа для обучения мальчиков иудаизму.

...начавшийся печатанием сборник стихов – имеется в виду сборник стихов «Ступени». Опубликовано в кн.: Павел Флоренский и символисты. М., 2004.

XVIII

...блудник согрешает против своего тела» – 1 Кор. 6, 18.

...про свое житие в Оптиной Пустыни. – Флоренский был в Оптиной Пустыни с 28 августа по 8 сентября 1905 г.

Вы спрашиваете... о С. С. Троицком – Сергей Семёнович Троицкий учился вместе с Флоренским в МДА, его Друг; был женат на сестре Флоренского Ольге.

Стиль – это человек – слова из речи французского естествоиспытателя Ж. Бюффона «Рассуждение о стиле», произведенной 25 августа 1753 г. во Французской академии.

...«по небу полуночи ангел летел» – М. Ю. Лермонтов. Ангел (1831).

XIX

...одну зиму я преподавал в гимназии женской – зимой 1908–1909 гг. Флоренский преподавал математику в Сергиево-Посадской женской гимназии.

Книгу Вацу прочитал взасос – речь идет о книге Розанова «Темный Лик. Метафизика христианства» (СПб., 1911).

...для «Третьего пола» – имеется в виду книга Розанова «Люди лунного света. Метафизика христианства» (СПб., 1911; 2-е изда. СПб., 1913), в которой есть раздел «Третий пол». Возможно, так Розанов хотел назвать всю книгу.

«Некоего монастыря некий послушник X.» – В приложении к книге «Люди лунного света» (2-е изд. 1913) под рубрикой «Еще случаи лунной аномалии» Розанов поместил присланные Флоренским «Воспоминания одного послушника N-ского монастыря» (с. 209–220), а также «Поправки и дополнения Анонима» (т. е. Флоренского).

XX

«Семейный вопрос в России» – книга Розанова вышла в 1903 г. в двух томах. Стр. 33, упомянутая Флоренским, соответствует стр. 30 в издании этой книги 2004 г.

«Я победил мир» – Ин. 16, 33.

XXI

...сельским священником – 23 и 24 апреля 1911 г. Флоренский был рукоположен ректором Московской духовной академии епископом Феодором (Поздесевским) в сан диакона, а затем в сан священника к Благовещенской церкви села Благовещенское Сергиевского уезда Московской губернии.

XXII

Часть письма опубликована в статье: *Игумен Андроник* (Трубачев). Священник Павел Флоренский – профессор Московской Духовной Академии и редактор «Богословского Вестника» // Богословские труды. 1987. Сб. 28. С. 293.

...на известной Вам рукописи – см. письмо Флоренского к Розанову от 9 и 13 января 1911 г.

Я вернулся к предкам – предки Флоренского были священнослужителями в различных храмах Костромской губернии.

...получил я Вашу книгу – речь идет о книге Розанова «Люди лунного света. Метафизика христианства». СПб., 1911.

...«без жалости и гнева» – ср. «без гнева и пристрастия» у римского историка Тацита («Анналы». I, 1).

XXIII

Маленький... – 21 мая 1911 г. у Флоренских родился сын Василий.

XXIV

...№ «Весов» и в нем Ваша бестолковая статья – речь идет о статье Розанова «Мечта в шелку» (Весы. 1905. № 7. С. 1–8).

...Ваш знакомый студ. Ф. Андреев – Федор Константинович Андреев (1887–1929), философ и богослов. В 1913 г. окончил Московскую духовную академию и был оставлен преподавателем. Близок кругу Флоренского. В 1922 г. рукоположен в сан священника.

...Вашу статью о Лафаргах – «Так ли хочет умирать человек!.. (К самоубийству Лафаргов)» // Новое Время. 1911. 27 ноября (см. в Собр. соч. Розанова том «Террор против русского национализма. Статьи 1911 г.» М., 2005. С. 312–315).

XXVII

...с днем Вашего Святого – 1 января, день памяти Василия Великого.

...по делу Трифановского, покушавшегося на Арх. Антония Волинско-го. – 3 сентября 1911 г. бывший студент СПбДА Трифанов в СПб. в церкви Благовещенского синодального подворья совершил покушение на вл. Антония (Храповицкого).

XXVIII

«Уединенное» – книга Розанова вышла в свет в начале марта 1912 г. 9 июня последовало распоряжение об изъятии книги из продажи. Окружной суд обвинил книгу в порнографии и принял решение тираж уничтожить, а автора приговорить к десяти дням ареста. После апелляции автор от наказания был освобожден, а из книги было изъято и уничтожено несколько мест.

Конечно, Афанасьев вовсе не «генерал» и вовсе не «от фольклора» – в письме от 27 февраля 1912 г. Розанов писал о фольклористе А. Н. Афанасьеве, авторе «Народных русских сказок» (1855–1863. Т. 1–8).

Гомеомерия – понятие, введенное Анаксагором для обозначения первоначала вещей, «семян вещей», «подобных частиц».

«Последний святой» – статья Д. С. Мережковского с подзаголовком «Серафим Саровский» (РМ. 1907. № 8 и 9). Вошла в его книгу «Не мир, но меч» (СПб., 1908).

«соль обуювшая» – Мф. 5, 13.

«Книга бытия» – имеется в виду: Библия. Первая книга Моисея. Бытие.

«Правда и поэзия моей жизни» – автобиографическая книга И. В. Гёте «Поэзия и правда из моей жизни» (1811–1832).

С. А. Голованенко, студент бывший у Вас... – Сергей Алексеевич Голованенко, волонтер Якутской семинарии, студент Московской духовной академии, друг семьи Флоренских. Погиб в 1942 г. в лагере или расстрелян.

...о «забытых писателях» – позже этот замысел Розанов назвал «Литературные изгнанники». В издание должна была войти переписка с Н. Н. Страховым, Ю. Н. Говорухой-Отроком, К. Н. Леонтьевым, С. А. Рачинским, П. А. Кусковым, Ф. Э. Шперком, Рцы (И. Ф. Романовым), П. А. Флоренским, С. А. Цветковым, В. А. Мордвиновой. Письма Рачинского и Леонтьева Розанов напечатал в «Русском Вестнике» (1902. № 10–11 и 1903. № 1, 4–6). Первый том «Литературных изгнанников», содержащий письма Страхова и Говорухи-Отрока (с обширными комментариями Розанова), появился в Петербурге 1913 г.

...«летом вкусный лимонад» – Г. Р. Державин. Фелица (1782).

...жду Ваш атлас – письмо Розанова об этом не сохранилось.

...сделана маленькая реклама – имеется в виду книжечка «Религиозно-философская библиотека. Список изданий и отзывы печати» (М., 1911). Издание М. А. Новосёлова. См.: Переписка свящ. П. А. Флоренского и М. А. Новосёлова. Томск, 1998.

XXIX

...выбраться из своей книги. – Флоренский работал в то время над книгой «О Духовной Истине. Опыт православной феодицеи». М., 1913. Вып. 1–2.

XXX

...книжку Головина по нумизматике – найти не удалось.

...граф Витте устроил монетное дело Империи... – Сергей Юльевич Витте был инициатором финансовой реформы 1897 г., в результате к которой были выпущены новые золотые монеты: империял (15 р.), червонец (10 р.) и 5 р.

...перелистывая Вашу книжку – речь идет о книге Головина, присланной Розановым.

XXXI

Других обманывай... – из басни Эзопа «Осел в львиной шкуре».

«Мало плакать, надо стройно гармонически рыдать...» – К. Д. Бальмонт. Мало криков (из книги «Только любовь». М., 1903).

«И дали ему камень белый...» – Откр. 2, 17.

Сестра Валя – художница, поэтесса Ольга Александровна Флоренская, которую в семье звали Валя. В 1909 г. вышла замуж за друга Флоренского С. С. Троицкого, погибшего в 1910 г.

XXXII

«лучший из возможных миров» – высказывание немецкого философа Г. В. Лейбница в его «Теодицеи» (1710). В романе «Кандид» (1759) Вольтер словами доктора Панглоса высмеял эту формулу «предустановленной гармонии» Лейбница.

XXXIII

Дафнис – герой любовного древнегреческого романа «Дафнис и Хлоя» Лонга (II–III вв. н. э.).

В. М. Г. – Василий Михайлович Гиацинтов, брат жены Флоренского.

XXXIV

17, 18 и 21 ноября 1912 г. – это письмо Флоренского (с купюрами) приведено во 2-м издании книги Розанова «Люди лунного света» (СПб., 1913) под заглавием «Поправки и дополнения Анонима» (с. 280–297). Исключены или изменены некоторые имена.

...схема Вейнингера – Вейнингер О. Пол и характер. Принципиальное исследование. М., 1909.

...гениально пронюхивая – снизу написано: «S».

...в гоголевской русалке-мачехе - Н. В. Гоголь. Майская ночь, или Утопленница (1831).

...книжке о самодержавии -- имеет в виду книга Д. А. Хомякова «Самодержавие. Опыт схематического построения этого понятия» (4-е изд. Харьков, 1907).

...сосуд хрустальный в тиши отстоянных отрав -- В. Я. Брюсов. Одному из братьев (1905). У Брюсова: «Мои стихи -- сосуд волшебный» и т. д.

...о пр. Моисее Угрине -- речь идет о главе «О преподобном Моисее Угрине» в книге Розанова «Люди лунного света».

Иосиф, когда жена Пентефрия... -- Быт. 39, 6–20. В русском переводе речь идет о жене Потифара.

...измените это выражение -- Выражение изменено не было.

XXXV

«мерзости перед Господом» -- частое выражение в Библии (Притч. 3, 32; 11, 20; 12, 22 и др.).

С. Нилуса... Гл. XI -- на самом деле гл. IV. С. 129 и след.

XXXVI

...бездна бездну призывает -- Пс. 41, 8.

...спасибо за «Суворина» -- имеется в виду книга: Письма А. С. Суворина к В. В. Розанову. СПб., 1913.

Единств. вид литературы -- эти слова Флоренского стали эпитафией к книге: Розанов В. В. Литературные изгнанники. СПб., 1913. Т. 1.

XXXVII

Ю. Н. -- Ю. Н. Вязигин, знакомый Флоренского.

...у старшей сестры, Юлии -- Юлия Александровна Флоренская (1884–1947), врач-психиатр, развелась с мужем М. М. Асатиани. Их дочь Александра Асатиани (1910–1913) умерла от брюшного тифа.

Старушечки мои... -- С 1912 г. Флоренский служил в церкви Марии Магдалины приюта сестер милосердия Российского общества Красного Креста в Сергиевом Посаде.

«Мир как целое» -- книга Н. Н. Страхова, вышедшая в Петербурге в 1872 г.

XXXVIII

Ваш фельетон о Дункан -- «Дункан и ее танцы» // Новос Время. 1913. 16 января. Статья вошла в кн.: Розанов В. В. Среди художников. СПб., 1914.

...мне не придется увидеть то, что Вы видели. -- Дочь Розанова Т. В. Розанова записала в своей книге «Будьте светлы духом» (Воспоминания о В. В. Розанове) (М., 1999. С. 63): «Вспоминаются наши проводы Айседоры Дункан на вокзале, когда она покидала Россию. Отец, я, Аля и Павел Алексан-

дрович Флоренский поехали ее провожать. Отец хотел своему другу показать ее одухотворенное лицо».

...по слове *Бёме* – Якоб Бёме, немецкий мистик, автор книги «Лугога, или Утренняя заря в восхождении» (рус. пер. М., 1914).

«хоры стройные светил» – М. Ю. Лермонтов. Демон (1841).

«земная небесным сликовствует» – из акафиста Пресвятой Богородицы.

«пастырь добрый» – Ин. 10, 11.

...жетих «Песни Песней» – Песня Песней. 2, 16: «он пасет между лилиями».

...заповедь о радовании – Мф. 5, 12.

...в своей книге «Символизм» – книга А. Бслуго вышла в Москве в 1910 г.

...каким-ниб. *Петром Афонским* – как полководец Петр Афонский воевал с арабами в Сирии в 667 г., попал в плен и после освобождения удалился в монастырь на Афон, где и умер в 734 г.

Villa Ludovisi – Вилла Лудовизи близ Рима, построенная в начале XVII в. по чертежам Доменикино Цампьеры (1581–1641).

...теорема *Фурье* – речь идет о французском математике Жане Батисте Жозефе Фурье (1768–1830).

XXXIX

Синдетикон – сорт клея для бумаги и картона.

Кассия – благовония (Иез. 27, 19).

...для *Mortalia* – имеется в виду рукописная книга Розанова «Смертное» (СПб., 1913; тираж 60 экз.), вышедшая в свет (без права продажи) в начале мая 1913 г. Многие записи книги вошли в «Опавшие листья. Короб второй и последний» (СПб., 1915).

«Дн. п.», «Осен. листья» – варианты названия «Опавших листьев».

Лит. о. – то есть «Литературные очерки».

«золотом вечным горит в песнопеньи» – А. А. Фет. Поэтам (1890).

Гезений – имеется в виде одно из многочисленных изданий словаря еврейского и халдейского (арамейского) языка, составленного немецким гербаристом Фридрихом Генрихом Вильгельм Гезениусом (1786–1872). 13-е издание словаря – в Лейпциге в 1899 г.

XL

...просил *Вл. А. Кожевникова* – речь идет о книгах: *Федоров Н. Ф.* Философия общего дела. М., 1913. Т. 2; *Кожевников В. А.* Николай Федорович Федоров. Опыт изложения его учения по изданным и неизданным произведениям, переписке и личным беседам. М., 1908. Ч. 1.

Монеты Дмитрия II – Дмитрий II был царем государства Селевкидов в 240–229 гг. до н. э. Маллус или Малл – один из городов государства Селевкидов.

Иоанн Лидийский – по всей видимости, это Иоанн Эфесский (ок. 506–ок. 595) монофизитский епископ Эфеса, возглавлявший противоязыческую миссию в Малой Азии. Написал на сирийском языке «Церковную историю», из которой до нас дошла лишь часть 3.

ХЛ

...бесстыдство Арх. Антония Волинского – архиепископ Антоний Волинский (Храповицкий) резко выступил против имяславия. См.: *Половинкин С. М. Хроника афонского дела // Имяславие. Антология. М., 2002.*

Все травят иеросх. Антония Булатовича... – иеросхимонах Антоний (Булатович) возглавлял имяславческое движение на Афоне. См.: *Половинкин С. М. Антоний (Булатович) // Православная энциклопедия. М., 2001. Т. 2.*

...выпускаем его книгу – Антоний (Булатович). Апология веры во Имя Божие и во имя Иисуса. М., 1913. «От редакции» в этой книге написано Флоренским, но имя его не указано.

...все время откладываю ее – возможно, это статья «Напластования эгейской культуры» для «Богословского Вестника» (1913. Т. 2. № 6).

ХЛІ

...поехали в Вифаню – местность близ Сергиева Посада, где располагался Спасо-Вифанский мужской монастырь, основанный митр. Платоном в 1783 г., и находилась Вифанская духовная семинария.

...в руках Периклов и Аспазий – в доме афинского политического деятеля Перикла (ок. 490–429 до н. э.) и его жены Аспазии (ок. 470 до н. э. – ?) собирались художники, поэты.

ХЛІІ

...статьи Ваши будут напечатаны. – В мартовском номере «Богословского Вестника» за 1913 г. под рубрикой «Впечатления мирянина» появились две статьи Розанова: 1) «Торжество Православия» в служении Антиохийского Патриарха; 2) Не нужно давать амнистию эмигрантам.

...умирает двоюродный брат – Давид Сергеевич Мелик-Бегляров (1875 – 1 сентября 1913). Он был холост и бездетен.

...тетя Лиза – Елизавета Павловна Сапарова (1854–1919), сестра матери Флоренского, замужем за Сергеем Теймуразовичем Мелик-Бегляровым (ум. 1905).

«Древо жизни» – В 1913 г. Розанов готовил новое издание своей книги «Религия и культура» под названием «Древо жизни» с дополнениями и примечаниями Флоренского.

ХЛІV

...присылаю Вам еще статейку о трех мистиках – статья «Три вида мистики» хранится в Архиве свящ. Павла Флоренского; этой статье соответствует место в книге «Столп и утверждение Истины» (М., 1914. С. 266–267).

ХLV

Это последнее письмо. – Флоренский полагал, что это – последнее письмо перед приездом Розановых в Сергиев Посад.

Получил Вашу книгу – Опавшие листья. Короб первый. СПб., 1913.

Не даром она, не даром она, не даром с отставным гусаром... – М. Ю. Лермонтов. Эпиграмма Толстой (1831). Какая Толстая имеется в виду, лермонтовцами не установлено.

О «философе» и «седалище Моисеевом» – запись в первом коробе «Опавших листьев», начинающаяся словами: «Ряд попикиов, кушающих севрюжину. Входит философ».

Это письмо в машинописной редакции 1922 г. является первым разделом «На Маковце (Из частного письма)» первой части «Образ и слово» незавершенной книги Флоренского «У водоразделов мысли». См.: *Флоренский П. А. Соч.:* В 4 т. М., 1999. Т. 3(1). С. 28–33.

...«бес полуденный» – Пс. 90, 6.

...призрачном изумрудном небе восхода – ср. описание игры цветов при восходе солнца: «Прямо против солнца – фиолетовый, сиреневый и главное – голубой. В стороне солнца – розовый или красный, оранжевый. Над головою – прозрачно-зелено-изумрудный» (*Флоренский П. А. Небесные знамения (Размышления о символике цветов)*) // Флоренский. Соч. М., 1996. Т. 2. С. 414.

Помните ли Вы... – Септет Бетховена ор. 20 Es-dur для скрипки, альтя, кларнета, валторны, фагота, виолончели и контрабаса в шести частях создан Бетховеном в 1799–1800 гг. Первый нотный пример – вступление первой части, второй – начало второй части.

Геспер – одно из названий планеты Венеры как вечерней звезды. Как утренняя звезда в Греции эта планета называлась Эосфор, или Фосфор. Геспер и Фосфор считались разными звездами.

...звезду утреннюю – Флоренский следует здесь за толкованием Андрея Кесарийского: «Звездою утреннюю называет Иоанн Богослов или того, о ком возвещает пророк Исайя: како спала с неба денница, восходящая заутро (14, 12) и обещает, сокрушив ее, положить под ноги верных (Лк. 10, 18–19; Пс. 90), или же Денницу, упоминаемую блаженным Петром (2 Петр. 1, 19), т. е. просвещение Христово. Денницами же называются обыкновенно Иоанн Креститель и Илия Фесвитянин, предтеча первого восхода Солнца правды и предтеча второго пришествия Его» (Св. Андрей Кесарийский. Апокалипсис / Вступ. ст. Ив. Ювачева. СПб.: изд. Сойкина, б. г. С. 42–43).

А. – жена Флоренского Анна Михайловна.

В. – сын Флоренского Василий.

«грядущий в мир» – из священнической молитвы на утрени.

... дал мне стать у Своего Престола – в это время Флоренский служил в церкви Марии Магдалины при Обществе сестер милосердия Красного Креста.

Из алтаря... сама Лавра высилась как Горний Иерусалим – 10 сентября 1916 г. Флоренский записал, что церковь, где он служил, «оказалась направл<ной> не на восток, а на запад (против Обит<ели>). Не есть ли это знамение мое<го> интереса к язычеству, к античности. Тут мне дано, кроме символ<

ического> значения, еще и созерцание красоты: ЗАКАТА и Лавры. Наша церковь направлена на Прес<подобного> Сергия – ориентирована на Сергия» (Архив свящ. Павла Флоренского).

В прохладном ветерке... – 3 Цар. 19, 11–12.

«Звезда Утренняя и Денница» – Откр. 22, 16.

XLIX

...по получении письма со статьею Философова – Философов Д. В. Точка над і // Речь. 1913. 24 мая.

...идти со всей семьей встречать Государя – Николай II приезжал в Троице-Сергиеву Лавру в связи с празднованием 300-летия дома Романовых.

...газета, которую я никогда не читаю из чувства гадливости – речь идет о кадетской газете «Речь» (1906–1917).

...знаю от Еп. Федора – Епископ Федор (Поздеевский, 1876–1937) был тогда ректором Московской духовной академии.

...trio из Зины и двух Дим – З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковский и Д. В. Философов возглавляли Религиозно-философское общество в Петербурге.

Я говорил, что Церковь жива... – Флоренский в разделе «От редакции» книги иеросхимника Антония (Булатовича) «Апология веры во Имя Божие и во Имя Иисуса» (М., 1913) писал: «Как картонные домики, сбросить построения хулителей Церкви, говорящих о ее мертвенности, о ее казенности, о ее застое, о ее параличности» (Имяславие. Антология. М., 2002. С. 12).

Синодское Послание – имеется в виду послание Св. Синода об имяславии, опубликованное в «Церковном Вестнике» 18 мая 1913 г. (№ 20).

L

А. М. – падчерица Розанова А. М. Бутягина.

...исполнить советы Карпинского... – Александр Иванович Карпинский (1872 – ?), врач-невропатолог, лечивший членов семьи Розанова.

Посылаю Вам... маленькую «поэзу» – «поэзами» называл некоторые свои стихотворения Игорь Северянин.

LI

Часть письма опубликована в статье: *Игумен Андроник* (Трубачев). Священник Павел Флоренский – профессор Московской Духовной Академии и редактор «Богословского Вестника» // Богословские труды. М., 1987. Сб. 28. С. 304–305.

...московская «церковная дружба» – имеется в виду Кружок ищущих христианского просвещения, куда, помимо Флоренского, входили М. А. Новосёлов, о. Иосиф Фудель, Ф. Д. Самарин, С. Н. Булгаков, В. А. Кожевников, В. Ф. Эрн, Ф. К. Андреев, С. А. Цветков и др. Кружок находится под покровительством еп. Федора (Поздеевского). См.: *Половинкин С. М.* Кружок ищущих христианского просвещения // Русская философия. Малый энциклопедический словарь. М., 1995.

Шура – А. М. Бутягина.

«*Пращуры любомудрия*» – имеется в виду статья Флоренского «Напластования эгейской культуры» (Богословский Вестник. 1913. Т. 2. № 6). Позже Флоренский свои лекции объединил в книге: Первые шаги философии. Сергиев Посад, 1917. Вып. 1. Лекция и Lectio. Пращуры любомудрия. Напластования эгейской культуры.

ЛII

«*гибелью грозит*» – А. С. Пушкин. Пир во время чумы (1830).

«*Проходит образ мира сего*» – 1 Кор. 7, 31.

ЛIII

Часть письма опубликована в статье Розанова «Нужно перенести дело в другую плоскость (К делу Ющинского)» в его книге «Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови» (СПб., 1914).

...старшая сестра – Юлия Александровна Флоренская (1884–1947).

...умерла дочь – Маргарита Сергеевна Мелик-Беглярова (1872 – ок. 1905).

Вашу книгу... – имеется в виду книга Розанова «Литературные изгнанники» (СПб., 1913).

...из *Вашего фельетона о ритуальных убийствах* – «Важный исторический вопрос» в «Новом Времени» 26 сентября 1913 г. Статья вошла в книгу Розанова «Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови» (СПб., 1914).

Бейлис Мендель – приказчик кирпичного завода в Киеве, обвинявшийся в убийстве Андриюши Ющинского.

Троицкий Иван Гаврилович – гербарист, профессор СПбДА, на киевском процессе по делу Бейлиса утверждал, что у евреев ритуальных убийств не существует.

Хвольсон Даниил Абрамович – востоковед-семинолог.

«*в крови его – душа его*» – Втор. 12, 23.

«*Бог Авраама, Бог Исаака, Бог Иакова – не Бог философов и ученых*» – запись на пергаменте, датируемая 23 ноября 1654 г., которую Блез Паскаль постоянно носил с собой, получившая название «Амулет Паскаля». Упоминается в книге Флоренского «Столп и утверждение Истины» (М., 1914. С. 579).

ЛIV

Конец сентября – начало октября 1913 г. – Письмо датируется на основе ответного письма Розанова со штемпелем 7. 10. 13.

Шмидт – Анна Николаевна Шмидт. Флоренский и С. Н. Булгаков издали ее книгу «Из рукописей Анны Николаевны Шмидт с письмами к ней Вл. Соловьёва» (М., 1916). Розанов написал отзыв об этой книге: «А. Н. Шмидт и ее религиозные переживания и идеи» (Колокол. 1916. 27 мая и 3 июня; см. том «В чаду войны» в Собр. соч. Розанова).

Письма «-зона» и Рцы – речь идет о письмах М. О. Гершензона и И. Ф. Романова.

Наш великий талмудист – протоирей Евгений Александрович Воронцов (1867–1925), профессор Московской духовной академии по кафедре еврейского языка с библейской археологией.

LIV

Письмо опубликовано с сокращениями в кн.: *Розанов В. В.* Собр. соч. Сахарна. М., 1998. С. 438.

«Проф. Д. А. Хвольсон о ритуальных убийствах» – статья Флоренского была напечатана под псевдонимом Омега (Ω) в книге Розанова «Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови» (СПб., 1914). В Архиве Флоренского сохранилась корректура этой статьи с правкой Флоренского.

LVI

...*нечто о еврейск. магии* – по всей видимости, заметка для статьи «Проф. Д. А. Хвольсон о ритуальных убийствах».

Книга Мертвых – египетский папирусный свиток ок. 1400 г. до н. э.

LVII

Часть письма была опубликована Розановым в его книге «Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови» под заглавием «Иудеи и судьба христиан (Письмо к В. В. Розанову)» за подписью Омега (Ω). См.: *Розанов В. В.* Собр. соч. Сахарна. М., 1998. С. 361–368.

«содомии» – слово зачеркнуто синим карандашом и в публикации не вошло.

«давно уже взвешенный судьбой» – ср. А. С. Пушкин. Клеветникам России (1831).

Ни славянские ручьи не сольются в русском море, и оно не иссякнет – там же. ...*младенцев разбить о камень* – Пс. 136, 9.

«Хотя навек незримыми цепями...» – В. С. Соловьёв. «Хотя мы навек незримыми цепями...» (1875).

«во веки веков не согрешим» – Сир. 7, 39.

Я просил написать об «изгнанниках» Ф. К. Андреева – рецензия на книгу Розанова «Литературные изгнанники» в «Богословском Вестнике» не появилась.

Один знакомый мне человек... – возможно, Иван Иванович Иванов, в типографии которого в 1917–1918 гг. печатался «Апокалипсис нашего времени» Розанова.

«Претерпевый до конца – спасется» – Мф. 10, 22; Мк. 13, 13.

...*прав Покровский* – имеется в виду статья профессора кафедры библейской истории Московской духовной академии (в 1907–1909 гг.) Александра Ивановича Покровского (1873–1928) «К полемике о ритуальных убийствах: По поводу дела Бейлиса» (Утро России. 1913. 22 сент.), где написано: «Какой же вывод отсюда должны сделать мы к обвинению современного еврея в

ритуальном убийстве? А тот единственный, что обвинение это запоздало по меньшей мере на двадцать пять веков». Эти слова привел Розанов к своей статье «Важный исторический вопрос» (Новое Время. 1913. 26 сент.), включенной затем в его книгу «Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови». См.: Розанов В. В. Собор. соч. Сахарна. М., 1998. С. 293.

...*Ваша книга «о евреях»* – «Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови» (М., 1914).

Зогар – произведение каббалы, составляющее мистический комментарий к Пятикнижию Моисееву.

LIX

Книга моя получалась в канун рождения Васёнка (27 года) и в мой любимый праздник Введения... – Вася родился 21 мая 1911 г. 21 ноября 1913 г. ему исполнилось два с половиной года. Праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы празднуется 21 ноября. Следовательно, «Столп» был получен Флоренским накануне 21 ноября.

...*Ваша «Bessarabica»* – Летом 1913 г. Розанов с женой и дочерью Варей отдыхал в Бессарабии, в имении Е. И. Апостолопуло «Сахарна». Записи этого времени составили книгу «Сахарна», которая при жизни Розанова не была опубликована. По всей видимости, Флоренский читал какие-то ее части. Издана в кн.: Розанов В. В. Собор. соч. Сахарна. М., 1998.

...*колдун в «Страшной мести» у Гоголя* – речь идет о статье Розанова «Магическая страница у Гоголя» (Весы. 1909. № 8, 9).

Сабизм – секта, основанная Саббатаем Цеви (1626–1676), еврейским лже-мессией из г. Смирна. Турки арестовали его и принудили перейти в мусульманство. Возникла секта, члены которой числились мусульманами, а тайно исповедали иудаизм.

...*о «Сверхтелесном откровении»* – имеется в виду докторская диссертация Сергея Сергеевича Глаголева (1865–1937) «Сверхестественное Откровение и естественное Богопознание вне истинной Церкви» (Харьков, 1900).

LX

Ваша статья «В соседстве Содома» – вместо этой статьи в январской книжке «Богословского Вестника» за 1914 г. напечатана статья Розанова «На фундаменте прошлого». Брошюра «В соседстве Содома» вышла в свет отдельным изданием в феврале 1914 г.

Филии – В книге «Столп и утверждение Истины» Флоренский писал: «Оттенок, выраженный этим глаголом любви, есть внутренняя склонность к лицу, выросшая из задушевной общности и близости» (М., 1914. С. 396).

LXII

«*Отношение евреев к крови*» – книга Розанова «Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови» (СПб., 1914). В Главное управление по делам печати книга поступила между 26 февраля и 6 марта 1914 г.

Наш книгопродавец Елов – М. С. и Н. М. Еловы – книгоиздатели и книгопродавцы в Сергиевом Посаде. Михаил Савельевич Елов (1862–?) финансировал издание «Апокалипсиса нашего времени» Розанова и продавал выпуски книги в своем магазине. В 1928 г. осужден в числе 80 жителей Сергиева по делу «Антисоветской группы черносотенных элементов в г. Сергиево-Московской области».

...новым оказалось о камне из Христа Иерусалимского – на этом камне по-гречески было написано: «Всякий не еврей, который переступит через эту черту, будет убит» (Розанов В. В. Сбор. соч. Сахарна. М., 1998. С. 348).

...текст из книги Левит. – Лев. 10, 16–18 (см. у Розанова: Текст о вкушении крови евреями – в Библии ЕСТЬ!!! // Сахарна. С. 410).

...целое исследование – Флоренский написал работу «О терафимах» (не опубликована).

...нашего крещеного еврея – С. Ф. Паперно, жил до революции в одном доме с Ф. К. Андреевым.

Вашу книгу о скопцах и хлыстах – Розанов В. В. Апокалипсическая секта (Хлысты и скопцы). М., 1914.

Помните Писемского? – роман А. Ф. Писемского «Масоны» (1880).

У Мельникова-Печерского – дилогия романов П. И. Мельникова (Печерского) «В лесах» и «На горах» (1871–1881).

«Серебряный голубь» – роман А. Белого.

...из красного Креста – Флоренский служил священником в храме равноапостольной Марии Магдалины в Мариинском убежище сестер милосердия Красного Креста.

«мелкий бес» – имеется в виду роман Ф. Сологуба «Мелкий бес» (1907).

«язык и ум теряя разом» – А. С. Пушкин. Циклоп (1830).

...фельетон Мережковского о Суворине и Чехове – Мережковский Д. С. Суворин и Чехов // Русское Слово. 1904. 22 января. В ответ появилась статья: Розанов В. В. А. С. Суворин и Д. С. Мережковский (Письмо в редакцию) // Новое Время. 1914. 25 января.

...они выкопали кости – Флоренский имеет в виду изгнание Розанова из Религиозно-философского общества (26 января 1914 г.), инициаторами которого были Мережковские и Д. В. Философов.

...Вашу добрую статью о моей книге – рецензия Розанова «Густая книга» (Новое Время. 1914. 12 и 22 февр.) на книгу Флоренского «Столп и утверждение Истины» (М., 1914).

LXIII

...я взял бы неверный тон – Флоренский опубликовал рецензию А. В. Ремезова на книгу Розанова «Апокалипсическая секта (Хлысты и скопцы)» в «Богословском Вестнике». 1914. Май.

Преосв. Евдоким – архиепископ Евдоким (Мещерский, 1869–1935) в 1903–1909 гг. был ректором МДА.

...кухарка Каптеревых – семья историка церкви Н. Ф. Каптерева (1847–1918) жила в Сергиевом Посаде. Флоренский дружил с его сыном П. Н. Каптеревым (1889–1955).

Статья Ваша о самодержавии – Розанов В. На фундаменте прошлого (Власть Всероссийского Императора) // Богословский Вестник. 1914. Январь.

Печатается ли 2-й том «Изгнанников». – В 1 томе «Литературных изгнанников» (СПб., 1913) Розанов опубликовал письма к нему Н. Н. Страхова и Ю. Н. Говорухи-Отрока. В следующих томах Розанов предполагал напечатать письма к нему К. Н. Леонтьева, С. А. Рачинского, П. А. Кускова, Ф. Э. Шперка, Рцы (И. Ф. Романова), П. А. Флоренского, С. А. Цветкова, В. А. Мордвиновой. Однако следующие тома при жизни Розанова не вышли и вошли частично в настоящее Собрание соч.

«Юдаизм» – серия статей Розанова, печатавшаяся в журнале «Новый Путь» (1903. № 2–12). Розанов предполагал издать отдельно такую книгу.

«Зогар» – средневековый мистический трактат на арамейском языке. Статья Флоренского о нем не была написана.

LXIV

Перевод французский сделал Жаном де Поли – Sepher ha Sohar. Traduit par Jean de Pauli. Paris, 1911.

Монеты из Тарса – Тарс Киликийский – место рождения апостола Павла (Деян. 22, 3).

«Древо жизни» – во втором коробе «Опавших листьев» (1915) Розанов в плане 16 книг для издания называет «Древо жизни», статьи о поле.

LXV

...копию с письма к Льву Александровичу Тихомирову. – С этого письма Флоренского, написанного 23 февраля и 21–23 марта 1914 г. Тихомиров сделал копию, названную им «Еврейская письменность (Объяснение отца Павла Флоренского)». Опубликовано в журнале «Энтелехия». Кострома, 2005. № 10.

Диссертация моя прошла в Совете – 19 мая 1914 г. в МДА Флоренский защитил диссертацию «О духовной Истине. Опыт православной теодицеи». Перед тем она была принята в Совете МДА.

Антоний Волынский имеет основание злиться... – Очевидно, главному гонителю афонских имяславцев митрополиту Волынскому Антонию (Храповицкому) были известны выступления Флоренского в защиту имяславцев, например, его анонимное предисловие к книге о. Антония (Булатовича) «Апология веры во Имя Божие и во Имя Иисуса» (М., 1913). В конце концов митрополит Антоний одобрил диссертацию Флоренского.

LXVI

...из села Троицкого – село Троицкое в Рязанской губернии.

Живем у брата Анны, священника – священник Александр Михайлович Гиацинтов (1882–1950-е гг.), брат жены Флоренского; венчал Флоренского с

Анной Михайловной, имел двух дочерей Екатерину (1910–1991) и Нину (1915–1991). Флоренский способствовал его переводу священником в храмы Абрамцева и Муранова.

Хромолитография «Фесенко»... – В Одессе с 1870 г. работала хромолитография Е. И. Фесенко, печатавшая церковную литературу для всей России.

Сокорь (осокорь) – тополь.

Александр Васильевич Ремезов – исправляющий должность доцента по кафедре истории и обличения русского сектантства в МДА в 1913–1915 гг., автор рецензии на книгу Розанова «Апокалипсическая секта».

Александра Михайловна – падчерица Розанова.

...в монастыре были обижены «изменой» – Летом 1914 г., Розановы дачу в Сергиевом Посаде не снимали, жили в Луге.

«Путь» – московское издательство в 1910–1919 гг., орган Религиозно-философского общества памяти В. С. Соловьёва при финансовой поддержке М. К. Морозовой, опубликовало книгу Флоренского «Столп и утверждение Истины» (М., 1914).

Дмитрий Петрович Шестаков – филолог-классик, поэт, переводчик. Розанов писал о Шестакове: «Шестаков Д. П. профессор-классик в Казани и Варшаве и опять в Казани, ныне домовладелец. Прелестный. <...> Странно, что я Ш-ва люблю почти как Вар. Удивительно *не грязная* душа. Как проницательна его рецензия на Соловьёва (Т. пр.): ведь он очень и очень способен не к общим путям и не к общим мыслям:

Но поражен бывает мельком свет
Его лица не общим выраженьем».

(Литературоведческий журнал. 2000. № 13/14. Ч. 1. С. 107).

29 мая 1914 г. Шестаков писал Флоренскому: «Я весьма сочувствую задуманному книгоиздательством «Путь» изданию, потому что считаю мистическую философию высшей формой философии, что бы ни говорили против мистики. С удовольствием взял бы на себя перевод отмеченных сочинений св. Дионисия Ареопагита, и от души Вас благодарю за Вашу рекомендацию, которой постараюсь не оказаться недостойным. Я думаю, что на вакансии могу закончить предлагаемую работу...». Перевод действительно был закончен на каникулах, и 29 сентября 1914 г. Шестаков писал Флоренскому: «Не имея адреса книгоиздательства «Путь», обращаюсь к Вас с покорнейшей просьбой взять на себя труд передать книгоиздательству заказанный им мне через Ваше посредство перевод двух сочинений св. Дионисия Ареопагита» (Архив свящ. Павла Флоренского). 14 июля 1914 г. Г. А. Рачинский писал М. К. Морозовой: «Флоренский сообщил мне радостную весть, что казанский профессор Шестаков согласился перевести для нас св. Дионисия Ареопагита. Он написал Флоренскому, что весьма сочувствует «Пути» и считает мистическую философию высшей формой философии, что бы ни говорили против мистики. Перевод он рассчитывает кончить к сентябрю; так что у нас наконец, будет налицо еще один философ, кроме Фихте. Перевод обойдется нам около 50 руб. за лист, как мы предполагали; но книга будет сравнительно неболь-

шая, и перевод будет выполнен образцово, ибо он большой знаток, как греческого языка вообще, так и отцов Церкви в частности» (Взыскующие града. Публ. В. И. Кейдана. М., 1997. С. 584–585).

...*Гриневиц и всех дел ее* – Вера Степановна Гриневиц (? – после 1938). В 1911–1913 гг. пыталась организовать в Москве «христианскую школу» имени Владимира Соловьёва. С. А. Цветков был вовлечен в дела этой школы.

LXVII

Сестра моя Валя – так в семье звали Ольгу Александровну Флоренскую, художницу и поэтессу, вдову друга Флоренского С. С. Троицкого.

LXVIII

...*«при дверях»* – Мф. 24, 33; Мк. 13, 29.

1914. IX. 10 – дата письма ошибочна, ибо Флоренский пишет, что давно приехал в Посад. Очевидно, письмо следует датировать 10 октября.

...*миф о Ниобе* – жена царя Фив Амфиона Ниоба (Ниобея), согласно греческой мифологии, обладала многочисленным потомством. Она возгордилась перед дочерью титанов Лето – та имела от Зевса только двух детей – Аполлона и Артемиду. За это Лето поразила всех детей Ниобы, отчего та от горя окаменела.

LXIX

Порадовался за Веру... – В письме 31 декабря 1914 г. Розанов сообщал о своей болезни («потемнение сознания») и об отъезде дочери Веры в монастырь.

...*поехал на санитарном поезде...* – С 24 января по 23 февраля 1915 г. Флоренский совершил поездку на фронт в качестве священника поезда Красного Креста Черниговской губернии.

LXX

Ваша книжка – *Розанов В. В.* Война 1914 года и русское возрождение. Пг., 1915 г. В Главное управление по делам печати книга поступила между 26 февраля и 6 марта 1915 г. (отпечатана в ноябре 1914 г.).

Последнее время – эта часть письма опубликована Розановым в кн. «В чаду войны» (Пг., 1916. С. 14–19).

...*«единое на потребу»* – Лк. 10, 42.

Готовлю юбилейный № – Богословский Вестник. 1915. Октябрь – ноябрь – декабрь. К сто первой годовщине Императорской Московской Духовной Академии. 1814–1915.

...*статья об идеализме* – статья Флоренского «Смысл идеализма» // В память столетия (1814–1914) Императорской Московской Духовной Академии. Сборник статей, принадлежащих бывшим и настоящим членам академической корпорации. Сергиев Посад, 1915. Ч. 2. С. 41–134.

...это из конца «Антроподицеи» – статья Флоренского «Смысл идеализма»// Там же.

...покупки дома – В 1915 г. Флоренский приобрел дом П. Якуба на Дворянской улице Сергиева Посада (ныне ул. Пионерская, д. 19).

М. А. Новосёлов все подговаривает к тому же – см.: Переписка свящ. Павла Александровича Флоренского и Михаила Александровича Новосёлова. Томск, 1998.

...о бедных Эрпах – Владимир Францевич Эрн, философ, друг Флоренского. Евгения Давыдовна Векилова (1886–1972) – пианистка, его жена. Ирина Владимировна Эрн (1909–1991) – историк архитектуры, их дочь.

В. Д. и А. М. – жена и падчерица Розанова.

LXXI

Василий – друг, но истина – большой друг – источник – сочинение александрийского философа Аммония Саккаса (III в.) «Жизнь Аристотеля», где приводится афоризм Платона: «Сократ мне друг, но истина – больший».

...делу с «Опавшими листьями» – второй короб «Опавших листьев» Розанова вышел в свет после 21 июля 1915 г.

Критич. заметка Андреева – рецензия Ф. К. Андреева на кн.: Сочинения К. С. Аксакова. Пг., 1915. Т. 1 // Богословский Вестник. 1915. № 5. С. 191–212.

...статье о К. Аксакове – статья в печати не появилась.

...пачку писем К. Аксакова к отцу – Флоренский опубликовал письма К. С. Аксакова к родным из архива А. А. Александрова (1861–1930): Богословский Вестник. 1915. № 9; 1916. № 3/4, 5, 9; 1917. № 4/5.

Что Вы пишете о «П. Ф.» и о Рафаиле Соловьёве – Флоренский отвечает на письмо Розанова от 20 июня 1915 г. Имеется в виду рецензия Флоренского на кн.: Соловьёв Р. М. «Научный атеизм. Сборник статей о профессорах Геккеле, Мечникове и Тимирязеве. М.: Книгоиздательство «Творческая мысль», 1915 // Богословский Вестник. 1915. № 6. С. 374–376, подписанная инициалами «П. Ф.». Часть рецензии посвящена памяти Рафаила Михайловича Соловьёва, одного из основателей издательства «Творческая мысль».

...«победихом, перепрехом!» – 5 июля 1682 г. состоялись бурные прения между патриархом Иоакимом и ревнителями старой веры во главе с Никитой Добрыниным (Пустосвятом) в присутствии царевны Софьи. Староверам показалось, что они победили, и выходя из Грановитой палаты Кремля они кричали: «Победихом, перепрехом, посрамихом!» (Чтения в ОИДР. 1894. Кн. 4. Отд. 2. С. 90–91).

Как Ваша книга? – речь идет о втором коробе «Опавших листьев».

Я считаю тебя счастливым, кузнечик... – стихотворение Анакреонта «Кикаде», переложенное М. В. Ломоносовым («Стихи, сочиненные на дороге в Петергоф», 1761):

Кузнечик, дорогой, коль много ты блажен,
Коль больше пред людьми ты счастьем одарен!
Препровождаешь жизнь меж мягкою травой
И наслаждаешься медвяною росой.

...«кроткую улыбку увяданья» – Ф. И. Тютчев. Осенний вечер (1830).

LXXIII

1915. X. 17 – Письмо большей частью опубликовано в книге Розанова «Сахарна» (Розанов В. В. Собр. соч. Сахарна. М., 1998. С. 7–8).

«яко трава дние его» – Пс. 102, 15.

«Помни последняя твоя, и во век не согрешииши» – ср. Сир. 28, 6.

Шура – А. М. Бутягина.

LXXIV

...с братом младшим – Андрей Александрович Флоренский (1899–1961), военный морской инженер.

26 и 30 октября 1915 г. – Возможно, это письмо не было отправлено (см. письмо Флоренского от 11 января 1916 г.)

Капокусь в роде своем – генеалогические материалы, собранные Флоренским, систематизированы, дополнены и изданы игуменом Андроником (Трубачевым): Свящ. Павел Флоренский. Генеалогические исследования // Флоренский П. А. Детям моим... М., 1992.

...от мецан и до графов Разумовских – об этом родстве Флоренский писал: «Первая жена деда моего Ивана Андреевича Флоренского, моя родная бабка Анфиса Уаровна Соловьёва, в замужестве Флоренская, была дочерью Уара Ефимовича Соловьёва. По словам Александры Владимировны Пекок, урожденной Ушаковой, этот мой прадед, Уар Ефимович, был незаконным сыном графа Разумовского. Но как звали графа Разумовского, я доселе не дознался» (Флоренский П. А. Детям моим... М., 1992. С. 355).

LXXV

Мордвинова Вера Александровна – московская курсистка, с которой переписывался Розанов. Письмо Флоренского приложено к письму Мордвиновой.

«его же любит – и наказует» – Притч. 3, 12.

«и сокруши ему ребра» – Иер. 50, 17.

LXXVI

«Вешние Воды» – петербургский молодежный журнал, выходил под ред. М. М. Спасовского в 1914–1918 гг. Розанов постоянно сотрудничал в нем.

LXXVII

...связку перунов – имеется в виду письмо Флоренского от 26 и 30 октября 1915 г.

...сына Кирилла – Кирилл Павлович Флоренский (1915–1982), геохимик.

...сборник благотворительный – В 1916 г. журнал «Вешние Воды» выпустил студенческий сборник «Молодая Русь», в котором принял участие Розанов.

...Ваших писем к Леонтьеву – см.: Розанов В. В. Литературные изгнанники: Н. Н. Страхов. К. Н. Леонтьев. М., 2001.

Марья Владимировна Леонтьева (1848–1927) – племянница К. Н. Леонтьева.

LXXIX

...к изданию египетского альбома – речь идет о книге Розанова «Из восточных мотивов» (Пг. 1916–1917. Вып. 1–3).

...Атласа наполеоновской экспедиции – Панкука – Description de Egypte ou recueil des observations et des recherches qui ont été faites en Egypte pendant l'expédition de l'armée française. Vol. 1–12. Paris, 1809–1813; 2 ed. Vol. 1–14. Paris, 1821–1830. Издатель – Карл-Луи-Флери Панкук (Panckoucke, 1780–1844).

...получил Вашу корректуру – речь идет о первом выпуске «Из восточных мотивов», поступившем в Главное управление по делам печати между 30 августа и 6 сентября 1916 г.

«не давать повода ищущим повода» – 2 Кор. 11, 12.

...проект измененного объявления – имеется в виду предисловие к первому выпуску «Из восточных мотивов», помещенному в начале как реклама-объявление.

...вопреки Святейшему – вероятно, имеется в виду постановление Святейшего Синода, осудившее имяславие. См.: Имяславие. Антология. М., 2002.

...статьей о Бокле – статья Розанова «Книга особенно замечательной судьбы» в его книге «Природа и история» (СПб., 1900).

...риккертовскую... философию – имеется в виду книга немецкого философа-неокантианца Генриха Риккерта «Философия истории» (СПб., 1908).

Вот почему его нападки – имеется в виду статья: Бердяев Н. А. Стилизованное православие // Русская Мысль. 1914. Январь.

«и радость и горе – все к цели одной» – В. А. Жуковский. Теон и Эсхин (1814) (И горесть и радость – все к цели одной).

...что за книгу Вы выпустили? – Розанов В. В. В чаду войны. М., 1916.

LXXX

...Ваш фельетон в «Моск. Вед.» – Розанов В. В. Бердяев о молодом московском славянофильстве // Московские Ведомости. 1916. 17 августа.

...статьи Николая Александровича... – Бердяев Н. А. Стилизованное православие // Русская Мысль. 1914. Январь. Его же. Типы религиозной жизни в России. Новое христианство // Русская Мысль. 1916. Июль.

«Кормчая» («Кормчая книга») – собрание правовых норм Русской православной церкви.

...«обители многи суть» – Ин. 14, 2.

Старец Герман – схиигумен Герман (Гомозин, 1844–1923) – с 1897 г. настоятель Зосимовской пустыни Троице-Сергиевой Лавры, где духовно окормлялись члены Кружка ищущих христианского просвещения.

...как его герой устраивает себе келью – имеется в виду роман французского писателя Ж. К. Гюисманса «Наоборот» (1884) с его главным героем Жаном дез Эссентом.

LXXXI

...Вашим переводом «Метафизики» Аристотеля – перевод П. Д. Перлова и В. В. Розанова был напечатан в «Журнале Министерства Народного Просвещения». 1890. № 2, 3; 1891. № 1; 1893. № 7, 8, 9; 1895. № 1, 2; отд. изд. СПб., 1896. См. так же *Аристотель*. Метафизика. Пер. П. Д. Перлова и В. В. Розанова. М., 2006.

«*Былое*» – сборник (Лондон; Париж, 1900–1904, 1908–1913. № 1–15) и журнал (СПб.; Л. 1906–1907, 1917–1926; 57 номеров). Редакторы: В. Л. Бурцев, В. Я. Богучарский, П. Е. Щёголев.

«*Колокол*» – первая русская революционная газета (Лондон, 1857–1865; Женева, 1865–1867). Редакторы: А. И. Герцен и Н. П. Огарев.

«*Русская историческая библиотека*» – серия сборников документов по истории России (1872–1927. 39 томов).

Среди нескольких работ готовлю одну – по всей видимости, это воспоминания Флоренского, которые вышли под названием «Детям моим. Воспоминания прошлых дней» (М., 1992).

Большое спасибо за «Вост. Мот.», II – Розанов В. В. Из восточных мотивов. Пг., 1916. Вып. 2, поступивший в Главное управление по делам печати между 14 и 21 ноября 1916 г.

LXXXII

Лихачева не пустили в У-т – об этом Розанов писал Флоренскому 25 ноября 1916 г. Николай Петрович Лихачев (1862–1936) – историк книги, палеограф. С 1925 г. – академик АН СССР. В архиве Флоренского сохранилось 6 писем Лихачева 1916–1919 гг. Розанов сблизился с ним во время написания книги «Из восточных мотивов». 11 ноября 1917 г. Лихачев писал Флоренскому о Розанове: «На нем вина незамолимая – писал против евреев».

LXXXIII

Спасибо за 3-ий выпуск по Египту. – третий выпуск книги «Из восточных мотивов» поступил в Главное управление по делам печати между 26 января и 2 февраля 1917 г. Письмо было переслано с Т. В. Розановой, дочерью писателя.

LXXXIV

Шаг, сделанный Вами с заказным письмом... – 29 июля 1917 г. Розанов писал Флоренскому (получено им 3 августа): «Я месяца 10 назад послал «заказным» Царю и Царице о «Подразумеваемом смысле монархии» (брошюра Розанова, написанная в 1895 г., но изданная в 1912 г.). Это неоконченное письмо Флоренского не было отправлено.

LXXXV

...корректуру нового сборника... – Летом 1917 г. была сделана верстка первых частей книги Розанова «Сахарна» («Перед Сахарной» и «В Сахарне»

до записи: «– Вы хотите с меня снять портрет...»). Очевидно, об этой верстке пишет Флоренский.

...дом прот. *Беляева* – протоиерей Андрей Андреевич Беляев (ум. 15 дек. 1918). Больной Розанов продиктовал его сыну некролог отца (ГЛМ. Ф. 362. Ед. хр. 70).

С. М. Половинкин

ПИСЬМА В. В. РОЗАНОВА

к П. А. ФЛОРЕНСКОМУ (с. 194)

Письма В. В. Розанова к П. А. Флоренскому за 1903–1917 гг. хранятся в Фонде священника П. А. Флоренского, публикуются по рукописи, впервые подготовленной к печати В. Г. Сукачем. Многие письма Розанова посвящены проблемам гомосексуализма («s»), о чем он хотел написать с Флоренским книгу (см. письмо № 63).

Даты в письмах Розанова, как правило, не обозначены. Они восстановлены по почтовым штемпелям на конвертах и пометкам Флоренского о дате получения письма.

В ходе подготовки к печати писем Розанова к Флоренскому были утрачены оригиналы следующих писем:

1912 г. 8 июля,

1913 г. 13 августа (вторя половина письма), 7 октября, 25 октября, 1 ноября, 25 ноября, 26 ноября, 7 декабря.

1916 г. 21 января (конец письма).

Печатаются по сохранившимся копиям расшифровки этих писем (с некоторыми непрочитанными словами).

Как известно, рукописи не горят. Нельзя исключить, что оригиналы этих писем могут появиться у коллекционеров в нашей стране или за рубежом.

1

Удивительны стихи Тютчева. – В первом письме Флоренского к Розанову от 9 сентября 1903 г. приведены строки из стихотворений Ф. И. Тютчева «День и ночь», «Видение».

3

...вдовы *Наинской* – Лк. 7, 11–12.

Подобосущный – термин, в ходе тринитарных споров IV в. о соотношении Бога-Сына и Бога-Отца признанный арианской ересью. Догматически принят термин $\theta\upsilon\omicron\upsilon\sigma\upsilon\sigma\omicron\varsigma$ (Единосущный), вошедший в Никейский Символ веры (325 г.). О термине см. «Столп и утверждение истины» о Флоренского.

...по ней «сохнет» один молодец – имеется в виду А. В. Карташёв.

«О Кормчей» – Громогласов И. М. Определения брака в Кормчей и значения их при исследовании вопроса о форме христианского бракозаключения. Сергиев Посад, 1908.

Aglaophon (Аглафон) – древнегреческий живописец из Фасоса (V в. до н. э.). Вероятно, имеется в виду Аглаофам, учивший Пифагора тайным знаниям.

...в «Основах идеализма» – вероятно, Флоренский делился с Розановым своим замыслом книги «Смысл идеализма» (Сергиев Посад, 1915).

...сгорели 2 города – Содом и Гоморра.

Вы старый сотрудник «Весов» – Флоренский напечатал свою статью «Об одной предпосылке мировоззрения» в «Весакх» (1904. № 9. С. 24–35).

...слушаю возражения на свой доклад Вяч. Иванова – 4 мая 1909 г. на заседании секции по изучению вопросов истории, философии и мистики христианства в Религиозно-философском обществе был прочитан доклад Розанова «О радости прощения» (Весы. 1909. № 12. С. 175–184), полемически направленный против Д. С. Мережковского. Вяч. Иванов выступил на тему «Евангельский смысл слова “земля”».

...по Карамзину – имеется в виду статья Н. М. Карамзина «О счастливейшем времени жизни» (Вестник Европы. 1803. № 13). Розанову принадлежит статья «“Кто истинно счастливый человек” (Из тем Карамзина)» (Московские Ведомости. 1916. 2 и 6 июля).

...послал книгу Вашей сестре – речь идет о только что вышедшей книге Розанова «Итальянские впечатления».

...где Вы пишете об Ерме – Флоренский писал: «Ерм – римский харизматик и аскет I-го и начала II-го века. «Пастырь его написан весь в аскетически-эсхатологических тонах» (Флоренский П. А. Столп и утверждение Истины. М., 1990. С. 305).

...Ваши брат и сестра – Андрей (1899–1961) и Ольга (1890–1914) Флоренские.

Не измеряют, не оцениют... – измененный текст стихотворения Ф. И. Тютчева «Эти бедные селенья...» (1855).

Я б. 3 дня в Тифлисе – В июне 1898 г. Розанов был в Тифлисе.
«огурец с гору» (Хемницер) – на самом деле это образ из басни И. А. Крылова «Лжец» (1812).

Было в 1905 году... – Розанов был в Кисловодске в 1907 г.

«Первоначальное христианство» – статья С. Н. Булгакова «Первохристианство и новейший социализм (Религиозно-историческая параллель)» // Вопросы Философии и Психологии. 1909. № 98. С. 215–268.

Бранд или Эрик – герои пьес Г. Ибсена «Бранд» (1866) и «Союз молодежи» (1869, поставлена в Петербурге в 1907 г.).

Ваша лекция – «Космополитические антиномии И. Канта» в «Богословском Вестнике». 1909. Апрель. Пробная лекция на общем собрании совета Московской духовной академии 17 сентября 1908 г.

...с переездом на новую квартиру – В июле 1909 г. семья Розанова переехала на Звенигородскую ул., д. 18, кв. 23.

«Истор. религий» Ельчанинова – имеется в виду сборник «История религий» (М., 1909), где главы I–IV и VII написаны А. В. Ельчаниновым.

Корделия – младшая дочь короля Лира в драме У. Шекспира «Король Лир» (1605).

«Песнь песней» – речь идет о книге «Песнь Песней Соломона». Пер. А. Эфроса. Предисл. В. Розанова. СПб., 1909.

Плоды невольных искушений... – измененный текст посвящения к «Евгению Онегину» (1827) А. С. Пушкина.

«Лекция Lectio» – статья Флоренского с подзаголовком: «Вместо предисловия к издаваемому курсу лекций» появилась в «Богословском Вестнике» (1910. Апрель).

...писания Карпова – Платон. Сочинения. Пер. В. Н. Карпова. СПб., 1863–1879. Ч. 1–6.

...мужа Вашей сестры убил ученик гимназии – 2 октября 1910 г. в Тифлисе мужа Ольги Флоренской Сергея Семеновича Троицкого зарезал психически ненормальный ученик 5 класса Шалватавдгеридзе.

Не пылит дорога... – М. Ю. Лермонтов. Из Гёте (1840).

Апостат – вероотступник.

«Рустам и Зораб» – персидская повесть из эпической поэмы Фирдуоси «Шахнаме» (1010), переведенная в 1846–1847 гг. В. А. Жуковским с немецкого перевода Ф. Рюккерта.

«Красенькая» – 10 рублей.

Еду в Наугейм – в июне 1910 г. Розанов с женой ездил в Германию (Берлин, Наумбург, Мюнхен, Франкфурт-на-Майне).

«Не хорошо быть человеку одному» – Быт. 2, 18.

...один любитель-собираатель ...адвокат с «местной страстью» – Иван Александрович Рязановский (1869-1927), принимавший активное участие в организации Романовского музея и первый его директор в 1913–1914 гг.

«Критяне лгут» – апория Зенона Элейского: «Критянин сказал: «Все критяне лгут». Значит, он солгал, и потому правда, что критяне лгут, а если так, то... и т. д. »).

«Ицкагу» (Ицхак) – Исаак.

О «частушках» – Собрание частушек Костромской губернии Нерехтского уезда. Предисл. П. А. Флоренского. Кострома, 1909.

И всем мирам она грозит – Г. Р. Державин. На смерть князя Мещерского (1779).

...Струве и еще один соц.-дем. обрушились – речь идет о статьях П. Б. Струве «Большой писатель с органическим пороком» (Русская Мысль. 1910. № 11. Отд. II. С. 138–146) и А. В. Пешехонова «Бесстыжее светило, или Изобличенный двурушник» (Русские Ведомости. 1910. 20 декабря).

«разбить яйца и сделать яичницу» – запись вошла во второй короб «Опавших листьев» («Нужно нарушить политику...»).

«Предисловие» и «Голгофу и Крест» – части книги Розанова «Темный Лик» (СПб., 1911).

Вы хорошо пишете... о ревности и особенно о Спинозе – письмо XII «Ревность» в книге Флоренского «Столп и утверждение Истины» и письмо IV. «Свет истины» (там же).

Я вас любил... – одноименное стихотворение А. С. Пушкина (1829).

Умоляю прислать наставление... – 2 ноября 1911 г. А. М. Бутягина писала Флоренскому с просьбой приехать, чтобы вытащить Розанова из смертельной тоски.

Умерла наша бабушка... 29 ноября – по другим сведениям Александра Андриановна Руднева (урожд. Жданова, 1826–1911) умерла 27 ноября.

Отвращение к жизни – выражение приписывается римскому историку Тациту.

Всегда пишу Штатная – с 1 апреля 1912 г. по 14 октября 1915 г. Розанов писал на письмах Флоренскому адрес: Троице-Сергиев Посад Московской губ., Штатная Сергиевская ул., дом Озерава.

Читая корректуру ее (1894 г.)... – В 1912 г. вышла книга Розанова «О подразумеваемом смысле нашей монархии», написанная весной 1895 г. и снятая тогда из июльской книжки «Русского Вестника» за 1895 г.

...все сдано в типографию – речь идет о втором издании книги Розанова «Люди лунного света» (СПб., 1913) с «Поправками и дополнениями Анонима» (т. е. Флоренского).

...за «Анонима» спасибо – публикуя статьи Флоренского, Розанов подписывал их псевдонимом «Аноним».

Ольвия – город-государство, основанное в начале VI в. до н. э.

Не поместите ли Вы под заглавием «Из впечатлений мирянина» – речь идет о статьях Розанова «“Торжество Православия” в служении Антиохийского Патриарха» и «Не нужно давать амнистию эмигрантам», напечатанных в мартовском номере «Богословского Вестника» 1913 г. под общим заголовком «Впечатления мирянина».

«Древо жизни и идея скопчества» – книга Розанова не вышла. В архиве Розанова сохранились материалы этой книги (РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 49 и 49а), статьи из которой Розанов печатал в других изданиях.

...как эта девочка – Письмо напечатано на обороте открытки с изображением девочки и якоря.

Об Ω (греч. буква «омега») – псевдоним Флоренского.

Владимир Карлович – Саблер, обер-прокурор Синода в 1911–1915 гг.

Рцы помер – друг Розанова И. Ф. Романов (псевдоним Рцы) умер 16 мая 1913 г.

Статью Философ. – 16 мая 1913 г. Д. В. Философов в газете «Речь» назвал Розанова за статью «Не нужно давать амнистию эмигрантам» «осатаневшим публицистом».

...прочитав об «отлучении» Св. Синода Булатовича, Иллариона – Вас и Цв. и Новос. – 1 мая 1913 г. появился указ Синода об осуждении имяславия, направления в русском православном богословии, созданного в 1912 г. в русском Пантелеймоновском монастыре на Афоне иеросхимонахом Анатолием Булатовичем. В поддержку имяславцев выступали Флоренский, М. А. Новосёлов, В. А. Кожевников, С. Н. Булгаков и др. Эта «Афонская смута» основывалась на книге схимонаха Иллариона «На горах Кавказа. Беседа двух старцев подвижников о внутреннем единении с Господом через молитву Иисус Христову» (1907, 3-е изд. 1912).

«аки трава, брошенная в печь» – Мф. 6, 30.

...прекраснейшая статья Энгельгардта «Анархия духовная» – не установлена.

Мережковский написал обо мне... – статья Д. С. Мережковского «В. В. Розанов» в газете «Русское Слово» 1 июня 1913 г.

«Утренняя Звезда» – еженедельник «религиозного пробуждения русского народа», выходивший в Петербурге в 1909–1917 гг.

«Вечная память» – статья Розанова была опубликована в «Русском Обозрении» (1896. № 9–10); вошла в книгу «Литературные изгнанники» (1913).

...у Куно Фишера есть книжка – «Реальная философия и ее век. Франциск Бэкон Веруламский». СПб., 1870.

Не надо ли вм. «Дамские моды» – «женские наряды» – Розанов здесь и далее делает замечания по оттиску статьи Флоренского «Напластования эгейской культуры» (Богословский Вестник. 1913. Т. 2. Июнь).

Жаль, что не знаком ты с нашим петухом – И. А. Крылов. Осел и Соловей (1811).

Nautilus – ср. запись 19 апреля 1915 г. в «Мимолетном» Розанова о чтении им в гимназические годы романа Жюль Верна «25 000 верст под водой» с его капиталом Немо и кораблем «Наутилус».

92

«Ангел Иеговы у евреев» – статья Розанова была опубликована отдельным изданием в феврале 1914 г. под названием: «Ангел Иеговы» у евреев (Истоки Израиля)». См.: *Розанов В. В. Собр. соч. Возрождающийся Египет.* М., 2002. С. 465–474.

«Земщина» – газета издавалась в Петербурге в 1909–1917 гг. В ходе дебатов в печати по делу Бейлиса Розанов напечатал в ней две статьи: «Андрюша Ющинский» (1913. 5 окт.) и «Наша “кошерная печать”» (1913. 22 окт.).

Отрок нежный, отрок милый... – А. С. Пушкин. Подражание арабскому («Отрок милый, отрок нежный...») (1835).

«милый Иван Павлыч», который вечно «спит» – ср. запись в первом коробе «Опавших листьев» Розанова: «Много есть прекрасного в России... как спит Иван Павлыч». Иван Павлович Щербов – участник Религиозно-философских собраний 1901–1903 гг., преподавал нравственное богословие в С. -Петербургской духовной академии.

93

«Подпольная Россия» – очерк русского народнического движения, напечатанный на итальянском языке в 1882 г. С. М. Кравчинским под псевдонимом «Степняк» (на русском языке в Лондоне в 1893 г.).

...у Платона «идея волоса» – диалог «Парменид» у Платона (*Платон.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1993. Т. 2. С. 350).

95

«В соседстве Содома» – брошюра Розанова вышла в свет в феврале 1914 г. под названием «В соседстве Содома (Истоки Израиля)». См.: *Розанов В. В. Собр. соч. Возрождающийся Египет.* М., 2002. С. 457–464.

99

«Евреи и тrefные европейские царства» – статья вошла в книгу Розанова «Европа и евреи». В архиве Флоренского хранятся гранки этой статьи.

101

...книги о хлыстах и скопцах – книга Розанова «Апокалипсическая секта (Хлысты и скопцы)», вышедшая в Петербурге в феврале 1914 г.

Посылаю Вам... 100 р. – Письмо на отрезанном купоне почтового перевода.

«Православие, самодержавие и народность» – формула, провозглашенная в 1832 г. С. С. Уваровым, назначенным в следующем году министром народного просвещения.

Мое все идет очень плохо – после выступлений в печати в связи с процессом Бейлиса гонорары Розанова стали снижаться.

...январь, реценз. Андреева – в январе 1915 г. в «Богословском Вестнике» напечатана рецензия Ф. К. Андреева «О сочинении студента Виноградова Николая “Позитивные и мистические представления о прогрессе в русской литературе XIX столетия”».

«Творч. мысль» – издательство, в котором вышла книга Рафаила Михайловича Соловьёва «Философия смерти». М.: «Творческая мысль», 1906.

«П. Ф.» – псевдоним Флоренского в его рецензии на книгу Н. М. Соловьёва «“Научный” атеизм» (Богословский Вестник. 1915. № 6).

...курсистка в Москве – Вера Мордвинова.

...учительница музыки – Вера Ивановна Рашевская, учительница музыки в гимназии М. Н. Стоюниной, в которой учились дочери Розанова.

У курсих... – о своей подруге Калиночке Мордвинова писала в письмах к Розанову.

...и еще журнал – «Вешние Воды» (Петроград, 1914–1918).

«Записки Саввы» (Тверского), в «Б. В.» – Петропавловский И. Д. Вынужденное самооправдание (Заметки к письму высокопреосвящ. Саввы в его «Автобиографических записках») // Богословский Вестник. 1904. Май. Паг. 2. С. 124–140.

...около Медведя (пон) – петербургский священник Ярослав Иванович Медведь, участник Религиозно-философского общества; был тесно связан с Г. Распутиным. Осенью 1907 г. А. М. Бутягина ушла из дома под «скверным влиянием» Медведя.

...конец «Обломова» – госпожу Обломову звали Агафья Матвеевна.

«Скучно жить на этом свете, господа» – конец «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» (1834) Н. В. Гоголя.

Вознепщеваху <вознепщевати – предположить, подумать; древнерус.> – предполагав.

«Рус. ночи» Одоевского – книга В. Ф. Одоевского «Русские ночи» (М., 1913) под редакцией С. А. Цветкова.

В Костроме у Покрова – Розанов вспоминает свое детство в Костроме, где дом его матери находился вблизи храма Покрова Пресвятой Богородицы (1790, разрушен в 1936 г.). Розанов рассказал об этом в предисловии (1905) к своей книге – «Около церковных стен».

«Якуба» – П. Якуб, домовладелец, у которого Флоренский купил дом. Дома обычно назывались не по номерам, а по фамилии хозяина.

...у Соколова «Обрезание» – Соколов В. Обрезание у евреев. Историко-богословское исследование. Казань, 1892 (оттиски из журнала «Православный Собеседник». 1890–1891).

...о «Столбе» у меня выделилось ядовитое замечание – 19 августа 1914 г. в «Мимолетном» запись: «Недостаток «Столпа и утверждение истины» тот, что он весь и непрерывно музыкален».

«Кнут» Флоренского – запись во втором коробе «Опавших листьев»: «Кнут» Фл. как-то месяцы жогет мне душу...» (Розанов В. В. Уединенное. М., 1990. С. 304). Ср. о «кнуте» в письме Флоренского к Розанову 27 сентября 1912 г.

«Лазурь» – сборник стихов Флоренского «В вечной лазури». Сергиев Посад, 1907.

«Корни идеализма» – очевидно, речь идет о книге Флоренского «Смысл идеализма» (Сергиев Посад, 1915).

«статуетка *Didon*» – сохранилось несколько античных статуэток, изображающих кончину основательницы Карфагена царицы Дидоны. В четвертой книге «Энеиды» Вергилий описывает любовь Дидоны и Энея.

1-й вып. – здесь и далее речь идет о книге Розанова «Из восточных мотивов». 1-й выпуск вышел в сентябре 1916 г.

Халила – санаторий близ Петербурга, куда Розанов ездил к дочери Вере.

...унылое письмо Глубоковскому – 11 августа 1916 г. Розанов писал богослову Н. Н. Глубоковскому, с которым переписывался с 1905 г., о своих со-

мнениях по поводу книги «Из восточных мотивов»: «Ах, коровы Египта меня смутили. И я задумал сделать что-то чудовищное. Для науки: безумие. Хуже: преступление... Суть дела не в фараонах, а в коровах. Но с этой точки зрения составить книгу» (*Богданова Т. А.* Из переписки В. В. Розанова и Н. Н. Глубоковского // Проблемы источниковедческого изучения истории русской и советской литературы. Л., 1989. С. 50).

Вы и Волжский – Флоренский и А. С. Глинка-Волжский просили Розанова отказаться от продолжения «Опавших листьев». Розанов глубоко переживал это, но все же не мог удержаться от продолжения изобретенной им формы философских записей.

139

«*Стилиз. правосл.*» – статья Н. А. Бердяева «Стилизованное православие» (о Флоренский. «Столп и утверждение истины»)) // Русская Мысль. 1914. № 1. С. 109–125.

Юдифовна – жену Бердяева звали Лидия Юдифовна (1874–1945), ее сестра – Евгения Рапп (1875–1960).

Его книгу я купил – речь идет о книге Бердяева «Смысл творчества. Опыт оправдания человека» (М., 1916), о которой Розанов написал несколько статей.

141

Проезжая мимо сфинксов – имеются в виду два сфинкса XV в. до н. э., установленные в 1834 г. на набережной Невы в Петербурге.

«*Потому что он прекрасен*» – Аристотель. Риторика.

...*могила 1-й Нади* – первая дочь Розанова Надя умерла 25 сентября 1893 г. в возрасте 10 месяцев и похоронена на Смоленском кладбище Петербурга вблизи могилы святой Ксении.

...*у французского Maspero* – имеется в виду книга: *Maspero G.* Essais sur l'art égyptien. Paris, 1912.

...*у Иезекииля* – Иез. 40, 3 и 29.

143

Ив. Павл. – Щербов Иван Павлович, церковный деятель, с которым Розанов дружил семьями.

Кожевников Владимир Александрович – религиозный философ. Розанов сблизился с ним в 1910-е годы, когда у него сложились дружеские отношения с Флоренским и «молодыми московскими славянофилами». Далее упоминается и его сын Кирилл.

145

Чудно Вы о Хомякове – рецензия Флоренского на книгу: *Завитневич В. З.* Алексей Степанович Хомяков. Киев, 1902. Т. 1–2. (Богословский Вестник. 1916. Июль – август. С. 516–581).

...*у Крижанича* – имеется в виду книга хорватского ученого-энциклопедиста Юрия Крижанича «Политика», свидетельство о России XVII в.

853

Кушитство – в концепции Хомякова одна из двух сил в истории человечества. См.: *Флоренский П.* Соч.: В 4 т. М., 1996. Т. 2. С. 228.

146

«*Ист. фил.*» – Книга немецкого философа А. Шwegлера «История философии» (1848; рус. пер. М., 1864).

...по *Котошихину* – бежавший в Литву, а затем в Швецию подьячий Посольского приказа Г. К. Котошихин (ок. 1630–1667), автор книги «О России в царствование Алексея Михайловича» (издана в 1840 г.).

147

Дома случилось расстройство – имеется в виду скандал, описанный Ф. К. Андреевым в письме к Флоренскому. Поводом стало письмо московской почитательницы Розанова (очевидно, В. Мордвиновой) со словами: «Васичка, приезжай, зацелую до смерти», попавшее в руки жены Розанова.

148

...*лохматый академик, что писал о Федорове.* – Речь идет о шести статьях студента МДА С. А. Голованенко о «Философии общего дела» Н. Ф. Федорова в «Богословском Вестнике» в 1913–1915 гг.

Надежда Романовна за Щербова – участница «Религиозно-философской библиотеки» М. А. Новосёлова. В некрологе (НВ. 1911. 17 мая) Розанов записал ее мысль: «Религиозный человек – вот с чего начинается человек».

Статья, кот. я послал Вам – статья не была напечатана, как и многие статьи Розанова 1917 г.

Мих. – Михаил Алексеевич Суворин (1860–1931), старший сын А. С. Суворина, с 1903 г. фактически главный редактор «Нового Времени».

149

Была речка Десна... – Розанов вспоминает свою жизнь в Брянске, где в 1882–1887 гг. он преподавал в прогимназии.

Нужда скачет, нужда плачет... – название картины (1870) художника Л. И. Соломатина в Гос. русском музее.

«*Записки корнета Савина*» – книга Николая Герасимовича Савина (ум. 1937), международного авантюриста, присвоившего себе титулы – граф Тулуз де Лотрек и маркиз Траверсе.

150

Зачем ты воешь, ветр ночной – ср. Ф. И. Тютчев. «О чем ты воешь, ветр ночной...» (1836).

Эйдкунен – пограничная станция между Россией и Германией.

«*Все течет*» – выражение приписывается древнегреческому философу Гераклиту как основное положение его философии.

854

«Мы отсюда не расходимся» – ответ деятеля Великой французской революции О. Мирабо обер-церемониймейстеру Людовика XVI А. Дрё-Брезе 23 июня 1789 г. на требование покинуть зал заседаний Национального собрания. На бюсте Мирабо работы Ж. А. Гудона высечены слова: «Скажите вашему господину, что мы здесь по воле народа и уступим только силе штыков».

151

Слышал о Титлинове и «радости о сем Тареева» – историк русской церкви, профессор СПбДА Борис Васильевич Титлинов (1879–?) по поручению Синода проводил в марте 1917 г. ревизию МДА, в результате чего на Совете МДА 13 марта был смещен ректор академии, а вместо Флоренского с мая 1917 г. главным редактором «Богословского Вестника» назначен М. М. Тареев.

...статью об Египте – статьи Розанова о Египте вошли в подготавливаемую книгу «Возрождающийся Египет».

«Комиссаров Костромской» спас Александра II – 4 апреля 1866 г. в Петербурге у входа в Летний сад студент Дм. Вл. Каракозов совершил покушение на Александра II. В момент выстрела его толкнул стоявший рядом Осип Коммисаров, и император остался невредим.

...Озлобленный ум – И. С. Тургенев. Дым. XXVII

152

Скажите... свяц. Соловьёву – речь идет о статье С. М. Соловьёва «Гёте и христианство» (Богословский Вестник. 1917. № 2/3, 4/5), в которой «язычество» Гёте критикуется с христианских позиций,

Фед. Конст. – друг Флоренского Ф. К. Андреев.

Булг. написал колоссальный труд – имеется в виду книга С. Н. Булгакова «Свет Невечерний» (М., 1917).

Машкин – удивителен... – Флоренский прислал Розанову свою книгу «Данные к жизнеописанию архимандрита Серапиона (Машкина)». Сергиев Посад, 1917.

У Вас книжка – очень хороша – речь идет о книге Флоренского «Первые шаги философии». Сергиев Посад, 1917.

Читаю о «Кор. Нев.» – баллада И. В. Гёте «Коринфская невеста» (1797). Розанов читал статью С. В. Соловьёва «Гёте и христианство» (Богословский Вестник. 1917. №4/3. С. 255).

153

...дурак Сахаров писал об Элевз. таинств. – Розанов читал статью П. С. Страхова «Эсхатология языческих мистерий» (Богословский Вестник. 1913. № 7–10).

«И нашел ужас великий на него во сне» – Быт. 15, 12.

«лествица Иакова» – Быт. 28, 12.

«Эгейские культуры» – статья Флоренского «Напластования эгейской культуры» (Богословский Вестник. 1913. № 6) вошла в его книгу «Первые шаги философии» (1917).

А. Н. Николюкин

855

ПЕРЕПИСКА В. В. РОЗАНОВА
и С. А. РАЧИНСКОГО (с. 413)

ПИСЬМА С. А. РАЧИНСКОГО к В. В. РОЗАНОВУ
С КОММЕНТАРИЯМИ РОЗАНОВА (с. 413)

В 1902–1903 гг. Розанов опубликовал адресованные ему письма Рачинского (с купюрами) в журнале «Русский Вестник» со своим предисловием и обширными комментариями, раскрывающими историю его взаимоотношений с татевским педагогом (см.: Из переписки С. А. Рачинского // Русский Вестник. 1902. № 10. С. 603–629; № 11. С. 143–157; 1903. № 1. С. 218–243). Письма сверены по оригиналам, хранящимся в Российской государственной библиотеке в Москве (Ф. 249. Картон М 4205. Ед. хр. 1, 2). Несколько писем и записок Рачинского, пропущенных Розановым при публикации (№ V, VII, XVII, XVIII, XXVIII, XXIX, XXXIV), печатаются нами впервые в хронологическом порядке. Отмечены также пропуски в письмах Рачинского, сделанные Розановым при публикации (такие места в письмах зачеркнуты либо замазаны чернилами или тушью, либо просто вырезаны). Два письма Рачинского (№ VIII и LII), ошибочно датированные Розановым, переставлены на соответствующие места. Открывки из писем Рачинского Розанов приводит в своей статье «Особая группа писателей (Из переписки С. А. Рачинского)» (НВ. 1902. 28 июня).

Публикуемая переписка расположена в хронологическом порядке. Так как в большинстве случаев даты на письмах Розанова отсутствуют, то датировка произведена на них Рачинским по дате штемпеля на конверте. В тех редких случаях, когда такие пометы Рачинского отсутствуют – письма Розанова датируются приблизительно, исходя из дат на соседних письмах в соответствующем томе переписки.

ПРЕДИСЛОВИЕ. «ИЗ ПЕРЕПИСКИ
С. А. РАЧИНСКОГО» (с. 413)

Впервые: Русский Вестник. 1902. № 10. С. 603–606. Печатается по тексту этого журнала.

...классические достоинства имеет «Сельская школа». – Книга Рачинского «Сельская школа», вышедшая впервые в 1891 г., выдержала семь изданий.

«Разве вы не знаете, что я силен из камней сотворить новых чад Аврааму», – повторял Лев Х... – Римский папа Лев X (1475–1521) был известен торговлей индульгенциями.

Все это нас... смешит, когда мы читаем о Тецеле у Иловайского или Вебера. – Иоганн Тецель (ок. 1465–1519) – немецкий монах, распространитель индульгенций, против которого выступил М. Лютер. Георг Вебер (1808–1888) – немецкий историк, автор труда «Всемирная история» (т. 1–15. М., 1885–1892).

К письмам Рачинского, хранящимся в РГБ, приложена, как и к письмам других корреспондентов Розанова, его обобщающая записка, характеризующая адресата и их отношения:

«Сергей Александрович Рачинский

– тяжелая и непоправимая на мне вина лежит перед ним, перед его годами, заслугами перед Россиею. Его «портрет en tout»* – один из самых красивых за весь XIX век.

Да прости он мне с того света. Я истинно, истинно и глубоко перед ним виновен» (Ф. 249. К. М4205. Ед. хр. 1. Л. 1; Литературоведческий журнал 2000. № 13/14. Ч. 1. С. 105).

В том же архиве, на чистом листе последнего письма Рачинского (ед. хр. 6, л. 1, 2об.), имеется еще одна запись, в которой Розанов сформулировал суть их разногласий: «*Пропать* целая разделяла меня от Рачинского, пропась возраст, пропась сословная, пропась образования: и не могу же не сознаться я, что во всех этих отношениях он стоял выше меня, неизмеримо выше. Но главная пропась, я думаю, была в темпераменте все-таки. Я – весь неустроенный, хаотичный, с “ни да, ни нет”, боязливый, испуганный, смятенный, с “дрожанием” за мамочку, за Танюшку, “до которых ему, в сущности, не было дела”. Он – церковен, соблюдал все посты, и чтобы “вступить в распрю с Церковью” – это ему и на ум не могло придти. Я же своим положением семейным (женитьба от [якобы] живой жены), самым фактом его, был приведен в положение спора, и такого, по страстности моего темперамента, что – или ей выжить и мне умереть (расстаться с женой и слабеньким ребенком) или мне жить – и тогда ей умереть. Я решил мстить за Варю и Надю. Во мне была именно месть. Я ничего не хотел кроме мщения. Но «мщение» и сложное, огромное (повернуть все и вернуть к “культу фалла”, зерно язычества, зерно и юдаизма, “культ семени и крови” по ученым [Беляев: “Семиты и хамиты”]) – стало приходить мне на ум к концу 1896 года; первые “ласточки” его – “Семя и жизнь”, “Смысл аскетизма”, особенно – “Кроткий демонизм”, “Номинализм христианства [ради цензуры: ...в христианстве]»: ибо жену я взял кроткую, добрую, “глубокую христианку” [Гофштетер о ней] и из священнического рода (внучка или правнучка Иннокентия Таврического, племянница Ионафана Ярославского). Ну и т. д. (Устал писать). Янв. 1916».

I

НИОР РГБ. Ф. 249. К. М4205. Ед. хр. 1. Л. 1–5. (Письма С. А. Рачинского к В. В. Розанову // Русский Вестник. 1902. № 10. С. 606–607)

....прочел я Вашу статью... – Розанов В. Эстетическое понимание истории // Русский Вестник. 1892, № 1. С. 156–188 (продолжение в № 2 и 3 шло под названием «Теория исторического прогресса и упадка»).

II

НИОР РГБ. Ф. 249. К. М4205. Ед. хр. 1. Л. 6–7 (Русский Вестник. 1902. № 10. С. 608–609)

....прислал свою книгу... – Филиппов Т. И. Современные церковные вопросы. СПб., 1882. Значительное место в книге занимают «Чтения о едино-

* в полный рост (фр.).

верчества», в которых Филиппов выступал сторонником облегчения сближения староверов с Православной Церковью.

Сам он издавал «Благовест»... – журнал славянофильского направления (1890–1895), в котором печатались члены «филипповского» литературного кружка.

В письме стоит более резкое выражение. – Слова «не всегда прямыми» вставлены вместо зачеркнутых «кривыми и темными», далее в оригинале прочитывается фраза, выпущенная Розановым при публикации: «его тайный орган – “Гражданин”».

III

НИОР РГБ. Ф. 249. К. М4205. Ед. хр. 1. Л. 8–9. (Русский Вестник. 1902. № 10. С. 609)

...поджидал приезда вашего в Татевое с Лутковским. – Лутковский Василий Осипович – предводитель Бельского уездного дворянства, создатель в селе Корчежине сельской школы по типу Татевской; с 1899 – чиновник в Петербурге.

IV

НИОР РГБ. Ф. 249. К. М4205. Ед. хр. 1. Л. 10–11 (Русский Вестник. 1902. № 10. С. 609–610)

В опубликованном Розановым тексте пропуск – в оригинале часть страницы затушевана.

Я прочел ... вашу статью. – Розанов В. В. О. Ключевский о древней Руси // Русский Вестник. 1892. № 7. С. 213–227 (перепеч. в кн. «Религия и культура» (1899) под назв. «Черты характера древней Руси»).

V

НИОР РГБ. Ф. 249. К. М4205. Ед. хр. 1. Л. 12. Публикуется впервые.

VI

НИОР РГБ. Ф. 249. К. М4205. Ед. хр. 1. Л. 13–14 (Русский Вестник. 1902. № 10. С. 610).

...знакомство с Т. И. может быть вам приятным и полезным... – Розанов от встречи с Филипповым уклонился.

VII

НИОР РГБ. Ф. 249. К. М4205. Ед. хр. 1. Л. 17–18. Публикуется впервые.

VIII

НИОР РГБ. Ф. 249. К. М4205. Ед. хр. 1. Л. 19, 20 (Русский Вестник. 1902. № 10. С. 610). Вся 1-я страница, кроме приводимых фраз, залита тушью. Лист затушеван и частично обрезан.

К. П. Победоносцев прочел ваши «Сумерки просвещения»... – Розанов В. Сумерки просвещения // Русский Вестник. 1893. № 1. С. 29–54 (статья печаталась с продолжением в № 2, 3, 6 журнала). Победоносцев похвалил статью, но раскритиковал манеру изложения материала. «Умно, глубоко, вкусно. Но – увы! Какая жалость: слог невозможный» (Ф. 631. Оп. 1. 1893. Янв.–февр. Ед. хр. 68. № 13. Л. 25–26).

IX

НИОР РГБ. Ф. 249. К. М4205. Ед. хр. 1. Л. 21–22 (Русский Вестник. 1902. № 10. С. 610–611)

...Прочел окончание вашей статьи... – Розанов В. О трех принципах человеческой деятельности // Русское Обозрение. 1893. № 4. С. 593–610 (начало статьи: Там же. № 3. С. 106–121).

X

НИОР РГБ. Ф. 249. К. М4205. Ед. хр. 1. Л. 23–24 (Русский Вестник. 1902. № 10. С. 611–612)

Статья «О трех принципах» требует переработки... – см. комм. к письму IX.

Копии с Вашего портрета... еще не добился. – Имеется в виду копия с карандашного портрета В. В. Розанова, сделанного Богдановым-Бельским.

Прочтите... «Дневник» А. О. Смирновой». – Имеется в виду публикация в «Северном Вестнике» в 1893–1894 гг. «Записок А. О. Смирновой».

XI

НИОР РГБ. Ф. 249. К. М4205. Ед. хр. 1. Л. 39–40 (Русский Вестник. 1902. № 10. С. 618–619). Розанов при публикации ошибочно датировал это письмо 18 августа 1894 г. (вместо 1893 г.) и поместил его не на месте.

...снимок с портрета писанного Богдановым-Бельским. – Н. П. Богданов-Бельский. Портрет С. А. Рачинского (1890).

...издание «Легенды об инквизиторе»... – Розанов В. Легенда о Великом Инквизиторе Ф. М. Достоевского. Опыт критического комментария. СПб. 1894.

...один познакомившийся со мной «жид»... – С. К. Литвин (Эфрон), предложивший Розанову писать еженедельные передовицы в газете «Свет».

ХII

НИОР РГБ. Ф. 249. К. М4205. Ед. хр. 1. Л. 27–28 (Русский Вестник. 1902. № 10. С. 612–613).

Последняя «сура» яснополянского пророка... – Имеется в виду Л. Н. Толстой, религиозно-моралистическими произведениями которого Рачинский был недоволен.

ХIII

НИОР РГБ. Ф. 249. К. М4205. Ед. хр. 1. Л. 27–28 (Русский Вестник. 1902. № 10. С. 613–614).

ХIV

НИОР РГБ. Ф. 249. К. М4205. Ед. хр. 1. Л. 29–30 (Русский Вестник. 1902. № 10. С. 614). За исключением опубликованной части, всё остальное зачеркнуто синими чернилами. $\frac{2}{3}$ листа отрезано.

ХV

НИОР РГБ. Ф. 249. К. М4205. Ед. хр. 1. Л. 31–34 (Русский Вестник. 1902. № 10. С. 615–617). За исключением опубликованной части, всё остальное зачеркнуто синими чернилами. $\frac{2}{3}$ листа отрезано.

Гаерству Соловьёва никакого значения не придаю. – Имеется в виду статья Вл. Соловьёва «Порфирий Головлев о свободе и вере» (Вестник Европы. 1894. № 2).

...мне известно, что вы в Москве были встречены крайне недружелюбно. – Рачинский состоял в переписке с московскими сотрудниками «Русского Обозрения» И. Фуделем и Л. Тихомировым. См. комм. к письму Розанова № 17.

...книге Посошкова: «Завещание отеческое» – Посошков И. Т. Завещание отеческое к сыну. СПб., 1893.

...книга В. Л. Величко: «Владимир Соловьёв. Жизнь и творения» – Величко В. Л. Владимир Соловьёв. Жизнь и творения. СПб., 1903.

ХVI

НИОР РГБ. Ф. 249. К. М4205. Ед. хр. 1. Л. 37–38 (Русский Вестник. 1902. № 10. С. 617–618).

...ответа с вашей стороны на гаерство Соловьёва... – имеется в виду статья: Розанов В. Ответ г. Владимиру Соловьёву // Русский Вестник. 1894. № 4. С. 191–211.

...будто я писал в защиту какой-то книги гр. Леливы о католиках в России. – Граф Лелива – псевдоним католического публициста 1890-х гг. Антона Тышкевича (а не Е. Н. Матросова, как ошибочно указано в словаре И. Ф. Масанова).

XVII

НИОР РГБ. Ф. 249. К М4205. Ед. хр. 1. Л. 41–43. Публикуется впервые.

...относительно напечатания Вашей статьи о Казерио. – Розанов В. Казерио Санто и виды на будущее в Европе // Русский Вестник. 1894. № 10. С. 239–259.

Николя предпринял написать картину... – Имеется в виду картина Н. П. Богданова-Бельского «Воскресные чтения в сельской школе» (1895).

На стекольном заводе Нечаева-Мальцева – Завод находился вблизи г. Белого.

XVIII

НИОР РГБ. Ф. 249. К. М4205. Ед. хр. 1. Л. 44 (конец письма-записки отсутствует). Публикуется впервые.

XIX

НИОР РГБ. Ф. 249. К. М4205. Ед. хр. 1. Л. 44–46 (Русский Вестник. 1902. № 10. С. 619–621).

Радуюсь тому, что вы, наконец, познакомились с Победоносцевым. – Розанов нанес визит Победоносцеву 2 июня 1895 г., ходатайствуя о снятии цензурного запрета с его статьи «О подразумеваемом смысле нашей монархии» (Русский Вестник. 1895. № 6).

Моей статейке... вы придаете слишком много значения. – Рачинский С. Церковная школа. Статья первая. // Русское Обозрение. 1895. № 6.

В опубликованном варианте письма пропуск: «У нас в семье – свадьба. Племянница – Мария Константиновна (Вы, кажется, ее встречали) выходит замуж за Сергея Толстого, сына гр. Льва Николаевича. Поджидаем в Татеве и невесту, и жениха».

XX

НИОР РГБ. Ф. 249. К. М4205. Ед. хр. 1. Л. 47–48 (Русский Вестник. 1902. № 10. С. 621).

Большой пропуск – около □ страницы зачеркнуто Розановым.

XXI

НИОР РГБ. Ф. 249. К. М4205. Ед. хр. 1. Л. 49–50 (Русский Вестник. 1902. № 10. С. 622).

...оттиск – хотя бы вашей статьи о Толстом... – Розанов В. По поводу одной тревоги гр. Л. Н. Толстого // Русский Вестник. 1895. № 8.

С нетерпением ожидаю августовской книжки... – Речь идет о статье Розанова, посвященной Толстому.

У меня нет последних томов барсуковского Погодина. – Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Т. 1–22. СПб., 1888–1910 (к августу 1896 г. вышло в свет 10 томов).

XXII

НИОР РГБ. Ф. 249. К. М4205. Ед. хр. 1. Л. 53–54 (Русский Вестник. 1902. № 10. С. 622–623).

...заметка о книге Тихомирова. – Розанов В. Где истинный источник «борьбы века»? (По поводу книги Л. Тихомирова «Борьба века») // Русский Вестник. 1895. № 8.

Хорошая заметка в «Русском Обозрении» – Розанов В. Критическая заметка // Русское Обозрение. 1895. № 6 (о ст. Н. Аксакова «Свобода, любовь и вера» // Рус. Беседа. 1895. № 1–3).

Менее удовлетворительна статья о Толстом. – По поводу одной тревоги гр. Л. Н. Толстого // Русский Вестник. 1895. № 8.

Очень любопытна история о кн. Вяземском... – Имеется в виду кн. В. В. Вяземский (1811–1892). См. о нем подробнее: *Меньшиков М. О.* Серпуховской циник // *Меньшиков М. О.* Народные заступники и другие нравственно-бытовые очерки. СПб., 1900. С. 217–272. Меньшиков показал, что «князь-нигилист» был далек от подлинного подвижничества.

XXIII

НИОР РГБ. Ф. 249. К. М4205. Ед. хр. 1. Л. 53–54 (Русский Вестник. 1902. № 10. С. 623–624).

Высоко ценю его прелестную книгу... – речь идет о труде Н. П. Барсукова «Жизнь и труды Погодина».

XXIV

НИОР РГБ. Ф. 249. К. М4205. Ед. хр. 1. Л. 57–58 (Русский Вестник. 1902. № 10. С. 624–626).

Ничего не понимаю в том, что вы рассказываете о Соловьёве. – В октябре 1895 г. Соловьёв навестил Розанова с целью личного знакомства, несмотря на их недавнюю ожесточенную полемику в печати.

...с повинною в брани, коею он вас осытал... – Рачинский имеет в виду известный фельетон Соловьёва «Порфирий Головлев о свободе и вере» (Вестник Европы. 1894. № 2) и его статьи в продолжение спора (Вестник Европы. 1894. № 4 и № 7).

В статье о книге Барсукова вы даже, по поводу Писарева, впадаете в противоположную крайность. – См.: *Розанов В. В.* Религия. Философия. Культура. М., 1992. С. 87–90.

...такие почтенные люди, как Я. Колубовский и С. Венгеров в «Энциклопедии» Брокгауза и Ефрона подвели ею итог моей литературной характеристики. – Характеристика Розанова в словаре Брокгауза и Ефрона, подписанная Я. К. (Я. Колубовским), никаких резких отзывов не содержит.

Ваши статьи в октябрьских книгах журналов... – Культурная хроника русского общества и литературы за XIX в. // Русский Вестник. 1895. № 10. С. 163; Необходимое разьяснение // Русский Вестник. 1895. № 10. С. 321–325; Что выражает собою красота природы? // Русское Обозрение. 1895. № 10. С. 601–623 (1-я часть статьи).

XXV

НИОР РГБ. Ф. 249. К. М4205. Ед. хр. 1. Л. 59–60 (Русский Вестник. 1902. № 10. С. 626–627).

Статьи ваши «О красоте в природе»... – имеется в виду большая статья «Красота в природе и ее смысл» (отдельный оттиск: М., 1895), которая в журнальном варианте имела другое название («Что выражает собою красота природы?») // Русское Обозрение. 1895. № 10–12). Это сочинение было написано еще в 1890 и содержала полемику со взглядами В. С. Соловьёвым, высказанными в статье с близким названием «Красота в природе» (Вопросы Философии и Психологии. 1889. № 1).

XXVI

ОР РГБ. Ф. 249. К. М4205. Ед. хр. 1. Л. 61–61 (Русский Вестник. 1902. № 10. С. 628–629).

Последние ваши статьи («Гордиев узел», «Открытое письмо к Веселовскому»)... – Розанов В. Гордиев узел // Русский Вестник. 1895. № 12; Открытое письмо к г. Алексею Веселовскому // Русское Обозрение. 1895. № 12.

«Вестник Европы»... поместил статью Соловьёва... – Соловьёв Вл. Спор о справедливости // Вестник Европы. 1895. № 12. В статье проводится идея нравственного самодержавия.

XXVII

НИОР РГБ. Ф. 249. К. М4205. Ед. хр. 2. Л. 1–2 (Русский Вестник. 1902. № 11. С. 147).

...получил ответ о кончине Н. Н. Страхова... – Н. Н. Страхов умер 24 января 1896 г.

XXVIII

НИОР РГБ. Ф. 249. К. М4205. Ед. хр. 2. Л. 17–18. Публикуется впервые.

Скоро неделя, как нахожусь здесь... – В январе 1896 г. Рачинский был в Петербурге и, как обычно, остановился у Победоносцева.

XXIX

НИОР РГБ. Ф. 249. К. М4205. Ед. хр. 1. Л. 35–36. Публикуется впервые.

XXX

НИОР РГБ. Ф. 249. К. М4205. Ед. хр. 2. Л. 3–4 (Русский Вестник. 1902. № 11. С. 147–148).

Статьи об инородцах, о Стасовой написаны яснее... – Розанов В. Кто истинный виновник этого? // Русское Обозрение. 1896. № 8; Над. В. Стасова и основание «Высших Женских Курсов» в Петербурге // Новое Время. 1896. 9 авг. № 7345 (перепеч. в кн. «Религия и культура» под назв. «Женское образовательное движение 60-х годов»).

Лучше всего – ... о ходынской катастрофе. – Розанов В. Две гаммы человеческих чувств (По поводу Ходынской катастрофы) // Русское Обозрение. 1896. № 8. С. 767–769.

XXXI

НИОР РГБ. Ф. 249. К. М4205. Ед. хр. 2. Л. 5–6 (Русский Вестник. 1902. № 11. С. 143–144).

Заметка ваша о 9-м сентября... – Розанов В. 9 сентября 1896 года в Петербурге // Русское Слово. 17 сент. № 250.

Печатается книга о Хомякове... В. Н. Лясковского. – Лясковский В. Н. А. С. Хомяков. Его жизнь и сочинения. М. 1897 (впервые: Русский Вестник. 1896. № 11).

XXXII

НИОР РГБ. Ф. 249. К. М4205. Ед. хр. 2. Л. 7–8 (Русский Вестник. 1902. № 11. С. 144).

XXXIII

НИОР РГБ. Ф. 249. К. М4205. Ед. хр. 2. Л. 9–14 (Русский Вестник. 1902. № 11. С. 144–147).

...считая мою статейку о псалтыри... – Рачинский С. Чтение Псалтири в начальной школе // Русское Обозрение. 1896. № 11.

Из статей ваших... бесспорно лучшая – «Школьные трафареты». Розанов В. Педагогические трафаретки // Новое Время. 1896. 20 нояб. № 7448.

Статья о Дарвине как газетная статья – прекрасна. – Розанов В. Теория Ч. Дарвина, объясняемая из личности автора // Новое Время. 1896. 29 окт. № 7428.

XXXIV

НИОР РГБ. Ф. 249. К. М4205. Ед. хр. 3. Л. 15. Публикуется впервые.

XXXV

НИОР РГБ. Ф. 249. К. М4205. Ед. хр. 3. Л. 1–2 (Русский Вестник. 1902. № 11. С. 148–150).

использованное всеми врагами религии (напр., в «Вырождении» Макса Нордау), а именно: столь частое совпадение аномальной чувственности с религиозным мистицизмом. – Нордау М. Вырождение. СПб., 1893.

религиозность г-ж Крюднер и Бальзаков. – О сочетании чувственности и религиозности у баронессы В. Ю. Крюднер (1764–1825) Розанов писал в статье «Катков как государственный человек» (Биржевые Ведомости. 1897. 17 окт. № 283 (см.: Розанов В. В. Собр. соч. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. М., 1996. С. 265, 266).

... печатается его перевод «Московского Сборника». – Перевод «Московского Сборника» К. П. Победоносцева на французский язык, сделанный Лутковским не без участия Рачинского, стилистически отредактировал французский политический деятель Леон Буржуа.

...поэта и переводчика Канта, Н. М. Соколова... – Н. М. Соколов много сотрудничал как критик в тех же консервативных изданиях, что и Розанов, под псевдонимом Скиф.

«Аз есмь огонь поедаящий...» – Ср.: Вт 4: 24; Евр. 12: 29.

XXXVI

НИОР РГБ. Ф. 249. К. М4205. Ед. хр. 3. Л. 3–4 (Русский Вестник. 1902. № 11. С. 150–152).

...прочли вашу статью о гимназической реформе... – Розанов В. О гимназической реформе семидесятых годов // Новое Время. 1897. № 7700. 5 авг.

читали леонтьевские «Пропилеи». – Специалист по классической филологии П. М. Леонтьев (1822–1874) издал 5 томов сб. статей по классической древности «Пропилеи» (1851–1856).

XXXVII

НИОР РГБ. Ф. 249. К. М4205. Ед. хр. 3. Л. 5–6 (Русский Вестник. 1902. № 11. С. 152–153).

...превратить его в прекрасную статью для печати. – Розанов совету Рачинского не последовал.

XXXVIII

НИОР РГБ. Ф. 249. К. М4205. Ед. хр. 3. Л. 7–8 (Русский Вестник. 1902. № 11. С. 153–154).

В нелепой статье Соловьёва о Пушкине... – Соловьёв Вл. Судьба Пушкина // Вестник Европы. 1897. № 2.

XXXIX

НИОР РГБ. Ф. 249. К. М4205. Ед. хр. 3. Л. 9–10 (Русский Вестник. № 11. С. 154–156).

Куно Фишер, на портрете, мне подаренном, подписал... – С. А. Рачинский был в годы пребывания в Германии знаком с известным историком философии К. Фишером, который советовал ему заняться философией.

Статья ваша...огорчила кн. Мещерского. – имеется в виду бывший попечитель Московского учебного округа кн. Н. П. Мещерский (1829–1901). Розанов В. Представление о России в годы учебной реформы // Новое Время. 1897. № 7742. 16 сент.

XL

НИОР РГБ. Ф. 249. К. М4205. Ед. хр. 3 Л. 11–12 (Русский Вестник. 1902. № 11. С. 156–57).

Статья ваша о Меньшикове хороша... – Розанов В. В. Смысл аскетизма // НВ. 1897. № 7846. 31 дек.

XLI

НИОР РГБ. Ф. 249. К. М4205. Ед. хр. 4. Л. 1–3 (Русский Вестник. 1903. № 1. С. 218–219).

Очень радуюсь тому, что издание сборника ваших статей осуществляется. – В 1898 г. П. Перцов начал готовить к изданию несколько сборников статей Розанова.

Прочел... кощунственную поэму Buchanan'a «The Wandering Jew». – В поэме Р. Бьюкенена «Вечный Жид. Рождественская песнь» (1893) в роли Агасфера выступает Иисус Христос.

...в посмертных записках архиепископа Никанора («Из истории ученого монашества»... – Никанор (Бровкович), архиеп. Из истории ученого монашества шестидесятых годов // Русское Обозрение. 1896. № 1–3. См. рецензию Розанова на эти записки: Русское Слово. 1896. № 174. 1 июля.

XLII

НИОР РГБ. Ф. 249. К. М4205. Ед. хр. 4. Л. 4–5 (Русский Вестник. 1903. № 1. С. 219–221).

XLIII

НИОР РГБ. Ф. 249. К. М4205. Ед. хр. 4. Л. 6–7 (Русский Вестник. 1903. № 1. С. 221–227).

...*школа Ле Плэ*. – Ле Пле – Пьер Вильом Фридерик Ле Пле (1806–1882) – французский экономист, консервативный мыслитель и путешественник. См. статью К. П. Победоносцева «Ле Пле» (1893).

...*Зонары и Вальсамоны*. – Иоанн Зонара (ум. 1118) и Феодор Вальсамон (ок. 1140– после 1195) – византийские толкователи канонов.

XLIV

НИОР РГБ. Ф. 249. К. М4205. Ед. хр. 4. Л. 8–9 (Русский Вестник. 1903. № 1. С. 227–228).

Graf's Antike Portrat-Gallerie. – Gräf Theodor. Antike Porträt-Gallerie. Wien, 1889.

...*ваше письмо к Шарапову в «Русском Труде»*. – Вероятно, имеется в виду статья: Розанов В. Погибшие и погибающие. Письмо в редакцию // Рус. Труд. 1898. 19 сент. № 38.

...*стихотворение Вл. Соловьёва о чертях*. – «Das Ewig Weibliche (Слово увещательное к морским чертям)» (1898)

XLV

НИОР РГБ. Ф. 249. К. М4205. Ед. хр. 4. Л. 10–11 (Русский Вестник. 1903. № 1. С. 228–229).

Статья ваша о Толстом... – Розанов В. Гр. Л. Н. Толстой // Новое Время. 1898. 22 сент. № 8107.

...*верстах в десяти от Татеева*. – Мастерская Н. П. Богданова-Бельского была в родной деревне художника Шепотово Бельского уезда.

...*указанное мною в статье «Учителя и учительницы»*. – Рачинский С. Учителя и учительницы // Русское Обозрение. 1898. Апр.

XLVI

НИОР РГБ. Ф. 249. К. М4205. Ед. хр. 5. Л. 1–2 (Русский Вестник. 1903. № 1. С. 229–230).

Переселяется в Петербург Лутковский. – с 1899 г. В. О. Лутковский – действительный статский советник, чиновник Уголовно-Кассационного Департамента в Сенате.

XLVII

НИОР РГБ. Ф. 249. К. М4205. Ед. хр. 5. Л. 3–4 (Русский Вестник. 1901. № 1. С. 230–231).

Благодарю вас за присылку вашей книги. – Розанов В. Сумерки просвещения (СПб., 1899).

Статью о Бокле... прерванную кончиною «Русского Обозрения»... – Статья Розанова «Книга особенно замечательной судьбы (А. Бокль. История цивилизации)» вошла в книгу: *Розанов В.* Природа и история. СПб., 1899.

Получите вы на днях рукопись Филиппова... – А. Филиппов послал Рачинскому рукопись своего сочинения «Сказание о том, как и чем строилась Русь» и затем попросил его вернуть рукопись в Петербург на адрес В. В. Розанова.

Картина моего Николи («Бывшие товарищи») оказалась иллюстрацией к прекрасной повести Бурже, напечатанной, когда картина была уже написана. – Н. П. Богданов-Бельский написал картину «Бывшие товарищи» в 1893 г. Вероятно, имеется в виду роман П. Бурже «Ученик» (1889).

А «Новое Время», проповедующее культ Пушкина, приписывает поэту пьяные подвиги Льва Пушкина, рассказанные Вульфом! – Имеется в виду «Дневник» А. Н. Вульфа (см.: *Вульф А. Н.* Дневники (Любовный быт Пушкинской эпохи). М., 1929) и младший брат поэта Лев Сергеевич Пушкин (1805–1852).

XLVIII

НИОР РГБ. Ф. 249. К. М4205. Ед. хр. 5. Л. 5–6 (Русский Вестник. 1903. № 1. С. 231–232).

...портрет гр. Шереметевой, работы моего художника. – На передвижной выставке 1899 г. демонстрировался портрет гр. Е. П. Шереметевой работы Н. П. Богданова-Бельского (1898, ныне в ГТГ),

Н. П. Барсуков прислал мне 12-ю и 13-ю книги своего Погодина. – Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Т. 12. СПб. 1898. Т. 13. СПб., 1899;

Дошла до нас и первая порция романа Толстого. – Первая часть романа Л. Н. Толстого «Воскресение» была напечатана в № 11 журнала «Нива» 13 марта 1899 г.

XLIX

НИОР РГБ. Ф. 249. К. М4205. Ед. хр. 5. Л. 7–8 (Русский Вестник. 1903. № 1. С. 232–233).

Благодарю вас за присылку второго вашего сборника. – Розанов В. В. Религия и культура (СПб., 1899).

«Promessi sposi» Манцони... – Роман «Обрученные» (1821–1823) итальянского писателя А. Манцони (1785–1873).

L

НИОР РГБ. Ф. 249. К. М4205. Ед. хр. 5. Л. 9–10 (Русский Вестник. 1903. № 1. С. 234–236).

За что вы зарезали священника Петрова чудовищным сопоставлением его посредственной книжицы с «Genie du christianisme»! – Рачинский критикует Розанова за сопоставление брошюры о Григория Петрова «Евангелие как основа жизни» (1898) с сочинением французского писателя Ф. Р. де Шатобриана, автора книги «Гений христианства» (1802).

Шатобриан мне противен своим красноречием, филистерством и любовью к Атале... – «Атала» – повесть Шатобриана (1801).

Л

НИОР РГБ. Ф. 249. К. М4205. Ед. хр. 5 Л. 11–12 (Русский Вестник. 1903. № 1. С. 236–238).

«Memoires d'outré-tombe», как и показывает их заглавие, были изданы после его смерти... – Мемуары Шатобриана «Замогильные записки» были изданы после его кончины (1848–1850).

Вижу из газет, что вышла еще одна ваша книжка. – Третья книга Розанова, изданная П. Перцовым, «Литературные очерки» (1899).

Неужели ваш друг Перцов... – Речь идет не о П. П. Перцове, а об авторе книги: *Перцов Н. В.* Стихотворения. Пермь, 1899.

ЛЛ

НИОР РГБ. Ф. 249. К. М4205. Ед. хр. 5. Л. 13–14 (Русский Вестник. 1903. № 1. С. 238–239).

Что вы это напечатали о «числе зверином»? – Розанов В. Об апокалипсическом числе // ТПП. Лит. прилож. № 8. 16 мая. С. 4.

ЛШ

НИОР РГБ. Ф. 249. К. М4205. Ед. хр. 7 Л. 1–2 (Русский Вестник. 1903. № 1. С. 242–243). Ошибочно датировано в публикации (13 июня 1901 г. вместо 13 июня 1899 г.).

Благодарю вас за ваши любезные поздравления. – речь идет о посвященном С. А. Рачинскому царском «рескрипте» (см.: Новое Время. 1899. 19 мая).

Живописец мой пишет... портрет Императрицы-матери. – Богданов-Бельский писал портрет императрицы Марии Федоровны.

LIV

НИОР РГБ. Ф. 249. К. М4205. Ед. хр. 5. Л. 15–16 (Русский Вестник. 1903. № 1. С. 240).

...*дату написания вы систематически скрываете.* – Письма Розанова к Рачинскому, как и к другим адресатам, обычно не датированы.

«*Нам с лица не воду пить*»... – Некрасов Н. А. Песни. IV. Сват и жених (1866).

LV

НИОР РГБ. Ф. 249. К. М4205. Ед. хр. 5. Л. 17–18 (Русский Вестник. 1903. № 1. С. 241–242).

... *Василий Васильевич junior*: – Василий Васильевич-младший, сын В. В. Розанова, родившийся в январе 1899 г.

Благодарю и за книжечку. – Розанов, по всей видимости, прислал Рачинскому, помимо семейной фотографии, свою книгу «Природа и история», вышедшую в конце 1899 г.

Не много слов доходят до меня – цитата из драмы А. С. Пушкина «Борис Годунов» (гл. «Ночь. Келья в Чудовом монастыре»).

LVI

НИОР РГБ. Ф. 249. К. М4205. Ед. хр. 6. Л. 1–2 (Русский Вестник. 1903. № 1. С. 243–244).

...*ланкастерский способ обучения*... – Разработанная английскими педагогами А. Беллом (1753–1832) и Дж. Ланкастером (1778–1838) Белл-Ланкастерская система обучения (или взаимное обучение) в начальной школе, при которой старшие и более знающие ученики вели занятия с остальными учащимися.

ПИСЬМА В. В. РОЗАНОВА к С. А. РАЧИНСКОМУ (с. 485)

Письма В. В. Розанова к С. А. Рачинскому печатаются по автографам, хранящимся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Петербурге – в фонде С. А. Рачинского. № 631. Все письма, адресованные Рачинскому, переплетались им в книги в хронологическом порядке, в основном по два месяца в каждом томе, с указанием на переплете: Ф. 631. год и месяц(ы). Соответственно, письма Розанова находятся в разных томах, в зависимости от даты их получения адресатом. Некоторые из писем В. В. Розанова к С. А. Рачинскому печатались – преимущественно фрагментарно – в нью-йоркском «Новом журнале» (НЖ. № 134. 1979. С. 149–172), как «письма из архива проф. А. Аронсона». Эти письма имеются в РНБ и вошли в настоящее издание.

Публикуемая переписка расположена в хронологическом порядке. Так как в большинстве случаев даты на письмах Розанова отсутствуют, то дати-

ровка произведена на основании помет, сделанных на них Рачинским, о дате отправки по штемпелю на конверте. В тех редких случаях, когда такие пометы отсутствуют, письма Розанова датируются приблизительно, исходя из дат на соседних письмах в соответствующем томе переписки.

1

ОР РНБ. Ф. 631. Оп. 1. 1892. Янв.–февр. Ед. хр. 62. № 46. Л. 101–102.

...благодарю Вас за присылку «Сельской школы»... – С. А. Рачинский по всей вероятности, послал Розанову в г. Белый второе издание своей книги «Сельская школа», вышедшее в свет в 1892 г. (1-е изд. – 1891 г.).

...во время сборов к поездке домой на каникулы... – во время каникул Розанов ездил из г. Белого, где работал учителем прогимназии, в Елец, откуда родом была его жена, В.Д. Бутягина-Розанова и где он сам до переезда в Белый преподавал в 1887–1891 гг.

...я прочел впервые, в аксаковской «Руси», одну из Ваших заметок... – в 1881 г. С. А. Рачинский напечатал в нескольких номерах газеты И. С. Аксакова «Русь» свои «Заметки о сельских школах» (см.: Русь. 1881. № 45–53).

...как учили и учились во времена Бандинелли. – См.: Рачинский С. А. Сельская школа. М., 1892. С. 171–172. Рачинский описывает рисунок Бандинелли, на котором изображена мастерская художника, полная увлеченно работающими учеников мастера.

2

ОР РНБ. Ф. 631. Оп. 1. Ф. 631. 1892. Март–апр. Ед. хр. 63. № 68. Л. 136–139.

...касается намерений Т. И. Филиппова... – Филиппов выразил намерение подыскать Розанову место в Государственном Контроле и перевести его в Петербург,

Года три назад я ездил в Петербург ... – Розанов был в Петербурге во время рождественских каникул в декабре 1889 – январе 1890 гг.

Ваш Горбов в «Русском Обозрении» написал... – Горбов Н. М. Из жизни немецкой школы // Русское Обозрение. 1891. № 1. О таблице умножения см. с. 200.

3

ОР РНБ. Ф. 631. Оп. 1. 1892. Май–июнь. Ед. хр. 64. № 4. Л. 7.

Записка, оставленная Розановым для Рачинского во время посещения Татеева в мае 1892 г.

4

ОР РНБ. Ф. 631. Оп. 1. 1892. Май–июнь. Ед. хр. 64. № 35. Л. 78–80.

...я посылаю письмо к брату с просьбою посоветовать... – Старший брат писателя, Н. В. Розанов, его опекун с 14-летнего возраста, до 1892 г. был директором Бельской прогимназии и по делам службы был знаком с С. А.

Рачинским. С 31 октября 1891 г. переведен на должность директора Вяземской гимназии (см.: Циркуляры Московского учебного округа за 1892 г. С. 69).

...*(за исключением Нижнего Новгорода, по особым обстоятельствам)*. – Нижний Новгород не устраивал Розанова потому, что там жила покинувшая его первая жена, А. П. Сулова.

...*(им заведует Случевский, – вот – ему бы в помощники)*... – Поэт К. К. Случевский редактировал «Правительственный Вестник» в 1891–1902 гг.

5

ОР РНБ. Ф. 631. Оп. 1. 1892. Июль–август. Ед. хр. 65. № 38. Л. 83–84. Письмо отправлено из Ельца, где Розанов проводил летний отпуск.

...*насколько продолжительно будет мое там пребывание...* – Розанов надеялся на скорый перевод к Победоносцеву. Однако обер-прокурор Св. Синода писал Рачинскому 29 июля 1892 г. о Розанове: «Пусть несколько потерпит. Я уже писал Вам, что у меня очень мало мест и все заняты. Притом, не зная лично Розанова, я не умею судить, к какой деятельности он расположен и способен. Может быть, он способен к одной лишь кабинетной, преимущественно литературной деятельности. Это удовольствие на круг очень тесный. А вообще должен бы я иметь *curriculum vitae* Розанова» (ОР РНБ. Ф. 631. Оп. 1. 1892. Июль–август. № 33. Л. 66).

...*братъ ли мне с собою дочь...* – имеется в виду падчерица Розанова, А. М. Буягина.

...*и жену, а главное – мать ее...* – Речь идет об А. А. Рудневой, матери В. Д. Буягиной-Розановой (урожд. Рудневой).

...*последней в октябре месяце предстоит разрешиться от бремени.* – 6 ноября 1892 г у Розановых родилась первая дочь, Надежда, которая, однако, 25 сентября 1893 г. умерла от менингита.

...*принялся я за статью о воспитании...* – Розанов работал над статьей «Сумерки просвещения», опубликованной в «Русском Вестнике» (1893. № 1–3, 5), где редактором был Ф. Н. Берг.

6

ОР РНБ. Ф. 631. Оп. 1. 1892. Июль–август. Ед. хр. 65. № 62. Л. 136–139.

Посылаю Вам... свой curriculum vitae... – См. прим. 1 к письму 5.

...*в письме Горбова из Вашего сборника писем...* – все поступавшие к нему письма С. А. Рачинский переплетал в сборники, чаще всего за каждые два месяца.

...*получил от Александрова предложение сотрудничать...* – А. А. Александров в 1892 г. сменил кн. Д. Н. Цертелева на посту редактора журнала «Русское Обозрение».

...*Победоносцев – человек несколько нерешительный...* – Сделанный уже тогда вывод о нерешительности Победоносцева станет впоследствии одним из главных упреков в адрес обер-прокурора Св. Синода в статьях Розанова.

ОР РНБ. Ф. 631. Оп. 1. 1892. Июль–август. Ед. хр. 65. № 69. Л. 156.

Во Ржев я не поеду... – Розанов отказывался приехать на встречу с Филипповым по соображениям, высказанным в письме 4.

...вчера отослал Вам длинное письмо... – Победоносцев писал Рачинскому 15 сент. 1892 г., после получения части этого письма Розанова с его *curriculum vitae*: «Благодарю за сведения о Розанове и его *curriculum vitae*. Его характер мне представляется симпатичным и мне хотелось бы пристроить его к себе» (Ф. 631. Оп. 1. 1892. Сент.–окт. Ед. хр. 66. № 16. Л. 33).

ОР РНБ. Ф. 631. Оп. 1. 1892. Сент.–окт. Ед. хр. 66. № 71. Л. 152–153.

ОР РНБ. Ф. 631. Оп. 1. 1893. Март–апр. Ед. хр. 69. № 27. Л. 53.

Проститесь с Вами я приеду, как только получу бумагу о своем назначении. – Официально Розанов был «перемещен на службу в Государственный контроль с назначением на должность чиновника особых поручений VII класса при государственном контролере с 16 марта 1893 г.» (Розанов В. В. Собр. соч. Литературные изгнанники. М., 2001. С. 123–124).

...я стал опасаться, что мое настоящее положение никогда не изменится... – Все попытки Рачинского ускорить перевод Розанова в Петербург в ведомство Победоносцева были безуспешными. Победоносцев писал Рачинскому 15 янв. 1893 г.: «Вы спрашиваете о Розанове. До сих пор недоумеваю, где бы найти ему у себя соответственно место» (Ф. 631. Оп. 1. 1893. Янв.–февр. Ед. хр. 68. № 13. Л. 25).

ОР РНБ. Ф. 631. Оп. 1. 1893. Март–апр. Ед. хр. 69. № 61. Л. 114.

Забыл я у Вас в спальней комнате... – Перед отъездом в Петербург Розанов посетил Татеево в марте 1893 г.

передайте их А. П. Маркову – А. П. Марков писал Рачинскому 31 марта 1893 г.: «Посылаю Вам письмо Розанова; ключи ему отправлены» (Ф. 631. Оп. 1. 1893. Март–апр. Ед. хр. 69. № 64. Л. 116).

ОР РНБ. Ф. 631. Оп. 1. 1893. Март–апр. Ед. хр. 69. № 96. Л. 194–195.

2 недели я просидел в Вязьме... – В Вязьме с конца 1891 г. жила семья брата В. В. Розанова – Николая Васильевича, директора местной гимназии.

Квартиру я нашел на Петербургской стороне... – Поселиться на Петербургской Стороне (ныне Петроградская Сторона) Розанову предложил И. Ф. Романов-Рцы, член славянофильского кружка Т. И. Филиппова. См. Письма И. Ф. Романова (Рцы) к В. В. Розанову // Литературная учсба. 2000. Вып. 4. С. 106–179 (публ. и коммент. С. Р. Федякина).

...особенно ругался Любимов. – Н. А. Любимов как единомышленник М. Н. Каткова, инициатора введения классической системы образования, резко выступал против публикации антиклассической по содержанию статьи Розанова именно в «Русском Вестнике» – журнале, основанном Катковым (см.: *Розанов В. В.* Литературные очерки. Т. 1. СПб., 1913. С. 296). В отличие от Любимова, о содержании статьи положительно отозвался Победоносцев, хотя и критиковал стиль Розанова.

...копию с моей физиогномии, кою он изобразил в Татеев... – Во время посещения Розановым Татеева 21 марта 1892 г. воспитанник Рачинского, впоследствии известный художник Н. П. Богданов-Бельский нарисовал его портрет, повторение (или оригинал) которого прислал впоследствии ему в Петербург (портрет по фотографии воспроизведен в кн.: *Татеев Валерий.* С русской бездной в душе: Жизнеописание Василия Розанова СПб; Кострома, 2002. Фото IX). Местонахождение портрета неизвестно.

12

ОР РНБ. Ф. 631. Оп. 1. 1893. Май–июнь. Ед. хр. 70. № 18. Л. 40–41.

Ждал и не дождался портрета своего... – См. прим. к письму XI.

...квартира хоть на Петербургской стороне, т. е. на час от Контроля... – Государственный контроль находился рядом с Исаакиевской площадью (Наб. реки Мойки, 76). Квартира Розанова на Павловской (ныне Мончегорская, д. 2) была рядом с Введенской ул., у Большого проспекта Петербургской Стороны.

Дочка меня утешает... – Речь идет о первой дочери Розанова Наде, скончавшейся 25 сентября 1893 г. в грудном возрасте и похороненной на Смоленском кладбище в Петербурге, около часовни Ксении Блаженной (могила не сохранилась).

...Вы написали о Кон. Петр. Поб., что он помнит меня. – Победоносцев писал Рачинскому 31 марта 1893 г.: «Итак, Розанов перешел Рубикон. Каково-то он устроится. Признаюсь вам, что по строю мысли его и по манере писать, я недоумевал, пригоден ли он оказался бы для нашего дела. Кого-то он встретит здесь и с кем сойдется? При случае постараюсь пособить ему» (Ф. 631. 1893. Март–апр. Ед. хр. 69. № 63. Л. 117–118).

Пришлю Вам книжку Романова... – Имеется в виду книга: *Рцы* <Романов И. Ф.>. Листопад. М., 1891.

...это он вывел кн. Мещерского... – Издатель «Гражданина» кн. В. П. Мещерский был известен своими извращенными наклонностями.

Ведь Берг – это Лясковский журналистики... – В. Н. Лясковский, автор двух брошюр о славянофилах, живший в Орловской губернии, состоял в переписке с Рачинским.

ОР РНБ. Ф. 631. Оп. 1. 1893. Май–июнь. Ед. хр. 70. № 64. Л. 135–136.

Статьи мои по образованию... – Речь идет о статьях «Сумерки просвещения» (Русский Вестник. 1893. № 1–3, 6), «Три принципа образования» (Русское Обозрение. 1893. № 5). «Афоризмы и наблюдения» – завершающая работа этого цикла статей по вопросам образования, вошедших позже в книгу «Сумерки просвещения» (1899).

...автор брошюры «Подспудный материализм...» – Аксаков Н. П. Подспудный материализм: По поводу диссертации г-на Струве. М., 1870.

ОР РНБ. Ф. 631. Оп. 1. 1893. Июль–авг. Ед. хр. 71. № 64. Л. 140–141.

...не написал бы «О монархии». – Розанов В. В. О монархии (Размышления по поводу Панамских дел) // Русское Обозрение. 1893. № 2. С. 682–700.

...что Вы ему обо мне писали... – В ответ на просьбу Рачинского помочь Розанову Т. И. Филиппов 26 июля 1893 г. отвечал: «За Розанова прошу вас не беспокоиться. Я прочел ему Ваше письмо, дополнив его моими настоятельными советами, и без труда достиг того, что от мысли об издании его произведений он отказался. Трудности новичата им уже побеждены, и контрольная служба начинает ему нравиться; а так как его прямое начальство нашло возможным к моим 1200 р. прибавить некоторую сумму из своих средств, то и в вещественном отношении он успокоен. Государственная служба вообще, а контрольная особенно, будет ему полезна и в общем человеческом развитии. Она сообщит точность его суждениям и выражению мыслей, в чем он более всего нуждается. Кроме того, она поможет ему раскрыть глаза на явления действительного мира и, в частности, на положение нашего государства и самого народа. Она же заставит его и даст ему возможность сократить размеры собственно писательского труда к несомненному улучшению его качества» (ОР РНБ. Ф. 631. Оп. 1. 1893. Июль–авг. Ед. хр. 71. № 39. Л. 83–84).

...о пределах веротерпимости (Л. Тихомиров, Вл. Соловьёв etc.)... – Л. А. Тихомиров также выступил с рядом статей о религиозной терпимости и свободе (К вопросу о терпимости // Русское Обозрение. 1893. № 7; Больше терпимости // Московские Ведомости. 1894. 17 марта. Без подп.; Существует ли свобода? // Русское Обозрение. 1894. № 4). Первый ответ В. С. Соловьёва (Спор о справедливости) // Вестник Европы. 1894. № 4) предназначался Тихомирову.

...должно быть, появится ... или в «Новом Времени». – Отказ напечатать статью «Свобода и вера» редактор «Нового Времени» А. С. Суворин сопроводил такими словами: «Я прочитал Вашу статью “Свобода и вера”. Тема очень интересная. Но, во-первых, она не газетная, во-вторых, она изложена не для газетъ» (17 авг. 1893 г. В кн.: Розанов В. В. Собр. соч. Признаки времени. М., 2006. С. 291).

ОР РНБ. Ф. 631. Оп. 1. 1893. Сент.–окт. Ед. хр. 72. № 54. Л. 117–118.

...*моя статья «Около вековой темы»*... – Статья опубликована не была – см. следующее письмо.

ОР РНБ. Ф. 631. Оп. 1. 1894. Янв.–февр. Ед. хр. 73а. № 73а. Л. 169–170.

Дурак Соловьёв наткнулся... – Статья «Свобода и вера» (Русский Вестник. 1894. № 1) вызвала резкий, язвительный ответ В. С. Соловьёва «Порфирий Головлев о свободе и вере» (Вестник Европы. 1894. № 2). Фельетон Соловьёва имел успех, и за Розановым в либеральных кругах закрепилось прозвище «Иудушка Головлев».

Был я в Москве... – Розанов приезжал в Москву в октябре 1893 г. (см. Тихомиров Л. Воспоминания. М.; Л., 1927. С. 418), получив от Т. И. Филиппова предложение стать соредактором журнала «Русское Обозрение» вместе с А. А. Александровым. Подробнее о ситуации с журналом см. комментарии к следующему письму.

ОР РНБ. Ф. 631. Оп. 1. 1894. Март–апрель. Ед. хр. 74. № 87. Л. 202–203.

...*ходил по Морской мимо выставки «передвижников»*... – На Морской ул., в Обществе поощрения художеств, на 22-й передвижной выставке (8 марта – 10 апр. 1894 г.) Богданов-Бельский показал картину «Последняя воля», о которой здесь идет речь.

...*отказался напечатать статью Н. П. Аксакова «Не угашайте духа»*... – Это сочинение Н. П. Аксакова вышло отдельным изданием в Петербурге («Благовест». 1894, на обложке – 1895).

...*вообще выкупался в грязи...* – В Москве Розанов был встречен недоброжелательно, так как московские сотрудники журнала «Русское Обозрение» увидели в стремлении сделать его соредактором вместе с Александровым посягательство Т. И. Филиппова на независимость журнала.

Победоносцев писал Рачинскому 17 октября 1893 г.: «Теперь Третий навязывает Александрову в помощники Розанова, которого у себя устроил скудно на 1200 рублей жалованья. Но Розанов совсем не годен для практич. дела. Не знаю, куда он пристроится: ему всего лучше бы пристроиться где-нибудь в Публичной библиотеке и писать» (Ф. 631. Оп. 1. 1893. Сент.–окт. Ед. хр. 72. № 70. Л. 154).

Против соредакторства выступили и сотрудники журнала. Так, священник И. И. Фудель писал Рачинскому 10 ноября 1893 г.: «В «Русском Обозрении» теперь кризис, который неизвестно еще как кончится. Наверно, Вы слы-

шали, что материально «Р. Обозрение» поддерживает купец Д. И. Морозов. Он в хороших отношениях с Тertiем Ивановичем Филипповым. В последнее время слышно было, что Тертий Иванович недоволен направлением «Р. Обозрения», а теперь со стороны Д. Морозова последовало громадное давление на А. Александрова, чтобы он согласился иметь своим соредактором В. В. Розанова. Положение Александрова незавидное. Согласиться на это предложение – это значит в конце концов уступить журнал и уйти, не согласиться – это, пожалуй, рискованно: журнал сам себя не окупит. Розанов недавно был в Москве по этому делу. Правду говоря, впечатление, оставленное им на весь наш кружок, очень неприятное. Я, по крайней мере, был гораздо лучшего о нем мнения, судя по статьям. Непонятно только то, что если Розанов будет соредактором, то он будет в Петербурге и оттуда «направлять» журнал. Узнавши его чрезвычайно мягкий характер и детскую простодушность, мы понимаем, какую незавидную роль он будет играть. Во всяком случае, при прекращении направления журнала, участие в нем меня и Л. Тихомирова становится очень проблематичным. На днях Александров едет в Петербург, чтобы выяснить положение к концу месяца. Кажется, будет видно, в какую сторону пойдет наше дело» (Ф. 631. Оп. 1. 1893. Ноябрь.–дек. Ед. хр. 73. № 15. Л. 33–35).

Л. А. Тихомиров в письме к Рачинскому от 10 ноября 1893 г. вскрыл некоторые тайные разногласия, существовавшие между московским кружком и кружком Т. И. Филиппова: «При этом предполагается, что Р. останется все-таки в Петербурге, чтобы не попасть под влияние “московского кружка”. Что касается этого “московского кружка”, то уже предлагали А. прекратить “церковный отдел”, который, по оценке Пбга грешил односторонним вниманием к одной только “официальной Церкви”. Стало быть, надо полагать, реформированное “Обозрение” должно стать на сторону некоторой “неофициальной” Церкви? Всё это довольно ясно.

Я советовал А. выгнать всех своих издателей, всех радетелей “нсофициальной церкви”, а также и почтеннейшего Вас. Вас. Розанова, который сделал визит мне, больному. Человек виден сразу. Разумеется, это игрушка в более ловких руках. А. сомневается в возможности вести дело самому. Что касается лично меня, то, если только Розанов будет редактором, – отказываюсь от сотрудничества, п. ч. дорожил «Обозрением» как органом свободным, и если оно станет вдохновляться приказами из СПб., то мне в нем нечего делать. Достаточно надоели партии, и больше с ним не желаю иметь дел» (Ф. 631. Оп. 1. 1893. Ноябрь.–дек. Ед. хр. 73. № 18а. Л. 40–41).

Дело разрешилось бесконфликтно, а для Розанова – безрезультатно, после визита Александрова в Петербург. Победоносцев так описал эту историю 23 ноября 1893 г. Рачинскому: «Что касается до А-ва, то его понуждают подать просьбу о назначении Роз<анова> соредактором – чего Ал-в не хочет, но рассчитывает, что Розанова не утвердят. Я советовал ему не ставить себя в нелепое положение и объяснить прямо, что Розанова не желает. Розанов же, по словам его, попал здесь в особливую компанию, и теперь уже говорит речи совсем не похожие на то, что говорил прежде. Итак, здесь А-ву предстояло явиться пред светлые очи Тertiа! Куриозная сцена. Он был 20 числа принят величественно. Я, говорит А-в, по обыкновению советовался со стар-

цем Варнавою – будет погибель. – Если Варнава сказал Вам так, – вещал Тертий, – то я умолкаю». И отпустил А-а с миром. Не правда, курьезный анекдот?» (Ф. 631. 1893. Ноябрь.–дек. Ед. хр. 73. № 43. Л. 96–97).

...продать чуть ли не еврею Полякову. – О династии Поляковых подробнее см.: С. Л. Поляков и его потомство (Культурно-историческая справка) // Русский Труд. 1898. № 1. 3 янв. С. 9–10. Без подп.

18

ОР РНБ. Ф. 631. Оп. 1. 1894. Июль–авг. Ед. хр. 76. № 70. Л. 160–163.

... в нашей Парголовской церкви... – Спасо-Парголовская церковь в Шувалове, ныне в пределах Санкт-Петербурга.

... рассуждение о классицизме... – Здесь речь идет о труде попечителя Московского учебного округа П. А. Капниста «Классицизм как необходимая основа гимназического образования» (1891).

Посылаю Вам «Легенду» свою... – Первое издание книги Розанова «Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского» (1894).

... вот пример единственной нетерпимости... – Розанов имел в виду графа Д. А. Толстого.

... воодушевил Буренина на фельетон... – Буренин В. Критические очерки. Ноги в перчатках, желудки, цепляющиеся за маски, и проч. // Новое Время. 1894. 29 июля. № 6614.

Статью «Казерио»... – Розанов В. Казерио Санто // Русский Вестник. 1894. № 9.

...кое-кто из брезгающих «Гражданином»... – Дурная репутация журнала-газеты «Гражданин» была связана не только с его «реакционностью», но и с моральным обликом самого издателя-редактора.

19

ОР РНБ. Ф. 631. Оп. 1. 1895. Май–июнь. Ед. хр. 81. № 49, 49а. Л. 108–111.

Картину Богд-Бельского... – имеется в виду картина Н. П. Богданова-Бельского «Последняя воля» (1894).

...причиною его отчуждения от «великого эстетика»... – Подробнее о причинах отчуждения Страхова от Леонтьева см.: Розанов В. В. Литературные изгнанники. М., 2001. С. 105–108.

20

ОР РНБ. Ф. 631. Оп. 1. 1895. Май–июнь. Ед. хр. 81. № 50. Л. 112–115.

...читая Вашу прекрасную статью... – Речь идет о первой из статей Рачинского о церковной школе (Церковная школа // Русское Обозрение. 1895. № 6. С. 541–556).

Ужасно только то, что Вы пишете о Дух. академиях... – Рачинский отрицательно характеризовал обстановку в духовных академиях: «Многие пороки, и прежде всего лживость и пьянство, свили себе в наших духовно-учебных заведениях прочное гнездо. Великий грех лежит в этом отношении на наших духовных академиях, снабжающих все прочие духовно-учебные заведения преподавателями и начальствующими лицами. Весь внутренний склад и самое наименование этих академий есть ложь. Можно назвать их академиями богословскими, но отнюдь не духовными. Огромное большинство своих воспитанников они навсегда отвращают от духовного звания, подрывают в них веру, вселяют в них стремление к необузданной нравственной свободе, которая прежде всего осуществляется в чудовищном развитии пьянства. Всё это, конечно, требует прикрытия и ведет к столь же чудовищному развитию лжи» (Русский Вестник, 1895. № 6. С. 545).

Вчера я был у Победоносцева – согласно письму Победоносцева (см. далее в прим.), по поводу запрещенной статьи Розанов был у него на приеме 2 июня 1895, а письмо написал, видимо, 3 июня.

...вырезали мою статью... – Статья Розанова «О подразумеваемом смысле нашей монархии» была изъята из уже отпечатанного журнала (Русский Вестник. 1895. № 7) и в дальнейшем, несмотря на ходатайство у Победоносцева, в журнале так и не появилась. Опубликована Розановым отдельным изданием в 1912 г.

С глубокой грустью... Побед. говорил... – Розанов восторженно пересказывает свою беседу с Победоносцевым. К. П. Победоносцев в письме от 2 июня 1895 г. совсем в иной тональности описал свои впечатления от встречи с Розановым и приложил полученное им розановское письмо вместе с «Прошением».

«Сейчас был у меня Розанов, послав вперед себя прилагаемые писания и книжку «Русск. Вестника».

Я вышел к нему и беседовал с ним. Боже мой! Жалость подумать, что у нас происходит с людьми, способными мыслить, но развивающимися в углу и в отчуждении от людей!!

Я ужаснулся, взглянув на него. Изможденный, кожа да кости, дикий, блуждающий взгляд! Но по мере беседы он успокаивался.

Статья его – невозможная. Если б Вы знали, что в ней написано! Какой беспорядочный бред блуждающего анализа, прыгающего негодования! Какое извращение самой идеи, которую он стремится защитить и возвысить. Какое отсутствие всякого представления о людях, которые должны читать написанное им!

Всё это я изъяснил ему, и он, кажется, понял – и благодарил меня. Но неужели никого не нашлось, кто бы мог дать ему столь простое изъяснение о пропорции, о мере и о ясности мысли! Видно, что редактор г. Берг или не читает статей, или не понимает, что читает.

Но мне жалко этого человека. Боюсь, что он кончит нездорово. Теперь, кажется, он считается под крылом Тертия Филиппова, – но Третий едва ли не совсем забыл о нем» (ОР РНБ. Ф. 631. Оп. 1. 1895. Май–июнь. Ед. хр. 81. № 45 б. Л. 98–99).

Ваше высокопревосходительство!

Сергей Александрович Рачинский в прошлом году писал мне, что если бы когда-нибудь я почувствовал для себя трудность в С.-Петербурге и, в частности, встретил бы затруднения в цензуре, – я могу прибегнуть к Вам с твердою верою найти помощь и заступничество, если буду сам ее заслуживать. Основываясь на этом, я принимаю на себя дерзость просить Ваше Высокопревосходительство не отказать принять от меня прилагаемое при сем прошение и сделать всевозможное, чтобы вывести меня и даже весь журнал «Русский Вестник» из тягостного положения, в каковое мы поставлены г. Цензором. Я убежден – от простого сопоставления моей статьи с тем, что уже раньше высказывалось по этому же предмету в нашей литературе как в форме образов, так и определенных мыслей – славянофилами. С глубоким почтением Василий Розанов.

ОР РНБ. Ф. 631. Оп. 1. 1895. Май-июнь. Ед. хр. 81. № 45 в. Л. 100

Его Высокопревосходительству
Господину Обер-Прокурору Святейшего Синода
коллежского советника Василия Розанова
прошение

В статье, помещенной в июльской книжке «Русского Вестника» и озаглавленной «О подразумеваемом смысле нашей монархии», я изложил взгляд на существо монархической власти, как оно вытекает из ее исторического происхождения и санкции Божией воли, над ней лежащей. При чтении статьи этой, г. Цензор, отметив места, ему показавшиеся подозрительными, сделал распоряжение об аресте июльской книжки означенного журнала, о вырезке из нее и истреблении моей статьи, а редактору журнала г. Бергу сделал выговор и замечание, что за пропуск подобных статей он будет навсегда лишен права редакторства.

В столь прискорбных обстоятельствах, и зная совершенную чистоту намерений, я прибегаю к заступничеству Вашего Высокопревосходительства, прилагая при сем самую книжку «Русского Вестника» с пометками на полях моей статьи, красным карандашом, г. Цензора, и осмеливаюсь просить Вашей защиты для статьи, неосторожность форм которой я не отрицаю, но думаю, что они могли бы быть оправданы необходимостью ярко оттенить существо моей мысли, чистота и одобрительность коей не может возбудить сомнения. Коллежский советник Василий Розанов. С.-Петербург. 2 июня 1895 г.

«Мрежи иные тебя ожидают... – А. С. Пушкин. Отрок (1830).

...вся в мягком, ласкающем тоне, всему, кроме Сперанского и Брянской прогимназии... – в этой статье, как и в других сочинениях Розанова, М. М. Сперанский предстает основоположником губительного для России бюрократического чиновничества, «Гутенбергом новой администрации».

В статье Розанова говорится также о формальном подходе к обучению и, в частности, к комплектованию библиотеки в Брянской прогимназии, где Розанов работал в 1882–1887 гг. См. также другие статьи Розанова о брянском периоде: Богоспасаемый городок // Новое Время. 1901. 26 июля. С. 7–9; Как и отчего нас закрыли // Новое Время. 1901. 2 авг.

Какое может быть сравнение с «патриархом» с Мойки... – Розанов имеет в виду своего начальника, Государственного контролера Т. И. Филиппова, ведомство которого, как и занимаемый им дом, располагались на реке Мойке (Наб. Мойки, 74 и 76). Филиппов считался видным авторитетом по восточноевропейским церковным вопросам.

...я сказал, что книгу его читал... – Филиппов Т. И. Современные церковные вопросы. СПб., 1882. Книга была прислана Розанову через Ю. Н. Говоруху-Отрока; позже вышла вторая книга Филиппова – «Сборник» (1896). Взгляды Филиппова и Победоносцева по ряду церковным вопросам существенно отличалось, и эти давние идейные разногласия служили одной из причин их взаимной неприязни. Кроме того, Победоносцев был невысокого мнения о человеческих качествах Филиппова.

21

ОР РНБ. Ф. 631. Оп. 1. 1895. Май–июнь. Ед. хр. 81. № 69. Л. 155–156.

Статью Вашу и не я один, но все считают классической... – Речь идет о статье Рачинского «Церковная школа» (Русское Обозрение. 1895. № 6).

...о смерти брата Вашего... – Розанов имеет в виду брата Сергея Александровича – татевского помещика Владимира Александровича Рачинского (1831–1888).

«О свадьбе в семье Вашей я знал... – В опубликованном варианте письма Рачинского (Русский Вестник. 1902. № 10. С. 619–621) пропущены сведения о свадьбе племянницы Рачинского Марии Константиновны Рачинской и С. Л. Толстого, сына писателя.

Прочел статью о математике в «Русской Мысли»... – см.: Шерский Вс. [Шереметьевский В. П.]. Математика, как наука и ее школьные суррогаты // Русская Мысль. 1895. № 5. С. 105–125.

...последняя статья Соловьёва – не понравилась... – Соловьёв В. С. Религиозные начала нравственности // Книжки «Недели». 1895. № 4. С. 72–89.

– Вас не поймут, что Вы злое говорите... – речь идет о подвергшейся цензурному аресту статье Розанова «О подразумеваемом смысле нашей монархии».

...письмо с выражением благодарности к Православному... – См.: Православный [иеросхимонах Никон]. Правы ли мы? // Русское Обозрение. 1895. № 5. Иеросхимонах Никон, позже епископ, издавал тогда газету Троице-Сергиевой лавры «Троицкие листки». Как и Розанов, он состоял в переписке с Рачинским. Позже Розанов неоднократно полемизировал с еп. Никоном.

ОР РНБ. Ф. 631. Оп. 1. 1895. Июль–авг. Ед. хр. 82. № 56. Л. 128–132.

...здорова ли его крестница... – Страхов был крестным отцом дочери Розанова Татьяны Васильевны, родившейся 6(22) марта 1895 г. Как «незаконнорожденная», она получила в документах фамилию «Николаева» по имени крестного отца.

...по поводу большой статьи Киреева... – Киреев А. Спор с западниками настоящей минуты // Русское Обозрение. 1895. № 5. С. 207–277.

...чтобы обратиться в «Никит» («Хозяин и работник»)... – Никита – персонаж повести Л. Толстого «Хозяин и работник» (1895), типичный представитель народа.

Сегодня жена прислала мне Ваше письмо к ней... – Упоминаемое письмо Рачинского к В. Д. Бутягиной-Розановой, жене В. В. Розанова, – ответ на публикуемое ниже письмо Варвары Дмитриевны к Рачинскому:

В. Д. Розанова – С. А. Рачинскому
(ОР РНБ. Ф. 631. Оп. 1. 1895. Май–июнь. Ед. хр. 81. № 75. Л. 165)
б/д 22 июня 1995 г. > (помета Рачинского)

Многоуважаемый Сергей Александрович!

Извините, что не зная Вас лично, решила Вас беспокоить этим письмом. Но Вы были так добры к моему мужу, когда он был в Белом учителем Прогимназии, и хотя с тех пор Ваши с ним отношения как-то изменились, но я надеюсь, что вы его не окончательно забыли; а мне на Вас последняя надежда. Служба его у Филиппова окончательно не удалась. Что мне не известно, и муж этого хорошо не знает. Кажется, с первого же раза они не понравились друг другу, а после присоединилось раздражение мужа на то, что вызвав его в Петербург, Филиппов бросил его, точно забыв, без всякого участия в его положении с жалованьем 140 руб. в месяц. Очутившись в столице, мы все переболели, потеряли ребенка, что ужасно подействовало на нервы Василия Васильевича. Служба его окончательно не пошла – финансы ежемесячно не достают до прожития в столице. А между тем Аксаков поступил в Контроль позже мужа и раньше нигде не служил, но, сумев понравиться Филиппову какой-то статьей, которую ему через Васильева представил на одобрение, уже получил теперь 250 руб. в месяц и старший ревизор. Муж мой, конечно, не представлял сочинений на одобрение, да и не думал никогда, что это входит в состав службы. И ведь от того, что он был независимый писатель, его засадили за счетное дело, за которым в контроле сидят мальчишки, и он сидит с ними с 11 до 5 часов. Муж просил ему дать больше работы – и увеличить жалованье на сколько-нибудь; его перевели в другое отделение, работы дали больше, а жалованье осталось то же, это было еще в прошлом году в сентябре. Василий Васильевич служит 14 лет и вне службы, дома, не отходит от письменного стола, теперь уже трудясь не по любви, а по необходимости, и нет этому конца, и мое сердце измучилось, глядя на него.

Теперь, живя у брата, священника в селе, я прочла в «Церковных Ведомостях», что у Победоносцева открывается место чиновника особых поручений. И у меня вдруг воскресла надежда, что я могу обратиться к Вам попросить вашего содействия, как уцепившись за последнюю соломинку, пишу вам это письмо, уважаемый Сергей Александрович, чтобы Вы помогли моему мужу, как Вы многим помогли около Белого, а Бог Вас наградит за это. Еще раз простите за мою смелость.

Глубоко уважающая Вас *В. Розанова*.

Село Казаки, Орл.-Гряз. жел. дор. Варваре Дмитриевне Розановой. Священнику Рудневу.

Священнику Рудневу. – В селе Казаки близ Ельца жил родной брат В. Д. Розановой, священник Иван Дмитриевич Руднев, с семьей.

Да, эти Акакии Акакиевичи бывают злы, хоть я и защищал их в литературе... – имеется в виду статья Розанова «Как произошел тип Акакия Акакиевича (К вопросу о характеристике гоголевского творчества)» (Русский Вестник. 1894. № 4), вошедшая в кн. «Легенда о Великом Инквизиторе Ф. М. Достоевского» (1894).

...кружок бывших сотрудников «Русского Дела»... – Газета С. Ф. Шарапова «Русское Дело» была закрыта в 1891 г. по цензурным соображениям, и Васильев вместе с другими его бывшими сотрудниками создал журнал «Русская Беседа» (1895–1899).

Толстой «усердно пишет новую повесть...» – Летом 1895 г. Л. Толстой писал так называемую «Конеvскую повесть» на сюжет, подсказанный ему А. Ф. Кони, – в дальнейшем эта повесть выросла в роман «Воскресение» (1899).

23

ОР РНБ. Ф. 631. Оп. 1. 1895. Июль–авг. Ед. хр. 82. № 82. Л. 189–190.

О Барсукове я написал большую статью... – Розанов В. Культурная хроника русского общества и литературы за XIX век // Русский Вестник. 1895. № 10. С. 163–189.

...мою статью «Смысл недавнего прошлого»... – Статья Розанова «Смысл недавнего прошлого» (Русский Вестник. 1894. № 12) была посвящена царствованию Александра III.

...все IX вып. его «Илиады»... – Под «Илиадой» Розанов имеет в виду продолжавшееся в то время многотомное издание труда Барсукова «Жизнь и труды М. П. Погодина».

24

ОР РНБ. Ф. 631. Оп. 1. 1895. Июль–авг. Ед. хр. 82. № 100. Л. 221–222.

Занят статьей «Интеллигенция и народ»... – Статья с таким названием в печати не появилась. Впервые опубликована А. В. Ломоносовым: Записки отдела рукописей РГБ. М., 2008. Вып. 53. С. 458–460.

Читали, что пишет «Вест. Евр.»... – имеется в виду выступление в «Вестнике Европы» и других либеральных изданиях против церковных школ.

Еще в «Русск. Обзор». я написал статью: «Схема развития славянофильства»... – Статья в «Русском Обзрении» напечатана не была.

...грязная история между Мещерским и Тертием. – Другая подобная афера описана в кн.: *Розанов В.* О подразумеваемом смысле нашей монархии. СПб., 1912. С. 5–7.

25

ОР РНБ. Ф. 631. Оп. 1. 1895. Июль–авг. Ед. хр. 83. № 3. Л. 8–9.

...о Страхове (он в Крыму, у вдовы Данилевского...) – Страхов часто отдыхал во Мшатке – крымском имении своего друга, ученого-биолога, мыслителя и публициста Н. Я. Данилевского.

Вы, верно, не знаете сборник его статей со стихами... – имеется в виду сборник Н. Н. Страхова «Воспоминания и отрывки» (СПб., 1892), в который включены и его стихотворения, в том числе и «Дума» (1888, см. на с. 313).

На днях приходит ко мне Стахеев («Ныне отпускаеши»)... – Страхов долгое время жил с писателем Стахеевым в одной квартире. Поэма Стахеева «Ныне отпускаеши» была опубликована в № 7–8 «Русского Вестника» за 1895 г. Розанов был невысокого мнения о Стахееве как писателе: «Раз он прислал мне томов 12 повестей и романов: и я начал один. И почувствовал то же, что на приеме Филиппова: умираю!!! Так что кто хочет лишиться себя жизни, мог бы вместо мучительной уксусной кислоты заставлять себя “выпить до дна” роман Стахеева» (*Розанов В. В.* Литературные изгнанники. СПб., 1913. Т. 1. С. 399). Страхов выведен Стахеевым как «философ»-книжник в его повести «Пустынножитель» (*Стахеев Д. И.* Собр. соч.: В 12 т. СПб.; М. Т. 2).

...вернувшись к себе, к Торговому мосту... – Квартира Страхова была расположена у Торгового моста, возле нынешней Театральной площади – см.: Письма Н. Н. Страхова // Николай Яковлевич Грот в очерках, воспоминаниях и письмах товарищей и учеников, друзей и почитателей. СПб., 1911. С. 243: «А живу я все там же: у Торгового моста, д. 7, к. 19 (д. Стерлигова, или Оношкевича-Яцыны (нов. хозяин)...».

Кстати, прочтите заключение статьи Липранди... – *Липранди А. П.* Из юго-западного края. Немцы и штунда // Русское Обозрение. 1895. № 10. В заключение статьи Липранди пишет: «В результате получается, что наши тридцатилетние усилия к обрусению и возвращению к православию западных окраин совершенно неожиданно приводят (и отчасти уже привели) к их онемечению и олютеранению» (с. 436).

26

ОР РНБ. Ф. 631. Оп. 1. 1895. Сент.–окт. Ед. хр. 83. № 55. Л. 129–130.

Берг переврал мое объяснение по поводу Толстого... – имеется в виду статья Розанова «Несобходимое объяснение» (Русский Вестник. 1895. № 10), появление которой было вызвано нареканиями в адрес Розанова и «Русского

Вестника» за статью «По поводу одной тревоги гр. Л. Н. Толстого» (Русский Вестник. 1895. № 8). Однако сделанные в «объяснении» редактором журнала Ф. Н. Бергом сокращения привели к тому, что Розанов опубликовал заметку повторно, сопроводив еще одним пояснительным письмом: Розанов В. Письмо в редакцию (По поводу «Необходимого разъяснения») // Русское Обозрение. 1895. № 11. С. 501–508.

...оно было писано Вам, и мне в голову не приходило отвечать Чуйкам и Буренину... – В. Чуйко опубликовал в «Журнальном обозрении» газеты «Одесский Листок» (1895. 5 сент.) резко отрицательную рецензию на статью Розанова о Толстом. Он, в частности, писал: «Какой-то г. Розанов, пишущий всего без году неделя, составивший себе скромную известность своими выходками мистического бреда, – авторитетно, грубо, с каким-то непонятным и нелепым изуверством обрушивается на великого писателя, осмеливается его поучать слогом пьяного пономаря! И вся эта пошлость в бреде находящегося человека находит приют в серьезном журнале» (с. 1).

В. Буренин высмеял Розанова за статью о Толстом в фельетоне: *Буренин В.* Литературное юродство и кликушество // Новое Время. 1895. 1 сент. № 7007 (см.: В. В. Розанов: pro et contra. СПб., 1995. Т. 1. С. 303–313).

...назвал Ваше имя в письме к Александрову... – В письме в редакцию «Русского Обозрения» Розанов подчеркивал, что его статья «Необходимое разъяснение» (Русский Вестник. 1895. № 10. С. 321–325; в полном авторском варианте: Русское Обозрение. 1895. № 11) является ответом не на критику Чуйко или Буренина, недостойных ответа, а на замечания, содержащиеся в письме уважаемого педагога С. А. Рачинского (Письмо в редакцию (По поводу «Необходимого разъяснения») // Русское Обозрение. 1895. № 11. С. 501–506).

...иду в Тов. «Общ. польза»... – Редакция «Русского Вестника» с осени 1894 г. располагалась в помещении Товарищества «Общественная польза» (Б. Подьяческая, 39), которое стало владельцем журнала.

Читая Вашу статью... – имеется в виду вторая часть статьи С. А. Рачинского: Церковная школа // Русское Обозрение. 1895. № 10. С. 438–454.

...как на христианина, а не как на ересиарха (еп. Никанор). – имеется в виду критика Л. Толстого еп. Никанором: Церковь и государство против гр. Л. Толстого (1888); Против гр. Льва Толстого. 8 бесед (1891).

...от содомитян, уловляющих гостей Лота... – Быт. XIX.

...до заблуждения Ария или Нестора... – Арий и Нестор – основоположники двух крупнейших ересей – арианства, отрицающего единственность Бога-отца и Бога-Сына, и несторианства, утверждавшего, что Христос был рожден человеком и лишь впоследствии стал Сыном Божиим.

...почти нет осуждения тому купцу, который в вагоне говорит с Пондышевым... – См. гл. 1 «Крейцеровой сонаты» Л. Н. Толстого.

...после всего, что было между нами сказано... – имеется в виду резкая полемика с Соловьёвым по поводу статьи Розанова «Свобода и вера» в первой половине 1894 г.

...он попросил у меня «брошюру об «Инквизиторе»... – имеется в виду первое издание книги Розанова «Легенда о Великом Инквизиторе Ф. М. Достоевского» (СПб., 1894).

...попросил у него чего-нибудь – напр., «Россия и вселенская церковь»... – Розанов просил у В. С. Соловьёва его книгу «La Russie et l'Eglise Universelle» («Россия и Вселенская Церковь»), вышедшую в 1889 г. на французском языке в Париже. На русском языке книга была издана только в 1911 г. московским издательством «Путь» (в пер. Г. А. Рачинского, родственника С. А. Рачинского).

...Ашинов «историсофии»... – Вольный русский казак Николай Иванович Ашинов в 1880-е гг. намеревался строить казацкие поселения на восточном берегу Африки. Авантюристические планы Ашинова, поддержанные в свое время М. Н. Катковым и еп. Николаем, привели к кровопролитию из-за территориальных споров в Сагалло в 1889 г.

...сказать о Достоевском речь – за которую «вышлют»... – Намек на знаменитую лекцию В. С. Соловьёва, прочитанную 28 марта 1881 г., после убийства террористами 1 марта царя Александра II. Соловьёв обратился в ней к вступившему на трон Александру III с призывом по-христиански простить убийц своего отца. Тема лекции отношения к Достоевскому не имела (см.: Книга о Владимире Соловьёве. М., 1991. С. 184–188). Сослан Соловьёв не был – ему лишь запретили чтение общественных лекций (см.: Былое. 1906. № 3. С. 48–55; Былое. 1918. № 4–5. С. 330–336; Лосев А. Владимир Соловьёв и его время. М., 1990. С. 62–64).

Ни бросиши векам ни мысли плодотворной... – Неточная цитата из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Дума» (1838).

...папаша все себе взял в роде Соловьёвых – речь идет об отце В. С. Соловьёва – историке С. М. Соловьёве.

27

ОР РНБ. Ф. 631. Оп. 1. 1895. Ноябрь.–дек. Ед. хр. 84. № 71. Л. 176–177.

Град Божий – название книги Августина Блаженного, обозначающее Церковь.

прочел в ноябрьской книжке «Книжеч Недели»... – В ноябрьском номере журнала «Книжки Недели» была опубликована (без подписи автора) рецензия на статью «Церковная школа» (Литературная летопись. XVI. Из русских изданий. Г. Рачинский о сельской школе. С. 244–247).

...очень уважительное изложение Ваших мыслей о Civitas Dei и compascere. – В рецензии журнала «Книжки Недели» изложена идея «Взыскуемого Града» (Civitas Dei), раскрытая Рачинским в статье «Церковная школа»: «И бодрость, и радость мира на трудном поприще добра невозможны тому, кто не сознает себя звеном великого, вечного целого, той Civitas Dei, в коей есть место, и смысл, и похвала всякому, самому скромному труду, слава самому тихому подвигу, одобрение всякой награды, и надежда. И эта Civitas Dei скрыта от взоров наших подрастающих поколений» (Русское Обозрение. 1895. Октябрь. С. 451). Далее рецензент писал: «Там же он развивает идею compascere» – «Слово “спасение”, как думает г. Рачинский, значит на русском языке совсем не то, что на других. Это не латинское salus или немецкое Heil. В слове “съпасение” твердый знак имеет значение гласной. Точный пе-

ревод глагола “спасти” не *salvare*, а малоупотребительный глагол *compascere*. Отсюда идеал народного подвига, которого, по мнению г. Рачинского, ждут от него народы о единении в духе и могучих и немощных, и мудрых мира сего и тех нищих духом, возвешено царство небесное» (из рец.: Г. Рачинский о сельской школе // Книжки Недели. 1895. Ноябрь. б/п. С. 247).

...о критике Вами наших недавних идеалов. – имеется в виду критика Рачинским идей «шестидесятников».

28

ОР РНБ. Ф. 631. Оп. 1. 1895. Ноябрь.–дек. Ед. хр. 84. № 58. Л. 147–150.

от имени некоего московского господина представитель... – «Московский господин», давший средства для продолжения издания Н. П. Барсукова «Жизнь и труды М. П. Погодина», – Анатолий Иванович Мамонтов, издатель, коллекционер живописи, брат С. И. Мамонтова.

... выехать из Петербурга по делу, не терпящему отлагательств. – Около 10 ноября Розанов ездил на похороны брата Дмитрия, скончавшегося 8 ноября (1852–1895) в Кострому – см.: *Розанов В. В.* Собр. соч. Литературные изгнанники. М., 2001. С. 142.

и я поручил съездить Варе к Стахееву – речь идет о Варваре Дмитриевне Розановой, жене писателя.

...он бывает в Контроле лишь 20-го числа – имеется в виду день получения жалованья.

...будем наслаждаться Зембрих – См. о певице статью Розанова: Марчелла Зембрих // Новое Время. 1909. 7 апр. (перепеч. в кн. Розанова «Среди художников»).

...насчет Штевен – А. А. Штевен – сторонница нецерковных сельских народных школ в Арзамасе Нижегородской губ. В 1894 г., по решению Нижегородского училищного совета, ей было запрещено открывать новые школы, а существующие было решено подвергнуть попечительской опеке из-за ее отхода от православия. Это решение вызвало оживленную полемику в печати. Штевен переписывалась с Рачинским.

29

ОР РНБ. Ф. 631. Оп. 1. 1896. Янв.–февр. Ед. хр. 85. № 20. Л. 47–52.

...пенсия вдове Каблица... – С 1886 г. О. И. Каблиц служил в Государственном контроле и был знаком с Розановым. Вероятно, чиновники Государственного контроля выплачивали вдове Каблица пенсию из своих средств. Розанову принадлежит некролог: Памяти О. И. Каблица // Русское Обозрение. 1893. № 11. С. 513–518.

...имеющего чин Коллежского Советника и орден св. Станислава 3-й степени... – Розанов получил орден в 1887 г., в период работы учителем в Брянской женской прогимназии: «По удостоению Комитета гг. министров в

31 день января 1887 года Всемилоостливейше награжден за отличную усердную службу орденом Св. Станислава 3-й степени» (ГАЛО, Ф. 119. Оп. 1. Дело 200).

Я задумал удивительную статью: «Христианство и язык»... – Статья «Христианство и язык» осталась неоконченной (ЦГАЛИ, ф. 419. Оп. I. Ед. хр. 92. Л. 1–17). Опубликовано В. Г. Сукачем (Энтелехия. Кострома, 2006. Т. 12. С. 102–120).

«И горе и радость житейское море» – народная песня «Житейское море /Играет волнами В нем радость горе/Всегда перед нами».

Кн. Трубецкой ...его очень бранил за декабрьскую статью... – имеется в виду статья В. С. Соловьёва «Значение государства» («Вестник Европы». 1895. № 12. С. 803–814), в которой рассматривается византийская «идея христианского самодержавия».

30

ОР РНБ. Ф. 631. Оп. 1. 1896. Янв.–февр. Ед. хр. 85. № 37. Л. 94–101.

...прошел слух, что я не только «Аскоченский», но... – Сравнение с В. Аскоченским (у В. Буренина и др.) любопытно тем, что сам Розанов не раз писал против ханжества Аскоченского (напр.: Аскоченский и архимандрит Феодор Бухарев // *Розанов В. В. Около церковных стен.* СПб., 1906. Т. 2. С. 17–39).

31

ОР РНБ. Ф. 631. Оп. 1. 1896. Янв.–февр. Ед. хр. 85. № 63. Л. 149–150.

Только что от Победоносцева... – Розанов нанес визит Победоносцеву в надежде получить место цензора, которое оказалось уже занятым. Тем временем Победоносцев писал Рачинскому 27 янв. 1896 г.: «Едва ли Розанов годен к цензорству – в нынешнее время? Он сам измучится – и измучит других. Всего лучше ему пристроиться к Публ. библиотеке. У Тертая едва ли он усидит» (Ф. 631. 1896. Янв.–февр. Ед. хр. 85. № 42. Л. 110). См. прим. 3 к письму 49.

...статью о Тихомирове... – имеется в виду статья Розанова: Где истинный источник «борьбы века»? (По поводу книги Л. Тихомирова «Борьба века») // *Русский Вестник.* 1895. № 8. С. 271–280.

Тогда я пишу, что «статья о символистах»... – Речь идет о статье Розанова: О символистах // *Русский Вестник.* 1896. № 4. С. 271–282. Она была издана в «Русском Вестнике» с редакционными сокращениями, и Розанов напечатал ее вторично, без купюр: *Русское Обозрение.* 1896. № 9. С. 318–334.

...идет к половым ресторана Палкина... – речь идет о знаменитом петербургском ресторане Палкина, находившемся по адресу: Невский проспект, 47 (ныне возрожден).

...3 фельетона в «Русское Слово»... – В московской газете «Русское Слово» в 1-й половине 1896 г. Розанов опубликовал статьи: Памяти дорогого друга. 14 февр. № 43.; Кому «горе от ума» в действительной жизни. 19 февр. № 48.; Иллюстрация к историческому осуществлению принципов веры и свободы. 25 февр. № 55; 29 февр. № 58, *Auditur et altera pars.* 22 июня. № 166.

...в «Моск. Ведом. – о К. Н. Леонтьеве... – Фельетон, посвященный критике эстетизма К. Н. Леонтьева, в этот период в печати не появился. Возможно, эта статья была опубликована позже: Розанов В. Поздние фазы славнофильства. К. Н. Леонтьев // Торгово-Промышленная Газета. Литер. прилож. 1899. 4 апр. № 2.

32

ОР РНБ. Ф. 631. Оп. 1. 1896. Март–апр. Ед. хр. 86. № 37. Л. 77–79.

Ваш вид и состояние духа... здесь в Петербурге ... – В феврале 1896 г. Рачинский побывал в Петербурге и встречался с Розановым.

...карточка к Сабуровой... – При встрече в Петербурге Рачинский познакомил Розанова с женой известного петербургского сановника, статс-секретаря А. А. Сабурова, меценаткой Е. В. Сабуровой, и она дала Розанову визитную карточку, обещая оказать содействие в подыскании службы. Сабуровы жили в Михайловском дворце.

...его деятельность...была истинно постыдна – Сабуров, бывший министром просвещения в 1880–1881 гг., покинул должность после того, как один из студентов публично оскорбил его.

Как бы мне хотелось иметь «Луг духовный»...– Иоанн Моск. Луг духовный. Пер. с греч. свящ. М. И. Хитрово. Изд. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. 1896. Архимандрит Никон, знакомый Рачинского, редактор «Троицких листков», был редактором этой книги.

33

ОР РНБ. Ф. 631. Оп. 1. 1896. Сент.–окт. Ед. хр. 89. № 3. Л. 11.

Афоньку (Васильева) прогнали... – А. Ф. Васильев, генерал-контролер, непосредственный начальник Розанова, был уволен в 1896 г. по настоянию Витте, бывшего тогда министром финансов (он предупреждал, что начнет борьбу с самим Т. И. Филипповым). Негативно настроенный по отношению к Васильеву Розанов утверждает, что его начальник был уволен за махинации, однако С. Ф. Шарапов писал, что сняли Васильева, наоборот, «за борьбу с махинациями Витте». С 1896 г. управляющим департаментом железнодорожной отчетности стал Василий Герасимович Михалевский, ранее начальник канцелярии Государственного контроля. Однако Филиппов тут же назначил Васильева управляющим департаментом военной и морской отчетности.

34

ОР РНБ. Ф. 631. Оп. 1. 1896. Сент.–окт. Ед. хр. 89. № 18. Л. 41–42.

Камень, его же извергаша строящие – так бысть во главу угла – эпиграф к книге «Сельская школа», взятый Рачинским из Псалма 117 (в совр. пер.: «Камень, который отвергли строители, соделался главою угла»).

889

мне Александровы рассказывали ... – речь идет о редакторе журнала «Русское Обозрение» и газеты «Русское Слово» А. А. Александрове и его жене Евдокии Тарасовне Александровой.

Новый мой ребенок, слава Богу, здоров ... – речь идет о дочери писателя Вере, которая родилась 26 июня 1896 г. При крещении в качестве крестного отца выступал лейтенант морской службы Александр Викторович Шталь, а крестной матери – жена статского советника Мария Петровна Гесс. Как «незаконнорожденная», Вера получила фамилию и отчество по имени крестного отца: Вера Александровна Александрова (см.: «Духовное завещание» // Розанов В. В. О себе и жизни своей. М., 1990. С. 703–704).

...только в Лесном это лето... – Летом 1896 и 1897 гг. по рекомендации врача Розановы снимали для детей дачу в ближайшем пригороде Петербурга – в Лесном (Варенцов пер., дача 2).

35

ОР РНБ. Ф. 631. Оп. 1. 1896. Нояб.–дек. Ед. хр. 90. №7. Л. 23–24.

...приезжает ко мне сотрудник «Света» С. К. Литвин и делает предложение... – Помощь С. Литвина (С. К. Эфрона) с заработком стала для Розанова началом «возрождения» после нескольких лет нужды. Розанов не раз с благодарностью вспоминал об этой помощи. Он написал рецензию на кн. С. Литвина «Замужество Ревекки». СПб., 1898 // Новое Время. 1898. 25 нояб. Иллюстр. прилож. (перепечатано в кн.: Религия и культура. СПб., 1899); см. также о нем: Открытое письмо С. К. Эфрону (Литвину) // Новое Время. 1913. 3 окт.

...приезжает Гайдебуров... и предлагает сотрудничество в «Руси»... – Получив после смерти отца в наследство газету «Неделя» (1893), В. П. Гайдебуров стал с марта 1894 г. редактором-издателем. Издавал также журнал «Книжки Недели». С 1897 г. издавал газету «Русь». Идеиные позиции Гайдебурова не отличались определенностью. Розанов напечатал в «Руси» ряд статей.

Спасибо за мысли о «9 сент. в СПб.». Конечно, статья плоха... – Статья Розанова (9 сентября 1896 года в Петербурге // Рус. Слово. 1896. 17 сент. С. 1–2) была посвящена открытию мощей св. Феодосия Углицкого.

...воспоминания Стасова о сестре... – Стасов В. Воспоминания о моей сестре // Книжки Недели. 1896. № 3).

...Кукшины в мундирах.... – Кукшина – персонаж романа И. С. Тургенева «Отцы и дети».

36

ОР РНБ. Ф. 631. Оп. 1. 1896. Нояб.–дек. Ед. хр. 90. № 81. Л. 200–201.

...по прочтении статьи «О чтении псалтири в школе». – Рачинский С. А. Чтение Псалтири в начальной школе // Русское Обозрение. 1896. № 11.

...приехав в Hot. d'Angleterre... – В. С. Соловьёв, называя в Петербург, часто жил в гостинице «Англетер».

...устраивал мои статьи в «Моск. Вед.» в 91 году... – В газете «Московские Ведомости» в 1891 г. Розанов опубликовал четыре направленные против «шестидесятников» фельетона, которые вызвали широкий резонанс (Почему мы отказываемся от наследства 60–70-х годов? // Московские Ведомости. 1891. № 185, 7 июля; В чем главный недостаток наследства 60–70-х годов? // Московские Ведомости. № 192. 14 июля; Два исхода // Московские Ведомости. № 207, 29 июля; Европейская культура и наше к ней отношение // Московские Ведомости. № 225. 16 авг.).

...напишите мне о статье моей о Дарв.... – Розанов В. Теория Чарлза Дарвина, объясняемая из личности ее автора // Новое Время. 1896. 29 окт. № 7428. С. 2–3. Ранее Розанов опубликовал также статью-рецензию на кн. Н. Я. Данилевского «Дарвинизм» (Вопрос о происхождении организмов // Русский Вестник. 1889. № 5. С. 311–316).

...в гостиной, пересмотрев альбом... – В альбоме были представлены «картинки» самого М. П. Соловьёва, увлекавшегося религиозным искусством.

37

ОР РНБ. Ф. 631. Оп. 1. 1897. Янв.–февр. Ед. хр. 91. № 66. Л. 152.

...могу быть на Литейной ... имеется в виду дом Победоносцева (Литейный пр., 62), где, как обычно, остановился приехавший в Петербург Рачинский.

38

ОР РНБ. Ф. 631. Оп. 1. 1897. Янв.–февр. Ед. хр. 91. № 69. Л. 158.

39

ОР РНБ. Ф. 631. Оп. 1. 1897. июль–авг. № 51. Л. 97–98.

Посылаю Вам 2 письма того юноши-студента... – имеется в виду юноша, о котором Розанов подробнее писал в письме 44, – по всей видимости, будущий епископ Ижевский Стефан (в миру Бех Валерий Степанович, 1872–1933). См. о нем: Мануил (Лемешевский), еп. Русские православные иерархи. 1893–1965. Erlangen., 1979–1986. Т. 6.

...теперь умирающий от чахотки писатель... – речь идет о младшем друге Розанова, Ф. Э. Шперке.

...в истории литературы какого-то либерального шалопая, датчанина – Видимо, имеется в виду курс лекций Г. Брандеса «Литература XIX века в ее главнейших течениях. Французская литература» (СПб., 1895).

...от ботаники до письма Ю. Самарина... – Вероятно, имеется в виду письмо Ю. Ф. Самарина о Хомякове, опубликованное в кн. С. А. Рачинского «Татевский сборник» (1899).

ОР РНБ. Ф. 631. Оп. 1. 1897. Июль–авг. Ед. хр. 94. № 65. Л. 130–131.

Кто он (человек), откуда, куда он идет? – Г. Гейне. Вопросы (1825–1826, рус. пер. Ф. Тютчева, 1830, и др.).

...*смех Вольтера в 95 томах...* – Полное собрание сочинений Вольтера вышло в 52 т. (Париж, 1877–1875).

...*отлетает «срезанный соломинкой» («Лес» – Кольцова).* – имеется в виду стихотворение А. В. Кольцова «Лес» (1837).

ОР РНБ. Ф. 631. Оп. 1. 1897. Июль–авг. Ед. хр. 94. № 80. Л. 171–172.

...*сегодня 20-е и чиновники больше «ходят» по Департаменту...* – 20-го числа – день выдачи жалованья чиновникам.

...*издание Белинского, полное собрание сочинений – Павленкова...* – Сочинения В. Г. Белинского в четырех томах (с портретом и факсимиле автора, гравюрой с картины А. А. Наумова и статьей Н. К. Михайловского). Дешевое издание Ф. Павленкова. СПб., 1896.

...*из книги Пыпина «Жизнь и переписка Белинского»...* – Пыпин А. Н. Белинский, его жизнь и переписка. СПб., 1876. Т. 1.

...*замышляет «Разбойников» Шиллера...* – «Разбойники» (1781) – драма Ф. Шиллера периода «бури и натиска», проникнутая бунтарскими, свободолюбивыми настроениями.

Безумное письмо его к Гоголю... – Знаменитое письмо Белинского к Гоголю от 3 (15) июля 1847 г. с осуждением религиозного духа книги писателя «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847).

От потрясенного Кремля... – А. С. Пушкин. Клеветникам России (1831).

ОР РНБ. Ф. 631. Оп. 1. 1897. Сент.–окт. Ед. хр. 95. № 3. Л. 9–12.

Дыхание Вседержителя дало мне жизнь – Иов 38: 4.

«Таковых царство небесное» – Мф. 5, 3.

...*домашнюю «скинию» каждого человека...* – Скиния – в Библии, священное здание для служения Господу.

Вы помните молитву Товии и Сары – см. Тов. 7, 1.

...*«мадам Анго» – провалилась...* – Персонаж оперетты Ш. Лекока «Дочь мадам Анго» (1872).

Мужа и жену сотворил их – ср. Быт. 2, 22–24.

«Чадорождением жена спасается» – 1 Тим. 2, 15.

«Чти отца и мать твою» – Вт. 5, 16; Мф. 15, 4 и др.

ОР РНБ. Ф. 631. Оп. 1. 1897. Сент.–окт. Ед. хр. 95. № 9. Л. 25–28, 13.

...2 статьи против толстовских колоний... – Розанов опубликовал в «Руси» (1-е изд.) две статьи под рубрикой «Из мира идей и фактов» – о толстовских колониях (1897. 20 марта) и о Б. Спинозе (25 марта), а затем – статью «Литературные волнения» (31 марта), из-за которой его перестали печатать в этой газете «за донос».

От вторых к первым перешел журнал «Новое Слово»... – Журнал «Новое Слово», с 1894 г. принадлежавший издательнице О. Н. Поповой, с февраля 1907 г. передан ею М. Н. Семенову, убежденному марксисту (см.: *Поссе В. А. Мой жизненный путь.* М.; Л. 1929. С. 119). В дек. 1897 г. журнал был конфискован.

И напиши я статейку «Литературные волнения»... – Розанов В. Литературные волнения // Русь. 1897. 31 марта.

Мережковская, знакомясь со мною... – Личное знакомство Розанова с Мережковскими состоялось в 1897 г.

Когда я говорю с «младенцем» Михаилом Петровичем... – имеется в виду М. П. Соловьёв.

ОР РНБ. Ф. 631. Оп. 1. 1897. Сент.–окт. Ед. хр. 95. № 17. Л. 54–55.

...намекнул в литературе на личные пороки как почву их эротического декадентства... – Речь идет о статьях Розанова: О символистах // Русский Вестник. 1896. № 4. С. 271–282 (полн.: Русское Обозрение. 1896. № 9. С. 318–334); Нечто о декадентах, «лампадном масле» и о пронциательности нашей критики // Русское Обозрение. 1896. № 12. С. 1112–1120.

«...есть, друг Горацио...» – У. Шекспир. Гамлет (действие I).

...дорогу через милый Бельский уезд... – Речь идет о прокладке железной дороги Москва–Виндава не по направлению, которое представлялось всем целесообразным, а по местам, выгодным толстосумам. Победоносцев писал Рачинскому 2 окт. 1897 г.: «В угоду Полякову линию проводят по болоту» (Ф. 631. 1897. Сент.–окт. Ед. хр. 95. № 40. Л. 107).

ОР РНБ. Ф. 631. Оп. 1. 1897. Сент.–окт. Ед. хр. 95. № 26. Л. 84.

Музей Ал. III: год об этом думаю... – Открытие музея Александра III (Русского музея) предполагалось в ноябре 1897 г. На просьбу Рачинского об устройстве туда Розанов Победоносцев отвечал 2 октября 1897 г.: «В Музее Александра III заведует великий князь, коего не знаю. Художественной частью заведует М. П. Боткин, когда увижу, поговорю» (Ф. 631. 1897. Сент.–окт. Ед. хр. 95. № 40. Л. 107).

...он сам оклеветал бедного и бессильного Страхова... – имеется в виду полемик В. С. Соловьёва со Страховым по поводу книги Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» в 1888–1890 гг. Розанов цитирует оскорбительные слова из статьи Соловьёва «О грехах и болезнях» (Вестник Европы. 1889. № 1), «Мнимая борьба с Западом» (Русская Мысль. 1890. № 8).

...его похвалы Писареву... – В статье «Судьба Пушкина» (Вестник Европы. 1897. № 9) Вл. С. Соловьёв писал: «Над Пушкинами всё еще тяготее критика Писарева, только без ясности и последовательности этого замечательного писателя» (Соловьёв В. С. Философия искусства и литературная критика. М., 1990. С. 287).

Розанов В. В. Литературно-экономический кризис // Новое Время. 1897. 23 сент. № 7749 (перепеч. в кн. «Литературные очерки» под назв. «Литературно-общественный кризис»).

46

ОР РНБ. Ф. 631. Оп. 1. 1897. Ноябрь–дек. Ед. хр. 96. № 40. Л. 89–91.

Кажется (судя по словам Лутковского) Петербург вас ждет к себе... – В. О. Лутковский в конце 1897 г. приехал в Петербург в связи с переводом им книги Победоносцева «Московский сборник» на французский язык.

...глубокое извинение пред нашим добрым попечителем кн. Н. П. Мещерским... – О знакомом Рачинского попечителе Московского учебного округа Н. П. Мещерском Розанов писал в статье: Представление о России в годы реформы // Новое Время. 1897. 16 сент. № 7742. С. 2–3 (включена в книгу «Сумерки просвещения»).

...это он читает мою статью «Отрывок (из Петербургских видений)». – Розанов В. В. Отрывок (Из Петербургских видений) // Русское Обозрение. 1897. № 9. С. 776–782.

Тут я постигнул жадный порыв Некрасова к «миллиону!» – Намек на нашумевшее «огаревское дело». См.: Гершензон М. О. Исторические записки. М., 1910; Дементьев А. Г. Огаревское дело // Русская литература. 1974. № 4.

...почему на «св. Руси» им не стать со временем жительницами Вяземской лавры. – В XIX в. Вяземская лавра – ночлежка на Московском проспекте, д. 10, во флигелях которой собирались нищие, бродяги, проститутки, торговцы краденым. Это злачное место было снесено в начале XX в.

47

ОР РНБ. Ф. 631. Оп. 1. 1898. Июль–авг. Ед. хр. 100. № 72–75. Л. 164–172.

Пишу Вам... чтобы поблагодарить за присылку «Сельской школы». – Рачинский прислал Розанову 3-е издание своей книги «Сельская школа» (М., 1898).

...я в конце 3-го курса женился на Сусловой... – Розанов женился на А. П. Сусловой 12 ноября 1880 г., студентом 3 курса историко-филологического ф-та Московского университета.

894

...привязанность к много прожившей *Irene* (*Ирина* из «Дыма») – персонаж повести И. С. Тургенева «Дым» (1867).

Первый Дании боец – У. Шекспир. Гамлет. Пер. Н. Полевого. IV. 4 (песня Офелии).

...родился их дедушка – Архиепископ Иннокентий родился в том же доме, где впоследствии жил Розанов: «В древнейшей части города Ельца, Орловской губернии, на склоне красивой возвышенности, почти у берега небольшой речки Ельчик, впадающей в пределах города в реку Сосну, к северной стороне Введенской церкви примыкает продолговатая площадь, а в северо-восточном углу этой площади стоит скромный одноэтажный маленький домик. В этом домике и родился 15 декабря 1800 г. будущий маститый архипастырь и богослов – архиепископ Херсонский и Таврический Иннокентий (Борисов)» (*Кондаков В.* Иннокентий Борисов, архиепископ Херсонский и Таврический в его письмах 1823–1855 гг. // *Русская Старина.* 1881. № 12. С. 575.

...человечка, который, может быть, и не выходит из «*Аркадий*»... – «*Аркадия*» – увеселительный сад и театр в Новой Деревне в Петербурге.

...на памятнике... я приказал вырезать «*Надюша Розанова*». – Памятник на могиле Н. В. Розановой на Смоленском кладбище не сохранился.

«*Письма к юношам*» в высочайшей степени ценны... – *Рачинский С. А.* Письма к духовному юношеству. М., 1897.

...я безумно влюбился в нумизматику... – О нумизматических интересах Розанова см. подробнее: Василий Васильевич Розанов – коллекционер-нумизмат. 1856–1919 (к 150-летию со дня рождения). Каталог выставки. ГМИИ им. А. С. Пушкина. Сост. Л. А. Заворотная, С. А. Коваленко, Н. М. Смирнова. М., 2006.

ОР РНБ. Ф. 631. Оп. 1. 1898. Июль–авг. Ед. хр. 100. № 99. Л. 232–233.

Суворины, их едва пропускали... – А. С. Суворин довольно скептически относился к увлечению Розанова вопросами пола, но позволял ему писать о них в газете, только удерживая от крайностей: *Розанов В. В.* Признаки времени. Статьи и очерки 1912 г. Письма А. С. Суворина к В. В. Розанову. Письма В. В. Розанова к А. С. Суворину. М., 2006. С. 316.

...чудный рассказ в «*Русском Вестнике*»: «*В тихой пристани*»... – Розанов опубликовал рецензию на эту повесть: *Данилов И. А.* В тихой пристани. В морозную ночь. Поездки на богомолье. СПб., 1898 // *Новое Время.* 1899. 10 марта. № 8273. Иллюстр. прилож. С. 6–7. Розанов поддерживал с выступившей под псевдонимом автором повести О. А. Фрибес дружеские отношения до конца жизни – см.: *Дневник М. О. Меньшикова* // *Российский архив.* № 4. 1993. С. 252, 257, 265 и др.

...укоряющее письмо от М. П. Соловьёва... священнику, из *Старой Руссы*... – Письмо М. П. Соловьёва цитируется Розановым в статье «Брак и христианство», посвященной переписке с упоминаемым здесь священни-

ком – прот. А. П. Устьянским: «Под гнетом духа любодения написаны Ваши последние статьи» (*Розанов В. В. В мире неясного и нерешенного. М., 1995. С. 133*). Прот. А. П. Устьянский опровергал это утверждение (Там же. С. 136–139).

...пошел с детьми в сад при Владимирской церкви... – Собор св. князя Владимира на Петербургской (ныне Петроградской) Стороне, расположен недалеко от первой петербургской квартиры Розановых.

Язык простой и отзвук мыслей благородных. – Контаминация из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Поэт» (1838): «Твой стих, как Божий дух, носился над толпой; И, отзвук мыслей благородных, звучал. Но скучен нам простой и гордый твой язык».

49

ОР РНБ. Ф. 631. Оп. 1. 1898. Сент.–окт. Ед. хр. 101. № 43. Л. 105–108.

За Псалтирь – благодарю... – Рачинский послал Розанову свою статью «Чтение Псалтири в начальной школе» (*Русское Обозрение. 1896. № 11*).

О Кавказе – вообразите – думал, что хорошо и поэтично написал! – Свои впечатления о Кавказе Розанов изложил в очерке «С юга» (*Новое Время. 1898. 14, 24 июля и 2 сент.*).

Господи – если Ты извергнешь из книги живота народ мой – хочу и я быть с ним извергнут – Исх. 32, 32.

Суслова не смогла бы убеждать... – первая жена Розанова, А. П. Суслова, уехала от него в 1886 г., когда он преподавал в Брянске.

50

ОР РНБ. Ф. 631. Оп. 1. 1898. Окт. Ед. хр. 102. № 26. Л. 68–70.

Преходит лик мира сего – Кор. 1. 7, 31.

...человек-людоед бросается на женщину... – австрийская императрица Елизавета (1837–1898) была убита шилом на кладбище в Женеве анархистом в 1898 году.

...я написал статью «Бюст Гинцбурга: гр. Л. Н. Толстой» – имеется в виду статья: *Розанов В. В. Гр. Л. Н. Толстой // Новое Время. 1898. 22 сент. № 8107. С. 2–3. Бюст Толстого, изваянный И. Я. Гинцбургом, сейчас находится в ГТГ. Позже, в 1909 г. Розанов встречался с Гинцбургом в «Пенатах» у Репина (см.: *Каблуков С. П. <О В. В. Розанове> // В. В. Розанов: pro et contra. Т. 1. С. 215*). В альбоме автографов В. В. Уманова-Каплуновского имеется рисунок Гинцбурга, изображающий Розанова позирующим Ю. Репину (упом.: Н. Раскатов. Альбом автографов В. Уманова-Каплуновского // *Известия книжных магазинов по литературе, науке и библиографии. Т. 6. М. О. Вольф. 1910. № 7. С. 187*).*

Ты не давай мне «Пространных догматических богословий»... – имеется в виду «Догматическое богословие» Макария (т. 1 –1849, 4-е изд. – 1883).

...я написал тревожную статью в «Биржевые Ведомости». – Розанов В. В. Около болящих // Биржевые Ведомости. 1898. 15 сент. № 251. С. 2 (вошла в сб. «Литературные очерки». СПб., 1899).

Присоедините к Вашей коллекции... письмо моей несравненной матери, т. е. матери жены. – Розанов послал Рачинскому одно из писем своей тещи А. А. Рудневой (урожд. Ждановой) – ОР РНБ. Ф. 631. Ед. хр. 102. № 27).

Того ради оставит – Быт. 2, 24.

Муж да не владеет своим телом, но – жена... – 1 Кор. 7, 4.

...чудовищное задушение ребенка офицером Винклером... – Розанов упоминает тот же факт в статье «Иродова легенда»: офицер Венглер, задушивший собственного ребенка, был приговорен Военно-окружной судом к 12-летней каторге (Розанов В. В. Собр. соч. В мире неясного и нерешенного. М., 1995. С. 50).

51

ОР РНБ. Ф. 631. Оп. 1. 1898. Ноябрь.-дек. Ед. хр. 103. № 105. Л. 239–240.

«...передал я его Ухтомскому («СПб. Вед.») – в «СПб. Ведомостях» фельетон Розанова о Рачинском так и не появился. В 1899 г. вышли две его статьи-рецензии на книгу Рачинского «Сельская школа. Сборник статей. Изд. 3-е» (СПб., 1898): Новое Время. 1899. 6 янв. № 8211. С. 6; Культура и деревня // Торгово-Промышленная Газета. 1899. № 18. Лит. прилож. Скорее всего именно вторая статья, гораздо больших размеров, не была принята в «Новое Время», а затем в «Санкт-Петербургские Ведомости», и Розанов был вынужден напечатать ее в малотиражном Литературном приложении к «Торгово-Промышленной Газете», где бы редактором.

...передал Вашу карточку (с портрета Богд.-Бел... – портрет Рачинского работы Н. Богданова-Бельского.

статью мою о Побед. обрезали... – имеется в виду рецензия Розанову на кн.: *Победоносцев К.* Новая школа (рец.) // Новое Время. 1898. 9 дек. № 8185.

Растение и его жизнь – В кн. М. Я. Шлейдена «Растение и его жизнь», переведенную Рачинским (1862), включен также очерк Рачинского «По поводу картины де Геема», понравившийся Шлейдену. В статье рассматривается «Натюрморт» голландского художника Яна Давидса де Геема (Хеема) (1606–1683/4).

Я подписался...«Историю религии». – См. об этой кн.: Розанов В. Иллюстрированная история религий (рец.) // Новое Время. 1898. 25 нояб. № 8171 (перепеч. в кн. Розанова «Религия и культура»).

...наряду с 8 т. «Догматики» Макария и XXV томами Фомы Аквинского... – «Православно-догматическое богословие» историка Церкви Макария (М. П. Булгакова, 1816–1882) вышло в 5 т. (СПб., 1849–1853); Собр. соч. Фомы Аквинского вышло в 17 т. in фолио в Риме (1570–1571).

Три вас – три нас, спаси нас. – См. рассказ Л. Н. Толстого «Три старца» (1893). Ср.: Розанов В. В. Одно воспоминание о Льве Толстом // Розанов В. В. Собр. соч. Около народной души. М., 2003. С. 377–378.

В большой статье о Вас есть принципиальное оспаривание идеи небесного монастыря... – см.: В. В. Розанов. Культура и деревня // ТПГ. 1999. Лит. прилож. № 18. 18 июля. В гл. IV Розанов пишет: «В круге, в который искусственно и невозможно замкнута “Сельская школа” – она представляется в высокой степени целостною истиною; но этот круг весь – узок, а потому и истина эта – ошибочна; и она ошибочна не практически, даже не теоретически только: она ошибочна скорее религиозно. Она состоит в убегании от жизни...» (Розанов В. В. Собр. соч. Во дворе язычников. М., 1999. С. 65).

52

ОР РНБ. Ф. 631. Оп. 1. 1899. Янв-февр. Ед. хр. 104. № 44. Л. 94–97.

Получил известие о Вашем приезде... – в январе 1899 г. Рачинский приехал в Петербург и встречался с Розановым. Это письмо Розанов направил Рачинскому до встречи.

...газету, где напечатан (только-что сегодня) большой разбор «Сельской школы»... – Розанов В. <Рец.:> С. А. Рачинский. Сборник статей. СПб., 1898 // Новое Время. 1899. 6 янв. № 8211. Илл. прилож.

...честь этого имени никто у детей моих единокровных не в праве отнять. – Дети Розанова как незаконнорожденные получали фамилии, образованные от имени крестных отцов: Александровы (от А. В. Шталя) и Николаевы (от Н. Н. Страхова).

Если Церковь «стоит на точке зрения 60-х годов», то это не религиозно. – Лутковский, переехавший в 1899 г. в Петербург и ставший, видимо, по протекции Победоносцева, чиновником Уголовно-Кассационного департамента Сената, писал по поводу этого письма Рачинскому 26 янв. 1899 г.: «Вопль бесконечно несчастного Вас. Вас-ча не выходит у меня из головы, и куда ни кинь, всё клин. Едва ли можно ему помочь даже «в путях Монаршего милосердия». Ходатайствовать о помиловании его от «последствий» (предусмотренного кое-где) деяния его? Но ведь, благодаря Богу, его никто и не думает преследовать? Но вот в чем дело: он действительно нуждается в врачевании душевном; его письмо, по тону и содержанию, заставляет опасаться многого недоброго, – и знаете, кто бы его поврачевал? Посоветуйте-ка ему съездить поговеть к отцу Варнаве! – О нем вчера была речь – надеюсь, что В. В. вернется немного успокоенным: О. Варнава перенесет волнующие его вопросы высоко, высоко и, быть может, милый Розанов изольет свои чувства не чернилами, а слезами, кои его облегчат. Надеюсь застать Вас вскоре в добром здравии и остаюсь всей душой преданным В. Лутковский» (Ф. 631. 1899. Янв.-февр. Ед. хр.104. № 48. Л. 103).

53

ОР РНБ. Ф. 631. Оп. 1. 1899. Март. Ед. хр. 105. № 29. Л. 67–70.

...дом угольный и выходит другою стороною на Большой проспект... – Видимо, Розанов на одном из конвертов обозначил адрес своего уголовного дома как Большой проспект, д. 26.

898

Не знаю, для чего мне Филиппов посылает рукопись... – А. Ф. Филиппов просил переслать свою рукопись Розанову, как он уведомил Рачинского, «для себя» (Ф. 631. 1898. Окт. Ед. хр. 102. № 35. Л. 90об).

...один – радикал, другой – богослов... – речь идет о Ф. Э. Шперке и В. С. Бехе (будущем еп. Стефане).

Арапчик из «Марша Черномора» – персонаж оперы «Руслан и Людмила» М. И. Глинки (1842).

Ни мрак, ни свет, ни день, ни ночь... – Неточная цитата из поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон» (ч. II).

«Отчего люди одурманиваются?» – Заметка Л. Н. Толстого (1890), направленная против одурманивания водкой.

...11 t. in F^o Фомы Аквинского – Thomas Aquinas. Opera omnia. 17 t. in folio. Roma, 1570–1571.

сравните Херасков (10 т. in 4to)... – Херасков М. М. Творения. Т. 1–12. М., 1796–[1803].

«гарем», над которым издевался Д. Иловайский... – учебник Иловайского, «Руководство к русской истории. Сравнительный курс» (44 изд., 1-е изд. – 1860) или «Краткие очерки русской истории. Курс ст. возраста» (26 изд.), которое было Р. известно как учителю истории.

человек ждет «движения воды» – Ин. 5, 3.

А сердца, так сказать, никак не шевелит – И. И. Дмитриев. Чужой толк (1794).

54

ОР РНБ. Ф. 631. Оп. 1. 1899. Апр. Ед. хр. 106. № 57. Л. 125–132.

На днях пришло Вам 3-й сборник. – Третий сборник статей Розанова, выпущенный П. П. Перцовым, – «Литературные очерки» (апрель 1899).

...«с душою чисто геттингенской» – неточная цитата из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина (II, 6).

...и «Аркадия» умрет (будет расстреляна из пушек)... – «Аркадия» – увеселительный сад в Петербурге.

...как в армии Бутса. – Английский генерал и протестантский проповедник Уильям Бутс (1829–1912) организовал «Армии спасения» и создавал религиозные поселения военного типа.

Есть глагол апостола: «Весь Израиль спасется» – Рим. 11, 26.

«Великий Канон» Андрея Критского... – сочинение VIII в., в котором подробно рассказывается об искушениях.

...не к «Кафедре Исаакиевского собора» – издаваемой генералом Богдановичем... – имеется в виду Богданович Модест Иванович (1805–1882) – генерал-лейтенант, военный историк, профессор кафедры военной истории Академии генерального штаба, выпускал периодическое издание «Кафедра Исаакиевского собора».

Новый человек пришел в мир – Ин. 16, 21.

...И познал Адам Еву... – Быт. 4, 1.

Ни чем разжигатися – 1 Кор. 7, 9.

...рябая вдова – которую к сознанию привел Толстой... – см.: Сергиенко П. Как живет и работает Толстой. М., 1898. С. 44.

...чадородием женщина спасается – 1 Тим. 2, 15.

...дал строгую отповедь Никанору Одесскому. – Страхов Н. Н. Толки об Л. Н. Толстом // Вопросы Философии и Психологии. 1891. Т. 9. С. 98–132 (перепеч.: Страхов Н. Н. Воспоминания и отрывки. СПб., 1892. С. 131–184).

Поднимающий меч... – Мф. 26, 52.

... (хотя это – мертвое слово с 1054 г....). – В 1054 г. в Константинополе состоялся догматический спор представителей православной и католической церквей, приведший к их окончательному разделению.

55

ОР РНБ. Ф. 631. Оп. 1. 1899. Май. Ед. хр. 107. № 10. Л. 29–30.

Получил... книгу-исследование – о пророчестве Валаама. – Серафим, еп. Прорицатель Валаам. Кн. чисел. XXII–XXX. СПб., 1899.

...любил себя сравнивать как писателя с Валаамовой ослицею – см.: Чис. 22.

Когда для смертного умолкнет шумный день... – А. С. Пушкин. Воспоминание (1828).

Шатобриан... «предисловием» к «Полному собранию соч.» пустил автобиографию... Розанов путает: автобиографическое сочинение Шатобриана «Замогильные записки» было опубликовано после его кончины (в 1848–1850 гг.)

56

ОР РНБ. Ф. 631. Оп. 1. 1899. Май. Ед. хр. 107. № 24. Л. 52–53.

...не было Ангела, возмущающего Силоамскую купель – Ин 5, 4.

...хождение перед Богом – Быт. 5, 24.

...гимн Франциска Ассизского... – стихотворное сочинение Рачинского на немецком языке, положенное на музыку Листом (ок. 1858). Однако, возможно, Розанов имеет здесь в виду «Цветочки» Франциска Ассизского, наполненные духом приятия природы.

История детской души (кажется) Корелли... – Корелли М. История детской души. СПб. Изд. К. П. Победоносцева. 1898.

...гимны цветов и птичек Богу в начале «Дон-Жуана» гр. Ал. Толстого – в прологе драмы в стихах А. К. Толстого «Дон Жуан» (1859–1860) воспевается красота мира и воздается хвала ее Творцу. Розанов использовал жизнеутверждающий мотив этого произведения в своем споре с С. Ф. Шараповым (см.: Хорошо ли знаете, «какого вы духа»? // Розанов В. В. В мире неясного и нерешенного. М., 1995. С. 262–267).

...иллюстрировать снимками из «Denkmäler» Lepsius'a – имеется в виду многотомное издание К. Р. Лепсиуса, посвященное фрескам Египта:

Denkmäler aus Egypten und Ethiopien. 1849–1860. 1–12 Bd. Победоносцев писал Рачинскому по поводу нового увлечения Розанова: «Розанов, я думаю, близок к сумасшествию. Теперь он ходит в Публичную библиотеку исследовать сирийские и египетские культы любострастия» (ОР РНБ. Ф. 631. 1899. Ноябрь–декабрь. Ед. хр. 111. № 64. Л. 140).

...перед престолом Божиим 4 страшных существа... – Откр. 4, 6–8.

...Лютер и Тридентский собор. – Тридентский (Триентский) собор католической церкви, состоявшийся в 1545–1547, 1551–1552, 1562–1563 гг. в г. Тренто, а в 1547–1549 в г. Болонье, утвердил основные положения католичества.

из-за чего бились Адольф и Валентейн? – 30-летняя война (1618–1648) между католиками и протестантами, завершилась Вестфальским миром. Густав Адольф, король протестантской Швеции, был убит 16 ноября 1632 г. в битве при Люцене, где имперский главнокомандующий Валленштейн потерпел поражение.

...дондеже придет Примиритель и Той – чаяние языков. – Быт. 49, 10.

Перцов стихотворец – не мой. – Речь идет о кн.: Перцов Н. В. Стихотворения. Пермь, 1899. Розанов имеет в виду, что автор книги – не его знакомый П. П. Перцов.

Ты бысть язвен за грехи наши... – Ис. 53, 5.

Семя Жены сотрет главу Змея – см.: 1 Тим. 2, 13.

57

ОР РНБ. Ф. 631. Оп. 1. 1899. Июнь. Ед. хр. 108. № 16. Л. 36–37.

...в «Моск. Сборн.», книге благоуханной, но излишне страстной. – речь идет о книге К. П. Победоносцева «Московский сборник» (1-е изд. 1896).

...разумею рескрипт. – 19 мая 1899 г. был опубликован «Высочайший рескрипт Государя» с выражением благодарности С. А. Рачинскому по случаю многолетней деятельности на пользу Отечества.

Министр – славен только борьбой с тужурками... – Имеется в виду декрет министра просвещения Н. М. Боголепова, запрещающий студентам носить тужурки. Как известно, борьба министра с вольнодумством студентов завершилась трагически: в 1901 г. Боголепов был застрелен студентом Карповичем.

Вас смутило мое «б» «б» «б». – Розанов опубликовал две близких по содержанию статьи о числе «666»: Об апокалиптическом числе. Из записной книжки русского писателя // Торгово-Промышленная Газета. 1899. Лит. прилож. № 8. 16 мая. С. 4; «Звериное число» // Альманах «Северные цветы» на 1903 год. С. 85–92.

Не то, что мните вы, природа... – Неточная цитата из одноименного стихотворения Ф. И. Тютчева (1836).

Сумма теологии – сочинение Фомы Аквинского – 17 t. in folio. Roma, 1570–1571.

ОР РНБ. Ф. 631. Оп. 1. 1899. Июнь. Ед. хр. 108. № 39. Л. 76–77.

...*Вы можете судить по двум рецензиям на мои книги. Д. Ш.* – имеются в виду рецензии Д. П. Шестакова в литературном приложении к «Торгово-Промышленной Газете»: 1899. 16 мая. № 8. С. 4 (на книгу Розанова «Сумерки просвещения»); 1899, 6 июня. № 12. С. 4 (на книгу «Литературные очерки»).

получив в заведывание Калининскую больницу. – Калининская больница в Петербурге, для женщин, больных венерическими заболеваниями. См.: *Обозненко П. И.* Поднадзорная проституция Санкт-Петербурга по данным врачебно-полицейского комитета и Калининской больницы. Дисс. СПб., 1896.

еще больше радуюсь фис-гармонье – см. письмо Рачинского (от 13 июля 1901 г.) с сообщением о подаренной императрицей фисгармонике.

Среди сокровищ русского царя... – неточная цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Полководец» (1835).

Как хорошо, что он издает Гилярова. – Победоносцев издал в 1899 г. первый том двухтомного «Сборника сочинений» Н. П. Гилярова-Платонова, на который Розанов написал рецензию (*Гиляров-Платонов Н. П.* Сборник сочинений. Т. 1. М., 1899 // НВип. 1899. 9 июня. № 8361).

59

ОР РНБ. Ф. 631. Оп. 1. 1900. Янв.–февр. Ед. хр. 112. № 63. Л. 141.

Горячо благодарю Вас, что Вы меня не забыли. – Рачинский, судя по письму, прислал Розанову составленный им «Татевский сборник» (СПб., 1899).

Прочел повесть графини Сальяс. – Имеется в виду неоконченная повесть графини Е. В. Салиас «Раздел» в «Татевском сборнике» (с. 143–252).

...*стихи своего попечителя, может быть, удачные, но бледные, как и весь он.* – Речь идет о трех стихотворениях кн. Н. П. Мещерского, бывшего попечителя Московского учебного округа, в «Татевском сборнике».

...*чрезвычайно хороши портрет Хомякова.* – В «Татевском сборнике» был опубликован портрет А. С. Хомякова – «офорт, исполненный г. Волковым с рисунка свинцовым карандашом Э. Д. Дмитриева-Мамонова» (с. VI).

60

ОР РНБ. Ф. 631. Оп. 1. 1901. Июль – авг. Ед. хр. 121. № 59. Л. 113.

В. А. Фатеев

ДОПОЛНЕНИЕ:

ДВА ПИСЬМА С. А. РАЧИНСКОГО

РГБ. Ф. 249. М. 4205. Ед. хр. 1. Л. 15–16, 55–56.

Публикация *А. В. Ломоносова*

Ю. Н. ГОВОРУХА-ОТРОК
В НЕСКОЛЬКИХ ПИСЬМАХ (с. 606)

Литературный и театральный критик Юрий Николаевич Говоруха-Отрок (1850–1896) печатался в «Московских Ведомостях» под псевдонимом Ю. Николаев. Розанов вступил с ним в переписку в связи с завязавшейся между ними полемикой по творчеству Н. В. Гоголя после публикации первых глав розановской «Легенды о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского» в «Русском Обозрении» (1891. № 1–4). Пять писем Говорухи-Отрока (ныне хранятся в ОР РГБ. Ф. 249. М. 3873. № 1) Розанов опубликовал в своей книге «Литературные изгнанники» (СПб., 1913. С. 437–454), по тексту которой они публикуются.

...не для житейского волнения – А. С. Пушкин. Поэт и толпа (1828).

ПИСЬМА В. А. МОРДВИНОВОЙ
К В. В. РОЗАНОВУ
С КОММЕНТАРИЯМИ В. В. РОЗАНОВА (с. 614)

Вера Александровна Мордвинова (1895 – 1966) – московская курсистка, близкий друг Розанова, с которой он переписывался с сентября 1914 г. по сентябрь 1915 г. (118 писем Мордвиновой, письма Розанова утрачены). 27 ноября 1914 г. Розанов записал в «Мимолетном»: «С 28 сентября (на штемпеле конверта) и в течение октября и ноября – дружба с Мордвиновой. Она не написала отчета, и я называл ее все «Верой». Она меня – никак, только в первом «Вас. Вас.». Курсистка. Москва. Все лежит. По карточке – прекрасна. Ее друг – Калиночка и все подробности. Семья, быт. Много рассказов: 19 л. 2 мес. 10 дней (в 1 – м письме). Я ее прямо полюбил по письмам: такого глубокого совпадения по взглядам я никогда не встречал. О Герцене она написала с презрением: «Герцен еще в люльке пищал: не *хоу* самодержавия: – я республику *хоу*». Как это старо и опытно сравнительно с Гершензоном и Айхенвальдом, «ветеранами» истории литературы. О старой нашей письменности: «Я не знаю *более глубокой литературы*, чем эта». Это – о том фазисе, о котором Белинский изрек, что «там не было *вовсе литературы*». Горда. Страстна. Мечтает поехать в Индию, но плеврит и было воспаление легких. Ее рассказ, как она часто видит Государя во сне – поразителен по красоте, изяществу. Вообще вся духовно изящна и сильна. Мы с ней в письмах страшно сдружились. Прямо полюбили друг друга». Для встречи с Мордвиновой Розанов специально отправился в Москву 7 декабря 1914 г. и пробыл там четыре дня. Там произошла их близость, после чего Мордвинова подписала свое письмо «Ваша любящая вас В. Мордвинова». Розанов описал это в одном из последних писем к Э. Голлербаху в октябре 1918 г.

Розанов предполагал поместить письма Мордвиновой в один из томов «Литературных изгнанников», а вначале напечатал их в рубрике «Из жизни, исканий и наблюдений студенчества» в журнале «Вешние Воды» (1914. – 1917. Т. 1 – 19), по тексту которого письма и печатаются в настоящем томе с комментариями Розанова и примечаниями редакции «Вешних Вод». В письме к П. А. Флоренскому 16 августа 1915 г. Розанов сообщал об этой публикации: «Я печатаю письма с большими купюрами (личное, ее семейное) (тайное – ко мне) – но и так они интересны».

Флоренский писал Розанову 21 апреля 1916 г.: «Только что перечел в связи с получением новой книжки «Вешних Вод», письма Мордвиновой. В большом количестве они мне понравились гораздо болсе, чем раньше в малом. Если бы издать такой том, то непременно вместе, иначе ничего не получится, то вышла бы поучительная книга. Мне понятно, что с Цветковым они не сошлись: слишком похожи».

IV

«Да и кто из вас, заботясь, может прибавить себе росту...» – Мф. 6, 27; Лк. 12, 25.

«Разрушение ада и восстановление ада» – легенда, записанная Л.Н.Толстым «Разрушение ада и восстановление его» (1902).

«Оставьте мертвым погребать мертвых» – Мф. 8, 22; Лк. 9, 60.

«подобно закваске, которую женщина...» – Мф. 13, 33; Лк. 13, 21.

VI

«что толку в том, что есть амбары...» – Г. Гейне. К истории религии и философии в Германии (1834). Кн. 1 (начало).

X

«Красота природы и ее смысл» – книга Розанова (М., 1895), первоначально печаталась в «Русском Обозрении» (1895. № 10– 12) под названием «Что выражает собою красота в природе?».

XIII

Прентис Мильфорд «К жизни» – переведенная с английского книга была издана в Петербурге в 1912 г.

XV

З. Гиппиус прочитала доклад – 5 ноября 1914 г. З. Н. Гиппиус выступила в РФО с докладом «История в христианстве».

«смешные жеманницы» – название одноактной комедии Мольера (1659).

XXI

Иные дни, иные сны – А.С.Пушкин. Путешествие Онегина («Другие дни, другие сны»).

XXV

Свеча погасла и фитиль дымящий – В.М.Гаршин. Свеча (1887).

XXXIV

«Атала» (1801) – повесть французского писателя Р.Шатобриана.

«Сен- Мар» (1826) – исторический роман французского писателя Альфреда де Виньи, принесший ему славу.

XXXV

«Веселая наука» (1882) – книга Фр. Ницше (рус. пер. 1911).

XXXXIX

...дурак Вересаев так пренебрежительно высказался... – В первой части книги В. В. Вересаева «Живая жизнь» – «О Достоевском и Льве Толстом» (1910) жизнеутверждению Толстого противопоставляется «ненависть, злоба, одиночество» Достоевского.

XLV

«Если бы Бога не было...» – Вольтер. Послание к автору новой книги о трех лжецах» (1769).

XLVIII

«Голод» (1890) – роман норвежского писателя К. Гамсуна.

L

«Дай мне детей, а если не так, то я умираю» – Быт. 30, 1.

LI

Воображение правит миром – сказано Наполеоном 7 января 1816 г. по поводу знаков преклонения английских матросов перед Наполеоном-изгнанником (запись Э. Лас Казеса).

LIV

Болтин... комментировал Щербатова – Болтин Н. И. Критические примечания генерал-майора Болтина на первый [– второй] том истории князя Щербатова. СПб., 1793–1794. Т. 1–2.

«Примечания генерал-майора Болтина...» – Болтин Н. И. Примечания на историю древней и нынешней России Леклерка. СПб., 1788. Т. 1–2.

«Записки В. Болотова» – имеются в виду «Записки» А. Т. Болотова (1738–1833), изданные в 1871–1873 гг. под названием «Жизнь и приключения Андрея Болотова».

«отметка резкая ногтей» – А. С. Пушкин. Евгений Онегин. 7, XXIII.

«Пчела» – древнерусский сборник поучительных изречений, перевод греческого сборника того же названия, составленного в XI в. монахом Антонием (рус. пер. начала XIII в.).

«Измарагды» – сборник произведений древней литературы (XIV–XVI вв.).

LIX

«Поэтические воззрения славян на природу» (1865– 1869) – исследование фольклора А. Н. Афанасьевым (1826–1871).

LXI

«Нора» (1879) – драма Г. Ибсена.

LXXIII

«Религия и война» – статья Д. С. Мережковского в газете «Русское Слово» 30 ноября 1914 г.

«Литературный Олимп» – книга А.А.Измайлова (1873– 1921) «Литературный Олимп... Характеристики, встречи, портреты, автографы» (М., 1911).

Письма LXXXV–С отсутствуют, поскольку т. 15 «Вешних Вод» (1916 г.) не вышел в свет. Одно письмо (см. с. 722–723) сохранилось в рукописи (АФ). Публикация писем В. Мордвиновой прервалась в 1917 г.

А. Н. Николюкин

ПРИЛОЖЕНИЕ.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ В СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ (с. 724)

Заметки о Польше (с. 724)

Впервые напечатано: *Розанов В. В.* Литературные очерки. Сборник статей. СПб.: Тип М. Меркушева, 1899. Издание П. П. Перцова. С. 211–218. Во 2-м издании книги статья была исключена.

Князь Адам Чарторыйский в записках своих – по-русски записки русского и польского государственного деятеля А. Чарторыйского (1770–1861) были изданы под названием: «Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I». М., 1912–1913. т. 1–2.

Тарговицкая конфедерация – Акт Таговицкой конфедерации, составленный польскими магнатами во главе с К. Браницким (1731–1819) и под наблюдением в Петербурге Екатерины II, был опубликован 14 мая 1792 г. в момент вторжения царских войск в Польшу и содействовал второму разделу (1793) Речи Посполитой между Россией и Пруссией. Этот акт вошел в историю Польши как символ национальной измены и во время польского восстания 1794 г. некоторые деятели Тарговицкой конфедерации были казнены.

...*подвиг Кирилла и Мефодия* – речь идет о братьях, славянских просветителях, первых переводчиках богослужебных книг на старославянский язык. Началом славянской письменности считается 863 г.

...*кнан Тадеуш*» – имеется в виду поэма А. Мицкевича «Пан Тадеуш» (1834), энциклопедия старопанского быта, нравов старой шляхты.

Мимолетное (с. 730)

Северные цветы. Третий альманах книгоиздательства «Скорпион». М., 1903. С. 151–153.

Поездка на Абро (с. 732)

Летописец. 1904. № 8. Август. С. 255–256. Летом 1903 г. Розановы ездили на остров Абро вместе с семьей И.Ф. Романова.

О подготовке к экзаменам сирот убитых воинов (с. 733)

НВип. 1904. 20 окт. № 10287. Подпись: В. Р-новъ. Ср. статью Розанова «Училище для детей павших воинов» (НВ. 1904. 20 сент.) в томе «Природа и история».

Высокие и низкие температуры в стране (с. 734) Слово, 1905. 24 янв. № 46.

...«разъяснениями вслух» капитана Кладо... – имеются в виду статьи искателя-моряка Н. Л. Кладо, печатавшиеся в ноябре 1904 г. в «Новом Времени» под названием «После ухода 2-й тихоокеанской эскадры» под псевдонимом «Прибой».

маркиз Поза – персонаж драмы Ф. Шиллера «Дон Карлос» (1787).

...*статье о «соборных»* – статья Розанова «Где же соборные?» (Слово. 1905. 21 янв.)

Выставка исторических русских портретов в залах Таврического дворца (с. 735) Весы. 1905. № 6. С. 43–45.

...*громадная коллективная картина Репина* – речь идет о картине И. Е. Репина «Торжественное заседание Государственного Совета» (выполнена совместно с художниками Б. М. Кустодиевым и И. С. Куликовым, 1901–1903).

«до возвышения *Сперанского*» – государственный деятель М. М. Сперанский с 1807 г. стал статс-секретарем Александра I и в 1809 г. подготовил по его поручению план преобразования России.

Карфаген должен быть разрушен – Плутарх. Катон Старший. 27.1.

О порядочности в свободе (с. 737) НВ. 1905. 2 дек. № 10674.

Чем кумушек судить трудиться... – И.А. Крылов. Зеркало и Обезьяна (1816).

«пахать поле» – см. И. И. Дмитриев. Муха (1805).

...прочитав о митинге в Медицинской академии – статья Розанова «На митинге» напечатана в «Новом Времени» (1905. 25 окт., 2 нояб.) и вошла затем в книгу «Когда начальство ушло...».

Война всех против всех – Т. Гоббс. Левиафан (1651), XIV.

Стукнуло на днях 63 года... – речь идет о писателе Николае Николаевиче Каразине, который родился 27 ноября 1842 г. в Харьковской губернии.

...разумного, доброго, вечного – Н. А. Некрасов. Сеятелям (1876).

...спор «дяди Митяя и дяди Миняя» – Н. В. Гоголь Мертвые души. Гл. 5. Разуваев, Колупаев – купцы-кабатчики в очерках М. Е. Салтыкова-Щедрина «Убежище Монрепо» (1878–1879).

Восстань, пророк, виждь и внемли – А. С. Пушкин. Пророк (1826).

«Пулемет» – сатирический журнал в Петербурге в 1905–1906 гг.

«Зритель» – сатирический журнал в Петербурге в 1905–1908 гг.

В. Горленко. Отблески.

Заметки по словесности и искусству (с. 739)

НВип. 1905. 7 дек. № 10679. С. 10.

Горленко Василий Петрович (1853–1907) – критик, этнограф. В книге «Среди художников» (статья «Мар. Ив. Долина») Розанов вспоминал Горленко: «Это был любимый мною прекрасный писатель». Второе издание книги Горленко «Отблески» вышло в 1908 г. Его письмо к Розанову с примечанием Розанова хранится в ОР РГБ (ф. 249. М. 3825).

Письмо в редакцию <О. Н. Я. Гроте> (с. 740)

НВ. 1906. 26 янв. № 10729.

Статью Розанова «Новые вкусы в философии» см. в томе «Водворе язычников».

Проф. И. А. Сикорский. Психологические основания воспитания (с. 741)

НВип. 1906. 31 мая. № 10851.

В своем углу (Среди догадок и страхов) (с. 743)

Церковно-Общественная Жизнь. Казань. 1906. № 35.

18 авг. С. 1160–1165.

...«из Индии дальней» – А.К. Толстой. Цыганские песни («Из Индии дальней...») (1856).

Греко-персидские войны (500–449 до н.э.) – войны между Персией и древнегреческими городами-государствами, отстаивавшими свою независимость.

Пелопонезская (Пелопонесская) (431–404 до н.э.) – крупнейшая в истории Древней Греции война между греческими полисами-государствами.

«Не хочется мне брать ему жены...» – Быт. 24, 3–4.

«Маяк» – ежемесячный журнал «Маяк современного просвещения и образования» издавался в Петербурге в 1840–1845 гг. С. А. Бурачком и П. А. Корсаковым.

В своем углу (О прочитанном) (с. 748)

Церковно-Общественная жизнь. 1906. № 40. 22 сент.

С. 1328–1332; № 41. 29 сент. С. 1362–1366.

«Жене, бежавшей в пустыню» – Откр. 12, 6

... *«где преизбыточествует грех, там переизобилует благодать»* – Рим. 5, 20.

Маркоманы, клады – племена древних германцев, угрожавшие в I–II вв. римлянам на дунайской границе.

<Православие в Северо-Западном крае> (с. 758)

НВ. 1906. 28 нояб. № 11032. Б.з. Б.п.

Перед церковным собором (с. 759)

Страна. СПб., 1906. 6 дек. № 231. Подпись: Н. Георгиевский.

... *«Группа 32-х священников»* – речь идет о «кружке тридцати двух священников», сторонников церковного обновления, созданном в начале 1905 г. группой либерально настроенного духовенства (А. Д. Введенский, Г. С. Петров, П. В. Раевский и др.). См. сборник: «О необходимости перемен в русском церковном управлении». СПб., 1905.

Письмо в редакцию газеты «Товарищ»

<О Г. С. Петрове> (с. 765)

Товарищ. СПб., 1907. 16 февр. № 193.

...*бесправной расправы со свящ. Гр. Сп. Петровым* – Указом Петербургской духовной консистории в январе 1907 г. священник Г. С. Петров был сослан на три месяца в Иоанно-Богословский Черемнецкой монастырь, а в 1908 г. Синод лишил его священнического сана «за поношение православной церкви».

О нужде и неизбежности нового религиозного сознания (с. 765)

Религиозно-философское общество. СПб., 1908.

Вып. 1. С. 29–36. Заседание 15 октября 1907 г.

...*«секире, положенной у корня дерева»* – Мф. 3, 10; Лк. 3, 9.

На мысль, исполненную силы... – М. Ю. Лермонтов. Журналист, читатель и писатель (1840). Неточная цитата («На мысли, дышащие силой, / Как жемчуг нижутся слова».

закон веротерпимости – имеется в виду манифест Николая II о веротерпимости 17 апреля 1905 г.

мир... во зле лежит – 1 Ин. 5, 19.

<О голоде> (с. 773)

НВ. 1911. 12 нояб. № 12813. Б.з., б.п.

<Голод> (с. 773)

НВ. 1911. 15 нояб. № 12816. Б.з., б.п.

<Истязания русских солдат в Персии> (с. 774)

НВ. 1912. 8 янв. № 12868. Б.з., б.п.

Речь идет о событиях конца 1911 г., когда русские войска на севере Персии, а английские на юге подавили революцию 1905–1911 гг.

Об уличной трезвости (с. 775)

МВ. 1915. 21 июля. № 167. Подпись: Петроградский старожил.

Как и в этой статье, Розанов охотно публиковал письма своих читателей. В августе 1915 г. журнал «Вешние Воды» (т. 10, кн. 1. С. 121–126) под названием «Потери дорогих» опубликовал «с любезного разрешения В.В. Розанова» письмо к нему А. Овсянникова об убийстве на войне 20 октября 1914 г. его брата Коли. Публикация письма сопровождается Р.С. Розанова: «Этого Колю Овсянникова, младшего сына нашего инспектора гимназии Николая Николаевича Овсянникова, я помню золотокудрым хорошеньким мальчиком 6-ти лет. Как сейчас передо мною в длинном нашем коридоре Нижегородской гимназии... Мир его благородному праху и чистой душе. В. Р-въ». Розанову принадлежит некролог Н.Н. Овсянникова (НВ. 1912. 13 янв.; см. том «Признаки времени» в Собрании сочинений).

«Просите и дастся вам» – Мф. 7,7; Лк. 11,9.

Альгамбра – дворец, построенный в XIII–XIV вв. мавританскими властителями Испании на окраине Гренады.

ПС – как сказано, настоящая статья подписана псевдонимом «Петроградский старожил».

Памяти А. С. Суворина (с. 778)

НВ. 1912. 14 авг. № 13083.

Редактор-издатель газеты «Новое Время», писатель и просветитель А. С. Суворин умер 11 августа 1912 г. См. статью Розанова о нем в томе «Признаки времени» в настоящем Собрании сочинений.

Как был ранен и умирал князь Олег Константинович (с. 779)

МВ. 1915. 13 окт. № 235. Подпись: Петроградский старожил.

См. также статью Розанова «Книга памяти князя Олега» (НВ. 1915. 8 окт.) в томе «На фундаменте прошлого» в настоящем Собрании сочинений.

Олег Константинович Романов (1892–1914) – четвертый сын великого князя Константина Константиновича.

XL «Новое Время» (1876–1916 гг.) (с. 785).
НВ. 1916. 29 февр. № 14360. Б.п.

Авторство Розанова подтверждается автографом и архивным свидетельством: «По просьбе редакции. Сегодня постановляет полосу ст. Розанова XL-летие «Нового Вр.» (РГАЛИ. Ф. 249. Оп. 1. Ед. хр. 196. Л. 27).

«Русский библиофил» (с. 800)
НВ. 1916. 12 дек. № 14646.

Тот век прошел, и люди те прошли... – М. Ю. Лермонтов. Сказка для детей, 15 (1840).

Из книги «Черный огонь» (с. 802)

Статьи 1917 г. из книги: *Розанов В. Черный огонь* / Сост. А. Н. Богословский. Париж: УМСА–PRESS, 1991 включены во 2-й том настоящего Собрания сочинений (Мимолетное. М.: Республика, 1994). Статьи из первого раздела книги «Черный огонь» (до 1917 г.) большею частью вошли в Собрание сочинений, кроме четырех статей и пяти отрывков в конце книги, которые печатаются в настоящем томе.

Об исторических «прививках» (с. 802)

«Черный огонь». С. 31–36. Статья написана в 1907 г. и предназначалась для газеты «Русское Слово», где Розанов подписывался псевдонимом «В. Варварин», но не была опубликована. III Гос. Дума работала с 1 ноября 1907 г. до 9 июня 1911 г. Розанов жил по указанному в конце статьи адресу с января 1906 г. до июля 1909 г.

Из политического прошлого России (с. 805)

«Черный огонь». С. 64–72. Статья напечатана не была и датируется 1908–1910 гг. по указанным в ней статьям Б. Б. Глинского в «Историческом Веснике» – «Эпоха реформ» и «Террор».

... в Петербурге известные пожары – В мае 1862 г. начались пожары, вина за которые была возложена на «нигилистов». Правительство приостановило на 8 месяцев издание журнала «Современник». 7 июля 1862 г. Н. Г. Чернышевский был арестован, заключен в Петропавловскую крепость, а 20 мая 1863 г. отправлен в Сибирь.

... слова Соловьёва, записанные в воспоминаниях его сына – Розанов вольно пересказывает слова историка С. М. Соловьёва из воспоминаний, написанных в 1898 г. В. С. Соловьёвым для ашхабадской газеты «Закаспийское Обозрение», но не напечатанных тогда по цензурным соображениям. Изданы в книге: *Письма В. С. Соловьёва*. СПб., 1908. Т. I. С. 271–282.

Робеспьер произнес знаменитую формулу – имеется в виду речь М. Робеспьера в Конvente 3 декабря 1792 г. со словами: «Людовик должен умереть, чтобы страна могла жить».

Политика и ошибки тона (с. 810)

«Черный огонь». С. 93–96. Статья написана в сентябре 1915 г. и не была напечатана.

Декларация Милюкова (с. 812)

«Черный огонь». С. 97–100. Статья не была напечатана, она подписана псевдонимом «Старый читатель», которым Розанов подписывался в «Новом Времени» в 1909 г. (24 июля; статья «Поздние слезы»).

Статья написана в 1916 г. после того как в августе 1916 г. П. Н. Милюков посетил Великобританию, где Кембриджский университет присвоил ему звание почетного доктора.

Отрывки (с. 813)

Печатается по книге: Розанов В. Черный огонь. Париж, 1991. С. 238–250.

1. <Петроград> (с. 813)

Написано в 1917 г.

«не отдавать честь офицерам» – из Приказа № 1, принятого 27 февраля 1917 г. Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов.

2. «Красота спасет мир» (с. 814)

Заглавие из романа Ф. М. Достоевского «Идиот» (1868). III, 5.

3. <Некрасов> (с. 815)

Отрывок подписан псевдонимом «Обыватель», которым Розанов подписывал свои статьи 1917 г. в «Новом Времени».

Н. А. Некрасов умер 27 декабря 1877 г.

За заставой, в харчевне убогой... – Н. А. Некрасов. Размышления у парадного подъезда (1858).

Циммервальдский съезд – международная Циммервальдская конференция социалистов против мировой войны проходила 5–8 сентября 1915 г. в Швейцарии.

«Известия Совета Рабочих Депутатов» – газета «Известия Петроградского совета рабочих депутатов» стала выходить с 28 февраля 1917 г. С августа 1917 г. под названием «Известия ПИК и Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов».

Мавер... сделал свое дело – Ф. Шиллер. Заговор Фиеско в Генуе (1783). III, 10.

4.<Социалисты>(с. 818)

Отрывок написан в августе 1917 г.

5.<Германия>(с. 818)

Отрывок написан в ноябре 1918 г. в связи с Ноябрьской революцией в Германии.

Участие Розанова в обмене мнениями в Религиозно-философских собраниях см. в кн.: Записки петербургских Религиозно-философских собраний (1901–1903 гг.). М.: Республика, 2005; в Религиозно-философском обществе см. в кн.: Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде). История в материалах и документах. М.: Русский путь, 2009. 1907–1909. Т.1.

А. Н. Николюкин

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аарон*, в Ветхом Завете первосвященник, старший брат Моисея – 360
- Абрамов Яков Васильевич* (1858–1906), публицист, очеркист, критик – 558
- Авва Исидор* (Грузинский) (ум. 1908), иеромонах Гефсиманского скита – 822
- Авгий*, в греческой мифологии царь Элиды – 509, 759
- Августин Аврелий* (354–430), христианский церковный деятель, теолог, философ, писатель – 266, 383, 396, 621, 886
- Авель*, в Ветхом Завете сын Адама и Евы, убитый своим братом Каином – 200, 763
- Аверкиев Дмитрий Васильевич* (1836–1905), драматург, прозаик, театральный критик, публицист – 789
- Авраам*, в Ветхом Завете патриарх, прародитель еврейского народа – 95, 141, 207, 216, 327, 333, 337, 359, 370, 409, 410, 415, 451, 476, 745, 747, 753, 833, 856
- Аврелий* Марк Анний Катилий Север (121–180), римский император (с 161), философ – 401, 750
- Авсеенко Василий Григорьевич* (1842–1913), прозаик, критик, журналист – 795
- Агамемнон*, в греческой мифологии царь Микен, предводитель ахейского войска в Троянской войне – 680
- Агасфер* (Вечный жид), герой средневековых сказаний, еврей-скиталец, осужденный Богом на вечную жизнь и скитания за то, что не дал Христу отдохнуть (по многим версиям, ударил его) по пути на Голгофу – 866
- Аглафон* (Аглаофам) (V в. до н. э.), древнегреческий живописец из Фасоса, учивший Пифагора тайным знаниям – 205, 845
- Агнушка*, внучка квартирных хозяев Флоренских – 75
- Адам*, в Ветхом Завете прародитель человечества – 55, 84, 106, 260, 280, 378, 416, 455, 469, 555, 557, 595, 600, 703, 763
- Адамович Б. А.*, генерал-майор, начальник Виленского военного училища – 782
- Адамович Г. М.* – 782
- Адонис*, в финикийской мифологии бог плодородия – 205
- Адриан* (76–138), римский император (с 117), из династии Антонинов – 238
- Айвазов Иван Георгиевич* (1872–?), православный миссионер и писатель – 153, 162, 338
- Айхенвальд Юлий Исаевич* (1872–1928), литературный критик – 326
- Аквилонов Евгений Петрович* (1861–1910), протоиерей, духовный писатель, богослов, профессор С.-Петербургской духовной академии – 749, 751–757
- Аксаков Иван Сергеевич* (1823–1886), философ, публицист, поэт, общественный деятель – 405, 505, 563, 592, 813, 871
- Аксаков Константин Сергеевич* (1817–1860), философ, публицист, историк, лингвист, поэт – 174, 356, 840
- Аксаков Николай Петрович* (1848–1909), публицист, критик, прозаик, поэт, историк, философ, богослов – 430, 498, 503, 513, 531, 563, 862, 875, 876, 882
- Аксаков Сергей Тимофеевич* (1791–1859), писатель – 546, 607
- Аксаковы* – 437, 745
- Александр I* (1777–1825), российский император (с 1801) – 300, 441, 548, 801, 906, 907
- Александр II* (1818–1881), российский император (с 1855) – 406, 793, 805–807, 855, 886
- Александр III* (1845–1894), российский император (с 1881) – 456, 515, 520, 532, 564, 569, 585, 600, 883, 886, 893
- Александр* – см. Гиацинтов А. М.
- Александр Македонский* (Александр Великий) (356–323), царь Македонии (с 336 до н. э.), полководец – 353, 630

- Александр Невский* (1220–1263), князь Новгородский (1236–1251), великий князь Владимирский (с 1252), полководец – 397
- Александра Петровна*, дочь священника в Брянске – 569
- Александров* Анатолий Александрович (1861–1930), журналист, поэт, редактор-издатель журнала «Русское Обозрение» – 174, 182, 349, 351, 422, 428, 493, 502, 503, 505, 519, 522, 524, 525, 540, 559, 840, 872, 876, 877, 885, 890
- Александрова* Евдокия Тарасовна, жена А. А. Александрова – 890
- Александровы* – 193, 318, 541, 585, 586
- Алексеев* Василий Андреевич (псевд. Брут) (1858–после 1916), сотрудник газеты «Новое Время» – 796, 799
- Алексеев* К. Г., сотрудник газеты «Новое Время» – 799
- Алексей* (Алексий) Божий человек (V в.), сын знатного римлянина, ставший на путь христианского служения – 226
- Алексей* Затворник, священник, старец Зосимовой пустыни – 86, 187, 345
- Алексей Михайлович* (1629–1676), русский царь (с 1645) – 397, 854
- Алексей Петрович* (1690–1718), царевич, старший сын Петра I и его первой жены Е. Ф. Лопухиной – 629
- Алмазов* – 567
- Амалия Карловна*, сводница – 78
- Амвросий Оптинский* (Александр Михайлович Гренков) (1812–1891), иеросхимонах, старец Оптиной пустыни, духовный проповедник, канонизирован – 51, 195, 386, 545, 610, 760
- Амон*, в древнеегипетской мифологии бог солнца, покровитель г. Фивы – 391
- Амфион*, в греческой мифологии сын Зевса и Антиопы, фиванский царь – 839
- Амфитеатров* Александр Валентинович (псевд. Old Gentleman – Старый джентльмен) (1862–1938), писатель, публицист, литературный и театральный критик – 684, 795
- Амьель* Анри Фредерик (1821–1881), швейцарский франкоязычный писатель и философ – 220, 272, 401
- Анакреонт* (Анакреон) (ок. 570–478 до н. э.), древнегреческий поэт-лирик – 840
- Анания*, в Новом Завете, обратившийся в христианство благодаря апостольской проповеди – 460
- Анаксагор* из Клазомен в Малой Азии (ок. 500–428 до н. э.), древнегреческий философ – 826
- Ангелина*, горничная у Е. И. Апостолапуло – 312
- Андерсен* (Андерсон) Владимир Максимилианович (1880–1923), библиограф – 799
- Андреев* Леонид Николаевич (1871–1919), писатель – 92, 667
- Андреев* Федор Константинович (1887–1929), философ и богослов, профессор Московской духовной академии (с 1914), священник (с 1924) – 62, 97, 120, 123, 131–133, 147, 150, 174, 181–185, 192, 291, 292, 300, 309, 310, 312, 315, 317, 320, 336, 349, 362, 368, 374–376, 380, 387, 406–408, 825, 832, 834, 840, 851, 854, 855
- Андрей Кесарийский*, святой (2-я пол. V в.), архиепископ Кесарии Каппадокийской – 831
- Андрей Критский* (ок. 660–740) христианский проповедник, архиепископ о. Крит – 593, 899
- Андроник* (А. С. Трубачев), игумен – 823, 825, 832, 841
- Андроников* В. А., секретарь IV областного историко-археологического съезда в Костроме (1909) – 822
- Андронов* С. К., журналист – 799
- Анненков*, генерал-лейтенант, заведующий постройкой Закаспийской военной дороги Генерального штаба (1887) – 508
- Аннибал* (Ганнибал) (247/246–183 до н. э.), карфагенский полководец – 399
- Антоний*, монах, автор древнерусского сборника «Пчела», составленного в XI в. – 905
- Антоний* (Александр Васильевич Валковский) (1846–1912), митрополит Петербургский и Ладужский, член Синода (с 1900) – 249
- Антоний* (Александр Ксаверьевич Булатович) (1870–1919), иеромонах, путешественник, религиозный публицист – 112, 128, 129, 307, 830, 832, 837, 849
- Антоний* (Алексей Павлович Храповицкий) (1864–1936), духовный писа-

- тель, архимандрит, епископ (с 1897), архиепископ Волынский (1902) – 66, 112, 130, 131, 164, 169, 215, 216, 264, 284, 305, 307–309, 313, 326, 332, 830, 837
- Антоний* (Флоренсов) (1847–1920), епископ, духовник Павла Флоренского – 82, 92
- Антонин Пий* (86–161), римский император (с 138), из династии Антонинов – 108
- Антонов С. С.*, журналист – 799
- Ануров* – 311
- Апис*, в египетской мифологии бог плодородия в облике быка – 327
- Аполлон* (Феб), в греческой мифологии сын Зевса, бог-целитель и прорицатель, покровитель искусств – 238, 239, 585, 737, 839
- Апостолуло* (урожд. Богдан) Евгения Ивановна (1857–1915), хозяйка имения «Сахарна» в Бессарабии, где семья Розановых отдыхала летом 1913 г. – 303, 304, 312, 321, 384, 835
- Аппиан* (?–70-е гг. II в.), историк Древнего Рима, грек – 207
- Аракчеев* Алексей Андреевич (1769–1834), граф, политический и военный деятель, пользовался большим влиянием при императоре Александре I – 400
- Аргус*, в греческой мифологии многоглазый великан, стерегущий по приказу богини Геры возлюбленную Зевса Ио – 295
- Арий* (256–336), александрийский священник, создатель еретического течения в раннем христианстве – арианства – 130, 520, 885
- Аристогитон* (ум. 514 до н. э.), гражданин Афин, убивший вместе со своим другом Гармодием афинского тирана Гиппарха, казнен – 207
- Аристотель* (384–322 до н. э.), древнегреческий философ и ученый-энциклопедист – 15, 26, 189, 202, 254, 291, 365, 386, 392, 555, 630, 737, 840, 843, 853
- Аристофан* (ок. 445–ок. 385 до н. э.), древнегреческий поэт-комедиограф – 744
- Аронзон А.*, профессор – 870
- Арсеньев* Константин Константинович (1837–1919), публицист, юрист и критик, земский деятель – 345
- Арсеньева* Мария Константиновна, дочь К. К. Арсеньева – 345
- Артелида*, в греческой мифологии дочь Зевса и титаниды Лето, богиня охоты и зверей, владычица природы, а также богиня луны – 839
- Архипов*, солдат – 615
- Арцыбашев* Михаил Петрович (1878–1927), писатель – 684
- Асатиани* Александра (1910–1913), дочь Ю. А. Флоренской и М. М. Асатиани – 828
- Асатиани* М. М., муж Ю. А. Флоренской – 828
- Аскольдов* (псевд., наст. имя и фам. Сергей Алексеевич Алексеев) (1871–1945), религиозный философ – 366, 765, 766, 771, 772
- Аскольдова* – 228
- Аскоченский* (наст. фам. Скошный, затем Отскоченский) Виктор Ипатьевич (1813–1879), писатель, журналист, историк, магистр богословия, издатель еженедельника «Домашняя Беседа» (1858–1877) – 307, 440, 531, 745, 888
- Аспазия* (Аспасия) (ок. 470 до н. э.–?), афинская гетера, жена Перикла (с 445 до н. э.) – 116, 830
- Астарта*, в финикийской мифологии богиня плодородия, материнства и любви – 323, 455, 702
- А-та* – см. Петерсен В. К.
- Атилла* (Аттила) (?–453), предводитель гуннов (с 434) – 366
- Афанасий Великий* (295–373), христианский теолог, епископ Александрийский – 13, 195
- Афанасьев* Александр Николаевич (1826–1871), литературовед, представитель «мифологической школы» в фольклористике – 67, 267, 673, 674, 826, 906
- Афанасьев* Леонид Николаевич (1863–1920), поэт – 799
- Афанасьев* Николай Иванович (1864–1926), секретарь редакции газеты «Новое Время» – 799
- Афродита*, в греческой мифологии богиня любви и красоты – 99, 327, 451, 680, 736, 745
- Ашинов* Николай Иванович, русский казак – 521, 886

- Баадер* Франц Ксавер фон (1765–1841), немецкий религиозный философ, врач, естествоиспытатель – 10
- Багратион-Мухранский*, князь, муж сестры великого князя Олега Константиновича – 779
- Байрон* Джордж Ноэл Гордон (1788–1824), английский поэт – 200, 654
- Бакст* (наст. фам. Розенберг) Лев Самойлович (1866–1924), живописец, график, театральный художник – 197, 220
- Бакунин* Михаил Александрович (1814–1876), революционер, теоретик анархизма – 306
- Балтрушайтис* Юргис (1873–1944), русский и литовский поэт – 292
- Бальзак* Жан-Луи-Гюэз (1594–1654), французский историограф – 450
- Бальзак* Оноре де (1799–1850), французский писатель – 548, 549, 740
- Бальмонт* Константин Дмитриевич (1867–1942), поэт-символист, переводчик, критик – 31, 75, 104, 822, 827
- Бандинелли* (Баччио Бандинелли) (1493–1560), итальянский скульптор – 486, 871
- Баратынский* (Боратынский) Евгений Абрамович (1800–1844), поэт – 454
- Барецков* – 393
- Барк* Петр Львович (1869–1937), государственный деятель, министр финансов (1914–1917) – 799
- Барковы* – 115
- Барсуков* Николай Платонович (1838–1906), историк литературы и общественной мысли, археограф, библиограф, издатель, мемуарист – 267, 317, 368, 437, 439, 441, 444, 473, 482, 512, 515, 517, 524, 649, 729, 862, 868, 883, 887
- Басокин* Федор – 315
- Баткин* Федор – 265
- Батуев* Николай Александрович (1855–?), ученый-анатом – 529
- Батюшков* Константин Николаевич (1787–1855), поэт – 546
- Бежецкий* (псевд., наст. имя и фам. Алексей Николаевич Маслов) (1852–1922), прозаик, драматург, сотрудник газеты «Новое Время» (с 1877) – 788, 792, 799
- Безбородко* Александр Андреевич (1747–1799), государственный деятель и дипломат, секретарь Екатерины II (с 1775) – 736
- Безобразов*, корнет – 781
- Безсонов* – 267
- Бейлис* Мендель Тевье (1873–1934), приказчик кирпичного завода, обвиненный в ритуальном убийстве в 1911 г. 13-летнего Андрея Ющинского, был признан судом невиновным – 139–141, 144, 145, 327, 328, 334, 833, 834, 850, 851
- Бекет* Фома (Томас) (1118–1170), архиепископ Кентерберийский (с 1162), канцлер Англии (с 1155) – 308
- Беккариа* Чезаре (1738–1794), итальянский юрист, публицист – 753
- Белинский* Виссарион Григорьевич (1811–1848), литературный критик, публицист, общественный деятель – 290, 305, 306, 454, 550–552, 892, 903
- Белосельский* Александр Михайлович (1752–1809), князь – 800, 801
- Белый* Андрей (наст. имя и фам. Борис Николаевич Бугаев) (1880–1934), писатель, теоретик символизма – 98, 99, 154, 829, 836
- Бельский*, священник – 263
- Беляев* А. Д., богослов – 857
- Беляев* Андрей Андреевич (?–1918), протоиерей – 193, 412, 844
- Беляев* Юрий Дмитриевич (1876–1917), драматург, театральный критик, прозаик, журналист, с нач. 1900-х гг. сотрудник газеты «Новое Время» (позднее – и «Вечернего Времени») – 795, 799
- Бёме* Якоб (1575–1624), немецкий философ-мистик – 10, 97, 829
- Бенкендорф* Александр Христофорович (1783–1844), политический и военный деятель, генерал от кавалерии (1832), шеф Корпуса жандармов и начальник Третьего отделения (с 1826) – 801
- Бербенко* О. Н. (псевд. Болгария), сотрудник газеты «Новое Время» – 799
- Берг* Федор Николаевич (1839–1909), поэт, прозаик, переводчик, редактор журнала «Русский Вестник» – 422, 431, 433, 437, 496, 498, 502, 504, 505, 508, 515, 517, 519, 524–526, 536, 537, 872, 874, 879, 880, 884, 885
- Бергун* (Вестун) Д. Н., сотрудник газеты «Новое Время» – 795
- Бердяев* Николай Александрович (1874–1948), философ, публицист, литера-

- турный критик, общественный деятель и издатель – 128, 185, 186–189, 306, 342, 382, 383, 385, 396, 406, 842, 853
- Бердяева* Лидия Юдифовна (1874–1945), жена Н. А. Бердяева – 382, 853
- Берешит Рабба* – 106
- Беркли Джордж* (1685–1753), английский философ – 383
- Бернарден де Сен-Пьер Жак Анри* (1737–1814), французский писатель – 801
- Бертран*, учитель французского языка – 565
- Бестужев-Рюмин* Константин Николаевич (1829–1897), историк, возглавлял Высшие женские курсы в Петербурге – 789
- Бетховен* Людвиг ван (1770–1827), немецкий композитор, пианист и дирижер – 20, 99, 123, 210, 218, 260, 831
- Бех* – см. Стефан
- Бецкой* (Бецкий) Иван Иванович (1704–1795), общественный деятель, президент Академии художеств (1763–1795) – 736
- Бисмарк* Отто фон Шёнхаузен (1815–1898), первый рейхсканцлер Германской империи (1871–1890) – 607
- Благосветлов* Григорий Евлампиевич (1824–1880), публицист, редактор-издатель журналов «Русское Слово» и «Дело» – 454, 505, 543
- Бланка Кастильская* (1188–1252), французская королева, жена Людовика VIII – 541
- Боборыкин* Петр Дмитриевич (1836–1921), писатель – 98
- Богачев* А. П., сотрудник газеты «Новое Время» – 799
- Богданов* И. Ф., управляющий типографией газеты «Новое Время» – 790, 799
- Богданов-Бельский* Николай Петрович (1868–1945), живописец – 423, 425, 429, 431, 432, 449, 451, 457, 459, 471, 474, 496, 497, 501, 507, 584, 603, 859, 861, 867–869, 874, 876, 878, 897
- Богданова* Т. А. – 853
- Богданович*, сотрудник типографии газеты «Новое Время» – 791
- Богданович* Модест Иванович (1805–1882), генерал-лейтенант, военный историк – 594, 899
- Богдановский* А. Е., сотрудник газеты «Новое Время» – 799
- Боголепов* Николай Павлович (1846–1901), правовед, ректор Московского университета (1883–1887 и 1891–1893), министр народного просвещения (с 1898) – 901
- Богословский* А. Н. – 911
- Богучарский*, Базилевский Б. (наст. имя и фам. Василий Яковлевич Яковлев) (1861–1915), историк и политический деятель – 843
- Бозанкет* Бернард (1848–1923), английский философ – 666
- Бокль* Генри Томас (1821–1862), английский историк и социолог – 379, 453, 471, 842, 868
- Болотов* Андрей Тимофеевич (1738–1833), естествоиспытатель, писатель и мемуарист – 905
- Болотов* Василий Васильевич (1854–1900), церковный историк, богослов, филолог и востоковед – 228, 671
- Болтин* Иван Никитич (1735–1792), историк, археолог, государственный деятель – 671, 905
- Бомарше* Пьер Огюстен (1732–1799), французский драматург – 801
- Борис Годунов* (1552–1605), русский царь (с 1598) – 266, 870
- Борис и Глеб*, князья, убитые (1015) сводным братом Святополком I, канонизированы – 153
- Борисов*, знакомый Розанова и Сусловой – 570
- Борнгардт* Ф. Ф., сотрудник газеты «Новое Время» – 799
- Боровиковский* Александр Львович (1844–1905), поэт, публицист – 788
- Боссюэт* (Боссюз) Жак Бенинь (1627–1704), французский католический богослов, проповедник, писатель – 448
- Боткин* Михаил Петрович (1839–1914), живописец и гравер, коллекционер – 893
- Боцяновский* Владимир Феофилович (1869–1943), критик, драматург, историк литературы – 796
- Бранд* А. Ф. – 87
- Брандес* Георг (1842–1927), литературный критик – 891
- Браницкий* Франциск Ксаверий (в России Ксаверий Петрович Браницкий)

- (1731–1819), граф, великий коронный гетман (1774–1793) – 724, 726, 906
- Брешко-Брешковская* Екатерина Константиновна (1844–1934), политическая деятельница – 399
- Брикнер* Александр Густавович (1834–1896), историк, редактор еженедельных приложений к газете «Новое Время» – 559, 792
- Брокгауз* Эдуард (1829–1914), немецкий издатель русского Энциклопедического словаря, внук основателя фирмы Фридриха Арнольда Брокгауза – 438, 535, 863
- Броун-Секар* Шарль (1817–1894), французский физиолог и невролог – 87
- Бруно* Джордано (1548–1600), итальянский философ и поэт – 819
- Брут* Марк Юний (85–42 до н. э.), в Древнем Риме глава (вместе с Кассием) заговора против Цезаря – 296
- Брюсов* Валерий Яковлевич (1873–1924), писатель – 98, 213, 722, 828
- Брянчинов* Д. А. – см. Игнатий
- Буало* Никола (1636–1711), французский поэт, теоретик классицизма – 480
- Будда*, имя данное основателю буддизма Сиддхартхе Гаутаме (623–544 до н. э.) – 99, 400, 403, 766
- Будищев* Алексей Николаевич (1864–1916), прозаик, поэт, сотрудник газеты «Новое Время» (с кон. 1880-х гг., псевд. Ориоль) – 795
- Булатович* А. К. – см. Антоний
- Булгаков* Сергей Николаевич (1871–1944), богослов, историк, критик, общественный деятель – 97, 128, 133, 142, 160, 187, 218, 223, 233, 258, 265, 266, 271, 300, 306, 310, 352, 363, 364, 382, 383, 406, 407, 658, 694, 699, 710, 715, 720, 721, 832, 833, 846, 849, 855
- Булгаков* Федор Ильич (1852–1908), историк литературы, публицист, ответственный секретарь газеты «Новое Время» (с 1900) – 267, 789, 796
- Булгаков* Федор Сергеевич (р. 1902), сын С. Н. Булгакова – 721
- Булгакова* (урожд. Токмакова) Елена Ивановна (1868–1945), жена С. Н. Булгакова – 720
- Булгакова* Мария Сергеевна (1898–1979), дочь С. Н. Булгакова – 720
- Булгарин* Фаддей Венедиктович (1789–1859), журналист, писатель – 503, 529
- Бунге* Николай Христианович (1823–1895), государственный деятель, экономист, министр финансов (1881–1886), председатель Комитета министров (1887–1895) – 566, 742
- Бурачек* (Бурачок) Степан Анисимович (Онисимович) (1800–1876/1877), публицист, критик, издатель, прозаик – 745, 908
- Буренин* Виктор Петрович (1841–1926), писатель, литературный критик, сотрудник газеты «Новое Время» – 505, 519, 525, 536, 537, 559, 564, 565, 787, 788, 793, 798, 799, 878, 885, 888
- Бурже* Поль Шарль Жозеф (1852–1935), французский писатель – 471, 868
- Буржуа* Леон (1851–?), французский политический деятель – 451, 865
- Буринский* Евгений Федорович (1849–1912), ученый-криминалист – 108
- Бурнакин* Анатолий Андреевич (?–1932), критик, журналист, поэт – 799
- Бурцев* Владимир Львович (1862–1942), публицист, историк, политический деятель – 189, 843
- Буслаев* Федор Иванович (1818–1897), языковед, фольклорист, литературовед, историк искусства – 267, 673
- Бутс* Уильям (1829–1912), английский генерал и протестантский проповедник – 571, 582, 591, 592, 899
- Бутурлин* В. А., уполномоченный от Красного Креста – 781
- Бутурлин* Дмитрий Петрович (1790–1849), военный историк, генерал-майор (1824), участник Отечественной войны 1812 г., член Гос. совета (с 1840) – 801
- Бутягин* Иван Павлович (1854–1899), священник, брат первого мужа В. Д. Розановой – 246, 388
- Бутягина* Александра Михайловна (Шура) (1882/1883–1920), приемная дочь В. В. Розанова – 106, 132, 134, 158, 160, 174, 177, 178, 211, 240–242, 244, 251, 255, 257, 279, 297, 303, 312, 314, 342, 347, 353–355, 365, 368, 372–374, 380, 828, 832, 833, 838, 841, 848, 851, 872
- Бухарев* Александр Матвеевич (в монашестве архимандрит Феодор) (1824–1871), религиозный мыслитель, богослов, публицист, критик – 888

- Бычков** Афанасий Федорович (1818–1899), историк, археограф, директор Публичной библиотеки (с 1882) – 524
- Бьюкенен** Роберт Уильям (1841–1901), английский поэт – 459, 866
- Бэкон Веруламский** – см. Бэкон Ф.
- Бэкон** Фрэнсис (1561–1626), английский философ, государственный деятель – 317, 365, 405, 408, 409, 430, 722
- Бэр** Карл Максимович (Карл Эрнст) (1792–1876), естествоиспытатель, основатель эмбриологии – 553, 555
- Бюффон** Жорж Луи Леклерк (1707–1788), французский естествоиспытатель – 824
- Бухнер** Людвиг (1824–1899), немецкий врач, естествоиспытатель, философ – 269, 405
- В. М. Г.** – см. Гиацинтов В. М.
- Валл**, древнейшее название бога или богов в Финикии, Палестине, Сирии – 162, 458, 470
- Валаам**, ветхозаветный прорицатель – 598, 900
- Валентина Александровна** – см. Флоренская О. А. (Валя)
- Валишевский** Казимеж (Казимир Феликсович) (1849–1935), польский историк, публицист, сотрудник газеты «Новое Время» – 796, 799
- Валленштейн** Альбрехт (1583–1634), полководец, главнокомандующий имперскими войсками во время Тридцатилетней войны (с 1625) – 600, 901
- Вальсамон** Феодор (ок. 1140–после 1195), византийский канонист – 464, 465, 867
- Варвара**, святая (ум. ок. 306), христианская великомученица – 64, 247, 320
- Варнава**, святой (Василий Меркулов) (1831–1906), старец Гефсиманского скита Троице-Сергиевой лавры – 214–216, 878, 898
- Василий Великий**, святой (ок. 330–379), христианский церковный деятель, теолог, философ, епископ г. Кесарии – 621, 754, 755, 826
- Васильев** Александр, священник, ученик С. А. Рачинского – 459
- Васильев** Афанасий Васильевич (1851–после 1917), публицист, поэт, изда-
тель, генерал-контролер, возглавлял департамент железнодорожной отчетности, где служил Розанов – 419, 430, 495, 498, 503, 509, 513, 515, 540, 541, 546, 563, 882, 883, 889
- Василько** (XI в.), князь Киевский, сын Ростислава Владимировича – 370
- Васильчиковы** – 435
- Васнецов** Виктор Михайлович (1848–1926), живописец – 448, 544
- Введенский**, библиограф – 513
- Введенский** А. Д., священник – 909
- Введенский** Алексей Иванович (1861–1913), религиозный философ, историк религии, публицист – 237, 300
- Введенский** Иван Иванович, представитель 3-го посадского района – 412
- Вебер** Георг (1808–1888), немецкий историк – 415, 856
- Вейнберг** Петр Исаевич (1831–1908), поэт, переводчик, публицист, историк литературы, общественный деятель – 824
- Вейнинггер** Отто (1880–1903), австрийский философ и писатель – 81, 290, 827
- Векилова** Евгения Давыдовна (1886–1972), пианистка, жена В. Ф. Эрна – 840
- Веласкес** (Веласкес) (Родригес де Сильва Веласкес) Диего (1599–1660), испанский живописец – 29–31, 822
- Величко** Василий Львович (1860–1903/1904), поэт, публицист – 428, 860
- Венгеров** Семен Афанасьевич (1855–1920), историк литературы и общественной мысли, библиограф – 67, 98, 438, 581, 863
- Венера**, в римской мифологии богиня любви и красоты, соответствует греческой Афродите – 111, 256, 831
- Вентцель** Николай Николаевич (псевд. Бенедикт) (1855/1856–1920), поэт, прозаик, драматург, сотрудник газеты «Новое Время» (с нач. 1900-х гг.) – 795, 799
- Верзун** Д. Е., сотрудник газеты «Новое Время» – 799
- Вересаев** (наст. фам. Смидович) Викентий Викентьевич (1867–1945), писатель – 656, 905
- Верещагин** Василий Андреевич (1861–1931), историк искусства, библиофил – 801

- Верн* Жюль (1828–1905), французский писатель – 454, 850
- Верховский*, сотрудник Государственного контроля – 562
- Веселитский-Божидарович* Гавриил Сергеевич (псевд. London), корреспондент газеты «Новое Время» – 789
- Веселовский* Алексей Николаевич (1843–1918), историк литературы – 66, 267, 442, 549, 649, 664, 863
- Виленский* Лев Еремеевич, комиссар продовольствия – 412
- Вильгельм II* (1859–1941), германский император и прусский король (1888–1918), из династии Гогенцоллернов – 208, 410, 423, 695
- Вильде* Николай Николаевич (2-я пол. 1860-х–1918), журналист, автор рассказов и одноактных пьес – 796, 799
- Винавер* Максим Моисеевич (1862/1863–1926), юрист, один из основателей и теоретиков партии кадетов, депутат I Государственной думы – 411
- Винклер* (Венглер), офицер, приговоренный к каторге за убийство собственного ребенка – 583–584, 897
- Виноградов* Николай, студент – 851
- Виньи* Альфред Виктор де (1797–1863), французский писатель-романтик – 648, 904
- Виргилий* (Вергилий, Публий Вергилий Марон) (70–19 до н. э.), римский поэт – 852
- Виргинская*, акушерка – 406
- Вирхов* Рудольф (1821–1902), немецкий естествоиспытатель – 204
- Витте* Сергей Юльевич (1849–1915), граф, государственный деятель, министр путей сообщения (с февр. 1892), министр финансов (с авг. 1892), председатель Комитета министров (с 1903), Совета министров (1905–1906) – 72, 509, 540, 768, 801, 827, 889
- Вишневский* Ф. Д. (псевд. Черниговец), сотрудник газеты «Новое Время» – 789
- Вишняков* В. И., директор-распорядитель «Товарищества общественной пользы» – 436, 525, 526, 531, 536, 537
- Владимир I*, святой (ум. 1015), князь Новгородский (с 969), великий князь Киевский (с 980), ввел на Руси христианство (988–989) – 896
- Владимир II Мономах* (1053–1125), князь Смоленский (с 1067), Черниговский (с 1078), Переяславский (с 1093), великий князь Киевский (с 1113) – 397
- Владимир Карлович* – см. Саблер В. К.
- Владислав IV* (1595–1648), польский король (с 1632) – 725
- Властов* Георгий Константинович (1827–1899), археолог, духовный писатель, общественный деятель – 196
- Вознесенский* Иван, квартирант в доме матери Розанова – 372–373
- Вознесенский* Константин Васильевич, университетский товарищ Розанова, преподаватель истории Тронце-Сергиевой мужской гимназии – 53, 259
- Вознесенский* Н. И., редактор газеты «Новое Время» – 799
- Воинов* С. И., студент – 37, 228
- Волжский* – см. Глинка-Волжский А. С.
- Волков*, домовладелец в Петербурге – 791
- Волков* Ефим Ефимович (1844–1920), живописец, график, рисовальщик – 902
- Волконский* Николай Сергеевич (1848–1910), князь, общественный и политический деятель – 506
- Вольнский* Аким Львович (наст. имя и фам. Хаим Лейбович Флексер) (1861–1926), теоретик искусства, литературный критик – 561, 638
- Вольтер* (наст. имя Мари Франсуа Аруэ) (1694–1778), французский писатель и философ – 324, 422, 549, 563, 658, 671, 721, 727, 740, 748, 801, 821, 827, 892, 905
- Вольф* Маврикий Осипович (1825–1883), книгоиздатель – 791, 896
- Воронцов* Евгений Александрович (1867–1925), профессор Московской духовной академии, священник – 34, 144, 834
- Вульф* Алексей Николаевич (1805–1881), мемуарист – 471, 868
- Высоцкий* (Высоцкий) Владимир Федорович, ученик Розанова по Елецкой гимназии – 530, 565
- Вышнеградский* Иван Алксеевич (1831/1832–1895), министр финансов (1888–1892) – 566, 567
- Вяземский* В. В. (1811–1892), князь – 862

- Вяземский* Петр Андреевич (1792–1878), князь, поэт, критик, мемуарист – 437
- Вязигин* Юрий Николаевич, знакомый П. А. Флоренского – 96, 97, 143, 224, 225, 328, 828
- Г-а*, курсистка, подруга дочери Розанова – 635
- Гавриил*, один из семи архангелов, почитается в иудаизме, христианстве и исламе – 106, 231
- Гавриил Константинович*, великий князь, брат великого князя Олега Константиновича – 781
- Гайдебуров* Василий Павлович (1866–после 1940), поэт, издатель – 446, 542, 557–559, 890
- Галилей* Галилео (1564–1642), итальянский естествоиспытатель и мыслитель – 819
- Галлас*, нумизмат – 338
- Гальтон*, фотограф – 108
- Гамсун* (наст. фам. Педерсен) Кнут (1859–1952), норвежский писатель – 662, 905
- Ганзен* Петр (Петер Эмануэль) Готфридович (1846–1930), переводчик датских, норвежских, шведских писателей – 398
- Ганимед*, в греческой мифологии троянский юноша, из-за своей необыкновенной красоты похищенный Зевсом; на Олимпе стал любимцем Зевса и виночерпием богов – 818, 451
- Гармодий* (ум. 514 до н. э.), гражданин Афин, участвовал в убийстве афинского тирана Гиппарха, был убит сам – 207
- Гаршин* Всеволод Михайлович (1855–1888), писатель – 641, 904
- Гегель* Георг Вильгельм Фридрих (1770–1831), немецкий философ – 10, 122, 292, 306, 318, 365, 468, 484, 550, 556, 819
- Геел* (Хеем) Ян Давидс де (1606–1683/1684), голландский художник – 584, 897
- Гезениус* Фридрих Генрих Вильгельм (1786–1872), немецкий гербарист – 104, 829
- Гезиод* (Гесиод) (VIII–VII вв. до н. э.), древнегреческий поэт – 357
- Гей* (наст. фам. Гейман) Богдан Вениаминович (1848–1916), первый секретарь редакции газеты «Новое Время», заведующий иностранным отделом – 788, 798, 799
- Гей* Лидия Павловна, сотрудница газеты «Новое Время» – 788
- Гейман* Василий Васильевич, писатель – 799
- Гейне* Генрих (1797–1856), немецкий поэт, публицист – 200, 549, 580, 624, 892
- Геккель* Эрнст (1834–1919), немецкий биолог, сторонник учения Ч. Дарвина – 553, 555, 556, 659, 840
- Гекуба*, в греческой мифологии жена троянского царя Приама, мать Гектора – 382, 388, 406, 519
- Георги* – 584
- Георгиевский* Сергей Михайлович (1851–1893), китаевед, профессор Московского университета – 502, 519
- Гера*, в греческой мифологии верховная богиня, сестра и жена Зевса – 451
- Гераклит* (кон. VI–нач. V вв. до н. э.), древнегреческий философ – 854
- Геркулес* (Геракл), в греческой мифологии герой, совершивший множество подвигов – 509, 759
- Герман* (Гомозин) (1844–1923), схиигумен, настоятель Зосимовой пустыни Троице-Сергиевой лавры (с 1897) – 87, 187, 402, 842
- Геродот* (между 490 и 480–ок. 425 до н. э.), древнегреческий историк – 300, 357, 379, 735, 736, 750
- Герофил* (ок. 300 до н. э.–?), древнегреческий врач – 15
- Гертнер* С. К., сотрудник газеты «Новое Время» – 791
- Герцен* Александр Иванович (1812–1870), писатель, публицист, философ, общественный деятель – 290, 655, 668, 807, 843, 903
- Герцеништейн* Михаил Яковлевич (1859–1906), экономист, автор статей в «Русской Мысли», «Русских Ведомостях», «Юридическом Вестнике», депутат I Государственной думы – 305
- Гершензон* Михаил Осипович (1869–1925), историк русской литературы и общественной мысли, публицист, философ, переводчик – 144, 266, 280, 833, 894, 903
- Герье* (урожд. Станкевич) Авдотья Ивановна, жена В. И. Герье – 668

- Герье* Владимир Иванович (1837–1919), историк, профессор Московского университета – 487, 668
- Гесс*, врач – 519
- Гесс* Мария Петровна, крестная мать дочери Розанова Веры – 890
- Гессен* Иосиф Владимирович (1865/1866–1943), юрист, редактор газеты «Речь» (1906–1917) – 366
- Гёте* Иоганн Вольфганг (1749–1832), немецкий писатель, мыслитель, естествоиспытатель – 81, 406, 407, 422, 438, 452, 624, 740, 826, 855
- Гиацинтов* Александр Михайлович (1882–1950-е гг.), священник, брат А. М. Флоренской – 168, 169, 823, 837
- Гиацинтов* Василий Михайлович, брат А. М. Флоренской – 49, 50, 80, 273, 823, 827
- Гиацинтова* А. М. – см. Флоренская А. М.
- Гиацинтова* Екатерина Александровна (1910–1991), старшая дочь А. М. Гиацинтова – 168, 838
- Гиацинтова* Нина Александровна (1915–1991), дочь А. М. Гиацинтова – 838
- Гиляров-Платонов* Никита Петрович (1824–1887), публицист, философ, историк, издатель – 311, 312, 383, 604, 902
- Гинцбург* Илья Яковлевич (1859–1939), скульптор – 581, 896
- Гиппиус* (в замужестве Мережковская) Зинаида Николаевна (1869–1945), писательница, литературный критик, общественная деятельница – 79, 128, 196, 220, 223, 558, 634, 832, 893
- Гиппиус* Татьяна Николаевна (1877–1957), художница, сестра З. Н. Гиппиус – 196, 197, 211, 220, 223
- Гиппократ* (ок. 460–ок. 370 до н. э.), древнегреческий врач – 15
- Гирс* Николай Карлович (1820–1895), министр иностранных дел России – 801
- Глаголев* Александр Александрович (1872–1929), богослов, историк церкви – 822
- Глаголев* Сергей Сергеевич (1865–1937), профессор Московской духовной академии по кафедре апологетики – 151, 232, 822, 835
- Глазенап* Сергей Павлович (1848–?), астроном, публицист – 799
- Глазунов* Иван Ильич (1826–1889), издатель – 584, 585, 569
- Глаша*, подруга А. М. Бутягиной – 374
- Глебушка*, *Глебка*, сын Калиночки (Калерии Казанцевой) – 649, 696
- Глинка* Михаил Иванович (1804–1857), композитор – 739, 899
- Глинка-Волжский* (наст. фам. Глинка, псевд. Волжский) Александр Сергеевич (1878–1940), критик, историк литературы – 364–366, 381, 385, 638, 853
- Глинка-Янчевский* Станислав Казимирович (1844–1921), публицист – 797
- Глинский* Борис Борисович (1860–1917), историк, журналист, ведущий сотрудник (с 1890-х гг.), издатель (с 1912), редактор-издатель (с 1913) журнала «Исторический Вестник» – 805–808, 911
- Глубоковский* Николай Никанорович (1863–1937), богослов, историк церкви, с которым Розанов вел переписку – 380, 852, 853
- Глуховский*, учитель – 481
- Гнедич* Петр Петрович (псевд. Старый Джон в газете «Новое Время») (1855–1925), прозаик, драматург, критик, театральный деятель, переводчик, историк искусства – 789
- Гоббс* Томас (1588–1679), английский философ – 907
- Говоруха-Отрок* (псевд. Ю. Николаев) (Говорухо-Отрок) Юрий Николаевич (1850–1896), литературный и театральный критик, писатель, публицист – 305, 317, 446, 502, 541, 606–613, 826, 837, 881, 903
- Гоголь* Николай Васильевич (1809–1852), писатель – 51, 151, 179, 220, 270, 305, 306, 330, 356, 358, 390, 402, 404, 440, 442, 443, 538, 545, 551, 587, 600, 606–608, 610–612, 623, 634, 637, 665, 712, 740, 804, 820, 828, 835, 852, 892, 903, 908
- Голенищев* В. С. – 395
- Голенищев-Кутузов* Арсений Аркадьевич (1848–1913), поэт – 789
- Голиаф*, в Ветхом Завете филистимлянский воин-великан, убитый Давидом – 199, 292, 331
- Голике*, сотрудник Государственного контроля – 517

- Голицын Александр Николаевич* (1773–1844), князь, государственный деятель – 300
- Голлербах Эрих Федорович* (1895–1942), литературовед, искусствовед, вел переписку с Розановым в последние годы его жизни, автор книг и статей о нем – 903
- Голованенко Сергей Алексеевич* (?–1942), ученик и друг П. А. Флоренского – 66, 68, 116, 342, 392, 826, 854
- Головин*, автор книги по нумизматике – 70, 827
- Голубцов Александр Петрович* (1860–1911), профессор церковной археологии и литургики Московской духовной академии – 163
- Гольшев Иван Александрович* (1838–1896), археолог и художник – 84
- Гольдовский*, студент – 569, 570
- Гомер*, полубогендарный древнегреческий эпический поэт – 319, 322, 323, 329, 357, 367, 402, 437, 512, 554
- Гончаров Иван Александрович* (1812–1891), писатель – 458
- Гончарова Наталья Николаевна* (1812–1863), жена А. С. Пушкина (с 1831), с 1845 г. – во втором браке за П. П. Ланским – 252
- Горбов Николай Михайлович*, педагог, журналист, деятель народного образования (1880–1900) – 488, 492, 871, 872
- Горбунов Иван Федорович* (1831–1895), писатель – 789, 792
- Горемыкин Иван Логгинович* (1839–1917), председатель Совета министров (апрель–июль 1906, 1914–1916) – 528, 530
- Горленко Василий Петрович* (1853–1907), писатель, критик, этнограф – 739, 740, 908
- Горнфельд Аркадий Георгиевич* (1867–1941), литературный критик, публицист, переводчик – 334
- Горький Максим* (наст. имя и фам. Алексей Максимович Пешков) (1868–1936), писатель, литературный критик, публицист, общественный деятель – 92, 401, 471, 753
- Гофштеттер В. А.*, сотрудник газеты «Новое Время» – 799
- Гофштеттер Ипполит Андреевич* (1860/1863–1951), публицист, со-
трудник газеты «Новое Время» – 795, 799, 857
- Градовский* (псевд. Гамма) Григорий Константинович (1842–1915), публицист – 608
- Грамматиков А. И.*, помощник директора-распорядителя по хозяйственной части газеты «Новое Время» – 799
- Грибоедов Александр Сергеевич* (1790/1795–1829), писатель и дипломат – 402, 671
- Грибоедов Димитрий*, священник в Белом – 536–537, 633
- Григорий VII* Гильдебранд (между 1015 и 1020–1085), папа римский (с 1073); фактически правил при папе Николае II (1059–1061) – 545, 579, 730
- Григорий Богослов* (Григорий Назианзин) (ок. 300–ок. 390), христианский мыслитель, поэт, церковный деятель – 621, 754
- Григорий Палама*, святой (1296–1359), поздневизантийский теолог – 169
- Григорьев Аполлон Александрович* (1822–1864), поэт, критик, переводчик, мемуарист – 305, 454
- Грингмут Владимир Андреевич* (1851–1907), публицист, редактор-издатель газеты «Московские Ведомости» – 400, 422, 503, 543, 559, 560, 565
- Гриневич Антон Иустинович* (1875–?), священник, депутат II Государственной думы – 751
- Гриневич Вера Степановна* (?–после 1938), корреспондентка Розанова – 170, 839
- Громогласов Илья Михайлович* (1861–?), историк церкви, профессор Московской духовной академии – 198, 199, 845
- Грот Константин Яковлевич* (1853–1934), историк, филолог-славист – 741, 789
- Грот Николай Яковлевич* (1852–1899), философ, председатель Московского психологического общества, основатель и редактор журнала «Вопросы Философии и Психологии» (с 1889) – 521, 740, 741, 884
- Грот Яков Карлович* (1812–1893), языковед, историк литературы, переводчик – 291, 610, 789

- Грудзинский* Л. А., сотрудник газеты «Петербургский Листок» (1890-е гг.) и газеты «Новое Время» – 799
- Грузенберг* Оскар Осипович (1866–1940), юрист и общественный деятель – 147, 330, 331
- Гудон* Жан Антуан (1741–1828), французский скульптор – 855
- Гуревич* Любовь Яковлевна (1866–1940), литературный и театральный критик, прозаик, переводчица; владелица и издатель журнала «Северный Вестник» (1891–1898) – 334
- Гурий*, дьякон – 429
- Густав II* Адольф (1594–1632), король Швеции (с 1611), из династии Ваза, полководец – 600, 901
- Гуттенберг* (Гутенберг) Иоганн (1394/1399 или 1406–1468), немецкий изобретатель книгопечатания – 190, 318, 714, 880
- Гучков* Александр Иванович (1862–1936), общественный и политический деятель, председатель III Государственной думы (с 1910), военный и морской министр Временного правительства (1917), с 1920-х гг. в эмиграции – 401, 799
- Гюисманс* Жорис-Карл (1848–1907), французский писатель – 188, 382, 383, 842
- Давид*, царь Израильско-Иудейского государства (кон. XI в. – ок. 950 до н. э.) – 47, 124, 237, 331, 333, 370, 416, 458
- Дизари*, французский актер, куплетист, работал в Александринском театре – 348
- Д'Аламбер* Жан Лерон (1717–1783), французский математик, механик и философ-просветитель – 727
- Даль* Владимир Иванович (1801–1872), писатель, лексикограф, этнограф – 70
- Дамаянти*, персонаж индийского эпоса, жена Наля – 312, 579
- Данилевская* (урожд. Межакова) Ольга Александровна, вторая жена Н. Я. Данилевского – 363
- Данилевский* Николай Яковлевич (1822–1885), философ, публицист, естествоиспытатель – 291, 305, 414, 449, 518, 544, 546, 602, 884, 891, 894
- Данилов* И. А. – см. Фрибес О. А.
- Данте* Алигьери (1265–1321), итальянский поэт – 440
- Дантес* Жорж Шарль (барон Геккерен) (1812–1895), французский монархист, в 1830-х гг. жил в России; убил на дуэли А. С. Пушкина – 252
- Дантон* Жорж Жак (1759–1794), деятель Французской революции – 401
- Дарвин* Чарлз Роберт (1809–1882), английский естествоиспытатель – 213, 292, 448, 449, 453, 476, 481, 544, 584, 704, 864, 891
- Дафнис*, в греческой мифологии сицилийский пастух необыкновенной красоты, создатель пастушеских песен – 80, 827
- Даша*, прислуга в семье Флоренских – 209, 210, 218
- Деворра* (Девора), пророчица и судья, жила в Израиле между Рамою и Вефилем, на горе Ефремовой – 216
- Дедлов* (наст. имя и фам. Владимир Людвигович Кигн) (1856–1908), прозаик, публицист, критик – 384
- Де Леви* (1764–1830), герцог, французский писатель – 824
- Дельвиг*, дочь А. А. Дельвига – 436
- Дельвиг* Антон Антонович (1798–1831), поэт, критик, журналист, друг А. С. Пушкина – 436
- Деянов* Иван Давыдович (1818–1897), политический деятель, министр народного просвещения (с 1882) – 446, 453, 458, 506, 519, 543, 566
- Дементьев* А. Г. – 894
- Деметра*, в греческой мифологии богиня плодородия, покровительница земледелия – 162, 260
- Демчинский* Николай Александрович (1851–1914/1915), журналист, публицист, беллетрист, сотрудник газеты «Новое Время» (1900–1910-е гг.) – 795
- Державин* Гаврила Романович (1743–1816), поэт – 826, 847
- Дернов* Александр Александрович (1857–?), протоиерей Петропавловского придворного собора, публицист, сотрудник церковных изданий, полемизировал с Розановым – 199
- Дидеро* (Дидро) Дени (1713–1784), французский философ-просветитель – 727

- Дидона* (Элисса), в античной мифологии сестра царя Тира, основательница Карфагена – 380, 391, 404, 852
- Диккенс* Чарлз (1812–1870), английский писатель – 354
- Диоген Синопский* (ок. 400–ок. 325 до н. э.), древнегреческий философ-киник, ученик Антисфена – 414
- Дионис* (Вакх), в греческой мифологии бог виноградарства и виноделия – 159, 228, 258, 338
- Дионисий*, епископ Челябинский – 773, 774
- Дионисий Ареопагит*, святой (I в.), афинянин, член ареопага – 169, 838
- Дитман*, доктор – 781, 782
- Дицген* Иосиф (1828–1888), философ – 99
- Дмитриев* Иван Иванович (1760–1837), поэт и государственный деятель – 591, 899, 907
- Дмитриев-Мамонов* Э. Д., художник, рисовальщик – 902
- Дмитриева* Валентина Ивовна (по мужу Ершова) (1859–1947), прозаик, детская писательница – 444
- Дмитрий Донской* (1350–1389), великий князь Московский (с 1359) и Владимирский (с 1362), полководец, канонизирован – 397
- Дмитрий* (Димитрий) Ростовский (Даниил Саввич Туптало) (1651–1709), митрополит Ростовский и Ярославский (с 1702), писатель – 130
- Дмитрий II*, царь государства Селевкидов (240–229 до н. э.) – 108, 109, 829
- Дмитрий Павлович* – 445
- Добрачев* С. П., сотрудник газеты «Новое Время» – 799
- Добродеев* С. Е., технический руководитель газеты «Новое Время» – 790
- Добролюбов* Николай Александрович (1836–1861), литературный критик, публицист, постоянный сотрудник журнала «Современник» – 175, 516, 537, 607
- Добрянский*, переводчик – 338
- Доливо-Добровольский*, знакомый Розанова – 384
- Долина* (урожд. Саюшкина, в замужестве Горленко) Мария Ивановна (1868–1919), оперная певица, выступала в концертах – 908
- Доменкино* (наст. имя Доменико Цампьеро) (1581–1641), итальянский живописец – 829
- Долициан* (51–96), римский император (с 81), из династии Флавиев – 251
- Долна Васильевна* (Алешинцева), воспитательница младших детей Розанова, ухаживала за его больной женой (1910–1917) – 355, 377
- Достоевский* Федор Михайлович (1821–1881), писатель и мыслитель – 216, 246, 405, 442, 450, 480, 500, 521, 543, 544, 548, 580, 587, 600, 608, 611, 620, 621, 623, 630, 632, 638, 649, 656, 657, 664, 666, 673, 676, 685, 690, 697, 698, 702–704, 707, 721, 766, 808, 814, 859, 865, 878, 883, 885, 886, 903, 905, 912
- Драгоев* Андрей Константинович, друг Е. И. Апостолуполо – 312, 384
- Дрѣ-Брезе*, обер-церемониймейстер Людовика XVI – 854–855
- Дрейфус* Альфред (1859–1935), офицер французского генерального штаба, родом из эльзасской еврейской семьи, был обвинен в шпионаже в пользу Германии (1894), реабилитирован (1906) – 587, 591
- Дроздов* Николай Георгиевич, священник, сотрудник церковной газеты «Колокол», полемизировал с Розановым – 297, 770
- Дрзпер* Джон Уильям (1811–1882), американский историк – 453
- Дубельт* Леонтий Васильевич (1792–1862), генерал, начальник штаба Отделения жандармов (с 1835), одновременно управляющий Третьим отделением (1839–1856) – 801
- Дубровин* Александр Иванович (1855–1921), врач, один из лидеров «Союза русского народа» (создан в 1905) – 202
- Дункан* Айседора (1877–1927), американская танцовщица – 97, 99, 348, 828
- Дьяков* Александр Александрович (псевд. А. Незлобин, Житель) (1845–1895), прозаик, фельетонист, сотрудник газеты «Новое Время» (1885–1895) – 789, 795
- Дьяков-Незлобин* – см. Дьяков А. А.
- Дьяконова* Елизавета Александровна (1874–1902), публицист, автор «Дневника» – 367
- Дягилев* Сергей Павлович (1872–1929), театральный и художественный деятель, организатор «Русских сезонов» (с 1907) и труппы «Русский балет» (с 1911) за границей – 736

- Ева*, в Ветхом Завете жена Адама, пра-
терь человечества – 55, 378, 455, 557,
595, 703
- Евангулова* О. А., сотрудница газеты
«Новое Время» – 791
- Евдоким* (Василий Иванович Мещер-
ский) (1869–1935), архиепископ, рек-
тор Московской духовной академии
(1903–1909) – 159, 836
- Евлогий* (Василий Семенович Георгиев-
ский) (1868–1946), епископ Люблин-
ский, депутат II и III Государствен-
ных дум, экзарх Русской православ-
ной церкви в Западной Европе (с
1945) – 803
- Еврипид* (ок. 480–406 до н. э.), древне-
греческий драматург – 744
- Егоров* Ефим Александрович (1861–?),
заведующий иностранным отделом
газеты «Новое Время» (с 1916) –
796, 799
- Егорова* Е. А., сотрудница газеты «Но-
вое Время» – 791
- Ежов* Николай Михайлович (псевд. Не
фельетонист) (1862, по др. сведени-
ям 1864–1941/1942), прозаик, пуб-
лицист, сотрудник газеты «Новое
Время» (1896–1917) – 543, 795, 799
- Екатерина II Великая* (урожд. Софья
Фредерика Августа Анхальт-Церб-
стская) (1729–1796), российская им-
ператрица (с 1762) – 400, 603, 654,
726, 800, 801, 906
- Екатерина Антоновна* – 538
- Екатерина Сиенская*, святая (1347–
1380), автор мистических сочинений
в жанре «видений» – 143
- Елагин* – см. Говоруха-Отрок Ю. Н.
- Елагина*, мать Ю. Н. Говорухи-Отрока
– 610
- Елена Павловна* (1806–1873), великая
княгиня, известная своей лечебно-
благотворительной деятельностью;
Клинический институт ее имени был
открыт в Петербурге в 1885 г. – 282,
288, 311, 362
- Еленев* Федор Павлович (псевд. Скал-
дин) (1829, по др. сведениям 1827–
1902), публицист, цензор – 433
- Елизавета* (1837–1898), австрийская
императрица – 896
- Елизавета Мавриковна*, мать велико-
го князя Олега Константиновича –
779
- Елизавета Петровна* (1709–1761/1762),
российская императрица (с 1741),
дочь Петра I – 31, 32, 727, 753
- Елов* Михаил Савельевич (1862–?), кни-
гоиздатель, владелец книжного ма-
газина в Сергиевом Посаде – 154, 836
- Елов* Н. М., книгоиздатель, книгопрод-
вец в Сергиевом Посаде – 836
- Ельмнович* Петр, священник – 445
- Ельчанинов* Александр Викторович
(1881–1934), религиозный писатель,
историк культуры и религии, свя-
щенник (с 1926), друг П. А. Флорен-
ского – 35, 80, 225, 228, 235, 279, 350,
822, 846
- Ерма* (Ерм), святой (кон. I в.), римский
христианин, которому приписывает-
ся сочинение раннехристианской ли-
тературы «Пастырь» – 211, 845
- Ермак Тимофеевич* (между 1532 и 1542–
1585), казачий атаман; походом в
1582–1585 г. положил начало покре-
рению Сибири Русским государ-
ством – 397, 408
- Ермолинский* Н. Н., автор воспоминаний
о великом князе Олеге Константино-
виче – 782, 783
- Ермолов* Алексей Сергеевич (1847–
1917), государственный и обществен-
ный деятель, ученый-агроном – 508,
511
- Ерошина* И. А. – 821
- Эфрон* (Эфрон) Илья Абрамович (1847–
1919), издатель русского Энцикло-
педического словаря – 438, 535, 863
- Жданов* Дмитрий Андрианович, священ-
ник, дядя жены Розанова В. Д. Бутя-
гиной – 264
- Желябов* Андрей Иванович (1851–1881),
один из руководителей «Народной
воли», организатор убийства импе-
ратора Александра II – 189, 504
- Жмаков* Василий Михайлович, распре-
делитель продуктов первой необхо-
димости – 412
- Жорж Занд* – см. Санд Ж.
- Жуковская* Наталья Юльевна, журнали-
стка – 799
- Жуковский* Василий Андреевич (1783–
1852), поэт, переводчик, критик –
443, 842, 847
- Жухин* Н. Ф., сотрудник газеты «Новое
Время» – 799

- Завитневич В. З.*, автор книги о А. С. Хомякове – 389, 853
- Заворотная Л. А.* – 895
- Загуляев Михаил Андреевич* (1834–1900), журналист, беллетрист, переводчик – 788
- Загурский Леонид Николаевич* (1847–1912), юрист, историк права, профессор Харьковского университета – 15
- Зандрок Н. Ф.*, управляющий магазином газеты «Новое Время» до 1884 г. – 791
- Заозерский А. И.* (Николай Александрович Заозерский) (1851–1919), профессор Московской духовной академии – 48, 198, 199, 205, 255, 465
- Зарубова Нина* – 270
- Зевес* (Зевс), в греческой мифологии верховный бог – 205, 225, 238, 239, 451, 585, 648, 839
- Зелинский Фаддей Францевич* (1859–1944), филолог, поэт-переводчик – 394
- Зембрих Марчелла* (1858–1935), польская певица, гастролировала в России – 564, 887
- Зенон из Элеи* (ок. 490–430 до н. э.), древнегреческий философ, представитель элейской школы – 847
- Зола* (Золя) Эмиль (1840–1902), французский писатель – 549
- Зонара Иоанн* (ум. 1118), византийский канонист и историк – 464, 465, 867
- Зыбин*, домовладелец – 341
- Иаков*, в Ветхом Завете патриарх, родоначальник двенадцати колен (племен) Израилевых – 141, 216, 309, 360, 409, 663, 833, 855
- Ианникий* – 372
- Иафет*, в Ветхом Завете сын Ноя – 327
- Ибсен Генрик* (1828–1906), норвежский драматург – 846
- Иван* (Иоанн) III (1440–1505), великий князь Московский (с 1462) – 545
- Иван* (Иоанн) IV Грозный (1530–1584), первый русский царь (с 1547), из династии Рюриковичей – 463, 629, 630
- Иван Константинович*, великий князь, брат великого князя Олега Константиновича – 781
- Иванов Вячеслав Иванович* (1866–1949), поэт, мыслитель, филолог, переводчик – 45, 59, 209, 821, 845
- Иванов Гавриил Афанасьевич* (1826–1901), филолог, профессор Московского университета по римской словесности – 457, 566
- Иванов Женья*, друг Розанова – 292
- Иванов И. И.*, студент, убит С. Г. Нечаевым в 1869 г. в Москве – 814
- Иванов Иван Иванович*, владслец типографии – 834
- Иванов Михаил Михайлович*, сотрудник газеты «Новое Время» – 788, 796, 799
- Ивоилов* (Ивойлов), домовладелец – 17, 237, 263
- Игнатий Брянчанинов* (Дмитрий Александрович Брянчанинов) (1807–1867), епископ Казанский и Черниговский, архимандрит Сергиевой пустыни, канонизирован в 1988 г. – 408, 466, 467, 750
- Игнатъев*, граф, эскадронный командир великого князя Олега Константиновича – 781
- Игнатъев Николай Павлович* (1832–1908), граф, генерал от инфантерии (1878), член Гос. совета (с 1877), министр внутренних дел (1881–1882) – 794
- Игорь Константинович*, великий князь, брат великого князя Олега Константиновича – 780–784
- Иегова*, ветхозаветный Бог – 198, 325, 327, 329, 330, 332, 335, 360, 702, 850
- Иезекииль*, древнееврейский пророк VII–VI вв. до н. э., автор книги Ветхого Завета, носящей его имя – 208, 388, 853
- Иероним Евсевий* (ок. 342–420), богослов – 205, 466
- Изида* (Исида), в древнеегипетской мифологии богиня плодородия, воды, ветра, мореплавания, охранительница умерших – 301
- Измайлов Александр Алексеевич* (псевд. Смоленский) (1873–1921), литературный критик, поэт, прозаик – 348, 700, 906
- Иисус Христос* – 12, 13, 16, 22, 23, 37, 41, 52, 54–56, 58, 59, 99–101, 105, 121, 122, 126, 127, 131, 137, 141, 147, 158, 164, 182, 195, 201, 202, 210, 221,

- 231, 237, 248, 257, 260, 263, 266, 267, 284, 286, 294, 298, 299, 301, 305, 308, 309, 319, 320, 329, 345, 360, 372–375, 414, 415, 424, 425, 443, 450, 473, 479, 480, 519, 546, 556, 581, 582, 586, 594, 596, 598, 613, 620, 621, 632, 636, 640, 649, 661, 669, 683, 702, 716, 722, 743, 746, 749, 751–755, 757, 758, 760, 766, 768, 770, 772, 821, 831, 832, 836, 849, 866, 885
- Иларион* (Илларион), священник – 307, 849
- Илья* (Илия), ветхозаветный пророк – 701, 753
- Илиодор* (Сергей Михайлович Труфанов) (1880–1952), иеромонах, один из организаторов «Союза русского народа» – 131
- Иловяцкий Дмитрий Иванович* (1832–1920), историк, публицист, автор учебников по всеобщей и русской истории для гимназий – 370, 415, 459, 589, 789, 856, 899
- Илья Муромец*, богатырь, герой русских былин, возникших в XII–XIII вв. – 448
- Ильменский В. Н.*, сотрудник газеты «Новое Время» – 789
- Иннокентий* (Иван Алексеевич Борисов) (1800–1857), богослов, писатель, проповедник, архиепископ Херсонский и Таврический (с 1848) – 571, 857, 895
- Иннокентий III* (Джованни Лотарио, граф де Сеньи) (1160–1216), папа римский (с 1198) – 730
- Иоаким* (Иван-Большой Петрович Савёлов) (1620–1690), патриарх Московский и всея руси (с 1674) – 840
- Иоаким de Flore* – 448
- Иоанн*, в Новом Завете апостол и евангелист – 106, 195, 597
- Иоанн Богослов*, в Новом Завете апостол, евангелист – 44, 124, 450, 479, 480, 831
- Иоанн Златоуст* (344/354–407), византийский церковный деятель, проповедник, архиепископ Константинополя (с 397) – 38, 50, 130, 231, 232, 294, 621, 751, 752, 754, 755, 767
- Иоанн Креститель* (Иоанн Предтеча), предшественник Иисуса Христа – 105, 766, 831
- Иоанн Кронштадтский* (Иоанн Ильич Сергиев) (1829–1908/1909), протоиерей, настоятель Андреевского собора в Кронштадте, религиозный писатель, оратор и проповедник, канонизирован в 1990 – 113, 130, 239–241, 247, 435, 513, 514, 561, 760
- Иоанн Лидийский* (Иоанн Эфесский) (ок. 506–ок. 595), монофизитский епископ Эфеса – 109, 829
- Иоанн Мосх* (ум. 619), византийский (палестинский) монах, религиозный писатель – 889
- Иов*, ветхозаветный праведник – 53, 216, 220, 235, 308, 344, 353, 373, 450, 553, 588
- Иона*, ветхозаветный пророк – 714
- Ионафан*, иудейский законоучитель и писатель, автор трактата, входящего в Талмуд – 333
- Ионафан* (Иван Наумович Руднев) (1816–1906), архиепископ Ярославский, дядя В. Д. Бутягиной-Розановой – 520, 857
- Иосиф Флавий* (37–после 100), древнееврейский историк – 207
- Ипатьевна*, крестьянка из Ярославской губернии – 407
- Исаак*, в Ветхом Завете патриарх, сын Авраама – 141, 360, 745, 833
- Исаенков*, окружной инспектор – 504
- Исайя*, ветхозаветный пророк – 440, 596, 599, 831
- Исидор* (Иаков (Яков) Сергеевич Никольский) (1799–1892), митрополит Новгородский, Санкт-Петербургский и Финляндский, богослов и проповедник – 87, 175, 214–216, 221, 234, 296, 369, 402, 403
- Исидор Пелусиотский* (V в.), ученик Иоанна Златоуста – 465
- Исполатов В. Г.*, сотрудник газеты «Новое Время» – 789
- Истомин* – 531
- Иуда Искариот*, в Библии один из апостолов, предавший своего учителя (Христа) за 30 серебряников – 106, 309, 534
- Иуда Патриарх* (праотец), в Ветхом Завете сын Патриарха Иакова, отец Онана – 466
- Каблиц Иосиф* (Осип) Иванович (псевд. Юзов) (1848–1893), писатель, публицист – 527, 887

- Каблуков* Сергей Платонович (1881–1919), секретарь Религиозно-философского общества в Петербурге, преподаватель математики, музыкальный критик – 896
- Кавamoto*, инспектор духовной семинарии в Японии – 436
- Кавос* К. И., сотрудник газеты «Новое Время» – 788
- Кагаров* – 321
- Казерио* Санто Джеронимо (1874–1894), итальянский анархист, после убийства французского президента С. Карно был казнен – 431, 505, 861, 878
- Каин*, в Ветхом Завете сын Адама и Евы, убивший своего брата Авеля – 200, 228
- Каирова*, корреспондентка газеты «Новое Время» – 793
- Кайгородов* Дмитрий Никифорович (1846–1924), фенолог, орнитолог, автор научно-популярных книг по естествознанию, педагог – 789, 799
- Калачева* Е. П., владелица приюта в Петербурге – 733
- Калигула* (12–41), римский император (с 37) – 305
- Калинников* И. М., сотрудник газеты «Новое Время» – 799
- Калиночка* (Калерия Казанцева), подруга Веры Мордвиновой – 368, 378, 630, 649, 653, 659, 663, 665, 666, 674, 675, 678, 680, 682, 687, 688, 692, 693, 695, 696, 704, 708, 709, 712–716, 719, 720, 722, 851, 903
- Каллаш* (урожд. Новикова) Мария Александровна (псевд. Гаррис) (1886–1954), публицистка – 799
- Кальвин* Жан (1509–1564), деятель Реформации, основатель кальвинизма – 766
- Кант* Иммануил (1724–1804), немецкий философ – 252, 409, 450, 453, 546, 556, 623, 624, 630, 819, 846, 865
- Кантор* Георг (1845–1918), немецкий математик – 12, 195
- Капитст* Василий Васильевич (1758–1823), драматург и поэт – 504
- Капнист* Павел Алексеевич (1842–1904), попечитель Московского учебного округа (1880–1895) – 457, 565, 566
- Каптерев* Николай Федорович (1847–1917/1918), историк церкви – 160, 836, 878
- Каптерев* П. Н. (1889–1955), сын Н. Ф. Каптерева – 836
- Каптеревы* – 160
- Капустин* Михаил Николаевич (1828–1899), юрист, профессор Московского университета (1852–1870), автор первых в России систематических руководств по международному праву – 506
- Каризин* Николай Николаевич (1842–1908), прозаик, художник, журналист – 789, 908
- Каракозов* Дмитрий Владимирович (1840–1866), революционер; совершил покушение на императора Александра II; казнен – 855
- Карамзин* Николай Михайлович (1766–1826), историк и писатель – 209, 398, 845
- Кареев* Николай Иванович (1850–1931), историк и социолог – 379, 380, 521, 530
- Карл V* (1500–1558), император «Священной Римской империи» (1519–1556), испанский король (Карлос I) (1516–1556), из династии Габсбургов – 401
- Карлейль* Томас (1795–1881), английский публицист, историк и философ – 318, 752
- Карпинский* Александр Иванович (1872–?), врач-невропатолог – 132, 275, 832
- Карпов* Василий Николаевич (1798–1867), философ, поэт, переводчик сочинений Платона – 230, 321, 846
- Карпович* Петр Владимирович (1874–1917), эсер, смертельно ранивший Н. П. Боголепова, после 1907 г. в эмиграции – 901
- Карташов* (Карташев) Антон Владимирович (1875–1960), политический и общественный деятель, публицист, историк церкви, с 1919 г. в эмиграции – 223, 343, 844
- Кассиан* (Иоанн Кассиан), святой (ум. 435), теоретик монашеской жизни, память его празднуется 29 февраля – 785–787
- Кассо* Лев Аристидович (1865–1914), государственный деятель, министр народного просвещения (1911–1914) – 682
- Катенин* А., цензор, председатель Комитета по делам печати – 527

- Катков* Михаил Никифорович (1818–1887), публицист, критик, издатель журнала «Русский Вестник» и газеты «Московские Ведомости» – 331, 422, 517, 566, 567, 606, 610, 734, 743, 745, 746, 874, 886
- Катон Старший* (234–149 до н. э.), римский политический деятель – 907
- Качмар* Георгий Иванович, счетовод продовольственного отдела Сергиево-Посадского Совета рабочих депутатов – 412
- Кашперов* (Кашпирев) Василий Владимирович (1835–1875), издатель, публицист, переводчик – 106
- Кейдан* В. И. – 839
- Керенский* Александр Федорович (1881–1970), юрист, депутат IV Государственной думы, министр и с июля 1917 г. глава Временного правительства, с 1918 г. в эмиграции – 401, 402, 404–406
- Кибела*, фригийская богиня, почитавшаяся в Малой Азии, Греции, во всей Римской империи – 32
- Киреев* Александр Алексеевич (1833–1910), генерал от кавалерии, публицист, участник Религиозно-философских собраний – 512, 882
- Киреевский* Иван Васильевич (1806–1856), философ, литературный критик, публицист – 311, 454, 458, 513
- Киреевский* Петр Васильевич (1808–1856), фольклорист, археограф, публицист – 458
- Киреевские* – 305, 437, 458
- Кирилл и Мефодий*, братья из Солуни (Салоники), славянские просветители, создатели славянской азбуки, проповедники христианства, канонизированы – 101, 729, 906
- Киркор* Адам Карлович (1819–1886), археолог, публицист – 794
- Кирпичников* Александр Иванович (1845–1903), историк литературы – 790
- Кладо* Николай Лаврентьевич (псевд. Прибой) (1862–1919), публицист, военно-морской теоретик – 735, 907
- Клейнмихель* Петр Андреевич (1793–1869), граф, главноуправляющий путями сообщения (1842–1855), руководитель постройки железной дороги Петербург–Москва – 801
- Климент Зедеггольм* (Карл Густав Адольф Зедеггольм, после принятия православия Константин Карлович) (ок. 1830–1878), иеромонах Оптиной пустыни, религиозный писатель, переводчик – 611
- Клителместра*, в греческой мифологии жена Агамемнона – 167
- Клушин*, знакомый Розанова в Ельце – 244
- Ключевский* Василий Осипович (1841–1911), историк, публицист, профессор Московского университета, профессор русской истории Московской духовной академии – 367–368, 420, 858
- Коваленко* С. А. – 895
- Коген* Герман (1842–1918), немецкий философ – 261
- Кожневиков* Владимир Александрович (1852–1917), философ, историк культуры, публицист – 106, 187, 265, 267, 282, 305–307, 310, 356, 365, 385, 388, 389, 406, 829, 832, 849, 853
- Козырев* Иван Петрович – 704
- Козьма Прутков*, коллективный псевдоним, под которым в журналах «Современник», «Искра» выступали в 50–60-х гг. XIX в. поэты А. К. Толстой и братья Жемчужниковы – 105
- Кок* Поль Шарль де (1793–1871), французский писатель – 474
- Коковцев* (Коковцов) Владимир Николаевич (1853–1943), министр финансов (1904–1914, с перерывом в 1905–1906), председатель Совета министров (1911–1914), мемуарист – 773
- Коломнин* Алексей Петрович, издатель газеты «Новое Время» – 790, 791
- Коломнин* П. Петрович, управляющий типографией А. С. Суворина до 1900 г. – 790
- Колосов* Федор Иванович, управляющий книжным магазином газеты «Новое Время» до 1904 г. – 791
- Колубовский* Яков Николаевич (1863–?), философ и историк русской философии, редактор «Вопросов Философии и Психологии», автор писем к Розанову (1890–1909) – 438, 863
- Колумб* Христофор (1451–1506), испанский мореплавател, родом из Генуи – 151

- Колумбан*, святой (ок. 550–615), ирландский монах, миссионер в Галлии – 575
- Кольцов* Алексей Васильевич (1809–1842), поэт – 549, 892
- Комаров* – 558
- Комаровские* – 115, 116
- Комаровский* Василий Алексеевич (1881–1914), граф, художник и поэт – 113
- Коменский* Ян Амос (1592–1670), чешский мыслитель, педагог, писатель – 742
- Комиссаров* (Коммиссаров) Осип Иванович (1838–1892), спас жизнь императора Александра II, отведши в сторону руку Каракозова – 855
- Кондаков* В., автор книги об архиепископе Иннокентии Борисове – 895
- Кондурушкин* Степан Семенович (1874/1875–1919), писатель и публицист – 334
- Кони* Анатолий Федорович (1844–1927), юрист и общественный деятель – 883
- Коноплянцев* Александр Михайлович (1875–не ранее 1929), юрист, публицист, ученик Розанова в Елецкой гимназии, биограф К. Н. Леонтьева – 300, 609
- Константин I Великий* (ок. 285–337), римский император (с 306) – 187, 769, 770, 772
- Константин Константинович* (1858–1915), великий князь, внук императора Николая I, генерал, президент Академии наук, поэт – 779, 782, 910
- Константин Константинович*, великий князь, брат великого князя Олега Константиновича – 781
- Константин Николаевич* (1827–1897), великий князь, второй сын императора Николая I, адмирал, руководил Морским министерством (1853–1881), председатель Гос. совета (1865–1881) – 779
- Конт* Огюст (1798–1857), французский философ социолог – 304, 453, 555
- Конишин* Николай Яковлевич (1863–?), журналист и этнограф – 800
- Корелли* Мари (1864–1924), английская писательница – 600, 900
- Кормилицын* Яков Климович, управляющий магазином газеты «Новое Время» (с 1905) – 792, 799
- Коростелев* Александр Иванович, журналист – 799
- Коростелева* С. К., сотрудница газеты «Новое Время» – 799
- Корсаков* Петр Александрович (1790, по др. сведениям ок. 1787–1844), переводчик, историк литературы, критик, публицист, издатель – 908
- Кори* Валентин Федорович (1828–1883), журналист, публицист, историк литературы, переводчик – 787
- Косоротов* Александр Иванович (псевд. Сторонний) (1868–1912), драматург, прозаик, публицист, сотрудник газеты «Новое Время» (с кон. 1890-х гг.) – 795
- Коспаровский*, домовладелец – 298
- Коссович* Каэтан Андреевич (1815–1883), филолог, занимался греческим, еврейским, арабским языками, санскритом – 517
- Костаки* – 311
- Костомаров* Николай Иванович (1817–1885), историк и писатель – 789
- Котошихин* Григорий Карпович (ок. 1630–1667), подьячий Посольского приказа, в 1664 г. бежал в Литву, затем в Швецию – 392, 854
- Кохановская Н.* (наст. имя и фам. Надежда Степановна Соханская) (1823/1825–1884), писательница – 603
- Кочетов* Евгений Львович (псевд. Русский странник) (1845–1905), публицист, сотрудник газеты «Новое Время» (с 1884) – 789
- Коялович* Михаил Михайлович (1862–1916), публицист, журналист, прозаик – 795
- Кравченко* Николай Иванович (1867–?), художник – 267, 795, 799
- Кравчинский* Дмитрий Михайлович, ученый-лесовод – 445, 456, 540, 546, 563
- Краевский* Андрей Александрович (1810–1889), издатель, журналист – 543, 787
- Кремлер* Яков Иванович (?–1903), педагог, переводчик, автор «Латинской грамматики» – 398
- Кривенко* Василий Силович (1854–1931), журналист, мемуарист, театральный критик, общественный деятель, сотрудник газеты «Новое Время» (1889–1911) – 558, 789, 799

- Кривошеин* Александр Васильевич (1858–1921), государственный деятель – 384, 507, 517
- Крижанич* Юрий (ок. 1618–1683), хорватский славянский ученый-энциклопедист, писатель. языковед – 390, 853
- Кронберг* Иван Яковлевич (1788–1839), русский лексикограф – 554
- Крылов* Иван Андреевич (1769–1844), баснописец – 546, 737, 846, 850, 907
- Крюденер* (Криденер) Варвара Юлия (Барбара Юлиана) (1764–1825), баронесса, мистическая проповедница – 450, 548, 865
- Ксения Петербургская* (наст. имя и фам. Ксения Григорьевна Петрова) (ок. 1731–ок. 1803), блаженная; канонизирована в 1988 г. – 532, 853, 874
- Ксенофонт* (ок. 430–355 или 354 до н. э.), древнегреческий писатель и историк – 819
- Ксюнин* Алексей Иванович (ок. 1880–?), журналист, сотрудник газеты «Новое Время» – 796, 799
- Кудрявцев* Петр Николаевич (1816–1858), историк, писатель, литературный критик – 202, 237
- Кук* П. Р., сотрудник газеты «Новое Время» – 799
- Куликов* Иван Семенович (1875–1941), живописец, ученик И. Е. Репина – 907
- Куломзин*, сотрудник Государственного контроля – 562
- Кульбак* Степан Михайлович (1873–1941), славист – 678, 688
- Куно-Фишер* – см. Фишер К.
- Курбский* Андрей Михайлович (1528–1583), князь, государственный деятель, писатель, переводчик, бежал в Литву (1564) – 7
- Курепин* Александр Дмитриевич (псевд. Московский фланер, Новый Диоген) (1846–1891), журналист, фельетонист, сотрудник газеты «Новое Время» (1876–1891) – 789
- Курлов* Павел Григорьевич (1860–1923), командир отдельного корпуса жандармов, до 1911 г. заведовал охраной Николая II – 401
- Кусков* Платон Александрович (1834–1909), поэт, литературный критик, переводчик – 371, 421, 534, 826, 837
- Кустодиев* Борис Михайлович (1878–1927), живописец, график, театральный художник – 907
- Кутейников* Николай Степанович (1841 или 1842–1901), публицист, переводчик, редактор газеты «Новое Время» (с 1876) – 788
- Кутлер* Николай Николаевич (1859–1924), политический деятель, юрист, депутат II и III Государственных дум – 808
- Кутузов* Михаил Илларионович (1745–1813), полководец, генерал-фельдмаршал – 397
- Кювье* Жорж (1769–1832), французский зоолог – 562, 740
- Кюнер* Рафаэль (1802–1878), немецкий филолог-классик, педагог – 398, 551
- Лазарь* Фредерик Сезар де (1754–1838), швейцарский политический деятель, воспитатель будущего императора Александра I (1784–1795) – 801, 802
- Лажар* Жан Батист (1783–1858), французский археолог – 108, 109, 111
- Лазарь*, в Новом Завете житель Вифании (селение около Иерусалима), воскрешенный Иисусом Христом – 206, 410
- Ламанский* Владимир Иванович (1833–1914), публицист, критик, славист, общественный деятель – 789
- Ланкастер* Джозеф (1778–1838) и *Белль* Анджо (1753–1832), английские педагоги, разработавшие белл-ланкастерскую систему обучения (взаимное обучение) – 870
- Ланской* Сергей Степанович (1787–1862), граф (1861), государственный деятель, министр внутренних дел России (1855–1861), участник подготовки крестьянской реформы 1861 г. – 806
- Ларусс* П. (1817–1875), французский педагог и лексикограф – 70
- Лас Казес* Эммануэль (1766–1842), автор мемуаров о Наполеоне на острове Св. Елены – 905
- Лассаль* Фердинанд (1825–1864), немецкий социалист, философ, публицист – 397
- Лафарги*: *Лаура* (урожд. Маркс) (1845–1911), жена П. Лафарга и *Поль* (1842–1911), деятель французского и международного движения, публицист – 62, 825

- Лебедев*, помощник С. А. Рачинского – 432
- Лебедев* Николай Константинович (псевд. Н. Морской) (1846, по др. сведениям 1845–1888), прозаик – 789
- Лебрен* (урожд. Виже) Елизабета-Луиза де (1755–1842), французская портретистка – 801
- Лев I Великий* (ум. 461), папа римский (с 440), богослов – 621
- Лев VI Мудрый* (866–912), византийский император (с 886), из Македонской династии – 464
- Лев X* (Джованни де Медичи) (1475–1521), папа римский (с 1513) – 415, 856
- Лев XIII* (1810–1903), папа римский (с 1878) – 730
- Леванда* Лев Осипович (1835–1888), прозаик, публицист – 789
- Левиафан*, в Ветхом Завете морское чудовище как олицетворение всех сил зла – 275, 411, 907
- Левшина* Е. М., сотрудница газеты «Новое Время» – 799
- Ледницкий* Александр Робертович (1866–1934), юрист, депутат Государственной думы, руководитель ликвидационной комиссии по делам Королевства Польского при Временном правительстве (1917) – 404
- Лейбниц* Готфрид Вильгельм (1646–1716), немецкий философ, математик, физик, языковед – 563, 827
- Лейкин* Николай Александрович (1841–1906), писатель-юморист, журналист, издатель – 789
- Леклерк* Н. Г., французский просветитель – 671, 905
- Лекок Шарль* (1832–1918), французский композитор – 892
- Лелевель* Иоахим (1786–1861), идеолог польского освободительного движения, историк – 726, 729
- Лелива*, граф (псевд. католического публициста 1890-х гг. Антона Тышкевича) – 430, 860
- Лендер* Николай Николаевич (наст. фам. Рейхельт, псевд. Путник) (1864–не ранее 1924), прозаик, очеркист, журналист – 789
- Ленин* (наст. фам. Ульянов) Владимир Ильич (1870–1924), политический деятель и теоретик марксизма, основатель партии коммунистов и Советского государства – 818
- Ленцони*, автор словаря египетской мифологии – 395
- Леонти*, итальянский поэт – 740
- Леонтьев* И. Л. – см. Щеглов И. Л.
- Леонтьев* Константин Николаевич (1831–1891), философ, публицист, духовный писатель, литературный критик – 7, 8, 182, 288, 300, 311, 349, 351, 356, 371, 383, 417, 418, 424, 505, 507, 537, 559, 567, 608–612, 745, 820, 826, 837, 842, 878, 889
- Леонтьев* Павел Михайлович (1822–1874), публицист, профессор греческой словесности Московского университета – 452, 566, 865
- Леонтьева* Мария Владимировна (1848–1927), племянница К. Н. Леонтьева – 182, 842
- Леонтьева* Полина Яковлевна, сотрудница газеты «Новое Время» по хозяйственным и финансовым вопросам – 791, 799
- Ле Плэ* (Ле Пле) Пьер Вильом Фридерик (1806–1882), французский экономист, консервативный мыслитель, путешественник – 463, 580, 867
- Лепсиус* Карл Рихард (1810–1884), немецкий языковед и искусствовед – 358, 380, 600, 900
- Лермонтов* Михаил Юрьевич (1814–1841), поэт и прозаик – 588, 767, 800, 822, 824, 829, 831, 847, 886, 896, 899, 909, 911
- Лернер* Николай Осипович (1877–1934), литературовед-пушкинист – 408
- Лесевич* Владимир Викторович (1837–1905), философ, публицист, общественный деятель – 291
- Лесков* Николай Семенович (1831–1895), писатель – 720, 789
- Лето*, в греческой мифологии дочь титанов Коя и Фебы, родившая от Зевса близнецов Аполлона и Артемиду – 839
- Летурно* Шарль (1831–1902), этнограф и социолог – 15
- Лиза*, тетя – см. Сапарова Е. П.
- Липранди* А. П., автор статей в «Русском Обозрении» и в газете «Новое Время» – 519, 799, 884
- Лист* Ференц (1811–1886), венгерский композитор, пианист, дирижер – 900

- Литвин* Савелий Константинович (наст. имя и фам. Шеель Хаимович Эфрон) (1849–1926), прозаик, мемуарист – 370, 542, 859, 890
- Литвинов* – 733
- Лихачев* Владимир Иванович – 785, 787, 790
- Лихачев* Николай Петрович (1862–1936), историк книги, палеограф – 190, 392, 393, 396, 843
- Личкус* Лазарь Григорьевич (1858–?), врач – 502, 519
- Ломоносов* А. В. – 883
- Ломоносов* Михаил Васильевич (1711–1765), естествоиспытатель, поэт, художник, историк, общественный деятель – 331, 398, 523, 840
- Ломоносова* М. А., двоюродная сестра С. А. Рачинского – 439, 440, 523
- Лонг* (II–III вв.), древнегреческий писатель – 827
- Лорис-Меликов* Михаил Тариелович (1825–1888), граф, военный и политический деятель, министр внутренних дел (1880–1881) – 528, 539
- Лосев* Алексей Федорович (1893–1988), философ, историк философии и эстетики – 886
- Лосский* Николай Онуфриевич (1870–1965), философ, умер в эмиграции – 394
- Лот*, в Ветхом Завете племянник Араама, спасшийся со своими дочерьми после гибели Содомы – 333, 476, 520
- Лукиан* (ок. 120–ок. 190), древнегреческий писатель-сатирик – 821
- Лукулл* (ок. 117–ок. 56 до н. э.), римский полководец – 264
- Луначарский* Анатолий Васильевич (1875–1933), политический деятель, писатель, публицист – 157
- Лутковский* Василий Осипович, действительный статский советник, предводитель Бельского уездного дворянства – 419, 425, 426, 435, 436, 438, 444, 446, 451, 471, 475, 481, 483, 493, 501, 516, 565, 604, 858, 867, 894, 898
- Львов* Георгий Евгеньевич (1861–1925), князь, политический деятель, депутат I Государственной думы, глава Временного правительства и министр внутренних дел (март–июль 1917) – 264
- Любвин*, учитель математики – 501, 506
- Любимов* Николай Алексеевич (1830–1897), ученый-физик, публицист, деятель народного просвещения, историк – 422, 496, 558, 874
- Людовик XIV* (1638–1715), французский король (с 1643), из династии Бурбонов – 322
- Людовик XV* (1710–1774), французский король (с 1715), из династии Бурбонов – 416
- Людовик XVI* (1754–1793), французский король (1774–1792), из династии Бурбонов – 320, 809, 854, 912
- Лютер* Мартин (1483–1546), немецкий религиозный реформатор – 406, 415, 597, 600, 621, 766, 856, 901
- Люцифер*, в христианстве падший ангел, дьявол – 215
- Лялин* В. С. (псевд. Петербуржец), сотрудник газеты «Новое Время» – 788–789
- Лянтнерт*, владелец железнодорожного конрагентства до 1883 г. – 792
- Лясковский* Валерий Николаевич (1858–1938), историк, публицист, мемуарист – 446, 454, 458, 471, 498, 864, 874
- Магомед* (Мохаммед, Мухаммед) (ок. 570–632), основатель ислама, в котором почитается как пророк, глава первого теократического мусульманского государства (с 630) – 288, 337, 587, 589, 591
- Магула* Герасим Афанасьевич, художественный критик – 799
- Мазеев* Михаил Николаевич (1869–?), редактор газеты «Новое Время» (с 1900) – 325, 795, 796, 799
- Мазепа* Иван Степанович (1644–1709), гетман Украины (1687–1708) – 7, 662
- Мазини* Анджело (1844–1926), итальянский певец (тенор) – 564
- Майков* Аполлон Николаевич (1821–1897), поэт, писатель – 512, 534, 535, 789
- Майков* Леонид Николаевич (1839–1900), историк литературы, библиограф, этнограф – 487
- Маймонид* Моисей (Моше бен Маймон) (1135–1204), еврейский философ – 341
- Макарий* (Михаил Петрович Булгаков) (1816–1882), богослов и историк церкви, митрополит Московский и Коломенский (с 1879) – 585, 673, 896, 897

- Маклаков Василий Алексеевич* (1869–1957), адвокат, депутат II–IV Государственной думы – 331
- Максимов К. С.*, сотрудник газеты «Новое Время» – 789
- Максимов Сергей Васильевич* (1831–1901), писатель, этнограф – 789, 792
- Малебранши (Мальбранш) Никола* (1638–1715), французский философ – 383
- Мамонтов* – 468, 736
- Мамонтов Анатолий Иванович* (1840–1905), издатель, коллекционер, живописец, брат С. И. Мамонтова – 887
- Мамонтов Савва Иванович* (1841–1918), промышленник и меценат – 887
- Манасевич-Мануйлов Иван Федорович* (1869–1918), журналист, переводчик – 799
- Мануйл (В. В. Лемешевский)* (1884–1963), епископ – 891
- Мануйлов* – см. Манасевич-Мануйлов И. Ф.
- Манцони (Мандзони) Алессандро* (1785–1873), итальянский писатель – 475, 868
- Мария Константиновна* – см. Рачинская М. К.
- Мария Магдалина*, по христианской легенде, грешница, ставшая последовательницей Христа, после того как он изгнал из нее «бесов» – 98, 519, 828, 831, 836
- Мария Федоровна* (1847–1928), императрица, жена Александра III – 473, 869
- Марк Аврелий* – см. Аврелий
- Марк С. С.*, сотрудник газеты «Новое Время» – 799
- Маркевич Николай Андреевич* (1804–1860), поэт, мемуарист, фольклорист, этнограф – 739
- Марков Алексей Константинович* (1858–?), археолог, нумизмат, библиограф – 384, 410
- Марков А. П.* – 495, 873
- Маркс Карл* (1818–1883), немецкий мыслитель, основатель коммунистической теории, названной его именем – 213, 396–398, 406, 558, 818
- Маркузе И. К.*, сотрудник газеты «Новое Время» – 789
- Мартынов, врач* – 782
- Масанов Иван Филиппович* (1874–1945), библиограф – 860
- Маслов А. Н.* – см. Бежецкий
- Масперо Гастон Камиль Шарль* (1846–1916), французский египтолог – 379, 381, 387, 395, 853
- Матвеев Павел Александрович* (псевд. Ачкасов) (1844–?), юрист, публицист, цензор (с 1889) – 536, 537
- Матвей Ржевский* (Матвей Александрович Константиновский) (1791–1857), протоиерей из Ржева, духовник Н. В. Гоголя – 51, 608
- Медвед К. П.*, редактор газеты «Вечернее Время» – 797
- Медведский Константин Петрович* (1866–после 1919), поэт, критик – 536
- Медведь Ярослав Иванович*, петербургский священник, участник Религиозно-философского общества – 353, 851
- Мелик-Бегляров Давид Сергеевич* (1875–1913), двоюродный брат П. А. Флоренского – 830
- Мелик-Бегляров Сергей Теймуразович* (?–1905), муж Е. П. Сапаровой – 830
- Мелик-Беглярова Маргарита Сергеевна* (1872–ок. 1905), дочь С. Т. Мелик-Беглярова и Е. П. Сапаровой – 833
- Мельников Н. К.*, сотрудник газеты «Новое Время» – 795, 799
- Мельников (Мельников-Печерский, псевд. А. Печерский) Павел Иванович* (1818–1883), писатель и историк – 154, 836
- Менищikov Александр Данилович* (1673–1729), сподвижник Петра I, генералиссимус (1727) – 397
- Меньшиков Михаил Осипович* (1859–1918), публицист, сотрудник газеты «Новое Время» – 458, 473, 558, 595, 623, 628, 684, 796, 799, 862, 866, 895
- Мережковский* – 78, 147, 156, 157, 223, 277, 279, 396
- Мережковский Дмитрий Сергеевич* (1865–1941), писатель, публицист, философ, общественный деятель – 68, 78, 79, 128, 156, 210, 238, 284, 314, 343, 382, 402, 561, 630, 664, 687, 692, 698, 766, 767, 826, 832, 836, 845, 849, 893, 906
- Меркушев М.*, владелец типографии в Петербурге – 906
- Мечников Илья Ильич* (1845–1916), биолог, патолог, эмбриолог – 747, 840
- Мещерский Ал. Макс.*, учитель подготовительного класса и надзиратель Брянской прогимназии – 566

- Мецгерский* Александр Иванович (1730–1779), князь, президент Главного магистрата Петербурга – 847
- Мецгерский* Владимир Петрович (1839–1914), князь, публицист, издатель и редактор газеты-журнала «Гражданин» – 497, 517, 542, 566, 567, 874, 884
- Мецгерский* Н. П. (1828–1901), князь, попечитель Московского учебного округа – 457, 565, 866, 894, 902
- Микель Анджело* (Микеланджело) Буонарроти (1475–1564), итальянский скульптор, живописец, архитектор, поэт – 389
- Миллер* Орест (Оскар) Федорович (1833–1889), фольклорист, историк литературы, критик, публицист – 789
- Миль* Джон Стюарт (1806–1873), английский философ, экономист, общественный деятель – 453
- Мильфорд* Прентис, американский писатель – 631, 904
- Милюков* Павел Николаевич (1859–1943), историк, публицист, один из основателей партии кадетов, председатель ее ЦК (с 1907), депутат III и IV Государственных дум – 170, 401, 402, 411, 671, 811–813, 912
- Милютин* Николай Алексеевич (1818–1872), государственный деятель, товарищ министра внутренних дел, фактически руководитель работ по подготовке крестьянской реформы 1861 г. – 806
- Минерва*, в римской мифологии богиня, покровительница ремесел и искусства – 677, 737
- Минос*, легендарный царь Кноса, по преданию, первый на Крите законодатель, создатель могущественной морской державы – 232, 321, 348
- Минский* (наст. фам. Виленкин) Николай Максимович (1856–1937), публицист, философ – 326
- Мирабо* (Оноре Габриель Рикети) (1749–1791), граф, деятель Французской революции – 401, 403, 854, 855
- Митридат VI Евпатор* (132–63 до н. э.), царь Понта, вел борьбу со скифами – 400
- Михаил*, в Библии архангел, предводитель небесного воинства – 89, 106
- Михайлевский* Василий Герасимович, управляющий департаментом железнодорожной отчетности (с 1896) – 889
- Михайловский* Николай Константинович (1842–1904), социолог, публицист, литературный критик, идеолог народничества – 365, 512, 550, 552, 558, 565, 816, 817, 892
- Мицкевич* Адам (1798–1855), польский поэт, деятель освободительного движения – 726, 730, 906
- Моисей*, в Ветхом Завете предводитель израильских племен, основатель иудаизма, пророк – 122, 201, 202, 284, 326, 359, 360, 578, 594, 745, 747, 750, 826, 831
- Моисей Уерин* (XI в.), христианский подвижник, вначале был воином князя Ростовского Бориса, в 1018 г. взят в плен поляками и позже ослеплен – 85, 86, 277, 278, 378, 828
- Молодзинский*, сотрудник газеты «Новое Время» – 800
- Молох*, древнепалестинское, западносемитское божество, которому приносились человеческие жертвы, упоминается в Библии – 141, 702
- Молчанов* Александр Николаевич (1846–не ранее 1916), журналист, прозаик, сотрудник газеты «Новое Время» (с 1878) – 788
- Мольер* (наст. имя и фам. Жан Батист Поклен) (1622–1673), французский комедиограф, актер, театральный деятель – 904
- Монтень* Мишель де (1533–1592), французский философ и писатель – 324
- Мопассан* Ги де (1850–1893), французский писатель – 549
- Мордвинов* Алексей Александрович, брат Веры Мордвиновой – 633
- Мордвинов* Владимир Александрович, старший брат Веры Мордвиновой – 633, 638, 662, 666, 678, 681, 697, 700, 711
- Мордвинов* Сергей Александрович, брат Веры Мордвиновой – 638, 678, 681, 699
- Мордвинова* Вера Александровна (1895–1966), дочь генерала, курсистка, с которой переписывался Розанов в 1914–1915 гг. – 180, 183, 345, 352, 356, 358, 363, 364, 371, 374, 378, 614, 723, 820, 826, 837, 841, 851, 854, 903–906

- Мордовцев* Даниил Лукич (1830–1905), прозаик, публицист, историк – 789, 792
- Морозов* Давыд Иванович (ок. 1844–1896), фабрикант, издатель журнала «Русское Обозрение» – 503, 509, 877
- Морозова* М. К., оказывала материальную поддержку для издания книг П. А. Флоренского – 838
- Морской* Н. – см. Лебедев Н. К.
- Мостовский* – 725
- Мотовилов* Николай Александрович (1809–1887), сибирский помещик, судейский чиновник, собеседник Серафима Саровского – 92, 113
- Моцарт* Вольфганг Амадей (1756–1791), австрийский композитор – 497
- Мультиановский* Помпей Яковлевич (1839–1897), хирург в Николаевском госпитале – 507, 512, 518, 519
- Муретов* Митрофан Дмитриевич (1851–1917), православный богослов, профессор Московской духовной академии – 82
- Мякотин* Венедикт Александрович (1867–1937), историк, публицист, один из создателей и лидеров партии народных социалистов (энесов) – 334
- Мясоедов* Григорий Григорьевич (1834–1911), живописец – 718
- Навуходоносор II*, вавилонский царь (605–562 до н. э.) – 257, 473
- Надеин* М. П., владелец книжного магазина на Невском проспекте – 791
- Надя*, горничная в семье Розановых – 286
- Наль*, в индийском эпосе царь страны нишадхов – 312, 579
- Наполеон I* (Наполеон Бонапарт) (1769–1821), французский император (1804–1814, март–июнь 1815) – 184, 247, 397, 479, 503, 601, 607, 634, 665, 790, 817, 905
- Нарышкин* Василий, знакомый Розанова – 546
- Наталья Александровна*, знакомая Розанова – 174
- Наташа* (Вальман Наталья Аркадьевна), курсистка, подруга А. М. Бутягиной – 353, 365, 373, 374, 380
- Наумов* Алексей Аввакумович (1840–1895), художник – 550, 892
- Наумов* Я. Я., сотрудник газеты «Новое Время» – 799
- Нахимов*, инспектор Московского университета 1840-х гг. – 729
- Невежин* Петр Михайлович (1841–1919), драматург, прозаик – 795
- Некрасов* Николай Алексеевич (1821–1877/1878), поэт, прозаик, общественный деятель – 305, 550, 567, 655, 738, 789, 815–818, 870, 894, 908, 912
- Немирович-Данченко* Василий Иванович (1844/1845–1936), прозаик, поэт, журналист – 793
- Непешин* Н. Н., управляющий хозяйственной частью газеты «Новое Время» – 799
- Неплюев* – 600
- Нерон* Клавдий Цезарь (37–68), римский император (с 54), из династии Юлиев-Клавдиев – 297, 601, 775
- Нессельроде* Карл Васильевич (1780–1862), граф, политический деятель, канцлер (с 1845), министр иностранных дел (1822–1856) – 801
- Нестеров* Михаил Васильевич (1862–1942), живописец – 193, 372, 400, 403, 406
- Несторий* (ок. 381–ок. 451), патриарх Константинопольский (428–431), его еретическое учение (несторианство) осуждено III Вселенским собором (431) – 520, 885
- Неупокоев* А. И., управляющий типографией газеты «Новое Время» после смерти В. Р. Васмунда – 790
- Нефельтонист* – см. Ежов Н. М.
- Нечаев* Сергей Геннадиевич (1847–1882), революционер, организатор тайного общества «Народная расправа» – 814
- Нечаев-Мальцев* Юрий Степанович (1843–1913), промышленник, владелец стекольных заводов в Гусь-Хрустальном, меценат – 429, 432, 459, 861
- Никандр* (Николай Дмитриевич Молчанов) (1852–1910), архиепископ Литовский и Виленский – 758
- Никанор* (Александр Иванович Бровкович) (1827–1890), богослов, религиозный писатель, философ, архиепископ Херсонский и Одесский (с 1886) – 460, 520, 596, 866, 885, 900
- Никаноров* И. В., сотрудник газеты «Новое Время» – 796, 799

- Никита Пустосвят* (наст. имя и фам. Никита Константинович Добрынин) (ум. 1682), священник, один из лидеров старообрядчества, выступал против реформ патриарха Никона (1665) – 840
- Николаев Ю.* – см. Говоруха-Отрок Ю. Н.
- Николаевы* – 585, 586
- Николай В. И.*, сотрудник газеты «Новое Время» – 799
- Николай* (Иван Дмитриевич Касаткин) (1836–1912), церковный деятель, глава Русской православной миссии в Японии (с 1870), основатель Японской православной церкви, архиепископ Японский (с 1906) – 291, 436, 886
- Николай I* (1796–1855), российский император (с 1825) – 287, 410, 423, 499, 551
- Николай II* (1868–1918), российский император (1894–1917) – 400, 401, 403, 406, 407, 410, 444, 585, 832, 909
- Николай Александрович* (1843–1865), великий князь, наследник-цесаревич, сын императора Александра II – 318, 457
- Николай Михайлович* (1859–1919), великий князь, внук Николая I, историк – 801
- Николай Николаевич* (Старший) (1831–1891), великий князь, третий сын императора Николая I, генерал-фельдмаршал (1878), член Гос. совета (с 1855) – 400, 410
- Николай Николаевич* (Младший) (1856–1929), великий князь, сын Николая Николаевича (Старшего), генерал от кавалерии (1901) – 171
- Николай Чудотворец* (Николай Мирликийский) (ок. 260–ок. 343), епископ г. Миры в Ликии (Малая Азия), облик которого в значительной степени мифологизирован – 120, 574, 621, 780
- Никольский Александр Петрович*, редактор отдела хроники и репортажа в газете «Новое Время» – 788
- Николя* – см. Богданов-Бельский Н. П.
- Никон* (Николай Иванович Рождественский) (1851–1919), епископ Вологодский (с 1906), член Синода (с 1912), религиозный писатель и издатель – 249, 264, 511, 540, 881, 889
- Нил Сорский* (Николай Майков) (ок. 1433–1508), богослов, глава нестяжательства в России, основатель монастыря на реке Соре – 448
- Нилус Сергей Александрович* (1862–1929), писатель, публицист – 92, 828
- Ниобе* (Ниоба, Ниобея), в греческой мифологии жена царя Фив Амфиона, обладавшая многочисленным потомством – 171, 839
- Ницше Фридрих* (1844–1900), немецкий философ – 46, 651, 676, 698
- Новиков Николай Николаевич*, член Совета по делам печати – 527, 529
- Новоселов Михаил Александрович* (1864–1938), религиозный мыслитель, писатель – 69, 94, 116, 128, 133, 175, 187, 267, 282, 283, 285, 286, 292, 305, 307, 326, 344, 348, 356, 407, 408, 826, 832, 840, 849, 854
- Новосильцев Николай Николаевич* (1768–1838), граф (1833), государственный деятель, председатель Гос. совета и Комитета министров России (с 1840) – 801
- Нордау Макс* (наст. имя и фам. Макс Симон Зюдфельд) (1849–1923), немецкий писатель и философ, по образованию врач – 450, 453, 459, 549, 865
- Нослов Константин Дмитриевич* (1858–1923), путешественник, этнограф, детский писатель, журналист – 799
- Нотович Осип* (Иосиф) Константинович (1847, по др. сведениям 1849–1914), писатель, публицист, издатель – 794
- Нозмень* (Ноеминь), в Ветхом Завете свекровь моавитянки Руфи – 216
- Ньютон Исаак* (1643–1727), английский математик, механик, астроном, физик, создатель классической механики – 219, 252, 740
- Обозненко П. И.*, автор книги – 902
- Овидий* (Публий Овидий Назон) (43 до н. э.–ок. 18 н. э.), римский поэт – 259
- Овсянник-Куликовский Дмитрий Николаевич* (1853–1920), литературовед и языковед – 607
- Овсянников А.* – 910
- Овсянников Алексей Н.* – 522
- Овсянников Коля* (ум. 1914), сын Н. Н. Овсянникова – 910
- Овсянников Николай Николаевич* (1834–1912), публицист, историк, педагог,

- инспектор Нижегородской гимназии, когда в ней учился Розанов – 910
- Огарев* Николай Платонович (1813–1877), поэт, публицист, общественный деятель – 843
- Одоеский* Владимир Федорович (1803/1804–1869), писатель, философ, музыкальный критик – 358, 852
- Озеров*, домовладелец в Сергиевом Посаде – 70, 848
- Озирис*, в древнеегипетской мифологии бог умирающей и воскресающей природы, покровитель и судья умерших – 326, 327, 329–331, 384, 387, 395
- Олег Константинович* (1892–1914), сын великого князя Константина Константиновича, погиб в начале Первой мировой войны (29 сентября) – 779–784, 910
- Ольга Николаевна* (1895–1918), дочь императора Николая II – 649
- Омир* – см. Гомер
- Онан*, в Ветхом Завете сын Иуды – 466
- Опочинин* Владимир Петрович (1878–не ранее 1939), поэт, прозаик, журналист, сотрудник газеты «Новое Время» (1910–1916) – 799
- Опель* В. А., профессор Военно-медицинской академии – 781, 782
- Ориген* (ок. 185–253/254), раннехристианский теолог, философ, филолог – 396, 670
- Орловский* Мисаил, архиерей – 510
- Остроумов*, чиновник – 128
- Остроумов* Михаил Андреевич (1847–?), писатель, доктор церковного права – 164
- Павел*, в Новом Завете апостол – 13, 50, 124, 146, 162, 193, 195, 266, 294, 300, 329, 365, 749, 750, 767, 768, 772, 837
- Павел I* (1754–1801), российский император (с 1796) – 400, 736
- Павленков* Флорентий Федорович (1839–1900), книгоиздатель – 550–552, 892
- Павлов* Алексей Степанович (1832–1898), богослов, профессор церковного (канонического) права Московского университета – 147
- Павловский* Иван (Исаак) Яковлевич (псевд. Paris) (1852–1924), беллетрист, журналист, сотрудник газеты «Новое Время» – 789, 799
- Павловский* Н. С., редактор газеты «Новое Время» – 799
- Павлушка* – см. Розанова П. В.
- Палкин*, владелец ресторана на Невском проспекте в Петербурге – 537, 888
- Паллада*, в греческой мифологии один из эпитетов богини Афины, означающий, что ее изображение упало с неба – 585
- Палладий* (Павел Иванович Раев) (1827–1898), митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский (с 1892) – 567, 596
- Пальмеле*, португальский герцог – 740
- Панаев* Иван Иванович (1812–1862), писатель, журналист, издатель – 550
- Панафидина* (Понафидина), владелица книжного склада – 711
- Панкук* Карл-Луи-Флери (1780–1844), издатель атласа наполеоновской экспедиции – 184, 842
- Паперно* Сергей Федорович, крещеный еврей – 154, 836
- Парменид* из Элеи (период расцвета 504–501 до н. э.), древнегреческий философ – 850
- Парсефона* (Персефона), в греческой мифологии богиня плодородия и царства мертвых – 205
- Паскаль* Блез (1623–1662), французский математик, физик, философ, писатель – 141, 220, 252, 335, 383, 430, 833
- Пастер* Луи (1822–1895), французский естествоиспытатель – 204
- Пахлоченко*, знакомый П. А. Флоренского – 336
- Пегас*, в греческой мифологии крылатый конь, родившийся из туловища убитой Персеем горгоны Медузы – 585
- Пекок* (урожд. Ушакова) Александра Владимировна, правнучка У. Е. Соловьёва – 841
- Пель*, владелец аптеки в Петербурге – 302
- Пенкин* Иван Игнатьевич, инспектор Брянской прогимназии – 566
- Пентефрия* (в рус. пер. Потифар), египетский царедворец – 86, 828
- Пенчковский* Н. Н., сотрудник газеты «Новое Время» – 799
- Первов* Павел Дмитриевич (1860–1929), филолог, переводчик, коллега Розанова по Елецкой гимназии – 392, 843
- Перикл* (Периклес) (ок. 490–429 до н. э.), афинский стратег (главнокомандую-

- ший) в 444/443–429 (кроме 430) – 116, 311, 338, 744, 830
- Перцов Н. В.*, поэт – 600, 869, 901
- Перцов Петр Петрович* (1868–1947), публицист, литературный критик, издатель – 399, 406, 439, 479, 591, 796, 866, 869, 899, 901, 906
- Петерсен Владимир Карлович* (псевд. А-та) (1842–1906), публицист, фельетонист газеты «Новое Время» – 543, 789, 799
- Петерсон Ваня*, иконописец – 429, 432
- Петр*, в Новом Завете апостол – 124, 195, 415, 597, 753, 767, 768, 831
- Петр I Великий* (1672–1725), царь (с 1682, правил самостоятельно с 1689), первый российский император (с 1721) – 192, 383, 397, 400, 405, 410, 463, 464, 515, 603, 629, 630
- Петр Афонский* (ум. 734), полководец, в 667 г. вел войну с арабами в Сирии, взят в плен, после освобождения в 681 г. пришел на Афон, где после многолетних подвигов скончался – 99, 829
- Петр* (Ельманович), священник – 445
- Петр* (Распутица), священник – 472, 475
- Петр* (Синяевский), священник – 475
- Петражицкий Лев Иосифович* (1867–1931), социолог и философ права, депутат I Государственной думы – 379
- Петрарка Франческо* (1304–1374), итальянский поэт – 357
- Петрищев Афанасий Борисович* (1872–после 1942), публицист, сотрудник журнала «Русское Богатство» – 334
- Петров Григорий Спиридонович* (1866, по др. сведениям 1867–1925), священник, публицист, проповедник, депутат II Государственной думы, в 1908 г. лишен сана – 399, 476, 477, 598, 599, 765, 869, 909
- Петров М. П.*, сотрудник газеты «Новое Время» – 799
- Петровский Сергей Александрович* (1846–1917), журналист, историк и публицист, редактор-издатель газеты «Московские Ведомости» – 559, 606, 610
- Петропавловский Иван Феоктистович* (ок. 1854–1889), учитель в Елецкой гимназии – 570
- Петропавловский Иоанн Дмитриевич* (1844–?), духовный писатель, протоиерей – 851
- Пешехонов Алексей Васильевич* (1867–1933), экономист, публицист, министр продовольствия во Временном правительстве (1917) – 334, 847
- Пилат* (Понтий Пилат), римский наместник Иудеи (26–36), при котором, согласно Новому Завету, был приговорен к распятию Христос – 596, 809
- Пиленко Александр Александрович* (1873–1920), профессор международного права в С.-Петербургском университете, сотрудник газеты «Новое Время» – 795, 796, 799
- Пиндар* (ок. 518–442/438 до н. э.), древнегреческий поэт-лирик – 271, 588, 590, 591
- Пирогов Николай Иванович* (1810–1881), хирург, естествоиспытатель, педагог, общественный деятель – 742, 743
- Писарев Дмитрий Иванович* (1840–1868), публицист, литературный критик, ведущий сотрудник журнала «Русское Слово» – 305, 357, 405, 439, 505, 565, 862, 894
- Писемский Алексей Феофилактович* (1821–1881), прозаик и драматург – 154, 836
- Питирим*, экзарх Грузии – 776
- Пифагор* (VI в. до н. э.), древнегреческий философ, математик – 218, 819, 845
- Пифия*, в Древней Греции жрица-прорицательница в храме Аполлона в Дельфах – 270
- Платон* (428/427–348/347 до н. э.), древнегреческий философ – 22, 26, 32, 33, 40, 47, 81, 112, 116, 145, 152, 189, 198, 203, 204, 207, 208, 210, 218, 220, 224, 230, 260, 288, 321, 331, 362, 363, 409, 451, 546, 630, 744, 819, 840, 846, 850
- Платон* (Петр Георгиевич Лёвшин) (1737–1812), богослов, философ, митрополит Московский (с 1787), проповедник, историк церкви – 830
- Плеве Вячеслав Константинович* (1846–1904), министр внутренних дел и шеф отделения корпуса жандармов (с 1902), убит эсером Е. С. Созоновым – 528, 747, 748, 772

- Плеханов* Георгий Валентинович (1856–1918), деятель российской и международной социал-демократии, философ, публицист – 399, 403
- Плещеев* Александр Алексеевич (1858–1944), мемуарист, журналист, беллетрист, театральный критик в газете «Новое Время» (1899–1916) – 795, 799
- Плутарх* (ок. 45–ок. 127), древнегреческий писатель и историк – 512, 907
- Победоносцев* Константин Петрович (1827–1907), государственный деятель, обер-прокурор Синода (1880–1905), публицист, переводчик – 249, 273, 318, 420, 421, 423, 431, 433, 436, 448, 452, 490–493, 495, 497, 501, 505, 508, 511, 512, 527–531, 539, 540, 543, 584, 586, 590, 596, 603, 748, 765, 767, 772, 859, 861, 863, 865, 867, 872–874, 877, 879–881, 883, 888, 891, 893, 894, 897, 898, 900–902
- Погнорелов* И. Н., редактор газеты «Новое Время» – 799
- Погодин*, чиновник особых поручений, племянник М. П. Погодина – 509
- Погодин* Михаил Петрович (1800–1875), историк, писатель, издатель – 267, 317, 436, 441, 442, 444, 473, 515, 524, 649, 672, 729, 862, 868, 883, 887
- Подёурский* Б., сотрудник газеты «Новое Время» – 800
- Покровский* Александр Иванович (1873–1928), профессор кафедры библейской истории Московской духовной академии (1907–1909) – 149
- Полевой* В. (псевд. New-York), сотрудник газеты «Новое Время» – 799
- Полевой* Н., переводчик – 895
- Поли* Жан де, французский переводчик – 161, 837
- Поливанов* Лев Иванович (1839–1899), педагог, литературовед, основатель и директор частной гимназии в Москве – 454
- Поликрат* (?–ок. 523 или 522 до н. э.), тиран (правитель) на острове Самос (приблизительно с 540) – 373
- Полилов* (Северцев-Полилов) Георгий Тихонович (псевд. Северцев, в газете «Новое Время» Фантом) (1859–1915), беллетрист, драматург, переводчик – 795
- Поллукс* Юлий (II в.), древнегреческий оратор и грамматик – 105
- Половинкин* Сергей Михайлович – 820, 830, 832, 844
- Полонский* Яков Петрович (1819–1898), поэт – 789
- Поляков* Лазарь Соломонович (1842–1914), основатель банкирского дома в Москве – 305, 503, 504, 878, 893
- Поляков* С. П. – 878
- Попов*, знакомый Розанова – 565
- Попов* Л. К. – см. Эльпе
- Попова* В. А., сотрудница газеты «Новое Время» – 799
- Попова* Ольга Николаевна (1848–1907), литератор, переводчица, издатель – 893
- Поржезинский* Виктор Карлович (Ян Виктор) (1870–1929), российский и польский языковед, профессор МГУ – 678, 692
- Порфирий Успенский* (1804–1885), епископ Чигиринский, археолог, писатель – 105
- Посошков* Иван Тихонович (1652–1726), экономист и публицист – 429, 860
- Поссе* Владимир Александрович (1864–1940), мемуарист, публицист, издатель, общественный и политический деятель – 893
- Потапенко* Игнатий Николаевич (псевд. Фингал) (1856–1929), писатель, фельетонист, критик – 795
- Потемкин* Григорий Александрович (1739–1791), генерал-фельдмаршал, фаворит и ближайший помощник Екатерины II – 736
- Потоцкий* – 725
- Поз* (По) Эдгар Аллан (1809–1849), американский писатель, критик – 740
- Пранайтис* Юстин (Иустин) (ум. 1917), литовский ксендз, толкователь и критик Талмуда – 327, 361
- Прахов* Андрей (Адриан) Викторович (1846–1916), искусствовед, историк искусства, руководитель работ по росписи Владимирского собора в Киеве – 384, 760
- Прокофьев* В. А., сотрудник газеты «Новое Время» – 799
- Прометей*, в греческой мифологии титан, похитивший у богов с Олимпа огонь и передавший его людям – 319
- Прудон* Пьер Жозеф (1809–1865), французский экономист, теоретик анархизма, социалист – 550

- Психея*, в греческой мифологии олицетворение человеческой души – 550
- Птоломеи* (Птолемей) (Лагиды), царская династия в эллинистическом Египте (305–30 до н. э.) – 239, 745
- Птоломей* (Птолемей) Клавдий (ок. 90–ок. 160), древнегреческий ученый – 239
- Пуныкович В. Ф.*, сотрудник газеты «Новое Время» – 789
- Пуришкевич Владимир Митрофанович* (1870–1920), один из лидеров «Союза русского народа», депутат II–IV Государственных дум – 154
- Пушкин Александр Сергеевич* (1799–1837), поэт и прозаик – 8, 219, 236, 252, 259, 266, 274, 331, 354, 391, 406, 423, 430, 455, 458, 471, 475, 480, 499, 546, 551, 564, 565, 587, 599, 600, 603, 605–607, 639, 665, 764, 808, 820, 833, 834, 836, 846, 847, 850, 866, 868, 870, 880, 892, 894, 895, 899, 900, 902–905, 908
- Пушкин Лев Сергеевич* (1805–1852), младший брат А. С. Пушкина – 471, 868
- Пыляев Михаил Иванович* (1842–1900), писатель – 789
- Пытин Александр Николаевич* (1833–1904), литературовед и этнограф – 98, 550, 892
- Равашоль* (Франц Кенигштейн) (1849–1892), французский анархист – 542
- Радлов Эрнест Леопольдович* (1854–1928), историк философии, переводчик – 380, 383
- Раев Николай Павлович* (1856–после 1917), директор Высших женских историко-литературных и юридических курсов (с 1905), обер-прокурор Синода (1916–нач. 1917) – 261
- Раевский П. В.* – 909
- Разумовские*, графский род – 180, 841
- Разумовский Алексей Кириллович* (1748–1822), граф, государственный деятель, министр народного просвещения (1810–1816) – 801
- Рапп Евгения* (1875–1960), сестра Л. Ю. Бердяевой – 853
- Раскатов Н.*, автор альбома – 896
- Распутин* (Новых) Григорий Ефимович (1872–1916), крестьянин Тобольской губернии, фаворит последних Романовых – 128, 129, 348, 374, 851
- Рафаэль Санти* (1483–1520), итальянский живописец и архитектор – 744
- Рахиль*, в Ветхом Завете вторая жена Иакова – 226, 663
- Рачинская Варвара Александровна* (1836–1910), сестра С. А. Рачинского – 442, 491, 500, 501, 506, 516, 526, 538, 540, 542, 545, 582
- Рачинская Мария Константиновна*, племянница С. А. Рачинского, жена С. Л. Толстого – 434, 861, 881
- Рачинский Владимир Александрович* (1831–1888), татевский помещик, брат С. А. Рачинского – 881
- Рачинский Г. А.*, корреспондент П. А. Флоренского – 111, 838, 886, 887
- Рачинский Сергей Александрович* (1833–1902), ученый-ботаник, деятель народного образования, организатор сельских церковноприходских школ – 249, 288, 292, 318, 371, 413–605, 820, 826, 837, 838, 856–902
- Рашиевская Вера Ивановна*, учительница музыки в гимназии М. Н. Стоюниной – 851
- Ревекка*, в Ветхом Завете жена Исаака – 216, 890
- Резанов А. С.*, сотрудник газеты «Новое Время» – 799
- Ремезов Александр Васильевич*, доцент Московской духовной академии – 168, 838
- Ренан Жозеф Эрнест* (1823–1892), французский филолог, историк, востоковед, писатель – 308, 448, 480, 600, 748
- Ренников А.* (наст. имя и фам. Андрей Митрофанович Селитренников) (1882–1957), прозаик, фельетонист, драматург, сотрудник газеты «Новое Время» – 796
- Репин Илья Ефимович* (1844–1930), живописец, портретист, график – 736, 737, 896, 907
- Репин Юрий Ильич* (1877–1955), живописец, сын И. Е. Репина – 896
- Рид Томас Майн* (1818–1883), английский писатель – 454
- Риккерт Генрих* (1863–1936), немецкий философ-неокантианец – 185, 842
- Римини Франческа да* (ум. 1283/1286), дочь правителя Равенны, стала персонажем «Божественной комедии» Данте – 545

- Робеспьер* Максимильтен (1758–1794), деятель Французской революции – 809, 912
- Рогозинников* Н. И., сотрудник газеты «Новое Время» – 799
- Рогозинников* П. И., сотрудник газеты «Новое Время» – 799
- Родзянко* Михаил Владимирович (1859–1924), политический и государственный деятель, председатель III и IV Государственных дум (1911–1917), с 1920 г. в эмиграции – 401, 403
- Родичев* Федор Измайлович (1853, по др. сведениям 1854–1933), один из создателей партии кадетов, депутат I–IV Государственных дум – 365, 406
- Розанов* Василий Васильевич (1856–1919) – 8–723, 743, 765, 767, 775, 776, 778, 795, 796, 799, 805, 820–912
- Розанов* Василий Васильевич (Вася) (1899–1918), сын В. В. Розанова – 106, 134, 175, 229, 353, 371, 373, 377, 394, 674, 870
- Розанов* Дмитрий Васильевич (1852–1895), брат В. В. Розанова – 295, 887
- Розанов* Николай Васильевич (1847–1894), педагог, директор гимназии в Белом и Вязьме, старший брат В. В. Розанова – 419, 510, 527, 570, 588, 871, 873
- Розанов* Федор Васильевич (1850–?), брат В. В. Розанова – 295
- Розанова* (урожд. Руднева) Варвара Дмитриевна (1864–1923), вторая жена В. В. Розанова – 26, 39, 45, 46, 48, 52, 53, 61, 63, 64, 66, 69, 70, 74, 76, 78–80, 93, 95–97, 102, 103, 106, 115–118, 120, 122, 131, 132, 142, 145, 153, 158, 160, 164, 169, 170–172, 174, 177, 178, 180, 181, 190, 191, 200, 229, 234, 235, 238–241, 244–256, 264, 265, 267, 268, 270, 271, 273, 274, 276–278, 281, 283, 285, 287–290, 293, 295–297, 301, 305, 314, 328, 342, 344, 346, 347, 349, 355, 368–370, 373, 374, 377, 385, 393, 395, 408, 525, 526, 823, 871, 872, 882, 883, 887
- Розанова* Варвара Васильевна (Варя) (1898–1943), дочь В. В. Розанова – 104, 354, 835
- Розанова* Вера Васильевна (Вера) (1896–1919), дочь В. В. Розанова – 78–80, 92, 104, 132, 134, 171, 175–178, 189, 275, 277–279, 281, 283, 288, 312, 314, 344–349, 353, 354, 362, 379, 380, 382, 394, 408, 576, 839, 852, 890
- Розанова* Надя (1892–1893), первая дочь В. В. Розанова, умершая в младенчестве – 386, 556, 574, 576, 599, 853, 857, 872, 874, 895
- Розанова* Надежда Васильевна (1900–1958), дочь В. В. Розанова – 134, 229, 289, 347, 411, 412
- Розанова* (урожд. Шишкина) Надежда Ивановна (1827–1870), мать В. В. Розанова – 212
- Розанова* (в замужестве Яснева) Павлина Васильевна (Павлушка) (1851–1912), сестра В. В. Розанова – 295
- Розанова* Татьяна Васильевна (Таня) (1895–1975), дочь В. В. Розанова – 104, 134, 175, 190, 191, 267, 273, 274, 282, 283, 298, 342, 353, 354, 372, 376, 380, 383, 384, 386, 388–390, 393–395, 398, 406, 407, 411, 433, 512, 513, 576, 675, 843, 857, 882
- Розановы* – 99, 353, 541, 585, 896
- Романов* Иван Федорович (псевд. Рцы) (1861–1913), писатель, публицист, издатель, друг Розанова – 7, 143, 218, 224, 266, 270, 280, 287, 288, 298, 305, 314, 317, 334, 353, 369, 370, 379, 380, 390, 497, 505, 515, 563, 826, 833, 837, 849, 874, 907
- Романова*, жена И. Ф. Романова – 287
- Романовы*: царская (с 1613) и императорская династия (1721–1917) в России – 400, 403, 817, 832
- Ромер* Федор Эмильевич (1838–1901), журналист, публицист, прозаик – 795
- Россоловский* Вячеслав Сильвестрович (1849–1908), журналист, сотрудник газеты «Новое Время» – 788, 793
- Ростовцев* Яков Иванович (1803/1804–1860), граф, государственный деятель, генерал от инфантерии (1859), один из руководителей подготовки крестьянской реформы 1861 г. – 394, 806
- Ротшильд*, глава банкирского дома – 607
- Ротшильды* – 161
- Рудич* Вера Ивановна (1872–1943), поэтесса, прозаик, переводчица – 799
- Руднев* Иван Дмитриевич, священник, брат В. Д. Розановой – 883
- Руднева* (урожд. Жданова) Александра Андриановна (1826–1911), мать В. Д.

- Розановой – 64, 264, 265, 412, 848, 872, 897
- Рудневы* – 272
- Рузский* Николай Владимирович (1854–1918), генерал, в 1915–1917 гг. командовал Северным фронтом – 353
- Румянцев* Николай Петрович (1754–1826), граф, государственный деятель, дипломат, коллекционер и меценат – 441, 801
- Руссо* Жан Жак (1712–1778), французский писатель и философ – 602, 740, 802, 808
- Руфь*, в Ветхом Завете прабабка царя Давида – 216, 599
- Рцы* – см. Романов И. Ф.
- Рыбинский* Владимир Петрович (1867–?), писатель, доцент кафедры Ветхого Завета Киевской духовной академии – 822
- Рыбников* Павел Николаевич (1831–1885), фольклорист, этнограф – 267
- Рысаков* Николай Иванович (1861–1881), народоволец, участник покушения на Александра II, повешен – 504
- Рюккерт* Генрих (1823–1875), немецкий историк – 380
- Рюккерт* Фридрих (1788–1866), немецкий поэт, драматург и переводчик – 847
- Рюльман*, врач – 519
- Рюрик* (ум. ок. 879), согласно летописному преданию, предводитель варяжских дружин, обосновавшихся в Новгороде – 601, 729
- Рязановский* Иван Александрович (1869–1927), первый директор Романовского музея (1913–1914) – 847
- Саббатай Цеви* (1626–1676), еврейский лжемессия из г. Смирна – 835
- Саблер* Владимир Карлович (1847–1929), обер-прокурор Синода (1911–1915), сотрудник церковных изданий – 305, 529, 592, 849
- Сабуров* Андрей Александрович (1837/1838–1916), министр народного просвещения (1880–1881), статс-секретарь, член Государственного совета – 538, 889
- Сабурова* Е. В., жена А. А. Сабурова, меценатка – 443, 538, 539, 889
- Сабуровы* – 538, 539
- Савва* (Иван Михайлович Тихомиров) (1819–1896), архиепископ Тверской и Кашинский, историк, археолог, мемуарист – 353, 851
- Савин* Александр Николаевич (1873–1923), историк – 216
- Савин* Николай Герасимович (?–1937), международный авантюрист – 397, 854
- Савонарола* Джироламо (1452–1498), итальянский религиозный деятель – 405, 771
- Савская царица*, в Ветхом Завете правительница Савского (Сабейского) государства (Аравия) – 710
- Сазонова-Смирнова* С. И. – см. Смирнова-Сазонова С. И.
- Саккас* Аммоний (III в.), александрийский философ – 840
- Сакулин* Павел Никитич (1868–1930), филолог, историк литературы – 307, 333
- Сакья-Муни* – см. Будда
- Салиас* – см. Тур Е.
- Салиас-де-Турнемир* Евгений Андреевич (1840–1900), граф, писатель – 789
- Саллюстий* (86–ок. 35 до н. э.), римский историк – 344
- Салтыков-Щедрин* Михаил Евграфович (наст. фам. Салтыков, псевд. Н. Щедрин) (1826–1889), писатель, публицист – 305, 430, 623, 655, 687, 749, 789, 804, 816, 817, 908
- Самарин* Юрий Федорович (1819–1876), философ, историк, публицист, общественный деятель – 133, 311, 548, 806, 832, 891
- Санд* Жорж (наст. имя и фам. Аврора Дюпен) (1804–1876), французская писательница – 740
- Санто* Казерио – см. Казерио С.
- Саотзы* Сергей (Сергий Сеодзи), японец, принявший христианство – 424, 425
- Сапарова* Елизавета Павловна (тетя Лиза) (1854–1919), сестра матери П. А. Флоренского – 116, 138
- Сапаровы* – 32
- Сара*, в Ветхом Завете невеста и жена Товии – 554, 590, 892
- Сара* (Сарра), в Ветхом Завете жена Авраама – 360
- Саркисов* Сергей Иванович (ум. до 1911), преподаватель греческого языка – 217
- Сафо* (Сапфо) (VII–VI в. до н. э.), древнегреческая поэтесса – 47

- Сахаров Иван Петрович* (1807–1863), собиратель и исследователь русского фольклора, этнограф, палеограф – 267, 351, 409, 672
- Сватковский В. П.*, сотрудник газеты «Новое Время» – 795
- Свенцицкий Валентин Павлович* (1879 или 1881–1931), публицист, прозаик, драматург – 765–767, 771, 772
- Святогор*, богатырь, герой русских былин – 660
- Северянин Игорь* (наст. имя и фам. Игорь Васильевич Лотарев) (1887–1941), поэт – 832
- Селиванов Кондратий Иванович* (ум. 1832), крестьянин, основатель секты скопцов – 336, 579, 593, 596
- Селитренников А. М.* – см. Реников А.
- Семен*, адъютант, сотрудник С. А. Рачинского – 427
- Семенов Владимир Иванович* (1867–1910), морской офицер, военный писатель, публицист – 799
- Семенов Михаил Николаевич* (1873–1952), мемуарист, переводчик – 893
- Сенкевич Генрик* (1846–1916), польский писатель – 740
- Серапхон Машкин* (1851–1906), архимандрит, религиозный писатель – 157, 230, 365, 398, 407, 855
- Серапис*, божество, введенное в религиозную практику в эллинистическом Египте и соединявшее в себе черты некоторых египетских и греческих богов – 358
- Серафим* (Яков Мещеряков) (1861–?), епископ, автор сочинения «Прорицатель Валаам» (1899) – 134, 900
- Серафим Саровский* (Прохор Сидорович (Исидорович) Мошнин) (1759/1760–1833), православный подвижник – 59, 68, 69, 76, 92, 99, 102, 113, 165, 187, 215, 216, 242, 248, 273, 274, 284, 295, 297, 309, 391, 760, 771, 826
- Сергий Радонежский* (Варфоломей Кириллович) (ок. 1321–1391), православный подвижник, основатель и игумен Троице-Сергиева монастыря, канонизирован в 1452 г. – 44, 49, 186, 187, 253, 255, 309, 386, 448, 544, 545, 602
- Сергий Финляндский* (Иван Николаевич Страгородский) (1867–1944), ректор Санкт-Петербургской духовной академии, епископ Финляндский (1905–1917), патриарх (с 1943) – 116, 205, 249
- Сикорский Иван Алексеевич* (1892–1919), профессор-психиатр, педагог – 741, 742, 908
- Сильвестр* (ум. ок. 1566), священник московского Благовещенского собора (с кон. 1540-х), известен своей редакцией книги «Домострой» – 463
- Сим* (Сем), в Ветхом Завете старший из трех сыновей Ноя – 327
- Симаков Г. А.*, сотрудник газеты «Новое Время» – 799
- Симеон Новый Богослов* (949–1022), преподобный, церковный писатель – 130
- Симон*, волхв, в Новом Завете человек, занимавшийся волхвованием (колдовство) в Самарии – 460
- Сирано де Бержерак* Савиньен (1619–1655), французский писатель – 11, 821
- Скабичевский Александр Михайлович* (1838–1910), литературный критик, историк литературы, публицист – 363, 454, 594
- Скальковский Константин Аполлонович* (1843–1906), журналист, публицист – 787, 788, 793
- Скворцов Василий Михайлович* (1859–1932), чиновник Синода, публицист, редактор-издатель ряда церковных изданий – 249
- Скобелев Матвей Иванович* (1885–1938), депутат IV Государственной думы, министр труда во Временном правительстве (1917) – 818
- Слонимский Лазарь Соломонович* – 777
- Случевский Константин Константинович* (1837–1904), поэт, прозаик, переводчик, редактор «Правительственного Вестника» (1891–1902) – 489, 789, 872
- Смирнов Николай*, богослов, автор книг по истории религий – 35, 822
- Смирнова* (урожд. Россет) Александра Осиповна (1809–1882), жена дипломата Н. М. Смирнова, была в дружеских отношениях со многими известными писателями, мемуаристка – 423, 499, 859
- Смирнова Н. М.* – 895
- Смирнова-Сазонова Софья Ивановна* (1852–1921), прозаик, публицист, драматург – 788

- Смиттен*, директор канцелярии – 567
- Смоленский* Степан Васильевич (1848–1909), палеограф и хоровой дирижер, руководитель Синодального хора в Москве (с 1889), управляющий Придворной певческой капеллой в С.-Петербурге (1901–1903) – 459
- Смолянинов* И. Б., сотрудник газеты «Новое Время» – 799
- Снегирев* Иван Михайлович (1793–1868), историк, этнограф, археолог, фольклорист – 267, 672
- Снесарев* Николай Васильевич (ум. 1918), журналист – 799
- Соболев* Николай Иванович – 495, 501
- Сойкин*, книгоиздатель – 831
- Соколов* В., автор книги «Обрезание у евреев» – 360, 852
- Соколов В. А.*, священник – 751
- Соколов* Николай Матвеевич (псевд. Скиф) (1860–1908), поэт, публицист, переводчик – 450, 536, 865
- Сокольниковский* – 725
- Сократ* (ок. 470–399 до н. э.), древнегреческий философ – 81, 162, 207, 555, 840
- Соллертинский* Сергей Александрович (1846–1920), протоиерей, богослов, профессор Петербургской духовной академии – 767, 771
- Соллогуб* Владимир Александрович (1813–1882), писатель – 443
- Соловьев*, доктор – 534
- Соловьёв* Владимир Сергеевич (1853–1900), философ, поэт, публицист – 96, 102, 142, 143, 219, 223, 257, 291, 292, 385, 416, 427, 428, 430, 436, 438–440, 442, 455, 469, 500, 504, 505, 511, 520, 521, 523, 529, 543, 544, 564, 565, 581, 584, 596, 598, 612, 666, 670, 722, 741, 834, 838, 839, 860, 862, 863, 866, 867, 875, 876, 881, 885, 886, 888, 890, 894, 912
- Соловьёв* Всеволод Сергеевич (1849–1903), прозаик, поэт, критик, журналист, издатель – 536, 537
- Соловьёв* Михаил Петрович (1842–1901), начальник Главного управления по делам печати (1896–1900), писатель, публицист – 456, 467, 540, 543, 544, 560, 564, 576, 891, 893, 895
- Соловьев* Николай Васильевич (ум. 1915), редактор журнала «Русский Библиофил» (с 1911) – 800, 802
- Соловьёв* Н. М., писатель – 851
- Соловьёв* Рафаил Михайлович, один из основателей издательства «Творческая мысль» – 175, 349, 840, 851
- Соловьёв* Сергей Михайлович (1820–1879), историк – 807–809, 886, 912
- Соловьёв* Сергей Михайлович (1885–1942), поэт, прозаик, религиозный публицист, переводчик, внук историка С. М. Соловьёва – 351, 406, 855
- Соловьёв* Уар Ефимович, прадед П. А. Флоренского, отец А. У. Соловьёвой – 841
- Соловьёва* (в замужестве Флоренская) Анфиса Уаровна (ум. 1850), первая жена И. А. Флоренского, бабушка П. А. Флоренского – 823, 841
- Сологуб* (наст. фам. Тетерников) Федор Кузьмич (1863–1927), поэт, прозаик, драматург – 684
- Соломон*, царь Израильско-Иудейского царства (965–928 до н. э.), сын Давида и его соправитель (967–965) – 333, 450, 822, 836, 846
- Сопочко* Михаил Аркадьевич (1869–?), публицист – 465–467, 770
- Сосницкий* Ю. О., сотрудник газеты «Новое Время» – 799
- Софокл* (ок. 496–406 до н. э.), древнегреческий поэт-драматург – 104, 744
- Софья*, святая (ум. ок. 137), мать трех дочерей – Веры, Надежды и Любови; день ее памяти – 30 сентября – 163, 195, 271
- Софья Алексеевна* (1657–1704), царевна, правившая в России (1682–1689) при двух ее малолетних братьях Иване V и Петре I – 840
- Софья Николаевна*, племянница С. А. Рачинского – 423, 442, 444, 445, 460, 507, 538, 540, 582
- Спасовский* Михаил Михайлович, редактор петербургского молодежного журнала «Вешние Воды» (1914–1918) – 841
- Спенсер* Герберт (1820–1903), английский философ и социолог – 292, 308, 324, 543
- Сперанский*, преподаватель на курсах, где училась Вера Мордзинова – 508, 693
- Сперанский* Михаил Михайлович (1771/1772–1839), государственный деятель, руководил работой по законодательству – 398, 736, 880, 907

- Спиноза* Бенедикт (Барух) (1632–1677), нидерландский философ – 259, 623, 624, 630, 847, 893
- Сталь* Анна Луиза Жермена де (1766–1817), французская писательница – 740
- Стамболов*, обер-прокурор Синода, министр народного просвещения – 504
- Станкевич* Николай Владимирович (1813–1840), философ, поэт, общественный деятель – 292, 668
- Старостина* Наталья Андреевна – 821
- Стасов* Владимир Васильевич (1824–1906), историк искусства, художественный критик – 543, 890
- Стасова* Надежда Васильевна (1822–1895), участница и создательница Высших женских курсов – 444, 864
- Стасюлевич* Михаил Матвеевич (1826–1911), историк, публицист, общественный деятель, редактор-издатель журнала «Вестник Европы» – 318, 416, 789
- Стахеев* Дмитрий Иванович (1840–1918), писатель, редактор журнала «Русский Вестник» – 518, 524, 525, 529, 537, 884, 887
- Стетняк-Кравчинский* (наст. фам. Кравчинский) Сергей Михайлович (1851–1895), революционный народник, писатель – 330, 850
- Стерлигов*, домовладелец – 884
- Стефан* (Валерий Степанович Бех) (1872–1933), епископ Ижевский – 562, 891, 899
- Столыпин* Александр Аркадьевич (1863–1925), публицист, сотрудник газеты «Новое Время» – 796, 799
- Столыпин* Петр Аркадьевич (1862–1911), председатель Совета министров (с 1906), проводил разработанную им аграрную реформу – 218, 802–804
- Стоюнина* (урожд. Тихменева) Мария Николаевна (1846–1940), деятельница народного просвещения, начальница основанной ею частной женской гимназии в Петербурге – 347, 851
- Страхов* Николай Николаевич (1828–1896), философ, публицист, литературный критик – 7, 85, 97, 120–122, 139, 219, 288, 291, 292, 305, 306, 311, 314, 317, 318, 351, 403, 405, 414, 421, 423, 427, 431, 434–437, 442, 443, 447, 454, 487, 497, 498, 504, 507, 510–512, 514, 516, 518–520, 523, 524, 526–529, 531, 534–537, 544, 546, 553, 565, 596, 602, 607, 608, 611, 612, 698, 826, 828, 837, 842, 863, 878, 882, 884, 894, 898, 900
- Страхов* П. С. – 855
- Строев* Павел Михайлович (1796–1876), историк, археограф – 437
- Струве* Петр Бернгардович (1870–1944), экономист, философ, историк, публицист, общественно-политический деятель – 258, 498, 847
- Суворин* Алексей Алексеевич (1862–1937), главный редактор газеты «Новое Время» (1888–1901), сын А. С. Суворина – 584
- Суворин* Борис Алексеевич (1879–1940), владелец и издатель газеты «Вечернее Время» (до 1917 г.), сын А. С. Суворина – 796, 797, 799
- Суворин* Алексей Сергеевич (1834–1912), издатель, публицист, критик – 96, 156, 230, 334, 370, 468, 529, 565, 580, 581, 778, 779, 785–799, 828, 836, 854, 875, 895, 910
- Суворин* Михаил Алексеевич (1860–1931), главный редактор газеты «Новое Время» (с 1903), старший сын А. С. Суворина – 791, 792, 796, 798, 799, 854
- Суворины* – 576
- Суворов* Александр Васильевич (1730–1800), полководец, генералиссимус (1799) – 397, 736
- Сукач* Виктор Григорьевич – 844, 888
- Суслов* Прокофий, отец первой жены Розанова – 571
- Суслова* Аполлиария Прокофьевна (1840–1918), первая жена В. В. Розанова – 250, 568–570, 578, 580, 872, 894, 896
- Сутерланд* – 15
- Сухомлиновы* – 404
- Сципион Африканский* Старший (ок. 235–ок. 183 до н. э.), римский полководец – 574
- Сыромятников* Сергей Николаевич (псевд. Сигма) (1864–1934), публицист, сотрудник газеты «Новое Время» (с 1893) – 795
- Сыромятников* С. П., публицист – 735
- Табурно*, публицист – 797
- Тамерлан* – см. Тимур

- Талмуз*, бог плодородия у народов Передней Азии – 327
- Тареев Михаил Михайлович* (Максим Матвеевич) (1866–1934), религиозный философ, богослов, профессор Московской духовной академии – 241, 404, 855
- Тартаковер* Маруся, подруга Розановой Веры – 408
- Татищев Сергей Спиридонович* (1846–1906), историк, публицист – 789
- Татьяна Николаевна* (1897–1918), дочь императора Николая II – 649
- Тацит* Публий Корнелий (ок. 58–ок. 117), римский историк – 566, 736, 750, 825, 848
- Тевяцев Е. Е.*, сотрудник газеты «Новое Время» – 799
- Тейлор* (Тайлор) Э. Б., лондонский профессор – 358
- Тереза де Хесус* (Тереза из Авилы) (1515–1582), испанская монахиня, автор мистических сочинений, католическая святая – 143, 235
- Тернавцев Валентин Александрович* (1866–1940), богослов, чиновник особых поручений при обер-прокуроре Синода, религиозный писатель – 142, 235, 249, 255, 315, 400
- Терпигоров Сергей Николаевич* (псевд. Сергей Атава) (1841–1895), писатель – 789, 795
- Терский*, сотрудник газеты «Новое Время» – 791
- Тертулиан* (Тертуллиан) Квинт Септимий Флоренс (ок. 160–после 220), христианский богослов и писатель – 195, 821
- Тецель* Иоганн (ок. 1465–1519), немецкий доминиканский монах, торговавший индальгенциями – 415, 856
- Тимирязев Климент Аркадьевич* (1843–1920), естествоиспытатель – 840
- Тимур* (Тамерлан) (1336–1405), среднеазиатский эмир (с 1370), полководец – 817
- Титлинов Борис Васильевич* (1879–?), историк русской церкви, профессор С.-Петербургской духовной академии – 404, 855
- Титов*, купец – 264
- Тихомиров Лев Александрович* (1852–1923), публицист, общественный деятель, редактор-издатель газеты «Московские Ведомости» – 164, 181, 182, 340, 341, 364, 436, 500, 502, 505, 537, 552, 559, 560, 837, 860, 862, 875–877, 888
- Тихон Задонский* (Тимофей Савельевич Кириллов) (1724–1783), православный подвижник, духовный писатель, богослов, епископ (с 1761) – 130
- Тихонов В. А.* (псевд. Мордвин), сотрудник газеты «Новое Время» – 795
- Товия*, центральный персонаж библейской книги Товита, сын Товита – 242, 554, 556, 588, 590, 591, 892
- Толстая* – см. Рачинская М. К.
- Толстая* (урожд. Берс) Софья Андреевна (1844–1919), жена Л. Н. Толстого – 220
- Толстой Алексей Константинович* (1817–1875), граф, писатель – 7, 600, 678, 740, 744, 820, 900, 908
- Толстой Иван Иванович* (1858–1916), археолог, нумизмат, вице-президент Академии художеств (1893–1905), министр народного просвещения (1905–1906) – 303, 315
- Толстой Дмитрий Андреевич* (1823–1889), граф, историк, обер-прокурор Синода (1865–1880), министр народного просвещения (1866–1880), министр внутренних дел (с 1882) – 384, 453, 504, 517, 519, 742, 743, 760, 794, 878
- Толстой Лев Николаевич* (1828–1910), писатель и мыслитель – 65, 156, 220, 234, 339, 354, 426, 431, 434–437, 456, 458, 462, 468, 469, 473, 475, 510, 511, 514, 516, 517, 519, 520, 522, 524–526, 535–538, 552, 557, 581, 582, 587, 589, 594–598, 602, 611, 620, 621, 635, 648, 651, 655, 666, 697, 698, 747, 766, 778, 860–862, 867, 868, 882–885, 896, 897, 899, 900, 904, 905
- Толстой Сергей Львович* (1863–1947), старший сын Л. Н. Толстого – 434, 510, 861, 881
- Томон*, художник – 801
- Торквемада* Томас (ок. 1420–1498), глава испанской инквизиции (с 80-х гг.) – 216
- Траверсе* Иван Иванович (Жан Франсуа) де (1750–1831), маркиз, государственный и военно-морской деятель, адмирал; выходец из Франции, на службе в России (с 1791) – 854

- Транковская* О. П., знакомая Рачинского – 445
- Траншель*, владелец типографии – 790
- Трачевский* Александр Семенович (1838–?), историк – 521, 530
- Третьякова*, жсна Л. С. Бакста – 197
- Триус* (Тривус) Моисей Львович (1865–после 1907), ревизор, сослуживец Розанова по Государственному контролю – 341
- Трифановский* (Трифонов), студент С.-Петербургской духовной академии – 66
- Трифановский* Д. С., славянофил – 132
- Троцкий* Иван Гаврилович, гербарист, профессор С.-Петербургской духовной академии – 140, 332, 833
- Троцкий* Сергей Семенович (ум. 1910), друг П. А. Флоренского, муж О. А. Флоренской – 51, 140, 268, 320, 343, 824, 827, 839, 846
- Трубецкой* Евгений Николаевич (1863–1920), князь, философ, правовед, общественный деятель – 342, 777
- Трубецкой* Сергей Николаевич (1862–1905), князь, философ, общественный деятель, первый выборный ректор Московского университета (1905) – 529, 888
- Трубинов* Константин Васильевич (1829–после 1901), публицист, владелец газеты «Новое Время» (1875–1876) – 785, 794
- Тулуз-Лотрек* Анри де (1864–1901), французский график и живописец – 854
- Тупин* А. П., сотрудник газеты «Новое Время» – 799
- Тур* Евгения (наст. имя и фам. Елизавета Васильевна Салиас-де-Турнемир, урожд. Сухово-Кобылина) (1815–1892), писательница – 604, 902
- Тураев* Борис Александрович (1868–1920), филолог и историк, специалист по Древнему Востоку – 393, 395
- Тургенев* Иван Сергеевич (1818–1883), писатель – 201, 618, 629, 655, 703, 747, 806, 855, 890, 895, 905
- Тутмес* (Тутмос) III, египетский фараон в 1490–1436 до н. э. – 392, 393
- Тычинкин* Константин Семенович, редактор субботних приложений к газете «Новое Время» – 584, 604, 796, 799
- Тютчев* Иван Федорович, предводитель дворянства в Орловской губернии, сын Ф. И. Тютчева – 440
- Тютчев* Федор Иванович (1803–1873), поэт, публицист, дипломат – 10, 194, 216, 440, 523, 546, 602, 665, 821, 822, 840, 844, 846, 854, 892, 901
- Уайльд* Оскар (1854–1900), английский писатель – 81
- Уваров* Сергей Семенович (1786–1855), граф (1846), государственный деятель, президент Петербургской Академии наук (1818–1855), министр народного просвещения (1833–1849) – 851
- Улисс*, латинизированное Одиссей, в греческой мифологии царь острова Итака – 680
- Уманов-Каплуновский* Владимир Васильевич (1865–?), писатель – 896
- Успенский* Глеб Иванович (1843–1902), писатель – 706
- Устьинский* Александр Петрович (1854/1855–1922), протоиерей из Новгорода, друг Розанова и его многолетний корреспондент – 225, 896
- Утина* (в замужестве Стасюлевич) Любовь Исааковна (1836/1837–после 1913), жена М. М. Стасюлевича – 318
- Ухтомский* Эспер Эсперович (1861–1921), публицист, редактор-издатель газеты «Санкт-Петербургские Ведомости» (с 1896) – 897
- Ушакова* Елизавета Владимировна (1830–1911), вторая жена И. А. Флоренского – 823
- Фальковская*, домовладелица – 611
- Фарбман* Михаил Семенович – 221
- Фатеев* Валерий Александрович – 874
- Федор* (Феодосий) Углицкий (30-е гг. XVII в.–1696), архиепископ Черниговский (с 1692) – 445, 890
- Федоров* М. П. (ум. 1900), редактор газеты «Новое Время» – 788, 796
- Федоров* Николай Федорович (1828–1903), мыслитель, один из основоположников русского космизма – 106, 351, 395, 829, 854
- Федякин* С. Р. – 874
- Феодор* (Федор) (Александр Васильевич Поздеевский) (1876–1937), архимандрит (с 1904), ректор Московской духовной академии (с 1909), управляющий Даниловым монастырем на правах настоятеля (1917–1930) – 128, 341, 356, 825, 832

- Федор Иоаннович** (Федор Иванович) (1557–1598), русский царь (с 1584), последний царь из династии Рюриковичей, сын царя Ивана IV Грозного – 629
- Феодосий Великий** (ок. 346–395), римский император (с 379), объявил христианство государственной религией, преследовал ариан и язычников – 445
- Феокрит** (IV–III в. до н. э.), древнегреческий поэт – 581
- Феоктистов** Евгений Михайлович (1829–1898), начальник главного управления по делам печати (1883–1896) – 528
- Феофан Затворник** (Георгий Васильевич Говоров) (1815–1894), церковный деятель, богослов, публицист-проповедник, епископ Тамбовский и Шацкий (с 1859), Владимирский (с 1863), канонизирован в 1988 г. – 50, 187, 188
- Феофан Прокопович** (1681–1736), государственный и церковный деятель, писатель – 331
- Феофилакт Болгарский** (Охридский) (1-я пол. XI в.–после 1126), византийский богослов, писатель – 130
- Фесенко** Е. И., хромолитограф – 165, 838
- Фетисов**, московский домовладелец – 11
- Фет** (наст. фам. Шеншин) Афанасий Афанасьевич (1820–1892), поэт, переводчик, публицист – 665, 722, 829
- Фетлер**, проповедник, известный в Америке и Европе – 261
- Фигнер** Вера Николаевна (1852–1942), революционная народница, писательница – 399
- Филарет** (Василий Михайлович Дроздов) (1783/1784–1867), митрополит Московский (с 1825), богослов, проповедник, церковный и общественный деятель – 32, 41, 216, 237, 271, 390, 437, 602, 620
- Филевский** Иоанн Иоаннович (1865–?), богослов, религиозный писатель, профессор Харьковского университета – 199
- Филлипов** Александр Никитич (1853–?), юрист, историк – 471, 473, 868
- Филиппов** Тертий Иванович (1825–1899), государственный контролер, публицист – 418–421, 423, 424, 428, 486, 488, 494, 495, 497–501, 503, 505, 506, 509, 511, 512, 517, 526, 530, 531, 536, 540, 543, 548, 562, 566, 567, 587, 603, 604, 857, 858, 871, 874–879, 881, 882, 884, 888, 889, 899
- Филон Александрийский** (ок. 25 до н. э. – ок. 50 н. э.), еврейский религиозный философ – 749, 822
- Философов** Дмитрий Владимирович (1872–1940), литературный критик, публицист – 127, 128, 306, 343, 366, 402, 832, 836
- Философов** Е. А., сотрудник газеты «Новое Время» – 799
- Философова** Анна Павловна (1837–1912), общественный деятель, мать Д. В. Философова – 366
- Фингал** – см. Потапенко И. Н.
- Фирдоуси** (Фирдоуси) Абулькасим (ок. 940–1020 или 1030), персидский поэт – 847
- Фихте** Иоганн Готлиб (1762–1814), немецкий философ – 365, 819, 838
- Фишер** Куно (1824–1907), немецкий историк философии, последователь Гегеля – 453, 456, 866
- Флобер** Гюстав (1821–1880), французский писатель – 133
- Флоренская** (урожд. Гиацинтова) Анна Михайловна (1889–1973), жена П. А. Флоренского – 44, 45, 48, 49, 53, 57, 58, 60, 61, 63, 65, 95, 97, 103, 118, 120, 125, 132, 148, 158, 165, 168, 254, 256, 257, 259, 261, 263, 265–268, 270, 289, 292, 296, 298, 305, 307, 310, 320, 325, 331, 334, 336, 339, 341, 345–347, 356, 357, 362, 373, 376, 382–384, 386, 393, 395, 405, 406, 823, 831, 837, 838
- Флоренская** Ольга Александровна (Валя) (1890–1914), художница, поэтаесса, сестра П. А. Флоренского, жена С. С. Троицкого – 77–79, 170, 171, 173, 257, 342–345, 822, 824, 827, 839, 845, 846
- Флоренская** Ольга Павловна (1859 – 1951), мать П. А. Флоренского – 822
- Флоренская** Юлия Александровна (1884–1947), врач-психиатр, старшая сестра П. А. Флоренского – 96, 116, 828, 833
- Флоренские** – 31, 149, 300
- Флоренский** Александр Иванович (1850–1908), отец П. А. Флоренского – 822, 823

- Флоренский* Андрей Александрович (1899–1961), военный морской инженер, младший брат П. А. Флоренского – 822, 841, 845
- Флоренский* Андрей Матвеевич (1786–ок. 1826–1829), прадед П. А. Флоренского – 40, 823
- Флоренский* Василий Павлович (1911–?), сын П. А. Флоренского – 63–176, 259–389, 825, 831, 834
- Флоренский* Иоанн (Иван) Андреевич (1815–1866), дед П. А. Флоренского – 823, 841
- Флоренский* Кирилл Павлович (1915–1982), геохимик, сын П. А. Флоренского – 182, 389, 841, 853
- Флоренский* Павел Александрович (1882–1937), православный священник, философ, ученый-инженер – 5, 9–412, 722, 820–855, 903, 904
- Фома Аквинский* (1225/1226–1274), монах-доминиканец, средневековый философ и теолог – 585, 588, 602, 897, 899, 901,
- Фон-Визин* (Фонвизин) Денис Иванович (1744/1745–1792), писатель – 402, 671, 804
- Фофанов* Константин Михайлович (1862–1911), поэт – 795
- Франк* Семен Людвигович (1877–1950), философ, с 1922 г. в эмиграции – 334
- Франс* Анатолий (наст. имя и фам. Анатолий Франсуа Тибо) (1844–1924), французский писатель – 188
- Франциск Ассизский* (наст. имя и фам. Джованни Бернардоне) (1181/1182–1226), итальянский проповедник, религиозный поэт, основатель ордена францисканцев – 324, 448, 544, 545, 600, 602, 771, 900
- Фрейд* (Фройд) Зигмунд (1856–1939), австрийский врач-психиатр и психолог, основатель психоанализа – 86
- Фрелих* – 109
- Фрибес* Ольга Александровна (псевд. И. А. Данилов) (1858–1933), писательница, знакомая Розанова – 467, 576, 593, 895
- Фридрих II* (1712–1786), прусский король (с 1740), из династии Гогенцоллернов, полководец – 586, 654
- Фудель* Иосиф (Осип Иванович) (1864–1918), священник, публицист – 428, 502, 559, 832, 860, 876,
- Фуррье* (Фурье) Жан Батист Жозеф (1768–1830), французский математик и физик – 101, 829
- Хаджи Мурат* (кон. 1790-х–1852), один из главных предводителей горцев в кавказской войне – 778
- Хадиджа* (ум. 620), первая жена Магомета – 288, 337
- Хайкен*, владделец дачи в Териоке – 213
- Хвольсон* Даниил Абрамович (1819–1911), востоковед-семиолог – 140, 144, 145, 326, 833, 834
- Хемницер* Иван Иванович (1745–1785), поэт-баснописец – 217, 846
- Херасков* Михаил Матвеевич (1733–1807), писатель – 588, 899
- Хилетинский* Б. А., сотрудник газеты «Новое Время» – 799
- Хилера*, в греческой мифологии чудовище – 585
- Хитрово* Михаил Иванович (?–1895), священник, религиозный писатель, переводчик – 889
- Хлебникова*, дантистка, знакомая семьи Флоренских – 176
- Хованский* Николай Николаевич (1777–1837), генерал от инфантерии, сенатор, член Государственного совета (с 1836) – 801
- Хомяков* Алексей Степанович (1804–1860), философ, богослов, писатель, публицист – 84, 106, 178, 291, 311, 383, 390, 391, 446, 505, 513, 592, 604, 745, 853, 854, 864, 902
- Хомяков* Дмитрий Алексеевич (1841–1919), сын А. С. Хомякова – 84, 828
- Хрисанф* (Владимир Николаевич Ретивцев) (1832–1883), архиепископ, религиозный писатель, историк религии – 270
- Христос* – см. Иисус Христос
- Хрустачев*, резчик икон по дереву – 77
- Цветков* Сергей Алексеевич (1888–1964), историк литературы, друг Розанова – 70, 80, 92, 93, 123, 129, 132, 133, 143, 170, 183, 270, 271, 279, 280, 282, 283, 287, 291, 292, 302, 305–307, 309–312, 314, 315, 317, 319, 336, 342, 344, 349, 352, 358, 366, 371, 374, 694, 697–699, 710–712, 721, 722, 826, 832, 837, 839, 852, 904
- Цегефон-Мантейфель*, хирург, профессор из Вильны – 782

- Цезарь* Гай Юлий (102/100–44 до н. э.), римский диктатор, полководец, писатель – 630, 811
- Цертели* Ираклий Георгиевич (1881–1959), политический деятель, депутат II Государственной думы, министр Временного правительства, с 1918 г. в правительстве Грузии – 815–818, 872
- Цертелев* Дмитрий Николаевич (1852–1911), поэт, философ, публицист, общественный деятель – 493, 872
- Цицерон* Марк Туллий (106–43 до н. э.), римский политический деятель, оратор, писатель – 634
- Чайковский* Петр Ильич (1840–1893), композитор – 545
- Чарторыйский* (Чарторижский) Адам Ежи (Адам Адамович) (1770–1861), князь, государственный и политический деятель – 724–726, 728, 906
- Чеботарев* Ф. М., сотрудник газеты «Новое Время» – 799
- Череванский* Владимир Павлович (1836–?), государственный деятель, писатель, товарищ Государственного контроля (с 1889) – 513, 517, 526, 567
- Черкесов*, управляющий варшавской конторой книжного магазина газеты «Новое Время» – 791
- Чернышевский* Николай Гаврилович (1828–1889), писатель, публицист, философ, общественный деятель – 175, 178, 357, 402, 516, 537, 586, 607, 807–810, 911
- Черняев* Михаил Григорьевич (1828–1898), военный и общественный деятель, генерал-лейтенант, участник Крымской войны – 793
- Чехов* Александр Павлович (псевд. Седой) (1855–1914), публицист, заведующий отдела общественного репортажа в газете «Новое Время», старший брат А. П. Чехова – 789
- Чехов* Антон Павлович (1860–1904), писатель – 156, 371, 632, 692, 795, 836
- Чехов* М. П., управляющий книжным магазином газеты «Новое Время» (1904–нач. 1905) – 791
- Чуйко* Владимир Викторович (1839–1899), литературный и художественный критик – 519, 885
- Чхеидзе* Николай Семенович (1864–1926), политический деятель, депутат III–IV Государственных дум, в 1917 г. председатель Петросовета, ВЦИК – 401, 818
- Чюмина* О. Н., сотрудница газеты «Новое Время» – 789
- Шалватавдгеридзе*, ученик 5-го класса, зарезавший С. С. Троицкого – 846
- Шамай* (Шаммай) (I в. до н. э.), иудейский ученый, современник и галахический оппонент Гиллея, основал собственную школу – 360
- Шамполион* Жан Франсуа (1790–1832), французский египтолог – 380
- Шарапов* Сергей Федорович (1855–1911), экономист, публицист, издатель газет «Русское Дело» в Москве и «Русский Труд» в Петербурге – 439, 468, 563, 583, 867, 883, 889, 900
- Шаталов* А. И., сотрудник газеты «Новое Время» – 799
- Шаталов* С. И., сотрудник газеты «Новое Время» – 799
- Шатобриан* Франсуа Рене де (1768–1848), французский писатель и мыслитель – 477, 480, 598–600, 869, 900, 90
- Швеглер* Альберт (1819–1858), немецкий философ – 392, 854
- Шекспир* Уильям (1564–1616), английский драматург и поэт – 45, 541, 599, 635, 721, 744, 824, 846, 893, 895
- Шелгунов* Николай Васильевич (1824–1891), публицист, литературный критик, общественный деятель – 331, 505
- Шеллинг* Фридрих Вильгельм Йозеф (1775–1854), немецкий философ – 10, 306, 409, 430, 819
- Шемкин*, священник – 492
- Шенье* Андре Мари де (1762–1794), французский поэт и публицист – 453
- Шервуд* – 212, 217, 228
- Шереметева* Е. П., графиня – 473, 868
- Шерский* Вс. (Шереметьевский В. П.), автор статьи о математике в «Русской Мысли» – 881
- Шестаков* Дмитрий Петрович (1869–1937), филолог-классик, поэт, переводчик – 169, 255, 602, 603, 838, 902
- Шефенов* – 340
- Шехина*, в иудаизме одно из имен бога – 327

- Шиллер* Иоганн Фридрих (1759–1805), немецкий поэт, драматург, теоретик искусства – 307, 317, 456, 551, 892, 907, 912
- Шиловская* Татьяна Александровна, помещица – 167, 168
- Шиловский*, помещик – 167
- Шингарев* Андрей Иванович (1869–1918), земский врач, публицист, депутат II–IV Государственных дум, в 1917 г. министр земледелия, затем финансов Временного правительства, убит анархистами – 401
- Шлейден* Маттиас Якоб (1804–1881), немецкий ботаник – 584, 897
- Шлейермахер* Фридрих (1768–1834), немецкий теолог и философ – 218
- Шлоцер* (Шлёцер) Август Людвиг (1735–1809), немецкий историк, филолог – 317–318
- Шмид* (Шмидт) Анна Николаевна (1851–1905), журналистка, автор религиозно-мистических сочинений – 142, 143, 328, 833
- Шмит* (Шмидт), главный врач больницы – 502, 519
- Шнеерсон* Файвель, торговец, свидетель на процессе Бейлиса, родом из Любавичей, центра хасидизма – 326
- Шопенгауэр* Артур (1788–1860), немецкий философ – 430, 698
- Шперк* Анна Лавровна, жена Ф. Э. Шперка – 385
- Шперк* Федор (Фридрих) Эдуардович (1872, по др. данным 1870–1897), философ, публицист, критик, поэт, друг Розанова – 219, 270, 288, 307, 317, 371, 385, 386, 388, 389, 409, 430, 536, 562, 564, 826, 837, 891, 899
- Шталь* (урожд. Макшеева), жена А. В. Штала – 594
- Шталь* Александр Викторович (1865–?), лейтенант морской службы, крестный отец Розановой Веры – 594, 890, 898
- Штевен* (по мужу Ершова) Александра Алексеевна, деятельница народного образования – 442, 526, 887
- Штоль*, хозяин имения – 263
- Штраус* Давид Фридрих (1808–1874), немецкий теолог и философ – 748
- Штурмер* Борис Владимирович (1848–1917), государственный деятель, председатель Совета министров (1916) – 411
- Шубинский* Сергей Николаевич (1834–1913), журналист, историк, генерал-майор, основатель и редактор «Исторического Вестника» – 789, 792, 798–799
- Шувалов* Иван Иванович (1727–1797), государственный деятель, фаворит императрицы Елизаветы Петровны, генерал-адъютант, президент Академии художеств (1757–1763) – 727
- Шульгин* Николай Иванович (1832–1882), публицист, редактор ряда газет и журналов – 794
- Шура* – см. Бутягина А. М.
- Шуфенбах*, врач – 519
- Щеглов* (наст. фам. Леонтьев) Иван Леонтьевич (1856–1911), писатель и драматург – 795
- Щеглова* Софья Ивановна (ум. 1879), сотрудница типографии А. С. Суворина – 791
- Щеголев* Павел Елисеевич (1877–1931), литературовед, историк – 843
- Щедрин* Н. – см. Салтыков-Щедрин М. Е.
- Щепкин* Вячеслав Николаевич (1863–1920), славист, языковед – 678
- Щербатов* Михаил Михайлович (1733–1790), князь, историк, публицист – 671, 905
- Щербов* Иван Павлович, церковный деятель, участник Религиозно-философских собраний (1901–1903) – 116, 282, 310, 328, 356, 395, 850, 853, 854
- Щербова* (урожд. Миллер) Надежда Романовна (ок. 1871–1911), сотрудница журнала «Русский Паломник», жена И. П. Щербова – 395, 854
- Эванс* – 15
- Эвиссон* В. А., сотрудник газеты «Новое Время» – 791
- Эврипид* – см. Еврипид
- Эдип*, в греческой мифологии сын царя Фив, по неведению убил своего отца и женился на матери, узнав правду, ослепил себя – 104
- Эзон* (VI в. до н. э.), древнегреческий баснописец – 66, 827
- Эйленбург* – 209
- Эйфус*, врач – 519

Элагабал (Гелиогабал) (204–222), римский император (с 218) – 108
Элогим (Элохим), одно из наименований Яхве (Иеговы) в Ветхом Завете – 329, 330
Эльгерман, нумизмат – 338
Эльманович, инспектор – 484, 506
Элье (псевд. Лазаря Константиновича Попова) (1851–1917), журналист, публицист, сотрудник газеты «Новое Время» – 544, 795, 799
Эпидокт из Агригента (ок. 490–ок. 430 до н. э.), древнегреческий философ, поэт, врач, политический деятель – 15, 819
Энгельгардт Николай Александрович (1867–1942), писатель, публицист, критик, сотрудник газеты «Новое Время» – 309, 558, 795, 799, 849
Энсон Л., автор книг по греческой нумизматике – 106, 107
Эрн Владимир Францевич (1881–1917), философ, историк философии, публицист, школьный товарищ П. А. Флоренского – 128, 173, 832, 840
Эрна Ирина Владимировна (1909–1991), историк архитектуры, дочь В. Ф. Эрна – 173, 840
Эфрон – см. Литвин С. К.
Эфрос Абрам Маркович (1888–1954), литературный и художественный

критик, историк искусства, поэт, переводчик – 822, 846

Ювачев Иван, публицист – 831
Юдифовна – см. Бердяева Л. Ю.
Юнкер, египтолог – 395, 396
Юпитер, в римской мифологии верховный бог – 458
Юрлов Б. В., сотрудник газеты «Новое Время» – 799
Юстиниан Великий (Юстиниан I) (482/483–565), византийский император (с 527) – 15
Ющинский Андрей (ум. 1911), подросток, убийство которого стало причиной судебного процесса над М. Бейлисом – 139, 141, 833, 850
Яблонский, издатель – 560
Якуб П., домовладелец в Сергиевом Посаде – 358, 840, 852
Якунчиков Б. М., знакомый П. А. Флоренского – 61
Янкин, петроградский нотариус – 785
Янчевецкий Д. Г., сотрудник газеты «Новое Время» – 799
Ярослав Мудрый (ок. 978–1054), великий князь Киевский (1019), сын Владимира I – 745
Ясинский Иероним Иеронимович (1850–1931), писатель, журналист – 700, 701

Составитель *Т. И. Шагова*

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие ко второй книге «Литературных изгнанников»	7
ПЕРЕПИСКА В. В. РОЗАНОВА и П. А. ФЛОРЕНСКОГО	
	9
Письма П. А. Флоренского к В. В. Розанову	9
Письма В. В. Розанова к П. А. Флоренскому	194
ПЕРЕПИСКА В. В. РОЗАНОВА и С. А. РАЧИНСКОГО	
	413
Письма С. А. Рачинского к В. В. Розанову с комментариями В. В. Розанова	413
Предисловие	413
Письма В. В. Розанова к С. А. Рачинскому	485
Ю. Н. ГОВОРУХА-ОТРОК В НЕСКОЛЬКИХ ПИСЬМАХ	
	606
ПИСЬМА В. А. МОРДВИНОВОЙ к В. В. РОЗАНОВУ С КОММЕНТАРИЯМИ В. В. РОЗАНОВА	
	614
ПРИЛОЖЕНИЕ. ПРОИЗВЕДЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ В СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ	
	724
Заметки о Польше	724
Мимолетное	730
Поездка на Абро	732
О подготовке к экзаменам сирот убитых воинов	733
Высокие и низкие температуры в стране	734
Выставка исторических русских портретов в залах Таврического дворца	735
О порядочности и свободе	737
В. Горленко. Отблески. Заметки по словесности и искусству	739

Письмо в редакцию <О Н. Я. Гроде>	740
Проф. И. А. Сикорский. Психологические основания воспитания В своем углу (Среди догадок и страхов)	741
В своем углу (О прочитанном)	743
<Православие в Северо-Западном крае>	748
Перед церковным собором	759
Письмо в редакцию газеты «Товарищ» <О Г. С. Петрове>	765
О нужде и неизбежности нового религиозного сознания	765
<О голоде>	773
<Голод>	773
<Истязания русских солдат в Персии>	774
Об уличной трезвости	775
Памяти А. С. Суворина	778
Как был ранен и умирал князь Олег Константинович	779
XL. «Новое Время» (1876–1916 гг.)	785
«Русский Библиофил». 1916. Кн. 1.	800
Из книги «Черный огонь»	802
Об исторических «прививках»	802
Из политического прошлого России	805
Политика и ошибки тона	810
Декларация Милюкова	812
Отрывки	813
Комментарии	820
Указатель имен	914

Научное издание

Василий
Васильевич
Розанов

Собрание сочинений

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИЗГНАННИКИ

Книга вторая

Ведущий редактор *П. П. Апрышко*
Технический редактор *Т. А. Новикова*
Корректор *Т. И. Шагова*

Подписано в печать 24.09.09.
Формат 60×84^{1/16}.
Бумага офсетная № 1.
Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная.
Усл. печ. л. 55,8. Уч.-изд. л. 73,91.
Тираж 3000 экз. Заказ № 1111

Электронный оригинал-макет
подготовлен в издательстве «Республика».

Издательство «Росток»
E-mail: rostok_publish@front.ru
По вопросам оптовых закупок
обращаться по тел.: (812) 323-54-70

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП «Типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

ИЗДАТЕЛЬСТВО «РЕСПУБЛИКА»
И ИЗДАТЕЛЬСТВО «РОСТОК»

Выпускают
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В. В. РОЗАНОВА

в 30 томах

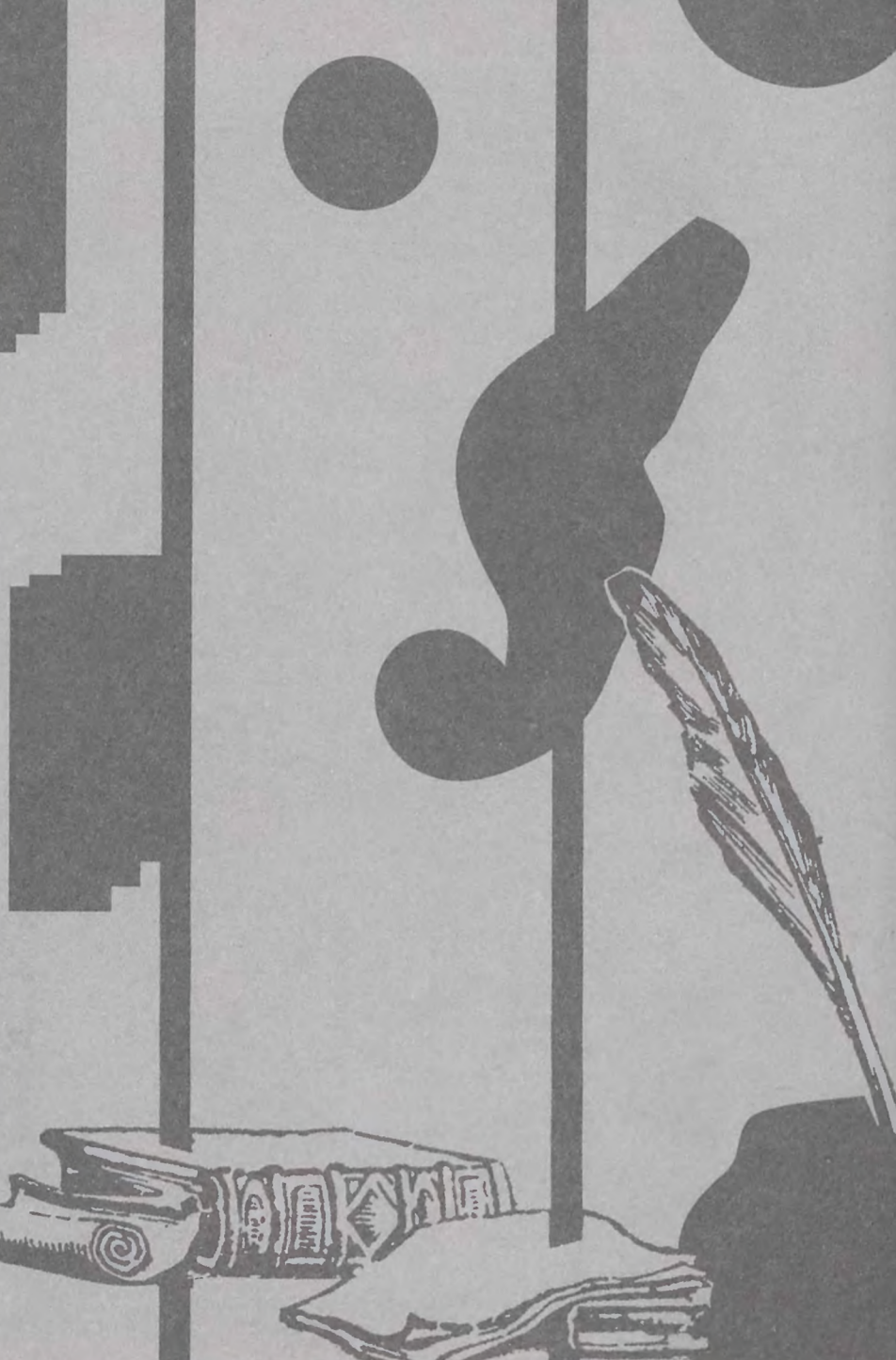
В 1994—2009 гг.
вышли следующие тома:

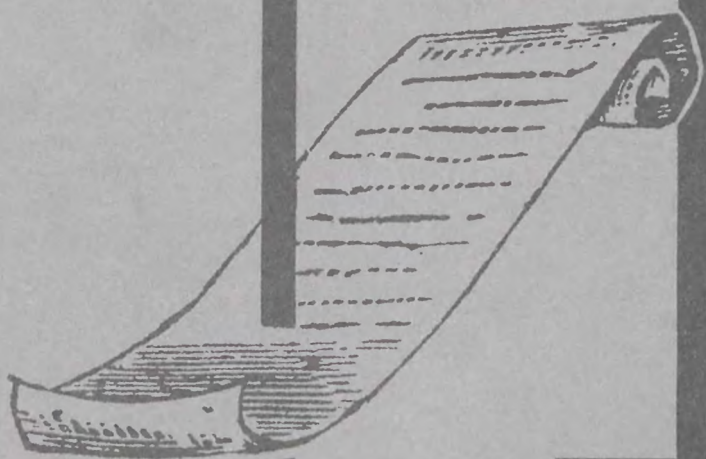
- Т. 1 — Среди художников (1994)
- Т. 2 — Мимолетное (1994)
- Т. 3 — В темных религиозных лучах (1994)
- Т. 4 — О писательстве и писателях (1995)
- Т. 5 — Около церковных стен (1995)
- Т. 6 — В мире неясного и нерешенного (1995)
- Т. 7 — Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского (1996)
- Т. 8 — Когда начальство ушло... (1997, 2005)
- Т. 9 — Сахарна (1998, 2001)
- Т. 10 — Во дворе язычников (1999)
- Т. 11 — Последние листья (2000)
- Т. 12 — Апокалипсис нашего времени (2000)
- Т. 13 — Литературные изгнанники. Н. Н. Страхов. К. Н. Леонтьев (2001)
- Т. 14 — Возрождающийся Египет (2002)
- Т. 15 — Русская государственность и общество
(Статьи 1906–1907 гг.) (2003)
- Т. 16 — Около народной души (Статьи 1906–1908 гг.) (2003)
- Т. 17 — В нашей смуте (Статьи 1908 г.) (2004)
- Т. 18 — Семейный вопрос в России (2004)
- Т. 19 — Старая и молодая Россия (Статьи и очерки 1909 г.) (2004)
- Т. 20 — Загадки русской провокации (Статьи и очерки 1910 г.) (2005)
- Т. 21 — Террор против русского национализма (Статьи и очерки 1911 г.)
(2005)

- T. 22 — **Признаки времени** (Статьи и очерки 1912 г.) (2006)
- T. 23 — **На фундаменте прошлого** (Статьи и очерки 1913–1915 гг.) (2007)
- T. 24 — **В чаду войны** (Статьи и очерки 1916–1918 гг.) (2008)
- T. 25 — **Природа и история.** – Статьи и очерки 1904–1905 гг. (2008)
- T. 26 — **Религия и культура.** – Статьи и очерки 1902–1903 гг. (2008)
- T. 27 — **Юдаизм.** – Статьи и очерки 1898–1901 гг. (2009)
- T. 28 — **Эстетическое понимание истории** (Статьи и очерки 1889–1897 гг.) –
Сумерки просвещения (2009)
- T. 29 — **Литературные изгнанники.** *Книга вторая* (2009)

Подготовлен к выпуску том:

- T. 30 — **Листва** (Уединенное. – Опавшие листья). **Указатели**

В. В. Розанов

Розанов Собрание сочинений.
Литературные изгнания

9 785946 680691

Цена: 819 руб.

КТК: 0002